Y6 2/6

ТРУДЫ

ВТОРОГО ОБЛАСТНОГО

ТВЕРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

1903 года 10—20 Августа.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Тверь.
Типографія губернскаго правленія.
1906.

Y6 2/6

ТРУДЫ

ВТОРОГО ОБЛАСТНОГО

ТВЕРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

1903 года 10—20 Августа.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Тверь.
Типографія губернскаго правленія.
1906.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи 12 іюня 1904 года.

12190 V
14-IV-1930

Августъ Казимировичъ Жизневскій

Устроитель Тверского Музея и Тверской Ученой Архивной Комиссіи

Родился 28 Августа 1819 г. † 19 Марта 1896 г.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи 12 іюня 1904 года.

Августъ Казиміровичъ ЖИЗНЕВСКІЙ.

Устроитель Тверского Музея и Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Родился 28 Августа 1819 г. † 19 Марта 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Назначеніе второго областного археологическаго съѣзда въ Твери. Изысканіе денежныхъ средствъ. Засѣданіе организаціоннаго Комитета 20 Апрѣля 1902 года. Программа съѣзда. Научныя подготовительныя работы къ съѣзду. Изданія, посвященныя съѣзду. Помѣщеніе для членовъ съѣзда. Составъ съѣзда . . . . . I.
Археологическая выставка . . . . . VII.
Открытіе съѣзда . . . . . XXIII.
Дневникъ съѣзда. Экскурсіи. Закрытіе съѣзда . . . . . XXXI.

Отдѣлъ I. Первобытныя древности.

Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими. А. А. Спицынъ. 1.
Матеріалы для археологической карты Костромской губерніи. Н. М. Бекаревичъ . . . . . 7.
Федовскій могильникъ. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1903 году кн. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ . . . . . 53.
Результаты археологическихъ экскурсій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ; могильникъ мѣднаго вѣка въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Н. Е. Макаренко . . . . . 63.
О раскопкѣ кургана въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи, произведенной 1902 года 2—7 сентября. В. Н. Мальковскій . . . . . 73.
Кто насыпалъ Ярославскіе курганы. И. А. Тихоміровъ . . . 87.
О находкахъ подъ г. Ржевомъ каменныхъ орудій эпохъ палеолитической и неолитической. П. Ѳ. Симсонъ . . . . . 249.
Къ моему изслѣдованію о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ. П. Ѳ. Симсонъ . . . . . 257.
Длинныя могилы въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. В. И. Колосовъ . . . . . 259.
Городище Топорокъ Тверской губерніи Корчевского уѣзда. Ю. Г. Гендуне . . . . . 261.
Указатель.

Отдѣлъ II. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ. А. И. Соболевскій . . . . . 1.
Романовскіе мурзы и ихъ служилые татары. И. Я. Гурляндъ . 5.
Зубцовскія сотницы 7096 и 7104 г.г. С. А. Шумаковъ . . . 17.
О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества. Н. Н. Овсянниковъ . . . . . 29.
Земельныя владѣнія Нагихъ въ Ярославской, Владимірской и Тверской губерніяхъ и духовная память Ивана Григорьевича Нагова. А. А. Титовъ . . . . . 67.
Деньги великаго княжества Тверского. М. В. Рубцовъ . . . . 83.
О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ. Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ . . . . . 315.
О могилѣ Шигоны-Поджогиныхъ въ селѣ Иванишахъ Старицкаго уѣзда. Свящ. А. Ушаковъ . . . . . 319.
Кто виновенъ въ смерти митрополита Филиппа? В. И. Колосовъ. 325.
Къ исторіи Тверского Музея. В. И. Колосовъ . . . . . 335.
Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ. І. К. Линдеманъ . . . . . 347.
Очерки къ исторіи медицины въ Россіи. Тверская губернія въ періодъ врачебныхъ управъ. А. И. Струженскій . . . . 375.
Общество землевѣдѣнія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Н. Ѳ. Арепьевъ . . . . . 397.
Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ. И. А. Тихоміровъ . . . . . 401.
Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ. А. С. Мадуевъ. 423.
Леонтій Филипповичъ Магницкій. Прот. Н. А. Криницкій . . . 433.
Ржевская желѣзная пластинка съ рельефными изображеніями изъ эпохи великаго переселенія народовъ. П. Ѳ. Симсонъ . . 445.
Раскопки въ Старицѣ 1903 года. А. П. Шебякинъ и И. П. Крыловъ . . . . . 447.
Указатель.

Отдѣлы III и V. Живая старина. Областная этнографія.

Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ. А. Г. Первухинъ. 1.
Свадебныя причитанья Костромского края со стороны содержанія и формы. В. А. Андрониковъ . . . . . 33.

Свадебные крестьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 году. В. Н. Мальковскій . . . . . 93.
Замѣтка о куричьемъ богѣ въ Костромской губерніи. Н. М. Бекаревичъ . . . . . 115.
О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ. Д-ръ А. О. Гейкель. 123.
Указатель.

Отдѣлъ IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

Тверскіе иконописцы XIX столѣтія и конца XVIII. Свящ. В. И. Некрасовъ . . . . . 1.
Изъ воспоминаній объ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаревѣ (бывшемъ архимандритѣ Ѳеодорѣ). П. А. Илинскій . . . . . 19.
Протоіерей Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій. А. Ѳ. Селивановъ . 31.
Преосвященный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Юрьевскій. В. И. Колосовъ . . . . . 35.
Историко-археологическое изслѣдованіе иконы св. Николая Чудотворца, именуемой по народному преданію «Никола на Бреневѣ» или «Никола Лаптевъ», найденной въ часовнѣ въ селѣ Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 году. В. Н. Мальковскій . . . . . 45.
Бѣжецкій князь Димитрій Юрьевичъ Красный и его княжеская церковь. Свящ. І. Постниковъ . . . . . 55.
Благовѣрная княгиня Анна Кашинская. В. И. Колосовъ . . . 81.
Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля и Борисоглѣбскаго собора. Н. Г. Первухинъ . . . . . 127.
«Книга драгоцѣнный бисеръ о изряднѣйшихъ вещехъ отъ божественнаго писанія въ кратцѣ избрано». Д. И. Скворцовъ . 139.
Преподобный Аркадій, Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ. И. П. Виноградовъ . . . . . 151.
Свѣдѣнія о ракѣ для храненія мощей св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича, устроенной архіепископомъ Лаврентіемъ въ 1655 году. Прот. Н. А. Криницкій . . . 161.
Указатель.

Отдѣлы VI и VII. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Оффиціальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій. В. С. Малченко . . 1.
Къ вопросу о преобразованіи Архивныхъ Комиссій. В. И. Колосовъ. 9.
Въ защиту Ученыхъ Архивныхъ Комиссій. Л. М. Савеловъ . . 13.
Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей. В. Н. Перетцъ . . . . . 23.
Къ исторіи изученія Тверской губерніи. А. Ѳ. Селивановъ . . 31.
Къ вопросу о составленіи архивныхъ описей. І. Д. Преображенскій . . . . . 39.
Указатель.

Второй областной археологическій Тверской съѣздъ.

Назначеніе второго областного археологическаго съѣзда въ Твери. Изысканіе денежныхъ средствъ. Засѣданіе организаціоннаго Комитета 20 апрѣля 1902 года. Программа съѣзда. Научныя подготовительныя работы къ съѣзду. Изданія, посвященныя съѣзду. Помѣщеніе для членовъ съѣзда. Составъ съѣзда.

Въ заключительномъ засѣданіи перваго областного археологическаго съѣзда, происходившемъ 14 августа 1901 года въ Ростовскомъ Музеѣ, было постановлено назначить второй областной археологическій съѣздъ въ г. Твери въ 1903 году съ 10 по 20 августа. Подготовка и организація этого съѣзда была возложена на Тверскую Архивную Комиссію. Члены Ярославскаго съѣзда, сдѣлавшіе такое постановленіе, находили, что въ Твери существуютъ благопріятныя условія, обезпечивающія успѣхъ новому дѣлу областныхъ археологическихъ съѣздовъ: обширный Музей, заслуживающій ближайшаго съ нимъ ознакомленія ученыхъ археологовъ и любителей, старѣйшая въ Россіи Архивная Комиссія, заявившая себя многими трудами и, наконецъ, сочувствіе дѣлу устройства съѣзда въ Твери со стороны Начальника губерніи и Тверского Городского Управленія, о которомъ было доложено Ярославскому съѣзду присутствовавшими на немъ представителями Тверской Архивной Комиссіи.

Первою заботою Тверской Архивной Комиссіи по устройству съѣзда было изысканіе необходимыхъ денежныхъ средствъ. Въ сентябрѣ Комиссія уже обратилась съ ходатайствомъ о пособіи на этотъ предметъ къ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ Тверской губерніи. Въ теченіи 1902 и 1903 г.г. въ Комиссію поступило на организацію съѣзда: а) отъ Городскихъ Управъ: Тверской 1600 руб., Кашинской 150 руб., Калязинской 100 руб., Осташковской 75 руб., Старицкой 85 руб., Вышневолоцкой 50 руб., Ржевской 50 руб., Корчевской 30 руб., Весьегонской 25 руб., Новоторжской 25 руб., Погорѣльскаго Городского Упрощеннаго Управленія 10 руб.; б) отъ Земскихъ Управъ:

Тверской Губернской 1600 руб., Тверской Уѣздной 200 руб., Вышневолоцкой 100 руб., Осташковской 75 руб., Корчевской 75 руб., Кашинской 75 руб., Калязинской 25 руб. Кромѣ того, на устройство съѣзда и на усиленіе издательской дѣятельности Комиссіи поступило отъ частныхъ лицъ и учрежденій: конторы Т-ва Мануфактуры Козьмы Прохорова съ сыновьями 250 руб., Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря 125 руб., П. Ѳ. Симсона 100 руб., П. Ѳ. Позднякова 100 руб., князя А. А. Ширинскаго-Шихматова 100 руб., Д. А. Лебедева 50 руб., А. Н. Шорина 50 руб., Троицкаго Калязина монанастыря 25 руб., А. А. Сназина 25 руб., І. Я. Кункина 25 руб., К. Н. Евреинова 25 руб., прот. Н. Я. Михайловскаго 10 руб., Н. В. Бусва 5 руб., В. М. Окнова 5 р., архимандрита Арсенія 5 руб.

Для установленія программы занятій съѣзда, назначенія экскурсій и рѣшенія разнаго рода вопросовъ по устройству съѣзда, Предсѣдателемъ Комиссіи 30 марта 1902 г. было устроено совѣщаніе въ Петербургѣ въ квартирѣ Почетнаго Члена Комиссіи В. И. Покровскаго: въ этомъ совѣщаніи приняли участіе: Директоръ Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій, проф. С. Ѳ. Платоновъ, И. А. Шляпкинъ, Н. Д. Чечулинъ, С. М. Середонинъ и И. Я. Гурляндъ. Сообщивъ Предсѣдателю Комиссіи руководственныя указанія по устройству съѣзда, совѣщаніе предоставило дальнѣйшую разработку ихъ организаціонному комитету изъ членовъ Тверской Архивной Комиссіи и представителей Комиссій другихъ губерній. Организаціонный Комитетъ въ Твери имѣлъ нѣсколько засѣданій. 20 апрѣля 1902 года состоялось засѣданіе Комитета подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Попечителя Комиссіи кн. Н. Д. Голицына въ Тверскомъ Императорскомъ Дворцѣ. На засѣданіи присутствовали: Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Члены Комиссіи, гр. П. С. Уварова, проф. С. Ѳ. Платоновъ, А. І. Малеинъ, представители: Костромской Архивной Комиссіи Н. М. Бекаревичъ, Оренбургской—А. И. Добросмысловъ, члены Тверского Общества Любителей Исторіи, Археологіи и Естествознанія П. С. Потемкинъ и І. К. Линдеманъ, Тверской городской голова А. Ѳ. Карповъ и представители города Твери. Проф. Н. В. Покровскій, академикъ А. И. Соболевскій и А. А. Спицынъ прислали къ засѣданію письменныя сообщенія касательно устройства съѣзда. На совѣщаніи была установлена программа занятій съѣзда въ слѣдующемъ видѣ: І. Первобытныя древности. Каменный вѣкъ. Курганная эпоха. ІІ. Областная исторія. ІІІ. Живая

старина. Особенности языка. Обряды. Обычаи. Повѣрья. Пѣсни. Преданія и сказки. IV. Памятники церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Надгробные и другіе наземные памятники. Иконопись, домашняя утварь и одежда. V. Областная этнографія. Изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго. VI. Вопросы архивовѣдѣнія. Положенія архивнаго дѣла въ губерніи. Устройство мѣстныхъ архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ губернскіе архивы. Что необходимо сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ. VII. Архивныя Комиссіи и ихъ современное положеніе. Вопросы, связанные съ дѣятельностію Архивныхъ Комиссій по охраненію мѣстныхъ древностей, устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ и по археологическимъ изслѣдованіямъ края.

Опредѣливъ задачей съѣзда изслѣдованіе исторіи и древностей Ростово-Суздальской и Новгородской областей, въ составъ коихъ входила Тверская губернія въ далекомъ прошломъ, Комитетъ внесъ въ программу съѣзда общіе вопросы, касающіеся современнаго положенія Архивныхъ Комиссій и условій ихъ дѣятельности. Поэтому рѣшено было пригласить къ участію въ съѣздѣ представителей всѣхъ Архивныхъ Комиссій Имперіи. Комитетъ постановилъ устроить при съѣздѣ археологическую выставку и намѣтилъ экскурсіи въ подгородные монастыри Желтиковъ и Николо-Малицкій, на устье Тьмы, въ Торжокъ, Старицу и въ сельцо Островки Вышневолоцкаго уѣзда, имѣніе князя А. А. Ширинскаго-Шихматова. Программа съѣзда была утверждена Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 августа 1902 года.

На приглашеніе Архивной Комиссіи принять участіе въ съѣздѣ весьма сочувственно отозвались, кромѣ Архивныхъ Комиссій, Императорская Археологическая Комиссія и Императорское Русское Археологическое Общество. На средства этихъ двухъ Обществъ и по ихъ иниціативѣ были произведены въ Тверской, Новгородской и Ярославской губерніяхъ обширныя раскопки подъ руководствомъ А. А. Спицына. Раскопки производились въ 1902 году въ слѣдующихъ мѣстахъ: самимъ А. А. Спицынымъ близъ дер. Дуденева Тверского уѣзда, Н. И. Рѣпниковымъ въ пог. Бѣжецы, п. Узмень, дер. Сулецкій-Борокъ Бѣжецкаго уѣзда, с. Лошицы, пог. Сарагожа Весьегонскаго уѣзда, д. Пески и Хозютино Демянскаго уѣзда; Н. Е. Макаренко въ д. Нестероово, Челганово Угличскаго уѣзда, д. Воробьево, с. Сутоки, д. Ременницы Корчевского

уѣзда и тщательно обслѣдована вся сѣверная часть Калязинскаго уѣзда, С. А. Гатцукомъ въ д. Могилицахъ, Сильменево, Хилово Старицкаго уѣзда, въ д. Волосово, Гостомля, Ягодино, Мозгово, Горбуново, Юркино, Титовка Зубцовскаго уѣзда, въ с. Песочня, сельцѣ Смолька, д. Булатовой, Колтановой и Будаевѣ Осташковскаго уѣзда. И. А. Тихомировымъ изслѣдована мѣстность по р. Мстѣ, Н. К. Рерихомъ произведены раскопки въ предѣлахъ древнихъ новгородскихъ пятинъ Деревской и Бѣжецкой. Императорская Археологическая Комиссія и Императорское Русское Археологическое Общество издали ко времени съѣзда: первое—№ 29 Матеріаловъ по археологіи Россіи подъ заглавіемъ: «Гдовскіе курганы въ раскопкахъ В. Н. Глазова» (С.-Пет. 1903 г.) и послѣднее—томъ V, вып. 1 «Записокъ» Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Оба тома, пріуроченные къ съѣзду какъ по времени изданія, такъ и по содержанію, по сто экземпляровъ каждый были переданы въ распоряженіе Архивной Комиссіи для членовъ Тверского Съѣзда.

Членъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института Ю. Г. Гендуне для съѣзда въ 1903 году произвела раскопки городища Топорокъ Корчевского уѣзда. На выставку при съѣздѣ Ю. Г. доставила модель городища и найденные ею предметы.

Въ виду предположенныхъ экскурсій въ г.г. Торжокъ и Старицу члены Комиссіи И. П. Крыловъ, А. П. Шебякинъ и І. К. Линдеманъ въ 1903 году произвели раскопки первые—на Старомъ городищѣ въ гор. Старицѣ и послѣдній въ Торжкѣ на мѣстѣ стараго городского кремля; для ознакомленія же съ древностями этихъ городовъ были изданы указатели: И. П. Крыловымъ—Старица и ея достопримѣчательности и Высокопреосвященнымъ Димитріемъ—Монастыри и приходскія церкви города Торжка. И. П. Крыловымъ, кромѣ того, было посвящено съѣзду изданное имъ описаніе крестьянской свадьбы конца XIX вѣка въ Старицкомъ уѣздѣ, составленное свящ. А. Ушаковымъ.

По иниціативѣ члена Тверской Архивной Комиссіи І. Я. Кункина и на его средства К. А. Стратонитскимъ и С. А. Бѣлокуровымъ были напечатаны извлеченные ими изъ Московскихъ Архивовъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ матеріалы по исторіи города Кашина. Брошюра подъ заглавіемъ: «Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи», выпускъ первый, посвящена съѣзду и въ количествѣ 200 экземпляровъ была прислана для членовъ съѣзда.

Съѣзду посвящены были изданія: В. И. Успенскаго и Л. Н. Целепи: «Св. благовѣрная княгиня Анна Кашинская», «Святый Арсе-

ній, Епископъ Тверскій» и «Лицевое житіе преподобной Ѳеодоры, благовѣрной княгини Нижняго-Новгорода»; В. И. Успенскаго и С. И. Писарева: «Св. благовѣрный князь Михаилъ Ярославичъ Тверской» и «Благовѣрный князь Михаилъ Александровичъ Тверской». Всѣ житія представляютъ собой воспроизведеніе текста (въ выписяхъ) и рисунковъ Лицевого Царственнаго Лѣтописца, находящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Членъ Новгородскаго Статистическаго Комитета М. И. Полянскій передалъ въ распоряженіе Архивной Комиссіи для членовъ съѣзда сто экземпляровъ изданной имъ брошюры: «Новгородскія вислыя печати, княжія, владычныя, посадничьи, намѣстничьи, воеводъ и тысяцкихъ».

Тверская Архивная Комиссія издала ко времени съѣзда нѣсколько трудовъ своихъ членовъ: а) В. А. Плетнева—«Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи» и «Археологическая карта Тверской губерніи»; б) М. Н. Сперанскаго—«Описаніе рукописей Тверского Музея», вып. 2; в) Н. Н. Овсянникова—«О Новгородско-Тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей» и «Указатель Тверской старины»; г) М. В. Рубцова—«Тверь въ 1674 году по Пальмквисту» и «Къ исторіи Удомельскаго Троицкаго Іоанно-Богословскаго монастыря въ XVII вѣкѣ»; д) П. Ѳ. Симсона—«Описаніе рукописей изъ его собранія», «Каменный вѣкъ подъ Ржевомъ»; е) В. И. Колосова—«Петръ Великій въ Твери» и «Лѣтопись о событіяхъ въ г. Твери Тверского купца Михаила Тюльпина 1762—1823 г.г.»; ж) И. А. Виноградова—«Археологическая экскурсія въ село Кожино и города: Кашинъ, Калязинъ и Угличъ»; з) А. Г. Первухина—«Лѣтописецъ Рубцовыхъ», прот. Г. П. Первухина—«О Тверскихъ іерархахъ»; и) Е. А. Веригина—«Грамоты Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря»; і) Архимандрита Арсенія—«Описаніе Кашинскаго Дмитровскаго монастыря»; «Воспоминанія княгини Софьи Васильевны Мещерской», «Выпись изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Ѳадеева 1626 года». Начаты были печатаніемъ, но не закончены ко времени съѣзда: «Переписная книга г. Торжка 1710 года» и «Акты Новоторжскаго Воскресенскаго женскаго монастыря».

Для всѣхъ пріѣзжихъ членовъ съѣзда Архивная Комиссія приготовила безплатное помѣщеніе со столомъ на все время пребыванія ихъ въ Твери. Большая часть иногородныхъ членовъ расположилась въ помѣщеніи Кавалерійскаго Юнкерскаго Военнаго Училища, уступленномъ

на все время съѣзда благодаря содѣйствію Почетнаго Члена Комиссіи Начальника этого Училища генералъ-маіора Н. К. Кононова, другая меньшая часть—въ помѣщеніи мастерской Общества Поощренія Женскаго Труда. Всѣ заботы объ удобствахъ гостей, помѣстившихся въ Военномъ Училищѣ, и объ ихъ продовольствіи принялъ на себя членъ Комиссіи ротмистръ К. П. Браеско; хозяйственною частію въ мастерской Общества завѣдывала О. В. Третесская. Для пріѣзжихъ членовъ изъ духовенства помѣщеніе и столъ были приготовлены по распоряженію Высокопреосвященнаго Димитрія въ городскомъ архіерейскомъ домѣ. Для занятій съѣзда и помѣщенія выставки старшинами Тверского дворянскаго собранія на все время съѣзда были уступлены безплатно три большихъ залы.

Въ съѣздѣ принимали участіе слѣдующія лица:

Представители: Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: кн. П. А. Путятинъ и Академикъ А. И. Соболевскій; Императорской Археологичиской Комиссіи А. А. Спицынъ. С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Директоръ Н. В. Покровскій и преподаватели: В. Н. Перетцъ, А. П. Вороновъ и В. В. Майковъ, Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: приватъ-доцентъ А. К. Бороздинъ, Общества Землевѣдѣнія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ: Н. Ѳ. Арепьевъ и И. П. Поддубный, Дѣйствительные Члены и Члены сотрудники С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Л. Н. Целепи, В. П. Каньшинъ, А. А. Мироновъ, В. Я. Андреевъ, о. діаконъ Любомудровъ, В. Н. Глазовъ, В. Р. Апухтинъ, Ю. Г. Гендуне, А. С. Раевскій и завѣдующій Музеемъ Института В. И. Успенскій. Членъ Интендантъ Финляндской Археологической Комиссіи докторъ философіи А. О. Гейкель, Директоръ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора А. В. Половцевъ, Директоръ Института гражданскихъ инженеровъ Н. В. Султановъ, проф. Московскаго Университета М. И. Соколовъ, Директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Б. В. Штюрмеръ, Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Преосвященный Александръ, Епископъ Старицкій, Преосвященный Арсеній, Епископъ Сухумскій, Д. И. Иловайскій, А. І. Малеинъ, В. Н. Сторожевъ, А. Ѳ. Селивановъ, И. А. Шляпкинъ, В. И. Срезневскій, проф. С.-Петербургскаго Университета Б. А. Тураевъ, преподавательница Петербургской женской гимназіи кн. Оболенской Е. Ф. Тураева. Представители Архивныхъ Комиссій: Владимірской: А. В. Селивановъ, А. В. Смир-

новъ и В. Г. Добронравовъ; Воронежской: Л. М. Савеловъ и свящ. С. Г. Звѣревъ; Костромской: В. А. Андрониковъ, Н. М. Бекаревичъ, Т. М. Бекаревичъ, П. А. Илинскій, И. М. Студитскій, И. В. Баженовъ, І. Д. Преображенскій; Нижегородской: А. А. Савельевъ; Оренбургской: Н. Е. Макаренко, Пермской В. С. Малченко и Д. В. Скрынченко, Саратовской: А. С. Мадуевъ, Ярославской: И. Я. Гурляндъ, Н. Г. Первухинъ и И. А. Тихоміровъ; Тверского Епархіальнаго Историко-Археологическаго Комитета: прот. Н. А. Криницкій и свящ. В. И. Некрасовъ; Тверского Общества Любителей Исторіи, Археологіи и Естествознанія: В. И. Колосовъ и І. К. Линдеманъ и члены Тверской Архивной Комиссіи. Всѣхъ членовъ съѣзда было больше двухъ сотъ.

Археологическая выставка.

Археологическая выставка была помѣщена въ двухъ комнатахъ Дворянскаго собранія, смежныхъ съ той залой, гдѣ происходили засѣданія съѣзда. Присланные для выставки отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и частныхъ лицъ предметы были расположены въ большихъ стеклянныхъ витринахъ, нарочно приготовленныхъ для съѣзда [1]). Стекла для витринъ, по ходатайству Архивной Комиссіи, были отпущены безплатно владѣльцемъ стекляннаго завода близъ г. Вышняго-Волочка Василіемъ Андреевичемъ Болотинымъ.

На выставкѣ находились слѣдующіе предметы:

1) 20 таблицъ съ предметами изъ Бологовской стоянки каменнаго вѣка, открытой въ 1880 году кн. П. А. Путятинымъ. Матеріалъ, найденный кн. Путятинымъ на мысу Рожокъ озера Бологое, признается важнѣйшимъ изъ всего, что до сихъ поръ собрано въ Россіи по каменному вѣку. На мысу Рожокъ находилось поселеніе, которое было обитаемо въ разные періоды каменнаго вѣка; кн. П. А. Путятинымъ обнаружено здѣсь пять отдѣльныхъ культурныхъ пластовъ. На двадцати таблицахъ, присланныхъ для выставки Императорской Археологической Комиссіей, расположена только часть цѣнныхъ находокъ Бологовской стоянки: каменные скребки, рѣзаки, ударныя орудія, пилки, ножи, навертыши, наконечники стрѣлъ, дротики

[1]) Витрины изготовлялись съ расчетомъ, чтобы впослѣдствіи онѣ могли служить для храненія коллекцій Тверского Музея, куда витрины по окончаніи съѣзда и поступили.

разнообразныхъ формъ и способовъ отдѣлки; орудія изъ кости: остроги, удочки, скребки, проколки, иглы, шило, клинъ, украшенія изъ зубовъ, черепки съ зубчатымъ, ямочнымъ и сѣтчатымъ орнаментомъ.

2) Присланные Императорской Археологической Комиссіей предметы изъ раскопокъ, произведенныхъ для съѣзда: а) С. А. Гатцукомъ. Старицкій уѣздъ. Дер. Могилицы: черепъ, пряжка, 5 бусъ, серебряное височное кольцо, мѣдный перстень, желѣзная подѣлка, горшокъ, буса, 3 височныхъ кольца, 3 мѣдныхъ бубенчика. Дер. Сильменево: черепъ, буса, 3 малыхъ височныхъ кольца въ обломкахъ, мѣдный браслетъ, перстень, мѣдное кольцо, браслетъ, перстень, браслетъ, 15 бусъ, сломаное височное кольцо, перстень, браслетъ, браслетъ, височное кольцо, браслетъ, кусочекъ ткани, 2 обломка серебряного височнаго кольца, 7 бусъ хрустальныхъ и сердоликовыхъ, плетеный браслетъ, мѣдный перстень, части височныхъ колецъ. Дер. Хилово: нѣсколько цѣлыхъ и поломаныхъ серебряныхъ височныхъ колецъ, волоса (съ височнаго кольца), кусочки ткани, 11 бусъ, мѣдная подвѣска, совочекъ, зубъ, пластинчатыя подвѣски и мѣдный ключъ, мѣдный перстень, пластинчатыя подвѣски и косточки сливы, 3 бубенчика и подвѣски, связка бусъ, серебряныя височныя кольца, остатки волосъ, желѣзное поясное кольцо, горшокъ, височныя кольца, каменная подѣлка, бусы, черепъ, ножичекъ, мѣдный перстень, 4 височныхъ кольца, 8 бусъ, часть желѣзной цѣпочки, ножичекъ, части височныхъ колецъ, пряжка, мѣдная подвѣска, горшокъ, 14 мѣдныхъ бубенчиковъ, 3 височныхъ кольца, ножичекъ, посеребряныя бусы, 21 подвѣска, 5 бусъ, височныя кольца, 3 височныхъ кольца, часть желѣзной цѣпочки, пряслицо, браслетъ, поясное кольцо, полая шейная гривна, перстень, 11 бусъ, перстень, пачка височныхъ колецъ, 7 бубенчиковъ, пряжка, браслетъ, ножичекъ, попорченная цѣпочка. Зубцовскій уѣздъ. Дер. Волосово: 6 серебряныхъ височныхъ колецъ, остатки волосъ, кусочки ткани, 5 серебряныхъ бусъ, серебряный перстень, желѣзная подѣлка. Дер. Гостомля: обломокъ сережки, 48 бусъ, браслетъ, 2 перстня, 2 височныхъ кольца, 6 половинчатыхъ бусъ, гладскій перстень, 3 бубенчика, желѣзная подѣлка, кусочки ткани, черепъ, остатки волосъ. Дер. Ягодино: сломаное височное кольцо, 11 бусъ, 2 браслета, 2 перстня, ажурный перстень, остатки ткани, 2 браслета, 2 перстня, 2 поясныхъ кольца, 2 перстня, кусочки ткани, бусы и лунница, перстень, часть желѣзной цѣпочки, часть браслета, часть поясного кольца, часть браслета, бубенчикъ, перстень, под-

вѣска, бусы и лапчатая подвѣска, кожаная сумка съ пряслицомъ, браслетъ, связка бусъ, перстень, перстень, лоскутки отъ обуви, кусочки ткани. Дер. Мозгово: черепъ, горшокъ, поясное кольцо, черепки и остатки желѣзнаго обруча, желѣзный обручъ, большой мѣдный бубенчикъ, сердоликовая буса, 2 перстня, 2 височныхъ кольца, браслетъ, перстень, ножичекъ, части перстня, желѣзная подѣлка, 3 бубенчика, ножичекъ. Дер. Горбуново: 5 височныхъ колецъ, 8 ажурныхъ подвѣсокъ, остатки волосъ. Дер. Юркино: перстень съ тканью, перстень, обломки перстня, часть пластинчатаго браслета, часть височнаго кольца, перстень, перстень, браслетъ, пукъ сломаныхъ височныхъ колецъ, перстень. Дер. Титовка: черепъ, горшокъ, черепки, 9 бусъ, 6 височныхъ колецъ, большая пестрая буса, бусы янтарнаго цвѣта, бусы, подвѣска, браслетъ, браслетъ, мѣдный перстень, кремневый топоръ, точильный брусокъ, кремневый наконечникъ копья, стеклянный браслетъ, выпуклая мѣдная бляшка, ажурная мѣдная подвѣска, часть височнаго кольца, кремневый нуклеусъ, неопредѣленная подѣлка изъ кремня, кремневая стрѣлка, кремневый наконечникъ копья, кремневая стрѣлка. Осташковскій уѣздъ. Дер. Песочня: нагрудная пряжка, поясная пряжка, поясная пряжка, ножичекъ, топоръ, серебряная сломаная гривна, горшокъ, пучокъ обломковъ височныхъ колецъ, связка бусъ и крестъ, 3 бубенчика, желѣзные обломки, 5 мѣдныхъ перстней, бубенчикъ и зубъ. Дер. Колтанова: черепъ. Дер. Будаева: желѣзная подѣлка (новая), желѣзный ключъ XIII—XIV в. Московскій уѣздъ. Дер. Черкизово: сережка, мѣдный перстень, перстень, браслетъ, браслетъ, остатки волосъ, связка бусъ, горшокъ, бусы, части височныхъ колецъ, шейная гривна, 11 бусъ, 4 височныхъ колецъ, ножичекъ, горшокъ, черепъ.

б) Н. И. Рѣпниковымъ. Бѣжецкій уѣздъ. Село Бѣжицы: желѣзный ножъ, 2 черена. Весьегонскій уѣздъ. С. Лошицы: стеклянная буса, два черена. С. Сарагожа: бусы, янтарная подвѣска, мѣдный совочекъ, два диргема, чеканеные въ 361 и 365 (971 и 975 г.) въ Бухарѣ и Самаркандѣ, височное кольцо, 2 височныхъ кольца, височное кольцо, перстень, 2 бубенчика, подвѣска конекъ. Быстругино: 3 диргема (913—942 г.) и саманидскій брактеатъ X в., височное кольцо, мелкія бусы, 9 мѣдныхъ бубенчиковъ, мѣдный крестикъ, желѣзный наконечникъ копья, 2 мѣдныхъ крестика. Демянскій уѣздъ Новгородской губерніи. Дер. Пески: желѣзная подковка, 3 крестика. Хозютино: желѣзный ножъ, желѣзный обломокъ.

в) Н. Е. Макаренко—въ Ярославской и Тверской губерніяхъ. Угличскій уѣздъ Ярослав. губ. Дер. Нестерово и Баскачи: височное кольцо, маленькое височное кольцо, обломокъ височнаго кольца, височное кольцо или браслетъ, пластинчатый браслетъ, стеклянныя бусы, височное кольцо, позолоченая буса, пластинчатый браслетъ, обломокъ желѣзнаго гвоздя, пластинчатый браслетъ, пластинчатый браслетъ, желѣзный ножъ, обломки височныхъ колецъ, височное кольцо съ бусинкой, витой браслетъ, стеклянныя бусы, мѣдная рукоять пластинчатая, желѣзные гвозди, горшокъ, мѣдный перстень, стеклянныя бусы, двѣ монетки западно-европейскихъ, бусы, 4 височныхъ кольца, мѣдный браслетъ, обломокъ кольца, перстень, желѣзный гвоздь, мѣдный бубенчикъ, желѣзная пряжка, стеклянныя бусы, перстень мѣдный, мѣдный браслетъ, желѣзный гвоздь, мѣдный перстень, поясная пряжка, желѣзный ножъ, обломки арабской мѣдной монеты, мѣдный браслетъ. Корчевской уѣздъ Тверской губ. Дер. Воробьево: височное кольцо, мѣдный перстень, мѣдное поясное кольцо, оловянный перстень, височное кольцо, мѣдный перстень, 2 бусинки, 4 височныхъ кольца, мѣдный проволочный браслетъ, 4 височныхъ кольца, связка бусъ, желѣзный ножъ, витой мѣдный браслетъ, желѣзный гвоздь, желѣзный ножъ и 2 гвоздя. Дер. Глазачева: витое височное кольцо, 7 височныхъ колецъ, обломки височныхъ колецъ, проволочное кольцо, маленькое височное колечко, желѣзный ножъ, 5 височныхъ колецъ, желѣзный ножъ. Село Сутоки: мѣдный перстень, большое височное кольцо, остатки серебряныхъ подвѣсковъ. 3 височныхъ кольца, обломки двухъ височныхъ колецъ, желѣзный ножъ, желѣзная пряжка, височныя кольца, обломки ножа, сердоликовыя бусы, стеклянныя бусы, мѣдный перстень, височныя кольца, обломки серебряной бусы, желѣзный ножъ, 4 височныхъ кольца, обломки серебряной бусы, височныя кольца, обломки серебряной бусы, два височныхъ кольца и перстень, мѣдный перстень, серебряное височное кольцо, маленькое височное колечко, черепъ.

3. Изъ Музея Костромской Архивной Комиссіи: Отдѣлъ Церковный: Рѣзное изъ дерева изображеніе страшнаго суда изъ церкви города Кинешмы, Картина на холстѣ «Единородный Сыне», Шитая плащаница, Картина, изображающая Ноя съ дѣтьми, Холщевая набойчатая риза, Картина на холстѣ «Смерть грѣшника люта». Библіотечный отдѣлъ: Три лицевыхъ рукописныхъ синодика, Рукописныя крюковыя ноты, Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ синодика Крестовоздвиженскаго мона-

стыря, Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ лицеваго апокалипсиса, хранящагося въ библіотекѣ Костромской духовной семинаріи, Рукописный сборникъ статей духовно-нравственнаго содержанія изъ Игрицкаго Песоченскаго монастыря Костромского уѣзда. Лубочныя изданія: Книга глаголемая космографія, Подробное росписаніе Россійской Имперіи. Картины: «Овъ молитву деетъ, Овъ пшеницу сѣетъ, Овъ же власть имеетъ, а смерть всеми владѣетъ», Страданія Іисуса Христа, Азъ есмь лоза вы же рождіе, Корабль знаменующь церковь воюющую отъ еретиковъ, гонимую на земли, Образъ Страшнаго Суда Божія, Псаломъ Давидовъ повѣствуетъ намъ о мірстѣмъ бытіи, Рѣка временъ или эмблематическое изображеніе всемірной исторіи. Грамоты: Грамота Владислава Жигимонтовича 1611 года, Жалованная грамота Царя Михаила Ѳеодоровича 1620 года съ вислою краснаго воска печатью, Жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича 1651 г. съ вислою краснаго воска печатью, Жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича, данная путному ключнику Осипу Текутьеву въ 1657 году. Предметы домашняго обихода: Десять деревянныхъ ковшей, двѣ деревянныхъ и одна берестяная солоницы, деревянная росписная братина, мѣдная съ орнаментомъ братина, три деревянныхъ рѣзныхъ копыла. Черемисскіе костюмы изъ Ветлужскаго уѣзда Костромской губерніи: Верхняя одежда черемисски, двѣ черемисскія женскія рубашки, головной платокъ, три головныхъ убора, косникъ, двѣ бусы изъ каури, два мониста изъ бисера и каури, поясное украшеніе изъ бисера и каури, пять паръ черемисскихъ серегъ и подвѣска, два черемисскихъ пояса, черемисскія портянки и онучи, черемисскія лапти, кукла, изображающая черемиску, сдѣланная черемисской дер. Большія Ошары Ветлужскаго уѣзда, портретъ черемисской семьи изъ дер. Большія Ошары, четыре группы черемисъ, два кереметища и священный дубъ въ кереметищѣ.

Изданія Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссія.

Коллекція куричьихъ боговъ изъ уѣздовъ Костромской губерніи.

4. Изъ Музея Тамбовской Архивной Комиссіи: Памятники каменнаго вѣка: 2 круглыхъ каменныхъ молотка, одинъ изъ бѣлаго известняка, другой кремневый; камень для метанія изъ пращи; 7 каменныхъ топориковъ, одинъ изъ темно-сѣраго гранита, прочіе изъ кремня; кремневый наконечникъ стрѣлы, 3 каменныхъ скребка, употреблявшіеся при работѣ предметовъ изъ дерева и мягкихъ камней, преимущественно же для соскабливанія съ кожъ мездры, каменный

сосудикъ для питья, два куска каменнаго сверла, 2 каменныхъ долота изъ темно-сѣраго гранита, 2 каменныхъ гранитныхъ молотка или сѣкиры, употреблявшіеся преимущественно какъ оружіе во время битвы и при охотѣ на звѣрей, 4 небольшихъ каменныхъ молотка, употреблявшіеся при различныхъ домашнихъ работахъ, 6 осколковъ каменныхъ молотковъ, каменное ядро. Древнія желѣзныя орудія и металлическія украшенія изъ могильниковъ Лядинскаго, Томниковскаго и Кошебѣевскаго: 2 желѣзныхъ продолговатыхъ топорика съ продольной втулкой для ручки, 6 длинныхъ и узкихъ топориковъ съ поперечной втулкой, имѣющей ушки въ обѣ стороны, употреблялись преимущественно при земляныхъ работахъ, 4 желѣзныхъ топорика съ очень широкимъ лезвіемъ и съ поперечной втулкой. Желѣзный кельтъ съ загнутыми для вставленія древка краями, похожъ на маленькій скребокъ и употреблялся при земляныхъ работахъ. 2 желѣзныхъ топорика съ короткимъ тупымъ обухомъ и прямымъ лезвіемъ, 3 желѣзныхъ топорика съ узкимъ кривымъ лезвіемъ и съ обухомъ, похожимъ на молотокъ. Кривой и очень узкій топорикъ съ поперечной втулкой съ ушками въ обѣ стороны, желѣзный ключъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, 9 желѣзныхъ наконечниковъ копій, 1 желѣзныя ножницы для стрижки овецъ, 2 желѣзныхъ ножа, 1 желѣзная стремена, 1 пряжка отъ подпруги, 2 желѣзныя пѣшни, 3 желѣзныя удила, 4 желѣзныхъ продолговатыхъ топорика съ продольной втулкой для ручки, 4 длинныхъ и узкихъ топорика съ поперечной втулкой, имѣющей ушки въ обѣ стороны, 2 бронзовыя пряжки отъ ремня, 2 бронзовыхъ кольцевидныхъ пряжки, служившія для привѣшиванія украшеній и разныхъ частей одежды, 3 бронзовыхъ ажурныхъ пряжки съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыхъ украшенія въ видѣ перегнутой пополамъ продолговатой пластинки, къ нижнему концу которой привѣшены цѣпочки съ звѣздообразными привѣсками на концахъ, 5 бронзовыхъ ажурныхъ украшеній съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыхъ браслета въ видѣ обручика, 5 бронзовыхъ спиральныхъ браслетовъ, 2 серебряныхъ шейныхъ обруча, 2 бронзовыя шейныя гривны, 4 бронзовыхъ цѣпочки, носившіяся на рукѣ, какъ браслетъ, 2 бронзовыя серьги, привѣшивавшіяся къ головному убору около висковъ или же при помощи ремешковъ носившіяся на ушахъ, 6 бронзовыхъ перстней, 1 бронзовое украшеніе, состоящее изъ цилиндрическихъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, изъ такихъ украшеній составлялось ожерелье. Бронзовое укра-

шеніе въ видѣ колокольчика съ двумя такими же привѣсками, такія украшенія замѣняли собою кисти и носились большею частію на груди и на поясахъ. Три бронзовыхъ четыреугольныхъ пряслица, 2 бронзовыхъ браслета въ видѣ обручика, бронзовое украшеніе, состоящее изъ цилиндрическихъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ. Бронзовыя трубочки изъ спирально-согнутой проволочки, нанизывавшіяся на ожерелье въ перемежку съ бусами, бронзовыя украшенія, имѣющія форму бутылочекъ. Бронзовая четыреугольная продолговатая бляшка съ расширеннымъ нижнимъ концомъ, части маленькой бронзовой ведерки. Церковныя древности: Образъ Вседержителя, написанный въ 1655 году.

5. Присланные Императорской Археологической Комиссіей, по желанію члена-сотрудника С.-Петербургскаго Археологическаго Института В. Р. Апухтина, принадлежащіе ему предметы:

Древности первобытныя: 1 табл. съ разнообразными бусами стеклянными, мозаичными, сердоликовыми, горн. хрусталя, глиняными, металлическими и друг. и привѣсками. 2 табл. съ бронзовыми фибулами, браслетами и другими украшеніями. 3 табл. съ бронзовыми привѣсками, наконечниками булавокъ (изъ раскопокъ на Кавказѣ). 4 табл. съ каменными орудіями: долотами, топорами, молоткомъ, рубилами и проч. 5 табл. съ каменными наконечниками стрѣлъ, копій, ножами и скребками. 6 табл. съ обломками глиняныхъ горшковъ и кусками кремня (Шумовская стоянка). 7 табл. съ каменными орудіями, рубилами, наконечниками стрѣлъ, копій, ножами (изъ раскопокъ въ Тульской и Орловской губ.). 8 табл. съ бронзовыми бусами, височными кольцами, привѣсками, браслетами и желѣзнымъ ножемъ (изъ раскопокъ въ Костромской губ.) 9 табл. съ бронзовыми украшеніями, стрѣлами каменными, булавой и 2-мя кругами для растиранія красокъ (изъ раскопокъ на Кавказѣ). Древности христіанскія. Крестъ киварисный рѣзной въ серебряной оправѣ, на оправѣ надписи святыхъ, частицы мощей которыхъ находятся въ крестѣ. На ручкѣ надпись: «Моленіе Петра Опухтина въ Кіевѣ 1734 году». Древности историческія. Аршинъ съ инкрустированными серебромъ орлами на концахъ и дѣленіями, желѣзный бердышъ.

Рукописи: Служебникъ, писанный тремя почерками различныхъ временъ: 48 листовъ съ начала и 30 листовъ съ конца писаны крупнымъ полууставомъ половины XV вѣка, 41 листъ писаны болѣе мелкимъ полууставомъ начала XV в., 21 листъ писаны полууставомъ XVII в.,

Служба, житіе и чудеса игумена Саввы Сторожевскаго, писаны крупнымъ четкимъ полууставомъ, Служба, житіе и чудеса Арсенія Епископа Тверского скорописью конца XVII в., Описаніе Китая и р. Амура, сочин. ученаго грека Спафарія, командированнаго бояриномъ Матвѣевымъ въ 1678 году, скорописью конца XVII или начала XVIII в.в., Опытъ повѣствованія о Россіи, сочин. Ивана Елагина, начатое на 65-мъ году отъ рожденія, лѣта отъ Рожд. Христ. 1790 г. 3 книги, Лѣтопись Владычнаго Серпуховскаго монастыря XIX в., Грамота стольнику Сабурову царя Ѳеодора Алексѣевича 7187 г.

6. Отъ Л. М. Савелова. Большой современный портретъ патріарха Іоакима Савелова. Жалованная грамота 7179 г., данная Тимофею Петровичу Савелову на вотчину въ Дмитровскомъ и Можайскомъ уѣздахъ. Жалованная грамота 7193 г. (на пергаментѣ), данная ему же на вотчину въ Можайскомъ уѣздѣ. Грамота патріарха Іоакима 7187 г. въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь о высылкѣ въ Москву старца Алексѣя Корватова. Нѣсколько документовъ рода Савеловыхъ XVII в. Благословенная грамота Вологодскихъ епископовъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю 1727 г. съ автографами епископовъ: Аѳанасія, Амвросія и Пимена Савелова. Три сочиненія патріарха Іоакима, изданныхъ въ 1682 г. Гербъ рода дворянъ Савеловыхъ. Два патента на чины Царствованія Императрицы Екатерины II.

7. Отъ Д. И. Скворцова. Картина-икона перваго епископа Иркутскаго Иннокентія, канонизованнаго 28 октября 1804 г. Память его 26 ноября. Картина довольно большихъ размѣровъ (длина 1 арш., ширина $^3/_4$ арш.), на полотнѣ; письма очень стараго. Можно предполагать, что она современна открытію мощей или канонизаціи Святителя, потому что пріобрѣтена отъ одного діакона Костромской епархіи, служившаго въ первой половинѣ XIX ст.: ликъ святителя строгъ и выразителенъ. Картина-икона св. апостола Павла, живопись на картонѣ. Апостолъ изображенъ со свиткомъ, на которомъ слова изъ посланія къ евреямъ 4,12,—и съ мечемъ въ правой рукѣ. Изображеніе апостола весьма живо. Подобныя иконы апостола встрѣчаются весьма рѣдко.

Старопечатный служебникъ, вышедшій изъ печати 31 августа 1655 года; напечатанъ по опредѣленію собора 1655 года Служебникъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что онъ есть первый, исправленный патр. Никономъ и напечатанный при немъ. Подлинникъ довольно хорошо сохранившійся.

Книга «Сынъ церковный», или «Сказаніе нужнѣйшихъ обычаевъ науки православныя христіанскія вѣры новопросвѣтившемуся потребно». Напечатана при патр. Іосифѣ (1642—1652).

Старая книга на нѣмецкомъ языкѣ, съ предисловіемъ къ ней, составленнымъ Георгомъ Эберсомъ. Книга содержитъ очень много интересныхъ каррикатуръ изъ египетской жизни. Она носитъ заглавіе: «Er—Sie—Es» (онъ, она, оно). при чемъ подъ словомъ Er—нарисованъ мужчина—египтянинъ, подъ словомъ Sie—женщина—египтянка, подъ Es—египетское дитя,—и далѣе: II-te Aegyptische Humoreske. Nach der Natur abgemalt und niedergeschrieben 1302 Jahre vor Christi Geburt durch C. M. Seyppel Hofmaler und Poët der seligen Majestät König Rhampsinit III. Memphis, Pyramidenstrasse № 36, 1 Etage. Meldung Portier.

Портретъ (фотографическій) извѣстнаго сектанта Тверской губ., крестьянина дер. Шевелина, Новоторжскаго уѣзда, Василія Кириллова Сютаева. Фотографія Ю. Штейнберга, въ Петербургѣ. Сютаевъ въ свое время (въ концѣ 70 годовъ) сильно заинтересовалъ русское общество, и потому о немъ много говорили и писали.

Длинный рукописный свитокъ, содержащій въ себѣ изображеніе буквъ славянскаго алфавита, а въ концѣ нѣсколько образцовъ письма XVII в. Обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что представляетъ собою въ самыхъ причудливыхъ формахъ изображеніе каждой буквы—въ тѣхъ, конечно, видахъ, въ какихъ та или другая буква писалась въ то время. Это своего рода пропись XVII вѣка. Для образца необыкновенно-искуснаго письма написанъ, между прочимъ, полный царскій титулъ.

Рукопись: «Исторія расколовъ и сектъ въ русской церкви, преподанная Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Григоріемъ, архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, въ 1854 году протоіереямъ и іереямъ нижеписанныхъ епархій, бывшимъ въ С.-Петербургѣ на миссіонерскомъ классѣ». На эти курсы (или классы) было вызвано изъ 15-ти епархій,—въ которыхъ находились старообрядцы, 23 протоіерея и іерея. Изъ Тверской епархіи были вызваны двое: извѣстный протоіерей Матвѣй Александровичъ Константиновскій и іерей Николай Сергѣевичъ Виноградовъ. Эти лекціи преосвященнаго Григорія, извѣстнаго знатока раскола, повидимому, нигдѣ не напечатаны.

Секретное письмо,—читать чрезъ строку. Письмо это интересно тѣмъ, что если читать его все, то въ немъ выражается ненависть

къ особѣ, которой письмо адресуется, а если читать чрезъ строку, то получается объясненіе въ страстной любви. Копія снята изъ одной рукописи Тверской семинарской библіотеки XVIII в.

8. Отъ Вл. Ник. Мальковскаго. Икона свят. Николая чудотворца изъ часовни въ с. Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда [1]). Кости и черепа изъ раскопокъ въ с. Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда [2]). Двое древнихъ царскихъ вратъ. По характеру живописи, краскамъ, сюжету рисунка и палеографическимъ признакамъ одни относятся къ старой новгородской иконописи и приблизительно къ концу XIV вѣка; другія къ концу XV или началу XVI в.

Картина, изображающая родословное древо Господа Нашего Іисуса Христа по сказанію евангелиста Матѳея, писана въ началѣ XIX в. или концѣ XVIII в.

Напрестольный восьмиконечный крестъ, деревянный, обложенный басменнымъ позолоченнымъ металлическимъ покровомъ.

Мѣдный ковшичекъ для теплоты, ручной чеканки, деревянный подсвѣчникъ, нѣсколько мѣдныхъ литыхъ крестовъ, образковъ-тѣльниковъ и складней.

9. Изъ Вознесенской церкви с. Кимры Корчевского уѣзда: грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей 7196 года боярину Ѳедору Петровичу Салтыкову по случаю вступленія въ бракъ царя Іоанна Алексѣевича съ его дочерью Прасковьею Ѳедоровною, на пергаментѣ, роскошно и изящно разрисованная золотомъ и красками.

10. Изъ Кимрскаго Волостного Правленія портреты: 1) графа Юлія Помпеевича Литта (литографія), 2) графини Екатерины Васильевны Литта, по первому мужу Скавронской (писанъ масляными красками), 3) графини Юліи Павловны Самойловой (литографія), 4) графа Михаила Димитріевича Киселева (писанъ масляными красками).

11. Отъ Ю. Г. Гендуне. Модель городища Топорокъ Корчевскаго уѣзда, планъ и рисунки произведенныхъ Ю. Г. раскопокъ и находки изъ раскопокъ.

12. Отъ Ѳ. А. Колодѣя: принадлежащая ему коллекція монетъ княжескаго періода.

13. Отъ П. Ѳ. Симсона: 34 таблицы орудій каменнаго вѣка изъ раскопокъ на берегу р. Волги подъ г. Ржевомъ.

---

[1]) Описана въ докладѣ Съѣзду. См. Памятники церковной старины. стр. 45.

[2]) Раскопки описаны въ докладѣ Съѣзду. См. Первобытныя древности, стр. 73.

14. Отъ доктора философіи А. О. Гейкеля. Коллекція, заключающая въ себѣ около 200 головныхъ уборовъ и полотенецъ съ узорами ручной работы, собранная въ корельскихъ поселеніяхъ Тверской губерніи [1]) (Осташково, Погорѣлецъ, Константиново, Тучево, Никольское, Баскаково, Желѣзново, Горки, Тресна).

15. Отъ А. А. Смирнова: предметы, найденные при раскопкахъ городища у села Синькова въ долинѣ р. Яхромы, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи.

16. Отъ барона И. Н. Корфа. Предметы, найденные при раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ близъ села Едимонова, Корчевского уѣзда—бусы, височныя кольца, желѣзные ножички, пряжки, привѣски.

17. Отъ сенатора Ѳ. Ѳ. Иванова. Три древнихъ иконы: Иліи пророка, Рождества Пресвятыя Богородицы и Рождества Христова.

18. Отъ В. Д. Машукова. Фотографическіе снимки городовъ Тверской губерніи его работы 1894—1902 г.г.:

Г. Тверь. Видъ заволжской части г. Твери. Каѳедральный Преображенскій соборъ, наружный видъ съ юго-востока. Средняя часть главнаго иконостаса каѳедральнаго собора. Правый придѣлъ, видъ издали, сѣнь надъ мощами каѳедральнаго собора. Рака съ мощами благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича. Царскія врата. Отрочъ монастырь изъ за рѣки Тверцы. Ильинская церковь, наружный видъ съ сѣверо-запада. Входныя желѣзныя двери Ильинской церкви. Царскія врата Ильинской церкви. Оловянная дарохранительница и деревянный вѣнецъ Ильинской церкви. Церковь свв. Косьмы и Даміана (Срѣтенская), съ сѣверо-запада. Покровская церковь, видъ издали. Троицкая церковь («Бѣлая Троица») съ сѣвера, старинныя царскія врата съ деревянной рѣзьбой въ правомъ придѣлѣ. Троицкая церковь за Волгой съ южной стороны.

Г. Калязинъ. Видъ соборныхъ храмовъ города изъ-за Волги. Общій видъ Троицкаго Калязина монастыря съ юго-запада и съ сѣверо-запада. Соборный храмъ Св. Троицы съ юго-востока. Царскія врата въ главномъ иконостасѣ. Рака съ мощами преподобнаго Макарія.

Село Кимры Корчевского уѣзда. Видъ села изъ-за Волги. Покровскій соборъ (съ сѣверо-востока) и церковь св. Троицы. Виды частей Покровскаго собора: иконостасъ лѣваго придѣла. Главный иконостасъ. Иконостасъ праваго придѣла. Царскія врата въ иконостасѣ праваго придѣла. Главный иконостасъ, образъ св. Троицы. Храмовая икона

[1]) См. Областная этнографія, стр. 123: «О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ».

Покрова Пресвятыя Богородицы. Иконостасъ лѣваго придѣла, образъ свв. апост. Петра и Павла. Казанская икона Божіей Матери на лѣвой колоннѣ храма. Икона Рождества Христова на правой колоннѣ храма. Иконы святителей Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и мученика Нестора на колоннѣ въ лѣвомъ придѣлѣ. Кіотъ съ Владимірскою иконой Божіей Матери въ лѣвомъ придѣлѣ. Икона Владимірской Божіей Матери (шита шелками и золотомъ) безъ кіота. Мѣдные: распятіе и икона св. Николая чудотворца въ лѣвомъ придѣлѣ. Образъ Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери. Воздухъ шитый шелками съ изображеніемъ Спасителя въ гробѣ. Покровцы (не разрѣзные) съ вышитыми серебромъ, золотомъ и шелками изображеніями Тайной вечери Христовой и Младенца Христа въ чашѣ. Памятникъ къ югу отъ собора на мѣстѣ прежней Покровской церкви. Памятникъ надъ могилой храмоздателя Покровскаго собора Малюгина.

Г. Старица. Видъ издали. Борисоглѣбскій соборъ, видъ съ городища. Волга у Старицы, виды съ древняго городища. Успенскій монастырь, видъ съ городища. Успенскій монастырь, видъ изъ-за Волги. Церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и Успенскій соборъ. Успенскій соборъ съ западной стороны. Успенскій соборъ съ южной стороны. Главный иконостасъ Успенскаго монастыря. Монастырская ризница: икона изъ слоновой кости Воскресенія Христова и дванадесятыхъ праздниковъ. Мѣдный складень съ изображеніемъ дванадесятыхъ праздниковъ. Напрестольные кресты: средній архимандрита Діонисія и правый патріарха Іова. Оловянная дарохранительница и два кадила: лѣвое 1701 года и правое 1601 года. Митры: лѣвая патріарха Іова, правая архимандрита Діонисія. Саккосъ патріарха Іова. Священническая фелонь золотой парчи съ цвѣтными шелковыми букетами; оплечье фіолетоваго бархата, на оплечьѣ въ срединѣ креста, подъ стекломъ, образокъ Спасителя.

Г. Торжокъ. Видъ города съ площади отъ Крестовоздвиженской церкви. Соборные храмы г. Торжка изъ-за р. Тверцы. Нижняя часть главнаго иконостаса Преображенскаго собора. Мѣстночтимая Смоленская икона Божіей Матери Преображенскаго собора. Рака съ мощами благовѣрной княгини Іуліаніи. Зимній соборъ: главный иконостасъ. Зимній соборъ: иконы въ западной части собора св. Николая чудотворца, Казанская икона Божіей Матери (съ видомъ подъ ней соборныхъ храмовъ г. Торжка) и благовѣрной княгини Іуліаніи. Общій видъ Борисоглѣбскаго монастыря изъ-за р. Тверцы.

Монастырскій соборный храмъ: рака съ мощами преподобнаго Ефрема Новоторжскаго чудотворца. Другая серебряная рака въ которой почивали мощи преподобнаго съ 1798 по 1874 годъ. Образъ преподобнаго Ефрема, писанный въ 1712 году. Священные сосуды: деревянные и серебряные, звѣздица съ разноцвѣтными хрусталями, древняя архимандричья шапка, чеканный окладъ лицевой доски Евангелія печати 1689 года. Древняя (деревянная) Вознесенская церковь съ южной и сѣверной стороны. Крестовоздвиженская церковь. Троицкая церковь («Дальняя Троица»). Кресты: сребропозлащенный 1672 года, вкладъ протопопа Александра, другой деревянный особой формы, кѣмъ пожертвованъ, неизвѣстно. Богослужебные сосуды 1671 года.

19. А. П. Ѳедорова:—два рисунка проф. архитектуры Академіи Художествъ А. П. Брюллова.

20. Фундаментальной библіотеки Тверской Духовной Семинаріи:

Библіотека древнихъ языковъ.

62 [1]). Biblia sacrosancta veteris et novi Testamenti latina iuxta vulgatam et consvetam editionem, cum interpretatione vocum Hebraicarum. 1540.

220. Disputationes Theologicae in omnia capita D. Evangelistae Iohannis selectissimas notas exhibentes et in Regia Academia Dorpatensi publice propositae, variis auctoribus. 1640—1643. Dorpati

254 Pars tertia summae Theologiae Angelici Thomae de Aquino. 1496.

291. Theologia Ecclesiastica. 1675. Vilnae.

502. Τυπικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας τοῦ χρόνου ὅλου. 1685. Ενετησι.

503. Τριῴδιον περιέχον τὴν πρέπουσαν ἐν τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ ἅπασαν ἀκολουθίαν. 1681. Ενετησιν.

504. Πεντικοστάριον περιέχον τὴν πρέπουσαν αὐτῷ ἅπασαν ἀκολουθίαν. 1704. Ενετήσιν.

506. Dyodecim mensium ἀκολουθιαι Graecae. Βιβλίον τοῦ Σεντεμβρίου μηνός. 1689. Ενετήσιν.

517. Κατήχησις ἱερά. 1681. Ενετήσιν.

523. Εὐχολόγιον 1686. Ενετήνσι.

542. Thesaurus Spiritualis. 1606. Cracoviae.

558. Septem lucubrationes Theologicae. 1586. Vilnae.

719. Aristotelis Stagiritae libri omnes. 1572. Wenetiis.

---

[1]) №№ каталога библіотеки Тверской Духовной Семинаріи.

1038. De arte poetica libri III, ad usum et institutionem studiosae iuventutis Roxolanae dictati Kioviae 1705 anno. 1786. Mohiloviae.
1032. Προσφώνημα τῷ Μεθοδίῳ Ἀρχιεπισκόπῳ Τβερίας καὶ Κάσσινος. 1806.
1172. Theorocentrica, sive Mathematicae de punctis et centris considerationes a Nic. Casim. Bialeouski editae. 1644. Vilnae.
1273. Methodii Archiepiscopi Tverensis liber Historicus de rebus in primitiva sive trium primorum et quarti ineuntis saeculorum Ecclesia Christiana, praesertim quum primo Christi nati aetas floreret, gestiscum prolegomenis et notis. 1805. Mosquae.
1423. Rein. Heidenslenii—de bello Moscovitico libri VI. 1584. Cracoviae.
1439. Historia Polonica. 1612 Dorbomili.

Библіотека Россійская.

205. Евангеліе учительное. 1616. Вильна.
220. Разныя поученія и рѣчи, сказываемыя Іоасафомъ, Архіепископомъ Тверскимъ, на пришествіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины II въ 1787 году, а при томъ и въ другія разныхъ годовъ высокоторжественные дни, съ пріобщеніемъ разныхъ сочиненій Тверской Семинаріи на прибытіе Ея Величества въ Тверь. 1787. Москва.
307. Священнослужительскій служебникъ. 1617. Кіевъ.
323. Тріѳологіонъ, или избранныя службы на праздники Господскіе, Богородичные и Святыхъ нарочитыхъ. 1647.
348. Вѣнецъ въ честь тривѣнчальному Богу изъ трехъ акаѳистовъ составленный. 1772. Черниговъ.
614. Политиколѣпная Аполѳеосисъ достохвальныя храбрости Всероссійскаго Геркулеса Петра Алексѣевича всея великія и бѣлыя и малыя Россіи Императора, по преславной Викторіи подъ Полтавою возвращающагося въ Москву, отъ Академіи Московскія торжествованная. 1709. Москва.
699. Разныя сочиненія Тверской Семинаріи въ день торжествованія по причинѣ заложенія оной 1777 года, при отправленіи богословскихъ состязаній. 1779. Москва.
700. Поздравленія Тверской Семинаріи въ стихахъ и прозѣ Архіеп. Іоасафу и Арсенію. 1785. Москва.
1169. Грамматика Славянская Мелетія Смотрицкаго. 1721. Москва.
1176. Лексиконъ Славяно-Россійскій Памвы Берынды. 1653. Кутеинскій монастырь.

Библіотека Французская.

187. Memoires du Regne de Caterine Imperatrice et Souveraine de toute la Russie. 1729. Amsterdam.

Библіотека Нѣмецкая.

67. Opera Germanica Iohannis Ruperti concionatoris et quorumdam aliorum auctorum. 1594. Witteberg.
368. Grammatica Germanicae linguae. 1604.
375. Vergleichender Wörterbuch in zwei hundert Sprachen von Admiral Schischkof. 1838. СПБ.

Библіотека Польская.

6. Katechism, albo Wiserunk preiweis iviary Chrzesciaskiey, wedle nauki Pana Iesusa Christusa, Apostolow iego, y Kasciola iego Swietego, przeciwko wszytkim obled-Liwosciam tych czasow barzo pozyteczny, przez Marcina Bialo brzeskiego napiseiny. 1567. W Krakowi.
10. Postylle katholiczney o Suietych przez Jakuba Wuyka. 1584. W Krakovie.
35. Mowy na Radach y Scymach, przez Andrzeia Chryzostoma roznemi czazy miane. 1686. W Oblinie.
38. Psalterz Davidov, przecladania Iana Kochanowskiego. 1606. W Krakovie.
42. Krzyz albo Zalosna Historya krvavey Meki y nievinney sinierci Christusa Pana, Zbaviciela suiata, zpism Svietych, przez Waclawa Potockiego vyrazona rhytmem. 1608. W Varsavie.
43. Przewazna Legacya Ksiazecia Krysztopha Zbaraskiego koniuszego koronnego, do Soltana Tureckiego Mustafy IV Roku 1621 na piec rozdzielona punctov przez Samuela Tvardowskiego. 1639. W Krakovie.
84. Apteczka domova srzednia, abo czesc wtora domowych lekarstw. 1700.

Рукописи.

29. Artis Rhetoricae libri VI. 1746. Tveria.
35. Idea artis poeticae. 1743. Tveria.
36. Via, ducens philomusas in parnassum Poeseos. 1745. Tveria.

2. Иже во Святыхъ отца нашего Кирилла, Архіеп. Іерусалимскаго, Катихизисы, или Наставленія приступающимъ ко крещенію и получившимъ оное.

5. Евангеліе толковое бл. Θеофилакта съ надписью по листамъ Патріарха Никона: «Святѣйшую книгу Евангеліе толковое повседневное Великій Государь Никонъ Патріархъ Московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи пожаловалъ своего Государева строенія Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря въ приписной Θедоровскій монастырь, что въ Твери, вѣчнаго ради поминовенія себѣ и родителемъ своимъ».

66. Каталогъ Преосвященныхъ Архіереевъ Тверскихъ сначала писанный учителемъ Тверской Семинаріи Иваномъ Евдокимовымъ, а послѣ продолженный другими. 1757. Тверь.

74. Лѣтопись отъ зачатія міра до христіанства, расположенная по округамъ, или періодамъ и монархіямъ великимъ, сочиненная въ Тверской Семинаріи учителемъ Прохоромъ Богдановымъ. 1779. Тверь.

75. Историческія извѣстія Тверскаго княжества, почерпнутыя изъ общихъ Россійскихъ лѣтописцевъ съ пріобщеніемъ новѣйшихъ онаго приключеній, трудами Тверскаго купца и публичнаго нотаріуса Діомида Карманова. 1775. Тверь.

76. Тверской Семинаріи Ректора Желтикова монастыря Архимандрита Макарія книга памяти или запись партикулярныхъ случаевъ съ замѣчаніями на нѣкоторые и съ присоединеніемъ Исторически-Богословскихъ разсужденій. 1764. Тверь.

77. Грамматика Русская древняя. 1661.

Архивной Комиссіи желательно было имѣть на выставкѣ предметы древности изъ Пскова и Новгорода. Съ этой цѣлью въ Псковъ и Новгородъ былъ командированъ А. Θ. Селивановъ. Псковское Археологическое Общество, сначала согласившееся прислать предметы древности, потомъ отказалось принять участіе въ выставкѣ въ виду пріѣзда во Псковъ Государя Императора и вѣроятнаго посѣщенія Его Величествомъ Палатъ Поганкиныхъ, въ которыхъ помѣщается Псковскій Музей. Изъ Новгорода также не было доставлено на выставку ни одного предмета ни Музеемъ, ни частными лицами коллекціонерами.

XXIII.

Открытіе съѣзда.

10-го Августа въ 12 часовъ дня въ залѣ Дворянскаго Собранія состоялось открытіе съѣзда въ присутствіи прибывшихъ членовъ и многочисленной публики. Почетнымъ Членомъ Тверской Архивной Комиссіи Архіепископомъ Димитріемъ, при участіи мѣстнаго духовенства, было совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и Августѣйшему Покровителю Архивной Комиссіи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу, а также и членамъ съѣзда. По окончаніи молебствія Архипастырь въ краткой рѣчи привѣтствовалъ собравшихся и пожелалъ успѣха съѣзду. Затѣмъ Непремѣнный Попечитель Комиссіи, князь Н. Д. Голицынъ обратился къ членамъ съѣзда съ слѣдующими словами: «Вѣсть, полученная здѣсь два года тому назадъ о томъ, что первый областной археологическій съѣздъ, собравшійся въ Ярославлѣ по иниціативѣ и при просвѣщенномъ содѣйствіи находящагося сегодня среди насъ бывшаго Ярославскаго губернатора, высокоуважаемаго Б. В. Штюрмера, избралъ мѣстомъ слѣдующаго своего собранія городъ Тверь, несказанно обрадовала какъ меня, такъ и всѣхъ тѣхъ, кому дорога и свята наша родная, сѣдая Тверская старина.

Считаю себя вполнѣ счастливымъ, что на мою долю выпала честь здѣсь привѣтствовать Васъ, господа, и выразить самыя горячія пожеланія полнаго успѣха въ предстоящихъ интересныхъ трудахъ Вашихъ.

Провозглашая открытіе второго областного археологическаго съѣзда, я не могу не подѣлиться съ Вами, господа, радостнымъ событіемъ, которымъ была осчастливлена Тверская Ученая Архивная Комиссія, организовавшая сегодняшній съѣздъ при неутомимомъ, умѣломъ и успѣшномъ руководствѣ своего Предсѣдателя И. А. Иванова. 19-го Іюня сего года, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, воспослѣдовало Высочайшее Его Величества соизволеніе на принятіе подъ Свое высокое покровительство Тверской Ученой Архивной Комиссіи Государемъ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Вполнѣ увѣренъ, что я буду выразителемъ общаго, единодушнаго желанія всѣхъ здѣсь присутствующихъ, если предложу повергнуть къ стопамъ Его Высочества чувства нашей безпредѣльной преданности и глубочайшей благодарности телеграммою въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Второй областной археологическій съѣздъ, раздѣляя радость устроительницы съѣзда, Тверской Ученой Архивной Комиссіи, удостоившейся недавно принятія подъ Августѣйшее покровительство Вашего Императорскаго Высочества, и вознеся горячія молитвы Всевышнему о здравіи и благоденствіи Вашего Высочества, повергаетъ передъ Вами чувства безпредѣльной преданности и живѣйшей благодарности за высокую честь, оказанную въ лицѣ Тверской Комиссіи всѣмъ дѣятелямъ русской исторической науки».

Съѣздъ единодушно присоединился къ предложенію князя Н. Д. Голицына, послѣ чего были доложены привѣтствія:

Отъ города Твери городскимъ головой И. Е. Вагановымъ, пожелавшимъ успѣха съѣзду.

Отъ Костромской Архивной Комиссіи Н. М. Бекаревичемъ: «Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи второй уже разъ приходится принимать участіе въ народившихся нынѣ областныхъ археологическихъ съѣздахъ, этихъ, такъ сказать, праздникахъ духовнаго общенія ученыхъ археологовъ съ провинціальными любителями древностей родной земли. Такіе областные съѣзды должны быть горячо привѣтствуемы нашими Архивными Комиссіями, ибо на нихъ мы учимся, ибо на нихъ лучшіе представители русской археологіи освѣщаютъ собранный нами зачастую лишь только сырой матеріалъ,—здѣсь этотъ матеріалъ принимаетъ уже опредѣленныя формы и является подсобникомъ ученыхъ изысканій спеціалистовъ.

Итакъ уже вторично сосѣднимъ архивнымъ Комиссіямъ приходится встрѣтиться. Встрѣча наша да будетъ же такою же родною, задушевною, какъ и два года тому назадъ въ г. Ярославлѣ—иниціаторѣ нашихъ свиданій.

Младшая сестра—Костромская Губернская Ученая Архивная Комиссія низко бьетъ челомъ старшей своей Тверской сестрѣ, шлетъ ей сердечный привѣтъ, искренне желаетъ дальнѣйшаго ея преуспѣянія и процвѣтанія на пользу дорогой отчизны... Желаетъ дружной совмѣстной работы собравшимся ученымъ и провинціальнымъ труженикамъ на поприщѣ археологіи.

Да живетъ же, растетъ и крѣпнетъ русская археологія, да принесутъ же ей свою лепту наши народившіеся областные съѣзды.

А устроителямъ такихъ съѣздовъ да будетъ принесено нынѣ русское спасибо».

Телеграммы: отъ Предсѣдателя Императорской Археологической Комиссіи графа А. А. Бобринскаго на имя Предсѣдателя Архивной Комиссіи: «Къ величайшему сожалѣнію семейныя обстоятельства вынудили меня отказаться отъ пріѣзда въ Тверь. Покорнѣйше прошу Ваше превосходительство передать Архивной Комиссіи мои извиненія, не откажите и передъ съѣздомъ быть выразителемъ моихъ поздравленій и пожеланій успѣха. Блестящій успѣхъ перваго Ярославскаго съѣзда показалъ, какъ твердо поставлено благое дѣло областныхъ собраній археологовъ. Тверскому съѣзду заранѣе обезпечена такая же славная участь. Да позволено же будетъ и мнѣ присоединить свой голосъ къ общему привѣту всѣхъ русскихъ ревнителей старины и съ высоты скиѳскаго кургана поднять свой бокалъ за процвѣтаніе Тверского областного съѣзда и за здоровье его ученыхъ членовъ и учителей».

Министра Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретаря Плеве: «Передайте членамъ археологическаго съѣзда мой привѣтъ и пожеланія успѣха ихъ трудамъ.

Проф. С. Ѳ. Платонова: «Не имѣя возможности пріѣхать, привѣтствую заочно съѣздъ отъ лица Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Желаю полнаго успѣха съѣзду и прошу передать низкій поклонъ всѣмъ добрымъ знакомымъ».

С. А. Бѣлокурова: «Брошюра «Кашинскіе акты» сегодня 10-го вечеромъ будетъ отправлена. Привѣтствую съѣздъ, желаю успѣха».

И. Е. Забѣлина, В. И. Покровскаго, Предсѣдателя Калужской Архивной Комиссіи г. Четыркина, В. Д. Машукова, Кашинскаго городского головы А. А. Носова, членовъ Тверской Архивной Комиссіи І. Я. Кункина и В. Н. Мальковскаго—съ выраженіемъ пожеланія успѣха съѣзду.

Предсѣдатель Тверской Архивной Комиссіи И. А. Ивановъ сообщилъ о подготовкѣ съѣзда Архивной Комиссіей:

«Предоставляя уважаемому нашему сочлену В. Н. Сторожеву выяснить важность и значеніе для исторической науки областныхъ археологическихъ съѣздовъ, долгомъ считаю сообщить лишь краткія свѣдѣнія о подготовительныхъ работахъ по устройству съѣзда, представляющихъ рядъ отрадныхъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что дѣло съѣздовъ пользуется вниманіемъ, сочувствіемъ и поддержкою не только представителей науки, ученыхъ Обществъ, но и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, занимающихъ самыя разнообразныя положенія.

Первый областной Ярославскій археологическій съѣздъ въ заключительномъ своемъ засѣданіи, происходившемъ 14 Августа 1901 года въ Ростовскомъ Музеѣ, назначилъ мѣстомъ для второго областного археологическаго съѣзда Тверь, возложивъ организацію его на Тверскую Ученую Архивную Комиссію. Тогда же Непремѣнный Попечитель Тверской Ученой Архивной Комиссіи князь Н. Д. Голицынъ по телеграфу выразилъ полную готовность содѣйствовать устройству съѣзда. Столь же сочувственно отнеслась къ этому почетному порученію и Тверская Ученая Архивная Комиссія, когда въ ближайшемъ засѣданіи ей было доложено о постановленіи Ярославскаго съѣзда. Мѣстныя общественныя учрежденія и частныя лица, къ которымъ Комиссія должна была обратиться за помощью, не отказали ей въ необходимыхъ матеріальныхъ средствахъ. Такъ, Тверская Городская Управа и Тверское Губернское Земство на усиленіе издательской дѣятельности Архивной Комиссіи и на расходы по съѣзду ассигновали въ теченіе 1902 и 1903 годовъ по 1600 р. каждое, 550 р. дали Уѣздныя Земства и 600 р. Уѣздные Города (въ числѣ ихъ и посадъ Погорѣлое Городище); а всего Уѣздные Города и Земства дали Комиссіи 1150 руб. Почти такую же сумму пожертвовали частныя лица, которыхъ вы дозвольте мнѣ здѣсь назвать: настоятель Калязина монастыря архимандритъ Анатолій, Правленіе Т-ва мануфактуры Козьмы Прохорова съ сыновьями, Іоасафъ Яковлевичъ Кункинъ, Павелъ Ѳедоровичъ Поздняковъ, кн. Андрей Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, протоіерей Николай Яковлевичъ Михайловскій, настоятель Кашинскаго Дмитровскаго монастыря архим. Арсеній, Николай Васильевичъ Буевъ, Василій Михайловичъ Окновъ, Владиміръ Алексѣевичъ Сназинъ, Александръ Николаевичъ Шоринъ. Одно лицо пожелало остаться неизвѣстнымъ, а три обусловили свои пожертвованія изданіемъ Комиссіею интересовавшихъ ихъ актовъ и трудовъ.

Благодаря этимъ средствамъ, Комиссія выпустила въ свѣтъ, кромѣ обычныхъ журналовъ и отчетовъ, слѣдующіе труды своихъ членовъ: В. А. Плетнева: «Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи» съ археологическою картою; П. Ф. Симсона: а) «Каменный вѣкъ подъ городомъ Ржевомъ» и б) Описаніе рукописей его собственнаго собранія; Н. Н. Овсянникова: а) «О Новгородско-Тверскомъ рубежѣ» и б) «Указатель Тверской старины» (г. Твери); архимандрита Арсенія «Описаніе Кашинскаго Дмитровскаго монастыря»; М. В. Рубцова: а) «Тверь въ 1674 году по Пальмквисту» и б) «Къ исторіи

Іоанно-Богословскаго Удомельскаго монастыря»; В. И. Колосова «Петръ Великій въ Твери»; И. А. Виноградова «Археологическая экскурсія въ г.г. Кашинъ, Калязинъ и с. Кожино», Лѣтописецъ Рубцовыхъ, Воспоминанія княгини Мещерской, Грамоты Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, Лѣтопись Тюльпина, Описаніе рукописей Тверского Музея, составленное М. Н. Сперанскимъ, и посмертный трудъ протоіерея Первухина—Тверскіе іерархи. Кромѣ того, находятся въ печати: Переписная книга г. Торжка, 1710 года, составляющая дополненіе и поясненіе свѣдѣній Пальмквиста, Акты Новоторжскаго Воскресенскаго монастыря.

Въ то же время, въ виду предположенной экскурсіи въ г.г. Торжокъ и Старицу составлены и изданы къ открытію съѣзда: Почетнымъ Членомъ Комиссіи Преосвященнымъ Димитріемъ—Описаніе собора, монастырей и церквей г. Торжка и Членомъ Комиссіи И. П. Крыловымъ путеводитель по Старицѣ подъ заглавіемъ: «Старица и ея достопримѣчательности».

Предпринятое членомъ Комиссіи К. А. Стратонитскимъ на средства другого нашего сочлена Іоасафа Яковлевича Купкина изданіе Кашинскихъ актовъ посвящено съѣзду; сегодня полученъ первый выпускъ этого изданія. Нѣкоторыя Петербургскія Ученыя Общества также посвятили нашему съѣзду свои труды; такъ Отдѣленіе Словесности и Русской Археологіи при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ издало подъ редакціей проф. С. Ѳ. Платонова особый томъ, посвященный задачамъ нашего съѣзда. Тоже самое сдѣлано и Императорской Археологической Комиссіей. Выходу въ свѣтъ этихъ трудовъ предшествовали обширныя изслѣдованія первобытныхъ древностей, скрытыхъ въ курганахъ и городищахъ Новгородско-Тверского и Ростово-Суздальскаго края; изслѣдованія производились по заранѣе составленному плану для разрѣшенія научныхъ вопросовъ, входящихъ въ программу нашего съѣзда. Руководителемъ такихъ изысканій былъ членъ Императорской Археологической Комиссіи А. А. Спицынъ, а сотрудниками его—г-жа Ю. Г. Гендуне и г.г. Макаренко, Гатцукъ и Рѣпниковъ. Въ составѣ членовъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи нашлись лица, пожелавшія произвести раскопки въ тѣхъ городахъ, въ которые намѣчены были экскурсіи съѣзда. Въ Старицѣ А. П. Шебякинъ и И. П. Крыловъ открыли на старомъ городищѣ основанія нѣкоторыхъ зданій, быть можетъ, княжескаго дворца, древняго Старицкаго собора и друг. Въ Торжкѣ членъ Тверской Комиссіи І. К. Линдеманъ обнаружилъ фундаментъ древнѣйшей крѣпостной стѣны.

Члены Археологическаго Института В. И. Успенскій, Л. Н. Целеви и С. И. Писаревъ (первые двое состоятъ членами Тверской Архивной Комиссіи) посвятили съѣзду изданныя подлинникомъ житія благовѣрныхъ тверскихъ князей св. Михаила Ярославича, Михаила Александровича, благовѣрной княгини Анны Кашинской, св. Арсенія, епископа Тверского, и преподобной Ѳеодоры, благовѣрной княгини нижегородской; житія извлечены изъ «Лицевого царственнаго лѣтописца», хранящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ; текстъ и рисунки лишь немного уменьшены противъ оригинала и не раскрашены.

Всѣ представители ученыхъ учрежденій Петербурга, къ которымъ мы обращались за совѣтомъ и помощью, относились къ намъ въ высшей степени любезно и предупредительно. Особенно же мы должны быть благодарны Ал. Ив. Соболевскому, Н. В. Покровскому, С. Ѳ. Платонову, А. А. Спицыну, И. А. Шляпкину, Н. И. Веселовскому, С. М. Середонину, Н. Д. Чечулину, А. А. Папкову, В. И. Покровскому, А. І. Маленну, В. И. Срезневскому. Крайне сожалѣемъ, что нѣкоторые изъ нихъ отсутствуютъ въ сегодняшнемъ нашемъ собраніи.

На нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ мы возлагали довольно хлопотливыя порученія. Такъ, А. Ѳ. Селиванова мы просили побывать въ Новгородѣ и Псковѣ, чтобы завязать сношенія съ тамошними историками и археологами и привлечь оттуда предметы на выставку.

Въ выставкѣ при съѣздѣ, въ помѣщеніи дворянскаго собранія, приняли участіе: кн. П. А. Путятинъ, Л. М. Савеловъ, П. Ѳ. Симсонъ, В. Н. Мальковскій, Ѳ. Ѳ. Ивановъ, г-жа Ю. Г. Гендунс, В. Р. Апухтинъ, Д. И. Скворцовъ, А. П. Ѳедоровъ, А. А. Смирновъ А. Гейкель (изъ Гельсингфорса), Императорская Археологическая Комиссія, Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи Костромская и Тамбовская, Кимрское Волостное Правленіе, Бѣжецкое Уѣздное Полицейское Управленіе и др. лица и учрежденія.

Рядомъ, въ архіерейскомъ домѣ, открыта выставка церковныхъ предметовъ: а) присланныхъ нарочно изъ церквей епархіи и б) уже поступившихъ въ возникающій Епархіальный Музей. Заявленные рефераты будутъ сейчасъ перечислены; ихъ такъ много, что мы едва ли доложимъ ихъ въ 6 дней, на которые расчитаны занятія съѣзда въ Твери.

Въ заключеніе, я хотѣлъ бы сказать еще нѣсколько словъ о хозяйственной организаціи съѣзда. Наибольшія затрудненія представлялись

по размѣщенію членовъ съѣзда и по поѣздкамъ на Дуденевскіе курганы и отъ желѣзнодорожной станціи «Старица» до города.

Затрудненія эти устранены именно благодаря сочувствію нашему дѣлу въ разныхъ кругахъ общества. Первымъ пришелъ къ намъ на помощь бывшій Начальникъ Тверского Кавалерійскаго Юнкерскаго Училища, нынѣ дежурный генералъ Варшавскаго Военнаго Округа, Почетный Членъ Комиссіи Н. К. Кононовъ: онъ предложилъ для съѣзда помѣщеніе Училища, чѣмъ мы и воспользовались. Преосвященный Димитрій предложилъ помѣстить у себя въ городскомъ домѣ 10 человѣкъ, преимущественно изъ лицъ духовнаго званія. Необходимое число лошадей для переѣзда съ желѣзнодорожной станціи «Старица» въ городъ предоставили граждане. Подобное же затрудненіе встрѣтилось и по отношенію къ поѣздкѣ на замѣчательные курганы, расположенные вверхъ по Волгѣ, въ 15 верстахъ выше Твери, въ устьѣ р. Тьмы. Вѣдомство Путей Сообщенія, въ лицѣ нашихъ сочленовъ: Начальника Петербургскаго Округа В. Е. Тимонова и мѣстныхъ представителей Вѣдомства Н. А. Мазурова и В. Д. Пчельникова, любезно предоставило для поѣздки свои два парохода; на случай же, если бы ихъ оказалось недостаточно, обратились къ пароходному Обществу «Самолетъ», Правленіе котораго и предоставило для этой поѣздки свой срочный пассажирскій пароходъ, совершающій рейсы лишь внизъ по Волгѣ.

Все это, г.г., отрадные факты, свидѣтельствующіе, что идея областныхъ съѣздовъ задумана во время, что она имѣетъ будущность, что дѣло это находитъ себѣ сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ общества.

Позвольте же просить васъ выразить отъ лица съѣзда благодарность иниціатору областныхъ съѣздовъ, къ нашей большой радости здѣсь присутствующему, Б. В. Штюрмеру, а затѣмъ и всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которые оказали, въ какой бы то ни было формѣ, содѣйствіе устройству нашего съѣзда.

Затѣмъ члены съѣзда приступили къ избранію предсѣдателя съѣзда, предсѣдателей отдѣловъ и секретарей съѣзда. Избраны были: Почетнымъ Предсѣдателемъ съѣзда Б. В. Штюрмеръ, Предсѣдателемъ князь Н. Д. Голицынъ, Товарищемъ Предсѣдателя И. А. Ивановъ; секретарями съѣзда: И. А. Виноградовъ и В. И. Колосовъ; Предсѣдателями отдѣловъ: Первобытныхъ древностей: Почетный Предсѣдатель А. А. Савельевъ; Предсѣдатель В. Н. Перетцъ, секретари: А. С. Ра-

евскій, Н. М. Бекаревичъ; Областной исторіи: Почетные Предсѣдатели: Архіепископъ Тверской и Кашинскій Димитрій, Д. И. Иловайскій и Н. В. Султановъ, Предсѣдатели: Н. В. Покровскій и И. Я. Гурляндъ, секретари: И. В. Баженовъ, И. А. Виноградовъ, І. К. Линдеманъ и М. В. Рубцовъ; Областной этнографіи и живой старины: Почетные Предсѣдатели: А. И. Соболевскій, А. В. Половцевъ и Л. М. Савеловъ, Предсѣдатели: И. А. Шляпкинъ и М. И. Соколовъ, секретари: А. І. Малеинъ, В. В. Майковъ и А. Ѳ. Селивановъ; Архивовѣдѣнія: Почетный Предсѣдатель Н. В. Покровскій, Предсѣдатель В. С. Малченко, секретари: А. А. Мироновъ и Ѳ. А. Колодѣй.

Послѣ избранія должностныхъ лицъ были распредѣлены занятія съѣзда по всѣмъ отдѣламъ программы и назначены экскурсіи для осмотра достопримѣчательностей.

Въ заключеніе В. Н. Сторожевъ произнесъ рѣчь: *Русская провинція и областной историческій съѣздъ* [1]).

Привѣтствуя открытіе второго областного археологическаго съѣзда, авторъ указалъ господствующія въ современной исторической наукѣ общія точки зрѣнія, выдвинувшія на первый планъ какъ предметъ, подлежащій научному изученію, исторію человѣческой культуры, т. е. происхожденіе и развитіе человѣческихъ обществъ, опредѣляемое непреложными историческими законами. Современная историческая наука обращаетъ преимущественное вниманіе на мелкія провинціальныя клѣтки, составляющія въ цѣломъ крупныя политическія тѣла, и въ жизни этихъ клѣтокъ на экономическій процессъ. Областные съѣзды, поставившіе себѣ задачей всестороннее научное изученіе области для наилучшаго историческаго пониманія центра, вполнѣ соотвѣтствуютъ установившемуся въ исторической наукѣ направленію и имъ нельзя не пожелать процвѣтанія и успѣха.

По окончаніи засѣданія члены съѣзда осматривали Древлехранилище Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Комитета въ городскомъ архіерейскомъ домѣ, ризницу каѳедральнаго собора и Музей.

Древлехранилище при Церковно-Археологическомъ Комитетѣ открыто въ 1902 году. Ко времени съѣзда въ немъ находилось сто съ небольшимъ предметовъ. Изъ отдѣла рукописей члены съѣзда обратили вниманіе на слѣдующія: Апостолъ письма XV вѣка, Псалтирь письма конца XV или начала XVI вѣка съ надписью: «книга псалтирь столь-

[1]) Напечатана въ Русской Мысли, 1903 г., кн. 9, стр. 181.

ника Іева Иванова сына Пояркова подписалъ своею рукою лѣта 7192 году Марта въ 3-й день»; Прологъ письма XVI вѣка съ надписью 7140 года о томъ, «что книга эта положена чернымъ попомъ Кирилломъ въ домъ св. великомученика Климента и свв. великомучениковъ Мины, Виктора и Викентія»; Прологъ письма также XVI в. съ надписью: «Григорія Ивановича Горехвостова». Въ коллекціи старопечатныхъ книгъ одна—тетроевангеліе оказалась второй половины XVI вѣка, большинство же печати начала и конца XVII столѣтія. На книгѣ Тріодь печати 1678 г. прочитана надпись о томъ, что она принадлежала къ числу «келейныхъ книгъ бывшаго старца Сильвестра Медвѣдева» и положена въ 1696 г. «по указу патріарха Адріана, Бѣжецкие пятины Тверские половины Спаские Забережские пустыни, что на рѣкѣ Мологѣ, в церковь въ Божию». На книгѣ большой требникъ 1646 года въ надписи сказано, что она принадлежала Иннокентію Гизелю. Въ большомъ количествѣ въ древлехранилищѣ собраны антиминсы, начиная со второй половины XVI столѣтія.

Дневникъ съѣзда. Экскурсіи. Закрытіе съѣзда.

10 августа. Вечернее засѣданіе.

Отдѣлъ IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

Почетный Предсѣдатель Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Предсѣдатель проф. Н. В. Покровскій, секретари: И. В. Баженовъ и И. А. Виноградовъ.

Засѣданіе открыто рѣчью Предсѣдателя Н. В. Покровскаго. Упомянувъ о томъ, что Тверская губернія вообще богата многочисленными и разнообразными памятниками древности, Н. В. обратилъ вниманіе на обиліе находящихся въ ней церковныхъ древностей. Наглядное доказательство этого члены съѣзда могутъ видѣть въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ, Епархіальномъ древлехранилищѣ и особенно въ Музеѣ, въ мѣстныхъ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ г. Твери. Среди древнихъ иконъ въ Твери можно встрѣтить даже иконы Ушакова. Кромѣ древностей, имѣющихъ общерусское значеніе, здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя чисто мѣстныя, напр. древнія иконы канонизованныхъ церковію и мѣстно-чтимыхъ святыхъ: св. благовѣрн. вел. князя Михаила Ярославича, святителя Арсенія, Макарія Калязинскаго, Ефрема

Новоторжскаго и не канонизованныхъ, но почитаемыхъ въ Тверскомъ краѣ: благов. княгини Анны Кашинской, кн. Владиміра и Агриппины Ржевскихъ, Савватія Тверского, Константина Новоторжскаго и друг. По основнымъ своимъ чертамъ Тверская иконопись примыкаетъ къ общерусской и имѣетъ лишь нѣкоторыя несущественныя особенности. Точное опредѣленіе этихъ особенностей составляетъ задачу мѣстныхъ археологовъ. Говоря о Тверскихъ древностяхъ, нельзя не упомянуть о томъ, что находящаяся въ мѣстномъ Музеѣ богатая коллекція церковныхъ памятниковъ есть плодъ энергичныхъ трудовъ незабвеннаго устроителя Тверского Музея А. К. Жизневскаго, собравшаго въ немъ такіе предметы, которые составляютъ большую рѣдкость для провинціальныхъ музеевъ. Плодомъ той же горячей любви къ родной старинѣ со стороны А. К. Жизневскаго является Тверская Архивая Комиссія, организовавшая второй областной археологическій съѣздъ.

Членъ Ярославской Архивной Комиссіи Н. Г. Первухинъ сдѣлалъ докладъ: *О стѣнныхъ композиціяхъ въ церковныхъ галлереяхъ города Ярославля и Борисоглѣбскаго собора* [1]).

Въ докладѣ представлена характеристика стѣнной живописи въ галлереяхъ (папертяхъ) Ярославскихъ церквей. Соотвѣтственно символическому значенію церковной галлереи, усвоенному ей традиціями православной русской архитектуры XVI—XVII ст., стѣны ея украшались стѣнными композиціями изъ Ветхозавѣтной исторіи, картинами эсхатологическаго характера или на темы изъ акаѳиста и церковныхъ пѣснопѣній, изображеніями легендарно-апокрифическаго свойства. Въ изображеніяхъ послѣдней категоріи очень замѣтны черты самобытной русской дѣйствительности и разнообразныя бытовыя подробности. Для доказательства докладчикъ описалъ нѣсколько сложныхъ изображеній въ галлереяхъ церквей г. Ярославля.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій сообщилъ, что докладъ Н. Г. Первухина есть результатъ областного Ярославскаго съѣзда: при обозрѣніи церквей г. Ярославля Н. В. обратилъ вниманіе членовъ съѣзда на богатый иконографическій матеріалъ, находящійся въ галлереяхъ Ярославскихъ церквей, и рекомендовалъ мѣстнымъ археологамъ заняться его изученіемъ. Отмѣтивъ достоинства доклада, Н. В. указалъ автору литературу, касающуюся затронутаго имъ вопроса, и совѣтовалъ ему продолжать свои изслѣдованія.

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 127.

XXXIII.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи Д. И. Скворцовъ доложилъ описаніе рукописи: *Книга драгоцѣнный бисеръ о изряднѣйшихъ вещехъ отъ божественнаго писанія въ кратцѣ избрано* [1]). Рукопись принадлежитъ фундаментальной библіотекѣ Тверской Духовной Семинаріи. Содержаніемъ ея служитъ систематически и оригинально изложенное ученіе старообрядцевъ безпоповцевъ преимущественно объ антихристѣ и послѣднихъ судьбахъ міра съ присоединеніемъ характеристики православной церкви. Время написанія рукописи относится, по мнѣнію докладчика, къ 1726—1730 г.г., авторъ ея неизвѣстенъ. Въ докладѣ Д. И. представлено описаніе рукописи безъ выводовъ и заключеній, что не входило въ задачу автора.

Послѣ краткаго перерыва состоялось засѣданіе по VI и VII отдѣламъ. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Почетный Предсѣдатель проф. Н. В. Покровскій, Предсѣдатель В. С. Малченко, секретари: А. А. Мироновъ и Ѳ. А. Колодный.

Товарищъ Предсѣдателя Тверской Архивной Комиссіи В. И. Колосовъ сдѣлалъ докладъ: *Къ вопросу о преобразованіи Архивныхъ Комиссій* [2]).

Въ докладѣ охарактеризовано современное состояніе Архивныхъ Комиссій, какъ оно создано Положеніемъ 13 апрѣля 1884 г., и указаны причины, препятствующія ихъ успѣшной дѣятельности. Авторъ пришелъ къ выводу, что Архивныя Комиссіи не могутъ дольше оставаться въ настоящемъ своемъ состояніи и предложилъ съѣзду выработать новый проектъ Положенія объ Архивныхъ Комиссіяхъ.

Проф. Н. В. Покровскій, соглашаясь съ референтомъ о необходимости реорганизаціи Положенія Архивныхъ Комиссій, предложилъ съѣзду для разрѣшенія столь важнаго вопроса назначить особое засѣданіе. Предложеніе было принято и засѣданіе назначено вечеромъ 14-го Августа.

Предсѣдатель Пермской Архивной Комиссіи В. С. Малченко прочелъ докладъ *Объ оффиціальномъ назначеніи и научно-историческихъ задачахъ Губернскихъ Архивныхъ Комиссій* [3]).

Въ докладѣ указаны мѣры къ улучшенію положенія Архивныхъ

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 139.

[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. VI и VII, стр. 9.

[3]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. VI и VII, стр. 1.

дома на столпахъ, который, по первоначальнымъ извѣстіямъ о слав нахъ, возводился ими для погребенія покойника и который находят внутри нѣкоторыхъ кургановъ Минской губерніи.

В. И. Колосовъ замѣтилъ, что у докладчика преувеличиваетс количество норманновъ, бывшихъ на Руси.

Высокопреосвященный Димитрій подтвердилъ съ своей стороны мнѣніе А. А. Спицына о происхожденіи кургановъ, которые (а равн могильныя насыпи вообще) именуются въ нѣкоторыхъ мѣстностях Малороссіи «домовинами».

Членъ Тверской Архивной Комиссіи П. Ѳ. Симсонъ сдѣлалъ со общеніе *О находкахъ подъ г. Ржевомъ каменныхъ орудій эпох палеолитической и неолитической* [1]).

Въ краткомъ докладѣ П. Ѳ. передалъ содержаніе своей книги: «Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ», изданной къ настоящему съѣзду, и статьи: «Русскій Перигоръ» (Московскія Вѣдомости № 308 за 1902 г.). Докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: На обоихъ берегахъ р. Волги подъ г. Ржевомъ имъ обнаружены несомнѣнные слѣды палеолитической эпохи, оставленные первыми насельниками, двигавшимися по Волгѣ съ Востока. За этими насельниками двигались другіе пришельцы, переносившіе усовершенствованія въ дѣлѣ выработки каменныхъ орудій: палеолитическая эпоха постепенно переходила въ неолитическую. Крайне желательны изслѣдованія въ этомъ направленіи по всему теченію Волги до Камскаго устья и далѣе по Камѣ и ея притокамъ. Волжскіе насельники въ неолитическую эпоху не были грубыми дикарями: помимо обнаруженнаго ими искусства въ приготовленіи каменныхъ орудій, они обладали и художественнымъ вкусомъ. Докладчикъ объяснилъ, что хотя онъ и пользовался только что осужденнымъ А. А. Спицынымъ методомъ собиранія каменныхъ орудій на поверхности по обрывамъ р. Волги, но находитъ этотъ методъ столь-же правильнымъ, какъ и сниманіе пластовъ почвы для розысканія этихъ орудій.

Н. Е. Макаренко высказалъ мнѣніе, что большинство каменныхъ орудій П. Ѳ. Симсона суть природные камни изъ диллювіальныхъ отложеній, не разъ смущавшіе иностранныхъ изслѣдователей; онъ самъ, подобно докладчику, видѣлъ тысячи такихъ камней при своей недавней поѣздкѣ на лодкѣ по р. Волгѣ отъ Ржева до Твери.

---

[1]) Напечатано въ Трудахъ, отд. 1, стр. 249.

П. Ѳ. Симсонъ обратился къ присутствующимъ съ просьбой не произносить такихъ огульныхъ осужденій его коллекціи, а доказывать его неправоту на отдѣльныхъ орудіяхъ.

В. И. Колосовъ указалъ на слишкомъ малую обоснованность утвержденій докладчика о найденныхъ имъ на каменныхъ орудіяхъ изображеніяхъ человѣка и животныхъ, о типахъ ложки и вилки. Вообще въ коллекціи нѣсколько похожи на настоящія каменныя орудія только тѣ отбитые осколки, которые докладчикъ причисляетъ къ Маделенскому типу и нѣкоторыя другія орудія.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ въ извлеченіи сообщеніе члена Тверской Архивной Комиссіи В. Н. Мальковскаго: *О раскопкѣ кургана въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи, произведенной г. Мальковскимъ 2—7 сентября 1902 г.* [1]).

В. Н. Мальковскій изслѣдовалъ путемъ раскопки одинъ цѣльный курганъ и другой, раскопанный неизвѣстно кѣмъ ранѣе. Въ первомъ курганѣ имъ открыты зольныя пятна; костякъ лежитъ на грунтовой землѣ, съ вытянутыми по бокамъ руками, головой на западъ, въ ногахъ небольшой глиняный горшокъ съ орнаментомъ изъ ямокъ. Въ курганѣ найдено: двѣ сердоликовыхъ призматическихъ граненыхъ бусы и одна металлическая круглая пластинка съ круглымъ небольшимъ отверстіемъ посрединѣ. Въ другомъ попорченномъ курганѣ найденъ на половину сохранившійся черепъ и кости въ безпорядкѣ. По мнѣнію В. Н. Мальковскаго, изслѣдованный имъ курганъ славянскій и относится къ XI в. Жителями Бѣжецкаго Верха въ курганный періодъ были новгородскіе славяне.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по II отдѣлу программы. Областная Исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель Д. И. Иловайскій, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: І. К. Линдеманъ и М. В. Рубцовъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ сдѣлалъ докладъ *О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ* [1]).

Существуютъ житія Муромскихъ князей: Константина и чадъ его, Михаила и Ѳеодора, и другое: князя Петра и супруги его Февроніи. Кто были эти князья и когда они жили? Князь Константинъ, по

---

[1]) Напечатано въ Трудахъ, отд. I, стр. 73.

[1]) Напечатано въ Трудахъ, отд. II, стр. 315.

мнѣнію Н. Д. Квашнина-Самарина, есть одно лицо съ Ярославомъ Святославичемъ, родоначальникомъ Муромскихъ князей, сыновья Ярослава: Святополкъ тождественъ съ благовѣрнымъ Ѳеодоромъ житія, а Ярославъ съ Михаиломъ. Время жизни Ярослава Святославича и обстоятельствъ, описанныхъ въ житіи, относится къ концу XI и началу XII столѣтія. Упоминаемаго въ другомъ житіи князя Петра Муромскаго историки отождествляютъ съ Давидомъ Юрьевичемъ, умершимъ въ 1228 году. Н. Д. на основаніи родословныхъ книгъ (Временникъ) утверждаетъ, что благовѣрный князь Петръ Муромскій былъ современникомъ Калиты и жилъ въ началѣ XIV вѣка.

Профессоръ И. А. Шляпкинъ доложилъ *О древнихъ русскихъ крестахъ намогильныхъ и памятныхъ и поклонныхъ.*

Докладъ сопровождался показываніемъ многочисленныхъ рисунковъ. Обычный способъ древняго христіанскаго погребенія послѣ криптъ въ катакомбахъ представляли саркофаги, продолговатые четыреугольные ящики, прикрытые двускатной кровлей. Форма саркофаговъ перешла и къ намъ на Русь. О широкомъ распространеніи ея у насъ свидѣтельствуютъ такъ называемые голубцы или голбцы. Голубцы—это домики, будки съ крышкой и крестомъ посрединѣ. Существующій опытъ выкладывать на могилѣ уступчатую пирамиду изъ дерна, помимо естественныхъ условій насыпи, тоже напоминаетъ форму саркофага. На каменныхъ саркофагахъ крестъ помѣщался на сторонахъ и на фронтонѣ. Естественно было появиться ему и на фронтонѣ деревяннаго голбца. Это было тѣмъ удобнѣе, что крыша сруба сохраняла крестъ отъ дождя. Такимъ же накрытіемъ стали покрывать и отдѣльно стоявшіе кресты. Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ и при отсутствіи рабочихъ рукъ, кресты съ накрытіемъ постепенно замѣнили голбцы. Вмѣсто кропотливаго сооруженія ставился крестъ съ накрытіемъ, подъ которымъ у Знаменія креста могла, по народному представленію, пріютиться и душа человѣческая. Такъ появились и обыкновенные деревянные и каменные кресты.—Всѣ неподвижные кресты раздѣляются на кресты, помѣщенные отдѣльно отъ постройки, и на задѣланные въ стѣны церквей, колоколенъ, укрѣпленій. Первые ставятся при построеніи церкви, на могилахъ, на мѣстахъ, чѣмъ либо памятныхъ въ религіозномъ отношеніи, на межевыхъ границахъ. Другіе кресты кирпичные и каменные встрѣчаются съ давнихъ поръ въ архитектурѣ православныхъ церквей въ Византіи, Грузіи, Арменіи, Россіи и на славянскомъ югѣ. Металлическій крестъ вѣнчаетъ куполъ. Наименованіе этихъ

крестовъ «закладными» указываетъ лишь на фактъ ихъ закладки въ стѣну. Другое названіе ихъ «поклонными» слишкомъ общее: вѣдь и на купольный и на могильный крестъ можно перекреститься и помолиться. Въ большинствѣ всѣ эти закладные кресты суть обѣтные, поставленные во избавленіе отъ грядущаго зла или въ благодареніе Богу за Его благодѣянія въ какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ [1]).

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ въ извлеченіи сообщеніе члена Ярославской Архивной Комиссіи А. А. Титова: *Земельныя владѣнія Нагихъ въ Ярославской, Владимірской и Тверской губерніяхъ и духовная память Ивана Григорьевича Нагова* [2]).

Въ докладѣ указаны земельныя владѣнія Нагихъ въ Ростовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ Ярославской губерніи, Переяславскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, и Тверскомъ уѣздѣ. Кромѣ духовной памяти И. Г. Нагова, къ докладу приложенъ списокъ всѣхъ Нагихъ, погребенныхъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Послѣ окончанія дневного засѣданія, въ 3 часа дня состоялась *экскурсія* членовъ съѣзда для раскопокъ кургановъ *въ Дуденево*. Мѣстность Дуденево расположена на лѣвомъ берегу рѣки Волги въ 15 верстахъ вверхъ по рѣкѣ отъ Твери. Путешествіе совершено было на двухъ казенныхъ пароходахъ «Тверь» и «Селижаровка», предоставленныхъ для членовъ съѣзда Вѣдомствомъ Путей Сообщенія. Дуденевскіе курганы расположены на возвышенной площадкѣ, покрытой сосновымъ лѣсомъ, между берегомъ р. Волги и долиною впадающей здѣсь въ Волгу р. Тьмы. Курганы имѣютъ значительную высоту, тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, хорошей сохранности и въ общемъ представляютъ картину рѣдкой красоты и величавости. Въ присутствіи членовъ съѣзда было раскопано семь кургановъ; раскопками руководили Ю. Г. Гендуне и В. И. Колосовъ. Всѣ раскопанные курганы весьма правильной типичной формы, имѣютъ насыпь вышиной отъ $1^1/_2$ до 2 арш., костяки въ нихъ лежатъ на материкѣ, головою на З. или С.-З.; во всѣхъ курганахъ около ногъ найдены глиняные горшки или черепки отъ горшковъ. На костякахъ и около нихъ найдены: желѣзные ножи, мѣдныя пряжки, височныя кольца,

---

[1]) Докладъ не напечатанъ.

[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. II, стр. 67.

[3]) Самые высокіе курганы не раскапывались за трудностію работы; на нихъ выросли громадные деревья.

стеклянныя бусы простыя и золоченыя, бубенчики, кольца-перстни; на обмываемомъ р. Волгой берегу вблизи того мѣста, гдѣ расположены курганы, найдены: нуклеусъ изъ кремня, кремневые наконечники стрѣлъ, скребки и кремневые осколки разныхъ каменныхъ орудій. Всѣ раскопанные курганы по типу погребеній и находкамъ относятся къ XI—XII в.в. Въ одномъ курганѣ обнаружено два костяка: мужской и женскій; оба лежатъ рядомъ и обнявшись. Эта находка въ связи съ общимъ повышеннымъ настроеніемъ экскурсантовъ, совершившихъ путешествіе по Волгѣ при отличной погодѣ, привлекательная мѣстность, рѣдкіе по своей правильной формѣ и красотѣ курганы, вдохновили одного изъ членовъ съѣзда Н. Г. Первухина описать раскопки въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Ужъ вечеръ. Тонетъ темный боръ
Въ закатѣ чистомъ и румяномъ.
Но шумно льется разговоръ
Въ затишьи лѣса, надъ курганомъ.
А тамъ, на днѣ, куда толпа
Такъ жадно смотритъ безъ отвѣта,
Обнялись крѣпко два скелета,
И тлѣютъ рядомъ черепа.
Увы! Забылись ихъ дѣла,
Истлѣли пышные уборы,
Угасла жизнь, потухли взоры,
Одна любовь не умерла [1]).

11 августа. Вечернее засѣданіе.

Отдѣлъ I. Первобытныя древности.

Почетный Предсѣдатель А. А. Савельевъ, Предсѣдатель В. Н. Перетцъ, секретари: А. С. Раевскій, Н. М. Бекаревичъ и В. И. Колосовъ.

Членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института Н. Е. Макаренко сдѣлалъ сообщеніе: *Результаты археологическихъ экскурсій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ; могильникъ мѣднаго вѣка въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи* [2]).

Въ 1902 году авторомъ доклада по порученію Императорскаго

---

[1]) Экскурсія въ Дуденево описана А. В. Половцевымъ въ фельетонѣ Московскихъ Вѣдомостей, № 227 за 19 августа 1903 годъ подъ заглавіемъ: На Волгѣ XI вѣка.

[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. I, стр. 63.

Русскаго Археологическаго Общества были обслѣдованы Калязинскій и Корчевской уѣзды Тверской губерніи и Угличскій уѣздъ Ярославской губерніи съ цѣлью главнымъ образомъ отыскать финскіе могильники, чего однако достигнуто не было. Въ тѣхъ же уѣздахъ были произведены докладчикомъ раскопки кургановъ; курганы оказались принадлежащими къ XI—XIII в.в. Кромѣ того, въ Калязинскомъ и Мышкинскомъ уѣздахъ было найдено два позднихъ могильника. Въ 1903 году г. Макаренко получилъ порученіе изслѣдовать городища по верхнему теченію р. Волги отъ Ржева до Твери и проѣхалъ все это пространство въ лодкѣ, при чемъ были осмотрѣны 9 уже извѣстныхъ городищъ и открыто 6 новыхъ. Подъ культурнымъ слоемъ одного изъ вновь открытыхъ городищъ (въ имѣніи г. Лихачева Зубцовскаго уѣзда) неожиданно былъ найденъ могильникъ мѣднаго вѣка.

А. А. Спицынъ въ дополненіе къ докладу г. Макаренко обратилъ вниманіе на то, какъ новѣйшія изслѣдованія въ верхнемъ Поволжьѣ расшатали Мерянскую теорію графа А. С. Уварова. Такъ, въ пространствѣ между Мологой, Сурой и Рязанью теперь открыто до 20 несомнѣнно финскихъ мѣдныхъ могильниковъ въ западной части наряду съ курганами и жальниками славянскими, въ которые попали и отдѣльные предметы типа финскихъ могильниковъ, какъ напр. бляшка VIII в., найденная художникомъ Чайковскимъ близъ озера Кафтино при слѣдахъ новгородскаго жальника XIV—XV в.в. Не менѣе интересны городища, изъ которыхъ въ старѣйшихъ встрѣчается масса кремневыхъ орудій и колотыхъ камней, но съ черепками новой керамики (продолжающейся въ желѣзномъ вѣкѣ); если же снять верхніе слои, то въ нижнихъ можно найти и черепки старой керамики, каменнаго вѣка. Наиболѣе любопытнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ является обслѣдованное г. Макаренко городище при с. Прислонъ Калязинскаго уѣзда. Вообще же отысканіе могильниковъ и изученіе нижнихъ слоевъ городищъ представляетъ весьма поучительную задачу для провинціальныхъ археологовъ.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по II отдѣлу программы. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель Д. И. Иловайскій, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: М. В. Рубцовъ и І. К. Линдеманъ.

XLII.

Проф. И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ сообщеніе *О каменномъ крестѣ 1224 года князя Святослава Всеволодовича въ гор. Юрьевѣ Польскомъ* [1]).

Крестъ находится въ Юрьевскомъ соборѣ въ новомъ тепломъ придѣлѣ, въ иконостасѣ налѣво отъ царскихъ вратъ. Онъ составленъ изъ пяти плитъ бѣлаго камня вышиною 2 арш. 6 вер. и въ поперечникѣ 3 арш. 1 верш. По сторонамъ рѣзного распятія изображенія: по правую Богоматерь и жены мироносицы, на краю Николай чудотворецъ, по лѣвую Іоаннъ Богословъ, Логгинъ сотникъ съ покровомъ на головѣ, въ чешуйчатой бронѣ по колѣна и со щитомъ въ рукѣ, на краю Тихонъ Амаѳунтскій въ святительскомъ облаченіи. На крестѣ имѣется надпись, которая въ возстановленномъ видѣ читается такъ: «въ лѣто 6732 мѣсяца іюня въ 30 день на память святого Іоанна воинника поставленъ крестъ съ святославьмъ Всеволодовичемъ. Аминь». По мнѣнію И. А. Шляпкина, распятіе составляло отдѣльное отъ собора и болѣе раннее сооруженіе, можетъ быть, каменницу, по мѣстному владимірскому названію, т. е. часовню. Мысль о сооруженіи креста съ предстоящими явилась въ виду принесенія во Владиміръ изъ Царяграда частицы древа Господня и мощей св. Маріи Магдалины и св. сотника Логгина въ 1218 году. Сооруженіе особой каменницы съ рѣзнымъ изображеніемъ распятія съ предстоящими святыми было закончено княземъ Юрьева Польскаго Святославомъ Всеволодовичемъ ко дню древняго празднованія Воздвиженія креста 30 іюля 1224 года. Изображенія Николая чудотворца и св. Тихона Амаѳунтскаго сдѣланы въ память благополучнаго избавленія князя отъ опасности во время войны съ болгарами послѣ взятія болгарскаго города Ошеля на Волгѣ 15 іюня 1220 года (память св. Тихона Амаѳунтскаго 16 іюня). Распятіе сдѣлано изъ привезеннаго изъ Болгаръ камня, вѣроятно, мастерами Юрія Всеволодовича и напоминаетъ изображенія русскихъ псалтирей XIII и XIV в.в.

По предложенію Предсѣдателя, И. А. Шляпкину членами съѣзда была выражена благодарность за его доклады, въ которыхъ обнаружилась его громадная эрудиція и горячая любовь къ родной старинѣ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи М. В. Рубцовъ сообщилъ *О деньгахъ великаго княжества Тверского* [2]).

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. V, вып. 2, стр. 43.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, Отд. II, стр. 83.

Обширное изслѣдованіе М. В. Рубцова было доложено въ извлеченіи. Въ изслѣдованіи содержится систематическое описаніе Тверскихъ денегъ, построенное на научныхъ данныхъ, выведенныхъ изъ изученія особенностей культурной и политической исторіи Тверского края, почему авторъ и называетъ свой трудъ археолого-нумизматическимъ опытомъ изъ исторіи Тверской культуры XIII—XV в.в. Первые шесть главъ первой части изслѣдованія представляютъ собой очерки по исторіи культуры Тверского княжества, во второй части спеціально нумизматической описаны серебряныя монеты Тверскихъ князей: Михаила Александровича, Ивана Михайловича, Бориса Александровича и Михаила Борисовича. Изслѣдованіе М. В. не закончено.

Докладъ М. В. Рубцова вызвалъ большой интересъ со стороны членовъ съѣзда, которые выразили желаніе видѣть его скорѣе въ печати.

---

12 августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣлъ II. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель Н. В. Султановъ, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: І. К. Линдеманъ и М. В. Рубцовъ.

Предсѣдатель Пермской Архивной Комиссіи В. С. Малченко доложилъ въ извлеченіи сообщеніе Н. А. Рожкова: *О подборѣ и изученіи матеріала къ исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи* [1]).

Основной вопросъ хозяйственной исторіи Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка—это вопросъ объ организаціи и разложеніи крѣпостного (помѣщичьяго и крестьянскаго) хозяйства. Для отвѣта на этотъ вопросъ существенно необходимо широкое знакомство съ матеріалами, которые нельзя найти почти нигдѣ, кромѣ помѣщичьихъ экономій. Старые счета, приходо-расходныя книги, отчеты приказчиковъ, хозяйственная переписка—все это хранится еще до сихъ поръ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и чаще всего подвергается опасности совершеннаго уничтоженія. Собрать этотъ матеріалъ невозможно одному человѣку. Необходимо, чтобы въ средѣ мѣстныхъ жителей нашлись работники, которые подвергали бы изученію эти документы, руководясь опредѣленной, правильно составленной программой. Конечно, если бы оказалось, что владѣльцы документовъ ничего не имѣютъ противъ высылки ихъ во временное пользованіе въ Москву, проще всего было бы вос-

[1]) Напечат. въ журн. Правда, 1904 года, августъ, стр. 163.

пользоваться этимъ ихъ согласіемъ [1]), но на случай отказа необходимо составить армію на мѣстѣ.

Программа такой работы на мѣстѣ слѣдующая:

I. Первый вопросъ, который необходимо разрѣшить при изученіи того или другого хозяйства, это вопросъ о томъ, какъ велики были размѣры даннаго имѣнія? Свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть, если не исключительно, то главнымъ образомъ изъ всякаго рода актовъ отчужденія недвижимой собственности, перехода ея изъ однѣхъ рукъ въ другія. Таковы купчія, закладныя, данныя, вводные листы, завѣщанія.

II. Тѣже документы, а также инструкціи приказчикамъ, управляющимъ и бурмистрамъ даютъ матеріалъ для отвѣта на второй вопросъ,—о томъ, какова была относительная величина барской и крестьянской (т. е. находившейся въ пользованіи крестьянъ) земли?

III. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпается матеріалъ и для рѣшенія третьяго вопроса,—каково было распредѣленіе земли по угодьямъ (усадебная земля съ огородами и коноплянниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгонъ) у барина и у крестьянъ?

IV. Четвертый вопросъ касается того, сколько было крестьянъ въ имѣніи, и каковы были размѣры ихъ земельныхъ надѣловъ. Если бы удалось найти текстъ приговора мірского схода о передѣлѣ земли, то отвѣтъ на вторую часть этого вопроса легко было бы почерпнуть изъ такого текста. Могутъ быть данныя такого рода и въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ бурмистромъ, приказчикомъ или управляющимъ. Но наряду со всѣмъ этимъ не разъ уже названные выше документы объ отчужденіи даютъ возможность опредѣлить число крестьянъ и среднюю величину надѣла на душу мужского пола и на тягло.

V. Указанные сейчасъ документы позволяютъ рѣшить и пятый вопросъ: сколько было дворовыхъ въ имѣніи?

VI. Шестой вопросъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: производились ли передѣлы крестьянской земли, и если производились, то какъ часто? Матеріала для отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ хозяйственной перепискѣ землевладѣльца съ его довѣренными лицами,—приказчиками, управляющими и бурмистрами.

VII. Седьмой пунктъ сводится къ изслѣдованію степени примѣненія барщины и оброка въ имѣніи. Объ этомъ можно узнать изъ довольно разнообразныхъ документовъ. Прежде всего тѣ же акты отчуж-

[1]) Въ такомъ случаѣ можно направлять документы по слѣдующему адресу: Москва, Императорскій Университетъ, Николаю Александровичу Рожкову.

денія недвижимости заключаютъ въ себѣ нерѣдко указанія на барщину или оброкъ. Въ инструкціяхъ приказчикамъ и управляющимъ и въ условіяхъ съ ними также часто попадаются свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ. Наконецъ, текущая хозяйственная переписка помѣщиковъ съ бурмистрами также иногда доставляетъ матеріалъ по вопросу объ оброкѣ и барщинѣ крестьянъ; въ такой перепискѣ встрѣчаются иногда расписанія работъ и платежей.

VIII. Въ связи съ этимъ послѣднимъ стоитъ восьмой вопросъ: не было ли вольнонаемныхъ рабочихъ въ имѣніи, и если были, то мѣстные это были крестьяне или приходцы изъ другихъ уѣздовъ или губерній? Отвѣта надо искать въ тѣхъ же «расписаніяхъ», въ хозяйственной перепискѣ, инструкціяхъ приказчикамъ и условіяхъ съ ними.

Тѣ же «расписанія» и «журналы», хозяйственная переписка, инструкціи и условія съ приказчиками помогаютъ освѣтить девятый вопросъ: не было ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или у постороннихъ за деньги или за отработки на барской пашнѣ и на условіи испольщины (изъ половины, или вообще изъ какой-либо доли урожая)?

X. Десятый вопросъ формулируется слѣдующимъ образомъ: нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и крестьянъ? Указанія въ этомъ смыслѣ даются прежде всего опять-таки актами отчужденія недвижимой собственности.

XI. Переходимъ къ одиннадцатому вопросу: какіе хлѣба сѣялись, въ какомъ количествѣ и какъ густо? Данныя для отвѣта на этотъ вопросъ могутъ попадаться нерѣдко въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ его довѣренными лицами, но всего чаще и въ надлежащей полнотѣ они встрѣчаются въ приходо-расходныхъ книгахъ и вѣдомостяхъ, въ которыхъ означались приходъ и расходъ хлѣба (для денежнаго прихода и расхода обыкновенно велись особыя книги).

XII. Въ тѣсной связи съ предшествующимъ стоитъ двѣнадцатый вопросъ,—какова была урожайность разныхъ хлѣбовъ? Матеріалъ для его рѣшенія надо искать въ хозяйственной перепискѣ и въ особыхъ вѣдомостяхъ и листкахъ объ умолотѣ и сборѣ хлѣбовъ.

XIII. Тринадцатый вопросъ,—какія употреблялись земледѣльческія орудія?—освѣщается, если не исключительно, то главнымъ образомъ приходо-расходными книгами и вѣдомостями, въ которыхъ обозначается покупка орудій, и иногда встрѣчающимися инвентарными описями.

XIV. Большое значеніе имѣетъ четырнадцатый вопросъ,—не сѣялись ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимофеевка)? На это встрѣчаются указанія въ книгахъ, тетрадяхъ и вѣдомостяхъ о сборѣ хлѣба и сѣна.

Всѣ четырнадцать поставленныхъ выше вопросовъ представляютъ собою одно цѣлое: отвѣты на нихъ освѣщаютъ важнѣйшую сторону помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства въ крѣпостное время,—именно сельскохозяйственное производство. Но этимъ далеко еще не исчерпывается интересъ хозяйственныхъ документовъ крѣпостной эпохи, до сихъ поръ часто попадающихся въ помѣщичьихъ экономіяхъ. И другія двѣ стороны сельскохозяйственной промышленности,—обмѣнъ и распредѣленіе,—получаютъ надлежащее освѣщеніе черезъ посредство этихъ документовъ.

XV—XVI. Для изученія обмѣна важны два вопроса: пятнадцатый,—какъ и въ какомъ количествѣ сбывались продукты сельскохозяйственнаго производства бариномъ и крестьянами? и шестнадцатый,—что, гдѣ и въ какомъ количествѣ покупалось бариномъ и крестьянами для потребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цѣлей? На оба вопроса даютъ отвѣтъ одни и тѣ-же документы,—приходо-расходныя книги и вѣдомости и хозяйственная переписка землевладѣльцевъ съ управляющими и приказчиками.

XVII—XIX. Три вопроса касаются распредѣленія хозяйственныхъ благъ: семнадцатый,—каковы были размѣры оброковъ и степень тяжести барщины? восемнадцатый—какова была степень доходности имѣнія? и девятнадцатый,—состояло ли данное имѣніе въ залогѣ, на какихъ условіяхъ и съ какого времени? На первый изъ этихъ вопросовъ проливаютъ свѣтъ главнымъ образомъ инструкціи приказчикамъ и управляющимъ и спеціальные «журналы» и «расписанія». Въ этихъ же документахъ и въ хозяйственной перепискѣ почерпаются свѣдѣнія по девятнадцатому вопросу,—о залогѣ имѣнія.

Все вышеизложенное, какъ было сказано, касается сельскохозяйственной промышленности. Но легко можетъ случиться, что данное имѣніе не было чисто сельскохозяйственнымъ, что документы, къ нему относящіеся, характеризуютъ и другія отрасли хозяйства,—промышленность добывающую и обработывающую. Поэтому, изучая матеріалъ, хранящійся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, полезно имѣть въ виду еще слѣдующіе вопросы.

XX. Двадцатый вопросъ: не было ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если были, то имѣлось ли при этомъ въ виду собственное потребленіе, или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначался для скупщика? Надо сознаться, что въ документахъ, касающихся помѣщичьяго хозяйства, рѣдко и только случайно попадаются данныя по этому важному вопросу. Всего скорѣе на нихъ можно натолкнуться при изученіи свѣдѣній о оброкахъ.

XXI. Двадцать первый вопросъ: не было ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки? И здѣсь вѣдомости о приходѣ и хозяйственная переписка, отмѣчающія оброкъ, получаемый съ крестьянъ, могутъ сообщить интересныя свѣдѣнія.

XXII. Двадцать второй вопросъ: не было ли въ имѣніи эксплуатаціи какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предпріятій (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если были, то крестьяне ли того же помѣщика на нихъ работали, или посторонніе; на какихъ условіяхъ; добывалось ли все сырье въ данномъ имѣніи; были ли машины; куда и какъ сбывались продукты? Этотъ сложный вопросъ, имѣющій первостепенную важность, можетъ быть разъясненъ при помощи цѣлаго ряда разнообразныхъ документовъ: о немъ говорится и въ купчихъ, и въ закладныхъ, и въ завѣщаніяхъ, и въ инструкціяхъ приказчикамъ, и въ перепискѣ, и въ «журналахъ» и «расписаніяхъ», и въ приходо-расходныхъ вѣдомостяхъ. Но наиболѣе полно онъ освѣщается именно въ «журналахъ» и «расписаніяхъ».

XXIII. Наконецъ, послѣдній двадцать третій вопросъ: чѣмъ заняты были вообще дворовые и, въ частности, не отпускались ли они на оброкъ, и если отпускались, то куда и для какихъ занятій? И здѣсь главными источниками являются инструкціи, переписка, приходо-расходныя вѣдомости, «журналы» и «расписанія».

Само собою разумѣется, что чѣмъ богаче, обильнѣе будетъ матеріалъ, тѣмъ большее количество поставленныхъ выше вопросовъ найдетъ себѣ отвѣты. Но не слѣдуетъ смущаться, если хозяйственный матеріалъ по тому или другому имѣнію не захватитъ всего, потому что, во-первыхъ, въ такихъ экономіяхъ, которыя существовали на чисто сельскохозяйственной основѣ, многаго, означеннаго въ нашихъ вопросахъ, и быть не могло; во-вторыхъ, многое,—напр., усовершенствованныя орудія, вольнонаемный трудъ, травосѣяніе,—несвойственно

было отсталымъ помѣщичьимъ экономіямъ; въ третьихъ, наконецъ, если бы оказалась неполнота данныхъ по другимъ, случайнымъ причинамъ (напр., вслѣдствіе утраты или уничтоженія части документовъ),—все-таки необходимо исчерпать все, имѣющееся налицо, такъ какъ и по сохранившимся остаткамъ можно возстановить цѣлое.

Всякая работа спорится, идетъ успѣшно лишь при томъ условіи, если работникъ любитъ и цѣнитъ ее, убѣжденъ въ ея плодотворности. Въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ разъясненія поставленныхъ вопросовъ. Отвѣчая на нихъ, мы можемъ уяснить себѣ механизмъ крѣпостного хозяйства и опредѣлить процессъ его паденія и силы, вызвавшія этотъ процессъ. Такъ, развитіе травосѣянія, введеніе машинъ, улучшенныхъ орудій, высшихъ сортовъ хлѣба, ростъ вольнонаемнаго труда, уменьшеніе барщины, развитіе аренды за отработки и испольщины, отпускъ дворовыхъ на оброкъ для фабричной работы, ростъ торговли хлѣбомъ, поступательное движеніе помѣщичьихъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій—все это яркіе признаки упадка крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній и зарожденія и развитія новаго экономическаго строя. Великое историческое значеніе такого рода наблюденій выступаетъ такимъ образомъ съ совершенной очевидностью.

Съѣздъ призналъ важное значеніе намѣченныхъ авторомъ доклада вопросовъ для изслѣдованія Архивныхъ Комиссій и согласился съ положеніемъ докладчика, что розысканіе и описаніе матеріаловъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи составляетъ, несомнѣнно, одну изъ задачъ Архивныхъ Комиссій.

Академикъ А. И. Соболевскій доложилъ *О названіяхъ озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ* [1]).

На основаніи данныхъ славянскаго языковѣдѣнія авторъ анализировалъ два названія озера Селигера, находящагося въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, Серегѣрь и Селижаръ. Славянскій языкъ знаетъ два смягченія гортаннаго звука *г*: въ *ж* и *з*. Первое смягченіе завершилось въ тотъ общеславянскій періодъ, когда всѣ славяне составляли еще одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, второе смягченіе относится къ болѣе позднему времени. Въ тотъ же общеславянскій періодъ звукъ *ѣ* послѣ шипящихъ и *j* перешелъ въ *а*. На этомъ основаніи А. И. заключаетъ, что обще-славяне имѣли понятіе объ озерѣ Селигерѣ, жили относительно недалеко отъ Селигера

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, Отд. II, стр. 1.

или одна часть границы обще-славянской пра-родины, именно, ея сѣверовосточный уголъ находился сравнительно близко отъ западной границы нынѣшней Тверской губернiи. Славяне на своей общей пра-родинѣ въ глубинѣ вѣковъ жили по сосѣдству съ нынѣшней Тверской губерніей (западнѣе ея). Такое заключеніе подтверждается и данными языка финновъ, съ которыми славяне были знакомы въ очень давнее время.

Докладъ А. И. Соболевскаго былъ выслушанъ членами съѣзда съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ.

Членъ Ярославской Архивной Комиссіи проф. И. Я. Гурляндъ сообщилъ на тему: *Романовскіе мурзы и ихъ служилые татары* [1]).

Въ 1563 году въ Москву явились выходцы нагайской орды мурзы Ибрагимъ и Ильмурза и съ ними ихъ служилые татары. Царь Иванъ Васильевичъ, пожаловавъ мурзамъ городъ Романовъ съ доходами и дворцовыя села въ уѣздѣ, предоставилъ имъ полную власть надъ служилыми татарами. Мурзы во всемъ вѣдали татаръ и верстали ихъ помѣстными и денежными окладами отъ себя, изъ своихъ помѣстій. Мурзы владѣли въ уѣздѣ крестьянами и деревнями, они завѣдывали денежными сборами и судомъ между татарами. Такой строй отношеній держался до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Владычество татаръ сопровождалось тяжелыми послѣдствіями для русскаго населенія посада и уѣзда, а исключительное положеніе ихъ не мирилось съ идеей единства государственнаго управленія. Поэтому въ 1613 году царь перевелъ мурзъ на жалованье, а городскихъ доходовъ брать не велѣлъ; въ 1614 году былъ изданъ новый воеводскій наказъ Романовскому воеводѣ, по которому онъ уже не агентъ татарскаго режима, а дѣйствительная власть, при которой мурзы никакихъ самостоятельныхъ правъ не имѣютъ. Въ 1616—1617 г.г. служилые татары были отведены отъ мурзъ и признаны самостоятельными служилыми людьми. Мурзы также превратились въ обыкновенныхъ служилыхъ людей.

Въ 1629 году всѣмъ крестившимся до этого года татарамъ дано было право отхода отъ мурзъ вмѣстѣ съ землями, а кто крестится впредь, получатъ земли отъ царя. Такъ постепенно татары ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ и уже въ 80 годахъ XVII вѣка Москва не знала вопроса о татарахъ Романовскаго уѣзда. Въ заключеніе доклада авторъ обратился къ членамъ съѣзда съ слѣдующимъ предложеніемъ. Однимъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ исторіи русскаго внутренняго управленія является вопросъ о моментѣ, съ котораго на-

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. II, стр. 5.

чалась централизація управленія, и о формахъ, въ какихъ это стремленіе выразилось. Россія сложилась изъ областей въ единое бюрократическое государство, всецѣло проникнутое идеей централизаціи, не знающее областныхъ различій. Когда и какъ сложился этотъ важный фактъ? Авторъ доклада высказываетъ предположеніе, что въ этомъ сложномъ дѣлѣ государственнаго строительства громадное значеніе имѣла личность патріарха Филарета. Эпоха патріарха Филарета — одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ нашей исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія. Но эта эпоха преимущественно можетъ быть изучена по даннымъ, которыя соберутъ мѣстные историки.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по отдѣлу IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

За отсутствіемъ проф. Н. В. Покровскаго, Предсѣдателемъ избранъ проф. Б. А. Тураевъ, секретари: И. В. Баженовъ и И. А. Виноградовъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи протоіерей Н. А. Криницкій сдѣлалъ докладъ *О жизни и дѣятельности протоіерея Осташковскаго Троицкаго собора А. Н. Колоколова (1763—1802 г.г.).*

Сынъ священника г. Осташкова, Колоколовъ, по окончаніи въ 1782 году курса въ Тверской Духовной Семинаріи, вслѣдствіе приглашенія Дружескаго Ученаго Общества былъ отправленъ въ Московскій Университетъ, гдѣ и состоялъ «на иждивеніи» означеннаго Общества. Окончивъ въ 1785 году курсъ въ Университетѣ съ отличіемъ, Колоколовъ по настояніямъ членовъ Дружескаго Общества остался при Университетѣ на нѣкоторое время съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ въ заграничные Университеты. Въ 1788 году Колоколовъ неожиданно принимаетъ священство и, возведенный въ санъ протоіерея, поселяется въ Осташковѣ. Разнообразная дѣятельность протоіерея Колоколова оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстномъ населеніи. Дѣятельность эта преслѣдовала тѣ же цѣли, осуществленіемъ коихъ занималось Дружеское Общество, и носитъ на себѣ по преимуществу филантропическій характеръ. Благотворительность протоіерея Колоколова не знала предѣловъ и онъ не только самъ, изъ своихъ собственныхъ средствъ оказывалъ матеріальное пособіе бѣднымъ, но побуждалъ къ этому и другихъ состоятельныхъ лицъ, пользуясь своимъ вліяніемъ. Обладая обширными медицинскими познаніями, онъ былъ единственнымъ врачемъ въ той глухой мѣстности и весьма многіе обязаны ему спасеніемъ своей жизни.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда его медицинскія познанія оказывались недостаточными, онъ или сносился письменно съ своими знакомыми Московскими докторами, или посылалъ къ нимъ больныхъ на излѣченіе. Замѣчательнымъ доказательствомъ его живого отношенія къ страждущему человѣчеству служитъ переведенное имъ съ нѣмецкаго языка врачебно-богословское сочиненіе съ примѣчаніями, имъ самимъ составленными, подъ заглавіемъ: «Полное и убѣдительное остереженіе отъ всѣхъ грѣховъ нечистоты и тайнаго любодѣянія, въ которомъ изъ врачебныхъ и богословскихъ основаній представляется ихъ опасность и и вредъ, вины и казни, и способы, какъ отъ нихъ избавиться». Получивъ превосходное образованіе, протоіерей Колоколовъ «не оставилъ въ недѣйствіи то, что пріобрѣлъ своимъ образованіемъ» и въ скоромъ времени по принятіи духовнаго сана открылъ въ своемъ домѣ пансіонъ «для благородныхъ и лучшихъ купеческихъ дѣтей, въ которомъ обучалъ ихъ иностраннымъ языкамъ и другимъ предметамъ». Отличаясь высоконравственнымъ характеромъ и образомъ жизни, онъ «всегда и вездѣ говорилъ приличное, сану своему свойственное, просвѣщенному уму или пастырю назидательное». Этимъ объясняется и то глубокое впечатлѣніе, какое онъ производилъ на иностранцевъ-иновѣрцевъ; многихъ изъ нихъ онъ обратилъ въ православіе. Но особенно достопримѣчательна проповѣдническая дѣятельность Колоколова, стяжавшая ему славу одного изъ лучшихъ проповѣдниковъ своего времени. Мистическое направленіе Дружескаго Общества въ сильной степени отразилось на проповѣднической дѣятельности Колоколова въ особенности въ первомъ ея періодѣ. Изъ проповѣдей его напечатаны были только 12 подъ заглавіемъ: «Любовь и миръ или возбужденіе къ любви и миру съ радостію совершившагося мира между жителями града». Изъ числа другихъ его сочиненій особенное вниманіе обращаетъ на себя акаѳистъ преподобному Нилу Столобенскому съ характернымъ припѣвомъ: «Радуйся, преподобне отче Ниле, небесный гражданине». Ему же принадлежитъ сборникъ нравственныхъ изреченій, переведенныхъ съ латинскаго, греческаго и другихъ языковъ и принадлежащихъ древнимъ философамъ, отцамъ церкви и святымъ [1]).

Членъ Тверской Архивной Комиссіи А. Ѳ. Селивановъ доложилъ *О протоіереѣ Ѳ. Ѳ. Сидонскомъ* [2]).

Протоіерей Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій родился въ семьѣ сель-

[1]) Докладъ нигдѣ не напечатанъ.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 31.

скаго священника Тверской губерніи въ 1805 году. По окончаніи курсовъ Тверской Семинаріи и Петербургской Духовной Академіи, онъ состоялъ въ послѣдней преподавателемъ философіи, но былъ уволенъ отъ службы въ Академіи, такъ какъ направленіе его ученой дѣятельности не встрѣчало сочувствія со стороны начальства.

Въ 1865 году Сидонскій былъ приглашенъ на каѳедру философіи въ С.-Петербургскій Университетъ, который еще раньше, въ 1864 году удостоилъ его степени доктора философіи. Авторъ солидныхъ ученыхъ трудовъ по философіи и богословію, Сидонскій постоянно былъ занятъ исполненіемъ разнаго рода порученій ученыхъ учрежденій, которыхъ онъ состоялъ членомъ. Скончался онъ въ 1873 году. Въ заключеніе своего собщенія А. Ѳ. высказалъ пожеланіе, чтобы Архивныя Комиссіи собирали матеріалы для біографическаго словаря уроженцевъ ихъ губерній, и въ библіотекахъ ихъ былъ учрежденъ мѣстный отдѣлъ ученыхъ трудовъ какъ уроженцевъ края, такъ и мѣстныхъ дѣятелей.

Предложеніе докладчика было принято съѣздомъ.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ въ извлеченіи сообщеніе члена Тверской Архивной Комиссіи В. Н. Мальковскаго: *Историко-археологическое изслѣдованіе иконы Николая чудотворца, именуемой по народному преданію Никола на Бреневѣ или Никола Лаптевъ* [1]).

Икона найдена авторомъ доклада въ часовнѣ с. Рыбинскаго Бѣжецкаго уѣзда среди разнаго хлама; она была покрыта толстымъ слоемъ пыли и грязи. По способу письма и палеографическимъ признакамъ время ея написанія авторъ доклада относитъ къ XV вѣку, а реставраціи (икона реставрирована) къ XVI-му вѣку, съ чѣмъ согласился и проф. Н. В. Покровскій, изслѣдовавшій икону раньше съѣзда. Икона первоначально находилась въ давно исчезнувшей церкви св. Сергія чудотворца, стоявшей въ мѣстности извѣстной подъ названіемъ Бренево, затѣмъ была помѣщена въ церкви села Рыбинскаго и лѣтъ 40 тому назадъ куда то исчезла. Въ мѣстномъ преданіи всегда хранилась память объ этой иконѣ; когда она была найдена, старожилы съ восторгомъ удостовѣрили, что она та самая, которую они чтили съ глубокой старины.

Во время съѣзда икона находилась на выставкѣ. Члены съѣзда признали за ней глубокую древность.

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 45.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по VI и VII отдѣламъ. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій, секретари: А. А. Мироновъ и Ѳ. А. Колодный.

Засѣданіе посвящено было докладу Предсѣдателя Воронежской Архивной Комиссіи Л. М. Савелова: *Въ защиту Ученыхъ Архивныхъ Комиссій* [1]). Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Предсѣдатель Нижегородской Архивной Комиссіи А. А. Савельевъ замѣтилъ, что отношеніе проф. Самоквасова къ Архивнымъ Комиссіямъ представляется ему крайне страннымъ. Идея основателя Архивныхъ Комиссій Н. В. Калачова состояла въ томъ, чтобы привлечь къ архивному дѣлу общество. Проектъ архивной реформы проф. Самоквасова совершенно устраняетъ общественныя силы и создаетъ бюрократическую организацію. Проф. Самоквасовъ, защищая свой проектъ, пристрастно выбираетъ мотивы и отыскиваетъ въ дѣятельности Комиссій недочеты, зависящіе больше отъ несовершенства самого Положенія о Комиссіяхъ 1884 года. Напротивъ, только съ появленіемъ у насъ Архивныхъ Комиссій стали сохраняться архивныя дѣла.

И. Я. Гурляндъ высказалъ, что для него несомнѣнны два факта: а) Архивныя Комиссіи нуждаются въ реформѣ, и б) книга проф. Самоквасова не нужная и даже вредная. Ненужная потому, что новаго она ничего не даетъ и все изложенное въ ней можно найти въ другихъ печатныхъ трудахъ, кромѣ развѣ того, что въ ней факты, извращены и передаются невѣрно; вредная потому, что Архивныя Комиссіи сами отлично сознаютъ недостатки своей организаціи, стремятся къ улучшенію и реформѣ. Книга же проф. Самоквасова, полная несправедливыхъ и пристрастныхъ обвиненій по адресу Комиссій, можетъ лишь возбудить обратное дѣйствіе: дѣятели Архивныхъ Комиссій, возбужденные несправедливыми нападками, станутъ, пожалуй, отстаивать даже свои ошибки. При всѣхъ несовершенствахъ своего положенія и полномъ отсутствіи денежныхъ средствъ Комиссіи дѣлаютъ очень много. Если подсчитать средства, отпускаемыя на наши центральные архивы, и сопоставить продуктивность работъ послѣднихъ, то мы увидимъ, что Архивнымъ Комиссіямъ нужно сказать большое спасибо за то, что они дѣлаютъ. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, центральныхъ архивахъ (Архивъ Министерства Юстиціи),

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. VI и VII, стр. 13.

не смотря на большія матеріальныя средства и на то, что работа по описанію дѣлъ производится тамъ подъ руководствомъ спеціалистовъ, дѣла и акты находятся не въ надлежащемъ порядкѣ, описаніе совершается крайне медленно.

Архивнымъ Комиссіямъ необходимы средства и прочное юридическое положеніе, а для объединенія ихъ дѣятельности областные археологическіе съѣзды.

Д. В. Скрынченко сказалъ, что сочиненіе проф. Самоквасова появилось въ Іюлѣ прошлаго года передъ самымъ началомъ Харьковскаго археологическаго съѣзда. Многіе члены Архивныхъ Комиссій не знали объ его существованіи или же не успѣли его прочитать. Застигнутые врасплохъ, они не могли своевременно дать отповѣдь автору. Правда, вскорѣ послѣ съѣзда по поводу этого сочиненія написали хорошія статьи В. Н. Сторожевъ, проф. А. И. Соболевскій, проф. Лаппо-Данилевскій, но указанныя лица не состоятъ рядовыми работниками Архивныхъ Комиссій и ихъ отпоръ проф. Самоквасову надо считать, такъ сказать, стороннимъ. И только теперь въ лицѣ Л. М. Савелова Архивныя Комиссіи даютъ детальный разборъ книги проф. Самоквасова. Это умѣстно и своевременно. Мнѣ думается, я буду выразителемъ общаго желанія, если выскажу Л. М. Савелову глубокую благодарность за его прекрасный рефератъ.

Л. М. Савелову была выражена благодарность съ рѣдкимъ единодушіемъ.

В. С. Малченко сообщилъ, что на Харьковскомъ съѣздѣ онъ вмѣстѣ съ Л. М. Савеловымъ и И. Я. Гурляндомъ выражалъ свои замѣчанія проф. Самоквасову и послѣдній публично взялъ назадъ свои слова о дѣятельности Архивныхъ Комиссій, заявивъ, что, такъ какъ реформа Архивныхъ Комиссій нужна безусловно, то, по его мнѣнію, въ интересахъ ея скорѣйшаго осуществленія необходимо показать положеніе Комиссій въ наихудшемъ освѣщеніи. При этомъ В. С. Малченко указалъ, что въ основу архивныхъ реформъ проф. Самоквасовъ полагаетъ бюрократическое начало, тогда какъ, говоря объ организаціи историческихъ музеевъ, онъ высказываетъ противоположныя мнѣнія. Страннымъ является также и то, что Московское Археологическое Общество, сочувствующее, повидимому, проф. Самоквасову и раздѣляющее его взглядъ на раціональность замѣны общественной иниціативы бюрократическимъ началомъ, само нѣкогда брошюрою, изданною къ VII Ярославскому археологическому съѣзду, призывало къ дѣятельности ту же общественную иниціативу, которую теперь отрицаетъ.

Пренія были закончены резюме Предсѣдателя проф. Н. В. Покровскаго, который сказалъ, что книга проф. Самоквасова, какъ показали отзывы о ней членовъ съѣзда, не принадлежитъ къ числу ученыхъ трудовъ, такъ какъ авторъ даетъ въ ней ложное освѣщеніе фактамъ. Книгу эту, какъ печальное явленіе, надо забыть и постараться самимъ спокойно обсудить недостатки Архивныхъ Комиссій. Вопросъ объ упорядоченіи архивнаго дѣла и организаціи Архивныхъ Комиссій очередной для настоящаго времени и имъ заняты и подлежащія высшія правительственныя учрежденія.

Въ $3^1/_2$ часа дня состоялось *обозрѣніе церкви Бѣлой Троицы, затѣмъ Желтикова монастыря и фабрики Тверской Мануфактуры Морозовыхъ.*

Каменная церковь Бѣлой Троицы въ Твери за Тьмакой построена въ 1564 году Гавріломъ Андреевичемъ Тушиньскимъ; въ 1572 году она была «дана вкладомъ» въ Троице-Сергіевъ монастырь на поминъ души строителя и его сродниковъ. Къ сожалѣнію, церковь не осталась безъ измѣненія благодаря позднѣйшимъ пристройкамъ. Церковь имѣетъ придѣлъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, оконченный строеніемъ раньше главнаго храма, въ 1563 году. Придѣлъ строителемъ его, Петромъ Давыдовичемъ Ламинымъ также «данъ вкладомъ» въ Троице-Сергіевъ монастырь. Въ церкви Бѣлой Троицы члены съѣзда осматривали достопримѣчательности: икону святой Троицы съ надписью: «писмо сіи образ бывшг гедрва мастера Московскаго Рублева»: икона, несомнѣнно, очень древняя, но принадлежность ея Рублеву считается сомнительною, такъ какъ самая надпись, по всей вѣроятности, позднѣйшаго времени; иконы св. Троицы и Николая чудотворца съ надписью, что онѣ писаны въ 1561 году замышленіемъ «многогрешнаго Нечая», икону: «Небесная Сѣнь»—письма конца XVI или начала XVII стол., царскія врата въ иконостасѣ Введенскаго придѣла, по характеру живописи на нихъ и орнамента относящіяся къ началу XVII стол. и сѣверныя двери въ этомъ иконостасѣ того же времени, иконостасъ въ главномъ храмѣ письма конца XVII стол. съ подновленіями, запрестольный деревянный семиконечный крестъ.

Желтиковъ Успенскій монастырь, находящійся въ 5 верстахъ отъ г. Твери, основанъ въ 1394 году при Тверскомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ Тверскимъ епископомъ св. Арсеніемъ, мощи котораго почиваютъ въ этомъ монастырѣ. Въ Желтиковѣ монастырѣ члены съѣзда

осматривали: покои, въ которыхъ неоднократно останавливались Императоръ Петръ Великій и царевичъ Алексѣй Петровичъ при проѣздахъ въ Москву и Петербургъ, церковь во имя Алексія, человѣка Божія, построенную Петромъ I въ честь Ангела царевича, по случаю выздоровленія царевича отъ болѣзни, комнату, въ которой останавливалась Императрица Елизавета Петровна, съ вензелевымъ изображеніемъ имени Императрицы на потолкѣ, древній покровъ на мощи свят. Арсенія и посохъ его. Но особенный интересъ членовъ съѣзда возбудила древняя панагія, лежащая на мощахъ святителя Арсенія. Съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Архіепископа Димитрія, панагія эта была снята съ мощей архимандритомъ Желтикова монастыря Владиміромъ и свящ. В. И. Некрасовымъ и съ нея были сдѣланы фотографическіе снимки. Это—наперсная раскрывная панагія; она никогда не снималась съ мощей святителя Арсенія и есть та самая панагія «Святаго Спаса», которую, какъ говорится въ житіи, «святой еще живъ сый ношаше»; въ 1657 году, по житію, нѣкій «безчестный» инокъ обители діаконъ Іоаннъ хотѣлъ похитить панагію съ мощей святителя, но «невидимою силою отринутъ бысть далече отъ гроба и тако ударися о помостъ церковный, яко быти ему совсѣмъ безчувственну». По житію, панагія относится къ XIV вѣку и всѣ признаки подтверждаютъ это. Съ внутренней стороны панагіи, состоящей изъ двухъ скрѣпленныхъ стержнемъ блюдцевъ, на одной изъ ея половинокъ находится изображеніе ветхозавѣтной Троицы съ надписью на верху: «стая троіца», а кругомъ по краямъ блюдца въ видѣ широкой ленты крупными буквами, залитыми синей финифтью, слова: «блгснъ іеси хе бе нашь яви ловця премудрыя посла намъ дхъ». На другой половинѣ панагіи находится изображеніе Знаменія Божіей Матери. Кругомъ блюдца надпись: «честнѣйшю херовимъ і славнѣйшю воістину серафимъ безъ...» Съ внѣшней лицевой стороны панагія имѣетъ довольно изящный видъ: среди наложеннаго филиграннаго ажурнаго орнамента находится пять расположенныхъ въ видѣ четырехконечнаго креста медальоновъ, на которыхъ вырѣзаны изображенія пяти святителей съ надписями въ столбцахъ: «...ванъ Григорни Никол... іванъ бословъ василіи агнос». На обратной сторонѣ закрытаго энколпіона имѣется изображеніе Преображенія Господня опять таки въ пяти медальонахъ, но орнамента нѣтъ.

Изъ Желтикова монастыря члены съѣзда прибыли на фабрику Морозовыхъ. Послѣ осмотра фабрики для гостей состоялся въ фабричномъ театрѣ спектакль. Изъ драмы «Князь Серебряный» была пред-

ставлена 4-я картина: «Божій судъ» и затѣмъ сцены изъ народнаго быта подъ заглавіемъ: «Тетка трещотка». Въ антрактахъ струннымъ оркестромъ Тверского вольнаго пожарнаго Общества были исполнены аріи изъ русскихъ оперъ. Послѣ спектакля было предложено хозяиномъ фабрики И. А. Морозовымъ угощеніе.

---

13 Августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣлъ I. Первобытныя древности.

Почетный Предсѣдатель А. В. Селивановъ, Предсѣдатель В. Н. Перетцъ, секретари: А. С. Раевскій, Н. М. Бекаревичъ и В. И Колосовъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи В. А. Плетневъ сообщилъ *О составленныхъ имъ ко времени съѣзда и изданныхъ Архивной Комиссіей археологической картѣ Тверской губерніи и объясняющей карту книгѣ: «Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи».*

Въ 1887 году покойный А. К. Жизневскій, собираясь на VII-й археологическій съѣздъ, бывшій въ Ярославлѣ, просилъ В. А. составить краткое извлеченіе изъ его книги о курганахъ и городищахъ и другихъ древностяхъ Тверской губерніи, напечатанной въ 1886 году. На основаніи этого извлеченія, подъ наблюденіемъ В. А., была составлена археологическая карта. А. К. демонстрировалъ карту на VII-мъ археологическомъ съѣздѣ.

По предложенію А. П. Богданова, послѣ съѣзда В. А. сократилъ извлеченіе, оставивъ въ немъ только описаніе кургановъ и находокъ каменнаго вѣка. Это извлеченіе вмѣстѣ съ картою было напечатано въ Извѣстіяхъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи подъ заглавіемъ: «А. К. Жизневскій. Курганы и находки каменнаго вѣка Тверской губерніи. Карта кургановъ и находокъ каменнаго вѣка Тверской губерніи». На совѣщаніи по поводу Тверского археологическаго съѣзда, бывшемъ 25 ноября 1901 года, В. И. Покровскій высказалъ мысль о желательности издать вновь археологическую карту Тверской губерніи, такъ какъ существующая карта имѣется въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и нуждается въ дополненіяхъ. Собраніе просило В. А. принять на себя трудъ составить новую карту и къ ней текстъ; В. А. согласился. Когда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1902 г. прибылъ въ Тверь на совѣщаніе Организаціоннаго Комитета съѣзда профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, В. А. сообщилъ ему о своихъ

занятіяхъ по составленію археологической карты и просилъ совѣта; С. Ѳ. обѣщалъ предпріятію свое полное содѣйствіе. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Твери онъ прислалъ три письма на имя В. А. Плетнева по дѣлу объ изданіи карты. С. Ѳ. наводилъ въ Петербургѣ справки въ картографическомъ заведеніи Ильина, гдѣ ему сообщили, что изданіе не представитъ затрудненій, если можно будетъ достать блѣдный оттискъ десятиверстной карты Тверской губерніи Главнаго Штаба. Тогда по ходатайству С. Ѳ., начальникъ военно-учебнаго архива въ Петербургѣ генералъ Мышлаевскій распорядился напечатать для Комиссіи безплатно пять экземпляровъ блѣдныхъ оттисковъ десятиверстной карты Главнаго Штаба. При помощи этихъ оттисковъ безъ особыхъ затрудненій и была напечатана археологическая карта Тверской губерніи.

Докладчикъ демонстрировалъ карту передъ членами съѣзда, указавъ въ ней расположеніе стоянокъ каменнаго вѣка, городищъ, кургановъ, и вмѣстѣ съ этимъ намѣтилъ тѣ пункты, гдѣ жили люди, населявшіе Тверской край въ доисторическое время. Особенное вниманіе В. А. обращалъ на тѣ мѣстности, гдѣ открыты были значительныя находки, позволявшія дѣлать точные выводы относительно ихъ обитателей. Сѣверная, западная и южная части губерніи представляютъ самую бо́льшую населенность въ древнее время, восточная и средняя части—меньшую. На картѣ нанесены всѣ пункты, въ которыхъ находимы были какіе бы то ни было предметы древности. Всѣхъ такихъ пунктовъ обозначено 645.

По предложенію А. Ѳ. Селиванова, В. А. Плетневу отъ имени съѣзда выражена благодарность за его труды по составленію археологической карты.

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе съѣзда на то обстоятельство, что карта В. А. Плетнева, извѣстная до послѣдняго времени подъ именемъ карты А. К. Жизневскаго, въ первомъ изданіи страдала неточностями, почему второе изданіе является особенно цѣннымъ. Для огромнаго большинства археоловъ оставалось также совершенно неизвѣстнымъ, что докладчикъ напечаталъ еще очень давно свѣдѣнія о предметахъ древности въ Тверской губерніи, полученныхъ отъ мѣстныхъ исправниковъ, становыхъ, священниковъ, учителей и другихъ лицъ; теперь свѣдѣнія эти изданы вновь и имѣютъ видъ капитальнаго труда, безъ котораго не обойдется ни одинъ изслѣдователь исторіи Тверского края.

Членъ Императорской Археологической Комиссіи А. А. Спицынъ

сдѣлалъ сообщеніе: *Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими* [1]), включивъ въ него, по просьбѣ Ю. Г. Гендуне, данныя изъ ея доклада о двухъ городищахъ въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губ. [2]).

Докладчикъ заявилъ, что Императорская Археологическая Комиссія и Императорское Русское Археологическое Общество, слѣдя съ большимъ интересомъ за возникновеніемъ областныхъ археологическихъ съѣздовъ, признали необходимымъ принять въ Тверскомъ съѣздѣ дѣятельное участіе и возложили на него главную работу въ этомъ направленіи. Предстояло, пользуясь матеріаломъ, въ изобиліи стекающимся въ центральное учрежденіе, какимъ является Императорская Археологическая Комиссія, переработать этотъ матеріалъ, относящійся до верхняго Поволжья. Задача эта, какъ можно видѣть изъ перваго выпуска V тома «Записокъ Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» и № 29-го Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи, выполнена. Важнѣйшимъ изъ установленныхъ вновь выводовъ является при этомъ мѣдный вѣкъ, господствовавшій отъ Ржева и Зубцова до Нижняго и Суры. На этомъ пространствѣ встрѣчаемъ много памятниковъ названнаго вѣка въ видѣ могильниковъ въ песчаной почвѣ съ погребеніями въ скорченномъ положеніи. Обычные предметы при такихъ погребеніяхъ: каменный полированный топоръ, каменный клинъ, подѣлки изъ костей, въ небольшомъ количествѣ мѣдные предметы (напр. молотки въ родѣ каменныхъ) и 3—4 шаровидныхъ, съ широкимъ горлышкомъ, горшечка съ хорошимъ орнаментомъ. Этотъ подборъ вещей докладчикъ наблюдалъ около самой Твери. Такіе могильники представляютъ огромный матеріалъ, который, несомнѣнно, будетъ больше изучаться, чѣмъ теперь, когда истощится интересъ къ курганамъ; могильники эти можно присоединить къ очень извѣстнымъ на югѣ погребеніямъ въ скорченномъ положеніи въ курганахъ, въ концѣ концовъ перенесеннымъ на холмы естественные и въ особенности къ курганамъ съ окрашенными костяками,—и тамъ (въ Кубанской области и Воронежской губерніи) и здѣсь кремневые длинные ножи, изящные полированные топоры, круглая форма сосудовъ и орнаментъ по бокамъ. Югъ ли воздѣйствовалъ тутъ на сѣверъ или наоборотъ, какое населеніе соотвѣтствуетъ этимъ могильникамъ ранняго мѣднаго вѣка,—пока неизвѣстно [3]).

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. I, стр. 1.

[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. I, стр. 261.

[3]) Подробнѣе см. Записки Отдѣленія Русской и Славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. V вып. I, стр. 77—93.

Тема о могильникахъ привела докладчика къ найденному въ 1830 годахъ замѣчательному Галичскому кладу мѣднаго вѣка съ человѣческими изображеніями [1]). Но его вещи—красной мѣди—принадлежатъ уже иному времени, чѣмъ могильники, и соотвѣтствуютъ изданнымъ докладчикомъ Холуницкимъ древностямъ (Вятской губерніи), находкамъ съ Дона (Воронежской губерніи) и нижняго Поволжья. Характерными для всѣхъ нихъ являются мѣдные топоры и копья. Такъ какъ подобныя же древности имѣются и на Кавказѣ (особенно сильно онѣ выражены въ Кубанскихъ могильникахъ), въ Тургайской области (по даннымъ Ѳедорова) и на Алтаѣ, то ихъ можно назвать древностями «восточнаго мѣднаго вѣка» въ отличіе отъ «мѣднаго вѣка могильниковъ (съ каменными вещами)».

Особенно интересною для рѣшенія вопроса о насельникахъ верхняго Поволжья является тема о городищахъ, аналогичныхъ съ хорошо изученнымъ подмосковнымъ Дьяковымъ городищемъ и насыпанныхъ, повидимому, въ VI—VIII вѣкахъ по Р. Х. Будучи распространены по всей верхней Волгѣ, Окѣ, Москвѣ, Клязьмѣ, эти городища настолько многочисленны, что докладчику непосредственно передъ съѣздомъ удалось установить 9 новыхъ [2]). Рѣзко отличающіяся отъ городищъ укрѣпленій городища Дьякова типа съ ихъ мощными слоями золы, костями животныхъ, черепками и колотыми камнями, несомнѣнно, носятъ религіозный (шаманскій) характеръ и врядъ ли принадлежатъ кому либо кромѣ восточныхъ финновъ. Какъ новость, докладчикъ отмѣтилъ подобныя же городища въ Полтавской губерніи, только что подвергнутыя изученію и могущія дать указанія на фактъ заимствованія финнами шаманизма у аланъ, слѣдовавшихъ ученію Зороастра и во время пребыванія на югѣ Россіи могшихъ насыпать Полтавскія городища.

Затронувъ вопросъ объ аланахъ, докладчикъ упомянулъ о возможности приписать имъ производство весьма распространенныхъ подѣлокъ съ эмалью, находимыхъ въ южной и средней Россіи и относящихся къ VI—VIII в.в. [3]).

Новый періодъ исторіи Тверского края—русскій вызвалъ со стороны докладчика рядъ работъ, посвященныхъ изученію русскихъ кургановъ, въ чемъ ему оказали большую услугу доставленіемъ матеріала лица, командированныя Русскимъ Археологическимъ Обществомъ; что

---

[1]) О Галичскомъ кладѣ ibid. стр. 104—110 стр.

[2]) Перечень и описаніе находокъ въ городищахъ Дьякова типа. Ibid. 111—142 стр.

[3]) Подробно см. ст.: Предметы съ выемчатой эмалью, ibid. 149—192 стр.

касается большинства провинціальныхъ дѣятелей, то ихъ раскопками почти нельзя руководствоваться. Русскіе курганы начинаются съ IX вѣка и дальнѣйшая ихъ хронологія на основаніи не только монетъ, но изученія формъ и стиля предметовъ можетъ уже теперь считаться, по мнѣнію докладчика, безошибочной.

Изложивъ затѣмъ классификацію кургановъ сѣверной и средней Россіи, докладчикъ пришелъ къ выводу, что Новгородъ въ IX—X в.в. заселялся западными кривичами съ Двины, а первоначальное населеніе Ростовской области состояло, по всей вѣроятности, изъ кривичей днѣпровскихъ. Въ такомъ направленіи происходила колонизація чрезъ верховья Волги изъ страны кривичей какъ отъ Днѣпра, такъ и отъ Двины и въ послѣдующее время. Такимъ образомъ въ основѣ великорусской народности лежитъ великое кривичское племя, единое, не смотря на нѣкоторыя мѣстныя отличія, съ которымъ въ московскій періодъ слились вятичи; примѣсь финской крови къ великорусской, по всей видимости, незначительна. Докладчикъ подчеркнулъ слабое вліяніе Новгородскихъ кривичей и позднѣйшихъ Новгородцевъ въ отношеніи насельниковъ Ростово-Суздальской области, такъ какъ единственнымъ замѣтнымъ мѣстомъ соприкосновенія ихъ былъ Торжокъ; когда же Торжокъ оказался въ Тверской землѣ, то за хлѣбомъ, котораго Новгородцамъ всегда не доставало, они обратились на востокъ въ Кострому, Вологду и т. д.

Въ заключеніе докладчикъ обратился къ съѣзду съ призывомъ бороться противъ кладоискательскихъ и любительскихъ раскопокъ, неизбѣжно уменьшающихъ съ каждымъ годомъ количество матеріала, пользуясь которымъ научно можно было бы возсоздать прошлое Поволжья.

Д. И. Иловайскій обратилъ вниманіе на возстановленный докладчикомъ взглядъ Ходаковскаго на городища; къ этому взгляду, что они имѣли религіозное значеніе, долго относились скептически, теперь же онъ все болѣе и болѣе подтверждается. Д. И. Иловайскій присоединился къ мнѣнію, что колонизація Суздальской области вятичами не моложе Новгородской, но выразилъ сомнѣніе относительно аланскаго элемента въ русскихъ древностяхъ.

Н. М. Бекаревичъ указалъ, что врядъ ли Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ болотистой и лѣсистой Костромской области; скорѣе онъ получалъ его изъ болѣе южныхъ мѣстъ, въ Костромской же губерніи достаточно хлѣба лишь въ Нерехотскомъ и отчасти въ Галичскомъ уѣздахъ.

А. А. Спицынъ, отвѣчая Д. И. Иловайскому, замѣтилъ, что, за отсутствіемъ пока русскихъ вещей VII—VIII в.в., онъ не берется точно выяснить вліяніе аланъ на русскихъ, но что это легче прослѣдить на финскихъ вещахъ; касательно замѣчаній г. Бекаревича можно возразить, что Костромская область и особенно Галичъ, по даннымъ лѣтописи, обладали въ XII—XIII в.в. большимъ и богатымъ населеніемъ.

А. И. Соболевскій, предупредивъ, что онъ совершенно расходится съ докладчикомъ въ методахъ изслѣдованія, указалъ, что, по его мнѣнію, присутствіе въ двухъ различныхъ мѣстахъ вещей одного и того же времени указываетъ не на передвиженіе народовъ, а на торговое общеніе. Можно допустить, напримѣръ, что височныя кольца или изъ Смоленска и осаживались на Окѣ (хотя бы у финновъ); около той же Оки, гдѣ были другіе торговые пути, были и другіе предметы (у того же племени); при полномъ единствѣ племени, въ могильникахъ могутъ быть находимы разные предметы.

Колонизація, допускаемая докладчикомъ, съ юга на сѣверъ, т. е. изъ степей въ лѣса, есть явленіе совершенно ненаблюдаемое и невозможное. Замѣна скиѳскихъ именъ рѣкъ (геродотовыхъ) сарматскими (у Птоломея) показываетъ, что къ Черному морю съ верховьевъ рѣкъ подвинулось ихъ населеніе съ готовыми названіями для этихъ рѣкъ: будь новое населеніе пришлымъ съ запада или востока, оно усвоило бы для рѣкъ старыя скиѳскія имена. Историческія данныя показываютъ, наконецъ, что около Рождества Христова славяне двинулись на востокъ, а сибирское населеніе—на западъ. Относительно городищъ можно, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, принять безразлично, какого бы они типа ни были, что ихъ назначеніе было собирать полевыхъ жителей для осаднаго сидѣнья, что продолжалось и въ Московскую эпоху. Присутствіе золы объясняется частыми пожарами палисадовъ, а бѣдность предметами—временнымъ пребываніемъ людей въ нихъ. А. И. Соболевскій указалъ далѣе, что въ началѣ русской исторіи населеніемъ южной Россіи слѣдуетъ признать Ясовъ, и къ X в. послѣ появленія печенѣговъ, половцевъ и др. тюрковъ отъ аланъ могли быть лишь осколки.

Наконецъ, неоспоримое движеніе Кривичей отъ Смоленска на сѣверъ, гдѣ они образовали Новгородцевъ, не было лишь торговымъ; Новгородъ не былъ только торговой факторіей. Вездѣ гдѣ были новгородцы, по Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ, въ Перми, у нихъ было и земле-

дѣліе—«ораная земля» и забота о погодѣ для хлѣба, котораго лишь иногда не хватало. Что касается движенія изъ Смоленска въ Суздальскую область, то наличность въ послѣдней височныхъ колецъ не можетъ еще, какъ уже было говорено выше, установить его; Смоленскіе кривичи дошли едва до Ржева, Суздальскую же область заняли вятичи съ Оки, въ Тверскомъ говорѣ нѣтъ сходства съ Смоленскимъ.

А. А. Спицынъ нашелъ возможность согласиться съ оппонентомъ лишь по вопросу о передвиженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто около Рождества Христова. Относительно же методовъ изслѣдованія высказался, что въ археологіи уже создались пріемы возсозданія былыхъ культуръ финской, славянской и т. д. по наличности вещественныхъ остатковъ. Промышленными сношеніями нельзя еще объяснить присутствіе той или другой вещи; наоборотъ, наиболѣе характерными, присущими извѣстной народности вещами сплошь и рядомъ оказываются пріобрѣтаемыя; напр., подвѣски изъ Витебскихъ кургановъ могли происходить съ Кавказа и изъ Скандинавіи, но принадлежатъ онѣ народности, жившей въ Витебской губерніи.

А. И. Соболевскій указалъ, что славянскій и финскій инвентарь могли перемѣшиваться подобно тому, какъ и теперь у разныхъ народностей часто общій свадебный ритуалъ, а въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ непохожіе другъ на друга обычаи. Для опредѣленія народности гораздо важнѣе форма кургана, способъ погребенія и т. д.

А. А. Спицынъ, соглашаясь съ бо́льшимъ постоянствомъ обрядовъ, чѣмъ, напр., типовъ пряжекъ (такъ какъ купцы въ разные годы привозили иное), настаивалъ на огромномъ значеніи для рѣшенія вопроса о народности комплекса вещей. Одинаковый подборъ вещей въ Ярославскихъ и Гнѣздовскихъ (Смоленскихъ) курганахъ много значитъ для установленія движенія отъ Смоленска въ Суздальскую землю.

Предсѣдатель В. Н. Перетцъ указалъ на важность для окончательныхъ выводовъ о народности принять методы обѣихъ спорящихъ сторонъ и замѣтилъ, что нужно благодарить за каждое новое научное указаніе.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи П. Ѳ. Симсонъ сообщилъ [1]) *въ дополненіе къ своему реферату о каменномъ впкѣ подъ г. Ржевомъ*, что, ознакомившись со вновь вышедшимъ том. V вып. I Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, онъ нашелъ полное подтвер-

[1]) См. Труды. Отд. I. стр. 257.

жденіе своему методу изслѣдованія каменнаго вѣка и каменныхъ орудій въ работахъ кн. П. А. Путятина, почему и надѣется на перемѣну въ скептическомъ отношеніи къ выставленнымъ имъ коллекціямъ.

Членъ Костромской Архивной Комиссіи Н. М. Бекаресичъ доложилъ о своихъ работахъ по *составленію археологической карты Костромской губерніи*[1]). На основаніи печатныхъ изданій и рукописныхъ памятниковъ, а также вопросныхъ листковъ, разосланныхъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи, докладчикъ собралъ 419 сообщеній для археологической карты губерніи. Но въ настоящее время такая карта составлена только для одного Костромского уѣзда, какъ наиболѣе обслѣдованнаго. Карта издана Костромскимъ Уѣзднымъ Земствомъ. На картѣ отмѣчены 35 селеній съ остатками каменнаго вѣка, 77 селеній съ курганными группами, 6 съ городищами, 9 съ нахожденіемъ кладовъ и 6 съ нахожденіемъ костей ископаемыхъ животныхъ. Селенія первой категоріи расположены по р. Костромѣ, курганныя группы по бассейну р. Покши, городища 2 при Волгѣ и 2 при рѣчкахъ.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по II отдѣлу. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель Б. А. Тураевъ, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: М. В. Рубцовъ и І. К. Линдеманъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи П. Ѳ. Симсонъ сообщилъ *О Ржевской желѣзной пластинкѣ съ рельефными изображеніями изъ эпохи великаго переселенія народовъ*[2]).

Пластинка найдена докладчикомъ на лѣвомъ берегу рѣки Волги ниже гор. Ржева тамъ, гдѣ онъ нашелъ главную массу каменныхъ орудій[3]). Присмотрѣвшись къ пластинкѣ, онъ замѣтилъ, что она имѣетъ очень большое сходство съ золотыми пластинками, найденными въ Сибири и представленными въ снимкахъ въ Русскихъ Древностяхъ гр. Толстого и Кондакова, вып. 3, стр 53. На пластинкѣ изображена борьба фантастическаго оленя съ хищникомъ изъ кошачьей породы. По мнѣнію докладчика, это первый экземпляръ въ желѣзѣ типа сибирскихъ золотыхъ пластинокъ, подтверждающій его предположеніе о движеніи въ отдаленныя времена по Волжскому пути переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ.

---

[1]) См. Труды, Отд. 1, стр. 7.

[2]) См. Труды, отд. II, стр. 445.

[3]) См. Труды, отд. Первобытн. древн., стр. 249.

Пластинка была демонстрирована передъ членами съѣзда, при чемъ нѣкоторыми было выражено сомнѣніе о существованіи на ней изображенія.

Товарищъ Предсѣдателя Тверской Архивной Комиссіи В. И. Колосовъ сдѣлалъ сообщеніе: *Къ исторіи Тверского Музея* [1]).

Тверской Музей основанъ 9 августа 1866 года и состоялъ въ вѣдѣніи Губернскаго Статистическаго Комитета. До 1872 года въ немъ находились главнымъ образомъ предметы, представлявшіе состояніе промышленности Тверского края; памятники старины занимали въ немъ второстепенное мѣсто. Съ 1872 года, когда Музей перешелъ въ завѣдываніе А. К. Жизневскаго, какъ Помощника Предсѣдателя Губернскаго Статистическаго Комитета, для него началась новая эпоха,—и онъ быстро сталъ превращаться въ историко археологическій. Съ неутомимою энергіею и рѣдкою привязанностію къ любимому дѣлу А. К. Жизневскій разыскивалъ памятники старины и наполнялъ коллекціи Музея. Въ 1895 году по Высочайшему соизволенію для помѣщенія Музея было уступлено западное крыло Тверского Императорскаго Дворца. А К. Жизневскій передъ смертью передалъ на нужды Музея 1000 руб. Въ 1898 году для Музея былъ утвержденъ новый уставъ, а съ 1901 года онъ сталъ получать постоянную субсидію изъ Государственнаго Казначейства въ размѣрѣ 1000 руб. ежегодно. Вмѣстѣ съ пособіями, отпускаемыми Тверскими Городской и Земской Управами, весь ежегодный приходъ Музея простирается до 1538 руб. Этой суммы крайне недостаточно для содержанія такого большого учрежденія, какъ Тверской Музей. Въ заключеніе докладчикъ перечислилъ наиболѣе цѣнныя пріобрѣтенія Тверского Музея.

И. Я. Гурляндъ высказалъ, что обязанность съѣзда—придти на помощь Тверскому Музею и ходатайствовать объ увеличеніи для него казенной субсидіи.

Послѣ обмѣна мнѣній съѣздъ постановилъ возбудить предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство объ отпускѣ на содержаніе Тверского Музея ежегодной субсидіи до 3000 руб.

По предложенію В. В. Ливотова, память А. К. Жизневскаго была почтена вставаніемъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи А. И. Струженскій сдѣлалъ докладъ: *Тверская губернія въ періодъ врачебныхъ управъ (1797—1864 г.г.)* [2]).

---

[1]) Напечатано въ Трудахъ, отд. II, стр. 335.

[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. II, стр. 375.

Докладъ А. И. Струженскаго представляетъ собой извлеченіе изъ его обширнаго труда, остающагося въ рукописи. Сообщивъ объ открытіи въ Твери 14 мая 1797 года Врачебной Управы, докладчикъ разсматриваетъ состояніе медицинскаго дѣла въ губерніи до 1864 года. Въ докладѣ изображено состояніе больницъ и санитарное положеніе края, указаны способы леченія, практиковавшіеся въ разное время, обрисованы условія медицинской службы и переданы бытовыя явленія, на сколько они связаны съ дѣломъ врачеванія. Затѣмъ описаны существующіе въ губерніи минеральные источники.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи Н. Н. Овсянниковъ доложилъ *О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества* [1]).

Указавъ главнѣйшіе письменные памятники, характеризующіе культуру Тверского княжества, докладчикъ замѣтилъ, что Новгородское вліяніе на Тверь началось ранѣе Московскаго. Черезъ Новгородъ переходили въ Тверь сокровища духовной и свѣтской культуры, какъ унаслѣдованныя Новгородомъ отъ Кіева, такъ и воспринятыя съ запада. Вліяніе Москвы отразилось сильнѣе всего въ религіозной области, а затѣмъ и политической. Докладчикъ обратилъ вниманіе членовъ съѣзда на то, что затронутый имъ вопросъ почти не разработанъ и онъ въ своемъ докладѣ старался дать лишь матеріалъ для его разрѣшенія.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ въ извлеченіи сообщеніе члена Тверской Архивной Комиссіи священника А. Ушакова *О могилѣ Шигоны-Поджогиныхъ въ селѣ Иванишахъ Старицкаго уѣзда Тверской губерніи* [2]).

Въ церкви села Иванишъ существуетъ старинная гробница изъ бѣлаго старицкаго камня, относительно которой мѣстное преданіе утверждаетъ, что въ ней погребенъ схимонахъ Іона и схимонахиня Анисія. Изъ писцовыхъ книгъ 1627—1628 г.г. видно, что въ селѣ Иванишахъ былъ въ XVI—XVII ст. монастырь и строителемъ его былъ Иванъ Поджогинъ; въ данной же 1542 года говорится, что Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ былъ въ иночествѣ старецъ Іона. Изъ надписи на могильной плитѣ въ с. Юрьевскомъ 1546 года слѣдуетъ предположить, что жену И. Ю. Шигоны-Поджогина звали въ мірѣ Анной. На основаніи этихъ данныхъ и справокъ объ обстоятельствахъ жизни Шигоны у историковъ свящ. Ушаковъ утверждаетъ,

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. II, стр. 29.

[2]) Напечатано въ Трудахъ, отд. II, стр. 319.

что строителемъ Иванишскаго монастыря былъ Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ, монастырь названъ по имени строителя, каменный храмъ с. Иванишъ, сохранившійся отъ монастыря до настоящаго времени, построенъ, вѣроятно, между 1542—1534 годами, въ гробницѣ въ церкви села Иванишъ дѣйствительно погребены называемые преданіемъ строитель монастыря И. Ю. Шигона-Поджогинъ и его жена Анна, въ монашествѣ Анисія.

Послѣ засѣданія состоялось *обозрѣніе монастырей Отрока и Николаевскаго Малицкаго.*

Отрочъ монастырь въ Твери основанъ въ глубокой древности. Первое упоминаніе о немъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ подъ 1206 годомъ. Съ 1531 по 1551 годъ въ немъ находился въ заточеніи пр. Максимъ Грекъ, въ 1570 году 23 декабря въ Отрочѣ былъ задушёнъ Малютою Скуратовымъ св. митрополитъ Филиппъ. Съ 1759 по 1761 годъ настоятелемъ Отроча монастыря былъ св. Тихонъ, впослѣдствіи Епископъ Задонскій. Существующія теперь церкви въ Отрочѣ монастырѣ—постройки XVIII столѣтія; XV и XVI столѣтіямъ принадлежитъ, вѣроятно, только подвальное помѣщеніе подъ главнымъ монастырскимъ корпусомъ, выходящимъ на р. Волгу. Послѣ св. Филиппа въ монастырѣ хранится только одна реликвія—деревянная рака, въ которой мощи его были перенесены изъ Твери въ Соловецкій монастырь, а изъ Соловковъ въ Москву.

Малицкій монастырь, находящійся въ 6 верстахъ отъ Твери, основанъ въ XVI столѣтіи. Въ 1742 году въ монастырѣ отъ иконы св. Николая чудотворца получила исцѣленіе статсъ-дама Императрицы Елизаветы Петровны графиня Мавра Егоровна Шувалова. Это обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Шуваловы заново перестроили весь монастырь и обогатили его вкладами. Члены съѣзда осматривали эти вклады: сосуды, кресты, иконы, поражающіе богатствомъ матеріала, изъ котораго они сдѣланы, и художественностію работы. Одна мозаическая икона Нерукотвореннаго Спаса имѣетъ надпись: «сей Нерукотворенный образъ Христа Спасителя Нашего по желанію Сіятельнѣйшей Графини Мавры Егоровны Шуваловой сложенъ Михаиломъ Ломоносовымъ въ начинаніи опытовъ мозаическаго художества въ Санктпетербургѣ 1753 года».

---

13 августа. Вечернее засѣданіе въ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

Отдѣлъ IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

Почетный Предсѣдатель Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Предсѣдатель проф. Н. В. Покровскій, секретарь И. А. Виноградовъ.

Засѣданіе открыто было въ саду архіерейскаго дома [1]). Товарищъ Предсѣдателя Тверской Архивной Комиссіи В. И. Колосовъ доложилъ *О благовѣрной княгинѣ Аннѣ Кашинской* [2]).

Супруга св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверского княгиня Анна, въ иночествѣ Софія, скончалась въ Кашинѣ въ 1368 году и погребена была въ Успенской соборной церкви. Въ 1650 году, въ присутствіи царя Алексѣя Михаиловича, произошло открытіе ея мощей, была составлена служба ей и житіе. Но чествованіе кн. Анны, какъ святой, продолжалось не долго; въ 1678 году на соборѣ при патріархѣ Іоакимѣ было постановлено запечатать гробъ благовѣрной, празднества ей не творить, молебны не пѣть, образовъ не писать и вообще не почитать за святую. Соборъ мотивировалъ свое постановленіе несогласіемъ житія благовѣрной съ лѣтописными книгами. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію докладчика, причиной закрытія мощей кн. Анны была полемическая тенденція со стороны патріарха Іоакима противъ раскольниковъ: персты мощей кн. Анны были сложены двуперстно. По мнѣнію докладчика, оба соборныя дѣянія о кн. Аннѣ 1677 и 1678 г.г, не датированныя и никѣмъ не подписанныя, представляютъ собой только проектъ соборнаго рѣшенія, а не дѣйствительное постановленіе собора, который въ этомъ случаѣ не согласился съ патріархомъ.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи свящ. В. И. Некрасовъ доложилъ *О Тверскихъ иконописцахъ XIX ст. и конца XVIII.* [3]).

Въ докладѣ изложены свѣдѣнія о тринадцати Тверскихъ иконописцахъ, при чемъ указаны ихъ работы въ Тверскихъ церквахъ и внѣ Твери, и даны свѣдѣнія о пріемахъ иконописанія, практиковавшихся ими.

В. И. Колосовъ сообщилъ, что работы нѣкоторыхъ Тверскихъ

---

[1]) Засѣданіе описано А. В. Половцевымъ въ фельетонѣ Московскихъ Вѣдомостей за 1903 годъ № 251 за 14 сентября подъ заглавіемъ: «Во владычныхъ палатахъ».

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 81.

[3]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 1.

иконописцевъ имѣются въ Музеѣ, напр. работы Глазковскаго; въ Музеѣ находится даже вся мастерская этого иконописца.

Проф. Н. В. Покровскій сообщилъ, что въ Архивѣ Святѣйшаго Синода онъ познакомился съ слѣдующимъ дѣломъ. Императрицѣ Екатеринѣ II въ одинъ изъ ея пріѣздовъ въ Тверь граждане поднесли замысловатую икону, которая ее поразила. Это икона Св. Троицы: на иконѣ изображены три лица съ четырьмя глазами. Императрица передала икону спутникамъ, а послѣдніе по пріѣздѣ въ Петербургъ представили ее въ Святѣйшій Синодъ. Въ Синодѣ признали, что такія иконы не соотвѣтствуютъ традиціямъ православной русской иконографіи и запретили такое письмо. Икону такого письма Н. В. видѣлъ въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ. Прототипъ этихъ иконъ онъ встрѣтилъ у Дидрона; въ XIV—XV ст. онѣ были распространены въ Германіи и Франціи, откуда проникали въ Россію. Противъ нихъ вооружался еще патріархъ Іоакимъ.

И. А. Ивановъ замѣтилъ, что, вѣроятно, къ Тверскимъ иконописцамъ первой половины XIX ст. относится Культепинъ, работы котораго онъ встрѣчалъ въ сельскихъ церквахъ. Въ селѣ Савинѣ Тверского уѣзда онъ видѣлъ двѣ фрески этого иконописца, изображающія кончину преп. Серафима Саровскаго и моленіе на камнѣ. Фрески писаны задолго до канонизаціи преп. Серафима.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи свящ. І. Н. Постниковъ сообщилъ *О Бѣжецкомъ князѣ Димитріи Юрьевичѣ Красномъ и его княжеской церкви* [1]).

Димитрій Юрьевичъ Красный получилъ во владѣніе Бѣжецкій Верхъ и городъ Бѣжецкъ въ 1434 году. Князь построилъ въ Бѣжецкѣ теремъ и церковь во имя Іоанна Богослова. Церковь была, вѣроятно, деревянная и, сколько времени она существовала, опредѣлить очень трудно. Въ концѣ XVII ст. на мѣстѣ древней была построена существующая теперь каменная Іоанно-Богословская церковь и рядомъ съ ней каменная же Троицкая церковь. По мѣстному преданію, отъ времени Димитрія Краснаго сохранились въ церкви Іоанна-Богослова двѣ иконы — Димитрія Мироточиваго и Георгія Побѣдоносца и деревянные сосуды для таинства Евхаристіи.

Въ заключеніе своего доклада свящ. І. Н. Постниковъ сообщилъ историко-статистическія свѣдѣнія о приходѣ Іоанно-Богословской церкви.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 55.

14 августа. Дневное засѣданіе.

Отдѣлы III и V. Живая старина. Областная этнографія.

Почетные Предсѣдатели: А. В. Половцевъ и Л. М. Савеловъ, Предсѣдатели: М. И. Соколовъ и И. А. Шляпкинъ, секретари: В. В. Майковъ, А. І. Малеинъ и А. Ѳ. Селивановъ.

Засѣданіе открылось вступительнымъ словомъ Л. М. Савелова, который, благодаря за оказанную ему честь, выразилъ пожеланіе процвѣтанію съѣзда.

Представитель С.-Петербургскаго Университета приватъ-доцентъ А. К. Бороздинъ сообщилъ о книгѣ Е. В. Аничкова: *Весенняя обрядовая пѣснь у Славянъ и на Западѣ* [1]).

По мнѣнію автора книги, раздѣляемому референтомъ, обрядовыя пѣсни становятся гораздо болѣе понятными съ точки зрѣнія бытовой, а не миѳологической, которой придерживались въ прежнее время, ибо такимъ образомъ легко могутъ быть объяснимы обрядовыя дѣйствія, происходящія у столь далекихъ другъ отъ друга народовъ, какъ напр. наши инородцы и жители южной Франціи. Общій выводъ докладчика объ изслѣдованіи г. Аничкова тотъ, что сочиненіе это весьма цѣнно по подбору матеріала и авторъ его послѣ Потебни является однимъ изъ первыхъ изслѣдователей, обращающихъ вниманіе на обрядовую сторону пѣсни.

Членъ Костромской Архивной Комиссіи Н. М. Бекаревичъ сообщилъ *О куричьемъ богѣ въ Костромской губерніи* [2]).

Докладъ является результатомъ изученія коллекціи куричьихъ боговъ, хранящейся въ количествѣ 285 экземпляровъ въ Музеѣ Костромской Архивной Комиссіи. Часть этой коллекціи была демонстрирована на съѣздѣ. Куричьи боги представляютъ изъ себя ноздреватые, какъ бы поклеванные птицами камни съ сквознымъ круглымъ отверстіемъ по срединѣ различныхъ размѣровъ и служатъ для охраненія куръ отъ болѣзней, которыя посылаются кикиморой. Въ иныхъ случаяхъ по неизвѣстной докладчику причинѣ ихъ ставятъ въ связь со св. Голендухой.

Н. В. Покровскій предложилъ искать связи св. Голендухи и куричьихъ боговъ при помощи восточныхъ преданій, такъ какъ эта святая была замучена въ Персіи.

---

[1]) Докладъ не напечатанъ.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. III и V, стр. 115.

М. И. Соколовъ указалъ, во-первыхъ, на то, что основы связи куричьихъ боговъ и св. Голендухи должны скрываться въ данныхъ житія этой мученицы и, во-вторыхъ, что куричьи боги могутъ быть сопоставлены съ тѣми злыми существами, которыя морятъ дѣтей и для защиты отъ которыхъ употребляются амулеты.

И. Я. Шляпкинъ выразилъ пожеланіе изученія даннаго суевѣрія при помощи собранія возможно подробнаго этнографическаго матеріала аналогичныхъ явленій. Затѣмъ онъ указалъ на возможную связь куричьихъ боговъ, съ одной стороны, съ черепами, служащими предохранительными амулетами отъ болѣзней, а съ другой, съ камнями, находимыми въ желудкахъ пѣтуховъ и курицъ и также примѣняемыми для лекарственныхъ цѣлей.

М. И. Соколовъ добавилъ, что ему приходилось неоднократно видѣть употребленіе кувшина или даже части его, какъ предохранительнаго средства отъ болѣзней куръ.

Это наблюденіе подтвердилъ Н. М. Бекаревичъ относительно Нерехотскаго уѣзда, гдѣ куричьихъ боговъ въ видѣ камней нѣтъ.

Членъ Интендантъ Финляндской Археологической Комиссіи, докторъ А. О. Гейкель демонстрировалъ около 200 головныхъ уборовъ съ искусными узорами, собранныхъ въ корельскихъ селеніяхъ Тверской губерніи, и сообщилъ *О народномъ орнаментѣ Финскихъ племенъ* [1]).

Докладчикъ остановился особенно на выясненіи трехъ мотивовъ узоровъ: 1) изображенія дерева съ животными по сторонамъ, 2) свастики, 3) рѣшетчатаго и сѣтчатаго орнамента.

И. П. Поддубный замѣтилъ, что изъ представленныхъ узоровъ нѣтъ ни одного мотива, который не повторялся бы въ Черниговской губ.

А. В. Селивановъ указалъ на сходство узоровъ коллекціи съ орнаментами у касимовскихъ и крымскихъ татаръ.

Открывая засѣданіе послѣ небольшого перерыва, Почетный Предсѣдатель А. В. Половцевъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые Государи. Едва ли кто изъ Васъ сомнѣвается въ моей глубокой благодарности за честь, оказанную мнѣ Тверскимъ съѣздомъ избраніемъ меня Почетнымъ Предсѣдателемъ V отдѣла. Поэтому я не буду распространяться о своихъ субъективныхъ чувствахъ, а скажу нѣсколько объективныхъ словъ.

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. III и V, стр. 123.

Великій творецъ Фауста Гете обронилъ однажды геніальное слово, мало кому извѣстное. Онъ сказалъ. «Наименьшая часть изъ того, что было прожито и перечувствовано человѣчествомъ, было записано. Наименьшая часть изъ того, что было записано, сохранилось. И эту-то часть части, этотъ фрагментъ фрагмента мы называемъ литературою». Въ этихъ остроумныхъ словахъ повторяется общеизвѣстная и прискорбная истина, что все страшно скоро забывается.

Мы, русскіе, изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ наиболѣе грѣшны въ этомъ отношеніи Еще Пушкинъ сказалъ: «мы лѣнивы и нелюбопытны». Относится это печальное сознаніе, къ сожалѣнію, и къ области исторической науки. Правда, были и на Руси богатыри въ родѣ Карамзина, Соловьева и имъ подобныхъ, которые проводили глубокія научныя борозды и подымали новь русскаго историческаго прошлаго. Но сколько бы ихъ ни было,—этихъ подвижниковъ Русской земли,—это все лишь песчинка въ сравненіи съ необъятною нивою, ожидающею обработки. Требовались не только отдѣльные личные подвиги, но совокупная работа сотенъ и тысячъ тружениковъ.

Лишь 20 лѣтъ тому назадъ, со времени основанія Архивныхъ Комиссій, началась эта общая работа вспашки и обсѣмененія русской исторической нивы, и вотъ мы дождались, наконецъ, появленія на ней первыхъ ростковъ—областныхъ съѣздовъ и ихъ трудовъ.

Промелькнутъ десятилѣтія, пройдутъ вѣка и труды съѣздовъ распустятся роскошнымъ деревомъ. Пусть же наши потомки помянутъ добромъ тотъ ростокъ, который именуется Тверскимъ Областнымъ Археологическимъ Съѣздомъ. Можетъ быть, и сегодняшнее засѣданіе явится малою вѣткою и наши доклады свѣжими, хотя и небольшими лепестками, которые все же сослужатъ посильную службу и будутъ органами дыханія великаго цѣлаго – совокупности русскаго историческаго знанія.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи А. Г. Первухинъ доложилъ *О свадебныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ въ Новоторжскомъ и Старицкомъ уѣздахъ Тверской губерніи и нѣкоторыхъ заплачкахъ и обрядахъ, связанныхъ съ похоронами* [1]).

Такъ какъ назначенный слѣдующимъ докладъ члена Костромской Архивной Комиссіи В. А. Андроникова: *Свадебныя причитанія Костромского края со стороны содержанія и формы* [2]) близко со-

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. III и V, стр. 1.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. III и V, стр. 33.

прикасается съ предъидущимъ, то М. И. Соколовъ предложилъ вести пренія по прочтеніи доклада г. Андроникова.

В. А. Андрониковъ сообщилъ свой докладъ въ извлеченіи, останавливаясь особенно на тѣхъ пѣсняхъ, которыя прославляютъ «дѣвью красоту», указалъ на ихъ разнообразіе и поэтичность и провелъ ту общую мысль, что унылый характеръ ихъ обусловливается тяжелымъ положеніемъ крестьянской женщины въ семьѣ, особенно молодухи, въ чемъ, можетъ быть, отразились еще слѣды крѣпостного права.

Вслѣдъ за докладомъ г. Андроникова секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ въ извлеченіи сообщеніе члена Тверской Архивной Комиссіи В Н. Мальковскаго: *О свадебныхъ крестьянскихъ обычаяхъ, пѣсняхъ и приговорахъ, записанныхъ въ Рыбинской волости Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи* [1]).

Относительно перваго доклада П. Ѳ. Симсонъ замѣтилъ, что указанные г. Первухинымъ свадебные обряды не являются исключительною принадлежностію Торжка, такъ какъ встрѣчаются напр. и во Ржевѣ. По поводу второго доклада Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ возразилъ, что приведенныя докладчикомъ причитанія весьма стары и распространенны. Они не могутъ имѣть связи съ крѣпостнымъ правомъ, такъ какъ встрѣчаются и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ крѣпостного права никогда и не существовало, напр. въ Олонецкой губ. Печальный же характеръ ихъ долженъ быть объясняемъ какъ тѣмъ, что дѣвушка, вступая въ бракъ, переходитъ въ чужой родъ, такъ и своеобразными требованіями приличія.

Къ этому мнѣнію присоединился И. А. Шляпкинъ и добавилъ, что изъ собранныхъ имъ при помощи слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ статистическихъ данныхъ о свадебныхъ пѣсняхъ получаются слѣдующіе выводы: 1) количество пѣсенъ о счастливомъ замужествѣ составляетъ всего одну десятую часть общаго числа и 2) основной причиной печальнаго характера пѣсенъ является жизнь въ чужомъ роду и лютая свекровь.

Членъ Тверского Общества Любителей Исторіи, Археологіи и Естествознанія Н. В. Чеховъ доложилъ *Составленный имъ проектъ этнографическаго обслѣдованія Тверской губерніи.*

Указавъ на неудобства практиковавшихся доселѣ способовъ этнографическихъ изслѣдованій, а именно разсылку программъ и

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. III и V, стр. 93.

устройство экскурсій, авторъ доклада предложилъ объединить эти способы при помощи созданія цѣлой сѣти корреспондентовъ на подобіе существующихъ при статистическихъ бюро; необходимо этихъ корреспондентовъ подготовить, собрать въ Тверь и прочесть нѣсколько лекцій, для чего пригласить изъ Петербурга или Москвы свѣдущихъ лекторовъ изъ состава мѣстной профессуры. Собранныя корреспондентами свѣдѣнія должны быть представлены въ Тверь, пополнены и разъяснены дополнительными опросами. Затѣмъ эти свѣдѣнія должны быть повѣрены на мѣстѣ. Такая организація требуетъ средствъ и эти средства должны быть испрошены въ Этнографическомъ отдѣлѣ Музея Императора Александра III и въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

А. В. Половцевъ указалъ на небезпристрастное отношеніе докладчика къ экскурсіямъ и привелъ въ качествѣ примѣра весьма плодотворную, особенно въ музыкальномъ отношеніи, поѣздку г.г. Истомина, Некрасова и Дютша по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

И. А Шляпкинъ въ виду интереса доклада г. Чехова и недостатка времени для его всесторонняго обсужденія предложилъ отпечатать проектъ и разослать его членамъ съѣзда и заинтересованнымъ лицамъ [1]).

А. С. Раевскій указалъ, что мнѣніе г. Чехова о печальномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по русской діалектологіи не совсѣмъ справедливо, такъ какъ Академіей Наукъ и въ частности академикомъ Шахматовымъ собранъ отъ многочисленныхъ корреспондентовъ изо всѣхъ мѣстностей Россіи огромный діалектологическій матеріалъ, часть котораго появилась уже въ печати въ сборникѣ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по II отдѣлу. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель А. К. Бороздинъ, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: М. К. Рубцовъ и І. К. Линдеманъ.

Членъ Ярославской Архивной Комиссіи И. А. Тихомировъ доложилъ *О раскопкахъ въ Угличскомъ кремлѣ* [2]).

---

[1]) Докладъ г. Чехова, къ сожалѣнію, редактору по изданію Трудовъ съѣзда переданъ не былъ.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. II, стр. 401.

Раскопки были произведены докладчикомъ лѣтомъ 1900 года, причемъ были обнаружены остатки древнихъ гражданскихъ и церковныхъ строеній. На основаніи раскопокъ докладчикъ пришелъ къ выводу, что каменный кремль существовалъ въ Угличѣ уже въ XIII—XV ст.

Членъ Саратовской Архивной Комиссіи А. С. Мадуевъ доложилъ *О вновь записанныхъ легендахъ о Стенькѣ Разинѣ* [2]).

Однѣ легенды изображаютъ Стеньку Разина великимъ чародѣемъ, въ другихъ изображаются мученія безбожнаго Стеньки за свои грѣхи уже здѣсь на землѣ. Тѣ и другія легенды носятъ на себѣ очевидные слѣды сказаній, созданныхъ весьма отдаленными отъ насъ эпохами.

Членъ Орловской Архивной Комиссіи г. Похвалинскій сообщилъ нѣсколько свѣдѣній *о Велеградѣ*, который долженъ быть дорогимъ для всѣхъ славянъ по воспоминаніямъ о дѣятельности св. братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ *О Зубцовскихъ сотницахъ 7096 и 7104 г.г.*, переданныхъ для помѣщенія въ Трудахъ съѣзда С. А. Шумаковымъ [3]).

Сотницы представляютъ собой все, что дошло до насъ изъ Зубцовскихъ писцовыхъ книгъ XVI ст. Важны онѣ для выясненія древнерусской соціально-экономической исторіи, изученіе которой у насъ только что начинается въ трудахъ г.г. Дьяконова, Лаппо-Данилевскаго, Милюкова, Рожкова, Сергѣевича и другихъ лицъ.

---

14 августа. Вечернее засѣданіе въ помѣщеніи Юнкерскаго Училища.

Отдѣлъ VI и VII. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій, секретари: Ѳ. А. Колодный и А. А. Мироновъ.

Открывая засѣданіе, Предсѣдатель сообщилъ, что въ виду обнаруженія недочетовъ въ организаціи Архивныхъ Комиссій необходимо измѣнить существующее Положеніе о Комиссіяхъ 1884 года. Надежда на утвержденіе новаго Положенія въ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время является осуществимой и поэтому слѣдуетъ безотлагательно приступить къ переработкѣ Положенія.

При этомъ Предсѣдатель доложилъ собранію имѣющійся у него проектъ новаго Положенія о Комиссіяхъ. Собраніе, по предложенію

---

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. II стр. 423.

[3]) Сотницы напечатаны въ Трудахъ, отд. II, стр. 17.

А. В. Половцева, единодушно высказалось за сохраненіе установившейся въ теченіе 20-ти лѣтняго существованія Архивныхъ Комиссій связи послѣднихъ съ объединяющимъ ихъ ученую дѣятельность С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Противъ оставленія Комиссіи въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ возражали: А. В. Половцевъ, И. А. Ивановъ и друг., высказывавшіе, что Комиссіи, какъ учрежденія ученыя, должны находиться въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приняты были однако разъясненія И. Я. Гурлянда, указавшаго на то, что, во-первыхъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ соглашается уже взять на себя завѣдываніе Комиссіями и исходатайствовать для нихъ ассигнованіе необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, между тѣмъ какъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія такого предложенія не было: во вторыхъ, и въ настоящее время Комиссіи въ сущности находятся въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ-третьихъ, настоящее распредѣленіе завѣдыванія Комиссіями между тремя учрежденіями: Императорской Академіей Наукъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ для Комиссій весьма неудобно. Послѣ обсужденія проекта по пунктамъ, въ которомъ принимали участіе: А. В. Половцевъ, В. С. Малченко, А. В. Селивановъ, И. А. Ивановъ, В. И. Колосовъ, И. А. Тихомировъ, И. А. Виноградовъ, И. Я. Гурляндъ и др. проектъ со всѣми внесенными въ него поправками и дополненіями былъ принятъ собраніемъ.

Проектъ Положенія о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ.

1. Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: а) для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи и б) для храненія, разысканія и изслѣдованія памятниковъ мѣстной старины вообще.

2. Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи учреждаются по взаимному соглашенію Директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института съ мѣстныхъ губернаторомъ и съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

3. Губернаторъ есть Непремѣнный Попечитель Архивной Комиссіи.

4. Въ составъ Ученой Архивной Комиссіи входятъ: предсѣдатель и его товарищъ, правитель дѣлъ, члены: а) почетные, б) дѣйствительные и в) соревнователи.

5. Предсѣдатель, товарищъ его и правитель дѣлъ избираются са-

мою Комиссіею въ первомъ ея засѣданіи срокомъ на три года; по истеченіи этого срока тѣ же лица могутъ быть избраны вновь.

6. Предсѣдатель Комиссіи и товарищъ утверждаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

7. Предсѣдатель главное отвѣтственное лицо въ Комиссіи; онъ руководитъ дѣйствіями Архивной Комиссіи, входитъ въ сношеніе съ подлежащими лицами и учрежденіями, представляетъ чрезъ Директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института ежегодные отчеты о дѣятельности Комиссіи въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

8. Товарищъ предсѣдателя замѣняетъ послѣдняго въ его отсутствіе.

9. Правитель дѣлъ завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ Комиссіи.

10. По мѣрѣ надобности, Комиссія избираетъ и другихъ должностныхъ лицъ: завѣдывающихъ историческимъ архивомъ и музеемъ, редактора изданій Комиссіи и казначея и друг.

11. Въ почетные члены избираются лица, особенно полезныя для Архивныхъ Комиссій по своимъ научнымъ заслугамъ или по общественному положенію.

Примѣчаніе. Въ почетные члены могутъ быть избираемы также лица, вносящія въ фондъ Комиссіи не менѣе 1000 руб. единовременно, или не менѣе 100 руб. ежегодно.

12. Въ дѣйствительные члены избираются, по мотивированнымъ письменнымъ представленіямъ не менѣе трехъ членовъ, лица, извѣстныя своими учеными заслугами въ области архивовѣдѣнія и археологіи или оказывающія содѣйствіе Комиссіи въ выполненіи ея задачъ.

13. Въ члены соревнователи избираются любители мѣстной старины, по мотивированнымъ письменнымъ представленіямъ не менѣе 3-хъ дѣйствительныхъ членовъ. Члены соревнователи, пробывшіе въ этомъ званіи не менѣе одного года, могутъ быть избираемы въ дѣйствительные члены.

14. Члены соревнователи участвуютъ въ засѣданіяхъ Комиссіи съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ вопросамъ кромѣ выбора новыхъ членовъ.

15. Выборъ новыхъ членовъ производится закрытою баллотировкою.

16. На обязанности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій лежитъ: а) образованіе историческихъ архивовъ, б) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ бумагъ, которыя, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, под-

ною Тверью, не вызываетъ никакихъ недоразумѣній—и разобрать, крестикъ ли стоитъ или точка у Пальмквиста, имѣетъ лишь проблематическое значеніе».

Авторъ доклада отвѣчалъ, что онъ самъ старался относиться къ Пальмквисту критически.

П. Ѳ. Симсонъ спросилъ докладчика, пользовался ли онъ географическимъ словаремъ Щекатова. І. К. Линдеманъ отвѣчалъ, что свѣдѣнія о Торжкѣ Щекатова для его цѣли были ненужны.

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по VI и VII отдѣламъ. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій, секретари: А. А. Мироновъ и Ѳ. А. Колодный.

В. Н. Перетцъ сдѣлалъ докладъ: *Къ вопросу о раціональномъ описаніи рукописей* [1]).

Указавъ, какъ не слѣдуетъ описывать рукописи, авторъ установѣ главнѣйшія требованія, какія необходимо предъявлять къ описателю, желающему, чтобы его трудъ соотвѣтствовалъ требованіямъ науки.

В. С. Малченко предложилъ докладчику вопросъ: необходимо-ли при описаніи рукописей упоминать о бѣлыхъ (чистыхъ) листахъ, находящихся въ рукописи? В. Н. отвѣчалъ: необходимо, во, первыхъ для того, чтобы на нихъ нельзя было сдѣлать какихъ-либо поправокъ (поддѣлокъ), во вторыхъ,—вырванные листы представляютъ обширное поле для догадокъ; если изъ описанія можно будетъ видѣть, что вырванные листы были бѣлые, то и основаній для догадокъ не будетъ.

П. Ѳ. Симсонъ спросилъ: нужно ли сохранять и описывать рукописи XVIII—XIX стол., являющіяся списками съ печатныхъ изданій. По мнѣнію докладчика, сохранять ихъ надо, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнію, часто не обращаютъ вниманія на послѣпетровскія рукописи. Въ описаніи списка съ печатнаго необходимо указывать: съ какого изданія сдѣланъ списокъ, а также и тѣ отличія, какія есть въ рукописи сравнительно съ печатнымъ оригиналомъ.

---

15 августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣлъ IV. Областная исторія. Памятники церковной старины.

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. VI и VII, стр. 23.

Почетный Предсѣдатель А. В. Селивановъ, Предсѣдатель Н. В. Покровскій, секретарь И. А. Виноградовъ.

Товарищъ Предсѣдателя Тверской Архивной Комиссіи В. И. Колосовъ сообщилъ *О Стефанѣ, архіепископѣ Суздальскомъ и Юрьевскомъ* [1]).

Докладчикъ сдѣлалъ попытку освѣтить темныя стороны въ біографіи архіепископа Стефана. Будучи приближеннымъ къ патріарху Никону лицомъ, архіепископъ Стефанъ послѣ удаленія патр. Никона подвергся преслѣдованію его враговъ, былъ лишенъ каѳедры и опредѣленъ къ Архангельскому собору въ Москвѣ «для поминовенія преставльшихся государей». Въ 1678 году Стефанъ былъ запрещенъ отъ архіерейскаго служенія и сосланъ въ одинъ изъ Новгородскихъ монастырей патріархомъ Іоакимомъ за то, что отказался исполнить требованіе патріарха не служить въ саккосѣ, пожалованномъ ему по указу Государя. По мнѣнію автора доклада, эта кара была слѣдствіемъ единоличнаго распоряженія патріарха, нарушившаго въ данномъ случаѣ справедливость и церковные каноны.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи прот. Н. А. Криницкій доложилъ *О ракѣ св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича* [2]).

Въ докладѣ изложено описаніе простого деревяннаго гроба, въ которомъ покоились мощи благовѣрнаго князя съ 1655 года, въ собственномъ смыслѣ раки, въ которую былъ вложенъ гробъ, и серебрянаго позлащеннаго оклада, устроеннаго въ 1747 году.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ сообщилъ въ краткомъ изложеніи докладъ члена Костромской Архивной Комиссіи И. П. Виноградова *О преподобномъ Аркадіи, Вяземскомъ и Новоторжскомъ чудотворцѣ* [3]).

Преподобнаго Аркадія Новоторжскаго и Вяземскаго называютъ часто Вязниковскимъ, Дорогобужскимъ и Болдинскимъ; въ различныхъ рукописяхъ онъ помѣщается въ числѣ святыхъ то Вязьмы, то Вязниковъ, то Дорогобужа, то сразу въ трехъ мѣстахъ въ Торжкѣ, Вязьмѣ и Дорогобужѣ. На самомъ дѣлѣ ни въ Вязникахъ, ни въ Дорогобужѣ никакого Аркадія чудотворца не было и нѣтъ. Преподобный Аркадій Новоторжскій и Вяземскій чудотворецъ— одно лицо; Новоторжскимъ онъ называется потому, что былъ ученикомъ преп. Ефрема Новоторжскаго

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 35.
[2]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 161.
[3]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 151.

и мощи его находятся въ Торжкѣ, Вяземскимъ же по мѣсту своей родины,—городу Вязьмѣ.

Членъ Костромской Архивной Комиссіи П. А. Ильинскій доложилъ свои воспоминанія *Объ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаревѣ, бывшемъ архимандритѣ Ѳеодорѣ* [1]).

Авторъ зналъ Бухарева, когда послѣдній еще учился въ Тверской Семинаріи. Знакомство съ нимъ авторъ продолжалъ во время пребыванія Бухарева въ Петербургѣ и послѣ того, какъ онъ снялъ съ себя санъ архимандрита. Бухаревъ изображается въ воспоминаніяхъ привлекательными чертами, какъ оригинальная, свѣтлая личность.

Товарищъ Предсѣдателя съѣзда И. А. Ивановъ доложилъ привѣтствіе Августѣйшаго Покровителя Тверской Архивной Комиссіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича: *Прошу передать Предсѣдателю, Архіепископу Димитрію и членамъ Археологическаго съѣзда МОЮ искреннюю признательность за депешу, полученную на маневрахъ, на которую запоздалъ отвѣтомъ вслѣдствіе досаднаго недоразумѣнія, шлю лучшія пожеланія успѣха въ занятіяхъ съѣзда.*

Послѣ перерыва состоялось засѣданіе по II отдѣлу. Областная исторія. Памятники гражданской старины.

Почетный Предсѣдатель А. К. Бороздинъ, Предсѣдатель И. Я. Гурляндъ, секретари: М. В. Рубцовъ и І. К. Линдеманъ.

Товарищъ Предсѣдателя Тверской Архивной Комиссіи В. И. Колосовъ доложилъ на тему: *Кто виновенъ въ смерти митрополита Филиппа?* [2]).

Насильственная смерть митрополита Филиппа, задушеннаго въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ Малютою Скуратовымъ, считается однимъ изъ злодѣяній царя Іоанна Грознаго. Но это несправедливо. Смерть митрополита Филиппа—дѣло рукъ Малюты, самовольно, а не по приказанію царя поступившаго такъ во имя интересовъ опричнины. Грозный самъ во всемъ этомъ дѣлѣ былъ жертвою обмана со стороны опричниковъ, которые считали митрополита своимъ страшнымъ врагомъ. Вина царя въ этомъ дѣлѣ—излишнее довѣріе къ главнымъ виновникамъ его—опричникамъ.

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ, отд. IV, стр. 19.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, отд. II. стр. 325.

Членъ Тверской Архивной Комиссіи Н. А. Криницкій доложилъ *О Л. Ф. Магницкомъ* [1]).

Въ докладѣ изложены біографическія свѣдѣнія о Леонтіи Филипповичѣ Магницкомъ, уроженцѣ Тверской губерніи.

Представитель Общества Землевѣдѣнія при С.-Петербургскомъ Университетѣ Н. Ѳ. Арепьевъ сообщилъ свѣдѣнія *О возникновеніи, задачахъ, цѣляхъ и организаціи Общества Землевѣдѣнія* [2]).

Предметъ и цѣли этого Общества связываютъ его, съ одной стороны, съ центральными однородными учрежденіями, съ другой съ организаціями, подобными Архивнымъ Комиссіямъ. Докладчикъ обратился къ членамъ съѣзда съ приглашеніемъ къ совмѣстной работѣ на пользу дорогого всѣмъ намъ отечества.

Съѣздъ постановилъ: довести до свѣдѣнія Архивныхъ Комиссій о новомъ Обществѣ съ предложеніемъ имъ войти съ нимъ въ научное общеніе.

---

15 августа. Вечернее заключительное засѣданіе.

Предсѣдатель кн. Н. Д. Голицынъ.

Секретарь съѣзда И. А. Виноградовъ доложилъ два постановленія, состоявшіяся по отдѣламъ Областной Исторіи и Архивовѣдѣнія.

1. По выслушаніи доклада хранителя Тверского Музея В. И. Колосова, члены съѣзда пришли къ убѣжденію, что ассигнуемая отъ Правительства субсидія означенному Музею въ размѣрѣ 1000 руб. совершенно недостаточна для удовлетворенія постепенно возрастающихъ потребностей его и поэтому постановили ходатайствовать предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ увеличеніи правительственнаго пособія Музею до 3000 руб. ежегодно.

2. Члены съѣзда, разсмотрѣвъ вопросъ о существующемъ Положеніи о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ и признавъ это Положеніе недостаточнымъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей Комиссій, постановили: возбудить черезъ Директора Археологическаго Института ходатайство предъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ утвержденіи выработаннаго членами съѣзда проекта новаго Положенія о Губернскихъ Архивныхъ Комиссіяхъ и объ ассигнованіи ежегодныхъ субсидій Комиссіямъ не менѣе 2000 руб. каждой.

Оба постановленія приняты съѣздомъ единогласно.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, Отд. II, стр. 433.

[2]) Докладъ напечатанъ въ Трудахъ, Отд. II, стр. 397.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій произнесъ рѣчь, въ которой указалъ результаты съѣзда. На съѣздѣ прочитано 58 докладовъ, совершена высоко интересная экскурсія въ Дуденево, произведенъ осмотръ Тверского собора, церкви Бѣлой Троицы, монастырей: Желтиковскаго, Малицкаго и Отроча и съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ осмотръ коллекцій Тверского Музея. Почти всѣ доклады имѣютъ своимъ предметомъ Тверскую и вообще Ростово-Суздальскую область. Сдѣлавъ обозрѣніе большинства докладовъ по всѣмъ отдѣламъ программы съѣзда, Н. В. сказалъ, что Тверской съѣздъ нисколько не уступаетъ общерусскимъ, напр., Рижскому и Ярославскому. Областные съѣзды ставятъ дѣло изученія исторіи и археологіи Россіи на раціональную почву: сначала нужно изучать областную исторію, а потомъ уже общую. Тверской съѣздъ доказалъ, что идея областныхъ съѣздовъ покоится на прочныхъ основаніяхъ и имъ предстоитъ блестящая будущность. Съѣздъ можно признать вполнѣ удавшимся и съ увѣренностію сказать, что это дѣло новое, живое, и какъ таковое, оно не умретъ. Въ заключеніе Н. В. выразилъ отъ имени съѣзда благодарность его устроителямъ И. А. Иванову, В. И. Колосову и И. А. Виноградову.

А. В. Половцевъ сказалъ, что всѣ члены съѣзда обязаны глубокою благодарностію тѣмъ лицамъ, которыя позаботились доставить имъ всѣ удобства во время пребыванія въ Твери, за ихъ гостепріимство и радушіе. Глубокой благодарности заслуживаютъ также земства и города Тверской губерніи, матеріальными пожертвованіями способствовавшіе успѣху съѣзда.

Товарищъ Предсѣдателя съѣзда И. А. Ивановъ, Предсѣдатель Тверской Архивной Комиссіи, благодарилъ участниковъ съѣзда за ихъ дружную, плодотворную работу на съѣздѣ.

По предложенію И. Я. Гурлянда, была отправлена телеграмма Почетному Предсѣдателю съѣзда Б. В. Штюрмеру: «Заканчивая свои занятія, второй областной Тверской археологическій съѣздъ считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ выразить Вашему Превосходительству, своему Почетному Предсѣдателю глубокое уваженіе и благодарность за оказанное съѣзду вниманіе и просвѣщенное содѣйствіе. Члены съѣзда надѣятся увидѣть Васъ въ своей средѣ и на будущихъ съѣздахъ, основная цѣль которыхъ изученіе древностей и исторіи Ростово-Суздальской области, этой колыбели великорусской народности и государственности».

Предсѣдатель Н. В. Покровскій предложилъ вопросъ: гдѣ и когда назначить слѣдующій археологическій съѣздъ? Большинство присутство-

вавшихъ рѣшило назначить третій областной археологическій съѣздъ въ гор. Владимірѣ въ 1905 году 20 іюня—1 іюля.

Тверской Губернаторъ князь Н. Д. Голицынъ объявилъ второй областной Тверской археологическій съѣздъ закрытымъ.

16 августа утромъ состоялась экскурсія въ г. Старицу. Со станціи «Старица» члены съѣзда прибыли въ городъ (разстояніе 10 верстъ) въ экипажахъ, предоставленныхъ жителями города. По прибытіи въ городъ и небольшого отдыха въ помѣщеніи Духовнаго Училища, члены съѣзда отправились для обозрѣнія раскопокъ на Старомъ Городищѣ. На самомъ мѣстѣ раскопокъ подъ открытымъ небомъ, при громадномъ стеченіи народа, членъ Тверской Архивной Комиссіи А. И. Шебякинъ прочелъ докладъ о раскопкахъ (докладъ г. Шебякина и подробное описаніе раскопокъ см. отд. II Обл. истор., Памятн. гражд. старины стр. 447).

Послѣ обозрѣнія раскопокъ на Городищѣ члены съѣзда посѣтили Успенскій мужской монастырь. Здѣсь внимательно была осмотрѣна ризница, въ которой находятся предметы: напрестольный крестъ, украшенный жемчугомъ, вкладъ патр. Іова, саккосъ патр. Іова, митра и посохъ патр. Іова, напрестольный крестъ—вкладъ архим. Діонисія, митра архим. Діонисія, кадило серебряное, сдѣланное его повелѣніемъ, серебряный складень его-же, рукописный прологъ—вкладъ преп. Діонисія, описная книга Старицкаго Успенскаго монастыря, составленная въ 1607 году. Въ часовнѣ при монастырской колокольнѣ члены съѣзда осматривали гробницу патріарха Іова, уроженца гор. Старицы. Въ городскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ вниманіе членовъ съѣзда привлекли два изразцовыхъ изображенія на восточной и южной наружныхъ стѣнахъ собора—Нерукотвореннаго Спаса и Распятія съ предстоящими. Оба изображенія перенесены на стѣны нынѣшняго собора, несомнѣнно, изъ древняго. Затѣмъ была посѣщена Вознесенская церковь, бывшій женскій монастырь; церковь эта, имѣющая настѣнную надпись о времени ея постройки въ половинѣ XVII стол., богата старыми могильными плитами, находящимися въ ея оградѣ, съ надписями преимущественно XVIII стол. Послѣ обозрѣнія церквей Симеона Столпника и Рождества Богородицы, члены съѣзда возвратились въ помѣщеніе Духовнаго Училища, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Въ классахъ Училища членомъ Тверской Архивной Комиссіи И. П. Крыловымъ была устроена археологическая выставка предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ на Старомъ Городищѣ, а также и другихъ, принадлежащихъ разнымъ лицамъ изъ гор. Старицы.

17 августа утромъ члены съѣзда прибыли въ Торжокъ. Здѣсь были осмотрѣны раскопки на мѣстѣ древней городской стѣны (см. Обл. истор. Памятн. гражд. старины, докладъ І. К. Линдемана, стр. 347), посѣщены Борисоглѣбскій мужской монастырь, въ которомъ покоятся мощи преп. Ефрема и Аркадія ученика его Новоторжскихъ, и Воскресенскій женскій монастырь, Преображенскій соборъ, въ которомъ подъ спудомъ почиваютъ мощи княгини Іуліаніи, Покровская единовѣрческая церковь и старообрядческій молитвенный домъ. Изъ Торжка члены съѣзда возвратились въ Тверь.

18 августа состоялась экскурсія въ с. Островки Вышневолоцкаго уѣзда, имѣніе князя А. А. Ширинскаго-Шихматова. Здѣсь члены съѣзда осматривали богатѣйшую коллекцію иконъ XIV—XVII стол., принадлежащую кн. Андрею Александровичу, и затѣмъ, подъ его руководствомъ, производили раскопку Федовскаго могильника, давшую цѣнный научный матеріалъ [1]).

[1]) Раскопки были закончены послѣ экскурсіи княземъ Андреемъ Александровичемъ. См. Первоб. древности, стр. 53—62.

Отдѣлъ I.

ПЕРВОБЫТНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими.

Есть тема, которая неизбѣжно должна занимать вниманіе каждаго сѣвернаго областного съѣзда, гдѣ бы онъ не собрался, именно—вопросъ о происхожденіи великорусской народности. Этотъ вопросъ уже былъ предложенъ и обсуждался на Ярославскомъ съѣздѣ, я принимаю на себя рѣшимость возобновить его здѣсь, на Тверскомъ.

Основная точка зрѣнія на образованіе великорусской народности установлена акад. Шахматовымъ, который высказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ настойчивое убѣжденіе, что племя это сложилось въ опредѣленную форму лишь въ Московскій періодъ русской исторіи, какъ бѣлорусское племя возникло и развилось не раньше времени образованія и роста Литовскаго государства. Къ этому взгляду можно примкнуть безъ малѣйшихъ колебаній. Суздальская область, обогащенная непрерывнымъ притокомъ новаго населенія и счастливая своими дальновидными князьями, къ XIV в. почуяла потребность приложить избытокъ своихъ силъ къ достойнымъ предпріятіямъ и передвинула свой политическій центръ къ мирной области вятичей, въ сторону того лѣтописнаго Берега, на который спасалось отъ татарскихъ набѣговъ населеніе Оки. Здѣсь породнились между собою основныя сѣверно русскія племена; Москва сплотила ихъ въ единый бытовой организмъ помощью испытанной и крѣпкой общественной организаціи и своимъ политическимъ могуществомъ.

Ясно, что задача историческаго изученія великорусской народности должна состоять прежде всего въ опредѣленіи ея основного племеннаго фонда, а затѣмъ—въ уясненіи размѣровъ участія въ ея образованіи со стороны иныхъ русскихъ племенъ—вятичей, кривичей, новгородцевъ, сѣверянъ, и со стороны инородцевъ, особенно же финскихъ народностей.

Очевидна важная роль въ этомъ дѣлѣ археологіи: изъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ лишь она одна имѣетъ дѣло съ прямыми памятниками IX—XIV в. Что же она скажетъ намъ въ настоящемъ своемъ состояніи?

Старѣйшіе памятники древности въ странѣ смоленскихъ и полоцкихъ славянъ—удлиненные и длинные курганы, съ остатками

трупосожженій. Первые можно относить къ IX в., вторые отчасти къ концу IX, отчасти къ X в. Это самыя характерныя древности кривичей даннаго времени, обильно распространенныя въ ихъ земляхъ и совершенно отсутствующія въ районѣ русскихъ племенъ южныхъ и восточныхъ. И эти то самые курганы встрѣчены во всѣхъ старѣйшихъ мѣстахъ новгородскихъ и псковскихъ земель—въ низовьяхъ р. Великой, по Мстѣ, на Волховѣ, и они же найдены въ верхнемъ Поволжьѣ, именно близъ Зубцова и въ Ростовской области. Вотъ единственная, болѣе или менѣе надежная путеводная нить къ рѣшенію вопроса, откуда началось заселеніе Новгорода и Ростова русскими и откуда пополнялось это колонизаціонное движеніе въ IX—X в. Новгородъ заселялся западными кривичами, которыхъ, быть можетъ, потянули сюда съ Двины Ильмень и Ладожское озеро, а первоначальное населеніе Ростовской области состояло, по всей вѣроятности, изъ кривичей днѣпровскихъ, привлеченныхъ сюда, безъ сомнѣнія, прежде всего богатствами озеръ Ростовскаго и Переяславскаго. За время IX и X в.в. по всей Новгородской области весьма распространены еще другіе памятники древности—высокія сопки, также съ остатками трупосожженій, по всей вѣроятности, заимствованныя отъ сторонней народности, напр. отъ норманновъ. Онѣ въ значительномъ количествѣ разсѣяны по Волхову, Мстѣ, Ловати, Шелони, въ Деревахъ и въ Бѣжецкой вол., а единицами имѣются всюду, куда проникали норманскія дружины, т. е. въ Смоленскѣ, Черниговѣ, въ древлянахъ. Больше ихъ нигдѣ нѣтъ—лучшее доказательство, что новгородцы IX—X в., довольствуясь своимъ историческимъ центромъ, не имѣли колонизаціонныхъ интересовъ ни на Волгѣ, ни въ Суздальщинѣ.

Слѣдующіе по времени новгородскіе курганы, относящіеся къ X в. и началу XI в. и состоящіе изъ низкихъ насыпей съ кострищами или зольными пластами въ основаніи, совершенно тождественны съ одновременными курганами западныхъ кривичей. Что на Двинѣ, то и на Мстѣ. Курганы эти между прочимъ характерны своею чрезвычайною бѣдностію; рѣдкія находки близко напоминаютъ вещи Люцинскаго могильника. Съ другой стороны, что въ X в. и въ началѣ XI в. у восточныхъ кривичей на Днѣпрѣ, то и въ Ростовской области. Всѣ курганы также съ остатками трупосожженій, и тамъ, и здѣсь съ довольно обильными находками вещей, совершенно одинаковыхъ по типамъ, между которыми особенно выдѣляются попадающіяся въ обиліи подѣлки въ такъ называемомъ скандинавскомъ стилѣ. Древности вятичей до XII в. остаются неизвѣстными.

XI в. въ сѣверно-русскихъ курганныхъ древностяхъ не достаточно извѣстенъ. Съ наибольшею полнотою онъ прослѣживается въ богатыхъ петербургскихъ курганахъ и въ курганахъ смоленскихъ. Сдѣланные въ послѣдніе годы систематическіе розыски кургановъ этого времени въ центрѣ Новгородской области и у днѣпровскихъ кривичей имѣли лишь частичный успѣхъ, такъ что о новгородскихъ древностяхъ XI в. приходится судить пока не столько по прямымъ раскопкамъ, сколько косвеннымъ путемъ, по точному отраженію этихъ древностей въ курганахъ петербургскихъ, заключающихъ помимо собственно-русскихъ древностей не мало и финскихъ. Пользуясь всѣми наличными данными, можно утверждать, что древности XI в. одинаковы какъ у двинскихъ, такъ и у днѣпровскихъ кривичей; среди нихъ самыя характерныя—большія височныя кольца двухъ типовъ (проволочныя съ завязанными концами и проволочныя съ ромбическими расширеніями). Смоленскіе курганы XI в. отъ двинскихъ того же времени отличаются бо́льшимъ богатствомъ находокъ и спеціальными ажурными шейными подвѣсками. Новгородскія курганныя древности XI в., повидимому, совершенно одинаковы съ кривичскими, и именно съ двинскими; вѣроятно, притокъ придвинскаго населенія въ Новгородскую область продолжается и въ это время. Если же культурное единство Двины и Ильменя объясняется не колонизаціоннымъ движеніемъ, а культурнымъ единствомъ обѣихъ областей, то и этотъ фактъ заслуживаетъ большого вниманія; какъ мы увидимъ, культурное единство отъ Двины до Ладоги наблюдается и далѣе, въ послѣдующіе вѣка.

Въ верхнемъ Поволжьѣ кургановъ XI в до сихъ поръ извѣстно очень мало. Они гуще расположены близъ Зубцова, а затѣмъ разсѣянно въ районѣ Корчевы и близъ Углича, имѣются они по Волгѣ и выше Зубцова. Зубцовскіе курганы тождественны со смоленскими и, безъ сомнѣнія, принадлежатъ днѣпровскимъ кривичамъ, что и неудивительно, такъ какъ Зубцовъ представлялъ выходъ, долгое время единственный, изъ земли смоленскихъ кривичей и со всего юга на Волгу и отсюда далѣе на востокъ.

Въ Суздальской области кургановъ XI в также немного, и сдѣланныя въ нихъ находки опредѣляются съ большимъ трудомъ. Кажется, что они характеризуются большими проволочными височными кольцами съ завязанными концами, но колецъ съ ромбическими расширеніями, повидимому, здѣсь вовсе не найдено. Такимъ образомъ, едва ли не придется признать, что заселеніе Суздальскаго края со стороны Днѣпра въ XI в. шло очень слабо.

Вообще XI вѣкъ на сѣверѣ время затишья и медленныхъ, спокойныхъ историческихъ процессовъ, безъ примѣтныхъ толчковъ и оживленія. Не то представляютъ XII, XIII, XIV в.в, собравшіе здѣсь многочисленное и сильное русское населеніе, которое и стало ядромъ Великой Россіи. Кургановъ этого времени извѣстно множество въ Суздальской области, много ихъ и на верховьяхъ Волги. Эти-то курганы и хранятъ въ себѣ главный археологическій матеріалъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи великоруссовъ, матеріалъ обильный и внушающій большія надежды по своей опредѣленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователю совершенно ясно, что наличный, уже добытый курганный матеріалъ еще не имѣетъ рѣшающаго значенія, по недостаточности вполнѣ точныхъ наблюденій. Въ настоящее время можно съ значительною смѣлостью поставить лишь два положенія, оба отрицательнаго характера: 1) что Новгородскіе славяне вовсе не принимали непосредственнаго участія въ заселеніи Ростово-Суздальской области и въ составъ великорусской народности вошли уже въ Московскій періодъ, 2) что финскій элементъ въ образованіи великорусскаго племени едва примѣтенъ.

Первое положеніе доказывается нагляднѣе всего совершеннымъ отсутствіемъ въ верхнемъ Поволжьѣ и въ Суздальской области жальниковъ, утвердившихся въ Новгородскихъ областяхъ съ конца XII в., главнымъ же образомъ съ XIII в. и существовавшихъ до XVI в. Гдѣ на сѣверѣ Россіи нѣтъ жальниковъ, тамъ въ XIII—XVI в.в. не было новгородцевъ. Кромѣ Новгорода, жальники встрѣчаются еще у двинскихъ кривичей, но здѣсь, параллельно съ ними, едва ли даже не въ большомъ количествѣ, держатся курганы, вплоть до XIV в. Витебскіе жальники важны лишь тѣмъ, что лишній разъ подчеркиваютъ тѣсную близость между двинскими кривичами и новгородцами въ бытовомъ отношеніи.

Слабость финскаго элемента въ образованіи великорусской народности, на нашъ взглядъ, весьма рельефно выступаетъ въ фактѣ ничтожнаго количества чудскихъ украшеній, найденныхъ въ извѣстныхъ раскопкахъ Савельева и гр. Уварова. На 6, на $6^1/_2$ тысячъ раскопанныхъ ими кургановъ XII—XIV в. чудскихъ подвѣсокъ насчитывается не болѣе 60 экземпляровъ (главнымъ образомъ подвѣски—треугольники и коньки). Дополнительныя раскопки Тихонравова показали, что такія подвѣски попадаются чаще въ С.-В. углу Суздальской области, гдѣ инородцы въ своемъ отступленіи предъ русской колонизаціонной волной задержались, вѣроятно, долѣе всего. Въ курганахъ петербургскихъ фин-

скій элементъ сказывается сильнѣе; въ меньшей степени, но все же рѣзче, чѣмъ въ суздальскихъ курганахъ, этотъ элементъ выступаетъ въ костромскихъ курганныхъ насыпяхъ того же періода. Когда въ верхнемъ Поволжьѣ найдены будутъ чисто финскіе могильники даннаго времени, тогда можно будетъ точнѣе опредѣлить, какъ именно финская культура сказалась на мѣстной русской, и наоборотъ, но имѣющіяся данныя ведутъ къ прямому предположенію, что смѣшеніе финскаго мѣстнаго населенія съ русскими пришельцами имѣло совершенно частичный характеръ. Въ одномъ муромскомъ могильникѣ XI в. нами найдены одновременныя погребенія русскія и финскія; и тѣ, и другія крайне рѣзко отличались другъ отъ друга по характеру находокъ. Могильникъ, недавно найденный въ Мещерской сторонѣ (Заколпинскій Меленковскаго уѣзда), вѣка XIII—XII-го, также имѣетъ рѣзко инородческій характеръ, не смотря на то, что далъ нѣсколько крестиковъ и височныхъ колецъ. Сильныя народности не чуждаются слабыхъ, но слабыя, въ инстинктѣ самосохраненія, гдѣ можно, отступаютъ предъ ними; гдѣ немыслимо активное сопротивленіе, тамъ неизбѣжно примѣняется пассивное.

Устроители Суздальской земли, князья Юрій, Андрей и Всеволодъ, безъ сомнѣнія, одинаково радушно принимали поселенцевъ отвсюду, открывая имъ двери со всѣхъ сторонъ. Къ нимъ шли кривичи двинскіе, смоленскіе, вятичи, можетъ быть, сѣверяне, но по всей видимости, главный притокъ свѣжаго населенія области шелъ чрезъ верховья Волги изъ страны кривичей какъ отъ Днѣпра, такъ и отъ Двины. Такъ какъ Вазуза и Зубцовъ давали наилучшій выходъ съ юга Россіи на Волгу, то, казалось бы, можно ожидать, что именно днѣпровскіе кривичи должны были составлять главную массу переселенцевъ сюда. Можетъ быть, такъ и было на самомъ дѣлѣ, но археологическій матеріалъ точныхъ указаній на это пока не даетъ. Дѣло въ томъ, что мы почти совершенно не знаемъ смоленскихъ древностей XII—XIV в., мало знаемъ древности этого же времени двинскихъ кривичей, и въ то же время — намъ не ясны суздальскія курганныя древности даннаго періода, не смотря на грандіозныя раскопки 50-хъ годовъ. Тутъ археологамъ предстоитъ еще много труда, прежде чѣмъ рѣшиться на точные, детальные выводы. Между прочимъ намъ кажется, что переселеніе на Волгу съ Двины въ XII—XIV в.в. было далеко немалозначительнымъ. Изученіе результатовъ раскопокъ послѣднихъ лѣтъ приводитъ къ соображенію, что правый берегъ Волги отъ Зубцова, повидимому, населялся съ XII в. смоленскими кривичами, а лѣвый до Тверцы и

верховья—полоцкими; но это скорѣе лишь предположеніе, которое можетъ оказаться вполнѣ несостоятельнымъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Почти совершенное отсутствіе въ суздальскихъ курганахъ характерныхъ семилепестныхъ височныхъ колецъ ясно показываетъ, что въ XII в. колонизація этой области со стороны вятичей сводилась къ нулю. Относительно болѣе поздняго времени, особенно же XIV в., пока нельзя сказать ничего рѣшительнаго, потому что курганныя древности вятичей XIII—XIV вѣковъ не достаточно опредѣлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что опасность отъ татарскихъ набѣговъ вызвала весьма значительное переселеніе сюда и съ Оки, а перенесеніе столицы изъ Владиміра въ Москву, расположенную на границѣ области вятичей, весьма усилило ихъ смѣшеніе съ суздальцами, до сліянія въ одинъ цѣльный народный организмъ.

О предполагаемомъ нѣкоторыми учеными движеніи къ Суздалю сѣверянъ, чрезъ верховья Дона и Оку, археологическія изысканія ничего не знаютъ. Сѣверянскіе курганы XI в. извѣстны, но ихъ пока не найдено ни въ Суздалѣ, ни въ Рязани. Болѣе позднихъ сѣверянскихъ кургановъ не знаемъ.

Итакъ, имѣющимися археологическими данными намѣчается положеніе, что въ основѣ великорусской народности лежитъ великое кривичское племя, единое, не смотря на нѣкоторыя мѣстныя отличія, съ которымъ въ Московскій періодъ слились вятичи; примѣсь финской крови въ великорусской, по всей видимости, незначительна.

Если уже наличный археологическій матеріалъ даетъ столь важныя заключенія, то еще большаго мы въ правѣ ожидать отъ дальнѣйшихъ изысканій, при условіи систематичности и сдержанности ихъ. Такія изысканія составляютъ прямую необходимость нашего времени въ виду того, что кладоискательство и любительскія раскопки непрерывно и безтрепетно, то медленнѣе, то быстрѣе, опустошаютъ оставленныя намъ вѣками богатства, подтачивая въ корнѣ всѣ наши надежды, всѣ наши упованія когда-нибудь услышать твердый, рѣшительный, авторитетный отвѣтъ земли на наши завѣтные вопросы.

А. А. Спицынъ.

Матеріалы для археологической карты Костромской губерніи.

Костромской уѣздъ.

По почину Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ 80-хъ годахъ различными учрежденіями, преимущественно Губернскими Статистическими Комитетами, было приступлено къ собиранію свѣдѣній для составленія археологическихъ картъ. Прошло съ тѣхъ поръ много времени, произошли многочисленныя перемѣны въ составѣ служащихъ, и на свѣтъ Божій появилось не малое число археологическихъ картъ во главѣ съ классическимъ трудомъ извѣстнаго русскаго ученаго проф. В. Б. Антоновича, картой Кіевской губерніи—трудомъ, удостоеннымъ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ золотой медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова.

Мало по малу и Губернскія Архивныя Коммиссіи, помимо разбора архивовъ, стали приступать къ составленію археологическихъ картъ своихъ губерній.

Въ 1889 году Костромскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ было представлено Императорскому Московскому Археологическому Обществу 13 свѣдѣній для археологической карты Костромской губерніи; далѣе Непремѣннымъ членомъ нашей Архивной Комиссіи, покойнымъ И. В. Миловидовымъ были доставлены по тому же адресу дополненія въ количествѣ еще 30 свѣдѣній.

Въ послѣднее время Костромская Архивная Комиссія поручила намъ собрать матеріалы для составленія, хотя бы въ будущемъ, подробной археологической карты Костромской губерніи. Съ такимъ-то скромнымъ матеріаломъ мы и имѣемъ честь познакомить г.г. присутствующихъ.

Изъ литературныхъ источниковъ нами были просмотрѣны нижеслѣдующіе, включая въ число ихъ и рукописные [1]).

Рукописные:

1) Наряды бумагъ Костромской Губернской Архивной Комиссіи,

[1]) Приводимые источники относятся не къ одному только Костромскому уѣзду, но ко всей губерніи.

въ коихъ имѣются сообщенія о находкахъ, извѣщенія Императорской Археологической Комиссіи и Археологическаго Института съ опредѣленіемъ находокъ и т. п.

2) Книга Костромской Архивной Комиссіи для записи замѣтокъ и случайныхъ сообщеній по археологіи края.

3) Рукопись Д. П. Дементьева. Историческій очеркъ Пыщугской волости, Ветлужскаго уѣзда.

4) Собственные дневники.

Печатные:

1) «Костромская старина». Сборникъ, издаваемый Костромскою Губернскою Архивною Комиссіею, вып. I, II, III, IV и V.

2) Труды Археологическихъ Съѣздовъ I, IV и VII.

3) Памятная книжка Костромской губерніи на 1862 годъ, составленная Костромскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

4) Протоколы засѣданій Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 1884—1885 г.

5) Приложеніе къ протоколамъ того же Общества за № 66.

6) Графъ А. С. Уваровъ. Археологія Россіи, т. I и II.

7) Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ, изд. 2-е. Москва 1893 года.

8) Археологическія извѣстія и замѣтки, изд. Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 1894 года. № 11.

9) Труды Ярославскаго Областного Съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области.

10) Ф. Д. Нефедовъ. Раскопки кургановъ въ Костромской губерніи (Матер. по археол. вост. губ., изд. Императ. Моск. Археол. Общ. Т. 3).

11) Крживоблоцкій. Матеріалы для географіи и статистика Россіи Костромская губернія.

12) Списокъ населенныхъ мѣстъ. Изд. Статист. Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Костромская губернія.

13) Новиковъ Н. Географическій словарь, изд. 1788 г. часть II.

14) Костромскія Епархіальныя Вѣдомости 1889, 1890 г.

15) Костромскія Губернскія Вѣдомости 1855, 1866 г.

16) «Костромской Листокъ», (газета) 1898 г.

17) «Сѣверный Край», (газета) 1900 г.

Кромѣ этихъ источниковъ, нѣкоторыя свѣдѣнія были заимствованы съ надписей на предметахъ, хранящихся въ музеѣ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

По тщательномъ просмотрѣ вышеозначеннаго матеріала и принимая во вниманіе сравнительную его скудость, было рѣшено прибѣгнуть къ помощи вопросныхъ листковъ, каковые и были разосланы различнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи: г.г. земскимъ начальникамъ, исправникамъ, священникамъ (при посредствѣ Духовной Консисторіи чрезъ о.о. благочинныхъ), учительскому персоналу, волостнымъ правленіямъ и многимъ интеллигентнымъ лицамъ, проживающимъ въ губерніи. Такихъ листковъ было разослано свыше 2000. Надо отдать справедливость тому обстоятельству, что большинство упомянутыхъ, такъ сказать, «археологичеекихъ корреспондентовъ» откликнулось на призывъ Комиссіи и прислало отвѣты, но въ большинствѣ случаевъ отрицательнаго характера въ виду ненахожденія въ ихъ мѣстожительствахъ памятниковъ древности. Изъ числа писемъ съ положительными, такъ сказать, отвѣтами, мы отмѣтимъ 198 съ 325-ю сообщенными въ нихъ свѣдѣніями по рубрикамъ вопроснаго листка. Къ сему слѣдуетъ добавить, что часто нѣсколько лицъ сообщали одинъ и тотъ же фактъ, а потому естественно число сообщеній сократилось.

По сводкѣ добытаго нами матеріала оказалось нижеслѣдующее количество сообщеній по уѣздамъ:

по Костромскому . .	133	по Солигаличскому . .	17
— Нерехтскому . . .	59	— Галичскому . . .	16
— Кинешемскому . .	49	— Кологривскому . .	14
— Макарьевскому . .	43	— Юрьевецкому . .	10
— Ветлужскому . . .	35	— Буйскому . . .	8
— Варнавинскому . .	30	— Чухломскому . .	5
		Всего . .	419

Вотъ эти то 419 археологическихъ данныхъ и должны бы быть нанесены на археологическую карту губерніи, но мы въ настоящее время воздержались отъ этого, представляя только часть матеріала для карты губерніи, и именно одинъ Костромской уѣздъ, какъ наиболѣе нами изслѣдованный, оставляя до болѣе удобнаго времени составленіе картъ другихъ уѣздовъ, по крайней мѣрѣ, до личной провѣрки нѣкоторыхъ сообщеній и производства раскопокъ, изслѣдованій и т. п. При составленіи карты мы придерживались карточной системы: свѣдѣнія располагались по уѣздамъ (въ особыхъ пакетахъ), затѣмъ пріурочивались къ бассейнамъ протекающихъ по губерніи рѣкъ и рѣчекъ. Географическіе знаки главнымъ образомъ нами заимствованы изъ труда проф. В. Б. Антоновича.

Интересныя въ археологическомъ отношеніи селенія на картѣ, имѣющейся въ Костромской Архивной Комиссіи [1]), подчеркнуты красками: въ мѣстахъ нахожденія каменнаго вѣка—зеленой, желѣзнаго—красной; мѣстонахожденіе кладовъ и костей ископаемыхъ животныхъ—желтой.

При чемъ употребляются знаки:

○ для курганныхъ группъ,
□ » городищъ,
⊛ » мастерскихъ,
★ » стоянокъ,
⁰⁰₀ » монетныхъ кладовъ,
△ » находки отдѣльныхъ предметовъ,
◇ » » нѣсколькихъ предметовъ;
≠ » » костей ископаемыхъ животныхъ.

Въ представляемой картѣ отмѣчены: 35 селеній съ остатками каменнаго вѣка, 77 селеній съ курганными группами, 6 съ городищами, 9 съ нахожденіемъ кладовъ и 6 съ нахожденіемъ костей ископаемыхъ животныхъ.

Относительно первой категоріи селеній мы видимъ, что почти всѣ они расположены по заливнымъ лугамъ (и преимущественно на правой сторонѣ) р. Костромы, вторыя—съ курганными группами располагаются главнымъ образомъ по бассейну р. Покши (и ея притокамъ Сендеги и Танги, впадающей опять таки въ Волгу). Городища при 4-хъ селеніяхъ расположены на возвышенныхъ господствующихъ мѣстностяхъ,—2 при р. Волгѣ и 2 при рѣчкахъ (о чемъ мною было доложено на I Областномъ Съѣздѣ). Вотъ тѣ небольшія свѣдѣнія, которыя мы можемъ доложить настоящему засѣданію, приступая къ составленію археологической карты нашей губерніи.

---

[1]) Карта составлена землемѣромъ В. Израилевымъ и издана Костромскимъ Уѣзднымъ Земствомъ. Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 2 версты.

I. Бассейнъ рѣки **Волги.**

Дер. **Ульково**, Чернозаводской вол.

Рядомъ съ деревней въ такъ называемомъ «Ульковскомъ бору» находится группа кургановъ, состоящая болѣе чѣмъ изъ 20 насыпей.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1902 г.

Село **Черная Заводь**, Черно-Заводской вол.

Близъ села былъ найденъ родъ искусно сдѣланнаго киркообразнаго молота до полуаршина длины, тщательно отшлифованнаго, съ отверстіемъ и съ двумя ушками около него. Тщательная работа и особая нарядная его форма наводятъ на предположеніе, не служилъ ли онъ символомъ власти.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Дер. **Филино**, Коряковской вол.

На берегу р. Волги близъ завода Спиридоновой при добываніи камня найденъ зубъ мамонта.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1902 г.

Село **Селище**, Коряковской вол.

Во время весеннихъ разливовъ на берегу рѣки Волги при селѣ Селищѣ и въ дачѣ «Мусиной слободкѣ» находятъ въ большомъ количествѣ древнія мелкія серебряныя монеты (копеечки временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича).

Сообщено членомъ Архивной Комиссіи Г. В. Мягковымъ.

Близъ села были найдены два наконечника кремневыхъ стрѣлокъ.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Гор. **Кострома**.

I. «Кострома, губернскій городъ Намѣстничества сего имени, на лѣвомъ берегу р. Волги, при устьѣ р. Костромы, подъ 57°,25′ широты и 59°,15′ долготы. Внутренняя часть города окружена земляным валомъ, въ коей есть соборная церковь, присутственныя мѣста и немного обывательскихъ дворовъ. Прочее пространство города по тому понимается, что тамъ есть до 50 церквей, изъ которыхъ большая часть каменныя».

Новиковъ. Географическій словарь, изд. 1788 г. ч. II, стр. 310.

II. О началѣ г. Костромы въ изслѣдованіи И. В. Миловидова говорится, что первоначально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго Городища на правомъ берегу р. Волги (противъ современнаго города), въ пору начавшагося сліянія мерянъ со славянами онъ имѣлъ населеніе, уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ—Костромы. Время возникновенія этого городка приблизительно можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка. Въ лѣтописяхъ Кострома упоминается въ первой четверти XIII вѣка (1213—1214). Нынѣшняя Кострома на лѣвомъ берегу Волги устроена послѣ разгрома Батыя, когда старая Кострома была или сожжена, или разрушена и опустошена татарами. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель Суздальской земли послѣ разгрома Батыя. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее на новое мѣсто, при сліяніи р. Костромы съ Волгой.

Труды VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ. Миловидовъ. О Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи.

III. На Власьевской улицѣ при устройствѣ воротъ при домѣ мѣщанина Ивана Трухина найденъ кладъ вѣсомъ 2 фун. 72 зол., состоящій изъ серебряныхъ копеечекъ Іоанна III и IV, Ѳеодора Іоанновича, Василія Іоанновича и Бориса Ѳеодоровича.

Отношен. Императ. Арх. Ком. 1894 г. № 1656.

IV. «Небольшой молотокъ съ начатымъ, но недоконченнымъ сквознымъ отверстіемъ, найденъ въ г. Костромѣ».

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ, изд. 2-е.

V. При рытьѣ канавы на Калининской улицѣ найдена часть лопатки мамонта.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Сельцо **Городище**, Каримовской вол.

Въ полуверстѣ отъ сельца на покатомъ склонѣ, спускающемся къ оврагу имѣется группа кургановъ, состоящая изъ 12 насыпей; 4 изъ нихъ были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею. Костяковъ не найдено, въ одномъ курганѣ обнаруженъ слой золы и углей толщиною до 10 сант., въ другомъ, такомъ же, слоѣ найдено 97 черепковъ глиняной посуды грубой работы изъ слабообожженной глины съ примѣсью хряща. Судя по добытымъ черепкамъ, можно предполагать, что формы сосудовъ походили на формы обыкновенныхъ чугуновъ,

вмѣстимость одного изъ нихъ была около ведра. Стѣнки сосудовъ весьма толстыя: отъ 5 до 20 мм. Вмѣстѣ съ черепками найдены небольшія частички перегорѣлыхъ костей.

«Костромская Старина» вып. У.

Возвышенность, занимаемая сельцомъ Городищемъ, въ своей срединѣ образуетъ какъ бы выступъ, спускающійся довольно круто къ р. Волгѣ. Вершина этого выступа имѣетъ почти правильную форму круга, діаметръ котораго равенъ 30 метр., а окружность 102 метра. Непосредственно за дерномъ при раскопкахъ Костромскою Архивною Комиссіею былъ обнаруженъ культурный слой, въ которомъ попадалась масса черепковъ глиняной посуды, угли, кремневые осколки и небольшіе обломки костей животныхъ. Между прочимъ было найдено: кремневый наконечникъ копья, кремень оббитый въ формѣ копья, кремень въ формѣ кружка; съ одной поверхности онъ почти плоскій, а съ другой приплюснуто-шаровидный съ оббитыми краями по окружности.

Труды Ярославскаго Областного Съѣзда.

Дер. **Становщиково**, Пушкинской вол.

Близъ деревни находятся двѣ группы кургановъ.

1) Въ полуверстѣ отъ деревни въ пустоши «Подсосенье» имѣется курганное кладбище, расположенное на покатомъ склонѣ. По словамъ старожиловъ, это мѣсто въ прежнее время было покрыто дремучимъ боромъ. Всего насыпей оказалось 19, которыя и были изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіею. Около нѣкоторыхъ скелетовъ попадались куски истлѣвшаго сосноваго дерева и слои истлѣвшей бересты, здѣсь же были находимы угли, зола и глиняные черепки.

2) Вторая группа кургановъ находится также въ полуверстѣ отъ деревни Становщиково на обрывистомъ берегу р. Волги съ отвѣсомъ самаго обрыва въ 10 метровъ. Въ группѣ 9 кургановъ, нѣкоторые изъ нихъ на самомъ обрывѣ размыты весенней водой. На поверхности кургановъ замѣчаются большіе валуны. Въ курганахъ по преимуществу были находимы въ большомъ количествѣ угли и слои золы, достигавшіе толщиною въ 10—15 сантиметровъ. Только въ двухъ курганахъ были обнаружены костяки.

«Костромская Старина», вып. III.

Село **Минское**, Пушкинской вол.

Близъ села въ 6 верстахъ отъ г. Костромы внизъ по теченію р. Волги, на возвышенномъ ея лѣвомъ берегу, гдѣ лежалъ извѣстный

камень «кобыла», взятый на постройку часовни на Сусанинской площади, расположено «Городище». Оно представляетъ собою треугольникъ, обращенный вершиною на С. и основаніемъ на Ю. Стороны его: 1) 36 метр. (лежащая на Югъ), 2) 78 метр. (выходящая къ Волгѣ) и 3) 90 метр. (граничащая съ оврагомъ «Лопатошнымъ»). Отвѣсъ городища равенъ 26 метрамъ. Большая часть этого треугольника распахана подъ хлѣбныя поля. На этомъ мѣстѣ бываетъ народное гулянье, наподобіе «Яриловки» (въ г. Костромѣ), во Всѣхсвятское заговѣнье. При раскопкахъ городища, произведенныхъ Костромскою Архивною Комиссіею, было найдено: черепки глиняной посуды съ примитивной орнаментировкой, дубовые угли, зола, обломокъ глинянаго грузила, желѣзные шлаки и желѣзное орудіе, форма котораго напоминаетъ массивное долото съ округленнымъ нижнимъ концомъ и полымъ верхнимъ, заключающимъ въ себѣ остатки дубовой рукоятки.

Труды Ярославскаго Областного Съѣзда.

Дер. **Подолецъ**, Пушкинской вол.

Вблизи деревни на берегу р. Волги находится группа кургановъ. Костромскою Архивною Комиссіею въ 1900 году разрыто 8 кургановъ. Найдены истлѣвшіе костяки, небольшіе черепки глиняной посуды, глиняное обожженное грузило для рыболовной снасти, желѣзный ножъ, небольшая желѣзная наковальня (для наклепки косъ) и часть довольно массивнаго желѣзнаго орудія (вродѣ рѣзца земледѣльческихъ орудій).

Сѣверный Край 1900 г. № 291.

Село **Пушкино**, Ус. Г. Унковскаго, Пушкинской вол.

Близъ усадьбы невдалекѣ отъ р. Волги на возвышенномъ мѣстѣ имѣется группа кургановъ, состоящая изъ 16 насыпей, изъ числа которыхъ 15 были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею въ 1898 году. Кромѣ костяковъ и желѣзнаго ножа, ничего не найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Пахомьево**, Ильинской вол.

Близъ деревни въ полѣ, называемомъ «Каменки», нѣкогда была группа кургановъ; большинство изъ нихъ обращено въ пашню. Изслѣдовано Костромскою Архивною Комиссіею 2 кургана.

Нарядъ Костромской Арховной Комиссіи 1893 г.

Дер. **Свотиново**, Ильинской вол.

На лѣвой сторонѣ дороги на д. Чернопѣнье изъ дер. Свотинова,

въ разстояніи 45 саж. отъ деревни, имѣется сглаженная курганная группа. При рытьѣ земли обнаружены скелеты.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1899 г.

Дер. **Гомониха**, Пушкинской вол.

На лѣвомъ берегу р. Волги найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

Сообщено М. Н. Комаровымъ.

Село **Красное**, Красносельской вол.

Верстахъ въ 5 отъ села вверхъ по рѣкѣ Волгѣ есть такъ называемыя «Высокія Горы», гдѣ по преданію скрыты были встарину разбойниками большія сокровища. Житель села А. А. Молчановъ нашелъ на этихъ горахъ орудіе, на подобіе кинжала.

Сообщено учителемъ К. И. Соболевымъ.

Близъ р. Волги въ 1893 году былъ найденъ кладъ.

Сообщено Н. И. Лосевымъ.

Село **Здѣмирово**, Красносельской вол.

Крестьяне находили пули и ядра.

«Костромская Старина», вып. I.

Дер. **Погорѣлка**, Ильинской вол.

На лѣвомъ берегу р. Волги найденъ превосходный каменный наконечникъ копья длиною въ 4 дюйма 9 линій.

Сообщено М. Н. Комаровымъ.

Село **Подольское**, Красносельской вол.

Ѳ. В. Покровскимъ пожертвованы въ музей Костромской Архивной Комиссіи желѣзные: наконечникъ пики, наконечникъ стрѣлы и топоръ. Эти предметы найдены въ разстояніи одной версты отъ села на небольшой площади, лежащей на самомъ берегу весенняго разлива Волги и обращенной своею покатостью на Ю, по направленію къ Волгѣ, Съ восточной стороны площадь ограничивается крутымъ оврагомъ, въ которомъ въ дождливыя времена течетъ небольшой ручеекъ, въ сухое же время отъ ручейка остаются лишь кой-гдѣ лужи. Оврагъ вмѣстѣ съ ручейкомъ носятъ названіе «Батыга». Дно оврага и, главнымъ образомъ, русло ручейка усѣяно мелкими камнями, нерѣдко попадаются, впрочемъ, камни и довольно большихъ размѣровъ, вѣсомъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ. Изъ такихъ же камней состоитъ и верхній пластъ (на глубину, по крайней мѣрѣ, $1^1/_2$ арш.) разсматриваемой площади съ

тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что здѣсь камни перемѣшаны съ пескомъ и сверху замаскированы пластомъ растительной почвы. Никакимъ особымъ вниманіемъ описываемое мѣсто въ настоящее время у народа не пользуется. Поводомъ къ находкѣ археологическихъ предметовъ послужила эксплуатація находящагося въ описанномъ мѣстѣ камня, который доставлялся отсюда въ низовые поволжскіе города. О крестьянинѣ, собиравшемъ для отправки камни, распространились между прочимъ среди сосѣдей слухи, что ему при копаніи камней случилось найти нѣсколько любопытныхъ предметовъ. Напримѣръ, говорили о находкѣ металлическаго блюда, подсвѣчника и большого металлическаго креста. Послѣдній, по народной молвѣ, брошенъ былъ нашедшимъ его крестьяниномъ въ Волгу, какъ предметъ для него ненужный и антипатичный (крестьянинъ—молоканинъ, единственный сектантъ среди сплошного православнаго народонаселенія). Въ этомъ же мѣстѣ былъ найденъ небольшой глиняный горшокъ (кашникъ) съ углями, но, какъ не имѣющій цѣны, былъ брошенъ.

Ѳ. В. Покровскій ставитъ вопросъ: не имѣемъ ли мы въ упомянутыхъ предметахъ реликвіи одного изъ доисторическихъ тружениковъ Волги, нашедшаго для себя вѣчный покой на чужбинѣ, среди иноплеменниковъ.

Арх. изв. и замѣтки, изд. Император. Моск. Арх. Общ. 1894 г. № 11.

Дер. **Подъельнево**, Семеновской вол.

Въ пустоши «Реутовѣ» на второй террасѣ р. Волги находится 25 кургановъ, изъ числа которыхъ 12 были раскопаны въ 1895 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдены: серебряныя и бронзовыя височныя кольца, остатки шелковой ткани и желѣзные ножи.

Нефедовъ. Раскопки.

Дер. **Борошилиха**, Семеновской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни на 3-ей верхней террасѣ лѣваго берега р. Волги находится 7 кургановъ, вскрытыхъ въ 1896 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: бусы, пуговки, желѣзные ножи.

Нефедовъ. Раскопки.

Дер. **Ивашково**, Пушкинской вол.

На лѣвомъ берегу р. Волги найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

Сообщено М. Н. Комаровымъ.

Дер. **Горесловка**, Семеновской вол.

На верхней террасѣ лѣваго гористаго берега рѣки Волги въ полуверстѣ отъ деревни раскидано 10 кургановъ, 8 изъ нихъ раскопаны въ 1896 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: бусы, бронзовая шейная цѣпочка, бронзовыя кольца и браслеты.

Нефедовъ. Раскопки.

Дер. **Сѣркова Слобода**, Семеновской вол.

Найденъ кладъ около 80 монетъ 2-хъ и 5-ти копеечнаго достоинства 1757 года.

Донесено урядникомъ 4 уч. 2 стана Костромского у.

Село **Антоновское**, Семеновской вол.

I. Въ пяти верстахъ отъ села въ пустоши «Попово» въ лѣсной поросли находится 5 кургановъ, изслѣдованныхъ въ 1895 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: височныя кольца, бронзовое ожерелье спиралью изъ проволоки, бронзовая колокольчикомъ привѣска, часть шерстяной тесьмы, желѣзный топоръ.

II. Въ пустоши «Колки» находится группа, состоящая изъ 8 кургановъ, изъ числа которыхъ 6 вскрыто Нефедовымъ. При костякахъ найдено: серебряныя маленькія сережки, кольчатая бронзовая цѣпочка, ручныя кольца.

III. Въ верстѣ на З отъ села находится до 20 кургановъ, 8 изъ нихъ въ 1896 году изслѣдованы Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: головные уборы изъ бересты, браслеты, желѣзные огнивы и ножи.

Нефедовъ. Раскопки.

Въ верстѣ отъ села при р. Волгѣ группа изъ 6 кургановъ полушарообразной формы.

Сообщено Семеновскимъ Волостнымъ Правленіемъ.

Дер. **Чернецово**, Семеновской вол.

I. Въ пустоши «Гривица» близъ деревни въ лѣсу находится 5 кургановъ, изслѣдованныхъ въ 1895 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: бронзовыя кольчатыя цѣпочки, часть кожи отъ головного убора съ серебряными кольчиками, буса изъ пасты, бронзовое кольцо отъ обуви и желѣзный ножъ.

II. Въ пустоши «Пещериха» въ лѣсной поросли находится 18 кургановъ, 3 изъ нихъ расхищены и 15 изслѣдованы Нефедовымъ. При костякахъ найдено: височныя кольца, подвѣски къ сережкамъ полулу-

ніемъ съ крестиками, бронзовые перстни съ печатками, бусы, серебряный браслетъ, бронзовый крестикъ.

Нефедовъ. Раскопки.

II. Бассейнъ рѣки **Костромы** (притока р. Волги) и заливные луга.

Андреевская Слобода, Шунгенской вол.

На берегу рѣки Костромы противъ слободы найдена тазовая кость мамонта.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Святое**, Шунгенской вол.

Деревня Святое находится за р. Костромой (за Ипатіевскимъ монастыремъ) и отстоитъ верстахъ въ 3-хъ отъ г. Костромы. Вешнимъ разливомъ Волги и Костромки она заливается кругомъ, да и деревенская улица чуть не на половину покрывается водой, не затопляется только самая деревня и песчаные бугры, начинающіеся непосредственно отъ высшей точки деревни и идущіе какъ бы грядой къ д. Стрѣльниково, находящейся на С.-З. отъ Святаго на разстояніи 2—$2^1/_2$ верстъ. Подъ деревней и отчасти буграми по спадѣ водъ разстилаются извилистыя лентообразныя озера—Святое и Мерское. Первое длиною въ 3 версты, шириною около 50 саженъ и глубиною до 1 саж., грунтъ дна иловатый, второе значительно менѣе. Сами бугры были покрыты огромными соснами, на что указываютъ оставшіеся кое гдѣ громадные пни, да и старожилы говорятъ, что слышали отъ своихъ дѣдовъ о дремучихъ сосновыхъ борахъ близъ деревни. Вотъ на этихъ то буграхъ и была обнаружена стоянка каменнаго періода, да и не одна только стоянка, а цѣлая фабрика доисторическаго человѣка.

При раскопкахъ на буграхъ на разстояніи 10—20 сант. отъ дерновой покрышки обнаруженъ культурный слой темнобураго цвѣта, рѣзко выдѣляющійся въ массѣ песка; при тщательномъ его изслѣдованіи находятся небольшіе угли, черепки глиняной посуды и небольшіе частички костей (опредѣленію онѣ не поддаются), а также осколки кремней. Главнымъ образомъ каменныя стрѣлки, копья и пр. попадаются послѣ сильныхъ дождей и ливней, когда водою во многихъ мѣстахъ дѣлаются

промоины. Тогда по берегамъ промоинъ и на выпесенномъ водою пескѣ и встрѣчаются предметы каменнаго вѣка. Такъ, были находимы въ изобиліи разныхъ цвѣтовъ и величинъ куски кремня, съ отбитыми въ разныхъ направленіяхъ поверхностями, за симъ въ громадномъ количествѣ попадаются болѣе или менѣе правильныя кремневыя пластинки, плоскія съ одной стороны и съ 2-мя — 3-мя и 4-мя гранями съ другой (Lame); нѣкоторыя изъ такихъ пластинокъ на концѣ имѣютъ округленія отъ мелкихъ стесовъ. Вставленныя въ рукоятку изъ дерева (или рога) такія пластинки могли служить обоюдоострыми ножами.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Дер. **Стрѣльниково**, Шунгенской вол.

Въ окрестностяхъ деревни Стрѣльникова найдено значительное количество кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Село **Яковлевское**, Шунгенской вол.

Близъ села Яковлевскаго найденъ діоритовый молотъ, хранящійся въ музеѣ Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Оганино**, Шунгенской вол.

Мастерская каменнаго періода была обнаружена рядомъ съ дер. Оганино, расположенной на сравнительно высокомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу р. Костромы, въ 7 верстахъ отъ города (и въ столькихъ же отъ дер. Святое). Вешнія воды не затопляютъ деревни, не затопляютъ также и возвышенности, находящейся близъ нея. Вокругъ этой послѣдней, по спадѣ водъ, остаются озерки. На возвышенности и были найдены предметы каменнаго вѣка. Въ общемъ они похожи на таковые же, найденные при дер. Святое,—тѣ же стрѣлки, наконечники копій, но только эти послѣдніе гораздо массивнѣе, за симъ здѣсь найдены массивное и миніатюрное долота, первое въ 19 и второе въ 4 сант. длины, и клинообразные топоры, скребки, нуклеусы, кремень, ограненный въ видѣ пирамиды (тетраэдра) и половина глинянаго напряслица. Черепки попадаются въ изобиліи изъ слабообожженной глины, съ орнаментами только въ видѣ круглыхъ вдавленій.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Село **Шунга**, Шунгенской вол.

Близъ деревни Шунги найденъ діоритовый молотъ.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Село **Саметь**, Шунгенской вол.

Въ окрестностяхъ села были найдены два діоритовыхъ каменныхъ молота.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

Село **Спасъ**, Мисковской вол.

При селѣ есть мѣстность, носящая названіе «Дворецъ» и около нея рѣка Идолонка и Идолонское озеро. На берегу рѣки Идолонки найденъ обломокъ кремневаго долота.

„Костромская Старина", вып. IV.

Село **Мисково**, Мисковской вол.

I. Близъ села найденъ каменный топоръ и два кремневыхъ долота.

II. Около озера (на заливномъ лугу) найдена нижняя челюсть мамонта.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Село **Петрилово**, Шунгенской вол.

Мѣстными крестьянами были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Дер. **Пашутино**, Шунгенской вол.

Мѣстными крестьянами были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Сельцо **Никольское**, Шунгенской вол.

Въ пустоши «Вориловѣ» обнаружена членами Архивной Комиссіи въ 1903 году стоянка каменнаго человѣка,—найдены кремневые наконечники копій и стрѣлъ, кремневые ножи и черепки глиняной посуды.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Дер. **Скрывалово**, Шунгенской вол.

Мѣстными крестьянами были находимы предметы каменнаго вѣка, пріобрѣтенные для музея Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Губачево**, Шунгенской вол.

Близъ деревни Губачева были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

Дер. **Колебино**, Шунгенской вол.

Мѣстными крестьянами были найдены копье и наконечники кремневыхъ стрѣлъ, пріобрѣтенные для музея Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Оферово**, Шунгенской вол.

Въ окрестностяхъ деревни были найдены кремневыя стрѣлки, хранящіяся въ музеѣ Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Казанка**, Шунгенской вол.

Близъ деревни мѣстными крестьянами были находимы предметы каменнаго вѣка, пріобрѣтенные для музея Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Малый Борокъ**, Шунгенской вол.

У крестьянъ деревни Малый Борокъ пріобрѣтено для музея Комиссіи нѣсколько наконечниковъ кремневыхъ стрѣлъ.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Сухоногово**, Шунгенской вол.

Вблизи деревни были находимы орудія каменнаго вѣка.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Дер. **Пасынково**, Шунгенской вол.

Близъ деревни крестьянами были находимы наконечники кремневыхъ стрѣлъ.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Полачево**, Шунгенской вол.

Отъ крестьянъ деревни Полачево пріобрѣтено для музея Комиссіи нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Семицово**, Шунгенской вол.

Близъ деревни былъ найденъ кремневый наконечникъ копья.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Дер. **Тепра**, Шунгенской вол.

Близъ деревни найдены: діоритовый молотъ и кремневый наконечникъ копья, хранящіеся въ музеѣ Комиссіи.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Пустошка**, Шунгенской вол.

У крестьянъ деревни Пустошки пріобрѣтено для музея Комиссіи нѣсколько наконечниковъ кремневыхъ стрѣлъ.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Дер. **Овинцы**, Мисковской вол.

Близъ деревни были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

Дер. **Ведерки**, Мисковской вол.

Близъ деревни были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

Село **Куниково**, Мисковской вол.

Въ полуверстѣ отъ села въ пустоши «Горушиной» въ протокахъ по направленію къ р. Костромѣ (послѣ весенней воды) были находимы черепки глиняной посуды, кромѣ сего—кремневая стрѣлка и костяное шило.

Труды Областного Съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Село **Сандогоры**, Андреевской вол.

Близъ деревни были находимы предметы каменнаго вѣка.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

III. Бассейнъ рѣки **Мезы** (притока р. Костромы).

Дер. **Жерновка**, Апраксинской вол.

Въ пустоши «Овечкинѣ» около деревни есть колодезь, въ которомъ будто бы были скрываемы разныя цѣнныя вещи и деньги, награбленныя шайкой Ивана Ѳаддѣева, имѣвшей временное пристанище въ с. Селифонтовѣ Костромскаго уѣзда въ ус. Лаптевой, гдѣ онъ по сказаніямъ и былъ взятъ.

«Костромская Старина», вып. II.

Ус. **Сколозубово** (Елизаветино тожъ), Бычихинской вол.

На Буйскомъ трактѣ въ усадьбѣ существуетъ круглый холмъ, внутри котораго находятся ходы. По сказаніямъ старожиловъ, внутри этого холма имѣла пристанище шайка разбойника Ивана Ѳаддѣева, наводившаго нѣкогда панику на здѣшній край

«Костромская Старина», вып. II.

Дер. **Репрево**, Шишкинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни въ пустоши «Похотѣновой» среди полей находится группа кургановъ, каковая мѣстность именуется «Рощеніемъ». Группа состоитъ изъ 9 насыпей, 6 изъ которыхъ раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею въ 1896 г. Въ одномъ только курганѣ при скелетѣ найдено: 2 височныхъ кольца съ округло-ромбовидными расплющеніями и витой бронзовый браслетъ.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Кузьмино**, Гридинской вол.

Въ верстѣ отъ деревни, въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ находится 7 кургановъ, которые были раскопаны въ 1899 году Костромской Архивной Комиссіей. При костякахъ найдены: височныя кольца, стеклянныя бусы, фибула, браслеты, перстни, пряжка, треугольная и конусовидная подвѣски и ножи.

«Костромская Старина», вып. V.

Д.д. **Макарово, Кузьмищево**, Башутинской вол.

Около оврага имѣется группа кургановъ, форма ихъ полушарообразная. При обваливаніи оврага обнаруживаются кости человѣка.

Сообщено учителемъ А. Ипполитовымъ.

Дер. **Богородицкое**, Апраксинской вол.

При перестройкѣ дома Александра Ѳедорова найденъ кладъ мѣдныхъ монетъ, вѣсомъ около 3-хъ пудовъ; монеты Екатерининскаго времени.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1902 г.

Дер. **Бажурино**, Башутинской вол.

Около деревни, въ пустоши «Городецъ» есть мѣстность, окруженная рвомъ, имѣющая только съ одной стороны видъ входа. По сказаніяъ, здѣсь существовалъ городокъ.

«Костромская Старина», вып. II.

Мельница «**Паниха**», Бычихинской вол.

Въ 1 верстѣ отъ мельницы на правомъ возвышенномъ берегу р. Мезы расположена группа кургановъ изъ 9-ти насыпей. 7 кургановъ раскопаны въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіей. Въ одномъ только курганѣ найдено 2 бронзовыхъ височныхъ кольца.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Юрново**, Бычихинской вол.

Близъ деревни въ лѣсу есть мѣстность «Могилки», гдѣ существуютъ курганы, обложенные камнями.

«Костромская Старина», вып. IV.

Усадьба **Доръ**, Бычихинской вол.

Курганное кладбище находится въ лѣсу въ пустоши «Захарово» и именуется «могильниками»; всѣхъ кургановъ 14, изъ числа которыхъ 5 были разрыты въ 1896 г. Костромскою Архивною Комиссіей. Кромѣ костяковъ, ничего не было найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Близъ усадьбы было найдено массивное каменное долото.

Музей Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

IV. Бассейнъ рѣки **Андобы** (притока рѣки Костромы).

Гор. **Судиславль** (заштатный).

Въ городѣ существуетъ насыпь въ 100 саж. длины и въ 50 въ поперечникѣ, на которой находится соборъ. Валовъ, прежде существовавшихъ, теперь нѣтъ. При раскопкѣ земли подъ фундаментомъ церкви были находимы въ большомъ количествѣ человѣческія кости.

«Костромская Старина», вып. I.

Дер. **Меленки**, Апраксинской вол.

Въ пустоши «Кургановѣ» близъ деревни находятся небольшіе насыпные холмики.

«Костромская Старина», вып. IV.

V. Бассейнъ р. **Покши** (притока р. Волги) и ея притоковъ.

Дер. **Нелидово,** Пушкинской вол.

Близъ деревни имѣется три курганныхъ группы.

I-я находится близъ самой деревни, нѣсколько на западъ отъ нея, на правомъ берегу р. Покши, въ хлѣбномъ полѣ и состоитъ изъ 11 кургановъ, изъ числа которыхъ 9 были раскопаны въ 1897 г. Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ найдено: височныя кольца, бронзовая пряжка, пуговка и 2 желѣзныхъ топора.

II-я расположена на востокъ отъ д. Нелидова, также на правомъ берегу р. Покши и состоитъ изъ 6 кургановъ, изслѣдованныхъ одновременно съ первою группою. Кромѣ костяковъ, ничего не найдено.

III-я, состоящая изъ двухъ кургановъ, находится въ деревнѣ на гумнѣ. При раскопкѣ найдены истлѣвшіе костяки.

«Костромская Старина», вып. V.

Ус. **Подольское,** Пушкинской вол.

Близъ усадьбы имѣется 2 курганныхъ группы.

I-я находится въ полуверстѣ отъ усадьбы, на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Покши, въ пустоши «Юрино» и заключаетъ 7 кургановъ, изъ числа которыхъ 6 были разрыты въ 1898 г. Костромскою Архивною Комиссіею. При скелетахъ найдено: височныя кольца, колье изъ 10-ти круглыхъ бронзовыхъ привѣсокъ, желѣзный и бронзовый браслеты, подвѣски треугольныя, конусовидная и въ видѣ птицы, желѣзный ножъ.

II я находится въ верстѣ отъ первой, въ лѣсу въ той же пустоши «Юрино» и состоитъ изъ 10 кургановъ. Курганы раскопаны одновременно съ первою группою. Въ двухъ погребеніяхъ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы, лунница, браслеты, перстень, подвѣски въ видѣ барашковъ и остатки истлѣвшей шерстяной ткани.

«Костромская Старина», вып. V.

Ус. **Дудкино,** Пушкинской вол.

Группа кургановъ расположена рядомъ съ усадьбой, на возвышенномъ мѣстѣ вблизи р. Покши. 10 кургановъ были изслѣдованы въ

1882 году по порученію Общ. Ест. при Императ. Казан. Унив. При костякахъ найдены височныя кольца и желѣзные ножи.

Прилож. къ прот. засѣд. Общ. Ест. при Имп. Казан. унив. № 66.

Дер. **Турыгино**, Гридинской вол.

Въ полуверстѣ отъ селенія по лѣвую сторону р. Покши, на возвышенномъ мѣстѣ, называемомъ «Красная гора», на коей въ праздничные дни происходятъ гулянки, находится группа кургановъ, состоящая изъ 24 насыпей, изъ числа которыхъ 21 была раскопана въ 1898 г. Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ было найдено: височныя кольца, стеклянныя бусыя, лунницы, бронзовая шейная цѣпочка, состоящая изъ тоненькихъ бронзовыхъ колечекъ, образующихъ какъ бы тканый снуръ, серебряная фибула, перстень, бронзовая и желѣзная пряжки, позументъ съ рисункомъ переплетающихся ромбовъ, треугольныя подвѣски и въ видѣ конька, остатки грубой шерстяной ткани, желѣзные ножи, топоры.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Боровиково**, Гридинской вол.

Вблизи деревни имѣется три группы кургановъ.

I-я подъ названіемъ «паны» расположена въ полуверстѣ отъ селенія на склонѣ лѣваго берега р. Покши, впадающей въ р. Волгу и заключаетъ 16 насыпей, которыя и были изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіею въ 1896 году. При костякахъ обнаружено: височныя кольца и позументъ, около костяковъ попадалось истлѣвшее сосновое дерево, а въ насыпи—угли и зола.

II-я, носящая названіе «Круча», находится вблизи первой, на крутомъ обрывѣ берега р. Покши и состоитъ изъ 8 кургановъ; прежде ихъ было болѣе, но многіе обвалились. Курганы этой группы изслѣдованы одновременно съ первой группой. При костякахъ найдено: четырехконечный бронзовый крестъ, средина креста представляется въ видѣ квадрата, съ двухъ сторонъ котораго имѣются изображенія святыхъ, стеклянныя и глиняныя (величиною въ лѣсной орѣхъ) бусы, височныя кольца, фибулы, кольца, перстни, браслеты, подвѣски треугольныя въ видѣ буквы Ф, костяная капаушка съ круглымъ отверстіемъ для привѣшиванія, миніатюрное изображеніе изъ кости двухъ конскихъ головокъ, направленныхъ въ противоположныя стороны, ножи; въ насыпяхъ попадалось сосновое истлѣвшее дерево, угли и зола. Въ одномъ погре-

бенiи въ ногахъ костяка обнаруженъ горшокъ изъ слабообожженной глины съ примѣсью хряща.

Ш-я подъ названiемъ «Якова деревенька» находится рядомъ съ д. Боровиково, окружена хлѣбными полями и состоитъ изъ 12 кургановъ, изслѣдованныхъ одновременно съ первыми двумя группами. При костякахъ обнаружены: бронзовыя височныя кольца, стеклянныя и 1 мозаичная глиняная бусы, грушевидные бубенчики, пуговки, подвѣски въ видѣ коньковъ и треугольниковъ.

«Костромская Старина», вып. V.

При вырытiи ямы для вереи въ деревнѣ найденъ глиняный кувшинчикъ съ 465 серебряными копеечками царствованiя Петра I-го.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссiи 95 г.

Дер. **Исаево**, Гридинской вол.

Близъ дер. Исаева на лѣвомъ обрывистомъ берегу р. Покши, на такъ называемой «Исаевской кручѣ» имѣется группа кургановъ, состоящая изъ 7 насыпей, раскопанныхъ въ 1898 году Костромскою Архивною Комиссiею. При костякахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы, крестики, круглая привѣска съ крестомъ въ срединѣ, шейный обручъ, браслеты, подвѣски треугольныя и конусовидныя, желѣзные ножи. Въ одномъ курганѣ надъ погребеннымъ найденъ глиняный горшокъ съ покрышкой, въ горшкѣ оказались остатки загробной пищи (рыбьи кости и яичная скорлупа).

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Марьинское**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣется 3 курганныхъ группы:

I-я расположена на С.-В. въ полуверстѣ отъ селенiя, среди поля. Группа состояла изъ нѣсколькихъ кургановъ, но, за исключенiемъ двухъ, всѣ распаханы. Въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссiею эти курганы раскопаны, при чемъ было найдено: височныя кольца, фибула и браслетъ.

II-я находится въ 100 саж. отъ первой, въ мѣстности, именуемой «Грачки» въ полуверстѣ отъ р. Покши; всѣхъ кургановъ 18, изъ нихъ 15 были изслѣдованы одновременно съ первою группою. Въ насыпяхъ попадались угли и зола; въ одномъ курганѣ обнаруженъ черепъ, при которомъ найдено: 4 височныхъ кольца, маленькiй витой

браслетъ, 6 стеклянныхъ бусъ, 15 массивныхъ бочкообразныхъ бронзовыхъ бусъ и бронзовая пряжка.

Ш-я—за исключеніемъ одного кургана, всѣ распаханы; при раскопкѣ его найдено: 6 височныхъ колецъ, 12 стеклянныхъ бусъ (11 изъ нихъ съ позолотой) и 2 маленькихъ витыхъ браслета.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Большое Андрейково**, Гридинской вол.

Въ полуверстѣ отъ селенія, на западъ, имѣется около большого оврага, въ которомъ протекаетъ ручей, курганная группа, состоящая изъ 23 насыпей, изъ числа которыхъ 18 были раскопаны въ 1896 г. Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ обнаружено: височныя кольца, стеклянныя бусы, привѣска въ видѣ круга съ ажурнымъ изображеніемъ креста, четырехъ-конечный каменный крестикъ, лунницы, браслеты, кольца, подвѣски, кусокъ широкаго золотого позумента и узкій золотой галунъ, желѣзные ножи; въ одномъ курганѣ при женскомъ погребеніи справа таза были найдены остатки футляра изъ истлѣвшаго дерева и шерстяной грубой ткани; въ футлярѣ положена подвѣска въ видѣ барашка съ бубенчиками и волосяная въ мизинецъ толщиною кисть, основаніе которой обвито тканью на подобіе мельчайшей рогожки.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Марѳино**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣется 2 курганныхъ группы:

I-я находится въ полуверстѣ на западъ отъ селенія въ мѣстности называемой «Рощеніе». Въ этой группѣ, по разсказамъ старожиловъ, было прежде много насыпей, но за исключеніемъ двухъ, всѣ онѣ распаханы. При раскопкѣ въ 1896 году этихъ кургановъ Костромскою Архивною Комиссіею въ одномъ найдены кости скелета въ безпорядкѣ (курганъ, повидимому, былъ рытъ), а въ другомъ—зола и угли.

II-я группа расположена въ 100 саженяхъ отъ первой, въ пустоши «Тетеринское» на правомъ берегу Тетеринскаго оврага, идущаго къ рѣкѣ Покшѣ. Большая часть кургановъ распахана. Разрытъ 1, но, кромѣ углей, ничего не найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Сенино**, Гридинской вол.

Близъ деревни на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Покши имѣется

круганная группа, состоящая изъ 14 насыпей, изъ числа которыхъ 12 были разрыты Костромскою Архивною Комиссіей въ 1898 году. При костякахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы, раковина каури, круглая привѣска, пуговица и браслетъ.

«Костромсоая Старина», вып. V.

Дер. **Федяево**, Гридинской вол.

Близъ деревни Федяево въ лѣсу имѣются два кургана, раскопанныхъ въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіей. При одномъ скелетѣ обнаружено: бронзовое височное кольцо и черепки отъ глинянаго горшка.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Погорѣлово**, Гридинской вол.

Курганное кладбище близъ деревни находится на С.-В. отъ нея, по лѣвую сторону р. Покши на возвышенной мѣстности въ пустоши «Голубецъ» и состоитъ изъ 22 кургановъ, изъ числа которыхъ 18 въ 1896 году были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы (нѣкоторыя изъ нихъ позолочены), круглая привѣска, браслеты и подвѣски въ формѣ барашковъ.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Першутино**, Гридинской вол.

Въ полѣ крестьянъ дер. Першутина имѣется 5 кургановъ.

Сообщено Костромскимъ Уѣзднымъ Исправникомъ І. А. Перроте.

Дер. **Стипково**, Гридинской вол.

Близъ деревни на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Покши, въ мѣстности, именуемой «Рощеніе», находится группа кургановъ, состоящая изъ 6 насыпей, изъ числа которыхъ 5 были раскопаны въ 1898 году Костромскою Архивною Комиссіей. При раскопкахъ, кромѣ костяковъ, ничего не найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Ус. **Иконниково**, Семеновской вол.

По р. Покшѣ близъ Иконникова имѣются 3 курганныхъ группы: 2 кургана были раскопаны живущими здѣсь дачниками, при чемъ найдены: бусы, кольца и желѣзныя вещи.

Сообщено В. П. Парійскимъ.

Дер. **Бухалово**, Гридинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни въ пустоши, именуемой «Волоты», вблизи р. Волги на красивомъ холмѣ, поросшемъ соснякомъ, находится 6 кургановъ, изслѣдованныхъ Костромскою Архивною Комиссіей въ 1896 году. Кромѣ скелетовъ, которые были, повидимому, положены въ колодахъ, покрытыхъ берестой, ничего не найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Лихачево**, Семеновской вол.

Въ 2 верстахъ отъ деревни въ пустоши «Каревѣ» существуютъ ямы, въ которыхъ, по сказаніямъ, будто бы скрыты вещи разбойникомъ Иваномъ Ѳаддѣевымъ и его соучастникомъ Панкратомъ Ивановымъ.

«Костромская Старина», вып. II.

Дер. **Федулово**, Пушкинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни въ мѣстности, именуемой «Рощеніе», находится курганная группа, состоящая изъ 7 насыпей, изъ числа которыхъ 5 были изслѣдованы въ 1898 году Костромской Архивной Комиссіей. При костякахъ найдено: височныя кольца, бусы, образокъ съ пояснымъ изображеніемъ, бронзовый игольникъ, браслетъ, ножъ и топоръ.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Пустошка**, Апраксинской вол.

Близъ самой деревни на возвышенномъ мѣстѣ, называемомъ «Рощеніемъ», имѣется группа кургановъ, состоящая изъ 15 насыпей, изъ числа которыхъ 13 были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею въ 1897 году. При раскопкахъ были найдены одни только истлѣвшіе костяки.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Дренево**, Пушкинской вол.

Близъ дер. имѣются двѣ группы кургановъ.

I-я находится въ пустоши «Бродниковѣ» въ полуверстѣ отъ селенія на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ, недалеко отъ рѣчки Бродниковской; группа состоитъ изъ 10 кургановъ, изъ числа которыхъ 9 были разрыты Костромскою Архивною Комиссіею въ 1897 году. При костякахъ найдено: височныя кольца, янтарныя бусы, браслеты, лунницы, подвѣски въ видѣ барашка, желѣзные ножи.

II-я находится вблизи первой въ пустоши, именуемой «Панфилова сѣча», расположенной на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ. Группа заключаетъ 11 кургановъ, изъ которыхъ 10 были изслѣдованы одновременно съ первою группою. При костякахъ найдено: желѣзное кольцо, ножъ и глиняный черепокъ.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Никулино** (Шувалово), Пушкинской вол.

Группа кургановъ находится въ «Никулинскихъ полянахъ» въ $1^1/_2$ вер. отъ означенныхъ селеній, вблизи ручья «Опакушки»; она расположена на возвышенномъ песчаномъ мѣстѣ и состоитъ изъ 45 насыпей, частію уже раскопанныхъ мѣстными крестьянами. Въ 1892 году Костромскою Архивною Комиссіей было разрыто 24 кургана. Найдено: бронзовая фибула, бусы, высочныя кольца, пуговица и остатокъ галуна.

«Костромская Старина», вып. Ш.

Въ 1897 году раскопано Архивною Комиссіею еще 11 кургановъ, но, кромѣ двухъ костяковъ, ничего не найдено.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Семенково**, Гридинской вол.

Въ рѣкѣ Сендегѣ найденъ зубъ мамонта.

Сообщено І. Д. Преображенскимъ.

Дер. **Гридино**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣются 3 курганныхъ группы.

I-я находится въ полутораверстномъ разстояніи отъ селенія, на возвышенномъ мѣстѣ, среди лѣса въ 200 саж. отъ лѣваго берега р. Теткина. Въ 3 изслѣдованныхъ курганахъ, кромѣ золы и углей, ничего не найдено.

II-я находится въ полуверстѣ на З. отъ первой. Въ 2 изслѣдованныхъ въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіей курганахъ обнаружены истлѣвшіе костяки и при одномъ изъ нихъ бронзовое кольцо.

Ш-я—расположена вблизи дер. Гридина по лѣвую сторону Кинешемскаго тракта; всѣхъ кургановъ 18, изъ коихъ 16 были изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіей въ 1897 году. При костякахъ было найдено: бронзовыя и серебряныя височныя кольца, стеклянныя бусы (нѣкоторыя изъ нихъ съ позолотой), лунницы, крестикъ, обра-

зокъ съ пояснымъ изображеніемъ святого съ крыльями, со скипетромъ и державой (Спасителя?), браслеты, кольца, перстень, подвѣска въ формѣ барашка и желѣзные ножи.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Терешино**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣются 2 группы кургановъ.

I-я расположена по восточному склону оврага, по которому протекаетъ ручей «Студенецъ», состоитъ изъ 12 кургановъ; 9 были изслѣдованы въ 1895 году Костромскою Архивною Комиссіей. При костякахъ найдено: бронзовыя височныя кольца, стеклянныя и мозаичныя бусы, браслеты, ручныя кольца, привѣски въ видѣ барашка, бронзовая ажурная пряжка (игольникъ), среди нея имѣется изображеніе проэкціонное дома, съ противоположныхъ сторонъ у концевъ крыши этого дома изображены аляповатые кони, бронзовое плоское украшеніе въ видѣ схематическаго изображенія двухъ конскихъ головокъ, смотрящихъ въ противоположныя стороны.

II-я находится на западномъ склонѣ къ оврагу и состоитъ изъ 6 кургановъ, раскопанныхъ одновременно съ первою группою. При костякахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя и 1 конусовидная глиняная мозаичная бусы, браслеты, спиральки, бронзовые кружечки (на подобіе бусъ), серебряная пряжка, подвѣски треугольной формы, огниво и ножи.

«Костромская Старина», вып. V.

Село **Куликово**, Гридинской вол.

Близъ села находятся двѣ группы кургановъ:

I-я располагается по правую сторону (отъ г. Костромы) почтоваго Красносельскаго тракта въ 1 верстѣ на западъ отъ села Куликова, на возвышенномъ мѣстѣ, среди полей, поросшемъ большими березами. Состоитъ изъ 8 насыпей, изъ числа которыхъ въ 1895 году 5 были изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіей. При погребеніяхъ найдено: бронзовыя височныя кольца, серебряная серьга съ серебряной дутой бусой, стеклянныя бусы, подвѣски въ видѣ барашковъ, бронзовая пряжка, желѣзный ножъ и 7 небольшихъ желѣзныхъ гвоздей съ широкими шляпками.

II-я находится на разстояніи $^1/_2$ версты отъ села, отдѣляясь отъ него глубокимъ оврагомъ, идущимъ въ направленіи къ р. Сендегѣ и

заключаетъ 8 насыпей сплошь заросшихъ березникомъ и ольхою. 6 кургановъ были изслѣдованы одновременно съ первою группою, при чемъ въ одномъ только изъ нихъ обнаружены: бронзовая небольшая пряжка, 2 кольца и пластинчатый браслетъ. Костяковъ не оказалось.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Васильевская**, Гридинской вол.

Въ окрестностяхъ деревни имѣются 5 группъ кургановъ.

I-я отстоитъ отъ селенія въ $1^1/_2$ версахъ на Ю.-В. и располагается на скатѣ, спускающемся къ оврагу, въ которомъ протекаетъ ключъ «Студенецъ», впадающій въ р. Сендегу. Въ группѣ находится 14 кургановъ, изслѣдованныхъ въ 1895 году Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ найдены: бронзовыя височныя кольца, стеклянныя бусы, браслеты, желѣзные ножи, привѣска въ формѣ барашка, остатки грубой льняной ткани.

II-я находится въ $1^1/_2$ верстахъ отъ деревни, на обрывистомъ лѣвомъ берегу р. Теткина, впадающаго въ р. Сендегу, и состоитъ изъ 7 кургановъ; изслѣдованіе кургановъ производилось одновременно съ первой группой. Въ насыпяхъ попадались зола и угли. Между прочимъ найдена подвѣска ажурной работы въ видѣ изображенія двухглаваго пѣтуха; у пѣтуховъ рельефно изображены гребни, глаза и бородки, къ бородкамъ прикрѣплены кольца; къ нижней части подвѣски придѣланы 5 треугольныхъ пластинокъ (съ лопастями), каждая изъ нихъ прикрѣплена посредствомъ 2 восьмиобразныхъ звеньевъ.

III-я расположена на открытомъ мѣстѣ среди хлѣбныхъ полей на покатости, спускающейся къ р. Сендегѣ, и состоитъ изъ 2 насыпей, раскопанныхъ одновременно съ предъидущими группами. Костяковъ не обнаружено. Найденъ желѣзный ножъ.

IV-я, состоящая изъ двухъ насыпей, находится около дороги, въ полуверстѣ отъ деревни, на лѣвомъ берегу р. Сендеги. При раскопкѣ найдено: 9 височныхъ колецъ, браслетъ и черепокъ отъ глинянаго горшка.

V-я располагается на сѣверъ отъ деревни и находится близъ р. Теткина, состоитъ изъ 28 кургановъ, изъ коихъ 24 были изслѣдованы въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіею. При скелетахъ обнаружены: височныя кольца, остатки золотаго позумента, стеклянныя и мозаичныя бусы, фибулы, трубочка пронизка (ножны), заключающая въ себѣ окись желѣза, лунницы, образокъ съ пояснымъ изображеніемъ

двухъ святыхъ, раковины «каури», подвѣски въ видѣ конскихъ головокъ, барашка и треугольныя ажурныя, куфическій диргемъ, желѣзные ножи, топоръ и огниво.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Елкотово**, Гридинской вол.

Близъ деревни находится 4 курганныхъ группы.

I-я располагается на С.-В. отъ селенія, на уклонѣ къ оврагу, близъ крестьянскихъ бань и состоитъ изъ 24 насыпей, изъ числа которыхъ 23 были раскопаны въ 1895 году Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ обнаружены: бронзовыя и серебряныя височныя кольца, серьги, стеклянныя бусы, шейный обручъ, фибула со знакомъ свастики, подвѣски въ формѣ усѣченныхъ конусовъ и барашковъ, пряжки, браслеты, кольца, ножи и топоръ.

II-я находится на югъ отъ первой, по другую сторону р. Сендеги, на небольшой возвышенности, саженяхъ въ 5 отъ берега и заключаетъ 18 кургановъ, изъ числа которыхъ 15 были изслѣдованы одновременно съ первою группою. При костякахъ найдены: височныя кольца, стеклянныя бусы, браслеты, перстни, кольца, желѣзные ножи и огниво.

III-я находится къ Ю.-З. отъ селенія на разстояніи $^1/_2$ версты отъ него и состоитъ изъ 14 насыпей, изъ нихъ 12 раскопаны одновременно съ предъидущими группами. При костякахъ обнаружены: височныя кольца, стеклянныя бусы (1 глиняная продолговатая), лунница, подвѣски въ видѣ птицъ, конька и барашка, браслеты, ножи и огниво.

IV-я расположена на востокъ отъ селенія по направленію къ пустоши «Копьево», въ полуверстѣ отъ р. Сендеги. Группа заключаетъ 9 кургановъ, изъ числа которыхъ изслѣдованы Архивною Комиссіею 6. При одномъ только костякѣ найдено: 3 бронзовыхъ височныхъ кольца, 1 стеклянная буса и ажурная подвѣска.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Поповка**, Гридинской вол.

Курганное кладбище расположено на Ю.-В., въ 1 верстѣ отъ деревни, на спускѣ возвышенной плоскости, по лѣвую сторону р. Сендеги и заключаетъ 23 насыпи полушарообразной формы, изъ числа которыхъ 20 въ 1895 году были изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя и глиняныя, покрытыя рубчиками, бусы, подвѣски въ формѣ коньковъ,

бронзовая пуговица, желѣзные ножи, топоръ. Въ насыпи попадались черепки глиняной посуды, зола и угли.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Тимонино**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣются 3 курганныхъ группы.

I-я группа располагается на покатости, идущей позади деревни, по направленію къ р. Сендегѣ и состоитъ изъ 7 кургановъ, изслѣдованныхъ въ 1895 году Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ обнаружены: лунница, круглая пятилопостная привѣска, ножъ, серпъ и небольшой топорикъ.

II-я отстоитъ саженяхъ во 100 отъ селенія на востокъ, расположена на обрывистомъ берегу р. Сендеги, мѣсто заросло молодымъ лѣсомъ и носитъ названіе у мѣстныхъ жителей «Рощеніе». Группа состоитъ изъ 14 кургановъ, изъ числа которыхъ 12 были раскопаны одновременно съ первой группой. При скелетахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя и глиняная мозаичная бусы, браслеты, подвѣски въ видѣ барашковъ, желѣзные ножи и топоры.

III-я находится къ С.-З. отъ деревни, на берегу глубокаго оврага, тутъ-же впадающаго въ р. Сендегу, и состоитъ изъ 11 кургановъ, изъ числа которыхъ 7 раскопано одновременно съ вышеприведенными группами. При скелетахъ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы, 1 янтарная продолговатая буса и браслеты.

«Костромская Старина» вып., V.

Дер. **Руболдино**, Гридинской вол.

Близъ деревни имѣется группа кургановъ на высокомъ мѣстѣ, поросшемъ сосняком, по лѣвую сторону р. Сендеги, состоящая изъ пяти насыпей, изслѣдованныхъ въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіею. При раскопкѣ найдено: височныя кольца, стеклянныя бусы, браслеты, подвѣски въ формѣ коньковъ и 1 конусовидная и остатки толстой шерстяной ткани въ видѣ пояска.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Песиково**, Апраксинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни на западъ и въ 1 верстѣ отъ р. Сендеги находится группа кургановъ, именуемая «Рощеніемъ». Всѣхъ кургановъ 16, изъ числа которыхъ 13 были раскопаны въ

1897 году Костромскою Архивною Комиссіею. При двухъ костякахъ были найдены бронзовыя височныя кольца.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Попово**, Апраксинской вол.

При рытьѣ ямы въ деревнѣ найденъ кладъ, состоящій изъ 5 серебряныхъ рублей 1765—1774 г., 3 полтинника и 13 полуполтинниковъ 1774—1768 г.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1896 г.

Дер. **Таранино**, Башутинской вол.

Группа кургановъ расположена въ полуверстѣ отъ деревни на востокъ, на возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ большими деревьями; всѣхъ насыпей 4, изъ нихъ 2 въ 1895 году были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею. При одномъ скелетѣ найдены 3 небольшихъ бронзовыхъ височныхъ кольца.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Татариново**, Башутинской вол.

Близъ деревни имѣются 2 группы кургановъ:

I-я располагается въ 1 верстѣ отъ деревни къ Ю.-В.; кладбище занимаетъ вершину горы, именуемой «Шелудивой». Всѣхъ кургановъ около 30, нѣкоторые изъ нихъ въ прежнее время были копаны. Въ 1895 года Костромскою Архивною Комиссіею изслѣдованы 24 кургана. При костякахъ были найдены: бронзовая цѣпочка изъ 14-ти восьми бронзовыхъ звеньевъ, височныя кольца, серьги съ тремя клубочками, состоящими изъ тонкихъ спиралей, флаконовидныя, пронизка, треугольныя подвѣски съ пластинками въ видѣ утиныхъ лапокъ, витой шейный обручъ, лунницы, перстни, кольца, браслеты, ножи, въ ногахъ погребенныхъ попадались глиняные горшки, на днѣ которыхъ имѣются круглыя квадратныя и крестообразныя клейма.

II-я находится на Ю.-З. отъ деревни въ 1 верстѣ въ пустоши «Барановѣ» и состоитъ изъ 18 насыпей, изъ числа которыхъ 16 были раскопаны одновременно съ первою группою. При костякахъ обнаружено: височныя кольца, стеклянныя бусы (нѣкоторыя со слѣдами позолоты), пряжки, бронзовыя кружечки (въ видѣ бусъ) и спиральки, браслеты, каменное напряслице, желѣзные ножи, серпы, топоръ; въ ногахъ погребенныхъ были находимы глиняные горшки съ клеймами.

«Костромская Старина», вып. V.

Село **Спасъ-ямщики**, Пушкинской вол.

Около села на возвышенномъ мѣстѣ расположены хлѣбныя поля, на которыхъ замѣтны слѣды распаханныхъ кургановъ въ формѣ сглаженныхъ полушарій. Два кургана, какъ наиболѣе рельефные, были раскопаны въ 1897 году Костромскою Архивною Комиссіею. Въ одномъ курганѣ найдены истлѣвшія кости черепа.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Александрово**, Гридинской вол.

Близъ деревни находится 2 курганныхъ группы.

I-я находится рядомъ съ деревней и заключаетъ 3 кургана, остальные курганы распаханы. При раскопкѣ въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіею въ одномъ курганѣ обнаруженъ сожженный скелетъ. Между обгорѣлыми костями найдено бронзовое витое кольцо.

II-я расположена въ полуверстѣ отъ первой на Ю.-З, на склонѣ, спускающемся къ р. Сухонкѣ, впадающей въ р. Покшу. Эта группа заключаетъ 15 насыпей, изъ числа которыхъ 12 были изслѣдованы одновременно съ первой группой. Въ насыпи попадались часто угли и зола. При скелетахъ найдено: кольца, желѣзные ножи, топоры, коса.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Залогино**, Гридинской вол.

Группа кургановъ расположена близъ селенія на высокомъ берегу р. Танги, впадающей въ р. Покшу, и состоитъ изъ 10 кургановъ; 8 изъ нихъ разрыты крестьянами, искавшими драгоцѣнныхъ вещей и, 2 Костромскою Архивною Комиссіею въ 1898 году. При костякахъ найдено: височныя кольца, браслетъ, подвѣски въ видѣ барашковъ и наконечникъ копья. Крестьянами-кладоискателями представлено въ музей Архивной Комиссіи желѣзное копье, ножъ, подвѣски въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, въ видѣ барашка, 3 браслета бронзовыхъ, спираль и 2 серьги.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Гоменка**, Пушкинской вол.

Близъ деревни на западномъ склонѣ «Медвѣжьяго оврага», идущаго къ рѣчкѣ Малой Покушкѣ, впадающей въ р. Волгу, имѣются 8 кургановъ, 6 изъ нихъ разрыты были крестьянами-кладоискателями близлежащей д. Карнахина. Въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіею курганы были переизслѣдованы, при чемъ было найдено: кости скелетовъ, горшокъ и желѣзный топоръ. Отъ кладоискателей взято: пять

плоскихъ привѣсокъ въ видѣ коньковъ, подвѣски въ формѣ усѣченныхъ конусовъ, бронзовая спираль, 314 мѣдныхъ кружечковъ, нанизанныхъ на льняной крученый снуръ, бронзовый наконечникъ ножен (для кинжала), бронзовыя части отъ поясного массивнаго набора съ массивной кистью изъ бронзовыхъ колецъ.

«Костромская Старина», вып. V.

VI. Бассейнъ рѣки **Стежеры** (притока р. Волги).

Дер. **Погостъ**, Красносельской вол.

Въ полуверстѣ отъ селенія, невдалекѣ отъ рѣчки Стежеры, на возвышенномъ мѣстѣ находится группа кургановъ, состоящая изъ 35 насыпей, изъ числа которыхъ 32 были изслѣдованы въ 1899 году Костромскою Архивною Комиссіей. При костякахъ обнаружено: височныя кольца, серьги съ серебряными шариками, лунницы, бусы стеклянныя, мозаичныя и глиняныя съ глазурью, пряжки, подвѣски треугольныя и въ видѣ барашковъ, перстни, браслеты, желѣзные серпы и ножи.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Очипищево**, Красносельской вол.

При деревнѣ на самомъ берегу рѣки Стежеры находится «Городокъ», представляющій продолговатый треугольникъ. Двѣ стороны его покаты, а третья, примыкающая къ водѣ, отвѣсная вслѣдствіе подмыванія ея водою. Высота около 8 саженъ, длина 160 шаговъ. Въ верхнемъ слоѣ «Городка» находятся зола, угли и обгорѣлые камни.

«Костромская Старина», вып. IV.

Дер. **Харитоново**, Красносельской вол.

Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ деревни въ пустоши «Илейкиной» находится нѣсколько кургановъ, обложенныхъ по основанію большими камнями. Въ народѣ насыпи называются «панки».

«Костромская Старина», вып. II.

Дер. **Хрипилево**, Красносельской вол.

Близъ деревни въ пустоши «Илейкино» были курганы, но всѣ они распаханы. Одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ при копаніи кургана

на своей полосѣ нашелъ мѣдный браслетъ и нѣсколько мелкихъ вещей, доставленныхъ уѣздною полиціею въ музей Архивной Комиссіи.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1893 г.

Село **Коробово**, Семеновской вол.

I. Въ пустоши «Золотуха» въ 2-хъ верстахъ отъ села имѣется 4 кургана, вскрытыхъ въ 1895 году Ф. Д. Нефедовымъ. При скелетахъ найдено: серебряный бубенчикъ, подвѣска, бронзовое звено и желѣзный ножъ.

II. Въ пустоши «Могильцы» въ 4-хъ верстахъ отъ села было до 50 кургановъ, но изъ нихъ болѣе 30 расхищено кладоискателями, 6 кургановъ вскрыты Нефедовымъ въ 1895 г. При скелетахъ найдено: бусы, серебряныя и бронзовыя височныя кольца, привѣска въ видѣ уточки, браслетъ, бронзовая бляшка, серебряная пряжка.

III. Въ пустоши «Сѣча» въ 6-ти верстахъ отъ Коробова на С. находится 32 кургана, 29 изъ нихъ расхищено кладоискателями. Въ одномъ курганѣ найденъ скелетъ подъ заливкою и при немъ: височныя кольца, бусы, бронзовая пуговка, кольца, браслетъ, привѣска въ видѣ черепахи съ кольчатой цѣпочкой и часть шерстяной тесьмы.

IV. Вблизи села въ пустоши, принадлежащей Г. Березину, находятся 11 кургановъ, вскрытыхъ въ 1896 году Нефедовымъ. При костякахъ найдено: височныя кольца, сережки, браслеты, обломки бронзовыхъ бляшекъ.

Нефедовъ. Раскопки.

VII. Бассейнъ рѣки **Солоницы** (притока р. Волги).

Пос. **Большія Соли**.

I. Посадъ расположенъ на нагорной сторонѣ въ двухъ верстахъ отъ р. Волги. Въ старину назывался «Великая Соль». Въ началѣ XIII в. вмѣстѣ съ Костромою принадлежалъ великому князю Георгію II. Съ незапамятныхъ временъ здѣсь находились соляныя варницы; въ исходѣ XVI вѣка здѣсь было 19 варницъ.

Памятн. Кн. Костром. губ. на 1862 г.

II. Близъ посада на берегу р. Волги найденъ зубъ и часть клыка мамонта.

Письмо Н. А. Поливанова 5 іюня 1892 года.

Дер. **Басовы**, Климовской вол.

При рытьѣ земли въ деревнѣ былъ найденъ зубъ мамонта.

Сообщено священникомъ о. Н. Павлинскимъ.

VIII. Бассейнъ рѣки **Кубани** и ея притока Черной рѣчки (притока рѣки Волги).

Дер. **Ивакино**, Ильинской вол.

Близъ деревни Ивакина находятся двѣ группы кургановъ. При усадьбѣ «Малая Горка» и въ пустоши «Каменка». Первая группа располагается на склонѣ небольшой покатой горы, недалеко отъ ручья, къ Ю.-З. отъ усадьбы; на этомъ кладбищѣ было найдено 18 кургановъ, которые и раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею; костяки сильно истлѣли. Изъ вещей найдено: желѣзный ножъ и мѣдный браслетъ. Кромѣ этого попадались угли, зола и черепки глиняной посуды.

Вторая группа кургановъ, носящая названіе «паны», находится въ $1^1/_2$ верстахъ на З. отъ селенія, на отлогомъ склонѣ горы, невдалекѣ отъ рѣчки Кубани. Группа состояла изъ 9 кургановъ, которые и были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею. Найдено: мѣдная проволочная серьга, угли, зола и нѣсколько черепковъ глиняной посуды.

«Костромская Старина», вып. III.

Дер. **Юрьевка**, Ильинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни на возвышенномъ мѣстѣ, именуемомъ «могилками», находится группа кургановъ, состоящая изъ 16 насыпей; изъ нихъ 14 были раскопаны въ 1897 году Костромскою Архивною Комиссіей. Скелеты обнаружены въ истлѣвшихъ сосновыхъ колодахъ. Изъ вещей найдено: бронзовая пряжка и пуговица.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Высоково**, Ильинской вол.

Близъ деревни существуютъ курганы.

«Костромская Старина», вып. II.

Дер. **Гороженицы**, Ильинской вол.

Въ полуверстѣ отъ селенія, на холмѣ среди хлѣбныхъ полей находится группа кургановъ, состоящая изъ 7 насыпей. Мѣстность носитъ названіе «Рощеніе». 3 кургана были раскопаны въ 1897 году Костромскою Архивною Комиссіей. Найдены только одни скелеты.

«Костромская Старина», вып. V.

Ус. **Погорѣлка**, Ильинской вол.

Близъ усадьбы имѣются 2 группы кургановъ.

1-я находится въ верстѣ отъ усадьбы въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ и состоитъ изъ 25 насыпей, изъ числа которыхъ 23 были изслѣдованы въ 1897 году Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ обнаружено: височныя кольца, серьги съ дутыми серебряными шариками, браслеты, подвѣски треугольныя въ формѣ барашка и ножи.

2-я расположена въ полуверстѣ отъ первой за дорогой, ведущей въ д. Карпово, всѣхъ насыпей 24, изъ числа которыхъ 23 были одновременно изслѣдованы съ первою группою. При костякахъ найдено: бронзовыя и серебряныя височныя кольца, перстень, пуговица, кольцо и ножи.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Пьяньково**, Ильинской вол.

Въ полуверстѣ отъ деревни около дороги, ведущей въ с. Ильинское, имѣется курганная группа, состоящая изъ 37 насыпей. Раскопки производились въ 1870 годахъ г. Дѣвочкинымъ, который находилъ при костякахъ височныя кольца, бусы, браслеты, подвѣски въ видѣ барашковъ, желѣзные ножи, косы и серпы.

Сообщено Н. М. Бекаревичемъ.

Назаретская Пустынька, Леващевской вол.

Въ полуверстѣ на С.-З. отъ «Назаретской Пустыньки» находится на берегу такъ называемаго «Могильнаго Оврага» группа кургановъ; состоитъ изъ 6 насыпей, изъ которыхъ 3 были раскопаны въ 1896 г. Костромскою Архивною Комиссіею. Говорятъ, что здѣсь было много кургановъ, но всѣ они распаханы, а камни съ ихъ поверхности увезены въ ближайшія селенія подъ разныя постройки. При раскопкахъ обнаружены истлѣвшіе костяки.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Горки**, Ильинской вол.

При деревнѣ находятся курганы, именуемые «могилками», раскопанные болѣе 10 лѣтъ тому назадъ г. Колодезниковымъ; при раскопкахъ были находимы серпы и топоры.

Сообщено Костромскимъ Исправникомъ І. А. Перроте.

Въ 1898 году Костромской Архивной Комиссіей было раскопано въ той же мѣстности 4 кургана, при чемъ была найдена желѣзная коса. Вблизи курганнаго кладбища (изъ распаханныхъ насыпей) на полѣ вырыты крестьянами желѣзный топоръ и серпъ.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Шестково**, Челпановской вол.

Почти рядомъ съ деревней находятся 2 курганныхъ группы. Мѣсто это называется «Рощеніемъ». По порученію Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ было раскопано въ 1882 году 33 кургана. При костякахъ найдены височныя кольца, бусы, бронзовыя подвѣски, серпы, топоры и ножи.

Прилож. къ протоколамъ засѣд. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. № 66.

Дер. **Веригино**, Каримовской вол.

Близъ деревни имѣются 2 группы кургановъ:

I. На высокомъ холмѣ, покрытомъ лѣсомъ, изслѣдовано 6 кургановъ, при чемъ при скелетахъ найдено: бронзовыя серьги, стеклянныя бусы, желѣзный наконечникъ копья и серпъ.

Протоколы засѣд. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. 1884—1885 г.

II. Въ полѣ, называемомъ «Яхорцево», находится 6 полураспаханныхъ кургановъ, 4 изъ нихъ изслѣдованы Костромскою Архивною Комиссіею. При костякахъ найдены: височныя кольца и желѣзные ножи.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1893 г.

Дер. **Калинино**, Челпановской вол.

Рядомъ съ деревней находятся такъ называемыя «могилишны полосы»—раздѣланныя подъ хлѣбъ поля, на которыхъ находятъ при паханіи человѣческія кости, мѣдныя украшенія и черепки. По всей вѣроятности, здѣсь нѣкогда было курганное кладбище, которое и распахано.

Прилож. къ проток. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. № 66.

Песочная слобода, Левашевской вол.

Въ слободѣ находится Богородицкій Игрицкій монастырь, на прежней большой Ярославской дорогѣ. Названіе «Игрицкаго» получилъ отъ урочища «Игрищи», близъ котораго монастырь построенъ, и гдѣ въ прежнее время происходили народныя игры. Этотъ древній обычай сохранялся до 1832 года. Каждый годъ 29 іюня простой народъ изъ окрестныхъ селеній собирался въ 3 верстахъ въ пустошь «Калинова», гдѣ при рѣчкѣ Калиновкѣ на двухъ большихъ бугрѣхъ и занимались разными играми. Но въ 1832 году по приказанію игумена Порфирія бугры эти были вспаханы для посѣва хлѣба и обнесены деревяннымъ огородомъ.

Памятн. кн. Костромской губ. на 1862 г.

Дер. **Лысая (Федоровская)**, Левашевской вол.

Близъ деревни имѣются 2 курганныхъ группы.

I-я въ 15 саженяхъ отъ послѣдняго дома деревни, состоитъ изъ 19 кургановъ, 16 изъ нихъ были раскопаны Костромскою Архивною Комиссіею въ 1896 году. Нѣкоторые курганы, очевидно, были рыты кладоискателями. При костякахъ найдено: большія височныя кольца съ ромбовидными расплющеніями, пряжка изъ маленькихъ спиралекъ, внутри которыхъ сохранился шерстяной снуръ, желѣзные ножи, серпъ и топорикъ.

II-я находится въ полуверстѣ отъ селенія на востокъ, на склонѣ, спускающемся къ ручью, и состоитъ изъ 5 насыпей. Три изъ нихъ были изслѣдованы одновременно съ первою группою. При одномъ костякѣ найдена желѣзная скобка.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Карпово**, Ильинской вол.

Близъ деревни находится 6 группъ кургановъ, носящихъ названіе «могилокъ» или «ямъ». По словамъ старожиловъ, эта мѣстность въ прежніе годы была покрыта дремучимъ лѣсомъ, отчего и теперь носитъ названіе «Большой лѣсъ», теперь же большею частію распахана. Распахано не малое количествр и кургановъ. I-я группа кургановъ находится на Ю.-В. отъ деревни въ пустоши «Пышковѣ», на открытомъ возвышенномъ мѣстѣ и состоитъ изъ 7 насыпей. Вещей при скелетахъ не найдено. 2-я группа, состоящая изъ 4 кургановъ, находится въ 100 саж. отъ первой, также въ пустоши «Пышковѣ». Найдены

слѣдующія вещи: височныя кольца, бусы, бронзовыя браслеты, перстень, кольцо и конусовидныя привѣски. 3-я группа находится на сѣчѣ, называемой «Большой лѣсъ», и состоитъ изъ 3 кургановъ. При скелетахъ обнаружены: височныя кольца и серьги съ дутыми серебряными бусами. 4-я группа находится въ пустоши «Рубцовѣ» и состоитъ изъ 4 кургановъ. Найдено мѣдное проволочное кольцо, въ насыпяхъ попадалось много углей. 5-я группа въ пустоши «Ямщиковѣ»; всѣ курганы распаханы, за исключеніемъ одного, который и былъ изслѣдованъ. Въ насыпи найдено большое количество углей, золы и пережженыхъ камней, кромѣ этого найдены черепки глиняной посуды, 2 коренныхъ зуба и лопатка лошади. 6-я группа расположена около мельницы, почти рядомъ съ деревней. Курганы распаханы. Въ уцѣлѣвшемъ одномъ курганѣ при изслѣдованіи ничего не найдено.

Раскопка кургановъ была произведена въ 1892 году Костромской Архивной Комиссіей.

«Костромская Старина», вып. III.

Въ 1897 году была найдена 7-я группа въ пустоши «Рубцовѣ», гдѣ и раскопано 10 кургановъ. При одномъ скелетѣ обнаружено 7 височныхъ колецъ, на одномъ кольцѣ нанизана двойная стеклянная буса.

«Костромская Старина», вып. V.

Дер. **Чижево**, Каримовской вол.

На Ю.-З. отъ деревни на высокой «Солониковской горѣ» находится группа кургановъ, состоящая болѣе нежели изъ 20 кургановъ. Нѣсколько кургановъ разрыто крестьянами, при чемъ, по ихъ разсказамъ, найденныя въ курганахъ вещи были отобраны и препровождены въ С.-Петербургъ, впослѣдствіи за находки крестьяне получили вознагражденіе.

Нарядъ Костромской Архивной Комиссіи 1893 г.

Въ 1893, 94 и 95 г.г. Костромскою Архивною Комиссіею изслѣдовано 17 кургановъ. При одномъ костякѣ на черепѣ найдены остатки серебрянаго позолоченнаго галуна на шелковой бурой основѣ и на правой рукѣ серебряный большой дутый перстень съ круглой печаткой, діаметръ которой равенъ 2,5 сант. На печаткѣ имѣется рѣзное изображеніе (арабское) льва, сильно выгнувшаго спину и выставившаго грудь, хвостъ съ огромной кистью (больше головы) загнутъ къ головѣ,

всѣ четыре ноги прикрѣпляются къ правой сторонѣ туловища, свободное поле печатки сохранило зеленую и синюю эмаль.

«Костромская Старина», вып. V.

Найдены 2 бронзовыя привѣски и бронзовыя колечки, цѣлыя и въ обломкахъ.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ, изд. 2-е.

Село **Иваниково**, Челпановской вол.

Близъ села расположены 2 группы кургановъ.

Въ 1882 году по порученію Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ Императорскомъ Университетѣ было изслѣдовано 28 кургановъ, при раскопкахъ найдены: височныя кольца, бусы, напряслицы, желѣзные ножи и серпы. Вещи хранятся въ упомянутомъ Обществѣ.

Приложеніе къ протоколамъ Общества № 66.

Въ 1883 году констатирована группа кургановъ при сельскомъ кладбищѣ, перемѣшанная съ христіанскими могилами. Разрыто 5 кургановъ, гдѣ при костяхъ найдены бронзовыя серьги, ножи, коса, топоры и желѣзный наконечникъ стрѣлы.

Протоколы засѣд. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. 1884—1885 г.

Въ 1892 году въ этихъ же мѣстностяхъ было раскопано Костромскою Архивною Комиссіею 8 нетронутыхъ кургановъ; найдено: желѣзный наконечникъ стрѣлы, желѣзный серпъ, проволочная бронзовая серьга, бронзовая привѣска и брусокъ; кромѣ этого въ насыпяхъ попадались угли и зола.

«Костромская Старина», вып. III.

Дер. **Коточижевки**, Левашевской вол.

I. Въ верстѣ отъ деревни на возвышенномъ мѣстѣ, близъ котораго проходитъ ложбина въ пустоши, называемой «Дубены», находится по сосѣдству 3 курганныхъ группы. Въ 1882 году по порученію Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ было раскопано 66 кургановъ. При скелетахъ найдено: височныя кольца, бусы, бронзовыя бляхи, подвѣски въ формѣ барашковъ, браслеты, кольца, желѣзные топоры, косы, серпы, ножи, мотыка и наконечникъ желѣзной булавы.

Приложеніе къ протоколамъ № 66.

II. Въ пустоши «Бѣлой» въ 1883 году было раскопано 5 кургановъ, при чемъ при костякахъ найдено: стеклянныя бусы, желѣзное кольцо, серпъ и топоръ.

Протоколы засѣд. Общ. Ест. при Имп. Каз. Ун. 1884—1885 г.

Въ 1896 году Костромскою Архивною Комиссіею въ «Дубенахъ» было разрыто еще 7 кургановъ, при чемъ было найдено: височное кольцо съ ромбовидными расплющеніями, фибула, браслетъ и серпъ.

«Костромская Старина», вып. V.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ.

I. Указатель именъ географическихъ [1].

	Стр.
Александрово д., Гридинской вол.	37
Андреевская слобода, Шунгенской вол.	18
Андрейково Большое д, той же вол.	28
Антоновское с., Семеновской вол.	17
Бажурино д., Башутинской вол.	23
Бараново п., (см. д. Татариново)	36
Басовы д., Климовской вол.	40
Батыга (см. с. Подольское)	15
Богородицкое д., Апраксинской вол.	23
Большія Соли посадъ, Каримовской вол.	39
Большой Лѣсъ, (см. Карпово).	43
Боровиково д., Гридинской вол.	26
Борокъ д., Шунгенской вол.	21
Бродниково п., (см. Дренево).	30
Бухалово д., Гридинской вол.	30
Бѣлая п., (см. Коточижевки).	46
Васильевское д., Гридинской вол.	33
Ведерки д., Мисковской вол.	22
Веригино д., Каримовской вол.	42
Волоты п., (см. Бухалово)	30
Ворилово п., (см. Никольское сельцо)	20
Ворошилиха д., Семеновской вол.	16
Высокія Горы, (см. Красное).	15
Высоково д., Ильинской вол.	40
Голубецъ п., (см. Погорѣлово).	29
Гомониха д., Пушкинской вол.	15
Гоменка, той же вол.	37
Гореславка д., Семеновской вол.	17
Гривица п., (см. Чернецово).	17
Гридино д., Гридинской вол.	31
Горки д., Ильинской вол.	42
Городецъ п., (см. Бажурино).	23
Городище с., Каримовской вол.	12
Городокъ п., (см. Очипищево).	38
Гороженицы д., Ильинской вол.	41
Горушино п., (см. Куниково).	22
Грачки п., (см. Марьинское).	27
Губачево д., Шунгенской вол.	21
Дворецъ п., (см. Спасъ).	20

[1]) При составленіи указателей приняты нижеслѣдующія сокращенія: гор.—городъ, вол.—волость, с.—село, д.—деревня, ус.—усадьба, п.—пустошь (урочище).

Стр.

Доръ ус., Бычихинской вол. 24
Дренево д., Пушкинской вол. 30
Дубены п., (см. Коточижевки). 45
Дудкино ус., Пушкинской вол. 25

Елкотово д., Гридинской вол. 34

Жерновка д., Апраксинской вол. 22

Залогино д., Гридинской вол. 37
Захарово п., (см. Доръ). . 24
Золотуха п., (см. Коробово). 39
Здѣмирово с., Красносельской вол. 15

Ивакино д., Ильинской вол. . 40
Иваниково с., Челпановской вол. 45
Ивашково д., Пушкинской вол. 16
Игрищи п., (см. Песочная слобода) 43
Иконниково ус., Семеновской вол. 29
Илейкино п., (см. Харитоново). 38
Исаево д., Гридинской вол. . 27

Казанка д., Шунгенской вол. 21
Калинино д., Челпанов. вол. 42
Каменка п., (см. Ивакино). . 40
Камешки п., (см. Пахомьево). 14
Карево п., (см. Лихачево). . 30
Карпово д., Ильинской вол. 43
Колебино д., Шунгенской вол. 21
Колки п., (см. Антоновское). 17
Копьево п., (см. Елкотово). . 35
Коробово с., Семеновской вол. 39
Кострома гор. 11

Стр.

Коточижевки д., Левашевской вол. 45
Красная Гора п., (см. Турыгино) 26
Красное с, Красносельской вол. 15
Круча п., (см. Боровиково). 26
Кузьмино д., Гридинской вол. 23
Кузьмищево д., Башутинской вол. 23
Куликово с., Гридинской вол. 32
Куниково с., Мисковской вол. 22
Курганово п., (см. Меленки). 24

Лихачево д., Семеновской вол. 30
Лысая д., Левашевской вол. 43

Макарово д., Башутинской вол. 23
Малая Горка ус., (см. Ивакино). 40
Марѳино д., Гридинской вол. 28
Марьинское д., Гридинской вол. 27
Медвѣжій Оврагъ п., (см. Гоменка). 37
Меленки д., Апраксинской вол. 24
Минское с., Пушкинской вол. 13
Мисково с., Мисковской вол. 20
Могилишны Полосы п., (см. Калинино) . . . 42
Могилки п., (см. Юрново). . 24, 40, 43
Могильный Оврагъ п., (см. Пустынька Назаретская). . 41
Могильцы п., (см. Коробово). 39
Мусина слободка п., (см. Селище) 11

	Стр.
Нелидово д., Пушкинской вол.	25
Никольское сельцо, Шунгенской вол.	20
Никулино д., Пушкинской вол.	31
Овечкино п., (см. Жерновки).	22
Овинцы д., Мисковской вол.	22
Оганино д., Шунгенской вол.	19
Оферово д., той же вол.	21
Очипищево д., Красносел. вол.	38
Паниха мельница, Бычихинской вол.	24
Панфилова Сѣча п., (см. Дренево).	30
Паны п., (см. Боровиково)	26, 40
Пасынково д., Шунгенской вол.	21
Пахомьево д., Ильинской вол.	14
Пашутино д., Шунгенской вол.	20
Першутино д., Гридинской вол.	29
Песиково д., Апраксинской вол.	35
Песочная слобода, Левашевской вол.	43
Петрилово д., Шунгенской вол.	20
Пещериха п., (см. Чернецово).	17
Погорѣлка д., Ильинской вол.	15
Погорѣлка ус., той же вол.	41
Погорѣлово д., Гридинской вол.	29
Погостъ д., Красносельской вол.	38
Подолецъ д., Пушкинской вол.	14
Подольское ус., той же вол.	25
Подольское с., Красносел. вол.	15
Подсосенье п., (см. Становщиково)	13
Подъельнево д., Семеновск. вол.	16
Полачево д., Шунгенской вол.	21
Попово д., Апраксинской вол.	36
Попово п., (см. Антоновское).	17
Поповка д., Гридинской вол.	34
Похотѣново п., (см. Репрево).	23
Пустошка д., Апраксин. вол.	30
Пустошка д., Шунгенской вол.	22
Пустынька Назаретская, Левашевской вол.	41
Пушкино с., Пушкинской вол.	14
Пьяньково д., Ильинской вол.	41
Пышково п., (см. Карпово)	43
Репрево д., Шишкинской вол.	23
Реутово п., (см. Подъельнево)	16
Рощеніе (см. Гороженицы, Пустошка, Марѳино, Стипково, Тимонино, Шестково, Федулово и Репрево)	23, 28, 29, 30, 35, 41, 42
Руболдино д., Гридинской вол.	35
Рубцово п., (см. Карпово)	43
Саметь с., Шунгенской вол.	20
Сандогоры с., Андреевской вол.	22
Свотиново д., Ильинской вол.	14
Святое д., Шунгенской вол.	18
Селище с., Коряковской вол.	11
Семенково д., Гридинской вол.	31
Семицово д., Шунгенской вол.	21
Сенино д., Гридинской вол.	28
Сколозубово ус., Бычихинской вол.	23
Скрывалово д., Шунгенской вол.	20
Спасъ с., Мисковской вол.	20
Спасъ-ямщики с., Пушкинской вол.	37
Становщиково д., той же вол.	13
Стипково д., Гридинской вол.	29

	Стр.
Стрѣльниково д., Шунгенской вол.	19
Судиславль гор.	24
Сухоногово д., Шунгенской вол.	21
Сѣркова слобода д., Семеновской вол.	17
Сѣча п. (см. Коробово)	39
Таранино д., Башутинской вол.	36
Татариново д., той же вол.	36
Тепра д., Шунгенской вол.	22
Терешино д., Гридинской вол.	32
Тетеринское п. (см. Марѳино).	28
Тимонино д., Гридинской вол.	35
Турыгино д., той же вол.	26
Ульково д., Чернозаводской вол.	11
Федяево д., Гридинской вол.	29
Федоровская д., Левашевской вол.	43
Федулово д., Пушкинской вол.	30
Филино д., Коряковской вол.	11
Харитоново д., Красносельской вол.	38
Хрипилево д., той же вол.	38
Черная Заводь с., Чернозаводской вол.	11
Чернецово д., Семеновской вол.	17
Чижово д., Каримовской вол.	44
Шелудивая п. (см. Татариново).	36
Шунга с., Шунгенской вол.	20
Шестково д., Челпановской вол.	42
Шувалово д., Гридинской вол.	31
Юрино п. (см. Подольское).	25
Юрново д., Бычихинской вол.	24
Юрьевка д., Ильинской вол.	40
Якова деревенька п. (см. Боровиково)	27
Яковлевское д., Шунгенской вол.	19
Ямщиково П. (см. Карпово).	43
Яхорцево П. (см. Веригино).	42

II. Предметный указатель.

Каменный вѣкъ.

Борокъ д.	21
Ведерки д.	22
Гоменка д.	37
Городище с.	12
Губачево д.	21
Доръ ус.	24
Ивашково д.	16
Казанка д.	21
Колебино д.	21
Кострома гор.	11
Куниково с.	22
Мисково с.	20
Никольское с-цо	20
Овинцы д.	22
Оганино д.	19
Оферово д.	21
Пасынково д.	21
Пашутино д.	20
Петрилово д.	20
Погорѣлка д.	15
Полачево д.	21

Стр.

Пустошка д. 22
Саметь с. 20
Сандогоры с. 22
Святое д. 18
Семицево д. 21
Скрывалово д. 20
Спасъ с. 20
Стрѣльниково д. . . . 19
Сухоногово д. 21
Тепра д. 22
Улъково д. 11
Черная Заводь с. . . . 11
Шунга с. 20
Яковлевское с. 19

Находки желѣзнаго оружія.

Здѣмирово с. 15
Красное с. 15

Курганы.

Александрово д. 37
Андрейково Большое д. . 28
Антоновское с. 17
Боровиково д. 26
Бухалово д. 30
Васильевское д. . . . 33
Веригино д. 42
Ворошилиха д. 16
Высоково д. 40
Гореславка д. 17
Горки д. 42
Городище с. 12
Гороженицы д. 41
Гоменка д. 37
Гридино д. 31

Стр.

Доръ ус. 24
Дренево д. 30
Дудкино ус. 25
Елкотово д. 34
Залогино д. 37
Ивакино д. 40
Иваниково с. 45
Иконниково ус. 29
Исаево д. 27
Калинино д. 42
Карпово д. 43
Коробово с. 39
Коточижевки д. 45
Кузьмищево д. 23
Кузьмино д. 23
Куликово с. 32
Лысая д. 43
Меленки д. 24
Макарово д. 23
Марѳино д. 28
Марьинское д. 27
Нелидово д. 25
Никулино д. 31
Паниха мельница . . . 24
Пахомьево д. 14
Першутино д. 29
Погорѣлка ус. 41
Погорѣлово д. 29
Погостъ д. 38
Подолецъ д. 14
Подольское ус. 25
Подъельнево д. 16
Поповка д. 34
Пустошка д. 22
Пустынька Назаретская . 41
Пушкино с. 14
Пьяньково д. 41

	Стр.
Репрево д.	28
Руболдино д.	35
Свотиново д.	14
Сенино д.	23
Сколозубово ус.	23
Спасъ-ямщики с.	37
Становщиково д.	13
Стипково д.	29
Таранино д.	36
Татариново д.	36
Терешино д.	32
Тимонино д.	35
Турыгино д.	26
Ульково д.	11
Федоровская д.	43
Федулово д.	30
Федяево д.	29
Харитоново д.	38
Хрипелево д.	38
Чернецово д.	17
Чижево д.	44
Шестково д.	42
Шувалово д.	31
Юрново д.	24
Юрьевка д.	40

Городища.

	Стр.
Бажурино д.	23
Минское д.	13
Очищево д.	38
Песочная слобода с.	43
Судиславль гор.	24
Черная Заводь с.	11

Монетные клады.

	Стр.
Богородицкое д.	23
Боровиково д.	26
Жерновка д.	22
Кострома гор.	11
Красное с.	15
Лихачево д.	30
Попово д.	36
Селище с.	11
Сёркова слобода д.	17

Кости ископаемыхъ животныхъ.

	Стр.
Андреевская слобода	18
Басовы д.	40
Большія Соли посадъ	39
Кострома гор.	11
Мисково с.	20
Филино д.	11

Н. М. Бекаревичъ.

Федовскій могильникъ.

I.

Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1903 году княземъ Андреемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Въ запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ редакціею управляющаго Отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова, за 1903 годъ, помѣщена статья И. А. Тихомірова подъ названіемъ «Поѣздка на рѣку Мсту». Въ статьѣ этой авторъ между прочимъ довольно подробно описываетъ и курганы, лежащіе между дер. Федово и Дивинецъ, Тверской губ., Вышневолоцкаго у., Подольской вол., а потому я считаю излишнимъ описывать вновь Федовскій курганъ. Этотъ курганъ раскапывалъ прежде князь П. А. Путятинъ, но, по словамъ копавшихъ крестьянъ, въ курганѣ ничего найдено не было. Раскопки князя Путятина ограничились лишь простымъ прорѣзомъ (канавой) Федовскаго кургана по направленію съ юга на сѣверъ. Слѣды этихъ раскопокъ ясны и по сей день.

Прибывъ на мѣсто раскопокъ, я не сталъ вовсе трогать самаго кургана, какъ потому, что онъ уже былъ разрытъ ранѣе, такъ и потому, что одинъ видъ кургана и близъ лежащей мѣстности невольно заставлялъ обратить мое вниманіе не столько на самый курганъ, сколько на подступы къ нему и на два меньшихъ, такъ сказать, фланговыхъ кургана. Одинъ изъ нихъ лежитъ на западъ отъ средняго, другой на востокъ. Знакомый болѣе 15 лѣтъ съ мѣстностью, гдѣ находятся Федовскіе курганы, я зналъ еще о томъ, что сравнительно недавно вся низина, лежащая на югъ отъ этого могильника, представляла изъ себя ничто иное, какъ большой водный протокъ, соединявшій озеро дер. Дивинецъ и Подшевелихи съ Боровенскимъ озеромъ, которое въ свою очередь соединяется рѣчкою съ озерами: Имоложье, Клинъ, Ямъ и Зарѣченскимъ. Протокъ этотъ лѣтъ 30 тому назадъ омывалъ край подступа къ кургану, и до сихъ поръ живы

старики, переправлявшіеся по нему въ лодкахъ и ловившіе въ немъ рыбу. Протокъ исчезъ вслѣдствіе того, что мѣстный, нынѣ покойный, землевладѣлецъ г. Манзей (а не Мантинъ, какъ ошибочно отмѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г. Тихоміровъ), перегородилъ его глухой плотиной, по которой и проложилъ дорогу. Дивинецкое озеро, лишившись доступа въ эту сторону, нашло себѣ другой путь и въ настоящее время шлетъ свои воды въ обратномъ направленіи, а именно: въ сторону деревни Еванькова и Тубосской Горки, въ рѣчку, вытекающую изъ Еваньковскаго озера. При прежнемъ существованіи протока между Боровно и Дивинцомъ, могильникъ лежалъ на берегу воднаго пути, по которому черезъ Боровенское озеро и протокъ, проходящій у деревни Глуби, возможно было непосредственно попасть въ рѣчку, а по ней въ озеро Мстино, а слѣдовательно и во Мсту, Цну, Тверцу и Волгу. По разспросамъ крестьянъ, если и находились гдѣ кое-какія вещи, то всегда въ сравнительно далекомъ разстояніи отъ центральнаго кургана (въ 15—18 саж.), и преимущественно на югъ и востокъ отъ него.

Въ силу вышеизложеннаго, я началъ раскопки, отступивъ отъ главнаго центральнаго кургана на востокъ 18 саж., на западъ на 12 саж. и на югъ отъ линіи, до которой въ прежнее время доходила вода.

Сообразно съ мѣстностью начальная канава моя протянулась полукругомъ, огибая съ трехъ сторонъ основанія не только центральнаго, но и двухъ фланговыхъ кургановъ. Канава эта была заложена до $2^1/_2$ арш. глубины, которая нѣсколько колебалась сообразно грунта, обнаруживаемаго раскопками, при чемъ мельче 2-хъ аршинъ она недопускалась. Выбравъ изъ канавы землю до одной сажени ширины, я сталъ производить по всей линіи постепенно обвалы, при чемъ при обвалахъ этихъ земля по мѣрѣ просѣиванія выбрасывалась на тѣ мѣста, откуда былъ выбранъ грунтъ изъ первоначальной канавы. Двигаясь такимъ образомъ тщательно и осторожно, я подошелъ къ основанію главнаго кургана, разрывъ оба фланговыхъ и закончивъ раскопки свои заключительной канавой съ сѣверной стороны и сѣченіемъ главнаго кургана съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Заинтересованные раскопками крестьяне разрѣшили мнѣ за незначительное вознагражденіе раскопать кое-гдѣ и пашню, но эти раскопки не дали, впрочемъ, никакихъ результатовъ.

Представляя нынѣ о произведенныхъ мною раскопкахъ, благосклонно посѣщенныхъ 18-го августа 27 членами Тверского Областного

Раскопки 1903 г. Кн. Андрея Ширинскаго-Шахматова

Г. В. А. Б.

Бол. Ѳедовскій могильникъ съ бол. централ. курганомъ

Археологическаго Съѣзда, спѣшу прежде всего принести мою искреннюю признательность мѣстному приходскому священнику о. Н. Синицыну и двор. С. А. Поспѣлову, много потрудившимся и помогшимъ мнѣ достигнуть счастливаго окончанія раскопокъ, которыя дали мнѣ возможность найти въ Федовскомъ могильникѣ болѣе 500 разныхъ предметовъ. Всѣхъ могилъ обнаружено 85 штукъ. Отстраняя отъ себя всякую критику найденнаго, я перехожу къ отчету въ самыхъ простыхъ, но точныхъ рамкахъ.

II.

Способы погребенія, обнаруженные въ Федовскомъ могильникѣ.

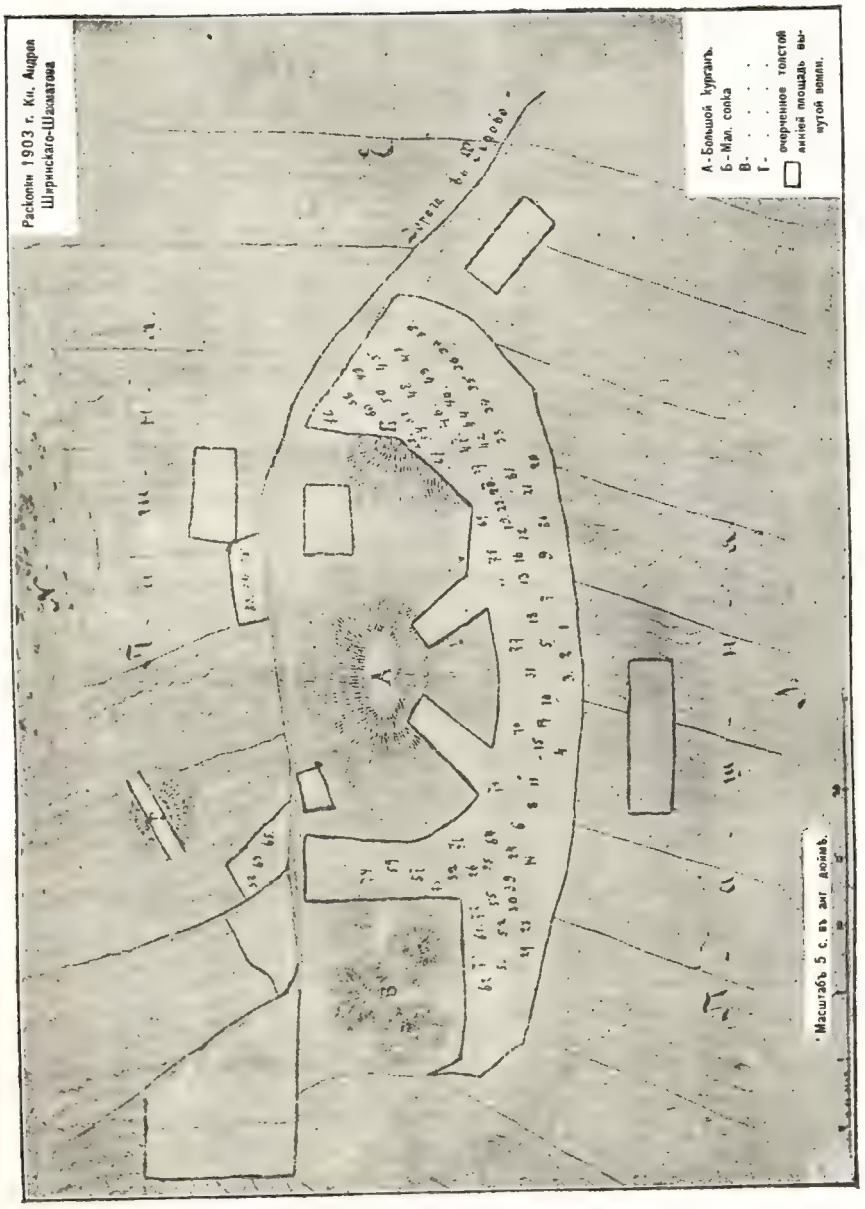
Что касается способовъ погребенія въ Федовскомъ могильникѣ, то послѣдніе крайне однообразны и не представляютъ изъ себя ничего выдающагося. Трупы по всѣмъ даннымъ зарывались прямо въ землю безъ гробовъ и безъ всякой подстилки. Не обнаружено нигдѣ и бересты. Трупосожженій также не обнаружено, а лишь кое-гдѣ находилось небольшое количество углей безъ всякой примѣси костей или вообще чего либо такого, что давало-бы возможность предположить въ томъ или иномъ мѣстѣ трупосожженіе. Глубина могилъ тоже довольно постоянна—отъ $1^1/_2$ до 2 арш. Обнаруженіе въ 2-хъ мѣстахъ костяковъ на глубинѣ 6—8 вершковъ объясняется тѣмъ, что могилы эти лежали противъ сѣдловины двухъ кургановъ,—средняго и праваго, чрезъ которую протекали и протекаютъ дождевыя воды. Благодаря имъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ костяки могли быть совершенно обнаружены.

Грунтъ отъ поверхности земли на 1—$1^1/_2$ арш.—крупный гравій, далѣе материкъ съ залежами известняка, хряща и мелкой гальки. Положеніе костяковъ—покойное,—на спинѣ съ вытянутыми по сторонамъ тѣла руками. Только въ трехъ случаяхъ руки оказались положенными на тазу. Дѣтскихъ костяковъ найдено 2,—одинъ младенецъ 2—3 лѣтняго возраста, а другой 5—6 лѣтъ, положенный на лѣвомъ плечѣ женскаго костяка—вѣрно, матери, причемъ рука матери обнимала тѣло ребенка. Обращу вниманіе еще на то обстоятельство, что большинство головъ лежало на правомъ ухѣ,—два на лѣвомъ, а остальные просто навзничъ.

Изъ прилагаемаго отчета видно, въ какомъ отношеніи къ странамъ свѣта лежали костяки, а изъ плана, въ какомъ отношеніи были эти положенія къ центральному кургану А. На планѣ видно, что почти всѣ костяки расположены преимущественно головами къ среднему кургану, обступая его почти со всѣхъ сторонъ. Наиболѣе плотныя погребенія оказались на востокъ и на югъ отъ центральнаго кургана, наименьшей плотности могильникъ достигаетъ съ западной стороны. Могилы тянулись отъ линіи, куда доходила вода, почти до самаго кургана; въ подошвѣ центральнаго кургана, какъ и въ немъ самомъ, костяковъ не оказалось.

Препровождаемые при семъ горшки—цѣльные и осколки найдены въ ногахъ нѣкоторыхъ костяковъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ зажатые между колѣнами, но были найдены горшки зарытыми безъ связи съ костяками. Послѣднее явленіе особенно характерно для лѣваго малаго кургана—В. Поверхность земли надъ всѣми могильниками совершенно гладкая, представляя изъ себя террасу или подступъ къ главному центральному и боковымъ курганамъ. Ни сопокъ, ни болѣе мелкихъ кургановъ или могильныхъ насыпей не обнаружено. Площадь эта никогда не распахивалась. На сѣверъ отъ кургана направо отъ дороги обнаружено скопленіе крупныхъ камней. Произведя раскопки, я нашелъ 6 костяковъ, расположенныхъ головами къ юго-востоку и югу, т. е къ тому-же центральному кургану, а подъ двумя скопленіями крупныхъ камней безъ всякой формы и фигуры не обнаружено ничего. По моему убѣжденію, Федовскій центральный курганъ могъ представлять изъ себя въ глубокую сѣдую старину весьма чтимую святыню,—мысль, впервые выраженная при личномъ посѣщеніи раскопокъ глубокоуважаемымъ Предсѣдателемъ Тверской Архивной Комиссіи И. А. Ивановымъ. На верху кургана, въ далекомъ прошломъ, весьма вѣроятно, находилась какая нибудь святыня—(деревянный идолъ и т. п.), а вокругъ этого кургана расположился обширный могильникъ. Преимущественное положеніе костяковъ головами къ центральному кургану, мнѣ кажется, лишь подтверждаетъ вышеприведенное предположеніе. Мнѣ думается, что раскопки многихъ кургановъ не дали никакихъ результатовъ потому именно, что они принадлежали къ типу Федовскаго кургана, при которомъ необходимо копать не самый курганъ, а вокругъ лежащую мѣстность, въ особенности подступы и террасы, если они имѣются.

Что касается сохранности костяковъ, то, мнѣ кажется, они могли-бы быть болѣе сохранившимися; остатковъ волосъ и тканей не обнаружено


Раскопки 1903 г. Кн. Андрея Ширинскаго-Шахматова
А.-Большой Курганъ.
Б.-Мал. сопка
В.-
Г.-
очерченное толстой линіей площадь выкопанной земли.
Масштабъ 5 с. въ англ. дюймѣ.

вовсе; цѣльныхъ череповъ добыто семь, остальные всѣ имѣли болѣе или менѣе значительные изъяны. Кромѣ того, благодаря цѣлому ряду картофельныхъ ямъ, костяки часто оказывались перерытыми, сдвинутыми и разрушенными, что не дало возможности точно измѣрить ихъ длину. Наибольшій костякъ былъ 2 арш. 9 верш., наименьшій 2 арш. 2 верш. Большое количество песку съ этого могильника свезено было еще во времена крѣпостного права въ садъ мѣстнаго землевладѣльца г. Манзей, при чемъ особенно расхищеннымъ оказался правый наиболѣе интересный восточный могильникъ. Маленькій курганъ, лежащій отъ центральнаго въ 12 саж. по направленію С.-С.-З, какъ и окружающая его мѣстность, оказались пустыми.

Размѣщеніе кургановъ— положеніе ихъ на открытой мѣстности, безъ всякой защиты съ трехъ сторонъ, какъ равно отсутствіе какихъ либо остатковъ: рвовъ, валовъ и вообще иныхъ искусственныхъ загражденій, отсутствіе хозяйственныхъ и кухонныхъ остатковъ, по моему мнѣнію, исключаетъ возможность предполагать, чтобы Федовскіе курганы были когда-либо городищемъ или опорнымъ въ военномъ смыслѣ пунктомъ. Повторяю, Федовскіе курганы представляютъ изъ себя лишь обширный могильникъ самаго, повидимому, мирнаго свойства (полное отсутствіе оружія) вокругъ исчезнувшей святыни. Сдѣлавъ такое предположеніе, мы невольно наталкиваемся на другое. Гдѣ-же жили эти самые люди, костяки которыхъ мы обнаружили, гдѣ продолжали существовать ихъ сородичи? По моему мнѣнію, дальнѣйшія раскопки мои въ трехъ новыхъ пунктахъ должны дать рѣшительный отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ. Рѣшеніе это кроется въ раскопкахъ большого городища у меня въ усадьбѣ, Дивинецкаго большого кургана и главнымъ образомъ Пелагеиной Горы съ курганами по направленію озера Имоложья и къ дер. Кафтинскій Городокъ, находящейся въ предѣлахъ Новгородской губерніи. Эти мѣста, какъ мнѣ кажется, могли во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворять древнихъ обитателей нашей мѣстности, на этихъ мѣстахъ и необходимо искать продолженія начатой интересной страницы изъ жизни нашихъ предковъ.

III.

Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1903 году княземъ Андреемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Могила № 1. Костякъ лежитъ головою на N. Глубина могилы—6 вер. Найдено: 7 диргемъ и 11 бусъ.

» № 2. Головою на NE, глубина 1 арш., длина костяка 2 арш. 3 вер. При немъ: 1 цѣпь, ножикъ, 1 коготь, 1 гривна витая, часть перстня, 8 височныхъ колецъ, 11 круглыхъ подвѣсокъ, 3 бубенчика, 1 серьга, 1 подвѣсокъ и 4 бусы.

» № 3. Голова на N; длина костяка 2 арш. 7 вершк. Бляха круглая съ орнаментомъ, 1 перстень.

» № 4. Костякъ разрушенъ.

» № 5. Головою на SO. Голова на правой сторонѣ, глубина могилы $1^1/_2$ арш., длина костяка 2 арш. 5 вер. При костякѣ: 3 височныхъ кольца и половинка, 1 цѣпь съ конькомъ, 1 диргемъ, 2 перстня, подвѣсокъ изъ 3-хъ колецъ, краснаго камня оселокъ, подвѣсокъ круглый полый, 3 куска гривны.

» № 6. Головою на SO. Глубина могилы 1 арш. Длина костяка 2 арш. 4 вер. При немъ найдено: 6 височныхъ колецъ большихъ и 1 малое, 1 браслетъ, 2 цѣльныхъ и 1 кусокъ диргема, 1 каменная красная подвѣска, 17 разныхъ бусъ, 11 бубенчиковъ, 1 подвѣсокъ проволочный, 1 синяя буса и 4 лунницы.

» № 7. Голова на N. Глубина $^3/_4$ арш. Найдены: 2 лунницы (одна съ кольцомъ) и 1 кольцо отъ пряжки.

» № 8. Голова на E. Глубина $1^1/_2$ арш., длина костяка 2 ар. 7 верш. Найдено: 1 фибула безъ орнамента, 1 ножъ, 1 топоръ, 2 височныхъ кольца и 1 ножны.

» № 9. Голова на N. Длина костяка 2 арш. 4 вер. При немъ: 6 мелкихъ височныхъ колецъ и 1 толстое кольцо.

» № 10. Голова на N. Глубина могилы $1^1/_2$ арш. Лежитъ на правомъ ухѣ, лицомъ на E. При немъ: 5 височныхъ колецъ и 4 бусы.

Могила № 11. Голова на E. Лежитъ на правомъ ухѣ. Длина костяка 2 арш. 3 верш. При немъ: 4 височныхъ кольца и 2 половинки, 1 витая гривна, 1 цѣпь съ когтемъ, 1 малаго размѣра монета, 1 подвѣсокъ съ изображеніемъ быка; 1 бубенчикъ, 24 бусы разныхъ.

» № 12. Костякъ разрушенъ.

» № 13. Костякъ разрушенъ; въ ногахъ горшокъ.

» № 14. Костякъ разрушенъ. Два височныхъ кольца.

» № 15. Голова на NE. При немъ 1 кусокъ гривны, 2 половинки височныхъ колецъ, 1 ножъ, 1 перстень, 1 монета, 1 кусокъ ножа и 1 мал. височное кольцо.

» № 16. Костякъ безъ головы. Найдено: 1 коготь звѣря, 2 подвѣски и 1 средняго размѣра височное кольцо.

» № 17. Голова на N. Глубина могилы 1 арш., длина костяка 2 арш. 4 вер. Найдено: 7 височныхъ колецъ, 1 перстень, 1 серьга и 28 бусъ.

» № 18. Костякъ разрушенъ. Направленіе на N.

» № 19. Голова на NE. Лежитъ на правомъ ухѣ; возлѣ горшокъ.

» № 20. Голова на NE. Глубина могилы $1^1/_2$ арш. Длина костяка 2 арш. 6 верш. При немъ: ножъ и перстень.

» № 21. Голова на NO. Глубина могилы 2 арш., длина 2 арш. 5 вер. Найдено: 7 височныхъ колецъ и 4 бусы.

» № 22. Голова на NO. Длина 2 арш. 7 верш. При немъ: одна большая бляха и 3 мелкихъ.

» № 23. Костякъ тронутъ. Направленіе на NO. Глубина могилы $1^1/_2$ арш.

» № 24. Костякъ разрушенъ. Найдено: 2 малыхъ височныхъ кольца, 1 каменный наконечникъ.

» № 25. Голова на N. Длина 2 арш. 6 верш.; 1 ножъ и въ ногахъ горшокъ.

» № 26. Голова на NO. Лежитъ на правомъ ухѣ. Глубина могилы $2^1/_2$ арш. Длина костяка 2 арш. 8 верш. Ножъ у правой руки, 2 серебрян. крестика (одинъ поломанъ).

» № 27. Голова на NO. Длина 2 арш. 4 верш. Глубина $1^1/_2$ арш. При немъ: 1 гривна гладкая, 5 височныхъ колецъ, 1 перстень съ гнѣздомъ для камня, 3 серьги, 1 диргемъ, 7 крупныхъ бусъ и мелкія бусы.

Могила № 28. Голова на SO. Длина костяка 2 арш. 5 верш. Найдено: 2 малыхъ височныхъ кольца, 5 бусъ и 1 просверленный камень.

» № 29. Костякъ разрушенъ.

» № 30. Костякъ разрушенъ. Глубина 2 арш. При немъ: 1 горшокъ, 1 толстое кольцо, 3 крупныхъ бубенца.

» № 31. Голова на N. Лежитъ на правомъ ухѣ. Длина 2 арш. 8 верш. Часть лица разрушена. При немъ: 1 ножъ.

» № 32. Костякъ разрушенъ.

» № 33. Голова на NO. Костякъ плохо сохранился. Найдены: 3 височныхъ кольца; 6 голубыхъ и нѣсколько бѣлыхъ мелкихъ бусъ.

» № 34. Костякъ разрушенъ. Найдено: 6 височныхъ колецъ, 1 кусокъ диргема, 2 малыхъ монеты, 15 штукъ бусъ стеклянныхъ и глиняныхъ и 11 синихъ бусъ, 2 серьги и куски колецъ височныхъ.

» № 35. Голова на NO. Глубина могилы $1^1/_2$ арш. Длина 2 арш. 2 верш. Найдено: 3 височныхъ кольца, 2 малыхъ толстыхъ и мелкія бусы.

» № 36. Голова на NO. Длина 2 арш. 4 верш. Глубина 1 арш. При костякѣ: 4 половинки отъ 2-хъ серегъ, 1 диргемъ и 34 бусы.

» № 37. Голова на NO. Лѣвая рука на тазу. Длина 2 арш. 6 в.

» № 38. Голова на NO. Глубина 1 арш. Длина костяка 2 арш. 7 верш. Найдена серповидная желѣзка.

» № 39. Костякъ плохой сохранности. Найдены: 2 серьги, 4 цѣльныхъ и 4 куска височныхъ колецъ и 1 красная буса.

» № 40. Костякъ разрушенъ. Найдено: 1 перстень, 1 монета, 3 цѣлыхъ и 4 куска височныхъ колецъ.

» № 41. Голова на NO. Костякъ лежитъ на лѣвомъ ухѣ. Глубина 2 арш. Длина 2 арш. 4 верш. При немъ: браслетъ, 2 перстня, 4 цѣлыхъ и 2 куска височныхъ колецъ, 1 кусокъ перстня и бусы.

» № 42. Голова на N. Лежитъ на правомъ ухѣ. Глубина могилы $1^1/_2$ арш., длина 2 арш. 6 верш.

» № 43. Костякъ разрушенъ. Черепъ мелкій. При немъ найдено: 3 коленка, 1 бубенчикъ, 1 подвѣсокъ и 2 бусы.

Могила № 44. Голова на O. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ, лицомъ на N. Глубина могилы 2 арш. Ничего не найдено.

» № 45. Голова на O. На лѣвомъ ухѣ, лицомъ на N. Длина 2 арш. 2 верш. Найдено 5 лунницъ, 1 серьга, 1 бубенчикъ, 2 колечка и 6 бусъ.

» № 46. Голова на NO. Длина костяка 2 арш. 4 верш. Найдено: 7 височныхъ колецъ и 2 куска, 5 бубенчиковъ.

» № 47. Голова на O. Правая рука на тазу. Глубина $^1/_2$ арш. Найдено: 1 лунница, 1 перстень, 1 кольцо съ утолщеніемъ, 3 височныхъ кольца и нѣсколько кусковъ. Мелкія бѣлыя бусы.

» № 48. Голова на NO. Лежитъ на правомъ ухѣ, лицомъ на SO. Длина 2 арш. 5 верш. Ничего не найдено.

» № 49. Голова на O. Костякъ плохо сохранился.

» № 50. Голова на O. Длина 2 арш. 5 верш. Глубина 1 арш. Найдено: 10 бубенчиковъ, 7 височныхъ колецъ, 25 бусъ, 1 браслетъ и 1 перстень.

» № 51. Голова на NO. Найдены: 1 браслетъ, 6 височныхъ колецъ и 1 буса.

» № 52. Костякъ разрушенъ. Между колѣнъ—горшокъ. Глубина 2 арш.

» № 53. Голова на NO. Между ногъ горшокъ. Глубина 1 арш. Найденъ 1 ножъ.

» № 54. Костякъ разрушенъ. При немъ 2 лунницы, 1 толстое кольцо, 1 подвѣска съ гривны, 1 серьга, 2 перстня, 4 малыхъ кольца и 3 куска гривны.

» № 55. Голова на NNO. Правая рука на тазу. Глубина $^3/_4$ ар. Длина 2 арш. 6 верш.

» № 56. Костякъ тронутъ (разрушенъ).

» № 57. Костякъ разрушенъ. При немъ: 2 колечка и 1 буса.

» № 58. Голова на SE. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ. Длина костяка 2 арш. 8 верш.

» № 59. Костякъ разрушенъ. Глубина $^3/_4$ арш. Найдено: 2 подвѣски, 1 кусокъ гривны и 2 бусы.

» № 60. Костякъ разрушенъ. Глубина 1 арш.

» № 61. Костякъ разрушенъ. При немъ: цѣпь съ конькомъ и когтемъ и 1 буса.

» № 62. Костякъ разрушенъ.

Могила № 63. Голова на SE. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ, рядомъ съ № 58. Длина 2 арш. 4 верш. При немъ: 7 височныхъ колецъ и 1 половинка, 4 половинки отъ серегъ.

» № 64. Костякъ разрушенъ. Найденъ горшокъ.

» № 65. Голова на SE. Рука лежитъ на тазу. Глубина $^3/_4$ арш. Длина 2 арш. 5 верш. Ничего не найдено.

» № 66. Костякъ разрушенъ.

» № 67. Костякъ разрушенъ. Найдены: 1 серьга, 3 бусы, 2 височныхъ кольца, 1 подвѣска, 3 куска бусъ и двойной камень.

» № 68. Голова на N. Женскій костякъ съ маленькимъ костякомъ (ребенка 5—6 лѣтъ) на лѣвомъ плечѣ, держитъ рукою.

» № 69—84. Костяки разрушены настолько, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ положеніе. Ничего при нихъ не найдено.

Близъ кургана дѣтьми найдена мѣдная коробочка,—назначенія неизвѣстнаго. Предполагаю, могла служить дномъ колчана.

Князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Результаты археологическихъ экскурсій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ; могильникъ мѣднаго вѣка въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Въ прошломъ 1902 г., по порученію Императорской Археологической Комиссіи, я обслѣдовалъ курганы Калязинскаго и Корчевского уѣздовъ Тверской губерніи и Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи. Теперь рѣшаюсь подѣлиться съ вами результатами моихъ работъ, работъ, правда, незначительныхъ и не дающихъ основаній для рѣшительныхъ выводовъ и заключеній, но въ общемъ не лишенныхъ своего значенія.

Ближайшая цѣль моей поѣздки въ названныя мѣста—отысканіе финскихъ могильниковъ и раскопки въ разныхъ мѣстахъ упомянутыхъ уѣздовъ кургановъ. Руководительнымъ указаніемъ отысканія могильниковъ являются, во первыхъ: финская мѣдная бляшка, найденная гдѣто на р. Медвѣдицѣ, нынѣ находящаяся въ Тверскомъ Музеѣ, и гадательное указаніе на д. Юрьевецъ, изъ которой имѣются вещи типа Лядинскаго могильника, относящіяся къ X в., нынѣ находящіяся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ и доставленныя туда Н. Г. Керцелли изъ раскопокъ 1871 года. Обѣ попытки отысканія могильниковъ не увѣнчались успѣхами: устье Медвѣдицы по моимъ ближайшимъ розысканіямъ на мѣстѣ оказалось неимѣющимъ могильника, а д. Юрьевецъ, которую я искалъ въ С.-В. углу Угличскаго уѣзда, расположена на низьменной и болотистой мѣстности и не имѣетъ никакихъ остатковъ древности; какъ оказалось впослѣдствіи, слѣдовало посѣтить деревню такого же наименованія, находящуюся совершенно въ другомъ мѣстѣ, именно близъ раскопокъ Керцелли, противъ д. Кирьяновой.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось напасть на слѣды такихъ могильниковъ, что имѣло бы очень важное значеніе въ спорѣ о принадлежности кургановъ Суздальской (Владимірской) земли племени русскому или финскому.

Въ другихъ мѣстахъ подобные могильники уже найдены, напр. могильникъ Максимовскій близъ Мурома и могильникъ близъ г. Рязани.

Далѣе, не менѣе важная цѣль поѣздки заключалась въ выясненіи причины, почему въ Калязинскомъ уѣздѣ, входящемъ въ область изслѣдованій кургановъ, до сей поры не было извѣстно памятниковъ подобнаго рода, а также произвести раскопки по теченію р. Волги въ мѣстностяхъ, игравшихъ свою наиболѣе значительную историческую роль, но мало извѣстныхъ намъ въ археологическомъ отношеніи, напр. окрестности г. Углича и теченіе р. Медвѣдицы.

Калязинскій уѣздъ въ сѣверной своей части отъ села Скнятино (древній гор. Константиновъ, Коснятинъ, Кснятинъ) [1]), обслѣдованной мною съ большой затратой времени, энергіи и внимательности, не далъ мнѣ ни одного археологическаго памятника: здѣсь я проѣхалъ отъ села Скнятино по дорогѣ на Ростовъ до границъ Ростовскаго уѣзда, изъ Троице-Нерльской слободы до села Семендяево и на Кондратово, Митино, въ г. Калязинъ, отсюда по дорогѣ въ Угличъ до границъ Угличскаго уѣзда и на всемъ этомъ пути я не встрѣтилъ ни одного кургана.

Разгадка такого отсутствія курганныхъ памятниковъ объяснилась для меня, когда я обсуждалъ результатъ поѣздки и обратилъ вниманіе на поразительное количество застилающихъ всю эту мѣстность камней и очень низкое ея положеніе. Въ этой физической особенности мѣстнаго края надо усматривать причину поздней его колонизаціи земледѣльческимъ населеніемъ. По крайней мѣрѣ въ періодъ времени отъ XI до XIII в., времени, къ которому относятся наши курганы Тверской, Ярославской и ближайшихъ губерній, земледѣльческое населеніе отсутствуетъ здѣсь.

Свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ многоуважаемаго Вл. Ал. Плетнева, которыми я пользовался въ теченіи всей своей поѣздки какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго года, хотя и давали указаніе на курганныя древности у с. Порѣчье, Калязинскаго уѣзда, но, при ближайшемъ моемъ знакомствѣ съ упомянутой мѣстностью, ихъ тамъ не оказалось.

Южная же часть уѣзда мною не была изслѣдована.

Для Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи мною принята была та же система обслѣдованій путемъ усиленныхъ разспросовъ. Здѣсь мною произведены розысканія въ слѣдующихъ направленіяхъ: отъ гор. Углича по дорогѣ на г. Мышкинъ; отъ г. Мышкина до с. Новаго, до

[1]) Коснятинъ основанъ Юріемъ Долгоруким въ 1134 г.

дер. Юрьевецъ и до Углича; отъ Углича на монастырь Дивногорскій, с. Климентово до границы Ярославскаго уѣзда; въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что курганы расположены лишь въ окрестностяхъ города Углича. Остальныя посѣщенныя мною мѣста врядъ-ли были заселены въ древнее время, такъ такъ они представляютъ собою сплошныя болотистыя и лѣсныя пространства, составляющія, быть можетъ, остатки извѣстнаго въ лѣтописяхъ Шернскаго лѣса.

Важнымъ исключеніемъ изъ этого общаго наблюденія является сѣверный уголъ уѣзда, гдѣ находились весьма обильныя курганныя группы (д.д. Жуково, Стромынь и Вороново), вскрытыя г. Кельсіевымъ, вещи изъ которыхъ XII—XIII и отчасти XI в. находятся нынѣ въ Историческомъ Музеѣ. Всѣ курганныя группы, расположенныя вокругъ Углича, распредѣлены такимъ образомъ: пять группъ у д.д. Нестерово, Челганово и Васильково на возвышенной плоскости, покрытой густымъ хвойнымъ лѣсомъ, наклонной къ Волгѣ и оканчивающейся здѣсь высокимъ, обрывистымъ берегомъ, и одна обильная курганная группа въ урочищѣ «Грѣховъ ручей».

Мною произведены розысканія только въ трехъ группахъ, оказавшихся удобными для раскопокъ. Всѣ курганы обычныхъ размѣровъ, полусферической, но уже расплывчатой формы, нѣкоторые изъ нихъ окружены канавками или выемками. Въ трехъ группахъ мною вскрыто 28 курганныхъ насыпей, въ которыхъ господствующимъ являлось погребеніе на материкѣ, именно 25 погребеній,—это болѣе старыя погребенія, относящіяся къ XI и частью XII вѣку, судя по найденнымъ тамъ вещамъ. А именно: XI-й вѣкъ характеризовался здѣсь нѣкоторыми бусами, напр. синими желобчатыми, желтыми, свѣтлыми посеребренными, нѣкоторыми пластинчатыми перстнями съ ушками, желѣзнымъ поясным кольцомъ; XII-й вѣкъ всѣми остальными вещами. Остальныя 3 погребенія, отличающіяся какъ формой своихъ насыпей (болѣе крутые бока—болѣе приближаются къ полушару), такъ и ихъ размѣрами (приблизительно отъ $1^1/_4 \times 11$ арш), являлись съ погребеніями въ грунтовыхъ могилахъ; эти погребенія мною отнесены къ XIII в. по типу серегъ, найденныхъ въ одномъ изъ нихъ—типу, называемому проф. Антоновичемъ серьгами съ фиксированными бусами.

Въ числѣ предметовъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, не послѣднее мѣсто занимали височныя кольца, преимущественно маленькія тонкой проволоки, рѣже средней величины, чаще съ разомкнутыми концами, но иногда и съ завязанными, всѣ они относятся къ XI—XII вѣкамъ;

далѣе идетъ незначительное количество гвоздей типа костылей, обломки очень попорченнаго арабскаго фельса, составляющаго очень рѣдкую находку въ русскихъ курганахъ, ножи и рукоятка ножа въ металлической оправѣ. Вообще же Угличскіе курганы оказались чрезвычайно бѣдны; аналогичное явленіе мы видимъ и въ курганахъ въ урочищѣ «Грѣховъ ручей» въ 5 вер. отъ Углича, раскопанныхъ Комитетомъ Угличскаго Музея; они гораздо бѣднѣе моихъ,—тамъ добыто въ нѣсколькихъ десяткахъ кургановъ нѣсколько гвоздей, нѣсколько горшковъ и двѣ—три какихъ-то восточныхъ монеты.

Въ общемъ же эти раскопки служатъ доказательствомъ факта обильной населенности Углича поля съ XI вѣка.

Мнѣ оставалось обратить вниманіе на теченіе р. Медвѣдицы въ предѣлахъ Корчевского уѣзда.

Здѣсь моя задача заключалась въ продолженіи розысканій В. А. Чагина на этомъ историческомъ военномъ пути между Новгородскимъ княжествомъ и Суздальскимъ, неоднократно упоминаемомъ лѣтописями [1]), и дать посильный матеріалъ для рѣшенія вопроса о заселеніи р. Медвѣдицы. Предшествовавшія розысканія Чагина дали интересныя, хотя и не особенно богатыя находки, относящіяся приблизительно къ XII—XIII вѣку.

Медвѣдица [2]) небольшая, очень извилистая рѣка, течетъ въ отлогихъ берегахъ и имѣетъ на правой сторонѣ нѣсколько возвышенныхъ плато, поднимающихся среди низьменныхъ равнинъ, поросшихъ кустарникомъ и лѣсомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ плато занимаютъ довольно обширныя площади и представляютъ собою единственныя мѣста для поселеній земледѣльческаго населенія.

Мною было обращено вниманіе на одно изъ такихъ плато, расположенное параллельно теченію р. Медвѣдицы съ С.С.-В. на Ю.Ю.-З. протяженіемъ въ длину верстъ на 25, а въ ширину около 8—10 верстъ, на которомъ съ одной Ю.Ю.-З. стороны с. Сутоки, имѣющее 4 курганныя группы, и съ другой С.С.-В. с. Красное и д.д. Воробьево, Глазачево со своими обильными курганными группами.

---

[1]) Напримѣръ: Въ 1148 г. вел. кн. Кіевскій Изяславъ II собирался изъ Новгорода идти на дядю своего Юрія Долгорукаго. Князю Изяславу на помощь долженъ былъ придти изъ Смоленска его братъ Ростиславъ. Они соединились на устьѣ Медвѣдицы.

[2]) Въ лѣтописи (Лавр. 108) упоминается Медвѣдица подъ 1096 г. во время борьбы Ольговичей съ Мономаховичами, какъ порубежный пунктъ между Новгородской и Суздальской землями.

Курганныя группы у д.д. Воробьево и Глазачево представляютъ собою чрезвычайно любопытное мѣсто по обилію курганныхъ насыпей; въ каждой изъ группъ около 100 кургановъ, расположенныхъ параллельными рядами. Въ одной изъ такихъ группъ розысканія были произведены упомянутымъ г. Чагинымъ. Мною было приступлено къ раскопкамъ сосѣдней группы, но, по изслѣдованіи около десяти кургановъ, я перенесъ свои раскопки въ группу, раньше частью изслѣдованную моимъ предшественникомъ. Всѣ они имѣютъ обычную внѣшнюю форму и размѣры, исключая 5 случаевъ, когда курганы въ основаніи были выложены большими валунами, и одинъ случай, когда курганъ имѣлъ форму усѣченной четырегранной пирамиды. Въ той и другой группѣ мною вскрыто 16 курганныхъ насыпей, которыя дали мнѣ обрядъ погребеній на материкѣ (8 случаевъ) и въ грунтовой могилѣ (8 случаевъ), заключающіе въ себѣ очень скудный погребальный инвентарь, такъ напр. въ 11 погребеніяхъ не оказалось никакихъ вещей, и только остальныя 5 дали мнѣ большія, среднія и малыя височныя кольца, всѣ съ разомкнутыми концами, относящіяся, повидимому, къ XII вѣку, и 2 ножа. Вотъ и всѣ находки. При такомъ отсутствіи вещей, конечно, и опредѣленіе погребеній затруднительно. Такъ интересно было бы прослѣдить время распространенія кургановъ съ валуннымъ кольцомъ въ этой мѣстности и время погребенія въ грунтовыхъ могилахъ вмѣстѣ съ погребеніемъ въ интересномъ пирамидальномъ курганѣ.

Такое обиліе курганныхъ насыпей упомянутыхъ группъ даетъ право заключить, что пунктъ этотъ былъ весьма густо заселенъ съ древнихъ временъ.

Мною руководило желаніе изслѣдовать все вышеупомянутое плато и я отправился въ его противоположный Ю.К.-З. конецъ въ село Сутоки, гдѣ расположено 4 курганныхъ группы, которыми я и рѣшилъ воспользоваться. Здѣсь во всѣхъ четырехъ группахъ мною вскрыты 17 насыпей, и только тѣ, которыя могли допустить раскопку безъ особенныхъ затратъ (многія были покрыты вѣковыми лѣсами, а другія были заняты крестьянами для хозяйственной надобности). Размѣры ихъ отъ 1×6 до $1^1/_2\times12$ арш., обычныхъ для данной мѣстности и даннаго типа кургановъ размѣровъ. Обрядъ погребенія здѣсь почти тотъ же, что и у д. Воробьево: 8 случаевъ погребенія въ грунтовыхъ могилахъ и 9 на материкѣ, всѣ костяки направлены головой на западъ. Погребальный инвентарь, имѣвшійся во вскрытыхъ мною погребеніяхъ, не отличался богатствомъ и разнообразіемъ, но

былъ, во всякомъ случаѣ, богаче Воробьевскихъ. Здѣсь найдены большія височныя кольца, всѣ съ разомкнутыми концами, нѣкоторыя съ завитками, всѣ XI—XII вѣковъ; мѣдные рубчатые перстни XII в., обломки круглой серебряной бляшки XI—XII в.в., золоченыя бусы XI—XII в.в. и сердоликовыя гранчатыя бусы, малыя височныя кольца и ножи.

Какъ резюме всего вышесказаннаго, я ставлю вопросъ: кѣмъ же, въ концѣ концовъ, была заселена Медвѣдица?

Низовье Медвѣдицы по имѣющимся даннымъ (раскопки на Волгѣ у Заборье и на Медвѣдицѣ у Хрипелево и Посада), вѣроятно, было занято Волжскимъ населеніемъ, быть можетъ Кашинцами [1]), во всякомъ случаѣ, поселенія здѣсь раннія, существуютъ съ XI вѣка.

Средняя часть Медвѣдицы расположена не такъ далеко отъ Новгорода и Бѣжецкаго верха. Если вѣрить свѣдѣнію, данному Глинкой и напечатанному въ свѣдѣніяхъ о городищахъ и курганахъ многоуважаемаго В. А. Плетнева, [2]) около дер. Прудово у рѣчки Каменки, Бѣжецкаго уѣзда, есть жальникъ. А таковой служитъ однимъ изъ важныхъ признаковъ Новгородскихъ поселеній позднѣйшаго времени. Далѣе мои изысканія у д.д. Воробьево и Сутоки ничуть не противорѣчатъ теоріи о заселеніи средней Медвѣдицы Новгородцами [3]).

Остается упомянуть о моей поѣздкѣ въ д. Ременницы, Корчевского уѣзда, гдѣ, по свѣдѣніямъ В. А. Плетнева, находилось 7 кургановъ, и о томъ плачевномъ состояніи, въ которомъ я ихъ нашелъ; всѣ курганы почти сравнены распашкой съ общей поверхностью материка и для науки пропали безслѣдно.

Попытка найти финскіе могильники привела къ раскопкѣ двухъ могильниковъ, но уже позднѣйшаго времени. У дер. Саврасовой, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣки Нерли, мною усмотрѣнъ могильникъ, какъ оказалось по произведенной пробной раскопкѣ, очень поздній. Въ проложенныхъ мною двухъ траншеяхъ на глубинѣ приблизительно $1—1^1/_2$ арш. найдена масса костяковъ хорошей сохранности, направленныхъ головою на югъ

---

[1]) Въ первый разъ Кашинъ упоминается при нашествіи Батыя въ 1237 г. Это, конечно, не исключаетъ возможности существованія его въ болѣе раннее время.

[2]) Плетневъ, стр. 166—168.

[3]) У Борзаковскаго въ Ист. Тв. княж. есть разсужденіе о принадлежности лѣвой стороны Новгородцамъ по поводу похода Черниговскаго кн. Олега Святославича на Новгородскихъ ушкуйниковъ: онъ хотѣлъ выгнать Мстислава Владиміровича, сына Мономахова. Олегъ посылалъ брата своего на сторону на р. Медвѣдицу. (См. стр. 14).

во всевозможныхъ положеніяхъ, совершенно безъ вещей. Сверху по краямъ могильника подъ дерновымъ слоемъ большія тщательно обдѣланныя плиты бѣлаго известняка толщиною вершка въ два.

Второй открытый мною могильникъ находится на лѣвомъ возвышенномъ и обрывистомъ берегу Волги у самыхъ избъ села Прилуки, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у пароходныхъ пристаней. На небольшомъ пространствѣ снятаго мною верхняго слоя въ $^1/_2$ и $^3/_4$ арш. толщиною обнаружена масса плохой сохранности костяковъ во всевозможныхъ положеніяхъ и направленіяхъ, сложенныхъ очень часто одинъ на другомъ. На одномъ изъ нихъ вокругъ головы найдено нѣсколько маленькихъ разомкнутыхъ височныхъ колецъ. Вещь курганная найдена въ могильникѣ—фактъ, заслуживающій вниманія.

Въ 1903 году, по порученію того же учрежденія, мною произведены обслѣдованія городищъ Дьякова типа по верхнему теченію рѣки Волги въ предѣлахъ Тверской губерніи, гдѣ они извѣстны намъ начиная съ г. Ржева. Количество таковыхъ городищъ въ предѣлахъ между Волгой и Окой простирается до нѣсколькихъ десятковъ. Изслѣдованіе ихъ является крайне важнымъ въ выясненіи вопроса о заселеніи даннаго края съ древнѣйшихъ временъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и теоріи, къ которымъ я всецѣло присоединяюсь, городища этого типа имѣли назначеніе обрядовое и принадлежатъ одному изъ финскихъ племенъ, и, вѣроятнѣе всего, мерянскому. Въ своемъ, вѣроятно, предпослѣднемъ періодѣ существованія они уже достаточно рѣшительно датированы VI—VIII вѣками.

Мнѣ поручено было изслѣдовать нѣкоторыя городища и ознакомиться съ залеганіемъ каменныхъ орудій, такъ часто находимыхъ въ мѣстахъ существованія городищъ, а также выяснить отношеніе ихъ къ городищамъ.

Свои розысканія я началъ съ гор. Ржева, гдѣ, кстати сказать, ознакомился съ мѣстомъ нахожденія и съ самой коллекціей камней-орудій П. Ѳ. Симсона [1]). Мною изслѣдована часть Волжскаго берега—мѣсто главныхъ находокъ этихъ орудій; произведенная раскопка показала, что слой этихъ камней-орудій въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ видимъ, не залегаетъ въ материкѣ, а только имѣется въ достаточномъ количествѣ на поверхности берега, имѣющаго въ сво-

[1]) Я называю ихъ камнями-орудіями, такъ какъ не вижу возможности отрицать ихъ значенія, какъ и всякій другой камень, попадавшійся дикарю въ каждую необходимую минуту.

ихъ нѣдрахъ каменную площадку, которая постепенно разрушается подъ вліяніемъ всевозможныхъ условій и даетъ часть обломковъ, которыми усѣяна эта часть берега; обильное количество всевозможныхъ величинъ камней гранита даетъ самъ материкъ, въ которомъ вкраплены камни, какъ это наблюдается на всѣхъ берегахъ Волги.

Кромѣ того, я имѣлъ возможность проѣхать въ лодкѣ отъ Ржева до Твери и въ силу такого способа передвиженія, а также значительнаго количества времени, употребленнаго на эту поѣздку (2 недѣли), могъ наблюдать всѣ берега Волги, на которыхъ въ десяткахъ мѣстъ мною встрѣчены подобныя камни–орудія.

Посѣщенныя мною городища расположены на берегахъ Волги, частью извѣстныя намъ въ археологической литературѣ, частью же открыты мною. Изъ давно извѣстныхъ мною посѣщены: 1) Фоминское (у с. Фоминскаго, Зубц. у.), 2) Юрьевское (у с. Юрьевскаго, Стар. у.), 3) Горкинское (Борковскія, Стариц. у.), 4) Избрижское (Твер. у.), 5) Моркинское (с. Моркино-Городище, Твер. у.), 6) Мухинское (д. Мухино–Городище, Твер. у.), 7) Дуденево (Твер. у.), 8) Пекуново (Корч. у.), 9) Прислонъ (Каляз. у.); и открытыя мною: 10) Лихачевское (Зубц. у., имѣніе Лихачева), 11) Колчеватинское (д. Колчеватино, Зубц. у.), 12) Игутьевское (д. Игутьево, близъ Борк. город., Стар. у.), 13) Кошевское (д. Кошево, Твер. у.). Кромѣ того, мною замѣчена еще часть оставшагося городища возлѣ села Каменникъ, Ярославской губерніи. Произведены мною слѣдующія пробныя разысканія: въ городищѣ Юрьевскомъ небольшія раскопки, гдѣ въ двухъ культурныхъ пластахъ, раздѣленныхъ между собою слоемъ глины, состоящихъ изъ золы, угля и примѣси земли, толщиною въ $2^1/_2$ арш., считая въ этомъ числѣ и полуаршинный верхній дерновой слой, найдены: кости и зубы животныхъ, черепки грубой работы, костяныя и бронзовыя подѣлки. Ниже, за культурнымъ слоемъ, идетъ уже бѣлый песокъ и глина лесоваго происхожденія.

Въ общемъ же городище по внѣшнему виду представляетъ собою овальное продолговатое возвышеніе, сажени въ 3 высоты, безъ валовъ и рвовъ, расположенное на болотистомъ и низкомъ мѣстѣ.

Небольшія разысканія произведены мною въ городищѣ Горкинскомъ (у д. Горки Борковскія, Старицкаго уѣзда). Въ данное время отъ городища осталась только небольшая часть, все остальное снесено въ Волгу маленькимъ ручейкомъ, протекающимъ у его подножія. Это городище по своему мѣстоположенію и устройству совсѣмъ иного характера, чѣмъ

городище Юрьевское; оно расположено на высокомъ треугольникѣ, образованномъ ручейкомъ, естественнымъ высокимъ обрывомъ и рвомъ, составляющимъ уже принадлежность городища. Съ сѣверной стороны оно имѣетъ два вала и три рва. Его поверхность была прорыта мною траншеями въ двухъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣчено было залеганіе культурнаго слоя въ порядкѣ постепеннаго утолщенія отъ рва (сѣверная сторона) къ обрыву (южная сторона), у котораго онъ уже достигалъ около $1^1/_2$ сажени. По общему внѣшнему виду, городище овальной формы, большихъ размѣровъ.

Осмотрѣвъ, измѣривъ и зарисовавъ планъ и профили указанныхъ городищъ, я приступилъ къ изслѣдованію занимающаго насъ своимъ обильнымъ количествомъ кремневыхъ орудій городища у деревни Прислонъ Калязинскаго уѣзда.

Городище это найдено мною уже въ жалкихъ остаткахъ въ видѣ длиннаго возвышенія, но весьма незначительной ширины по берегу Волги, все остальное смыто водой. Въ его культурномъ слоѣ, толщиною въ $2^1/_2$ арш., попадались въ большомъ количествѣ кости и зубы животныхъ, иные со слѣдами отдѣлки, черепки съ сѣтчатымъ и точечнымъ орнаментомъ, колотые камни, занимавшіе не послѣднее мѣсто, подѣлки изъ кости въ видѣ стрѣлокъ и иглъ, изобиловавшія въ слоѣ наибольшаго залеганія золы и угля. Въ предѣлахъ городища, на наклонной плоскости берега, заливаемаго въ половодье Волгой, мною собрано въ теченіи 3–4-хъ дней поисковъ нѣсколько десятковъ кремневыхъ подѣлокъ—рѣзаковъ, скребковъ, ножичковъ и другихъ предметовъ. Въ слояхъ остатка городища подобныхъ предметовъ не было найдено, а слѣдовательно и отношеніе ихъ къ городищу опредѣлить не удалось.

Въ заключеніе обозрѣнія городищъ, я скажу нѣсколько словъ о совершенно неожиданно для меня самого открытомъ могильникѣ мѣднаго вѣка. Изслѣдуя траншеями Лихачевское городище, названное такъ мною по имени его владѣльца въ Зубцовскомъ уѣздѣ и расположенное на берегу Волги у устья рѣчки Щербахи, я сдѣлалъ невольное открытіе: подъ культурнымъ слоемъ городища, въ $1^1/_2$ аршина толщины, съ его обычными богатствами—костями, черепками и колотыми камнями уже въ самой глинѣ новаго образованія я нашелъ два погребенія. Въ траншеѣ № 1 лежалъ костякъ на правомъ боку съ согнутыми въ локтѣ и протянутыми впередъ руками, ноги его, согнутыя въ колѣнѣ, отброшены одна въ одну, другая въ другую сторону. Почти у шеи при костякѣ найденъ скребокъ – находка интересная и

новая при погребеніяхъ подобнаго рода, на груди украшеніе въ видѣ костяныхъ трубочекъ, зубовъ; на груди же найдены ножи и костяной предметъ неизвѣстнаго назначенія (въ видѣ длиннаго ножа-долота или лопатки), у колѣна лѣвой ноги оселокъ, а у ногъ горшокъ краснаго тона съ круглымъ днищемъ и мелкими украшеніями по вѣнчику, отверстіемъ вверхъ.

Въ траншеѣ № 2 маленькій костякъ, очевидно, дѣтскій, лежалъ на спинѣ съ руками, согнутыми въ локтѣ и протянутыми впередъ. Положеніе ногъ было трудно опредѣлить, онѣ истлѣли. Здѣсь найдены у головы горшокъ, на груди украшенія въ видѣ трубочекъ и бусинокъ, съ правой стороны костяка долото, съ лѣвой кремневый ножикъ. У ногъ его находился небольшой слой золы. У уха замѣтна небольшая металлическая окись въ видѣ зеленаго пятна.

Самое городище, имѣвшее видъ продолговатаго четыреугольника съ сильно закругленными концами, въ сѣверной своей сторонѣ имѣло два рва и между ними валъ, и дало черепки съ сѣтчатымъ и точечнымъ орнаментомъ, кости и зубы животныхъ и большое количество колотыхъ камней.

Могильники данной культуры (Фатьяновскій) уже гр. Уваровымъ съ колебаніемъ и сомнѣніемъ были отнесены къ каменному періоду, а по новѣйшей теоріи они принадлежатъ мѣдному вѣку и даже не началу его, а скорѣе концу.

Въ данный моментъ районъ распространенія подобныхъ могильниковъ въ верхнемъ Поволжьѣ вообще намъ извѣстенъ значительный. Между Мологой и Сурой ихъ насчитывается уже около 15-ти. Но такъ высоко по самому теченію Волги (у г. Зубцова) это первый.

Милостивые государи! Имѣя въ виду ограниченность времени, даннаго для рефератовъ, и желая дать возможность услышать, быть можетъ, болѣе интересныя сообщенія, я два своихъ реферата: «Результаты археологическихъ экскурсій и изслѣдованій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ» и «Могильникъ мѣднаго вѣка въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи» соединяю въ одинъ и въ силу этого значительно сокращаю оба реферата, къ сожалѣнію, въ ущербъ дѣлу; моя замѣтка о городищахъ и о могильникѣ мѣднаго вѣка, носятъ чисто описательный характеръ и до нельзя отрывочный и сжатый, за что искренне извиняюсь. Подробное изложеніе о нихъ можно будетъ найти въ трудахъ Императорской Археологической Комиссіи.

Н. Е. Макаренко.

О раскопкѣ кургана (сопки) въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губ., произведенной 1902 г. 2—7 сентября.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію произведенной мною раскопки и оцѣнкѣ результатовъ ея, я считаю необходимымъ ознакомить читателя съ тѣми предположеніями и выводами, которые установлены были предшествующими раскопками и изслѣдованіями лицъ, интересовавшихся курганнымъ періодомъ бывшаго Бѣжецкаго Верха. Знакомство съ этими изслѣдованіями необходимо для критической оцѣнки тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ по результатамъ произведенной мною раскопки и нѣкоторымъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія Д. Европеусъ произвелъ раскопку кургановъ около погоста Бѣжецы на рѣкѣ Мологѣ. Въ окончательномъ своемъ выводѣ на основаніи результатовъ раскопки г. Европеусъ говоритъ, что курганы эти принадлежатъ тому же длинноголовому народу, что и курганы въ Московской, Владимірской и Ярославской губерніяхъ, въ послѣдней по крайней мѣрѣ въ Ростовскомъ уѣздѣ и около рѣки Сити, недалеко отъ рѣки Мологи и отъ границъ Тверской губерніи. Черепа, найденные въ курганахъ погоста Бѣжецы, г. Европеусъ относитъ къ типу доликокефальныхъ или длинноголовыхъ. О доликокефальныхъ курганныхъ черепахъ Московской губ. числомъ болѣе 200 и о типахъ череповъ изъ окрестностей рѣки Сити въ Ярославской губ. мы имѣемъ прекрасное изслѣдованіе А. П. Богданова: Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губерніи. О курганныхъ черепахъ Владимірской губ. и Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи сообщено въ концѣ статьи Графа А. С. Уварова: О Мерянахъ, напечатанной въ *Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г.*

Время насыпки кургановъ въ погостѣ Бѣжецы Г. Европеусъ относитъ къ концу X или началу XI столѣтія, что не противорѣчитъ изслѣдованіямъ и графа Уварова. По словамъ академика Бера, длинноголовый типъ черепа имѣютъ Остяки и Вогулы, одни только чистые

потомки древней Югры. Названіе мѣстностей нерусскаго происхожденія на пространствѣ отъ рѣки Оки до Сѣвернаго Океана и отъ верховья рѣки Волги и озера Ильменя до Казани, а въ сѣверной части Россіи отъ окрестностей рѣки Онеги до предѣловъ Черемисы, Зырянъ и Самоѣдовъ всѣ югорскаго происхожденія. Въ древней и нынѣшней области финновъ, въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи и въ сѣверной части Скандинавіи югорскихъ названій г. Европеусъ нашелъ безчисленное множество. По словамъ этого изслѣдователя, пребываніе въ древнее время собственно такъ называемыхъ финновъ въ средней Россіи, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, не имѣетъ почти никакихъ фактическихъ основаній ни въ названіяхъ мѣстностей, ни въ типахъ курганныхъ череповъ даже самыхъ послѣднихъ до-русскихъ временъ, такъ какъ не только финны, но и лопари, мордва и черемисы, то есть, вся финско-черемисская вѣтвь финско-венгерскаго племени—короткоголоваго типа. И Тверская губернія вся въ до-русскія времена принадлежала къ области чистой Югры, предковъ венгровъ, вогуличей и остяковъ, что подтверждается нерусскими названіями рѣкъ, озеръ, горъ, деревень и другого рода мѣстностей, составъ и значеніе которыхъ чисто югорскіе, что утверждаетъ изслѣдователь вогульскаго языка венгерскій филологъ Регули (Ветлуга, Молога, Пинега, Онега, Устюга и др.). Выкопанные въ погостѣ Бѣжецы длинноголовые черепа весьма любопытны, такъ какъ говорятъ за то, что въ Тверской губерніи въ до-русскія времена и даже въ XI столѣтіи дѣйствительно жила Югра, предки нынѣшнихъ единственныхъ на сѣверѣ длинноголовыхъ Остяковъ и Вогуличей. Съ монгольскимъ типомъ эти длинноголовые черепа ничего общаго не имѣютъ; они въ сравненіи съ ними даже составляютъ прямо противуположныя крайности, такъ какъ монгольскій типъ черепа коротокъ, приплюснутъ сверху и снизу и широкъ, почти кубической формы, а длинноголовые черепа, напротивъ того, довольно узки, часто даже длиночелюстные и нерѣдко съ «крышеобразно приподнятымъ» теменемъ, какъ говоритъ А. П. Богдановъ о курганныхъ черепахъ Московской губерніи. Этотъ длиночелюстный и «крышеобразно приподнятый» типъ оказался, какъ говоритъ г. Европеусъ, и въ черепахъ при погостѣ Бѣжецы. Такимъ образомъ г. Европеусъ считаетъ курганные черепа при погостѣ Бѣжецы принадлежащими Югрѣ, населявшей Бѣжецкій Верхъ въ X и XI столѣтіи. Авторъ историко-статистическаго описанія Тверской губерніи В. Покровскій въ указанномъ трудѣ говоритъ, что въ курганный періодъ въ Тверской губерніи жили племена финскія,

а именно: Весь и Меря, впослѣдствіи подъ вліяніемъ славянской колонизаціи частію отодвинувшіяся на сѣверъ, частію слившіяся со славянами. Затѣмъ послѣдовательно разбирая работы археологовъ и лингвистовъ, трудившихся надъ изслѣдованіями курганнаго періода въ Тверской губерніи, г. Покровскій, между прочимъ, относитъ курганы при погостѣ Бѣжецы къ памятникамъ Веси. Славянскія племена стали заселять Тверскую губернію ранѣе IX-го вѣка. Колонизація эта началась съ юго-запада, изъ мѣстности, составляющей нынѣшнюю Смоленскую губернію, изъ страны Кривичей, которые весьма рано проникли въ предѣлы нынѣшней Тверской губерніи, что видно изъ словъ лѣтописца Нестора. «Кривичи сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра». Позже Кривичей, занявшихъ верховье Волги и подвигавшихся внизъ по ея теченію, съ противоположной стороны, вверхъ по рѣкѣ Волгѣ, пришли колонисты изъ земли Суздальской и заняли настоящій Калязинскій уѣздъ, нарѣчіе котораго родственно Суздальскому. Но самая сильная колонизація шла съ сѣверо-запада, изъ земли славянъ Ильменьскихъ или Новгородскихъ. Древнѣйшіе города въ странахъ Веси и Мери были новгородскаго происхожденія, на что указываютъ славянскія названія ихъ: Бѣлоозеро, Ростовъ, Торжокъ, Бѣжецкъ.

Графъ Уваровъ въ своемъ трудѣ: Меряне и ихъ бытъ по раскопкамъ курганнымъ (Труды I-го археологическаго съѣзда 1869 г.) считаетъ эти курганы памятниками Мери.

Аспелинъ, производившій раскопки при погостѣ Бѣжецы, приходитъ къ заключенію, что курганы эти принадлежатъ Веси, причемъ находки курганныя у него совершенно одинаковы съ находками Европеуса и съ предметами, найденными г. Керцелли въ курганахъ Ярославской губерніи (глиняные сосуды, наконечники копій съ стеблями).

Лингвистическія изслѣдованія мѣстныхъ названій, произведенныя Алквистомъ, приводятъ къ заключенію изслѣдователя, что племена, населявшія Тверскую губернію въ курганный періодъ, были финскія.

Историки Бестужевъ-Рюминъ и Ешевскій утверждаютъ, что Славяне пришли въ Тверскую губернію на смѣну Финнамъ. Переселеніе это произошло въ доисторическую эпоху и совершалось медленно и постепенно и медленность эта много говоритъ въ пользу сравнительно мирныхъ нравовъ нашихъ предковъ.

Кривичи, говоритъ г. Микуцкій, населяютъ не только часть Бѣлоруссіи, но также часть Петербургской губерніи, всю Псковскую и

часть Тверской и Смоленской. Сильное измѣненіе въ Кривицкомъ говорѣ произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія Славянъ съ Чудью на верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги (Борзаковскій, Исторія Твер. Княж., прим. 33).

Въ XI и XII вѣкахъ въ Тверской губерніи были уже города: Торжокъ, Тверь, Городецъ (Бѣжецкъ), Новый городокъ, Ржевъ, Зубцовъ, Микулинъ, Скнятинъ, Бѣлгородокъ, Кашинъ, Вертязинъ, и уже въ XI в. земли Бѣжецкаго Верха принадлежали Новгороду, какъ напр. село Узмень, Езки, Бѣжецы и Рыбанское. О. Вильчинскій въ своемъ Трудѣ: Очерки древней культуры Русскихъ областей сообщаетъ, что племя, поселившееся въ губерніяхъ Ярославской, Московской и Тверской въ металлическую эпоху, распространилось впослѣдствіи и въ губерніи Курской. Оно жило въ этомъ краю до пришествія Славянъ. Племя это было среднее между Киммеріанами и Неврами и стояло ближе къ Неврамъ и называлось Мерянами. Эти Меряне остались на своемъ мѣстѣ до окончательнаго своего сліянія со Славянами. Ославяненіе ихъ шло медленно и еще въ X вѣкѣ оставалась часть этого племени въ чистомъ видѣ около озеръ Ростовскаго и Клещина и говорила своимъ языкомъ (Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., С.-Петербургъ 1846 г., Т. 3. стр. 5).

И. Красницкій въ своемъ трудѣ: Тверская Старина 1876 года сообщаетъ, что мѣстность настоящей Тверской губерніи въ до-русскія времена была заселена дикими кочевыми финскими племенами Чудью, Весью и Мерью. Племена эти были отодвинуты на сѣверъ Кривичами, которые и пришли имъ на смѣну и отчасти слились съ ними.

Профессоръ С. М. Середонинъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ по Исторической географіи, говоритъ, что въ Тверской губерніи, именно въ области Бѣжецкаго Верха, курганы относятся приблизительно къ XI столѣтію. Впрочемъ, раскопки здѣсь имѣли случайный характеръ, надежныхъ отчетовъ о нихъ не имѣется, самыя находки описаны неопредѣленно, и неизвѣстно, гдѣ онѣ сохраняются и представляютъ весьма скудный археологическій матеріалъ для настоящаго времени. Соединяя въ общую картину все извѣстное объ этихъ раскопкахъ, видимъ, что въ Бѣжецкихъ курганахъ костяки лежатъ большею частью на поверхности материка и изрѣдка въ ямахъ, головою на западъ или сѣверъ. Иногда трупы погребены въ сидячемъ положеніи. Въ основаніи насыпей часто имѣется кругъ изъ валуновъ, высота ихъ вообще значительная. Изъ вещей постоянно упоминаются височныя кольца (неизвѣстно, какія), пластинчатые го-

ловные вѣнчики, серьги съ филигранными бусами и другихъ типовъ, мѣдныя бусы, лунницы, плетеная гривна съ пластинчатыми концами. Всѣ перечисленныя вещи обильно встрѣчаются и въ Петербургскихъ курганахъ, но въ Бѣжецкихъ неизвѣстно о находкахъ финскихъ подвѣсокъ. Курганы даннаго типа встрѣчаются на С.-В. отъ Бѣжецка до д. Залужья, на С.-З. до Маслова и на Ю.-З. чрезъ Тверцу до истоковъ Волги (Залучье). Кому принадлежатъ собственно курганы Тверскіе, расположенные между Кривичскими и Новгородскими? Ближе они подходятъ къ Смоленскимъ курганамъ, хотя въ виду сходства послѣднихъ съ Новгородскими разобраться тутъ довольно трудно и это предстоитъ еще будущему.

Вотъ все, что мнѣ удалось достать о Тверскихъ курганахъ вообще и въ частности о курганахъ Бѣжецкаго Верха.

Переходя къ описанію произведенной мною раскопки, я долженъ замѣтить, что производилъ ее на основаніи вопросовъ и наставленій для курганныхъ раскопокъ изъ Записки для обозрѣнія русскихъ древностей И. П. Сахарова и инструкціи для описанія и раскопокъ кургановъ за подписью Д. Самоквасова, Л. Ивановскаго и В. Антоновича и наставленія П. С. Савельева и, конечно, тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось почерпнуть въ бытность мою слушателемъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Село Рыбинское лежитъ при рѣкѣ Мологѣ въ 43-хъ верстахъ на западъ отъ уѣзднаго города Бѣжецка. Около этого села на западъ и сѣверъ, отъ него было очень много кургановъ или, какъ называютъ мѣстные обыватели, сопокъ. На землѣ причта церкви этого села и на помѣщичьихъ усадьбахъ г.г. Мальковскихъ, Бестужевыхъ и Есиныхъ и теперь еще сохранилось отъ 5—8 сопокъ, а остальныя числомъ отъ 12—15 исчезли лѣтъ 30 или 40 тому назадъ и, какъ говорятъ, были употреблены крестьянами на починку дорогъ и устройство земляной дамбы въ д. Заручье, сосѣднюю съ селомъ Рыбинскимъ. Самыя большія сопки расположены въ направленіи съ запада на востокъ по склону, подъ которымъ тянется долина рѣки Мологи, затопляемая въ весеннее время разливомъ. Раскопка одной изъ этихъ сопокъ была произведена мною въ 1902 году отъ 2-го по 7-е сентября. Она расположена на церковномъ полѣ противъ усадьбы помѣщика Бестужева и окружена еще 5 сопками. Общій видъ этой сопки (или кургана) конусообразный и основаніе ея обложено кольцомъ изъ валуновъ. Въ окрестностяхъ сопокъ мѣстъ, памятныхъ побоищами, нѣтъ, и ближайшія мѣстности, рѣки

и лѣса носятъ такія названія: р. Молога, село Рыбинское, д. Заручье, д. Кузнецы, лѣсная дача Бородино и Семеновское. Народныя преданія относятъ эти сопки то къ нашествію татаръ, то литовскихъ пановъ временъ междуцарствія, но какъ одно, такъ и другое указаніе этихъ преданій, какъ увидимъ ниже, невѣрны. Никакихъ признаковъ бывшихъ на сопкахъ зданій или накладенныхъ каменьевъ въ видѣ какой нибудь фигуры незамѣтно, впрочемъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ растутъ старинныя сосновыя дерева по одному дереву на каждой. Вышина раскопанной мною сопки $2^1/_2$ аршина, а окружность ея у основанія $16^1/_2$ аршинъ. Она насыпана изъ песку на почву изъ суглинка и насыпана на поверхности почвы, а не углублена основаніемъ въ нее. Отъ рѣки Мологи она отстоитъ на 100 саж., а отъ сосѣднихъ сопокъ аршинъ отъ 3 до 9-ти. Вся эта сопка состоитъ изъ сплошной земляной насыпи, основаніе ея обложено большими камнями, охватывающими ее кольцомъ, а средина этого кольца, видимо, была засыпана мелкимъ щебнемъ, взятымъ съ береговъ р. Мологи, и уже на эту насыпку былъ положенъ трупъ, засыпанный потомъ пескомъ. Раскопка была произведена такъ: сопка была прорыта двумя канавами крестообразно до основанія ея и земля изъ этихъ канавъ пропущена черезъ грохотъ для отысканія мелкихъ предметовъ. Вся сопка насыпана изъ песку, въ которомъ иногда встрѣчались мелкіе камушки и три зольныхъ прослойка или скорѣе зольныя пятна, особенно замѣтныя на срединѣ. Прослойки эти или пятна отъ поверхности кургана были на глубинѣ $^1/_2$ аршина. Костякъ былъ найденъ на грунтовой землѣ (не въ ямѣ). Онъ лежалъ на спинѣ съ вытянутыми по бокамъ руками головой на западъ, а ногами на востокъ. Около шеи съ одной стороны найдено двѣ сердоликовыхъ призматическихъ граненыхъ бусы и одна металлическая (кажется, серебряная) круглая пластинка съ круглымъ небольшимъ отверстіемъ по срединѣ. Креста и другихъ какихъ либо предметовъ около головы, боковъ и рукъ не найдено. Въ ногахъ въ 4-хъ вершкахъ отъ костей найденъ глиняный небольшой горшокъ, украшенный по краю линіей изъ небольшихъ ямокъ. Содержимое въ немъ было тщательно изслѣдовано, но никакихъ признаковъ пищи не обнаружено (онъ весь наполненъ былъ пескомъ такимъ же, какъ и вся насыпь сопки). Костякъ сохранился къ сожалѣнію не весь, а только части.

Недалеко отъ этой сопки находится другая сопка, но уже разрытая, видимо, очень давно, кѣмъ неизвѣстно. Въ этой сопкѣ послѣ непродолжительной раскопки съ краю вершкахъ въ 5-ти отъ поверхно-

сти ея найденъ былъ еще одинъ на половину сохранившійся черепъ, и двѣ другія кости, но предметовъ не найдено; надо думать, что эта сопка была разрыта, кости и черепъ вынуты и потомъ черепъ отдѣльно былъ зарытъ, а кости или брошены или куда либо взяты. Оба черепа съ остатками костей были мною препровождены ассистенту Судебно-Медицинскаго Института Юрьевскаго Университета доктору медицины И. О. Зубову и приватъ-доценту того же университета г. Вейнбергу для измѣренія и изслѣдованій, результатъ которыхъ такой:

Черепъ № 1, найденный мною при раскопкѣ сопки сохранившейся.

Поперечный размѣръ черепа . . .	13,4 с.
Длинникъ	16,8 с.
Индексъ	0,79 с.
Высота	10,8 с. (высокій).
Наименьшая ширина лба . . .	8,1 с.

Если судить по индексу, то этотъ черепъ нужно отнести къ короткоголовымъ (брахицефалъ), если же мы будемъ разсматривать указанные размѣры отдѣльно, то въ виду большихъ размѣровъ длинника черепъ можно отнести къ мезоцефаламъ или среднеголовымъ. (Брахицефалія въ данномъ случаѣ обусловливается сильнымъ развитіемъ темныхъ бугровъ). Черепъ этотъ женскій, на что указываетъ низкій покатый лобъ, дѣтскій характеръ его, слабое развитіе бугровъ мышечныхъ прикрѣпленій. Нужно думать, что черепъ принадлежитъ старухѣ, такъ какъ на это указываетъ атрофія челюсти, каріозность зубовъ и отлогій подъемъ суставнаго отростка нижней челюсти. Направленія шейки бедра также указываетъ до нѣкоторой степени на женскую натуру скелета. Приведенныя измѣренія не исключаютъ принадлежности его къ славянской національности. Типъ черепа относится къ курганному періоду X вѣка. Вотъ каковы результаты измѣреній перваго черепа и костей, найденныхъ въ сопкѣ. Если къ этому добавить, что при костякѣ найдены, видимо, женскія украшенія (двѣ бусы и металлическая пластинка и горшокъ—эмблема хозяйства), то можно навѣрно сказать, что это скелетъ женскій курганнаго періода.

Черепъ № 2, найденный мною въ сопкѣ уже ранѣе раскопанной кѣмъ то:

Длина черепа	18,6
Поперечникъ	12,4
Индексъ	0,67

По размѣрамъ индекса черепъ надо отнести къ рѣзко длинноголовымъ или долихоцефальнымъ.

Высота . . . . . 11,7 (высокій).

Довольно сравнительно большой діаметръ лобной кости и мощность костей вообще, сильное развитіе бугровъ даютъ возможность сказать, что черепъ принадлежитъ мужчинѣ. Оба черепа, по заключенію изслѣдователя, не исключаютъ славянскаго племени. Результаты раскопки, какъ видно, не особенно богаты находками, но, сопоставляя ихъ съ результатами раскопокъ г.г. Европеуса и Аспелина при погостѣ Бѣжецы, до нѣкоторой степени является возможность разобраться въ очень темномъ вопросѣ, кто были жители курганнаго періода въ Бѣжецкомъ Верхѣ въ X и IX вѣкѣ? Г. Европеусъ, основываясь на названіяхъ мѣстныхъ и на различіи языковъ южной и западной вѣтвей Финновъ, доказываетъ, что западные Финны жили около Балтійскаго моря до Онежскаго и Ладожскаго озеръ и что весь востокъ и сѣверъ населены были Уграми (Югрой). Сдѣлано это имъ для выясненія записки перваго Венгерскаго лѣтописца Анонима Беллы о выходѣ Мадьяръ изъ своей пра-родины. По словамъ Анонима, Угры двинулись изъ за Волги, перешли черезъ нее и завоевали Суздаль, Кіевъ, Владиміръ и затѣмъ перешли въ Венгрію, значитъ, движеніе было съ сѣвера и должно быть отнесено къ концу IX вѣка. Вотъ эти то Угры, по словамъ г. Европеуса, и жили въ курганный періодъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ, хотя насыпку кургановъ при погостѣ Бѣжецы г. Европеусъ относитъ къ срединѣ XI вѣка. Но съ повѣствованіемъ Анонима и выводами г. Европеуса, основанными на этомъ повѣствованіи, согласиться нельзя, такъ какъ, съ одной стороны, городъ Владиміръ основанъ не въ IX вѣкѣ, а позднѣе, а съ другой стороны, извѣстія Константина Багрянороднаго о Мадьярахъ далеко не согласуются съ извѣстіями Анонима. По мнѣнію профессора С. М. Середонина, Анонимъ воспроизвелъ народную легенду объ этомъ событіи и разбавилъ ее такъ, что получилась явная несообразность: въ основѣ лежитъ ни что иное, какъ разсказъ о движеніи Батыя на Русь, съ одной стороны, и съ другой—желаніе доказать право Венгровъ на Галичъ и Волынь. По мнѣнію этого профессора, основанному на историческихъ изслѣдованіяхъ, Бѣлые Угры или Хазары и Черные Угры или Мадьяры вышли изъ южной части теперешней Пермской и Тобольской губерній и кочевали между Дономъ и Днѣпромъ, прошли Бессарабію и проникли въ теперешнюю Венгрію. Итакъ, заключеніе г. Европеуса о томъ, что Угры населяли Бѣжецкій Верхъ, разбивается приведенными историче-

скими изслѣдованіями. Ссылка его на то, что долихоцефальные черепа, найденные при погостѣ Бѣжецы, только и могутъ принадлежать Югрѣ (Уграмъ), почти никакихъ основаній не имѣетъ, такъ какъ размѣры эти не исключаютъ и славянскаго племени, что подтверждается измѣреніемъ череповъ, произведенныхъ докторомъ медицины г. Зубовымъ и приватъ-доцентомъ г. Вейнбергомъ, да строго говоря, ихъ и нельзя вполнѣ назвать долихоцефальными, а скорѣе ихъ можно отнести къ мезоцефальнымъ. Монеты, найденныя г.г. Европеусомъ и Аспелиномъ въ Бѣжецкихъ курганахъ, древнегерманскія времени Генриха III-го (1039—1056), даютъ скорѣе право заключить, что жители курганнаго періода Бѣжецкаго Верха были Новгородскіе славяне, имѣвшіе въ то время оживленное торговое сношеніе съ западомъ, а кочевники Угры тогда кочевали въ восточной и южной Руси и никакого сношенія съ западомъ не имѣли.

Одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ г. Европеуса за югорское происхожденіе Бѣжецкихъ кургановъ основано на изученіи мѣстныхъ названій озеръ, горъ, холмовъ, деревень, ручейковъ, рѣкъ, овраговъ и т. п. Изслѣдователь утверждаетъ, что большинство ихъ югорскаго происхожденія, хотя это предположеніе весьма необосновано и никакихъ прямыхъ доказательствъ не имѣетъ, а скорѣе носитъ характеръ предположенія. Огромное большинство мѣстныхъ названій чисто славянскаго происхожденія и лишь очень немного встрѣчается татарскихъ названій (вѣроятно, вліяніе татарскаго ига) и нѣсколько названій корельскихъ, появившихся въ 17 вѣкѣ. Древнѣйшія названія мѣстныя, сохранившіяся въ памятникахъ письменности и народномъ преданіи, всѣ чисто славянскаго происхожденія. По одному лишь окончанію *ога* нельзя утверждать, что слова «Молога, Устюга»—югорскаго происхожденія. Вотъ напр. мѣстныя названія изъ окрестностей погоста Бѣжецы и села Рыбинскаго, взятыя мною изъ писцовой книги 16 вѣка и изъ мѣстныхъ сохранившихся преданій:

«Бѣжечи или Бѣжецы (очень характерно для новгородскаго говора), Городецъ, Рыбинское, Встрѣчина (р. Астрѣчина), Волчина, Тихвина, Медвѣдица, Заручье, Ломъ, Починокъ, Тетеркина горка, Слѣпниха, Тельцово, Кудрявецъ, Кузнецы, Язки, Княжево, Мертвая заводь, Городище, Засѣка, Стрѣлкова гора, Ораны, Бородино, Дудкино, Передѣли, Курилиха, Столбы, Дубовика, Губы, Боровское, Островъ и др.». Какъ видно, перечисленныя мѣстныя названія всѣ славянскія и, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо ихъ другомъ происхожденіи. Мѣст-

ный народный говоръ очень характеренъ для отнесенія его къ говору новгородскому, такъ какъ очень часто буква ц употребляется вмѣсто ч и наоборотъ и большинство говоритъ на букву о.

Переходя къ разбору типа погребенія, обнаруженнаго въ сопкахъ Бѣжецкаго Верха и села Рыбинскаго, необходимо сказать нѣсколько словъ о погребеніи славяно-русскихъ племенъ XI вѣка по даннымъ археологіи. Древнѣйшій славянскій обрядъ трупосожиганія въ XI вѣкѣ перешелъ въ обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ, отъ котораго въ основаніи кургана остается слой золы и угля. Чѣмъ ближе къ концу XI вѣка, тѣмъ меньше и тоньше слои золы, залегающей въ основаніи кургана, и, наконецъ, эти прослойки переходятъ въ простыя зольныя пятна. Прослойки эти и пятна въ серединѣ и концѣ XI вѣка встрѣчаются не только въ основаніи кургана, но и сверхъ костяковъ въ насыпи. Эти остатки погребальныхъ костровъ очень характерны для періода XI и XII вѣка. Ни въ кострищахъ, ни въ зольныхъ прослойкахъ и пятнахъ костей животныхъ или другихъ предметовъ не встрѣчается. Погребальныя урны, составлявшія необходимую принадлежность при трупосожиганіи въ курганахъ X вѣка, сопровождаютъ погребеніе и въ XI вѣкѣ, но ставятся съ пищею или напитками, а не для собиранія пепла послѣ сожженія. Онѣ помѣщаются чаще въ головахъ костяковъ, но иногда и въ ногахъ.

Въ концѣ XI вѣка распространяется обычай похоронъ въ грунтовыхъ ямахъ, который окончательно и устанавливается въ XII вѣкѣ. Въ концѣ же XI вѣка и даже въ серединѣ его распространяется обычай, особенно на сѣверѣ, окружать основаніе кургана или сопки камнями.

Въ составѣ находокъ, встрѣчаемыхъ при раскопкахъ русскихъ кургановъ XI вѣка, замѣчается цѣлый рядъ предметовъ общихъ для кургановъ этого времени всѣхъ русскихъ областей. Въ этомъ общемъ инвентарѣ общихъ находокъ надо отмѣтить изъ бусъ—гранчатыя сердоликовыя, гранчатыя позолоченныя съ каймами по краю, круглыя хрустальныя, желобчатыя посеребреныя и мелкія разноцвѣтныя. Изъ подвѣсокъ къ ожерелью—лунницы и нѣсколько типовъ византійскихъ крестиковъ, изъ головныхъ украшеній—трехшипныя кіевскія серьги, изъ нагрудныхъ украшеній—пряжки съ спиральными несомкнутыми концами, малые и средней величины бубенчики, подвѣски въ видѣ ложечекъ и собачекъ, изъ поясныхъ украшеній—нѣсколько типовъ пряжекъ и колецъ, изъ браслетъ—витые въ нѣсколько проволокъ съ петлями на концахъ, витые съ завязанными концами, и пластинчатые; изъ

перстней—пластинчатые съ тонкими спиральными или завязанными концами и витые; изъ желѣзныхъ вещей—топоры съ широкимъ лезвіемъ, огнива двухъ типовъ, серпы, ножницы; изъ каменныхъ—шиферныя пряслицы; изъ глиняныхъ—сосуды съ волнистымъ или горизонтальнымъ орнаментомъ.

Всѣ древне-русскія племена XI вѣка по археологическимъ даннымъ въ курганныхъ памятникахъ раздѣляются на три группы: сѣверную, юго-западную и восточную. Въ сѣверную группу древне-русскихъ племенъ входятъ новгородцы и кривичи, псковскіе, полоцкіе и смоленскіе. Курганы смоленскихъ кривичей XI вѣка выдѣляются среди курганныхъ насыпей другихъ мѣстностей значительной высотою и изяществомъ по наружному виду; они хорошо задернованы, рѣдко расплываются въ стороны. Ни рвовъ, ни круговъ изъ камней у основанія ихъ не бываетъ, а если и встрѣчаются случаи, то это исключенія. Характерныя особенности насыпей—зольныя прослойки въ количествѣ двухъ и трехъ и болѣе. Погребеніе совершается почти исключительно на материкѣ, но никогда въ ямахъ. Костяки лежатъ почти всегда головою на западъ и встрѣчается погребеніе въ сидячемъ положеніи, но не часто. Большинство находокъ въ смоленскихъ курганахъ принадлежитъ къ общекурганнымъ предметамъ XI вѣка. Самые характерные предметы—большія височныя кольца въ видѣ тонкаго кольца съ ромбическими щитками и въ видѣ кольца съ завязанными концами. Почти столько же характеренъ выборъ подвѣсокъ къ ожерелью изъ серебристаго сплава въ видѣ ажурныхъ бляшекъ съ изображеніемъ луны, птицъ, звѣря, нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Курганы описаннаго типа встрѣчаются приблизительно въ раіонѣ отъ Смоленска на сѣверъ до верховьевъ Двины, отсюда на Ржевъ и Зубцовъ, на верховье р. Москвы, р. Жиздры, чрезъ Брянскій уѣздъ, между р.р. Двиною и Сожью и снова на Смоленскъ. Обряды погребенія кривичей полоцкихъ и псковскихъ и курганныя находки одинаковы со смоленскими, но они бѣднѣе послѣднихъ предметами и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя вещи сосѣдней латышской культуры, особенно же головные вѣнчики изъ спиралекъ. Височныя кольца тоньше и меньше смоленскихъ. Въ одномъ курганѣ встрѣченъ обрядъ погребенія на кострищѣ. Бѣдныя находки полоцкихъ кургановъ прекрасно пополняются находками отдѣльныхъ вещей и кладовъ. На берегахъ озера Усвятъ и въ извѣстномъ невельскомъ кладѣ (д. Шакелево) найдены височныя кольца съ ромбическими щитками смоленскаго типа, рядъ лунницъ и бляхъ. Псковскія курганныя древности сходны съ по-

лоцкими. О Новгородскихъ курганахъ надо замѣтить слѣдующее. Покойники очень часто помѣщались на остаткахъ кострищъ и иногда въ сидячемъ положеніи. Иногда при костякахъ и выше можно найти кости домашнихъ животныхъ. Височныя кольца одинаковы съ смоленскими, но у проволочныхъ концы не завязаны, а сомкнуты. Малыя головныя кольца встрѣчаются очень рѣдко. Остальныя вещи походятъ на общекурганныя, но между ними есть рядъ подвѣсокъ въ видѣ животныхъ (утки, гуся, собаки), которыя заимствованы отъ какихъ нибудь финскихъ племенъ. Изъ бусъ характерны мѣдныя, подражающія филигранным южнымъ, изъ подвѣсокъ къ ожерелью кружки съ плетеньемъ. Переходя къ оцѣнкѣ результатовъ раскопокъ г.г. Аспелина, Еврепеуса въ погостѣ Бѣжецы и моей въ селѣ Рыбинскомъ, надо отмѣтить, что въ этихъ курганахъ или сопкахъ найдены остатки кострищъ съ костями домашнихъ животныхъ, зольные прослойки и пятна, очень характерныя для смоленскихъ и новгородскихъ кургановъ. Трупы лежатъ головою на западъ, а ногами на востокъ, руки по бокамъ вытянуты. Въ ногахъ, а иногда и въ головахъ костяковъ найдены горшки глиняные съ остатками пищи. Изъ остальныхъ предметовъ височныя кольца, похожія на кольца смоленскихъ и новгородскихъ кургановъ, пластинчатые головные вѣнчики, серьги съ филигранными бусами, сердоликовыя граненыя бусы, мѣдныя лунницы, плетеная гривна съ пластинчатыми концами, подвѣски въ видѣ домашнихъ животныхъ, бубенчики изъ тонкаго металлическаго сплава для украшенія одежды. Но среди этихъ сравнительно богатыхъ находокъ не видно финскихъ бусъ и подвѣсокъ, найдено также нѣсколько древне-германскихъ монетъ XI вѣка. Общій видъ кургановъ или сопокъ бѣжецкихъ очень походитъ на курганы новгородскіе. Всѣ находки, какъ и обрядъ погребенія, прямо говорятъ за славянское происхожденіе ихъ, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ общекурганные предметы славянъ и особенно находки новгородскія и смоленскія съ бѣжецкими. Итакъ надо думать, что не Угры (г. Европеусъ) и не Весь (Аспелинъ и гр. Уваровъ), а славяне новгородскіе были жителями курганнаго періода въ Бѣжецкомъ Верхѣ, за что говоритъ и мѣстный языкъ и названія рѣкъ, озеръ, деревень и т. д. и измѣреніе череповъ, не исключающее ихъ славянское происхожденіе, обрядъ погребенія и курганныя находки. Выводъ этотъ не противорѣчитъ выводу почтеннаго составителя «Историко-Статистическаго описанія Тверской губерніи» В. И. Покровскаго, подтверждающаго, что жителями курганнаго періода въ Тверской губерніи были смоленскіе кривичи и новгородцы, появившіеся

очень рано въ предѣлахъ Тверской губерніи, что видно и изъ лѣтописи Нестора: «Кривичи сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра». И теперь въ Ржевскомъ уѣздѣ крестьяне, именуемые Тудовлянами, отличаются своимъ говоромъ, похожимъ на смолянъ, а въ свадебныхъ пѣсняхъ крестьянъ Бѣжецкаго верха и теперь еще поется: «мы дѣвицы новгородскіе» и т. д.

При семъ прилагается подробное измѣреніе череповъ и костей, найденныхъ въ сопкахъ села Рыбинскаго.

Измѣреніе череповъ и костей, добытыхъ при раскопкѣ сопки въ селѣ Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, 2—5 сентября 1902 года.

Черепъ № 1, найденный при раскопкѣ сопки сохранившейся.

Поперечный размѣръ черепа . . .	13,4 с.
Длина	16,8 с.
Индексъ	0,79
Наименьшая ширина лба . . .	8,1

Замѣтна ассиметрія черепа, происшедшая возможно отъ болѣзненнаго состоянія.

Нижняя челюсть, зубы атрофированы, каріозны и направлены нормально, а не впередъ.

Бедряная кость—женская, слабо развитая. Если судить по индексу, то этотъ черепъ нужно отнести къ короткоголовымъ (брахицефалъ), если же мы будемъ разсматривать указанные размѣры отдѣльно, то въ виду большихъ размѣровъ длинника, черепъ можетъ быть отнесенъ къ мезоцефаламъ (среднеголовымъ). Брахицефалія въ данномъ случаѣ обусловливается сильнымъ развитіемъ темянныхъ бугровъ. Черепъ этотъ женскій, на что указываетъ низкій покатый лобъ, дѣтскій характеръ его, слабое развитіе бугровъ мышечныхъ прикрѣпленій. Черепъ старухи, такъ какъ на это указываетъ атрофія челюсти, каріозность зубовъ и отлогій подъемъ суставного отростка нижней челюсти. Направленіе шейки бедра также указываетъ нѣкоторымъ образомъ на женскую натуру скелета. Приведенныя измѣренія не исключаютъ принадлежности его къ славянской національности. Типъ черепа относится къ курганному періоду X—XI вѣка. Два темныхъ пятна на черепѣ необъяснены.

Черепъ № 2, найденный въ сопкѣ уже ранѣе раскопанной.

Длина черепа	18,6 с.
Поперечникъ	12,4 с.
Индексъ	0,67

По размѣрамъ индекса черепъ надо отнести къ делихоцефальнымъ. Высота 11,7 (высокій). Довольно сравнительно большой діаметръ лобной кости и мощность костей вообще, сильное развитіе бугровъ даютъ возможность сказать, что это мужской черепъ. Размѣры его не исключаютъ славянской національности. На мужское происхожденіе костей указываютъ также и зубы и бедро. Типъ черепа нормальный, зубы нормальны. Въ обоихъ черепахъ развитіе скуловыхъ отростковъ невыдающееся, что не даетъ права отнести ихъ къ кочевымъ племенамъ.

В. Н. Мальковскій.

Кто насыпалъ Ярославскіе курганы.

Кто насыпалъ курганы Ярославской губерніи? Это вопросъ далеко не праздный и вовсе не безразличный. Отъ того или иного рѣшенія его зависитъ многое. Кромѣ того, вопросъ этотъ такой, который разрѣшить положительно если и возможно, то во всякомъ случаѣ не легко, хотя рѣшеніе его упрощается до нѣкоторой степени сравнительной краткостію ярославскаго курганнаго періода. Послѣдній начинается самое большее въ VIII в. по Р. Х., а кончается въ XII в. [1]), занимая такимъ образомъ промежутокъ времени въ 500 лѣтъ. Но такъ какъ со второй половины X в. въ Ростовской области начинаетъ господствовать,—что положительно извѣстно изъ показаній источниковъ,—славянская народность, ея языкъ, нравы и обычаи, то изъ указаннаго промежутка времени слѣдуетъ выкинуть послѣдніе 200—250 лѣтъ, не могущіе возбуждать сомнѣній [2]). Стало быть, темными и потому подлежащими изслѣдованію являются лишь остальные 200—250 лѣтъ отъ начала VIII до половины X в. Промежутокъ небольшой, но за то самый неясный въ мѣстной исторіи [3]).

Поставленный мною вопросъ не новъ, онъ вставалъ почти передъ каждымъ изслѣдователемъ прошлаго ярославской земли и каждый изъ нихъ такъ или иначе отвѣчалъ на него. Не стану упоминать о старыхъ мнѣніяхъ, основанныхъ на догадкахъ,—ихъ неосновательность обнаружилась уже первой научной раскопкой,—отмѣчу лишь позднѣйшія, донынѣ вращающіяся въ наукѣ.

Финны, меря и весь,—увѣряютъ одни, мнѣнія которыхъ раздѣляются нѣкоторыми до сихъ поръ [4]).

---

[1]) Самая ранняя монета, найденная въ Ярославскихъ курганахъ (мною), относится къ 712 году —Васита, самая поздняя Экберта I (1057—1068 г.), вырытая гр. А. С. Уваровымъ при д. Кустерь Ростовскаго уѣзда, и Генриха IV (1084—1106 г.), взятая имъ же изъ кургана пр. с. Осинова Пустынь Владимірской губерніи (Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, гр. А. С. Уваровъ, стр. 122).

[2]) Кромѣ кургановъ, другихъ видовъ могилъ отъ этого времени въ губерніи пока неизвѣстно, слѣдовательно, курганы указанной поры (конца X и XI в.в.) должны принадлежать славянамъ, ибо извѣстно, что они своихъ мертвыхъ хоронили, а не оставляли на произволъ судьбы. Такимъ образомъ, если курганы признать за неславянскія могилы, такъ нужно будетъ указать славянскія, а ихъ нѣтъ.

[3]) Болѣе раннее время почти вовсе не освѣщено наукой и мало затрогивалось вообще.

[4]) Ф. Я. Никольскій, гр. А. С. Уваровъ, Иванновскій, Аспелинъ и слѣдующіе за ними.

Не финны, а угры,—поправляютъ другіе [1]).

Нѣтъ, не финны и не угры, а славяне, горячо возражаютъ третьи, пріобрѣтающіе все бо̀льшее и бо̀льшее число сторонниковъ.

Норманны,—заявляютъ четвертые, уже немногіе, придерживающіеся «устарѣлаго» взгляда.

Гдѣ же истина? Кто ближе подошелъ къ ней? Правы ли одни, или правы всѣ, но отчасти?

Чтобы разобраться и подойти къ возможно правильному рѣшенію вопроса, нужно начать издалека и глянуть пошире. Дѣло въ томъ, что на поставленный вопросъ отвѣтить столь же легко, сколько и трудно. Насыпали ярославскіе курганы, очевидно, люди, жившіе въ губерніи, такъ какъ кургановъ не десятки и не сотни, а тысячи. Они не разбросаны кое-гдѣ и въ небольшомъ количествѣ, а напротивъ, всегда встрѣчаются цѣлыми кладбищами и, притомъ, иногда огромными: въ 1000 и болѣе насыпей, занимающихъ нѣсколько десятинъ земли, какъ напр., Больше-Тимерёвское Ярославскаго уѣзда. Такихъ сооруженій не могли возвести кратковременные, такъ сказать, прохожіе обитатели губерніи, а лишь жившее въ странѣ (близъ кургановъ) долгое время, всего вѣроятнѣе, осѣдлое племя. Но такой самъ по себѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ ничего еще не даетъ и, кромѣ того, возбуждаетъ въ свою очередь другіе вопросы: кто и когда жилъ въ губерніи, жили одинъ или нѣсколько народовъ, кто изъ жившихъ насыпалъ курганы? и т. п.

Отвѣтить на эти вопросы уже гораздо труднѣе и возможно только послѣ различныхъ соображеній и сопоставленій, при чемъ отвѣтъ все-таки не будетъ вполнѣ убѣдителенъ. Причиной то, что нѣтъ никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ или хотя бы только точныхъ и положительныхъ извѣстій изъ временъ до-славянскихъ о томъ клочкѣ земли, который нынѣ занятъ Ярославской губерніей. Здѣсь каждая крупица знанія достается тяжелымъ усидчивымъ трудомъ. Русская лѣтопись сообщаетъ только о томъ, что на разсматриваемомъ клочкѣ жилъ говорившій отличнымъ отъ славянскаго языкомъ какой-то загадочный народъ меря кавказской расы («Афетова колѣна»), куда то безслѣдно исчезнувшій какимъ то непостижимымъ образомъ. Но такъ какъ въ наукѣ о человѣкѣ (этнологіи) нельзя никакъ допустить безслѣднаго исчезновенія цѣлаго народа или племени (кромѣ случая быстраго вымиранія въ замкнутой области), на подобіе того, какъ не допускается

[1]) Д. П. Европеусъ.

(и нѣтъ) подобнаго исчезновенія въ химіи и вообще въ естествознаніи, то и слѣдуетъ поискать таинственную мерю Нестора. Она, какъ невымершая [1]), должна быть непремѣнно или среди насъ, если наши предки поглотили ее, или гдѣ-нибудь внѣ насъ, если она вытѣснена отсюда; пропасть же, расплыться безслѣдно она не могла. Но если меря поглощена, такъ она должна не только отразиться въ поглотителяхъ, въ ихъ духовномъ и особенно физическомъ складѣ (конечно, если меря не близкая къ славянству народность), но должна время отъ времени и возрождаться, возсоздаваться въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ въ силу случайнаго накопленія въ производителяхъ мерянскихъ признаковъ или элементовъ и такого же случайнаго односторонняго подбора самихъ производителей, точно такъже, какъ возсоздаются среди насъ татары и, притомъ, не рѣдко въ поразительно чистомъ видѣ. Высказанное положеніе должно представляться тѣмъ обязательнѣе, что нерѣдки возрожденія даже такихъ ничтожныхъ примѣсей, какъ еврейская, внесенная въ народъ очень недавно,—кантонищиной 50-хъ г.г. XIX ст.

Противъ того, что современное населеніе губерніи, какъ и вообще средней Россіи, является крайне нечистокровнымъ, крайне мѣшанымъ, конечно, никто спорить не будетъ. Всѣ касавшіеся этого предмета согласны, что народность указанной полосы представляетъ такую кашу, въ которой и самъ то славянинъ—поработитель остальныхъ проскакиваетъ въ чистомъ видѣ лишь благодаря тому же возрожденію (атавизму), наблюдаемому къ тому же, нельзя сказать, чтобъ значительно чаще другихъ [2]). Однако, не смотря и на огромную перемѣшанность населенія Россіи и на полное почти отсутствіе чистокровныхъ представителей смѣшавшихся народностей, все-таки изъ общей массы, при нѣкоторомъ навыкѣ и опытности, не особенно трудно выдѣлить особи съ преобладаніемъ признаковъ славянскихъ, татарскихъ и пр., т. е., такъ сказать, славянчанъ, татарчанъ и т. д.; мерянъ же отыскать пока не удается [3]). Положимъ, вопросъ о возстановленіи смѣшавшихся типовъ

---

[1]) Предполагать вымиранье нѣтъ никакихъ поводовъ.

[2]) Даже духовенство, въ общемъ менѣе другихъ разрядовъ общества мѣшавшееся съ неславянами, и то не представляетъ ничего однообразнаго, и въ немъ много различныхъ, исключающихъ другъ друга типовъ.

[3]) Финскій типъ, хотя и очень рѣдко, но попадается и при томъ довольно полно выраженнымъ. Одинъ изъ признаковъ финизма плосковатость, придавленность или короткость лица (на профилѣ—разстояніе отъ переносья—носовой впадины до ушного отверстія) наблюдается иногда и въ типахъ значительно славянскихъ, но дѣло въ томъ, что финизмъ мери еще не установленъ твердо (Д. Европеусъ).

наукой мало затронутъ и даже фотографическихъ снимковъ [1]) и поясняющихъ къ нимъ записей, т. е. перваго и существеннѣйшаго, что необходимо для правильной постановки и подготовки рѣшенія его, почти не дѣлалось [2]) (не публиковалось). Тѣмъ не менѣе по личному опыту могу засвидѣтельствовать сказанное. Мной пересмотрѣно не какъ случайнымъ зрителемъ, а какъ наблюдателемъ, поставившимъ себѣ извѣ-

---

[1]) Однообразныхъ, сдѣланныхъ по извѣстной системѣ (профиль, фасъ, затылокъ), одинаковаго размѣра, съ поворотомъ въ одну сторону при одинаковой или, по крайней мѣрѣ, однообразной по возможности прическѣ безъ головныхъ уборовъ съ лицъ одинаковаго приблизительно возраста при одинаковомъ (не столько по силѣ, сколько по направленію) освѣщеніи и фонѣ (черномъ или совершенно бѣломъ). Поясняющія записи должны быть также однообразны. Замѣчу кстати, что не только фотографіи, но даже простые силуэты («тѣни») могутъ ужъ дать не мало цѣннаго матеріала. При сличеніи профилей силуэты необходимы, какъ дающіе болѣе цѣльное впечатлѣніе.

[2]) Работы и фотографіи проф. Н. Ю. Зографа (Извѣстія Общ. любителей естествозн., антроп. и этнографіи, т. LXXVI) и другихъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ, какъ ведшіяся на другихъ началахъ. Въ основу этихъ работъ положено изученіе возможно большаго числа отдѣльныхъ особей путемъ измѣреній и, затѣмъ, вывода изъ полученныхъ такимъ путемъ цифръ, черезъ группировку ихъ по отдѣламъ и полученіе среднихъ. Недостатокъ такого пріема заключается въ томъ, что въ немъ и исходятъ отъ неизвѣстнаго, и получаютъ неизвѣстное: среднее. Среднее же никогда не даетъ ни одного изъ слагаемыхъ въ чистомъ видѣ и будетъ тѣмъ дальше отъ истины, чѣмъ различнѣе слагаемыя. Оттого то, напримѣръ, Зографъ и пришелъ къ выводу для великороссовъ, главнымъ образомъ, лишь двухъ типовъ, для которыхъ не могъ указать почти ни одного рѣзкаго отличительнаго признака. Большинство приводимыхъ имъ признаковъ общи обоимъ типамъ, но только въ разныхъ величинахъ. Между тѣмъ найдти и указать нѣсколько отличительныхъ признаковъ, сможетъ даже и не спеціалистъ, а лишь внимательный наблюдатель, если только онъ будетъ искать не то, что получится, а вполнѣ опредѣленное, напр. славянскій типъ близкій къ древнегреческому, выраженному въ статуяхъ, или татарскій, на сколько онъ извѣстенъ по сохранившимся татарамъ и т. д. Словомъ, прежде всего нужно поставить нѣсколько, такъ сказать, провѣрочныхъ, хотя бы даже и идеальныхъ типовъ, напр. Аполлона, Венеру, Фавна, Сократа, Платона, Діогена, Геродота, типичнаго остяка, зырянина, вотяка, корелка, финна и т. д., а затѣмъ уже искать къ нимъ приближенія въ массѣ великороссовъ. Короче и обще: нужно къ даннымъ мѣркамъ прикладывать всякое взятое и замѣчать, съ какою изъ этихъ мѣрокъ оно совпадаетъ больше всего, съ какою меньше всего и что замѣчается въ немъ изъ присущаго остальнымъ мѣркамъ. И только послѣ такого внѣшняго поверхностнаго, но тѣмъ не менѣе положительно необходимо—нужнаго изученія, можно приступать къ спеціальному путемъ измѣреній, микроскопическихъ (волосъ, ихъ поперечнаго сѣченія и проч.) и другихъ изслѣдованій. Путемъ приближеній или сличеній мнѣ удалось положительно установить, что среди ярославцевъ встрѣчается одинъ типъ (несомнѣнно, славянскій), поразительно близкій къ классическому греческому типу: (стройный, высокорослый, бѣлокурый или свѣтло-русый, сине или голубоглазый, съ «греческимъ» профилемъ, овальнымъ интеллигентнымъ лицомъ, замѣчательно красивыми руками и гармоніей пропорцій), а другой къ такъ называемому римскому (который лучше назвать Платоновскимъ; онъ встрѣчается и высокорослый, но типичнѣе для него ростъ средній, русые и свѣтлорусые волосы, синіе глаза, овальное лицо, сухой съ горбинкой «римскій», но не еврейскій, носъ, тонкія губы, компактность и стройность сложенія). О чистомъ татарскомъ (вѣрнѣе монгольскомъ—смуглый, черноволосый, косоглазый) я уже упоминалъ. Если не лучшими, то весьма пригодными для наружныхъ наблюденій лицами нужно признать лицъ, знакомыхъ съ живописью, изучавшихъ классическія статуи и вообще человѣческую фигуру, конечно, при соотвѣтствующей антропологической подготовкѣ.

Указываемый мною пріемъ давно употребляется въ животноводствѣ. Англичане, большіе знатоки дѣла, изготовляютъ статуэтку нужнаго типа и затѣмъ начинаютъ подбирать производителей путемъ приближенія, возстановляя или создавая нужный типъ иногда изъ весьма отдаленныхъ отъ него особей путемъ медленнаго накопленія въ производителяхъ требуемыхъ признаковъ.

стную цѣль, тысячи лицъ, причемъ пріобрѣтена привычка разбираться въ нихъ, и все-таки я не могу сказать, чтобы мнѣ удалось напасть на такой типъ, про который я могъ бы подумать: «это, должно быть, мерянскій; онъ отличенъ отъ другихъ, достаточно однообразенъ, устойчивъ и часто повторяемъ», т. е. удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя должны были бы проявиться непремѣнно, разъ дѣйствительно примѣсь мери въ населеніи Ярославской губерніи была бы значительна и замѣтна, и которыя неуклонно проявляются, напр., по отношенію къ татарамъ [1]). Слѣдовательно примѣсь мери была незначительна отчасти потому, можетъ быть, что племя ея было не велико (по численности) и разсѣяно на большомъ пространствѣ, отчасти, и думаю преимущественно, потому, что она не поглощена [2]), а оттѣснена и выселилась.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что рѣшеніе основного, поставленнаго въ заголовкѣ вопроса не такъ просто и что для его выясненія требуется предварительно рѣшить нѣсколько побочныхъ вопросовъ и между ними вопросъ о населеніи губерніи (въ связи съ его культурой) въ разное время, насколько этотъ вопросъ рѣшенъ по настоящее время.

О населеніи Ярославской губерніи *древне-камниковаго вѣка* до сихъ поръ ничего не извѣстно, какъ не извѣстно положительно и того, была ли она населена даже въ ту далекую пору, ибо здѣсь не найдено до сихъ поръ никакихъ слѣдовъ человѣка того времени. Возможно, что такого человѣка, современника европейскому, здѣсь вовсе не было, такъ какъ, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, сѣверная и средняя Европа,—во время господства древне-камники въ южной Европѣ, была покрыта льдами ледниковой поры [3]), наиболѣе замѣчательнаго времени четвертич-

---

[1]) Татарскій типъ, какъ болѣе чѣмъ финскій отличный отъ славянскаго, конечно, легче отличить, но и финчанъ мнѣ удается выдѣлять безъ большого труда. Изъ приводимыхъ Зографомъ фотографій укажу, какъ на финчанъ, на таб. X, рис. 40,—профиль; XIV—53—фасъ; таб. XVI—64,—профиль, но приведенныя особи не типичны. Зографъ видитъ въ населеніи Ярославской губерніи примѣсь восточныхъ темныхъ финновъ (стр. 175). Темная примѣсь есть, несомнѣнно, но не однихъ финновъ. Интересны съ выдающимся «рылоиъ».

[2]) По крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Ярославской губерніи.

[3]) Журн. М. Н. Пр. 1901 г. Августъ, стр. 403—405. Зап. отд. рус. и слав. археологіи Им. Рус. Арх. Общ. т. V, в. 1, ст. 247. Здѣсь (и ст. 242) говорится о камниковой стоянкѣ у Бологовскаго озера, на мысѣ Рожокъ, при чемъ древнѣйшія отложенія стоянки признаются кн. П. А. Путятинымъ, а за нимъ и А. А. Спицинымъ за древне-камниковыя (мустье-шельскаго и магдаленскаго подшибовъ). По способамъ обработки это правильно, но по времени съ сказаннымъ можно согласиться, лишь оговариваясь: *мѣстныя* древне-камниковыя. Дѣло въ томъ, что части Европы, выходившія изъ подъ ледниковъ, заселялись людьми, обитавшими во время ледовища по близости этихъ частей и имѣвшими уже каменную промышленность, которая ко времени указаннаго заселенія хоть сколько нибудь,

ной эпохи, незакончившагося вполнѣ еще до нынѣ. Льды и снѣга, покрывавшіе землю слоемъ мѣстами въ нѣсколько десятковъ саженъ толщиною, уничтожили все живое на занятомъ ими пространствѣ. Растенія всѣ погибли, животныя большей частью погибли тоже (водныя, насѣкомыя, гады и пр.), меньшей частью переселились къ югу. Ледовище заняло не всю Европу: значительнѣйшая часть Франціи, южный берегъ Англіи, югъ Германіи и южная Россія были свободны отъ постояннаго ледянаго и снѣжнаго покрова. Тутъ-то и сгрудились всѣ животныя Европы, пережившія первую пору наступленія ледниковъ, неумершія отъ холода, а еще болѣе отъ голода. Среди ихъ былъ и первобытный человѣкъ, только не задолго передъ тѣмъ появившійся въ мірѣ и многими принимаемый не за человѣка, а лишь за человѣкообразное, названное въ отличіе отъ человѣка примасомъ (первичникомъ) или прародичемъ человѣка. Снѣгъ и ледъ лежали не вездѣ, но холоднѣе и пасмурнѣе сдѣлалось во всей Европѣ и далеко за ея предѣлами [1]). Спасаясь отъ холода,

---

но все же развилась и была уже не первобытной, ибо человѣкъ существовалъ еще до ледовища. Послѣднее оспариваютъ (А. Соколовскій. Человѣковѣдѣніе, стр. 301), но не основательно, какъ показали открытія Хвойка подъ Кіевомъ.

[1]) Собственно для начала образованія ледниковъ не требуется большого холода (онъ даже мѣшаетъ образованію ихъ), достаточно пониженія теплотности на 2—3° и влажность (Н. И. Веселовскій. Первобытный человѣкъ, ст. 5). Но когда ледники уже образовались, тогда они охлаждаютъ окрестности значительно и на большія пространства какъ непосредственно, такъ и черезъ сгущеніе паровъ,—пасмурность, дождливость и вообще влажность. Достовѣрные слѣды человѣка обнаружены уже въ первыя времена ледовища (диливіальн. періодъ), въ продолженіи котораго полярный климатъ достигалъ южной Германіи. Однако есть основанія утверждать существованіе человѣка и въ предшествовавшіе теплые промежутки, т. е. въ третичную (буроугольную) пору. Въ калаверасскомъ золотомъ рудникѣ, въ Калифорніи, въ 1866 г. найденъ человѣческій черепъ въ старыхъ вулканическихъ отложеніяхъ (туфѣ), въ которыхъ найдено сверхъ того и много каменныхъ, частью шлифованныхъ и просверленныхъ орудій. Черепъ этотъ хорошо развитъ и мало отличается отъ череповъ с.-американскихъ индѣйцевъ. Раскопки въ пампасахъ Южной Америки показали, что человѣкъ даже въ третичную, доледниковую пору сражался тамъ вооруженной рукой съ громадными животными того времени и зналъ огонь. Между тѣмъ тогда только еще образовывались высочайшія горы земли: Гималаи, Анды, Альпы и видъ земной поверхности былъ совершенно иной, чѣмъ теперь. Наступившее позже ледовище и другія отчасти еще и нынѣ дѣйствующія причины измѣнили лицо тогдашней земли и сдѣлали его такимъ, каково оно въ настоящее время. Отъ ледовища до нашего времени одни считаютъ 8.000, другіе 100.000 лѣтъ. (Научн. результаты экспедиціи, снаряжен. Имп. Ак. Наукъ для раскопки мамонта... стр. 1. Промышленность и техника, т. I, стр. 5—6). Вѣроятія больше за меньшія числа, такъ какъ о послѣдней порѣ ледовища, видимо, сохранились воспоминанія въ людской памяти. Я разумѣю преданія о потопѣ, широко распространенныя по всей землѣ. По персидскому сказанію, потопъ начался какимъ-то свѣтовымъ (огненнымъ) явленіемъ. Стало темно и тускло, свѣтились лишь солнце да луна; затѣмъ засверкали непрерывныя молніи и пошелъ небывалый по силѣ и по величинѣ капель дождь. Вода покрыла землю выше роста человѣка. Послѣ этого поднялась буря и вода стекла, но вскорѣ наступила зимняя стужа, длившаяся сперва лишь 5 мѣсяцевъ въ году, но постепенно дошедшая до 10 мѣсяцевъ, т. е. какъ нынѣ близъ полюса, жители, не находя пропитанія, выселились на югъ. Подтвержденій сказаній о потопѣ можно найдти очень много; между прочимъ Францъ фонъ-Шварцъ открылъ, что всю среднюю Азію (Джунгарію, Монголію, Гоби и

не только человѣкъ, но и болѣе развитыя животныя отыскивали и пользовались всякимъ убѣжищемъ, хоть сколько-нибудь защищавшимъ отъ него. Всѣ тогдашнія пещеры, доступныя для обитанія, были заселены и запимались съ боя и львомъ, и медвѣдемъ, и гіеной, и человѣкомъ, въ концѣ концовъ отвоевавшимъ ихъ въ свое исключительное пользованіе. Нельзя согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что въ борьбѣ изъ-за пещеръ впервые проснулся разумъ въ человѣкѣ, что на порогѣ ихъ зародилось его развитіе, промышленность и образованіе (культура и цивилизація), такъ какъ жители южной Россіи, современники пещерниковъ Франціи, Англіи и другихъ странъ, совсѣмъ незнавшіе пещеръ по ненахожденію послѣднихъ въ занятой ими землѣ, стояли на одинаковой съ пещерниками ступени развитія [1]). Кромѣ того, сами пещерники, помимо пещеры, знали еще землянку съ кровлей, изображенную однимъ изъ нихъ на стѣнѣ пещеры Ля-Мутъ во Франціи [2]). Слѣдовательно и они не всегда и не всѣ жили лишь въ пещерахъ, а пользовались и ямами природными и искуственными. Н. И. Веселовскій [3]), ссылаясь на гр. А. С. Уварова, допускаетъ, что Россія уже въ раннюю пору древне-камники была обитаема до 55° С. широты, т. е. приблизительно до линіи: южный берегъ Балтики, Ковно, Вильно, Витебскъ, Смоленскъ, сѣвернѣе Калуги, Рязани, Ардатовъ, сѣвернѣе Симбирска, устье Камы, сѣвернѣе Уфы [4]) Съ этимъ положеніемъ безъ

Тарымскій водоемъ) занимало внутреннее море, стекшее чрезъ одно изъ ущелій горъ Алатау. Южнорусскій лесъ также осадокъ ледниковыхъ водъ, рѣчныя долины промыты ими же и т. д. Объясненій потоповъ предложено нѣсколько: землетрясеніе съ подъемомъ морского дна (проф. Суэссъ), измѣненіе положенія земной оси (Р. Фальбъ), ударъ кометы или звѣздный (метеоритовый) дождь, необыкновенно обильный надъ Тихимъ океаномъ, вытѣснившій огромное количество воды (графъ фонъ-Пфейль) и проч. (Нива, 1897 г., стр. 290). Но во всѣхъ этихъ объясненіяхъ невольно чувствуется фальшь и трезвый смыслъ не удовлетворяется ими. Мнѣ кажется, дѣло обстояло гораздо проще, т. е., что потопъ явился прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ ледовища какъ наступавшаго, такъ особенно отступавшаго, таявшаго. Персидское сказаніе о потопѣ живѣе другихъ помнитъ это явленіе и память о немъ не позволяетъ отодвигать его слишкомъ далеко, но до 10.000 лѣтъ возможно. О большихъ холодахъ въ южной Россіи говорятъ многіе писатели древности: въ Скифіи и сосѣднихъ съ нею странахъ отъ холода у людей отваливаются (отмерзаютъ) конечности, глаза слѣпнутъ (лопаются?), мѣдныя статуи трескаются, вино мерзнетъ, огонь не грѣетъ (Діодоръ сицилійскій, Зап. Русск. Арх. Общ., т. XI, в. 3—4, стр. 927). Эти холода, теперь почти не наблюдающіеся, зависѣли, конечно, отъ болѣе близкаго, чѣмъ нынѣ, сосѣдства ледовища къ южной Россіи.

[1]) Труды XI археол. съѣзда, стр. 742, 745, 753 и др.

[2]) Нива. 1902 г. № 31.

[3]) Первобытный человѣкъ, стр. 18.

[4]) С. Никитинъ (Труды геолог. комитета, т. 1, № 2, стр. 100) говоритъ, что В. Россіи, средній и южный Уралъ и приуралье были въ ледовище свободны отъ льда. Съ этимъ согласиться вполнѣ никакъ нельзя: были свободны ото льда скандинавскихъ ледниковъ—да, но не ото льда и снѣга вообще, хотя бы потому, что рядомъ съ ледяными массами въ не одну сажень толщиной не могло не быть льда и снѣга воздушнаго происхожденія.

оговорки согласиться нельзя, такъ какъ въ пору наибольшаго развитія ледовища ледники достигали гораздо болѣе южныхъ широтъ, доходя до Кіева и южнѣе. Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ распространеніе до указанныхъ предѣловъ валуновъ и валунныхъ глинъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ всецѣло ледникамъ. Кромѣ того, само Балтійское море есть слѣдствіе ледовища; его впадина вырыта ледникомъ. Стало быть, по берегамъ его, хотя бы и южнымъ, покрытымъ громадной толщей льда и снѣга, человѣкъ не могъ жить въ пору ранней древней камники, зародившейся еще до ледовища. Онъ жилъ далеко отсюда, не заходя сѣвернѣе окраинъ и южныхъ оконечностей льдовъ подобно тому, какъ не заходитъ дальше этихъ предѣловъ и нынѣ у остатковъ ледовища, все еще нековчившагося и занимающаго всю вершину сѣвернаго (и еще болѣе южнаго) полушарія къ С. отъ полярнаго круга. Здѣсь на границахъ ледовища живутъ лопари, самоѣды, юраки, якуты, юкагиры, чукчи, а на оконечностяхъ ледовища самоѣды и чукчи, заходящіе на острова Сѣвернаго океана. Графъ Уваровъ вѣрно отнесъ карачаровскую находку къ древней камникѣ, но дѣло въ томъ, что таковою она является не безусловно, а лишь по отношенію къ Владимирской губерніи или, другими словами, такова она не по времени (эпохіально), а по развитію (культурно). По мѣрѣ таянія ледниковъ, вызывавшаго перемѣну условій существованія, животныя и люди, приноровившіеся къ созданнымъ ледовищемъ условіямъ существованія, постепенно, безсознательно и совершенно механически отыскивая привычную пищу и обстановку, передвигались къ сѣверу за отступающими ледниками. Травоядныя, какъ сѣверный олень, мамонтъ, мохнатый носорогъ и др., перемѣщались за лишаями, мхами, сѣверными травами, кустами и хвойными. За ними тянулись плотоядныя и человѣкъ, жившіе цѣликомъ на счетъ травоядныхъ. Само собой понятно, что передовымъ или въ первыхъ рядахъ двигался на сѣверъ наиболѣе отсталый, наименѣе развитой человѣкъ, жившій въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ледниками [1]), т. е. въ наименѣе благопріятныхъ для совершенствованія условіяхъ, перенося съ собою и наименѣе развитую, наименѣе отсталую промышленность, являющуюся по отношенію къ цѣлой эпохѣ не пожиткомъ, а пережиткомъ [2]). Однимъ изъ такихъ пережитковъ является и культура карачаровской находки. Вѣрно, что она древне-камниковая, но только не общей поры ранней древне-

[1]) Что имѣетъ мѣсто еще и посейчасъ.

[2]) Этотъ законъ до сихъ поръ дѣйствуетъ, въ примѣненіи.

камники, точно такъ же, какъ вѣрно то, что свѣтцы, служащіе для освѣщенія лучиною пошехонскихъ или олонецкихъ избъ, относятся къ лучинному освѣщенію, но только не къ общей порѣ такого освѣщенія, такъ какъ ярославскія или тверскія избы уже давно освѣщаются керосиновыми лампами. Древне-камника могла пройдти всю Россію отъ Чернаго до Сѣвернаго моря и, можетъ быть, дѣйствительно прошла; но когда она появлялась и начинала господствовать, положимъ, во Владимирской губерніи, тогда на югѣ Россіи, гдѣ появилась впервые, она могла уже кончиться или кончаться. Съ другой стороны, она могла смѣниться ново-камникой на всемъ пространствѣ вплоть до ледниковъ еще въ то время, когда средняя Россія была подо льдомъ. Вслѣдствіе этого получилось бы то, что когда послѣдняя обтаяла бы и населилась, то въ ней водворилась бы прямо уже ново-камника. Другими словами: искать тутъ древне-камники было бы напрасно. Послѣдняго взгляда держится В. И. Модестовъ, говорящій, что древнекамниковой эпохи не было въ большей части Великобританіи и Германіи, въ Скандинавскихъ земляхъ и въ большей части Россіи [1]), что четвертичная эпоха совпадаетъ съ ледянымъ періодомъ Европы и что къ послѣдней фазѣ этого періода относится послѣдняя же фаза древней камники,—мадленская пора [2]).

Имѣя въ виду все сказанное, можно бы думать, что древней камники даже и запоздалой, пережиточной въ Ярославской губерніи не было, т. е., что занятая послѣднею площадь освободилась изъ-подо льда и, что особенно важно, населилась лишь тогда, когда въ мѣстахъ, лежащихъ къ югу отъ нея, водворилась уже новокамника. Это предположеніе, какъ будто-бы подтверждается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ въ Ярославской губерніи, какъ сказано, не найдено еще никакихъ слѣдовъ древнекамники и тѣмъ подмѣченнымъ мною явленіемъ, что могильники и нѣкоторыя стоянки новокамники изъ открытыхъ до нынѣ въ губерніи располагаются на одинаковой для Ярославской губерніи довольно значи-

---

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1903 г., февраль, стр. 412. Привожу его мнѣніе потому, что оно основывается на одной изъ позднѣйшихъ сводокъ свѣдѣній по данному вопросу. См. еще Археологія Россіи, Каменный періодъ, I, стр. 110, гдѣ приводятся мнѣнія Гмелина и др. Гр. А. С. Уваровъ, опираясь на карачаровскую находку, говоритъ, что подобныя находки опровергаютъ ошибочное представленіе о необитаемости Европейской Россіи въ древнекамниковую пору (стр. 119). Но на этотъ разъ едва ли не онъ ошибается: карачаровская находка—отсталость, пережитокъ. Находка же Штукенберга въ Тиманской тундрѣ на р. Индигѣ самимъ нашедшимъ признается за позднѣйшую (стр. 230).

[2]) Тоже, стр. 403, 405.

тельной высотѣ надъ моремъ, а именно отъ 58—60 саж. (123,7—124,3 м.), съ каковой высотой совпадаетъ и высота древнекамниковой находки у села Гонцы, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, опредѣляемая около $63^1/_2$ с. (444,6 фут.) [1]. Можно еще указать на сообщеніе Хвойка (въ упомянутой статьѣ стр. 754) о томъ, что въ Кіевѣ новокамника появляется лишь на поздне-ледниковыхъ отложеніяхъ, на лесѣ, т. е. именно въ ту пору, когда средняя Россія освободилась отъ ледяныхъ оковъ. Новокамниковые обитатели Калужской губ. жили также на возвышенностяхъ [2]. Однако утверждать высказанное никакимъ образомъ нельзя еще пока какъ въ виду доказаннаго существованія древне-камники въ сосѣднихъ Владимирской и Тверской губерніяхъ, такъ и въ виду того, что остатки того времени, особенно болѣе ранняго, относясь къ ледниковой и межледниковой порѣ, залегаютъ въ почвѣ вообще на значительныхъ глубинахъ и потому обнаруживаются обыкновенно лишь благодаря случайнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ [3]. Во всякомъ случаѣ положительное рѣшеніе вопроса принадлежитъ будущему, когда накопится побольше данныхъ и археологическихъ, и геологическихъ, да и всякихъ другихъ. Мы же съ увѣренностью можемъ сказать только одно: слѣдовъ древне-камники пока не найдено въ губерніи. Остальное догадки. Но не смотря на такое положеніе дѣла, можно уже и теперь отмѣтить то вліяніе ледовища, каковое оно проявило на жизнь края вообще и на заселеніе его человѣкомъ въ частности. Ледники въ губернію надвигались съ С.-З., главнымъ образомъ изъ Финляндіи и Олонецкой губерніи [4]; слѣдовательно жизнь изъ губерніи хотя и отступала въ общемъ на Ю., но преимущественно двигалась въ юго-восточномъ направленіи. Въ этомъ же направленіи должны были располагаться и

---

[1]) Гр. Уваровъ, тамъ же, стр. 120.

[2]) Изв. Кал. Арх. Ком. 1902 г., стр. 6.

[3]) Труды XI археол. съѣзда, т. I, стр. 742. Стоянка ранней древнекамники, открытая въ Кіевѣ В. В. Хвойкомъ, находилась на глубинѣ $9^1/_3$ саж. (20 метр.), подъ толщей ледниковыхъ наносовъ, на синей гончарной глинѣ и сѣро-зеленомъ пескѣ. Хвойко указываетъ (стр. 748), что человѣкъ этой стоянки жилъ по берегамъ третичнаго озера, т. е, что стоянка относится къ древнѣйшему времени, конечно, если вѣрно опредѣленіе Хвойка.

[4]) Наши валуны принадлежатъ почти сплошь къ горнымъ породамъ, залегающимъ въ Финляндіи (Труды геологич. Комитета, т. I, № 2, стр. 86, 88 и 89, С. Никитинъ). Однимъ изъ наиболѣе яркихъ слѣдовъ пребыванія ледниковъ въ губерніи является низьменная и ровная долина р.р. Мологи и Шексны. Она до сихъ поръ представляетъ почти сплошное болото, по которому струятся въ низкихъ и пологихъ берегахъ крайне извилистые ручьи и рѣчки. Сами главные стоки этихъ болотъ—Молога и Шексна до сихъ поръ не выработали еще постояннаго русла, ежегодно мѣняя его. Здѣсь множество озеръ, старицъ, глушицъ, трясинъ, а каждое половодье—цѣлое море, точно только вчера ледникъ оставилъ эти мѣста.

наибольшія толщи льда, двигавшіеся ледяные поля и хребты, глубоко бороздившіе третичную почву. Нѣкоторыя изъ такихъ бороздъ были такъ значительны, что ихъ вполнѣ сгладить и выровнять не могли даже осадки ледниковыхъ водъ, отличающіеся вообще весьма значительными толщами. Таковы борозды, превратившіяся нынѣ въ Молого-Шекснинскую и Волжскую долины. Онѣ хотя и выстланы ледниковыми образованіями, но все-таки остались ложбинами и сдѣлались стоками ледниковыхъ водъ. Другія значительныя углубленія и впадины поверхности Ярославской губерніи, представлявшія изъ себя въ концѣ ледовища громадныя озера, безъ сомнѣнія, созданы тѣми же причинами. А древній первобытный человѣкъ, какъ извѣстно, именно около озеръ и проводилъ большую часть своей жизни. Около этихъ водоемовъ находятъ и стоянки древней камники и кухонники или сорники переходной поры, и стоянки новокамники, и свайники бронзики. Даже наша меря и новгородская весь группировались еще около озеръ же, остатковъ ледниковыхъ озеръ. Слѣдовательно для болѣе успѣшныхъ поисковъ памятниковъ древняго человѣка необходимо знакомство, если не съ геологическимъ, то хотя бы съ почвеннымъ (геогностическимъ) строеніемъ страны [1]).

Но не только разселеніе, а и самое первоначальное заселеніе Ярославской губерніи, какъ и вообще средней Россіи, цѣликомъ было обусловлено ледовищемъ. Ледники, когда стало теплѣть, начали таять прежде всего, конечно, своими южными оконечностями. Но таяніе ихъ подвигалось къ сѣверу (по крайней мѣрѣ въ средней Россіи), не параллельно широтникамъ [2]), а вогнутой къ С. линіей, такъ какъ на С.-В. залегали Уральскія горы, а на С.-З. Финляндія и Скандинавія съ ея горами, дѣйствовавшія какъ холодильники [3]). Въ извѣстный моментъ въ вершинѣ вогнутой линіи отступанія ледниковъ очутилась и Ярославская губернія. Обсыханіе совершалось въ общемъ такимъ же порядкомъ. Такимъ образомъ заселяться средняя Россія могла только съ юга.

Подтвержденіе сказанному находится въ двухъ явленіяхъ: въ перелетѣ птицъ и въ громаднѣйшихъ скопленіяхъ костей мамонта и мохнатаго носорога на берегахъ и островахъ Сѣвернаго океана.

---

[1]) Достаточно удовлетворительная почвенная карта Ярославской губерніи приложена къ Матеріаламъ для статистики Россіи. Изд. Мин. Государств. Имущ. 1858 г., вып. I.

[2]) Градусамъ широты.

[3]) Не только на сѣверномъ, но мѣстами и на среднемъ Уралѣ снѣгъ лежитъ и нынѣ не рѣдко все лѣто.

Птицы, какъ созданія несравненно легче подвижныя, чѣмъ животныя, и, кромѣ того, какъ требующія для своего существованія значительно менѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ тѣ, начинали посѣщать обтаявшія страны уже тогда, когда почва ихъ только что начинала выходить изъ-подо льдовъ и снѣговъ и покрываться первой растительностью. Тамъ онѣ жили, пока было можно, т. е. пока былъ кормъ. Но такъ какъ таяло не безпрерывно, а лишь въ пору наивысшаго стоянія солнца на небѣ, т. е. лѣтомъ, болѣе холоднымъ и болѣе короткимъ, чѣмъ теперь, то съ наступленіемъ холодовъ птицы возвращались назадъ въ тѣ страны, откуда прилетали и по тѣмъ дорогамъ, которыхъ онѣ по краткости времени своего пребыванія на новыхъ мѣстахъ забыть не могли. Для послѣдняго требовалось, что бы залетѣвшія особи прожили на новыхъ мѣстахъ, не покидая ихъ, нѣсколько лѣтъ, или, что бы онѣ перемерли и что бы, вслѣдствіе этого не кому было показать дороги молодому поколѣнію. Но такъ какъ залетныя гости жили на обновленной почвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, то они и возвращались домой безъ труда. *Этотъ «домъ» былъ и остается на югѣ;* для нѣкоторыхъ видовъ, какъ напр., утокъ, грачей, жаворонковъ и проч. не дальше южной Россіи, Крыма и Кавказа; для другихъ, какъ напр., ласточекъ, стрижей и пр. очень далеко,—срединная и даже южная Африка и Азія. За птицами двинулись животныя и, прежде всего, конечно, тѣ, которыя, приспособившись къ суровому климату и условіямъ существованія въ немъ, не могли жить въ умѣренномъ не столько въ зависимости отъ тепла, сколько въ зависимости отъ условій обстановки [1]) и пищи. Самыми видными и замѣтными изъ подобныхъ животныхъ были носорогъ и особенно мамонтъ. Передвигаясь за отступавшими льдами на сѣверъ постепенно и вполнѣ безсознательно, т. е. просто въ поискахъ корма и привычной обстановки, эти животныя, всѣ, что ихъ не было, съ теченіемъ вѣковъ добрались до береговъ Сѣвернаго океана и до ближайшихъ къ материку острововъ, сгрудившись на сравнительно неширокой полосѣ земли. Дальше идти было некуда, тамъ было море, а на занятомъ мѣстѣ жить становилось все труднѣе и труднѣе, какъ по причинѣ хотя и не быстраго, но постояннаго измѣненія условій су-

[1]) Но и тепло имѣетъ огромное вліяніе: ни бѣлый медвѣдь и волкъ, ни полярная лисица-песецъ, ни сѣверный олень, ни маленькій грызунъ леммингъ не только не уходятъ изъ негостепріимныхъ широтъ въ болѣе теплыя, но и завезенныя туда противъ воли жестоко страдаютъ и умираютъ. Тоже самое и человѣкъ: самоѣдки, вывезенныя въ Петербургъ Елизаветой, томились и грустили по своей суровой родинѣ и всей душой рвались туда изъ роскоши царскихъ палатъ. Даже русскіе, напримѣръ, Архангельцы, привыкшіе къ трескѣ, очень часто покидаютъ тѣ мѣста, гдѣ не могутъ ее достать.

ществованія, такъ и по причинѣ большой скученности, создававшей все большій и большій недостатокъ пищи [1]). Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось вымираніе (длившееся въ общемъ вѣка), сперва болѣе слабыхъ и менѣе приспособленныхъ особей, а затѣмъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше и, наконецъ, массовое. Дѣйствительно, все сѣверное побережье Европы и Азіи сплошь усѣяно мамонтовыми костями. Нѣкоторые и вовсе не маленькіе остова состоятъ цѣликомъ изъ мамонтовыхъ бивней и костей, пересыпанныхъ пескомъ. Указанная полоса земли въ полномъ смыслѣ мамонтово и, частью, носорожье кладбище огромныхъ размѣровъ. Обслѣдованіе условій залеганія послѣдняго изъ найденныхъ цѣлыми мамонта съ р. Березовки (праваго притока Колымы) ясно показало, что мамонтъ жилъ въ условіяхъ ни сколько не лучшихъ условій, представляемыхъ нынѣшней сѣверной Сибирью, скорѣй наоборотъ, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что сѣверныя побережья Европы и Азіи все больше и больше выходятъ изъ эпохи ледовища [2]). Слѣдовательно вымираніе мамонта на берегахъ Сѣвернаго океана нельзя объяснить тѣмъ, что онъ, зайдя на эти берега въ межледовье, т. е. въ болѣе теплое время, погибъ отъ холода вновь надвинувшихся ледниковъ. Нѣтъ, онъ жилъ въ ледниковое время. Найденный послѣднимъ мамонтъ шелъ по снѣгу только что поѣвши, дожевывая остатки обѣда, и провалился въ трещину почвы, занесенную снѣгомъ, которымъ быстро занесло и замело и его самого [3]).

Исторію и судьбу мамонта воспроизводитъ предъ нашими глазами сѣверный олень, современникъ мамонта, поразительный пережитокъ глубочайшей древности. Было время, когда онъ жилъ далеко на Ю., южнѣе Кіева, гдѣ въ настоящее время попадаются ужъ только его кости, да и то лишь въ ископаемомъ состояніи, какъ и вообще на всемъ пространствѣ отъ южно-русскихъ степей вплоть до широты Ярославской

---

[1]) Для сноснаго существованія коровы даже въ Саратовской губерніи требуется до 3 десятинъ хорошаго пастбища на голову (Вѣстникъ Яр. Земства 1903 г., № 9, отд. IV, стр. 12), при условіи искусственнаго кормленія зимой, т. е. для существованія круглый годъ на пастбище не менѣе 6 десятинъ. Для мамонта же это количество выразится десатинами 35—45, ибо онъ былъ 12 фут. высоты и 15 фут. длины ($1^2/_3$ саж.—$2^1/_7$ саж.).

[2]) Тундра съ поверхности уже оттаяла и даже слила уже избытокъ водъ, но во 1-хъ, она еще не обсохла, представляя почти сплошное болото, а во 2-хъ, она не оттаяла еще въ глубь: не только почва ея промерзлая, но въ ней, кромѣ того, залегаютъ еще цѣлые слои льда. Только тогда, когда растаетъ этотъ ледъ, для тундры кончится пора ледовища.

[3]) Новое Время, 1903 г., № 115, стр. 2. Вымершія чудовища и животныя прошлой геологической эпохи. Гётчинсонъ, стр. 331 и далѣе. Научные результаты экспедиціи, снаряженной Имп. Акад. Наукъ для раскопки мамонта, найденнаго на р. Березовкѣ... стр. 131.

губерніи. Въ послѣдней онъ жилъ не только на памяти исторіи, но и на памяти еще живущаго поколѣнія, встрѣчаясь въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи не особенно въ маломъ количествѣ еще въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія. Теперь въ губерніи его больше нѣтъ.

Что же вытѣснило оленя отсюда? Человѣкъ съ его приспособленіемъ и обработкой природы и съ его преслѣдованіемъ всего, что не отдалось ему въ рабство? Нѣтъ, едва ли, или по крайней мѣрѣ не больше другихъ воздѣйствователей. Дѣло въ томъ, что исчезновеніе сѣвернаго оленя изъ Ярославской губерніи совершилось въ 80—90 г.г. XIX ст. т. е. много спустя послѣ освобожденія крестьянъ, съ которымъ пали помѣщичьи хозяйства и охоты и быстро сократилось число самихъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ уѣздахъ. Еще меньше осталось тамъ послѣ того помѣщиковъ-охотниковъ, особенно, по звѣрю; такіе были рѣдкимъ явленіемъ. Крестьяне Ярославской губерніи, за единичными исключеніями, охотой не занимаются, считая ее пустымъ и убыточнымъ время-провожденіемъ, а охотниковъ—за безполезныхъ, ненужныхъ людей. Да заниматься охотой крестьянамъ и некогда. Наконецъ, было время, когда охота на сѣвернаго оленя составляла главное занятіе человѣка, и есть страны, какъ напр. С.-В. Сибири, гдѣ такая охота до сихъ поръ является одной изъ основъ существованія [1]). Однако ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ названное животное не только не исчезало, но явно и безспорно и не уменьшалось численно. Стало быть, не человѣкъ съ его дѣятельностью былъ главною причиной исчезновенія сѣвернаго оленя въ средней Россіи, а въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи, гдѣ объ охотѣ на него никогда ни читать, ни слышать не приходилось. Внѣшнія природныя условія тоже, казалось бы, нельзя признать за причину исчезновенія здѣсь оленя. За послѣднія 50—60 лѣтъ замѣтныхъ перемѣнъ этихъ условій, видимо, не произошло. Сверхъ того, въ сѣверныхъ частяхъ губерніи, какъ напримѣръ во всей сѣверной половинѣ Мологскаго уѣзда и не малой части Пошехонскаго, эти условія довольно близки къ тундровымъ, наиболѣе роднымъ для сѣвернаго оленя. Здѣсь встрѣчаются еще нетронутыя земли, множество болотъ, достаточно лѣса, не мало тихихъ глухихъ мѣстъ, ягеля или исландскаго мха—обиліе. А между тѣмъ олень все-таки покинулъ предѣлы губерніи, въ которой его близкій родичъ—лось, не смотря на преслѣдованіе человѣкомъ, продолжаетъ водиться всюду, а съ появле-

[1]) У чукчей, юкагировъ и др.

ніемъ охраннаго закона и замѣтно размножаться, показываясь даже въ большихъ городахъ [1]).

Приведенныя указанія и соображенія заставляютъ искать причину выселенія оленя изъ губерніи въ явленіяхъ болѣе глубокихъ и общихъ, поддающихся наблюденію лишь при широкомъ и всестороннемъ изученіи окружающей природы. Въ общемъ ее можно охарактеризовать, какъ измѣненіе климата и какъ тѣ, нерѣдко неуловимыя въ началѣ измѣненія окружающаго, которыя вызываются измѣненіемъ только-что упомянутымъ и которыя становятся замѣтными лишь спустя много послѣ своего появленія, при значительномъ накопленіи. Та же самая причина, которая сѣвернаго оленя вытѣснила къ С., переводитъ въ губернію многія растенія съ юга [2]). И жмется сѣверный олень, обреченный на вѣрную неотвратимую гибель, все больше и больше къ тому-же студеному морю, на берегахъ котораго сложилъ уже свои кости мамонтъ, когда-то пасшійся вмѣстѣ съ первымъ на одной и той-же тундрѣ, и гдѣ ляжетъ и послѣдній дикій сѣверный олень материка. То, что по отношенію оленя совершается на нашихъ глазахъ, съ мамонтомъ произошло въ отдаленныя времена; олень [3]) идетъ по пути, пройденному мамонтомъ, носорогомъ и другими животными ледниковой поры.

Мамонтъ шелъ съ юга [4]). Вмѣстѣ съ нимъ шелъ человѣкъ, питавшійся его мясомъ [5]) и прошедшій за нимъ всю Россію до сѣверныхъ морей, т. е. всего вѣроятнѣе и Ярославскую губернію. Слѣдовательно, если въ послѣдней жилъ древне-камниковый человѣкъ, *то пришелъ*

---

[1]) Въ Ярославлѣ; въ лагеряхъ подъ Ярославлемъ; въ Рыбинскѣ; въ Костромѣ. Всѣ эти случаи, попавшіе и непопавшіе въ печать, отмѣчены въ продолженіи послѣднихъ 10 лѣтъ.

[2]) Въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій (1903 г.) Ярославскаго Естественно-историческаго Общества г. Димитріевъ сообщилъ о довольно упорномъ проникновеніи въ губернію болѣе южныхъ видовъ растеній, захватывающихъ здѣсь все большее и большее поле распространенія. Нѣкоторыя растенія всего 30—40 лѣтъ назадъ попадавшіяся здѣсь рѣдко, въ послѣднее время становятся довольно обыкновенными. (Сѣверн. Край 1903 года № 108, стр. 3). На смѣну растеній по заявленію Димитріева больше всего вліяетъ климатъ.

[3]) Да и не одинъ олень,—бѣлый медвѣдь, песецъ и др. животныя полюса раздѣляютъ ту же участь.

[4]) Гр. Уваровъ говоритъ, что онъ явился на материкѣ Европейской Россіи изъ Азіи (то же, стр. 119), вѣроятно, основываясь на близости мамонта къ индійскому слону. Но такъ какъ слонъ есть и въ Африкѣ, т. е. др. словами распространенъ по всей жаркой полосѣ восточнаго полушарія и такъ какъ остатки его находятся во всей южной Европѣ и средней Азіи (см. Гетчинсонъ, стр. 335), то вѣрнѣе думать, что мамонтъ представлялъ особый видъ полярнаго слона, сложившійся вполнѣ въ пору ледовища и жившій по всему материку Европо-Азіи.

[5]) На обслѣдованной Хвойкомъ стоянкѣ найдено однѣхъ нижнихъ челюстей 53 и множество обгорѣлыхъ и разбитыхъ костей (Труды XI Арх. Съѣзда т. 1, стр. 745); на стоянкѣ близъ с. Гонцы гр. Уваровъ нашелъ также обожженныя кости мамонта (Археол. Рос., Камен. пер., I, стр. 119).

онъ въ нее съ юга. За то-же что человѣкъ этотъ могъ жить здѣсь, говоритъ обиліе находокъ [1]) въ губерніи костей и даже цѣлыхъ костяковъ мамонта, притомъ-же, на мѣстахъ первоначальныхъ лежекъ, а также то соображеніе, что если человѣкъ прошелъ за мамонтомъ всю Россію, то не видится причинъ, по которымъ онъ не могъ-бы жить въ Ярославской губерніи или ради которыхъ долженъ былъ-бы обойдти ее.

Что-же сталось съ этимъ древнекамниковымъ человѣкомъ? Вымеръ-ли и онъ какъ мамонтъ, достигнувъ полярныхъ береговъ, или продолжаетъ еще существовать, какъ существуетъ современникъ и почти спутникъ мамонта, сѣверный олень? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь съ нѣкоторой долей вѣроятности, такъ какъ тундра мало изслѣдована и относительно строенія земли, и относительно древностей. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что костей вымершаго человѣка [2]) ни среди обилія ископаемыхъ костей животныхъ, ни въ могилахъ не попадается, и что находимыя кости, судя по черепамъ и другимъ признакамъ, принадлежатъ представителямъ еще существующихъ племенъ, можно думать, что человѣкъ—современникъ мамонта не сгинулъ съ лица земли и продолжаетъ жить, какъ и сѣверный олень. Это предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что приспособительная способность у самаго дикаго человѣка несравненно больше, чѣмъ у самаго развитого животнаго, такъ какъ человѣкъ не только самъ приспособляется къ природѣ, но и природу приспособляетъ къ себѣ.

Какое-же изъ живущихъ нынѣ племенъ можно было-бы признать за потомковъ современниковъ мамонта?

Взглянувъ на этнографическую карту Россіи, видишь, что большинство племенъ, достигшихъ полярныхъ прибрежій, или тянутся къ нимъ длинными полосами изъ болѣе южныхъ широтъ, какъ напримѣръ якуты, или, если и не представляютъ непрерывныхъ такихъ полосъ, то располагаютъ прерывными, разорванными на отдѣльныя части, очевидно, позже,—сосѣдними съ ними народностями, какова, напримѣръ, финская или тунгузская полоса. Изъ народностей-же, представляющихся обособленными и прижатыми къ Сѣверному океану, являются лишь самоѣды, юкагиры и чукчи. Послѣднія двѣ для Европейской Россіи

---

[1]) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены въ статьѣ Бр. Досса въ Zeitschr. d. Deutsch geolog. Gesellschaft 1896 г. и пополненныя мною въ переводѣ этой статьи Э. Берендтсомъ въ Яр. губ. Вѣд. за 1897 г., №№ 231 и 232 и отдѣльныхъ оттискахъ.

[2]) Древней памники.

значенія имѣть не могутъ, какъ слишкомъ удаленныя отъ нея; стало быть остаются одни самоѣды:—племя дѣйствительно очень первобытное, называемое даже остяками, которые и сами полудикари, дикарями, грубыми, варварскими людьми—егра—(jögras), югра [1]). Представляя изъ себя широкоголовое (показатель около 82) низкорослое,—отъ $2^1/_8 - 2^1/_4$ арш.,—племя, самоѣды еще очень недавно были исключительно оленеводы—охотники на звѣря и только отчасти рыбари, до 50 г.г. XIX ст. сохранявшіе слѣды людоѣдства [2]). До сихъ поръ они питаются сырымъ, главнымъ образомъ, оленьимъ мясомъ, куски котораго мочатъ въ крови и отрѣзываютъ (снизу вверхъ, къ носу) у самаго рта и пьютъ теплую кровь только-что убитаго животнаго, считаемую за особое лакомство. Одѣваются въ шкуры того-же оленя, сшиваемыя его-же жилами, на шкурахъ спятъ, ими-же покрываютъ конической остовъ своего шалаша—чума; изъ костей и роговъ дѣлаютъ разныя орудія домашняго труда и обихода; жиръ жгутъ для освѣщенія; на оленѣ ѣздятъ, [3]) его-же приносятъ и въ жертву богамъ. Словомъ, это по преимуществу оленный народъ, народъ, все благосостояніе котораго основано почти исключительно на сѣверномъ оленѣ и которому безъ оленя грозитъ гибель.

Всѣхъ самоѣдовъ нынѣ считается всего около 2000, занимающихъ обширное пространство отъ восточной части Архангельской губерніи и далѣе на В. по низовьямъ Оби и Енисея,—до Хатанской губы (залива). Первоначальной родиной ихъ Кастренъ считаетъ земли болѣе южныя—Саянское нагорье [4]), гдѣ, по его словамъ, живутъ отатарившіеся и омонголившіеся родичи самоѣдовъ: койбалы, карагассы, сагайцы, моторы и сойоты (соиты) или урянханцы. Къ такому заключенію Кастренъ

---

[1]) Д. Н. Анучинъ. Древности (Труды Моск. Арх. Общ.), т. XIV, стр. 248. Вогулы и остяки зовутъ самоѣдовъ еще: іорынъ, яранъ, ярганъ, т. е., какъ думаетъ Европеусъ, тундровый, или вѣрнѣе, *чужой*: остякское яра—чужой (Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона: «Остяки», гдѣ указано, что словомъ яранъ самоѣды обозначаютъ остяковъ, а не наоборотъ).

[2]) То же, стр. 265—266. Кушелевскій собралъ много данныхъ о людоѣдствѣ самоѣдовъ (стариковъ, враговъ и пр.), допускаемомъ и Анучинымъ. О малорослыхъ людяхъ и людоѣдахъ, жившихъ гдѣ-то на С., за предѣлами извѣстнаго міра, слухи ходили уже въ глубокой древности (гипербореи, антропофаги),—за 2300 лѣтъ до насъ (Геродотъ) и, разумѣется, не безъ основанія. Они сообщали истину, но только мало постигнутую, не вполнѣ познанную. Это понятно. Если русскіе еще XV в. плохо знали и рѣдко посѣщали сѣверныхъ инородцевъ, а хорошо и мы ихъ не знаемъ, то не удивительно, что за 400 лѣтъ до Р. Х. о нихъ только слышали. Понятно и то, что слухи были не точны: пробраться далеко на С. удавалось единичнымъ личностямъ, слова которыхъ пересказывались десятками тысячъ, искажаясь безъ малѣйшаго намѣренія, совершенно невольно.

[3]) Ѣздятъ теперь и на собакахъ, но обычай этотъ переняли, видимо, отъ сосѣдей остяковъ (то же, стр. 268).

[4]) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона т. XXVIII, статья Д. Н. Анучина.

пришелъ на основаніи языка, который въ 50 г.г. XIX ст. еще помнили старики и который похожъ былъ, по словамъ Кастрена, на самоѣдскій. Насколько можно довѣрять Кастрену въ данномъ случаѣ, трудно сказать, но не лишнимъ будетъ замѣтить, что авторитетъ его по отношенію финскаго языка, несравненно болѣе изученнаго и доступнаго изученію, поколебленъ Д. П. Европеусомъ [1]), признавшимъ за угорское (венгерское) то, что Кастренъ признавалъ финскимъ. Оставляя выясненіе вопроса людямъ болѣе освѣдомленнымъ, я со своей стороны замѣчу лишь слѣдующее. Разселеніе прасамоѣдовъ къ С. объясняютъ напоромъ тюрко-монголовъ съ Ю., а разъединеніе—наступленіемъ югры—угры (остяковъ) съ З., врѣзавшейся въ массу прасамоѣдовъ и отдѣлившей самоѣдовъ отъ болѣе южныхъ родичей [2]).

Что югра—остяки нѣкогда жили въ Европейской Россіи и лишь позже передвинулись за Уралъ, это теперь установлено довольно прочно [3]). Наличность преданій у самоѣдовъ и остяковъ о взаимной борьбѣ ихъ также засвидѣтельствована, но ни то, ни другое не говоритъ еще прямо о томъ, что дѣло было именно такъ, какъ предполагаютъ. Регули, на основаніи такъ называемой лѣтописи земли, т. е. названій живыхъ урочищъ, пришелъ къ выводу, что долина рѣки Усы (прав. притокъ Печеры) и страна къ С отъ нея населена была самоѣдами съ *давнихъ поръ*, тогда какъ на югъ отъ Усы лежитъ исконная область зырянъ. Угры тронулись—«изъ-за Суздаля» къ югу въ 884 г. [4]), каковое время Европеусъ и принимаетъ за начало дѣйствительнаго разъединенія финно-угорской народности. Слѣдовательно, если послѣднее вѣрно, угры—остяки могли двинуться къ Уралу не раньше этого времени, а дѣйствительно двинулись, вѣроятно, гораздо позже подъ давленіемъ (хотя-бы и не непосредственнымъ) напиравшаго съ З. славянства, такъ какъ съ убылью части угровъ къ Ю. на ихъ родинѣ стало свободнѣе. По крайней мѣрѣ западные путешественники: монахъ Іуліанъ, Плано Карпини и Рубруквисъ еще въ XIII ст. встрѣтили на З. отъ Урала близъ Камы народъ, говорившій по угорски [5]). Между тѣмъ

---

[1]) Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Труды второго археолог. съѣзда въ С.-Петербургѣ, вып. 1. отд. IV Г, стр. 81.

[2]) Древности, т. XIV, стр. 249.

[3]) Энциклоп. словарь. Слово «остякъ». Древности, т. XIV, стр. 248.

[4]) Древности, т. XIV, стр. 265 и др.

[5]) То же стр. 247, гдѣ Анучинъ высказываетъ мнѣніе, что извѣстія о сношеніяхъ древнихъ новгородцевъ съ югрой объяснимо только при допущеніи, что угра жила не очень далеко отъ Новгорода

новгородецъ Гюрята Роговичъ встрѣтилъ самоѣдовъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи уже въ XI в. (1096 г.) [1]), а поселились они тамъ, разумѣется, еще раньше и притомъ значительно раньше, такъ какъ успѣли сдѣлаться [2]) оленнымъ народомъ, каковымъ въ Саянахъ быть не могли. Слѣдовательно, не остяки—угры загнали самоѣдовъ къ полярному морю, а тѣмъ болѣе не на ближайшей памяти людей. Конечно, сказанное не исключаетъ возможности боевыхъ столкновеній названныхъ народовъ, воспоминанія о которыхъ сохранились въ ихъ преданіяхъ. Только столкновенія эти не имѣли такихъ рѣшающихъ и крупныхъ послѣдствій, какъ вытѣсненіе цѣлаго народа съ родины, ибо ни о чемъ такомъ преданія не говорятъ, повѣствуя главнымъ образомъ лишь о богатырскихъ подвигахъ отдѣльныхъ лицъ [3]). Наконецъ, что касается родственности самоѣдовъ съ западными монголами [4]), то родственность эта должна быть установлена на основаніи чего либо болѣе прочнаго, чѣмъ одно сходство языковъ (если вѣрить ему), такъ какъ языкъ можетъ быть и заимствованъ [5]) и сильно объиноязыченъ. Гораздо надежнѣе въ данномъ случаѣ физическій типъ. Но типъ самоѣдовъ едва-ли поддержитъ выводъ, основанный на данныхъ языка, такъ какъ довольно отличенъ отъ чистаго монгольскаго типа. Самоѣдовъ относятъ къ урало-алтайскому племени и считаютъ близкими къ финнамъ [6]), но отличающимися отъ послѣднихъ, какъ и отъ остяковъ, и внѣшностью, и языкомъ. Самоѣдъ коренастъ и хотя низокъ ростомъ, но выше, крѣпче и упитаннѣе остяка; прямые жестковатые волосы и глаза черные, темно-каштановые, или каріе; кожа смуглая; борода ростетъ плохо; кисти и ступни

и не за Ураломъ. См. еще «Объ Угорскомъ народѣ» Европеуса и у А. А. Куника (Изв. Ал. Бекри и др. авторовъ о Руси и славянахъ, стр. 63, 157) приводящаго свѣдѣнія о венграхъ—уграхъ X в., жившихъ на тѣхъ-же мѣстахъ въ шатрахъ и бывшихъ скотоводами-кочевниками.

[1]) Древности, стр. 249; Плано Карпини также знаетъ самоѣдовъ—samogeti (стр. 263).

[2]) Если не допускать, что были всегда. По словамъ Флетчера, лично видѣвшаго самоѣдовъ, послѣдніе считали себя коренными жителями своей страны, никогда не мѣнявшими своей родины. (Древности, стр. 264).

[3]) См. статью И. П. Смирнова въ Вѣстникѣ библіот. Самообразованія за 1903 г. № 14, ст. 1390—1392.

[4]) Изъ которыхъ урянхайцы—уранга, объединяемые Анучинымъ съ сайотами, являются однимъ изъ 4 племенъ, на которыя распадаются западные монголы. (Древности, т. XIV, 285).

[5]) Движенія монголовъ, напр. къ устьямъ Иртыша, извѣстны въ исторіи. Бо́льшая часть самоѣдовъ говоритъ на юракскомъ языкѣ, юраки же, хотя и считаются за самоѣдовъ, но и сами себя отличаютъ отъ нихъ и другими отличаются и по типу, и по языку, и по характеру. (Древности, стр. 285, 261, 267).

[6]) Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. т. XXVIII, «Самоѣды».

небольшія, голова широкая, лицо плоское, но менѣе, чѣмъ у остяковъ [1]), носъ хотя не приплюснутъ и часто правильной формы. но малъ и съ очень пологимъ переносьемъ, скулы большія и выдающіяся, глаза узкіе—монгольскіе, косопоставленные со вздутыми вѣками, по языку дѣлятся на 4 нарѣчія.

Въ заключеніе приведу мнѣніе И. С. Полякова, посѣтившаго Обь и изучившаго тамъ остяковъ [2]), о томъ, что вѣкъ сѣвернаго оленя еще не закончился, такъ какъ нѣкоторыя начала его переживаютъ на Оби, гдѣ даже у остяковъ, смотрящихъ на самоѣдовъ съ высока и считающихъ ихъ варварами [3]), донынѣ существуютъ предметы обихода, дѣлаемые изъ камня по образцу древнѣйшихъ, а кости и рога сѣвернаго оленя занимаютъ первенствующее положеніе при выработкѣ различныхъ издѣлій, между прочимъ и наконечниковъ стрѣлъ.

Точно также и А. А. Штукенбергъ, нашедшій каменныя орудія въ Тиманской тундрѣ у рѣки Индиги на поверхности почвы, замѣчаетъ, что они сравнительно недавняго происхожденія и моложе находимыхъ въ средней Россіи [4]). Недостатокъ нужныхъ данныхъ не позволяетъ обосновать болѣе прочно и вполнѣ развить высказанную догадку, явившуюся въ наукѣ не сегодня. Ее высказывали многіе и притомъ авторитетные ученые съ тою только разницей, что за потомковъ древнѣйшаго человѣка принимали обыкновенно лопарей—финновъ.

Какъ-бы то ни было, но для сѣверной половины Россіи, а въ частности для Ярославской губерніи *кургановъ древняго каменнаго вѣка не извѣстно,* въ параллель чему есть извѣстія о томъ, что самоѣды въ старину мертвыхъ не хоронили, а съѣдали:... «а который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ; а своихъ тако-жъ» [5]). Это свидѣтельство древней письменности можетъ служить заключеніемъ обзора вопроса о ярославскихъ курганахъ по отношенію къ древней камникѣ. Помимо его изъ говореннаго можно сдѣлать еще

---

[1]) Носъ и губы выступаютъ значительнѣе, а подбородокъ и лобъ болѣе покаты назадъ. Нужно замѣтить, что чистый типъ самоѣда встрѣчается не часто и, собственно говоря, долженъ быть еще установленъ, ибо большинство самоѣдовъ или финнизованы, или монголизованы. (Сличи портреты ихъ наприм. у А. А. Борисова,—Нива 1902 г. стр. 416, Вылка и Сила).

[2]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 112, 109.

[3]) Называютъ—«орхо̀й»—дикій чѣловѣкъ (Древности, стр. 265).

[4]) Каменный періодъ, I, стр. 230. Приводящій это извѣстіе гр. А. С. Уваровъ не соглашается съ Штукенбергомъ и, основываясь на качествѣ работы, считаетъ орудія за древнекамниковыя. По своему правы оба: орудія изготовлялъ древнекамниковый человѣкъ, но въ недавнее время. Тиманская тундра лежитъ на лѣвомъ берегѣ нижней Печоры, къ Ю.-В. отъ остр. Калгуева.

[5]) Древности, стр. 263, тутъ-же и показанія иностранцевъ.

другое заключеніе: о заселеніи губерніи. Оно, являющееся по времени первымъ, по всей видимости, совершилось съ Ю. и при томъ далекаго юга первобытнымъ народомъ, прошедшимъ постепенно въ теченіи вѣковъ всю Россію за животными, передвигавшимися къ С. за отступавшими ледниками, и остановившимся на берегахъ полярнаго моря, гдѣ остатки его, быть можетъ, живутъ еще и нынѣ, извѣстные подъ именемъ самоѣдовъ [1]). Это древнее населеніе обитало въ Ярославской губерніи хотя и долго, но все-таки проходомъ и покинуло губернію, всего вѣроятнѣе, добровольно,—въ томъ смыслѣ, что не было вытѣснено другимъ населеніемъ, а передвинулось дальше къ С. (безсознательно, не давая себѣ въ томъ яснаго отчета и даже не имѣя представленія о совершаемомъ) въ поискахъ привычныхъ обстановки и условій существованія.

II.

Переходя къ обзору *новокамники*, нужно замѣтить прежде всего, что въ мѣстахъ перваго появленія ея въ Россіи, т. е. на югѣ послѣдней пору новокамники отъ древнекамники отдѣлятъ огромный промежутокъ времени, въ который измѣнилась почти вся поверхность Европейской Россіи, успѣли отложиться значительныя толщи лесса и чернозема, т. е. однихъ изъ наиболѣе медленно-складывающихся образованій, совершилась смѣна растеній и животныхъ, и въ большую часть котораго указанная полоса оставалась необитаемой.

Высказанное положеніе является пока господствующимъ. Можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія и открытія ослабятъ его, но едва-ли когда-нибудь уничтожатъ совсѣмъ. По крайней мѣрѣ къ нему приходятъ всѣ изслѣдователи, которымъ посчастливилось изучать памятники того и другого времени въ одномъ мѣстѣ [2]). При этомъ условіи встрѣчаются иногда поразительные случаи. Такъ В. В. Хвойко, открывшій въ Кіевѣ обширную стоянку очень ранняго времени древнекамники, залегавшей на третичныхъ слояхъ [3]), тамъ-же нашелъ и стоянку

---

[1]) См. объ этомъ предметѣ ниже, въ обзорѣ лопарей.

[2]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію. Ив. Сем. Поляковъ, стр. 36. Труды XI Арх. Съѣзда, статья В. В. Хвойка, т. I, стр. 742,—перечень напластованій; стр. 754... Геологовъ не привожу, какъ разсматривающихъ предметъ съ иной точки зрѣнія. Геологическихъ данныхъ много въ трудахъ Геологическаго комитета, гдѣ и указанія литературы.

[3]) Труды XI Съѣзда, т. I, стр. 742, 753.

новокамники. Но кострища той и другой раздѣляла толща земли въ 10 саж., состоящая (съ верха въ низъ) изъ:

1) чернозема до	1	метр. толщ. (около 45 вер.).
2) лесса »	10	» »
3) суглини »	$1^1/_2$	» »
4) слоистыхъ песковъ . . .	6	» »
5) желѣзистаго песчаника, слоя валуновъ и желѣзистыхъ сростковъ	$1^1/_2$	» »
6) сѣро-зеленыхъ песковъ . .	1	» »
	22	метр.=31,9 ар. (31 ар. $14^1/_2$ в.).

и лежащая на синей глинѣ. Во всей этой толщѣ не было признаковъ человѣка и вообще обитанія, а появившійся на лессѣ или, вѣрнѣе, черноземѣ человѣкъ уже во всемъ отличался отъ своего предшественника. Жилъ онъ на новой дѣвственной почвѣ, жизнь его имѣла совсѣмъ иной, чѣмъ у того складъ и обстановку, окружала его также иная природа, другой климатъ, другія растенія и животныя,—въ общемъ, почти тѣ же, что и нынѣ: небольшіе хищники, лошадь, жвачныя [1]). И самъ онъ былъ не похожъ на предшественника, да и не имѣлъ съ нимъ никакой прямой и непосредственной, родственной связи. Между ними, хотя не было бездны, но за то была огромная толща земли. Преемникъ сѣлъ не на пепелище предшественника, а на совершенно новое, дѣвственное мѣсто, не подозрѣвая даже, что раньше его въ тѣхъ-же мѣстахъ, но на другой почвѣ, лежащей значительно ниже, жили другіе люди.

Южныя оконечности ледниковъ какъ при самомъ началѣ появленія послѣднихъ, такъ и въ пору наибольшаго развитія ихъ почти постоянно таяли, какъ выходящія изъ предѣловъ льдовъ. Поэтому южныя границы ледовища постоянно измѣнялись, въ теплое время отступая къ С., а въ холодное надвигаясь къ югу. Лѣтомъ изъ-подъ ледниковъ вытекало множество потоковъ мутной воды, разливавшихся по третичной поверхности и стекавшихъ въ третичныя рѣки. Уже эти ледниковыя воды значительно мѣняли поверхность, усиливая дѣятельность текучихъ и стоячихъ материковыхъ водъ чрезъ переполненіе ручьевъ, рѣкъ, болотъ и озеръ и зарождая новыя текучіе и стоячіе водоемы. Первыя ровняли (нивеллировали) поверхность, разрушая ее въ однихъ мѣстахъ

[1]) Поляковъ, стр. 37.

и перемѣщая, сортируя и отлагая огромныя количества образовательнаго матеріала въ другихъ мѣстахъ; вторыя созидали, наращивали, выполняя или выравнивая своими осадками занятыя ими неровности. Такимъ образомъ оледенѣніе сѣверной Россіи [1]) отзывалось на южной Россіи уже съ самаго своего возникновенія какъ непосредственно, такъ и посредственно, увеличивая влажность воздуха послѣдней и вмѣстѣ съ этимъ количество выпадавшихъ въ ней осадковъ. Но пока ледовище развивалось, т. е. пока охлажденіе шло на увеличеніе, всѣ эти явленія обнаруживались не особенно ярко, такъ какъ развивались медленно и постепенно и, притомъ, все съ увеличивавшимися и увеличивавшимися перерывами во время также все удлинявшейся зимы. Когда-же оледенѣніе и создавшее его и въ его очередь создаваемое имъ охлажденіе достигли высшей мѣры развитія и наступилъ переломъ, т. е. стало теплѣть, тогда всѣ описанныя явленія начали развиваться быстро и, притомъ, съ постоянно возрастающей скоростью. Что въ пору охлажденія только намѣчалось за границами ледниковъ, то во время таянія достигало поразительныхъ размѣровъ. Ручьи превращались въ рѣки, рѣки выходили изъ береговъ, болота и озера разливались въ цѣлыя внутреннія моря, возникало множество новыхъ водоемовъ всякаго рода, такъ какъ снѣгъ и ледъ таяли, но, благодаря громадному количеству ихъ, не стаявали, какъ теперь весной, а лишь медленно убывали и таяніе продолжалось изъ года въ годъ все теплое время до заморозковъ, давая такое обиліе воды, которое не успѣвало ни стекать, ни впитываться въ почву. Послѣднему въ области ледниковъ способствовало еще то, что освобождавшаяся изъ-подъ нихъ земля была глубоко промерзшей, каковой она остается донынѣ на полярныхъ берегахъ въ предѣлахъ тундры. Послѣ вѣка ледовища насталъ вѣкъ воды или наводненія [2]). Всѣ низкія мѣста были заняты водой, достигавшей глубины отъ нѣсколькихъ вершковъ до десятка и болѣе

[1]) Возникшее отъ того-ли, что Сахару залило море, или отъ того, что ось земная перемѣстилась, или-же наконецъ, просто отъ того, что время пришло, что земля достигла нужнаго для возникновенія оледенѣнія возраста, какъ человѣкъ доживаетъ до сѣдого волоса,—здѣсь въ сущности не важно.

[2]) Сказанное не должно казаться преувеличеннымъ или невѣроятнымъ. Въ правильности сдѣланнаго заключенія убѣдиться не трудно, даже помимо геологическихъ данныхъ; стоитъ только вспомнить, какое количество воды даетъ нынѣ снѣгъ и ледъ, образующіеся всего только въ теченіи нѣсколькихъ (3—6) мѣсяцевъ, и какія поразительныя явленія производитъ дружная весна. Между тѣмъ наблюдаемое нынѣ представляетъ изъ себя крошечное подобіе вершившагося во вторую половину поры ледовища. Правда, таяніе тогда совершалось медленнѣе, но за то оно тянулось дольше,—все теплое время. Кромѣ того, таяло не только ежегодно осѣдавшее количество снѣга, которое было скорѣй больше, чѣмъ меньше теперешняго, а и мощныя пласты его, накопившіеся въ теченіи многихъ предъидущихъ вѣковъ первой половины ледовища (или собственно ледовища,—поры охлажденія). Напомню еще, что о ледниковомъ наводненіи свидѣтельствуютъ преданія о потопѣ.

саженъ. Вода эта, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, была почти вся текучая если не во всей своей толщѣ, то въ верхнихъ частяхъ и съ поверхности, ибо подъ нею были стоки въ видѣ долинъ третичныхъ рѣкъ, залитыхъ ею. Возстановить направленіе тогдашнихъ теченій въ главныхъ чертахъ можно уже и теперь по имѣющимся даннымъ высотъ и строенія почвы. Когда-же накопится этихъ данныхъ больше, особенно послѣднихъ, и когда будетъ обращено больше вниманія на естественную сортировку ледниковаго матеріала въ связи съ мѣстомъ его залеганія, тогда разсматриваемыя теченія можно будетъ указать съ значительной подробностью. Это-же важно не столько по тому, что укажетъ, куда вода текла, сколько по тому, что даетъ указанія о томъ, откуда она текла, т. е. другими словами, гдѣ раньше началось таяніе и гдѣ оно длилось дальше [1]).

Разъ есть вода, она, какъ вещество очень жидкое и весьма подвижное, не остается въ покоѣ, а постоянно работаетъ, даже стоячая. Чѣмъ больше ея количество, тѣмъ больше и работа и тѣмъ поразительнѣе послѣдствія работы. Чѣмъ быстрѣе теченіе воды (а оно зависитъ и отъ количества), тѣмъ больше можетъ она взвѣсить въ себѣ (суспендировать) и нести съ собой всякихъ постороннихъ нерастворимыхъ частицъ, тѣмъ тяжеле, а стало-быть, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и крупнѣе могутъ быть эти частицы и тѣмъ дальше она ихъ унесетъ. Терекъ несетъ валуны, Волга лишь мелкій песокъ. Послѣдствія такого закона очевидны. Какъ только теченіе въ силу какихъ-либо причинъ ослабнетъ хотя сколько-нибудь, такъ тотъ-часъ же изъ воды начнутъ осаждаться на дно изъ взвѣшенныхъ въ ней частицъ тѣ, тяжесть которыхъ окажется больше двигающей ихъ силы. Если теченіе еще ослабнетъ, то начнутъ осѣдать слѣдующія по тяжести частицы и т. д. въ послѣдовательномъ порядкѣ до самыхъ мелкихъ. А такъ какъ теченіе ослабѣваетъ, съ одной стороны, отъ убыли количества воды, а съ другой, отъ убыли наклона русла, то указанная сортировка матеріала вершится какъ въ отвѣсномъ, такъ и въ продольномъ направленіяхъ. Если къ указанному прибавить, что ледники,—источники водъ поры наводненія,—хотя и постепенно, но постоянно отодвигались все дальше и дальше къ С., т. е., что теченіе ледниковыхъ водъ въ южной Россіи

[1]) Очевидно, что та возвышенность, съ которой текутъ Волга, Мста, З.-Двина и Днѣпръ, оттаяла позже окружающихъ мѣстъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т. е., обсохни раньше окрестностей, она не могла-бы питать эти рѣки и онѣ текли-бы не съ нея, а изъ какого-либо другого мѣста, располагающаго питомникомъ.

дѣлалось все медленнѣе, то ясно будетъ, что съ возрастаніемъ таянія должны были отлагаться на югѣ Россіи все болѣе и болѣе мелкіе осадки. Именно это и наблюдается въ дѣйствительности, какъ можно судить и по приведенному выше перечню напластованій въ Кіевѣ. Тамъ внизу лежатъ валуны, на нихъ пески, на пескахъ суглинь, а на ней лессъ,—чрезвычайно тонкій пылеобразный осадокъ. Особенности строенія его вызвали въ наукѣ даже недоумѣніе и породили невѣроятныя предположенія о воздушномъ происхожденіи [1]). Но теперь не можетъ быть сомнѣній въ этомъ отношеніи: лессъ есть ничто иное, какъ отмученная глина, осѣвшая въ тихой стоячей или весьма медленно текучей водѣ; та тончайшая муть, которую въ водѣ не всегда можно и замѣтить простымъ глазомъ [2]) и которая даже въ стаканѣ, находящемся почти въ совершенномъ покоѣ, осѣдаетъ или отстаивается только весьма медленно, а укладывается или слагается очень плотно.

Сколько-же должно было пройти времени (допуская даже и содѣйствіе всякихъ ускоряющихъ обстоятельствъ вродѣ испаренія и т. п.), что-бъ отложились, напримѣръ, хотя-бы кіевскія толщи лесса, достигающія 15 арш. мощности? Не мудрено, что за время отложенія ледниковыхъ осадковъ успѣла совершиться на югѣ Россіи полная смѣна растительнаго и животнаго царства до человѣка включительно.

Мощность ледниковыхъ осадковъ убываетъ къ югу, поледниковыхъ-же въ обратномъ направленіи къ сѣверу, что объясняется большей длительностью явленій въ одномъ случаѣ на сѣверѣ, въ другомъ на югѣ. Когда въ Ярославской губерніи только-что начали появляться

---

[1]) Поляковъ, стр. 36. Называя лёссъ воздушной и даже космической пылью, опускали изъ вида то обстоятельство, что если-бъ это предположеніе было вѣр[illegible], то лёсъ долженъ былъ-бы попадаться на всей земной поверхности, а не на нѣкоторыхъ только и притомъ немногихъ мѣстахъ ея, связанныхъ такъ или иначе съ ледниками, что для горъ (наприм. Кавказа) очевидно (см. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, гдѣ ледъ отмѣчается не рѣдко).

[2]) Она придаетъ общую окраску водѣ и дѣлаетъ ее «мягкой», тогда какъ известь сообщаетъ водѣ «жесткость». Однородное, въ большинствѣ не слоистое и лишенное всякихъ органическихъ остатковъ строеніе лёсса объясняется всецѣло его происхожденіемъ. Онъ осѣдалъ изъ воды, образовавшейся изъ растаявшаго *льда и снѣга* и протекавшей по землѣ, вышедшей *изъ-подо льда*. Слѣдовательно ни въ той, ни на другой никакой жизни, ничего органическаго быть не могло, такъ какъ и въ окрестностяхъ ихъ не было. Все живое, бывшее до ледовища, похоронено въ нижнихъ слояхъ его образованій, а что возникло послѣ него, то легло на верхніе слои этихъ образованій. А такъ какъ лёссъ отлагался изъ ледниковой, т. е. ненаселенной, мертвой воды и при томъ безпрерывно, то въ немъ, при однородности матеріала, и не могло образоваться ни слоистости, ни прослойковъ чего-либо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лёссъ вклинивается въ ледниковыя образованія, т. е. они его подстилаютъ и накрываютъ (Труды геол. комит., т. I, № 2, стр. 50). Ясно, что въ такихъ мѣстахъ вслѣдствіе временнаго охлажденія ледникъ то отступалъ отъ водоема, отлагавшаго лессъ, то опять надвигался къ нему. Ясно также, что въ такомъ водоемѣ, при сосѣдствѣ ледника, жизни не могло быть и что вообще было еще холодно.

ледниковыя воды, на югѣ Россіи, куда онѣ стремились, онѣ успѣли уже отложить на третичную почву значительныя толщи новообразованій и продолжали откладывать ихъ и одновременно съ отложеньемъ и въ Ярославской губерніи. Такъже дѣйствовали и ледники, но наоборотъ: когда въ Кіевѣ не осталось и слѣдовъ льда, въ Ярославлѣ ледники дѣйствовали еще въ полной мѣрѣ.

Послѣ оледенѣнія, даже съ отступленіемъ ледниковъ далеко къ С., новая жизнь въ Россіи появилась не скоро, и не сразу, такъ какъ послѣ оледенѣнія наступило наводненіе, а послѣ него заболоченность или тундренность и, кромѣ того, все еще продолжали держаться значительные холода. Доледниковыя растенія и животныя или погибли, или перекочевали къ Ю, или-же (наименьшее число) приспособились къ ледниковымъ условіямъ, переродились въ полярныхъ и вмѣстѣ съ отступавшими ледниками въ поискахъ привычной обстановки, а отчасти и гонимыя наводненіемъ [1]) уходили все дальше и дальше къ С. Югъ Россіи заливался водой и пустовалъ. Найти пріютъ здѣсь раньше другихъ изъ наземныхъ могли лишь водныя птицы. И, кажется, онѣ именно и были первыми поселенцами на новыхъ мѣстахъ; по крайней мѣрѣ, нынѣ именно онѣ появляются изъ числа первыхъ весеннихъ гостей и залетаютъ дальше всѣхъ на С. въ область ледниковъ, гдѣ выводятъ и дѣтей. Изъ растеній появлялись, смѣняя другъ друга, лишаи, мхи, болотныя и водяныя растенія и, наконецъ, травы. Древесная растительность не могла явиться скоро: было и холодно и сыро, а главное, почва оттаивала очень медленно и корениться имъ было не въ чемъ. Югъ Россіи изобилуетъ черноземомъ, происхожденіе котораго приписываютъ обыкновенно наземнымъ растеніямъ, одни обильнымъ травамъ, другіе лѣсамъ, третьи и тому и другому [2]). Но кажется, что ни травы, ни лѣсъ, по крайней мѣрѣ для нижнихъ слоевъ, тутъ не при чемъ и что южный черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, тому-же, чему и лессъ, т. е. стоячимъ или тихо-текучимъ водамъ. По крайней мѣрѣ въ такихъ водахъ образовался черноземъ и именно въ поледниковую пору многихъ мѣстъ средней Россіи, а между прочимъ и черноземъ Ярославской губерніи (вокругъ Ростовскаго озера, въ Даниловскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ), гдѣ онъ принадлежитъ къ такъ

[1]) Нѣкоторые въ наводненіи склонны видѣть главную причину переселенія ледниковыхъ животныхъ къ С. (Тр. XI Ар. Съѣзда т. I, статья В. В. Хвойка), но таковой оно не могло быть, такъ какъ образовадось наводненіе не сразу, да и не въ близкомъ къ ледникамъ разстояніи.

[2]) Поляковъ, стр. 36.

называемымъ озернымъ отложеніямъ и достигаетъ $12^1/_2$ вер. толщи. Черноземъ такихъ отложеній дѣлается черноземомъ только тогда, когда пользуется достаточнымъ притокомъ воздуха и можетъ въ достаточной степени перегорѣть, вывѣтриться, промыться и выщелочиться, если-же онъ остается все время подъ водой и покрывается въ ней другими наслоеніями достаточно плотными и толстыми, то остается въ видѣ черной, нерѣдко гончарной глины. Происхожденіе его и составъ можно опредѣлить немногими словами; это перегной водныхъ растеній то въ видѣ торфа, то въ видѣ тины, слежавшейся и медленно перегорѣвшей безъ достаточнаго доступа воздуха. Главная [1]) составная часть и той и другого—отжившія части водныхъ растеній, въ тинѣ полурастворенныя и полуразложенныя водой, но еще неперегорѣвшія и потому дающія осадокъ то болѣе, то менѣе, но вообще сѣраго цвѣта, вязкій, липкій и «жирный», при высыханіи коробящійся и трескающійся корками или «черепьями». Первая ступень подобнаго образованія илъ. У земледѣльцевъ подобныя образованія [2]) извѣстны подъ названіемъ иловатой или сѣрой земли, а также подзола. Подзолъ—это илъ, скоро вышедшій изъ-подъ воды. Когда же онъ остается подъ водой (достаточно глубокой) долго, то превращается въ тину, начинаетъ перегорать и, въ соотвѣтствіе степени перегара, темнѣть. Если водоемъ не осушается, то тина превращается въ черную, часто чрезвычайно пластичную глину, если-же онъ наводняется лишь временно (какъ, напримѣръ, поймы), то илъ обыкновенно мало мѣняется. Черная глина, выходя на воздухъ и пролежавъ на немъ достаточное время, превращается мало по малу въ черноземъ. Таковъ черноземъ Ростовскаго и другихъ уѣздовъ Ярославской губерніи, богатый солями и глиной [3]), залегающій обыкновенно среди площадей сѣрой земли и подзола, обозначающихъ бывшія озера. Скорѣй и лучшаго качества черноземъ образуется въ тѣхъ водоемахъ, которые заняты водой не постоянно, а временно, т. е. которые то наполняются, то осушаются, но совсѣмъ не высыхаютъ никогда, оставаясь и въ теплое время мокрыми мѣстами, чрезвычайно благопріятными для быстраго гніенія—горѣнія. Образующіеся здѣсь темный и черный торфъ и торфовидныя образованія при соотвѣтствующихъ усло-

[1]) Не въ смыслѣ количества, а качества.

[2]) Нѣсколько вывѣтрившіяся. Черепья, по всей вѣроятности, навели первобытнаго человѣка на мысль дѣлать изъ ила посуду, по крайней мѣрѣ она очень долго дѣлается именно изъ ила, а не изъ глины.

[3]) Вѣстникъ Яросл. земства 1903 т. № 7—8 и 9, стр. 226 .. и 15... 1905 г. №№ 2 и 3, отд. IV.

віяхъ [1]) даютъ со временемъ прекрасный черноземъ [2]). Южно-русскій черноземъ, по видимому, именно такого или подобнаго [3]) образованія, такъ какъ поледниковая или паводковая почва, и спустивъ ледниковыя воды, все-таки еще долго оставалась заболоченной, тундровой, и сухопутная растительность, особенно такая обильная, какою предполагаетъ ее допущеніе развитія изъ нея мощныхъ толщъ чернозема, успѣшно развиваться на ней не могла. Въ средней Россіи, десятки вѣковъ покрытой безпрерывно лѣсами и травой, растительный слой даже на цѣльныхъ мѣстахъ достигаетъ всего $^1/_2$—8 верш. толщины и никогда чернозема собой не представляетъ. Мало того, нѣтъ здѣсь чернозема даже на искусственно и обильно удобряемыхъ мѣстахъ. Но тамъ же рядомъ съ огромными площадями тощихъ земель залегаютъ небольшіе участки такъ называемыхъ грязей и черныхъ грязей, которыя при осушкѣ обращаются въ клочки чернозема. Подобнымъ совмѣщеніемъ природа какъ бы хочетъ дать наглядный урокъ разумѣнія ея творчества. Не менѣе поучителенъ и другой урокъ. На хорошей почвѣ сада почти незамѣтно перегноя отъ покрывающей ее растительности и опадающихъ ежедневно листьевъ. А на каменной оградѣ, окружающей садъ, даже издали видны бугорки, грядки и кочки чистаго чернозема, отложеннаго мелкимъ бархатистымъ темнозеленымъ мохомъ или жесткимъ сѣрымъ лишаемъ, пріютившимся въ тѣни на камняхъ. И тогда, когда толщина перегнойнаго слоя травы и листьевъ измѣряется лишь миллиметрами, толщина мохового перегноя мѣряется сантиметрами. Поясненія излишни.

Остатки человѣческой дѣятельности послѣ памятниковъ древнекамники, лежащихъ подъ ледниковыми образованіями и въ ихъ нижнихъ пластахъ, вновь начинаютъ попадаться въ южной Россіи, какъ уже замѣчено, лишь выше лесса, въ верхнихъ частяхъ чернозема [4]), отъ $^1/_2$—1 арш. и болѣе отъ поверхности. Новый обитатель обновленной страны существенно отличался отъ своего предшественника, съ которымъ, кромѣ отдаленной преемственности, не имѣлъ никакой прямой связи. Правда, онъ былъ все еще дикарь, но стоялъ несравненно выше

---

[1]) Изъ которыхъ главное—не оставаться подъ водой, растворяющей, разлагающей и плотно укладывающей.

[2]) На образованіе чернозема значительно вліяетъ подборъ водныхъ растеній, густота населенія ими водоема и т. д. Но такъ какъ все это зависитъ отъ того, постояненъ или перемежающъ водоемъ, и отъ его глубины, то въ разсмотрѣніе этихъ вліяній я не вхожу, тѣмъ болѣе, что прямого отношенія къ предмету статьи эти вопросы не имѣютъ.

[3]) На обсохшихъ тундрахъ.

[4]) Поляковъ, стр. 37; Хвойко—754.

древнекамниковаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Все еще пользуясь камнемъ, онъ обработывалъ его съ великимъ искусствомъ, приготовлялъ различную глиняную посуду изящныхъ формъ и обильно украшалъ ее сложнымъ узоромъ; не только плелъ рогожи, но и ткалъ очень тонкія ткани [1]), искусно вязалъ рыболовныя сѣти для мелкой и крупной рыбы, велъ, видимо, осѣдлую жизнь на высокихъ мѣстахъ, но отходилъ на рыбные промыслы на отмели и прибрежные пески. Въ своихъ землянкахъ дѣлалъ не только очаги, но и почвенныя печи съ трубами [2]), имѣлъ уже домашнихъ животныхъ, а мертвыхъ хоронилъ въ могилы-ямы, кладя съ ними разную утварь, т. е., стало быть, вѣрилъ уже въ загробную жизнь.

Впрочемъ, всего этого благополучія достигъ онъ не сразу и, притомъ, уже на новыхъ мѣстахъ, а не принесъ его на нихъ съ собою [3]). Но съ другой стороны, для Россіи человѣка новокамники часто нельзя поставить и прямымъ продолжателемъ дѣла человѣка древнекамники. Ни отъ быта, ни отъ издѣлій одного нерѣдко нѣтъ постепеннаго перехода къ быту и издѣліямъ другого. Между однимъ и другимъ значительный, незаполненный перерывъ. Другими словами, человѣкъ новокамники южной Россіи воспринялъ свою промышленность и развитіе не въ Россіи, не отъ россійскаго своего предшественника. Стало быть, и явился онъ впервые не въ Россіи, а въ нее только пришелъ.

Откуда же онъ явился и что это былъ за человѣкъ?

Рѣшеніе поставленнаго вопроса для насъ очень важно, такъ какъ и въ новокамнику Ярославская губернія могла получить свое начальное населеніе только съ юга, да еще, можетъ быть, отчасти съ Ю.-В., такъ какъ другія стороны были заграждены или ледниками, или водой.

В. И. Модестовъ на основаніи изысканій, главнымъ образомъ, Джузеппе Серджи [4]), говоритъ, что въ пору новокамники почти всю Европу занимало особое длинно-головое племя, называемое Серджи сре-

---

[1]) Часто отпечатанныя на поверхности глиняной посуды.

[2]) Хвойко, стр. 799, рисун. 758 и 759. Кромѣ земляновъ объ осѣдлости говоритъ и толщина жилого слоя на стоянкахъ, достигающая до 1/2 ар. и болѣе и свидѣтельствующая о томъ, что на нихъ жили подолгу.

[3]) На многихъ стоянкахъ новокамники находятъ множество нашихъ рѣчныхъ раковинъ—перловицы или перламутренницы (unio pictorum) и беззубки (Anodonta cygnaea), въ чемъ нельзя не видѣть связи и преемственности съ сорниками Даніи, относящимися къ переходному времени отъ древней къ новой камникѣ.

[4]) Профессора антропологіи римскаго университета. Статью Модестова см. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1901 г., авг., стр. 399.

диземно-мо̀рскимъ или эвро-африканской рассой [1]). Къ нему онъ относитъ египтянъ, иберовъ, лигуровъ и курганниковъ южной и средней (до Ладожскаго озера) Россіи [2]), а выводитъ его изъ восточной Африки (еще въ древнекамнику [3]). Отсюда оно, по его увѣренію, пришло въ Египетъ, изъ Египта же, съ одной стороны, въ Сирію и Малую Азію, а съ другой, на сѣверъ Африки до Атлантическаго океана, откуда, въ свою очередь, перешло въ Грецію, еще въ доегипетскую пору, въ южную Россію и далѣе до Ладоги [4]); на островъ Сицилію, въ Италію, Пьемонтъ, Швейцарію, Германію и Скандинавію; въ Испанію, Францію, Англію и Ирландію. Нѣкоторые склонны видѣть то же племя даже въ Америкѣ, опираясь на сходство письменныхъ знаковъ, начерченныхъ на скалахъ и камняхъ [5]). Отличіемъ средиземно-морцевъ выставляютъ черепа какъ длинно, такъ и средне-головые (месо-кефальные), дѣлимые сверхъ того на три типа: овальные (эллипсовидные), яйцевидные и пятіугольные (пентагональные) [6]). Тѣ же очертанія присвоиваютъ и лично́му абрису черепа съ добавленіемъ четвертаго—треугольнаго. Такимъ образомъ, средиземно-морское племя надѣляютъ чуть не всѣми тѣми признаками, которые присущи въ отдѣльности различнымъ и, притомъ, многимъ человѣческимъ племенамъ, что позволяетъ отнести къ эвро-африканцамъ чуть не любого представителя человѣчества. Такое опредѣленіе племени трудно понять, еще труднѣе съ нимъ согласиться. Вѣдь оно подобно тому, по которому кавказской расѣ будетъ присвоенъ цвѣтъ кожи бѣлый, желтый, красный, коричневый и черный, или волосы—прямые, кудрявые, курчавые и шерстистые; круглаго, овальнаго и плоскаго сѣченья и т. д. Что-нибудь одно: или средиземно-морцы смѣшанное племя, тогда антропологически они не племя; или они дѣйствительно особое племя, тогда ихъ признаки опредѣлены не вѣрно: въ нихъ внесено много посторонняго и за одно племя принимается нѣсколько отдѣльныхъ. Иначе быть не можетъ. Нельзя допустить, что бъ въ одномъ чистомъ антропологическомъ племени [7]) (соотвѣтствующемъ разновидностямъ дикихъ животныхъ и породѣ домашнихъ)

---

[1]) Тутъ же, стр. 404.

[2]) То же, стр. 400, 401, 402.

[3]) То же, стр. 421.

[4]) Модестовъ гадательно относитъ къ этому племени костякъ изъ Ладожскаго канала, найденный Иностранцевымъ (стр. 403).

[5]) То же, стр. 422.

[6]) Въ продольномъ или горизонтальномъ сѣченьи (иначе,—глядя сверху).

[7]) А имѣется въ виду именно таковое, но не этнографически—политическое, являющееся не племенемъ, а народностью.

одна и та же часть опредѣлялась такими различными признаками, какъ треугольный и пятіугольный, овальный и яйцевидный, длинный и средній. Опредѣлять такъ значитъ вовсе и ничего не опредѣлять въ предѣлахъ племени [1]). И я не понимаю, зачѣмъ понадобилось объединять въ одно общее отдѣльныя и постоянныя величины и какой важный общій признакъ могъ бы послужить для подобнаго объединенія. Если длинный овальный черепъ встрѣчается въ большомъ числѣ, да еще и въ разныхъ странахъ и если, кромѣ того, вездѣ сопровождается другими признаками столь же постоянными и отличными отъ признаковъ череповъ другого строенія, то не понятно,—зачѣмъ его объединять съ среднимъ яйцевиднымъ черепомъ, сопровождаемымъ, въ свою очередь, своими постоянными и отличными признаками, а не признать каждый изъ нихъ за особую отдѣльность. Еще менѣе понятнымъ дѣлается сказанное, если принять во вниманіе, что эти два черепа вовсе необязательно совмѣстны и что часто въ однихъ мѣстностяхъ господствуетъ первый, въ другихъ второй, не перерождаясь одинъ въ другой, и что промежуточныя формы существуютъ тамъ, гдѣ находятся оба типа череповъ вмѣстѣ, т. е. гдѣ всегда можно предположить помѣсь.

Опредѣленіе племени такими широкими границами, каковы выписанныя, привело и къ заключеніямъ не менѣе широкимъ. Подъ многоразличные признаки, которыми надѣлили средиземномо̀рцевъ, оказалось возможнымъ подвести многое множество народа, такъ что средиземномо̀рцевъ нашли не только во всей средней, но и въ сѣверной Европѣ,—въ Скандинавіи [2]). Забыли при этомъ одно только, что въ живущихъ тамъ нынѣ людяхъ нѣтъ никакихъ намековъ на ихъ предполагаемыхъ далекихъ предковъ, если за такой намекъ не считать отвлеченнаго и, самого по себѣ, еще ничего не говорящаго [3]) признака—«длинноголовый» (доликокефальный). Длинноголовыхъ череповъ извѣстно два (основныхъ) типа, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга и сосредоточенныхъ въ двухъ противоположныхъ и значительно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ: одинъ по сѣвернымъ окраинамъ Европы, другой по южнымъ. У живущихъ нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ людей длинный типъ черепа, даже въ общемъ, болѣе или менѣе сохранился; въ отдѣль-

---

[1]) Такое опредѣленіе приложимо лишь къ расѣ и виду въ естествовѣдѣніи.

[2]) Модестовъ, стр. 403. Э. Э. Клодъ въ своей популярной книжкѣ «Первобытный человѣкъ» выражается еще рѣшительнѣе; по его словамъ ихъ представители разбросаны по всему свѣту (стр. 96).

[3]) Какъ указывающій лишь отношеніе, а не что-либо безусловное.

ныхъ же случаяхъ попадается въ замѣчательно чистомъ видѣ [1]) и почти тождественъ съ древними. Это обстоятельство позволяетъ составить понятіе о древнихъ обитателяхъ тѣхъ мѣстностей по нынѣ живущимъ тамъ людямъ. Эти же послѣдніе съ сѣверныхъ береговъ Европы являются полной противоположностью обитателямъ южныхъ ея береговъ. Кромѣ того, если взять изъ указанныхъ мѣстъ даже одни только черепа какъ древніе, такъ и позднѣйшіе и сличить, то разница будетъ огромная, а сходство выразится однимъ лишь условнымъ опредѣленіемъ—длинные.

Самъ Модестовъ, остановившись на выводахъ Д. Серджи, тѣмъ не менѣе какъ будто-бы колеблется въ нихъ и не то для успокоенія себя, не то предвидя сомнѣнія въ вѣрности проводимыхъ взглядовъ, подтверждаетъ ихъ мнѣніями д-ра Мелиса (C. Mehlis), проф. Исселя и д-ра Жака [2]).

Оставляя рѣшеніе вопроса спеціалистамъ, отмѣчу лишь принятыя всѣми ими положительныя данныя.

Всѣ изслѣдователи пока согласны въ томъ, что древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ новокаменковыхъ племенъ въ Европѣ было неандертальское, туземное европейское племя, еще не совсѣмъ исчезнувшее донынѣ въ Фрисландіи, Скандинавіи и, въ помѣсяхъ, въ Штиріи, Хорутаніи и другихъ мѣстахъ [3]). Близъ Парижа, въ Гренеллѣ (Гренобли), въ древнемъ руслѣ Сены, занесеномъ наносами, были найдены остатки трехъ различныхъ племенъ. Въ самыхъ нижнихъ, т. е., и самыхъ древнихъ слояхъ хряща лежали узкіе, длинные, но грубые черепа канштадтскаго, или скандинавскаго типа, похожіе на черепъ изъ Стенгенеза (въ Швейцаріи). Выше ихъ, на глубинѣ $4^1/_4$—5 ар. въ наносахъ обнаружены длинные же черепа, но другого типа кро-моніонскаго или иберійскаго. Наконецъ, на глубинѣ $1^3/_4$—3 ар. встрѣчены остатки невысокаго, короткоголоваго пле-

---

[1]) Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Ис. Тейлоръ, стр. 103, 115, 123, 229, 238, 261; 73, 91, 282 и др. В. И. Модестовъ упомянулъ въ своей указанной здѣсь работѣ книжку Тейлора, но отозвался о ней, о ея авторѣ и о переводчикѣ очень не благосклонно. Не буду оспаривать, книжка не ученый трактатъ, но при всѣхъ ея недостаткахъ въ ней есть одно крупное достоинство. Она будитъ, шевелитъ мысль и вызываетъ на работу, затрогивая вопросы, полные жгучаго интереса и чрезвычайной важности. Кромѣ того, Тейлоръ даетъ очень немного своего; онъ беретъ добытое учеными всей Европы, сопоставляетъ взятое и говоритъ читателю: смотри, что изъ этого выходитъ.

[2]) Модестовъ, тамъ же, стр. 415, 418. Лигуры и иберы—родственные народы, а не разныя племена (Мелисъ); лигуры принадлежатъ къ кро-моньонской расѣ (Иссель и Жакъ); лигуры и иберы двѣ вѣтви одной семьи, типъ ихъ кромоньонскій; они месо-долихо-кефалы (Серджи).

[3]) Тамъ же, стр. 403; Тейлоръ, стр. 103.

мени съ черепами близкими къ овернійскимъ, т. е. лигурійскаго типа [1]). Къ этимъ тремъ племенамъ позже присоединяется четвертое тоже короткоголовое, но высокое, скуластое, называемое туранскимъ, угрофинскимъ, галльскимъ (келатскимъ), арійскимъ. До короткоголовыхъ намъ пока нѣтъ дѣла. Что же касается длинноголовыхъ, то, хотя остатковъ человѣка несомнѣнно времени новокамники въ Ярославской губерніи еще не найдено, тѣмъ не менѣе можно утверждать, что онъ былъ длинноголоваго племени, ибо таковъ онъ здѣсь времени переходнаго къ бронзикѣ [2]).

До 1899 года о новокамниковомъ человѣкѣ въ Ярославской губерніи нельзя было сказать ничего опредѣленнаго: извѣстны были лишь немногочисленныя находки отдѣльныхъ каменныхъ орудій въ большинствѣ случаевъ безъ надлежащихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ и безъ точнаго указанія мѣстъ находокъ. Въ указанномъ же году открыта [3]) первая стоянка разсматриваемаго времени въ Угличскомъ уѣздѣ къ С. отъ погоста Учма, при устьѣ рѣчки Учмы (Учемки), впадающей въ Волгу съ правой стороны. Признаки стоянокъ открыты и ниже по Волгѣ подъ с. Воздвиженское, д. Долматово и д. Жеребково (Жеребки) Ярославскаго уѣзда.

Обслѣдованіе Учемской стоянки не дало никакихъ свѣдѣній о самомъ человѣкѣ, а лишь нѣсколько чертъ его быта, позволяющихъ заключить, что онъ питался преимущественно мягкотѣлыми двухстворчатыхъ раковинъ (перловицы и беззубки). Послѣднее обстоятельство держало человѣка большую часть времени на песчаныхъ береговыхъ намывахъ и отмеляхъ, гдѣ онъ собиралъ раковины, живя около пищи и оставаясь на одномъ мѣстѣ, видимо, до тѣхъ поръ, пока не истощался ея запасъ. По крайней мѣрѣ на Учминской стоянкѣ найдены черепки посуды, кремневыя орудія, осколки кремня, остававшіеся при выдѣлкѣ послѣднихъ, зола и обгорѣлыя животныя кости. Всѣ эти остатки были покрыты всего аршинной толщей песчаныхъ наносовъ Учмы, отлагаемыхъ ею весной, такъ какъ лѣтомъ она течетъ гораздо ниже, а нерѣдко и совсѣмъ пересыхаетъ. Могилъ не найдено; подробности быта, любопытныя для даннаго случая [4]), остались также не выясненными.

---

[1]) Тейлоръ; стр. 115.

[2]) И, кажется, къ желѣзникѣ, такъ какъ, насколько можно судить теперь, камника здѣсь, видимо, смѣнилась сразу обоими металлами; по крайней мѣрѣ въ обѣихъ стоянкахъ бронзики встрѣчено и желѣзо.

[3]) С. Н. Ивановой.

[4]) Какъ-то: свѣдѣнія о жилищахъ, о формѣ топоровъ и сосудовъ, о многихъ видахъ узора и т. п.

Все это должно бы побудить сказать о человѣкѣ новокамники Ярославской губерніи то-же, что замѣчено о человѣкѣ ея древнекамники: онъ не извѣстенъ. Но такъ сильна жажда заглянуть въ далекое темное прошлое, что трудно отказаться отъ попытки попробовать освѣтить это темное хотя сколько-нибудь, разъ имѣется для такой попытки предлогъ. А онъ имѣется какъ въ видѣ положенія о томъ, что настоящей бронзики въ губерніи не было и что стоянки и могильники съ слѣдами бронзы нужно относить не къ бронзикѣ, а къ концу камники [1]) (о чемъ ниже), такъ и въ указаніяхъ письменности, хотя и не прямыхъ.

Римлянинъ Тацитъ (98 г. по Р. Х.) упоминаетъ о феннахъ (Fenni) [2]), сообщая, что они жили въ его время къ С. отъ венедовъ, занимавшихъ, по Іордану, страну отъ Днѣстра до Вислы [3]), не имѣли ни оружія (металлическаго), ни лошадей, ни жилищъ (домовъ), ибо послѣдними являлись у нихъ прикрытія (навѣсы ?) [4]), сплетенныя изъ вѣтвей и служившія мѣстопребываніемъ стариковъ съ дѣтьми и мѣстомъ отдыха для мужчинъ и женщинъ, проводившихъ жизнь въ совмѣстной охотѣ. Спали фенны на землѣ, одѣвались въ звѣриныя шкуры, наконечники стрѣлъ дѣлали изъ кости по отсутствію желѣза [5]). Въ этихъ феннахъ большинство склонно видѣть финновъ, одни—вообще, другіе—собственно финновъ; но есть и не согласные съ этимъ взглядомъ. А. П. Погодинъ [6]) предполагаетъ въ нихъ лопарей, живших, по его мнѣнію, въ пору соприкосновенія съ финнами, много южнѣе теперешняго. Къ мысли о лопаряхъ его приводитъ сомнѣніе въ дикости финновъ, описанной Тацитомъ, которое возникаетъ у него на основаніи словарныхъ данныхъ [7]). А. И. Соболевскій [8]) не допускаетъ

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ, Археолог. Росс. Кам. періодъ, т. 1, стр. 395, и также Яросл. Губ. Вѣдом. 1898 г. № 19.

[2]) Germania C. 46.

[3]) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, изд. 1830 г., т. I, начальн. стран.

[4]) Всего вѣрнѣе шалаши, переживающіе у финновъ до сихъ поръ и составляющіе (часто ужъ только по названію) основу ихъ жилищъ. Въ былинахъ пермяковъ (о Перѣ-богатырѣ) говорится о шалашѣ изъ еловаго лапника (вѣтокъ). Живая старина, 1903 г. в. IV ст. 419.

[5]) Этнографическое обозрѣніе 1895 г. № 1. Указанный Пера проситъ въ награду за свой подвигъ шелковыхъ тѣнетъ для ловли животныхъ, птицъ и рыбы.

[6]) Изъ исторіи славянскихъ передвиженій, стр. 15.

[7]) Онъ указываетъ, что еще финно-угры знали овцу, лукъ и стрѣлы, что финны, еще не раздѣлившись на западныхъ и восточныхъ, знали земледѣліе и скотоводство и что у германцевъ издревле слыли за чародѣевъ—обладателей тайны лить металлы и за кузнецовъ. Изъ послѣдняго можно, пожалуй, заключить, что финны были развитѣе германцевъ. Отсылая за подробностями къ статьѣ Л. Н. Майкова (Журн. М. Н. Пр. 1897 года, стр. 420...) и къ книжкѣ VI, 1884. Записокъ Зап. Сибир. отд. Рус. Геогр. Общ., я отмѣчу здѣсь лишь слѣдующее: даже *огонь* финны узнали отъ литовцевъ,

и этого, утверждая, что названіе фенны и финны (у Тацита и Птоломея) есть ни что иное, какъ видоизмѣненіе названія вены—венеды. Коснуться указанныхъ мнѣній я попробую ниже, когда пойдетъ рѣчь собственно о финнахъ; здѣсь же важно не то, кто были фенны, а свидѣтельство письменности о томъ, что названный такъ народъ, *жившій въ I в. по Р. Х.* въ средней *Европейской Россіи, находился въ развитіи*, по меньшей мѣрѣ, *новокамники*. Свидѣтельство Тацита не остается единственнымъ; оно не только поддерживается другими, но данныя его еще и приближаются послѣдними къ нынѣшнему времени. Такъ, по Инглинской сагѣ, эсты—одно изъ племенъ западныхъ, т. е. болѣе развитыхъ финновъ, во второй половинѣ VI в. по Р. Х. дрались каменнымъ оружіемъ, державшимся у нихъ даже еще въ XIII в. [1]), не смотря на то, что въ VIII в. они узнали уже и металлическое. Въ битвѣ при Сенлакѣ въ 1066 г. даже еще саксонцы сражались каменными молотами [2]). Въ Олонецкой губерніи, т. е. не особенно далеко отъ Ярославской земли еще держится въ народѣ память о камникѣ. Въ пастушьемъ заговорѣ или «отпускѣ» скотинѣ, между прочимъ, говорится: «идутъ святые Косьма и Даміанъ, своими луками подпираются, а *каменными стрѣлами* рѣсу стряхиваютъ...» [3]). Гр. А. С. Уваровъ во Владимирской губерніи (въ окрестностяхъ Суздаля) въ трехъ курганахъ сожженія X в. вмѣстѣ съ немногочисленными металлическими вещами нашелъ и каменныя: кремневые наконечники стрѣлъ и молотъ-

---

названіе для ремня взяли у нихъ же, топоръ-молотъ узнали отъ индо-иранцевъ; берестяныя или кореньковыя плетушки—отъ скандинавовъ, чашки, мѣры сыпучихъ тѣлъ—«малёнки»—отъ русскихъ. Что касается знанія овцы, то укажу, что русскіе славяне очень рано узнали верблюда и слона, для которыхъ и названія придумали свои, но это еще не говоритъ за то, что они разъѣзжали на томъ и другомъ или что держали ихъ у себя. Для полноты нельзя, однако, не отмѣтить, что исландцы и норвежцы финнами называютъ лишь лопарей, а финновъ зовутъ квеанами (Д. П. Европеусъ. Объ угорскомъ народѣ... стр. 21). Исландія открыта въ 861, а заселена скандинавами 870 г., на основаніи чего можно думать, что уже въ то время скандинавы знали подъ финнами лишь лопарей. Но такъ будетъ только при томъ условіи, если названія финнъ и квенъ исландцы привезли на свой островъ сами изъ своей родины въ пору его заселенія, а не получили позже отъ скандинавовъ. Въ Скандинавіи же не замѣчается въ древности такого строгаго разграниченія межъ указанными названіями, какъ нынѣ.

[3]) Журн. Мин. Нар. Про. 1902 г. кн. VI, стр. 392.

[1]) Употреблялось еще въ Кармельской битвѣ (1266 г.). Гейнр. Лотышъ (1224 г.) писалъ, что эсты имѣли весьма мало оружія (металлическаго) и не освоились еще съ его употребленіемъ, пользуясь часто дубинами. Такое положеніе длилось до XIII в. (Сборникъ Археол. института, кн. V, половина I, стр. 117,—131).

[2]) Первобытный человѣкъ. Эд. Клодъ, стр. 181.

[3]) Живая старина 1900 г., вып. IV, стр. 513. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о настоящихъ, а не громовыхъ стрѣлахъ (чертовыхъ пальцахъ), такъ какъ рядомъ съ ними стоятъ луки.

топоръ [1]). И. Аспелинъ нашелъ въ курганахъ XI ст. около погоста Бѣжичъ 2 кремневыхъ наконечника стрѣлъ вмѣстѣ съ желѣзными и бронзовыми и другими желѣзными вещами [2]). Точно также и въ Петербургской губерніи найденъ въ долинѣ р. Луги у Недоблицъ въ курганѣ же каменный молотъ; въ курганахъ южнаго приладожья по р р. Волхову, Сязи и Пашѣ найдены различныя каменныя орудія [3]). Нѣкоторыя изъ указанныхъ вещей могли попасть въ курганы изъ земли,—со стоянокъ, но другія положены одновременно съ трупомъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ ихъ положеніе около костяка,—не случайное, а обдуманно намѣренное. Подобныя же находки извѣстны и для Ярославской губерніи [4]).

Принявъ все сказанное во вниманіе, придешь къ заключенію, что камника въ Ярославской губерніи была не такъ ужъ давно,—на памяти исторіи, а послѣдніе образцы ея окончательно вышли изъ обихода и совсѣмъ недавно: 800—900 лѣтъ назадъ. Однако, не смотря на недавность, извѣстно о томъ времени очень мало. По письменнымъ свидѣтельствамъ выходитъ, что въ пору позднекамники губернію населяли финны, черепа же, найденные въ фатьяновскихъ и черногорскихъ могилахъ, относящихся приблизительно къ указанному времени (камне-бронзикѣ,—энеолиту), противорѣчатъ письменности. Эти черепа, принадлежа къ типу длинныхъ, не могутъ быть приняты за финскіе. Конечно, среди финновъ могло жить и не финское племя,

---

[1]) Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, стр. 94 и атласъ: таб. XXIX, рис. 1 и 2. Молотъ близокъ къ черно-горскому Ярославской губерніи. Находки сдѣланы къ Ю. и В. отъ Суздаля, близъ с.с. Васильки и Новоселка и на р. Нерли у д. Петряхина.

[2]) Жур. М. Н. Пр. 1872 г., т. XII, стр. 382.

[3]) Зап. Рус. Арх. Общ. т. IX, вып. 1—2, стр. 33.

[4]) Напримѣръ, въ городищѣ на р. Сарѣ къ Ю. отъ Ростова, найденъ базальтовый топоръ-молотъ, какъ кажется, вмѣстѣ съ туркестанскими монетами, чеканенными въ Бухарѣ въ первой половинѣ XI в. (тамъ же, сер, 93). Уже Уваровъ сомнѣвался (стр. 92) въ томъ, что бы подобные предметы принадлежали домерянамъ. Но, высказывая это вполнѣ основательное сомнѣніе, онъ объясняетъ (стр. 94) явленіе не вѣроятно: покупкой каменныхъ вещей при знакомствѣ съ металлическими. Что нибудь одно: или меря сама дѣлала каменное орудіе, а покупала лишь металлическое, или она дѣлала и покупала металлическое и не нуждалась въ каменныхъ. Мы донынѣ плаваемъ въ челнахъ (ботникахъ, душегубкахъ) поры камники, но не покупаемъ ихъ у полудикихъ инородцевъ, а дѣлаемъ сами. Здѣсь, пожалуй, кстати привести слѣдующее соображеніе. Геродотъ (484—406 г. до Р. Х.) сообщаетъ, что невры, жившіе приблизительно въ Польшѣ, носили зимой волчьи шкуры (превращались въ волковъ) и что климатъ средней Россіи былъ очень суровъ. Въ существѣ своемъ это извѣстіе совершенно вѣрно и описываетъ пору новокамники, т. е. послѣ—ледниковое время, при чемъ невры могли одѣваться, конечно, и въ волчьи шкуры, но еще вѣроятнѣе, въ шкуры сѣверныхъ собакъ, весьма похожихъ на волка; по крайней мѣрѣ нынѣшніе обитатели сѣверныхъ окраинъ Европы одѣваются именно въ эти шкуры, предпочитая ихъ по ихъ большей чѣмъ у волчьихъ теплотности и мягкости.

которое не упоминается [1]). Возможно, что и подъ феннами Тацита скрывается не то, что подъ финнами разумѣютъ теперь, какъ можетъ быть и то, что подъ финнами (если фенны=финны), разумѣлись и не финны, а вообще люди, жившіе къ С. и С.-В. отъ венедовъ.

Не говорятъ длинные черепа и за славянъ, о существованіи которыхъ среди финновъ средней Россіи, спустя лѣтъ 300 послѣ Тацита, есть намеки въ письменности, о чемъ ниже [2]).

Кѣмъ же могло быть длинноголовое племя, жившее въ Ярославской губерніи въ концѣ новокамники? [3]).

Отвѣтить на этотъ вопросъ могутъ до нѣкоторой степени только черепа и костяки представителей этого племени да отчасти могилы. Къ большому сожалѣнію, на костяки все еще обращаютъ очень мало вниманія и ихъ почти вовсе никто не собираетъ. Черепа берутъ, но, во-первыхъ, не всѣ изслѣдователи [4]), во-вторыхъ, громадное большинство череповъ, встрѣчаемыхъ при случайныхъ находкахъ, пропадаетъ для науки безвозвратно. На наше счастье пять ярославскихъ череповъ отъ времени ново-камники находятся въ распоряженіи науки. Изъ нихъ четыре изъ-подъ дер. Фатьяново изображены въ «Каменномъ періодѣ» гр. Уварова (т. I, таб. IX и X), а пятый, изъ урочища Черная Гора, хранится въ музеѣ Ярославской Архивной Комиссіи. Еще больше уцѣлѣло череповъ, взятыхъ изъ ярославскихъ кургановъ IX, X и XI в.в. Изъ приводимыхъ гр. Уваровымъ особаго вниманія заслуживаютъ собственно только два черепа, изображенные на IX табл., какъ представляющіе обособленные и, притомъ, значительно чистые типы; остальные два (собственно, три, но третій не полный), являются черепами помѣсей этихъ двухъ основныхъ типовъ съ преобладаніемъ

---

[1]) Хотя этому противорѣчитъ отсутствіе у финновъ особенно древнихъ заимствованій.

[2]) Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ и славянъ за длинноголовыхъ; объ этомъ не разъ говоритъ А. А. Спицынъ въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ (Жур. М. Н. Пр. 1899 г., XIII); Н. Ю. Зографъ, отмѣчающій, что высокій типъ русскихъ срединной Россіи (въ которомъ преобладаетъ славянство), проявляетъ наклонности къ длинноголовости (Извѣст. Общ. любит. ест., ант. и этн., т. LXXVI, стр. 176); Д. Н. Анучинъ. А. П. Богдановъ (Антроп. выставка, т. II, стр. 462—475), В. В. Хвойко (Зап. Рус. Арх. Общ. т. XII, вып. 1—2, стр. 189). Не возражая по существу противъ этого мнѣнія, скажу только, что утверждать его пока еще преждевременно, такъ какъ методъ изученія череповъ никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Кромѣ того, и самый славянскій типъ не выясненъ и не установлено прочно, что считать славянскимъ, что не славянскимъ. Между тѣмъ примѣсь германскаго (скандинавскаго) значительно измѣнитъ славянское, но будетъ трудно выдѣлимой.

[3]) Спицынъ считаетъ разсматриваемое время разцвѣтомъ бронзики (Зап. по рус. и слав. археол. Рус. Арх. Общ. т. V, вып. 1, стр. 77), о чемъ ниже.

[4]) Питая къ нимъ ни на чемъ не основанное отвращеніе или ребячій страхъ, что для изслѣдователя прямо преступно и непростительно.

въ одномъ одного, въ другомъ— другого типа. Что касается черногорскаго черепа, то онъ весьма близокъ къ фатьяновскому № 1 (таб. IX). Этими тремя черепами я собственно и займусь.

Гр. Уваровъ даетъ такое описаніе фатьяновскихъ череповъ [1]). Головной показатель=75. 82; 74. 17; 69. 54; 76, 04; 69, 07— (№ 5, таб. XI), у всѣхъ сильно развитыя надбровья, теменная линія, (переносье-затылокъ) довольно длинная и плоско-кривая, затылокъ выдающійся рѣзко, бугромъ (кромѣ № 5); у одного (№ 1) верхнечелюстная косозубость (прогнатизмъ); длинно и низкоголовые, широконизкіе, узконебые, узконосые и узколобые; высотный показатель у трехъ—71,99; у остальныхъ: 72 и 74. 99. Глазницы не характерны: всѣхъ видовъ (низкія, среднія и высокія); ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ курганныхъ длинныхъ череповъ, которые сходны съ варяжскими Къ этому описанію прибавлю, что черепа большіе и, несомнѣнно, принадлежали людямъ рослымъ [2]), здоровымъ и сильнымъ; они массивны, довольно скуласты, крѣпки, съ рѣзкими характерными очертаніями и, если такъ можно выразиться, съ своимъ особымъ, опредѣленнымъ выраженіемъ. Зубы также крупные и крѣпкіе; нижняя челюсть (у черно-горскаго) высокая, широкая, крѣпкая и сильная. Какъ на черепѣ, такъ и на костяхъ (длинныхъ ножныхъ) хорошо развиты мышечныя прикрѣпленія; на послѣднихъ они являются высокими выдающимися бороздами. Сами кости тоже очень крѣпки, плотны и сильны. Какому же племени могли онѣ принадлежать? Конечно, ужъ не остякамъ, какъ хотѣлъ бы вѣрить Д. И. Европеусъ [3]), выводящій угру, т. е. предковъ остяковъ изъ Африки [4]), такъ какъ остяки, хотя и являются единственнымъ (по Европеусу) длинноголовымъ племенемъ на С. Россіи, но представляютъ изъ себя людей низкорослыхъ, слабосильныхъ и тщедушныхъ, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, очень мало развитой переносицей и маленькимъ носомъ, т. е. типъ совершенно противоположный типу новокамниковыхъ обитателей Ярославской губерніи [5]). На томъ же почти основаніи нельзя этихъ оби-

---

[1]) Тамъ же, стр. 413—416; описаніе составлено А. П. Богдановымъ.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя кости изъ фатьяновскаго могильника, хранящіяся въ музеѣ Яросл. Архивн. Комиссіи.

[3]) Объ угорскомъ народѣ, стр. 15 и 16. Онъ утверждаетъ это, собственно, относительно курганниковъ, но по Богданову межъ послѣдними и фатьяновцами новокамники нѣтъ существенной разницы.

[4]) Тамъ же, стр. 16 и 22.

[5]) По Богданову, у послѣднихъ носъ былъ большой, высокій и узкій (камен. періодъ), переносье и надбровья хорошо развиты. Слабость остяковъ многіе объясняютъ плохими условіями жизни и

тателей признать и иберами или средиземномо́рцами Серджи и Модестова. Правда, нѣкоторые фатьяновскіе черепа съ бока нѣсколько напоминаютъ женскій кро-моніонскій черепъ, но и онъ (т. е. женскій) выше высокаго фатьяновскаго. Кромѣ того, видъ спереди (лицевой) у иберскихъ череповъ совсѣмъ иной, чѣмъ у ярославскихъ. Лицо овально, мало развито, подбородокъ тонокъ, остеръ и удлиненъ, пространство отъ носа до рта значительно, скулы и надбровья не развиты. Внѣшній видъ лица долженъ былъ быть мягкимъ и мирнымъ. Кости костяка тонки, съ слабо развитыми мышечными прикрѣпленіям, руки и ноги маленькія, ростъ низкій (2 ар. 3 в —2 ар. $4^1/_2$ в.)[1]). Затѣмъ, хотя нѣкоторые изслѣдователи и склонны населить иберами всю Европу, но болѣе осторожные воздерживаются отъ такого смѣлаго обобщенія [2]), отводя имъ лишь берега Средиземнаго моря и Западную Европу: Испанію, Францію, часть Англіи и земли къ С. и З. отъ р. Рейна, Данію и часть Германіи (Вирховъ) [3]). Дѣйствительно, обширное разселеніе иберовъ трудно допустить и понять. Они явились въ Европѣ вторыми (судя по отложеніямъ Гренелля) насельниками, столкнувшись на сѣверѣ ея съ дикимъ неандертальскимъ или пра-скандинавскимъ племенемъ, обитавшимъ тамъ еще въ пору древней камники [4]). Разселеніе ихъ совершалось въ поледовище, т. е. въ такое время, въ которое большая часть Европы и Россіи или только еще освободилась, или даже только еще освобождалась отъ ледниковъ, что совершалось весьма медленно и производило заболотье. Иберы, пришедшіе въ Европу изъ сѣверной Африки (въ чемъ пѣтъ разногласій), стало быть, бывшіе жителями умѣреннаго пояса, могли разселяться по Европѣ только въ очень значительномъ отдаленіи отъ ледниковъ, т. е. идти за ними на очень почтительномъ разстояніи [5])

ихъ порабощеніемъ русскими. Съ этимъ нельзя согласиться: быть ихъ, по Полякову, очень близокъ къ быту людей именно новокамники, такъ что въ этомъ отношеніи и тѣ и другіе находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Что же касается порабощенія, то оно оказываетъ вліяніе главнымъ образомъ лишь на характеръ, а не на тѣло.

[1]) И. Тейлоръ. Происхожденіе арійцевъ, стр. 65—78. Э. Клодъ. Первобытный человѣкъ, стр. 96.

[2]) Основаннаго на относительномъ и отвлеченномъ признакѣ: длинноголовый.

[3]) Тейлоръ и Клодъ, тамъ же. Рукоятки мечей и браслеты (бронзики) свидѣтельствуютъ о малой величинѣ рукъ, но ростъ встрѣчался и высокій (въ помѣсяхъ?). Такъ въ Ютландіи (гдѣ туземцами были неандертальцы) найденъ деревянный гробъ длиною (внутри) $3^1/_4$ ар., шир. $^3/_4$ ар. Въ немъ сохранились черные волосы и одежда, напоминающая (какъ и малость рукъ) египтянъ.

[4]) Модестовъ, тамъ же.

[5]) Въ противоположность первобытникамъ, слѣдовавшимъ непосредственно за льдами, которые имъ были нужны, какъ обусловливавшіе привычныя обстоятельства.

потому, что устроиваться на новыхъ мѣстахъ обновленной страны они могли только послѣ того, какъ страна эта значительно обсыхала [1]), а климатъ ея смягчался. Не слѣдуетъ забывать также, что для иберовъ не было никакихъ, собственно говоря, особо побудительныхъ причинъ стремиться къ сѣверу, заселенному неандертальскими дикарями, т. е. во всякомъ случаѣ въ условія несравненно худшія, чѣмъ бывшія въ земляхъ, занятыхъ ими по берегамъ Средиземнаго моря. Что могло гнать или влечь ихъ изъ этихъ земель на С. при томъ состояніи ихъ развитія (новокамниковое), въ которомъ они находились? Тѣснота на родинѣ? Она недопустима, ибо, насколько можно судить даже по настоящему времени, племя это никогда не было большимъ, особенно такимъ большимъ, какое требуется для заселенія всей Европы (т. е. и Россіи), сколь разрѣженнымъ не допускать бы тогдашнее населеніе. Завоеванія и утѣсненія инородныхъ племенъ? Но для допущенія и предположенія этого нѣтъ данныхъ. Точно также нѣтъ основаній принимать за причину разселенія и корыстныя стремленія: на непривѣтномъ суровомъ сѣверѣ и у грубыхъ и бѣдныхъ неандертальцевъ, питавшихся мягкотѣлыми, взять было нечего, особенно, для немногимъ болѣе ихъ развитыхъ иберовъ. Остается естественное, чрезвычайно медленное и постепенное разселеніе въ стороны наименьшаго сопротивленія или благопріятнѣйшихъ условій. Такое разселеніе иберовъ и окажется въ дѣйствительности, если взглянуть на дѣло строже, безъ широкихъ обобщеній, основанныхъ на отвлеченностяхъ. Что не говорили-бы, но для дикаря, какимъ былъ человѣкъ новокамники, перебраться и чрезъ Гибралтарскій проливъ (болѣе 10 в. ширины), было дѣломъ огромной трудности; объ остальныхъ проливахъ, разъединяющихъ Европу и Африку, говорить нечего: ихъ нужно признать прямо недоступными [2]) для него. Вслѣдствіе этого выселеніе (по крайней мѣрѣ, главное) иберовъ изъ сѣверной Африки могло совершаться лишь къ С.-В.,—чрезъ Палестину, въ Малую Азію и оттуда по островамъ Эгейскаго моря (Архипелага) до Греціи, а черезъ Дарданельскій и Константинопольскій проливы въ самую Грецію и изъ

---

[1]) Изслѣдованія Хвойка показали, что кіевскіе новокамниковые люди жили въ земляпкахъ, вырытыхъ въ лессѣ, осадкѣ ледниковыхъ водъ (см. выше). Очевидно, что вырыть свои земленки эти люди могли только послѣ того, какъ лессъ обсохъ. Не менѣе очевидно, что нельзя рыть землянокъ и на тундрѣ, на которой ихъ и не извѣстно.

[2]) По крайней мѣрѣ очень долгое время, въ которое заселеніе сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря могло совершиться кружнымъ путемъ. Модестовъ другого мнѣнія и препятствій въ проливахъ не видитъ.

нея въ Италію; и къ С., — чрезъ Гибралтаръ въ Испанію, изъ ися во Францію и отсюда постепенно, съ одной стороны, въ Англію, съ другой—въ Италію, все время придерживаясь главнымъ образомъ морскихъ береговъ и мало распространяясь въ глубь материковъ и то лишь по большимъ рѣкамъ, т. е. опять таки придерживаясь береговъ [1]). Близъ Рейна иберы въ своемъ постепенномъ распространеніи встрѣтили предковъ германцевъ-неандертальцевъ, исконныхъ обитателей сѣверной и средней Европы [2]), и далѣе на В. не пошли, хотя отчасти и распространились среди неандертальцевъ, смѣшавшись съ ними. Вмѣстѣ съ послѣдними они, конечно, могли передвигаться по странѣ прагерманцевъ, чѣмъ и объясняются находки иберійскихъ череповъ къ В. отъ Рейна. Но разумѣется, подобныя находки не свидѣтельствуютъ еще о распространеніи иберскаго племени въ эту сторону, а лишь о заходѣ туда отдѣльныхъ особей и семей его. Во всякомъ случаѣ далекое на востокъ распространеніе иберовъ допустить очень трудно потому, что столь же трудно объяснить и понять его по отношенію людей умѣреннаго климата, при томъ же отдѣленныхъ отъ востока чуждымъ ему племенемъ прагерманцевъ. Что касается возможности проникновенія иберовъ въ Россію изъ Малой Азіи берегомъ Чернаго моря мимо Кавказа, о чемъ упоминаетъ Модестовъ, то лично мнѣ этотъ путь представляется положительно невѣроятнымъ. Не говоря о томъ, что въ ледовье ледники Кавказа должны были достигнуть весьма большаго развитія и сдѣлать крайне неудобную дорогу еще менѣе проходимой, я укажу на то, что о передвиженіи племенъ по указанному пути совсѣмъ нѣтъ никакихъ извѣстій; идутъ черезъ горы, но не берегомъ. Кромѣ того, если даже и допустить подобное проникновенье, то все-таки оно не заставитъ разселить иберовъ по всей Россіи до Балтики и Ладоги, а самое бо̀льшее, если обяжетъ искать ихъ на Ю. Россіи, такъ какъ не только въ сѣверной, но даже и въ средней Россіи, насколько извѣстно, никто не наблюдалъ иберскаго типа, выраженнаго

---

[1]) Этимъ объясняется раздѣленіе иберовъ чуждыми племенами, напримѣръ, лигурами, занявшими свободныя пространства (междурѣчья) межъ полосами иберскихъ поселеній, каковое раздѣленіе нѣкоторые склонны объяснять насильнымъ разъединеніемъ иберовъ черезъ вторженіе въ ихъ массу. (И. Тейлоръ, стр. 215...). Въ области иберскаго обитанія находятся также раковинныя кучи, возможно, что ради раковинъ иберы и держались береговъ,

[2]) Въ самую древнѣйшую пору, о которой только извѣстно, долина Дуная уже занята была длинноголовыми динарями ганштадскаго племени, а долина Рейна, сходящаяся верховьями съ верховьями Дунайской, была главной областью его обитанія (Тейлоръ, стр. 106, 233, 235).

древними египтянами, берберами, гунхами или гуанчами Канарскихъ острововъ (Тенерифа) и ниневійскими статуями [1]).

Все сказанное не позволяетъ признать ярославскіе длинноголовые новокамниковые черепа за иберскіе. Если же это такъ, то они должны принадлежать прагерманцамъ-неандертальцамъ, ибо изъ первобытныхъ племенъ Европы длинноголовыми являются лишь два названныя. Подобное обобщеніе представляется едва ли не самымъ вѣроятнымъ изъ нынѣ возможныхъ. Прагерманцы (неандертальцы), по согласному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, суть древнѣйшее и, притомъ, туземное населеніе Европы; они жили въ ней еще въ пору древнекамники, т. е. въ ледовище. Въ поискахъ привычныхъ условій, двигаясь за тающими ледниками, они дошли постепенно до сѣверныхъ береговъ Европы, перебрались по льду на сосѣдніе острова и, наконецъ, въ Скандинавію; тѣ же, которые были остановлены моремъ, двинулись по его берегамъ въ стороны и этимъ путемъ, быть можетъ, проникли въ Россію. Но еще вѣрнѣе, что попали они въ среднюю Россію съ Ю., киммерійцевъ котораго нѣкоторые принимаютъ за одно племя съ неандертальцами [2]). Не касаясь этого обобщенія, замѣчу, что прагерманцы могли проникнуть въ юго-западную и южную Россію изъ Дунайской долины уже тогда, когда въ сѣверной половинѣ Россіи еще господствовали ледники, а на берегахъ Балтики, при устьѣ Нѣмана жили литовцы, какъ утверждаетъ профессоръ Бецценбергеръ [3]).

Такъ или нѣтъ, но положительнымъ даннымъ остается то, что обитатели Россіи въ пору камники отъ южныхъ степей до Ярославской губерніи были длинноголовыми, мертвыхъ погребали въ могилахъ-ямахъ

---

[1]) Э. Клоддъ. Первоб. человѣкъ, стр. 96. Можетъ быть, ихъ потомками здѣсь являются цыгане, выводимые обыкновенно изъ Азіи, но и это весьма сомнительно.

[2]) Ол. Вильчинскій. Очерки древнѣйшей культуры русскихъ областей, стр. 36; Н. Е. Бранденбургъ, Труды XI арх. съѣзда т. I, стр. 159. На Кавказѣ и въ Крымѣ, а равно и въ прилегающихъ къ нему земляхъ найдены дольмены, которые во Франціи приписываютъ и пбсрамъ (Тейлоръ, стр. 112—122), жившимъ совмѣстно съ лигурами, главными строителями ихъ. Однако наличность на Ю. Россіи дольменовъ не можетъ служить вѣскимъ доводомъ въ пользу иберовъ. Правда, что памятники эти широко распространены по всему Средиземному морю, т. е. въ иберскихъ мѣстахъ, находясь и въ Сиріи, и въ Палестинѣ (см. Древности, т. VI, вып. 3. Православный палестинск. сборникъ, вып. 41; Первобытн. челов. Эд. Клоддъ, стр. 100. Кавказскіе), но вмѣстѣ съ тѣмъ они же есть и въ Аравіи, и въ Индіи. Кто строилъ дольмены, еще не установлено прочно (см. названный сборникъ), во многихъ находятъ погребенія съ костяками на лѣвомъ боку съ полоягутыми ногами; попадаются погребенія съ конемъ.

[3]) Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. А. Л. Погодинъ, стр. 7. Бецценбергеръ на основаніи словарныхъ данныхъ пришелъ къ выводу, что литва на Нѣманѣ жила уже за 5000 лѣтъ до Р. Х. Погодинъ говоритъ, что его трудно оспаривать. Не зная работы Бецценбергера, ничего не могу сказать кромѣ того развѣ, что въ указанное время тамъ должно было длиться еще сплошное ледовище.

и клали ихъ тамъ на боку, въ скорченномъ положеніи (съ подогнутыми ногами [1]). При этомъ нѣкоторыя подробности погребеній иногда замѣчательно подобны и даже тождественны въ мѣстахъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга [2]). Такія могилы, пріурочиваемыя киммерійцамъ, встрѣчаются, какъ увѣряютъ, въ Подоліи, въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, на полуостровѣ Тамани—въ Крымѣ, на Кавказѣ, въ Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Курской губерніяхъ, въ Привислянскомъ краѣ, въ Австріи, Германіи, Даніи, Швейцаріи, Франціи, Италіи, Англіи и Испаніи [3]). Если

[1]) Преслоутое «утробное положеніе».

[2]) Какъ напр. въ Ярославской и Харьковской губерніяхъ (форма ямы, обстановка ея камнями, посуда и проч.).

[3]) Указан. стат. Бранденбурга и тамъ же стат. В. Б. Антоновича (стр. 147). Впрочемъ, нужно замѣтить, что предметъ этотъ очень плохо разработанъ: въ могилахъ больше всего обращаютъ вниманія на вещи и на положеніе костяковъ, остальное часто вовсе пропускается, хотя представляетъ огромную важность, какъ напр. ростъ и направленіе костяка, расположеніе и типы посуды, устройство и обстановка могилы и т. д. Вслѣдствіе этого получаются невозможныя обобщенія и объединеніе признаковъ; объединяютъ, напр., въ одну группу костяки, лежащіе головами въ противоположныя стороны, вытянутые и скорченные и т. д. Между тѣмъ строгая запись и подсчетъ показываютъ, что костякъ скорченный, лежащій головой въ одну сторону и на извѣстномъ боку, совсѣмъ не одно и то же, что такой-же, лежащій головой въ другую сторону и на другомъ боку. Вообще дневники раскопокъ очень часто ведутся весьма неудовлетворительно, какъ и самыя раскопки, что лучше всего видно изъ того, что при обобщеніяхъ, даже самыхъ поверхностныхъ, сплошь и рядомъ изъ дневниковъ нельзя получить многихъ важныхъ, хотя бы и элементарныхъ данныхъ. Описанныя такимъ образомъ могилы (а ихъ множество) погибли для науки. Археологической Комиссіи положительно необходимо во 1-хъ, съ большей осмотрительностью давать разрѣшенія на раскопки и др. подобныя изслѣдованія; во 2-хъ, значительно увеличить въ дневникахъ раскопокъ число вопросовъ, на которые обязательно долженъ отвѣтить изслѣдователь, и неуклонно, не сообразуясь ни съ чиномъ, ни съ званіемъ, требовать отвѣта на поставленные вопросы; въ 3-хъ, издать руководства отдѣльно для каждаго рода изслѣдованій: кургановъ, могильниковъ, городищъ и проч., разсылаемыя при открытыхъ листахъ, въ 4-хъ, обязать непремѣнно собирать черепа, болѣе важныя кости костяковъ и, по возможности, полные костяки (нехватка реберъ и т. п. еще не составляетъ недостатка), особенно поощряя это; въ 5-хъ, придерживаться какой-нибудь системы при веденіи раскопокъ и отрѣшиться разъ навсегда отъ нынѣшняго безпорядочнаго раскидыванія по всей Россіи. Непремѣнно нужна система, по областямъ ли, рѣкамъ ли или широтникамъ, все равно, но система. А то раскопки ведутся болѣе 50 лѣтъ, результатовъ же никакихъ (въ послѣднее время Русское Археологическое Общество сдѣлало починъ въ этомъ дѣлѣ), и въ 6-хъ, организовать штатъ раскопщиковъ, которыхъ и отправлять регулярно и систематично, ассигновавъ на каждаго не менѣе 500 руб. на лѣто. Пора оставить погоню за вещами, особенно, за матеріально цѣнными: онѣ первенствующее значеніе имѣютъ лишь для кладоискателей, да любителей, въ наукѣ же второстепенное. Странно слышать сѣтованіе изслѣдователя на малую добычу вещей, на то, что ему попались все «пустые» курганы, какъ не менѣе странно видѣть его нескрываемую радость по случаю обилія, а особенно по случаю матеріальной цѣнности найденнаго. Какъ будто онъ понимаетъ только это. Могила, а тѣмъ болѣе черепъ и костякъ представятъ несравненно болѣе точныя и надежныя данныя, чѣмъ пуды золота и серебра, во всѣ времена распространявшихся за сотни и тысячи верстъ отъ мѣста добычи и выдѣлки. Гончарный обломокъ много выше ихъ, какъ предметъ изученія. Конечно, сказанное не даетъ повода относиться къ вещамъ небрежно, онѣ нужны, какъ подспорье, но не должны затемнять болѣе важнаго значенія остальныхъ подробностей погребеній и сооруженій. Упомяну, что уже не одинъ разъ дѣлались попытки опредѣлить области и племена древняго населенія по курганнымъ вещамъ. Эти попытки едва ли можно

изъ указанныхъ мѣстъ лишь половина окажется дѣйствительно прагерманскими, то дѣло въ данномъ случаѣ, по существу, не измѣнится, такъ какъ по отношенію къ Ярославской губерніи важно, чтобъ прагерманцы могли быть на западныхъ или южныхъ окраинахъ Россіи. Въ пребываніи же ихъ тамъ почти не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Разъ же они были тамъ, то могли проникнуть и въ Ярославскую губернію. А проникали ли въ дѣйствительности, объ этомъ пусть скажутъ ихъ черепа, изображенія которыхъ здѣсь прилагаются. Рис. 1 представляетъ черепъ [1]), взятый въ разрушенномъ рабочими могильникѣ, находившемся между д. б. Фатьянова и Буконтьево, на С. Ярославскаго уѣзда; рис. 2 даетъ то же изображеніе, наложенное на абрисъ черепа изъ пещеры Энгисъ, находящейся въ Бельгіи на лѣвомъ берегѣ Мааса, верстахъ въ 12 къ Ю.-З. отъ г. Лютиха [2]); рис. 3—другой фатьяновскій черепъ; рис. 4—наложеніе его абриса на абрисъ энгисскаго; рис. 5—изображаетъ черепъ, найденный въ могильникѣ, находящемся на холмѣ Черная Гора близъ села Великое Ярославскаго уѣзда; рис. 6—наложеніе его абриса на абрисъ фатьяновскаго второго (рис. 3); рис. 7—представляетъ черепъ изъ кургана большого курганнаго кладбища, находящагося у с-ца Михайловское, въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля; рис. 8—наложеніе абрисовъ череповъ Черногорскаго на Михайловскій; рис. 9—изображаетъ черепъ, добытый изъ кургановъ, расположенныхъ близъ дер. Колѣново Ростовскаго уѣзда въ урочищѣ Ахмылово; рис. 10—даетъ наложеніе абрисовъ череповъ ахмыловскаго на черногорскій; рис. 11—черепъ, найденный въ западной Германіи, въ Неандертальскомъ ущельѣ, близъ Гохдаля, между Дюссельдорфомъ и Эберфельдомъ, въ пещерѣ на р. Дессель [3]), правомъ притокѣ Рейна; рис. 12—наложеніе абрисовъ череповъ неандертальскаго на ахмыловскій; рис. 13—тоже неандертальскаго на михайловскій; рис. 14—тоже

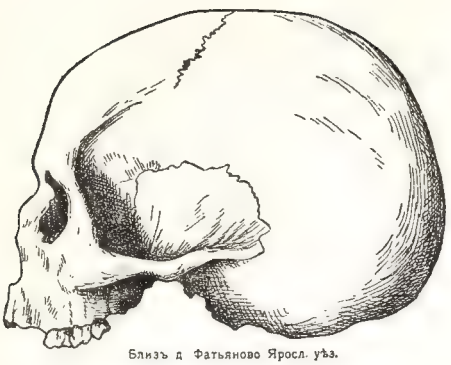
считать за серьезныя работы, какъ имѣющія въ основѣ шаткія данныя и какъ трактующія о человѣкѣ по его платью, ничего не говоря о самомъ человѣкѣ. Не все ли это равно, что находить англичанъ тамъ, гдѣ носятъ цилиндры Циммермана?

[1]) У гр. Уварова, Кам. періодъ, т. I, тб. IX, № 2.

[2]) Тейлоръ, стр. 233... Рисунокъ взятъ изъ статьи Л. К. Попова (Природа и люди, 1879 г., кн. IV, стр. 89). Нельзя не отмѣтить нашу бѣдность данными, особенно рисунками, лишающую возможности сдѣлать хоть что нибудь. Какой бы вопросъ не взять, для освѣщенія его почти никогда не найдешь нужнаго матеріала въ достаточномъ количествѣ, а не рѣдко не знаешь даже, гдѣ и искать. И приходится бродить кругомъ да около, гадая, наводя и чуть не прозрѣвая. Поэтому нельзя не привѣтствовать почина А. Л. Погодина заставлять по возможности чаще и полнѣе говорить авторовъ приводимыхъ источниковъ и давать читателю, кто ни былъ бы онъ, самому судить о дѣлѣ.

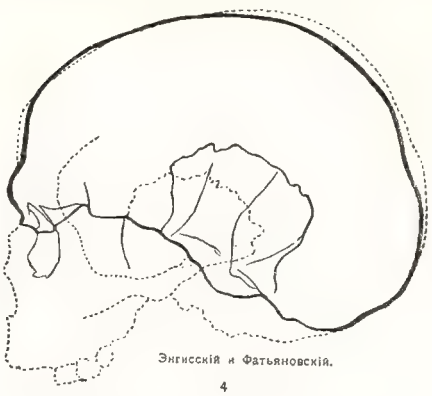
[3]) Взятъ оттуда же, откуда и энгисскій.

1.



Близъ д. Фатьяново Яросл. уѣз.

2.

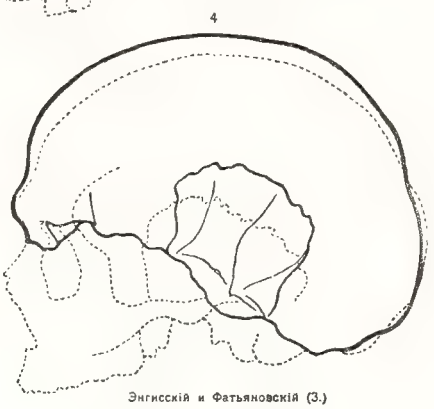


Энгисскій и Фатьяновскій.

3.

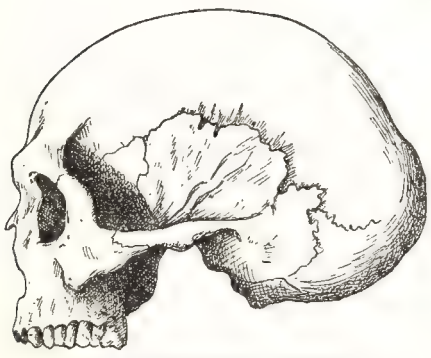
Близъ д. Фатьяново

4



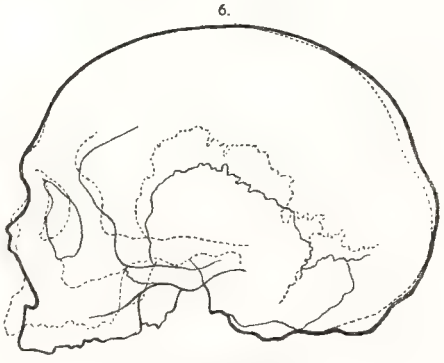
Энгисскій и Фатьяновскій (3.)

5.



Урочище Черная-гора близъ с Великое Яр уѣз

6.

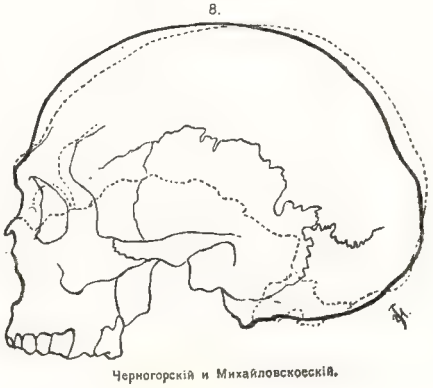


Фатьяновскій и Черногорскій.

7.

С-це Михайловское Яросл. уѣз.

8.



Черногорскій и Михайловскоесскій.

9.

Урочище Ахмылово (Городецъ) близъ д. Колѣново Ростовск. уѣз.

10.

Ахмыловскій и Черногорскій.

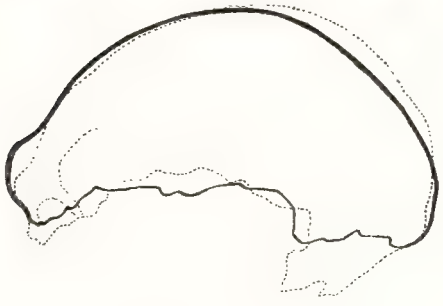
11.

Неандерталь близъ Дюссельдорфа.

12.

Неандертальскій и Ахмыловскій.

13.



Неандертальскій и Михайловскоескій.

14.

Неандертальскій и Фатьяновскій (3.)

Урочище Черная гора близъ с. Великое Яр. уѣз.

неандертальскаго на фатьяновскій (3) и рис. 15—изображеніе черногорскаго черепа [1]).

Разсматривая рисунки, не трудно замѣтить: 1) въ концѣ новокаменки въ Ярославской губерніи жило по крайней мѣрѣ два племени: одно типа энгисской (рис. 1 и 2), другое—неандертальской пещеры (рис. 3, 5 и 10). Жили они совмѣстно и вступали въ смѣшанные браки, какъ это видно по фатьяновскому могильнику и стоянкѣ, въ которыхъ найдены рядомъ и черепа обоихъ указанныхъ типовъ и несомнѣнной помѣси ихъ [2]). О двухъ племенахъ говоритъ и положеніе костяковъ въ могилахъ въ разныя стороны головой къ З. и Ю.-В.

2) Насколько можно судить по существующимъ даннымъ, которыхъ, впрочемъ, слишкомъ не достаточно, преобладалъ численно, кажется, неандертальскій типъ, проявляющійся и много спустя у курганниковъ губерніи. Впрочемъ, въ черепахъ послѣднихъ обнаруживается и энгисскій типъ, но только черты его, какъ болѣе подходящаго къ славянскому, труднѣе замѣтить.

3) Отличительные признаки неандертальскаго типа черепа: покатость лба («убѣгающій»), развитіе лобныхъ пазухъ и обусловленное ими развитіе надбровій или бровныхъ дугъ, а равно—низкость и пологость черепного свода не только свойственны древнимъ ярославскимъ черепамъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выступаютъ еще рѣзче, чѣмъ даже въ неандертальскомъ черепѣ, таковы: 7—убѣгающій лобъ [3]) и 9—пологость свода и развитіе надбровій [4]). По покатости лба неандертальскаго черепа уже можно предполагать въ немъ косозубость (прогнатизмъ), которая дѣйствительно и подтверждается другими черепами его типа [5]). Эту же черту отмѣчаетъ гр. Уваровъ въ фатьяновскомъ

---

[1]) Который необходимо издать въ виду того интереса, который представляютъ черепа разсматриваемаго времени. См. еще черепъ той-же поры въ Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft (1903 г. т. II, стр. 82), очень близкій къ Ярославскимъ и найденный при однородныхъ съ ярославскими условіяхъ. Рих. Вейнбергъ относитъ его къ длинноголовому племени сѣверной Европы. Интересный черепъ хранится въ Тверскомъ музеѣ древностей.

[2]) У гр. Уварова, таб. X, рис. 3 энгисскаго типа, рис. 4 неандертальскаго.

[3]) Такъ называемая «голова клиномъ»; подобные Бранденбургъ отмѣчаетъ для юга Россіи (Труды XI арх. съѣзда, т. I, стр. 161.

[4]) Оба указанные черепа курганные и относятся къ болѣе позднему времени, къ X и XI в.в., но это обстоятельство не уменьшаетъ степени убѣдительности явленія, такъ какъ въ тѣсной связи курганниковъ съ новокамниковыми людьми губерніи не можетъ, кажется, возникать сомнѣній; она, какъ видѣли, отмѣчена еще А. П. Богдановымъ.

[5]) Ис. Тейлоръ, стр. 238.

черепѣ, изображенномъ здѣсь на рис. 3-мъ [1]), она же выступаетъ и въ черногорскомъ, но въ болѣе рѣзкомъ видѣ (рис. 6, точечная линія), а въ нѣкоторыхъ ярославскихъ черепахъ среднихъ вѣковъ (XVI—XVII) [2]) достигаетъ иногда значительныхъ размѣровъ. Какъ извѣстно, косозубость является одной изъ тѣхъ чертъ, которыя отличаютъ черепа прагерманцевъ отъ иберскихъ, —весьма прямозубыхъ (ортогнатныхъ) [3]).

Другая особенность прагерманскихъ череповъ,—выпуклый бугромъ затылокъ,— также рѣзко выражена въ ярославскихъ черепахъ.

4) Племя неандертальскаго типа, повидимому, было значительно распространено по Ярославской губерніи; его черепа поры новокамники весьма однотипные (рис. 6) найдены на разстояніи 50 вер. одни отъ другихъ [4]), а черепа того же типа курганнаго времени встрѣчены и на Ю. Ростовскаго уѣзда, т. е. въ разстояніи отъ фатьяновскихъ верстъ на 150.

Энгисскій черепъ считаютъ за прагерманскій [5]), основываясь, главнымъ образомъ, на соотношеніи его измѣреній и объясняя бо́льшее развитіе верхней части его бо́льшимъ совершенствованіемъ умственныхъ способностей энгисскаго человѣка. Это возможно: развитіе умственныхъ способностей не остается безъ вліянія на строеніе черепа. Но нельзя забывать, что подобное вліяніе сказывается не столько въ увеличеніи мозга, вызывающемъ и увеличеніе черепа, сколько въ усложненіи и увеличеніи числа извилинъ перваго. Это же обстоятельство не влечетъ увеличенія объема мозга. Кромѣ того, черепа неандертальскаго типа выродомъ или о́тродомъ (атавизмомъ) являются до сихъ поръ, но на умственныя способности ихъ обладателей замѣтно не вліяютъ отрицательно. Слѣдовательно развитіе энгисскаго черепа на высоту (рис. 4), можетъ быть, правильнѣе будетъ объяснить примѣсью болѣе высокоголоваго, хотя бы и родственнаго племени, что тѣмъ возможнѣе, что,

---

[1]) А у него на таб. IX, № 1. Уваровъ считаетъ этотъ черепъ вообще исключительнымъ; оно понятно: два остальные, какъ черепа помѣсей, отличаются отъ его № 2, гораздо менѣе перваго, являющагося болѣе чистымъ типомъ. Однако онь все-таки не самый типичный, и черногорскій болѣе чистаго типа, хотя и самъ едва ли свободенъ отъ измѣненій примѣсью. Уваровъ, видимо, всѣ черепа принялъ за принадлежавшіе болѣе или менѣе чистымъ особямъ. Сильная косозубость (верхне-челюстная) присуща нѣкоторымъ курганнымъ длиннымъ черепамъ, хранящимся въ музеѣ Яросл. Арх. Комм.

[2]) Пріобрѣтены мной и хранятся въ Ярославской Арх. Комиссіи.

[3]) Тейлоръ, стр. 233, 115. Древне-германскій черепъ описывается такъ: длинноголовъ, высокъ, съ выдающимся затылкомъ, плоскими висками, вдавленнымъ (въ профиль) переносьемъ и съ сильно развитыми (у мужчинъ) подбровьями (Древности, т. XIV, стр. 178).

[4]) Фатьяново къ С. отъ Ярославля въ 25 вер., а Черная Гора въ 25 вер. къ Ю. отъ него.

[5]) Тейлоръ, стр. 233.

какъ свидѣтельствуетъ Вирховъ, въ Европѣ съ самаго отдаленнаго времени встрѣчаются уже два созрѣвшіе типа: длинноголовый и широкоголовый [1]). А разъ они были, то могли и смѣшиваться, да, несомнѣнно, и мѣшались.

Что касается доказательности пребыванія прагерманскаго племени въ предѣлахъ Ярославской губерніи, то это пребываніе, кромѣ череповъ, подтверждается еще сходствомъ орудій. Такъ И. С. Поляковъ отмѣчаетъ [2]), что фатьяновскіе каменные молоты-топоры схожи съ таковыми же изъ датскихъ сорниковъ (кьёккенмёддинговъ). Вирховъ нашелъ черепа плоскоголоваго неандертальскаго или канштадскаго типа къ В. отъ Петербурга [3]) и, несомнѣнно, нашелъ бы ихъ и много далѣе въ эту сторону, если бы только искалъ. Можно отмѣтить также еще слѣдующее. Береговъ Балтики прагерманцы достигли въ то время, когда сѣверный олень откочевалъ уже изъ тѣхъ мѣстъ дальше къ С. [4]), т. е., какъ выше замѣчено мной, въ поледовье. Въ это же время плоско и длинно-головое племя появляется и въ Ярославской губерніи. Затѣмъ, питались они въ то время преимущественно двустворчатыми слизняками какъ морскими, такъ и рѣчными, уничтожая ихъ громадныя количества и накидывая цѣлыя кучи (иногда большихъ размѣровъ,—до 125 с. дл., до 27 с. шир. и до $^1/_2$ с. выс. [5]) опорожненныхъ раковинъ. Такія кучи найдены, какъ на морскихъ берегахъ Даніи и Швеціи, такъ и на берегахъ внутреннихъ озеръ и рѣкъ, между прочимъ и Россіи [6]).

---

[1]) Древности, т. XIX, вып. 3, стр. 147. Сюда же относится его замѣчаніе (тамъ же) о томъ, что распредѣленіе (въ Германіи) блондиновъ и брюнетовъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ остается неизмѣннымъ и, притомъ, не зависитъ отъ климата. Указанное явленіе объясняется тѣмъ, что смѣшались два племени,—свѣтлоцвѣтное и темноцвѣтное, въ которыхъ число особей было опредѣленное. А такъ какъ отъ помѣси потомство воспроизводится по числу особей въ отца и мать, въ общемъ, въ одинаковыхъ соотношеніяхъ, то общее отношеніе тѣхъ и другихъ другъ къ другу и остается болѣе или менѣе постояннымъ. Во всякомъ случаѣ подмѣченное Вирховымъ явленіе ясно свидѣтельствуетъ о двухъ разныхъ племенахъ. О томъ же говорятъ и раскопки новокамниковаго кургана въ Борреби, на датскомъ островѣ Фальстерѣ, гдѣ найдены прагерманскіе черепа вмѣстѣ съ короткоголовыми. Курганъ относятъ къ времени сорниковъ или раковинниковъ (Тейлоръ, стр. 104).

[2]) Антроп. выставка, т. III, стр. 188—192 и т. II, стр. 130.

[3]) Тейлоръ, стр. 233.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тейлоръ, стр. 62.

[6]) Напримѣръ кн. Путятинымъ (Труды VII Арх. Съѣзда, т. III, Протоколы, стр. 60) въ Бологовскомъ уѣздѣ Новгор. губ. на берегахъ уже высохшей рѣки. Онъ находитъ сорники или кухонные отбросы Россіи сходными съ бельгійскими времени сѣвернаго оленя и пещеръ Шалексъ (Chaleux), Ревье (Revieu) и др. Того-же мнѣнія онъ и о костяныхъ и каменныхъ орудіяхъ. Современники бологовскихъ отбросовъ описываются Путятинымъ, какъ племя почти длинноголовое, съ приплюснутымъ лбомъ, косозубое, съ сильной и весьма развитой нижней челюстью и считаются имъ членами одной народности съ обитателями береговъ Оки и Фатьяново, описанными Гр. Уваровымъ. Весьма жаль, что онъ

Въ Ярославской учминской стоянкѣ встрѣчаемъ тѣ же раковины [1]). Конечно, ихъ трудно признать за вѣрный признакъ пребыванія въ мѣстахъ ихъ нахожденія прагерманцевъ, такъ какъ питаться раковинами могло одновременно нѣсколько племенъ [2]). Однако и этотъ признакъ, являясь не обособленнымъ, а вмѣстѣ и на ряду съ другими, пріобрѣтаетъ также извѣстную долю вѣскости.

Какимъ путемъ, т. е. берегомъ ли Балтики или въ обходъ литовцевъ (если они тамъ сидѣли уже въ то время), по рѣкамъ Днѣстру и Днѣпру съ ихъ притоками явились прагерманцы въ Россію, пока точно рѣшить нельзя по недостатку наблюденій. Но вопросъ этотъ, очень любопытный самъ по себѣ, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ рѣшающей важности. Важнѣе то, что прагерманцевъ на степени строителей сорниковъ застаетъ письменность. Юлій Цезарь въ I в. до Р. Х. такъ описываетъ ихъ въ ихъ прародинѣ—устьяхъ Рейна: приближаясь къ океану (морю), онъ (Рейнъ) раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ много большихъ острововъ, большая часть которыхъ населена дикими и варварскими народами; изъ нихъ нѣкоторые поддерживаютъ свое существованіе рыбой и птичьими яйцами [3]). Именно здѣсь и въ окрестностяхъ, какъ-то: на островахъ залива Зюдерзее и особенно въ Фрисландіи, прагерманскій типъ сохранился въ наибольшей чистотѣ и нигдѣ не попадается столько череповъ неандертальскаго типа,

---

не даетъ рисунковъ череповъ (хотя бы вродѣ прилагаемыхъ здѣсь),—они дали-бы гораздо больше даже самаго подробнаго описанія. Путятинъ говоритъ, кромѣ бологовскихъ, еще о кухонныхъ остаткахъ окскихъ и ярославскихъ (фатьяновскихъ), но такихъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія въ указанныхъ мѣстахъ не было. Кстати о рисункахъ. Желательно, что бы они всѣ исполнялись одного размѣра (какъ прилагаемые), причемъ, основными точками длины слѣдуетъ брать переносье—затылокъ; ширины:—внѣшніе края боковыхъ глазничныхъ (скуловыхъ) костей, а для рисунковъ—«видъ съ верха»—линію, отдѣляющую надбровья отъ черепа, и затылокъ. Указанныя линіи или разстоянія должны быть одинаковы во всѣхъ рисункахъ, что позволитъ сравнивать послѣдніе путемъ наложенія безъ перерисовокъ, а это для неумѣющихъ рисовать очень важно.

[1]) Причемъ подробности обстановки даютъ любопытную черточку несложной жизни того далекаго времени: обитатель губерніи, бродя по отмелямъ, собиралъ раковины, видимо, въ горшокъ изъ необожженной глины, покрытый дырчатымъ, рябымъ узоромъ, въ которомъ и хранилъ свой запасъ. На стоянкѣ найдены (какъ о томъ сообщалось въ одномъ изъ собраній Ярославской Арх. Ком., въ августѣ 1900 г.) черепки развалившагося горшечка и въ нихъ нѣсколько раковинъ перловицы. О питаніи раковинными животными говоритъ и И. С. Поляковъ про тульскаго новокамниковаго человѣка (Антрополог. поѣздка въ центр. и восточ. Россію, стр. 37).

[2]) Раковинныя кучи или сорники попадаются и по берегамъ Португаліи, гдѣ ихъ приписываютъ иберамъ. Многіе изъ современныхъ дикарей, какъ напримѣръ пешересы яганъ Огненной земли Южной Америки, полинезійцы и др. также питаются слизняками. Однако можно отмѣтить, что любовь къ устрицамъ особенно развита въ Германіи, Англіи и Франціи.

[3]) De Bello Gallico IV, 10. Ю. Цезарь, по Тейлору (238). На подобной степени развитія нынѣ стоятъ пешересы, или, точнѣе, яганъ.

какъ тамъ [1]). Нынѣшнихъ жителей Фрисландскихъ острововъ Вирховъ считаетъ за прямыхъ потомковъ строителей датскихъ сорниковъ. Такимъ образомъ всего 100 лѣтъ съ небольшимъ до того, какъ Тацитъ описывалъ дикарей фенновъ въ Россіи, Ю. Цезарь отмѣтилъ подобныхъ же по развитію дикарей въ Голландіи. И если они могли оставаться такими въ Голландіи, имѣвшей долголѣтнія сношенія съ Римской имперіей, то еще болѣе дикими они должны были быть на пустынныхъ равнинахъ внутренней Россіи, отдѣленной отъ тогдашняго образованнаго міра огромными пространствами [2]).

Трудно сказать, знала ли прагерманцевъ въ Россіи письменность, сообщающая, какъ увидимъ, о феннахъ береговъ Балтики, такъ какъ весьма трудно доискаться истиннаго значенія тѣхъ названій племенъ и народовъ, помѣщаемыхъ въ Россіи, которыя даетъ эта письменность. Одно, кажется, несомнѣнно: свѣдѣнія о дикости описываемыхъ ею народовъ до славянъ включительно нѣтъ основаній считать преувеличенными и представляющимися такими только съ точки зрѣнія образованнаго грека или римлянина, склонныхъ, будто бы, къ сгущенію красокъ. Зачѣмъ было сгущать ихъ, когда онѣ и безъ того поражали? Непониманіе нѣкоторыхъ явленій было, какъ есть и теперь; разукрашиваній же, особенно, намѣренныхъ, нѣтъ. По крайней мѣрѣ изслѣдованіе не только не удаляетъ, но больше и больше приближаетъ къ нашему времени тѣ явленія, которыя сообщаетъ древняя письменность. Не столько грѣшитъ она, сколько наше подъ часъ предвзятое пониманіе ея.

Но знала ли письменность прагерманцевъ въ Ярославской губерніи или нѣтъ, тѣмъ не менѣе они въ ней были, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ихъ черепа и кости, находимые въ могилахъ [3]). Устройство фать-

---

[1]) Тейлоръ, стр. 103. Быть можетъ, найдутся желающіе объяснить наличность прагерманскихъ череповъ въ Россіи пребываніемъ въ ней готовъ, вышедшихъ изъ Скандинавіи. Но во 1-хъ, въ Россіи они появляются около III в. по Р. Х., а во 2-хъ, ихъ бытъ, насколько о немъ можно судить, совсѣмъ не напоминаетъ быта людей новокаменнаго.

[2]) Даже отъ черноморскихъ греческихъ колоній, появившихся въ Россіи въ VI в. до Р. Х. (Труды XI Арх. Съѣзда, т. I, стр. 166).

[3]) С. Гедеоновъ (Отрывки изъ изслѣдов. о варяжск. вопросѣ, стр. 153) приводитъ справку о великанахъ въ сѣверной Россіи, нелишенную нѣкотораго интереса. Вотъ ея сущность. Iотунгеймъ (Iotunheimr—финское jotnar=великанъ) и Рисаландъ (Risaland—шведское, отъ risar=великанъ; не отсюда ли русское рыцарь, а не отъ ritter, какъ думаютъ) считались частью Гардарикіи (т. е. новгородскихъ земель), къ которой стояли въ даньномъ отношеніи. Эти названія принимаютъ за переводъ славянскаго: Волотова земля и указываютъ, что по нѣкоторымъ лѣтописцамъ около Вологды и Кубенскаго озера жили люди, называвшіеся волотами вслѣдствіе того, что почитали за боговъ волотовъ—великановъ. По Болтину въ его время народъ еще разсказывалъ о людяхъ-великанахъ, бывшихъ раньше, и о томъ, что позже будутъ люди меньше насъ. По Гедеонову «Волотъ» въ западно-славянскомъ выго-

яновскихъ могилъ, благодаря невѣжеству завѣдывавшихъ работами по постройкѣ сперва желѣзной дороги, а позже шоссе, выяснить не удалось. Могилы того же приблизительно времени на Холмской горѣ около Романова въ с-цѣ Дегтево (Ярославскаго уѣзда) и другихъ мѣстахъ уничтожены совершенно [1]). Только на Черной Горѣ посчастливилось обслѣдовать ихъ болѣе или менѣе соотвѣтствующимъ образомъ. Изслѣдованіе показало, что могилы людей новокамники Ярославской губерніи представляютъ материковыя, продолговатыя, съ закругленными углами ямы отъ 1 ар. 9 в. —$2^1/_2$ ар. глубиной. Засыпка могилы нѣсколько, но очень не много, возвышается надъ поверхностью почвы [2]), такъ что замѣтить эту приподнятость могъ бы только опытный и пристальный взглядъ. Чѣмъ ее объяснить, сказать трудно. Возможно, что она обусловлена просто пересыпкой почвы, которая при перекопкѣ не укладывается такъ плотно, какъ при естественномъ напластованіи. Во всякомъ случаѣ *насыпей надъ могилами или кургановъ* ни на Черной горѣ, ни на Фатьянов-

---

ворѣ будетъ—«Велетъ». Въ Лапландіи сохранялось преданье о новгородскомъ ставленникѣ, правителѣ Кареліи Валитѣ—Варентѣ—воинственномъ и необыкновенно сильномъ. Ему приписывалось завоеваніе Мурмана и сооруженіе вавилоновъ (лабиринтовъ), встрѣчающихся на сѣверѣ довольно часто (Зап. отд. русск. и слав. археологіи Русск. Арх. Общ., т. VI, в. 1). Одинъ изъ вавилоновъ былъ въ Варенгѣ, на нѣмецкомъ побоищѣ, гдѣ Варенгскій лѣтній погостъ. Большой срединный камень вавилона еще въ XVI в. слылъ Валитовымъ. Всѣ подобныя преданья могли возникнуть среди финновъ, для которыхъ славяне и еще болѣе норманы казались великанами въ смыслѣ верзила. Видѣть въ вавилонахъ славянскія городища, какъ дѣлаетъ Гедеоновъ, нельзя; ихъ назначеніе хотя еще и не выяснено, но несомнѣнно, совершенно иное. Любопытно указаніе Буткова (Сынъ Отечества, 1836 г., № 1) на заливъ въ Рюссаландѣ (Русской землѣ), называемый лопарями Варьягъ—Вуода=Варягская вода, который на картѣ Россіи Гессель Герарда 1614 г. названъ Варангеръ, а у Рудбека—Варанга съ страною Варегіею на восточномъ берегѣ оз. Енаре (на Мурманѣ), гдѣ по Большому чертежу—Волитово, Волотово городище. Послѣднее и объясняетъ, кто разумѣлся подъ волотами и какъ далеко въ древность можно отодвинуть преданья о великанахъ.

[1]) Опять благодаря тому-же невѣжеству мѣстной «интеллигенціи» и отсутствію надзора. У Романова цѣлые года разрушали песковозы большой могильникъ, находили костяки и вещи, разсказывали объ этомъ многимъ жителямъ города, къ которымъ приносили и найденныя вещи. Послѣднія кое-кѣмъ изъ этихъ «образованныхъ» людей пріобрѣтались «ради куріоза», но никому изъ нихъ не пришло въ голову сходить на мѣсто находокъ (оно-же у самаго города), осмотрѣть его, разспросить и записать видѣнное и слышанное, а еще лучше увѣдомить кого-нибудь изъ знающихъ. Подобные печальные случаи продолжаютъ повторяться до самаго послѣдняго времени, и мѣстная архивная коммиссія ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ ей не дано рѣшительно никакихъ правъ и въ то же время она поставлена (какъ и всѣ другія) въ зависимость положительно отъ всѣхъ и всего. Ей не дается рѣшительно никакихъ средствъ, вслѣдствіе чего она вынуждена выпрашивать ихъ у земства и города, а стало быть, и не смѣть сказать ничего ни про земскихъ, ни про городскихъ дѣятелей, ни про ихъ знакомыхъ, родныхъ и сослуживцевъ, ни про тѣхъ, кто можетъ надавить на городъ и земство непосредственно и посредственно и т. д. Такое положеніе науки, подобное существованіе чуть не ради Христа, на хлѣбахъ изъ милости, какъ нѣчто совершенно ненужное и лишнее, глубоко удручаетъ и возмущаетъ. Не можетъ и не должно держаться такое положеніе, оно позорно и постыдно, но, разумѣется, не для Коммиссій.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. 1898 г. №№ 16 и 19, въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 6.

скомъ холмѣ, ни подъ Романовымъ, ни въ другихъ мѣстахъ *не было* и потому *ярославскіе курганы не могутъ идти отсюда*. Объ этомъ-же не менѣе убѣдительно говоритъ и то обстоятельство, что здѣшнихъ кургановъ древнѣе VIII вѣка пока неизвѣстно, хотя и раскопано ихъ больше тысячи. Впрочемъ, нужно оговориться, что въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Россіи могилы приблизительно той же поры, нерѣдко весьма близкія къ ярославскимъ по устройству и по содержимому, почти всегда прикрыты курганами. Зависитъ ли такая разница отъ племенной особенности или отъ бо̀льшаго развитія южнаго племени, или же отъ сторонняго вліянія на него, отъ заимствованія, рѣшитъ будущее. А. А. Спицинъ (Зап. русск. и слав. арх. Русс. Арх. Общ., т. V, в. 1, стр. 77), исходя изъ указаннаго сходства, склоненъ привести длинноголовыхъ на верхнюю Волгу съ Кавказа. Ниже я говорю по этому поводу, но болѣе вѣское слово можетъ сказать лишь обстоятельнѣйшее изслѣдованіе череповъ и костей между прочимъ и при помощи микроскопа.

О всемъ говоренномъ до сихъ поръ до насъ не дошло никакихъ свидѣтельствъ ни письменности, ни языка. Люди жили долгое время и оставили въ воспоминаніе о себѣ только свои кости, немного могилъ и кое-какія подѣлки изъ камня, кости и глины, которыя и приходится вопрошать о ихъ неизвѣстныхъ владѣльцахъ. Далѣе рѣчь пойдетъ о населеніи, отмѣченномъ письменностью и засвидѣтельствовавшемъ о себѣ въ такъ называемой лѣтописи земли, т. е. въ названіяхъ живыхъ урочищъ, которымъ въ послѣднее время опять начали придавать (вполнѣ заслуженно и основательно) весьма большое значеніе [1]).

Первыми изъ такого населенія являются въ Ярославской губерніи, по мнѣнію большинства, *финны*, по мнѣнію меньшинства, *финно-угры*. Кто правъ? Не рѣшено. Вѣрнѣе: ни тѣ, ни другіе не правы. Первые потому, что нѣтъ основанія кромѣ финновъ не видѣть въ губерніи одновременно съ ними (по крайней мѣрѣ нѣкоторое время) угровъюгру; вторые потому, что сливать въ одно финновъ и угровъ, различныхъ и по языку, и по наружному виду, и по внутреннимъ качествамъ нѣтъ основаній. Которое изъ этихъ двухъ племенъ явилось въ Россію и, въ частности, въ Ярославскую губернію ранѣе, рѣшить можно лишь по тщательномъ и подробномъ изслѣдованіи ихъ языковъ, особенно въ отношеніи заимствованій какъ одного изъ другого, такъ и

[1]) И. Филевичъ. Исторія древней Руси, т. I.

изъ иныхъ, бывшихъ въ разное время сосѣдними съ ними. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано и дѣлается, но однако еще не бо́льшая половина. Особенно сильно чувствуется недостатокъ изслѣдованій въ этой области русскихъ и на русскомъ языкѣ, что тѣмъ болѣе жаль, что все финское племя живетъ въ Россіи и для многихъ ея мѣстностей начинаетъ исторію [1]).

Если взглянуть на этнографическую карту Россіи, то увидишь, что финское населеніе расположилось въ Россіи полосой разной ширины, тянущейся отъ западныхъ границъ сѣверной половины государства, т. е. отъ Балтики до Урала, главнымъ образомъ къ С. отъ средней и верхней Волги. При этомъ болѣе сѣверныхъ широтъ оно достигло въ сѣверо-западной части государства, гдѣ уперлось въ море, а наиболѣе южныхъ въ юго-восточной части, у южныхъ концовъ Урала. Соединяя эти крайнія точки линіей, получишь линію распространенія финскаго народа въ Россіи, а принявъ во вниманіе преданія лопарей о томъ, что они пришли съ В. [2]) и общее мнѣніе ученыхъ, по которому финны передвинулись въ Европу отъ Алтайскихъ горъ [3]), можно видѣть въ указанной линіи направленіе первоначальнаго движенія финновъ по Россіи при переселеніи въ нее изъ Азіи. Судя по нынѣшнему разселенію ихъ здѣсь, есть основаніе думать, что впереди двигались лопари, (лопарь=окрайный, украйный), за ними финны—собственно эсты, ливы и пр. западныя финскія племена; затѣмъ отяки, зыряны, черемисы и въ хвостѣ мордва. Выйдя на Волгу около Самарской луки, финны, видимо, шли вверхъ по теченію рѣки, распространяясь въ стороны по притокамъ, по которымъ постепенно добрались до Онежскаго и Ладожскаго озеръ и до Финскаго залива Балтики. Совершилось это очень давно, въ послѣднюю пору древней или въ началѣ новой каменики, какъ видно изъ того, что лопари были и остаются еще до сихъ поръ оленеводами, представляя собою любопытнѣйшій остатокъ глубочайшей древности, живую картину изъ временъ за 2000, за 3000 лѣтъ назадъ, на которыхъ, къ сожалѣнію, недостаточно обра-

---

[1]) Особенно громадный недостатокъ ощущается въ хорошихъ словаряхъ—простыхъ, сравнительныхъ и производныхъ или этимологическихъ, какъ и вообще въ сыромъ, но упорядоченномъ матеріалѣ. Что и есть, такъ въ большинствѣ случаевъ разбросано по множеству всевозможныхъ изданій, часто такихъ, въ которыхъ въ голову не придетъ искать нужнаго. А сколько тратится труда и времени на подобныя разъисканія и на указанія источниковъ!

[2]) Русскіе лопари. Н. Н. Харузинъ (Изв. общ. люб. ест. антроп. и этногр., т. LXVI. Труды Этногр. отд. т. X), стр. 21.

[3]) Семипалатинская область, между верховьями Иртыша и Біи. Между прочимъ см. Вѣстникъ и библіотека самообразованія 1903 г. № 34, талантливую статью И. Н. Смирнова.

щалось и обращается вниманія, почему для очень многаго упущено уже время. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ состояніи лопари [1]) представляютъ еще нѣкоторыя характерныя данныя и черты быта, которыя у другихъ финновъ, если и существуютъ, то лишь въ видѣ отрывочныхъ пережитковъ, давно утратившихъ настоящіе смыслъ и значеніе [2]). Такъ какъ лопари представляютъ, кажется, наболѣе чистый типъ финновъ (по крайней мѣрѣ мѣстами и въ отдѣльныхъ особяхъ) и сохранили наибольшее число древнихъ чертъ, то я попробую дать сжатое описаніе ихъ (глав. обр. по Харузину) въ виду того значенія, какое имѣли финны для Ярославской губерніи [3]).

Лопари—угро-финны (Шоттъ), антропологически принадлежатъ къ монголовиднымъ племенамъ, хотя отклоняются отъ монголовъ довольно значительно (Впрховъ, Ранке) [4]); по языку родственны съ финнами Финляндіи и Кореліи, съ вогулами и мордвой. Сами себя называютъ саоме, само, сабмо, суома-е, суомолайсе, а страну Суомаедне, Суомаладне.

---

[1]) Особенно такъ называемые Финеманы или фильманы—лопари оленеводы, занимающіе тундры отъ г. Колы на В. и до границъ Финляндіи и Норвегіи на З., на пространствѣ 300 вер. Отечество ихъ Финляндія и норвежская провинція Финмаркенъ. Ихъ считаютъ тоже за лопарей, но, кажется, безъ достаточнаго основанія, такъ какъ типъ ихъ значительно разнится отъ финскаго: они черноволосы, кареглазы, смуглолицы, но румяны, недовѣрчивы, угрюмы и мстительны, и умственно стоятъ ниже лопарей; говорятъ совершенно особымъ нарѣчіемъ. Мясо оленье, тюленье, китовый жиръ и рыбу ѣдятъ сырьемъ и безъ соли. Живутъ въ кота—коническихъ палаткахъ $2^1/_2$ с. поперечникомъ, крытыхъ (нынѣ) грубымъ войлокомъ. Любимый цвѣтъ бѣлый (Природа и люди, 1879 г., кн. X, стр. 30). Едва ли это настоящіе финны, которые большинствомъ бѣлобрысы, бѣлокожи и свѣтло-голубоглазы (сывороточные). Темноцвѣтное племя скорѣй остатокъ другого древняго народа, примѣшаннаго и къ финскому (суоми) и къ эстамъ.

[2]) Болѣе полнымъ и лучшимъ (по полнотѣ) изслѣдованіемъ о лопаряхъ на русскомъ языкѣ является указанное выше изслѣдованіе И. Н. Харузина, но оно страдаетъ слабостью самостоятельности автора и часто неопредѣленностью его личныхъ взглядовъ. О многомъ онъ не то не умѣетъ, не то опасается высказать свой взглядъ, сдѣлать выводъ и потому отъ прочитаннаго нерѣдко остается смутное впечатлѣніе. Типы лопарей на рисункахъ выбраны очень неудачно, такъ какъ типы эти вовсе не лопарскіе. Несравненно выше рисунокъ, изображающій «Типы норвежскихъ лопарей», приведенный въ журн. «Природа и люди» (1879 г., кн. X, стр. 13); рисунокъ вежи тоже даетъ очень слабое представленіе о ея устройствѣ. Вообще рисунковъ мало (одежды, утвари, узоровъ, упряжи, лодокъ, повозокъ, идоловъ, капищъ, могилъ и пр.), и, какъ поясненіе, они плохи. Неумѣлость выбрать типичное и характерное замѣтна и въ изложеніи.

[3]) Научно лопарь, какъ животное, обслѣдованъ недостаточно, многія цифры взяты съ 3—5 особей.

[4]) И. Н. Смирновъ въ указанной статьѣ говоритъ, что черты лица финновъ и турокъ роднятъ ихъ съ монголами, ибо большая часть ихъ лицъ монголовидна и что монголость типа увеличивается съ удаленіемъ къ В., т. е. съ приближеніемъ къ гнѣзду монгольства, такъ что у Алтая то вліяніе, которое оказывала желтая монгольская народность на урало-алтайскихъ монголовидовъ и тѣлесно и духовно, дѣлается очевиднымъ. Это вліяніе не ограничивалось только Алтаемъ, но достигало или, вѣрнѣе, отражалось и на монголовидахъ далекаго поволжья (ст. 1382). Вирховъ причисляетъ лопарей къ зачахшимъ племенамъ, но это мнѣніе опровергается тѣмъ, что другіе финны, живущіе въ лучшихъ условіяхъ, по сложенію не лучше лопарей и что финская примѣсь къ славянамъ понизила и сложеніе и ростъ славянъ.

Ростъ низкій,—отъ 2 ар. 2 в.—2 ар. 3 в. муж. (151—153 сант.) и отъ 1 ар. $15^1/_2$ в.—2 ар. $^1/_2$ в. жен. (139—145,6 сант.). Низкость роста обусловлена *короткостью ногъ* [1]), отъ которой туловище и руки кажутся длинными, разстояніе между распростертыми руками значительно меньше роста. *Ширина плечъ и объемъ груди замѣчательно велики*, поясница (талія) и тазъ шире, чѣмъ у европейцевъ (относительно); пальцы на рукахъ длинные. Ноги коротки, нѣсколько согнуты (въ колѣняхъ?), иногда кривы и *косолапы*, *походка въ переваику* съ *наклономъ впередъ* и съ *приспѣданьемъ* (при положеніи ступни на пальцахъ: «какъ на рессорахъ»). Головной показатель 87 — 88,2 [2]), голова большая, круглая и крутая (?), выдается къ верху угломъ, съуживаясь съ обѣнхъ сторонъ; затылокъ заостренный (по другимъ (человѣковѣдѣніе), голова короткая, отъ переносья до затылка, съ шаровидной, а не острой, черепной крышкой, съ сильно выпуклыми висками, черепная полость относительно велика и мозгъ хорошо развитъ); лицо плоское, широкое, скуластое (ибо скулы весьма широки, челюсти же развиты слабо), круглое; носъ широкій (въ ноздряхъ), короткій, вогнутый («утиный») съ широкими ноздрями, но не мясистый, а скорѣй сухой; глаза небольшіе, узкіе, продолговатые, иногда съ косымъ разрѣзомъ и разставлены (по А. И. Кельсіеву) очень далеко другъ отъ друга, благодаря ширинѣ переносья; цвѣтъ ихъ свѣтло-сѣрый (и «сывороточные»); ротъ большой, губы длинныя, тонкія (узкія), блѣдныя, подбородокъ довольно широкій, но не круглый и мясистый, а сухой, раздвоенный, хорошо очерченный и нижней частью выдѣляющійся изъ овала лица, а не составляющій съ нимъ одной кривой линіи; челюсти не выдаются, зубы отвѣсны (прямы), нижняя челюсть узка, длинна, заострена; лобъ кругло-выпуклый, но не высокій; уши плотно прижаты къ головѣ, мочка ихъ развита слабо; въ зрѣломъ возрастѣ пробиваются тощіе усы и бородка (эспаніолка), но щеки голы, рѣсницы и брови жидки, волосы на головѣ рѣдки, суховаты, коротки—лишь до плечъ, прямые, изрѣдка волнистые, цвѣтъ ихъ свѣтло-русый, иногда рыжеватый, какъ и на бородѣ; кожа бѣлая и такъ тонка благодаря тощести жироваго слоя, что у другихъ европейцевъ она толще даже на лицахъ, щеки румяныя (у молодыхъ); ушныя отверстія по-

[1]) Калягузостью.

[2]) Онъ отмѣченъ отъ 83,8—88,2, но уменьшеніе зависитъ, очевидно, отъ примѣси другихъ племенъ; у норвежскихъ лопарей, сохранившихъ наибольшую чистоту, онъ 87 (Вирховъ) (Харузинъ, стр. 60). А. Соколовскій (Человѣковѣдѣніе, стр. 109).

ставлены высоко, почему лицевой уголъ остеръ; шея широкая. Обладаютъ особымъ сильнымъ противнымъ запахомъ.

На ряду съ этимъ типомъ [1]) очень многіе писатели о лопаряхъ даютъ еще другой: ростъ нѣсколько ниже, волосы черные, даже глянцевато-черные, щетинистые, неспособные принимать прическу, кожа изжелто-смуглая, глаза каріе. Ко помѣси этого типа нужно отнести сообщенія о весьма значительной густотѣ волосъ и о цвѣтѣ ихъ отъ чернаго до каштановаго у нѣкоторыхъ финскихъ разновидностей. Къ сожалѣнію, никто изъ изслѣдователей не постарался прослѣдить этотъ типъ тщательнѣе и возсоздать его въ возможной полнотѣ, почему весьма трудно придти къ какому-нибудь заключенію относительно него, кромѣ развѣ того положенія, что чистое племя не проявляетъ и не можетъ проявлять такихъ взаимно вытѣсняющихъ другъ друга признаковъ. Что нибудь одно: либо чистокровный лопарь свѣтло-цвѣтенъ и тогда темно-цвѣтныя особи уже не лопари (не чистокровные); либо темноцвѣтенъ и тогда свѣтло-цвѣтныя особи явятся помѣсью. Принимая во вниманіе, что скандинавскіе лопари исключительно каре-глазые и что они подверглись гораздо меньшему, чѣмъ русскіе лопари, физическому измѣненію [2]) въ силу крайяго презрѣнія къ нимъ скандинавовъ, можно было бы думать, что типичный лопарь темно-цвѣтенъ. Однако этому предположенію мѣшаютъ два соображенія. 1) Западные финны, зыряны и мордва [3]) свѣтло-цвѣтны; 2) весьма возможно, что на крайній сѣверо-западъ Европы прижато лопарями одно изъ первобытныхъ племенъ Россіи, жившее въ ней до финновъ и оттѣсненное ими къ С. тогда, когда ихъ самихъ начали тѣснить новые насельники. Рѣшить этотъ вопросъ можетъ только тщательное, подробное и обдуманное изученіе жителей Лапландіи и сличеніе ихъ съ другими обитателями сѣверной Россіи, какъ напримѣръ, съ пермяками [4]) и особенно съ самоѣдами. По Калевалѣ (записана

[1]) Въ приведенномъ описаніи лопаря я старался, насколько было можно, выдѣлить изъ имѣющихся данныхъ черты наиболѣе характерныя (на мой взглядъ) для финновъ и невозбуждающія подозрѣнія, что онѣ явились слѣдствіемъ помѣси. Горкъ, изучавшій и русскихъ, и скандинавскихъ лопарей, признаетъ, что первые сильно порусѣны примѣсью (Харузинъ, стр. 60). Подчеркнутые мною выше признаки представляютъ собою наиболѣе первобытныя, животныя черты.

[2]) Тамъ же, стр. 60 и 96.

[3]) Смирновъ (тамъ же стр. 1455) указываетъ на близость мордвы къ эстамъ по языку и переживаніямъ.

[4]) Вообще племянной вопросъ въ Россіи еще ждетъ талантливаго работника и долженъ считаться едва початымъ. Пермякъ описывается такъ: ростъ какъ у лопаря, широкія скулы, глаза каріе или сѣрые, бородка рыжая, лицо широкое, лобъ небольшой, у женщинъ роскошные, мало сѣдѣющіе волосы, черные

въ Кореліи и Олонцѣ) финны господствовали надъ лопарями и эти два племени разобщала вѣчная вражда. Лопарь изображается въ ней злобнымъ и называется косоглазымъ, смотрящимъ искоса едва прорѣзанными глазами. Называется онъ тамъ лапни—lappi. (Журн. М. Н. Пр. 1846 г., III, отд. II, стр. 147, 157). Такое отношеніе Калевалы къ лопарямъ, какъ будто бъ, поддерживаетъ мое мнѣніе о темноцвѣтныхъ лопаряхъ, т. е., что они собственно не лопари и не финны.

Что касается нравственныхъ качествъ лопаря, то, по большинству отзывовъ, лопари честны, добры, простодушны и миролюбивы, склонны къ веселости, гостепріимны; въ семьѣ кротки и ласковы; суевѣрны и набожны, мало предпріимчивы, упрямы; упорный и, особенно, постоянный трудъ не любятъ, къ старикамъ и слабымъ черствы (въ прежнее время), падки къ вину. Вмѣстѣ съ тѣмъ лопари чрезвычайно привязаны къ родинѣ и внѣ ея болѣютъ, хирѣютъ и умираютъ [1]). До послѣдняго времени сохранялись слѣды *снохачества*, были знакомы и съ *гостепріимнымъ гетеризмомъ*. Въ древности употребляли человѣческія жертвоприношенія, а также знали, кажется, и людоѣдство [2]). Въ XVII в. у лопарей упоминаются только шалаши. У скандинавскихъ они называются кота и представляютъ коническій остовъ (около 5—6 арш. ширины и 3—4 арш. выс.) изъ кольевъ, вбитыхъ въ землю, а вершинами связанныхъ вмѣстѣ. Лѣтомъ его кроютъ нынѣ парусиной, зимою же толстымъ войлокомъ; въ шалашѣ по срединѣ на поперечной перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ изъ камней съ постояннымъ огнемъ. Шалашъ (вежа) русскихъ лопарей (кюпъ, куитъ) дѣлается также изъ кольевъ, но не коническимъ, а 4-гранной пирамидой въ $2^1/_2$—3 арш. высоты. Колья кроются вѣтвями и хворостомъ, а поверхъ ихъ дерномъ; внутри жерди прикрыты досками. Посрединѣ очагъ изъ камней, на которомъ поддерживается постоянный огонь. Коническій шалашъ-кувакса употребляется русскими лопарями уже лишь какъ временное походное жилье. Онъ кроется парусиной лишь до $^1/_2$—$^2/_3$ высоты,

---

или каштановые, разнообразія въ типахъ среди пермяковъ меньше, чѣмъ даже у зырянъ, слѣдовательно племя довольно чистое, голова меньше, въ общемъ, чѣмъ у русскихъ. (Живая старина 1903 г., в. IV, стр. 415).

[1]) Это всецѣло обусловлено свойствами ихъ родины, съ которыми они сживаются съ ранняго дѣтства, не имѣя даже слабаго представленія ни о чемъ другомъ. А свойства ихъ родины такъ отличны отъ свойствъ иныхъ мѣстъ (тишина, малолюдство, широкіе виды, отсутствіе зданій и проч.), что, попадая въ послѣднія, лопарь теряется, пугается и начинаетъ изнывать: все ново, незнакомо, дико или страшно, все поражаетъ, волнуетъ, потрясаетъ; и нервы не выносятъ.

[2]) Харузинъ, стр. 18,61—65,173. Гетеризмъ существовалъ до XVII в. включительно (стр. 240).

и котелъ привѣшивается къ перекрестью жердей [1]). Кота переживаетъ почти у всѣхъ финновъ Россіи.

По Дюбену [2]) лопари при встрѣчѣ съ скандинавами, совершившейся ранѣе Эдды, знали только естественныя мѣры (локоть и т. п.), считали лишь до 10, измѣренія времени, вѣса, письма, металловъ, скотоводства, земледѣлія и даже самыхъ простыхъ производствъ другихъ народовъ не знали; одежды шили изъ шкуръ жилами; занимались рыболовствомъ; вѣроятно, пріучили уже сѣвернаго оленя, которымъ главнымъ образомъ и пользовались, но доить не умѣли и молока не знали; собака была уже ручною [3]).

Эти данныя пополняются раскопками.

Мертвыхъ хоронили въ уединенныхъ мѣстахъ: на обрывахъ, близъ капищъ, на крутыхъ берегахъ озеръ, большихъ рѣкъ и моря, въ каменистой почвѣ [4]). Могилами служили: 1) естественныя *пещеры* и углубленія въ горахъ, устья которыхъ загораживались камнями; 2) гробница: выкапывалась мелкая, небольшая яма, къ ней притаскивались 2 большихъ камня съ сглаженными сторонами и ставились въ нее крышей (шалашомъ, стропилами), подъ которую и вдвигался трупъ. Открытыя боковыя стороны («щипцы», «лбы»), заваливались кучей камней. 3) Видоизмѣненіе предъидущаго: вырывалась четыреугольная яма 3—4 арш. длины, $^1/_2$—1 арш. ширины и $^1/_4$—арш. глубины [5]), стороны ея обставлялись камнями разной величины, а въ головахъ и ногахъ ставилось по одному большому плоскому камню. Этотъ ящикъ съ положеннымъ въ него трупомъ покрывался плоскими камнями на подобіе черепичной крыши. Могила имѣетъ видъ небольшого каменнаго холмика. Иногда плоскіе камни кровли къ одному концу стесывались треугольникомъ и составлялись пирамидой. Трупъ клался *на боку*, (иногда на саняхъ—кережкахъ), головой на З. или Ю. [6]), лицомъ часто на В. или Ю.-В. и нерѣдко завертывался въ покрывало или

---

[1]) Тоже, стр. 100.

[2]) Основывающемуся на изученіи языка.

[3]) Харузинъ, стр. 22.

[4]) Предпочтеніе каменистой почвѣ отдавалось, быть можетъ, потому, что камень являлся главнымъ предметомъ обработывающей промышленности, нужнымъ какъ живымъ, такъ и мертвымъ, снабжаемымъ всѣмъ нужнымъ.

[5]) У Харузина указаны локти, но не сказано какіе; я принимаю ихъ за шведскіе, такъ какъ приводимые имъ авторы шведы.

[6]) Эта разность направленія указываетъ на разность и самихъ клавшихъ, можетъ быть, даже на племенную, а можетъ быть, лишь на разность прежнихъ мѣстъ обитанія, т. е. на ту сторону, откуда пришли и гдѣ остались души предковъ, царство мертвыхъ.

пологъ, сшитый изъ берестъ оленьими жилами [1]) и часто обильно *украшенный изображеніями животныхъ и картинами жизни.* Съ покойникомъ клались оружіе, охотничьи приборы и снаряды, вещи, съ звѣроловомъ—собака и остатки тризны. Расщепленныя для извлеченія мозга кости этихъ остатковъ по ихъ внѣшнему виду очень похожи на таковыя же изъ датскихъ сорниковъ. Наконечники стрѣлъ и копій—изъ рога и кости, кремневые рѣдко.

Желѣзо и вообще металлъ найдены лишь 2 раза, что говоритъ за то, что раскопанныя могилы древнѣе XVII в., въ которомъ желѣзо было уже распространено, хотя и прежніе наконечники еще употреблялись. Древнюю обстановку погребенія застали изслѣдователи XVII в. По ихъ словамъ, еще тогда лопари хоронили въ пещерахъ, а гдѣ не было послѣднихъ, тамъ на открытыхъ мѣстахъ, огораживая сани съ покойникомъ обрубками бревенъ [2]), которыми накрывали и самый трупъ или, какъ въ Скандинавіи, заваливали кучей камней. Вежа покойника покидалась обитателями, а иногда и разрушалась впослѣдствіи [3]). Лопарскія могилы и «каменныя кучи» встрѣчаются и въ Скандинавіи и въ Россіи гораздо южнѣе теперешнихъ мѣстъ жительства лопарей (въ Карелiи, напримѣръ, онѣ попадаются около Каяны), что свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древности лопари жили южнѣе. Для Россіи Харузинъ установилъ, что они жили отъ береговъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ до южныхъ береговъ Кольскаго полуострова, встрѣчаясь въ Финляндіи еще въ XVI в. повсюду, откуда финны не успѣли ихъ вытѣснить [4]). У скандинавскихъ лопарей еще въ XVIII в. сохранялось преданіе о томъ, что нѣкогда они занимали всю Швецію.

Сообщенное здѣсь о лопаряхъ, кажется, достаточно ясно и убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ ихъ имѣемъ дѣло съ остатками одного изъ первобытныхъ племенъ Россіи. Племя это финское, тѣсно связанное съ остальными финнами и тѣломъ, и душой. И если оно сильно отстало, не развилось, какъ эти послѣдніе, то не потому, что и въ древности было значительно отсталѣе ихъ или, что

---

[1]) Теперь завертываютъ въ холстъ или парусину. Эта замѣна наводитъ на мысль, что въ древности и шалаши крылись берестомъ, а зимой шкурами, какъ то дѣлается остяками до сихъ поръ.

[2]) Stipitibus arborum, что Харузинъ не точно переводитъ «пнями» (стр. 319). Возможно, что съ появленіемъ желѣзныхъ топоровъ дерево замѣнило камень, но оно могло употребляться и раньше въ подходящихъ случаяхъ.

[3]) Харузинъ, стр. 319—321, 111.

[4]) Тамъ же, стр. 16—19. Къ подобному заключенію пришелъ и А. Л. Погодинъ (Изъ ист. слав. перецв., стр. 15), но по другимъ даннымъ.

неспособно къ развитію, а потому, главнымъ образомъ, что отъ образованныхъ народовъ отдѣлялось массой остальныхъ финновъ, перехватывавшихъ и задерживавшихъ просвѣщеніе въ своей средѣ. Въ ту далекую пору, когда финны, явившіеся въ Россію, составляли одинъ общій народъ, всѣ они стояли на степени лопарей [1]), а если и превышали ихъ развитіемъ, то очень немного, какъ показываетъ языкъ.

Что же касается розсказней о нихъ, какъ о волшебникахъ, то эти розсказни только подтверждаютъ сказанное, свидѣтельствуя о шаманствѣ и связанной съ нимъ степени развитія. Лопари также славились чародѣйствомъ [2]), но эту славу имъ создали почти столь же, какъ и они, грубые непросвѣщенные нормапны, пораженные внѣшностью шаманства, къ которому, какъ и русскіе, относились съ великимъ почтеньемъ и про которое передавали чудеса еще въ XVI в. Между тѣмъ мы знаемъ истинную цѣну этихъ чародѣйствъ. Придавать какое-нибудь значеніе разсказамъ о западныхъ финнахъ, какъ о литейщикахъ и кузнецахъ [3]), нѣтъ основаній хотя бы по тому уже, что у нихъ не было металловъ и нѣтъ для нихъ своихъ названій [4]). Первый узнанный ими металлъ— мѣдь получилъ заимствованное названіе, которое, какъ и самый предметъ, самое представленіе, превратились позже въ нарицательное и стали обозначать вообще металлъ.

Вотъ еще нѣсколько заимствованій, свидѣтельствующихъ о степени развитія финновъ въ пору ихъ нераздѣленности [5]).

Поросъ-енокъ—porsos (лит. parsas=свинья, поросенокъ).

Свинья—sika (скандин. sugga).

Лошадь—hepo (швед. hорра=кобыла) [6]).

---

[1]) Лопарь, по Лербергу, значитъ окрайній, украйный: lappe—крайній (Харузинъ, стр. 16).

[2]) Тамъ же, стр. 213. Посѣщеніе новгородцами чудскихъ шамановъ описано Новгородской лѣтописью подъ 1071 г.: И пріиде къ кудеснику, хотя волхованія у него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы. Кудесникъ же, лежа, оцѣпенѣлъ и шибе имъ бѣсъ... Въ поволжьѣ и теперь еще русскіе ходятъ ворожить къ черемисскимъ мужанамъ и чувашскимъ іомзи (И. Смирновъ, тамъ же, стр. 1455).

[3]) Какъ дѣлаетъ А. Погодинъ (стр. 15).

[4]) Л. Н. Майковъ. Жур. Мин. Н. Пр. 1897 г., VI, стр. 420, гдѣ изложена работа Альквиста. Фин. vaski—мѣдь, морд. viskä—проволока, ост. vaŽ—деньги, желѣзо, металлъ, венг. vas—желѣзо, осет. äwzestė—серебро, санск. áyas—мѣдь. Серебро, желѣзо и свинецъ зовется бѣлой мѣдью, т. е. собственно металломъ. Всѣ приведенныя слова указываютъ только на то, что финны мѣдь узнали раньше другихъ металловъ, почему ея названіе и сдѣлалось общимъ для обозначенія ихъ, но никакъ не то, что мѣдь они сами открыли.

[5]) Взяты изъ указанной статьи Майкова и изъ Записокъ Зап.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. Общ. 1884 г., кн. VI, стр. 25 и распредѣлены такъ: русское слово, западно-финское (большей частью собственно финское), восточно-финское (мордовское) и того языка, изъ котораго взято.

[6]) Такое производство отвергается, но оно очевидно: на лицо не только близость формы, но и тождество значенія; за заимствованіе же говоритъ и заимствованіе слова узда.

Теленокъ—vasa, vaz (изъ индо-герм. яз.).

Овца—lamma (скандин. lamm., рус. ягнъ, ягненокъ,=іагнъ=ьагнъ).

Гусь—hanhi, senze (литов. zansis).

Пѣтухъ—kana (скандин. hana).

Рожь—ruis, roz и др. (рус. рожъ, герм. rugis).

Жито, хлѣбъ—jyvä, juv (рус. жито, слов. jivai).

Амбаръ, житница—lato-a (рус. лата, латы, латка, по-латы-и, п-латъ) [1]).

Мостъ, полъ—silta, sed (лат. tiltas, санск ssetu, осет. xed. xid).

Узда, поводъ—ohja, vozjä, ozza, vozza и пр. (рус. вожжа) [2]).

Ремень—hihna (siisna), ksna, sna (изъ литовскаго; русское снасть).

Мѣра, чаша—malja, malónka, malànka (рус. маленка—мѣра сып. тѣлъ).

Коробъ круглый изъ бересты, буракъ, Сосудъ, четверикъ } vakka, vakan (древне-скандин. vakka-e).

Котелъ—kottila (сканд. katel, рус. котелъ, слов. kotiol).

Топоръ—kirves (словян. kirvi, рус. «кирьга», кирка).

Пестъ—petkel (рус. пятка, изъ индо-иранск. яз.).

Горшокъ—pota (сканд. potta, рус. подъ-печной).

Огонь—panu (литов. panu) [3]).

Вѣсъ—punta' lispfund (изъ герман.).

Пахтать (масло)—pyöhtää, piX'tems [4]).

Сѣять—kylvää (литов. gilvvet).

Поле, пашня—pelto (сканд. feld).

Зерно—sora, suro (литов. sora—просо, рус. соръ, въ параллель которому стоитъ фин. suuru=хрящъ, круп. песокъ).

Крупа—kryyni (сканд. gryn, старо-рус. кринъ).

Кашица, каша—putro (литов. putra), рус. бурда.

Соль—suola, sal и др. (изъ индо-иран. яз.).

---

[1]) Первобытнымъ амбаромъ или лабазомъ былъ помостъ, приподнятый надъ землей на стволѣ или столбѣ, переживающій до нынѣ у многихъ племенъ (лопарей, остяковъ и проч.).

[2]) Здѣсь корень не вод (од), а воз; возжей была постромка. Обилiе формъ этого слова въ финскихъ языкахъ ясно говоритъ о неустойчивости и заимствованiи и сомнѣнiй въ послѣднемъ быть не можетъ.

[3]) Печь зовется: домовый огонь—päna-kud.

[4]) Это сопоставленiе отвергается на томъ основанiи, что мордовское X возникло, будто бы (если слово заимствовано, то, очевидно, возникновенiя быть не можетъ), изъ j. Но дѣло въ томъ, что если оно и такъ, т. е. если мордовское слово должно писаться pijhtems, все равно—заимствованiе очевидно.

Медъ—mesi, med.

Лодка, судно—lotia (рус. лотка-лодка, лотокъ, лодья).

Весло—arro (сканд. ara).

Привалъ, валка, пристань—valka, valgêms.

Покровъ, одежда—verho (рус. «верхъ»: верхъ суконный, подкладка набойчатая).

Другъ—sobr (древне-рус. сябръ—изъ германск пайщикъ).

Подарокъ, взятка—palveh (лит. balvas, рус. баловать, баловство).

Подать—vero, ver (древне-рус. вира, вера—изъ герман.).

Колдовать—kolehtia (колядовать).

Эти примѣры достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ низко стояли финны по развитію въ пору появленія въ Россіи [1]). Неразвитость ихъ выступитъ еще рѣзче, если обратиться къ коренному языку финновъ, въ которомъ нѣтъ словъ, (а стало быть, не было и представленій) для обозначенія: сынъ, дочь, тетка и другихъ степеней родства и въ которомъ смѣшивались или, точнѣе, не различались понятія: ребенокъ и дѣтеныш животнаго; мальчикъ, парень, сынъ, потомство, слуга, рабъ—невольникъ; отецъ и самецъ, самка и мать, дѣдъ и старикъ; ясный, свѣтлый, блестящій и бѣлый; богъ, небо и молнія; большой и народъ; слѣдъ, тропа, дорога и улица; корова и конь и т. д. Такимъ образомъ сомнѣваться въ дикости всѣхъ вообще финновъ при появленіи ихъ въ Россіи и не довѣрять описанію ихъ Тацитомъ нѣтъ достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что присутствіе въ языкѣ словъ, обозначающихъ различные предметы высшаго развитія, еще не свидѣтельствуетъ, повторяю, непремѣнно о томъ, что такіе предметы вошли въ обиходъ и жизнь народа, употребляющаго подобныя слова, какъ утверждаютъ многіе, а говорятъ только о томъ, что онъ зналъ ихъ. Знать же ихъ онъ могъ даже только по наслышкѣ, а еще болѣе по наглядкѣ, совершенно не употребляя и не нуждаясь въ нихъ [2]). Финны могли по своимъ сосѣдямъ знать пашню, овцу и пр., могли называть ихъ по своему, но сами могли и не пахать, и не овцеводить, какъ и дѣлаютъ многія племена с.-американскихъ индѣйцевъ.

---

[1]) Ибо большинство приведенныхъ заимствованій сдѣланы именно въ Россіи,—у литвы, германцевъ, славянъ. И. Смирновъ (тамъ же, стр. 1388) отмѣчаетъ еще вліяніе на финновъ турокъ и при томъ въ такихъ простыхъ областяхъ, какъ одежда, домовая обстановка, семейныя отношенія.

[2]) Лопарь, пріѣзжающій зимой въ Петербургъ возить пассажировъ, видитъ множество предметовъ, для многихъ изъ которыхъ придумываетъ свои названія, не смотря на то, что многіе изъ нихъ онъ не держалъ даже никогда и въ рукахъ. Странно говорить о земледѣліи финновъ (А. Погодинъ. Изъ ист. сл. перед., стр. 15), не придумавшихъ своего названія даже для огня, а взявшихъ его у литовцевъ, какъ и слова для обозначенія: сѣять, зерно и пр.

Эти умозрѣнія подтверждаются положительными данными. Отяки или вотяки (финны же) Вятской губ. сохранили въ памяти многое изъ своего далекаго прошлаго [1]). Такъ они разсказываютъ, что первые приборы для добыванія огня состояли изъ двухъ палочекъ, которыми терли другъ объ друга и которыя дѣлались изъ стараго сухостойнаго клена [2]). При этомъ передается любопытная подробность, устраняющая сомнѣнія въ подлинности преданія, а именно о томъ, что кленъ, изъ котораго было сдѣлано первое огниво, отяки цѣликомъ взяли съ собой, думая, что только онъ одинъ и можетъ производить огонь, и что, когда весь кленъ израсходовался, для рѣшенія вопроса,—откуда добывать огонь,—была собрана общая сходка, т. е. вопросъ былъ предметомъ общественнаго обсужденія и притомъ не только людей, но и звѣрей, жившихъ тогда съ людьми въ мирѣ и говорившихъ по человѣчьи [3]).

---

[1]) Живая Старина, 1900 г. вып. I—II, стр. 200; 1902 г. вып. III—IV, стр. 357. Энциклоп. слов. Брокг. и Ефронъ.

[2]) Одно изъ самыхъ твердыхъ деревьевъ сѣверной половины Россіи, едва ли переходящее (и нынѣ) за 58° С. Ш., такъ какъ въ Ярославской губерніи встрѣчается лишь въ южной половинѣ, но и здѣсь, и даже въ городахъ, не рѣдко обмораживается или и вовсе вымерзаетъ. Знаніе отяками клена говоритъ о болѣе южномъ мѣстѣ-жительствѣ ихъ въ прежнюю пору.

[3]) Послѣднее преданіе, широко распространенное, не такъ невѣроятно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, и вовсе не чистый вымыселъ. Вѣра отяковъ, черемисовъ (Вятской губ.), да и другихъ европейскихъ народовъ въ то, что люди первоначально понимали языкъ животныхъ, имѣетъ прочное основаніе. Первобытный человѣкъ, владѣя лишь весьма простымъ, несложнымъ и мало-словнымъ языкомъ, безъ всякихъ грамматическихъ формъ, выражалъ подобно животнымъ очень многое очень немногимъ количествомъ словъ или, точнѣе, звуковъ, пополняя недостатокъ ихъ различной интонаціей, до сихъ поръ называемой народомъ «выраженіемъ». Остатки такого первобытнаго языка по сей день существуютъ у всѣхъ народовъ, нося названія междометій. Таковы: вопросительное А? отвѣтное А..., утвердительное А—а (Аha); подозрительное или тревожное Э! Э—э... (или Э—hэ), удивленное у..., испуганное Ай!.., отрицательное ни; недоразумительное гмъ... и т. д. На такомъ языкѣ до сихъ поръ объясняются очень не рѣдко даже самые образованные и развитые люди, особенно, занятые умственной работой, и такой языкъ (вокальный) легко понимается всѣми, даже дѣтьми и животными. Когда же подобный (или близкій къ нему корневый) языкъ одинъ былъ удѣломъ человѣка, то послѣдній, разумѣется, долженъ былъ несравненно лучше насъ понимать языкъ животныхъ, подобный его собственному, такъ какъ этой способности не утратили до извѣстной степени и мы, а особенно тѣ изъ насъ, которые чаще имѣютъ дѣло съ животными, какъ то: охотники, естественники и пр. Крикъ боли, злобы, предостереженія (сигнальный), призыва (дѣтенышей, самца и пр.) поймetъ почти каждый. Первобытный же человѣкъ—самъ полуживотное, живший очень долго исключительно животными побужденіями, находившійся постоянно въ средѣ животныхъ и постоянно съ ними сталкивавшійся и вставшій въ различныя отношенія и общенія съ ними, конечно, прекрасно понималъ ихъ, такъ какъ хорошо зналъ ихъ, изучая до мелочей. Индѣйцы С. Америки превосходно подражаютъ крику, напр., многихъ птицъ и, зная смыслъ или значеніе его, могутъ, въ прямомъ значеніи слова, объясняться съ ними. Охотникъ, подманивающій пищикомъ самцевъ или дѣтенышей, или подзывающій волковъ, точно также разговариваетъ съ животными. Я самъ въ дѣтствѣ, усвоивъ тревожный крикъ воронъ, сзывалъ надъ собой цѣлыя стаи этихъ птицъ къ удивленію товарищей. Изъ сказаннаго слѣдуетъ такой выводъ, что сохраненіе племенемъ воспоминанія о томъ, что оно когда-то понимало «рѣчь» животныхъ или сохраненіе имъ преданія о томъ, что животныя когда-то говорили по человѣчьи (что въ сущности одно и то-же), является доказательствомъ какъ низкой степени

Но о введеніи добыванія огня путемъ высѣканія его изъ желѣза кремнемъ на трутъ (грибъ,—березовый трутовикъ) яснаго воспоминанія у нихъ не сохранилось. Отяки разсказываютъ, что этому искусству научилъ ихъ ежъ, подъ которымъ, очевидно, скрывается какой-нибудь болѣе образованный пришлецъ или переселенецъ въ ихъ страну. О началѣ земледѣлія отяки помнятъ, что сперва пахали палкой, боронили граблями, жали зубами. Усовершенствованіе сохи приписывается также ежу, а введеніе серпа—чуду. Явился неизвѣстно откуда воткнутымъ въ снопъ; назначеніе его открыто случайно. Узнавъ серпъ, захотѣли сдѣлать другой, для чего собрали всѣхъ лучшихъ людей *(кузнецовъ еще не было)*. Человѣкъ 50 принялись за работу и, наконецъ, сдѣлали что-то подобное. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ приловчился лучше другихъ и продавалъ свои серпы по дорогой цѣнѣ. Жильемъ, по преданію, еще не такъ давно были лѣсные шалаши,—куа или ква, куало изъ липовыхъ лубьевъ и хвороста. Про желѣзо черемисы (Вятск. губ.) передаютъ, что оно открыто злымъ началомъ—чертомъ, у котораго его тайну выпыталъ Богъ—(доброе начало), подославъ своего работника выспросить. Оказалось, что чертъ дѣлалъ желѣзо изъ земли (руды), накаливая ее и подсыпая соли. Богъ научилъ добывать желѣзо и людей. Едва-ли не очевидно, что и подъ чертомъ скрывается иноземецъ, у котораго изучилъ кузнечество черемисинъ работникъ.

О черемисахъ Исторія о Казанскомъ царствѣ (изд. 1791 г.) повѣствуетъ между прочимъ: Въ той-же странѣ луговой есть черемиса, словетъ кокшажская и ветлужская, живутъ въ пустыняхъ, *ни сѣютъ, ни орютъ*, но ловомъ звѣринымъ и рыбьимъ и войною питаются и живутъ, аки дикіе [1]).

Изъ этихъ наивныхъ разсказовъ ясно, что высѣканіе огня, паханіе (сохой), серпъ, желѣзо и кузнечество заимствовано финнами [2])

развитія такого племени, такъ и недавняго (относительно) выхода его изъ подобнаго состоянія (еще не забылось). О строеніи первобытныхъ языковъ можно судить по образчикамъ хотя бы изъ австралійскихъ языковъ: ауру, папауа, папіете, уаимате, уайолію и пр.—названія живыхъ урочищъ (Пут. на кораб. Билль Ч. Дарвинъ, стр. 306, 313, 318, 323). Въ нихъ поражаетъ обиліе гласныхъ, стоящихъ подрядъ. Гласные же—основа и междометій—непосредственнаго слѣдствія воздѣйствія на органы внѣшнихъ чувствъ.

[1]) Труды VII Арх. Съѣзда, т. II, стр. 233. Исторія составлена въ XVI в.

[2]) Финнами вообще, а не только отяками потому, что подобныя же преданія или иные слѣды того же далекаго прошлаго встрѣчаются у всѣхъ разновидностей финновъ.

отъ болѣе развитыхъ народовъ, всего вѣроятнѣе, перенято отъ выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ, поселившихся среди нихъ [1]).

Такимъ образомъ весьма значительная первобытность финновъ при появленіи ихъ въ Россіи мнѣ представляется достаточно выясняющейся и доказанной не только состояніемъ лопарей даже еще въ историческое время [2]), но и данными изъ быта остальныхъ финновъ [3]). Подтверждающихъ данныхъ можно было-бы набрать очень много, изъ нихъ не мало очень вѣскихъ, даже поразительныхъ, при томъ-же изъ всѣхъ областей жизни финновъ, такъ какъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ этой жизни, даже въ самыхъ безотносительныхъ, опредѣленно выступаютъ два ея періода: самобытный (до столкновенія съ европейцами) и чужебытный или періодъ вліяній и заимствованій (послѣ столкновенія). Я ограничиваюсь немногимъ по тому, что пишу не изслѣдованіе о финнахъ. Для кого не убѣдительны приведенныя здѣсь доказательства и соображенія, тотъ дальнѣйшія подтвержденія проводимому взгляду найдетъ безъ труда въ работахъ по финновѣдѣнію, особенно если будетъ отыскивать тѣ черты, которыя отмѣчены выше въ описаніи лопарей [4]).

Итакъ, мнѣ кажется, можно полагать, что лопари двигались во главѣ финновъ, занимавшихъ Россію, и уже въ силу этого главенства

---

[1]) Серпъ, возможно, что былъ похищенъ и употреблялся, какъ оружіе, ибо о немъ разсказываютъ, что брошенный онъ возвращался къ бросившему и наносилъ ему порѣзы. Послѣднее говоритъ какъ будто-бъ о знаніи отяками бумеранга. Какъ цѣнили первобытные люди открытія и изобрѣтенія, видно изъ того, что отяки тотъ-часъ, какъ узнали назначеніе серпа, собрали народъ и объявили: «мы новость нашли»! Т. е. новое изобрѣтеніе объявлялось всѣмъ, какъ чрезвычайное событіе, чѣмъ, отчасти, обусловливается, можетъ быть, однообразіе типовъ первобытныхъ орудій и утвари.

[2]) А частью и въ настоящее. Альквистъ на основаніи языка описываетъ финновъ близкими къ лопарямъ. (Тейлоръ, стр. 296).

[3]) Первобытный шалашъ—кота до сихъ поръ переживаетъ у всѣхъ ихъ разновидностей (Этнографическое Обозрѣніе 1895 г., № 1, статья И. Харузина: Очеркъ исторіи развитія жилищъ у финновъ). Въ томъ же изданіи (№ 2, стр. 36) находятся свѣдѣнія о понятіяхъ родства у черемисовъ, отличающихся большей первобытностью. Любопытныя извѣстія объ эстахъ сообщаются въ Сборникѣ археол. института (кн. 5, половина 1-я, 1881 г. отд. I), между прочимъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ (стр. 113, по Ген. Латышу). Изъ приводимыхъ въ Сборникѣ данныхъ ясно выступаетъ сильная германизація эстовъ во всѣхъ частяхъ ихъ быта, въ которомъ древняго и самобытнаго уцѣлѣло очень немного. По этому при сужденіи о финнахъ по эстамъ нужно быть очень осторожнымъ. См. еще статьи И. Н. Смирнова (мордва, пермяки и пр.) въ извѣстіяхъ Общ. археол., истор. и этнографіи.

[4]) Такъ напр. эсты, какъ сказано и какъ каждый самъ можетъ легко убѣдиться, сильно германизованы, но не смотря на это у нихъ сохранилось кое-что и самобытное, древнее. Мертвыхъ они въ XI в. жгли, взявъ этотъ обычай у германцевъ, но могилу (кострище) продолжали заваливать, какъ и лопари, камнями (Сборникъ Ар. Ин. кн., 5 стр. 217, 223). Отяки и черемисы еще въ XVIII в. завертывали покойниковъ въ бересто (Рус. Мысль 1890 г., IV, отд. 2, стр. 173). Такихъ пережитковъ, являющихся часто въ ничтожныхъ обломкахъ, находится множество у всѣхъ финновъ. Собранные и соединенные, они возсоздаютъ ту-же картину, которую въ цѣлости представляли лопари еще въ XVI—XVII в.

или передовитости ихъ едва-ли могли быть по своему развитію отсталѣе другихъ; скорѣй наоборотъ. По преданію лопарей, они пришли (въ Лапландію?) съ В., на основаніи чего Харузинъ думаетъ, что въ Скандинавію они попали изъ Финляндіи чрезъ Ботническій заливъ Балтики [1]). Другіе болѣе склонны ввести лопарей въ Скандинавію сѣверомъ, черезъ Кольскій полуостровъ. Наконецъ, третьи вдутъ ихъ туда съ Ю.-З. и Ю. изъ срединной Европы, изъ Франціи чрезъ Швейцарію, гдѣ они являются третьимъ (по времени) первобытнымъ племенемъ, ушедшимъ къ С. за сѣвернымъ оленемъ [2]). Харузинъ считаетъ послѣднее мнѣніе научно необоснованнымъ и за доказанное считать его пока нельзя. Тѣмъ не менѣе въ немъ много подкупающаго, особенно-же схожесть могилъ: сперва естественныхъ, потомъ искусственныхъ пещеръ (Марны) и, наконецъ, обставленныхъ камнями, во Франціи—въ видѣ дольменовъ, у лопарей—въ видѣ описанныхъ выше, по своему устройству очень близкихъ къ дольменамъ (особенно крышныя или кровельныя) [3]). Однако есть и возраженія, непозволяющія принять указаннаго мнѣнія безъ поправокъ. Изъ такихъ возраженій первое заключается въ постановкѣ вопроса: откуда явились лопари въ срединную Европу? Если они алтайское племя, чего не отвергаютъ и сами сторонники разсматриваемаго мнѣнія [4]), то придти въ Европу они могли только изъ Россіи. Разъ-же это такъ, то гораздо естественнѣе и правдоподобнѣе думать, что въ Скандинавію лопари попали не изъ срединной Европы, а наоборотъ, на пути туда, съ котораго часть ихъ повернула (у Балтики) въ Скандинавію, а другая пошла дальше до срединной Франціи. Если-же настаивать на переселеніи лопарей изъ срединной Европы въ Скандинавію, то необходимо сперва отыскать то мѣсто, гдѣ они жили до появленія въ Европѣ, прослѣдить путь, по которому шли въ нее, и указать станціи ихъ на переходѣ въ Скандинавію.

Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что лигуры, которыхъ принимаютъ за самыхъ чистыхъ потомковъ пралопарей Франціи

---

[1]) Рус. лопари, стр. 17.

[2]) Тейлоръ. Происх. арійц., стр. 112.

[3]) Кромѣ могилъ, близкое сходство замѣчается въ головномъ показателѣ (пещера Розетъ близъ Фюрфаза, въ Бельгіи, въ долинѣ Лессы, притока Мааса=86,1; въ Гренеллѣ, около Парижа=83,6; въ Ретіи (восточной Швейцаріи)=86,5 и пр. У нынѣшнихъ лигуровъ=86,0; у оверянцевъ=84,6; въ ростѣ (у оверянцевъ—2 ар. 3 в., пещеры Розетъ—2 ар. 3/4 в.—2 ар. 3 3/4 в.); въ преобладаніи въ промышленности и искусствѣ (рисунки) сѣвернаго оленя; жертвенныя кучи роговъ и костей, находимыя и въ Германіи. (Письма и отчеты о путеш. въ долину р. Оби, И. С. Поляковъ, стр. 113).

[4]) Тейлоръ, стр. 224.

(фюрфазцевъ и другихъ пещерниковъ, дольменниковъ и проч.), оверицы, дофинэйцы, савойцы и пр.—черноволосы, кареглазы и смуглокожи, тогда какъ лопари свѣтлоцвѣтны [1]). Правда, и среди лопарей попадаются темноцвѣтные, о чемъ говорено выше, но они, очевидно, не лопари, а какое-то иное лишь олопарившееся племя. Какое именно? Трудно сказать по отсутствію обстоятельныхъ изслѣдованій [2]) нашихъ, особенно, сѣверныхъ инородцевъ. Можетъ быть, пермяки, еще болѣе можетъ быть,—самоѣды, но едва-ли вогулы или остяки, внѣшній типъ которыхъ нѣкоторыми чертами хотя и близокъ къ лопарскому и срединно-французскому [3]), но которые по Д. П. Европеусу принадлежатъ къ длинноголовому племени [4]). Однако, кѣмъ не оказалась-бы народность срединной Франціи, но разъ она признается дѣйствительно близкой или однородной съ темноцвѣтными «лопарями» [5]), то по всей вѣроятности, окажется тогда и то, что до прибытія во Францію она была въ Россіи, откуда вытѣснена финнами, при чемъ, отступая передъ ними, частью ушла въ Европу, а частью въ Скандинавію (со временемъ), гдѣ и уцѣлѣла въ наибольшей чистотѣ типа и быта [6]), хотя до извѣстной степени и олопарилась.

Выше сказано, что финны шли и расположились въ Россіи широкой, непрерывной полосой, которая теперь оказывается въ серединѣ разорванной на большое пространство, занятое въ настоящее время русскими сильно мѣшанной породы [7]). Они же (въ видѣ славянъ),

---

[1]) Тамъ же, стр. 87... 109...

[2]) Большинство изслѣдованій этнографическаго оттѣнка, археологическія-же, историческія и антропологическія отсутствуютъ; да и этнографическія односторонни и мало касаются пережитковъ и вообще живой старины.

[3]) Ростомъ, цвѣтомъ волосъ, глазъ и кожи, распространеніемъ растительности, строеніемъ глазъ, лица, отчасти носа, многими чертами быта и пр. Но есть и разности: толстыя губы, голова небольшая, длинная и пр. (Письма и отчеты о путеш. И. С. Поляковъ, стр. 148; энциклоп. словарь Ефрона—«остяки», «вогулы»). И. Тейлоръ (происх. арійцевъ, стр. 112) указываетъ какъ на общую черту между оверицами, лигурами (современными) и лапландцами на присущій имъ, наименьшій изъ существующихъ, теменной уголъ (у оверицевъ 2°30'—5°, у лопарей 3—5° и болѣе), обусловленный узостью головы межъ скулами и шириной въ вискахъ. О самоѣдахъ я уже говорилъ выше,—типъ ихъ близокъ къ темноцвѣтному «лопарскому»; они малы ростомъ, черноволосы, скуласты, смуглолицы съ небольшими темными глазами, часто, косого разрѣза. По А. Э. Норденшельду страну свою они зовутъ саме-эднамъ, откуда, можетъ быть, и ихъ русское названіе.

[4]) Объ Угорскомъ народѣ, стр. 16. Въ статьѣ «остяки» (въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона), подписанной Д. А. (Д. Н. Анучинъ?). Указывается, что черепъ лишь чаще длинный и узкій, но попадаются и средне-длинноголовые.

[5]) Оставшимися главнымъ образомъ въ Скандинавіи.

[6]) Головной показатель Скандинавскихъ темноцвѣтныхъ лопарей больше показателя свѣтлоцвѣтныхъ, у которыхъ=83. Возможно, что эта разница обусловлена не примѣсью, а племеннымъ различіемъ.

[7]) Съ несомнѣнной примѣсью татаръ, финновъ, отчасти, тюрковъ и др. еще невыясненныхъ народностей.

очевидно, произвели этотъ разрывъ и первоначально и притомъ, въ историческое уже время, такъ какъ письменность не только захватываетъ, но и долго знаетъ на немъ инородцевъ: около мордвы, по направленію къ С.-З., мурому и черемису, около нихъ мерю, далѣе весь, за нею корелу, а за нею, съ одной стороны, лопарей, а съ другой, чудь, ливь и пр. [1]). Непрерывность, или, все равно, нераздѣльность финскихъ племенъ признаютъ (съ разнорѣчіями относительно времени его) всѣ. Но не всѣ согласны относительно ихъ древняго размѣщенія въ Россіи. И. Смирновъ, какъ сказано, придвигаетъ мордву къ эстамъ, которыхъ у Балтики знаетъ уже Тацитъ въ I в. по Р. Х. (Извѣст. Ал. Бекри..., стр. 86). Европеусъ же [2]) думаетъ, что мордва когда-то жила на З., около Литвы, основываясь на томъ, что въ языкѣ мордвы много литовскихъ словъ. Въ то же время, говоря о древнихъ границахъ мордовской земли (на стр. 1) и отмѣчая ихъ на своей картѣ [3]), онъ отводитъ мордвѣ почти тѣ же мѣста, которыя она занимаетъ и нынѣ. И это вѣрнѣе, такъ какъ къ допущенію Европеусовскаго предположенія нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ литовскихъ словныхъ заимствованій, которыя могутъ объясняться распространеніемъ литвы (около Р. Х.) до Тамбовской губерніи [4]). Это распространеніе, кромѣ повторности литовскихъ названій живыхъ урочищъ на русской землѣ, имѣетъ за себя еще и остатки литовскихъ насельниковъ въ Новгородской, Ярославской (ситьскари) и Нижегородской губерніяхъ, гдѣ, какъ на р. Сити въ Ярославской губерніи, они до нынѣ сохраняютъ особенности типа и рѣчи, цокая и дзекая, чѣмъ рѣзко отличаются отъ окружающаго населенія [5]). Слѣдовъ-же мордвы на З. отъ

---

[1]) Въ уставѣ Ярослава I о мостахъ, среди другихъ «ста» значатся «вочская» и «лопская ста», (читаемое Владимирскимъ-Будановымъ «лоуская»); о лопаряхъ и чуди у Онежскаго озера сообщаетъ монахъ Лазарь въ XIV в., какъ о страшныхъ «сыроядцахъ», хотѣвшихъ его убить и тѣло «въ ядь себѣ сотворити» (Н. Харузинъ. Рус. лопари, стр. 17 и 18). Съ черемисами вели войны новгородцы (1174 г.) и ростовцы; для обороны отъ мордвы построенъ около 1222 г. Нижній, на Мологѣ и Шекснѣ инородцы отмѣчены Герберштейномъ въ XVI в. и т. д. (Европеусъ. Объ уг. нар., стр. 10). Эсты по языку и остаткамъ древняго развитія близки къ мордвѣ. И. Смирновъ (Вѣстн. и биб. Самообр. 1903 г. № 34, стр. 1455) думалъ тоже, что мордву оттѣснили отъ эстовъ славяне.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

[3]) «Древнихъ мѣсть жительства финско-венгерскихъ народовъ», приложена къ указанной выше работѣ его. Надеждинъ, основываясь на названіяхъ рѣкъ, утверждалъ, что финны нѣкогда обитали до Днѣпра. А. Погодинъ сомнѣвается въ этомъ (стр. 15). Е. Фелицинъ (Матер. по археол. Кавказа, вып. IX, стр. 3) указывалъ на присутствіе финскихъ началъ у адиге (черкесовъ) и у начхе (чеченцевъ).

[4]) А. Л. Погодинъ. 270, 92 и 95.

[5]) Очерки Мологскаго уѣзда. С. А. Мусинъ-Пушкинъ, стр. 11. А. Погодинъ (стр. 94 и 95) указываетъ названія литовской земли, повторяющіяся въ средней Россіи, изъ которыхъ Сара, Неро и Нерль существуютъ и въ Ярославской губерніи, но до сихъ поръ принимались за финскія.

ея обиталищъ нѣтъ, ибо указанное Смирновымъ сходство ея съ эстами могло обусловливаться пребываніемъ ихъ въ древности ближе къ В. Не легко согласиться съ Европеусомъ и въ томъ, что зыряны и отяки жили въ древности гораздо южнѣе теперешняго, около аланъ—осетиновъ. Аланскія словныя заимствованія, на которыхъ построено это заключеніе, обильны у всѣхъ финновъ и объясняются какъ торговыми сношеніями аланъ съ средней Россіей [1]), такъ. особенно, соприкосновеніемъ финновъ съ ними на походѣ въ Россію, который совершался, конечно, не ускореннымъ маршемъ. Вѣроятнѣе допущеніе о взаимномъ соприкосновеніи черемисовъ и лопарей, имѣющихъ взаимно близкіе языки, такъ какъ положительно извѣстно, что они жили въ древности много ближе другъ къ другу теперешняго [2]).

И такъ, кажется, будетъ всего вѣрнѣе думать, что финны уже со времени своего появленія въ Россіи въ общемъ (т. е. по отношенію къ всей своей массѣ) расположились на томъ-же мѣстѣ, которое занимаютъ и нынѣ. Другими словами, финская земля въ Россіи измѣнила свои очертанія относительно не много, точно такъ-же, какъ занимающая ее финская народность во всей ея цѣлости мало перемѣщалась. Правда, отдѣльныя племена этой народности совершали большіе переходы, но во 1-хъ, не всѣ, во 2-хъ, и передвигавшіяся большей частью не выходили далеко за предѣлы финской земли [3]). Бо̀льшія сомнѣнія въ этомъ отношеніи могутъ возбуждать западныя границы финской страны, о которыхъ говорятъ Тацитъ и Птолемей, помѣщающіе финновъ (фенновъ) близъ Балтики, недалеко отъ рѣки Вислы, въ сосѣдствѣ венедовъ—славянъ. Этихъ финновъ или фенновъ большинство такъ и принимаетъ за финновъ, но есть и несогласные. А. Л. Погодинъ думаетъ, что Тацитъ подъ феннами зналъ лопарей [4]), которыхъ уже съ древности такъ называютъ скандинавы. Но такъ какъ лопари составляютъ часть финновъ, являются однимъ изъ финскихъ племенъ, двигавшимся, какъ по всему видно, во главѣ финновъ при занятіи послѣдними Россіи, то оговорка Погодина не имѣетъ,

---

[1]) Погодинъ, стр. 3.

[2]) Костромская Старина, вып. 2, стр. 6.

[3]) Мордва, напримѣръ, доходила до устьевъ Оки, черемисы до Галича-мерскаго, отяки сидѣли въ Новгородской губерніи и т. д.

[4]) Изъ ист. слав. передв., стр. 15. Лербергъ держится того же мнѣнія (Рус. лопари, стр. 17). Онъ полагаетъ, что названія сумь, суома есть переводъ на лопарскій языкъ германскаго финнъ (вѣрнѣе феннъ), первоначально пріуроченнаго лишь къ лопарямъ, занимавшимъ всю Финляндію (suo—болото, =fen—болото) и что лишь шведы перенесли названіе «фены» съ лопарей на ихъ замѣстителей въ Финляндіи.

собственно говоря, никакого значенія: остальные финны были, о чемъ говорено выше, нисколько не развитѣе лопарей, почему сказанное о лопаряхъ приложимо и къ нимъ [1]).

Еще недовѣрчивѣе относится къ показаніямъ Тацита и Птолемея А. И. Соболевскій. Онъ прямо утверждаетъ [2]), что вообще ни у Тацита, ни у Птолемея въ феннахъ—финнахъ нельзя видѣть какихъ либо народовъ, теперь называемыхъ финнами. Существованіе-же этого названія у поименованныхъ писателей объясняетъ [3]) тѣмъ, что оно является видоизмѣненіемъ названія веневы. «Если веневы—названіе славянъ, полученное древними отъ нѣмцевъ, то фенны—то же названіе, но дошедшее къ древнимъ отъ прибалтійскихъ куроновъ, около Р. Х. уже сидѣвшихъ при устьѣ З.-Двины, а можетъ быть, и при устьѣ Нѣмана. Иначе говоря, это имя (фенны)—предокъ или близкій родичъ современнаго западно-финскаго названія славянъ—ven». «Имъ (этимъ ven) пользовались (для названія славянъ) прибалтійскіе финны въ своихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, заимствовавъ его у нѣмцевъ». Одно не понятно въ приведенномъ мнѣніи: какъ объяснить то обстоятельство, что финны, до сихъ поръ зовущіе еще русскихъ ven'ами, измѣнили въ этомъ словѣ, въ пору заимствованія его у нѣмцевъ, *в* въ *ф*, — (фенъ), а позже поправились и стали произносить правильно—венъ, хотя подобная замѣна, разъ допускать ее, казалось, теперь-то именно и могла бы проявиться въ наибольшей степени, такъ какъ финны давно уже не слышатъ отъ нѣмцевъ ихъ стараго названія для русскихъ: vend, vened. Иначе: трудно понять, почему финны въ пору постоянныхъ поправокъ ихъ нѣмцами произносили «ven» неправильно (какъ fen), а когда перестали слышать поправки, то усвоили правильное произношеніе. Не менѣе непонятно и то, зачѣмъ финнамъ понадобилось въ словѣ ven мѣнять *в* на *ф*, когда у нихъ есть не только

---

[1]) Т. е. для дѣла рѣшительно все равно, говоритъ ли Тацитъ о финнахъ вообще или только о лопаряхъ. Однако нужно замѣтить, что онъ зналъ и эстовъ (Aestiorum) и тоже у Балтики (океана). Птолемей во II в. по Р. Х. тамъ же знаетъ еще карбоновъ, въ которыхъ видятъ куроновъ или куровъ (kur—ma=кур—земля, курская земля, курляндія), кърсь—корсь русской лѣтописи, курше (kursè) литовцевъ, курсе (kursè) латышей. Онъ же упоминаетъ оссіевъ (hossi, въ Курляндіи существуетъ волость (родъ) Hasau, старое Osua), кареотовъ и саловъ—въ В. отъ карбоновъ,—которыхъ сближаютъ съ карелами (фин. karja—lainen) и съ жителями остр. Эзеля—Saare-ma-эстовъ. Но еще болѣе о салахъ напоминаетъ р. Салисъ, впадающая въ Рижскій заливъ съ В. (Ж. М. Н. Пр. 1904 г. VI, стр. 463).

[2]) Жур. Мин. Н. Пр. 1902 г. кн. VI, стр. 392.

[3]) «Единственно, чѣмъ можно».

звукъ *в*, но и сочетаніе звуковъ въ слогъ ven, а звука *ф* нѣтъ [1]).

Кромѣ этихъ возраженій умозрительнаго свойства, есть и болѣе положительныя. И Тацитъ, и Птолемей, не говоря уже о позднѣйшихъ писателяхъ, не смѣшивали венедовъ съ феннами, а, напротивъ, разобщали ихъ и, конечно, имѣли для того основаніе [2]). То же обособленіе наблюдается и въ описаніяхъ быта названныхъ народовъ, подтверждаемыхъ въ общемъ археологическими изслѣдованіями, при чемъ описаніе быта фенновъ камниковымъ противорѣчитъ всему извѣстному о славянахъ I в. по Р. Х. Правда, они стояли очень низко, но по крайней мѣрѣ владѣли уже прирученными животными, которыхъ у финновъ и по Тациту, и по даннымъ языка не было.

Остается разсмотрѣть еще вопросъ объ уграхъ, тѣсно связываемый съ вопросомъ о финнахъ въ Россіи, выдвинутый въ русской печати, главнымъ образомъ, Д. П. Европеусомъ (если не ошибаюсь) [3]) и имѣющій непосредственное отношеніе къ Ярославской губерніи.

Европеусъ взялъ за основаніе своей работы лѣтопись земли, данныя которой подкрѣпляетъ свидѣтельствами письменности. Наименованій живыхъ урочищъ онъ пересмотрѣлъ нѣсколько тысячъ и выбралъ изъ нихъ болѣе 2000 сложныхъ («съ чисто угорскими окончаніями»), которыя считаетъ наиболѣе интересными и важными. Изъ сложныхъ названій онъ выдѣлилъ окончанія (вѣрнѣе, вторыя половины словъ), которыя въ количествѣ 36 и приводитъ въ своей работѣ рядомъ съ ихъ значеніями [4]). Насколько убѣдительны и точны его положенія, не имѣя подъ рукой словарей, трудно судить [5]). Но такъ какъ его взгляды, въ ихъ сущности, до сихъ поръ остаются въ науч-

---

[1]) А. А. Куникъ, по поводу объясненій различныхъ названій финновъ, говоритъ: оказывается и общераспространенное производство Fenni отъ древнегерманскаго fen—болото, готскаго fani—грязь, нометъ чисто умозрительнымъ (абстрактомъ) производствомъ. Но изъ какой же грамматики въ такомъ случаѣ вычитали, восклицаетъ онъ далѣе, что форма этого народнаго названія именно германскаго происхожденія? На это отвѣчаетъ д-ръ Келлгренъ, спеціалистъ финнологъ, сообщающій, *что звуки и буквы ф въ финскомъ языкѣ нѣтъ*, вслѣдствіе чего и слово финнъ не можетъ быть финскимъ, а ближе всего къ германскому (Живая старина, 1900 г., вып. IV, стр. 545). На отсутствіе звука ф у финновъ указывалъ и Я. Гриммъ (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. III, отд. II, стр. 153).

[2]) Тацитъ сообщаетъ, что *венеды* грабили области, находившіяся между землями певкиновъ и *фенновъ*.

[3]) Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. 1874 г., съ 2 картами, оттискъ изъ Трудовъ II археол. съѣзда въ С.-Пет., вып. 1, отд. VI Г, стр. 81 и атласъ. Журн. М. Н. Пр. 1868 г. кн. VII, стр. 58.

[4]) Стр. 12 указанной работы.

[5]) Н. И. Смирновъ (Изв. общ. арх. ист. и этн.) указываетъ среди нихъ вовсе не угорскія.

номъ обращеніи, то съ ними необходимо считаться. Сущность же эта заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. Почти вся сѣверная половина Россіи отъ Урала до Балтики и отъ Сѣвернаго океана почти до 55° С. Ш. и сѣверъ Скандинавіи въ доруссkія времена были заняты особымъ народомъ—угрой или югрой, которую окружали, а частью врѣзывались и въ ея массу преимущественно финны. Обособившись въ три отдѣльности—венгерскую, вогульскую и остякскую, угра мало по малу оставила свои доисторическія мѣста жительства и распалась на три народца; венгры ушли въ Панонію, вогулы на Уралъ, а остяки за Уралъ на р. Обь. Оставшіеся на родинѣ поглощены. Жила угра въ Россіи до финновъ и была довольно развита. Курганы съ длинными черепами и многія городища принадлежатъ ей. Праугра, повидимому, вышла изъ Африки.

Одни изъ этихъ положеній Европеусъ утверждаетъ, другія приводитъ въ видѣ догадокъ и домысловъ. Разсматривая его работу подробнѣе, полезно отмѣтить слѣдующія данныя. По свидѣтельству безъименнаго венгерскаго лѣтописца XIII в., нотарія королевы Белы, въ 884 г. по Р. Х. семь вождей, называвшихся Hetumoger [1]) вышли съ В. изъ земли Скифіи [2]) (Скитіи). Изъ нихъ вождь Альмъ (Almus), сынъ Угека (Ugek) изъ рода Магога (Magog) [3]), вышелъ изъ той страны съ женой, сыномъ Арпадомъ и множествомъ союзныхъ народовъ. Послѣ многодневнаго шествія по пустыннымъ мѣстамъ, они на своихъ кожаныхъ торбахъ (вѣрнѣе, мѣхахъ), переплыли р. Этылъ (Etyl) и нигдѣ не нашли ни дорогъ, ни селеній и не ѣли изготовленной пищи, какъ было у нихъ принято, а питались мясомъ и рыбой, пока не пришли въ Суздаль (Susudal), въ Россію. Изъ Суздаля шли мимо Кіева и Владиміра (волынскаго) и, наконецъ, черезъ снѣжныя горы (montes hovos) Карпаты [4]) въ Панонію, что бы овладѣть

---

[1]) По венгерски het moger (moger=нынѣшнему magyar) значитъ буквально: семь мадьяръ (Журн. М. Н. Пр. 1868 г. кн. VII, стр. 58).

[2]) Scithia, Scitia. Европеусъ для отличія отъ древней Скифіи грековъ пишетъ Сцитія (см. тамъ же), но очевидно, что нотарій повторяетъ именно древнее названіе, утратившее всякій смыслъ, почему оно ни о чемъ и не говоритъ. Онъ опредѣляетъ Скифію Сѣвернымъ моремъ и Дономъ. Іорданъ (Іорнандъ) раздвигаетъ ее еще шире: р. Висла, Сѣверный океанъ, Катайская область, Персія и Албанія (Аланія) (Журн. М. Н. Пр. стр. 67).

[3]) Гогъ и Магогъ (арабское Джуджъ и Маджуджъ) народы къ С. отъ Китая (тамъ же). Гогъ и Магогъ фигурируютъ у всѣхъ средневѣковыхъ писателей въ качествѣ исходныхъ точекъ и имена эти, какъ и Скифія, не имѣютъ никакого значенія (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Іос Первольфъ, т. II.

[4]) Венгерское hovos=снѣжный (Объ угорск. народѣ, стр. 2). Плаваніе на мѣхахъ распространено на Востокѣ, на р. Тигрѣ и пр. (см. Исторію Халден, З. А. Рагозина, стр. 16, 67).

наслѣдствомъ Аттилы, прародителя Альма. Мадьяры (венгры) ушли съ родины вслѣдствіе размноженія но не всѣ,—дома много осталось.

На основаніи этого извѣстія, очевидно, уснащеннаго выдумками, Европеусъ ведетъ венгровъ съ р. Юга (лѣвый притокъ Лузы, впадающей справо въ Сухону), изъ западной части Вологодской губерніи,—гдѣ множество угорскихъ названій,—вдоль р. Унжи къ Волгѣ. Переводитъ черезъ послѣднюю у Юрьевца (или верстъ на 10 выше Плеса), затѣмъ по Шачѣ, текущей въ Волгу съ Ю., доводитъ до Суздаля. По С. Кезаю, другому венгерскому лѣтописцу того же времени, венгры шли черезъ земли бѣлыхъ кумановъ и бессовъ. Послѣднихъ Европеусъ считаетъ за весь Владимирской губерніи, основывая свою догадку о ея присутствіи тамъ на существованіи въ этой губерніи 12 селеній съ названіями: Веска, Вески, Веськово и пр. [1]).

Европеусъ отвергаетъ что-либо общее между угрой и уйгурами китайскихъ лѣтописей, жившими въ западной части Азіи межъ истоками Енисея и Селенги, на томъ основаніи, что послѣдніе являются турецко-татарскимъ племенемъ [2]). Радловъ же [3]), напротивъ, объединяетъ ихъ [4]) и связываетъ политическое возвышеніе уйгуровъ (съ конца V в. по Р. Х.) въ Азіи съ появленіемъ въ томъ же вѣкѣ въ южной Россіи съ полчищами Аттилы разныхъ гуровъ (угуровъ, огоровъ: сарагуры, оногуры, биттогуры и пр.), принимаемыхъ имъ за уйгуровъ [5]). Въ свою очередь Европеусъ послѣдніе народцы связываетъ

---

[1]) Въ Ярославской губерніи эти названія произносятся чрезъ ё:—Вёски, что затрудняетъ сближеніе ихъ съ «весь». За весь Европеусъ принимаетъ и бессовъ (Bessi), жившихъ въ нынѣшней Молдавіи и пришедшихъ туда съ гунами (Журн. М. Н. Пр., стр. 67—70).

[2]) Тамъ же, стр. 60.

[3]) А раньше его Н. М. Карамзинъ. Исторія госуд. Россійскаго, изд. 1830 г. т. I примѣч. 41, 72, 294, и соотвѣт. текстъ, т. III, стр. 261.

[4]) Изъ исторіи слав. передвиж. А. Л. Погодинъ, стр. 47.

[5]) Сарогуровъ Радловъ отождествляетъ съ сары-уйгурами=желтые уйгуры китайцевъ, оногуровъ съ он-уйгурами=десятиплеменные уйгуры (собственно, десятные или десятинные),—арабовъ, а уроговъ предлагаетъ читать: угоры и думаетъ, что такъ обозначено основное племя уйгуровъ, отъ котораго отдѣлились послѣ предыдущія (тамъ же). Вообще вопросъ этотъ еще очень темный. Ясно только одно: съ V в. въ предѣлы Россіи начинаютъ проникать съ В. изъ Азіи тюркскія племена, что тянется до XIII в., въ которомъ заканчивается нашествіемъ татаръ; остальное догадки. Во всякомъ случаѣ, если угры Россіи и связаны съ уйгурами Азіи, то не съ тѣми, которые, по Абульгази (XVII в.), имѣли уже гражданственность, грамоту, развитое искусство, города и пр. и участвовали въ походахъ Чингизъ-хана (Темучина † 1227 г.), служа въ его канцеляріяхъ, а съ тѣми, которые ушли къ р. Иртышу и были кочевниками-звѣроловами (Карамзинъ). Значительная разность въ уровнѣ развитія тѣхъ и другихъ затрудняетъ отождествленіе ихъ и заставляетъ думать, что послѣдніе или только жили на земляхъ первыхъ, или были ихъ подданными, но никакъ не единоплеменниками. Эти то кочевники впослѣдствіи, можетъ быть, и добрались до Россіи. По крайней мѣрѣ позднѣйшія извѣстія объ уграхъ говорятъ о кочевомъ, а не осѣдломъ бытѣ ихъ.

съ угрой—югрой, объясняя ихъ племенныя названія изъ остякскаго и вогульскаго языковъ [1]). А сообщаютъ о нихъ римляне и византійцы, помѣщающіе ихъ къ С. отъ западнаго Кавказа и р. Кубани въ Кубанской области, гдѣ они извѣстны съ V в. [2]) по Р. Х. Въ VI в. съ ними (утургурами и оногурами) долго воевали авары-абры [3]). О бытіи ихъ въ Россіи въ VII в. говоритъ Несторъ (скорѣе всего, по византійскимъ извѣстіямъ), сообщая, что и кавкасинскія горы звались угорскими [4]). Что нужно разумѣть здѣсь подъ «кавкасинскими» горами, сказать трудно, но на Кавказѣ до сихъ поръ имя маджаръ (мадьяръ) пріурочивается къ разнымъ мѣстамъ и урочищамъ [5]). Про угровъ IX в. даютъ свѣдѣнія К. Багрянородный (Порфирогенитъ) и Несторъ. Первый разсказываетъ, что въ IX в. угровъ вытѣснили изъ хозарской земли Лебедіи печенеги (или пацинаки), и что послѣ того они жили среди казаровъ, не признавая ихъ владычества, но участвуя въ ихъ войнахъ вмѣстѣ съ войсками послѣднихъ. Въ 880 г.г. подъ напоромъ все тѣхъ же печенеговъ угры вмѣстѣ съ частью казаровъ (кабары) откочевали къ нижнему Дунаю [6]). Объ этомъ походѣ повѣствуетъ Несторъ, сообщающій, что послѣ бѣлыхъ угровъ (VII в.) Русью прошли обры (авары, перешедшіе Донъ въ VI в., 558 г.) [7]), затѣмъ печенеги (по Лонгинову (тамъ же, стр. 446) древніе певкины), далѣе мимо Кіева прослѣдовали опять же угры, но черные, что повторилось и позже. *при Олегѣ*, т. е., по Нестору въ 898 г. [8]).

---

[1]) Сарагуры—бѣлые угры (вог. сайр.—бѣлый), биттогуры—черные угры (остяк. питты—черный); оногуры—унугуры—велико-угры (ост. ûne, ûna—великій); утигуры—малагуры и пр. (Объ угорск. народѣ, стр. 2).

[2]) Погодинъ, стр. 47. Тѣсняимые сосѣдями савирами, они просили въ 464 г. помощи у византійскаго императора Льва I.

[3]) Тамъ же, стр. 59.

[4]) По семъ (послѣ болгаровъ) пріидоша (къ дунайскимъ словенамъ) угри бѣліи, наслѣдиша землю словеньску; си бо угри *почаша быти* при Иракліи (Гераклій 610—641) царя. (Лѣтопись преподобнаго Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря рус. словъ 1864 г., М. стр. 4). Афету же ящась... и кавкаисинскія горы рекше—угорьски (стр. 2). А. В. Лонгиновъ (Зап. Имп. Одесск. Общ. ист. и др., т. XXV, стр. 407) считаетъ эти горы за Карпаты, основываясь на надписи временъ Трояна: Alutum flumen secus mont. caucasi=Алюта рѣка—близъ горъ Кавкаси, р. Алюта вытекаетъ изъ восточныхъ Бескидъ и падаетъ въ Дунай слѣва.

[5]) Карамзинъ и другіе болѣе поздніе. Развалины г. Маджара находятся на р. Кумѣ, близъ станицы Прасковеи; въ Махческѣ (сѣв. Кавказъ) держится родъ Абисаловыхъ, считающихъ себя потомками венгровъ (мадьяръ) или гунновъ (мат. по археол. Кавк., вып. VIII, стр. 255).

[6]) К. Гротъ. Энциклопед. словарь Брокгаузъ и Ефронъ «мадьяры».

[7]) А. Погодинъ, стр. 59.

[8]) Такъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ понимать слова Нестора (стр. 5): по сихъ же (т. е. обрахъ), придоша печенѣзи; паки идоша угри черніи мимо Кіевъ, послѣ же (шли они тутъ) при Ользѣ. (Олегъ=Олекъ—уменшительное отъ Оль—Эль, какъ Ольга—Эльза, Олега=Элиза). Извѣстіе лѣтописи

Венгерскій лѣтописецъ (нотарій) то же переселеніе отмѣчаетъ, какъ сказано выше, подъ 884 г. Наконецъ, объ мадьярахъ упоминаетъ еще арабъ Ибнъ-Расте (ибнъ-Даста) въ X в., сообщая, что между землями печенеговъ и эскель-болгаровъ лежитъ первый (слѣдовательно были и другіе) изъ краевъ мадьярскихъ [1]).

Такимъ образомъ извѣстія письменности во 1), устанавливаютъ связь и даже тождество именъ угровъ (съ прилагательными приставками къ этому имени) и мадьяръ, а во 2), вплоть до X в. народу, извѣстному подъ этими именами, отводятъ мѣсто на Ю. Россіи, сперва у Кавказа, а позже въ казазской землѣ Лебедіи, отстоящей отъ прежнихъ мѣстъ верстъ на 350 и опредѣляемой двумя точками, расположенными по линіи Ю.З./С.В. и называемыми, первая, Лебединъ на р. Псалѣ, вторая—Лебедянь на р. Донѣ [2]). Только одинъ изъ при-

---

о томъ, что въ 915 г. (при Игорѣ) пріидоша печенѣзи *первое* на русскую землю (стр. 21), не мѣшаетъ сдѣланному мною заключенію, ибо это «первое» лѣтописецъ повторяетъ и подъ 968 г. при Святославѣ: пріидоша печенѣзи на русску землю первое (стр. 34). Кромѣ того, если бъ Несторъ въ первомъ случаѣ разумѣлъ явленіе печенеговъ у Кіева при Игорѣ (въ 915 г.), бывшее по его дальнѣйшимъ словамъ первымъ, то онъ не долженъ бы помѣщать это событіе (позднѣйшее 915 г.) впереди событія болѣе ранняго (898 г.) прохода угровъ мимо Кіева. Онъ же опредѣленно говоритъ: послѣ этихъ же (обровъ) прошли печенеги; опять шли угры черные мимо Кіека, послѣ же (шли они уже) при Олегѣ, т. е. въ 884 г., каковое толкованіе совпадаетъ съ расположеніемъ Несторомъ событій по времени. Онъ начинаетъ съ появленія болгаръ, т. е. съ V в., затѣмъ переходитъ къ бѣлымъ уграмъ и обрамъ, т. е. къ VII в., далѣе говоритъ о печенѣгахъ и черныхъ уграхъ и заканчиваетъ проходомъ угровъ при Олегѣ, къ каковому переселенію пріурочиваетъ и образованіе Угріи—Венгріи. Въ лѣто 898 шли угры мимо Кіева—горою, что зовется нынѣ «Угорское»; пришли къ Днѣпру и стали вежами, ибо ходили какъ половцы. Пришли отъ востока. И устремились чрезъ горы великія и начали воевать съ живущими тутъ волохами и словенами. Сидѣли же тутъ прежде словены, а волохи взяли землю словенскую; послѣ же этого угры прогнали волоховъ и наслѣдовали землю, и сѣли съ словенами, покоривъ ихъ подъ себя; отсюда и земля прозвалась Угорскою (стр. 11).

[1]) Извѣстія Общ. Археолог., истор. и этногр. т. XVШ, вып. 1—3, стр. 38. Извѣстія ибнъ Расте повторяетъ Ибрагимъ ибнъ Якубъ (около 965 г.), по которому мадьяры жили въ шатрахъ и шалашахъ и были кочевниками, бродившими въ поискахъ корма для своихъ стадъ въ той части Россіи, которая у путешественниковъ XШ в. обозначалась Великой Венгріей (между волжскими болгарами и печенегами). По Кунику «венгры» изъ «оногуры» (ὀνογουροί) чрезъ σὺγγροι—ungari, цер. сл. Ѫ гри=(унгри) не является ли «венгры» германскимъ названіемъ угровъ и не значитъ ли—владыко, господинъ вековъ,—ven-her? «Мадьяры», какъ думаютъ, было настоящимъ названіемъ той восточной финской вѣтви этого племени, которая подъ предводительствомъ турковъ обратилась въ степи въ конный народъ, чего не случилось ни съ однимъ другимъ финскимъ племенемъ. Куникъ отвергаетъ финнизмъ слова «мадьяръ» и настаиваетъ, что первоначально слово мажаръ (magar) было только турецкимъ спеціально династическимъ названіемъ. Онъ, кажется, правъ: принять «мажаръ» за финское не легко. У малороссовъ донынѣ въ употребленіи слова: мажары и магырка (пол. magierka—magierka)—венгерская шапочка. Мадьяръ по венгерски magyar (Изв. ал. Бекри... стр. 63, 109, 157; Этим. словарь. В. Горяевъ—«мадьяръ»). Багринородный (912—959) свидѣтельствуетъ о томъ, говоря, что сосѣдями мазаровъ (мадьяровъ) были печенѣги, жившіе у Волги и Яика (Урала) и узы-половцы (Тамъ же, стр. 39).

[2]) Карамзинъ, строго придерживаясь текста лѣтописи, высказывается за Лебединъ, около котораго и помѣщаетъ на своей картѣ угровъ. Мнѣ кажется, что отводимые имъ для угровъ-кочевниковъ

веденныхъ писателей нотарій говоритъ объ уграхъ въ сѣверной Россіи, да еще Несторъ при перечисленіи обитателей Афетовской части земли упоминаетъ о нихъ вскользь, помѣщая видимо около Балтики: меря, мурома, весь, мордва; заволочьская чудь, пермь, печера; ямь, угра [1]). Послѣднее упоминаніе встрѣчается не во всѣхъ спискахъ лѣтописи. Однако это обстоятельство не умаляетъ значенія упоминанія въ виду того, что за позднѣйшую вставку почесть его нельзя: позднѣйшимъ писателямъ не было причинъ говорить объ уграхъ, или рано ушедшихъ изъ Россіи, или не имѣвшихъ, видимо, никакого значенія для русскихъ; по крайней мѣрѣ послѣдніе молчатъ о нихъ, упоминаютъ же только иностранцы. Такъ венгерскій монахъ Іуліанъ писалъ, что въ 1237 году онъ встрѣтилъ въ двухъ дняхъ пути отъ Болгаръ (т. е. близъ Казани) народъ, говорившій венгерскимъ языкомъ [2]) Плано-Карпини и Рубруквисъ (оба 1253 г.) свидѣтельствуютъ о томъ же, при чемъ послѣдній страну этого народа называетъ Паскатиръ (Pascatir) т. е., какъ вѣрно думаетъ Карамзинъ, Башкиріей [3]). Дѣйствительно башкиры, распространяясь по р. Бѣлой съ притоками, обитаютъ въ предѣлахъ взаимно-сосѣднихъ Уфимской, Самарской и частью Казанской губерній [4]).

Послѣднимъ можно отмѣтить извѣстіе Герберштейна. Онъ сообщаетъ, что въ началѣ XVI ст. близъ р.р. Мологи и Шексны, въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской губерніи имъ встрѣченъ народъ, говорившій, кромѣ русскаго, еще и своимъ особымъ языкомъ [5]) Правда,

---

предѣлы слишкомъ тѣсны и что вѣрнѣе принимать за ихъ землю все пространство, находящееся между Лебединомъ и Лебедянью, т. е. между Днѣпромъ съ Ю.-З. и Дономъ съ С.-В. При этомъ сѣверозападной границей будетъ, приблизительно, линія, проведенная чрезъ Черниговъ, Орелъ и Тулу, а юговосточною —линія, проведенная чрезъ Полтаву, Харьковъ, Воронежъ и Тамбовъ. Такимъ образомъ угорская земля займетъ губерніи: Полтавскую, сѣверозападную половину Харьковской, Курскую, юговосточную половину Орловской, южную часть Тульской, югозападную часть Рязанской, западную часть Тамбовской и сѣверозападную часть Воронежской. Одно изъ городищъ Полтавской губерніи, расположенное въ долинѣ р. Сулы и обслѣдованное В. Г. Ляскоронскимъ, до сихъ поръ зовется Кизяверъ, каковое названіе Ляскоронскій сопоставляетъ съ собственнымъ названіемъ Хазаръ—Хиссиръ (Труды XI археолог. съѣзда т. I, стр. 404). Сѣверовосточная граница, судя по Ибнъ-Расте, должна была проходить дальше даже намѣченной мною.

[1]) Лѣтопись Нестора, стр. 2.

[2]) Европеусъ, атласъ. Огромный недостатокъ первоисточниковъ (въ хорошемъ переводѣ) заставляетъ пользоваться нужными данными изъ вторыхъ, третьихъ рукъ, собирая ихъ крупицами и въ неполномъ видѣ.

[3]) Чуваши, потомки болгаръ, зовутъ башкировъ пашкырт—пушарт (Изв. Общ. арх. ист. и этн. т. XVIII, вып. 1—3, стр. 49),

[4]) Этнографическая карта Ильина.

[5]) Европеусъ, стр. 10.

это извѣстіе вполнѣ неопредѣленно, но тѣмъ не менѣе важно по тому, что устанавливаетъ существованіе инородцевъ тогда и тамъ, когда и гдѣ ихъ обыкновенно уже не находятъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіями объ угрѣ встрѣчаются извѣстія и объ югрѣ. Русская письменность знаетъ ее уже въ XI в. [1]) и притомъ въ Европѣ, по сю сторону Урала, до котораго, по словамъ Гюраты Роговича, тогда и сама югра доходила не всегда и съ большимъ трудомъ. Однако съ XV в. она перешла уже и за Уралъ, тѣмъ не менѣе часть ея, видимо, оставалась еще въ Россіи (собственно), такъ какъ здѣсь она отмѣчается на картахъ [2]). Эту югру Европеусъ (стр. 1-я) отождествляетъ съ Несторовской угрой, которую въ свою очередь связываетъ съ гурами южной Россіи, объединяемыми съ мадьярами-венграми. Если принять этотъ взглядъ, то придется заключить, что нѣкогда угра занимала едва не всю площадь Россіи отъ Сѣвернаго океана до степей включительно. Выводъ, очевидно, несообразный [3]), который поразитъ еще больше, если къ сказанному добавить, что такимъ великимъ народомъ считаютъ предковъ тѣхъ вогуловъ и остяковъ, которые и до сихъ поръ не вполнѣ еще разстались съ каменнымъ вѣкомъ [4]) и жалкіе влачатъ жалкую жизнь на С.-З. Сибири.

Умозрительныя заключенія подтверждаются и положительными данными.

По мнѣнію Б. Мункачи, имя «югра» происходитъ изъ «угуръ» (ügur) и дано югрѣ (вогуламъ и остякамъ) булгарами [5]), посѣщавшими ее въ ея землѣ. Однако для такого заключенія нѣтъ положительнаго основанія, оно только догадка и притомъ неудачная. Много солиднѣе объясненіе имени «югра» изъ зырянско-остякскаго «іожа» (ьогра, ёгра)

---

[1]) Д. Н. Анучинъ. Древности (Труды Моск. Арх. Общ.), т. XIV, стр. 247.

[2]) Тамъ же; на картѣ Бабт. Агнезе 1525 г. хотя перепутаны рѣки: С.-Двина указана на мѣстѣ Печеры и обратно, но Югрія тѣмъ не менѣе помѣщена, видимо, правильно, между р.р. Двиной и Печерой; на картѣ Ан. Вида 1555 г. къ С. отъ Вятки, между р.р. Мезенью и Печерой, также на картѣ Гасси (Hassi) 1750 г. По Герберштейну «угричи и вогулячи сидятъ по р. Оби» (стр. 248). Конечно, нѣкоторыя карты не имѣютъ значенія, какъ повторяющія безъ провѣрки устарѣлыя данныя (напримѣръ карта Гасси), однако всѣмъ имъ отказывать въ значеніи нѣтъ возможности, такъ какъ онѣ вовсе не фантазія. Анучинъ говоритъ, что извѣстіе о сношеніяхъ древнихъ новгородцевъ съ югрою объяснимо только при допущеніи нахожденія югры не очень далеко отъ Новгорода по сю сторону Урала (стр. 247).

[3]) Европеусъ, стр. 3, 4, 14. Даже русская народность и въ настоящее время не занимаетъ этого пространства: среди нея много инородцевъ, живущихъ не разсѣянно въ ея средѣ, а особыми гнѣздами.

[4]) И. С. Поляковъ. Антроп. поѣздка въ центр. и вост. Россію, стр. 112.

[5]) Изв. общ. арх. ист. и этногр., т. XVIII, вып. 1, 2 и 3, стр. 41.

jögra=дикій, грубый, прилагаемаго зырянами какъ къ вогуламъ и остякамъ, такъ и къ самоѣдамъ [1]). Отъ зырянъ это названіе перешло, очевидно, и къ русскимъ, очень долго знавшимъ югру лишь поверхностно. Сама себя югра зоветъ «манси», каковое названіе, одного происхожденія съ китайскимъ «манза». Стало быть, вязать «югра» съ «угра», «гуры» и «уйгуры» значитъ вольничать.

Далѣе. Говоря о длинноголовости югра, Европеусъ замѣчаетъ, что венгры болѣе «уже не длинноголовы» [2]). Какъ бы венгры не перемѣшались съ другими племенами, но разъ они были длинноголовы, то, живя кучно, а не разсѣянно, самостоятельнымъ и объединеннымъ народомъ, они сохранили бы свою длинноголовость болѣе или менѣе полно. Значительно чистый типъ венгра вовсе не рѣдкость, но онъ не длинноголовъ. Кромѣ того, венгровъ никто никогда не звалъ югрой, а сами себя они зовутъ даже не угрой, а унугаръ, унугуръ или онугуръ [3]). Слѣдовательно названія югра и угра во 1-хъ, не одно и то же, а во 2-хъ, не только не югорскія, но и не венгерскія, почему и переводить названіе унугуръ, онугуръ—«великая угра», какъ то дѣлаетъ Европеусъ, нельзя, ибо у венгровъ не было названія «угра».

Разъ же югра и угра—венгры ни по внѣшнему виду, ни по собственному названію не сходны, то ясно, что они не одно и то же и что нѣтъ основаній объединять ихъ [4]).

Лѣтопись земли подтвердитъ высказанное еще болѣе. По даннымъ названій живыхъ урочищъ Европеусъ южную границу югры проводитъ, начиная отъ Урала, такъ: у Екатеринбурга она поворачиваетъ къ ССЗ., идетъ по р. Чусовой, вдоль средняго Урала, восточнѣе Соли-Камской, чрезъ верховья лѣвыхъ притоковъ Камы, сѣвернѣе Чердыни поворачиваетъ къ ЮЗ., идя сѣверо-западнѣе (но параллельно) верхней Камы чрезъ верховье Сысолы, сѣверозападнѣе р. Вятки, недалеко отъ Котельнича поворачиваетъ къ ЮВ. и идетъ параллельно р. Вяткѣ, близъ устья Камы поворачиваетъ къ З., идетъ южнѣе Казани вдоль средней Волги и нижней Оки, южнѣе верхней Оки и Касимова, сѣвернѣе Зарайска, южнѣе Каширы и Калуги, отъ которой поворачиваетъ къ СЗ. и идетъ чрезъ верховье Днѣпра къ оз. Волго, чрезъ низовья Ловати, западнѣе оз. Ильменя, обогнувъ который, идетъ къ СВ. чрезъ верхній

[1]) Древности, т. XIV, стр. 248.

[2]) Объ угор. нар. стр. 16. (Венгеръ=ven her=господинъ вѣновъ—славянъ?).

[3]) Европеусъ, тутъ же, стр. 2.

[4]) Сходство языковъ также, конечно, не основаніе, ибо языкъ, съ одной стороны, довольно легко забывается, а съ другой, усвоивается. Случаи обрусѣнія, онѣмеченія и т. п. всѣмъ извѣстны.

Волховъ, Сязь, Тихвинку, верхнюю Ковжу, сѣвернѣе Бѣло-озера, близъ котораго поворачиваетъ къ С. къ оз. Свиному, западнѣе оз. Лоче, отъ оз. Свиное къ СЗ. къ оз. Вадлозеро и далѣе къ Вигозеро и Сегозеро, гдѣ поворачиваетъ къ ЮЗ., идя сѣверо-западнѣе Самозера къ Ладожскому, чрезъ него къ финскому заливу, чрезъ него къ Везенбергу и южнѣе Гапсаля до берега Балтики [1]). Все пространство отъ этой линіи къ С. до Ледовитаго океана, т. е. Лапландія, Финляндія и губерніи: Архангельская, часть Олонецкой, большая часть Новгородской, Вологодская, часть Вятской, Костромская, Ярославская, Тверская, часть Казанской, Нижегородской, Владимірская, Московская, часть Калужской, все это по Европеусу была земля югры въ дорусскія времена, «родина ея» [2]). Даже соглашаясь съ нимъ въ этомъ безъ оговорокъ, все-таки нельзя не замѣтить, что къ Ю. отъ указанной границы «югры-угры» нѣтъ югорскихъ названій, т. е. нѣтъ ихъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ источники указываютъ венгровъ-угровъ (т. е. по Европеусу, ту же югру), оставившихъ о себѣ воспоминаніе на Кавказѣ въ видѣ названія маджаръ, а въ малороссіи—Мажары. Неуже-ли же разные гуры, извѣстные въ Россіи съ V—IX в., разъ они гура, не успѣли за 400 лѣтъ присвоитъ и закрѣпить югорскихъ (по Европеусу) названій за урочищами тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили такъ долго? Затѣмъ, угры-гуры появляются въ Россіи не съ С.—«родины югры», а съ В. и притомъ на самомъ Ю., около Кавказа, по всей видимости, вмѣстѣ съ гунами или по слѣдамъ ихъ. Являются они типичными азіатскими кочевниками (бѣша бо ходяще, аки се половци) средней полосы, а не сѣверной. Откуда же они пріобрѣли такъ быстро, чуть не мгновенно азіатскій кочевой бытъ и обстановку, разъ они явились изъ сѣверной Россіи, какъ думаетъ Европеусъ; или, куда же они ихъ дѣли, если съ юга Россіи забрались въ архангельскія тундры, что нужно предположить, допуская съ Европеусомъ родство гуровъ юга съ югрой сѣвера, на который они явились, разумѣется, не съ пустыми руками? Вѣдь разстаться съ своимъ прирожденнымъ бытомъ и изъ скотовода-кочевника, грознаго коннаго завоевателя превратиться въ жалкаго рыбака, т. е. сдѣлать огромный шагъ назадъ, переродиться вовсе не такъ легко и возможно только подъ сильнымъ гнетомъ. А чьимъ или отъ кого могъ быть этотъ гнетъ съ сѣверной Россіи въ дорусскія времена, особенно, если принять съ Европеусомъ, что сѣверная Россія была «родиной» югры-угры, т. е. что послѣдняя явилась въ ней первыми насельниками?

---

[1]) Европеусъ, карта.

[2]) То же и въ изложеніи, стр. 19.

Еще замѣчаніе. Всѣ ученые и самъ Европеусъ говорятъ, что всѣ финны нѣкогда образовали одинъ народъ, жили вмѣстѣ; Европеусъ (впрочемъ, какъ и другіе) допускаетъ даже, что восточные финны [1]) до раздѣленія жили на западѣ Россіи. Но на своей картѣ дорусскаго населенія сѣверной Россіи между западными и восточными финнами онъ выдвигаетъ югру, которая, очевидно, и раздѣлила финновъ [2]), обособивъ ихъ на западныхъ и восточныхъ. Само по себѣ такое явленіе ничего невозможнаго не представляло бы, но дѣло въ томъ, что ему противорѣчатъ данныя письменности. И югра, и угра появляются въ Россіи (отмѣчаются письменностью) не ранѣе V в., а фенны (хотя бы и въ видѣ только лопарей) и другіе финны, какъ указано, уже съ I в. и, притомъ, не какъ вновь явившіеся, а какъ уже жившіе давно. Что-нибудь одно: или сѣверная Россія родина финновъ, а не югры, которая явилась позже и раздѣлила финновъ, или она родина югры и тогда финны явились позже и въ Россіи одного народа не составляли. Послѣднее опровергается письменностью и самимъ Европеусомъ, указывающимъ вмѣстѣ съ «родиной югры» и «родину финновъ», идущую неширокой полосой отъ Рижскаго залива чрезъ Финскій къ Ладожскому и Онежскому озерамъ, въ которой «нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ (да, вѣроятно, и всякимъ другимъ, разъ родина) окончаніемъ» [3]). Если есть такое мѣсто, на которомъ не осталось никакихъ названій предыдущаго населенія (здѣсь югры) и если такое мѣсто клиномъ вдается въ пространство, обилующее названіями предшествовавшаго населенія (здѣсь югры-же), то очевидно, что оба эти пространства были заняты по меньшей мѣрѣ одновременно, причемъ на одномъ (первомъ, финскомъ) населеніе уцѣлѣло, а съ другого (второго, югорскаго) сошло. Но такъ какъ оба населенія, предполается, явились съ В. изъ Азіи и при одновременномъ занятіи земли должны были бы поселиться рядомъ, а не такъ, чтобы одно размѣстилось въ средѣ другого, какъ это наблюдается въ дѣйствительности по отношенію финновъ къ югрѣ, то есть основаніе думать, что фенны пришли въ Россію раньше югры [4]).

Изъ всего говореннаго по поводу статей Европеуса, кажется, достаточно выясняется, что многое въ проводимыхъ имъ взглядахъ не

---

[1]) Объ угор. нар., стр. 15.

[2]) Другихъ дѣйствователей въ этомъ направленіи неизвѣстно и Европеусомъ не указывается.

[3]) Европеусъ, объ угор. нар., стр. 4.

[4]) Въ Жур. М. Н. Пр. (1868 г., VII, стр. 58...)—разселеніе финновъ—еми, ливовъ, эстовъ, кареловъ Европеусъ относитъ къ очень позднему времени—«вѣроятно, до 1100 г. по Р. Х».

точно и должно быть оставлено, что родство венгровъ съ остяками и вогулами (югрой) не доказано, такъ такъ антропологически они вовсе не родственны и по письменности извѣстны въ двухъ разныхъ мѣстахъ [1]), хотя, повидимому, были въ какихъ-то сношеніяхъ [2]).

Неточность и поспѣшность въ выводахъ Европеуса обнаружится и при разсмотрѣніи его заключеній относительно собственно югры. Всю сѣверную Россію, за исключеніемъ небольшого клочка «родины финновъ», онъ отводитъ югрѣ; все пространство отъ Оки до Сѣвернаго океана было занято только однимъ [3]) народомъ угрой-югрой-іотунами, подъ которымъ разумѣлись предки венгровъ, вогуловъ и остяковъ. Эти предки, еще въ историческое время составляли одинъ многочисленный народъ, говорившій однимъ языкомъ, но разными. хотя и мало отличавшимися другъ отъ друга нарѣчіями. Къ югрѣ онъ относитъ и весь, мерю («чисто угорскаго происхожденія») [4]), мурому, іотуновъ-іатуновъ hiisi (hiisi, xiucu). На всемъ пространствѣ, отведенномъ югрѣ, *нѣтъ никакихъ названій финскаго происхожденія*; около р.р. Мологи и Шексны и около Бѣлаго озера встрѣчается такъ много чисто угорскихъ названій, какъ нигдѣ [5]). Судя по этимъ названіямъ, Европеусъ приходитъ къ заключенію, что нарѣчіе указанной мѣстности стояло ближе всего къ венгерскому языку, нарѣчіе жившихъ по р.р. Югу и Ветлугѣ больше всего приближалось къ вогульскому языку, а нарѣчіе чуди на р. Вагѣ (Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губерніи) къ остякскому языку. Такимъ образомъ Молога и Шексна, Вага, Югъ и Ветлуга являлись срединами будущихъ отдѣльныхъ народностей, очагами распаденія югры на племена: венгровъ, вогуловъ и остяковъ. Занятая югрой земля звалась, по нотарію, Скифіей, по русской лѣтописи—Пермь-Великая, по Оттеру (англійск. мореплаватель) Біармасъ

---

[1]) Сходство языковъ имѣетъ значеніе лишь при другихъ доказательствахъ, на одномъ на немъ основываться можно далеко не во всѣхъ случаяхъ. Сказанія венгерскихъ лѣтописцевъ,—нотарія и С. Кезая (особенно перваго) заслуживаютъ по отношенію древнѣйшей исторіи венгровъ очень небольшого довѣрія, какъ имѣющія въ основѣ не народныя извѣстія или хотя бы даже только преданія, а перепутанныя и перемѣшанныя сообщенія иностранцевъ совсѣмъ о другихъ народахъ. Такъ сообщеніе о переселеніи угровъ изъ-за Суздаля смѣшано, кажется, съ выселеніемъ болгаръ, болгарскій царь Алмасъ очень напоминаетъ венгерскаго Альмуса—Альмоша, страна зовется Скифіей и пр.

[2]) Н. И. Ашмаринъ отмѣчаетъ (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. XVШ, вып. 1—3, стр. 8—13), что волжскіе балгары ѣздили торговать къ остякамъ «юрѣ»—югрѣ.

[3]) Объ угор. нар., стр. 14; о ниже слѣдующемъ см. стр. 1, 6, 10, 11, 13. Въ Жур. М. Н. Пр. Европеусъ еще осторожнѣе, но въ статьѣ Объ угор. народѣ отвергаетъ всѣ допущенія, сдѣланныя имъ тамъ относительно финновъ.

[4]) Стр. 2, также 19 и карта и Жур. М. Н. Пр., стр. 58, 61.

[5]) На этомъ основаніи онъ думаетъ, что мологскіе инородцы Герберштейна говорили еще въ XVI в. настоящимъ угорскимъ языкомъ.

(Bearmas), по исландскимъ сагамъ Біармаландъ и Іотунгеймъ. Окружали ее большей частью финны: на С.-В. по Оби и около Обьской и Карской губъ—самоѣды (не финно-угры) [1]); съ Ю.-В.—черемисы [2]) (языкъ которыхъ близокъ къ лопарскому), зыряны и вотяки—на Камѣ съ притоками до р. Тавды за Ураломъ; съ Ю.-З. мордва (самые близкіе по языку родичи финновъ) между р.р. Цной, Волгой и Окой; съ Ю.-З.—неизвѣстный народъ, чуждый финнамъ и русскимъ [3]), и венеды—славяне; съ З. литва и финны собственно и съ С.-З. -лопари. Въ самой Югріи Европеусъ размѣщаетъ племена такимъ образомъ. Въ окрестностяхъ Бѣлаго озера и далѣе къ Ю. чрезъ Тверскую, Ярославскую и Владимирскую губерніи до Оки югра—весь [4]). Къ веси принадлежала меря и мурома, языкъ послѣдней составлялъ особое нарѣчіе веськаго. Въ Московской губерніи вокругъ Новгорода и къ С.-В. отъ него до Череповца зыряны или, вѣрнѣе, отяки [5]) вмѣстѣ съ югрою. Отъ Рижскаго залива до Онежскаго озера и даже р. Онеги собственно финны-чудь, которая была и на С. Двинѣ въ окрестностяхъ Холмогоръ и далѣе на В. по р. Пинегѣ, правому низовому притоку Двины. Въ Сѣверной части Новгородской губерніи въ уѣздахъ Тихвинскомъ и Бѣлозерскомъ чудь зовется донынѣ чухарями. Къ С. отъ чуди карела насельники югры по сѣвернымъ окраинамъ Вологодской губерніи и по С. Двинѣ, въ сѣверной и восточной Финляндіи. Югра въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ Тотемскомъ и Никольскомъ Вологодской губерніи, въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ—Костромской губерніи. Часть этихъ заключеній подкрѣплена Европеусомъ ссылками на названія урочищъ, происходящія отъ именъ народцевъ и на преданія [6]) о послѣднихъ въ отводимыхъ имъ мѣстахъ. Пріемъ самъ по

---

[1]) Объ угр. нар., стр. 3. Кезай указываетъ тутъ страну Еріанъ (regio joriauorum); вогулы и остяки зовутъ самоѣдовъ: іорынъ, яранъ, ярганъ; Европеусъ называетъ этотъ край родиной самоѣдовъ.

[2]) Чуваши зовутъ черемисовъ сармиссъ (Сармас=сàрмыс, сàрмыс. Изв. общ. арх. ист. и этн. т. XVШ, вып. 1—3, стр. 8). Не скрывается ли въ этомъ словѣ разгадка народнаго имени сарматъ? Черемисы донынѣ живутъ въ Костромской губерніи въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ Тоншаевской и Ошминской волостяхъ (Труды Яросл. Обл. съѣзда, стр. 116).

[3]) Судя по нерусскимъ названіямъ мѣстностей (см. карту; относительно мордвы—карту и стр. 14).

[4]) Жун. М. Н. Пр., стр. 58—61.

[5]) Говорящіе особымъ зырянскимъ нарѣчіемъ. Дѣлаю эту поправку потому, что на отяковъ въ указанныхъ мѣстахъ есть указанія письменности, молчащей о зырянахъ. Свои заключенія о послѣднихъ и о корелахъ Европеусъ позже (Объ угор. народѣ) отвергаетъ, увлекшись угрой, но, какъ побробую показать ниже, напрасно, вслѣдствіе чего и привожу эти отвергнутыя мнѣнія.

[6]) Для веси онъ приводитъ 26 названій въ видѣ Весь, Веськово, Вески, для карелы—Карела и Карельская, для югры—Югорская, Югрино, Югоры и пр. Графъ А. С. Уваровъ (Меряне и ихъ бытъ, карта и стр. 9). На той же основѣ опредѣляетъ землю мери, но недостаточно разборчивъ въ выборѣ

себѣ правильный, но въ данномъ случаѣ односторонній, такъ какъ не приняты показанія письменности, съ которыми необходимо считаться. Оставляя заключенія Европеуса по другимъ губерніямъ на усмотрѣніе ихъ изслѣдователей, я коснусь здѣсь лишь Ярославской губерніи.

Несторъ говоритъ, что у Ростовскаго озера жила меря, бывшая не славянскаго племени («А се суть иніи языци» составляющіе Русь «иже дань даютъ Руси» [1]), чудь, меря...), а Исторія о Казанскомъ царствѣ сообщаетъ, что тамъ жили черемисы, называвшіеся отяками и составлявшіе низшій слой общества —чернь [2]). На первый взглядъ приведенныя извѣствія исключаютъ другъ друга, но если вникнуть въ нихъ, то противорѣчіе почти исчезаетъ. Составитель «Исторіи» считаетъ ростовскую чернь, на свой взглядъ, черемисами, но прибавляетъ, что этихъ черемисовъ зовутъ не черемисами, а отяками. Составитель «Космографіи» пополняетъ, сообщая, что эти отяки были обрусѣвшіе: «языка словенскаго» [3]). Несторъ, наконецъ, повѣствуетъ, что въ его время (иже дань *даютъ*, а не давали) жившіе въ Ростовскомъ

названій урочищъ, включая въ нихъ такія сомнительныя, какъ: Мерлево (Мёрлево), Мереднево, Мерялово (Мёрялово), Тимерево, Чамерево, Мерзѣево, Мерлуха, Инеры, Нередицы, Перльское и пр., отчего у него эта земля и приняла огромные размѣры на пространствѣ всей Ярославской, южной части Вологодской, юговосточной части Тверской, сѣверо-восточной части Московской, почти всей Владимірской, сѣверной части Рязанской, сѣверозападной части Нижегородской и западной (большей) половины Костромской губерній. Насколько нужно быть осторожнымъ въ обращеніи съ названіями урочищъ, можно видѣть изъ того, наприм., что И. Филевичъ (Ист. древн. Россіи, т. I, стр. 92) для Припятской низменности отмѣчаетъ такія названія, какъ: меречи—болото, р. Меречанка—притокъ Нѣмана (стр. 144), а А. Л. Погодинъ для Литвы даетъ (Изъ исторіи слав. передвиженій, стр. 195) Нерль, Неро, не говоря о др., какъ Сара, Можа, Моржа и проч., встрѣчающіяся и въ Яросл. губерніи. Е. В. Барсовъ (Труды Яросл. Обл. съѣзда, стр. 164) населяетъ мерей—Суду и Шексну до верховьевъ и восточную половину Бѣлозерскаго уѣзда.

[1]) «Даютъ»; а не «давали», стало быть, платили еще при Несторѣ, т. е. въ XI в. О мерѣ не сказано, какъ о муромѣ и др., что она имѣла «языкъ свой».

[2]) Исторія о Казанскомъ царствѣ, стр. 3. По словамъ С. Ф. Платонова (Лекціи по Русской Исторіи, стр. 43), она составлена въ XVI в., а напечатана въ 1791 г. Въ ней межъ прочимъ говорится: черемисы, зовомая отяки, тое же глаголются ростовская чернь, забѣгшихъ.... отъ русскаго крещенія и вселившимъ имъ въ болгарскихъ жилищъ. То же повторяетъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ и рукопись, озаглавленная: «*Космографія*, сирѣчь, всемирное описаніе земли въ единопребываніе и знаменованію степеней въ округахъ небесныхъ» (Сборникъ XVII в. Имп. Публ. библіотеки, № рукописи 1576, см. Д. Карсасовъ. Меря и Ростовское княжество, стр. 30)—подъ тою жъ областію земли позолскіе, государства Казанского, державы россійскія (находятся) улусы тотарскія.... жители великія рѣки Камскія и уѣь и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: козары и балымы, и болгары ижъ и ушлецы языка словенскаго земли Ростовскія, ушедше бо отъ святаго крещенія во идолопоклоненіе и тамо кочевное житіе тотарское вѣры безсерменскія изволиша. Куникъ (Изв. ал-Бекри и др. пис., стр. 155) считаетъ за несомнѣнное, что меря стояла очень близко къ черемисамъ, но не поясняетъ своего заключенія.

[3]) Здѣсь подъ словомъ «языкъ» едва ли можно разумѣть «народъ», такъ какъ получится маловѣроятное извѣстіе о выселеніи славянъ въ Болгарію отъ крещенія и въ то же время принятія тамъ магометанства.

уѣздѣ люди назывались меря. О мерѣ говоритъ готъ (родомъ аланъ-осетинъ) Іорданъ (Іорнандъ) еще лѣтъ за 500 до Нестора [1]), такъ что можетъ представиться, что имя «меря» для коренныхъ ростовскихъ обитателей времени VI—IX в. установлено довольно прочно. Однако это едва ли такъ. Во 1-хъ, еще вопросъ: кто мерю звалъ мерей,—сама ли она или сосѣди, т. е. дѣйствительное ли это названіе ростовскаго народца и, тогда, въ какой степени точно переданное, или оно вымышленное прозвище его отъ другихъ и, тогда, отъ кого именно. Во 2-хъ, Іорданъ узналъ объ имени мери отъ славянъ, какъ очевидно это изъ того, что рядомъ съ именемъ меря онъ приводитъ другое народное имя чудь, являющееся, несомнѣнно, славянскимъ общимъ прозвищемъ иноземцевъ. Такого названія не давалъ самъ себѣ ни одинъ народъ на Руси. Если же объ этомъ имени узналъ иностранецъ Іорданъ, то сдѣлать это онъ могъ лишь при посредствѣ славянъ, языку которыхъ принадлежитъ самое названіе [2]). Но разъ о чуди, жившей ближе къ готамъ, чѣмъ меря, Іорданъ узналъ отъ славянъ, то почти несомнѣнно, что и о мерѣ онъ узналъ отъ нихъ же. Такимъ образомъ имя «меря» остается извѣстнымъ намъ лишь въ древне-славянскомъ и при томъ средне-русскомъ произношеніи или воспроизведеніи [3]) (транскрип-

---

[1]) Іорданъ былъ близокъ къ готскому Двору. Готы жили въ Россіи съ III в. по Р. Х. (около 215 года) и по XV в.—въ Крымѣ и на р. Кубани (Прокопій упоминаетъ о нихъ въ 848 г., Рубруквисъ въ 1253 г., Барбаро въ 1436 г.). Гринбергеръ думаетъ, что то мѣсто у Іордана, въ которомъ перечисляются народы, подвластные Германариху, написано по готски, а не по латыни, но латинскими буквами, и что merens и mordens являются не названіями народовъ, а прилагательными (А. Погодинъ, Изъ истор. слав. перед., стр. 21). Однако это мнѣніе почти никѣмъ не принимается и, кажется, не безъ основанія: рядомъ съ мерей и модвой Іорданъ упоминаетъ и чудь, слово ужъ никакимъ образомъ не могшее быть готскимъ прилагательнымъ.

[2]) Какъ не ясно это само по себѣ, безъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе Куникъ сомнѣвался въ сказанномъ. По его мнѣнію (Изв. ал Бекри... стр. 124), нельзя доказать, что слово «чудь» славянскаго происхожденія и что все говоритъ за готское происхожденіе его и за образованіе въ то время, когда готы жили еще по Балтикѣ и сильно вліяли на пруссо-литовцевъ, на балтійскихъ финновъ и на славянъ (т. е. въ IV в. по Р. Х.). Въ доказательство сказаннаго онъ заявляетъ: будь слово «чудь» славянское, оно должно бы звучать, какъ «туты» или, по русски, чуты (чуть, чють), по крайней мѣрѣ такъ надо полагать по даннымъ литовскихъ нарѣчій. Я не знаю, какъ это слово должно было бы звучать, но я знаю, что русскіе по сей часъ нерѣдко плохо различаютъ звуки *д* и *т*, постоянно замѣняя одинъ другимъ, особенно когда они не подъ удареніемъ: (такъ—дакъ, очудиться—очутиться, тетрать—тетрадь и проч.), отъ чего и нынѣ еще говорятъ и чудь и чуть. Затѣмъ я знаю еще, что такой формы (собирательной, т. е. множественное число, въ формѣ единственнаго), какъ чудь, бѣлье, платье, русь, ливь и др. кромѣ славяно-русскаго языка нѣтъ и не было у европейскихъ народовъ; слѣдовательно не могла она быть и готской (Гедеоновъ. Отрывки изъ изслѣдованій о вар. вопросѣ, стр. 14).

[3]) Статейка лѣтописи о разселеніи племенъ въ средней Россіи признаетъ за составленную человѣкомъ, хорошо знавшимъ положеніе дѣлъ, т. е. всего вѣрнѣе, мѣстнымъ (Труды Ярославск. Областного Съѣзда, стр. 99).

ціи), которое не рѣдко весьма не точно [1]). Славянизмъ можно подозрѣвать и въ словѣ меря, при чемъ выразился онъ смягченіемъ гласныхъ, каковой пріемъ для Ярославской губерніи имѣетъ мѣсто до сихъ поръ [2]). Такимъ образомъ возможно, что слово меря должно произноситься, какъ мэра, что почти тождественно съ черемисскимъ мäры—человѣкъ, людинъ, мужъ [3]). По всей вѣроятности, на основаніи подобныхъ послѣднему сближеній составитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ (или, вѣрнѣе, его источникъ) и назвалъ жителей Ростовской земли черемисами, пояснивъ, что именуются они не черемисами, а отяками (нынѣ вотяками). Слово отякъ, какъ и слово меря, ославянено; сами себя отяки зовутъ отъ, утъ; отъ—муртъ, утъ—мортъ—человѣкъ, мужъ [4]). Славяне прибавили сперва къ слову «отъ» в для благозвучія и смягчили окончаніе, говоря: вотъ, водь, а потомъ изъ этого слова женскаго рода собирательной формы сдѣлали слово мужескаго рода уменьшительной формы: вотъ-акъ=вотякъ (к : чуд-акъ, кул-акъ и пр.).

Если припомнить, что у Новгорода на «землѣ св. Софіи» была цѣлая пятина «Вотьская» или «Водьская», располагавшаяся къ С.-З. отъ него, между р.р. Волховомъ и Лугой [5]), что въ уставѣ Ярослава о мостахъ упоминается у того же Новгорода «Вочкая ста» [6]), что въ новгородскихъ лѣтописяхъ есть указанія о проживаньи оти—отяковъ съ ижорой и ямью (емью) еще въ XI в. въ мѣстности Петербургской губерніи, почему возникло и названіе вотской земли—пятины; что остатки оти, по Костомарову [7]), живутъ по нынѣ въ Нарвскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи; что подъ чудью лѣтописи (участвовавшей въ призваніи князей), по Соловьеву, скрывается точно такъ же оть древней отьской земли или пятины, потомковъ которой русскіе сосѣди до сихъ поръ зовутъ

---

[1]) Въ писцовыхъ книгахъ Корельскаго уѣзда 1595 г. финская деревня и озеро Кима-Ярви превращена въ *Кимерви*. (Опытъ истор. изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. Ивановъ).

[2]) Здѣсь и сейчасъ можно слышать: якерь (якорь), зерькало (зеркало), сетеръ (сэтеръ), чайкю (чайку), Фриде (Фридэ) и проч.

[3]) Труды VII археол. съѣзда, т. II, стр. 223. Меря и Ростовское княжество. Д Корсаковъ, стр. 29. Кастренъ тоже думаетъ, что форма «меря» есть славянская.

[4]) Энциклопедическій словарь. Плюшаръ т. XII. Корсаковъ, стр. 4.

[5]) Лекціи по Русской исторіи, С. Ѳ. Платоновъ, стр. 103. Въ жалованной грамотѣ вел. князя Василія 1530 г... пожаловалъ... въ великомъ Новѣ городѣ, въ Вотцкой пятинѣ у студенаго моря отъ каинскихъ нѣмецъ съ рубежа лонь крещеную и некрещеную Шуи рѣки... да у Кеми рѣки (противъ ос.ос. Соловецкихъ)... А коли пріѣдутъ тѣ лопяне въ Новъ городъ съ товаромъ... (Продол. древ. русск. виблiофики, 1789 г., ч. V, стр. 191).

[6]) Т. е. сотня. Она упоминается четырнадцатою, а семнадцатою—лопская. (Рус. лопарн. И. И. Харузинъ, стр. 17).

[7]) Сѣв. рус. народоправства, т. I, стр. 398. Энц. словарь Брокг. и Ефронъ, ст. П. Матвѣева.

чудью [1]), и что въ Ростовѣ былъ Чудьскій конецъ (улица), какъ свидѣтельствуетъ о томъ письменность и народная память [2]), то показаніе Исторіи о Казанскомъ царствѣ объ отякахъ въ Ростовской землѣ получитъ не малую долю вѣроятности. Вѣдь отякамъ, живущимъ нынѣ по Камѣ, въ Казанской, Вятской и Пермской губерніяхъ, для того, чтобы попасть въ новгородскіе предѣлы или обратно, трудно было миновать Ростовскую землю. Эта вѣроятность станетъ почти несомнѣнностью, если къ сказанному прибавить извѣстіе, что у отяковъ до сихъ поръ существуютъ особые союзы селеній, представляющіе нѣчто вродѣ русскихъ «приходовъ», въ которые селенія соединяются для отправленія общими силами большихъ общественныхъ жертвоприношеній и мольбищъ (или молянъ), требующихъ значительныхъ издержекъ [3]), и которые (т. е. союзы) у нихъ называются *мэрами*. Въ этомъ названіи «мэр», видимо, и заключается разгадка имени «меря», даннаго

[1]) Подъ тѣмъ же именемъ «чуди» въ Вятской губерніи на р.р. Чепцѣ и Камѣ скрыты, видимо, также отяки—предки нынѣшнихъ. Вятскій лѣтописецъ, поддерживаемый въ данномъ случаѣ преданіемъ и названіями урочищъ, свидѣтельствуетъ, что на Чепцѣ въ XII вѣкѣ жили два народа: чудь и отяки (Энцикл. слов. Брокг. и Ефронъ). Въ Кокшеньгѣ (Кокшельгѣ)—мѣстности въ водоемѣ р. Кокшеньги, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи, слово чудь распространено повсемѣстно (иногда, какъ брань) и имѣетъ значеніе: странный, невзрачный, дикій, сильно обросшій волосами и (рѣже) съ бѣлыми сыворототочными глазами. Оно примѣняется не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ обществамъ, напримѣръ жителямъ цѣлыхъ селеній или даже околотковъ. Чудь представляется здѣсь язычниками, не признающими праздниковъ, неходящими въ церковь, незнающими молитвъ, безграмотными, проводящими жизнь въ лѣсу или на работѣ, но все-таки бѣдняками. На ряду съ кличкою «чудь» держатся и клички: мордва, зырь, зыряне, корела. Отличительнымъ для корелъ—чуди считаютъ свѣтлорусый цвѣтъ волосъ (бѣлобрысость), честность, злопамятность и туповатость. Сохранились преданья и о борьбѣ съ чудью, о ея защитѣ въ городищахъ, о лукахъ и стрѣлахъ, о нежеланіи креститься и во избѣжаніе крещенія гибель скопомъ подъ тяжестью подрубленной крыши въ земляникахъ-ямахъ. Эти ямы зовутся чудскими и сохраняютъ слѣды жилья (Живая старина, 1903 г., в. I—II, стр. 102).

[2]) Меря и Ростовское княжество. Д. Корсаковъ, стр. 14. Въ повѣсти о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (XVII в.): «чюдескый (или чюдскій) конецъ (Ростова) поклоняшеся идолу камену»—Велесу, сокрушенному св. Авраміемъ въ XII в. (Памятн. старин. русск. литературы. Костомаровъ, I, стр. 221—225, выдержки отсюда у А. С. Фаминцина—Божества древн. славянъ, в. I, стр. 33). Нынѣ этотъ конецъ зовется Чудская слободка (Яр. Г. Вѣд., 1885 г., № 55). Въ Новгородѣ были Чудинцевы улица и поселокъ (И. Забѣлинъ. Ист. русск. жизни), въ Ярославской губерніи много селеній съ названіями отъ чуд., чудинъ: Чудиново въ Любим. (2), Мологск. (1), Рыбин. (2), Роман. (2), Яросл. у.у. (1); Чудинка въ Пошех. и Чудкино въ Роман. у.у. (Алфав. указатель селеній Яр. губ. Ап. П. Крыловъ). Могли эти названія произойти и отъ фамиліи, но такъ какъ она въ свою очередь происходитъ отъ прозвища чудинъ, то доказательность названій селеній не уменьшается.

[3]) Для пріобрѣтенія жертвенныхъ животныхъ, припасовъ для общественнаго угощенія и проч., все это пріобрѣтается въ складчину. У древнихъ русскихъ также варились въ приходскіе праздники общественныя пиво и брага, въ былинахъ (Древн. стихотворенія Кир. Данилова, стр. 52) разсказывается, напр., что у новгородскихъ мужиковъ Никольской братчины былъ устроенъ «канунъ-варенъ» пиво ячныя и что Буслаевъ пожелалъ войти въ братчину пайщикомъ со своей дружиной, для чего обратился къ церковному старостѣ, старшему въ братчинѣ, и заявилъ ему, что за право участія въ братчинѣ онъ платитъ «сыпь» (пай) въ размѣрѣ пяти рублей съ каждаго своего дружинника.

русскими славянами ростовскимъ отякамъ, а равно и объясненіе того, на первый взглядъ, страннаго явленія, что меря вдругъ и безслѣдно исчезаетъ положительно невѣдомо куда, замѣняясь позже отяками, хотя другіе инородцы, ея сродичи, а частью и сосѣди (черемисы) продолжаютъ существовать до сего дня почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ.

Имя, конечно, могло исчезнуть, замѣниться другимъ или забыться. но народъ пропасть такъ быстро и такъ безслѣдно, какъ можно было-бы это допустить и какъ дѣйствительно и допускалось на основаніи молчанія источниковъ о мерѣ, не могъ ни какимъ образомъ. Не могъ тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ указаній (хотя бы въ видѣ только смутныхъ преданій) на массовое уничтоженіе его. вродѣ войнъ и т. п. О значительныхъ и массовыхъ передвиженіяхъ инородцевъ сѣверной Россіи начальная лѣтопись также ничего не говоритъ. Но это понятно: скоро замѣтить передвиженіе при рѣдкости населенія и при его полукочевомъ бытѣ довольно трудно: оно мѣста мѣняло постоянно, да и сидя на мѣстѣ, было почти всегда въ разбродѣ, на промыслѣ. Кромѣ того, единовременныя, быстрыя и значительныя переселенія едва ли и имѣли мѣсто; преобладало, всего скорѣе, медленное, мало замѣтное отступленіе и выселеніе семьями и родами. Не говоря о передвиженіяхъ инородцевъ, лѣтопись упоминаетъ о самихъ инородцахъ, имена большинства ихъ мелькаютъ на ея страницахъ до позднѣйшаго времени. Но о мерѣ лѣтопись замолкаетъ съ X в. [1]). Это непонятное явленіе объясняли разно: несуществованіемъ мери, какъ особаго народца, быстрымъ обрусѣніемъ и поглощеніемъ ея славянами (большинство), вымираніемъ и т. д. [2]). Первому объясненію противорѣчитъ ясное указаніе лѣтописи [3]), второму и третьему то обстоятельство, что другія, родственныя мери, племена не обрусѣли и не вымерли еще до сихъ поръ, хотя все время остаются въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими, какъ то: черемисы, мордва, корелы, финны, чудь и др. Стало быть, причина явленія скрывалась въ чемъ нибудь иномъ и дѣло разъясняется, видимо, просто. Слово «мэр»—«мэры»

---

[1]) Корсаковъ (стр. 8) сообщаетъ, что о мерѣ упоминаетъ Адамъ Бременскій (около 1070 г.); Шведъ Эвертъ Горнъ въ отношеніи отъ 21 марта 1615 г. въ Московскую Боярскую Думу величаетъ своего короля Густава-Адольфа между прочимъ арцухомъ эстерскимъ и весмерляндскимъ, т. е. весь-мерландскимъ (или вест-мер-ландскимъ?)

[2]) Тоже, стр. 49. Лекціи по Русс. исторіи, С. Ѳ. Платоновъ, стр. 89 и др.

[3]) Если «меря» было не болѣе, какъ этнографическій терминъ, то ради послѣдовательности и всѣ др. названія нужно признать за то же. Однако это не допускается дѣйствительностью: черемисы, мордва и проч. не терминъ, а народныя имена.

было дѣйствительно не имя народа, а наименованіе одной изъ его общественныхъ группировокъ—молебно-жертвоприносительныхъ союзовъ [1]). У насъ на вопросъ: кто вы? весьма часто слышишь въ отвѣтъ: старообрядцы, крестьяне, каменьщики и т. д. Тѣмъ болѣе подобный отвѣтъ могъ дать древній финнъ (отякъ), когда его спрашивали, кто онъ и, не удовлетворяясь отвѣтомъ: «отъ, утъ»—человѣкъ, добивались узнать имя его народности, дѣлая соотвѣтствующія разъясненія въ родѣ напр. такого: «Отъ»—каждый изъ васъ, а какъ всѣ то вы зоветесь? Вотякъ до нынѣ не доразвился еще до понятія «народность», самой крупной общественной единицей у него была и остается жертвоприносительная община, называемая имъ «мэр». Это наименованіе онъ и сообщалъ добивавшимся узнать его народное имя, за каковое оно и принималось вопрошавшими. По своему обѣ стороны были правы и соглашеніе состоялось на общемъ недоразумѣніи [2]), длившемся 300—400 [3]) лѣтъ и создавшемъ научное недоразумѣніе, существующее до сихъ поръ. Я далекъ отъ мысли, что мнѣ удалось разрѣшить это недоразумѣніе: въ моемъ толкованіи не одно положительное, много въ немъ и только возможнаго, но кажется, оно болѣе другихъ согласуется съ имѣющимися свѣдѣніями, между прочимъ крайне скудными, разсѣянными крупицами тамъ и сямъ и, притомъ, достаточно сбивчивыми, вслѣдствіе чего орудовать съ ними весьма трудно.

И такъ мерей, обитавшей, по лѣтописи, въ водоемахъ Ростов-

---

[1]) А. В. Лонгиновъ (Зап. Одесск. Общ. ист. и др., т. XXV, стр. 398) считаетъ мерю принадлежавшей «вѣроятно къ кругу тѣхъ народностей, которыя назывались kylfing (кильфингами)—колбягами въ Гардарикѣ уже при первомъ ея князѣ Радбардѣ (Ратиборѣ), жившемъ приблизительно, по скандинавскимъ сагамъ, въ началѣ VIII в.». Думается, что Рад-бардъ совсѣмъ не Рати-боръ и, при томъ, не только какъ имя, но и какъ человѣкъ, т. е. по народности; Радбардъ—скандинавъ, Ратиборъ—славянинъ. Отождествлять мерю съ колбягами, принимаемыми большинствомъ за литовцевъ, тоже нѣтъ основаній.

[2]) Разумѣется, не непремѣнно имѣвшее приведенный здѣсь видъ, но несомнѣнно возникшее на неправильномъ истолкованіи и уразумѣніи термина «мэр». Мордовцевское merys=ягненокъ (жертвенное животное). Як. Гриммъ (Журн. М. Н. Пр., 1846 г., отд. II, стр. 150) приводитъ еще: фин. meri, др. верх. нѣм. meri=море. Пожалуй, можно бы думать на основаніи этихъ словъ и обитанія мери по берегамъ двухъ большихъ озеръ, что названіе ея происходитъ отъ слова meri=море, но во 1-хъ, оно взято финнами отъ германцевъ, во 2-хъ, не могло бы удержать такой формы, а должно было бы принять производную: моряинъ, поморъ, морякъ и въ 3-хъ, для «озеро» у финновъ есть особое слово. Вѣроятно, что съ др. вер. нѣм. мери (meri=море, вода) связано западно-славянское меричи, мяречи, нимяречи=болото и названіе рѣчки Меречанка (притокъ Нѣмана. Ист. др. Руси. И. Филевичъ, т. I, стр. 92, 106), вслѣдствіе чего на основаніи существованья у славянъ слова меричи нельзя также заключать, что племянное названіе «меря»—славянское, хотя въ данномъ случаѣ такое заключеніе какъ будто бъ подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что меря жила дѣйствительно въ болотистой мѣстности по берегамъ Ростовскаго озера. Въ Россіи нѣтъ слова меречи, что и говоритъ за его заимствованіе отъ германцевъ.

[3]) А если понимать извѣстіе Іордана о мерѣ такъ, какъ понимали прежде, то и 500—700 лѣтъ.

скаго и Клещина озеръ, *были*, по видимому, *отяки*, называемые мѣстами чудью, чухарями, чухонцами.

Но были ли отяки въ Ростовской землѣ туземцами или переселенцами? Татищевъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Д. Островскій и др. на основаніи вышеприведенныхъ соображеній думаютъ, что оть жила первоначально близъ Финскаго залива Балтики, въ Петербургской и частью въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ [1]), но доходить (первоначально) своими поселеніями оттуда до Ярославской губерніи [2]) она едва ли могла, такъ какъ для этого она не достаточно большое племя [3]). Изслѣдованія Европеуса живыхъ названій урочищъ Ярославской губерніи убѣдили его, что названія эти принадлежатъ югрѣ, а не финнамъ [4]). Оставляя въ сторонѣ его предположеніе о венграхъ въ Ярославской губерніи, какъ представляющееся сомнительнымъ [5]), все-таки будешь имѣть, что близъ оти жила югра, вогулы и остяки, а также черемисы; южнѣе ихъ, по мнѣнію А. Л. Погодина, помѣщалась литва [6]). Такъ было въ до-русскія времена. Когда же въ Россію явились славяне (т. е. не позднѣе VI в. [7]), пробрались на Волховъ и Волгу [8]) и стали постепенно напирать на туземцевъ, то ближайшіе къ нимъ изъ послѣднихъ, т. е. въ данномъ случаѣ отяки (восточная часть ихъ) начали отступать, тѣсня въ свою очередь своихъ сосѣдей. Вотякъ и до сихъ поръ,

---

[1]) Европеусъ (Объ уг. нар., стр. 5, Жур. М. Н. Пр. 1868 г., VII, стр. 58) того же мнѣнія, такъ какъ его чудь нужно признать отяками. Онъ говоритъ, что чудь Тихвинскаго уѣзда говоритъ самымъ первобытнымъ нарѣчіемъ финскаго языка, что указываетъ на то, что оть-чудь живетъ тутъ на своемъ коренномъ, основномъ мѣстѣ.

[2]) Особенно до Ю. ея, до Ростовскаго озера.

[3]) Нынѣ отяковъ нѣсколько болѣе 380.000 и занимаютъ они въ сложности не болѣе 3—4 уѣздовъ; область ихъ опредѣляется на С. верховьями Камы и средней Чепцой, а на Ю. границей Вятской губерніи; съ Ю.-В. предѣломъ служитъ Кама (Энцикл. слов. Брокг. и Эфрона «вотяки»). По другимъ отяковъ въ Вятской губерніи нынѣ 411.570 человѣкъ и разселены они въ 6 уѣздахъ (Журн. М. Н. Пр.. 1904 г., III, отд. III, стр. 76).

[4]) Объ угор. нар., стр. 10; Энцикл. слов. Брокг. и Ефрона «Отяки».

[5]) Хотя нелязя не вспомнить, что угру поминаетъ лѣтопись среди племенъ сѣверной Россіи. Однако очень невѣроятна кажется та громадность угры, которую придаетъ ей Европеусъ. Впрочемъ, отмѣчу, что въ Ярославской губерніи есть р. Угра и Ухра. Центръ венгровъ Европеусъ указываетъ между Мологой и Шексной, а выселяются они изъ-за Суздаля.

[6]) О сицкоряхъ говоритъ и Корсаковъ (стр. 19), но опредѣленнаго мнѣнія не высказываетъ, хотя чувствуется, что онъ склоненъ видѣть въ нихъ финновъ.

[7]) Ибо, судя по Іордану, уже въ VI в. знали чудь. Соболевскій отодвигаетъ время ихъ появленія даже къ порѣ до Р. Х. на основаніи соотвѣтствія славянскаго ъ иноземному *у* (Журн. М. Н. Пр. 1904 г., стр. 463).

[8]) Одно изъ самыхъ послѣднихъ доисторическихъ движевій славянъ, съ чѣмъ согласенъ и Корсаковъ (стр. 46).

по замѣчанію русскихъ крестьянъ, «бѣжитъ отъ русскаго, какъ мышь отъ кошки» [1]), а подвижность и легкость, съ которою они покидаютъ насиженныя мѣста съ ихъ разборными хижинами, отмѣчены еще Г. Ф. Миллеромъ въ XVIII в. Но если отякъ бѣжитъ отъ русскаго и теперь, когда для сближенія ихъ имѣются различныя приманки, то гораздо болѣе причинъ сторониться отъ русскаго было для него въ пору ихъ перваго знакомства.

Славянское поселье по Волхову, двигаясь къ устью послѣдняго, клиномъ врѣзалось въ страну отяковъ и раздѣлило ихъ на двѣ части — западную и восточную. Первымъ некуда было отступать и они остались на мѣстѣ, образовавъ позже Вотьскую пятину, вторые же начали подаваться къ В. Но встрѣтивъ здѣсь югру и черемисъ, уклонились къ Ю. и передвинулись въ южную часть Ярославской и сѣверную часть Владимирской губерній, гдѣ и жили до X, а можетъ быть, и до XII—XIII в., «до русскаго крещенья», отъ котораго, при усиленіи проповѣди и принудительнаго распространенія христіанства, сбѣжали въ «Болгарскія жилища государства Казанскаго... и тамо кочевное житіе татарское изволиша [2])». Нынѣ положительно установлено [3]), что отяки прежде чѣмъ поселиться на нынѣшнихъ своихъ мѣстахъ жительства, обитали значительно западнѣе, а именно вмѣстѣ съ зырянами [4]) и пермяками занимали восточную часть Костромской и юговосточную часть Вологодской губерніи [5]).

---

[1]) Энцикл. словарь Брокг. и Ефрона «Вотяки».

[2]) Можетъ быть, имѣло мѣсто выселеніе инородцевъ изъ-за Суздаля и на З., какъ говоритъ нотарій, дорогу куда показалъ Олегъ, набравшій въ 880 г. большую рать изъ славянъ, кривичей, веси, чуди и мери и проч. обитателей средней Россіи и двинувшій ее въ завоевательный походъ на Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, древлянъ, сѣверянъ, радимичей, дулебовъ, тиверцевъ и хорватовъ, которыхъ и обложилъ данью (Карамзинъ, Ист. гос. Россійск., 1830 г., т. I, стр. 14). Возможно, что въ путаныхъ извѣстіяхъ древнѣйшихъ венгерскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Гулекъ (Hulec) и дѣйствительно скрывается Олегъ, какъ гадаетъ Европеусъ.

[3]) Н. И. Смирновымъ и др.

[4]) Европеусъ (Журн. М. Н. Пр.) указываетъ ихъ и въ Московской губерніи.

[5]) Энцикл. словарь Брокг. и Ефрона «Вотякъ», гдѣ и литература. Томашекъ предковъ отяковъ, пермяковъ и зырянъ видитъ въ будинахъ Геродота (Журн. М. Н. Просв. 1901 г., кн. II, стр. 517). Также думаетъ и И. Е. Забѣлинъ (Ист. русск. жизни), толкуя: будинъ—вудинъ—удинъ, утинъ,—ут-инъ, а *в* принимая за благозвучную славянскую приставку. По Геродоту будины жили къ В. отъ Скифіи, а къ Ю. отъ нихъ сарматы, напоминающіе названіемъ чувашское прозвище черемисовъ «сармисъ». А. И. Соболевскій (Журн. Мин. Н. Пр., 1904 г., VI, стр. 461) помѣщаетъ будиновъ не далеко отъ Кіева, толкуя, что будинскій г. Гелонъ въ болѣе позднемъ славянскомъ говорѣ будетъ Желанъ и указывая, что Ипатьевская лѣтопись подъ 1092, 1136, 1162 и 1169 г.г., а Лаврентіевская подъ 1093 и 1146 г.г. знаетъ р. Желяня или Желаня близъ Кіева, отождествляемую имъ съ р. Борщаговской—притокомъ Ирпени, на которой есть д. Желяне. Рубруквисъ (XIII в.), говоря о мордвѣ, повѣствуетъ: За Дономъ къ С. идутъ громадные лѣса, въ которыхъ живутъ два народа (вѣрнѣе, племя—genera hominum) моксель (Moxel),

Такимъ образамъ имѣется цѣлый рядъ достаточно обслѣдованныхъ и отмѣченныхъ письменностью или названіями урочищъ станцій пути отяковъ отъ Балтики до Урала. Это: Вотьская пятина (Нарвскій и Тихвинскій уѣзды), можетъ быть, Тотемскій уѣздъ, Ростовъ, приветлужье и, наконецъ, Кама.

Если обратить вниманіе на остальныхъ инородцевъ, бывшихъ сосѣдей отяковъ, то не трудно замѣтить, что они по отношенію къ отякамъ и нынѣ располагаются почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ размѣщались, живя на западѣ въ доисторическія времена. Вотяки расположились въ Пріуральѣ, вогулы на Уралѣ, особенно на восточныхъ склонахъ его [1]), а за ними остяки [2]). Слѣдовательно за исключеніемъ части отяковъ, оставшихся у Финскаго залива, вся группа инородцевъ сѣверо-западной части Россіи передвигалась на В. цѣликомъ, всей совокупностью.

Что касается исчезновенія въ лѣтописи съ X в. имени мери, то такое явленіе объясняется не однимъ выселеніемъ ея изъ русской земли, а еще и тѣмъ, что русскіе внѣдрились въ мерянскій народъ и расчленили его этимъ на отдѣльныя единицы и небольшія совокупности ихъ, тѣсно перемѣшанныя съ русскими. При такихъ условіяхъ не могло быть мери, а могли быть лишь отдѣльные меряне или меричи среди русскихъ (какъ въ другихъ мѣстахъ были чудины, угрины, половчане, черемисы и пр.), которыхъ, почти несомнѣнно, можно было бы встрѣтить въ болѣе древнихъ бумагахъ, если бы послѣднія дошли до насъ. Что выселилась изъ Ярославской губерніи «отъ русскаго крещенія» не вся меря-оть, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, такъ какъ еще въ

чистые язычники, незнающіе законовъ (божьихъ); они не имѣютъ городовъ и живутъ въ шалашахъ (лачужкахъ—casulis) среди лѣсовъ, имѣя въ изобиліи свиней, медъ и воскъ, драгоцѣнные мѣха и соколовъ. За ними живетъ другой народъ, называющійся *мерда* (merdas), а у латынянъ—мордвины (Morduini); они сарацины (турки, мусульмане. Изв. Общ. арх. ист., этн., т. X, в. 3, стр. 305). Въ первыхъ видитъ мордву—мокшу; во вторыхъ мордву—эрзю. Мнѣ кажется, что въ послѣднихъ вѣрнѣе видѣть мерю, ибо Рубруквисъ, зная названія «мордвины», называетъ своихъ сарациновъ не мордвинами, не мордами, а мердами и, чтобы не быть невѣрно понятымъ, оговаривается, что мордвинами они зовутся лишь у латынянъ, а не въ дѣйствительности. По преданіямъ отяковъ, родоначальницей ихъ была свинья: «свинья отяку мать была»; ѣсть се великій грѣхъ (Живая стар., 1900 г., в. I—II, стр. 203). Это преданіе, вѣроятно, возникло въ силу того, что свинья была приручена (или стала разводиться домашнею) у вотяковъ раньше другихъ животныхъ. У мордвы, какъ сейчасъ видѣли, домашнею упоминается лишь свинья, которыхъ обиліе.

[1]) Въ сѣверной части Верхотурскаго уѣзда Пермской губерніи въ юго-западной Березовскаго уѣзда и сѣверо-западной Тобольскаго уѣзда, Тобольской губерніи (Энц. слов. Брокг. и Ефр.).

[2]) По Оби, Иртышу и притокамъ—Кондѣ, Вясюгану и др. въ Тобольской губерніи и въ Нарымскомъ округѣ-уѣздѣ Томской губерніи (тамъ же).

XVIII в. существовали Мерскіе и Мериновскіе станы [1]) и волости, называвшіеся такъ, конечно, не ради одного воспоминанія (особенно въ болѣе раннее время) о первонасельникахъ края, а въ силу необходимости, въ силу того, что въ такихъ волостяхъ и станахъ дѣйствительно жила и преобладала меря [2]). Въ цѣломъ земля и народъ мери исчезли, ими завладѣли русскіе и, какъ хозяева, сообщили свое имя всему хозяйству. Но послѣднее имя, общее для всего хозяйства, не могло уничтожить названій отдѣльныхъ отличныхъ другъ отъ друга частей его, вслѣдствіе чего и видишь въ Ростовѣ Чудскій конецъ, Галичъ мерьскій, дер. Мериново, станъ Мерскій, отяковъ въ качествѣ ростовской черни, а близъ Ростова д. Казарку, памятникъ хозарскаго владычества и т. д.

Что касается литвы въ предѣлахъ Ярославской губерніи, то сказать о ней что-нибудь опредѣленное пока еще очень трудно; кромѣ общности названій нѣкоторыхъ урочищъ, отмѣченныхъ выше, да загадочныхъ сицкарей, научно совершенно неизслѣдованныхъ [3]), для рѣшенія вопроса нѣтъ ничего. Однако здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить мнѣніе А. Л. Погодина [4]), что литовско-финскія отношенія, по скольку они выясняются изъ языка, предшествовали германо-финскимъ, т. е. имѣли мѣсто не позднѣе II в. по Р. Х. [5]) и что въ то и пред-

[1]) Станъ въ Московскомъ княжествѣ появился (въ письменности) съ XIV в.: въ договорной грамотѣ Дмитрія Донского съ Влад. Андр. 1388 г.: а черные люди (потягли) къ *становщику* (Лекціи по исторіи русск. законодательства. И. Д. Бѣляевъ, стр. 318); былъ становщикъ, былъ и станъ.

[2]) Переяславскій уѣздъ Владимирской губ. еще въ XVI в. назывался Мерскимъ станомъ (Корсаковъ, стр. 14). Въ Кашинскомъ уѣздѣ еще въ XVIII в. была Мериновская волость и Мерецкій станъ: Кашинскаго уѣзду мерецкого стану, вотчины живоначальныя троицы Колязина монастыря с. Чагино и д. Левушино... (архивъ Яр. Арх. Комм., Переписн. кн. № 140, 1717 г. и 1709 г. л. 22), а въ Ярославской провинціи Мерскій станъ. О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ именемъ Мерскій см. еще Меряне и ихъ бытъ по дан. кур. раск. гр. А. С. Уваровъ, страница 10. Въ Костромской губерніи, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, есть селенія—Спасъ-Мерскій и Егорій-Мерскій; въ Кинешемскомъ уѣздѣ (по Ходаковскому) р. Меря (Древн. святыни Ростова Вел. гр. Мих. Толстого, изд. 2, стр. 7).

[3]) С. А. Мусинъ-Пушкинъ (Очерки Мологскаго уѣзда стр. 11) сообщаетъ, что ситьскари длинноголовы, но не указываетъ, откуда взялъ это свѣдѣніе, что очень жаль.

[4]) Изъ Истор. Слав. передвиж. стр. 3, 92.

[5]) Готы въ Россіи появляются около 215 г. (тамъ же стр. 22, 24), на Вислѣ и берегахъ Балтики съ IV в. до Р., на правой сторонѣ Вислы во II в. по Р. (Ж. М. Н. Пр. 1901 г. кн. II, стр. 506 и 510). Европеусъ (Объ угор. нар. стр. 19) опредѣляетъ время германо-финскихъ отношеній иначе. Онъ говоритъ, что родина финновъ была около Ладожскаго и Онежскаго озеръ и что здѣсь финны имѣли тѣсное сношеніе съ готами, нераспространявшимися тогда далѣе острова Эзеля, причемъ финны заимствовали слова у готовъ тогда, когда *k* и *p* въ германскомъ языкѣ не измѣнились еще въ *h* и *f*, что случилось до Р. Х. По мнѣнію Томсена, около Р. Х. финны, тогда еще нераздѣленные, подвергались сильному литовскому вліянію, которое для мордвы и черемисовъ продолжалось и послѣ отдѣленія ихъ отъ западныхъ финновъ; готское же вліяніе началось позже, уже послѣ разрыва финновъ на западныхъ и восточныхъ (Изв. общ. арх. ист. и этн. т. X, вып. I, стр. 67). Як. Гриммъ (Журналъ

шествовавшее время сдѣланы тѣ заимствованія изъ иранскаго языка, которыя общи языкамъ литовскому и финскому. Это мнѣніе даетъ лишнюю дату для опредѣленія времени появленія финновъ въ Россіи.

Такимъ образомъ изъ обозрѣнія мнѣній о доруссконъ населеніи сѣверной половины Россіи, кажется, достаточно выяснилось, что финновъ изъ числа ея первонасельниковъ [1]) исключить нельзя: нѣтъ основаній. Однимъ изъ послѣднихъ, оспаривавшихъ это положеніе, является Д. П. Европеусъ, отдающій предпочтеніе югрѣ. Дѣлаетъ онъ это на основаніи языка, который, обособляя для доказательства своего положенія, въ то же время ставитъ въ непосредственную связь съ финскимъ, на который ссылается, ища въ немъ подтвержденія своимъ построеніямъ [2]) и, основываясь на этой связи, объединяетъ два плотски совершенно различныхъ племени финское короткоголовое съ югорскимъ длинноголовымъ въ одинъ народъ финно-угровъ (венгровъ). Но поступая такъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обособляетъ названныя племена,

---

М. Н. Пр. 1846 г., III, отд. II, стр. 149) относилъ финновъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Европы. По его мнѣнію, они жили въ ней до появленія германцевъ, одновременно съ кельтами (галлами), тоже древнѣйшими ея обитателями, занимавшими нѣкогда тѣ мѣста Европы, которыя позже заняли германцы, оттѣснившіе одновременно финновъ къ С., а галловъ къ З. Эти заключенія, добытыя изслѣдованіемъ языка, подтверждаются въ общихъ чертахъ и изученіемъ древностей. Присутствіе кельтовъ (галловъ) въ юго-западной Россіи считается установленнымъ (тамъ же, 1904 г., VI, стр. 462), при чемъ Л. Нидерле полагаетъ, что славяне знали ихъ подъ именемъ валхъ, влахъ, валахъ (волохъ), какового взгляда держался и И. Е. Забѣлинъ (Исторія русск. жизни...). Но А. И. Соболевскій возражаетъ, говоря, что валахами—валахами славяне зовутъ исключительно романцевъ, румыновъ и италіанцевъ; онъ думаетъ, что чистыхъ кельтовъ (галловъ) славяне называли словомъ близкимъ къ греческому γαλάται (галаты). Названіе г. Галича, по Соболевскому, въ основѣ кельтское («Галичъ»—притяжательная форма отъ гал), за что говоритъ то обстоятельство, что онъ былъ средоточіемъ торговли солью: hal—соль кельтскаго происхожденія и въ средней Европѣ мѣстности добычи соли или торговли ею носятъ названія обыкновенно отъ корня hal—гал. Сверхъ всего у славянъ есть слова, взятыя у кельтовъ въ глубокой древности (цер.-слав. аблъко—яблоко). Такимъ образомъ галлы являются современниками и сосѣдями финновъ въ средней Европѣ; разъединили эти народы германцы и славяне. Гриммъ находитъ слѣды финновъ въ языкѣ сѣверныхъ германцевъ: готовъ, древнихъ верхне-нѣмецкихъ племенъ и особенно скандинавовъ. Напримѣръ гот. páida, др.в.-нѣм. pheit, др. сакс. pêda отъ фин. paita—платье верхнее, *п* (*p*) въ началѣ словъ было несвойственно германскимъ языкамъ (не всегда); дат. mukker, нов. нидерл. moker, фин. moukari—молоть, подобнаго слова нѣтъ ни въ одномъ нѣмецкомъ нарѣчіи (за то въ русскомъ языкѣ есть: мука и если датчане взяли mukker дѣйствительно отъ финновъ, то поздно, ибо сами финны заимствовали его у славянъ, такъ какъ не знали земледѣлія, а стало быть и помола—муки); фин. repo (род. п. revon)—лиса, др. сѣв. ref, швед. räf, дат. räv; фин. poika, püka—мальчикъ, сынъ, нелан. puki, шв. pojke—мальчикъ; фин. piga—женщина, дат. pige—дѣвушка; фин. alto—волна, др. сѣв. alda—волна. Этихъ словъ, по Гримму, нѣтъ въ другихъ, кромѣ указанныхъ, германскихъ языкахъ, почему они и представляются заимствованными (тамъ же).

[1]) Точнѣе—ея насельниковъ поры новокамники.

[2]) Напримѣръ на зырянскій (Объ угор. нар., стр. 7 и 8). См. Отзывъ о взглядахъ Европеуса И. Н. Смирнова въ Изв. Общ. арх., ист. и этн., т. IX, вып. 2, стр. 49 и 51—отзывъ безпристрастный, но очень неблагопріятный.

разграничивая на основаніи названій урочищъ мѣста ихъ поселеній. Тутъ, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного финскаго названія; тутъ въ дорусскія времена жила одна югро-угра, безъ всякой примѣси финновъ [1]), а тамъ, указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ на подобномъ же основаніи, жили только финны. Въ концѣ концовъ начинаешь затрудняться понимать, зачѣмъ же толковать объ угро-финскомъ народѣ, когда угра сама по себѣ, а финны сами по себѣ [2])? Толкуется ради языка, который, какъ бы не обособлять югорскій языкъ, все-таки общъ обоимъ племенамъ [3]). Разъ же это такъ, то, имѣя въ виду плотскую разность финновъ и югры, необходимо заключить, что однимъ изъ этихъ племенъ языкъ взятъ у другого. И трудно, кажется, сомнѣваться въ томъ, что принятъ языкъ югрой отъ финновъ, такъ какъ финновъ и численностью больше и языкомъ они сильнѣе югры, постоянно развивая и совершенствуя его, да, наконецъ, и древнѣе югры, такъ какъ сидятъ сѣвернѣе ея [4]), т. е. шли впереди.

На основаніи говореннаго слѣдуетъ положить, что финны, если не были вторыми насельниками Ярославской губерніи, въ пору мѣстной новокамники, то по крайней мѣрѣ смѣнили ея новокамниковаго человѣка, принадлежавшаго къ неизвѣстному высокорослому, длинноголовому, вѣроятно, германскому племени. Дѣлаю эту оговорку въ виду того, что неоспоримыхъ слѣдовъ финновъ новокамники въ Ярославской губерніи пока не найдено и нѣтъ прямыхъ указаній на то, что въ пору новокамники финны [5]) уже жили въ ней. О томъ и другомъ можно говорить лишь по наведенію, т. е. гадательно, а именно, имѣя въ виду извѣстіе I—II в. Тацита и Птолемея вообще о финнахъ, Іор-

---

[1]) Напримѣръ около Бѣлаго озера, Мологи и Шексны (Объ угор. нар., стр. 10, 14).

[2]) Европеусъ даже полагаетъ, что югра-угра въ лопарскихъ преданіяхъ, подъ именемъ чуттечудь, описывается самыми кровными врагами лопарей, а въ финскихъ сказаніяхъ великанами исполинской силы (тамъ же, стр. 19). Въ лопарскихъ чутте Н. Н. Харузинъ (Русскіе лопари) съ несравненно большимъ основаніемъ видитъ шведовъ; что же касается великанства югры, то о немъ не можетъ быть и рѣчи въ виду малорослости и остяковъ, и вогуловъ. Шведы—самое высокое племя въ Европѣ (И. Тейлоръ. Происх. арійцевъ, стр. 233...103) дѣйствительно могли показаться великанами финнамъ, которыхъ тѣснили и преслѣдовали. Венгръ І. Буденцъ также объединяетъ югру съ финнами; по его мнѣнію, прафинны распались на сѣверныхъ: лопь, зыряне съ отяками, вогулы съ остяками и венгры,—и южныхъ: мордва, черемисы и суоми (Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. X, вып. I, стр. 66).

[3]) Европеусъ постоянно привлекаетъ финскіе языки: мордовскій, черемисскій, зырянскій для истолкованія югорскихъ словъ, напр. при объясненіи значенія названій куціагуры, кутригуры, сотагуры, сабаногуры, печенеги и проч.

[4]) Лопари; въ Азіи югра также является во второмъ наплывѣ, позади самоѣдовъ, живущихъ и по сю сторону Урала на р. Печерѣ.

[5]) Какъ равно и другія племена, кромѣ упомянутаго длинноголоваго.

дана о мерѣ, мордвѣ, чуди (Thuidos) и черемисахъ IV в. по Р. Х., англинской саги о каменномъ оружіи эстовъ второй половины VI вѣка и отчасти Ген. Лотыша (1224 г.) о томъ, что эсты еще въ его время имѣли очень мало оружія, и что съ употребленіемъ и этого немногаго не вполнѣ освоились, пуская въ дѣло чаще всего дубины [1]). Разумѣется, можно и даже должно напирать на то соображеніе, что финнамъ, шедшимъ въ Европу изъ Азіи и, притомъ, судя по лопарямъ, по ихъ развитію (оленеводы) за ледниками въ направленіи, какъ показываетъ расположеніе финской народности въ Россіи, съ Ю.-В. на С.-З., не только не было причинъ, но и трудно было бы миновать Ярославскую губернію и что прежде, чѣмъ попасть къ берегамъ Балтики, гдѣ ихъ отмѣтилъ Тацитъ, они должны были пройдти среднюю Россію. Однако это соображеніе, какъ оно само по себѣ не вѣско, все-таки не достовѣрность и можетъ быть оспариваемо, не смотря и на то, что послѣ Тацита чрезъ 300 лѣтъ финны отмѣчаются Іорданомъ уже ближе къ Ярославской губерніи, а послѣ Іордана его меря указывается русской лѣтописью и непосредственно въ предѣлахъ этой губерніи. Но вѣдь въ продолженіи 700 лѣтъ, раздѣляющихъ показанія Тацита и лѣтописи, меря, если она существовала уже при Тацитѣ [2]), могла не только передвинуться много разъ [3]), но даже и совсѣмъ вымереть.

Однако, такъ ли, иначе ли, но можно считать за несомнѣнность, что если даже не меря, то мурома или какое либо иное, но все же финское племя сидѣло въ Ярославской губерніи во время Тацита, не вышло еще изъ каменной промышленности, такъ какъ при такой промышленности оставались даже въ болѣе позднѣе время болѣе западныя

---

[1]) Сборникъ археолог. института, кн. 5, половина первая, стр. 117—121.

[2]) Конечно, не въ видѣ мери, а отяковъ: картина развитія финновъ, данная Тацитомъ, не позволяетъ допустить бытіе мери уже тогда, онъ прямо говоритъ: они считаютъ свой образъ жизни большимъ счастьемъ, чѣмъ стонать надъ нивою, изнемогать подъ бременемъ труда надъ постройкою (жилья), безпрестанно дрожать за свое и чужое счастье. Не заботясь ни о людяхъ, ни *о богахъ*, они достигли самаго рѣдкаго: *не знаютъ желанія молиться*, стоятъ, такъ сказать, выше потребности въ этомъ (Первоб. челов. Эд. Клодъ, стр. 71). Если-жъ такъ слабо была развита ихъ вѣра, то не могло существовать и молитвенныхъ союзовъ, т. е. мэр'овъ. Но съ другой стороны, нельзя забывать, что Несторъ отдѣляетъ чудь-отяковъ отъ отяковъ-мери, говоря, что первые, называемые имъ чудью, сидѣли у Варяжскаго моря, а вторые у Ростовскаго и Клещина озеръ; стало быть, и въ его время мэры или были не у всѣхъ отяковъ или у западныхъ звались иначе. Оставаясь безпристрастнымъ, нужно отмѣтить, что урочища съ именами отъ и мэр на З. распространены менѣе, чѣмъ въ другія стороны отъ Ростовскаго озера. Іордановское и Несторовское обособленіе мери отъ чуди говоритъ о какомъ то различіи, бывшемъ между той и другой, хотя и обѣ были отяками.

[3]) Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ еще въ XVIII в. былъ Мещерскій станъ (архивъ Яросл. Арх. Комм., переписн. кн. № 551).

финскія племена, подвергавшіяся несравненно большему и болѣе настойчивому вліянію сосѣдей [1]), знавшихъ уже металлъ.

Обращаясь къ могиламъ финновъ, ихъ не найдешь въ Ярославской губерніи не только изъ новокамники, но даже и изъ временъ историческихъ, когда финны несомнѣнно сидѣли уже въ губерніи. Тѣмъ не менѣе безспорно финскихъ могилъ здѣсь до сихъ поръ не обнаружено, такъ какъ тѣ могилы-курганы, которые принимались гр. Уваровымъ, Ивановскимъ и др. за мерянскіе и весьскіе, теперь ни кѣмъ за такіе не признаются и признаны быть не могутъ ни по ихъ устройству, ни по содержимому, ни по похоронному обряду, ни по времени, къ которому относятся, ни по тому, наконецъ, что, признавъ указанныя могилы за финскія (мерянскія), не найдешь могилъ не только другихъ народностей, жившихъ въ губерніи, но даже и самихъ финновъ болѣе ранняго (до VIII в.) времени [2]).

Какъ же понять и чѣмъ объяснить отсутствіе финскихъ могилъ въ Яросл. губ., если только финны дѣйствительно въ ней жили? Устройствомъ финскихъ могилъ. У всѣхъ финновъ и близкихъ къ нимъ племенъ въ болѣе древнія времена, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ пережитки, преданія и, относительно нѣкоторыхъ разновидностей, письменность, могилы были или наземными (на помостѣ-лобазѣ, въ ящикѣ, подъ санями, въ лодкѣ, шалашѣ, подъ камнями или въ каменныхъ огражденіяхъ и пр.), или если и въ землѣ, то весьма мелкія съ едва засыпаннымъ трупомъ и потому легко уничтожаемыми не только людьми и животными, особенно хищными, но въ случаяхъ легкой подвижности почвы (песчаная) водой и вѣтромъ, а въ среднихъ широтахъ гніеніемъ и вывѣриваньемъ. Есть намеки также на оставленіе умершихъ на поверхности почвы вовсе безъ всякихъ похоронъ, на произволъ судьбы, а также есть указанія на убійство и съѣданіе стариковъ [3]). Въ Скандинавіи, Лапландіи и Финлян-

[1]) Юго-западныхъ. Литва оставалась очень дикой еще въ XIII в., приходя въ восторгъ отъ простыхъ бѣлыхъ суконныхъ кафтановъ, которые раздавалъ въ 1386 г. крестившимся ихъ король Ягайло, до половины XIII в. у нихъ не извѣстно ни вождей, ни городовъ. По Стриковскому, они до XV в. одѣвались лишь въ шкуры звѣрей и полотно. Впрочемъ, русскій мужикъ, въ массѣ, до XIX в. кромѣ овчины, полотна и пестряди, тоже ничего не носилъ. (Лекціи по русск. исторіи, С. Ѳ. Платоновъ, стр. 112).

[2]) Сказанное не слѣдуетъ понимать такъ, что въ Ярославскихъ курганахъ нѣтъ погребенныхъ финновъ, они, что положительно извѣстно, погребались въ нихъ, на Михайловскомъ помѣщичьемъ кладбищѣ XI—XII в. Я самъ нашелъ погребеніе трупа, лежавшаго въ направленіи С./Ю., т. е. по фински. Своимъ замѣчаніемъ я хочу сказать только, что устройство Ярославскихъ кургановъ не финское.

[3]) Древности, т. XIV, стр. 133, 170; И. С. Поляковъ—Письма и отчеты, стр. 64, 151; Бремъ,—Нива, ежемѣс. прилож. № 6, стр. 308 о погребеніи отяковъ. Изв. Общ. арх., истор. и этн., т. X, в. 3, стр. 289; в. 4, стр. 392; т. XII, в. 2. Изв. Общ. ест., антр. и этн., т. LXVI. Русская мысль, 1890, IV отд. 2, стр. 173. Сборн. археол. инст., V, половина 1-я, отд. 1.

діи, гдѣ повсюду много камня, тамъ финны (лопари) оставили много могилъ («лопарскія могилы» и лопарскія «каменныя кучи»), въ средней же Россіи и, въ частности, въ Ярославской губерніи камня на поверхности почвы, въ общемъ, не много, а плоскаго и совсѣмъ мало, но за то обиліе лѣса, которымъ и пользовались финны для своихъ могилъ [1]), вслѣдствіе чего отъ этихъ могилъ и не осталось никакихъ признаковъ. Позже, при водвореніи въ Россіи иныхъ способовъ погребенія (курганнаго и сожженія), эти способы наблюдаются и у финновъ, но преимущественно, если не исключительно, лишь у западныхъ [2]), и притомъ, въ довольно позднее время, X—XII в.в. Кромѣ того, въ перенятыхъ способахъ похоронъ у финновъ сохраняются и черты ихъ собственныхъ пріемовъ. Такъ напр., начавъ надъ трупами наваливать курганы, они продолжаютъ давать трупу свое положеніе, кладя его С./Ю., завертывать мертвыхъ въ береcто, землю подъ ними посыпать бѣлой глиной даже тогда, когда ее нѣтъ по близости, оставлять на могилѣ сани и проч. Эсты острововъ Эзеля и Мона, заимствовавъ сожженіе, продолжали употреблять камень для сооруженія могилъ и самое пепелище заваливали, при возможности, не землей, а камнями, наваливая ихъ кучей отъ $1^1/_2$—2 арш. высотой, какъ въ древности дѣлали лопари надъ трупами [3]).

---

[1]) Какъ пользовались имъ и лопари даже въ странѣ камня (см. выше).

[2]) Изв. Общ. арх., ист. и этн., т. IX, в. 2, стр. 7, 9, 12; Сборникъ археол. инст., кн. V, половина 1-я, стр. 221.

[3]) Н. Рерихъ (Вѣстн. археол. и ист. 1900 г. вып. XIII, стр. 107, 109, 113), желая выяснить отличія древнихъ финскихъ погребеній, основательно обратилъ вниманіе на тѣ мѣстности, въ которыхъ финны живутъ съ древности до нынѣ, сохраняя свою самобытность, а именно на прибалтійскія губерніи и острова Балтики. Что же оказалось? Курганы эсты называютъ wanne-kappe—могилы венновъ, венедовъ, т. е. славянъ (въ Калевалѣ Россія называется Vanöja—Ванейа. Ж. М. Н. П. 1846 г. III, от. II, стр. 157), а латыши krive-kappe—кривскія или кривичскія могилы. Похоронный обрядъ въ нихъ либо сожженіе, либо погребеніе (въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи), послѣднее преимущественно въ низкихъ курганахъ. Находимыя въ курганахъ монеты суть Этельреда и Канута и нѣмецкія отъ XI в. (таковы отъ Виндавы до Нейхаузена, около Цебельна въ Курляндской губ. и проч.). Отъ обыкновенныхъ кургановъ отличаются курганы, обставленные по подошвѣ камнями; въ нихъ похороны—сожженіе съ насыпью надъ кострищемъ. Затѣмъ встрѣчаются могилы такого устройства: на ровной площади сооружены *квадраты изъ поставленныхъ камней*, внутри ихъ обнаруживаются раскопкой круги и овалы изъ камней, въ которыхъ лежатъ костяки съ С./Ю. или Ю./С. На островѣ Эзелѣ господствуютъ *квадраты изъ камней, наполненные мелкимъ камнемъ*, прикрывающимъ остатки сожженія на почвѣ. Курганы Эзеля и Мона обставлены по основанію камнями, а въ насыпяхъ сдѣланы изъ камня разныя сооруженія, среди вещей большая примѣсь вещей скандинавскаго пошиба; относятъ эти курганы къ X и не позже XIII в. и приписываютъ норманамъ. Коренныя финскія похороны безъ насыпей: на ровномъ мѣстѣ двѣ или четыре булыги, въ послѣднемъ случаѣ онѣ расположены удлиненнымъ ромбомъ, длинная ось котораго идетъ З./В.; похоронный обрядъ—сожженіе, остатки котораго сгребались въ кучку—(пеплякъ). Эта кучка и обозначалась 2—4 валунами, а иногда еще засыпалась тонко землей или забрасывалась камнями по всей поверхности, намѣченной валунами. Не лишне отмѣтить, что отяки, помнящіе многое изъ своей первоначальной исторіи, ничего не знаютъ о происхожденіи кургановъ. Черемисы же

Если насыпь дѣлалась изъ земли, то камнями хоть обставлялась по низу, а иногда и вся обваливалась («выстилалась») ими. Труднѣе прослѣдить въ финскихъ курганахъ деревянныя сооруженія вслѣдствіе непрочности дерева, но и они отмѣчаются болѣе внимательными наблюдателями въ видѣ ящиковъ или кровель-шалашей. Есть и письменныя указанія на знакомство финновъ съ курганами. Въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Макарія про чудь Ингерманландіи и Ладожскаго уѣзда говорится, что она «клала (въ 1534 г.) мертвыхъ по курганамъ и по каломищамъ съ арбуями» (знахарями) [1]). На основаніи этого извѣстія Европеусъ заключаетъ, что курганы его финской области принадлежатъ древнимъ финнамъ, а самыми несомнѣнно финскими признаетъ сопки (до 2 саж. выс.) сѣверной части Тихвинскаго уѣзда, гдѣ чудь живетъ до сихъ поръ, говоря своимъ языкомъ. Онъ добавляетъ, что въ финскихъ курганахъ черепа короткоголовы, курганы же съ длинными черепами, въ томъ числѣ и Ярославскіе, рѣшительно приписываетъ югрѣ-угрѣ [2]), какъ единственному длинноголовому племени въ сѣверной Россіи. Миллеръ и Аспелинъ принимали ихъ за финскіе [3]). Но ни тотъ, ни эти не правы. Ярославскіе курганы не финскіе по тому, что черепа въ нихъ почти исключительно длинные, а въ болѣе древнихъ, дославянскихъ и безъ исключенія длинные, не югорскіе же они (какъ и не финскіе) по тому, что погребено подъ ними очень рослое племя, въ среднемъ: отъ 2 арш. 5 в.—$2^3/_4$ арш.

Вятской губерніи разсказываютъ, что ихъ насыпали великаны, вытряхивая изъ лаптей землю, набравшуюся туда при ходьбѣ. По малорусскому сказанью курганы наваливало войско «Бунякъ» (половецкій ханъ Бонякъ) башмаками на привалахъ (Живая Старина 1900 г. вып. I—II, стр. 200 и 209).

[1]) Объ угор. народѣ..., стр. 5. Европеусъ толкуетъ: арбуй-арпойа (arpoja, arboja=ворожея жребіями), коломища—калмисто (kalmisto=могильникъ, кладбище, отъ kalmo=могила, но почему «коломище» не отъ «коло», «колъ»). Можетъ быть, чудь пользовалась и готовыми древними курганами.

[2]) Тамъ же, стр. 11, 15 и 16.

[3]) Тамъ же. Европеусъ не соглашается; по его мнѣнію, Аспелинъ «не приводитъ никакихъ доказательствъ, которыя могли бы выдержать критику». Но самъ тутъ же доказываетъ принадлежность угрѣ кургановъ около посада Бѣжицъ тѣмъ, что найденныя въ нихъ сбруйныя украшенія (чистѣйшаго скандинавскаго типа) сдѣланы не изъ бронзы, а изъ мѣди, которой не было въ Скандинавіи, будто бы, до христіанства, особенно золотистой (1,5%), извѣстной въ Россіи только на Алтаѣ. Мѣдь въ Скандинавію могла попасть десятками путей, скандинавскій же узоръ могъ исходить только отъ скандинавовъ, а особенно въ страну дикихъ финновъ, и на какой бы мѣди онъ не былъ выполненъ, онъ выполненъ скандинавомъ, а не чудиномъ. Типъ скандинавскаго узора въ его полномъ выраженіи (какъ на указанныхъ вещахъ) такъ рѣзко, опредѣленно и совершенно отличенъ отъ всего остального, что не отличить его съ перваго же взгляда, весьма мудрено. Нѣкоторую преемственную связь его съ «чудскимъ» узоромъ можно видѣть, но за высшее развитіе послѣдняго его можно принимать только при условіи, что этого развитія онъ достигъ въ скандинавскихъ рукахъ.

ростомъ мужчины и 2 арш. 3 в.—2 арш. 8 в. женщины [1]); при чемъ преобладаютъ болѣе крупныя цифры.

Такимъ образомъ можно сказать, что *населеніе Ярославской губерніи поры новокамники кургановъ не знало* и что *не употребляло ихъ и финское населеніе губерніи* вплоть до появленія въ ихъ землѣ инородческихъ поселенцевъ, познакомившихъ ихъ кромѣ кургановъ и со многимъ другимъ.

Финновъ въ губерніи застаетъ исторія, начинающаяся здѣсь хорошо развитой желѣзникой и они служатъ переходомъ отъ прансторіи къ исторіи. Но прежде, чѣмъ заняться историческимъ временемъ, скажу еще нѣсколько заключительныхъ словъ о новокамникѣ.

Выше сказано, что во время новокамники въ Ярославской губерніи жили два существенно отличныя другъ отъ друга племени: высокое, очень сильное [2]), длинноголовое и косозубое, вѣроятно, германское и низкорослое, короткоголовое, прямозубое, коротконогое—финское. Первое исчезло безслѣдно [3]), оставивъ лишь могилы; второе, пожалуй, тоже исчезло, но не безслѣдно, его захватила исторія, письменность, оно оставило много названій живыхъ урочищъ и слѣды въ языкѣ и въ типѣ населенія [4]), но могилъ его не сохранилось, не извѣстно.

Которое же изъ этихъ племенъ явилось въ губернію раньше?

Точно отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Вотъ нѣсколько данныхъ для его рѣшенія.

Прагерманцы [5]), какъ сказано и насколько пока выяснилось, жили и хоронили на одной высотѣ около 60 с. надъ моремъ, на холмахъ, бывшихъ, видимо, поледниковыми островами. Еще гр. Уваровъ, осно-

---

[1]) Какъ показали мои и др. изслѣдователей измѣренія костяковъ.

[2]) На ножныхъ костяхъ съ фатьяновскаго холма, хранящихся въ музеѣ Яросл. Архивн. Комм., мышечные гребни чрезвычайно развиты и весьма шероховаты, а самыя кости необыкновенно плотны, не смотря на то, что вовсе лишены жировыхъ частей.

[3]) Развѣ германскія начала въ финскихъ языкахъ напоминаютъ о немъ, да еще нѣкоторые пластическіе признаки въ населеніи, возстановляемые отродомъ.

[4]) Телепень=обрубокъ, чурбанъ; у словинцевъ (Слов. М. Хостника) есть: телебáнъ=пентюхъ, олухъ; телебити=треснуть, ударить, стукнуть-ся, но и словинцы могли его заимствовать; чурбанъ; кербъ (cegro)=связка, пукъ, снопъ; озябъ—порча, болѣзнь (azap=диво, неожиданность); шадрина (sadrà=корявина); капканъ (karka=ворота); комолый, комль (komolja=комокъ); курва=блудница (kurva=блудница); суровый=сѣрый, небѣленый (холстъ); sur=сивый, сѣдой; куксить=хныкать; шушера=отбросы, дрянь, сбродъ, сволочь; кутерьма=возня, свалка; пасма=пучекъ; базить=кричать, гаркать=кричать (harkka=порицаніе, брань, осужденіе, колкое замѣчаніе); кутяшенокъ, (морд. kutŭ, отьск. kutsja=собака) и пр. П. Лавровскій (Корен. значеніе въ названіяхъ родства у славянъ, стр. 64) сопоставляетъ «курва» съ ново-греч. κυρανα, καρ'ανα=хозяйка дома, госпожа и съ гот. hors, д. в. нѣм. huora. Это сближеніе основательнѣе перваго и финское kurvà нужно считать заимствованіемъ у русскихъ.

[5]) Буду такъ называть неизвѣстное новокамниковое племя для краткости.

вываясь на строеніи почвы, высказалъ мнѣніе, что фатьяновскій холмъ былъ окруженъ водою озера [1]); то же заключеніе нужно сдѣлать и объ остальныхъ ярославскихъ могильникахъ того времени (о Холмскомъ, дегтевскомъ и Черногорскомъ). Ихъ (могильниковъ) приблизительно одинаковая высота должна обусловливаться, видимо, только водой, могшей явиться здѣсь лишь слѣдствіемъ таянія льда и снѣговъ ледовища, такъ какъ никакой иной причины не извѣстно и не видится. Эта вода, явившаяся сраза въ большомъ количествѣ, залила всѣ низины, образовавъ нѣсколько громадныхъ и множество мѣньшихъ озеръ разной глубины. Слѣды этихъ озеръ, какъ уже отмѣчено, остались въ видѣ ихъ илистыхъ осадковъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ ила, сѣрой земли, иногда, подзола и раскинутыхъ пятнами по всей площади губерніи [2]). Понятно, что

[1]) Камен. періодъ, I, стр. 395, II стр. 128.

[2]) Матеріалы для статистики Россіи. Изд. Мин. Г. Им., т. I, карта почвъ Яр. губ.; она переиздана П. Ф. Бѣсединымъ въ неточномъ и уменьшенномъ видѣ въ Обзорѣ Яросл. губ., в. I, стр. 15; мной въ увеличенномъ видѣ сдѣлана для Яросл. Арх. Комиссіи. Почвовѣдъ Ярославск. губернск. земства Б. Бернштейнъ, какъ и многіе другіе, считаетъ эти земли сухопутнаго, дерноваго происхожденія (Вѣсти. Яр. земства, 1905 г., № 1, отд. IV, стр. 10), но такъ какъ онъ не приводитъ этому другихъ доказательствъ, кромѣ переходности (вѣрнѣе, налеганія) отъ чисто дерновыхъ почвъ къ рѣзко выраженнымъ подзоламъ, то считаться съ его мнѣніемъ довольно затруднительно. Однако замѣчу, что въ виду вышелоченности «сѣрой земли» и другихъ почвъ этого рода, въ виду ихъ переработанности, т. е. невервоначальности и въ виду общности происхожденія (изъ растеній) какъ дерновыхъ, такъ и осадочно-озерныхъ почвъ точному рѣшенію вопроса—водному или сухопутному происхожденію обязаны разсматриваемыя почвы—едва-ли поможетъ и химическое изслѣдованіе. Болѣе убѣдительный отвѣтъ могло бы дать невеливированіе мѣстъ залеганія сѣрыхъ земель и ихъ окрестностей. Но такъ какъ невелировки не производилось, то я беру за основаніе расположеніе этихъ земель (пятнами), фигуры ихъ пограничныхъ очертаній и нахожденіе среди нихъ какъ чернозема, такъ и остатковъ бывшихъ водоемовъ въ родѣ Ростовскаго озера, бототъ и проч. Если бъ эти почвы были сухопутно-дерноваго, а не водно-озернаго происхожденія по преимуществу, то онѣ не располагались бы на поверхности губерніи такими рѣзко ограниченными и разобщенными пятнами, какими расположены, а размѣщались бы клочками и большими площадями, болѣе или менѣе связанными другъ съ другомъ; этихъ пятенъ было бы несравненно больше числомъ и занимали бы они большую часть губерніи (дернъ покрываетъ въ губерніи всѣ почвы за исключеніемъ сыпучихъ песковъ, которыхъ немного), не имѣли бы очертаній водоемовъ, не были бы связаны такъ ясно съ существующими водоемами (озерами, болотами и заливными долинами рѣкъ), подзолъ и сѣрая земля не лежали бы подъ черноземомъ—несомнѣнно озернымъ (стр. 33, 35) и не продолжали бы образовываться на нашихъ глазахъ въ областяхъ водоемовъ, какъ въ Мологскомъ и другихъ уѣздахъ. Бернштейнъ изъ за деревьевъ не видитъ лѣса. Онъ самъ говоритъ (№ 3, ст. IV, стр. 29), что ростовскій черноземъ «обязанъ своимъ происхожденіемъ постепенному (на $1^1/_3$ дес. въ годъ) усыханію оз. Неро». Далѣе онъ отмѣчаетъ, что Ростовскій уѣздъ представляетъ *обширную котловину* (выстланную сѣрой землей) съ Неро въ срединѣ (нижайшей его части), что еще въ началѣ XIX в. Мурчисонъ (геологъ) предсказалъ (? подмѣтилъ) усыханіе озеръ и болотъ сѣверной Россіи и превращеніе ихъ въ культурныя земли, что подтверждаютъ наблюденія и пр. Но не смотря на все это, онъ вмѣсто изображенія общей картины, т. е. описанія ростовской пріозерной почвы лишь какъ частной разновидности одной общей, дѣлитъ послѣднюю на нѣсколько обособленныхъ видовъ и описываетъ всякій изъ нихъ совсѣмъ отдѣльно и самостоятельно, безъ связи съ другими, копаясь въ мелочахъ. Благодаря этому его описаніе не даетъ ничего, кромѣ перечисленія свойствъ, да еще впечатлѣнія, что рѣчь идетъ въ каждомъ случаѣ о чемъ то особомъ, а не о томъ же все, но лишь видоизмѣненномъ.

замѣтный иловатый осадокъ дали только тѣ озера, которыя существовали достаточное для того время, какъ напримѣръ согожско-ухтомосогское въ Пошехонскомъ уѣздѣ, ухринское, занимавшее сѣверъ Рыбинскаго, Романовскаго и Даниловскаго и сѣверо-западъ Любимскаго уѣздовъ; мологско-шекснинское, покрывавшее сѣверо-западный уголъ губерніи и донынѣ не вполнѣ еще обсохшее, представляющее нѣсколько огромныхъ болотъ съ ручьями и протоками между ними; ситьско-сутко-корожишнинское въ Мышкинскомъ уѣздѣ; ить-сотьско-костромское, занимавшее юго-восточныя части Любимскаго, Даниловскаго и Романовскаго и сѣверъ Ярославскаго уѣздовъ; Варегово въ Романовскомъ уѣздѣ и устье-котростное. Ситьско-сутко-корожишнинское, Варегово и устье-котростное, какъ и молого-шекснинское, еще существуютъ (конечно, въ весьма сокращенныхъ размѣрахъ), первыя два въ видѣ малодоступныхъ болотъ, а послѣднее въ видѣ Ростовскаго озера и большой болотистой низины къ З. отъ него.

Множество рѣчекъ и ручьевъ впадало въ озера и вытекало изъ нихъ. Чрезъ послѣднія большинство Ярославскихъ озеръ уже вылилось въ Волгу, оставивъ послѣ себя лишь свои стоки въ видѣ рѣчныхъ системъ, водоемы которыхъ были передъ тѣмъ дномъ спущенныхъ ими озеръ. Остались только тѣ, стоки которыхъ почему либо не достаточно еще углубили свои русла для полнаго спуска ихъ водъ. Однако, ихъ чередъ не далекъ. Сперва они превратятся въ болотистую низину съ нѣсколькими меньшими озерами, бывшими ямами или омутами, каково Мологско-Шекснинское, а затѣмъ и они заростутъ и высохнутъ, давъ частью торфъ, частью черноземъ-перегной озерной тины, какъ то случилось съ ить-сотьско-костромскимъ и съ частью Ростовскаго.

И фатьяновскія, и черногорскія могилы находятся въ областяхъ поледниковыхъ озеръ, на участкахъ сѣрой земли. Если представить, что эти могилы рылись тогда, когда окрестности ихъ были озерами, то станетъ понятнымъ, почему онѣ расположены на одинаковой, значительной высотѣ. Обильныя ледниковыя воды, заполнивъ низины, привели площадь губерніи къ болѣе однородному уровню— около 60 с. надъ моремъ. Ниже этого уровня человѣкъ жить не могъ: была вода.

Когда же это было? Нельзя сказать, чтобъ ужъ очень давно. Для южной Европы конецъ четвертичнаго періода, совпадающій съ концемъ ледовища средней Европы, относятъ за 3— $2^1/_2$ тысячи лѣтъ до Р. Х. [1]).

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1901 г., VIII, стр. 388, 403, 405.

Для нашихъ широтъ, какъ болѣе сѣверныхъ, послѣдній долженъ быть отдаленъ менѣе. Такъ называемый растительный слой образовался послѣ ледниковъ. Толщина его здѣсь въ среднемъ не болѣе 2 в. или $3^1/_2$ дюйм. [1]). Допустивъ, что въ годъ этотъ слой утолщается только на 0,01 линіи (0,001 д.) т. е., тоньше листа писчей бумаги, получишь, что весь слой образовался въ 3500 лѣтъ или началъ образовываться приблизительно за 1600—1500 лѣтъ до Р. Х. Но такъ какъ ежегодное утолщеніе слоя взято, очевидно, меньше дѣйствительнаго, то вѣрнѣе считать, что губернія достаточно обсохла и сдѣлалась доступной для обитанія ея человѣкомъ около 2500—3000 лѣтъ назадъ. Цифра эта вовсе не мала, какъ можетъ, пожалуй, показаться на первый разъ. Вспомнимъ, какимъ описываетъ климатъ средней Россіи Геродотъ за 450 лѣтъ до Р. Х., т. е. за 2350 лѣтъ до насъ, а римляне климатъ средней Европы даже въ болѣе позднее время: снѣгъ, пасмурность, туманы, сырость и холодъ. Геродоту мало вѣрятъ и обвиняютъ въ преувеличиваньи, но въ данномъ случаѣ онъ правъ и правъ хотя бы потому уже, что значительно разнорѣчивыхъ толковъ о такомъ слишкомъ близкомъ для всѣхъ представленіи, какъ климатъ, онъ слышать не могъ, кто бы и сколько бы лицъ ему о немъ не разсказывали.

Но помимо указаній письменности, о томъ же говоритъ существующая дѣйствительность. Не слѣдуетъ забывать, что большинство нашихъ рѣкъ, озеръ, и др. материковыхъ водъ есть ничто иное, какъ пережитки ледовища и всецѣло обязаны ему своимъ существованіемъ [2]). Самое же ледовище даже для средней Россіи кончилось лишь относительно, такъ какъ повторяется ежегодно зимой, у Ледовитаго моря еще длится поледовье, а дальше къ С. господствуютъ уже настоящіе ледники. А вѣдь было время, когда и на островѣ Шпицбергенѣ было теплѣе средней Россіи, судя по ископаемымъ.

Кромѣ приведеннаго, за сравнительную недавность ледовища въ нашихъ широтахъ говоритъ еще то, что о таяніи ледниковъ, повиди-

---

[1]) Бернштейнъ, считая за растительный же слой сѣрую землю и подзолъ, опредѣляетъ его толщину отъ 2—12 д. т. е. въ среднемъ въ 7 д. (тамъ же). Я опредѣляю эту толщу по растительнымъ слоямъ, отложившимся на коренныхъ и сухихъ почвахъ, каковы глины, суглинки, супеси, т. е. по такимъ случаямъ, въ которыхъ подпочвы не возбуждаютъ сомнѣній и потому толщина растительнаго слоя можетъ быть опредѣлена болѣе точно. Часть толщи этого слоя, образовавшаяся изъ корней, не должна приниматься въ разсчетъ, какъ подземная.

[2]) Стекутъ тѣ болота и озера, которыя питаютъ даже самыя большія наши рѣки и которыя (болота) мы такъ усердно и такъ неразумно стараемся осушать, и Россія останется безъ воды и превратится въ пустыню, какъ превратились въ нее уже многія страны Азіи.

мому, сохранились отголоски въ людской памяти. По крайней мѣрѣ въ Эддѣ повѣствуется [1]), что первымъ человѣкомъ былъ великанъ Имиръ, *явившійся на свѣтъ отъ таянія снѣга*. Видѣть въ этомъ преданіи чистый вымыселъ трудно, такъ какъ нѣтъ возможности понять, зачѣмъ понадобились бы творцу его не снѣгъ и не замерзаніе, т. е. создающее, а таяніе снѣга, т. е. разрушающее. Въ иномъ свѣтѣ явится это преданіе, если отнестись къ нему довѣрчиво и попробовать понять. Выше показано, что есть нѣкоторый поводъ предполагать о передвиженіи на С. Европы, вслѣдъ за мамонтомъ и ледниками, первобытнаго низкорослаго племени (самоѣдовъ), и что замѣстителемъ его въ средней Россіи явилось высокое германское племя [2]). Какъ сильнѣйшее, оно, конечно, обижало небольшихъ мирныхъ первобытниковъ (что положительно извѣстно относительно лопарей) и это обстоятельство послужило основой множества разсказовъ о великанахъ-мучителяхъ, пришедшихъ въ страну тогда, когда снѣга таяли. Такое простое опредѣленіе времени позже въ устахъ пересказывателей превратилось въ явленіе великановъ изъ тающаго снѣга. Эти великаны прагерманцы очень развитые для времени новокаменки исчезли, хотя и не извѣстно, въ силу чего и какимъ образомъ. За то положительно извѣстно, что рядомъ съ ними [3]) не было (не найдено) финновъ; по крайней мѣрѣ до нынѣ не встрѣчено никакихъ явно финскихъ слѣдовъ [4]) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найдены остатки и слѣды прагерманцевъ. Стало быть, можно думать и не безъ основанія, что послѣдніе исчезли не подъ давленіемъ первыхъ, каковое исчезновеніе, впрочемъ, мало допустимо уже потому, что финны по развитію даже въ болѣе позднее время стояли ниже прагерманцевъ, ибо почти не знали глиняной посуды и отдавали предпочтеніе кости и рогу передъ камнемъ [5]).

Сказанное позволяетъ уже предположить, что финны въ Ярославскую губернію явились позже прагерманцевъ. Если же прибавить, что они дожили до историческаго времени и захватываются исторіей около

---

[1]) Живая старина, 1900 г. вып. I—II, стр. 209.

[2]) Ростомъ, дородствомъ и силой поразившее даже римлянъ Ю. Цезаря (Происх. арійцевъ И. Тейлоръ, стр. 73, 109, 119).

[3]) Въ пору каменки.

[4]) Возможно, что финнамъ принадлежатъ тѣ кремневые наконечники стрѣлъ и дротовъ, которые находятъ во многихъ частяхъ губерніи на поверхности полей и луговъ или весьма не глубоко отъ нея, между прочимъ и на участкахъ сѣрой земли и чернозема (около Ростова); послѣднее говоритъ въ пользу финновъ, если прагерманцы жили на островахъ поледовья.

[5]) См. описаніе древнихъ лопарей у Н. Харузина; черепки глиняной посуды очень рѣдки даже въ финскихъ курганахъ (Сбор. арх. институт. кн. V, половина 1-я—эсты).

урочищъ, существующихъ (хотя бы и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ) до нынѣ, каковы озера: Ростовское, Клещино, Бѣлое, р. Ока и пр., то предположеніе станетъ положеніемъ близкимъ къ истинѣ. Трудно допустить, чтобы финны съ своими оленями могли поселиться на ледниковыхъ островахъ и вѣрнѣе думать, что явились они въ страну послѣ стока ледниковыхъ водъ, на тундру, пережившъ ея осушеніе и незамѣтно примѣнившись къ новымъ условіямъ.

Выше отмѣчено, что въ Ярославскихъ могилахъ новокаминки найдено немного и бронзы, каковое обстоятельство побуждаетъ нѣкоторыхъ считать эти могилы принадлежащими къ переходному отъ камники къ бронзикѣ времени и даже, какъ Спицинъ, къ поздней порѣ бронзоваго вѣка. Однако это не совсѣмъ такъ, ибо чистой бронзики въ губерніи, видимо, не было. Въ I в. по Р. Х. письменность отмѣчаетъ камнику на берегахъ Балтики. Но разъ она господствовала тамъ, то тѣмъ болѣе должна была царить «во глубинѣ Россіи». Въ VIII в. здѣсь вполнѣ распространена уже хорошо развитая желѣзника. Слѣдовательно для бронзики и переходовъ отъ камники къ ней и отъ нея къ желѣзникѣ остается около 650 лѣтъ самое большее. Но и этотъ промежутокъ времени еще великъ. Какъ показано выше, если не въ IV, то въ VI в. славяне уже были въ средней Россіи, ибо не только знали финновъ, но и называли ихъ по своему чудью, каковое названіе успѣло окрѣпнуть и распространиться даже въ чужія земли. Разъ же славяне (пусть не жили, а только) проникали въ земли финновъ, все равно, они сообщили бы финнамъ свою промышленность хоть въ главныхъ чертахъ и у послѣднихъ среди обстановки каменнаго вѣка начали бы попадаться мѣдные и желѣзные предметы. Имѣя это въ виду, необходимо выведенную выше продолжительность переходныхъ и бронзовой поры сократить до 350 лѣтъ, а вѣря Іордану и до 250. Принявъ же во вниманіе то обстоятельство, что въ указанное время финнамъ не отъ кого было получить чисто бронзовую промышленность, такъ какъ они по крайней мѣрѣ съ трехъ сторонъ (З. Ю.-З. и Ю.) были окружены народами, употреблявшими уже желѣзо [1]) и бывшими съ ними въ сношеніяхъ (Германарихъ даже покорилъ финновъ около 350 г. по Р. Х.), необходимо будетъ заключить, что *чистой бронзики для финновъ средней Россіи* не было вовсе [2]).

[1]) Древности, т. XIV, стр. 156, выноска.

[2]) А. А. Штукенбергъ (Изв. общ. арх. ист. и этн. т. XVII, вып. 4, стр. 165) принимаетъ, что бронза занесена въ Россію (въ восточную половину) съ далекаго Ю.-В. за 200—300 лѣтъ до христіанскаго лѣтоисчисленія, но на какомъ основаніи, не объясняетъ.

Что же касается того, что въ указанныхъ мѣстахъ находятъ тигли и формы для отливки бронзовыхъ предметовъ вмѣстѣ съ таковыми и, отчасти, каменными предметами, въ чемъ хотятъ видѣть подтвержденіе мнѣнія о существованіи въ среднихъ широтахъ самостоятельнаго бронзоваго вѣка, то присутствіе указанныхъ предметовъ объясняется иначе.

Туземцы съ мѣднымъ производствомъ, какъ съ значительно болѣе легкимъ, простымъ и доступнымъ, освоились скорѣй, чѣмъ съ желѣзнымъ, отчего собственные литейщики появляются среди нихъ въ то время, когда собственныхъ кузнецовъ все еще нѣтъ [1]). Болѣе сложныя и болѣе изящныя вещи изъ бронзы остаются у нихъ въ это время привозными на ряду съ желѣзными. Отрицать сношенія ярославскихъ туземцевъ съ сосѣдями или, точнѣе, отрицать посѣщеніе первыхъ иностранцами затруднительно. За сношенія говорятъ и заимствованія въ языкѣ и находки монетъ, иногда очень древнихъ, какова Юнія Брута (510 г. до Р. Х.) или Домиціана 80 г.г. по Р. Х. Не могла монета попасть сюда сама собой, кто-нибудь, но непремѣнно принесъ ее и притомъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принесены въ то время, когда были въ обращеніи или вскорѣ послѣ того, какъ напримѣръ, мѣдная (бронзовая) Домиціана. Ничто не могло побудить владѣльца этой мелкой римской монеты долго хранить ее, а потому и трудно допустить, что бъ она попала въ Ярославскую губернію не въ I в. по Р. Х., т. е. именно въ то время, когда о финнахъ писалъ римлянинъ Тацитъ. Онъ изображалъ ихъ представителями каменнаго, между тѣмъ въ ихъ средѣ вращались деньги (ж. к. деньги) его родины, знакомя финновъ съ металломъ и вводя этимъ въ новую промышленную эру.

Но значитъ ли сказанное, что Тацитъ изображалъ финновъ не вѣрно? Нѣтъ. Отмѣченное явленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что смѣна промышленностей у финновъ совершалась весьма медленно, что наблюдается до нынѣ какъ на финнахъ, такъ и на другихъ инородцахъ сѣверной Россіи. Въ ихъ же землѣ найденъ золотой Брута, попавшій въ нее, пусть не за 500, а хоть за 300 лѣтъ до Тацита. Однако не изъ чего не видно, чтобъ это обстоятельство повліяло на

---

[1]) Названіе золота взято одними финнами у иранцевъ: фин. sarni, sorni, sirna=золото; санскр. hiranya, зендское zaranya=золото, другими у германцевъ: лопарск. golle, финск. kultu, эстск. kuld, тевт. gulth, скандинав. guld. Названіе кузнеца взято: финнами у литовцевъ, лопарями у скандинавовъ, венграми у славянъ (Происх. арійц. И. Тейлоръ, стр. 133, 135. Зап. Зап. Сибир. отд. рус. геогр. общ. 1884 г., кн. VI, стр. 25).

жителей какъ-нибудь въ смыслѣ развитія, хотя, безъ сомнѣнія, попала къ нимъ не одна только цѣнная монета, а вмѣстѣ съ нею прежде ея, по всей вѣроятности, заносились многіе другіе болѣе дешевые предметы. Однако не только за 300 лѣтъ до Тацита, но и послѣ него спустя столько же финны (эсты) продолжаютъ драться каменнымъ оружіемъ, не смотря на то, что въ это время они уже соприкасались и съ готами и съ славянами, а въ V в. покоряются гуннамъ [1]). Стало быть, не довѣрять показаніямъ Тацита нѣтъ основаній. Нѣтъ ихъ и для того, чтобъ сказать: до такихъ то поръ была камника, а съ такихъ то началась металлическая пора.

Подводя итоги сказанному, нужно отмѣтить слѣдующее:

1) Новокамника засвидѣтельствована для Ярославской губерніи могилами и, посредственно, письменностью (Тацитъ).

2) Обитателей губерніи въ пору камники могилы представляютъ длинно и плоско-головымъ, рослымъ, сильнымъ племенемъ, вѣроятно, германскимъ, а письменность (Іорданъ) финскимъ.

3) Письменность удостовѣряетъ новокамнику для губерніи съ I по IV в. по Р. Х. (судя по сосѣднимъ одноплеменнымъ народностямъ), когда появляются славяне [2]); изслѣдованія отодвигаютъ ее къ временамъ до Р. Х. лѣтъ за 600—1000, пріурочивая начало ея къ ледовью или къ порѣ ледниковыхъ озеръ.

4) Почти за все указанное время въ страну проникаетъ металлъ, хотя не часто и не въ большихъ количествахъ въ видѣ монетъ и вещицъ. Съ вещами проникали и иноплеменники.

---

[1]) Карамзинъ, Истор. гос. росс. изд. 1830 г., т. I, стр. 18. У полудикихъ племенъ, какъ извѣстно, прежде всего совершенствуется оружіе и украшенія, каковыя и служатъ, въ силу этого показателями развитія племени.

[2]) А. И. Соболевскій отодвигаетъ появленіе славянъ въ Россіи значительно дальше. На основаніи изслѣдованій названій Селигеръ (озера) и Селижаровка (рѣки) онъ доказывалъ (на II Обл. Арх. Съѣздѣ) присутствіе славянъ въ Тверской губерніи уже около Р. Х., а въ замѣчаніяхъ на книгу Л. Нидерле (Ж. М. Н. Пр. 1904 г. VI, стр. 461) онъ говоритъ о славянскихъ поселеніяхъ къ С. отъ р. Припяти еще во времена Геродота, т. е. за 445 лѣтъ до Р. Х. Какъ не языковѣдъ, не могу возражать по существу противъ приведенныхъ мнѣній, тѣмъ болѣе, что таковыя высказывались не однимъ, а многими учеными съ громкими именами. Однако замѣчу, что данная область даетъ большой просторъ для догадокъ и немного положительнаго и что въ наукѣ нынѣ существуетъ наклонность вообще къ большимъ величинамъ времени. Я придерживаюсь больше указаній письменности. Въ бытіи славянъ въ Россіи уже при Геродотѣ нѣтъ ничего невозможнаго и вопросъ лишь въ томъ, на какой степени развитія они были тогда и въ какомъ климатѣ жили. Невровъ описываютъ носившими волчьи шкуры, мѣха и нынѣ носятъ нѣкоторые инородцы сѣверной Россіи; очень вѣроятно, что климатъ соотвѣтствовалъ одеждѣ, а о соотвѣтствіи ему развитія говоритъ Геродотъ.

5) Самостоятельной или чистой бронзики въ Ярославской губерніи не было.

6) Финскихъ и славянскихъ могилъ поры новокамники въ этомъ краѣ не извѣстно [1]), обнаруженныя же пока могилы принадлежатъ длинноголовому, предположительно,—германскому племени и по своему устройству подобны нѣкоторымъ южно-русскимъ могиламъ того же приблизительно времени, но съ той значительной разницей, что ярославскія могилы не имѣютъ надъ собой никакихъ насыпей. По устройству же и по похоронному обряду, насколько то и другое выяснено, могилы эти существенно отличаются отъ ярославскихъ кургановъ, особенно же отъ болѣе древнихъ, т. е. отъ кургановъ сожженія, изъ которыхъ болѣе ранніе относятся по найденнымъ [2]) въ нихъ монетамъ къ VIII в. и началу IX в. по Р. Х.

7) Кромѣ материковыхъ новокамниковыхъ и кургановъ желѣзники, никакихъ другихъ древнихъ могилъ въ Ярославской губерніи не извѣстно.

Такимъ образомъ первые 4 вѣка по Р. Х. люди, жившіе въ губерніи, насколько можно судить по теперешнему состоянію знанія, не насыпали кургановъ, а сами принадлежали одни къ германскому, а другіе, болѣе поздніе, къ финскому племени.

Кто же жилъ въ Ярославскомъ краѣ послѣ IV в.?

IV.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Іорданъ (VI в.): меря, а въ сосѣдствѣ съ нею съ разныхъ сторонъ чудь [3]), весь [4]), мордва и черемисы. Среди этихъ финскихъ племенъ, какъ показано, были разсѣяны славяне. А. И. Соболевскій утверждаетъ [5]), что занятіе славянами фин-

---

[1]) По нѣкоторыя городища, какъ напримѣръ городокъ «Кочемъ» на р. Корожишнѣ въ Мышк. у., возможно, что и принадлежали финнамъ, у которыхъ (чуди) они отмѣчаются письменностью, названіемъ (у отяковъ—каръ, у пермяковъ—коръ), былинами и преданіями. (Вѣстн. и библіот. самообраз., 1903 г., № 34, стр. 1390; Живая стар., 1905 г., в. II, стр. 102).

[2]) Мною при раскопкахъ (1896—98 г.) большого курганнаго кладбища у с-ца Михайловскаго въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля.

[3]) Въ Кашинскомъ уѣздѣ еще въ 1771 г. былъ чудскій станъ (межев. книга пустоши Рогачево,—близъ ея д.д. Дьяково, Соколово и с. Зобнино,—въ архивѣ Яр. Арх. Ком.); это сосѣдство чудскаго стана съ Мѣрниовскою волостью опять говоритъ о какомъ то различіи между чудью—отяками и мерею—отяками.

[4]) Черемисское вѣсе (vèse)=иной, другой, слѣдующій, посторонній (Изв. общ. арх. ист. и эти. 1893 г., приложеніе—черемисскій словарь).

[5]) Живая старина, 1893 г. вып. I, стр. 115. См. еще то же 1905 г., в. I—II, стр. 102; Вѣстн. и библ. самообраз., 1903 г., № 34, стр. 1459.

скихъ земель средней Россіи, а въ томъ числѣ, стало быть, и Ярославской губерніи, совершилось не мирно, а путемъ насилій и завоеваній, причемъ финны, загнанные въ болота и лѣсныя трущобы, оставлены въ покоѣ, но окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, мало по мало обрусѣли. Обиліе финскихъ названій селъ и деревень въ какой либо мѣстности признается имъ за хорошій признакъ того, что въ такой мѣстности долго сохраняли свою народность финны. Въ своемъ положеніи Соболевскій выходитъ между прочимъ изъ того, что мирное поселеніе можетъ совершаться лишь на пустыхъ, свободныхъ земляхъ и что о такихъ земляхъ на берегахъ Волги, Оки, Клязьмы въ тѣ времена, когда и сѣверныя тундры были уже заселены, не можетъ быть рѣчи, какъ нельзя говорить и объ отсутствіи или значительной рѣдкости населенія въ виду того, что даже ничтожныя рѣки и ручьи великорусской средины имѣютъ не славянскія названія. Съ мнѣніемъ Соболевскаго трудно согласиться. Снабженіе именами даже и мелкихъ урочищъ говоритъ вовсе не о густотѣ населенія, а только о томъ, что населеніе знало эти урочища, бывало на нихъ: всѣ рѣченки и ручьи сѣверной Сибири тоже носятъ названія, а между тѣмъ населеніе тамъ весьма рѣдко и огромныя пространства совершенно пустынны. То же наблюдается и въ закаспійскихъ мѣстностяхъ. Страннымъ такое явленіе представляется только на первый разъ, а въ сущности совершенно естественно. Давно и многими изслѣдователями [1]) подмѣчено, что даже курганы располагаются чаще по маленькимъ рѣкамъ и что вообще древними насельниками отдавалось предпочтеніе такимъ рѣкамъ предъ большими. И это понятно. На что, положимъ, полудикому финну могла бы понадобиться большая рѣка? Все, чѣмъ пользовался онъ на маленькой рѣкѣ, доставалось ему на большой во столько разъ труднѣе, во сколько послѣдняя была больше первой. Нужно ли было ему переѣхать ее или перегородить для задержанія рыбы; плыть ли по ней или селиться около нея, во всѣхъ случаяхъ большая рѣка доставляла ему больше и труда, и хлопотъ, и опасности. Кромѣ того, на большой рѣкѣ каждый хозяинъ, границъ на ней не проведешь и не уставишь. Даже нѣкоторыя животныя и птицы избѣгаютъ большихъ рѣкъ [2]). Все это и побуждало древняго человѣка держаться малыхъ рѣкъ, а на большія только выходить временно.

[1]) Напримѣръ Е. В. Барсовымъ—Труды Яросл. Обл. Съѣзда, стр. 16½.

[2]) Бобры, выдры и пр.; птицы гнѣздятся исключительно въ тихихъ водахъ, на болотахъ, озерахъ и небольшихъ рѣкахъ; рыба весной идетъ тоже въ малыя рѣки.

Наконецъ, для дачи названія достаточно только бывать въ урочищѣ (напримѣръ охотиться, рыбачить и пр.), а не жить. Слѣдовательно имённость урочищъ не говоритъ о густотѣ населенія. Принявъ же во вниманіе нынѣшнюю численность финскихъ народностей [1]) и незначительность количества оставленныхъ ими слѣдовъ своего пребыванія на прежнихъ мѣстахъ жительства, какъ то: остатковъ селеній и вообще жилья, произведеній промышленности и проч., нужно будетъ заключить именно о рѣдкости населенія, по крайней мѣрѣ въ Ярославской губерніи. Тотъ же выводъ даетъ и обзоръ городищъ, кому бы ихъ не приписывать. Почти всѣ они расположены въ южной половинѣ губерніи и больше всего въ Ростовскомъ уѣздѣ; въ сѣверной половинѣ встрѣчаются лишь историческія, славянскія, какъ наприм. Княжичъ-городокъ на Шекснѣ, но и такихъ тамъ не много.

Обращаясь къ неславянскимъ названіямъ урочищъ и выдѣливъ изъ нихъ финскія, не замѣтишь въ послѣднихъ никакихъ слѣдовъ сторонняго вліянія, всѣ они являются лишь въ славянскомъ воспроизведеніи (транскрипціи), что ясно и положительно говоритъ о томъ, что *преемниками финновъ въ губерніи были непосредственно славяне*, что эти названія послѣднія получили прямо отъ первыхъ.

Нельзя не замѣтить также, что финскихъ названій въ губерніи очень много, что они не только держатся, но и предпочитаются народомъ и что присвоены не только живымъ урочищамъ, какъ рѣки, озера и пр., но и селеньямъ и даже цѣлымъ округамъ [2]), т. е. не только къ предмету, къ видимому, но и къ представленію, къ отвлеченному, что свидѣтельствуетъ о наличности у ярославскихъ финновъ нѣкоторой гражданственности. Вмѣстѣ съ этимъ славянскихъ названій древней формы, какъ Сеславино, Милославка, Мирогостово, Ратислово, Тверево и пр., и не много, и разбросаны они по губерніи очень разсѣянно.

Все сообщенное говоритъ о томъ, что: 1) меря (финны) жила въ губерніи большой промежутокъ времени спокойно и самостоятельно; 2) хорошо знала страну; 3) занимала или, вѣрнѣе, обладала, видимо, всей площадью доступной тогда для обитанія и была въ землѣ своей хозяиномъ; 4) жила тутъ долго одна, безъ наплыва иноземцевъ и

---

[1]) Которыя вовсе не вымираютъ, какъ обыкновенно принято думать. См. Рус. лопари Н. Харузинъ. Въ Степенной книгѣ на ряду съ пермью упоминаются: лопь, корела, югра, печера, вогуличи, самоядь, пертасы (буртасы), гамаль. (Ист. гос. рос. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. V, прим. 109).

[2]) Напримѣръ Шагость или Шаготь въ Романовскомъ уѣздѣ.

5) чужестранные находники проникали сюда лишь медленно и постепенно, въ небольшомъ количествѣ и небольшими партіями, если только не отдѣльными личностями, терявшимися въ средѣ туземцевъ и неимѣвшими (по тѣмъ или инымъ причинамъ [1]) возможности оказывать на эту среду значительнаго вліянія, а напротивъ, вынужденными приноравливаться къ туземцамъ и даже сливаться съ ними.

Повидимому, славяне если и не говорили по мерянски, то, относительно хорошо понимали туземцевъ и ввели въ свой языкъ много туземныхъ словъ, слѣды чего сохраняются еще и до нынѣ, какъ показано выше, и что въ бо́льшей части сглажено и уничтожено позднѣйшимъ наплывомъ славянъ въ Ярославскую губернію съ Ю. и З. при князьяхъ. По крайней мѣрѣ такъ думать заставляетъ состояніе тѣхъ губерній, которыя болѣе сохранили чертъ древняго положенія вещей, близкаго къ положенію Ярославской губерніи за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, каковы: Вологодская, Олонецкая, Архангельская и др. У русскаго населенія этихъ губерній очень много заимствованій отъ его финскихъ сожителей и не только въ языкѣ, но и въ бытѣ, въ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и даже одеждѣ [2]). О заимствованіяхъ въ физическомъ типѣ (напримѣръ у вологжанъ) говорить излишне. Но кровныя заимствованія, если они обильны и если нѣтъ указаній, что происхожденіемъ своимъ они обязаны враждебнымъ столкновеніямъ, влекущимъ

---

[1]) Во первыхъ, славяне были и сами очень неразвиты въ IV и позднѣйшихъ вѣкахъ, а во-вторыхъ, они до сихъ поръ еще легко поддаются стороннему вліянію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда селятся не многолюдными поселками. Сѣверъ Сибири даетъ много примѣровъ сказаннаго.

[2]) См. Опытъ областного великорусскаго словаря, изд. Ак. Наукъ 1852 г., гдѣ приведены не только слова съ ихъ значеніями, а иногда сдѣланы и поясненія. Соболевскій говоритъ (въ указанной статьѣ), что заимствованія сѣверными русскими сдѣланы только необходимыя до извѣстной степени и такія, которыя можно произвести при отсутствіи сколько-нибудь тѣснаго общенія съ туземцами. Послѣднее прямо не понятно: какимъ образомъ безъ тѣснаго и мирнаго общенія можно сдѣлать, напримѣръ, такія, по существу и значенію невозможныя, мелочныя и даже ненужныя заимствованія, приводимыя самимъ же Соболевскимъ, каковы: паккула—трутовикъ-грибъ, наростъ на березѣ, мянда—болотная сосна (собственно—заболонь), торбать—бить по водѣ весломъ для пуганья рыбы; курья—рѣчка, рѣчная заводь; салма—проливъ между островами; селга, шалга—сырая лѣсистая мѣстность; едма—болотистая мѣстность; кенда—высокій песчаный берегъ, мегъ—мысъ, шуга́—осенній ледъ на рѣкѣ, «сало»; или, добавлю отъ себя: воекса — печень трески, ворга — болотистая лѣсистая лощина; керь — выселокъ, селенье; кижмо—брюхо; конга—сосновый лѣсъ (боръ); лейма—корова; пажа—гной на глазахъ; пакша́—ручища, большая рука; пойга—малютка; пура—засѣыха; сумунъ—красный полусуконный сарафанъ; шума—соръ; шура́—глина; эдома—дальніе крестьянскіе лѣса и проч.? Приведенные примѣры опровергаютъ и мнѣніе о необходимости заимствованія (мысъ, корова, трутовикъ, соръ, и проч.), свидѣтельствуя въ то же время, что сдѣланы они безотчетно, отъ постояннаго слышанья и въ силу податливости русскаго къ заимствованіямъ и подражаніямъ, т. е. къ утратѣ своего народнаго облика. Многія финскія заимствованія (финизмы) сѣверныхъ губерній служатъ объясненіями и истолкованіями неславянскихъ названій урочищъ Ярославской губерніи.

за собою насилія надъ побѣжденными и плѣненіе ихъ, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ о тѣсномъ и мирномъ общеніи обѣихъ народностей [1]). Е. В. Барсовъ, касаясь вопроса о заселеніи [2]) Ярославской губерніи, высказывается также за мирное занятіе ея славянами. Но онъ ссылается при этомъ на отсутствіе боевыхъ кургановъ, каковую посылку нужно признать неудачной, такъ какъ во 1-хъ, несомнѣнно—боевые курганы если и извѣстны вообще, то въ очень небольшомъ количествѣ; во 2-хъ, еще не доказано, что болѣе ранніе [3]) Ярославскіе курганы принадлежатъ финнамъ или славянамъ, напротивъ, кажется, все заставляетъ думать, что они не финскіе и даже не славянскіе, какъ покажемъ ниже, а въ 3-хъ, что главное, кургановъ, современныхъ началу и срединѣ заселенія Ярославской губерніи славянами, т. е. IV—VII в.в., вовсе нѣтъ, не извѣстно.

Нельзя съ Барсовымъ согласиться и въ томъ, что меря и весь и чрезъ 800 лѣтъ послѣ Тацита были неспособны къ самостоятельному дальнѣйшему разселенію (колонизаціи) и развитію и что они, если бъ и не были поглощены славянами, вымерли бы сами собой. Въ доказательство своихъ положеній онъ между прочимъ указываетъ на бѣдность и убожество языка мери и веси, о которыхъ судитъ по языкамъ чудскому и карельскому. Финскій языкъ, правда, относительно, не богатъ, но, безусловно, онъ не бѣднѣе другихъ, ибо соотвѣтствовалъ степени развитія говорившихъ на немъ и ихъ потребностямъ. Не вина финновъ, что имъ не дали развить его самостоятельно—естественнымъ порядкомъ, нахлынувъ въ ихъ земли съ множествомъ новыхъ предметовъ и понятій и предваряя этимъ естественный ходъ событій и таковый же умственный ростъ туземцевъ.

Не слѣдуетъ забывать, что изъ бѣднаго финскаго языка очень не мало взяли, какъ отчасти показано уже, славяне (и даже германцы) въ свой

---

[1]) Соболеескій говоритъ (тамъ же), что лѣтописи не говорятъ о мирномъ и дружественномъ отношеніи русскихъ къ финнамъ, а скорѣй напротивъ, такъ какъ, сообщаютъ, что финны дань даютъ Руси, разумѣется, не добровольно. Это вѣрно, но лишь для IX и позднѣйшихъ в.в., а не для времени первыхъ славянскихъ переселеній въ финскія земли, имѣвшихъ мѣсто, какъ показано, уже въ IV в. и даже въ болѣе раннее время. Кромѣ того, даваніе дани не свидѣтельствуетъ еще непремѣнно о враждебности: финны платятъ дань (подати) до сихъ поръ, но они же первые и скажутъ и при томъ совершенно правильно, что находятся съ русскими въ наилучшихъ отношеніяхъ. Правда, обложеніе данью сопровождалось принужденіемъ, но едва ли войной и борьбой, о которыхъ молчатъ и лѣтописи и преданія, а и въ тѣхъ, и въ другихъ борьба—излюбленная тема. Конечно, сказаннымъ я не думаю отвергать возможность вовсе и всякой борьбы. Въ финской примѣси въ ярославскомъ населеніи сомнѣній не можетъ быть. Подданство—нахожденіе подъ данью, а не поддача себя—покорность.

[2]) Труды Яросл. Областн. Съѣзда, стр. 164.

[3]) А здѣсь рѣчь можетъ быть только о такихъ, т. е. современныхъ заселенію.

богатый языкъ, принявъ сверхъ того цѣликомъ, не славянируя, еще и множество названій урочищъ. Нѣкоторыя изъ заимствованій проливаютъ свѣтъ на подробности быта даже славянъ. Таково, напримѣръ, слово «исады», встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи. Первоначальное его значеніе -береговая отмель. Затѣмъ оно расширилось до обозначенія поймы—заливаемаго водой берега, съ которой перешло на лугъ вообще и, наконецъ, стало обозначать торгъ и ярмарку. Послѣднее можетъ показаться страннымъ, но если вспомнить, что въ древности пріѣзжіе съ товарами торговали на берегу [1]), то понятно станетъ, почему понятіе «отмель» объединилось съ понятіемъ «торгъ, ярмарка». Съ другой стороны, встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи разныя же значенія слова «исады» даютъ любопытную подробность о торгахъ—ярмаркахъ въ древней Россіи, о ихъ мѣстонахожденіяхъ.

Такимъ образомъ предполагаемый языкъ мери [2]) оказывается вовсе не такъ ужъ убогъ, какъ выставилъ его Барсовъ [3]). Несостоятельно его мнѣніе и о безнадежности мери и финновъ вообще по отношенію къ развитію; оно опровергается дѣйствительностью. Меря, когда славянская опека сдѣлалась для нея нестерпимой, не вымерла и не покорилась, а ушла къ болгарамъ. Слѣдовательно, не только имѣла свои взгляды на вещи, но умѣла и отстаивать ихъ. Другіе финны, какъ западные и мордва, черемисы и проч. не сдѣлали и такой уступки, оставшись на своихъ мѣстахъ и отстоявъ свою народность не менѣе

---

[1]) Олегъ, приставъ къ берегу у Кіева, сказался ни кѣмъ инымъ, а купцомъ; въ былинахъ (Соловей Будимировичъ и Голый Шапъ; Древ. рос. стихот. Кир. Данилова, стр. 2) указывается на такую же торговлю съ судовъ; знаменитая холонья ярмарка была на мологской поймѣ, то же желтоводская и нижегородская. Въ Ярославлѣ до 1880 г.г. происходила торговля съ судовъ («мокшановъ») на Которостной поймѣ, длившаяся съ открытія рѣки до средины лѣта. Приходъ и уходъ судовъ оповѣщались пушечными выстрѣлами съ нихъ.

[2]) О которомъ судить ближе всего по названіямъ урочищъ и переживающимъ заимствованіямъ, а не по языкамъ другихъ племенъ, могущимъ служить лишь пособіемъ.

[3]) Напомню, что финскія названія въ Ярославской губ. есть для цѣлыхъ округовъ или волостей, а это позволяетъ думать, что у ярославскихъ финновъ было и самое представленіе о чемъ то вродѣ волости или округа, а стало быть, и слово для обозначенія такого представленія. Кстати замѣчу, что въ вопросѣ о разселеніи инородцевъ въ Россіи до исторіи и въ начальныя историческія времена никакъ нельзя ограничиваться одними показаніями лѣтописи: они слишкомъ ограничены, какъ видно изъ названій становъ, отмѣчающихъ инородцевъ тамъ, гдѣ лѣтопись не знаетъ ихъ (въ Чамеровской волости жили наприм. карелы; деревень съ названіями Карелино и т. п. въ Яросл. губ. нѣсколько); къ такимъ разширяющимъ кругозоръ даннымъ нужно причислить и нѣкоторыя словарныя данныя, произведенныя отъ собственныхъ именъ, какъ наприм., слово «чуашка», «чувашка», бытующее въ Тверской губерніи и обозначающее непорядочную, неопрятную, неаккуратную женщину, растрепу. Въ Ярославской губ. его нѣтъ. Дѣло мѣстнаго изслѣдователя рѣшить, занесено оно или нѣтъ.

славянъ. Занявъ самостоятельно широкую полосу Россіи, шедшую черезъ всю ее съ Ю.-В. на С.-З., финны заселили затѣмъ все пространство отъ этой полосы къ С.-В. Только въ срединѣ указанной полосы ихъ вытѣснили и поглотили [1]), въ остальныхъ же мѣстахъ выжить или уничтожить не могли ни литва, ни нѣмцы, ни болгары, ни хозары, ни славяне, ни татары, ни позднѣйшіе русскіе. Не только западные финны, черемисы, мордва, но и лопари съ отяками, поставленные въ самыя неблагопріятныя условія, еще и не вымерли, и не обрусѣли, хотя медленно, но развиваются и если медленно размножаются, то именно по тому, что не предоставлены себѣ, а опекаются русскими, познакомившими ихъ съ водкой, оспой, сифилисомъ и безпощадно обирающими.

Слѣдовательно жизненность финновъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Отзываясь весьма невыгодно о финнахъ, Барсовъ въ то же время слишкомъ восторженно относится къ русскимъ и, въ защиту ихъ отъ упрековъ въ отсталости, косности, въ неразвитости и необразованности, напоминаетъ о «томъ изумительномъ, богатырскомъ подвигѣ колонизаціи сѣверо-востока Россіи, который совершался нашимъ крестоноснымъ народомъ въ теченіи многихъ вѣковъ съ крайнимъ напряженіемъ физической и духовной силы», и «о томъ, что народы запада сѣли на готовыя мѣста» съ готовой развитой жизнью древняго міра. Онъ заканчиваетъ положеніемъ, что народы съ короткой исторической памятью не достойны своего существованія. Съ этимъ можно согласиться, но при условіи неодносторонней памяти [2]). Исторія должна быть безпристрастна, ибо должна быть истинной, въ силу чего съ Барсовымъ и нельзя согласиться, особенно въ виду популярности, который онъ пользуется. Вотъ основанія.

Образованность и мѣста древняго міра подготовили тѣ же арійцы, къ которымъ принадлежатъ и славяне.

Дунайскіе и балканскіе, да и русскіе славяне на югѣ сѣли тоже на готовыя мѣста съ готовой образованностью, но и тѣ, и другіе остались тѣмъ, чѣмъ были, особенно же русскіе.

---

[1]) Да и то въ теченіи вѣковъ, а не въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ думаютъ, ибо финскіе станы и волости держались до XVIII в.

[2]) Добавленіемъ къ положенію Барсова могло бы служить изрѣченіе: кто не видитъ недостатковъ своего народа, тотъ не другъ его, а врагъ, «кто не знаетъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей». Н. Некрасовъ.

Заселеніе славянами Россіи дѣло большое, но во 1-хъ, нисколько не бо̀льшее заселенія другими арійцами западной Европы, а во 2-хъ, чисто животное, въ нѣкоторомъ смыслѣ стихійное, почти пассивное, а не подвигъ; совершено оно, конечно, не безъ напряженія силъ, но нисколько не болѣе разумнаго (продуманнаго), чѣмъ напряженіе всякаго животнаго, попадающаго въ новыя условія жизни. Русскій славянинъ не искалъ упорно, настойчиво и опредѣленно-сознательно лучшаго, а двигался въ сторону меньшаго сопротивленія, почему и очутился въ хвостѣ арійцевъ, на окраинѣ занятой ими площади, въ сосѣдствѣ и въ средѣ финновъ, еще болѣе мирныхъ и дикихъ, чѣмъ онъ. По тѣмъ же причинамъ онъ забрался изъ благословенныхъ странъ юга чуть не въ тундры сѣвера, гдѣ и остался, не смотря на всю ту нужду, неудобства, страхи и ужасы, которые отмѣчаетъ Барсовъ, и не смотря на то, что зналъ о странахъ много болѣе лучшихъ и подходящихъ, которыми владѣлъ раньше. Но тѣ страны нужно было отстаивать постоянно, упорно, съ оружіемъ въ рукахъ, а онъ былъ не способенъ на это, не умѣлъ. Основной чертой характера славянъ, особенно же русскихъ, давно отмѣченной и тысячи разъ засвидѣтельствованной, является терпѣніе, граничащее съ безотвѣтностью, примиряемость чуть не со всѣмъ на свѣтѣ, невзыскательность, покорливость и довольство наименьшимъ. Русскій славянинъ весь сказался въ его любимыхъ выраженіяхъ: ну, какъ нибудь, ничего. И это «ничего», эта терпкость дѣлаетъ изъ него, по природѣ совсѣмъ невоинственнаго, незамѣнимаго заселенца-колониста и солдата. Мирясь со всѣмъ, онъ легко примѣняется ко всякимъ условіямъ, оттерпливается и быстро осваивается со всякимъ положеніемъ.

Сказанное не слова, не общія мѣста и не косвенныя доказательства, а сущая дѣйствительность. Явленій нѣтъ безъ причинъ, какъ нѣтъ и случайностей, длящихся вѣка. И не случайность, что русскіе славяне попали, остались и сидятъ въ Россіи, придя въ нее съ юга и оставаясь въ ней тогда, когда черезъ нее, черезъ нихъ или мимо ихъ въ ихъ прежнюю родину проходили толпы гуновъ, обровъ, катавшихся на славянскихъ бабахъ, угровъ, татаръ и проч. Не случайность, что на западѣ славяне управляются нѣмцами, на югѣ и востокѣ турками, въ Россіи управлялись татарами; не случайность ихъ правленіе (монархическое), проникновеніе (еще столь недавнее) духовенства во всѣ стороны жизни, вѣчная во всемъ и надъ всѣмъ опека, растерянность безъ вожака—главы, т. е. стадность и т. д. Такимъ образомъ видѣть подвигъ въ заселеніи славянами сѣверо-востока Россіи

довольно трудно: точно на такихъ же началахъ совершается разселеніе даже деревьевъ и травъ [1]).

Мы добрались постепенно до славянъ, т. е. *до желѣзнаго вѣка*. Чтобы лучше понять заселеніе ими Ярославской губерніи, слѣдуетъ хоть бѣгло взглянуть на заселеніе ими вообще Россіи, для чего, оставляя спорныя части вопроса въ сторонѣ [2]), лучше всего опираться на русскую лѣтопись. Правда, она о многомъ молчитъ и захватываетъ только конецъ явленія, но по нему можно судить до извѣстной степени о началѣ съ срединой, такъ какъ явленіе само по себѣ весьма однородно и однообразно во всѣхъ своихъ частяхъ; да и не изъ тѣхъ, которыя совершаются быстро, не говоря уже о томъ, что 1000 лѣтъ назадъ вообще вся жизнь проходила медленнѣе, проще и однообразнѣе. Для Ярославской же губерніи, собственно говоря, важенъ именно конецъ переселенческаго движенія русскихъ славянъ, ибо приблизительно въ это время и складываются тѣ отношенія на ея площади, которыя захватываетъ исторія и которыя увѣковѣчены курганами. Кромѣ того, какіе недостатки не были бы присущи нашимъ лѣтописямъ, но общая картина, изображаемая ими, едва ли грѣшитъ во многомъ. Картина же эта такова: на Волховѣ словены, рядомъ съ ними къ Ю.-В. (и Ю.-З.) кривичи, отъ нихъ къ юго же востоку радимичи и вятичи [3]). Послѣдніе двое—передовые и позднѣйшіе отряды славянства, начавшаго свое переселенческое движеніе изъ средней Европы на С.-В., шедшее широкой полосой и совершавшееся въ конечномъ актѣ массами [4]). При этомъ ранѣе осѣвшіе, т. е. когда то бывшіе въ свою очередь передовиками, по мѣрѣ возрастанія движенія, обгонялись позже шедшими и оставались сзади, превращаясь въ срединныхъ и образуя ядро, пока съ теченіемъ времени не дѣлались вновь украйными, но уже концевыми, т. е. пока не попадали въ хвость движенія. Лѣтопись смутно помнитъ это движеніе и, не зная подробностей, изображаетъ его какъ бы все одновременнымъ [5]). Передовики, выдвинутые славянствомъ, по Нестору,

---

[1]) Даже переселенія текущаго столѣтія поражаютъ безсмысленностью и примитивностью.

[2]) Напримѣръ мнѣніе И. Филевича (Исторія древней Россіи т. I) о господствѣ славянъ Руси на всемъ югѣ Россіи еще въ долѣтописныя времена, такое же мнѣніе А. Ефименко (Журналъ для всѣхъ, 1903 г., VII, стр. 836), С. Гедеонова (Отрывки изъ изслѣдов. о варяжск. вопросѣ) и проч.

[3]) Словопроизводство такое же, какъ въ словѣ ряд-овичи.

[4]) Сперва торговцы, отдѣльные поселенцы и семьи, затѣмъ роды и племена.

[5]) На самомъ дѣлѣ, вчитавшись внимательнѣе, ясно увидишь, что и лѣтопись изображаетъ его постояннымъ, многопріемнымъ.

съ Дуная отъ утѣсненій волоховъ [1]), осѣли и уже окрѣпли на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, ихъ обогнали словены, кривичи, вятичи и радимичи. Переселеніе двухъ послѣднихъ лѣтопись помнитъ ясно, оно не древнѣе VIII в. или начала IX в. и суть послѣднее изъ извѣстныхъ, закончившее переселеніе славянъ изъ западной Европы.

За названными отдѣльностями расположились полочаны, дреговичи и сѣвера. Въ третьемъ ряду идутъ поляне, древляне, бужане и дулебы [2]) и т. д. въ глубь Европы.

Передъ передовой линіей этой широкой полосы славянскаго потока еще во второй половинѣ IX в. стоитъ точно также рядъ инородцевъ: карела, чудь, весь, меря, мурома и мещера; за ними пермь, черемиса, мордва и въ третьемъ ряду, упираясь въ Уралъ, печера, а затѣмъ тюрки: болгары-чуваши и узы-торхи. Съ сѣверо-западной стороны—чудь и ливъ, литва и пруссы; съ юго-восточной—козары и угры.

Такъ свидѣтельствуетъ и Карамзинъ на своей картѣ, такъже если не во всемъ, то во многомъ говоритъ и современная дѣйствительность, по скольку въ ней уцѣлѣли черты минувшаго. Само собою разумѣется, что передовая линія инородцевъ, особенно же ея середина, т. е. весь, меря и мурома, именно въ силу передовитости, какъ первая, принявшая на себя волну славянскаго потока (пусть не бурнаго, все равно), должна была испытать наибольшій напоръ, наибольшее воздѣйствіе и потерпѣть отъ него больше другихъ частей инородческой народности, такъ какъ славянскій потокъ, хотя и мирный, долженъ былъ разлиться въ ней, пріидти съ ней во взаимодѣйствіе и, если не поглотитъ, то разжижитъ, разбавитъ весьма значительно. Исторія и свидѣтельствуетъ о чемъ то подобномъ: средина передовой инородческой линіи исчезаетъ, лѣтопись и источники съ X в. о мерѣ умолкаютъ, о веси и муромѣ едва упоминаютъ. За то вторые ряды инородцевъ не покидаютъ страницъ источниковъ до позднѣйшаго времени и многіе изъ нихъ болѣе или менѣе сохранились до нынѣ [3]). Послѣднее обстоятельство ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что новой волны славянскаго потока, послѣ описанной лѣтописью, не было; дѣйствовало лишь частное разселеніе

---

[1]) Волхомъ бо нашедшимъ на словѣни на дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ. словѣни же (желая избавиться отъ этого) ови пришедше, сѣдоша на Вислѣ... (Лѣтопись преп. Нестора по Лаврен. списку стр. 3).

[2]) Въ Любимскомъ уѣздѣ Ярославской губ. есть селеніе Дулепово (58°25¹3 Д., 57°59¹ С. Ш.).

[3]) Вѣстн. и библ. самообразов., 1903 г., № 34, стр. 1383.

по странѣ уже выселившихся ранѣе, совершавшееся медленно и неправильно.

Прежнее единство поступательнаго движенія исчезаетъ. Послѣдній прибой славянства, встрѣтивъ на пути инородцевъ, осѣлъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними, т. е., уперся въ нихъ. Самая передовая линія славянства состояла не изъ разобщенныхъ пространствомъ или инородцами «племенъ», а напротивъ—изъ плотно-сомкнутаго ряда или строя ихъ, осѣвшихъ одно подлѣ другого. Вслѣдствіе этого возможность мирнаго [1]) движенія впередъ оставалась имъ только по способу медленнаго и постепеннаго проникновенія единицами или небольшими партіями въ среду инородцевъ. Въ стороны срединнымъ славянскимъ отдѣльностямъ («племенамъ») двигаться было некуда: тамъ сидѣли одноплеменники, а окрайныя отдѣльности не распространялись въ этомъ направленіи [2]) вслѣдствіе враждебности сосѣдей инородцевъ, что по отношенію сѣверо-западныхъ, т. е. чуди [3]) и юго-восточныхъ, т. е. хозаровъ засвидѣтельствовано письменностью.

Такъ оно или иначе, а положительнымъ является то, что массовое движеніе славянъ изъ средней Европы въ Россію шло въ сѣверо-восточномъ, а не иномъ направленіи [4]) и, остановившись, превратилось изъ массоваго въ частичное. Причинъ остановки, безъ сомнѣнія, было нѣсколько, но едва ли не главныя изъ нихъ тѣ, что передвигавшіяся массы нашли мѣсто для поселенія и встрѣтили прочныя инородческія поселенія. Лѣтописи выставляютъ причиной выселенія славянъ въ Россію утѣсненія ихъ на прежнихъ мѣстахъ волохами и эту причину нужно [5]), кажется, признать за дѣйствительно дѣйствовавшую, ибо можно положительно утверждать, что вызвано переселеніе не жаждой поживы и корысти, не безпокойнымъ духомъ брани и завоеваній, не тѣснотой и безземельемъ и не взаимными раздорами [6]).

---

[1]) Именно о такомъ свидѣтельствуютъ лѣтописи: войнъ ими здѣсь не отмѣчено, а напротивъ—союзы: словены, весь, меря и всѣ кривичи; о томъ же говоритъ и прочее: сохраненіе названій урочищъ и т. д.

[2]) По крайней мѣрѣ первое время.

[3]) Русскіе лопари. Н. Харузинъ.

[4]) Являвшимся, несомнѣнно, направленіемъ наименьшаго сопротивленія, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить выборъ именно этого направленія.

[5]) Утѣсненія и безпокойства, хотя и не одними волохами; послѣдніе могли лишь переполнить чашу терпѣнія, явиться «послѣдней каплей».

[6]) Для наживы Россія давало не много, значительно менѣе другихъ, ближайшихъ странъ; духа завоеваній русскіе славяне совсѣмъ не проявляли до Олега, да и при немъ являлись лишь вспомогательной ратью на ряду съ финнами; тѣсноты въ землѣ не могло быть потому, что земли нашлось до-

Всѣ эти побужденія начали дѣйствовать, вызвавъ частичныя передвиженія,—слѣдствіе частичныхъ начинаній, лишь по остановкѣ славянъ, послѣ того, какъ они окрѣпли на новыхъ мѣстахъ и, такъ сказать, поосмотрѣлись. Частичныя движенія въ общемъ шли въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи, но нѣсколько расширились и изъ прямолинейныхъ постепенно превратились въ вѣеро-образныя, достигнувъ со временемъ въ одномъ направленіи студенаго Бѣлаго моря, а въ другомъ—теплаго Чернаго и даже далекаго Каспія.

Всего труднѣе было двигаться впередъ средней части славянской линіи. Она относительно быстро обрусила (въ смыслѣ заселенья) земли непосредственныхъ своихъ сосѣдей веси, мери и муромы, такъ сказать, насквозь проникнувъ, пронизавъ по всѣмъ направленіямъ эти народцы, но за то за предѣлы ихъ земель пробилась съ великимъ трудомъ: мордва, черемисы, отяки-чудь, пермяки, зыряны, вогулы, остяки,—всѣ эти племена противились силой и до сихъ поръ не утратили еще своей народности,—языка, вѣры, обычаевъ, обличья и даже одежды, а частью и мѣста жительства [1]). Но заселеніе и ближайшихъ къ славянству областей совершилось далеко не такъ быстро, какъ обыкновенно думаютъ. Ростовскую область еще Юрій Долгорукій († 1157 г.) называлъ не русской землею [2]), а Герберштейнъ въ началѣ XVI ст. встрѣтилъ въ ней около Шексны (Shoxna—по мѣстному произношенію) и Мологи населеніе, говорившее, кромѣ русскаго, еще и своимъ особымъ языкомъ. О медленности заселенія свидѣтельствуетъ отчасти и распространеніе христіанства, разносившагося славянами и шедшаго вслѣдъ, а нерѣдко и впереди ихъ [3]), почему и могущаго быть показателемъ

статочно для другихъ позднѣйшихъ насельниковъ, венгровъ, болгаровъ и проч., раздоры были, но не вліяли на выселеніе, ибо въ противномъ случаѣ славяне не селились бы въ Россіи рядомъ по сосѣдству другъ съ другомъ.

[1]) Конечно, враждебности туземцевъ были свои причины, изъ коихъ важнѣйшая едва ли не замѣна мирнаго передвиженія враждебнымъ, воинственнымъ, вызвавшимъ сопротивленіе, а далѣе погромы славянъ и усобицы. И. Смирновъ (Вѣст. и биб. сам. 1903 г. № 34, стр. 1455) отмѣчаетъ, что чуть не ежегодно въ инородческія земли ходили «молодцы» для грабежа, «даньники» и князья за сборомъ дани и чаще всего благополучно «возвратились здравы, поплѣнили, истребили, взяли на щитъ». Такія дѣянія славянъ, уже обжившихся среди инородцевъ, отмѣчаютъ лѣтописи, былины и преданія Вологодской и Архангельской губерній.

[2]) Хотя, быть можетъ, и не въ нынѣшнемъ пониманіи этого слова, а въ значеніи собственнаго имени Руси, Русской земли, пріуроченнаго послѣ Новгородской къ Кіевской землѣ и отчасти вообще къ западной, т. е. чисто славянской половинѣ тогдашней Руси, тогда какъ восточная называлась по инородцамъ и ихъ городамъ: Муромская, Ростовская и пр. земли.

[3]) Хотя оно принято разными славянскими отдѣльностями не одинаково охотно и не въ одно время; вятичи, наприм., приведены въ христіанство лишь въ первой трети XIII ст. св. Кукшей, убитымъ ими (Древняя русская исторія до Монгольскаго ига. М. Погодинъ, т. II, стр. 921).

успѣховъ славянскаго разселенія въ болѣе позднее, историческое время.

Въ Ростовской области, ближайшей изъ срединныхъ къ славянству и уже ранѣе значительно населенной славянами, христіанство возобладало не ранѣе XII в.; Вологда просвѣщена въ 1147 г. св. Герасимомъ, мурома въ началѣ XIII в. кн. Константиномъ (1192—1293); бѣлозеры болѣе или менѣе полно лишь къ XIV в., черемисы Костромской губерніи съ 1240 г. пустынникомъ Кіемъ; корелы южной Финляндіи и эсты о. Эзеля съ 1227 г., на С. Двинѣ и Вяткѣ въ XII в., отяки лишь въ 40 г.г. XVIII в., пермяки и зыряны въ XIV в. св. Стефаномъ (1365—1396 г.); лопари въ XVI в. Ѳеодоритомъ и св. Трифономъ и т. д. [1]).

Не столько разселеніе и наплывъ славянъ, сколько насилія, сопровождавшія проповѣдь христіанства и проявлявшіяся въ видѣ разрушенія проповѣдниками идоловъ и капищъ, осквернения и поруганія священныхъ мѣстъ (святилищъ) и урочищъ идолопоклонниковъ, затѣмъ преслѣдованія и гоненія ихъ жрецовъ и, наконецъ, насильное введеніе христіанства (чего прекратить и за что отомстить и наказать идолопоклонники не могли по причинѣ защиты проповѣдниковъ разносителями христіанства) вызвали переселенческое движеніе и среди финскихъ туземцевъ. Оно, несомнѣнно, способствовало быстротѣ обрусѣнія покидаемыхъ областей какъ черезъ убыль количества приверженцевъ стараго порядка, такъ и чрезъ заемъ освободившихся мѣстъ славянами. Выселеніе туземцевъ, вызванное именно крещеніемъ, почти безспорное и само по себѣ, для Ярославской губерніи (о чемъ упоминалось) засвидѣтельствовано письменностью [2]).

---

[1]) Тамъ же; Костромская старина, вып. 2, стат. 6; Рус. Лопари Н. Харузинъ и Природа и люди 1879 г., кн. X, стр. 12; Сборн. археол. инст. кн. 5, половина 1-я, отд. 1, стр. 15; Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона «отяки».

[2]) Говоря о язычникахъ, кстати можно отмѣтить одну любопытную подробность ихъ вѣрованій. У ярославскихъ язычниковъ, видимо, пользовался большимъ уваженіемъ медвѣдь, связанный въ преданіи съ самымъ основаніемъ Ярославля. Дѣло въ томъ, что въ ростовскихъ курганахъ IX—X в., разрытыхъ гр. Уваровымъ, и въ ярославскихъ курганахъ VIII—IX в., разрытыхъ мною, найдены глиняныя лѣпки, вѣрнѣе всего, медвѣжьихъ стопъ (переднихъ), каковыя и признаны уже Уваровымъ (Меряне и ихъ бытъ) за священные предметы. И дѣйствительно такими онѣ остаются до сихъ поръ у нѣкоторыхъ инородцевъ, жившихъ прежде если не въ самой Ярославской губерніи, то не далеко отъ нея. Такъ остякъ клянется и присягаетъ надъ лапой медвѣдя, его когтемъ или зубомъ и клятва эта самая страшная (если говорю неправду, пусть меня медвѣдь задеретъ или заѣстъ), такъ какъ медвѣдь, сынъ бога Турома, является представителемъ на землѣ справедливости, все знаетъ и видитъ и обмануть его нельзя. Ради такого значенія медвѣжьей лапы, шкуры его остаются обыкновенно безъ лапъ, которыя отрѣзываютъ и хранятъ (Письма и отчетъ о пут. въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43, 63, 113). У лопарей медвѣдь считается умнѣе всѣхъ животныхъ, онъ «божья собака» и священный звѣрь, на немъ солнце объѣзжаетъ часть своего пути; онъ знаетъ и слышитъ все, что про него говорятъ,

Такимъ образомъ можно считать, что къ концу X, а вѣрнѣе къ срединѣ XI в. если не вся нынѣшняя Ярославская губернія, то большая часть ея [1]) по господству сдѣлалась русской, хотя очень сомнительно, какъ показано выше, чтобъ она была такою же и по составу населенія, среди котораго продолжаетъ существовать все еще только одинъ славянскій городъ Ростовъ, основанный, какъ думаютъ, въ VIII в. О другихъ какихъ-либо славянскихъ поселеніяхъ здѣсь вовсе ничего не упоминается въ источникахъ [2]) и лишь въ срединѣ XI ст. отмѣчается ими въ области другой славянскій городъ Ярославль [3]). Но ра-

---

почему худо о немъ отзываться нельзя. Въ жизни его обыкновенно называютъ почтительно «дѣдушкой». Вѣрятъ, что убитый воскресаетъ и потому кости не дробя и не ломая, зарываютъ въ землю; мѣстами зарываютъ и голову, ложки, ножикъ, кусокъ мѣди и скобель,—все, что соприкасалось съ нимъ; нѣкоторые берутъ только лучшія части мяса, остальное все зарывается (Рус. лопари. Н. Харузинъ, стр. 199—203). Находки лѣпковъ въ ярославскихъ курганахъ могутъ навести на мысль о нахожденіи въ нихъ финскаго начала, но эта мысль должна поблекнуть, если принять во вниманіе уваженіе къ медвѣдю русскихъ (при чемъ воженье медвѣдя на масляницѣ есть ничто иное, какъ пережитокъ тѣхъ плясокъ и церемоній, которыми сопровождалось убійство и вообще охота на медвѣдя, начинающаяся, обыкновенно, въ февралѣ, см. у Полякова и Харузина указанныя мѣста), и скандинавовъ, украшавшихъ изображеніемъ медвѣжьей головы большинство принадлежностей наряда (фибулы, пряжки, броши, запоны и проч.). Можетъ быть, остаки и другіе инородцы лишь сохранили древнія вѣрованія своихъ сосѣдей, отъ которыхъ они ихъ заимствовали. За это говоритъ, наприм., обрядъ умилостивленія водяного передъ началомъ вешняго рыбнаго лова; остякъ закалываетъ пѣтуха надъ рѣкой и брызжетъ его кровью въ воду (Поляковъ, тамъ же). Откуда у остяка, незнавшаго и неимѣвшаго домашней птицы, могъ явиться такой обычай иначе, какъ не черезъ заимствованіе у славянъ или скандинавовъ, у которыхъ онъ засвидѣтельствованъ письменностью (Святославъ на Дунаѣ)? Память о почитаніи медвѣдя въ Ярославской губерніи осталась въ ярославскомъ гербѣ, существовавшемъ еще до Петра I (см. Потреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г., л. 40 и Труды Яросл. арх. ком. т. III, вып. 4, стр. 53) и установленномъ не безъ основанія въ прошломъ (какъ и ростовскій:—олень серебряный съ золотыми копытами, рогами и гривой), какъ можно судить по пермскому (тамъ же, л. 38), изображающему медвѣдя, везущаго на спинѣ евангеліе. Въ рукописномъ сборникѣ яросл. архіеп. Самуила Миславскаго—любителя книгъ и письменности, была статейка объ основаніи Ярославля, заключающая въ себѣ нѣкоторыя подробности, взятыя изъ болѣе ранней письменности или изъ преданій и не лишенныя интереса (см. указанные труды Яросл. Коммиссіи). Одна изъ такихъ подробностей сообщаетъ, что доисторическіе жители Ярославля содержали въ «клѣти» медвѣдя, убитаго Ярославомъ I. Принявъ во вниманіе, что Ярославъ, по преданію, на мѣстѣ убійства медвѣдя построилъ первую въ городѣ церковь, можно думать, что медвѣдь содержался при капищѣ и служилъ предметомъ почитанія мѣстныхъ жителей, почему и убитъ Ярославомъ, ревнителемъ христіанства.

[1]) Южная, волго-правобережная.

[2]) Въ «Лѣтописцѣ о Ростовскихъ архіереяхъ» (Труды Ярос. Стат. Комит., вып. 2, стр. 186) про епис. Исаію (1077—1082) сказано, что онъ... обходя *грады и веси*, иже въ ростовстѣй и суздальстѣй области, сокрушаше идолы и крестяше пріемлющія святую вѣру.... но во 1-хъ, не указано, чьи грады и веси, во 2-хъ, это выраженіе скорѣй общее мѣсто, стилическая формула, чѣмъ описаніе дѣйствительности. Въ это время, вѣроятно, совершилось и выселеніе отяковъ.

[3]) Угличъ (Углече поле) первый разъ упоминается лѣтописью лишь въ 1148 г.; мѣстныя лѣтописи (XVIII в.) относятъ основаніе Углича къ 947 г., но вѣрить имъ трудно (Прошлое Углича, К. Н. Евреиновъ, стр. 14—16). Форма «Угличе» въ названіи «Угличе-поле», притяжательное прилагательное отъ «углъ» (собственнаго или нарицательнаго имени), а не отъ угличи, какъ думаютъ многіе. Ярославль основанъ (какъ Ярославль, т. е. крѣпость) всего вѣрнѣе въ 1023—1024 г.

зумѣется, въ то время были въ губерніи славянскія селенія и кромѣ названныхъ городовъ, какъ наприм., тѣ, которымъ присвоены названія описательныя, изображающія свойства и качества природы и мѣста, занятаго поселенцемъ, его дѣятельности и незначительныхъ событій, сопровождавшихъ это занятіе, въ родѣ: Раменье, Боръ, Березники, Перевозъ [1]) и пр., или: Жары, Гари, Доръ, Становo и др. Къ тому же въ общемъ времени, хотя къ нѣсколько болѣе поздней порѣ, относятся, по всей вѣроятности, селенья и съ именами древней формы, каковы: Дѣевская, Ерилово, Сваруха, Реутово, Торловопо, Дулепово, Мирогостово, Ратмирово, Ротислово, Святославле (Карашъ) и пр. Въ то же время начинаютъ появляться въ губерніи и несомнѣнно славянскіе курганы съ вытянутыми костяками, головою на западъ, при которыхъ изрѣдка попадаются византійскіе бронзовые и мѣдные крестики-тѣльники и образки (на ожерельяхъ) [2]). Какіе же славяне населяли губернію и въ какое приблизительно время?

Выше показано, что если вѣрить Іордану (а не вѣрить ему нѣтъ особо основательныхъ причинъ), то западные славяне—сосѣди готовъ—знали мерю, слѣдовательно и бывали у нея и ничто не говоритъ, чтобъ не жили среди нея, по крайней мѣрѣ, въ VI в., а весьма вѣроятно уже и въ IV в. Этихъ славянъ источники называютъ венетами-венедами, вентами, вендами, что истолковывается то какъ бѣлый, бѣлокурый отъ кельтскаго vindas=бѣлый; то какъ бродяга, пришлецъ отъ латинскаго venio=приходить, прибыть. Въ сущности не важно, кто назвалъ такъ славянъ и что значитъ самое названіе, такъ какъ сами славяне не звали себя этимъ именемъ [3]), и Іорданъ (какъ и Несторъ, спустя 300 лѣтъ) сообщаетъ косвенно, что они назывались и говорили разно, въ зависимости отъ рода и мѣста жительства, т. е., что ихъ было нѣсколько отдѣльностей. Это же свидѣтельствуетъ и Прокопій,

---

[1]) Справедливо считаемыя И. Филевичемъ (Исторія древн. Руси, т. I. стр. 116) болѣе древними, чѣмъ отъименныя или патронимныя.

[2]) Меряне и ихъ бытъ, гр. Уваровъ; мой отчетъ о раскопкахъ 1897 г. (въ рукописи въ Яр. археол. ком.).

[3]) Принявъ во вниманіе, что другое иностранное названіе славянъ анты (antes) является латинскимъ, значащимъ передніе, передовые (ante=прежде, предъ, впереди), можно думать, что и названіе венды дано римлянами. Мнѣніе Соболевскаго объ этомъ имени приведено выше. На вендовъ г. Вендена и другихъ мѣстъ Курляндіи и Лифляндіи онъ смотритъ (Журн. М. Н. Пр., 1904 г., VI, стр. 463), «какъ на позднѣйшихъ переселенцевъ» и видитъ въ нихъ «бѣглецовъ той эпохи, когда германцы стали тѣснить славянъ на южномъ побережьи Балтики (т. е. готы около Р. Х.); отсюда обычное названіе ихъ (вендовъ) у Ген. Лотыша и др.» (т. е. бѣглецами, бродягами).

говоря о безчисленныхъ *народахъ* антовъ [1]). Но такъ какъ не указано, гдѣ сидѣлъ каждый изъ этихъ народовъ, то рѣшить вопросъ о томъ, представители какихъ славянскихъ отдѣльностей могли всего вѣроятнѣе проникать въ землю мери въ продолженіи первыхъ осьми вѣковъ по Р. Х., не представляется возможнымъ. Нѣсколько легче отвѣтить на поставленный вопросъ по отношенію времени съ VШ в., такъ какъ имѣются данныя о тогдашнихъ сосѣдяхъ мери въ показаніяхъ начальной лѣтописи. Несторъ начинаетъ обзоръ исторіи славянъ со времени поселенія ихъ на Дунаѣ. Что было раньше, онъ совсѣмъ ничего незнаетъ: «по мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ (XI в.) угорьска земля и болгарьска». Съ Дуная [2]) славяне, по его словамъ, начали расходиться въ разныя стороны, селясь по разнымъ мѣстамъ, отъ названій которыхъ получали и свои названія. Изъ такихъ выселенцевъ онъ называетъ моравовъ, чеховъ, хорватовъ бѣлыхъ [3]), сербовъ, хорутановъ, ляховъ съ ихъ подраздѣленіями (лутичи, мозовшаны, поморяны), полянъ, прозванныхъ такъ ляхами (отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне), древлянъ, дреговичей [4]), полочанъ, словенъ и сѣверъ, заканчивая поясненіемъ: Тако разъидеся словѣньскій языкъ. Говоря о разселеніи славянъ съ Дуная, онъ сообщаетъ мимоходомъ, что дунайскихъ славянъ покорили какіе-то волохи, поселившіеся среди нихъ и притѣснившіе ихъ (Волхомъ бо нашедшимъ на словѣни на дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ); но явно онъ этого обстоятельства не связываетъ съ разселеніемъ славянъ, такъ какъ, сообщивъ о немъ, продолжаетъ разсказывать о разселеніи славянъ [5]). Затѣмъ,

---

[1]) Изъ исторіи слав. передв, стр. 25. А. Л. Погодинъ утверждаетъ то же (стр. 20).

[2]) Соболевскій (въ указанной замѣткѣ) говоритъ, что распространенность названія Дунай у русскихъ и поляковъ (у этихъ до нынѣ, какъ нарицательное, что было прежде и у русскихъ) свидѣтельствуетъ о знакомствѣ славянъ съ р. Дунаемъ еще въ обще-славянскую пору (стр. 464).

[3]) Соболевскій (тамъ же) говоритъ, что данныя языка не позволяютъ связывать «хорваты» съ «карпаты», ибо древнѣйшій видъ перваго слова—хръват, откуда греч. χρώβατοι (хробаты) и средневѣковое лат. croati (кроаты). Въ Лаврентіевской лѣтописи: хроватъ, храватъ, хрватъ (изъ хръват); въ старо-польскихъ источникахъ chrwat (хрват); въ старо-сербск.—хровати. Вѣроятно, это названіе восходитъ, по Соболевскому, еще къ нарицательному: у кашебовъ и нынѣ карваткъ (karwatk)=мужъ, мущина, карватка=женщина. Но если хорватъ=мущина, то какова исторія этого слова? Въ такомъ значеніи его нѣтъ у многихъ славянъ, стало быть, оно явилось поздно. Откуда же и что могъ значить его корень (хор—хр)?

[4]) Болотчанъ: дрегва, дригва—болото (или древ. Руси. И. Филевичъ, т. I, стр. 91). На Руси отъ того же корня существуютъ слова: дрягаться=дѣлать такія движенія, особенно ногами, какъ при усиліяхъ выбраться изъ засасывающей трясины-болота, и дрягутина=разслабленный, человѣкъ съ нервными, подергивающимися движеніями.

[5]) Славяне же, ови пришедше, сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове... Для меня не ясно, почему нашествіе волховъ принимаютъ (И. Забѣлинъ. Истор. рус. жизни) такъ рѣшительно за причину

послѣ нѣсколькихъ уклоненій сообщаетъ краткую внѣшнюю исторію дунайскихъ славянъ, начиная ее съ V в., такъ какъ первыми послѣ волховъ упоминаетъ болгаръ, ничего не говоря (очевидно, по незнанію) ни о готахъ, ни о гуннахъ. Болгары, по его словамъ, пришли на Дунай изъ Скифіи отъ козаръ и поселились среди славянъ [1]).

Послѣ нихъ, по опредѣленію Нестора, въ VII в. («при Ираклія царѣ» 610—641 г.) къ славянамъ явились угры бѣлые, прогнавшіе волоховъ, завладѣвшіе ихъ землей и покорившіе славянъ [2]), жившихъ на этой землѣ. Бѣлые угры, навѣрно, представляютъ тѣхъ угровъ-мадьяровъ, которые, явившись въ Россію съ гуннами, жили на Кавказѣ и около его и оставили тамъ свою память въ имени маджаръ, присвоенномъ нѣкоторымъ урочищамъ. Они, какъ говоритъ и Несторъ, и были основателями Венгріи, а вовсе не тѣ (черные), которые шли мимо Кіева при Олегѣ, какъ думаетъ Европеусъ и венгерскіе лѣтописцы XIII ст. Ушли въ Венгрію не всѣ бѣлые угры-венгры, много ихъ осталось въ Россіи среди козаръ и сѣвернѣе, гдѣ ихъ знаютъ и греки (Багряно-родный), и арабы, и путешественники XIII в. Только среди этихъ угровъ и могла жить память объ Аттилѣ.

Къ тому же (лишь приблизительно) времени Несторъ относитъ и нашествіе на западныхъ, но не Дунайскихъ славянъ обровъ, воевавшихъ съ славянами, но покорившихъ изъ нихъ однихъ только дулебовъ, жившихъ на З. Бугѣ, т. е. далеко отъ Дуная. Мучившіе дулебовъ обры въ свою очередь были уничтожены, какъ думаютъ нѣмцами,—Карломъ великимъ [3]).

разселенія славянъ съ Дуная; изъ текста лѣтописи этого не слѣдуетъ. О нашествіяхъ на славянъ и о поселеніяхъ среди нихъ разныхъ народовъ лѣтопись упоминаетъ не разъ, при чемъ ясно говоритъ, что славяне оставались на мѣстѣ и переходили изъ рукъ въ руки. Кромѣ того, она прямо свидѣтельствуетъ, что волхи и славяне продолжали жить вмѣстѣ даже еще въ IX в.: Идоша угри мимо Кіевъ горою (898 г. или вѣрнѣе 884 г.).... устремишася черезъ горы великія и почаша воевати *на живущая ту волхи и словѣни*; сѣдяху бо ту прежде словѣни, и волъхве пріяша землю словѣньску (Лѣтопись преп. Нестора по Лаврен. списку, стр. 2, 3, 5, 11).

[1]) Получили общую извѣстность съ 487 г., когда впервые перешли за Дунай, но были отбиты остъ-готскимъ королемъ Теодорихомъ (Изъ ист. слав. передв., стр. 47).

[2]) По семъ придоша угри бѣліи (стр. 5), прогнаша волъхи и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ словѣни, покорившѣ я подъ ся; оттолѣ прозвася земля угорьска (стр. 11). Си бо угри почаша быти при Ираклія царѣ (стр. 5). Бѣлые угры—угры владѣтели или завоеватели, господа, ибо русское «бѣлая кость»—господа, правители; «черная кость»—народъ, подчиненные. По этому черные угры могли по племени, по крови быть и не уграми, а лишь покореннымъ уграми племенемъ или даже племенами.

[3]) Лекціи по русск. исторіи С. Ѳ. Платоновъ (стр. 50). Обры, отождествляемые съ аварами, по А. Л. Погодину, заняли Панонію-Венгрію въ 568 г. (Изъ ист. слав. перед., стр. 59). По Нестору, этого не видно и выходитъ такъ, какъ будто бы обры были только въ Прикарпатьи.

Послѣ обровъ пришли къ славянамъ печенеги, затѣмъ угры черные, шедшіе, какъ и бѣлые, мимо Кіева и прошедшіе вновь по тому же пути при Олегѣ въ 898 г. (884) [1]). Появленіе печенеговъ и первое черныхъ угровъ Несторъ не опредѣляетъ, но ясно, что они были до IX в., такъ что мнѣніе нѣкоторыхъ о появленіи печенеговъ въ Россіи лишь въ X в., основанное на показаніяхъ лѣтописи: «въ лѣто 6423 (915) пріидоша печенѣзи первое на Русскую землю и, створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю» и, «въ лѣто 6476 (968) придоша печенѣзи на Русскую землю первое», не вѣрно. Оно сложилось вслѣдствіе невѣрно понятаго текста. Несторъ въ приведенныхъ извѣстіяхъ хочетъ сказать только то, что въ 915 г. печенеги впервыя пришли на *Русскую* землю, а въ 968 г. впервые пришли *войною* на эту землю, а не вообще въ Россію. Разумѣется, что проходя Россію (первый разъ) въ то время, когда въ ней не было еще «*Русской*» земли, печенеги не могли находить на Русскую землю, оттого Несторъ и не говоритъ объ этомъ, отмѣчая лишь приходъ печенѣговъ къ дунайскимъ славянамъ.

Такова внѣшняя исторія западныхъ славянъ по свѣдѣніямъ Нестора; о внутренней ихъ исторіи онъ, видимо, почти ничего не зналъ, кромѣ разселенія и общности происхожденія, усиленно имъ подчеркиваемой. Только этими же чертами онъ связываетъ западныхъ славянъ съ русскими, изъ которыхъ больше всего знаетъ и больше всего занятъ полянами, его земляками. Въ изложеніи (въ общихъ чертахъ) прошлаго русскихъ славанъ, т. е. такъ сказать, въ предисловіи къ ихъ исторіи у Нестора гораздо меньше порядка, чѣмъ въ изложеніи прошлаго западныхъ славянъ. Сырого матеріала онъ набралъ и больше и разнообразнѣе, но этотъ матеріалъ не былъ, видимо, до него систематизированъ, какъ предыдущій, а самъ онъ его упорядочить не умѣлъ. Слѣдствіемъ этого явилась крайняя неравность и непослѣдовательность изложенія съ постоянными отступленіями, возвращеніями назадъ, недосказами и пр. Все это очень затрудняетъ пользованье его повѣстью, заставляя скакать вмѣстѣ съ его мыслью съ страницы на страницу и сопоставлять и сравнивать чуть не каждую строку, чтобы разобщить перепутанныя мысли и привести ихъ въ послѣдовательный порядокъ. Понятно, что недосмотры при этомъ неизбѣжны.

[1]) Несторъ говоритъ: паки идоша угри черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ; очевидно, что «паки» относится не къ уграмъ, такъ какъ о черныхъ уграхъ тутъ онъ упоминаетъ только въ первый разъ, а къ Кіеву.

Къ перечисленнымъ выше при описаніи разселенія славянъ съ Дуная славянскимъ отдѣльностямъ, поселившимся въ Россіи, Несторъ, говоря о русскихъ славянахъ, добавляетъ въ разныхъ мѣстахъ кривичей, сидѣвшихъ на верховьяхъ Днѣпра, З. Двины, и Волги, дулебовъ-бужанъ на З. Бугѣ, замѣщенныхъ послѣ волынянами [1]), и улучей и тиверцевъ, жившихъ по Днѣстру и сѣверозападному берегу Чернаго моря до Дуная, въ греческой великой Скифіи [2]). У словеновъ, кривичей, полочанъ—полянъ и тиверцевъ онъ отмѣчаетъ города, у первыхъ четырехъ по одному, у послѣднихъ нѣсколько, сообщая, что городъ словеновъ выстроенъ ими вскорѣ по занятіи новаго мѣста [3]) и что города тиверцевъ существовали еще при немъ въ XI в. [4]). Кромѣ собственно славянскихъ отдѣльностей онъ упоминаетъ въ средней Россіи еще двѣ ляхскія: радимичей и вятичей, очень опредѣленно отличая ляховъ отъ славянъ [5]), говоря, что одни отъ рода славянъ, а другіе отъ рода ляховъ.

Разсказывая о переселеніи ляховъ въ среднюю Россію, Несторъ мимоходомъ сообщаетъ, какъ образовались славянскія отдѣльности, называемыя обыкновенно «племенами». Были среди ляховъ два брата—Радимъ и Вятко. Они пришли съ Вислы съ своими родами и поселились первый на р. Сожѣ (въ Могилевской губерніи), а второй на Окѣ (въ Калужской губерніи), образовавъ двѣ отдѣльности, прозвавшіяся на новыхъ мѣстахъ радимичами и вятичами по своимъ старшимъ. Изъ этого извѣстія видно, что основной родъ Радима и Вятка распался на два, всего вѣроятнѣе, послѣ смерти ихъ отца. Женатые братья раздѣлились и съ своими семьями, родными, а можетъ быть, и со свойственниками ушли на новыя мѣста, оставивъ старое, можетъ быть, старшему брату.

---

[1]) Лѣтопись преп. Нестора, стр. 6; Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ (XI в.) волыняне. Стр. 5. Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне.

[2]) Между улучи и тиверцы «и» поставлено не вездѣ, что И. Филевичу даетъ поводъ разсматривать первое слово не какъ собственное имя славянской отдѣльности, а какъ описательное прибавленіе къ имени тиверцы: тиверцы-улучи, т. е. тиверцы-лучане, сидящіе на лукѣ. Это толкованіе очень вѣроятно, такъ какъ лѣтопись не раздѣляетъ эти два названія и послѣ, сообщая о тиверскихъ городахъ. Если допустить, что тутъ рѣчь идетъ не объ одной, а о двухъ отдѣльностяхъ («племенахъ»), то случай трактованья о двухъ за-разъ явится исключительнымъ для лѣтописи. Съ именемъ тиверцы (тиверьцы) находится въ связи имя г. Тверь,—краткая форма изъ Тиверь.

[3]) Словѣни же (уйдя съ Дуная и) сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ Новъ-городъ.

[4]) Эта оговорка говоритъ какъ будто о томъ, что самихъ тиверцевъ уже не было на старыхъ мѣстахъ.

[5]) Древляне же отъ словѣнъ же... радимичи бо и вятичи отъ ляховъ (стр. 6). Бяша же радимичи отъ рода ляховъ (стр. 45).

На новомъ мѣстѣ они селятся отдѣльно и при томъ на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга, образовавъ двѣ совершенно отдѣльныя обособленности, несвязанныя даже и названіемъ, такъ что, не сохранись извѣстія о ихъ самомъ близкомъ родствѣ, они пошли бы за особыя «племена». Между тѣмъ они одного племенидаже по отношенію родственности, такъ какъ родовое родство переходитъ въ племенное только съ третьяго колѣна, съ племянниковъ [1]).

Обособленность родовъ Несторъ сообщаетъ для другихъ отдѣльностей русскихъ славянъ, какъ наприм., для полянъ въ разсказѣ о Кіѣ съ братьями, жившими каждый особо, на особыхъ мѣстахъ, и въ прямомъ свидѣтельствѣ его, что поляне «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Стало быть очевидно, что вся отдѣльность полянъ состояла изъ отдѣльныхъ родовъ, носившихъ общее названіе полянъ исключительно по характеру обитаемаго ими мѣста—полей, т. е. представлявшее вовсе не имя (собственное), а прозвище (прилагательное), обозначавшее наружный, внѣшній, условный признакъ. Перейдя въ лѣса, поляне превратились бы въ древлянъ. Ничто не говоритъ о томъ, что поляне были связаны другъ съ другомъ общими плотскими (физіологическими) признаками или кровнымъ родствомъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія отдѣльности русскихъ славянъ. Слѣдовательно, называть эти отдѣльности племенами нельзя, неправильно и нѣтъ никакихъ основаній [2]). Племенъ древнихъ русскихъ славянъ мы не знаемъ и они до сихъ поръ не выяснены, хотя, конечно, были, но если рýсскіе славяне не были объединены по происхожденію, т. е. въ кровныя племена (въ нынѣшнемъ смыслѣ), о чемъ свидѣтельствуютъ и византійцы [3]), за то они, повидимому, были до нѣкоторой степени объединены по правленію, т. е. въ княжества или волости. По крайней мѣрѣ лѣтопись ясно и опредѣленно свидѣтельствуетъ объ этомъ: держати почаше родъ ихъ княженье въ поляхъ (т. е. среди живущихъ

---

[1]) Когда они женятся и обзаведутся семьями, т. е. пріобрѣтутъ свойственниковъ. Родственники-это родные мужа восходящіе и нисходящіе, т. е. потомки родоначальника; свойственники—это родные жены; они не родные мужу, т. е. не связаны съ нимъ кровью, а только свои, не чужіе, связанные съ нимъ чрезъ жену,—родную имъ.

[2]) Точно такъже, какъ нельзя за племена считать жителей разныхъ губерній. Три отдѣльности современныхъ русскихъ: великороссы, малороссы и бѣлороссы точно также не племена за исключеніемъ развѣ послѣднихъ, да и то не безъ натяжки.

[3]) Прокопій Кесарійскій (VI в.), очевидецъ, сообщаетъ, что у славянъ не было ни одного общаго правителя, ни объединенности, такъ какъ жили отдѣльными родами (домократически) далеко другъ отъ друга, занимая въ силу этого большую площадь, и часто мѣняли мѣсто. Но большія дѣла вели сообща (Изъ ист. слав. перед., стр. 54).

на поляхъ, среди полянъ, Аскольдъ и Диръ—начаста владѣти польскою (т. е. полевою землею), въ деревляхъ (среди живущихъ въ деревахъ или среди деревъ: Игорь иде въ дерева въ дань, есть могила его въ деревѣхъ и до сего дне, было княженье) свое, а дреговичи (имѣли) свое, а словени свое въ Новѣ-городѣ, а другое на Полотѣ, и-же полочане; отъ нихъ же кривичи,... та-же сѣверъ отъ нихъ. Но эти княженья, основанныя на кровной родственности, (се Кій княжаше въ *родѣ своемъ*), не совпадали съ тѣми отдѣльностями, на которыя Несторъ вслѣдъ за жизнью и дѣйствительностью (практикой) раздѣлялъ русскихъ славянъ и которыя обособлялъ отдѣльными названіями (топографически-этнографическими), такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ одной такой отдѣльности было нѣсколько княженій, какъ наприм. въ древлянской (а наши князи добри суть), а въ другихъ случаяхъ напротивъ—одна отдѣльность выдѣляла изъ себя князей для нѣсколькихъ другихъ, какъ наприм., словенская—для кривичей полотовскихъ и смоленскихъ и для сѣверы. Очевидно, что подобное выдѣленіе князей или снабженіе ими другихъ отдѣльностей могло совершаться только на основаніи родственности, на основаніи общности происхожденія, такъ какъ другихъ объединяющихъ началъ не было: неизвѣстно и предположить нѣтъ основаній [1]). Нѣтъ основаній предполагать и обширность княженій; напротивъ, все заставляетъ думать, что они не выходили за предѣлы, самое бо́льшее, кровного племени, а нерѣдко ограничивались и однимъ родомъ (въ случаяхъ многочисленности его). Если не во всѣхъ, то во многихъ княженьяхъ были свои городки

[1]) Новгородцы и много позже были, какъ извѣстно, наименѣе княжескою отдѣльностью и княжье установленье (институтъ) у нихъ было развито менѣе другихъ. Названіе «кривичи» болѣе другихъ (кромѣ вятичей и радимичей) подходитъ, какъ можетъ казаться, къ дѣйствительному названію или имени, но и оно не болѣе, какъ общее, нарицательное, отличительное наименованіе, подобное «крестьянинъ, старовѣръ, басурманъ», ибо есть полное основаніе считать кривичей (кривечей) сосѣдями литвы и послѣдователями криве—ея главнаго жреца. Тщательное изученіе тверского и смоленскаго говоровъ, по всей вѣроятности, откроетъ въ этихъ говорахъ слѣды литовскаго вліянія. Что причиной тому обстоятельству, что новгородцы оставались первое, впрочемъ, продолжительное время безъ отличительнаго прозвища, слывя просто словенами, трудно сказать. Можетъ быть, удаленность ихъ отъ остальныхъ и обособленность, можетъ быть, отсутствіе въ нихъ самихъ и въ занятой ими странѣ характерныхъ чертъ или поздность (а можетъ быть, и ранность) поселенія, или, наконецъ, отсутствіе нужды и случая дать отличительное прозвище. Какъ бы не было, но разность въ вѣрованіяхъ, которую можно предполагать на основаніи прозвища однихъ кривичами, а другихъ просто словенами (стало быть не послѣдователями криве), едва ли можно считать причиной достаточной для недопущенія родственности или по крайней мѣрѣ свойственности между кривичами и словенами, такъ какъ близость тѣхъ и другихъ другъ къ другу видна въ солидарности ихъ дѣйствій при призваніи князей. Эта солидарность затрудняетъ допущеніе насильнаго подчиненія кривичей словенами (которую можно бы предположить, отвергая ихъ взаимную родственность) на основаніи княженья послѣднихъ у первыхъ.

(укрѣпленья, то, что нынѣ зовется городищами и городцами; чій се градокъ? спрашиваютъ Аскольдъ и Диръ про Кіевъ [1]), въ которыхъ, повидимому (судя по позже бывшему) и жили князья (а слевѣни свое въ Новѣ-городѣ) и которые съ ихъ окрестностями, занятыми членами рода или племени, построившаго городокъ, и съ промысловыми землями послѣднихъ—пашнями, бортями, ухожаями и другими угодьями—и составляли княженье или волость. По крайней мѣрѣ лѣтопись опредѣленно говоритъ: 1) Бяша около града *лѣсъ и боръ великъ и бяху* (кіевляне) *ловяща звѣрь* въ этомъ лѣсу. т. е. лѣсъ былъ ухожаемъ; 2) вси гради ваши... дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя, очевидно, немогшія быть далеко отъ городовъ; 3) *новгородцы* бо изначала и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся *власти*, яко же на думу, на вѣча сходятся; 4) а словѣни свое (княженіе имѣли) въ Новѣ-городѣ.

Въ третьемъ изъ этихъ извѣстій Новъ-городъ названъ *волостью*, какъ и другіе города, а въ четвертомъ указано, что въ немъ было княженье—опять таки такъже, какъ и въ другихъ городахъ, ибо князья (Кій и Малъ) жили въ городахъ (Кіевѣ и Искоростенѣ) [2]), а стало быть, въ городахъ же было и княженье (Кій, жившій въ Кіевѣ, княжаше въ родѣ своемъ). Слѣдовательно городъ съ его округой былъ и назывался и княженьемъ и волостью; первое выводится изъ показаній лѣтописи, второе ею засвидѣтельствовано непосредственно. Изъ приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій усматривается, что мелкія, мѣстныя, или, какъ только что показано, родо-племенныя отдѣльности славянъ назывались по ихъ городамъ (смольняне, кыяне), но это обстоятельство никакимъ образомъ не можетъ служить показателемъ того, какъ думаютъ нѣкоторые, что племенной бытъ славянъ перешолъ къ этому времени въ волостной, такъ какъ то, что разумѣютъ подъ славянскими племенами (кривичи, поляне и пр.), было не племенами, а поселенческими, земельно-мѣстными или мѣстовыми (территоріальными) обособ-

---

[1]) Лѣтопись въ общемъ описаніи славянъ отмѣчаетъ очень не многіе изъ нихъ (городковъ) и, конечно, потому, что не придаетъ имъ никакого значенія, какъ и въ дѣйствительности неимѣвшихъ его и не могшихъ имѣть въ жизни бродячихъ земледѣльцевъ-охотниковъ. Разсказавъ о сооруженіи Кіева, лѣтопись не говоритъ, чтобы въ немъ жили всѣ братья съ ихъ родами, а напротивъ, указываетъ, что жили они отдѣльно на трехъ разныхъ горахъ,—«ловяща звѣрь». Но что городовъ или, вѣрнѣе, городковъ было у славянъ много, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только древлевѣдѣніе, но и сама лѣтопись, упоминающая при надобности нѣкоторые изъ нихъ (Искоростѣнъ, Овручъ, Черниговъ и пр.) и выражающаяся о тиверцахъ, что суть гради ихъ и до сего дне, а о древлянахъ, что гради.... дѣлаютъ нивы своя.

[2]) Игоря убили искоростѣнцы (яко тѣ бяху убили муже ея); ихъ города Ольга только и разорила и они же говорили: поимемъ жену его Вольгу за *князь свой* Малъ.

ленностями, и такъ какъ родо-племенный (кровно-племенный) бытъ былъ присущъ славянамъ, судя по лѣтописи и иностраннымъ извѣстіямъ, съ незапамятныхъ временъ, съ того дня, какъ они дѣлаются извѣстны, и остается очень замѣтнымъ еще и въ настоящіе дни. Какъ выяснено, изъ родовъ и племенъ (кровныхъ), называвшихся по ихъ городамъ [1]) и составлявшихъ волости-княженья, и состояли тѣ отдѣльности, которыя признаютъ за «племена». Стало быть, этимъ «племенамъ» не зачѣмъ было переходить въ волости. Правда, что съ усиленіемъ и искуственнымъ развитіемъ городовъ, съ постановкой ихъ на первый планъ князьями завоевателями племена (кровныя)—волости или княженья тоже выдвинулись, затмивъ прежнія урочища—мѣстовыя дѣленья славянъ, но не потому, чтобъ славянскій бытъ измѣнился, а потому, что съ объединеніемъ не совмѣстимы отдѣльности (т. е. раздѣленность). Пока не было объединяющаго начала (князей завоевателей), до тѣхъ поръ и существовали словены, кривичи и другія отдѣльности, а какъ только такое начало появилось, такъ отдѣльности упразднились сами собой и образовалась одна общая Русская земля, состоявшая изъ городовъ съ ихъ округами, т. е., изъ волостей, или княженій, какъ они и называются въ договорахъ русскихъ съ греками (похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнью; и отъ всякоя княжья). Коренное, то, что создано сущностью, природой предмета, т. е. родо-племена—волости, уцѣлѣло, наружное же и стороннее, вызванное къ жизни условностью и случайностью (мѣстомъ жительства), т. е. мѣстовыя отдѣльности, изчезло, хотя и не съ раза, а постепенно, по мѣрѣ укрѣпленія власти и значенія общаго князя [2]). Этотъ родо-племенный бытъ съ вѣчемъ-сходкой и съ выборнымъ главой или старшимъ (какъ бы послѣдній не назывался: князь, волостель, мужъ, старшина, староста, голова и проч.) въ основѣ своей прошелъ чрезъ всю русскую исторію и дожилъ въ сущности до нашихъ дней, проявляясь многократно на протяженіи историческаго времени во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства предоставляли дѣйствовать народу, когда онъ становился самъ собою и заявлялъ о себѣ, т. е. когда

---

[1]) Нельзя утверждать, чтобы всегда; нѣкоторые могли называться и отъ другихъ урочищъ или отъ родоначальниковъ, какъ вятичи, но вообще названія, взятыя изъ названій урочищъ, и были, и остаются одними изъ самыхъ распространенныхъ у русскихъ.

[2]) Упоминаются еще при Владимірѣ св.: и отъ словенъ, и отъ кривичъ, и отъ чюди, и отъ вятичъ (Лѣтоп. преп. Нестора, стр. 68); мѣстовыя отдѣльности вполнѣ исчезаютъ лишь въ удѣльную пору, когда ихъ замѣнилъ удѣлъ. Объ этомъ предметѣ я надѣюсь поговорить особо.

утрачивалъ вожака-правителя. Такъ было и при удѣлахъ, такъ было и при царяхъ въ лихолѣтье и даже при императорахъ въ памятный 12 годъ, такъ оно остается и до сихъ поръ, вызывая собранія, т. е. сходки, вѣча и выборъ главы (представителя, большака, ходака и пр.) во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ за предѣлы узкихъ личныхъ интересовъ. Да иначе и быть не можетъ, ибо такой строй дѣловодства коренится въ самой природѣ человѣка и зародышемъ вѣча является семейный совѣтъ. Но существованіе вѣча не влечетъ еще за собой непремѣннаго существованія общины, какъ ее обыкновенно понимаютъ, т. е. съ общиннымъ имуществомъ. Такого имущества, какъ общаго правила, у русскихъ славянъ никогда не было и нѣтъ; оно навязано имъ насильно и они отъ него всегда открещивались и открещиваются по сейчасъ. Огромная литература по данному вопросу создана глубокимъ недоразумѣніемъ, заложеннымъ въ рѣшеніе вопроса съ первыхъ дней его возникновенія. Даже земля никогда не принадлежала обществу по его собственному почину и никогда общинныхъ земель, какъ общаго правила, у русскихъ сомостоятельно и добровольно не возникало и не могло возникнуть, такъ какъ земля никогда обществомъ не разработывалась и не разработывается. Иначе не могло бы существовать закона перваго заема или захвата угодья, отдающаго занятое въ полное распоряженіе занявшаго его первымъ, а равно не могло бы быть полно-мочныхъ и мало-мочныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, такъ какъ каждая вновь найденная борть, каждая шкурка принадлежали бы всѣмъ. Земля пріобрѣла видъ общиннаго достоянія тогда, когда съ нея стали брать налоги и когдя ее закрѣпили за княземъ, какъ правителемъ, т. е. обратили въ государсвенную или княжественную собственность [1]). Правда, она такъ не называлась (звалась черной), но была въ дѣйствительнасти такой, такъ какъ облагалась податью правителемъ княжества, который распоряжался ею и во всякихъ другихъ отношеніяхъ,— разрѣшалъ или запрещалъ въѣздъ на нее, торговлю, плаваніе по ея водамъ и промыслы въ нихъ, заключалъ договоры относительно ея, защищалъ и т. д., словомъ, вѣдалъ землею [2]). Вотъ, когда она сдѣлалась такою, тогда

[1]) Кромѣ такой, принадлежавшей въ сущности княжеству или удѣлу, а въ дѣйствительности его правителю князю (пока онъ былъ имъ), у князей были собственныя земли—ихъ частное владѣніе, на которыя князь не терялъ, какъ на первыя, правъ и покидая княжество.

[2]) Не единолично, а совмѣстно съ совѣтомъ—дружиной. Но дружина эта была не выборная, а наборная, во-первыхъ, а во-вторыхъ, голосъ князя въ ней былъ все-таки главнымъ, рѣшающимъ, хотя, послѣднее, конечно, много зависѣло какъ отъ характера князя, такъ и его дружинниковъ, отъ степени самостоятельности и независимости той и другой стороны,—безхарактерный и слабовольный

частные владѣльцы и утратили право распоряжаться ею по собственному усмотрѣнію, никого не спрашиваясь, а не тогда, когда они владѣли ею безотчетно, и не потому, что земля составляла достояніе общины. Не могло быть общины при подсѣчномъ земледѣліи и тамъ, гдѣ люди жили разобщенно, постоянно мѣняя мѣсто жительства; община требуетъ прочной, устойчивой и тѣсной осѣдлости, а стало быть, и значительнаго болѣе или менѣе числа общинниковъ, числа достаточнаго для поддержанія и обороны имущества общины. Значительныхъ же поселеній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) городовъ, не было; еще въ XVII в. множество селеній состояло изъ 1, 2, 3 дворовъ, а въ XVI в. такими было чуть ли не большинство [1]). Про болѣе раннее время и говорить нечего [2]). Конечно, не за общину говоритъ и свобода перехода, въ родѣ переселенія Радима и Вятка и поселеніе ихъ отдѣльно другъ отъ друга. А такое переселеніе было, разумѣется, не единственное. Словомъ, общины, несуществующей до сихъ поръ у русскихъ, съ великимъ трудомъ объединяющихся въ общества, у русскихъ славянъ не могло быть и не было, а разверстка податей и т. п. отправленія есть слѣдствіе не общиннаго быта, а общиннаго устройства, введеннаго правительствомъ, отъ какового (т. е. устройства) избавиться стремились всѣ и всегда. Да и странно было бы ожидать встрѣтить общину у русскихъ славянъ при той степени развитія, на какой они стояли въ первыя времена своего историческаго существованія, когда ввести общину не можетъ даже самое христіанство, проповѣдующее ее 1900 лѣтъ, и такъ среди не однихъ дикарей, а очень часто и среди высокообразованныхъ народовъ. Конечно, въ строеніи быта людей нѣтъ рѣзкихъ границъ между различными состояніями и начала общины можно находить, пожалуй, и въ устройствѣ семьи, и въ устрой-

---

князь былъ въ рукахъ дружины. Понятно, чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ подобныя простыя отношенія все больше осложнялись и тѣмъ сильнѣе переплетались интересы земли съ правительствомъ, такъ какъ въ дружину начали попадать земцы, а дружинники, пріобрѣтая недвижимость, стали превращаться въ земцевъ.

[1]) Города Московскаго государства въ XVI в. Н. Д. Чечулинъ, стр. 309.

[2]) Нѣкоторые выставляютъ доказательствомъ существованія общины у славянъ круговую поруку, которую видятъ въ принужденіи отвѣчать за виновнаго, если онъ не разыщется, всю вервь. Но въ этомъ пріемѣ законодателя, имѣющемъ въ виду выдачу преступника, нельзя видѣть круговой поруки, какъ потому, что установленъ означенный пріемъ не общиной, такъ и потому, что онъ является обычной уловкой, до нынѣ употребляемой училищнымъ начальствомъ, побудить къ содѣйствію себѣ чрезъ принужденіе страдать и терпѣть невинныхъ. Сходка или вѣче точно также не представляетъ признака общины: башкиры, калмыки, киргизы и др. кочевники всѣ важныя дѣла рѣшаютъ сообща, въ собраніяхъ, но, конечно, никто не будетъ утверждать, что у нихъ существуетъ община.

ствѣ рода и кровнаго племени, но тогда не слѣдуетъ дѣлать различія между этими видами быта на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно обыкновенно строится. У нашего современнаго крестьянина имущество въ дѣйствительности принадлежитъ всей семьѣ, сынъ пользуется, не спрашиваясь, отцовской одеждой, отецъ дѣтской, всѣ одинаково пользуются для своихъ надобностей скотиной и т. д., но въ основѣ и представленіи (въ принципѣ) все имущество принадлежитъ родителямъ, тому, «кто наживалъ», а изъ нихъ главнымъ образомъ отцу, какъ главному работнику. Когда же отецъ старѣетъ и передаетъ хозяйство сыну, послѣдній становится большакомъ, распорядителемъ всего и дѣйствительнымъ хозяиномъ. Это правило—все принадлежитъ тому, кто наживалъ—является основой всей жизни крестьянина, правда, не проводимой имъ строго въ жизнь [1]), но никогда и не забываемой, возстановляемой во всѣхъ спорныхъ случаяхъ. Крестьянина сперва лишили владѣнія землей, затѣмъ частнаго пользованія ею, а потомъ отдали ее ему въ общее пользованіе. Но онъ этой общей землей до сего дня продолжаетъ пользоваться не сообща, а въ отдѣльности. Онъ дѣлитъ землю на части и каждый членъ искусственно созданной общины пользуется своей частью, какъ частный владѣлецъ, община въ его пользованіе не вступается. То есть, поставленный искусственно въ общинныя условія существованія, крестьянинъ тѣмъ не менѣе ухищряется существовать на частныхъ началахъ и избѣгаетъ всякихъ общинныхъ предпріятій, какъ влекущихъ у него всегда непріятности и неудовольствіе. Можно

---

[1]) Въ деревнѣ имуществомъ семьи пользуются не только свои, но и чужіе, такъ какъ взаимопомощь въ деревнѣ, въ силу общей бѣдности, въ силу нехватковъ и недостатковъ у всѣхъ и каждаго, развита въ значительной степени. Сосѣдъ у сосѣда беретъ многое, не спрашивая даже и хозяина вещи; когда она ему понадобится, нерѣдко приходится бѣгать по деревнѣ изъ дома въ домъ, опрашивая,—не взялъ ли ее кто нибудь. Такое положеніе дѣла является причиной и той легкости, съ которою русскій простолюдинъ рѣшается на воровство. Многіе виды воровства и присвоенія онъ по своимъ понятіямъ (слѣдствію склада его жизни) даже не считаетъ за таковое. Явное же, открытое пользованіе чужимъ добромъ не признается предосудительнымъ даже въ большихъ городахъ. Оправданіемъ при этомъ является явность дѣянія: разъ владѣлецъ присвояемаго видитъ или даже только можетъ видѣть (или вообще знать) совершаемое, но не препятствуетъ тутъ-же, на мѣстѣ его совершенію, значитъ, онъ не имѣетъ ничего противъ присвоенія. Вы свалили возъ песка для себя, а имъ пользуются всѣ обитатели двора; у васъ есть топоръ, а у другихъ нѣтъ и они идутъ въ вашъ сарай, берутъ вашъ топоръ, не спрашиваясь, колютъ имъ свои дрова, да еще и на мѣсто не снесутъ, а тутъ же у себя въ сараѣ и оставятъ: понадобится, такъ самъ (владѣлецъ) возьметъ. Мало этого, если вы вздумаете сдѣлать замѣчаніе по поводу подобной безцеремонности, то васъ же осудятъ и вамъ же наговорятъ, а то и надѣлаютъ непріятностей. Но такое неуваженіе къ чужой собственности и къ чужимъ интересамъ свидѣтельствуетъ не о прирожденныхъ общинныхъ началахъ въ проявителяхъ подобныхъ наклонностей, а лишь о недостаточности какъ общаго развитія, такъ, особенно, правовыхъ (юридическихъ) представленій и понятій, о ихъ неразработанности.

ли послѣ этого говорить объ общинномъ строѣ древнихъ славянъ? Вѣдь, очевидно, что если-бъ общинное начало было особенно мило русскимъ славянамъ и было свойственно ихъ природѣ, то они не остались бы дольше всѣхъ при единодержавномъ правленіи, не рвались бы изъ общины такъ, какъ рвутся теперь и, получивъ общинное устройство, развили бы его и использовали наилучшимъ образомъ, а не свели бы почти къ нулю, какъ нынѣ.

Такимъ образомъ показаніе лѣтописи (и иноземныхъ историковъ) о томъ, что каждый русскій славянинъ жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно и особо отъ другихъ, на особомъ и, притомъ, *своемъ* мѣстѣ, владѣя своимъ родомъ и княжа въ немъ, т. е. главнымъ образомъ отправляя судъ [1]), остается въ полной силѣ и прямомъ значеніи по меньшей мѣрѣ до IX в., т. е. до князей завоевателей.

Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ общей точности изображенія лѣтописью и остальныхъ чертъ быта русскихъ славянъ, по каковому изображенію, если не каждый родъ, то каждая мѣстовая отдѣльность ихъ имѣла свой нравъ, свои обычаи, законы и преданья [2]), наслѣдованные отъ предковъ, близость и одинаковость каковыхъ, всего вѣрнѣе, легла въ основу и при выборѣ мѣста при разселеніи славянъ въ Россіи, однихъ сближая въ сосѣдство, другихъ разобщая и разгоняя по разнымъ мѣстамъ.

Изъ славянскихъ отдѣльностей, вошедшихъ въ составъ Руси [3]), Несторъ описываетъ болѣе развитыми и образованными только полянъ. Они, по его словамъ, были кротки и тихи и пережели уже свободу половыхъ отношеній въ родѣ, такъ какъ имѣли правильно установленные браки, заключавшіеся въ томъ, что невѣсту приводили къ жениху вечеромъ на ночь, послѣ которой молодые (очевидно, если не выходило никакихъ недоразумѣній) считались побрачившимися, такъ какъ только утромъ другого дня приносили къ жениху то, что давали за невѣстой. Изъ этого описанія полянскаго брака видно, что бракъ у полянъ при-

---

[1]) Кій княжаше въ родѣ своемъ... и же бы володѣлъ нами *и судилъ* по праву; повдѣте володѣти нами и *княжити*; сопоставленіе приведенныхъ выраженій ясно показываетъ, что княжить=судить.

[2]) Какъ жаль, что они не сообщены Несторомъ подробнѣе.

[3]) Се бо товмо словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане. А се суть иніи языци (входящіе въ составъ Руси, но) и же дань даютъ Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, либь,—си суть свой языкъ имуще. Такой составъ Руси могъ быть не раньше временъ Нестора: (покорены— пермь и печера) стало быть, мнѣніе, что меря перестаетъ упоминаться въ лѣтописи съ X в., не точно.

нялъ уже форму мирной, добровольной сдѣлки, основанной на предварительномъ договорѣ, т. е. достигъ въ главныхъ чертахъ того вида, который переживаетъ донынѣ въ брачныхъ обрядахъ и обычаяхъ простонародья [1]).

Вслѣдствіе упорядоченія брака упорядочились и прочія семейныя и родовыя отношенія, вывелось, по крайней мѣрѣ явное, открытое сожительство родителей съ дѣтьми, дѣтей другъ съ другомъ, снохачество, деверьство, свекровство и проч. Словомъ, семья пріобрѣла устройство близкое къ строю ея у современнаго русскаго крестьянина болѣе глухихъ мѣстностей Россіи. Упорядоченіе семьи повлекло за собой упорядоченіе и родственности или родовыхъ отношеній, вызвавъ болѣе ясное, болѣе точное и строгое опредѣленіе (регламентацію) степеней родства и взаимныхъ отношеній и развивъ и расширивъ родовое установленіе (систему) до свойства, племянности и народности, чего до упорядоченія брака не можетъ совершиться въ силу свободнаго сожительства даже съ ближайшей родней. На основаніи послѣдняго и лѣтописныхъ извѣстій объ остальныхъ славянскихъ отдѣльностяхъ нужно заключить, что *настоящій родовой бытъ и строй* изъ всѣхъ славянъ былъ присущъ только одной полянской отдѣльности ихъ и по всей вѣроятности благодаря именно тому, что она была поляне или поляки, т. е. тому, что входившіе въ составъ ея люди жили на виду другъ у друга и у другихъ, на поляхъ, на открытой мѣстности, облегчающей общеніе и со своими, и съ чужими. Общеніе же неизбѣжно и неуклонно ведетъ къ развитію, къ расширенію кругозоровъ, вызывая сравненія, подражанія и заимствованія. Выставленіе Несторомъ полянъ съ выгодной стороны вовсе не является плодомъ особаго расположенія его къ нимъ, какъ къ землякамъ, такъ какъ полянъ нужно признать дѣйствительно болѣе развитыми въ сравненіи съ другими отдѣльностями русскихъ славянъ; за это говоритъ добровольное принятіе ими христіанства еще до Игоря, распространеніе среди нихъ грамотности и развитая религія, какъ слѣдуетъ это изъ

---

[1]) Вѣнчаніе къ вечеру; укладка спать молодыхъ въ отдѣльное помѣщеніе сей-часъ послѣ вѣнчанья, не давая ѣсть (совмѣстная трапеза—символъ союза и дружбы, почему, до выясненія пригодности жениха и невѣсты, ѣсть вмѣстѣ имъ было неудобно: заключенный ѣдою союзъ могло потребоваться нарушить изъ-за непригодности невѣсты); справка о невинности невѣсты и объявленіе результата собравшимся съ предъявленіемъ рубашки невѣсты, которая въ прежнія времена хранилась ею всю жизнь, какъ документъ; привозъ приданаго невѣсты утромъ на другой день послѣ вѣнчанья; предварительные переговоры о бракѣ съ заключеніемъ условій его и проч.

разрѣшенія ѣсть только извѣстныхъ животныхъ, т. е. дѣленіе послѣднихъ на чистыхъ и поганыхъ [1]).

Бытъ остальныхъ русскихъ славянъ былъ значительно первобытнѣе полянскаго и Несторомъ они описываются почти какъ дикари. Древляны, сѣверы [2]), радимичи, вятичи и кривичи, по его словамъ, жили въ лѣсахъ, какъ звѣри [3]), и вели звѣриный же образъ жизни, живя по скотски: убивая другъ друга, ѣдя все нечистое-поганое, не зная браковъ, а добывая себѣ женъ или насильнымъ похищеніемъ, или уводя тайкомъ по взаимному предварительному соглашенію, заключавшемуся во время игрищъ, т. е. религіозныхъ и обрядовыхъ празднествъ, отправлявшихся на извѣстныхъ урочищахъ, находившихся среди селитбъ. Къ игрищному урочищу въ извѣстные опредѣленные дни сходились окрестъ живущіе жители обоего пола и, тѣшась играми, плясками, пѣньемъ, а также, вѣроятно, борьбой (въ лѣтописи подъ 1067 г. —видимъ игрища утолочена и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга), знакомились, узнавали другъ друга и понравившіеся другъ другу соглашались жить вмѣстѣ и уходили незамѣтно прямо съ игрищъ въ домъ жениха [4]). Число женъ не было ограничено,

[1]) Несторъ осуждаетъ древлянъ за то, что ѣли поганое; корень ган=отвратительный, непріятный; латин. ganeo—распутный, развратный, бродяга; ganea, ganeum=развратный домъ, кабакъ. Н. В. Горяевъ (Сравн. этимол. словарь рус. языка) производитъ слово «поганъ» непосредственно изъ латинскаго paganus=деревенскій, объясняя, что это слово пріобрѣло значеніе «нечистый» тогда, когда христіанство вытѣснило язычниковъ изъ городовъ въ деревни. Значеніе неопрятнаго, мерзкаго было до христіанства, и язычникъ сталъ поганымъ не потому, что жилъ въ деревнѣ, а потому, что былъ развращенъ съ христіанской точки зрѣнія, непріятенъ и омерзителенъ своими распущенными нравами.

[2]) Это названіе обозначало, видимо, дикій, грубый, жестокій и дано сѣверѣ, можетъ быть, отъ римлянъ, латин. severus=грубый, жестокій, суровый, угрюмый, грозный. Тѣ же значенія это слово имѣло и у славянъ, судя по тому, что сѣверомъ они назвали сторону холода и что въ областныхъ говорахъ до сихъ поръ сѣверный или сиверный обозначаетъ рѣзкій, холодный, сиверко=холодно отъ рѣзкаго, пронизывающаго вѣтра.

[3]) То же говорятъ о славянахъ VI в. греки,—Іоаннъ Эфесскій... эти глупые люди, несмѣвшіе показаться внѣ лѣсовъ и въ нелѣсистыхъ мѣстностяхъ и незнавшіе, что такое оружіе—кромѣ 2—3, дротовъ, у нихъ нѣтъ никакого оружія. Имп. Маврикій: селятся въ неудобопроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ и на такихъ же рѣкахъ и озерахъ.... Вооружены каждый двумя малыми дротами... (Изъ пст. слав. передв., стр. 62, 64).

[4]) Урочища съ именемъ Игрище—а есть почти во всякой средне-русской губерніи; для Ярославской губерніи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія обширная мѣстность (верстъ 10×10), носящая названіе Игрищъ, находящаяся въ южной части Романовскаго уѣзда и сопредѣльной съ нею части Угличскаго уѣзда съ расположенными на ней погостами: Богоявленскій Углич. уѣзда, Дмитровскій и Воздвиженскій Роман. уѣзда и д. Игрищички, должно быть, бывшее средоточіе урочища. Кромѣ урочищъ, игрищами называютъ въ Ярослав. губерніи (даже подъ городомъ) и самыя празднества или «гулянья», пріуроченныя нынѣ къ христіанскимъ праздникамъ (Пасхѣ и Троицѣ). На этихъ гуляньяхъ поютъ пѣсни, водятъ хороводы (или танцуютъ), играютъ въ различныя подвижныя игры (въ черненькія или пятнашки, горѣлки и проч. или просто бѣгаютъ другъ за другомъ, стараясь поймать, и возятся) и гуляютъ,—ходятъ взадъ и впередъ парами и кучками, причемъ не одна слюбившаяся парочка, улу-

имѣли по двѣ, по три и болѣе женъ, причемъ онѣ принадлежали не исключительно мужу, а и другимъ мужчинамъ семьи и рода и даже племени (деверьство), отцовскими пользовался сынъ, сыновними отецъ. Если же судить по даннымъ описанія полянъ, то половыя отношенія не ограничивались никакими степенями родства и свойства, каждый сходился съ тѣмъ, съ кѣмъ «съвѣщашеся», т. к. если бы этого не было, то не зачѣмъ было бы Нестору отрицать такія явленія у полянъ.

Несторъ не упоминаетъ о похоронахъ полянъ, но по духу его изложенія слѣдуетъ, кажется, думать, что они погребали своихъ мертвыхъ, такъ какъ сожженіе послѣднихъ присущее другимъ славянамъ, лѣтописецъ осуждаетъ. Эти другіе сперва отправляли тризну по умершемъ [1]), а затѣмъ трупъ сжигали на кострѣ, кости собирали, клали въ *малый* сосудъ и ставили послѣдній на столбъ при путяхъ. Заканчиваетъ лѣтописецъ свое сообщеніе заявленіемъ, что вятичи описанный обрядъ похоронъ отправляли еще въ его время, т. е. въ XI в., тогда какъ кривичи, какъ прочіе язычники (стало быть, и кривичи въ XI в. были еще язычниками), хоронили такъ лишь прежде (си же *творяху*, т. е. творили, а не «творять», какъ вятичи). Несторъ говоритъ, что въ сосудъ собирались «кости», каковое выраженіе можетъ, пожалуй, подать поводъ думать, что костры были не велики. Однако это не такъ. Несторъ прямо указываетъ, что кости складывались въ судину *малу*. Значитъ, собирались и складывались въ горшокъ не кости, а осколки и искирьки ихъ,

---

чивъ случай, скроется незамѣтно въ ближайшіе кусты, рощу или лѣсъ. Такъ прочно держится коренное, неприви́тое изъ внѣ еще до сихъ поръ. Стоитъ вниманія и слово «погостъ» въ смыслѣ обозначенія мѣстности. Еще Ольга (947 г.)—устави по Мьстѣ повосты, въ Яросл. губерніи это слово до сихъ поръ держится въ народѣ, пріурочиваясь къ нѣкоторымъ селамъ. Смыслъ его населеніемъ утраченъ, но самое слово не забывается. Происходитъ оно, очевидно, отъ гость—торговецъ и обозначало первоначально торжища, ярмарки, собиравшіяся около святилищъ въ дни языческихъ празднествъ, а съ введеніемъ христіанства—въ мѣстные праздники около церквей, воздвигнутыхъ на мѣстѣ разоренныхъ святилищъ. Приходскіе праздники сопровождаются торжками и «гуляньями» до нынѣ и даже еще въ самомъ Ярославлѣ—«у Вознесенья, у Предтечи, у Никиты мученика» и пр.

[1]) У чеховъ сохраняется слово трызенъ (trysèn) до сихъ поръ; Горяевъ связываетъ это слово съ терзать; дѣйствительно въ полногласіи оно будетъ теризена. Основное его значеніе печаль, горе, унынie, скорбь. Латин. tristor=печалиться, скорбѣть, унывать. Такимъ образомъ тризна непосредственно значитъ оплакиванье, «вой» по покойникѣ, до нынѣ переживающій у крестьянъ даже съ наемомъ особыхъ плакальщицъ. Поминки покойника есть въ сущности продолженіе воя: восхваленіе умершаго, поминаніе его добрымъ словомъ вообще, тогда какъ вой рисуетъ умершаго, главнымъ образомъ, какъ семьянина и изображаетъ судьбу оставленныхъ имъ послѣ его смерти. Поминальная трапеза и попойка должны быть отдѣлены отъ поминокъ, ибо онѣ собственно не составляютъ тризны. Ольга..... плакася по мужи своемъ, (затѣмъ) повелѣ людемъ своимъ сѣсути могилу велику, яко соснова и, повелѣ тризну творити, *послѣ чего* (по семъ) уже и *сѣдоша древляне* пити.

на которые онѣ, сгорѣвъ, распадались и ломались при сгребаніи [1]); для цѣлыхъ костей требовалась бы судина великая. Не говоритъ лѣтописецъ также о томъ, ставился ли столбъ для горшка нарочно или пользовались готовыми столбами, поставленными при дорогахъ для какихъ-либо другихъ надобностей. Однако и здѣсь не можетъ быть сомнѣній, очевидно, столбы ставились нарочно, такъ какъ, въ случаѣ пользованія готовыми, всегда могъ встрѣтиться недостатокъ въ нихъ. Да и кромѣ того, если-бъ были придорожные столбы, имѣвшіе какое-либо особое назначеніе, то едва ли бы стали ихъ приспособливать для другихъ надобностей, особенно же для такихъ чрезвычайныхъ, какъ похороны. Всего вѣроятнѣе, что похоронные столбы Нестора представляли пережитокъ похоронъ въ дуплѣ или на деревѣ, извѣстныхъ у многихъ лѣсныхъ племенъ, какими были и славяне.

Извѣстіе лѣтописи о разсмотрѣнномъ способѣ похоронъ нужно принять цѣликомъ и всѣ истолкованія его въ иномъ смыслѣ [2]) отвергнуть разъ и навсегда, какъ неимѣющія за собою никакого положительнаго основанія, а равно и въ виду яснаго, недопускающаго сомнѣній заявленія лѣтописца, ибо только такимъ (и подобными, наземными) способомъ похоронъ и можно объяснить отсутствіе несомнѣнно славянскихъ могилъ мѣстами до X, XI и даже XII в.в.

Такія же «могилы», какъ весьма непрочныя [3]), уничтожались очень быстро и непосредственно, т. е. подгниваніемъ и паданьемъ столбовъ, посредствомъ выдуванья праха изъ горшковъ вѣтромъ, опрокидыванья ихъ тѣмъ же вѣтромъ и птицами, размыванья дождями и разрушенія наполненныхъ дождевою водою морозомъ и т. д. Не даромъ же существуетъ на Руси поговорка: развѣять прахъ по вѣтру.

Столбовой способъ похоронъ Несторъ въ свое время отмѣчаетъ

---

[1]) У меня былъ случай нахожденія въ курганѣ (подъ с-цомъ Михайловскимъ Яросл. у.) лишь обгорѣлаго костяка, но случай это исключительный, какъ для времени XI—XII в., такъ и по похоронному обряду: трупъ сожженъ на материкѣ *въ небольшокъ кострѣ*, состоявшемъ изъ длинныхъ поленьевъ, облегавшихъ трупъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней.

[2]) Вродѣ разумѣнія подъ столбомъ кургана, постановки столба въ средину кургана и т. п.

[3]) Въ матеріалѣ столбовъ не можетъ быть сомнѣній; они были деревянные, такъ какъ обработка камня и выдѣка кирпича славянамъ если даже и были знакомы, то очень мало; славянинъ человѣкъ по преимуществу деревянной промышленности, даже къ кости онъ не чувствуетъ склонности, питая къ ней (вообще всякой) какое-то тяжелое, непріятное чувство, что-то среднее между страхомъ и отвращеніемъ. Костяная и роговая промышленность у русскихъ до послѣдняго времени совсѣмъ были не развиты, тогда какъ обработка дерева всегда стояла относительно высоко, достигая въ нѣкоторыхъ случаяхъ (наприм. въ способахъ скрѣпленій) изумительной изобрѣтательности.

только у вятичей. И это вѣрно; другіе славяне въ это время хоронили уже подъ курганами, какъ свидѣтельствуютъ раскопки.

Такими представляются явившіеся въ Россію (по Нестору)—въ V в. по Р. Х. славянскіе сосѣди мери, по разсказу о нихъ лѣтописи. Этотъ разсказъ, на сколько онъ можетъ быть провѣренъ, представляется глубоко правдивымъ и точнымъ, но требующимъ для надлежащаго пониманія своего вдумчиваго и осмотрительнаго отношенія.

Кто же изъ славянъ, вѣроятнѣе всего, могъ проникнуть въ Ярославскую губернію прежде другихъ?

Ближе всего къ Ярославской губерніи сидѣли кривичи, затѣмъ вятичи и словены новгородцы. Удобнѣйшій путь—Волга шелъ изъ земли кривичей. Безъ особыхъ трудностей можно было попасть къ мери водою и словенамъ, когда они выбрались на р. Шексну; изъ земли вятичей прямыхъ водныхъ дорогъ въ Ярославскую губернію нѣтъ, но сухой путь былъ удобнѣе всего именно отъ вятичей. Большинство прежнихъ изслѣдователей на основаніи рѣченія или способовъ говора безъ колебаній заселяли землю мери новгородцами. Затѣмъ явились указанія, основанныя на изученіи курганныхъ вещей, на кривичей [1]) и, наконецъ, въ самое послѣднее время высказано мнѣніе, заслуживающее полнаго вниманія, какъ основанное на дѣйствительномъ изученіи мѣстныхъ говоровъ [2]), о заселеніи губерніи въ XI в. съ Ю. вятичами и отчасти съ З. кривичами [3]).

---

[1]) А. А. Спицинъ. Жур. М. Н. Пр. 1899 г. VIII.

[2]) Собственно способовъ рѣченья или говора, главн. обр. звукозности (фонетики), обусловленной той или иной музыкальностью (если можно такъ сказать) слуха,—ярославцу, чтобы для его слуха звучало красиво, нужно говорить сильно на о, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ на у (субака, сусѣдъ, Микулай), для владимірца, москвича и тверяка, напротивъ, на а.

[3]) А. И. Соболевскій. Труды Яросл. обл. съѣзда, стр. 101 и 102 и протоколы, стр. XLIX. Противъ взгляда Соболевскаго многіе возстали на съѣздѣ, но онъ остался при своемъ мнѣніи. По поводу сдѣланныхъ возраженій привожу нѣсколько соображеній. Указывалось, что вятичи были небольшимъ племенемъ, несумѣвшимъ сыграть въ исторіи сколько нибудь значительной роли. Однако это небольшое племя покорено лишь такимъ воякой, какъ Святославъ, бывшіе же до него князья, поработившіе большія «племена» кривичей, полянъ, древлянъ и проч., не могли ихъ покорить (Олегъ покорилъ даже ихъ сосѣдей радимичей и сѣверянъ). Сверхъ того, покоренные, они не разъ востаютъ. Слѣдовательно это племя было вовсе ужъ не такъ мало. Нельзя говорить и о ничтожности вятичей въ исторіи. Правда, они не прославились такъ, какъ новгородцы и тверяки, однако Рязанское княжество сумѣло сохранить независимость дольше всѣхъ другихъ (хотя и было подъ бокомъ Москвы), до 1500—1523 г. (Новгородъ палъ въ 1476 г., Тверь въ 1485 г., Вятка въ 1489 г., другія же еще раньше) и Москва его боялась сильнѣе другихъ. Указанія на отношеніе Ростова къ Новгороду въ IX в. и на дань перваго второму въ XI в. не умаляетъ возможности населенія Ростовской земли вятичами: отношенія были несомнѣнно, но гл. обр. не чрезъ славянъ, а чрезъ ту чудь—отяковъ, кои отмѣчены и въ Ярославской, и въ Петербургской, и въ Новгородской губерніяхъ. Кромѣ того отношенія эти въ IX в. были равноправныя, а не зависимыя: князей призываютъ «*чудь*, словени и кривичи». Численнымъ превосходствомъ финновъ надъ

Для рѣшенія вопроса о заселеніи слѣдуетъ принять во вниманіе, кромѣ звуко-говорныхъ особенностей, еще данныя мѣстнаго словаря [1]) и то обстоятельство, что и первоначально, и продолжительное время послѣ славянскому заселенію подвергалась если не исключительно, то преимущественно лишь южная половина Ярославской губерніи, имѣющая своей границей съ З., С.-З, С., С.-В. и В. Волгу; а изъ этой части, главнымъ образомъ, ея южная часть. По крайней мѣрѣ здѣсь сосредоточены древнѣйшіе города губерніи: Ростовъ, Ярославль и Угличъ и здѣсь же встрѣчается наибольшее число селеній съ древними славянскими названіями въ родѣ тѣхъ, какія приведены выше. Кромѣ того, здѣсь же встрѣчается и значительное большинство доисторическихъ городищъ и городковъ. Послѣднее обстоятельство указываетъ, что и въ доисторическія времена, т. е. другими словами, что доисторическіе жители губерніи пригодной для поселенія признавали лишь южную ея половину. Если обратиться къ исторической порѣ, то и тутъ увидишь, что болѣе оживленными мѣстами сѣверной заволжской половины являются лишь главныя водныя пути ея—Шексна и Молога; по первой ѣздили въ Бѣлозерскую землю, на второй образовалось огромное торжище—Холопья ярмарка, достигшая наибольшаго развитія къ XV в. [2]). Но и только. Жизнь всей этой половины ничѣмъ не заявляетъ сама себя и не оставляетъ о себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ письменности, ни въ преданіи, кромѣ отрывочныхъ случайныхъ замѣтокъ и упоминаній мимоходомъ въ родѣ разсказовъ о ситскомъ побоищѣ, о ссылкѣ Фюрстенберга въ Любимъ, объ обитаніи на Мологѣ и Шексинѣ неславянскаго

славянами въ Ярославской губерніи и тождествомъ ихъ и родственностью въ названныхъ губерніяхъ объясняется между прочимъ сходство курганныхъ вещей во всемъ этомъ округѣ;—одно племя имѣло одинаковый и вкусъ—моду, приблизительно одинаковое развитіе и свои пути и исходныя точки ввозной торговли. Семилопастныя вятичевскія серьги тоже попадаются въ ярославскихъ курганахъ, а въ сосѣднихъ московскихъ ихъ очень много; между тѣмъ эти серьги составляютъ принадлежность почти исключительно вятичей. Славяне, несомнѣнно, подражали въ своей одеждѣ, какъ и многомъ другомъ, тѣмъ финнамъ, среди которыхъ они жили точно такъже, какъ позже они подражали другимъ народамъ, соприкасавшимся съ ними,—византійцамъ, татарамъ и проч. Только такимъ подражаніемъ—заимствованіемъ и можно объяснить отсутствіе въ первые вѣка русской исторіи чисто славянскихъ вещей и огромное количество иностранныхъ, особенно же финскихъ, занимающихъ обширную площадь. Что касается дани, то наличность ея ни о чемъ еще не говоритъ: новгородская вольница взимала ее вездѣ, гдѣ придется, между прочимъ и въ чужихъ княжествахъ, вслѣдствіе чего дань не можетъ свидѣтельствовать о племенномъ родствѣ, а скорѣе наоборотъ. Варяги брали дань со всей сѣверной Руси еще до князей, но не они были ея главными, окрашивающими составъ населенія, обитателями.

[1]) Составляется мною болѣе десяти лѣтъ.

[2]) Въ XIV в. въ Мологѣ была крѣпость, взятая въ 1371 г. тверскимъ кн. Мих. Александровичемъ.

племени въ XVI в. и т. д. Сраза видишь и чувствуешь, что вся эта страна если и не была мертвою, то и жизнь въ ней теплилась слабымъ, тусклымъ, мерцающимъ огонькомъ, не привлекавшимъ вниманія. Это явленіе объясняется природой мѣстности. Пошехонскій и Любимскій уѣзды лѣсисты и частью болотисты, Мологскій уѣздъ чрезвычайно болотистъ, пути сообщенія и тамъ, и тутъ и нынѣ плохи. Въ эти «неудобныя» мѣста и отступили инородцы [1]), постепенно оттѣсняемые славянами, и пользовались тутъ, видимо, относительной свободой, такъ какъ до XVI в. сохранили свой языкъ, а стало быть, и нравы, обычаи, вѣру и образъ жизни [2]). Этой инородностью заволжской половины губерніи, несомнѣнно, объясняется возникновеніе и развитіе холопьевскаго торга съ его мѣновой торговлей, по Герберштейну, равнодушно относившейся къ золоту и серебру и тѣмъ не менѣе совершавшей огромные обороты [3]) на промѣнѣ мелочныхъ, второстепенныхъ произведеній промышленности на пушнину, доставлявшуюся, конечно, гл. обр. инородцами, такъ какъ за нее спрашивали не деньги и благородные металлы, а издѣлья.

Что касается словарнаго матеріала, то бѣгло опъ мною обслѣдованъ или, вѣрнѣе, просмотрѣнъ и, насколько позволяетъ судить такой просмотръ, насколько удалось замѣтить, земли бывшихъ славянъ значительно отличаются въ этомъ отношеніи отъ земель мери. Не говоря уже объ особенностяхъ рѣченія (звуковности) и способахъ построенія словъ (ихъ формахъ), нужно отмѣтить, что очень много словъ, распространенныхъ въ Новгородской губерніи, вовсе не извѣстно въ Ярославской и многія изъ такихъ словъ настолько своеобразны (даже изъ русскихъ), что ярославецъ даже приблизительно не пойметъ ихъ значенія. Кромѣ того, нѣкоторые предметы и понятія обозначаются хотя и извѣстными въ обѣихъ мѣстностяхъ, но различными словами. Наконецъ, есть слова одинаковыя, но совершенно противоположнаго значе-

---

[1]) Тѣ, которые не покинули губерніи.

[2]) Въ лѣтописи подъ 1071 г. разсказывается о ярославскихъ волхвахъ или кудесникахъ (болѣе ранняго времени: бывши бо *единою*, т. е. однажды, а стало быть, не въ 1071 г.), которые особый успѣхъ имѣли именно въ указанныхъ мѣстахъ по Шекснѣ и у Бѣло-озера. Пошехонскій уѣздъ до сихъ поръ остается болѣе отсталымъ, наиболѣе первобытнымъ во всей губерніи и не только по отношенію людей, ставшихъ на Руси притчей, съ ихъ лѣсными промыслами (смолокуреньемъ и пр.) и подсѣчной пашней, но и по отношенію естественныхъ условій: только тамъ еще встрѣчаются или встрѣчались сравнительно недавно нѣкоторыя животныя, давно выведенныя въ остальныхъ мѣстахъ, какъ наприм. медвѣдь, кабанъ, сѣверный олень и др.

[3]) Труды VII археолог. съѣзда, т. I, стр. 40.

нія. Все это, разумѣется, мало говоритъ за населеніе Ярославской губерніи новгородцами. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришло въ голову сличить калужскій и рязанскій говоры (вятичей) съ ярославскимъ и потому ничего не могу сказать о ихъ соотношеніи. Что же касается тверского говора, то хотя онъ рѣченіемъ и отличается отъ ярославскаго, но въ словарномъ матеріалѣ между ними не мало общаго.

Послѣднимъ по времени защитникомъ заселенія мерянской земли словенами является Е. В. Барсовъ [1]). Поселяя на Шекснѣ отъ верховьевъ до устья новгородскихъ выходцевъ—заонежанъ, принесшихъ на нее, по его мнѣнію, и былину, Барсовъ для доказательства своего положенія указываетъ у верховьевъ Шексны р. Словенку, село Словенское, волокъ и пороги Словенскіе, т. е. урочища, носящія, несомнѣнно, древнія названія, возникшія тогда, когда новгородцы именовались еще словенами [2]). Однако эта относительная древность не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ имя словенъ держалось, по меньшей мѣрѣ, до XI в. включительно, а вѣроятно, и позже, вслѣдствіе чего возникнуть приведенныя названія могли, сравнительно, поздно. За это говоритъ то соображеніе, что прежде, чѣмъ попасть на Шексну, словены должны были занять заонежье, т. е. страну чуди, одного изъ наиболѣе независимыхъ финскихъ племенъ, уцѣлѣвшаго на своемъ мѣстѣ и сохранившаго свой языкъ до нынѣ, не смотря на то, что оно жило сперва въ сосѣдствѣ, а позже среди новгородцевъ, выдѣлявшихся изъ всѣхъ русскихъ славянъ дѣятельностью, предпріимчивостью, независимостью и развитіемъ. Слѣдовательно легко и скоро занять заонежье они не могли и, хотя проникали въ него, но, вѣрнѣе всего, въ большинствѣ случаевъ какъ временные гости, какъ торговцы, а частью и какъ мирные поселенцы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ относительно небольшое количество древнихъ славянскихъ названій на указанной площади и (если слѣдовать Барсову) названія смѣшаннаго характера, какъ напримѣръ Луковесь (Луковецъ) на лукѣ Шексны при р. Судѣ, упоминаемый въ бумагахъ XII в., и Череповесь (Череповецъ) [3]).

---

[1]) Труды Яросл. обл. съѣзда, стр. 164.

[2]) Такъ они называются еще при Ярославѣ: подъ 1036 г. събра вой многъ,—варягы и словени (Лѣт. пр. Нестора, стр. 85), въ житейской же дѣйствительности сохраняли свое прозвище, конечно, еще дольше.

[3]) Такъ возстанавливаетъ эти названія Барсовъ, но насколько основательно, не могу сказать и замѣчу лишь, что и Луковецъ и Череповецъ могутъ быть вовсе не измѣненными, а основными формами, представляя уменьшительныя отъ Луковъ, и Череповъ, совсѣмъ не рѣдкія для Россіи: Ярославецъ, Городецъ, Юрьевецъ и проч.

Еще болѣе отрицательнымъ для новгородскаго заселенія Ярославской губерніи является существованіе въ заонежьѣ, по Барсову, древнѣйшей колоніи новгородцевъ г. Шунги [1]), главнаго средоточія и склада товаровъ, преимущественно мѣховъ. Самъ Барсовъ говоритъ, и совершенно вѣрно, что новгородцы относились къ туземцамъ, какъ промышленники, заботясь лишь о своихъ выгодахъ. Но не смотря на это, они, очевидно, долго не могли не только захватить Шунги въ свои руки (что слѣдуетъ изъ сохраненія ею своего финскаго названія), но не могли и торговлю перевести въ какое либо свое селеніе. А это значитъ, что нуждались (а стало быть и подчинялись) не финны новгородцами, а наоборотъ. И финское населеніе шекснинско-мологской области было настолько устойчиво и самостоятельно, что позже, когда заонежье значительно ославянилось, это населеніе, хотя и принуждено было перенести свое торжище изъ Шунги, но перенесло его все-таки не на славянскую, а опять-таки на финскую же землю, на нижнюю Мологу, къ Холопьему городку. Земля русѣла, заселялась славянами, но населеніе упорно оставалось самимъ собою и, тѣснимое, отступало, но не шло къ славянамъ и не сливалось съ ними, чуждалось ихъ. И не смотря на то, что славяне постоянно слѣдовали за финнами, какъ волки за войсками или за стадами травоядныхъ, на счетъ которыхъ живутъ, финны въ молого-шекснинской области невполнѣ утратили свою самобытность даже въ XVI ст., т. е. тогда, когда въ южной половинѣ губерніи не осталось и духа финскаго, и не только финскаго, но и старо-русскаго, удѣльнаго [2]). А такое положеніе говоритъ, конечно, не за новгородское направленіе славянскаго переселенческаго движенія въ Ярославскую губернію. Очевидно, что если бы такое существовало, то Шексна съ Мологой раньше Волги и Которости сдѣлались бы славянскими и на Мологѣ никакимъ образомъ не могло бы существовать въ XIV и XV в.в. огромной инородческой, по преимуществу финской ярмарки.

Не въ пользу Новгорода говоритъ и распространеніе Ростовской

---

[1]) Село Шунга расположено на оз. Путк-озеро (къ ЮЮЮ.-З. отъ г. Повѣнца, въ 30 верстахъ отъ западнаго берега Повѣнецкаго залива Онежскаго озера) въ средѣ корелъ и является тутъ торговымъ средоточіемъ. На крещенской ярмаркѣ Шунга производится главный торгъ поморскими мѣхами, дичью и рыбой. Изъ мѣховъ привозятся лисьи, заячьи, бѣличьи и оленьи, расходящіеся большими партіями. Заяцъ еще недавно шелъ въ Ростовъ на ярмарку 1-й недѣли Великаго поста, совсѣмъ упавшую съ проведеніемъ въ 1870 г. Моск.-Ярослав. жел. дороги (Нива, 1897 г., стр. 56).

[2]) Князь Курбскій скорѣй воспоминаніе, чѣмъ отживаніе удѣльнаго порядка.

области отъ Ростова до Бѣлоозера и Твери [1]), т. е. съ Ю. къ С., а равно и движеніе монастырскихъ поселеній въ томъ же, главнымъ образомъ, направленіи [2]). Монастыри представляли передовые посты, зачатки будущихъ славянскихъ поселеній. Это былъ одинъ изъ наиболѣе удобныхъ способовъ проникновенія славянъ въ финскія земли и ихъ захвата. Шелъ одинокій пустынникъ, смиренный, тихій, безобидный. Никому никакого ущерба онъ не наносилъ, а напротивъ, еще помогалъ, чѣмъ могъ, училъ. Являясь въ чужую землю, селился вдали отъ всѣхъ, въ лѣсу или пустынѣ [3]), въ убогой крошечной

---

[1]) Съ 1181 г. (Труды Яросл. Обл. Съѣзда, стр. 156). Отмѣчу для полноты, что въ житіи Авраамія Ростовскаго (до крещенья Иверка), жившаго въ XII в., упоминаются въ его домѣ прохожіе новгородцы. Жилъ Иверкъ въ Чухломѣ (къ СС.-В. отъ г. Галича Костр. губ. Древн. святыни Ростова Великаго, гр. Мих. Толстой, изд. 2, стр. 60), но во 1-хъ, житіямъ Авраамія нельзя придавать рѣшающаго значенія, какъ завѣдомо неточнымъ, а во 2-хъ, присутствіе и въ Ярославской губерніи небольшихъ группъ и отдѣльныхъ новгородцевъ даже въ древнѣйшія времена, не только въ XII в., нельзя отвергать. Вопросъ же въ томъ, какая славянская отдѣльность дала главное населеніе губерніи, т. е. ядро этого населенія. Бѣляевъ (Русс. земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ, стр. 87) думаетъ, что новгородцы пришли изъ Торжка Тверцой въ Волгу и по Волгѣ заселили Тверь, можетъ быть, Угличъ, Мологу, Кострому и проч. Тверь основана не позже 1135 г., когда упоминается (въ уставной грамотѣ новгород. Всеволода Мстиславича). Не задолго до этого, въ 1134 г., Юрій Долгорукій закладывастъ гор. Константинъ—Кснятинъ при устьѣ Нерли (тверской), которое не такъ далеко отъ устья Тверцы. В. И. Колосовъ гадаетъ, что Кснятинъ былъ тогда крайней точкой Суздальскихъ владѣній на правомъ берегѣ Волги. Однако это едва ли такъ: уже въ 1181 г. Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій строитъ въ Твери твердь—крѣпость для наблюденія, чтобъ отъ новгородцевъ и Торжка люди для воротства не пріѣзжали, а идя осаждать Торжокъ (новгородскій), Твери не бралъ, стало быть, она была его. Съ 1208 г. лѣтопись уже прямо называетъ Тверь суздальскимъ городомъ (стр. 157).

[2]) Тамъ же стр. 167, и въ житіи основателей ярославскихъ монастырей.

[3]) Развитіе монастырскихъ поселеній можетъ служить хорошимъ подспорьемъ для изученія постепеннаго развитія славянскаго разселенія по странѣ въ историческое время, другими словами, пограничной линіи между славянами и туземцами, такъ какъ очень далеко отъ славянскихъ поселеній монастыри все-таки не основывались. Въ Ярославской губерніи первые монастыри строятся около самаго Ростова, затѣмъ они начинаютъ появляться дальше около Ярославля и Углича и сравнительно поздно за Волгой, въ Любимскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. Ростовъ IX в. былъ очень невеликъ, а его окрестности очень дики, по этому болѣе древніе монастыри его (какъ и въ другихъ мѣстахъ) располагались у самаго города и нѣкоторые изъ нихъ позже вошли не только въ черту города, но и кремля его. Таковы: Рождественскій, основанный въ 1389—95 г.г.; Іоанно-Богословскій, Гр.-Богословскій «затворъ», извѣстный съ XIII в.; Авраміевскій Богоявленскій, находящійся у самаго города к. С.,—XII в.; Спасо-Яковлевскій у города же къ Ю.,—1389 г.; Петровскій, что на полѣ, въ $1^1/_2$—2 вер. къ С. отъ города—XIII в. (послѣ 1253 г.); Троицко-Варницкій въ 3 вер. къ З.,—1427 г.; Спасо-Песочскій въ 3 вер. къ Ю.,—XIII в.; Бѣлогоститскій около $4^1/_2$ в. къ С.,—1363—89 г.г. А затѣмъ: Борисо-Глѣбскій на р. Устьи въ 17 вер. къ С.-З.,—1363 г.; Воскресенскій (нынѣ погостъ), у оз. Чашницкаго, близъ с. Святославь-Карашъ, око 30 в. къ Ю.,—1490—1503 г.г.; Вепрева пустынь у оз. Вепрь, около 30 в. къ ЮЮ.-З., около 1350 г. Въ Ярославлѣ: Спасо-Преображенскій—близъ Рубленаго города (кремля), нынѣ въ срединѣ города, основанъ не позже XII в. (въ 1214 г. изъ него переведено уже училище въ Ростовъ); Петропавловскій на Волгѣ (нынѣ церковь) упоминается уже въ 1186 г.; Толгскій въ 7 в. къ С.-З.,—1314 г.; Смоленскій на бору, въ 3 в. къ С. за Волгой—1643 г., но и тогда еще мѣсто было дикое.

Около Углича, какъ болѣе молодого города, монастыри являются поздно: Богоявленскій въ городѣ извѣстенъ съ XVI в.; Алексѣевскій у самаго города къ В.,—1371—72 г.; Паисіевъ Покровскій—выше

кельѣ, еле отличавшейся отъ шалаша финна, ни во что не вмѣшивался, прятался отъ всѣхъ. Къ такому человѣку скоро привыкали, а нерѣдко начинали и уважать, какъ справедливаго и безпристрастнаго. Слухъ о немъ постепенно распространялся и доходилъ и до его родичей, и къ убогой кельѣ проторялась тропа. Рядомъ съ его избушкой срубалась другая и третья, а затѣмъ церковка. Тихое «святое» мѣсто дѣлалось все шумнѣе и многолюднѣе, приходили и пріѣзжали поклонники и богомольцы, за ними шли торговцы, около келій разбивались станы, пришлецы не только почевали, но и жили по нѣсколько дней. Туземцы начинали коситься, выражать неудовольствіе. Тогда поселокъ обносился оградой и келья пустынника превращалась въ монастырь. Умножавшуюся братію нужно было кормить; начинались захваты угодій,—рыбныхъ ловель, бортей, звѣриныхъ ловель, земли для пашни, выгона и сѣнокоса. Захваты необходимо сопровождались насиліемъ. Возникала неправда, ссоры и столкновенія съ туземцами. Отъ неправды основатели монастырей чаще всего уходили далеко въ глубь лѣсовъ и пустынь, если было можно, или возвращались вспять, открещиваясь отъ своихъ сподвижниковъ, слугъ суеты и корысти, а для улаженія столкновеній вызывались ратные люди и основывались селенья. Такимъ образомъ монастыри «съ ихъ сельско-хозяйственнымъ укладомъ», т. е. съ неизбѣжнымъ пріобрѣтеніемъ земель и угодій, разумѣется, лучшихъ и съ сопряженнымъ съ захватами насиліемъ и оттѣсненіемъ съ захваченнаго туземцевъ въ дѣлѣ популяризаціи славянъ среди послѣднихъ могли сослужить и сослуживали (по крайней мѣрѣ въ Ростовской области) лишь отрицательную въ нравственномъ смыслѣ службу.

Углича на 3 вер. на Волгѣ и р. Мимошнѣ, 1462—64 г.; Никольскій Грѣхо-ручейскій выше Углича на 6 вер. на Волгѣ и Грѣховомъ ручьѣ,—1489 г.; Николо-Улейминскій на р. Улеймѣ къ ЮЮЮ.-В. отъ Углича въ 8 в.,—1460 г.; Кассіанова Учемская пустынь на р. Учмѣ и Волгѣ ниже Углича на 15 в.; —1477 (1488) г. Кромѣ этихъ было около 10 монастырей въ городѣ, около него и болѣе или менѣе не далеко отъ него (Исторія г. Углича. Ф. Киссель, стр. 333; Крат. ист. г. Углича. Л. Ф. Соловьевъ, стр, 49), но объ основаніи ихъ ничего неизвѣстно. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ Александрова пустынь, къ ЮЮЮ.-В. отъ Рыбинска въ 25 в., была уже въ XVI в; Югская Дорофеева пустынь на р. Бѣлой Югѣ въ 17 вер. къ С.-З. отъ Рыбинска—1620—1654 г.г.; Мологскій Афанасьевскій Холопенскій монастырь на р. Мологѣ отъ г. Мологи въ 1 вер. къ С. былъ уже въ XVI в. Въ Любимскомъ уѣздѣ: Сильвестровъ Воскресенскій на р. Обнорѣ, въ 20 вер. къ ССС.-З. отъ г. Любима,—XIV в. (основатель † 1379 г.); Павловъ на Обнорѣ же—XIV в.; Геннадіевъ въ 2 вер. отъ р. Костромы и въ 25 вер. къ ЮЮ.-В. отъ Любима на оз. Сурскомъ—1526—1530 г.г.; Пошехонскій Адріановъ на р. Вотхѣ—1540—43 г.г.; Севастіанова Преображенская пустынь на р. Сохоти («Соготи») въ 25 вер. къ С.З. отъ Пошехонья и въ 12 вер. отъ ближайшаго селенья, въ XV в. (основатель † 1492 г.); Исакова Рождество-Богородская пустынь—самая сѣверная, отъ Пошехонья въ 50 вер. къ С.-В., отъ Ярославля къ ССС.-З. въ 120 вер. въ бывшей волости «Углецъ Константиновъ», 1663 г. Было бы очень желательно, чтобы кто нибудь знающій занялся исторіей монастырей, какъ славянскихъ поселеній.

Проповѣдь христіанства и насильное водвореніе его (вродѣ сокрушенія идоловъ, вырубки священныхъ рощъ и отдѣльныхъ деревьевъ и т. п.) еще болѣе усиливали такой характеръ этой службы. Примѣры Ѳедора, Иларіона, св. Леонтія и успѣховъ ярославскихъ и другихъ волхвовъ подтверждаютъ сказанное. Внѣшнія явленія, сопровождавшія поселенье славянъ въ краѣ, какъ-то: ихъ жилища, пашни, стада, даже ихъ монастыри и церкви оказывали на финновъ вовсе не столь большое впечатлѣніе и вліяніе, какое приписываетъ имъ Барсовъ. «Величественныхъ» храмовъ не было, большинство церквей были деревянныя, такъ называемаго «амбарнаго» типа, безъ колоколенъ и колоколовъ, маленькія, незамѣтныя, отличенныя отъ обыкновеннаго жилья не рѣдко всего лишь однимъ крестомъ, утварь въ нихъ была скудная, недостаточная и убогая, облаченія холщевыя, сосуды и проч. деревянные или берестеные, книгъ и иконъ мало [1]), благолѣпія въ службѣ еще меньше.

Инородцы сѣвера Россіи прекрасно показываютъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ славянская (даже современная) образованность; лопари, остяки, вогулы и пр. остаются сами собой [2]), разъ русь не можетъ окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, внѣдриться въ ихъ массу, проникнувъ ее всю, разобщить на отдѣльныя единицы и прямо-таки заставить жить по своему или вымереть. Правда, какъ указываетъ Барсовъ, инородцы сѣвера плохо размножаются, но именно потому лишь, что не предоставлены самимъ себѣ, а никакъ не потому, чтобъ «не способны были къ самостоятельной дальнѣйшей колонизаціи и культурѣ» [3]).

Кромѣ всего сказаннаго, при рѣшеніи вопроса о направленіи славянскаго заселенія не слѣдуетъ забывать и, такъ сказать, исторической традиціи, обусловленной размѣщеніемъ на данной поверхности, способовъ и условій существованія и, въ частности, передвиженія. Очевидно, что въ большинствѣ случаевъ наиболѣе благопріятныя изъ такихъ условій располагаются лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ и направленіяхъ. По послѣднимъ и совершается заселеніе. Для Ярославской губерніи, какъ показано выше, заселеніе (и не только человѣкомъ, но и растеніями, и животными) во все доисторическое время могло совершаться и совершалось въ общемъ съ юга и частью съ запада,

---

[1]) Основатели и настоятели монастырей постоянно просили всего этого у князей и богатыхъ людей, какъ свидѣтельствуютъ многія житія.

[2]) См. Отчеты и письма о путешествіи въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ и др. ранѣе указанные источники.

[3]) Труды Яросл. Обл. Съѣзда, стр. 165.

что обусловлено было ледниками. Въ концѣ концовъ тѣ же въ сущности условія и создающіе ихъ дѣятели (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) или, иными словами, соотношенія и взаимодѣйствія продолжаютъ дѣйствовать (посредственно) и теперь [1]). Слѣдовательно и въ историческое время заселеніе удобнѣе всего могло совершаться и, стало быть, дѣйствительно совершалось главнымъ образомъ съ юга и частью съ запада.

Наконецъ, нужно замѣтить еще, что почти всѣ изслѣдователи, касавшіеся заселенія ярославской земли, имѣли въ виду лишь историческое и близкое къ нему время. Между тѣмъ уже Несторъ указываетъ на V в., какъ на начало разселенческаго движенія славянъ съ Дуная, изъ показаній же Іордана видно, что славяне проникли въ Россію и хорошо знали ея финское населеніе уже въ IV в. Это время и нужно признать за начало славянскаго заселенія мерянской земли, такъ какъ если даже не допустить существованія въ этой землѣ въ то время прочныхъ славянскихъ поселеній, то никакъ нельзя отвергать временныхъ такихъ поселеній и пребыванія славянъ среди мери. А съ этого именно и начинается заселеніе. Первоначально оно, конечно, было незначительно: самихъ славянъ было еще не много и они не успѣли еще вполнѣ освоиться на новыхъ мѣстахъ и ознакомиться съ сосѣдними. Да и побудительныхъ причинъ къ дальнѣйшему разселенію, въ силу недавности пребыванія на новыхъ мѣстахъ, не могло возникать въ большемъ количествѣ. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняется незначительное относительно заселеніе губерніи съ запада кривичами, каковое заселеніе необходимо признать древнѣйшимъ изъ славянскихъ, такъ какъ вятичи въ сосѣдство мери явились значительно позже ихъ [2]), на памяти исторіи. Съ ихъ появленіемъ усиливается переселеніе славянъ въ Ярославскую губернію, обусловленное въ историческое время, весьма возможно, завоеваніями князей и ихъ поборами, вызывавшими возстанія не разъ и не у однихъ вятичей [3]).

---

[1]) Ледниковъ, правда, въ губерніи нѣтъ уже, но въ ней осталась созданная ими почва, видъ поверхности, распредѣленіе воды; они до сихъ поръ оказываютъ вліяніе на ея погоду и осадки. Созданнымъ ледниками положеніемъ обусловлена растительность и животныя губерніи, а ими вмѣстѣ съ остальнымъ и людское населеніе.

[2]) Болѣе позднимъ приходомъ въ Россію объясняется и большая дикость вятичей, жившихъ въ Польшѣ, т. е. близъ дикихъ литовцевъ.

[3]) Деревляне заратившася отъ Игоря въ 913 г. Вятичей включилъ «*въ землю* (земли) *рускіи*» лишь Святославъ, въ 966 г., до этого же они были подчинены козарамъ (лѣт. преп. Нестора стр. 34) и въ походахъ ни Олега, ни Игоря не участвовали. Въ 981 г. ихъ вновь покоряетъ Владимиръ, а въ 992 г. заратившася вятичи (стр. 44) и были вновь побѣждены. Слѣдствіемъ этихъ повторныхъ завоеваній, со-

Соболевскій поселеніе вятичей въ землѣ мери распространяетъ по Волгѣ, Мологѣ и Шекснѣ до Бѣлоозера [1]), но прибавляетъ, что болѣе позднее переселеніе съ В. и С. отличалось напряженностью и кончилось слитіемъ и смѣшеніемъ прежнихъ поселенцевъ съ позднѣйшими, среди которыхъ были уже и новгородцы.

Такимъ въ общихъ чертахъ представляется заселеніе Ярославской губерніи славянами, насколько можно судить о немъ по даннымъ современной науки. Возвращаясь къ основному предмету статьи, къ курганамъ, опять, какъ и за первые 400 лѣтъ по Р. Х., не встрѣчаешь здѣсь не только ихъ (по крайней мѣрѣ пока неизвѣстны), но ни финскихъ, ни славянскихъ и вообще никакихъ могилъ (въ общемъ пониманіи) этого времени. Никакихъ признаковъ ихъ не открыто, не дошло до нашего времени, хотя не потому, конечно, что могилъ не было (люди жили, стало быть, были и могилы), а потому, что не было такихъ могилъ, которыя могли бы сохраниться. Послѣ новокамники могилы вновь появляются въ губерніи лишь съ VIII в. н. при томъ, не отдѣльными, разобщенными, раскинутыми въ разбросъ въ небольшомъ количествѣ, а цѣлыми кладбищами, число которыхъ постоянно возрастаетъ, достигая максимума въ X и XI в.в. Одни изъ этихъ кладбищъ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ кургановъ сожженія, другія (въ общемъ позднѣйшія) изъ кургановъ погребенія. Первыя въ чистомъ видѣ, безъ примѣси погребальныхъ кургановъ не встрѣчаются почти, но погребальные курганы размѣщаются на нихъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ по окраинамъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что возникли они позже кургановъ сожженія, образующихъ ядра кладбищъ [2]).

Добытые изъ погребальныхъ кургановъ черепа, если не исключительно, то преобладающе длинноголовые.

Мѣстные курганы признавались послѣдовательно памятниками: пановъ [3]), татаръ, битвъ русскихъ удѣльныхъ князей, финскими, собственно

провождавшихся возмездіемъ (Игорь на древлянъ за востаніе—возложи на ня дань болшю Ольговы), и были выселенія вятичей въ болѣе безопасныя мѣста, въ томъ числѣ и въ малодоступную еще тогда Ростовскую область.

[1]) Труды Яросл. Обл. Съѣзда стр. 99. По его мнѣнію, они были первоначальными славянскими поселенцами въ Ярославской губ., съ чѣмъ, какъ показано, нельзя согласиться вполнѣ, такъ какъ вятичи лишь ославянили губернію, явившись въ нее въ большомъ количествѣ, отчего говоръ губерніи и принялъ вятичевскій оттѣнокъ; заселялась же губернія славянами и раньше, когда вятичей еще не было, а были лишь ляхи.

[2]) Изслѣдователями ярославскихъ кургановъ, къ сожалѣнію, не во всѣхъ случаяхъ прослѣжено это положеніе и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ о немъ можно лишь догадываться.

[3]) Кельсіевъ объяснялъ названіе кургановъ «панами» и «панками» изъ финскаго языка.

мерянскими, весьскими, угорскими, наконецъ, въ послѣднее время славянскими. Всякій новый взглядъ отрицалъ бывшіе до него и признавалъ ихъ несостоятельными. Дѣйствительно, признать ихъ состоятельными трудно хотя бы потому, что, пріурочивая курганы одному какому-либо племени, изслѣдователи не пояснили, куда же остальныя, жившія тутъ же племена, дѣвали своихъ мертвыхъ, гдѣ ихъ могилы[1]). По мѣрѣ силъ и умѣнья я попробовалъ отвѣтить здѣсь на послѣдній вопросъ и теперь остается разсмотрѣть, на сколько состоятельно начинающее распространяться мнѣніе о принадлежности ярославскихъ кургановъ славянамъ, такъ какъ довольно страннымъ представляется то обстоятельство, что славяне, жившіе въ губерніи по кр. м. съ IV в., все обходились безъ кургановъ, а съ VIII в. вдругъ начали насыпать ихъ цѣлыми большими кладбищами въ сотни и даже тысячи кургановъ. Такую дружную, одновременную и валовую смѣну при томъ же столь важнаго обряда, каковъ похоронный, допустить вообще очень трудно, а для русскихъ славянъ особенно, такъ какъ о нихъ положительно извѣстно, что и спустя 100 лѣтъ, при крещеніи они оказались далеко не столь податливыми, продолжая еще 150—200 лѣтъ цѣликомъ придерживаться старыхъ обрядовъ. А вѣдь за сто лѣтъ они, несомнѣнно, хоть сколько-нибудь развились.

Только что видѣли, что Ярославскую губернію первоначально заселили кривичи и вятичи, похоронные обряды и обычаи которыхъ описалъ Несторъ. По его словамъ, кривичи въ прежнее время, а вятичи еще при немъ (въ XI в.) мертвыхъ жгли и прахъ, собранный въ сосудъ, ставили на столбахъ при путяхъ. Въ этомъ сообщеніи заключается отвѣтъ на вопросъ: почему нѣтъ въ губерніи кургановъ до VIII в.? Ихъ не кому было насыпать, такъ какъ жившіе въ губерніи люди хоронили своихъ мертвыхъ въ наземныхъ могилахъ, финны — огораживая и прикрывая трупы деревомъ, а —славяне ставя горшки съ прахомъ на столбы.

Откуда же взялись въ губерніи курганы, кто ввелъ въ ней курганный обрядъ похоронъ?

Они могли ввестись только съ быстрымъ и значительнымъ переселеньемъ въ губернію новаго племени, употреблявшаго уже курганы, такъ какъ *послѣдніе появляются сраза, въ большомъ количествѣ*

[1]) Графъ Уваровъ затронулъ было этотъ вопросъ, но отвѣтилъ на него неудовлетворительно (Меряне и ихъ бытъ, стр. 62).

и *въ законченномъ видѣ*, не имѣя переходныхъ степеней отъ какого-либо иного способа похоронъ.

Кѣмъ же могло быть такое племя и откуда оно могло прійдти?

Отвѣчаетъ все таже лѣтопись преподобнаго Нестора, главный и глубоко правдивый источникъ познанія нашего прошлаго, который еще долго не будетъ исчерпанъ вполнѣ, давая при внимательномъ вчитываніи въ него все новыя и новыя подробности этого прошлаго. Она повѣствуетъ: въ лѣто 6367(859) имаху дань *варязи* изъ заморья на чюди и на словѣнехъ, на *мери* и *на всѣхъ кривичьхъ*, а казари имаху на полянѣхъ, и на *сѣверьхъ*, и *на вятичьхъ*; имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма [1]).

Вотъ отвѣтъ на вопросъ и только что заданный, и на поставленный въ заголовкѣ статьи. Онъ такъ ясенъ и такъ правдоподобенъ и очевиденъ, что, собственно говоря, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Варяговъ, какъ бы не старались умалить ихъ значеніе въ русской исторіи, изъ этой исторіи не вычеркнешь: ихъ захватилъ въ Руси еще Несторъ, ихъ значеніе среди славянъ отмѣчено Русской Правдой,—современницей Нестора, отдающей предпочтеніе имъ предъ славянами. Но такъ какъ, не смотря ни на что, вліяніе варяговъ на славянъ стремятся отвергнуть, то приведу нѣсколько соображеній въ пользу высказаннаго взгляда.

Довольно страннымъ представляется при признаніи кургановъ собственнымъ славянскимъ изобрѣтеніемъ то обстоятельство, что русскій народъ въ очень многихъ мѣстахъ въ томъ числѣ и въ Ярославской губерніи весьма не рѣдко курганы за могилы не считаетъ и могилами ихъ не зоветъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда курганы расположены цѣлыми кладбищами, каковое расположеніе исключаетъ всякую возможность объясненія ихъ возникновенія естественнымъ происхожденіемъ. Будь курганъ исконной и, притомъ, собственной, незаимствованной могилой русскаго славянина, этого не должно было бы быть: русскій глубоко чтитъ память умершаго и строго оберегаетъ его послѣднее жилище. Могила для него неприкосновенна, величайшее оскорбленіе и страшная угроза осквернить могилу родственниковъ. Какъ же съ этимъ положеніемъ примирить то обстоятельство, что

[1]) Т. е. всѣ передовые (по мѣсту) русскіе славяне были покорены,—сѣверная половина варягами, южная хазарами.

русскій забылъ могилы своихъ предковъ, живя постоянно около нихъ и постоянно же имѣя ихъ передъ глазами? [1]).

Затѣмъ, устойчивѣе, полнѣе и дольше всего пережитки сохраняются въ вѣрованіяхъ. Въ вѣрованіяхъ русскихъ славянъ встрѣчаются не рѣдко и тѣ обряды, которые отправляются при совершеніи различныхъ празднествъ; они могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при возстановленіи древнихъ похоронъ. Изъ такихъ обрядовъ наиболѣе распространенъ обрядъ сожженія масляницы. Онъ встрѣчается во всей средней и во многихъ частяхъ остальной Россіи и въ наиболѣе полномъ видѣ производится такъ: [2]) четыре длинныя жерди составляются шалашемъ и обкладываются съ боковъ досками, низъ обваливается хворостомъ, дровами, обломками, соломой и проч. На этотъ шатеръ, на вершину сажается соломенное чучело масляница, привозимая на саняхъ, и костеръ зажигается. Остатки костра или оставляются на мѣстѣ, или раскидываются въ стороны. Чучело (соломенное-же) Русалку растерзывали въ клочья и разбрасывали послѣдніе по вѣтру. Костому топили въ рѣкѣ. Ярилу въ Костромской губерніи хоронили въ гробу, въ яму [3]), здѣсь сказалось уже христіанство. Лютичи хоронили мертвыхъ въ лѣсахъ, заваливая могилы хворостомъ. Св. кн. Глѣба положили «въ лѣсѣ межю двѣма кладома подъ насадомъ», т. е. подъ лодкою, между двумя обрубками стволовъ [4]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ на курганы нѣтъ и намековъ.

Тоже и въ языкѣ. Для обозначенія дѣйствія «преданія мертваго землѣ» [5]) существуетъ собственно два слова: хоронить—коронить и погребать; другія же слова, примѣняемыя иногда къ погребенію, вродѣ: зарывать, заканывать и проч. не имѣютъ исключительнаго отношенія къ покойнику, какъ, впрочемъ, не имѣли его первоначально и указанныя слова.

---

[1]) То же наблюдается и у финновъ Россіи, свидѣтельствуя, что курганы и не финское изобрѣтеніе. Выше приведено уже объясненіе происхожденія кургановъ изъ вытряхнутой изъ лаптей земли. Не зная кургановъ, русскіе знаютъ жальники, называя ихъ могилами забытыхъ родителей.

[2]) Во Владимирской губ. близъ ярославской границы напр. въ с. Сима. Обрядъ, напоминающій сожженіе масляницы (хотя можетъ быть лишь съ внѣшней стороны), отправляется остяками р. Пимы предъ отправленіемъ на звѣриный промыселъ. Вершину сосны, обрубленную въ видѣ креста («человѣка»), наряжаютъ человѣкомъ и сжигаютъ на очагѣ. Это чучело служитъ въ качествѣ посланца на небо просить бога объ успѣхѣ промысла,—(пережитокъ человѣческихъ жертвоприношеній, каковыя, возможно, скрыты и въ сожженіи масляницы). Изв. Рус. Геогр. Общ. 1904 г., в. I—II, стр. 47.

[3]) Живая Старина 1896 г. вып. I; Сѣверный Край 1901 г. № 132. Божества древнихъ славянъ. А. С. Фаминцынъ стр. 223. Для Ярилы могилу копали непремѣнно палками.

[4]) Древности, т. XIV, стр. 173 и выноска.

[5]) Это выраженіе явилось, несомнѣнно, съ христіанствомъ.

Слово хоронить представляетъ полногласную форму, которая теперь употребляется почти исключительно для обозначенія погребенія, т. е. обособилась (оспеціализировалась), но прежде она имѣла, а у народа и теперь еще имѣетъ общее значеніе прятать, дѣлать невидимымъ, недоступнымъ, трудно находимымъ, скрывать; устранять отъ порчи, вреда, прикосновенія; защитить отъ уничтоженія. Эти значенія перенесены нынѣ на краткую форму того же слова: хранить, для обозначенія погребенія неупотребляющуюся. Слово хоронить въ смыслѣ погребать очень долго такого смысла не имѣло и, примѣняемое къ мертвымъ, употреблялось въ общемъ значеніи прятать, скрывать. Вслѣдствіе этого о похоронныхъ пріемахъ древнихъ славянъ оно не можетъ ничего пояснить кромѣ того, что славяне своихъ покойниковъ считали нужнымъ прятать, скрывать и еще, пожалуй, оберегать отъ тревоженья. Кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ, что славяне мертвыхъ не жгли [1]).

Слово погребать даетъ не многимъ больше. Оно происходитъ отъ «гребсти» (грести, корень греб), обозначающаго почти то же, что и скоблить [2]), т. е. снимать съ поверхности не толстыми слоями что-нибудь нетвердое, сыпучее или жидкое, легко уступающее давленію, и отдѣленное такимъ образомъ перемѣщать по поверхности. Въ приложеніи къ покойникамъ употребляется форма «погребать», т. е., какъ можетъ казаться, засыпать или покрывать покойника продуктомъ гребки, нагребать на него (почву), а не выгребать, т. е. дѣлать углубленіе. Однако это не такъ. Слово погребеніе, въ сущности, говоритъ развѣ только о томъ, что славяне хоронили (въ землю) своихъ мертвыхъ уже тогда, когда не умѣли или избѣгали (по трудности, за отсутствіемъ лопатъ), рыть, а лишь гребли или скребли, да еще о томъ, что они ихъ въ ту пору не жгли. Въ самомъ дѣлѣ слово погребъ, всегда обозначавшее яму [3]), ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что глаголъ «погребать» не имѣлъ значенія (по крайней мѣрѣ исключительнаго) нагребать, накидывать поверхъ чего-нибудь и что данная форма его представляетъ лишь многократный видъ, служа для выраженія повторности дѣйствія. Кромѣ того, слово погребъ, если не заставляетъ, то позволяетъ думать, что погребеніе у славянъ состояло въ

---

[1]) Въ то время, когда слово хоронить стало примѣняться къ покойникамъ.

[2]) Разница въ орудіи дѣйствія: скоблить можно только острымъ, гребсти можно доской, весломъ, лопатой, рукой, граблями и проч. «Гребсти» употребляется еще въ формѣ «скребсти-скрести».

[3]) Въ Сибири обозначаетъ еще часть ямы: крутой спускъ, обрывъ, относъ «гора» (Журн. М. Н. Пр., 1902 г., IV, стр. 461).

помѣщеніи мертваго въ погребѣ, т. е. въ зарываніи его въ яму. Затѣмъ. Если слово сугробъ обозначаетъ холмъ или точнѣе горбъ, то слово гробъ, употребляемое непосредственно въ приложеніи къ покойнику, обозначало могильное углубленіе въ землѣ, какъ это слѣдуетъ изъ того, что въ Евангеліи погребальныя пещеры Христа и Лазаря названы гробами: и положи е въ новѣмъ своемъ гробѣ, его же изсѣче въ камени [1]); пріиде ко гробу, бѣ же пещера и камень лежаше на ней [2])...

Въ заключеніе можно отмѣтить еще, что гробъ по нѣмецки grab-grabe, а могила по англійски grave (нѣмец. gruft—яма), т. е. обозначаются словами, происходящими отъ того же корня, что и русск. гробъ. Это же можетъ свидѣтельствовать о томъ, что славяне своихъ мертвыхъ погребали, т. е. зарывали въ ямы уже тогда, когда не вполнѣ еще отдѣлились отъ западныхъ сродичей [3]).

Слово «могила» не только ничего не выясняетъ изъ славянскихъ погребальныхъ обычаевъ, но и само еще необъяснено окончательно. Одни связываютъ его съ «мочь» (могить), другіе съ санкр. mahant, греческ. μέγας, латин. magnus и т. д., значащихъ, въ общемъ, превосходство, увеличеніе, великость [4]). Но всѣ эти производства страдаютъ недостаточной ясностью и малой убѣдительностью. Какую связь можно провести между мертвымъ и его послѣднимъ пристанищемъ и мощью, возможностью много сдѣлать, съ великостью и т. п.? Особенно трудно связать такія представленія съ представленіемъ о мертвомъ русскихъ славянъ, считающихъ его прекратившимъ всякую дѣятельность, успокоившимся, «покойникомъ» или уснувшимъ, «усопшимъ». Представленіе о покоѣ же заключено отчасти и въ самомъ словѣ «мертвый», какъ видно то изъ выраженій: мертвая тишь, мертвая страна, мертвая точка

---

[1]) Отъ Матѳ., глава XXVII, 60.

[2]) Отъ Іоанна, глава XI, 38. Можно бы, пожалуй, предположить, что могилы тутъ названы гробами потому, что находились въ холмахъ, но этому мѣшаетъ ясный смыслъ извѣстія и прямое его указаніе, что гробъ—бѣ же пещера, его же изсѣче въ камени. Кромѣ того, ровъ въ древности обозначался словомъ очень близкимъ къ слову гробъ: гробля (другъ друга пихаху въ гроблю, бяше черезъ гроблю мостъ... Лѣт. пр. Нестора, стр. 40). Слово же сугробъ, если принять даже, что оно идетъ отъ гробъ, а не отъ грѣбъ, все-таки будетъ обозначать не гробъ, а лишь подобіе его, о чемъ какъ бы говоритъ и частица су (супесь, суглинь, суметъ, сусѣкъ, сусѣдъ), обозначающая нынѣ подобіе. Но такъ какъ въ древности она обозначала исключительно со—съ и являлась лишь неправильнымъ мѣстнымъ выговоромъ его, то слово сугробъ должно понимать, какъ со-гробъ, съ-гробъ, т. е. сгребенное въ кучу, только.

[3]) О томъ же свидѣтельствуютъ и обрядовыя пѣсни; при отправкѣ покойника на кладбище поется: раздуньте-ка вѣтры буйные со *глубокой* со могилушки мать сыру землю (Живая старина, 1903 г., в. I—II, стр. 93).

[4]) Срав. этим. словарь русск. яз. Н. В. Горяевъ.

и проч. Латинское mora значитъ также тихость, медленность, остановка, moror—дѣлать медленнымъ, замедлять, т. е. въ сущности, успокоивать.

Разъ же мертвый есть покойникъ, а смерть успокоеніе и бездѣйствіе, то съ какой стати мѣстопребываніе покойника, его жилище (послѣднее), представляющее къ тому же, обыкновенно, подражаніе жилищу живыхъ, называть словомъ, заключающимъ понятіе о силѣ, великости и т. п.? [1]). Мнѣ кажется, вѣрнѣе думать, что «могила» является полногласной формой отъ слова «мгла»; по крайней мѣрѣ могила до нынѣ связывается съ представленіемъ о тьмѣ: «темно «какъ въ могилѣ»—обычное выраженіе, «темная»—обычный эпитетъ могилы.

Наконецъ, слово «трупъ» обозначаетъ собственно туловище, обезглавленное тѣло (тушу); по крайней мѣрѣ словин. trúplo—туловище, греч. τρῦφος—обломокъ, кусокъ, санскр. trup, truph—повреждать, литов. trupèti—крошить, русск. трухь—перхоть (крошки, чешуйки), струпъ-зажившая рана (поврежденіе тѣла), болячка, подсохшая сукровица.

Подводя итогъ даннымъ языка, можно отмѣтить не много:

1) славяне по тѣмъ или инымъ соображеніямъ считали необходимымъ мертваго хоронить, т. е. прятать, скрывать, можетъ быть, сообща (хоромъ).

2) Для этого они мертваго первоначально погребали, т. е. зарывали въ почву, въ яму, дѣлая углубленіе, можетъ быть, просто руками [2]), т. е. не глубоко и въ мягкой почвѣ, напр. пескѣ [3]).

---

[1]) Положимъ, народъ говоритъ: могите, могитъ, но въ прошедшемъ времени, отъ котораго можно было бы производить форму «могила» (какъ отъ бить—било), и онъ говоритъ: могли, могла, что въ полногласьи дастъ: моголи, могола а не могили, могила.

[2]) Гребень, гребенка (грѣбенка) первоначально представляли, видимо, ничто иное, какъ подражаніе кисти руки съ раздвинутыми пальцами. (См. матеріалы по археол. Кавказа, в. VIII, таб. XXXVII, рис. 7 и въ параллель ему таб. XXIII, рис. 9 и 10; очень грубая гребенка представлена на таб. XL, р. 9). Эта форма, но уже облагороженная (съ высокой надзубной пластинкой, иногда, сверха закругленной), удерживалась очень долго, попадаясь въ могильникахъ и въ курганахъ II—III—IX—XII в.в. (См. Зап. Росс. Арх. Общ. т. XII, в. I—II, таб. XIX, рис. 31, 24, 26, 28, 30, 25, 29, 27 и стр. 176, 178—(монеты); Древности приднѣпровья В. И. Ханенко, вып. IV, таб. XVIII). Названіе нарѣзокъ гребня (какъ и грабель) зубьями, быть можетъ, говоритъ о томъ, что первою гребенкою былъ, просто, обломокъ нижней челюсти животнаго, особенно обладавшаго длинными и частыми острыми зубами, такъ какъ въ жизни первобытныхъ людей кости, на ряду съ другими частями убитыхъ животныхъ, имѣли важное значеніе въ начальныхъ попыткахъ человѣка приспособить природу для своихъ потребностей. Гребенка, очень напоминающая челюсть, приведена Ханенками (Древ. придн. в. II, таб. XXXI, рис. 511); у кн. П. А. Путятина 2 обломка нижней челюсти куницы съ дырками для привѣски (Зап. отд. рус. и сл. арх. Русс. Арх. Общ. т. V, в. I, таб. X, рис. 12 и

3) Славяне начали погребать мертвыхъ очень давно, тогда, когда не обособились еще отъ западныхъ арійцевъ. Положеніе это подтверждается тѣмъ, что слово «гробъ» въ смыслѣ ложа мертвеца или больного существуетъ и у западныхъ арійцевъ въ формахъ: нѣм. grab—гробъ, могила, англ. grave—могила, франц. grabat—одръ болѣзни, латин. grâbatus—одръ, ложе [1]).

4) Русскіе славяне не выработали и не пріурочили никакихъ особыхъ обозначеній (терминовъ) ни для дѣйствій, ни для предметовъ, употреблявшихся ими при погребеніи, ни для самого покойника. Всѣ названія, служившія для этого, имѣютъ въ основѣ самыя общія, обыденныя понятія, находятся въ постоянномъ повседневномъ употребленіи, прилагаясь къ самымъ разнообразнымъ предметамъ и представленіямъ ежедневнаго обихода и вовсе не обособились, хотя и дошли къ намъ изъ глубочайшей древности.

Указанное обстоятельство позволяетъ думать, что у русскихъ славянъ (по крайней мѣрѣ первоначально) не было, говоря вообще, настоящаго обоготворенія предковъ и поклоненія имъ (культа мертвыхъ), что подтверждается тѣми остатками языческихъ вѣрованій и воззрѣній, которыя переживаютъ до нынѣ. Судя по отголоскамъ далекой старины, у нихъ былъ лишь остающійся до спхъ поръ страхъ передъ мертвымъ и обусловливаемое имъ задобриванье мертваго и охраненіе его покоя, выражавшіяся въ поминкахъ усопшаго (какъ доказательство, что онъ не забытъ), въ снабженіи его

---

14 и стр. 261). Они названы привѣсками, но это слишкомъ обще,—привѣсками были и бруски, огнивы, ножницы и пр. Возможно, что эти челюсти служили гребенками человѣку новокамники Бологовскаго озера. Такъ можно думать на основаніи словъ рогатина и роженъ, ясно указывающихъ на то, чѣмъ было первое копье. Оно было рогомъ, чаще всего, оленьимъ. Горяевъ (словарь) слово «роженъ» вяжетъ съ «разити», основываясь на томъ, что въ старо-славянскомъ языкѣ писалось и «ражьнъ», а въ сербскомъ—ражан. Не легко согласиться съ такимъ толкованіемъ: по русски, малорусски, польски и чешски—роженъ; въ старо-славянскомъ вмѣстѣ съ ражьнъ есть и форма рожанъ; наконецъ, и основное слово рогъ по прусски ragis, по литов.—rágas. Впрочемъ, колки грабель и нарѣзка гребня могли получить названіе зубьями и просто по ихъ сходству съ зубами.

[3]) Мелко-каменистая почва и крупно-зернистый песокъ называются у французовъ и англичанъ до нынѣ гравіемъ (gravier, gravel); по русски эти слова можно передать словомъ гребель, грабель (хрящь); значеніе всѣхъ этихъ названій одно: легко-гребущійся.

[1]) Послѣднія два слова созвучны и близки по значенію съ русск. кровать, но это сходство случайное, такъ какъ корни приведенныхъ словъ различны: у первыхъ—греб, граб, у второго—кро(в) (крыть—кроить, кровъ и проч.). Сходство въ значеніи произошло вслѣдствіе того, что первобытный человѣкъ для лёжекъ своихъ или выбиралъ природныя впадины почвы, или дѣлалъ (выгребалъ) ихъ самъ, какъ дѣлаютъ многія животныя. Отъ способа изготовленія лёжекъ онѣ и получили свое названіе grabat, т. е. грёбокъ, выгребокъ. Такимъ образомъ grabat значитъ вырытый, а кровать—крытый, находящійся подъ кровомъ, но и то и другое служили для лежанья.

время отъ времени разными припасами, оставляемыми на могилѣ, въ «окликаньи», въ приглашеньяхъ или «кликаньяхъ» на большіе праздники, въ обѣганьи могилъ и въ запрещеньи ихъ трогать и т. д. Но все это, какъ вызванное чисто практическими, дѣловыми соображеніями, далеко отъ поклоненія и боготворенія. Въ доказательство существованія у русскихъ славянъ культа предковъ часто указываютъ на наличность у славянъ вѣрованія въ домового. Однако, едва ли это такъ въ виду одновременнаго существованія съ домовымъ дворового, баннаго, овиннаго, водянаго, лѣснаго и проч. Если лѣсовикъ, водяникъ, овинникъ не предки, а просто духи «хозяева» разныхъ мѣстъ, то какое имѣется основаніе для того, чтобъ «хозяина» двора или дома считать не просто духомъ, а духомъ предка? Величаніе «дѣдушкой», воздаваемое домовому, какъ и водяному, какъ Николаю чудотворцу, какъ всякому старику, указываетъ не на родство съ ними такъ называющаго ихъ, а лишь на ихъ старость (воображаемую или дѣйствительную), да на простое почтеніе къ нимъ, вызываемое все тѣмъ же желаніемъ задобрить, вызвать къ себѣ расположеніе [1]).

Въ окликаньи мертвыхъ опять-таки нельзя видѣть религіозный обрядъ. Слово «окликать» до сихъ поръ въ употребленіи у низшаго и средняго слоевъ общества и значитъ: привѣтить, опросить о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ и пр. [2]). Въ этомъ же смыслѣ и съ тѣмъ же значеніемъ (провѣдать) это слово примѣнялось и примѣняется и къ мерт-

---

[1]) П. Лавровскій (корен. значеніе въ назван. родства у славянъ, стр. 35) въ подтвержденіе боготворенія славянами предковъ ссылается на то, что славяне звали Бога дѣдомъ и прадѣдомъ: аще ли мя твориши прадѣдомъ или дѣдомъ себѣ, то чему мя не чтеши, яко-жъ добри уницы прадѣды и дѣды чтятъ? (Слово о постѣ. Прав. собес. 1858 г. I, 157). Но указаанное обстоятельство могло обусловливаться и тѣмъ, что славяне считали себя происходящими отъ боговъ, какъ только ботовъ, а не какъ отъ обоготворенныхъ предковъ; въ Словѣ о полку Игоревѣ: Стри-божи внуци, Дажь-божь внукъ. Развѣ мы сами не называемъ себя дѣтьми Бога, а его отцемъ нашимъ (Отче нашъ...)? Но отцомъ мы называемъ Бога не въ смыслѣ родителя, а въ смыслѣ творца, создателя всего, между прочимъ и насъ. То же воззрѣніе было и у древнихъ славянъ, какъ должно заключить изъ значенія слова богъ—мощный, многоимѣющій, богатый, все-могущій и все-дающій, (хлѣбъ—*даръ* божій, «у Бога всего много»). Кромѣ того выдержковое «твориши» едва-ли нужно понимать въ прямомъ смыслѣ (дѣлаешь),—проповѣдникъ просто разумѣлъ обычай славянъ величать всѣхъ старшихъ «дѣдушкой», «батюшкой» и т. п., что держится въ полной силѣ до сего дня по отношенію и къ Богу (онъ—батюшко Господь, Спаситель нашъ), и къ Богородицѣ («матушка»), и къ святымъ (батюшко Микола-чудотворецъ), и къ людямъ. Сверхъ того, главный, т. е. старшій (—старѣйшій) богъ не только у славянъ, но и у другихъ народовъ представлялся или пожилымъ (Юпитеръ), или старикомъ (Іегова), что обусловлено складомъ первобытной жизни, представленіями родоваго строя первобытнаго общества, признающаго главнымъ старѣйшаго—старшаго. Въ Ярославской губерніи до нынѣ главныхъ и старшихъ: царя, губернатора, архіерея, хозяина и пр. называютъ дѣдушкой, когда не хотятъ по чему либо называть по имени или должности (смотри, узнаетъ дѣдушко, задастъ ходу).

[2]) До сихъ поръ можно слышать: Ужъ какой родной! Никогда не придетъ, не окличетъ.

вымъ, которыхъ русскій славянинъ, нужно помнить, считалъ лишь *усопшими*, а не исчезнувшими, не переставшими существовать, стало быть, нуждавшимися въ томъ, чѣмъ пользовались они до усыпленія или упокоенія. Что сказанное вѣрно, слѣдуетъ изъ того, что вмѣсто «окликать» употребляется не рѣдко и выраженіе «провѣдать» (родителей).

Если обратиться къ даннымъ раскопокъ, привести въ ясность и упорядочить которыя (данныя) явились попытки въ послѣднее время [1]), то прежде всего наталкиваешься на то, что спеціально русскихъ вещей среди курганныхъ предметовъ даже X в. нѣтъ; между ними преобладаютъ врщи скандинавскаго типа, затѣмъ восточнаго и, частью, финскаго [2]). Для Ярославской губерніи это положеніе можно пополнить еще тѣмъ, что въ раннихъ курганахъ вещей попадается, сравнительно, много, онѣ разнообразны и по виду и по назначенію и большинство изъ нихъ достаточно развитой, солидной выдѣлки (техники), не мало также изящныхъ и художественныхъ вещей (скорлупчатыя фибулы, броши, пряжки и проч.), но матеріально цѣнныхъ (серебряныхъ и золотыхъ) чрезвычайно мало. За то въ большомъ, сравнительно, количествѣ попадается оружіе: длинные (19 верш.) обоюдо-острые мечи [3]), боевые топорки, иногда хорошей отдѣлки съ шпилевиднымъ тыльемъ, разнообразные наконечники копій и стрѣлъ, такъ называемыя «знамена» («кнутовища») и проч. Не рѣдки и принадлежности сбруи: удила, уздечные наборы, стремена (кавказскаго типа) [4]), «шпоры» и т. д. Ничего подоб-

---

[1]) Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ. А. А. Спицинъ. Починъ Спицина нельзя не привѣтствовать, какъ приводящій въ систему громадную массу сырого матеріала, собраннаго со всѣхъ концовъ Россіи. Разобраться въ немъ человѣку, занятому имъ не исключительно, очень не легко, такъ какъ для этого требуется весьма много времени и труда. Послѣднее многихъ удерживаетъ отъ пользованья накопившимся матеріаломъ, не смотря на все его значеніе. Какъ не измѣнился бы трудъ Спицина впослѣдствіи, но, сравнительно, значеніе его очень велико, какъ дающаго возможность отнестись къ археологическому матеріалу опредѣленно. Только жаль, что Спицинъ не приложилъ рисунковъ вещей какъ типичныхъ для разныхъ мѣстностей, такъ и безразличныхъ, а равно рисунковъ могилъ, разрѣзовъ ихъ и проч. Лучше всего располагать матеріалъ по губерніямъ съ С. къ Ю. и съ З. на В., разбивая его на отдѣлы: сопки, курганы сожженія, курганы погребенія на материкѣ, въ ямѣ, съ углево-зольными прослойками и проч. и отмѣчать районы каждаго отдѣла, какъ бы малъ онъ не былъ, на отдѣльныхъ картахъ и особыми цвѣтами. Трудъ большой, но способный обезсмертить его автора. Слѣдуетъ обратить большое вниманіе на посуду, какъ предметъ первой необходимости и потому особенно пригодный для опредѣленія различныхъ народныхъ отдѣльностей.

[2]) Тамъ же, стр. 14, 15.

[3]) Въ курганахъ Михайловскаго (Яр. у.) кургапнаго кладбища ихъ найдено около семи.

[4]) Такія же найдены въ могильникѣ близъ Каминте (Камунта) въ Осетіи (Матер. по арх. Кавк. в. VIII, табл. CXXI, р. 8). Въ древностяхъ Кавказа замѣтна связь между проч. и съ западной Европой.

наго не находится въ позднѣйшихъ, несомнѣнно славянскихъ курганахъ погребенія. Они поразительно бѣдны вещами [1]), которыя къ тому же весьма не высокой выдѣлки, однообразны и небольшого числа назначеній. Преобладаютъ проволочныя неспаянныя кольца, сплошь и рядомъ даже согнутыя неправильно, служившія серьгами и для украшенія головы (височныя), нѣсколько стеклянныхъ, золоченыхъ или цвѣтныхъ бусинъ разнаго вида, изрѣдка крестики и образки (византійскіе), кольца и пряжки отъ пояса, небольшіе ручные ножики, рѣдко,— ремесленные топоры и наконечники стрѣлъ, браслеты, вотъ почти все, что попопадается въ этихъ курганахъ.

Даже неопытный и бѣглый взглядъ поражается рѣзкимъ различіемъ между тѣми и другими вещами и почти каждый невольно и неизбѣжно приходитъ прежде всего къ заключенію, что тѣ и другія принадлежатъ двумъ совсѣмъ различнымъ народностямъ. Однако есть охотники и оспаривать это естественное и правильное заключеніе. Они хотятъ видѣть причиной смѣны вещей не смѣну господства племенъ, а поворотъ въ торговлѣ: перестали, дескать, доставлять такія вещи, вотъ и все [2]).

---

[1]) Обѣдненіе кургановъ вещами и ухудшеніе самихъ вещей въ болѣе позднихъ (съ X в.) курганахъ бросились въ глаза не одному мнѣ. Ихъ отмѣчаетъ гр. Уваровъ (Меряне и ихъ бытъ, стр. 53)— не попадается ни женеыхъ тѣлъ, ни предметовъ въ такомъ изобиліи, какъ въ древнихъ могилахъ... Присутствіе монетъ дѣлается рѣже... Онѣ X и XI в.в. Н. П. Кондаковъ (Русск. древности въ памятникахъ искусства, в. V, стр. 12) говоритъ еще опредѣленнѣе: видимъ... въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у сѣверянъ, древлянъ (т. е. у болѣе дикихъ отдѣльностей) особое характерное оскудѣніе: словно потокъ вещей, откуда то прежде шедшихъ, сталъ мелѣть... Эта скудость какъ бы указываетъ на племя, еще движущееся, еще ищущее новыхъ мѣстъ... Послѣднее не вѣрно: племя сидѣло, ибо насыпало не одинъ, не два, а много кургановъ. Кромѣ того, и двигаясь, оно брало съ собою свое имущество, особенно же наиболѣе то цѣнное, что именно и клалось съ мертвымъ. Слѣдовательно причина оскудѣнія не движеніе, а отсутствіе вещей. Замѣтить оскудѣніе не такъ легко; музеи съ ихъ таблицами, густо усаженными вещами, ничего не скажутъ о немъ и поразитъ оно лишь изслѣдователя, лично ведущаго раскопки и при томъ на различныхъ (по народности) кладбищахъ.

[2]) Н. П. Кондаковъ (тамъ же). Примѣсь скандинавскихъ вещей ограничивается... немногими мѣстностями по Днѣпру, Вислѣ, на финскомъ сѣверѣ, у мерянъ... Онѣ явились, какъ результатъ торговли скандинавовъ по Днѣпру и Волгѣ до Чернаго и Каспійскаго морей. Скандинавскія фибулы составляютъ сравнительную рѣдкость въ древностяхъ Россіи и то за время весьма ограниченное, а именно IX и X в. (стр. 54). Вотъ это то и не понятно. Вещи занесены торговлей, но при этомъ страннымъ образомъ ихъ мало и количественно, и качественно (сортами), онѣ попадаются въ немногихъ лишь мѣстахъ, *совпадающихъ* какъ разъ съ тѣми, въ которыхъ по письменности владѣли варяги или въ которыя они посадили «мужъ свой» (ибо и на Волгѣ, по которой торговали норманы, ихъ вещи извѣстны главнымъ образомъ лишь въ окрестностяхъ Ярославля и ниже его не встрѣчены, стало быть, и въ Ярославль занесены онѣ не торговлей только, а норманами и для норманов) и относятся онѣ къ небольшому промежутку времени, также какъ разъ совпадающему съ временемъ владычества на Руси необрусѣлыхъ варяговъ. Наброднихъ варяговъ отмѣчаетъ на Руси и, при томъ, въ немалыхъ количествахъ письменность еще въ XI в., въ 1018 г. Ярославъ I совокупивъ русь и варягы, и словѣнѣ, а бывали они у насъ, особенно торговые то, несомнѣнно, и позже, однако вещей своихъ не оставляли. Слѣдовательно далъ скандинавскія вещи Руси не пріѣзжій торговецъ, а ея житель, умершій въ ней.

Но при этомъ упускается изъ вида то небольшое обстоятельство, что человѣкъ, узнавъ лучшее, не мѣняетъ его на худшее и, если лишается возможности добывать это лучшее въ одномъ мѣстѣ, то отыскиваетъ другое. Вслѣдствіе этого можетъ наблюдаться смѣна лишь типовъ и стиля вещей, но не характеръ (назначеніе) и даже (въ рѣзкой формѣ) не качества ихъ. Если народность освоилась и привыкла къ мечу, а особенно, если мечъ сталъ ей нуженъ, то лишившись одного источника полученія мечей, она отъищетъ другой, научится сама дѣлать ихъ, но безъ мечей не останется. Вслѣдствіе этого у такой народности можно будетъ встрѣтить замѣну однихъ мечей другими, напримѣръ, норманскихъ восточными или мѣстными, но никакъ не полное упраздненіе ихъ. Если же подобное упраздненіе касается не одного или двухъ видовъ предметовъ, а десятковъ ихъ, свидѣтельствуя ясно и неоспоримо о перемѣнѣ привычекъ и нравовъ населенія, то объяснять такое упраздненіе (а стало быть, и перемѣну нравовъ) чѣмъ либо кромѣ смѣны населенія или чего либо чрезвычайнаго [1]), и мудрено, и странно. Что касается Ярославской губерніи, то ни какія иныя объясненія, кромѣ удаленія изъ ея предѣловъ промышленно-и-торгово развитого народа, не приложимы къ ней, такъ какъ ея историческая жизнь за разсматриваемый промежутокъ времени особыхъ сомнѣній не возбуждаетъ. Положительно извѣстно, что въ концѣ X и въ XI в. въ ея предѣлахъ господствовали славяне и что вмѣстѣ съ ними жили финны. Могилъ даннаго времени, кромѣ кургановъ, здѣсь не извѣстно, стало быть, ярославскіе курганы конца X и XI в.в. могутъ принадлежать только или славянамъ, или финнамъ. Но такъ какъ черепа и ростъ курганныхъ костяковъ рѣшительно не финскіе [2]), то очевидно, что Ярославскіе курганы X и XI в.в. большею частью принадлежатъ славянамъ. Отличительные признаки этихъ кургановъ, какъ сказано, бѣдность вещами [3]) и монетами, плохая выдѣлка мѣстныхъ вещей, почти полное отсутствіе оружія [3]), погребеніе (а не сожженіе) на материкѣ, изрѣдка въ мелкой ямѣ, въ въ вытянутомъ положеніи, головою къ закату (С.-З., З., Ю.-З), иногда въ гробахъ. Сами курганы вообще не велики, располагаются кладбищами, которыя находятся часто по близости болѣе древнихъ кладбищъ, но не обязательно на склонахъ, какъ тѣ, а и на равни-

[1]) Въ родѣ быстраго одичанія послѣ разгрома варварами.

[2]) Черепа длинно и средне-головые, ростъ выше средняго и высокій отъ 6—12 верш.

[3]) Меряне и ихъ бытъ... стр. 53.

нахъ и, кромѣ того, по числу насыпей и занимаемому пространству, въ общемъ, меньше тѣхъ.

Кому же могли принадлежать болѣе древнія Ярославскія кладбища?

Если не финнамъ и не славянамъ, то только норманнамъ—варягамъ, такъ какъ другихъ племенъ исторія здѣсь не знаетъ. Эта мысль по отношенію отдѣльныхъ могилъ не разъ приходила въ голову изслѣдователямъ ярославскихъ кургановъ, отмѣчавшимъ въ нихъ норманскіе признаки [1]). Но только эти признаки приписывали или отдѣльнымъ норманскимъ выходцамъ, или заимствованію у нихъ или же, наконецъ, торговлѣ съ ними (вещи). Между тѣмъ нужно признать, что норманны жили здѣсь. За это говоритъ во 1-хъ, нахожденіе цѣлыхъ большихъ кладбищъ однородныхъ кургановъ съ однородными, несомнѣнно, норманскими вещами, среди которыхъ не мало норманскаго оружія, и съ одинаковымъ похороннымъ обрядомъ, т. е. такихъ кладбищъ, которыя могли возникнуть лишь *при продолжительномъ проживаніи* и, сравнительно, *большого числа людей*, а во 2-хъ, то соображеніе, что если бъ норманскія вещи были нужны здѣсь не однимъ норманамъ и, вслѣдствіе этого, были бы занесены сюда торговлею и т. п. способами, а не самими норманнами, *жившими здѣсь*, то эти вещи (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя) должны были бы попадаться въ ярославскихъ курганахъ и позже, въ концѣ X и въ XI в., чего не замѣчается. Взамѣнъ этого наблюдается, напротивъ, полная «смѣна культуръ», перемѣна и въ способахъ похоронъ, и въ устройствѣ кургановъ, и въ ихъ содержимомъ. Очень многія, несомнѣнно, норманскія вещи, какъ отчасти уже замѣчено, существовали въ Россіи относительно недолго, сравнительно на небольшой площади и въ ограниченномъ количествѣ. До сихъ поръ онѣ отмѣчены въ Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, т. е. по берегу Балтики; 2 случая въ Двинскѣ (Витебской губерніи),

---

[1]) О чемъ про славянъ говорятъ Іоаннъ Эфесскій (VI в.), имп. Маврикій (конецъ VI в.), Ибнъ Даста (начало X вѣка) и сами славяне. Первые трое свидѣтельствуютъ, что у славянъ были лишь дротики и стрѣлы съ луками, а послѣдніе, по словамъ Феофилакта, заявили Маврикію, что не обучены носить оружіе за неимѣніемъ желѣза въ ихъ странѣ, и войны не знаютъ. (Изъ ист. сл. перед., стр. 61, 62, 81).

[1]) Гр. А. С. Уваровъ (Меряне и ихъ бытъ, стр. 34, 62, 82, 85, 87 и др.); Н. Г. Керцелли (Антр. выст., т. II, стр. 76); А. А. Спицинъ (Разселеніе древне-русск. племенъ) говоритъ вообще о вліяніи норманновъ на стр. 9, 15; о Ярославскихъ курганахъ на стр. 18. Керцелли отмѣчаетъ, что изъ разрытыхъ имъ близъ д. Юрьевецъ (Рыбинск. у.) кургановъ, 5 были обставлены камнями «на подобіе кургановъ, находимыхъ на Скандинавскомъ полуостровѣ», а одинъ былъ забросанъ камнями, «какъ это, по свидѣтельству сагъ, не рѣдко дѣлалось скандинавами».

въ Тверской, Ярославской, Владимірской, Орловской, Смоленской и Кіевской губерніяхъ (Русск. древн. въ пам. искус. гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, в. V, стр. 54; Зап. Рус. Арх. Общ., т. XI, в. 1-2, стр. 12 и др. т.т. и в.в.), т. е. въ мѣстахъ, въ которыхъ письменность засвидѣтельствовала пребываніе и проживаніе варяговъ. Нужно признать, что скандинавскія вещи попадаются въ мѣстахъ именно проживанія варяговъ, а не владычества ихъ вообще, ибо въ указанныхъ губерніяхъ находятъ такія вещи не всюду, а только въ отдѣльныхъ и немногихъ пунктахъ. Чаще всего находимые предметы очень хорошей, высокой выработки и выполненія съ сложными узоромъ и формами, каковы скорлуповидныя застежки (фибулы), пряжки, запоны-броши, ободки гребенокъ, бляхи поясныхъ, темлячныхъ и сбруйныхъ наборовъ, прекрасное оружіе не рѣдко съ тонкой серебряной и даже золотой насѣчкой и проч. Они какъ появляются вдругъ, безъ предварительныхъ формъ, такъ и исчезаютъ вдругъ же и безслѣдно, не вызвавъ подражаній и не переродившись ни во что. Такое положеніе опредѣленно свидѣтельствуетъ, во 1-хъ, о ихъ иноземности и ввозѣ, признаваемыхъ и В. И. Сизовымъ (Матеріалы по археол. Россіи, № 28, стр. 125), находящимъ, впрочемъ (какъ и Кондаковъ въ указанномъ его изданіи), мѣстныя подражанія имъ (стр. 36, 37), въ чемъ я сомнѣваюсь. Во 2-хъ, объ употребленіи ихъ лишь ввезшими ихъ, занесшими ихъ въ Россію съ собою или о томъ, что эти предметы не пришлись здѣсь по вкусу (что не вѣроятно), такъ какъ иначе непремѣнно создалось бы мѣстное производство ихъ, а равно и усиленный ввозъ, что не позволило бы этимъ вещамъ быстро выдти изъ употребленія и создало бы лишь постепенное исчезновеніе ихъ. Въ 3-хъ, что ввезшіе или не имѣли постоянныхъ сношеній съ родиной вещей и не дѣлали ихъ предметомъ большаго торга, не пускали въ продажу и оборотъ, или были вытѣснены, или же, наконецъ, обрусѣли и перемѣнили вкусы, замѣнивъ свое чужимъ. Кстати отмѣчу какую-то связь между нѣкоторыми вещами ярославскихъ кургановъ и осетинскихъ могильниковъ. Я уже указалъ на однородность (даже тождество) стремянъ тамъ и здѣсь, теперь же еще отмѣчу, что въ осетинскихъ могильникахъ хотя не часто, но попадаются и гусино-лапчатые привѣски совсѣмъ такіе же, какъ въ ярославскихъ курганахъ (Коминтескій могильникъ). Кромѣ того въ Камбылтескомъ (Кумбултыскомъ) могильникѣ найдена скорлуповидная фибула хотя и напоминающая въ общемъ черепаху, но очень близкая по устройству къ норманскимъ. Она литая, состоитъ

также изъ двухъ наложенныхъ другъ на друга чашекъ, изъ коихъ верхняя прорѣзная, какъ и у норманскихъ [1]).

Чѣмъ же объяснить смѣну культуръ, какъ не смѣной населенія, отмѣченной лѣтописью, повѣствующей, что въ 861 г. «изъгнаша (меря, кривичи и пр.) варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти»? Ушли норманны и унесли съ собою свои нравы, обычаи и обряды, строй жизни и ея обстановку, оружіе и одежду и т. д., словомъ, слѣды ихъ исчезли. Тѣ же изъ обитателей губерніи, которые остались въ ней, продолжали оставлять слѣды своего пребыванія тутъ и ихъ находятъ тѣ, кто ищетъ. Сказанное такъ просто, естественно, и такъ правдоподобно, что если даже не было бы отмѣчено письменностью, то и тогда не должно было бы возбуждать сомнѣній.

Норманны, явившись въ Ярославскую губернію въ VIII в. [2]), принесли съ собою свои нравы и способъ погребенія, состоявшій въ сожженіи мертваго и въ навалкѣ надъ его прахомъ и кострищемъ болѣе или менѣе значительныхъ полушарныхъ насыпей. Явились норманы не поселенцами, а завоевателями, для взиманія поборовъ и жизни на чужой счетъ и потому явились они не одиночками, а въ значительномъ числѣ и держались вмѣстѣ, шайками. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ землѣ славянъ и финновъ, незнавшей кургановъ, послѣдніе вдругъ появляются съ VIII вѣка и, притомъ, какъ и сами норманны, не по одиночкѣ, а сразу цѣлыми кладбищами, что и должно было быть такъ, разъ норманны жили въ губерніи и имѣли свои поселенія. Въ послѣднемъ же, кажется, трудно сомнѣваться не только въ силу говореннаго выше, но и вслѣдствіе существованія въ губерніи селеній съ такими характерными названіями, какъ Гартово (въ Роман. и Яросл. у.у., подъ 56°38′ З. Д. отъ Фер. 57°44′ С. Ш.; 56°53′ З. Д. 57°26′ С. Ш.), Барлово (Данил. у. 57°58′ З. Д., 58°8′ С. Ш.), Редриково [3]), Эрихово или Эрихова слободка [4]) (Яросл. у. 57°00′ З. Д. 57°25′ С. Ш.), д. Варягово (въ приходѣ с. Воздвиженскаго Ром. у.), огромное болото Ва́регово въ томъ же у. и проч. Правда, селеній съ подобными названіями въ губерніи не много, но во 1-хъ, и норманны полновластно и неограниченно господствовали въ ней, сравнительно, не долго, во 2-хъ, многіе

---

[1]) Матер. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 218, р. 186; стр. 315, р. 246, 247.

[2]) Какъ свидѣтельствуютъ найденныя въ курганахъ восточныя монеты.

[3]) И въ Ростовскомъ уѣздѣ; верстъ 8 отъ с. Ильинское-Хованское, на Суздальской границѣ. (Алф. указатель селеній Яр. губ. А. П. Крыловъ, стр. 267).

[4]) Отъ с. Тунашна (близъ Волги) къ Ю.-В. верстахъ въ 14.

изъ нихъ, несомнѣнно, жили въ мѣстныхъ инородныхъ селеніяхъ [1]) и въ 3-хъ, наконецъ, нѣкоторыя изъ норманскихъ селеній могли перемѣнить свои названія или сохранить только мѣстныя, утративъ норманскія, какъ чуждыя. Это особенно могло имѣть мѣсто по отношенію къ сравнительно молодымъ норманскимъ селеніямъ. Кромѣ того, норманскія селенія могли называться отъ туземцевъ общимъ именемъ. Таковыми, по всей вѣроятности, являются всѣ или большинство селеній, носящихъ названія отъ корня русс.: [2]) Русаново, Русилово, Русово и проч. [3]), которыхъ довольно много и которыя едва ли назвали бы такъ въ своей странѣ сами руссы, если бы только этими руссами были славяне, а не варяги—норманны [4]). Примѣромъ первыхъ можетъ, кажется, служить д. Кузнечиха (при ней с-цо Михайловское), находящаяся около Михайловскаго курганнаго кладбища. Здѣсь не только должно было существовать норманское селенье, насыпавшее это большое кладбище, но оно было и древнѣйшимъ изъ такихъ въ губерніи, ибо въ Михайловскихъ курганахъ найдена мною древнѣйшая для губерніи курганная монета (Васита 712 г. по Р. Х., 94 г. Гедржи). Недалеко отъ Михайловскаго кладбища расположены и двѣ деревни съ названіями Русаново,—одна въ приходѣ Яковлевской слободы, другая въ приходѣ с. Печелокъ.

Такъ какъ норманны явились въ край не поселенцами, а завоевателями—владыками, то понятно, что первое время не они къ туземцамъ, а послѣдніе къ нимъ должны были примѣняться. И такъ какъ похоронные обряды у обоихъ были въ существѣ одинаковы, а разнились лишь въ подробностяхъ [5]), то этимъ и объясняется то обстоятельство, что

---

[1]) Въ Ростовъ Рюрикомъ посаженъ норманнъ; норманны, насыпавшіе огромное Больше-Тимеревское кладбище (Яр. у.), жили, конечно, недалеко отъ него, очень возможно, въ д. Большое Тимерево, расположенной на высокомъ коренномъ берегѣ Которости, съ котораго видно за 25—30 верстъ въ три стороны. Селеніе это удержало до нынѣ свое финское названіе. По Шафарику (Отрывки изъ изсл. о вар. вопр. С. Гедеоновъ, стр. 24) въ Словинцахъ былъ около 838 г. гор. Росторфъ (Rostorf), не есть-ли ярославскій Ростовъ, произносимый, какъ Ростофъ, обрусѣлое Росторфъ или Росдорфъ? Слово «варяги» писалось въ лѣтописяхъ и «варегы» (тамъ же, стр. 149).

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ могли быть и славянской Руси, т. е. южныхъ, днѣпровскихъ выходцевъ.

[3]) Точно также, какъ есть селенія съ названіями: Татарская, Татарка, Паново, Панино, Паны и пр.

[4]) Какой смыслъ назвать какое либо селеніе русскимъ или человѣка—русиномъ, Русиновымъ, когда всѣ они русскія? Но большой смыслъ назвать селенье русскимъ (или татарскимъ и пр.), а человѣка русиномъ тогда, когда остальные славянскіе. И лѣтопись, и Русская Правда строго отличаютъ руссовъ отъ славянъ: исшійте препаволочиты Руси, а словѣномъ кропійныя; отъ варягъ бо прозвашася Русью; древляне прямо не считаютъ себя русскими: се князя убихомъ рускаго, поимамъ жену его... 80 гривенъ за голову,—аще будетъ русинъ... лю-бо словенинъ,—то 40 гривенъ.

[5]) И тѣ, и другіе жгли мертвыхъ; у славянъ этотъ обычай, судя по даннымъ языка, едва-ли не заимствованъ, но у кого и когда, сказать трудно.

славяне, сравнительно, легко и скоро усвоили себѣ норманскіе похороны, смѣнивъ свои столбы на курганы. Очень возможно, что тѣ курганы сожженія, въ которыхъ горшокъ съ прахомъ помѣщенъ не глубоко отъ вершины кургана, принадлежатъ именно понорманеным славянамъ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ усвоенія норманскаго похороннаго обряда постепенно утратился сперва горшокъ и прахъ сожженнаго начали класть въ вершину кургана просто въ ямку, а затѣмъ и совсѣмъ оставлять на кострищѣ.

Не буду вновь говорить о черепахъ, ибо раньше уже сказалъ что они или норманскіе, или понорманеные [1]).

Подводя итогъ всему изложенному, получимъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ: курганы въ Ярославской губерніи первыми начали насыпать норманны, или лѣтописные варяги, поселившіеся въ ней не позже VIII в. по Р. Х. Большинство ярославскихъ кургановъ сожженія VIII и IX в.в. принадлежитъ именно норманнамъ. Отъ послѣднихъ курганы постепенно заимствованы туземцами, славянами и финнами [2]) и съ X в. (конца) преобладаютъ въ губерніи курганы уже славянскіе, но вмѣстѣ съ ними встрѣчаются и финскіе (порусѣнныхъ финновъ).

И. А. Тихомировъ.

---

[1]) За исключеніемъ среднеголовыхъ; короткоголовыхъ пока не извѣстно.

[2]) Ярославскіе финны едва-ли когда нибудь жгли своихъ покойниковъ, такъ какъ этотъ обычай не могъ найдти никакой опоры въ ихъ прошломъ и въ ихъ мировоззрѣніи, но курганы заимствовать имъ было не трудно, такъ какъ они и ранѣе, до норманновъ, заваливали мертвыхъ или камнями, или деревомъ.

О находкахъ подъ г. Ржевомъ каменныхъ орудій эпохъ палеолитической и неолитической.

За послѣдніе три года (1901—1903) мною подъ гор. Ржевомъ на обоихъ берегахъ Волги была найдена масса орудій каменнаго вѣка какъ палеолитической эпохи, такъ и неолитической, изъ коихъ около 1800 описанныхъ экземпляровъ представлены на выставку Съѣзда.

Всѣ эти орудія найдены были мною не совсѣмъ обычнымъ путемъ, именно не посредствомъ раскопокъ на какомъ-либо незначительномъ пространствѣ, нѣтъ—они были просто собраны мною съ береговъ Волги [1]). Берега эти во многихъ мѣстахъ выше и ниже Ржева настолько каменисты, представляютъ такую прочную подстилку, что, вѣроятно, существуютъ цѣлыя тысячелѣтія въ томъ же самомъ видѣ, такъ что по нимъ—можно допустить—ступали первые ржевскіе насельники, а затѣмъ цѣлая вереница слѣдующихъ поколѣній, двигавшихся съ Востока изъ Азіи на Западъ къ намъ въ Европу.

Подъ самымъ городомъ Ржевомъ и ниже во многихъ мѣстахъ вплоть до Зубцова Волга обрамлена высокими кручами. Кое-гдѣ эти кручи нѣсколько отступаютъ отъ русла рѣки и тогда образуются небольшія живописныя долины съ довольно ровною поверхностью. Эти долины въ самыя отдаленныя времена были болѣе или менѣе обитаемы. Позволяю себѣ такъ выразиться потому, что всюду въ подобныхъ долинахъ осталось необыкновенно значительное количество каменныхъ орудій. Если бы это были простыя стоянки, ихъ не было бы такъ много. На высотѣ 1—2 саженъ отъ уровня воды въ меженную пору вездѣ по Волгѣ [2]) въ подходящихъ мѣстахъ обнаруженъ былъ мною такъ называемый культурный слой. Весьма вѣроятно, на полосѣ этого слоя, не заливавшейся водою въ лѣтнее время и въ самыя отдаленныя времена, находились лѣтнія жилища первыхъ насельниковъ, прислоненныя

[1]) Исключеніе составляетъ часть орудій Маделенскаго типа: они частію были извлечены изъ глины, разрытой въ глубь на полъ-аршина. Это, конечно, не настоящая раскопка.

[2]) На обоихъ берегахъ и выше и ниже Ржева. Въ настоящемъ году на правомъ берегу Волги обнаружены были мною орудія выше желѣзнодорожнаго моста и противъ Городища въ Опокахъ и Сосонника, о чемъ еще не могло быть упомянуто въ моемъ изслѣдованіи «Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ».

къ самымъ кручамъ. На это указываютъ находимыя въ этой полосѣ болѣе массивныя орудія—боевые и другіе молоты, крупные ножи и скребки. Съ этой полосы съ теченіемъ времени немало орудій сползло или было смыто водой къ самой Волгѣ, гдѣ они и долежали до нашихъ дней, несмотря на то, что при тягѣ судовъ топчутъ ихъ и люди и лошади, а весною вдоволь гуляютъ по нимъ волжскія волны. Тощая растительность съ трудомъ пробивается сквозь массы известняка, кремня и другихъ камней, а также разныхъ окаменѣлостей. Долины съ подобной физіономіей необыкновенно богаты орудіями каменнаго вѣка во всемъ ихъ разнообразіи и полнотѣ. Всѣ эти кремни и другіе камни краснорѣчиво говорятъ намъ о первыхъ насельникахъ волжскихъ береговъ и слѣдовавшихъ за ними другихъ поколѣній. Только языкъ ихъ не всякому понятенъ: надо присмотрѣться къ нимъ и познакомиться ближе, а это дѣло далеко не легкое. Зато результаты поразительные. Оживаютъ волжскіе берега за многія тысячи лѣтъ до нашего времени. Рядомъ съ картинами мирной жизни, сценами рыбной ловли и охоты на звѣрей и птицъ, слышатся грозные боевые крики—то идетъ борьба за обладаніе самыми берегами, такъ какъ новые насельники движутся по проторенному пути... Такъ одни столѣтія, если не тысячелѣтія, смѣняютъ другія, оставляя по себѣ слѣды въ каменныхъ орудіяхъ. Лежатъ рядомъ послѣднія, хотя, быть можетъ, по времени отстоятъ они далеко одно отъ другого.

Дѣло изслѣдователя оріентироваться среди массы каменныхъ орудій, рѣшать, какія изъ нихъ древнѣе другихъ. Такъ слѣдуетъ сдѣлать и мнѣ, и безъ особыхъ колебаній я утверждаю, что часть найденныхъ мною орудій, и не малая, должна быть отнесена къ палеолитической эпохѣ, другія же орудія принадлежатъ къ неолитической.

Къ первой эпохѣ отношу я орудія, приготовленныя болѣе примитивнымъ способомъ—съ помощію откола и оббивки большими полосами и выбоинами.

Что касается разнаго рода наконечниковъ (копій, дротиковъ и стрѣлъ), то уже въ эту эпоху приготовлялись они двухъ типовъ: первый былъ листообразный, второй въ видѣ обрубка съ заостреннымъ концомъ. Первый типъ имѣлъ, въ свою очередь, двѣ крупныя разновидности: первая—въ видѣ длиннаго узкаго листа съ прямымъ ребромъ посрединѣ, отъ коего идутъ двѣ боковыя грани, такъ что орудія являются трехгранными, и вторая разновидность—въ видѣ болѣе широкаго листа, при чемъ ребро съ гранями на подобныхъ орудіяхъ не

всегда доходитъ до основанія, вслѣдствіе сдѣланнаго откола къ задку для прикрѣпленія въ разсченъ, между тѣмъ какъ орудія первой разновидности прикрѣплялись къ древку съ помощію привязыванія. У всѣхъ листообразныхъ наконечниковъ острее образовано подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ—исключенія рѣдки.

Несмотря на значительную плотность орудій перваго типа, т. е. листообразнаго, все-таки конецъ острея могъ часто ломаться. Вѣроятно, это обстоятельство побудило прибѣгнуть ко второму типу—болѣе массивныхъ орудій въ видѣ обрубка съ остреемъ, нерѣдко высокимъ и подъ прямымъ угломъ (иногда даже подъ тупымъ). По крайней мѣрѣ, другимъ чѣмъ-либо трудно объяснить появленіе этого типа, на нашъ взглядъ весьма неудобнаго. Для древнихъ ржевскихъ насельниковъ таковымъ онъ, повидимому, не былъ, такъ какъ перешелъ и въ неолитическую эпоху.

Совмѣстно съ орудіями палеолитической эпохи найдены были мною въ нѣсколькихъ пунктахъ орудія такъ называемаго Маделенскаго типа, состоящія изъ тонкихъ пластинокъ, отбивавшихся отъ кремневыхъ ядрищъ особыми отбойниками или костяными ножами—въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ сильнаго нажима. Одинъ изъ подобныхъ ножей былъ поднятъ мною изъ воды рѣчки Халынки, впадающей въ Волгу въ самомъ Ржевѣ. Что касается самыхъ ядрищъ, то ихъ попалось мнѣ больше десятка.

Къ неолитической эпохѣ могутъ быть отнесены орудія, сдѣланныя съ помощію пилы и нерѣдко шлифованныя, по крайней мѣрѣ на особенно важныхъ мѣстахъ—на граняхъ острея. Въ Археологіи Россіи Гр. Уварова [1]) сказано, что «всѣ доселѣ найденные наконечники стрѣлъ или копій, къ какой эпохѣ они ни принадлежатъ, сдѣланы всегда посредствомъ отбивки, и ни одинъ изъ нихъ не шлифованъ». Въ моемъ собраніи ржевскихъ орудій встрѣчается, наоборотъ, немало шлифованныхъ наконечниковъ стрѣлъ и дротиковъ, относящихся, если шлифовка искусственна, къ неолитической эпохѣ. Объясняется это обстоятельство, мнѣ кажется, тѣмъ, что ко времени появленія въ свѣтъ труда Гр. Уварова [2]) не были еще описаны орудія неолитической эпохи, подобныя ржевскимъ [3]). Правда, говорится въ Археологіи Россіи

[1]) Т. I, стр. 45.

[2]) Въ 1881 г.

[3]) Въ Археологіи Россіи Гр. Уварова полнѣе всего представлены типы орудій мелкой оббивки, затѣмъ молоты неолитической эпохи общеизвѣстной формы со сверлинами, частію орудія Маделенскаго типа и палеолитической эпохи.

о выпилкѣ правильныхъ плитокъ для каменныхъ орудій, особенно сибирскихъ (I, стр. 370), о подправкѣ ихъ посредствомъ отбивки и затѣмъ о шлифовкѣ; о пилкѣ орудій, кромѣ того, упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напр. когда рѣчь идетъ о шлифованныхъ окскихъ орудіяхъ (I, стр. 314), но обстоятельнаго описанія главнѣйшихъ типовъ орудій неолитической эпохи нѣтъ, если выключить отдѣлъ молотовъ со сверлинами и цельтовъ.

Орудій такъ называемой мелкой оббивки, отличающихся красотою, но требовавшихъ зато при приготовленіи большого труда и значительной траты времени, подъ Ржевомъ встрѣчается необыкновенно мало, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Очень можетъ быть, что разнаго рода ищейки, въ виду спроса на эти орудія, посбирали попадавшіеся имъ экземпляры, но куда же дѣлись поломанные, наконецъ, куски отъ нихъ, которые должны быть неминуемо, если только подобныя орудія были въ достаточномъ количествѣ? По моему мнѣнію, не эти орудія составляли обычное вооруженіе ржевскихъ насельниковъ. То же самое могу сказать и о шлифованныхъ молотахъ со сверлинами—ни одинъ изъ нихъ не попался мнѣ, хотя молоты другого типа считаются въ моемъ собраніи десятками.

Ржевскія орудія какъ палеолитической, такъ и неолитической эпохи представляютъ оружіе надежное и въ рукахъ сильныхъ людей грозное, съ коимъ можно было вступить въ борьбу съ любымъ врагомъ, будь это человѣкъ или лютый звѣрь.

Конечно изъ наступательнаго оружія болѣе всего было стрѣлъ всевозможныхъ размѣровъ, начиная отъ миніатюрныхъ для битья дичи и кончая сильными боевыми стрѣлами длинной формы. Многочислены также наконечники дротиковъ; наконечники же копій попадаются уже въ мéньшемъ числѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ копья быстро не расходовались и служили болѣе или менѣе продолжительное время. Самыя большія и громоздкія изъ нихъ могли служить для дѣланія прорубей въ зимнее время или для рытья земли.

Къ оборонительному оружію должны быть отнесены боевые топоры и кинжалы. Типъ первыхъ весьма замѣчателенъ—они имѣютъ форму орлиной головы съ могучимъ клювомъ и достигаютъ большихъ размѣровъ (до 165 милл. длины). Насаживались они съ помощію привязыванія къ массивному топорищу.

Кинжалы дѣлались въ стилѣ наконечниковъ копій, только снабжались либо ручками (такіе очень рѣдки), либо выбоинами у основанія

(обычный типъ), такъ что получались упоры для пальцевъ—родъ неясно выраженной ручки.

Нерѣдко попадающіяся квадратныя плитки, хорошо вырѣзанныя, могутъ быть считаемы за пращныя камни неолитической эпохи.

Изъ орудій домашняго обихода безспорно первое мѣсто занимаютъ ножи. Главнѣйшіе ихъ типы, повидимому, выработались уже въ палеолитическую эпоху. Всѣ ножи можно раздѣлить на ножи безъ особой ручки и на ножи съ ручкой. Конечно, естественно предположить, что самымъ древнимъ типомъ былъ ножъ безъ ручки, съ однимъ лезвеемъ, впрочемъ, сдѣланный такъ, что можно было до извѣстной степени удобно дѣйствовать имъ, держа за плотный задокъ. Слѣдующею формою ножа могъ быть ножъ съ ручкою, образованною простымъ срѣзомъ отъ лезвея съ помощью откола, и, наконецъ, третьею — ножъ съ ясно обдѣланною ручкою. Для рѣзанія большихъ кусковъ мяса служили массивные широкіе ножи, достигавшіе до 145 милл. длины, съ закругленнымъ лезвеемъ. Съ теченіемъ времени стали отдавать предпочтеніе ножамъ, снабженнымъ большими, удобными для держанія ручками, такъ что послѣднія своими размѣрами нерѣдко превосходили лезвея. Подобными ножами было удобно не только рѣзать, но и стругать дерево, если принять во вниманіе, что нѣкогда они были, безъ сомнѣнія, гораздо острѣе. Въ неолитическую эпоху приготовлялись иногда ножи, конецъ ручки коихъ могъ употребляться въ видѣ скребка.

Весьма многочислены въ моемъ собраніи также небольшіе поясные ножи, плотной конструкціи, особенно удобные для перерѣзыванія какого-либо небольшого предмета, напр. тетивы у лука и т. п. Два экземпляра изъ нихъ имѣютъ на концѣ ручки сквозныя сверлины—очевидно, для привязыванія, у третьяго сверлины не удались и въ замѣнъ ихъ выбита цѣлая полоса въ видѣ впадины—для той же цѣли. Этотъ экземпляръ, судя по работѣ, сѣдой древности—палеолитической эпохи.

Упомянутыя сверлины, попадающіяся изрѣдка также на наконечникахъ стрѣлъ и дротиковъ, сдѣланы обыкновенно встрѣчнымъ способомъ—воронкообразными углубленіями съ обѣихъ сторонъ.

Скребки могутъ быть подведены подъ два типа. Болѣе распространенный типъ состоялъ изъ узкой ручки съ довольно широкимъ закругленнымъ лезвеемъ, при чемъ ручка дѣлалась гораздо толще и массивнѣе. Размѣрами достигали они до 125 милл. и бывали иногда съ упорами для пальцевъ. Нерѣдко подобные скребки являются, особенно въ неолитическую эпоху, болѣе украшенными, съ какою цѣлію

придавали имъ видъ широкаго листа со складками. Второй типъ скребковъ—типъ обрубка, нѣсколько съуженнаго къ ручкѣ, при чемъ лезвее дѣлалось закругленнымъ только съ краевъ. Въ неолитическую эпоху появился третій типъ скребковъ—узкихъ и длинныхъ съ небольшимъ лезвеемъ.

Уколки—буравы чаще встрѣчаются въ неолитическую эпоху. Въ нихъ можно подмѣтить два типа: первый, болѣе обыкновенный,—съ остреемъ у одного изъ боковъ, второй—съ остреемъ, выступающимъ изъ средины большой ручки.

Нѣкоторые камни, очевидно, были приспособлены для разглаживанія, вѣроятно, швовъ при шитьѣ одежды. Они носятъ явные слѣды продолжительнаго употребленія—на отполированной съ небольшою впадиною поверхности и снабжены поднятыми кверху удобными ручками.

Уже въ древнѣйшую палеолитическую эпоху рыболовство составляло важный источникъ продовольствія для первыхъ ржевскихъ насельниковъ. На это увазываютъ попадающіеся среди орудій рыболовные крючки и наконечники острогъ, сдѣланные по типу крючковъ съ остреемъ на вершинѣ. Остроги свидѣтельствуютъ также объ употребленіи лодокъ и знакомствѣ съ огнемъ. Нѣсколько наконечниковъ багровъ, найденныхъ мною, подтверждаютъ также существованіе лодокъ или челновъ.

Не мало попадается также отдѣланныхъ камней, преимущественно неолитической эпохи, служившихъ, вѣроятно, для какого-либо употребленія въ домашнемъ обиходѣ. Сюда относятся, между прочимъ, обдѣланные длинными полосами каменныя палочки съ нѣсколькими гранями, иногда вогнутыя съ ровною поверхностью на внутренней сторонѣ, имѣющей даже на нѣкоторыхъ широкихъ экземплярахъ какъ бы подобіе ложки и съ утолщеніемъ на одномъ концѣ; у другихъ, наоборотъ, конецъ заостренъ. Можно предположить, что подобныя орудія служили какъ бы вилками и ложками при пріемѣ пищи. Другіе камни, старательно выструганные (выглядятъ таковыми) могли употребляться въ видѣ украшеній или дѣтскихъ игрушекъ. Кристаллы горнаго хрусталя, или кварца, коими извѣстны берега Волги подъ Ржевомъ, нравились нашимъ насельникамъ. Они, случалось, старательно вырѣзывали ихъ изъ камней ровными пластинками, даже попалось мнѣ нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ неолитическаго стиля, выпиленныхъ изъ кристалловъ.

Что особенно интересно среди ржевскихъ орудій—это первые опыты рѣзного и скульптурнаго искусства, относящіеся если и къ не-

олитической эпохѣ, то тѣмъ не менѣе весьма отъ насъ отдаленной. Можно только подивиться при этомъ и тонкой наблюдательности нашихъ насельниковъ, и большому умѣнью нѣсколькими смѣлыми штрихами придавать камню подобіе извѣстнаго предмета или живого существа. Такъ до сихъ поръ мнѣ попались въ этомъ отношеніи, между прочимъ, слѣдующія вещицы: 1) Наконечникъ стрѣлы или копья, миніатюрныхъ размѣровъ, высѣченный обронно на гладкомъ красивомъ камнѣ, 2) Изображеніе оленьей головы, 3) Изображеніе орлиной головы съ шеей. Наконецъ, на мѣстѣ, самомъ богатомъ каменными орудіями—подъ орѣшникомъ, нѣсколько ниже Ржева, было мною найдено изображеніе головы старца, типа скорѣе короткоголовыхъ, со скошенною набокъ бородою. Высѣчено оно тоже обронно на плиткѣ изъ песчаника, коей приданъ соотвѣтствующій видъ. Хотя глаза не сдѣланы, тѣмъ не менѣе сейчасъ можно узнать человѣка по правдивымъ очертаніямъ.

Первое ознакомленіе общества [1]), а также людей науки съ моими находками сдѣлано было мною въ Москов. Вѣд. (въ № 308 за 1902 г.) въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Русскій Перигоръ» (Страница по доисторической археологіи) [2]). Далъ я это названіе свой статьѣ потому, что подъ г. Ржевомъ мною были совмѣстно найдены орудія палеолитической эпохи вмѣстѣ съ орудіями Маделенскаго типа, какъ и во французскомъ Перигорѣ въ Гаскони; сверхъ сего и по своей известковой формаціи и по красотѣ окрестности Ржева напоминаютъ Перигоръ съ его живописною Везерою. Сопоставленіе это невольно бросилось мнѣ въ глаза послѣ прочтенія интереснаго фельетона въ № 258 Московск. Вѣд. того же 1902 г. подъ заглавіемъ «Древнѣйшіе художники».

Не желая болѣе утомлять вниманіе господъ участниковъ Съѣзда, закончу мой рефератъ слѣдующими выводами, къ коимъ я пришелъ послѣ изученія собранныхъ мною подъ Ржевомъ каменныхъ орудій:

1) На обоихъ берегахъ Волги подъ г. Ржевомъ обнаружены мною несомнѣнные слѣды палеолитической эпохи, оставленные первыми насельниками, двигавшимися по Волгѣ съ Востока—по крайней мѣрѣ такъ я предполагаю, основываясь на великомъ значеніи Волги въ смыслѣ древнѣйшаго воднаго пути изъ отдаленной Азіи въ Россію и далѣе на Западъ.

2) За первыми насельниками двигались съ теченіемъ времени

---

[1]) Исключая ржевскаго, коему еще 16 декабря 1901 г. была мною прочитана объ этомъ предметѣ публичная лекція.

[2]) Перепечатана была потомъ въ Ржевѣ отдѣльной брошюрою въ 1903 г.

цѣлыя вереницы другихъ пришельцевъ, приносившихъ, вѣроятно, кое-какія усовершенствованія въ дѣлѣ выработки каменныхъ орудій. Такъ палеолитическая эпоха постепенно переходитъ въ неолитическую.

3) Съ моей точки зрѣнія крайне желательны изслѣдованія, подобныя моимъ [1]), по всему теченію Волги до Камскаго устья и далѣе по Камѣ и ея притокамъ. Тогда—я вполнѣ увѣренъ въ этомъ—кругозоръ изслѣдователей доисторической археологіи значительно расширится, и проникнутъ лучи свѣта во мракъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ.

4) Орудія такъ называемой мелкой оббивки не были обыкновенными, т. е. общеупотребительными, такъ такъ число ихъ ничтожно сравнительно съ массою орудій другой выработки какъ въ палеолитическую эпоху, тахъ и въ неолитическую.

5) Обыкновенныя орудія, т. е. подробно описанныя въ моемъ изслѣдованіи «Каменный вѣкъ подъ гор. Ржевомъ» и о коихъ было сказано въ семъ рефератѣ, не требовали значительнаго времени на ихъ приготовленіе благодаря умѣлымъ пріемамъ волжскихъ насельниковъ.

6) Насельники эти, по крайней мѣрѣ въ неолитическую эпоху, не были грубыми дикарями: помимо обнаруженнаго ими искусства въ приготовленіи каменныхъ орудій, они обладали и художественнымъ вкусомъ, на что указываютъ опыты ихъ рѣзца, о коихъ было мною упомянуто.

Предлагая эти выводы на благосклонное усмотрѣніе Съѣзда, позволяю себѣ прибавить, что я далеко не считаю свое дѣло конченнымъ: съ Божіею помощію буду я продолжать итти далѣе по намѣченному мною пути изученія волжскихъ береговъ, съ коими успѣлъ уже я сродниться.

П. Ѳ. Симсонъ.

---

[1]) Подробнѣе о нихъ сказано въ моемъ сочиненіи «Каменный вѣкъ подъ гор. Ржевомъ» Тверь, 1903. Изд. Твер. Уч. Арх. Ком.

Къ моему Изслѣдованію о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ.

Въ одномъ мѣстѣ моего Изслѣдованія о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ мною было сказано, что я лишенъ былъ возможности пользоваться свѣдѣніями о дальнѣйшихъ матеріалахъ по до-исторической археологіи послѣ появленія въ свѣтъ Археологіи Россіи гр. Уварова.

11 августа былъ прочитанъ мною рефератъ о моихъ находкахъ каменныхъ орудій подъ г. Ржевомъ. Тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы послѣ его прочтенія, естественно не могли меня удовлетворить. Какъ?! Неужели я напрасно столько трудился и надъ собираніемъ, и надъ изученіемъ каменныхъ орудій и, наконецъ, надъ изслѣдованіемъ, которое издавшая его Тверская Ученая Архивная Комиссія посвятила членамъ настоящаго Областного съѣзда?

Люди науки, труда и энергіи, раздѣлите мою радость!

У меня теперь въ рукахъ оружіе, съ помощью котораго могу я возстановить честь моей коллекціи, часть коей въ числѣ 34 картоновъ помѣщена на выставкѣ при съѣздѣ.

Какое, спро́сите вы, оружіе?

Третьяго дня въ числѣ другихъ лицъ получилъ я отъ нашей Архивной Комиссіи «Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, томъ V, вып. I-й», посвященный интересамъ настоящаго археологическаго съѣзда въ Твери.

Томъ этотъ имѣетъ соотношеніе къ моему изслѣдованію: и то и другое посвящено участникамъ съѣзда.

Въ означенномъ томѣ представлены, между прочимъ, результаты изслѣдованій и по палеолитической эпохѣ каменнаго вѣка, произведенныхъ кн. П. А. Путятинымъ и другими лицами. Какова была моя радость, когда, перелистывая этотъ томъ, сейчасъ увидѣлъ я, что научные пріемы кн. Путятина при описаніи и опредѣленіи каменныхъ орудій палеолитической эпохи *тѣ же самые*, какіе выработалъ и я, идя совершенно самостоятельнымъ путемъ [1]). Если научные пріемы были

[1]) Въ этомъ можно убѣдиться изъ моего Изслѣдованія о каменномъ вѣкѣ подъ г. Ржевомъ.

тѣ же самые и у кн. Путятина и у меня, то и результаты изысканій должны получиться тѣ же самые, ergo—орудія моей обширнѣйшей коллекціи, часть коей только на выставкѣ, такія же достовѣрныя орудія, какъ и собранія князя Путятина. Далѣе, изъ того же бѣглаго просмотра сослужившаго мнѣ такую службу V тома Записокъ отдѣленія русской и слав. археол. Импер. Русск. Археол. Общ. убѣдился я, что въ *уясненіи типовъ и ихъ разновидностей* палеолитической эпохи каменнаго вѣка *далеко я опередилъ* всѣхъ изслѣдователей по каменному вѣку, о коихъ упоминается въ означенномъ томѣ. Изъ бесѣды съ уважаемымъ А. А. Спицынымъ, вчера вечеромъ, я узналъ, что почтенный князь Путятинъ, этотъ первый знатокъ въ Россіи каменнаго вѣка, лишь постепенно въ теченіе многолѣтней своей работы, основанной на раскопкахъ, уясняетъ для себя типы орудій палеолитической эпохи и думаетъ только приступить къ собиранію первыхъ желѣзныхъ орудій. То и другое *уже сдѣлано* мною. Мало того: мною изучены и *типы неолитической эпохи*, къ изученію коихъ относятся съ такою робостью другіе изслѣдователи. Я обладаю такимъ богатымъ систематизированнымъ матеріаломъ по каменному вѣку (свыше 7000 орудій разныхъ эпохъ), обнимающихъ всю жизнь ржевскихъ первыхъ насельниковъ; сверхъ сего, такою внимательностью къ орудіямъ, что сейчасъ же замѣтилъ на нѣсколькихъ таблицахъ неправильно опредѣленныя орудія. Чтобы не быть голословнымъ, я заявляю, что мною будетъ составлена рецензія [1]) на обзоръ всѣхъ орудій палеолитической эпохи, помѣщенныхъ въ рисункахъ въ знаменитомъ для меня V томѣ: *я могу* это сдѣлать—такъ богатъ имѣющійся у меня матеріалъ принадлежащаго мнѣ собранія орудій каменнаго вѣка. Теперь могу я увезти васъ съ выставки, мои дорогіе 34 картона орудій, на родныя мѣста не опозоренными, напротивъ—окруженными блескомъ славы, и Вамъ, г.г. участники съѣзда, съ спокойнымъ духомъ могу рекомендовать мое изслѣдованіе, какъ опирающееся на научныя данныя. Если это не такъ, то надо опровергнуть орудія, представленныя кн. Путятинымъ, а этого никто не дѣлаетъ.

П. Ѳ. Симсонъ.

---

[1]) Рецензія эта дѣйствительно была составлена и напечатана въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1904 г. (въ іюньской книжкѣ) подъ заглавіемъ «Къ исторіи каменнаго вѣка».

Длинныя могилы въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Въ маѣ и іюнѣ текущаго 1903 года членомъ Тверского Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія Н. Г. Ратмановымъ и мною раскопано было нѣсколько удлиненныхъ и длинныхъ кургановъ, находящихся на землѣ Удѣльнаго Вѣдомства и деревни Извѣдова, Осташковскаго уѣзда, на мѣстѣ будущей станціи «Пенно» Сѣдлецко-Бологовской желѣзной дороги. Хотя въ этихъ курганахъ нами не найдено было ничего, кромѣ массы пережженыхъ костей въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но по нѣкоторымъ особенностямъ своего устройства курганы эти заслуживаютъ особаго описанія, особенно находящіеся близъ станціи «Пенно».

Самый длинный изъ этихъ кургановъ имѣлъ 20 саж. длины при вышинѣ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ саж. На поверхности кургана до раскопыванія его было замѣтно пять сѣдловинъ или выемокъ, такъ что при общей высотѣ кургана въ 4 аршина, въ этихъ выемкахъ онъ имѣлъ только отъ $2^1/_2$ до 3-хъ аршинъ высоты. Раскопки, произведенныя въ началѣ ихъ къ сожалѣнію—путемъ поперечныхъ траншей и только въ концѣ—путемъ продольной траншеи, обнаружили слѣды семи отдѣльныхъ трупосожженій, отдѣляемыхъ другъ отъ друга большимъ или меньшимъ разстояніемъ. Слѣды эти заключались въ массѣ мелкихъ кусковъ пережженыхъ костей, расположенныхъ, приблизительно, по длинѣ туловища сожигаемаго. Разбросаны они по слою золы и сильно прокаленнаго въ свое время песка. Этотъ рядъ погребеній въ одной могилѣ, вмѣстѣ съ сѣдловинами на поверхности самого кургана, даетъ возможность сдѣлать предположеніе о способѣ насыпки этого кургана. Очевидно, что онъ насыпанъ не за одинъ пріемъ, а образовался путемъ постепенной присыпки къ основному кургану при каждомъ новомъ погребеніи. Тянется этотъ курганъ почти прямо съ юга на сѣверъ.

Въ четырехъ аршинахъ отъ этой сопки тянется въ томъ же направленіи новая удлиненная могила, имѣющая длины $4^1/_2$ сажени. На двѣ сажени отъ нея къ сѣверу находится круглая сопка, имѣющая семь (7) аршинъ въ діаметрѣ. Въ обѣихъ этихъ сопкахъ тоже найдены

были въ большомъ количествѣ пережженыя кости надъ слоемъ углей и прокаленнаго песку.

3 и 4-го іюля нами былъ раскопанъ курганъ, который можно отнести къ числу удлиненныхъ кургановъ, извѣстный подъ названіемъ «богатырь». Этотъ курганъ находится на землѣ Удѣльнаго Вѣдомства, на урочищѣ извѣстномъ подъ этимъ же названіемъ. Курганъ этотъ, при ширинѣ 3 сажени, имѣетъ 8 сажень длины. Высота его отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ. При раскопкѣ, на трехъ-аршинной глубинѣ обнаруженъ слой кострища, съ довольно значительнымъ количествомъ угольевъ.

Любопытно преданіе, соединяемое съ этимъ курганомъ. Оно говоритъ, что здѣсь погребенъ русскій богатырь, убитый Литовцами, а рядомъ, въ круглой сопкѣ, зарыты его доспѣхи и что при погребеніи богатыря было наложено особое заклятье, гласящее: кто разроетъ эти курганы, сойдетъ съ ума. Круглая сопка была раскопана до насъ г. Воробьевымъ и было ли что въ ней найдено, намъ неизвѣстно.

Думается, что хотя произведенная нами раскопка этихъ кургановъ, и не дала никакихъ предметовъ, вообще очень рѣдкихъ въ курганахъ такого типа, она даетъ нѣкоторую возможность сдѣлать предположеніе о постепенномъ образованіи длинныхъ могилъ путемъ постепенной присыпки къ основному кургану при каждомъ новомъ трупосожженіи.

В. И. Колосовъ.

Городище Топорокъ

Тверской губерніи, Корчевского уѣзда.

Это замѣчательное городище, давшее намъ цѣнный археологическій матеріалъ, занимаетъ южную часть урочища Топорка, расположеннаго на плоской возвышенности, которая образуетъ лѣвый берегъ Волги. Оно лежитъ въ $1^1/_2$ верстахъ выше с. Сухарина, противъ сельца Карачарова Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, и усадьбы владѣльца городища кн. Гр. Гр. Гагарина.

Выбирая это мѣсто для своего поселенія или иныхъ культурныхъ цѣлей, древніе обитатели этого края руководились, очевидно, близостью рѣки, которая въ былыя времена близко подходила къ его юго-восточной, южной и юго-западной части и, дѣлая нѣсколько изгибовъ, давала громадный просторъ наблюденіямъ за всѣмъ происходившимъ на ней. Въ данное время она отошла отъ стараго сельбища, образуя передъ нимъ низьменную береговую полосу въ 300—325 футовъ ширины, и городище возвышается теперь, приблизительно, на 35 футовъ надъ уровнемъ воды, имѣя уклонъ около 7°. Ближайшіе овраги находятся: южный въ четверти версты, а сѣверо-восточный въ полуверстѣ отъ городища и оба идутъ по направленію къ Волгѣ; раньше они служили ложемъ двухъ ея притоковъ, изсякшихъ теперь до незначительныхъ ручейковъ. Форма городища продолговато закругленная (табл. 1). По долевой оси, идущей параллельно рѣкѣ, оно имѣетъ 217 футовъ, по поперечной 119 футовъ, такимъ образомъ оно занимаетъ около трети десятины. Внутренняя площадь городища окружена съ трехъ сторонъ двумя рвами и однимъ валомъ, съ четвертой стороны—сѣверо-восточной—двумя валами и тремя рвами. Внутренній ровъ, мѣстами, т. е. на юго и на сѣверо-западной сторонѣ глубже, чѣмъ наружный. Размѣры ихъ слѣдующіе: глубина внутренняго рва отъ площади городища 10 фут., отъ гребня вала $6^1/_2$ фут., глубина наружнаго вала отъ окружающей городище почвы $4^1/_2$ фут., такъ что дно послѣдняго опущено на материкъ лишь на 1 фут., между тѣмъ какъ дно перваго опущено на 3 фута

въ грунтъ. Валы и рвы имѣютъ вмѣстѣ ширину отъ 50 до 60 фут.; находящіеся на южной и юго-восточной части его, обращенные къ рѣкѣ, расплылись и сползли, будучи смыты водой и умяты проложенной здѣсь дорогой. Лучше всего сохранились валъ и рвы на юго-западной и западной сторонѣ городища. Сѣверная и восточная части потеряли также кое гдѣ свои правильныя, первоначальныя линіи и расплылись. Общая окружность вала составляетъ около 870 фут. Проложенная поперекъ него траншея показала, что онъ самой простой конструкціи, а именно насыпанъ исключительно изъ земли, вынутой изъ рвовъ, и состоитъ изъ верхняго слоя мѣстной почвы, т. е. песка. Культурный слой отсутствуетъ на немъ такъ же, какъ и остатки древней жизни. Къ этимъ главнымъ окружающимъ городище рвамъ примыкаетъ на западной сторонѣ еще одинъ ровъ, который, образуя полукружіе въ 511 футовъ, сливается своимъ сѣвернымъ концомъ съ внѣшнимъ рвомъ городища, между тѣмъ какъ южный, расплывшійся теперь, вѣроятно, раньше впадалъ туда же. Очертанія всего рва очень слабы, глубина незначительна, не превышая 2-хъ футовъ. Площадь, обнимаемая имъ, величиной въ 126—145 фут., лежитъ внѣ городища и лишена культурнаго слоя, представляя собой песчаную мѣстность такъ же, какъ и валъ, безъ всякихъ остатковъ древней жизни. Назначеніе этой площади осталось еще не выясненнымъ.

По своему мѣстоположенію и конструкціи городище Топорокъ не принадлежитъ къ общему типу тѣхъ характерныхъ городищъ Дьякова типа, которыя пріобрѣли въ глазахъ спеціалистовъ особый интересъ. Эти городища занимаютъ, въ большинствѣ случаевъ, высокіе, почти отвѣсные и малодоступные мысы, окруженные часто со всѣхъ сторонъ рѣками и глубокими оврагами и огражденные, кромѣ того, въ своихъ болѣе доступныхъ мѣстахъ однимъ или болѣе многосаженными валами, которые сооружались изъ пластовъ утрамбованной и обожженной глины, камня, уплотнившагося ила и другихъ породъ почвы, имѣя свои прототипы въ земляхъ, заселенныхъ южными славянами, какъ это доказываетъ Нидерле [1]). Городища Дьякова типа были изслѣдованы А. А. Спицынымъ [2]), В. А. Городовцевымъ [3]), В. И. Сизовымъ [4]), Н. И. Булычевымъ [5]) и многими другими и находятся въ Московской, Тульской, Калужской Рязанской и Тверской губерніяхъ. Мѣсто, занимаемое Московскимъ кремлемъ, представляло въ древнія времена такое же городище треугольной формы, его южная сторона обращена къ Москвѣ-рѣкѣ, западная и сѣверо-западная омывались рѣкой Неглинной, нынѣшній Але-

ксандровскій садъ, а восточная сторона, граничащая къ Красной площади, была защищена громаднымъ рвомъ [6]).

Городище Топорокъ покрыто разными густыми зарослями и высокимъ сосновымъ лѣсомъ, корни котораго переплели и перемѣшали въ значительной степени культурный слой, лишая его всякой хронологической послѣдовательнотти и затрудняя всѣ работы по изслѣдованію его. Систематическую раскопку вести не оказалось возможности, соблюдая интересы владѣльца, а пришлось пользоваться лишь тѣми частями, на которыхъ лѣсъ пострадалъ отъ бурь и другихъ вредныхъ вліяній и на которыхъ кн. Гагаринымъ было разрѣшено прокладывать траншеи. Не смотря на эти стѣсненія, намъ удалось найти укрѣпленіе близко похожее по своей конструкціи на сооруженія валовъ городищъ Дьякова типа. Оно находилось на западномъ краю площадки городища, гдѣ материкъ образуетъ естественный уклонъ, вслѣдствіе чего древними обитателями почва была искусственно приподнята и ей придано, на сколько можно болѣе, устойчивости. Это достигалось слѣдующимъ способомъ. На материкъ, состоящій изъ красновато-желтаго песка, были положены камни самыхъ разнообразныхъ размѣровъ отъ 2 футовъ въ квадратѣ и до камней величиной въ орѣхъ; соединяющимъ элементомъ между ними служила глина съ пескомъ, верхній пластъ которой былъ обожженъ примитивнымъ образомъ, что доказываетъ слой золы и угля въ $^3/_4$—1 фут. толщиной, лежащій на ней. На этотъ пластъ была вновь положена глина съ мелкими камнями и пескомъ, толщиной въ $1^1/_2$ фут., а затѣмъ уже слѣдовалъ верхній, культурный слой изъ чистаго чернозема, толщиной отъ 2 до $2^1/_2$ фут. Такимъ образомъ всѣхъ слоевъ оказалось четыре съ общей массивностью отъ 5—$6^1/_2$ футовъ, которая не превышала площадь городища. Доказательствомъ того, что мы здѣсь не имѣли дѣло съ эрратическимъ наносомъ, а съ искуственнымъ сооруженіемъ, можетъ служить то обстоятельство, что камни были положены довольно правильно, т. е. крупные лежали въ извѣстныхъ промежуткахъ между собой, приблизительно, отъ 4—5 фут, а между ними помѣщались болѣе мелкіе и съ ними одновременно насыпалась глина съ пескомъ. Крупные камни, подобные тѣмъ, какіе примѣнены здѣсь, нами не были встрѣчены въ остальныхъ траншеяхъ, проложенныхъ по площади городища, вслѣдствіе чего можно предположить, что они не находились въ его центральныхъ мѣстахъ, а лишь при вышеуказанномъ укрѣпленіи и при той грядѣ, о которой рѣчь будетъ впереди.

Траншея, которую было возможно проложить, не имѣла болѣе 45

фут. длины и 5 фут. ширины и не могла дать тѣхъ результатовъ, на которые можно было разсчитывать при менѣе ограниченномъ полѣ изслѣдованія, принимая во вниманіе, что извѣстный Мощинскій кладъ былъ найденъ Н. И. Булычевымъ подъ валомъ городища [7]).

Кромѣ того, въ этой части Топорка была обнаружена кладка изъ камней, сложенныхъ въ видѣ гряды въ 27 футахъ отъ западнаго вала. Гряда имѣла длину въ 16 фут., ширину въ $3^1/_2$ фута и толщину въ 2 фута. Преобладалъ булыжникъ, начиная величиной съ куриное яйцо и заканчивая однимъ камнемъ, достигающимъ около 6 пудовъ вѣсу. Известняка было мало; камни между собой не были скрѣплены ни глиной, ни иломъ и никакимъ инымъ вяжущимъ матеріаломъ, а просто сложены и ихъ щели заполнены тѣмъ же рыхлымъ, мягкимъ черноземомъ культурнаго слоя. Эта гряда, быть можетъ, имѣла связь съ укрѣпленнымъ берегомъ площади городища и заслуживала бы также болѣе подробнаго изученія.

Культурный слой Топорка имѣетъ лишь мѣстами незначительную примѣсь золы, угля и песка и залегаетъ мелко отъ $^1/_2$ до $3^1/_2$ фут., а на уклонахъ материка до 4-хъ фут. Общее состояніе площади городища сохранено прекрасно, за что и слѣдуетъ сказать владѣльцу большое спасибо, такъ какъ онъ бережетъ этотъ памятникъ старины и не подвергаетъ его использованію для сельскохозяйственныхъ нуждъ, что было бы очень понятно въ виду вполнѣ подходящей для этого почвы.

Незначительное залеганіе культурнаго слоя также отличаетъ городище Топорокъ отъ городищъ Дьякова типа, въ которыхъ, какъ говоритъ А. А. Спицынъ [8]), «вмѣсто бѣднаго слоя чернозема съ разбитыми костями животныхъ, черепками посуды и обломками металлическихъ подѣлокъ, мы находимъ слои золы, иногда весьма значительной массивности». Замѣтимъ, что на городищѣ близъ устья Сози и деревни Городище эти слои достигали 8 футовъ. Кромѣ того, въ нашемъ городищѣ нѣтъ того изобилія костей и костяныхъ подѣлокъ, какое обыкновенно встрѣчается въ городищахъ Дьякова типа, приближающихъ послѣднихъ къ костеноснымъ городищамъ Вятской губерніи [9]).

Костей животныхъ на Топоркѣ найдено вообще очень немного, всѣхъ было собрано лишь 1 п. 22 фун. и по отношенію къ черепкамъ онѣ составляли только $^1/_3$ часть. Между ними преобладали кости свиньи, кабана и лошади, судя по собраннымъ зубамъ и фалангамъ. Кости барана и быка попадались въ меньшемъ количествѣ, а зубы бобра и позвонки рыбъ лишь въ единичныхъ экземплярахъ.

По своей внѣшней формѣ Топорокъ подходитъ довольно близко къ болотнымъ и пріозернымъ городищамъ, которыя почти всегда окружены кольцомъ изъ нѣсколькихъ рвовъ и валовъ, при чемъ послѣдніе, высотой своей, не превышаютъ площадь городища, подобно тому, какъ мы это наблюдали на Топоркѣ.

В. П. Ляскоронскій [10]) осмотрѣлъ довольно значительное число болотныхъ городищъ въ бассейнѣ р. Сулы, сооруженныхъ по той же системѣ, какъ Топорокъ. Въ Черниговской губерніи въ Сосницкомъ уѣздѣ были мною осмотрѣны еще четыре городища, которыя оказались также близко схожими съ Топоркомъ, но исключительно по внѣшней формѣ, между тѣмъ какъ присущая имъ культура ведетъ насъ въ совершенно иную область.

Проложенныя вдоль и поперегъ городища Топорка траншеи и выемки, общимъ числомъ около 3233 кв. футовъ (табл. I), сдѣлали возможнымъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ мѣстами, на которыхъ происходила его главная жизнь. Они находятся въ его восточной половинѣ и обнимаютъ около $^1/_3$ всего городища.

Гончарное производство.

Первенствующее мѣсто въ дошедшихъ до насъ древнихъ остаткахъ жизни Топорка принадлежитъ керамикѣ и между ней черепкамъ посуды, собраннымъ въ количествѣ 6 пуд. 29 фунт. Въ этой массѣ поломокъ разныхъ сосудовъ совершенно отсутствовали черепки славянской посуды, нерѣдко встрѣчаемые на городищахъ Дьякова типа [11]). Это отсутствіе можетъ служить доказательствомъ того, что жизнь на Топоркѣ прекратилась до начала историческаго времени въ этомъ краѣ, такъ какъ появленіе вышеупомянутыхъ типовъ сосудовъ относится въ средней Россіи ко времени не раньше X вѣка. Не оказалось здѣсь также черепковъ кавказской черной посуды.

Черепки на Топоркѣ принадлежатъ по своему матеріалу, своей обработкѣ и орнаментировкѣ къ тремъ разнымъ группамъ и включаютъ въ себя сосуды, встрѣчаемые въ стоянкахъ глубокой древности, сосуды, присущіе всѣмъ городищамъ Дьякова типа безъ исключенія, и сосуды, близко подходящіе по своей техникѣ и матеріалу, но не по формѣ и орнаментировкѣ, къ славянской посудѣ.

Пользуясь систематизаціей и номенклатурой В. А. Городцева [12]), ихъ можно еще опредѣлить слѣдующимъ образомъ. По своему матеріалу

они состоятъ изъ глины съ примѣсью песка, изъ глины съ примѣсью различныхъ веществъ и изъ глины безъ искусственныхъ примѣсей. По своей техникѣ они выработаны отъ руки и выработаны на правилахъ, а по орнаменту принадлежатъ къ четыремъ семействамъ, а именно печатныхъ, чеканныхъ, рѣзныхъ и лѣпныхъ. Кромѣ того, встрѣчается между ними много экземпляровъ съ комбинированнымъ орнаментомъ, состоящимъ напр. изъ сплошной сѣтчатой печати, украшенной по слабо выраженнымъ плечикамъ разнороднымъ чеканомъ въ видѣ ямочекъ, квадратиковъ или кружковъ. Но имѣются также сосуды, лишенные всякой орнаментировки.

Что касается формы сосудовъ, то является затрудненіе сдѣлать болѣе точные выводы вслѣдствіе того, что черепки были слишкомъ мелки за исключеніемъ одного цѣлаго сосуда, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Гоолышки преобладаютъ прямыя, безъ утолщенія, но встрѣчались и два, три экземпляра съ отогнутымъ краемъ и также нѣсколько горлышекъ, идущихъ раструбомъ. Очевидно, преобладала баночная форма съ отлогими плечиками, прямыми боковыми стѣнками и низкой шеей. Днища прямыя, слабо закругленныя и съ выступающимъ острымъ краемъ изъ подъ сосуда. Подобныя встрѣчались, между прочимъ, на городищѣ у деревни Палкино на р. Исети и описаны Клеромъ и Ѳаддѣевымъ [13]).

Судя по линіи закругленія зѣва, можно предположить, что діаметръ горлышка имѣетъ 8, 10 и до 25 сант. Днища найдены съ діаметромъ отъ $3^1/_2$ до 6 сант.

Относительно хронологической послѣдовательности при орнаментировкѣ сосудовъ я считаю свой выводъ, сдѣланный a priori при раскопкѣ городища Дуны, теперь невѣрнымъ и причисляю сосуды, лишенные всякой орнаментировки, не къ самымъ древнимъ типамъ, какъ дѣлала это раньше, а къ болѣе позднимъ. На это навелъ меня, главнымъ образомъ, Липпертъ [14]), который говоритъ въ своей «Исторіи культуры человѣчества», что по изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ между многими современными дикими народами, процессъ развитія гончарства происходилъ слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ, когда еще не существовало никакого понятія о сосудахъ, человѣкъ употреблялъ для скопленія жидкихъ или сыпучихъ тѣлъ черепа и выдолбленныя кости, затѣмъ сталъ постепенно примѣнять кожу, сшивая ее по формѣ череповъ ремнями или травами, далѣе уже послѣдовало плетеніе изъ самыхъ разнообразныхъ растеній. Но въ силу того, что плетеніе пропускало

мелкія сыпучія и жидкія вещества, человѣкъ сталъ отыскивать способъ препятствовать этому и придумалъ замазывать плетеніе глиной. Стараясь отнять у нея клейкость и сдѣлать ее сухой и твердой, онъ приблизилъ ее къ огню и при этомъ случилось, что плетеніе обуглилось и отпало, оставляя глиняную форму съ отпечаткомъ плетенія, служившаго ей основой. Плетеніе замѣнялось со временемъ разными тканями, процессъ же обжиганія оставался долго все однимъ и тѣмъ же. Къ отпечаткамъ, производимымъ такимъ путемъ, человѣкъ малу по малу сталъ прибавлять отъ руки разныя варіяціи, пользуясь ногтемъ, заостренными костями и разными другими инструментами и превратилъ этимъ совершенно случайно появившіеся рисунки на сосудахъ въ осмысленное украшеніе, изощряя при этомъ свою собственную фантазію. Уважаемый ученый говоритъ, конечно, о началѣ орнамента въ каменномъ вѣкѣ и его идея примѣнима къ керамикѣ городища Топорка,—жизнь котораго можно пріурочить отъ V до VIII в.—только въ томъ отношеніи, что гончарное производство Топорка придерживалось преимущественно этихъ архаическихъ образцовъ, которые составляли двѣ трети всѣхъ его черепковъ.

Слѣдующее мѣсто занимаютъ сосуды типа стоянокъ, который выраженъ орнаментомъ, состоящимъ изъ круглаго полаго чекана, покрывающаго сплошь стѣнки горшковъ. Этотъ типъ обильно встрѣчается въ движущихся дюнахъ русскихъ рѣкъ [15]), но въ силу того, что при нихъ рѣдко находятся болѣе цѣнные и изученные памятники, вопросъ объ ихъ происхожденіи остается открытымъ.

Третій типъ сосудовъ, находящійся на Топоркѣ въ очень незначительномъ количествѣ, принадлежитъ сосудамъ, близко подходящимъ по техникѣ и матеріалу къ славянской посудѣ. Стѣнки у нихъ тонкія, обжигъ крѣпкій, звонкій и орнаментъ расположенъ группами, способомъ разнаго рода чекана и пластикой съ защипками и буграми вокругъ утолщеннаго бережка и по плечикамъ. Послѣдніе сосуды принадлежатъ уже къ самымъ позднимъ произведеніямъ керамики на Топоркѣ и мы ими закончимъ обзоръ черепковъ и перейдемъ къ описанію другихъ подѣлокъ гончарства.

Во первыхъ, упомянемъ лишь вкратцѣ о нѣсколькихъ пряслицахъ и затѣмъ приступимъ къ описанію мѣстоположенія и всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые составляютъ «гвоздь» этого городища.

Пряслица имѣютъ три формы: одну въ родѣ тюльпана, другую въ родѣ гриба съ толстой короткой ножкой и плоской шляпкой и третью

въ видѣ круга съ тупыми зубчатыми краями и небольшимъ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ. Эта послѣдняя была единственнымъ экземпляромъ этого рода; обѣ первыя формы многочисленны. Орнаментъ состоитъ изъ нѣсколькихъ типовъ чекана, расположеннаго по шляпкѣ и по ножкѣ, на нѣсколькихъ пряслицахъ края шляпки идутъ зубцами. Всѣ эти пряслицы встрѣчаются на городищахъ Дьякова типа.

Мѣсто, на которомъ были сдѣланы самыя интересныя находки, расположено почти въ центрѣ городища и занимаетъ около 7 фут. въ квадратѣ. На этой площади были найдены на самомъ материкѣ, т. е. на глубинѣ отъ $1^1/_2$—2 фут. два круга въ разстояніи $4^1/_2$ фут. между собой; одинъ изъ нихъ совершенно сохранившійся, другой перешедшій уже въ распаденіе; они сдѣланы изъ плотно утрамбованной и обожженной глины. Размѣры перваго круга слѣдующіе: въ діаметрѣ 2 фут., толщина около 4-хъ дюймовъ и сквозное отверстіе по срединѣ 8 дюймовъ. Внѣшніе края круга утолщены и приподняты, образуя такимъ путемъ впадину къ его центру. Тутъ находились угли, зола и черепки, между послѣдними шлаки и обожженныя формы. Въ 6-ти дюймахъ на западъ отъ этой плиты лежала маленькая ложечка въ видѣ ковша (табл. II) со сквознымъ отверстіемъ въ концѣ слегка загнутой ручки. Рядомъ съ ложечкой находились три маленькихъ глиняныхъ колокольчика грубой формы и отдѣлки. Подобные имъ, но сдѣланные изъ серебра найдены между прочимъ въ Барковскомъ могильникѣ [16]), но принадлежатъ къ совершенно иной культурѣ; они были нанизаны вмѣстѣ съ мелкими бусами изъ красной пасты и служили украшеніемъ волосъ, вися въ видѣ нитей рядомъ съ косами женскаго костяка.

Второй кругъ или плита, менѣе хорошей сохранности, чѣмъ первая и находящаяся отъ нея на востокъ, имѣла болѣе продолговатую форму, величиной въ $1^1/_4$—2 фут. Толщина ея составляетъ тоже около 4 дюйм. и внѣшніе края такъ же утолщены и приподняты, какъ у первой, между тѣмъ какъ центръ со сквознымъ отверстіемъ—образуетъ впадину. На этой плитѣ находились крайне интересные предметы, а именно, во первыхъ, плоская глиняная птица величиной въ $3^1/_2$—2 дюйм. съ четырьмя сквозными отверстіями (табл. II). Она имѣетъ одну лицевую сторону, покрытую рисункомъ изъ выпуклыхъ кружковъ, расположенныхъ на головѣ въ три ряда, а по туловищу въ четыре ряда попарно, при чемъ ряды идутъ вертикально и раздѣлены между собой узкими, гладкими полосами, наложенными сверху, между тѣмъ какъ выпуклые круги произведены штампомъ изнутра на подобіе

орнамента типа стоянокъ и облицованы съ изнанки тонкимъ, гладкимъ пластомъ, такъ что птица состоитъ изъ двухъ частей, скрѣпленныхъ между собой. Хвостъ былъ отломанъ, что можетъ служить доказательствомъ тому, что она была въ употребленіи; онъ былъ впослѣдствіи найденъ въ нѣсколькихъ футахъ на сѣверъ отъ нея. Онъ прямо вытянутъ и покрытъ тѣмъ же рисункомъ, какъ и вся остальная часть ея. Четыре сквозныхъ отверстія, помѣщенныя одно на головѣ, одно на спинѣ и два на груди, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что она привязывалась. Чѣмъ же служила эта птица? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ интересной статьѣ Д. Н. Анучина: «Къ исторіи искусства и вѣрованій Пріуральской Чуди [17])». «Изображенія разныхъ видовъ парящихъ птицъ, говоритъ глубокоуважаемый авторъ въ своей статьѣ, были найдены на жертвенномъ мѣстѣ Гляденовскаго городища и во многихъ могильникахъ Вятской, Пермской, Казанской и др. восточныхъ губерній. Въ силу мѣстнаго богатства металлами, онѣ были сдѣланы изъ бронзы, мѣди и какого то сѣраго сплава. Эти изображенія находятся, безъ сомнѣнія, въ связи съ религіозными представленіями. Это подтверждается аналогичными явленіями у нѣкоторыхъ современныхъ народовъ Сибири и другихъ странъ, гдѣ подобныя изображенія продолжаютъ еще играть болѣе или менѣе существенную роль въ религіозномъ культѣ». Далѣе авторъ говоритъ слѣдующее: «Изображеніе птицъ вмѣстѣ съ разными другими бляхами, колокольчиками, ремешками и т. п. составляетъ необходимую принадлежность остяцкаго шаманскаго костюма». Эти колокольчики и привѣски, самой разнообразной формы, изображающіе бляхи, клыки животныхъ и т. п. всѣ у насъ на лицо, ихъ было собрано 49 экземпляровъ и они находились тутъ же, при самой птицѣ и сдѣланы, какъ она, изъ глины. На привѣскахъ и бляхахъ мы видимъ орнаментъ точечный, ямочный и въ видѣ разныхъ насѣчекъ, мѣстами напоминая собой какіе то руническіе знаки (табл. II). Если мы прибавимъ къ этому еще тѣ свѣдѣнія, которыя намъ даетъ Д. Н. Анучинъ о самомъ обрядѣ шамановъ, то у насъ получится, какъ мы скоро увидимъ, совершенно ясная картина того, чѣмъ служила птица и всѣ привѣски, найденныя на глиняныхъ крутахъ на городищѣ Топоркѣ. «Птицы встрѣчаются либо на столбахъ, къ которымъ привязываютъ лошадей и жертвенныхъ животныхъ, либо переносятся на головной уборъ шамановъ и играютъ важную роль въ сношеніи шамана съ небесными духами и загробнымъ міромъ. При проводахъ жертвенной скотины на небо скотина эта (напр. корова)

привязывается къ столбу вышиной въ сажень, впереди котораго въ рядъ ставятся три, такой же длины, шеста съ насаженными на нихъ фигурами птицъ (напр. гагары), а впереди ихъ, одна за другой девять зеленыхъ елокъ, очищенныхъ отъ коры на высоту сажени и болѣе. Между елками и шестами натягивается тонкая, волосяная веревка, украшенная пучками бѣлыхъ конскихъ волосъ; начиная отъ первой птицы, она подымается все болѣе и болѣе вверхъ и изображаетъ дорогу, по которой вслѣдъ за птицами долженъ летѣть на небо шаманъ, гоня передъ собой жертвенную скотину». Слѣды этихъ столбовъ или шестовъ также имѣются на Топоркѣ въ видѣ ямъ, глубиной около 2-хъ фут. и діаметромъ 6-ти дюйм. и наполненныхъ рыхлой землей, смѣшанной съ трухлявымъ деревомъ. Слѣды двухъ столбовъ находились въ 6 фут. на западъ отъ глиняныхъ круговъ, въ разстояніи $3^1/_2$ фут. между собой. Близъ каждой такой ямы была сложена маленькая плита изъ булыжника и известняка, одна размѣромъ въ 1 кв. фут., другая въ $2—2^1/_2$ фута; рядомъ съ ними находились уголь и зола. Въ 55 фут. отъ нихъ на юго-западъ были открыты еще три такія ямы, но только эти не были расположены въ рядъ, а полукругомъ по сѣверо-западному краю третьей глиняной плиты, конструированной такимъ же способомъ, какъ и первыя двѣ, но совершенно иной формы и иныхъ размѣровъ. Эта послѣдняя, будучи закругленно продолговатая, имѣла длину въ 7 фут., ширину въ 5 фут, ея сѣверо-западная сторона была толщиной въ 6 дюйм., но чѣмъ ближе она подходила къ юго-восточному краю, тѣмъ она дѣлалась тоньше и образовала двѣ ступени неправильной формы. Около нея много мягкаго истлѣвшаго угля, нѣсколько мелкихъ костей, между ними двѣ, три обожженныя. Плита лежала такъ же, какъ и первыя, на материкѣ на глубинѣ 3-хъ фут. При ней не было найдено никакихъ предметовъ вслѣдствіе того, что она подошла такъ близко къ корнямъ дерева, что я боялась продолжать раскопку около нея, взявши на себя полную отвѣтственность за сохранность лѣса. Но можно сказать съ увѣренностью, что не только около этой плиты должны были быть еще другіе остатки древней жизни, кромѣ угля и костей, но что можно было установить и выяснить связь ея съ двумя первыми плитами. Къ этимъ послѣднимъ мы теперь опять вернемся. Собравши птицу и всѣ привѣски, лежавшія на второмъ кругу, и продолжая раскопку по направленію къ сѣверу, къ траншеѣ, проложенной по долевой оси городища (табл. I), мы наткнулись на цѣлую груду мелкихъ, глиняныхъ бусъ, ихъ

было собрано 57 штукъ, сдѣланныхъ изъ того же матеріала и съ той же техникой, какъ колокольчики и привѣски. Онѣ лежали почти рядомъ съ плитой и не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ сосудъ небольшого размѣра, баночной формы, съ архаическимъ орнаментомъ, въ видѣ слабаго отпечатка плетенія по всему сосуду и чеканныхъ кружковъ по четыре въ группѣ, расположенныхъ по плечикамъ и съ ямочнымъ орнаментомъ по бережку (табл. III). Рядомъ съ этимъ сосудомъ лежало маленькое изображеніе животнаго—самки, въ родѣ волчицы, съ обломанными ногами (табл. II). Она сдѣлана изъ той-же желтой глины, какъ и птица, и довольно тщательно обработана. Отойдя на сѣверъ еще приблизительно на 30 фут., мы нашли фигуру изъ костей животнаго, по всей вѣроятности коровы, сложенныхъ своеобразно съ намѣреніемъ, какъ намъ думается, придать этой фигурѣ какую-то спеціальную форму (табл. IV). Величина ея 2 фут. 3 дюйм.×7 дюйм., она положена въ грунтовую яму, опущенную около 1 фут. въ материкъ. Кости животнаго не были обожжены, но рядомъ съ ними находились нѣсколько кучекъ угля и золы, въ родѣ того, какъ мы это встрѣчали при курганныхъ погребеніяхъ. Возможно, что эта фигура имѣла связь съ глиняными плитами и находившимися при нихъ предметами, т. е. птицей, колокольчиками, привѣсками, бляхами и бусами и что все это, ничто иное, какъ остатки религіознаго обряда шамановъ. А. А. Спицынъ [18]) указываетъ на то, что, судя по всѣмъ даннымъ, городища Дьякова типа были обитаемы финскимъ племенемъ, вѣрованія котораго выражались въ шаманствѣ и мнѣніе его видимо подтверждается находками на городищѣ Топоркѣ.

Не уступая по важности и интересу находкамъ шаманскаго культа, на Топоркѣ былъ найденъ предметъ, до сихъ еще невстрѣченный ни на какомъ городищѣ Дьякова типа и тѣмъ паче на всѣхъ его болѣе молодыхъ собратьяхъ. Этотъ предметъ (табл. V)—высѣченная изъ краснаго песчаника форма для отливки металловъ и до сихъ поръ только найденная В. А. Городцевымъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ катакомбныхъ погребеніяхъ, гдѣ она встрѣчается обыкновенно по двѣ половины, но въ нѣкоторыхъ погребеніяхъ лежали сразу нѣсколько паръ [19]). (Формы хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ Харьковскомъ Университетѣ и въ Екатеринославскомъ Музеѣ). Онѣ характеризуются совмѣстнымъ нахожденіемъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, при чемъ послѣднія превышаютъ по численности первыхъ. При погребальномъ ритуалѣ наблюдается примѣне-

ніе красокъ, окрашенные костяки и многочисленныя кости домашнихъ животныхъ, что указываетъ на распространенное скотоводство.

В. А. Городцевъ, любезно указавшій мнѣ на тотъ глубокій интересъ, который представляетъ собой находка этой формы на городищѣ Топоркѣ, причисляетъ культуру, идущую съ ней рука объ руку, къ бронзовой эпохѣ. Но такъ такъ въ городищахъ Дьякова типа бронзовая культура еще не была обнаружена, то возникаетъ вопросъ, къ какой же культурѣ городища Топорка можно пріурочить эту форму? На это мы постараемся отвѣтить, на сколько возможно, выводомъ, сдѣланнымъ на основаніи всѣхъ находокъ Топорка, къ дальнѣйшему разбору которыхъ мы теперь приступимъ.

Костяныя и каменныя подѣлки.

Костяныхъ подѣлокъ, какъ было сказано выше, найдено въ очень скудномъ количествѣ; онѣ состоятъ а) изъ двухъ иглъ, б) двухъ наконечниковъ стрѣлъ, в) одной хорошо сохранившейся остроги и одной при обработкѣ испорченной, г) изъ двухъ расколовшихся цилиндриковъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ закругленный и утолщенный край, покрытый орнаментомъ въ три пояса прямыхъ линій и городковъ, другой съ обломанымъ краемъ имѣетъ орнаментъ въ видѣ прямыхъ столбиковъ, идущихъ параллельно подъ угломъ къ краю, и д) изъ одной подѣлки неизвѣстнаго назначенія, но похожей на свистульку.

Аналогичныя костяныя издѣлія найдены почти на всѣхъ городищахъ Дьякова типа, вслѣдствіе чего они не представляютъ изъ себя ничего особеннаго.

Каменныя подѣлки также мало характерны, за исключеніемъ вышеупомянутой формы изъ песчаника. Найдено два наконечника стрѣлъ изъ графита, одинъ плоскій, миндалевидный со стержнемъ, другой узкій въ видѣ клинка, третій наконечникъ обломанный, отбивной изъ кремня. Послѣдній, очевидно, занесенъ сюда вмѣстѣ съ черепками типа стоянокъ съ дюнъ, имѣющихся здѣсь въ довольно большомъ количествѣ. Четвертый наконечникъ стрѣлы трехгранный, короткій и безъ стержня. Далѣе слѣдуетъ одинъ цилиндрикъ, длиной около 2 дюйм. съ сквознымъ отверстіемъ по его долевой оси и два маленькихъ каменныхъ колечка. Эти послѣднія три подѣлки не исключительно произведенія рукъ человѣческихъ, но лишь примѣненіе естественныхъ явленій природы къ житейскимъ нуждамъ, съ помощью приспособленія ихъ къ

опредѣленному дѣлу. Это все, что намъ дала костяная и каменная культура на Топоркѣ.

Металлическія издѣлія.

Между металлическими издѣліями выступаютъ опять нѣсколько предметовъ, имѣющихъ значеніе для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ вліяній, подъ которыми находился Топорокъ, такъ же какъ и для опредѣленія времени его существованія.

Во первыхъ, найдена бронзовая рукоять, длиной въ 6 сант. Она прямая съ закругленными краями, имѣющая въ верхней части ширину въ 1 сант. и суживающаяся къ нижнему концу, загнутому подъ тупымъ угломъ и расплющенному (табл. VI). Орнаментъ состоитъ изъ узкой ленточки, обвивающей ее частою спиралью. Правильность и стройность ея линій даетъ право причислять ее къ подѣлкамъ хорошаго стиля. Рукояти того же типа встрѣчены въ культурѣ вятскаго Пьяноборскаго могильника [20]).

Далѣе мы видимъ три бронзовыя пуговицы, изъ которыхъ двѣ круглыя, выпуклыя, съ ушками на изнанкѣ и одна состоящая изъ трехъ мелкихъ пуговицъ, въ рядъ слитыхъ между собою и имѣющихъ одно общее ушко (табл. II). Подобныя были найдены въ Котловскомъ и Ананьинскомъ могильникахъ Вятской губерніи [21]).

Затѣмъ слѣдуютъ два маленькихъ бронзовыхъ колечка и бронзовый гладкій браслетъ изъ толстой проволоки съ утонченными концами. Послѣдній принадлежитъ болѣе позднему времени и могъ попасть сюда случайно изъ ближайшихъ кургановъ. Одинъ обломокъ медали или брактеата изъ мѣди съ типичнымъ орнаментомъ изъ насѣчекъ, идущихъ столбиками къ центру. По заскорузлому краю видно, что она была въ огнѣ, по близости отъ нея кузнечный мѣдный шлакъ съ пристывшими къ нему угольками. Изъ этого можно вывести заключеніе, что здѣсь производилась отливка мѣди или бронзы.

Теперь остается сказать еще нѣсколько словъ о желѣзныхъ издѣліяхъ, не представляющихъ, впрочемъ, особаго интереса, за исключеніемъ одного ножа, слегка загнутаго на подобіе серпа, заостреннаго съ внутренней стороны и съ длиннымъ стержнемъ. Этотъ ножъ лежалъ близъ первой глиняной плиты, рядомъ съ ложечкой, описанной выше, и имѣлъ ту особенность, что, какъ перекаленный на огнѣ, вовсе не былъ покрытъ окисями, между тѣмъ какъ второй ножъ, по формѣ близ-

кій къ нему, но болѣе крупныхъ размѣровъ и съ обломаннымъ стержнемъ, былъ совсѣмъ заржавленъ, такъ же, какъ и всѣ остальныя желѣзныя находки. Между ними два плоскихъ наконечника стрѣлъ ромбоидальной формы и одинъ наконечникъ стрѣлы въ видѣ маленькой пики; далѣе слѣдуютъ нѣсколько желѣзокъ неопредѣленнаго назначенія и одинъ тонкій проволочный браслетъ съ далеко другъ за другомъ заходящими заостренными концами.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ всѣхъ находокъ городища Топорка и приступаемъ къ вытекающимъ изъ нихъ заключеніямъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что городище Топорокъ занимаетъ до нѣкоторой степени обособленное мѣсто и въ массѣ памятниковъ, собранныхъ на немъ, можно отличить нѣсколько культуръ, приближающихъ его къ городищамъ и могильникамъ Пріуралья, къ городищамъ Дьякова типа средней полосы Россіи и къ могильникамъ и городищамъ южныхъ губерній, къ послѣднимъ въ особенности изъ за своей конструкціи. Гончарное производство, которому принадлежитъ первенствующее мѣсто, совершенно опредѣленно и ясно указываетъ намъ связь Топорка съ городищами Дьякова типа и тѣми памятниками восточныхъ губерній Россіи, которые находятся подъ вліяніемъ восточной Пьяноборско-Копибѣевской культуры. Форма для отливки металловъ, быть можетъ, сближаетъ городище Топорокъ съ бронзовой эпохой и надо желать, чтобы удалось найти на Топоркѣ опредѣленные слѣды культуры Фатьяновскаго могильника [22]).

Было бы очень желательно, чтобы самъ владѣлецъ кн. Гагаринъ, заинтересовавшись той задачей, которую мы преслѣдуемъ, разрѣшилъ бы намъ продолжать изслѣдованіе городища, давшаго уже теперь столь цѣнный матеріалъ, который вполнѣ заслуживаетъ еще болѣе яснаго освѣщенія при дальнѣйшихъ раскопкахъ.

Ю. Г. Гендуне.

1) *Нидерле.* Человѣчество въ доисторическія времена, стр. 537.

2) *А. А. Спицынъ.* Городища Дьякова типа. Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологич. Общества. т. V, стр. 111, 1903.

3) *В. А. Городцевъ.* Отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки 1897 г. Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества, т. XVII, 1900 г.

4) *В. И. Сизовъ.* Дьяково Городище. Труды VII Археологическаго Съѣзда 1890 г. т. IV, стр. 194—256.

5) *Н. И. Булычевъ.* Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра.

6) *Иванъ Забѣлинъ.* Исторія города Москвы, стр. 5.

7) *Н. И. Булычевъ.* (Ссылка 5).

8) *А. А. Спицынъ.* Городища Дьякова типа (ссылка 2).

9) *А. А. Спицынъ.* Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, вып. 1.

10) *В. Г. Ляскоронскій.* Городища, курганы и длинные валы въ бассейнѣ р. Сулы. Труды XI Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 704—757.

11) *В. И. Сизовъ.* Дьяково городище (ссылка 4).

В. А. Городцевъ. (ссылка 3).

Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна.

12) *В. А. Городцевъ.* Русская доисторическая керамика.

13) *Клеръ и Фадѣевъ.* Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, вы II. «Гончарныя произведенія доисторическаго человѣка», стр. 3, рис. 4, 5, 6.

14) Iulius Lippert. Culturgeschichte der Menschheit. I Band, Seite, 333.

15) *В. А. Городцевъ.* (ссылка 12).

16) *А. А. Спицынъ.* Древности бассейновъ р. Оки и Камы, выпускъ 1.

17) *Д. Н. Анучинъ.* Къ исторіи искусства и вѣрованій Пріуральской чуди. Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, т III.

18) *А. А. Спицынъ.* (ссылка 2).

19) *В. А. Городцевъ.* Результаты археологическаго изслѣдованія Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Труды XII Археологическаго Съѣзда, стр. 189.

20) *А. А. Спицынъ.* (ссылка 16).

21) *Ф. Д. Нефедовъ.* Журналъ раскопокъ, произведенныхъ въ Прикамьѣ лѣтомъ 1894 г. Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, т. III.

22) *С. А. А.* Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VI.

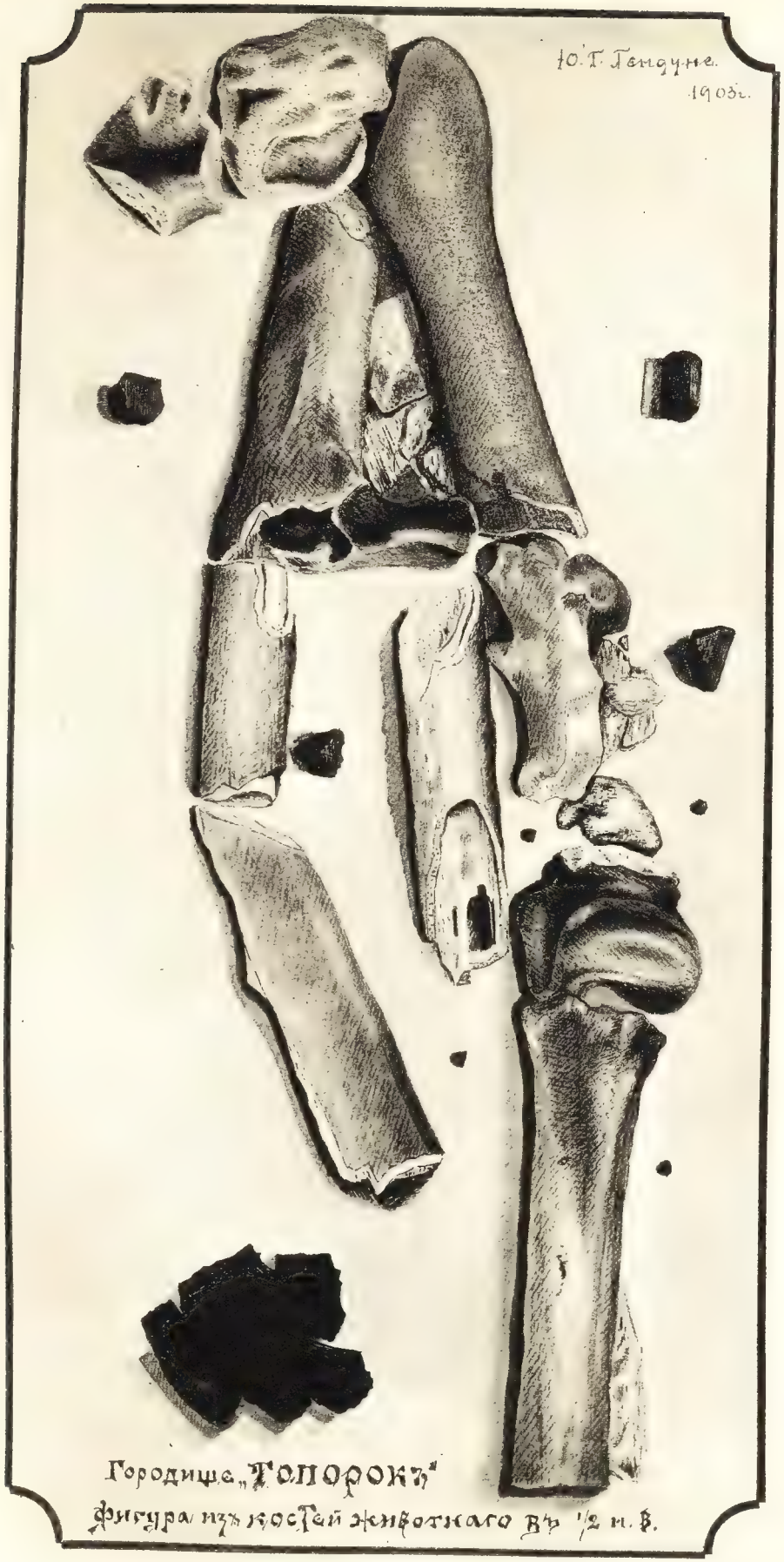
Городище
„Топорокъ"
на лѣвомъ бер. р. Волги
Тверской губ. Корчевскаго
1 сант = 5 фут

город. Топорокъ
на лѣвомъ бер. р. Волги
Тверск. губ Корчевск. у.
РОСКОПКА 1904 Ю.П. Гендуке.

город. „Топорокъ“.

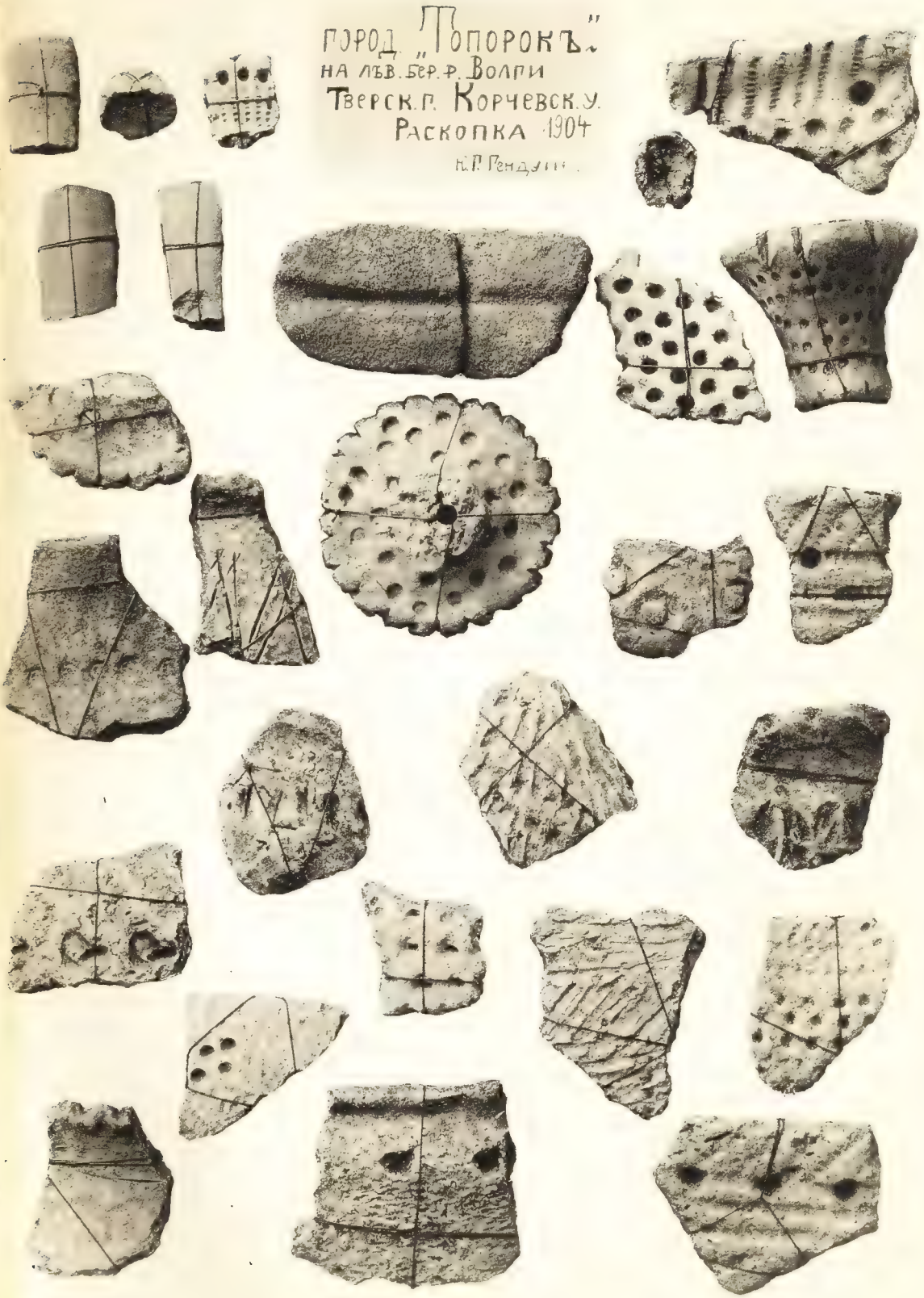
НА ЛѢВОМЪ БЕР. Р. ВОЛГИ

ТВЕРСКОЙ губ. КОРЧЕВСКАГО у.



Городище „Топорокъ"

фигура изъ костей животнаго въ 1/2 н. в.


ГОРОД „ТОПОРОКЪ"
НА ЛѢВ. БЕР. Р. ВОЛГИ
ТВЕРСК. Г. КОРЧЕВСК. У.
РАСКОПКА 1904
Н. П. Гендуни

5092
ГОРОДИЩЕ
„Топорокъ“
Тверск. губ. Корчевск. у.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ОТДѢЛУ

Первобытныя древности.

А.

Абисаловы 159.
Абульгази 158.
Авары-абры 159.
Авраамiевскій Богоявленскій м-рь въ Ростовѣ 228.
Авраамій св. 171, 228.
Австрія 129.
Азія 92, 98, 99, 101, 128, 138, 158, 165, 179, 180, 187, 249, 255.
Аланы 154.
Алатау, горы 93.
Ал-Бекри 105, 153, 160, 168, 169.
Александрова пуст. въ Рыбин. 229.
Алексѣевскій м-рь въ Угличѣ 228.
Алквистъ 75.
Алмасъ царь болгарскій 166.
Алтайскія горы 138, 139, 183.
Алтайское пл. 151.
Альбанія 157.
Альквистъ 145, 150.
Альмъ вождь 157, 158.
Альпы, горы 92.
Алюта р. 159.
Америка 116.
Ананьинскій могильникъ 273.
Англія 92, 93, 116, 125, 127, 129, 134.
Андрей кн. Суздал. 5.
Анды, горы 92.
Анонимъ Белла 80.
Антоновичъ В. Б. 7, 65, 77, 129.
Антропофаги 103.
Анты 207.
Анучинъ Д. Н. 103, 104, 105, 123, 152, 162, 269, 275.
Арабы 158, 208.
Аравія 128.
Ардатовъ г. 93.
Арійцы 199.
Арпадъ 157.
Архангельская губ. 74, 103, 105, 164, 166, 167, 195, 203.
Археологическая комиссія 63, 72.
Археологическій институтъ 8, 76, 77.
Археологическое Общество 129.
Архипелагъ. море 126.
Аскольдъ 212, 213.
Аспелинъ уч. 75, 80, 81, 84, 87, 122, 183.
Астрѣчина р. 81.
Атлантическій океанъ 116.
Аттила 158, 208.
Афанасьевскій Холопенскій м-рь въ Мологѣ 229.
Афетъ 159.
Африка 98, 101, 116, 124, 125, 126, 157.
Ахмылово урочище 130.
Ашмаринъ Н. И. 166.

Б.

Балтійское море 80, 94.
Балтика 93, 127, 128, 133, 134, 135, 138, 151, 153, 154, 155, 157, 161, 164, 169, 174, 176, 177, 180, 182, 189, 206, 244.

Барбаро 169.
Барлово 246.
Барсовъ Е. В. 168, 193, 196, 197, 198, 199, 226, 227, 230.
Батый 68, 80.
Башкиры 161, 216.
Бела 157.
Бельгія 130, 151.
Берберы 128.
Березовка р. 99.
Березовскій уч. 176.
Берендтсъ Э. 102.
Беренштейнъ Б. 185, 187.
Беръ акад. 73.
Бескидъ 159.
Бессарабія 80.
Бессы 158.
Бестужевъ-Рюминъ 75, 77.
Бецценбергеръ проф. 128.
Биттогуры 159.
Біармаландъ, страна 167.
Біармасъ 166.
Бій р. 138.
Богдановъ А. П. 73, 74, 123, 124, 131.
Богоявленскій м-рь въ Угличѣ 228.
Богоявленскій погостъ 220.
Болгарія 168.
Болгары 166, 197, 198, 203, 208.
Болгары волжск. 160.
Болгары чуваши 201.
Бологовскій у. 133.
Бологовское оз. 91, 239.
Болтинъ 135.
Больше-Тимеревское кладбище 88, 247.
Больше-Тимерево д. 247.
Бонякъ ханъ 183.
Борзаковскій 68, 76.
Борисоглѣб. м-рь въ Ростовѣ 228.
Борисовъ А. А. 166.
Борковскія горки 70.
Боровенское оз. 53.
Боровно оз. 54.
Бородино лѣсн. дача 78, 81.
Борреби 133.
Борщаговская р. 175.
Ботническій зал. 151.
Бранденбургъ Н. Е. 128, 129, 131.
Бременскій Адамъ 172.
Бремъ 181.
Брокгаузъ и Эфронъ 103, 105, 148, 152.
Брутъ Юній 190.
Брянскій у. 83.
Буденцъ 1, 179.
Будины 175.
Бужане 201.
Буконтьево д. 130.
Булычевъ Н. И. 262, 264, 275.
Буртасы 194.
Буслаевъ 171.
Бутковъ 136.
Бухара 122.
Бѣжеца погостъ 73, 74, 75, 80, 81, 84.
Бѣжецкая вол. 2.
Бѣжецкій Верхъ 68, 73, 74, 76, 80, 81, 82, 84.
Бѣжецкій у. 68, 73, 85, 180.
Бѣжецкъ 75, 77.
Бѣжецы с. 76, 81.
Бѣжеца посадъ 183.
Бѣжичъ погостъ 122.
Бѣлая р. 161.
Бѣлая Юга р. 229.
Бѣлгородокъ г. 76.
Бѣлогоститскій м-рь въ Рост. 228.
Бѣлое море 203.
Бѣлозерская земля 224.
Бѣлозеры 204.

Бѣлоозеро 75, 164, 166, 167, 179, 189, 225, 228, 232.
Бѣлозерскій у. 167, 168.
Бѣлоруссія 75.
Бѣлоруссы 1, 211.
Бѣлые Угры 80, 159.
Бѣляевъ И. Д. 177, 228.

В.

Вага р. 166.
Вадлозеро оз. 164.
Вазуза р. 5.
Валахи 178.
Валитъ (Варентъ) 136
Валхи 178.
Варенга зал. 136.
Варангеръ зал. 136.
Варегія страна 136.
Варегово оз. 186, 246.
Варенга 136.
Варнавенскій у. 167.
Варьягъ Вуода зал. 136.
Варяги 224, 226, 234, 242, 244, 245, 247, 248.
Варягово д. 246.
Варяжское море 180.
Василій вел. кн. 170.
Васильки с. 122.
Васильково д. 65.
Васитъ 87, 247.
Веренбергъ г. 164.
Везера р. 255.
Вейнбергъ прив.-доц. 79, 81, 131.
Великая р. 2.
Великая Россія 4.
Великобританія 95.
Великое с. 130.
Великороссы 90, 210.
Великоруссы 4, 211.
Венгрія 80, 160, 208.
Венгры 74, 105, 157—160, 164, 166, 174, 178, 179, 190, 203.
Венденъ 206.
Венды пл. 120, 123, 154, 155, 167, 206.
Венеты 206.
Венты 206.
Вепрева пустынь въ Ростовѣ 228.
Вепрь оз. 228.
Вертязинъ г. 76.
Верхотурскій у. 176.
Веселовскій Н. И. 92, 93.
Веска селеніе 158.
Вески селеніе 158.
Весково селеніе 158.
Весь 75, 76, 84, 87, 153, 161, 166, 167, 175, 192, 196, 201, 203, 218.
Ветлуга р. 74, 166.
Ветлужскій у. 8, 167.
Вигозеро оз. 164.
Видъ Ан. 162.
Византійцы 159, 211, 224.
Волынская губ. 129.
Вильно г. 93.
Вильчинскій Ол. 76, 128.
Виндава 182.
Вирховъ 125, 133, 135, 139, 140.
Висла р. 120, 154, 157, 177, 201, 207, 210, 242.
Витебская губ. 244.
Витебскъ г. 93.
Владимірская губ. 73, 87, 94, 95, 96, 121, 158, 164, 167, 168, 175, 177, 235, 245.
Владимірскій-Будановъ 153.
Владиміръ-Волын. г. 157.
Владиміръ г. 6, 80.
Владиміръ св. 214, 231.

Вогуличи 74, 194.
Вогулы 73, 103, 139, 152, 157, 162, 163, 166, 174, 176, 179, 203, 230.
Воздвиженское с. 119, 246.
Воздвиженскій погостъ 220.
Волга р. 2, 3, 4, 5, 54, 64, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 80, 85, 110, 119, 137, 138, 158, 160, 163, 167, 174, 186, 193, 210, 223, 224, 227, 228, 229, 232, 246, 249, 250, 251, 256, 261.
Волго оз 163.
Вологда г. 135, 204.
Вологодская губ. 158, 164, 167, 168, 171, 175, 195, 203
Волотова земля 135.
Волотово городище 136.
Волохи 202, 207.
Волховъ р. 2, 122, 164, 170, 174, 175, 200.
Волынь 80.
Волыняне 210.
Вольга княг. 213.
Воробьево д. 66, 67, 68.
Воробьевъ 260.
Воронежская губ. 161.
Воронежъ г. 161.
Вороново д. 65.
Воскресенскій м-рь въ Рост. 228.
Вотха р. 229.
Вотьская (Водьская) пятина 170, 175, 176.
Вотяки 148, 167, 174, 176.
Всеволодъ кн. Суздал. 5.
Всеволодъ Мстиславичъ 228.
Вышневолоцкій у. 53.
Вясюганъ р. 176.
Вятичи 1, 5, 6, 200, 201, 210, 212, 220, 221, 223, 224, 226, 231, 232, 233, 234.
Вятка г. 223.
Вятка р. 162, 163, 204.
Вятко 210, 216.
Вятская губ. 148, 149 164, 171, 174, 183, 264, 269, 273.

Г.

Гагаринъ Гр. Гр. кн. 261, 263.
Галичъ г. 80, 178, 228.
Галичъ Мерскій 154, 177.
Галлы 178.
Гамаль 194.
Гапсаль 164.
Гардарикъ 173.
Гардарикія 135.
Гартово 246.
Гасконь 255.
Гасси 162.
Гедеоновъ С. 135, 136, 169, 200, 247.
Гелонъ г. 175.
Гендуне Ю. Г. 274, 275.
Геннадіевъ м-рь 229.
Генрихъ III 81.
Генрихъ IV 87.
Гераклій I импер. 159.
Герасимъ св. 204.
Герберштейнъ 153, 161, 162, 166, 203, 225.
Германарихъ 169, 189.
Германія 92, 95, 116, 125, 129, 130, 133, 134, 151.
Германцы 147, 150, 178, 190, 196, 206.
Геродотъ 103, 122, 175, 187, 191.
Гессель Герардъ 136.
Гетчинсонъ 99, 101.
Гибралтарскій прол. 126, 127.

Гималай, горы 92.
Гиперборей 103.
Глазачево д. 66, 67.
Глинка 68.
Глубь д. 54.
Глѣбъ св. кн. 235.
Гляденовское городище 269.
Гмелинъ уч. 95.
Гоби 92.
Гогъ 157.
Голландія 135
Голый Шапъ 197.
Гонцы с. 96, 101.
Горкинское городище 70.
Горкъ 141.
Горнъ Эбертъ 172.
Городецъ (Бѣжецкъ) г. 76, 81.
Городище д 264.
Городцовъ В. А. 262, 265, 271, 272 275.
Горяевъ Н. В. 160, 220, 221, 237, 239.
Готы 169, 177, 191, 206, 208.
Гохдаль 130.
Греки 208.
Гренелль 118, 125, 151.
Греція 116, 126.
Гр.-Богословскій м-рь въ Рост. 228.
Гримъ Як. 156, 173, 177, 178.
Гринбергеръ 169.
Гротъ К. 159.
Грѣховъ ручей 229.
Грѣховъ ручей-урочище 65, 66.
Гунны 158, 159, 164, 191, 199, 208.
Гунхи (гунчи) 128.
Гуры 158, 164.
Густавъ Адольфъ 172.

Д.

Даміанъ св. 121.
Даниловскій у. 112, 186, 246.
Даниловъ К. 171, 198.
Данія 115, 125, 129, 133.
Дарвинъ Ч. 149.
Дарданельскій прол. 126.
Двина р. 2, 3, 5, 75, 82, 85.
Двинскъ г. 244.
Дегтево с-цо 136.
Дементьевъ Д. П. 8.
Дессель р. 130.
Джунгарія 92.
Дивинецкое оз. 54.
Дивинецъ д. 53.
Дивногорскій м-рь 65
Димитріевъ 101.
Димитрій Донской кн. 177.
Диръ 212, 213.
Діодоръ 93.
Днѣпръ р. 2, 3, 5, 75. 76, 80, 85, 110, 134, 153, 160, 161, 163, 210, 242.
Днѣстръ р 120, 134, 201, 210.
Долматово д. 119.
Домеряне 122.
Домиціанъ 190.
Донъ р. 6, 80, 157, 159—161, 175.
Доссъ Б. 102.
Дофинейцы 152.
Древляне 175, 201, 207, 210, 213, 220, 223, 242.
Дреговичи 201, 207, 212.
Дуденево городище 70.
Дулебы 175, 201, 208, 210.
Дулепово сел 201.
Дуна городище 266.
Дунай р. 127, 128, 159, 201, 205, 207—210, 231.
Дьяково д. 192.
Дюбенъ 143.
Дюссельдорфъ 130.

Е.

Еванькова д. 54
Еваньковское оз. 54.
Европа 92, 95, 99, 115, 117, 118, 125, 126, 133, 138, 141, 151, 152, 178—180, 186—188, 200—202, 249.
Европейская Россія 101, 102, 104.
Европеусъ Д. 73—75, 80, 81, 84, 88, 89, 103—105, 121, 124, 128, 152—154, 156—158, 161—168, 174, 175, 177—179.
Египетъ 116.
Египтяне 128.
Егорій Мерскій сел. 177.
Егра плем. 103.
Езки с. 76.
Екатеринбургъ г. 163.
Екатеринославская губ. 129.
Екатеринославскій музей 271.
Елизавета импер. 98.
Енаре оз. 136.
Енисей р. 103, 158.
Еріанъ 167.
Ефименко А. 200.
Ешевскій 75.

Ж.

Жакъ д-ръ 118.
Желяне д. 175.
Желяня (Желаня) р. 175.
Жеревково (Жеребки) д. 119.
Жиздра р. 83.
Жуково д. 65.

З.

Заборье 68.
Забѣлинъ И. Е. 171, 175, 178, 207, 275.
Заколпинскій могильн. 5.
Залужье д. 77.
Залучье 77.
З. Двина р. 76, 110, 155, 210.
З. Европа 125, 199, 201, 241.
З. Бугъ р. 208, 210.
Заручье д. 77, 78, 81.
Зарѣченское оз. 53.
Зимогола пл. 218.
Зобнино с. 192.
Зографъ Н. Ю. проф. 90, 91, 123.
Зубовъ д-ръ мед. 79, 81.
Зубцовскій у. 63, 70, 71.
Зубцовъ г. 2, 3, 5, 72, 76, 83, 249.
Зыряне 74, 138, 141, 142, 163, 167, 175.
Зыряны 104, 154, 174, 203, 204.
Зюдерзее зал. 134.

И.

Иберы 125—128, 134.
Ибнъ Расте 160, 161.
Ибрагимъ Ибнъ Якубъ 160.
Иванова С. Н. 119.
Ивановскій 181.
Ивановскій Л. 77, 87.
Ивановъ 170.
Ивановъ И. А. 56.
Иверкъ 228.
Игорь кн. 160, 209, 212, 213, 219, 231, 232.
Игрище урочище 220.
Игрищички д. 220.
Игутьево д. 70.
Игутьевское городище 70.
Избрижское городище 70.
Извѣдова д. 259.
Изюмскій у. 271.
Изяславъ II в. к. 66.
Иларіонъ 230.
Ильинъ 161.
Ильмень оз. 2, 3, 74, 163.
Ильмеръ оз. 210.

Имиръ 188.
Имоложье оз. 53, 57.
Ингерманландія 183.
Индига р. 95, 106
Индія 128.
Индѣйцы 147, 148.
Инеры урочище 168.
Иностранцевъ 116.
Ираклій I имп. 159, 208.
Иранцы 190.
Ирландія 116.
Ирпень р. 175.
Иртышъ р. 105, 138, 158, 176.
Исаія 205.
Исаково-Рож. Богород. пустынь 229.
Исеть р. 266.
Искоростень г. 213.
Испанія 116, 125, 127, 129.
Иссель проф. 118.
Италія 116, 127, 129.
Итальянцы 178.
Историч. Московскій Музей 63, 65, 271.

I.

Іоанно-Богослов. м-рь Ростов. 228.
Іоаннъ Эфесскій 220.
Іорданъ 120. 157, 169, 173, 174, 180, 189, 191, 192, 206, 231.
Іотунгеймъ 135, 167.
Іуліанъ монахъ 104, 161.

K.

Кавказъ 98, 111, 127—129, 137, 153, 159, 160, 164, 208, 238, 241.
Кавказскія горы 159.
Казанская губ. 161, 164, 171, 269,
Казанскій университетъ 8.
Казанское царство 149, 168, 171, 175.
Казань г. 74, 161, 163.
Казары 159, 234.
Казарки д. 177.
Кала г. 139.
Калгуевъ остр. 106.
Калмыки 216.
Калифорнія 92.
Калуга г. 93, 163.
Калужская губ. 96, 164, 210, 262.
Калязинскій у. 63, 64, 68, 70, 71, 75.
Калязинъ г. 64.
Кама р. 93, 104, 163, 167, 171, 174, 176, 256.
Камбылтескій могильн. 245.
Каменка рч. 68.
Каменникъ с. 70.
Канарскіе остр. 128.
Канутъ 182.
Канштадское плем. 127.
Карагассы 103.
Карамзинъ Н. М. 120, 158—161, 175, 191, 194, 201.
Карачарово с-цо 261.
Карбоны 155.
Карела 155, 201.
Карелино 197.
Карлъ великій 208.
Карпаты 157, 159.
Карская губ. 167.
Касимовъ г. 163.
Каспій 203, 242.
Кассіанова Учемская пустынь Углич. 229.
Кастренъ 103, 104, 170.
Кафтинскій Городокъ д. 57.
Кашинскій у. 177, 192.
Кашинцы 68.
Кашинъ г. 68, 76.
Каяна 144.
Кезай 158, 166, 167.

Каллгренъ д-ръ 156.
Кельсіевъ А. И. 65, 140, 232.
Кельты 178.
Кемскій у. 74.
Кемь р. 170.
Керцелли Н. Г. 63, 75, 244.
Кизиверъ городище 161.
Кима-Ярви оз. 170.
Киммеріаны 76.
Киммерійцы 128, 129.
Кинешемскій у. 177.
Киргизы 216.
Кирьянова д. 63.
Киссель Ф. 229.
Китай 157.
Кіевская губ. 7, 129, 245.
Кіевская земля 203.
Кіевъ г. 80, 92, 94, 96, 99, 107, 111, 112, 157, 159, 160, 175, 197, 208, 209, 213.
Кій 204, 211—213, 218.
Клеръ 266, 275.
Клещино оз. 76, 174, 180, 189.
Климентово с. 65.
Клинскій у. 261.
Клинъ оз 53.
Клодъ Эд. 117, 121, 125, 128, 180.
Клязьма р. 193.
Княжичъ городокъ 194.
Ковжа р. 164.
Ковно г. 93.
Койбалы 103.
Кокшенга р. 171.
Колосовъ В. И. 228, 260.
Колчеватино д. 70.
Колчеватинское городище 70
Колыма р. 99.
Кольскій полуостр. 144, 151.
Колѣново д. 130.
Колязинъ м-рь 177.
Коминтескій могильн. 241, 245.
Конда р. 176.
Кондаковъ Н. П. 242.
Кондратово д. 64.
Константинопольскій проливъ 126.
Константиновъ г. 64.
Константинъ Багрянородный 80. 159, 160. 208.
Константинъ св. 204.
Корела 153, 194.
Корелія 136, 139, 142, 144.
Корелы 167, 171, 172, 204.
Корельскій у. 170.
Корожишна р. 192.
Корсаковъ 170—172, 174, 177.
Корсь пл. 218.
Корчева г. 3.
Корчевской у. 63, 66, 68, 70, 261.
Коснятинъ г. 64.
Костомаровъ 170, 171, 173.
Кострома г. 101, 228.
Кострома р. 229.
Костромская арх. комм 78.
Костромская губ. 7, 8, 164, 167, 168, 175, 177, 204, 228, 235.
Костромской у 7.
Косьма св. 121.
Котельничъ 163.
Котловскій могильн. 273.
Которостная пойма 197.
Которость 227, 247.
Кочемъ г. 192.
Кошево д. 70.
Кошевское городище 70
Красницкій И. 76.
Красное с 66.
Крживолоцкій 8.
Кривичи 1, 75, 76, 85, 175, 200, 201, 210, 212—214, 220, 221, 223, 231, 233, 234, 246.
Кривичи двинскіе 3—5.

Кривичи днѣпровскіе 2, 3.
» западные 2.
» смоленскіе 3, 5.
Крыловъ А. Н. 171, 246.
Крымъ 98, 128, 129, 160.
Кснятинъ г. 64, 228.
Кубанская область 159.
Кубань р. 159, 169.
Кубенское оз. 135.
Кузнецы д. 78, 81.
Кузнечиха д. 247.
Кукша св. 203.
Кума р. 159.
Куникъ А. А. 105, 156, 160, 168, 169.
Курбскій кн. 227.
Курляндія 155, 182, 206, 244.
Куроны прибалт. 155.
Курская губ. 76, 129, 161.
Куры 155.
Кустерь д. 87.
Кушелевскій 103.
Кыяне 213.

Л.

Лаврентій св. 230.
Лавровскій П. 184, 240.
Ладога 3, 116, 127.
Ладожскій каналъ 116.
Ладожскій у. 183.
Ладожское оз. 2, 80, 116, 138, 144, 164, 165, 177.
Лапландія 136, 141, 151, 164, 181.
Лапландцы 152.
Латыши 155, 182.
Лебединъ 160, 161.
Лебедія 159, 160.
Лебедянь 160, 161.
Левушино д. 177.
Левъ I имп. 159.
Ледовитое море 187.
Ледовитый океанъ 164.
Лербергъ 145, 154.
Лесса р. 151.
Либь пл. 218.
Ливъ 153, 201.
Ливы 138, 165, 218.
Лигуры 127, 128, 151, 152.
Липпертъ 266, 275.
Литва 168.
Литва пл. 128, 147, 153, 167, 174, 181, 198, 201.
Литовская земля 153.
Литовское государ. 1.
Литовцы 128, 155, 190.
Лифляндія 182, 206, 244.
Лихачевское городище 70, 71.
Лихачевъ помѣщ. 70.
Ловать 2, 163.
Ломъ 81.
Лонгиновъ А. В. 159, 173.
Лопь 179, 194.
Лопари 74, 94, 120, 138—145, 147, 150—155, 165—167, 179—181, 188, 190, 194, 198, 204, 230.
Лотышь Г. 121, 150, 180, 206.
Лоче оз. 164.
Лубенскій у. 96.
Луга р. 122, 170.
Луза р. 158.
Луковесь 226.
Лутичи 207.
Любечъ г. 175.
Любимской у. 171, 186, 201, 225, 228, 229.
Любимъ г. 224, 229.
Лютичи 235.
Лютихъ г. 130.
Люцинскій могильникъ 2.
Лядинскій могильникъ 63.
Ля-Мутъ пещера 93.

Ляскоронскій В. Г. 161, 265, 275.
Ляхи 207, 210, 232.

М.

Маасъ р. 130, 151.
Маврикій имп. 220.
Магогъ 157.
Маджара г. 159.
Маджары пл. 164.
Мадьяры 80, 158—160, 162.
Мазары 160.
Майковъ Л. Н. 120, 145.
Макаренко Н. Е. 72.
Макарій архіеп. 183.
Макарьевскій у. 177.
Максимовскій могильникъ 63.
Малая Азія 116, 126, 127.
Малороссы 160, 211.
Малъ 213.
Мальковскій В. Н. 77, 86.
Марка 161.
Матвѣевъ П. 170.
Махческъ 159.
Медвѣдица р. 63. 64, 66. 68. 81.
Мезень р. 162.
Меленковскій у. 5.
Мелисъ д-ръ 118.
Мерды пл. 176.
Мерединово урочище 168.
Мерецкій станъ 177.
Меречанка р. 168, 173.
Мерзѣево урочище 168.
Мериново д. 177.
Мериновская вол. 177, 192.
Мерлево урочище 168.
Мерлуха урочище 168.
Мерскій станъ 177.
Мертвая заводь 81.
Мещера 201.
Мещерская сторона 5.
Мещерскій станъ 180.
Меря 75, 76, 87, 89, 122, 153, 161, 166—173, 175, 177, 180. 192, 194, 196, 197, 201, 203, 206, 207, 218, 225, 231, 234, 242, 246.
Меря р. 177.
Мерялово урочище 168
Меряне 69, 73, 75, 76, 176, 233.
Микулинъ г. 76.
Микульскій 75.
Миллеръ Г. Ф. 175, 183.
Миловидовъ И. В. 7.
Милославка 194.
Мимошна р. 229.
Мирогостово 194.
Митино 64.
Михаилъ Алексан. в. к. Твер. 224.
Михайловское с-цо 130, 192, 222, 241, 247.
Могилевская губ. 210.
Модестовъ В. И. 95, 115—118. 125—127.
Мозовшаны 207.
Моксель пл. 175.
Молдавія 158.
Молога г. 228, 229.
Молога р. 72—74, 78, 79, 96, 153, 161, 166, 174, 179, 203, 224, 227, 229, 232.
Мологскій у. 100, 153, 171, 185, 225.
Монголія 92.
Монголы 139.
Монголы запад. 105.
Монъ остр. 182.
Моравы 207.
Мордва 74, 138, 139, 141, 151, 154, 161, 167, 172, 175, 177, 179, 180, 192, 197, 198, 201, 203, 218.
Моркино городище 70.
Москва г. 1, 6, 8, 63, 223.

Москва р. 83, 262.
Московская губ. 73, 74, 76, 164, 167, 168, 175. 261, 262.
Москов. Археол. Общ. 78.
Московское княж. 177.
Моторы пл. 103.
Мста р. 2, 53, 54, 100, 221.
Мстино оз. 54.
Мстиславъ Влад. кн. 68.
Музей Яросл. Арх. Ком. 184.
Мункачи Б. 162.
Мурманъ 136.
Мурома 153, 161, 167, 180, 201, 203, 204, 218.
Муромская земля 203.
Муромъ г. 63.
Мурчисонъ 185.
Мусинъ-Пушкинъ С. А. 153.
Мухино городище 70.
Мышкинскій у. 69, 186, 192.
Мышкинъ г. 64.

Н.

Нарвскій у. 170, 176.
Нарымскій у. 176.
Неандертальское ущелье 130.
Неандертальцы 126, 128.
Невры 76 122, 191.
Неглинная р. 262.
Недоблицы 122.
Нейхаузенъ 182.
Некрасовъ Н. 198.
Нередицы урочище 168.
Нерль. р. 68, 122, 153, 228.
Нерльское урочище 168.
Неро оз. 154, 185.
Нестерово д. 65.
Несторъ 85; 89, 159—161, 168, 169, 180, 200, 201, 206—212, 214, 218—223, 226, 231, 233, 234, 237.
Нефедовъ Ф. Д. 8. 275.
Нидерле Л. 178, 191, 262, 275.
Нижегородская губ. 153, 164, 168.
Нижній г. 153.
Никитинъ 93, 96.
Николо-Улейминскій м-рь Углич. 229.
Никольскій Грѣхо-ручейскій м-рь Углич. 229.
Никольскій у. 167.
Никольскій Ф. Я. 87.
Новгородская губ. 57, 133, 153, 154, 164, 167, 174, 222, 225.
Новгородская обл. 2, 3.
Новгородская земля 203.
Новгородское княж. 66.
Новгородцы 1, 4, 68, 145, 153, 212, 213, 225. 227.
Новгородъ г. 2, 4, 66, 68, 76, 104, 162, 167, 170. 171, 210, 212, 213, 223, 227, 228.
Новиковъ Н. 8.
Новое с. 64.
Новоселка с. 122.
Новый городокъ 76.
Норвегія 139.
Норденшельдъ 152
Норманы 2, 88, 136, 145, 242, 244, 246—248.
Норова пл. 218.
Нѣманъ р. 128, 155, 168.
Нѣмцы 155, 198, 199.

О.

Обнорь р. 229.
Обры 159, 160, 199, 208, 209.
Обская губа 167.
Обь р. 103, 105, 151, 157, 162, 167, 176, 204, 230.
Овернцы 151, 152.
Овручъ 213.
Огненная земля 134.

Ока р 1, 6, 69, 74 133, 154, 163, 166, 167, 189, 193, 210.
Олегъ кн. 159, 160, 175, 197, 202, 208, 209, 223, 231.
Олегъ Святосл. кн. Чернигов. 68.
Олонецкая губ. 99, 121. 164, 174, 195.
Олонецъ 142.
Ольга княг. 209, 213, 221
Онега р. 74, 169.
Онежское оз. 80, 138, 144, 165, 167. 177, 227.
Оногуры 158—160.
Он-уйгуры 158.
Опоки городище 249.
Орелъ г. 161.
Орловская губ. 161, 245.
Осетины 154.
Осетія 241.
Осипова Пустынь с. 87.
Осташковскій у. 259.
Островскій Д. 174.
Остяки 73. 103—106, 124, 148, 152, 157, 162, 163, 166, 174, 176, 179, 192. 203—205, 230, 235.
Оттеръ англ. морепл. 166.
Отяки 138, 150, 154, 167—173, 175—177, 179, 192, 198, 204, 223.
Отяки-чудь 203.
Огиминская вол. 167.

П.

Павловъ м-рь 229.
Паисіевъ Покров. м-рь 228.
Палестина 126, 128.
Палкино д. 266.
Панонія 157, 208.
Парижъ г. 118, 151.
Паскатиръ (Башкирія) 161.
Пекуново городище 70.
Пелагеина Гора 57.
Пенно станція 259.
Первольфъ 157.
Переяславскій у. 177.
Переяславское оз. 2.
Перигоръ 255.
Пермская губ. 80, 171, 176, 269.
Пермь 194, 201.
Пермь Великая 166.
Пермяки 141, 150, 152, 161, 175, 192, 203, 204, 218.
Персія 157.
Пертасы 194,
Петербургская губ. 75, 122, 170, 174, 223.
Петербургъ г. 76, 98, 133, 147.
Петровскій м-рь Ростов. 228.
Петропавловскій м-рь 228.
Петръ I имн. 205.
Петряхино д. 122.
Печелокъ с. 247.
Печенеги 159, 160, 209.
Печера 161, 194, 201, 218.
Печера р. 104, 106, 162, 179.
Пешересы (яганъ) 134.
Пима р. 235.
Пинега р. 74, 176.
Плано-Карпини 104, 105, 161.
Платоновъ С. Ѳ. 53, 168, 170, 172, 181, 208.
Плесъ 158.
Плетневъ В. А. 64, 68.
Плюшаръ 170.
Поволжье верх. 1—5, 72.
Повѣнецкій зал. 227.
Повѣнецъ г. 227.
Погодинъ А. П 120, 128, 130, 144, 145, 147, 153, 154, 158, 159, 168, 169, 174, 177, 203, 207, 208.
Подолія 129.
Подшевелиха д. 53.

Подольская вол. 53.
Покровскій В. И. 74, 75, 84.
Полинезійцы 134.
Половцы 160.
Полочане 207, 210, 213.
Полтава г. 161.
Полтавская губ. 96, 129, 161.
Польша 122, 231.
Поляки 207.
Поляковъ И С. 106—108, 111, 112, 114, 125, 133, 134, 151, 152, 162, 181, 204, 205, 230.
Поляне 201, 207, 209—211, 213. 221, 223, 234.
Поморяне 207.
Поповъ Л. К. 130.
Португалія 134.
Порѣчье с. 64.
Посадъ 68.
Поспѣловъ С. А. 55.
Пошехонскій Адріановъ м-рь 229.
Пошехонскій у. 110, 171, 186, 225, 228.
Прасковея станица 159.
Привислянскій край 129.
Прилуки с. 69.
Припять р. 191.
Прислонъ городище 70,
Прислонъ д. 71.
Прокопій 169, 206.
Прокопій Кесарійскій 211.
Прудово д. 68.
Пруссы 201.
Псковская губ. 75.
Птоломей 121, 154—156, 179.
Путк-озеро оз. 227.
Путятинъ П. А. кн. 53, 91, 133, 134, 138, 257, 258.
Пфейль фонъ гр. 93.
Пыщугская вол. 8.
Пьемонтъ 116.
Пьяноборскій могильникъ 273.

Р.

Рагозина З. А. 157.
Радимичи 175, 200, 201, 210, 212, 220, 223.
Радимъ 210, 216.
Радловъ 158.
Ранке 139.
Ратислово 194.
Ратмановъ Н. Г. 259.
Ревье пещера 133.
Регули 74, 104.
Редриково 246.
Рейнъ р. 125, 127, 130, 134.
Ременница д. 68.
Рерихъ Н. 182.
Ресины 77.
Ретія 151.
Ржевскій у. 85.
Ржевъ г. 69, 70, 76, 83, 251, 252, 255—257.
Радбардъ (Ратиборъ) кн. 173.
Рижскій зал. 155, 165, 167.
Римляне 159.
Римская имперія 135.
Рисаландъ 135.
Рогачево пустошь 192.
Роговичъ Гюрата 105, 162.
Рождественскій м-рь Ростов. 228.
Рожокъ мысъ 91.
Розетъ пещера 151.
Романовскій у. 171, 186, 194, 220, 246.
Романовъ г. 136, 137.
Романцы 178.
Россія 4, 74, 89, 92; 93, 95—98, 100—102, 104, 106, 107, 110—112, 114—116, 123, 125—131,

133—135. 137, 138. 141, 144, 145, 147, 148, 150—154, 156—162, 164—166. 169, 174, 177, 178, 182, 183, 187—191, 193, 197—200, 202, 203, 209, 210, 218, 230, 235, 244, 245, 255, 258, 274.
Ростиславъ кн. 66.
Ростово-Суздальская обл. 4, 8.
Ростовская земля 171, 174.
Ростовская область 2, 87, 203, 204, 229, 232.
Ростовскій у. 64, 73, 87, 113, 130, 132, 168, 185, 194, 246.
Ростовское княж. 170, 171.
Ростовское оз. 2, 76, 112, 168, 173, 174, 180, 185, 186, 189.
Ростовцы 153.
Ростовъ г. 2, 64, 75, 122, 171, 176, 177, 188, 205, 223, 227, 228, 247.
Росторфъ г. 247.
Рубленый г. 228.
Рубруквисъ 104, 161, 169, 175, 176.
Румыны 178.
Руссаново д. 247.
Русская земля 209, 214.
Руссы 247.
Русь 80, 81, 105, 159, 168, 169, 196, 200, 203. 207, 218, 222, 224, 225, 234, 242, 247.
Рыбинскій у. 171, 186, 229.
Рыбинскъ г. 101, 229, 244.
Рыбинское с. 73, 76—78, 81, 82, 84, 85.
Рюрикъ кн. 228, 247.
Рюссаландъ зал. 136.
Рязанская губ. 161. 168. 262.
Рязанское княж. 223.
Рязань г. 6, 63, 93.

С.

Саваиры 159.
Савельевъ 4, 77.
Савойцы 152.
Саврасово д. 68.
Сагайцы 103.
Салисъ р. 155.
Samogeti 105.
Самозеро 164.
Самоквасовъ Д. 77.
Самарская губ. 161.
Самарская лука 138.
Самоѣды 74, 94, 102—106, 141, 152, 163, 167, 179, 188.
Самоядь 194.
Самуилъ Мирославскій архіеп. 205.
Сара р. 122, 153.
Сарагуры 158, 159.
Саратовская губ. 99.
сарматы 175.
сары-уйгуры 158.
Сахара 109.
Сахаровъ И. П. 77.
Саянское нагорье 103.
Саяны 105.
Свиное оз. 164.
Святославль Карашъ с. 228.
Святославъ кн. 160, 205, 223, 231.
Севастьянова Преобр. пустынь 229.
С. Двина р. 162, 167, 204.
Сегозеро оз. 164.
Селенга р. 158.
Селигеръ оз. 191.
Селижаровка р. 191.
Семендяево с. 64.
Семеновское 78.
Семипалатинская обл. 138.
Сена р. 118.
Сенлакъ 121.
Сербы 207.

Серджи Джузеппе 115, 118, 125.
Середонинъ С. М. проф. 76, 80.
Сеславино 194.
Сибирь 99, 100, 162, 193, 195, 236, 269.
Сизовъ В. И. 245, 262. 275.
Сильвестровъ Воскрес. м-рь 229.
Сима с. 235.
Симбирскъ г. 93.
Симсонъ П. Ѳ. 69, 256, 258.
Синицинъ Н. свящ. 55.
Сирія 116. 128.
Сить р. 73, 153.
Сицилія 116.
Сицкари 174, 177.
Скандинавія 74, 97, 104, 116—118, 121, 128, 135, 144, 151, 152, 156, 157, 181, 183.
Скандинавскій полуостр. 244.
Скандинавскія земли 95.
Скандинавы 154, 178, 190, 205, 242, 244.
Скнятино с. 64.
Скнятинъ г. 76.
Скитія 157.
Скифія 93, 157, 166, 175, 208, 210.
Славяне 75, 76, 88, 105, 135, 136, 147, 152, 154—156, 167, 169, 174, 175, 190—192, 194—206, 208—211, 214, 216, 218, 219, 221—225, 227—233, 235, 236, 238—240, 243, 244, 247, 248.
Славяне балканскіе 198.
— дунайскіе 198, 207, 208.
— западные 206.
— ильменскіе 75.
— новгородскіе 4, 75.
— полоцкіе 1.
— русскіе 198, 200, 202.
— смоленскіе 1.
Словени 200, 201, 207, 208, 242.
Словенка р. 226.
Словенскіе пороги 226.
Словенское с. 226.
Словены 210, 212—214, 223, 226, 234
Словинцы 247.
Смирновъ 141, 154.
Смирновъ И. 145, 147, 153, 203.
Смирновъ И. Н. 138, 139, 150, 178.
Смирновъ И. П. 105.
Смирновъ Н. И. 156, 175.
Смоленская губ. 75, 76, 245.
Смоленскій м-рь Ярослав. 228.
Смоленскъ г. 2, 66, 83, 97, 175.
Смольняне 213.
Соболевскій А. И. 120. 155, 174, 175, 178, 192, 193, 195, 196, 206, 207, 223.
Сожа р. 83, 210.
Созь р. 264.
Сойоты 103.
Соколово д 192.
Соколовскій А. 92, 140.
Соловей Будиміровичъ 197.
Соловецкіе острова 170.
Соловьевъ 170, 174, 229.
Сосницкій у. 265.
Сосонники 249.
Сохоть р. 229.
Спасо-Песочскій м-рь Ростов. 228.
Спасо-Преображ. м-рь Ярослав. 228.
Спасо-Яковлев. м-рь Ростов. 228.
Спасъ-Мерскій селен. 177.
Спицинъ А. А. 6, 91, 123, 137, 189, 223, 241, 244, 258, 262, 264, 271, 275.
Средиземное море 125, 126, 128.
Старицкій у. 70.
Стенгенезъ 118.
Стефанъ св. 204.
Столбы 81.

Стриковскій 181.
Стромынь д. 65.
Стрѣлкова гора 81.
Судь р. 168, 226.
Суздаль г. 6, 80, 104, 121, 122, 157, 158, 174, 175.
Суздальская граница 246.
Суздальская земля 63, 66, 75.
Суздальская область 1, 3, 4, 5.
Суздальское княж. 66.
Суздальщина 2.
Сула р. 161, 265.
Суоми 179.
Сура р. 72.
Сурское оз. 229.
Сутоки с. 66—68.
Сухарино с. 261.
Сухона р. 158.
Суэссъ проф. 93.
Сысола р. 163.
Сѣверное море 95.
Сѣверы 207, 220, 234.
Сѣверный океанъ 74. 94, 97 -99, 102, 157, 162, 166.
Сѣверяне 1, 5, 175, 223, 242.
Сязь р. 122, 164.

Т.

Тавда р. 167.
Тамань полуостр. 129.
Тамбовская губ. 153, 161.
Тамбовъ г. 161.
Танарифъ 128.
Тарымскій водоемъ 93.
Татары 1, 152, 158, 198, 199, 224.
Татищевъ 174.
Тацитъ 120, 121, 123, 135, 147, 153—156, 179, 180, 190, 191, 196.
Тверево 194.
Тверская губ. 53, 63, 64, 68, 69, 72—76, 84, 85, 96, 164, 167, 168, 191, 197, 245, 259, 261, 262.
Тверской музей 63, 131.
Тверской археологическій съѣздъ 1, 55.
Тверской у. 70.
Тверца р. 5, 54, 77, 228.
Тверь г. 70, 76, 210, 223, 228.
Тейлоръ 118, 119, 125, 127, 128, 130—135, 150—152, 179, 188, 190.
Тельцово 81.
Темучинъ 158.
Теодорихъ 208.
Терекъ р. 110.
Тетеркина горка 81.
Тиверцы 175, 210, 213.
Тигръ 157.
Тиманская тундра 95, 106.
Тимерево урочище 168.
Тихвина 81.
Тихвинка р. 164.
Тихвинскій у. 167, 174, 176, 183.
Тихій океанъ 93.
Тихоміровъ И. А. 53, 54, 248.
Тихонравовъ 4.
Тобольская губ. 80, 176.
Тобольскій у. 176.
Толгскій монастырь 228.
Толстой И. гр. 245.
Толстой М. гр. 177, 228.
Томашекъ 175.
Томсенъ 177.
Томская губ. 176.
Тоншаевская вол. 167.
Топорокъ городище 261, 262, 263, 264, 265, 267, 269, 270, 271, 272, 273, 274.
Торжокъ г. 75, 76, 228.
Тотемскій у. 167, 171, 176.

Трифонъ св. 204.
Троице-Нерльская слобода 64.
Троицко-Варницкій м-рь Ростов. 228.
Траянъ 159.
Тубосская горка 54.
Тула г. 161.
Тульская губ. 161, 262.
Тунашна с. 246.
Турки 139, 160, 199.
Туромъ богъ 204.
Тюрки 152, 201.
Тюрко-монголы 104.

У.

Уварова гр. 4.
Уваровъ А. С. гр. 7, 8, 72, 73, 75, 84, 87, 93 — 96, 101, 106, 120—124, 130—133, 167, 177, 181, 184, 204, 206, 233, 242, 244, 251, 257.
Углецъ-Константиновъ вол. 229.
Углече поле 205.
Угличскій музей 66.
Угличскій у. 63, 64, 220.
Угличъ г. 3, 64—66, 119, 205, 224, 228, 229.
Угорскія горы 159.
Угра 80, 81, 84, 88, 104, 105, 124, 137, 156—167, 174, 179, 199, 201.
Угра (югра-іотуны) 166
Угра р. 174.
Угрія 160.
Угры—бѣлые 208.
Угры—венгры 208.
Угры—мадьяры 208.
Угры—черные 80, 160, 209.
Узмень с. 76.
Узы—половцы 160.
Узы—торхи 201.
Уйгуры 158.
Улейма р. 229.
Улучи 210.
Унжа р. 158.
Унугуры 159.
Урало-алтайское племя 105.
Уралъ 93, 138, 162, 163, 167, 176, 179.
Уралъ р. 160.
Уральскія горы 97, 104, 105, 157 179.
Уранга 105.
Урянхайцы 103, 105.
Уса р. 104.
Усвятъ оз. 82.
Устье р. 228.
Устюга 74.
Утигуры 159.
Утургуры 159.
Уфа 93.
Уфимская губ. 161.
Учекъ 157.
Учемка рч. 119.
Учемская стоянка 119, 134.
Учма погостъ 119.
Учма р. 229.

Ф.

Фадѣевъ 275.
Фальбъ Р. 93.
Фальстеръ остр. 133.
Фаминцынъ А. С. 171, 235.
Фатьяново д. 123, 130, 132, 133.
Фатьяновскій могильникъ 72, 136, 274.
Федово дер. 53.
Федовскій могильникъ 53, 55.
Фелицинъ Е. 153.
Фенны 120, 121, 123, 135, 154—156, 165.
Феофилактъ 244.

Филевичъ И. 137, 168, 173, 200, 206, 207, 210.
Финляндія 96, 97, 104, 139, 144, 151, 154, 156, 164, 167, 181, 204, 244.
Финмаркенъ 139.
Финны 1, 3, 4, 68, 69, 74, 75, 80, 87—88, 105, 106, 120—123, 136—145, 147—150, 152, 154—157, 165—167, 169, 172, 174, 177—184, 188—193, 196—199, 202, 223, 227, 235, 243, 244, 246, 248.
Финны западн. 145.
Финны ярослав. 197, 248.
Финскій заливъ 138, 164, 165, 174, 176.
Флетчеръ 105.
Фоминское городище 70.
Фоминское с. 70.
Франція 92, 93, 125, 127—129, 134, 151, 152.
Фрисландія 118, 134.
Фюрстенбергъ 224.
Фюрфаза 151.

Х.

Хазары 80, 161, 234.
Халдея 157.
Халынка р. 251.
Ханенковъ В. И. 238.
Харузинъ 140, 141, 142, 144, 145, 151, 205.
Харузинъ Н. 150, 153, 188, 194, 202, 204.
Харузинъ Н. Н. 138, 139, 143, 170, 179.
Харьковская губ. 129, 161, 271.
Харьковскій университетъ 271.
Харьковъ г. 161.
Хатанская губа 103.
Хвойко 92, 96, 101, 107, 112, 114, 115, 123, 126.
Херсонская губ. 129.
Ходаковскій 177.
Хозары 198, 202.
Холмогоры 167.
Холмская Гора 136.
Холопьевъ городокъ 227.
Хорваты 175, 207.
Хорутане 207.
Хорутанія 118.
Хрипелево 68.
Хостникъ М. 184.

Ц.

Цебельнъ 182.
Цезарь Ю. 134, 135, 188.
Цна р. 54, 167.
Цыгане 128.

Ч.

Чагино с. 177.
Чагинъ В. А. 66, 67.
Чамерово урочище 168.
Чамеровская вол. 197.
Чашницкое оз. 228.
Челганово д. 65.
Чепца р. 171, 174.
Чердынь 163.
Черемисы 74, 138, 145, 148—150, 152, 154, 167—170, 172, 174, 175, 177—180, 182, 192, 197, 198, 201, 203, 204, 218.
Череповецъ г. 167, 226.
Черкесы 153.
Черная Гора урочище 123, 130, 132, 136.
Черниговская губ. 265.
Черниговъ г. 2, 161, 213.
Черное море 95, 127, 203, 210, 242.
Чехи 207.

Чеченцы 153.
Чечулинъ Н. Д. 216.
Чингизъ-ханъ 158.
Чуваши 145, 161.
Чудинка 171.
Чудиново 171.
Чудинцева слоб. 171.
Чудкино 171.
Чудскій Конецъ 171, 177.
Чудь 76, 145, 153, 161, 166, 167, 169—175, 180, 192, 201, 202, 214, 218, 223, 226, 234.
Чукчи 94, 100, 102.
Чусовая р. 163.
Чухлома 228.

Ш.

Шагость 194.
Шаготь 194.
Шакелово д. 83.
Шалексъ пещ. 133.
Шафарикъ 247.
Шахматовъ акад. 1.
Шача р. 158.
Шварцъ фонъ Ф. 92.
Шведы 179.
Швейцарія 116, 118, 129, 137, 144, 151.
Шексна р. 96, 153, 161, 166, 168, 174, 179, 194, 203, 223—227, 232.
Шелонь р. 2.
Шенкурскій у. 166, 167.
Шернскій лѣсъ 65.
Ширинскій-Шихматовъ кн. А. 53, 58, 62.
Шоттъ 139.
Шпицбергенъ о. 187.
Штирія 118.
Штукенбергъ 95, 106, 189.
Шунга с. 227.
Шуя р. 170.

Щ.

Щербаха рч. 71.

Э.

Эберфельдъ 130,
Эгейское море 126.
Эзель остр. 155, 177, 182, 204.
Экбертъ 1, 87.
Энгисъ пещера 130.
Эрихова слоб. 246.
Эрихово 246.
Эскель-болгары 160.
Эстляндія 182, 244.
Этельредъ 182.
Эсты 121, 138, 150, 153, 155, 165, 180, 182, 191, 204.
Этылъ р. 157.

Ю.

Ю. Америка 92, 134.
югра 74, 80, 81, 103, 104, 137, 157, 159, 162—164, 178, 179, 194.
югра-угра 179, 183.
Югрія 162, 167.
Югская Дороѳеева пустынь 229.
Югъ р. 158, 166.
югры 165—167, 174, 175.
юкагиры 94, 101, 102.
юраки 94, 105.
Юрій Долгорукій кн. 64, 66, 203, 228.
Юрій кн. Суздальскій 5.
Юрьевецъ д. 63, 65, 158, 224.
Юрьевское городище 70, 71.
Юрьевское с. 70.
Ютландія 125.

Я.

Ягайло 181.
Язки 81.
Яикъ р. 160.
Яковлевская слоб. 247.
Якуты 94.
ямь 161, 218.
Ямь оз. 53.
Ярила 235.
Ярославская губ. 63, 64, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 87, 88, 91, 95, 97, 99—102, 106, 107, 111—113, 115, 119, 120, 122—124, 128—133, 135—137, 139, 148, 156, 158, 161, 164, 167, 168, 170, 171, 174—177, 179—182, 184, 185, 188, 190—197, 200, 201, 204, 205, 220, 221, 223—228, 230—234, 240, 241, 243, 245, 246, 248.
Ярославская провинція 177.
Ярославскій археологическій областной съѣздъ 1, 8.
Ярославскій музей 123, 124, 132.
Ярославскій у. 65, 88, 119, 130, 136, 186, 222, 246, 247.
Ярославль г. 101, 112, 130, 132, 192, 197, 221, 224, 228, 229.
Ярославъ I кн. 153, 242.

Ѳ.

Ѳаддѣевъ 266.
Ѳедоръ 230.
Ѳеодоритъ 204.

Отдѣлъ II.

ОБЛАСТНАЯ ИСТОРІЯ. ПАМЯТНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ СТАРИНЫ.

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ.

До-историческая этнографія располагаетъ (въ настоящее время по крайней мѣрѣ) очень скуднымъ количествомъ данныхъ и еще болѣе скуднымъ количествомъ хорошо обоснованныхъ выводовъ; поэтому каждый новый фактъ, хотя бы онъ имѣлъ скромное значеніе, представляется заслуживающимъ вниманія.

На одинъ такой фактъ я позволю себѣ указать и на немъ нѣсколько остановиться.

Этотъ фактъ—существованіе рядомъ двухъ названій озера Селигера. Одно—нынѣ употребляемое, общеизвѣстное, которое въ Новгородской лѣтописи по списку XIV вѣка является въ видѣ *Серегѣрь*, другое—нынѣ уже, кажется, неизвѣстное, *Селижаръ*; оно не сохранено намъ памятниками, но легко возстановляется на основаніи названія рѣчки *Селижаровки* или *Селижаръ* (выходящей изъ Селигера и впадающей въ Волгу) и названія посада *Селижарова* (при впаденіи Селижаровки въ Волгу).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть и оцѣнить эти названія, необходимо сдѣлать маленькій экскурсъ въ область славянскаго языковѣдѣнія.

Славянскіе языки знаютъ два смягченія гортанныхъ звуковъ вообще и звука *г* въ частности. Первое смягченіе состоитъ въ измѣненіи гортанныхъ въ шипящіе, въ частности въ измѣненіи *г* въ *ж:* бо*ж*е, бо*ж*ество (отъ богъ); второе смягченіе состоитъ въ измѣненіи гортанныхъ въ свистящіе, въ частности въ измѣненіи *г* въ *з*: бо*з*и (мн. ч.). Время завершенія перваго смягченія намъ въ точности неизвѣстно, но въ древности его нельзя сомнѣваться. Оно равно свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ; слѣдовательно, мы можемъ относить его къ тому обще-славянскому періоду, когда всѣ славяне составляли еще одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который закончился едва ли позднѣе. Рождества Христова. Что до завершенія второго смягченія, то и его древность слѣдуетъ считать глубокою, обще-славянскою, но не въ такой степени, какъ древность перваго смягченія. Между тѣмъ какъ

первое смягченіе одинаково свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ, второе смягченіе имѣетъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ нѣкоторыя разности, признакъ того, что обще-славянскій языкъ въ эпоху этого смягченія уже раздѣлялся на крупные говоры. Такъ, въ русскомъ языкѣ всякій гортанный звукъ передъ *ѣ* и *и* (изъ дифтонга) перешелъ въ свистящій; а въ западно-славянскихъ языкахъ, рядомъ съ переходомъ *к* и *г* въ свистящіе, есть случаи перехода *х* въ шипящее *ш*; или, въ русскомъ языкѣ передъ *вѣ* и *ви* гортанные подверглись смягченію: *ц*вѣтъ, *з*вѣзда, а въ тѣхъ же западно-славянскихъ языкахъ въ подобныхъ словахъ нѣтъ смягченія: *к*вѣтъ, *г*вѣзда.

Къ сказанному о смягченіи необходимо прибавить два слова о судьбѣ *ѣ* (соотвѣтствующаго долгому *е* родственныхъ языковъ) послѣ перваго смягченія. Этотъ звукъ послѣ шипящихъ и *j* перешелъ въ *а*, такъ что изъ древнѣйшаго *жѣ* получилось *жа*. Всѣ славянскіе языки знаютъ переходъ *ѣ* въ *а*, и потому его слѣдуетъ считать завершившимся въ обще-славянскій періодъ.

Теперь разсмотримъ названіе *Серегѣръ* [1]). Въ немъ мы видимъ звуковую группу *гѣ*; эта группа не подверглась ни тому, что мы называемъ первымъ смягченіемъ, ни тому, что мы называемъ вторымъ смягченіемъ. Слѣдовательно, слово *Серегѣръ* вошло или въ обще-славянскій языкъ въ самую позднюю эпоху его существованія, уже послѣ того какъ въ немъ завершились оба смягченія гортанныхъ, или скорѣе уже въ русскій языкъ, послѣ того какъ обще-славянскій языкъ распался. Изъ этого можно заключить, что обще-славяне или русскіе славяне подошли къ озеру Селигеру и здѣсь усвоили себѣ его названіе отъ болѣе раннихъ обитателей береговъ озера относительно поздно, конечно, задолго до начала исторической эпохи, но во всякомъ случаѣ позднѣе Рождества Христова.

Перейдемъ къ другому названію того же озера *Селижаръ*. Стоитъ только повнимательнѣе въ него всмотрѣться, чтобы признать въ немъ то же слово, что и *Серегѣръ*, только съ болѣе древней звуковой окраской. Какъ выше указано, при первомъ смягченіи гортанныхъ *г* перешло въ *ж*, а потомъ *ѣ* послѣ *ж* измѣнилось въ *а*. Слѣдовательно *Селижаръ* восходитъ къ болѣе древнему *Серегѣръ* (или *Серегѣръ*) заимствованному обще-славянами у своихъ сосѣдей въ обще-славянскій

[1]) Списки 1-й Новгородской лѣтописи имѣютъ въ этомъ словѣ послѣ *г* то *е*, то то *и*, что указываетъ на нахожденіе въ немъ въ древности *ѣ*.

періодъ и измѣненному въ звукахъ (какъ всѣ заимствованныя въ то время слова) согласно законамъ обще-славянскаго языка. Заключеніе, которое мы можемъ вывести таково. Обще-славяне имѣли уже нѣкоторое понятіе объ озерѣ Селигерѣ; можетъ быть, они доходили до него въ своихъ набѣгахъ на восточныхъ сосѣдей; значитъ, они жили уже относительно недалеко отъ Селигера; иначе говоря, одна часть границы обще-славянской прародины, именно, ея сѣверо-восточный уголъ, находилась сравнительно близко отъ западной границы нынѣшней Тверской губерніи [1]).

Но согласно ли наше заключеніе съ другими данными?

Можно похвалиться тѣмъ, что оно вполнѣ согласно.

Если мы предположимъ, что около озера Селигера и въ глубинѣ обще-славянскаго періода, и позднѣе, жили финны (точнѣе: западные финны [2]), то будемъ имѣть право воспользоваться данными изъ области взаимныхъ отношеній языковъ славянскихъ и западно-финскихъ.

Данныя русскаго языка указываютъ намъ на очень древнее знакомство славянъ съ финскими племенами. Мы не знаемъ нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ въ древности славянами у финновъ, но имѣемъ рядъ названій финскихъ племенъ. Одно изъ нихъ—*Ижера*, соотвѣтствующее финскому Inger; въ немъ мы имѣемъ то древнее первое смягченіе гортаннаго, о которомъ уже говорили; значитъ, это названіе было получено еще обще-славянами, когда Ижера жила значительно южнѣе, чѣмъ въ историческое время. Другое—*Ѣмь* или *Ямь*, соотвѣтствующее финскому Häm; во второмъ варіантѣ этого названія [3]) мы находимъ тотъ древній переходъ *ѣ* послѣ *j* въ *а*, о которомъ уже упоминали; значитъ, названіе *Ѣмь—Ямь* было получено также еще въ обще-славянскій періодъ. Третье—*Весь*, живущее донынѣ въ названіи города *Весьегонска* и соотвѣтствующее финскому Veps; измѣненіе группы *пс* въ *с* принадлежитъ къ числу древнихъ; оно совер-

---

[1]) Мы не должны удивляться тому, что названіе озера Селигера было заимствовано дважды: одинъ разъ въ обще-славянскій періодъ, въ глубинѣ его, прежде завершенія перваго смягченія гортанныхъ, второй разъ значительно позже, когда завершилось не только первое, но и второе смягченіе гортанныхъ. Подобные случаи—не рѣдкость въ языкѣ. Укажемъ на два названія Карпатскихъ горъ: древнѣйшее, со смягченіемъ гортаннаго, сохраненное въ старо-польскомъ *Бешады*, и позднѣйшее, безъ смягченія, сохраненное въ польскомъ и малорусскомъ *Бескедъ*, *Бескидъ*.

[2]) По изслѣдованіямъ Томсена и финскихъ ученыхъ, западные финны нѣкогда, до прихода на берега Балтійскаго моря, жили южнѣе, въ связи съ Мордвою и Черемисою.

[3]) Подобные варіанты вполнѣ обычны въ славянскихъ языкахъ: современн. русск. *пѣсти* и *пясти*, др. русск. *пѣдъ* и *пядь*, др. русск. *пѣзва* и *пязва* и т. п.

шилось въ обще-славянскомъ языкѣ; слѣдовательно, названіе *Весь* перешло къ славянамъ въ тотъ же обще-славянскій періодъ, когда Весь жила южнѣе и западнѣе, чѣмъ въ историческое время.

Данныя собственно финскаго языка (суоми) говорятъ намъ о томъ же. Этотъ языкъ имѣетъ много нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ у славянъ; изъ нихъ нѣкоторыя сохраняютъ такія группы звуковъ, которыя были только въ обще-славянскомъ языкѣ и которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ, между прочимъ группы *al*, *ar* въ серединѣ словъ, тамъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ полногласныя *оло*, *оро*, церковно-славянскій языкъ—*ла*, *ра*: *talkkina* (=обще-славянск. * *талкъно*, др. русск. * *толокъно*, церк.-слав. * *тлакъно)*, и т. п. [1]).

Итакъ, славяне на своей общей прародинѣ, въ глубинѣ вѣковъ, жили по сосѣдству съ нынѣшней Тверской губерніей (западнѣе ея). Когда же они перешли на территорію этой губерніи?

Названіе озера *Селижаръ*, какъ видно изъ сказаннаго, не стоитъ одиноко. То же можно сказать и о названіи *Серегъръ*. Если мы всмотримся въ названія озеръ, рѣкъ и т. п. тверской территоріи, то между ними замѣтимъ названія озеръ *Кебердово*, *Кезадро*, также безъ смягченія гортаннаго, названіе рѣки *Тъхвъръ* [2]), безъ смягченія *х* передъ *въ*, и т. п.

А. И. Соболевскій.

---

[1]) Мы пользуемся данными Mikkola.

[2]) Такъ обыкновенно пишется это слово въ Новгородской лѣтописи.

Романовскіе мурзы и ихъ служилые татары [1]).

Въ настоящемъ докладѣ—два доклада, или точнѣе: докладъ по вопросу, который обозначенъ въ заглавіи, и предложеніе, обращаемое мною къ г.г. членамъ Тверского Областного Съѣзда.

Докладъ представляетъ собой попытку разобраться въ довольно обширной, подобранной мной въ Арх. М. Ин. Д., коллекціи документовъ о татарской колоніи въ г. Романовѣ и Романовскомъ уѣздѣ нынѣшней Ярославской губерніи. Заселеніе исконной русской мѣстности татарскими выходцами, этотъ своеобразный историческій капризъ, поведшій къ господству татаръ не только въ Романовскомъ, но и въ сосѣднемъ Ярославскомъ уѣздахъ, давно обращаетъ на себя вниманіе. Имѣющіеся въ научномъ оборотѣ документы и немногія строки, удѣленныя вопросу различными изслѣдователями, не только не разрѣшаютъ сомнѣній, но не даютъ и твердой почвы для постановки самаго вопроса. Поневолѣ пришлось обратиться къ архивамъ. Добытыя тамъ данныя, кажется, имѣютъ нѣкоторое значеніе.

Но прежде всего факты. Ихъ много, и многіе изъ нихъ заслуживаютъ мѣста въ спеціальномъ изслѣдованіи. Въ настоящемъ докладѣ, однако, я остановлюсь только на томъ, что наиболѣе существенно для ближайшей цѣли.

Всѣмъ извѣстна личность владѣтельнаго князя ногайской орды Юсуфа, долголѣтняго союзника, а потомъ врага Іоанна Васильевича

---

[1]) Докладъ печатается въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изложенъ авторомъ на Съѣздѣ. Авторъ надѣется при первой возможности посвятить вопросу болѣе законченное изслѣдованіе. Докладъ основанъ на слѣдующихъ документахъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (по описямъ Прик. дѣлъ старыхъ лѣтъ): 1616 г., № 9, № 10; 1617—1621 г.г., № 3; 1617—1637 г.г., № 4; 1621 г., № 1, № 2, № 24; 1622 г., № 30; 1623 г., № 21; 1627 г., № 58; 1628—1632 г.г., № 71; 1627—1628 г.г., № 62; 1627 г., № 63; 1628 г., № 28; 1629 г., № 36, № 47; 1630 г., № 9, № 31; 1634 г., № 73; 1634—1639 г.г., № 17; 1635 г., № 37; 1638 г., № 3, № 58; 1639 г., № 13; 1640 г., № 60, № 75; 1644 г., № 73; 1646 г., № 13; 1647 г., № 71, № 72, № 107, № 108; 1648 г., № 2, № 5, № 7, № 13, № 16, № 83; 1650 г., № 43, № 54. Сверхъ того см. Сборн. кн. Хилкова, изд. Археогр. Ком., Пет., 1879 г., стр. 39—42 и документы въ изд. «Родъ кн. Юсуповыхъ», ч. II.

Грознаго. Послѣ смерти Юсуфа ногайская орда признала княземъ брата Юсуфова—Измаила; Измаила вытѣснилъ старшій сынъ Юсуфа—Юнусъ; послѣ смерти Юнуса ханствомъ опять овладѣлъ Измаилъ. Но у Юсуфа были еще сыновья: между ними двое—Ибрагимъ-мурза и Иль-мурза—внушали Измаилу особыя опасенія. Не будемъ излагать всѣхъ подробностей, укажемъ только, что въ 1563 г. Ибрагимъ-мурза и Иль-мурза явились въ Москву къ Іоанну и были приняты имъ съ большой благосклонностью. Съ ними явились многіе ихъ служилые татары и два двоюродные брата—Алѣй-мурза да Айдаръ-мурза, сыновья брата Юсуфова Кутума. Ибрагимъ, видимо, вскорѣ умеръ. На службѣ московскаго царя, такимъ образомъ, остались три знатныхъ выходца мурзы: Иль-мурза Юсуфовъ и два брата Кутумовы Алѣй-мурза и Айдаръ-мурза, а также нѣкоторое неизвѣстное намъ число сопутствовавшихъ имъ ногайскихъ татаръ. Царь пожаловалъ трехъ мурзъ городомъ Романовымъ со всѣми доходами и рядомъ дворцовыхъ селъ въ Романовскомъ уѣздѣ, за что они должны были выставлять на службу 225 человѣкъ.

Является, однако, вопросъ: быть можетъ, татары жили въ Романовскомъ уѣздѣ и до появленія тамъ Юсуфова и Кутумова, и ногайскіе мурзы, быть можетъ, только потому и были испомѣщены въ Романовскомъ уѣздѣ, что тамъ уже основалась довольно значительная татарская колонія.

Мѣстные историки, видимо, склонны думать, что татары основались въ Романовѣ и уѣздѣ со временъ татарскаго ига. Но никто не приводитъ никакихъ точныхъ свидѣтельствъ. Возможно, что они повторяютъ чей-либо произвольный домыселъ; во всякомъ случаѣ, изъ документовъ, разсмотрѣнныхъ нами, скорѣе слѣдуетъ выводъ, что до появленія ногайцевъ въ Романовскомъ уѣздѣ было не больше татаръ, чѣмъ во всякомъ другомъ замосковномъ уѣздѣ. Такъ, во всѣхъ документахъ, которые намъ извѣстны, говорится о мурзахъ и ихъ служилыхъ татарахъ и казакахъ. «Своихъ татаръ они, мурзы, испомѣстили», «у своихъ татаръ они, мурзы, отдѣлили» и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь нельзя сомнѣваться, что татары могли очутиться въ Романовѣ только какимъ-нибудь искусственнымъ путемъ, и преимущественно—путемъ поселенія вмѣстѣ или вокругъ какого-либо знатнаго выходца изъ орды. Такихъ выходцевъ до Юсуповыхъ и Кутумовыхъ, сколько извѣстно, въ Романовѣ не было. Юсуповъ и Кутумовы сѣли на чистое мѣсто. Къ тому-же выводу ведетъ и аналогія съ исторіей касимовскихъ татаръ: русскій

городъ Новый-Низовый (прежде—Мещерскій Городецъ) былъ въ 1452 г. данъ въ удѣлъ ордынскому царевичу Касиму и вышедшимъ съ нимъ и стянувшимся къ нему съ разныхъ сторонъ татарамъ. Наконецъ, тотъ-же выводъ слѣдуетъ и изъ основаній, на которыхъ были установлены отношенія между тремя поселенными въ Романовскомъ уѣздѣ мурзами и служилыми романовскими татарами. Эти основанія, какъ увидимъ сейчасъ, естественнѣе всего должны были сложиться тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о природныхъ владѣтеляхъ и природныхъ ихъ подданныхъ.

Слѣдовательно, можно думать, что начало татарскихъ поселеній, какъ явленія, имѣющаго историческое значеніе, должно связать съ выходомъ въ Москву вышеназванныхъ ногайскихъ мурзъ.

Царь Иванъ Васильевичъ, пожаловавъ тремъ мурзамъ городъ Романовъ съ доходами и дворцовые села въ уѣздѣ, предоставилъ имъ полную власть надъ служилыми татарами. Мурзы во всемъ вѣдали татаръ и верстали ихъ помѣстными и денежными окладами уже отъ себя, изъ своихъ помѣстій, «хто чего достоинъ». «И на государеву службу запасы даютъ и подмогаютъ своими жь запасы». Умирая, царь Иванъ Васильевичъ завѣщалъ сыну Ѳедору держать городъ Романовъ подъ ногайскими мурзами. Царь Ѳедоръ не нарушилъ воли отца и даже придалъ мурзамъ нѣкоторыя новыя дворцовыя села въ Романовскомъ уѣздѣ. Но рядомъ съ этимъ въ Москвѣ поставили вопросъ о предѣльныхъ размѣрахъ доходовъ съ Романова, сдѣлавъ при этомъ попытку перевести мурзъ на опредѣленное жалованье. Мурзы не соглашались и не разъ били челомъ о возвращеніи къ прежнему порядку. Въ результатѣ установился слѣдующій компромиссъ: села въ уѣздѣ были отданы мурзамъ со всѣми доходами; мурзы могли брать съ крестьянъ доходы, чѣмъ изоброчатъ; съ этихъ-же селъ правительство не брало никакихъ податей. Что-же касается Романовскихъ доходовъ, то кабацкія деньги, мытныя, перевозныя, съ посадскихъ людей оброкъ и за рыбную ловлю фиксировались въ 300 рублей и зачитались въ жалованье. Въ случаѣ, если мурзы съ ихъ татарами будутъ вызваны на войну, то имъ отъ казны будетъ уплачиваться еще 764 рубля.

Таковы были отношенія мурзъ къ Москвѣ. А вотъ картина отношеній на Романовѣ и въ уѣздѣ. Деревнями владѣли мурзы; за служилыми татарами были только усадьбы ихъ, мурзовой, дачи и пашни, которыя они пахали своими латышами, переселенными сюда плѣнни-

ками, взятыми во время Ливонской войны. Крестьянами-же, которые жили въ деревняхъ, владѣли мурзы. Сами мурзы жили въ уѣздѣ, но имѣли дворы въ самомъ Романовѣ; съ ними тамъ жили и ихъ люди, братья и племянники. Служилые татары имѣли свои городскіе дворы въ особой слободѣ, за посадомъ. У денежныхъ сборовъ на Романовѣ стояли 4 мурзины человѣка. Судъ въ дѣлахъ между татарами принадлежалъ мурзамъ, каждому межъ своими. Въ дѣлахъ посадскихъ съ татарами судилъ воевода при участіи 2 лучшихъ мурзиныхъ людей, да двухъ лучшихъ служилыхъ татаръ. Изъ мурзъ Иль-мурза, а впослѣдствіи старшій въ его родѣ, считался главнымъ мурзой. Всѣ сношенія Москвы по дѣламъ о служилыхъ татарахъ велись черезъ мурзъ. Мурзы и служилые татары находились въ вѣдѣніи Посольскаго приказа.

Иль-мурза умеръ въ 1611 г., оставивъ сыновей Сеюшъ-мурзу, Бай-мурзу и Инъ-мурзу. Послѣдніе двое скоро умерли. Умерли и оба брата Кутумовы, при чемъ у Алѣй-мурзы остался сынъ Барай-мурза; Айдаръ-же мурза умеръ бездѣтнымъ, такъ что и его земли перешли къ Барай-мурзѣ. Такимъ образомъ, въ началѣ 17 вѣка на Романовѣ было 2 мурзъ: Сеюшъ Юсуповъ и Барай Кутумовъ. Но около этого же времени перебрался на Романовъ и породнившійся съ Юсуповыми сибирскій царевичъ Маметкулъ Ахтануловъ. Былъ моментъ, когда и его родъ пытался принять извѣстное участіе въ романовскихъ дѣлахъ, но Юсуповы и Кутумовы рѣшительно возстали противъ этого, и Ахтануловы заняли служебное положеніе.

Оба самозванца, къ которымъ мурзы не преминули обратиться за подтвержденіемъ своихъ жалованныхъ грамотъ, а потомъ боярское правленіе, подтвердили права и льготы Юсуповыхъ и Кутумовыхъ. Да и изъ другихъ документовъ видно, что въ общихъ чертахъ строй отношеній остался безъ измѣненій вплоть до воцаренія Михаила Ѳедоровича.

Первый ударъ этому своеобразному строю былъ нанесенъ въ 1613 г., когда новый царь, утвердивъ жалованныя грамоты, перевелъ мурзъ на жалованье, а городскихъ доходовъ брать не велѣлъ. Еще серьезнѣе былъ ударъ, нанесенный въ 1616 г., когда, съ одной стороны, служилые татары были отведены отъ мурзъ и признаны самостоятельными служилыми людьми, т. е. лицами, несущими службу непосредственно, а не посредственно, какъ это было раньше, и когда, съ другой стороны, правительство рядомъ мѣръ попыталось оградить интересы

русскаго населенія посада и уѣзда отъ довольно тяжелыхъ послѣдствій владычества татаръ.

Что касается мѣръ второго рода, то причины ихъ достаточно ясны сами по себѣ, къ тому-же онѣ вполнѣ опредѣленно указываются документами. Во первыхъ, татары, какъ группа населенія, пользовавшаяся особыми правами, угнетала коренное населеніе экономически. Производило русское населеніе, татары были только потребителями. При этомъ потребителями, по всѣмъ даннымъ, необузданными и часто—жестокими. Во вторыхъ, большое значеніе долженъ былъ имѣть и вопросъ религіозный. Еще царь Ѳедоръ Ивановичъ убѣждалъ мурзъ смотрѣть за своими татарами, чтобы они никакого поруганія христіанской вѣрѣ не дѣлали, русскихъ людей не басурманили, храмовъ не сквернили. Едва-ли татары проявляли серьезное стремленіе пропагандировать въ Романовскомъ уѣздѣ магометанство, но легко повѣрить, что они проявляли большую безцеремонность въ отношеніи религіозныхъ вѣрованій подвластнаго имъ православнаго населенія. Если прислушаться къ жалобамъ населенія, картина получается крайне тяжелая. У храмовъ татары строили свои дворы, на папертяхъ татарчата играютъ во время службы, каменья бросаютъ, изъ луковъ въ кресты стрѣляютъ, поповъ лаятъ и позорятъ; «которые попы въ мурзиныхъ помѣстьяхъ, и тѣми мурзы и татаровя владѣютъ, какъ прочими своими людьми»—говорятъ довольно часто документы; въ посты татары заставляли своихъ православныхъ слугъ ѣсть кобылятину, а кто жаловался, тѣхъ нещадно били. Но припишемъ половину этихъ обвиненій естественному желанію населенія освободиться отъ экономическаго гнета татаръ—все таки останется не мало серьезныхъ основаній для Московскаго правительства задуматься надъ вопросомъ и попытаться разрѣшить его.

Но какъ подойти къ дѣлу? Мурзы и ихъ служилые татары—военная сила, которой не только нельзя было пренебрегать, но которая уже не разъ оказывала серьезныя услуги государству. Группы населенія цѣнятся премущественно по ихъ служебной готовности и годности. Романовцы—посадскіе и уѣздные люди—нужны, конечно, государству, но, быть можетъ, еще нужнѣе татарскія войска. Если опредѣлять рѣзкими чертами, то Романовцы болѣе всего нужны, какъ фондъ, на который можно содержать очень полезный военный отрядъ. Съ другой стороны, у мурзъ имѣются жалованныя грамоты. А жалованныя грамоты—крайне серьезная гарантія. Это—нравственное обяза-

тельство, связь между поколѣніями владѣтелей московскихъ; всякія ограниченія, вносимыя въ эти грамоты, являются результатомъ постепеннаго и осторожнаго соображенія признаваемыхъ правъ съ неотложными потребностями дѣйствительности.

Очевидно, что надо найти исходъ, который развязалъ бы руки, не содержа въ себѣ прямого нарушенія жалованныхъ грамотъ.

Вѣроятно, московскіе юристы не мало думали надъ этимъ вопросомъ. Приведу примѣръ изъ другой области отношеній. Голландскіе гости Фоглеръ и Фанъ-Кленкъ еще во второй половинѣ 16 вѣка добились жалованной грамоты, по которой, какъ сказано въ грамотѣ, «пошлинъ съ ихъ товаровъ и мыту и головщины съ нихъ и съ ихъ людей и с судовъ посаженнаго велѣно во всѣхъ государевыхъ городахъ имать половину». Около 1640 г. по разнымъ причинамъ рѣшено было лишить ихъ этой льготы. Юристы нашли исходъ: въ грамотѣ говорится о половинной пошлинѣ въ государевыхъ городахъ, но ничего не говорится о Москвѣ; слѣдовательно, въ Москвѣ пошлины и другіе сборы должны взиматься цѣликомъ. Стали взимать цѣликомъ, но вскорѣ стали взимать сборы полностью и въ другихъ городахъ, такъ какъ «у государя всѣ городы ровны».

Въ данномъ случаѣ Московскіе юристы вышли изъ затрудненія путемъ толкованія текста грамоты. Въ случаѣ съ Романовскими татарами положеніе было, однако, сложнѣе. Приходилось дѣлать нужные выводы изъ духа и общаго смысла жалованныхъ грамотъ. Какъ мы видѣли, первой мѣрой явилось исключеніе изъ грамотъ пункта о Романовскихъ доходахъ. Какъ разсуждали въ Москвѣ? Если мурзамъ въ прошлыхъ годахъ были пожалованы доходы съ Романова, то потому только, что тогда такое дѣло было за обычай, но уже при блаженной памяти царѣ Ѳедорѣ мурзамъ дали жалованье; правда, это жалованье они получали съ доходовъ, которые сами собирали. но теперь уже того не ведется, чтобы самимъ собирать доходы. На то есть государевъ воевода. Онъ собираетъ доходы, а мурзы все равно свое получатъ. Для мурзъ это былъ ударъ: собирать доходы значило управлять; это значило быть господами края; получать-же жалованье—это обозначало низведеніе въ рангѣ, подведеніе подъ уровень такихъ-же служилыхъ людей, какъ всѣ прочіе.

Рядомъ съ этимъ и опираясь на тѣ же жалованныя грамоты, Московское правительство вспоминало, что и царь Иванъ Васильевичъ,

устраивая мурзъ на Романовѣ, указывалъ имъ ни въ чемъ не оскорблять православной христьянской вѣры. Татаре—магометане, пусть и правятъ свою бусурманскую вѣру, никто имъ въ томъ мѣшать не будетъ; но они должны считаться и съ тѣмъ, что у природныхъ жителей на Романовѣ и въ уѣздѣ другая вѣра—православная. Отсюда, какъ только возникъ вопросъ о романовскихъ дѣлахъ,—рядъ мѣръ: 1) жить татарамъ не въ посадѣ, а особо; 2) не держать у себя во дворахъ православныхъ; 3) наблюдать за тѣмъ, чтобы татары никакого насильства не чинили. Отсюда, въ свою очередь, новый выводъ: должна быть настоящая, а не призрачная царская власть на мѣстѣ, которая напоминала бы мурзамъ, что они только служилые люди, а не владѣтельные князья.

Совсѣмъ по новому ставится поэтому должность Романовскаго воеводы. До воцаренія Михаила Феодоровича Романовскій воевода—агентъ татарскаго режима. Не только фактически, но и юридически городъ держатъ подъ ногайскими мурзами. Почти что этими словами характеризуетъ былое положеніе вещей и новый воеводскій наказъ отъ 1614 года, этотъ первый правительственный актъ, въ которомъ устанавливаются новые порядки. Наказъ опредѣляетъ, что истинная власть на Романовѣ—царскій воевода, что мурзы никакихъ самостоятельныхъ правъ не имѣютъ, что мурзы только служатъ съ своими татарами изъ земли и денежнаго оклада. Подобно тому, какъ отнимается у мурзъ право непосредственнаго сбора доходовъ, отнимается у нихъ и право посылать депутатовъ на воеводскій судъ по дѣламъ между русскими и татарами. Разъ власть вручена воеводѣ, а не мурзамъ, и разъ жалованная грамота толкуется въ смыслѣ акта о земляхъ, а не акта о власти, опирающейся на землю—такая мысль была только послѣдовательнымъ выводомъ.

Отмѣчу, что рядомъ съ этимъ, какъ въ воеводскихъ наказахъ, такъ и въ грамотахъ, въ отвѣтъ на жалобы мурзъ, Московское правительство неизмѣнно повторяетъ, что ни въ чемъ не дозволяетъ оно нарушать жалованныя грамоты, данныя мурзамъ. Правительство, слѣдовательно, или не понимало, или дѣлало видъ, что не понимаетъ, что указанными мѣрами жалованныя грамоты превратились просто въ акты земельнаго владѣнія.

Другая категорія мѣръ была, какъ сказано выше, направлена къ отдаленію служилыхъ татаръ отъ мурзъ. Для вопроса объ особыхъ правахъ и объ особомъ положеніи мурзъ она была не менѣе, если даже

не болѣе важна. Есть указанія, что еще въ 1593—1594 г.г. мурзы раздавали своимъ татарамъ не только усадьбы и пашни, но и крестьянъ. Быть можетъ, у татаръ просто не хватало латышей, быть можетъ, татары добились этихъ новыхъ дачъ путемъ борьбы съ мурзами, исторія которой намъ неизвѣстна. Но вотъ умиралъ какой-нибудь служилый татаринъ—и земля, и люди возвращались къ мурзѣ, и мурза могъ дать эту землю и людей наслѣднику, могъ и не дать. Слѣдуетъ думать, что обыкновенно давалъ: вѣдь онъ только и держался тѣмъ, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи служилыхъ татаръ. Но едва-ли всегда мурза испомѣщалъ именно то лицо, которое себя считало законнымъ наслѣдникомъ умершаго. До извѣстной степени сдерживаемый обычаями, мурза могъ, однако, очень часто руководиться соображеніями вполнѣ эгоистическими. На этой почвѣ возникали дѣла, и обѣ стороны для разрѣшенія спора обращались въ Москву.

Такимъ образомъ, Москвѣ предстоялъ выборъ между двумя тенденціями: тенденція служилыхъ татаръ состояла въ признаніи земли и людей принадлежащими имъ на общемъ помѣстномъ правѣ; тенденція мурзъ состояла въ признаніи служилыхъ татаръ подвластными, а земель и людей ихъ—находящимися въ ихъ, мурзиной, волѣ. Не трудно догадаться, что прямой разсчетъ подсказывалъ Москвѣ стать на сторону служилыхъ татаръ. Это былъ лучшій путь къ тому, чтобы, не издавая общаго распоряженія, не нарушая открыто и рѣзко жалованныхъ грамотъ, покончить съ пережиткомъ, который уже не укладывался въ рамки представленій о достоинствѣ государства и о значеніи для государственной идеи единства управленія. Каждый отдѣльный случай рождалъ судебное дѣло, каждое такое дѣло рѣшалось противъ мурзъ, весьма быстро и легко должно было сложиться убѣжденіе, что дѣйствительно вполнѣ своевременно разъ навсегда покончить съ бытовой особенностью, только тормозящей все усиливающійся ходъ централизаціи.

Рѣшительно высказалось Московское правительство уже въ 1616 и 1617 г.г., когда особымъ указомъ служилые татары были отведены отъ мурзъ. Отведены—это значитъ: земля и люди были признаны за татарами, а не за мурзами; мурзы превратились въ обыкновенныхъ служилыхъ людей; татары должны были служить государству за свой счетъ и страхъ. Если сравнить писцовыя книги по Романовскому уѣзду 101 и 102 г.г. съ книгами 125 г., то увидимъ, что вездѣ, гдѣ прежде отмѣчалось: «за мурзами, а испомѣщенъ мурзами татаринъ такой-то» отмѣчается теперь просто: «за татариномъ такимъ-то».

Однако, мѣра эта повела къ слѣдствіямъ, которыхъ въ Москвѣ, видимо, не ожидали: осторожная Москва очень рѣдко увлекалась теоретическими соображеніями и скорѣе жертвовала принципомъ во имя практической непосредственной выгоды, чѣмъ наоборотъ. Если, слѣдовательно, въ Москвѣ рѣшились на только что указанную мѣру, то прежде всего, конечно, потому, что были увѣрены въ ея своевременности. Уловили, что можно воспользоваться съ выгодой для себя раздорами среди татаръ и, уловивъ это, воспользовались. Оказалось между тѣмъ, что татары—ненадежный народъ. Пока во главѣ ихъ стояли мурзы, т. е. немногія отвѣтственныя передъ Москвой лица, было съ кого требовать аккуратной и исполнительной службы. Только отстранили мурзъ, и при первой же надобности въ татарахъ, вмѣсто прежнихъ 225 человѣкъ съ Романовскаго уѣзда съ трудомъ вышло на службу 120 человѣкъ. Правительство увидѣло опасность. Татаръ—рѣшило оно—нельзя оставить служить собою; къ этому они не привычны. И вотъ уже въ 1621 году, т. е. не болѣе какъ черезъ 5 лѣтъ послѣ указа, о которомъ была рѣчь выше, новый порядокъ отмѣняется, и татары по прежнему отдаются въ вѣдѣніе мурзамъ, которые по прежнему строятъ ихъ землями и отвѣчаютъ за ихъ службу.

Но, само собой, это не ведетъ къ возвращенію льготъ и привилегій, которыхъ мурзы были лишены за время отъ 1613 г. Потерянное было потеряно навсегда. Если бы татары разумно воспользовались указомъ 1616 г., ихъ бы никогда больше не вернули въ распоряженіе мурзъ.

Но не менѣе ясно, что указъ 1621 г. былъ только началомъ конца. Мурзы держались татарами, татары мурзами; только понимая это, могли они представлять хоть какое-нибудь препятствіе централизаціоннымъ стремленіямъ Москвы. А какъ только эти устои расшатались, мурзы и татары осуждены были на потерю всѣхъ правъ на какую-либо исключительность положенія. Въ былыя времена татары были въ вѣдѣніи мурзъ, какъ своихъ природныхъ владѣтелей и естественныхъ покровителей; эмансипировавшіеся, а впослѣдствіи вновь возвращенные въ вѣдѣніе мурзъ, они увидѣли въ нихъ только своихъ притѣснителей и угнетателей. Начинается рядъ попытокъ во чтобы то не стало уйти изъ подъ власти мурзъ. Безконечный рядъ жалобъ въ Москву, доносы на мурзъ—Москва охотно высказывалась противъ мурзъ, но, наученная опытомъ, не отводила татаръ отъ тѣхъ, кто

брался отвѣчать за ихъ службу. Москва уже поняла, что спѣшить некуда: отношенія успѣли сложиться такъ, что плоды должны были созрѣть сами собой и скоро. Тѣмъ болѣе, что жизнь сама намѣтила весьма удобный исходъ для тѣхъ татаръ, которымъ власть мурзъ была окончательно невыгодна: креститься. Кто крестился, тотъ мурзиной дачей владѣлъ на общемъ помѣстномъ правѣ, а государеву службу съ земли служилъ вмѣстѣ съ Романовскими дѣтьми боярскими.

Мурзы тогда дѣлаютъ еще одну попытку: протестуютъ противъ укрѣпленія за новокрещенными тѣхъ земель, которыя были даны этимъ лицамъ ими, мурзами. Въ Москвѣ охотно высказались бы противъ мурзъ и въ этомъ случаѣ. Но было бы слишкомъ несправедливо. Крестились довольно многіе, слѣдовательно, не мало мурзиныхъ земель отходило отъ мурзъ, между тѣмъ съ мурзъ требовали все то же количество служилыхъ людей, все тѣхъ же 225 человѣкъ. Вопросъ разрѣшился компромиссомъ: всѣ, кто крестился до 1629 г. (т. е. до года даннаго указа), отходятъ отъ мурзъ вмѣстѣ съ землями; тѣ же, кто крестится впредь, будутъ получать земли отъ царя. «Впредь до государева указу и до большого уложенія»—какъ читаемъ въ этомъ указѣ.

На этомъ я и кончаю изложеніе фактической стороны вопроса. Всѣ остальные матеріалы, которыми я располагаю, излагаютъ уже исторію того естественнаго конца, только начало котораго, на мой взглядъ, заслуживаетъ особаго вниманія изслѣдователя. Татары продолжали креститься въ православную вѣру: одни—добровольно, другіе, въ виду тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ московскихъ настроеній, приводились къ христіанству насильно; постепенно, но неуклонно они ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ, переселялись, вымирали—уже въ 80-хъ годахъ 17 вѣка Москва не знала вопроса о татарахъ Романовскаго уѣзда.

Въ заключеніе, прошу позволенія обратиться къ Вамъ, М.м. Г.г., съ слѣдующимъ предложеніемъ. Однимъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ исторіи русскаго внутренняго управленія является вопросъ о моментѣ, съ котораго началась централизація управленія, о формахъ, въ какихъ это стремленіе проявились, о томъ, наконецъ, что въ этомъ стремленіи—результатъ государственной идеи и что—естественное слѣдствіе сложившихся обстоятельствъ. Мнѣ давно представляется, что разрѣшить эти вопросы можно только путемъ дружныхъ усилій областныхъ изслѣдователей.

Какъ и всякая страна, готовъ допустить — быть можетъ, гораздо болѣе, чѣмъ многія другія страны, Россія сложилась изъ областей; процессъ сложенія изъ областей долженъ былъ характеризоваться рядомъ компромиссовъ между интересами цѣлаго и частей; эти компромиссы осложнялись нерѣдко новыми коньюнктурами — искусственными наслоеніями, во имя тѣхъ или иныхъ насущныхъ потребностей государства, какъ цѣлаго. Люди и земля привлекались къ службѣ государству, но на разныхъ условіяхъ, смотря по многимъ мѣстнымъ особенностямъ и обстоятельствамъ. Разнообразіе мѣстныхъ подробностей создало и разнообразіе отношеній. Государство сложилось и росло на основѣ свободы областнаго быта и строя и такъ, что строй опредѣлялся бытомъ. Къ концу 16 вѣка мы наблюдаемъ первыя попытки со стороны центра нѣсколько иначе отнестись къ областнымъ особенностямъ. Вторая половина 17 вѣка, развертывая передъ нами картину законченнаго бюрократическаго государства, всецѣло проникнутаго идеей централизаціи, уже почти не знаетъ областныхъ различій. Когда же и въ какихъ формахъ сложился этотъ важный и полный глубокаго значенія фактъ? Историки и юристы еще очень мало объяснили намъ указываемое явленіе. Если намъ и говорятъ что нибудь, то обыкновенно не идутъ далѣе констатированія этихъ двухъ предѣльныхъ моментовъ. Но самые важное для насъ, это — прослѣдить содержаніе момента, лежащаго по серединѣ. Вотъ эту то работу и должны сдѣлать мѣстные изслѣдователи. Пусть хотя бы доставили они историкамъ тщательно собранный и добросовѣстно изданный матеріалъ.

Ставя вопросъ на такую почву, я, конечно, впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой, если бы рискнулъ уже сейчасъ представить вашему вниманію какія-либо личныя мои соображенія по вопросу. Двѣ-три группы отношеній, доступныя уже теперь изученію, если и позволяютъ отважиться на что-либо, то развѣ на смутныя догадки. Едва-едва въ неясной дали мерцаетъ какой-то чуть пробивающійся свѣтъ. И не могу скрыть, что этотъ слабый свѣтъ освѣщаетъ профиль дѣятеля, именемъ котораго едва-ли не слѣдуетъ окрестить цѣлую эпоху въ дѣлѣ русскаго государственнаго строительства. Имѣю въ виду патріарха Филарета. Что принадлежитъ лично ему, что явилось результатомъ всего комплекса условій, обстоятельствъ и отношеній — вопросъ другой. Но съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ уже издавна изучается эпоха Ивана Грознаго, съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ за послѣднее время стали мы относиться къ эпохѣ царя Алексѣя Михайловича, съ тѣмъ же вниманіемъ,

на мой взглядъ, неизбѣжно отнестись и къ эпохѣ патріарха Филарета. Эта эпоха—также одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ. Къ большему сожалѣнію, содержаніе ея еще слишкомъ неясно, я бы сказалъ—оно болѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется.

Если только счастливая случайность можетъ привести мѣстнаго изслѣдователя къ новымъ даннымъ за время Іоанна IV, если болѣе, чѣмъ сомнительно, широкое научное изученіе эпохи царя Алексѣя Михайловича по мѣстнымъ документамъ, едва-ли оспоримо, что эпоха патріарха Филарета преимущественно можетъ быть изучена по даннымъ, которыя соберутъ намъ областные историки.

Съ этимъ я теперь и обращаюсь къ вамъ, г.г. изслѣдователи древностей и исторіи Ростово-Суздальской земли.

И. Я. Гурляндъ.

Зубцовскія сотницы 7096 и 7104 г.г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемымъ просвѣщенному вниманію Тверского областного Археологическаго Съѣзда трудомъ мы дѣлаемъ новый, хотя и очень небольшой, вкладъ въ предпринятое нами дѣло изданія всѣхъ дошедшихъ до насъ, но еще неизданныхъ писцовыхъ книгъ и выписей изъ нихъ XVI в.,—дѣло, имѣющее такую крупную общепризнанную научную важность дли выясненія древне-русской соціально-экономической исторіи, изученіе которой только что начинается и которая. не смотря на то, дала уже столько цѣнныхъ научныхъ выводовъ въ трудахъ г.г. Дьяконова, Лаппо-Данилевскаго, Милюкова, Рожкова, Сергѣевича и другихъ лицъ. Правда, дѣло это для насъ самихъ сопряжено съ очень крупными непріятностями и огорченіями. Но такова уже вообще участь русскаго работника, не желающаго сидѣть сложа руки и плыть по теченію.....

Издаемъ на этотъ разъ изъ «грамотъ коллегіи экономіи» Московскаго архива Министерства Юстиціи зубцовскія сотницы Чудова монастыря 7096 и 7104 г.г. (все, что дошло до насъ изъ зубцовскихъ писцовыхъ XVI в.). Важны онѣ для исторіи какъ классовъ тяглаго населенія (крестьяне, бобыли, торговые и мастеровые люди), такъ и сельскаго хозяйства. Даютъ онѣ свѣдѣнія и о такихъ малоизвѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ Углицкій дворецъ. Сокращенія и правила изданія текстовъ въ этомъ трудѣ тѣ же самыя, что и въ московскомъ нашемъ изданіи: «Сотницы, грамоты и записи», третій выпускъ котораго уже отпечатанъ. Тамъ же и указанія на литературу предмета.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ поблагодарить за помощь, оказанную намъ въ этомъ изданіи, Н. А. Рожкова и М. Н. Шуйскую.

Сергѣй Шумаковъ.

Царицыно. 1902 г. декабря 1.

I ($^{4836}/_{18}$).

Выпис з Зубцовских книг писма і мѣры Івана Федоровича Елизарова да діяка Салтана Куломзина да подячего Симана Давыдова лѣта 7096 —г году.

Въ Шешемскомъ стану в вотчинах написано:

Чюдова монастыря что на Москвѣ внутрѣ городе **сц. Муханово** на рѣчке на *Шешмѣ* [1]), а в селцѣ *крестьян:* во дв. Гаврилко Остаѳев, во дв. Дмитрок Ондрѣев, во дв. Первуша Дементьев, во дв. Сенка Федоров, во дв. Карпик Семенов, во дв. Истомка Кузмин, во дв. Іванко Михайлов, пашни паханые 40 ч. въ поле, а в дву по тому ж, сѣна 15 к.; лѣсу непашеннаго в кол и в жердь 3 дес.; земля середнея.

Того ж селца деревни: Д. Павлова, а *Карпово* тож, на рѣчке на *Шешмѣ,* а в неи *крестьян:* во дв. Степанко, во дв. Васка Ивановы; да *бобыл* Кирѣико Сергѣев; пашни паханые 13 ч. да перелогом 10 ч. в поле, а в дву по тому-ж, сѣна 10 к.; лѣсу непашеннаго в кол і в жердь 2 дес.; земля середнея. Д. *Новоселово* на рѣчке на *Шешмѣ,* а в неи *крестьян:* во дв. Ромашко Микулин, во дв. Марко Ортемов, во дв. Молчанко Ефимов; пашни паханые 12 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 20 к.; лѣсу непашеннаго кустарю дес.; земля середнея. Д. *Жихорева* на рѣчкѣ на *Шешмѣ,* а в ней *крестьян:* во дв. Тренка Михаилов; пашни паханые 10 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 5 к.; земля середнея. Д. *Пашково,* а в неи *крестьян:* во дв. Игнашко Троѳимов; да дв. пустъ; пашни паханые 5 ч., да перелогомъ 3 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 3 к.; лѣсу непашеннаг в кол і в жердь дес.; земля середнея. Д. *Казарково* на рѣчке на *Бесовце,* а в неи *крестьян:* во дв. Никитко Григоревъ, во дв. Степанко Василевъ; да дв. пустъ; пашни паханые 12 ч., да перелогом 14 ч. въ поле, а в дву по тому-ж; сѣна 5 к.; земля середнея. Д. *Вышетраева* на рѣчке на *Шешмѣ,* а в неи *крестьян:* во дв. Сенка Омеляновъ; да *бобыл* Тимоха Григорев; пашни паханые 7 ч. въ поле,

[1]) См. купчую Аксиньи Ивановской жены Шелаева Новосильцова Ѳедоровой дочери Пусторослева съ сыновьями Ѳедоромъ, Антоніемъ и Степаномъ Чудову монастырю на сельцо Муханово съ деревнями за 130 рублей да пополнка конь 7040 года за № $^{4824}/_{6}$.

а в дву по тому-ж; сѣна 10 к.; лѣсу непашеннаго в кол і в жердь 2 дес.; земля середнея. Д. *Наверткино*, а *Опалево* тож, а в нем *крестьян:* во дв. Ромашко Яковлев, во дв. Іванко Ѳомин, во дв. Соѳонко Приходец, во дв. Ѳедотко Игнатов, во дв. Иевко Тимоѳѣевъ, во дв. Ѳофанко Іванов, во дв. Шерапко Ѳедоров, во дв. Васка Григорев, во дв. Гришка Соловев; да 3 дв. пусты; пашни паханые 47 ч., да перелогомъ 13 ч. въ поле, а в дву по тому-ж; сѣна 30 к., лѣсу хоромново елнику 6 дес., да лѣсу ж непашеннаго кустарю 3 дес.; земля середнея. Д. *Хахилева* [2]), а в нем *крестьян:* во дв. Васка Василевъ, во дв. Еремѣико Гаврилов; пашни паханые 15 ч., да перелогомъ 12 ч., да лѣсомъ поросло 10 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 10 к.; лѣсу непашеннаго в кол і в жердь 2 дес.; земля середнея. П. *Толстиково*, а в нем 2 мѣста дворовыхъ; пашни лѣсомъ поросло 10 ч. въ поле, а в дву по тому-ж; сѣна 5 к., лѣсу непашеннаго в кол і в жердь 2 дес.; земля середнея. І всего Чюдова монастыря селцо да 8 деревень живущих да пустош, а в них 28 дв. крестьянских, а людеи в них 30 чл. [3]), да 5 дв. пусты, да 2 мѣста дворовых; пашни паханые середние земли 161 ч., да перелогомъ пашни 52 ч., да лѣсомъ поросло 20 ч.; і всего пашни и перелогу и лѣсом поросли 233 ч.; сѣна 113 к., лѣ(су) непашеннаго кустарю 4 дес., да лѣсу-ж в кол і в жердь 12 дес.; да лѣсу-ж в бревно [4]) 6 дес.

А сошного писма в живущем пол-трети и пол-пол-чети сохи, а впусте сошног писма пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи, и не дошло в сошное писмо чети пашни.

На оборотѣ скрѣпа:

Справливал с книгами подячеи Симан Давыдов.

На 3 склейкахъ.

---

[2]) См. купчую Катерины Андреевой жены Епифанова Ивановой дочери Перфурова съ сыновьями Дмитріемъ Сумгуромъ, Гуріемъ и Кинфіемъ Торопомъ Чудову монастырю на сельцо Навертино и деревню Хахилево за 130 рублей да пополнка конь чалъ отъ 20 іюня 1539 года за № 4627/9.

[3]) Въ высшей степени любопытно, что въ итожное число крестьянъ введено и два бобыля.

[4]) Значитъ, лѣсъ »въ бревно» и «хоромной» одно и тоже.

II ($^{4837}/_{19}$).

Лѣта 7104—г іюня въ 16 ден выпис з Зубцовских книг писма и мѣры ловчег Дмитрея Ондрѣевича Замытцког да подячег Симона Давыдова.

В Зубцовском уѣзде в Горѣлинской волости Чюдова монастыря вотчина, что на Москвѣ внутри городе.

Слобода *Терешкова* на рекѣ на *Волге*, а в слободѣ церков Никола чюдотворец да церков Олексѣя чюдотворца древяны клѣтцки; а на церковноі землѣ: во дв. *поп* Посник Григорьев, во дв. церковно(и) *дьячок* Семакъ Григорьев, во дв. *пономар* Тренка, во дв. *проскурница* (Мар)ѳица, да четыре кѣльи, а в них живут *нищие*, а питаютца отъ церкви Божиі; пашни церковные паханые середние земли 10 ч. в поле, а в дву потому ж; да в слободѣ ж двор монастырскои на приѣздъ, во дв. *слуга монастырскои* Данилко Алѳерьев; да в тои ж слободке *непашенных торговых и мостеровых людеи* дворы: во дв. Максимко Власов, во дв. Ондрюшка рыболов, во дв. Савка Иванов дехтяр, во дв. Гришка Селин *соляникъ*, во дв. Федка Неклюдов *соляник*, во дв. Ѳедоско Григорьев *соляник*, во дв. Ондрюшка Григорев *сапожник*, во дв. Митка Ѳедоров *окопничникъ*, во дв. Белянко Иванов, во дв. Первушка Лешин, во дв. Степанко боранник, во дв. Меншичко Микитин, во дв. Гаврилко Посиѣлов *соляник* да Игнашка *кузнецъ*, во дв. Исаико Неѳедов; да *бобылских* [1]) дворов: во дв. Истомка да Гришка лучане, во дв. Мишка Михѣев да Будилко лучанин, во дв. Первушка приходец да Михалко да Степанко Веселые, во дв. Онисимко Осипов, во дв. Митка да Сенка лучане, во дв. Власко Кузмин да Лучка Петров, во дв. Ивашко Назаров; да *пустых* дворов: дв. пустъ Головинской приходца, дв. пустъ Ѳедотка лучанина, дв. пустъ Ермолки лучанина; да 20 мѣстъ дворовыхъ; и всего в Терешкове слободѣ 14 дв. торговых и мостеровых людеи, а людеи в них 15 чл., да 7 дв. бобылских, а людеи в них

[1]) Опять о бобыляхъ отдѣльно отъ торговыхъ и мастеровыхъ непашенныхъ людей рѣчь. И опять все это пришлые люди, изгои. Подробности см. въ нашей рецензіи на «Разысканія» А. С. Лаппо-Данилевскаго («Вѣстникъ Права», 1902, IV—V).

12 (13?) чл., да 3 дв. пусты, да 20 мѣстъ дворовых; а сошног писма в живущем пол-трети сохи, а впусте сошног писма трет сохи.

С. *Богослово, Серебреиково* тож, на рѣчке на *Дорогоче* [1]), что было в вотчине за Ѳедором за Василевым сыном *Полева*, а в нем храмъ Иванна Богослова древяна клѣтцки; а на церковнои землѣ: во дв. *поп* Данило Самылов, во дв. церковнои *дьячокъ* Игнашко Семенов, во дв. церковнои ж *дьячокъ* Ромашко Деменин, во дв. *пономар* Пронка Ѳнанинъ, да три кѣльи *нищих*, а в них живут нищие, питаютца от церкви Божиі; да *крестьянских* дворов: во дв. Илеика Оникеевъ, во дв. Сенка Василев, во дв. Первушка Дмитреев, во дв. Сенка Неѳедов; пашни церковные паханые (bis) середние земли 12 ч., да крестьянские пашни середние земли 15 ч., да перелогом 11 ч. в поле, (да лѣсомъ поросло 11 ч.? такъ по итогамъ), а в дву потому ж; сѣна около пол и по врагомъ 40 к.

К селу-ж деревни: д. *Елезова*, а *Елцово* тож, а въ неи *крестьян:* во дв. Иванко Осѣев, во дв. Кондрашко Игнатов, во дв. Митка Ѳедоровъ; да *бобылских* дворов: во дв. Степанко Петров, во дв. Поспѣлко Кузмин; пашни паханые середние земли 12 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 20 к., лѣсу непашенног в кол и в жердь и в бревешко $1^1/_2$ дес. Д. *Суслово* на рѣчке на Дорогоче, а в неи *крестьян:* во дв. Захарко Микитин, во дв. Родка Михаилов, во дв. Куземка Ѳедоров; да *бобылских* дворов: во дв. Иванко Яковлев, во дв. Ѳедка Еремѣев, пашни паханые худые земли 13 ч., да перелогомъ 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол 25 к.; лѣсу непашенног в кол и в жердь 2 дес.; да лѣсу-ж пороснягу пол-дес. Д. *Исаково*, а в неи *крестьянъ:* во дв. Васка Савин, во дв. Иванко Василевъ, во дв. Герасимко Игнатов; во дв. *бобылиха* вдова Марѳица Василевская жена; пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогом 8 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол 10 к. Д. *Стрелково*, а в неи *крестьян*: во дв. Микиѳорко Устинов, во дв. Дениско Микиѳоров, во дв. Ѳедка Мелеховъ, во дв. Лупка Ѳѳонасев: пашни паханые середние земли 15 ч., да перелогом 20 ч., да лѣсом поросло 13 ч. в поле, а в дву по тому-ж: сѣна 5 к. Д., что было сц. *Горбово* на рѣчке на *Дорогоче* [2]), а в неи *крестьян*: во дв. Тимошка Ѳедоров, во дв. Он-

[1]) Дано монастырю Марьей Михайловой женой Семенова 27 сентября 1567 года по данной № $^{4834}/_{16}$.

[2]) Въ 7066 г. Марья Михайлова жена Семенова по его приказу дала монастырю село Горбуново съ деревнями по данной № $^{4832}/_{14}$.

дрюшка Ѳедоров, во дв. Нечаико Иванов; во дв. *бобыл* Титко Ѳедоров, да дв. *пустъ*; пашни паханые худые земли 14 ч., да перелогомъ 34 ч., да лѣсом поросло 21 ч. в поле, а в дву по тому-ж; лѣсу непашенног въ кол и в жердь и в берно 4 дес. Д. *Орѣхово*, а в неи *крестьян*: во дв. Пронка Ильин, во дв. Ѳоѳанко Михаилов; да дв. *пустъ*; пашни паханые худые земли 12 ч., да перелогом 7 ч., да лѣсомъ поросло 6 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна около пол 15 к. Д. *Мосѣево*, а в неи *крестьян*: во дв. Данилко Левонов, во дв. Иванко Яковлев; пашни паханые худые земли 12 ч., да перелогом 13 ч., да лѣсом поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол и по врагом 15 к. Д. *Петрово*, а в неи *крестьян*: во дв. Поспѣлко Степанов, во дв. Иванко Степанов, во дв. Давыдко Василевъ, во дв. Первушка Демехов; во дв. *бобыл* Гришка Степанов; пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогомъ 17 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол 15 к.; лѣсу непашенног пороснягу двѣ дес. Д., что было сц. *Дубково* [1]), а в неи *крестьян:* во дв. Ермолка Василев, во дв. Друганко Семенов; во дв. Онуѳреико Василев, во дв. Ѳедка Василев, во дв. Онцыѳорко Демидов, во дв. Степанко Друганин, во дв. Первушка Иванов; во дв. *бобыл* Иванко Иванов, да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 26 ч., да перелогомъ 43 ч., да лѣсомъ поросло 11 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна меж пол 20 к. Д. *Защово* верхъ рѣчки *Чорной*, а в неи *крестьян:* во дв. Якушко Елизаров, во дв. Петрушка Яковлев, во дв. Друганко Яковлев, во дв. Гришка Иевлев, во дв. Ѳомка Василев, во дв. Ортемко Яковлев, во дв. Некраско Данилов, во дв. Дороѳѣико Михаилов; во дв. *бобылиха* вдова Овдотица; да 2 дв. пусты; пашни паханые середние земли 28 ч., да перелогомъ 12 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна 70 к. Д. *Мужилово*, а в неи *крестьян*: во дв. Иванко Борисов, во дв. Степанко Остаѳевъ, во дв. Митка Сирота; да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогомъ 8 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 40 к. Д. *Пищалино*, а в неи *крестьян:* во дв. Осташко Дементьев, во дв. Шестачко Иванов, во дв. Ботрачко торопчанин, во дв. Онашко Иванов; во дв. *бобыл* Юрка Матвѣевъ; да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 15 ч., да перелогомъ 14 ч., да лѣсомъ поросло 3 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна по врагомъ и по заполью 15 к.; лѣсу непашенног в кол и в жердь 4 дес. Д. *Шевнино*, а в неи *крестьян*: во дв. Демешка Кли-

[1]) Есть тарханная грамота отъ 17 мая 1551 г. за № 4830/12.

мов, во дв. Петрушка Ѳедоров, во дв. Ѳедка Степанов; да дв. *пустъ;* пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогомъ 3 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол 15 к. Д. *Стан,* а в неи *крестьян:* во дв. Шестачко Давыдов, во дв. Юрка Григоревъ, во дв. Иванко Демехов, во дв. Тренка Григорев, во дв. Сенка Лукъянов; пашни паханые середние земли 20 ч., да перелогомъ 25 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 25 к. Д. *Чешково,* а в неи *крестьян:* во дв. Гришка Иванов, во дв. Иванко Семепов, во дв. Иванко Степанов, во дв. Богдашко Ловров; во дв. *бобыл* Митка Василев; пашни паханые середние земли 17 ч., да перелогомъ 15 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 15 к. Д. *Литовское,* а в неи *крестьян:* во дв. Сенка Тимоѳѣев, во дв. Нехаико Злобин, во дв. Куземка Яковлев, во дв. Тренка Матвѣевъ, во дв. Верещажка Матвѣевъ; пашни паханые середние земли 13 ч., да перелогомъ 22 ч., да лѣсом поросло 5 ч. в поле, а в дву потому ж; сѣна меж пол и по заполю 30 к. Д. *Кормановo,* а *Корманово* тож, а в неи *крестьян:* во дв. Иванко Иванов, во дв. Меншичко Ортемов; пашни паханые середние земли 10 ч., да перелогом 10 ч., да лѣсомъ поросло 3 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна около пол и по врагомъ 50 к. Д. *Пугвицино,* а в неи *крестьян:* во дв. Иванко Бобаи, во дв. Иванко Лукъянов, во дв. Осипко Еѳимов; во дв. *бобыл* Ондрюшка Еѳимовъ; дв. пустъ; пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогомъ 11 ч., да лѣсом поросло 5 ч. в поле, а в дву потому ж; сѣна по врагомъ около пол 20 к. Д. *Рыжево,* да в тои ж деревне припущена в пашню п. *Гутково,* а въ неи *крестьян:* во дв. Ореѳеико Кирилов, во дв. Данилко Кузмин; во дв. *бобыл* Ондрюшка Ѳедоров; пашни паханые середние земли 9 ч., да перелогомъ 11 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна меж пол и по врагомъ 8 к. Д. *Колесниково* на рекѣ на *Волге,* а в неи *крестьян:* во дв. Илюшка Петров, во дв. Минка Иванов; пашни паханые середние земли 10 ч., да перелогом 10 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. въ поле, а в дву по тому-ж. Да д. *Горки* на рекѣ на *Волге* по данои Тита Дмитреева сына *Олександрова* 60 году, [1]) а в неи *крестьян:* во дв. Неустроико Минин, во дв. Титко Карпов, во дв. Гришка Ивановъ; да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 12 ч, да перелогом 17 (ч.), да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна около пол и по врагом 20 к. Д. *Боброво* на рекѣ на *Волге,* а въ неи *крестьян:* во

[1]) № 4831/18.

дв. Первушка Некрасов, во дв. Осипко Евстратов, во дв. Пятунка Михаилов, во дв. Юшка Василевъ, во дв. Иванко Филипов; во дв. *бобыл* Васка приходец, во дв. *бобыл* Пятунка Ермолов; пашни паханые середние земли 22 ч., да перелогомъ 22 ч., да лѣсомъ поросло 6 ч. в поле, а в дву потому-ж; сѣна по врагомъ и по заполю 30 к. Д. *Пантелѣево*, а в неи *крестьян:* во дв. Карпикъ Онисимовъ, во дв. Васка Порѳенов; во дв. *бобыл* Ѳедка Василев; пашни паханые худые земли 10 ч., да перелогомъ 14 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна около пол и по врагомъ 30 к. Д. *Онтоново*, а в ней *крестьян:* во дв. Карпикъ, во дв. Истомка Олександровы; пашни паханые середние земли 10 ч., да перелогом 16 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна около поль и по врагомъ 20 к. Д. *Лодыгино*, а въ неи *крестьян:* во дв. Гаврилко Василевъ, во дв. Нечаико Игнатов, во дв. Степанко Дмитреев, во дв. Ѳедка Ивановъ; пашни паханые середние земли 18 ч., да перелогомъ 17 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна по врагом 5 к. Д. *Костино* на ручю, а въ неи *крестьян:* во дв. Тораско Логинов; во дв. *бобыл* Юрка Логинов; пашни паханые худые земли 6 ч., да перелогомъ 8 ч. с осминою, да лѣсом поросло 4 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна по врагом 5 к. Д. *Тырыданово*, а в неи *крестьян:* во дв. Иванко Ворганов; да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 5 ч., да перелогомъ 12 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна меж пол 10 к.; лѣсу непашенног дес. Д. *Ношедряево*, а въ неи *крестьян:* во дв. Макарикъ Иванов, во дв. Первушка Иванов, во дв, Ульянка Мортинов; во дв. *бобыл* Максимко Демеховъ; да дв. пустъ; пашни паханые середние земли 13 ч., да перелогомъ 12 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому ж; сѣна меж пол 20 к. Д. *Катилово*, а в неи *крестьян:* во дв. Куземка Яковлев, во дв. Іванко Лазорев, во дв. Якимко Игнатов; во дв. *бобыл* Митка Головин, во дв. *бобыл* Левка Иванов; пашни паханые середние земли 12 ч., да перелогомъ 13 ч., да лѣсомъ поросло 7 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна меж пол 25 к. Д. *Селина*, а в неи *крестьян:* во дв. Ганка Пятог, во дв. Ганка Ѳролов, во дв. Шерапко Оникеев; во дв. *бобыл* Архипка Иванов; да дв. *пустъ*; пашни паханые середние земли 11 ч., да перелогомъ 12 ч. в поле, а въ дву по тому ж; сѣна 15 к.; лѣсу непашенног дес. Д. *Климово*, а въ неи *крестьян:* во дв. Сенка Яковлев, во дв. Ѳомко Иванов; во дв. *бобылиха* Наталица Русановская жена; пашни паханые середние земли 7 ч., да перелогомъ 16 ч., да лѣсомъ поросло 3 ч. в поле, а в дву

по тому-ж; сѣна меж пол и по заполю 50 к. Пч. что была п. *Палцово*, а в нем *крестьян*: во дв. Микиѳорко Огаѳонов, да дв. пустъ, пашни паханые середние земли 4 ч., да перелогом 11 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 20 к. Д. *Трегубово*, что было в вотчине за Василемъ за *Полтинпымъ* [1]), а в ней *крестьян*: во дв. Трепка Иванов, во дв. Некраско Иванов, во дв. Гришка Ѳедоровъ; да дв. *пустъ*, пашни паханые худые земли 12 ч., да перелогом 15 ч., да лѣсомъ поросло 9 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 20 к.; лѣсу непашенног 2 дес.

Д. *Ѳедяево пуста*, а в неи 3 дв. пусты; пашни паханые середние земли наѣздомъ 7 ч., да перелогомъ 9 ч., да лѣсомъ поросло 13 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол 15 к. П., что была д. *Давыдково*, а в неи 3 мѣста дворовых, пашни паханые наѣздомъ середние земли 3 ч., да перелогом 14 ч., да лѣсомъ поросло 10 ч. в поле, а в дву потому-ж; сѣна меж пол и по запол 15 к. П., что был пч. *Охотин*, а в неи мѣсто дворовое, пашни лѣсом поросло середние земли 21 четверть в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 10 к. П., что была д. *Бабино*, а в неи три мѣста дворовых, пашни перелогомъ середние земли 15 ч. в поле, а въ дву по тому-ж; сѣна по врагом 15 к. П., что была д. *Колычево*, а в неи два мѣста дворовых, пашни паханые наѣздомъ середние земли 2 ч., да перелогом 13 ч., да лѣсомъ поросло 5 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол и по врагомъ 17 к. П., что была д. *Демьяново*, а в неи два мѣста дворовых, пашни пахано наѣздомъ середние земли 4 ч., да перелогом 13 ч, да лѣсомъ поросло 7 ч. в поле, а в дву по тому-ж, сѣна около пол 25 к. П., что была д. *Мокарово*, а в неи мѣсто дворовое, пашни пахано наѣздомъ середние земли 3 ч., да перелогом 8 ч., да лѣсомъ поросло 7 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна около пол и по врагомъ 30 к. П., что была д. *Погорѣлицы*, а в неи два мѣста дворовых, пашни перелогомъ середние земли 10 ч., да лѣсомъ поросло 12 ч. в поле, а в дву по тому-ж; сѣна 10 к. П. *Сухомудово*, а в неи мѣсто дворовое, пашни перелогом середние земли 8 ч., да лѣсомъ поросло 9 ч. в поле, а в дву по тому-ж, сѣна 20 к. П. *Желутково*, а в неи два мѣста дворовых, пашни перелогом середние земли 6 ч., да лѣсомъ поросло 10 ч. в поле, а в дву потому-ж; сѣна меж пол 15 к.

І всег в вотчине Чюдова монастыря село да 32 деревни да починок живущих да деревня пуста да десят пустошеи и с припускною

[1]) Ср. купчую № 4835/17.

пустошью, а в них 109 дв. крестьянских, да 20 (22?) дв. бобылских, а людеи в них тож, да 15 дв. пустых, да 17 мѣстъ дворовых; пашни паханые середние земли 364 ч., да наѣздомъ пашни паханые 19 ч., да перелогу 484 ч., да лѣсомъ поросло 201 четвертъ; і всег пашни паханые и с наѣзжею пашнею и перелогом и лѣсом поросло середние земли 1068 ч.; да пашни-ж паханые худые земли 79 ч., да перелогу 96 ч. с осминою, да лѣсомъ поросло 45 ч.; і всег пашни паханые и перелогу и лѣсомъ поросло худые земли 219 (220?) ч. с осминою в поле, а в дву потому-ж; сѣна 910 к. (895?); лѣсу непашеннаго 18 дес. А сошног писма в живущемъ пол-сохи и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи, и перешло за сошным писмом 4 ч. с осминою и пол-пол-третника; а в наѣзжеи пашне и впусте сошног писма соха и пол-пол-трети и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи, и перешло за сошным писмом 4 ч. бес полутретника.

Чюдова-ж монастыря была на оброке река *Волга* от *Терешковы* слободы вниз до *Старицкого* уѣзда до реки до *Иружи* и до рѣчки до *Нахабны* по оба берега реки *Волги* да рѣчки малые, которые впали в реку в *Волгу* в тѣх же мѣстех: рѣчка *Дорогона* от устья вверхъ на версту, да рѣчка *Осоченка* от устья вверхъ на пол-версты, да рѣчка *Держа* от устья вверхъ на пол-версты, да рѣчка *Щербаха* от устья вверхъ на полверсты, да рѣчка *Шюденка* от устья вверхъ на полверсты, да рѣчка другая *Шюденка* от устья вверхъ на полверсты, да рѣчка *Нохабна* от устья вверхъ на версту, да рѣчка *Иружа* от устья вверхъ на версту; а оброку они с реки с Волги и с малых рѣчекъ давали государю царю і великому князю Ѳедору Івановичю всеа Русиі на *Углецкои дворецъ* [1]) полбочки щучины пят вѣдръ; а не велит государь на которои год взяти рыбою, а велит взяти за рыбу денгами и архимарит з братею за полбочки щучины давали полтину денег на срокъ на Ѳилиповы заговѣина ежегод безпереводно. И Чюдова монастыря архиморит Пахнутеи з братею били челомъ государю царю і великому князю Федору Івановичю всеа Русіи, что в *Зубцовскомъ* уѣзде вотчина Алексѣя чюдотворца непашенная, *Терешкова* слободка да село *Дубки* з деревнями, безугодно и безводно и безлѣсно и безсѣнно и землею худо и рыбных ловел нѣт, и государь бы его Чюдовского архимарита з братею пожаловал, велѣл тѣ рыбные ловелки написати к Чюдовскои вотчине к непашеннои Терешкове слоботке да к селу к Дуб-

[1]) Очень цѣнное указаніе.

камъ з деревнями в угоде. Да и по дозору ловчего Дмитрея Ондрѣевича *Замытцкого* да подячего Симана *Давыдова* тѣ рыбные ловелки заросли травою, і в тѣх рыбных ловелек на государевъ обиход рыбы ловити неводы и сѣтми немочно, и рыба в тѣхъ ловелкахъ про государевъ обиход не пригодит же ся; да и оброку Чюдова монастыря архимарит з братею на *Болшои дворецъ* от 74 году с тѣх ловелек не платили ж, потому что с тѣх рыбных ловелек оброку взяти нѣ с чего, а тѣ ловелки лежат порозжи. А государю царю і великому князю Федору Ивановичю всеа Русні, какъ ловчеи Дмитреи Ондрѣевич *Замытцкои* да подячеи Симан *Давыдов* были в *Зубцовскомъ* уѣзде, и о тѣхъ рыбных ловелькахъ на оброкъ и в угодя не били ж челом нихто. И по государеву цареву і великог князя Ѳедора Ивановича всеа Русии наказу тѣ рыбные ловелки даны в угодя Чюдова монастыря к вотчине к непашеннои к Терешкове слободѣ да к селу к Дубкамъ з деревнями. А княженецкимъ и боярскимъ и детеи боярских и иных монастыреи людям владѣти под своими помѣстьи и под вотчинами оприч чюдовских рыбных ловел.

К сеи выписи ловчеи Дмитреи Ондрѣевич *Замытцкои* печат свою приложил.

По склейкамъ на оборотѣ: К сеи выписи подячеи Симан Давыдов руку приложил.

Печать.

На 14 склейкахъ.

III ($^{4838}/_{20}$).

Выпис з Зубцовских книг писма и мѣры ловчего Дмитрея Ондрѣевича Замытцког да подячего Симана Давыдова 104 году.

В *Горѣлинскои* волости *церковная*, что въ *Терешкове* слободе к Николе чюдотворцу да к Олексѣю чюдотворцу, что была вотчина Богдана Титова сына *Олександрова*, по данои 87 году [1]), церковная

[1]) См. купчую (sic) за № $^{3385}/_{17}$.—См. также стр. 207—209 въ нашихъ «Темныхъ пунктахъ исторіи русскаго права» (Ж. М. Н. П., 1904, IV).

д. *Сысоева*, а в неи *бобылскихъ* дворов: во дв. Истомка Матвѣевъ, во дв. Степанко Осипов, во дв. Докучка Борковъ; пашни церковные паханые середние земли 14 ч. въ поле, а в дву по тому-ж, сѣна меж поль и по заполю 15 к.

К сеи выписи ловчеи Дмитреи Ондрѣевич Замытцкои печат свою приложил. Лѣта 7104 г. июля въ 15 день. Приписал подіячеи Симан Давыдов.

Печать.

О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества.

Въ программѣ занятій на имѣющемъ быть въ августѣ 1903 г. второмъ областномъ Тверскомъ археологическомъ съѣздѣ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской области, въ числѣ другихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, отмѣчены и касающіеся исторіи Тверского княжества. Такъ какъ культурная исторія тверского княжества всего менѣе у насъ разработана, то желательно было бы, чтобы на съѣздѣ въ секціи исторіи на нее обратили вниманіе. Въ настоящей статьѣ затронуты, главнымъ образомъ, вопросы, касающіеся культурной исторіи Тверского княжества. Между ними первое мѣсто принадлежитъ вопросу о вліяніи на Тверь Новгорода и Москвы. Онъ почти не разработанъ, матеріалы, относящіеся къ нему, не всѣ собраны, заключенія, вытекающія изъ нихъ, пока спорныя, и вопросъ требуетъ, какъ мы понимаемъ его, тщательнаго пересмотра и изученія. Предстоящій съѣздъ могъ бы помочь дѣлу обсужденіемъ собранныхъ матеріаловъ и указаніемъ новой постановки вопроса, если онъ того требуетъ. Мы имѣли въ виду, по мѣрѣ нашихъ силъ, лишь подготовить его разрѣшеніе. Вся подлежащая статья можетъ быть названа одною программою этого вопроса. Мы ограничились только культурной исторіей Твери въ эпоху самостоятельнаго Тверского княжества.

Такимъ образомъ опредѣляются наши desiderata по отношенію къ предстоящему съѣзду и предлагаемой исторической задачѣ.

I.

Мы не можемъ говорить о минувшей жизни Твери въ эпоху ея независимости и самостоятельнаго ея княжества иначе, какъ соединяя, а не раздѣляя съ остальнымъ русскимъ міромъ ея культуру, ея настроеніе ума и сердца, ея духовное состояніе. Самостоятельность или независимость Тверскаго княжества далеко была не то, какъ—отдѣльно взятаго какого нибудь самостоятельнаго государства. Тверское княжество не было такимъ государствомъ, оно было только частью цѣлаго русскаго міра и, потому, ничего особенно отличнаго и характернаго вообще въ своей культурѣ не представляло; сходство его со всѣмъ русскимъ міромъ во много разъ было больше, чѣмъ различіе. Возьмемъ ли такую важную сторону русской жизни, какъ духовную настроенность, религіозный взглядъ на міръ, церковность,—мы увидимъ, что и эта сторона жизни занимала въ Твери, какъ и въ другихъ русскихъ княжествахъ того времени, одинаково первое мѣсто. Свой оттѣнокъ въ культурѣ имѣла и Тверь, но онъ зависѣлъ болѣе отъ того, что исторія Тверскаго княжества совпадаетъ съ самыми темными временами русской исторіи, съ самыми плачевными событіями, какія переживала тогда Русь подъ игомъ татарскимъ, отъ того, что на долю Твери выпало такъ много отъ татарскихъ опустошеній за ея неповиновеніе Ордѣ. Вообще то самое, что о Тверскомъ, можно сказать и о Ярославскомъ, Рязанскомъ, Нижегородскомъ и о другихъ княжествахъ. Отличіе Москвы отъ названныхъ княжествъ въ опредѣленіи послѣдующей позднѣйшей ея культуры заключается прежде всего въ томъ, что Московское княжество, переживши тяжелое время татарскаго ига, справившись по своему съ препятствіями и затрудненіями, увидѣло и лучшія другія времена, которыхъ Тверь такъ и не видала. И другія княжества, утративши прежнюю свою самостоятельность, дожили лишь до того, что слились въ одно съ Московскимъ. Что же касается до высоты ихъ культуры въ татарское время, то, за малымъ исключеніемъ, она вездѣ на Руси сравнительно съ прежнимъ временемъ понизилась, въ Московскомъ же княжествѣ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ въ другихъ княжествахъ. Пониженіе уровня образованія вездѣ было однимъ изъ печальныхъ послѣдствій долговременнаго татарскаго владычества. Нѣкоторые совре-

менные московскіе князья не умѣли и писать, [1]) тогда какъ прежніе русскіе князья, даже въ ближайшее къ татарамъ время,—время Суздальщины,—были знакомы съ нѣсколькими иностранными языками. Примѣры всѣмъ извѣстны. Святославъ Ростиславичъ Смоленскій напр. зналъ даже греческій языкъ, Андрей Боголюбскій увлекался проповѣдями современнаго знаменитаго проповѣдника Кирилла Туровскаго, Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій держалъ при себѣ ученыхъ людей и въ его библіотекѣ было болѣе тысячи однѣхъ греческихъ книгъ, онъ самъ переводилъ греческія книги на русскій языкъ и писалъ лѣтопись; Романъ Ростиславичъ Смоленскій былъ весьма ученъ во всякихъ наукахъ, Михаилъ Юрьевичъ, тоже Смоленскій, говорилъ по латыни и по гречески. О прежнихъ, болѣе далекихъ, кіевскихъ временахъ нечего и говорить: Русь тогда нисколько не уступала по своей образованности Западной Европѣ. Въ Ростовѣ напр. въ XIV в. въ каѳедральномъ храмѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли по гречески, а на правомъ по русски. Пѣнія по гречески не было нигдѣ и въ Западной Европѣ.

Русская образованность и культура начались въ Кіевѣ подъ вліяніемъ христіанства и распространились до татаръ не только въ сосѣднихъ княжествахъ, но и въ далекой сѣверной Руси. Тверское, Новгородское, Ростовское, Ярославское и другія княжества на сѣверѣ свою духовную культуру получили всѣ отъ Кіева. Ростовское княжество преобразилось потомъ въ Суздальское, Суздальское (Владимірское) позднѣе—въ Московское, но связь съ Кіевомъ до татарскаго ига и здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, не прекращалась. Многочисленные факты свидѣтельствуютъ намъ о томъ. Возьмемъ Ростовскую область на далекомъ сѣверѣ. Что же мы видимъ здѣсь? Св. Леонтій, епископъ ростовскій, былъ постриженникомъ Кіево-печерскаго монастыря: онъ пришелъ въ пещеру къ преподобному Антонію (въ 1032 г.) еще тогда, когда преподобный Ѳеодосій имѣлъ при себѣ одного только Никона. Убитый потомъ въ Ростовѣ язычниками (1073), среди которыхъ онъ распространялъ христіанство, св. Леонтій такъ высоко цѣнимъ былъ современниками за свои апостольскіе труды, что гробница его, похищенная

---

[1]) Димитрій Донской не былъ хорошо изученъ книгамъ, Василій Темный былъ вовсе неграмотенъ (Соловьевъ, IV, 344). Въ одной грамотѣ 1565 г. значится такая приписка: «А которые *князя* и дѣти боярскіе въ сей записи записаны, и у записи рукъ ихъ нѣтъ, а тѣ князи и дѣти боярскіе..... грамотѣ не умѣютъ (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Т. I. № 184).

поляками въ 1609 г., была вся вылита изъ чистаго золота [1]). Другой епископъ ростовскій, преемникъ св. Леонтія, св. Исаія, былъ и кіевскій уроженецъ и инокъ той-же кіевской обители, преданный душою ея завѣтамъ. Потому и Владиміръ Мономахъ, желая сдѣлать ему угодное, прислалъ ему на память о Кіевѣ икону Богородицы, писанную преподобнымъ Алипіемъ, находящуюся и нынѣ въ Ростовскомъ соборѣ.— Точно также Новгородъ и Тверь по культурѣ были въ началѣ своего независимаго существованія тѣсно связаны съ Кіевомъ: первые монастыри, здѣсь и тамъ, были основаны монахами, пришедшими изъ Кіева. Когда Москва становилась не только политическою, но и духовною силою, она стала также развивать и пополнять свои кіевскія преданія и старалась продолжать дальнѣйшій ихъ ростъ: въ этомъ отношеніи огромное значеніе, напр., имѣетъ перенесеніе иконы Владимірской Божіей Матери въ Успенскій соборъ — икона эта, одна изъ святынь далекаго прошлаго, принесена изъ Греціи и долго находилась на югѣ, въ Кіевѣ [2]).

Было ли Ростовское вліяніе на Тверь, хотя и не столь замѣтное, какъ Новгородское и Московское,—мы затруднимся сказать прямо, положительно; нельзя, однако, не сказать о немъ ни слова. Даже въ позднюю пору оно могло быть, принимая во вниманіе возможное распространеніе его здѣсь черезъ Угличъ. И житія ростовскихъ чудотворцевъ читались въ Твери, и угличскіе святые: преп. Паисій Угличскій, святой благовѣрный князь Романъ Владимировичъ и преп. Касьянъ были самые близкіе по мѣсту угодники Божіи, къ которымъ ходили изъ Твери на поклоненіе; наконецъ, нѣкоторые изъ угличскихъ святыхъ имѣютъ и прямое отношеніе къ Твери. Именно Паисій Угличскій († 1504) по матери былъ въ родствѣ съ нашимъ Макаріемъ Калязинскимъ. Мать его, дочь боярина Василія Кожи, была родная сестра св. Макарія Калязинскаго, который и постригъ Паисія въ монахи; св. великій князь Романъ Владимировичъ, при которомъ Батый былъ въ Угличѣ, владѣлъ

---

[1]) По легендѣ, Ростовъ просвѣщается христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда: Св. Леонтій, мощи котораго открыты въ 1164 г., ѣдетъ въ Ростовъ прямо изъ Царьграда, не вступая въ сношеніе съ Кіевомъ и съ митрополитомъ. Легенда объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ, принявшемъ христіанство и поселившемся въ Ростовѣ, относится къ концу XIII в.

[2]) Буслаевъ говоритъ, что самыя раннія преданія Москвы проникнуты элементомъ татарскимъ. Таково было Сказаніе о путешествіи Московскаго митрополита Алексія въ Орду, гдѣ онъ долженъ былъ исцѣлить «демонствующую ханшу». Одно преданіе объ основаніи Москвы, въ которомъ одинъ мудрецъ гречинъ предсказываетъ какому то князю Даніилу Ивановичу, что онъ будетъ созидателемъ великаго града и царствія, въ которомъ умножатся разныхъ ордъ людей, создалось даже, по мнѣнію Буслаева, въ XVIII в.

и Угличемъ, и Кашиномъ, и Бѣжецкимъ верхомъ, городами близкими къ Твери. Но Ростовъ не долго занималъ видное мѣсто въ политическомъ и въ духовномъ развитіи сѣверной Россіи, онъ уступилъ его скоро Суздалю, а Суздаль—Москвѣ. Затѣмъ, во время культурнаго и политическаго первенства Ростова, не существовало и Тверскаго княжества. Московское вліяніе на Тверь началось позднѣе новгородскаго, потому на первомъ мѣстѣ мы должны поставить новгородское [1]). Новгородское вліяніе было гораздо разнообразнѣе, московское въ началѣ проявилось сильнѣе въ одной сферѣ религіозной, и частнѣе монастырской. Новгородъ не былъ разрушенъ татарами и сохранилъ вполнѣ свою образованность именно тогда, когда Кіевъ, послѣ разрушенія Батыемъ, долгое время почти не существовалъ, и тогда-то и началось Тверское княжество.

Тверское княжество, сравнительно съ Новгородомъ, находилось въ худшихъ обстоятельствахъ. Тверь разрушена была татарами, кромѣ того и въ послѣдующее время Тверское княжество не разъ было опустошаемо ими же, тогда какъ Московское княжество пользовалось благосклонностью хановъ, даже до нѣкоторой степени, по замѣчанію еще Карамзина, обязано было имъ своимъ возвышеніемъ; тогда какъ оно увеличивалось въ своемъ составѣ «примыслами», собирало подъ свою руку всю сѣверную Русь, богатѣло, не въ примѣръ другимъ, и отъ скопидомства князей, и отъ татарской дани, которую взяло на себя собирать для хановъ,—а это было дѣло выгодное,—тверское княжество, сначало богатое, а потомъ бѣдное, какъ было небольшимъ по своему составу, такимъ и осталось во все время своего существованія Тверскіе князья, кромѣ Ржева, не сдѣлали для своего княжества никакого расширенія границъ и увеличенія. Культура страны зависитъ прежде всего отъ экономическаго ея положенія и опредѣляется имъ. Въ этомъ отношеніи Тверское княжество только въ началѣ находилось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Московское. Тверь была богата, о чемъ поется въ пѣсняхъ, самое княжество Тверское было густо населенное, было въ ближайшихъ торговыхъ связяхъ съ Новгородомъ, доставляя ему хлѣбъ, но все то продолжалось не долго. Тверскіе гости были только передат-

[1]) Москва въ XIV и даже въ XV в. не считалась въ ряду центровъ книжнаго просвѣщенія. Даже пророкъ и одинъ изъ основателей ея политическаго величія,—замѣчаетъ проф. Ключевскій,—не нашелъ себѣ въ Москвѣ русскаго жизнеописателя. Первый московскій святой, съ котораго начинается рядъ ея церковныхъ авторитетовъ, митрополитъ Петръ (умершій въ началѣ XIV в.), нашелъ біографа сначала въ ростовскомъ епископѣ Прохорѣ, а потомъ въ пришельцѣ, Митрополитѣ Кипріанѣ.

чиками въ торговлѣ хлѣбомъ, потому что, какъ и Новгородъ, Тверь никогда сама не имѣла излишковъ хлѣба. И въ настоящее время урожаи въ Тверской губерніи недостаточны для пропитанія собственныхъ жителей въ губерніи, а въ то далекое отъ насъ время было и того хуже. Когда Москва богатѣла, Тверь, напротивъ, бѣднѣла. Экономическое же положеніе объяснитъ намъ, почему и въ слѣдующія времена образованность въ Твери не могла успѣшно развиваться, хотя тверская культура началась раньше московской. Мы можемъ съ большою доказательностью говорить лишь о той духовной дѣятельности Твери, которая сохранилась въ памятникахъ ея письменности, но и въ нихъ мы замѣчаемъ мало разнообразія. Въ памятникахъ письменности и духовнаго творчества Твери мы замѣчаемъ, что и они, эти свидѣтели культуры во время независимаго существованія Тверского княжества, представляютъ далеко не богатый духовный капиталъ. Оправдательнымъ, смягчающимъ условіемъ для Твери служитъ лишь то, что и въ другихъ русскихъ княжествахъ, за время татарскаго владычества, не многимъ было лучше.

Другою причиною, кромѣ экономической, малаго развитія Твери въ области культуры, мы считаемъ отсутствіе сильныхъ постороннихъ вліяній.—Гдѣ они?—Новгородъ, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на Тверь, но и самъ Новгородъ, какъ извѣстно, не столько думалъ о своемъ образованіи, и не столько занятъ былъ духовною производительностію, сколько занимался своею торговлею. И на ходъ русской жизни вообще Новгородъ, не такъ какъ Кіевъ, не оказалъ особеннаго воздѣйствія ни въ литературномъ, ни въ культурномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ. Московское вліяніе на Тверь было, но оно началось позднѣе. И то и другое, между тѣмъ, парализовалось постоянными враждебными политическими отношеніями. И Новгородъ, и Москва никогда не дружили съ Тверью: Новгородъ держалъ даже, въ политичеекихъ видахъ, чаще сторону Москвы. Владѣя такою территоріей, которая своею обширностью превосходила владѣнія всѣхъ русскихъ княжествъ, вмѣстѣ взятыхъ, обладая огромными богатствами, нажитыми торговлею, Новгородъ отдавался преимущественно стяжаніямъ не духовныхъ, а матеріальныхъ благъ. Сравнительная оцѣнка того, что дѣлалось въ Твери и въ другихъ русскихъ княжествахъ въ татарскую эпоху въ области культуры и сравнительное невыгодное положеніе Твери относительно вліяній со стороны, даютъ намъ право не слишкомъ строго относиться къ тому духовному наслѣдству Тверскаго княжества, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Въ эту эпоху и всѣмъ приходилось плохо,—надобно было защищать самое свое существованіе, самую жизнь, и рѣдко выпадалъ случай отдаться высшимъ стремленіямъ духа. Твери же приходилось хуже другихъ княжествъ, потому что Тверь раньше другихъ вздумала встать противъ татаръ, еще въ то время, когда послѣдніе были сильны. Москва дѣйствовала не такъ,—она пошла противъ татаръ уже тогда, когда Орда стала ослабѣвать.

II.

Перечислимъ, хотя кратко, что осталось въ области письменности, какъ видимый слѣдъ духовной жизни, отъ времени независимаго существованія Тверского княжества. Мы ограничимся только этимъ временемъ потому болѣе, что исторія Твери послѣ присоединенія Тверского княжества къ Москвѣ, когда стали переписывать его по московски, по сохѣ, вовсе у насъ не изучена. О независимомъ или самостоятельномъ Тверскомъ княжествѣ мы имѣемъ все же одинъ почтенный ученый трудъ члена нашей Тверской Ученой Архивной Комиссіи г. Борзаковскаго, которымъ мы и воспользуемся.

Вотъ главнѣйшіе письменные памятники, характеризующіе съ своей стороны культуру Твери за это время:

1) Легенда объ основаніи Тверского Отроча монастыря.

2) Наставленіе перваго тверского епископа Симеона. (Оно вошло въ сборники, извѣстные подъ именемъ Мѣрила Праведнаго).

3) О преставленіи великаго князя Михаила Ярославича и Сказаніе о пребываніи и смерти Михаила въ Ордѣ. Первое находится въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей, IV, 359, 360 и заслуживаетъ особаго вниманія. Г. профессоръ Ключевскій (Древне русскія житія святыхъ, 177—180) говоритъ о немъ, что это едва ли не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ описываемое лицо разсматривается какъ историческій дѣятель, а не съ точки зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ нравственный образъ для подражанія. Сказаніе о пребываніи и смерти Михаила въ Ордѣ находится въ Софійскомъ временникѣ, I, стр. 207—215, и въ Степенной книгѣ. По мнѣнію профессора Ключевскаго, это передѣлка XV в., а не первона-

чальная редакція. Авторомъ сказанія могъ быть игуменъ Александръ, или одинъ изъ поповъ, сопровождавшихъ Михаила въ Орду.

4) Тверская былина о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

5) Посланіе о раѣ.

6) Житія св. Арсенія и другихъ тверскихъ угодниковъ Божіихъ. Изъ сѣверныхъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ Ростовъ и Тверь особенно богаты святыми и подвижниками благочестія. Ростовъ имѣетъ болѣе 20 святыхъ, а Тверь 46 [1]). И тамъ, и здѣсь, въ томъ числѣ

---

[1]) Святые уроженцы Тверской епархіи и подвизавшіеся въ ней слѣдующіе (Журналъ 83 засѣданія Тверской Ученой Архивной Комиссіи, стр. 23—27):

1) Св. благовѣрный великій князь Михаилъ Ярославичъ († 22 ноября 1319 г.).
2) Св. Арсеній, епископъ Тверской († 2 марта 1409 г.).
3) Варсонофій, епископъ Тверской († 11 апрѣля 1576 г.).
4) Преподобный Ефремъ Новоторжскій († 28 января 1053 г.).
5) Св. благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская († 2 октября 1368 г.).
6) Св. Іуліанія Новоторжская († 21 декабря 1406 г.).
7) Праведный князь Димитрій Красный († 22 сентября 1441 г.).
8) Преп. вел. княгиня Ксенія Тверская († 24 января 1312 г.).
9) Св. благовѣрный вел. князь Георгій Владимірскій († 4 марта 1238 г.).
10) Праведный Акакій († 14 января 1567 г.), } епископы Тверскіе.
11) Праведный Ѳеодоръ († 20 марта 1361 г.), }
12) Преп. Параскева Ржевская (XV в.).
13) Благовѣрная княгиня Агриппина Ржевская (XIII в.).
14) Благовѣрный князь Владиміръ Ржевскій (XIII в.).
15) Св. благовѣрный и великій князь Василько Ростовскій († 4 марта 1238 г.).
16) Праведный Симеонъ († 3 февраля 1289 г.), первый епископъ Тверской.
17) Св. Гурій († 4 декабря 1564 г.). } архіепископы Казанскіе.
18) Св. Германъ († 6 ноября 1568 г.), }
19) Преп. Аркадій Новоторжскій († 13 декабря 1077 г.).
20) Праведный Ѳеоктистъ († 29 апрѣля 1610 г.), архіепископъ Тверской.
21) Святитель Нектарій Тобольскій († 15 января 1667 г.).
22) Блаженный Іовъ († 19 іюня 1607 г.), патріархъ Московскій.
23) Св. Діонисій († 10 мая 1633 г.), архимандритъ Троице-Сергіева монастыря.
24) Св. Филиппъ († декабря 1569 г.), митрополитъ Московскій.
25) Св. Моисей († 25 января 1362 г.), архіепископъ Новгородскій.
26) Св. Тихонъ († августа 1783 г.), епископъ Воронежскій.
27) Праведный Арсеній († апрѣля 1625 г.), архіепископъ Суздальскій.
28) Серапіонъ († мая 1652 г.), митрополитъ Сарскій и Подонскій.
29) Преп. Нектарій Бѣжецкій († 7 апрѣля 1492 г.).
30) Преп. Антоній Краснохолмскій († 17 января 1471 г.).
31) Преп. Наисій Угличскій († 6 іюня 1504 г.).
32) Преп. Макарій (17 марта 1483 г.), игуменъ Калязинскій.
33) Преп. Савва Вишерскій († 1 октября 1460 г.).
34) Преп. Ефремъ Перекомскій († 26 сентября 1497 г.).
35) Преп. Савва Саввинскій († 2 марта 1461 г.).
36) Преп. Варсонофій Саввинскій († 1468 г.), память ему 2 марта.
37) Св. Трифонъ Печенгскій († 15 декабря 1583 г.).
38) Преп. Евфросинъ Савватьевскій († 1461 г.).

встрѣчаемъ и мѣстныхъ подвижниковъ, не причисленныхъ къ лику святыхъ. Жизнеописанія тверскихъ и ростовскихъ угодниковъ Божіихъ находятся или въ общихъ мѣсяцесловахъ, изъ которыхъ видное мѣсто принадлежитъ труду нашего архипастыря, тверского архіепископа Димитрія, почетнаго члена нашей Ученой Архивной Комиссіи, или въ спеціально составленныхъ сборникахъ; напр. для Ярославской епархіи это сдѣлано въ сборникѣ, составленномъ покойнымъ графомъ Михаиломъ Владиміровичемъ Толстымъ въ 1887 г. Собираніемъ свѣдѣній о святыхъ подвижникахъ благочестія Тверской епархіи также спеціально занимался, и съ большимъ знаніемъ дѣла, бывшій нашъ сочленъ по Архивной Комиссіи, къ сожалѣнію рано умершій, Андрей Аѳанасьевичъ Митропольскій, успѣвшій напечатать только небольшую часть своихъ ученыхъ трудовъ.

О жизни св. Арсенія проф. Ключевскій въ своей книгѣ *Древне русскія житія святыхъ* (стр. 432 и 433) сдѣлалъ такую замѣтку: «Канонъ св. Арсенію выписанъ изъ службы св. Ѳеоктисту. Составитель агіографіи иногда переносилъ черты изъ жизни одного святого на другого. И мирно скончавшійся въ Твери епископъ Арсеній въ канонѣ мученическимъ увязася вѣнцемъ».

7) Патерикъ Печерскій, редакціи св. Арсенія. Извѣстно, что этотъ древнѣйшій списокъ Патерика написанъ былъ въ Твери подъ руководствомъ св. Арсенія. Какъ древнѣйшій списокъ, онъ гораздо важнѣе новѣйшаго, принадлежащаго печерскому уставнику Кассіану. Рукопись Арсеніевскаго Патерика находится нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Она извѣстна здѣсь подъ именемъ Берсеневскаго пергаменнаго списка. Но, спрашивается, какъ попала она изъ Твери въ Петербургъ? [1])

8) Сказаніе о Донскомъ побоищѣ, занесенное въ Тверскую лѣтопись (Полн. Собр. русск. лѣтописей, XV, 180—198). Тогда какъ многіе отрицали даже самое присутствіе тверитянъ на Донскомъ побоищѣ,

---

39) Преп. Савватій Савватьевскій (24 апрѣля 1434 г).
40) Св. Корнилій Комельскій († мая 1537 г.).
41) Св. Арсеній Новгородскій († мая 1570 г.).
42) Преп. Нилъ Столобенскій († 7 декабря 1554 г.).
43) Преп. Максимъ Грекъ († 21 января 1557).
44) Преп. Антоній Леохновскій († 17 января 1611 г.).
45) Преп. Константинъ Новоторжскій († 21 января 1492 г.).
46) Преп. Іосифъ Волоцкій († 9 сентября 1515 г.).

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. «Житіе Антонія и Печерская лѣтопись». А. А. Шахматова, стр. 107.

въ Тверской лѣтописи сохранилось извѣстіе, что въ числѣ убитыхъ на побоищѣ было 74 тверитянъ.

9) Повѣсть о Плавѣ и о послѣдовавшей затѣмъ ссорѣ москвичей и тверитянъ. Неизвѣстный авторъ написалъ эту повѣсть для какого-то Варлаама. Послѣ Плавы тверской князь Иванъ Михайловичъ отказалъ въ своей помощи московскому князю Василію Димитріевичу; это было осенью 1406 г., когда московскій князь выступилъ противъ Витовта и просилъ его о помощи. Въ грамотѣ перемирной князь московскій за то, что не написалъ *честно* имени брата своего великаго князя тверского, не получилъ помощи. Съ тѣхъ поръ Тверь окончательно разошлась съ Москвою и стремилась заключить союзъ съ Литвой. Это событіе увѣковѣчено Повѣстью о Плавѣ (Исторія Тверского княжества Борзаковскаго, стр. 183, 184).

10) Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію.

11) Лѣтопись. Тверская лѣтопись состоитъ изъ двухъ лѣтописныхъ компиляцій: первая говоритъ о событіяхъ отъ начала Руси до 1255 г., вторая доводитъ разсказъ до 1499 г. Первая половина составлена въ 1534 г. какимъ-то ростовскимъ селяниномъ, получившимъ самое скудное образованіе. Сомнительно, чтобы въ рукахъ его сосредоточивался слишкомъ обширный матеріалъ. Онъ пользовался спискомъ Софійской 1 лѣтописи, а также Новгородской 1, хронографомъ и сокращенной редакціей «Лѣтописца великаго русскаго», составленнаго по распоряженію митрополита Фотія въ 1423 г. и названнаго академикомъ А. А. Шахматовымъ Владимірскимъ полихрономъ. А. А. Шахматовъ предполагаетъ существованіе общерусскихъ митрополичьихъ сводовъ, смѣнявшихъ другъ друга, начавшихся съ первой четверти XIV в. и завершившихся составленіемъ Владимірскаго полихрона въ 1423 г., и старается возстановить содержаніе послѣдняго, какъ оно сохраняется въ разныхъ лѣтописяхъ. Обѣ части тверской лѣтописи соединены компиляторомъ механически и даютъ обильный матеріалъ для возстановленія общаго для обѣихъ половинъ источника Владимірскаго полихрона. Статьи академика А. А. Шахматова (Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV в.) помѣщены въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. за 1900 и 1901 г.г. Но въ Твери велась ранѣе своя лѣтопись, списковъ которой не сохранилось. Возникла ли она одновременно съ Московской (при митрополитѣ св. Петрѣ), объединяла ли она, какъ послѣдующая московская, всю предшествовавшую мѣстную лѣтописную дѣятельность,— не знаемъ; знаемъ одно, что во Владимірскомъ полихронѣ были уже

сдѣланы изъ нея выписки, взяты были напр. части ея до 1413 г. и перенесено въ него «Посланіе новгородскаго архіепископа Василія тверскому владыкѣ Ѳеодору». Нѣтъ сомнѣнія, что тверская лѣтопись составилась подъ вліяніемъ новгородской, потому что въ Новгородѣ лѣтописаніе началось ранѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Преданіе связываетъ древнѣйшую новгородскую лѣтопись даже съ именемъ епископа Іоакима. Іоакимовская лѣтопись, переданная Татищевымъ, считается теперь новѣйшимъ сочинительствомъ, но нѣкоторыя ея части, несомнѣнно, могли принадлежать новгородскому епископу Іоакиму. Ею пользовались даже лѣтописцы, написавшіе «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ XII в. Въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» (1892) П. А. Тихомировъ доказываетъ, что въ Новгородѣ при церкви св. Софіи лѣтопись велась очень давно; при этой церкви было древлехранилище, въ которомъ на палатяхъ хранились договорныя грамоты, законы, лѣтописи и казна, а при дворѣ новгородскаго архіепископа велась оффиціальная лѣтопись и послѣдняя продолжалась даже въ XVI в.; наконецъ, въ Новгородѣ были и частные лѣтописцы и самый Владычный сводъ подвергся переработкѣ священникомъ при церкви св. Іакова Германомъ Воятою († 1188 г.).

12) Пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки до сихъ поръ живутъ въ народѣ и указываютъ на тотъ фактъ, что въ Тверской области жители одной части, если не враждебно, то съ насмѣшкою относились къ жителямъ другой.—Не было ли такое взаимное настроеніе отголоскомъ старинной удѣльной разрозненности?—спрашиваетъ г. Борзаковскій?—Онъ приводитъ нѣсколько такихъ поговорокъ: Тверитяне пѣтуха на канатѣ держали, чтобы на чужую землю не ходилъ; Зубчане таракана на канатѣ на Волгу поить водили и т. п. Про Старицу пословица напоминаетъ о грозныхъ временахъ татарщины. Старичане встрѣтили индѣйскаго пѣтуха,—всѣ безъ шапокъ, они приняли его за грознаго посла. Старики говорили пѣтуху: «вотъ тебѣ пирогъ и яйцы, не погуби нашъ городъ Старицы» (Борзаковскій, стр. 59 и прим. 255).

Дополненіемъ къ характеристикѣ духовной жизни Твери, кромѣ названныхъ памятниковъ письменности, принадлежащихъ прямо Твери, могутъ служить также случайно сохранившіяся нѣкоторыя рукописи нашего Музея, свидѣтельствующія, чѣмъ еще могла интересоваться здѣсь въ то отдаленное время мысль русскаго начетчика. Оказывается, что отдѣлъ такъ называемыхъ древнихъ русскихъ повѣстей, въ которыхъ записаны чудесные подвиги Александра Македонскаго, сказанія о царѣ Синагрипѣ (или «Слово о премудромъ Акирѣ»), представляющія пере-

работку сказки Тысячи и одной ночи, исторія Варлаама и Іоасафа, съ которой находится въ связи знаменитый духовный стихъ, воспѣвающій красоты пустыни и спасительность пустынническаго житія, и т. п. былъ знакомъ тверитянамъ; повѣсти такого рода читались и даже передѣлывались по своему. Подъ послѣднимъ я разумѣю подчиненіе общему духу творчества, присущему не одной Твери, а всѣмъ тѣмъ мѣстамъ русской земли, куда попадали такія повѣсти. Дѣло въ томъ, что разсказы объ этихъ чуждыхъ русской жизни краяхъ у насъ обыкновенно христіанизировались. Христіанскія черты приданы были напр. Александру Македонскому, изъ которыхъ подъ вліяніемъ ихъ создали что-то сходное съ апокрифическимъ сказаніемъ о пустынникѣ Макаріи («римскомъ»), жившемъ въ 20 верстахъ отъ рая; Александръ тоже былъ не далеко отъ рая, и не могъ его видѣть только потому, что рай былъ обведенъ неприступной стѣной, какъ разсказывается въ апокрифѣ. Въ Сборникѣ библіотеки Тверского Музея: Александрія безъ начала, но это ничего не значитъ—начало, несомнѣнно, было. Рукопись, по указанію проф. Сперанскаго, XVIII в. (Описаніе рукописей Тверского Музея. М. Н. Сперанскаго, М., 1891 г., стр. 176). Она пріобрѣтена въ Музей А. К. Жизневскимъ изъ Осташкова. Имя Іоасафа царевича, имѣвшее такую широкую извѣстность изъ духовныхъ стиховъ, тоже было знакомо въ Твери, и исторія Варлаама и Іоасафа сохранилась въ нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ нашего Музея и въ Четіяхъ-Минеяхъ (Описаніе рукописей Тверского Музея. М. Н. Сперанскаго, стр. 89, 158, 181, 186). Эта исторія есть исторія Будды, но также въ христіанской передѣлкѣ (Исторія русской литературы А. Н. Пыпина, СПБ., 1898, II, стр. 49). Прежде думали, напротивъ, что оригиналомъ этой исторіи былъ греческій памятникъ, авторомъ котораго считали Іоанна Дамаскина; это теперь признано невѣрнымъ. «Слово о премудромъ Акирѣ», тоже передѣланное на русскій ладъ, такъ какъ нельзя сказать здѣсь, что оно христіанизировалось, имѣется также въ библіотекѣ Тверского Музея (Описаніе рукописей Тверского Музея. М. Н. Сперанскаго, М., 1891, стр. 116). Въ немъ Акиръ, восточный мудрецъ, сдѣланъ, однако, христіаниномъ: «мужъ зѣло крестьянъ». Спрашивается, когда такого рода повѣсти могли впервые появиться въ Твери? Академикъ Пыпинъ временемъ наиболѣе оживленнаго обмѣна такихъ повѣстей считаетъ эпоху крестовыхъ походовъ, тогда и въ Европу эти повѣсти прибыли впервые и познакомили ее съ восточными легендами, эпическими сказаніями, съ цѣлыми книгами происхож-

денія индѣйскаго, сирійскаго, талмудическаго. Слѣдовательно, ранѣе XIII вѣка они не могли попасть въ Тверь (Исторія Русской Литературы А. Н. Пыпина, II, стр. 61). Но вѣроятно, нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей сами позднѣйшаго происхожденія. Древнѣйшіе списки напр. «Сказаній о царѣ Синагринѣ» (или «Слово о премудромъ Акирѣ») восходятъ лишь къ XV в. Еще не такъ давно полагали, что эти повѣсти занесены были въ Европу монголами, разумѣется, въ устномъ пересказѣ, при ихъ нашествіи на нее. Такое мнѣніе высказалъ напр. извѣстный ученый Бенфей («Мои досуги» Ѳ. И. Буслаева, М. 1886 г., ч. II, стр. 312). Попали ли эти повѣсти въ Тверь изъ Новгорода или изъ Москвы,—не знаемъ. Въ литературѣ повѣстей, какъ вообще въ древней письменности, мы видимъ постоянное отсутствіе хронологіи. Нигдѣ не отмѣчалось ни время появленія того или другого памятника, ни имя книжника, который потрудился надъ переводомъ, ни посредника, черезъ котораго дошелъ тотъ или другой литературный памятникъ. (Исторія Русской Литературы А. Н. Пыпина, II. стр. 23). Знакомство съ повѣстями, сохраняющимися въ Тверскомъ Музеѣ, раскрываетъ намъ нѣкоторыя новыя интересныя стороны другихъ письменныхъ памятниковъ. Въ числѣ памятниковъ письменности есть напр. у насъ «Посланіе о раѣ». Можетъ ли быть названъ этотъ памятникъ письменности тверскимъ, когда написанъ былъ въ Новгородѣ? Не разъ мы слышали такой вопросъ. Теперь можно отвѣчать на него положительно. Въ Твери именно интересовались, гдѣ былъ рай. Въ Твери, какъ мы знаемъ, читалась Александрія, а въ ней то и есть сходное мѣсто съ апокрифомъ о странѣ блаженныхъ (Макареѣ) или съ апокрифомъ о Макаріи («римскомъ»). Александръ подготовляется къ видѣнію рая, окруженный чудовищными народами и звѣрями, сходными съ тѣми, о которыхъ повѣствуется въ нашихъ апокрифическихъ сказаніяхъ о мытарствахъ. Все это было знакомо тверитянамъ и всѣмъ этимъ они интересовались. Слѣдовательно, Посланіе о раѣ, какъ характеристика духовной жизни Твери даннаго времени, должно считаться и тверскимъ памятникомъ литературы, тѣмъ болѣе, что и написано оно было для тверскаго владыки. Оно указываетъ также на сближеніе Твери съ Новгородомъ въ духовной сферѣ.

Заѣзжіе болгары и сербы съ конца XIV в. также могли быть посредниками въ перенесеніи къ намъ литературныхъ памятниковъ, не бывшихъ до того въ русскомъ обиходѣ. Митрополитъ Кипріанъ († 1406), болгаринъ по происхожденію, первый познакомилъ русское общество съ тѣмъ образовательнымъ движеніемъ, которое началось въ его время

среди южныхъ славянъ. За нимъ слѣдуютъ: Григорій Цамвлакъ, Пахомій Логоѳетъ. Аникита, Левъ Филологъ и др. Образовательное движеніе началось въ Болгаріи, гдѣ главнымъ двигателемъ выступилъ патріархъ Евѳимій, переходитъ скоро потомъ въ Сербію и находитъ пріютъ на Аѳонѣ. Особенно знаменитая въ то время обитель на Аѳонѣ Хиландарская была посредствующимъ пунктомъ, черезъ который происходила связь древней русской письменности съ южно-славянскою. Притомъ уровень южно-славянскаго образованія былъ выше того, на какомъ стояли тогда русскіе книжники. (Исторія Русской Литературы А. Н. Пыпина, СПБ. 1898, II с 11). Наконецъ, тверскіе князья, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Михаила Александровича, отправляли сами отъ себя посланцевъ прямо къ патріарху въ Константинополь съ милостыней для церкви св. Софіи, слѣдовательно, могли и сами получать свѣдѣнія объ Аѳонѣ безъ посредниковъ.—Вотъ новые факты, доказывающіе, что вообще духовная жизнь Твери въ эпоху самостоятельнаго Тверскаго княжества была болѣе развита, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, если только обратимъ вниманіе въ приведенныхъ примѣрахъ на разнообразные затрогиваемые жизнью интересы.

Мы далеко не исчерпали всѣхъ подробностей, относящихся къ разбираемому вопросу. Разработка его содержанія по рукописямъ Тверскаго Музея можетъ дать новый матеріалъ. Укажемъ для того на рукописи Музея (стр. 108, 127, 177, 214 и др. по описанію М. Н. Сперанскаго), въ которыхъ говорится о толковой Палеѣ, о хожденіи Богородицы по мукамъ (стр. 194, 199), о 12 пятницахъ (стр. 169 и 199), о Щиловѣ монастырѣ (стр. 127) и т. п.

III.

Находясь между Новгородомъ и Москвою, въ сосѣдствѣ съ Смоленскимъ княжествомъ, которому принадлежалъ прежде Ржевъ, въ сосѣдствѣ съ Литвою, послѣ того какъ литовскіе князья овладѣли княжествомъ Смоленскимъ (Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ 26 іюня 1404 г. До 1514 г. Смоленскъ былъ въ рукахъ Литвы), Тверь въ развитіи своей культуры могла заимствовать, если не многое, то что нибудь отъ сосѣдей, или сама могла вліять на нихъ; кажется, и вліяла на

Литовское княжество, съ которымъ изъ всѣхъ русскихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ, за исключеніемъ Рязани, одна находилась въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ [1]). Все зависѣло отъ того, на какой ступени развитія, низшей или высшей, находились Тверь и ея сосѣди. Какъ самостоятельное и богатое княжество, Тверское имѣло одно время нѣкоторыя благопріятныя условія для своего культурнаго развитія. Экономическое положеніе Твери въ началѣ существованія Московскаго княжества было лучше послѣдняго. Условія же для культурнаго развитія Твери, за исключеніемъ экономическихъ, вообще мало разнились отъ таковыхъ же условій въ другихъ княжествахъ, кромѣ Новгородскаго. Точкою отправленія для дальнѣйшаго развитія служила, прежде всего, православная вѣра. Принявши рано христіанство, притомъ безъ всякаго сопротивленія, не такъ, какъ видимъ на примѣрахъ въ Ростовѣ, или въ Новгородѣ, получивши церковное устройство и, вѣроятно, школу, а позже епископовъ, Тверь довольно рано могла начать духовное развитіе, владѣя такими могущественными его факторами. Новгородъ по образованности стоялъ выше Твери, онъ существовалъ тогда, когда не было и Твери, онъ имѣлъ школу болѣе устроенную и письменность болѣе широкую, а главное былъ всегда богаче Твери; потому по торговымъ сношеніямъ съ послѣдней онъ могъ вліять на Тверь. Въ то время, когда всѣ сѣверныя княжества были разорены татарами, одинъ Новгородъ остался цѣлымъ и по прежнему богатымъ. Это значило много. Тверь же не только была разорена Батыемъ, но и послѣ не разъ терпѣла отъ нашествія татаръ. Воинственные тверскіе князья, увлекшись слишкомъ рано патріотическими стремленіями, не разъ навлекали бѣды на свое княжество. Исторія политическихъ отношеній Твери къ Новгороду, въ двухъ словахъ, заключалась въ слѣдующемъ: Тверь желала всегда попользоваться на счетъ Новгорода, а послѣдній, сопротивляясь такому стремленію, находилъ себѣ поддержку въ московскихъ князьяхъ,—это и повело къ паденію Твери, а потомъ Москва подчинила себѣ и Новгородъ. Несмотря на почти постоянныя враждебныя отношенія къ Новгороду, Тверь не прекращала съ нимъ

[1]) Мы говоримъ здѣсь только о Литовскомъ княжествѣ. До 1569 г. въ немъ господствуетъ русскій языкъ, русская грамота, православіе, а *Судебникъ* Казиміра, какъ и *Литовскій статутъ* были изданы на русскомъ языкѣ. Тверь вмѣстѣ съ Смоленскомъ были ближайшими сосѣдями Литвы и могли вліять на нее. Послѣ 1569 г. Польша охватила Литву своимъ вліяніемъ и въ умственной и въ нравственной сферахъ. А Смоленскъ, черезъ который въ Русь шли западныя идеи, и самъ могъ вліять на Тверь. Въ настоящемъ нашемъ трудѣ мы говоримъ о другихъ вліяніяхъ, а не о Смоленскомъ, только ограничивши кругъ своего изслѣдованія, а не по какой другой причинѣ.

своихъ торговыхъ, весьма оживленныхъ, сношеній, а вмѣстѣ съ товарами шли сюда и идеи. Если Тверь и сама могла развиваться въ культурномъ отношеніи, стоя на той же ступени образованности, на которой стояли и другія княжества, то по отношенію къ Новгороду ей возможно было обращаться и какъ къ чему-то высшему въ культурѣ. Но въ дѣйствительности было ли такъ? Посмотримъ и на обратную сторону этого положенія. Сама новгородская культура можетъ только относительно считаться выше тверской. Не слѣдуетъ забывать, что Новгородъ всегда занятъ былъ преимущественно торговыми, а не другими интересами, потому нельзя считать его вліяніе на Тверь въ области культуры сильнымъ, оно было только болѣе замѣтно сравнительно съ другими вліяніями.

Первые начатки образованности въ Новгородѣ и въ Твери были почти одни и тѣ же: они были заимствованы и изъ одного и того же источника. Они были перенесены изъ Кіева, матери городовъ русскихъ, и заключались прежде всего въ сокровищѣ православной вѣры. Современныя съ началомъ Твери событія, какъ основаніе Борисоглѣбскаго монастыря въ Торжкѣ, просвѣтительная дѣятельность св. Ефрема и ученика его Аркадія, основаніе Отроча и Старицкаго монастырей [1]) и позднѣйшія событія XIV в., какъ основаніе въ Желтиковѣ монастырѣ храма Успенія св. Арсеніемъ, или редакція Патерика, стоятъ въ прямой связи съ Кіевомъ и его Печерскимъ монастыремъ. Кіевъ былъ первымъ центромъ просвѣщенія всей Руси и потерялъ свое значеніе лишь въ XIII в, во первыхъ, вслѣдствіе измѣненія въ направленіи торговыхъ путей — путь изъ Варягъ въ Греки въ XIII в. уступаетъ первенство другому, по направленію болѣе восточному, не съ устья Днѣпра, а съ устья Дона, изъ древняго Корсуня въ новую Тану, и далѣе по Дону на сѣверъ,—таково было новое направленіе торговли, данное генуэзцами; во вторыхъ, Кіевъ потерпѣлъ отъ разореній во времена княжескихъ усобицъ, отъ нашествій кочевниковъ, и главнымъ образомъ отъ разрушенія его татарами въ 1240 г. и отъ послѣдующихъ татарскихъ погромовъ [2]). Послѣ татарскаго разгрома Кіевъ на долгіе годы почти

---

[1]) Основаніе Отроча монастыря въ Твери обязано какому-нибудь иноку Кіевопечерской обители, имя котораго не сохранила исторія. Во всякомъ случаѣ онъ основанъ ранѣе 1265 г. Старицкій монастырь съ храмомъ въ честь Успенія Божіей Матери основанъ иноками Трифономъ и Никандромъ въ 1110 году, близкими по духу Кіеву (Свѣдѣнія о времени распространенія христіанства въ Тверской епархіи. Тверь, 1895, стр. 12).

[2]) Исторія города Москвы, И. Забѣлина, ч. I, М. 1902 г., стр. 7 и 86.

не существовалъ. Современное положеніе Новгорода было въ то же время совершенно другое: Новгородъ былъ цѣлъ и невредимъ во время нашествія Батыя, оставшись внѣ черты татарскихъ завоеваній, а въ первые годы татарскаго владычества даже не платилъ, какъ платили другіе города, и дани татарамъ. Только въ 1257 г. Александръ Невскій, явившись въ Новгородъ съ татарскими послами, взялъ впервые съ новгородцевъ дань татарскому хану, и позднѣе, въ 1259 г., переписалъ ихъ для исчисленія дани И это сдѣлать ему пришлось не легко. Только въ крайности новгородскіе черные люди согласились платить дань татарамъ, и, какъ это было тяжко, самъ лѣтописецъ съ горестью повѣствуетъ, какъ «почаша ѣздити окаяннїи по улицамъ, пишучи домы христіанскіе». Оставшись цѣлымъ отъ татарскаго погрома, отъ истребленія жителей и пожаровъ, новгородцы легче другихъ русскихъ, испытавшихъ всѣ ужасы татарскаго завоеванія, могли сохранять и развивать свою образованность, чему помогало также и дальнѣйшее развитіе ихъ торговли. Съ 1270 года они заключили свой первый торговый договоръ съ Ганзою, и съ этого времени начались у нихъ сношенія съ Западной Европой, принесшія Новгороду и торговое процвѣтаніе и матеріальное благосостояніе.

IV.

Новгородъ при началѣ существованія Тверскаго княжества, сравнительно съ другими княжествами сѣверо-восточной Руси, находился въ благопріятныхъ условіяхъ не только въ матеріальныхъ, но и въ духовныхъ. Новгородъ получилъ также свою образованность изъ Кіева. На первое время все новгородское духовенство было по составу своему изъ пришельцевъ съ юга. И первый новгородскій епископъ Іоакимъ былъ пришелецъ изъ Корсуня; новгородскіе епископы: Лука Жидята, Никита и Нифонтъ, слѣдующіе за нимъ, были кіевопечерскіе иноки. По дѣламъ церкви новгородскіе владыки, съ 1168 года именуемые уже архіепископами, ѣзжали сами или обращались письменно къ непосредственному своему начальству, къ кіевскому митрополиту. Только послѣ Нифонта, при преемникѣ его Аркадіи, съ 1156 года, новгородская церковь пріобрѣтаетъ большую самостоятельность: владыки избираются теперь не

въ Кіевѣ, а, на вѣчѣ, въ самомъ Новгородѣ, и лишь посвященіе получаютъ отъ кіевскаго митрополита [1]). Въ то же время торговля и культурныя сношенія новгородцевъ съ самой Греціей продолжаются. Они начались, можно думать, еще съ незапамятныхъ временъ. Прежде чѣмъ Несторъ вписалъ въ свою лѣтопись извѣстіе о пути изъ Варягъ въ Греки, прежде чѣмъ этотъ путь связалъ въ торговомъ отношеніи Черное море съ Балтійскимъ, шелъ уже какой-то круговой торговый путь черезъ Россію въ Европу: есть глухое преданіе, что сами аргонавты, возвращаясь съ Кавказа домой, проплыли, будто бы, изъ Чернаго моря въ Балтійское, а оттуда вокругъ всего европейскаго материка въ Средиземное море [2]). Торговыя сношенія Новгорода съ Греціей начались, какъ видно, очень рано, и на пути изъ Варягъ въ Греки, Кіевъ, Смоленскъ и Новгородъ были важнѣйшими торговыми городами, а съ товарами идутъ обыкновенно и идеи. Слѣды культурнаго заимствованія изъ Греціи видны въ Новгородѣ напр. въ томъ, что въ Софійскомъ соборѣ былъ мѣстный образъ Спасителя, принесенный прямо изъ Греціи. По преданію, онъ написанъ былъ самимъ царемъ Эммануиломъ, а по мѣсту своего происхожденія назывался также Корсунской иконой; лѣтописи называютъ его еще золотой и цареградской иконой. Это знаменитый образъ *съ рукою наказующею*, взятый Іоанномъ III, послѣ покоренія Новгорода въ 1478 году, въ Москву, какъ священный трофей, который находится теперь по правую сторону царскихъ вратъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. И другое новгородское преданіе стоитъ въ связи съ сношеніями Новгорода съ самою Греціею. Въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1045 по 1050 г., греческіе художники росписывали стѣны новгородскаго Софійскаго собора. Иконописцы начали писать образъ Спасителя въ куполѣ собора и пишутъ его, какъ обыкновенно, съ благословляющею рукою. Но черезъ ночь написанный ими образъ оказался не съ благословляющею, а съ сжатою рукою. Иконописцы поправили по-своему: черезъ ночь у нарисованнаго Спасителя рука снова была сжата. И еще разъ исправили иконописцы, и еще разъ увидали поутру сжатую руку. Наконецъ, на четвертое утро, иконописцы услышали гласъ: «Писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющею рукою, а со сжатою! Я въ этой рукѣ держу Великій Новгородъ; а когда моя рука разожмется, тогда будетъ граду сему скоп-

---

[1]) Сѣверно-русскія народоправства, Н. И. Костомарова. СПб., 1863 г., II, стр. 263 и 265.

[2]) Исторія города Москвы, И. Забѣлина, М., 1902, ч. I, стр. 8.

чаніе!» [1]). Вліяніе Греціи на Новгородъ выразилось и въ томъ, что богословскіе и діалектическіе споры, какъ въ Греціи, такъ потомъ и въ Новгородѣ, сдѣлались довольно виднымъ признакомъ церковнаго движенія. Множество обрядовъ и аскетическихъ правилъ перешли въ Новгородъ изъ Греціи вмѣстѣ съ книгами отреченными или апокрифическими, правда дошедшими сюда не прямымъ путемъ, а черезъ Болгарію; по невѣжеству ихъ ставили рядомъ съ книгами Св. Писанія и съ переводами св. отецъ. Получила ли такія книги Тверь, и прямо ли изъ Новгорода,—мы не знаемъ, но что она ихъ имѣла,—эти отреченныя книги—это несомнѣнно: многія рукописи Тверскаго Музея о томъ свидѣтельствуютъ [2]). Ереси стригольниковъ и жидовствующихъ занесены были изъ Новгорода даже въ самую Москву.

Вліяніе Новгорода на Тверь было ранѣе московскаго и потому, что Москва еще тогда не существовала, когда въ Новгородѣ развилась своя письменность. Лука Жидята былъ поставленъ новгородскимъ епископомъ въ 1036 году, а онъ оставилъ глубокую память о себѣ, написавши свое «Поученіе къ братіи»,—одинъ изъ первыхъ опытовъ литературной дѣятельности на Руси вообще. Ярославъ Мудрый основалъ въ Новгородѣ училища, въ которыхъ было до 300 учениковъ; писцы новгородскіе изъ бывшихъ въ училищахъ учениковъ занимались переписываніемъ богослужебныхъ и другихъ книгъ. До настоящаго времени сохраняется драгоцѣнный списокъ Евангелія, написанный крупнымъ уставомъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 г., хранящійся въ С.-Петербургѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ. При новгородскомъ Софійскомъ соборѣ было устроено, по желанію Ярослава Мудраго, книгохранилище, и въ немъ были не однѣ церковныя книги: около 1200 года, стяжаніемъ архіепископа Климента пріобрѣтенъ былъ напр. списокъ Русской Правды. А главное, и въ слѣдующіе вѣка, Новгородъ, въ сравненіи съ сѣверо-восточною Русью, не говоря уже о Москвѣ, которая въ началѣ была ничтожнымъ городомъ, является вообще болѣе культурнымъ мѣстомъ на Руси. Гдѣ напр. на Руси было тогда столько училищъ, какъ въ

---

[1]) Сѣверно-русскія народоправства П. И. Костомарова, СПб., 1863 г., II, стр. 402.

[2]) Описаніе рукописей Тверского Музея М. Н. Сперанскаго, М. 1891, стр. 194, 127, 92. Позволяемъ себѣ, однако, сдѣлать предположеніе, что большая часть апокрифовъ попала въ Тверь изъ Новгорода. Самая богатая апокрифами библіотека—Соловецкая,—нынѣ принадлежащая Казанской Духовной Академіи, пополнялась ими изъ Новгорода, гдѣ жилъ священно-инокъ соловецкій Досиѳей, скупавшій ихъ (Исторія русск. лит. А. Н. Пыпина, т. I, 1898, стр. 339).

Новгородѣ? Училища были не въ одномъ Новгородѣ, но и по селамъ. Это видно напр. изъ житія Антонія Сійскаго, который учился въ сельской школѣ въ Новгородской области. Мало того, въ Новгородѣ образованность была и въ это отдаленное время настолько уже развита, что были здѣсь не только переписчики церковныхъ богослужебныхъ книгъ и свои начетчики, но и такъ называемые *философы*, т. е. люди, занимавшіеся не только чтеніемъ св. писанія и церковныхъ книгъ, но и вступавшіе по поводу прочитаннаго въ словопренія и благочестивые разговоры [1]).

Слѣдовательно, по всей вѣроятности, были сношенія Твери съ Новгородомъ и въ духовной сферѣ, и возможно будетъ предположить, что и разнаго рода книги шли въ Тверь изъ Новгорода [2]). Но мы имѣемъ еще положительный фактъ, свидѣтельствующій объ этихъ отношеніяхъ. Я разумѣю здѣсь посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳеодору (О земномъ раѣ). Это было въ XIV вѣкѣ: архіепископъ Василій возведенъ въ этотъ санъ въ 1330 г. и умеръ въ 1352 г. Изъ посланія извѣстно, что тверитяне думали, будто рай на землѣ не сохранился болѣе, а новгородскій архіепископъ различными доводами старался увѣрить ихъ, что на Востокѣ, какъ онъ знаетъ, сохранился еще рай, равно какъ на Западѣ—адъ. Здѣсь, на Западѣ «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненная Моргъ». А рай видѣли и сами новгородцы! [3]).

V.

Какъ высока была образованность въ Новгородѣ?—Отвѣтъ на заданный вопросъ можетъ служить и показателемъ степени вліянія Нов-

[1]) Сѣверно-русскія народоправства Н. И. Костомарова, СПб., 1863, II, стр. 400.

[2]) Въ Новгородѣ книги продавались дешевле, чѣмъ въ юго-западной Руси и въ Москву, въ XVI и XVII в., книги вывозились изъ Новгорода. Труды IV Археологическаго съѣзда. Казань, 1887, т. I, стр. XXXIX.

[3]) Посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ епископу тверскому Ѳеодору напечатано въ VI томѣ Собранія лѣтописей (стр. 87—89, подъ 1347 г.). Оно служитъ доказательствомъ, что въ Новгородѣ, въ половинѣ XIV в., читались книги апокрифическаго содержанія. Такое же сказаніе о раѣ находится и въ одной нѣмецкой легендѣ, указанной г. Веселовскимъ.

города на Тверь. Нельзя думать, что образованность Новгорода вообще была бы очень высока,—это мы покажемъ ниже на анализѣ нѣкоторыхъ письменныхъ и устныхъ новгородскихъ памятниковъ, но нельзя и отрицать, что она была выше тверской. При такомъ только условіи возможно говорить о заимствованіи со стороны Твери. Въ то время, когда Москва не заняла еще своего новаго мѣста въ русской образованности и культурѣ, Новгородъ и Тверь занимали уже здѣсь опредѣленное мѣсто [1]). Новгородскія сказанія о Садкѣ, о Щилѣ, о боярынѣ Ставрѣ, о Василіи Буслаевичѣ, и тверскія—объ убіеніи благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго отъ Узбека,—болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ сказанія московскія. Новгородская и тверская лѣтописи явились также раньше московской.

Говорятъ, что новгородскія былины по достоинству ниже кіевскихъ. Онѣ рисуютъ намъ одни-де новгородскіе типы, ограничиваясь тѣмъ, что близко и понятно каждому новгородцу изъ обыденной дѣйствительности, проходившей передъ его глазами, только изъ этой дѣйствительности почерпая свои идеалы. Кіевскія же былины, напротивъ, представляютъ намъ типы богатырей, стекавшихся въ Кіевъ чуть не со всѣхъ концовъ извѣстнаго тогда бѣлаго свѣта. Съ этимъ слѣдуетъ согласиться, но мы и не ставимъ новгородскую культуру выше кіевской, мы не предпочитаемъ Новгородъ Кіеву.

Новгородскія лѣтописи ставятъ обыкновенно также ниже кіевской лѣтописи. Но не во всемъ можно согласиться въ этомъ опредѣленіи. Лѣтописи новгородскія, говорятъ, исключительно занимаются описаніемъ однихъ только новгородскихъ событій, кіевская же лѣтопись, напротивъ, описываетъ событія всего русскаго міра.

И это будетъ далеко не такъ. И въ новгородскія лѣтописи мѣстами включены событія, относящіяся не къ одному Новгороду. Въ четвертой напр. новгородской лѣтописи даже много такихъ извѣстій, взятыхъ изъ суздальской и тверской лѣтописей. Нашествіе Димитрія московскаго на Тверь въ 1375 году, подробная повѣсть о побоищѣ Мамаевомъ въ 1380 году, слово о житіи Димитрія Донского и о преставленіи Михаила Александровича тверского, занесенныя въ новгородскую лѣтопись,

[1]) Москва, говоритъ Буслаевъ, не только въ XIV, но даже въ XV в., въ отношеніи литературномъ, стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII в. Того же мнѣнія держится и проф. Ключевскій. 70—80 лѣтъ спустя послѣ смерти святителя митрополита Алексія (т. е. уже во второй половинѣ XV в.) въ Москвѣ не умѣли еще написать, говоритъ онъ, порядочной и вѣрной его біографіи, даже по порученію великаго князя и митрополита съ соборомъ.

—не новгородскія событія. Наконецъ, въ новгородскихъ лѣтописяхъ впервые занесено извѣстіе, не встрѣчающееся, кромѣ тверской, въ другихъ лѣтописяхъ,—о паденіи Царьграда. Въ тверскую же оно попало изъ новгородской 1-й лѣтописи. (Ж. М. Н. П. 1897 г., октябрь: «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. А. А. Шахматова», стр. 246).

Имѣлъ ли Новгородъ вліяніе на Тверь въ составленіи лѣтописи? Вездѣ на Руси мѣстныя лѣтописи заимствовали свое содержаніе изъ начальной лѣтописи, изъ пасхальныхъ таблицъ, всего болѣе—изъ мѣстныхъ монастырскихъ и церковныхъ записокъ, изъ синодиковъ или поминаній объ убитыхъ въ сраженіяхъ, изъ памятей о построеніи церквей. Первымъ составителемъ новгородской лѣтописи, или, можетъ быть, вѣрнѣе—первымъ переписчикомъ называютъ священника при церкви св. Іакова въ Новгородѣ, по имени Германа Вояту, а кто и когда написалъ тверскую лѣтопись, того мы не знаемъ. Въ Твери не сохранилось ни одного списка мѣстной лѣтописи, и не потому ли, что лѣтопись здѣсь болѣе ранняго происхожденія сравнительно съ московской: чѣмъ древнѣе лѣтопись, тѣмъ списки ея скорѣе могли утратиться; но тѣмъ не менѣе списки были, несомнѣнно. Единственный списокъ Тверской лѣтописи совершенно случайно сохранился въ Ростовѣ. Судьба его такова: въ 1847 году высокопреосвященный Иннокентій Херсонскій пріобрѣлъ списокъ Софійскаго Временника и въ немъ нашелъ Тверскую лѣтопись. Онъ прислалъ этотъ экземпляръ М. П. Погодину, съ которымъ былъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, для его Древлехранилища. Здѣсь списокъ пролежалъ нѣсколько лѣтъ безъ употребленія, а потомъ вмѣстѣ съ Древлехранилищемъ поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Только въ 1851 году П. М. Строевъ взялся за его обработку, но не ранѣе какъ въ 1863 году этотъ драгоцѣнный для насъ, тверитянъ, памятникъ былъ изданъ въ свѣтъ Археографической Комиссіей, подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова въ XV томѣ Собранія русскихъ лѣтописей [1]).—Что же можно сказать о вліяніи Новгорода на Тверь въ дѣлѣ составленія лѣтописей, владѣя единственнымъ уцѣлѣвшимъ спискомъ Тверской лѣтописи? Въ Новгородѣ сохранилось нѣсколько лѣтописей, а въ Твери—одна. Слѣдуетъ ли заключить, что лѣтописное дѣло въ Новгородѣ было шире поставлено? Даже труды надъ составомъ тверской лѣтописи академика А. А. Шахматова не могутъ назваться вполнѣ законченными. Какія же можно сдѣлать теперь заключенія о Тверской лѣтописи?

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсуковъ, 1895, книга IX, стр. 9.

Изъ приведенныхъ выше нашихъ краткихъ замѣтокъ оказывается яснымъ, что вліяніе образованности Новгорода на Тверь могло быть и дѣйствительно было, и началось ранѣе московскаго. Прибавимъ къ сказанному, что оно началось, можетъ быть, еще съ незапамятныхъ временъ, если примемъ во вниманіе, что и въ самомъ тверскомъ говорѣ сохранилось до сихъ поръ *оканіе, цоканіе* и *чаканіе*—главные отличительные признаки новгородскаго нарѣчія. Московское нарѣчіе отличается *аканіемъ* и оно не привилось къ Тверскому краю. На картѣ распредѣленія нарѣчій великорусскаго племени, Тверь и Новгородъ всегда относились къ сѣверно-великорусскому нарѣчію. А такой слѣдъ въ языкѣ могъ установиться лишь въ теченіе многихъ вѣковъ. Затѣмъ новгородское вліяніе должно было коснуться Тверскаго края, особенно послѣ образованія здѣсь самостоятельнаго княжества, уже потому, что Кіевъ и Новгородъ были самыми видными образовательными центрами въ древней Руси; въ нихъ явились раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и первыя русскія училища, и первые русскіе проповѣдники и духовные писатели: въ нихъ началась и лѣтопись и сложился свой собственный кругъ эпическихъ сказаній и пѣсенъ. Для Новгорода важнымъ условіемъ развитія составляло его экономическое положеніе. Торговля его съ Сѣверомъ и Греко-Болгарскимъ Югомъ, благодаря пути изъ Варягъ въ Греки,—до XIII в. единственно важнымъ торговымъ и культурнымъ путемъ,—помогала также его образованности, хотя и видимъ, что Новгородъ не особенно-то заботился объ образованности, поглощаемый всегда болѣе своими матеріальными интересами. Вмѣстѣ съ товарами въ Новгородъ приходили и идеи, рукописи, книги; вмѣстѣ съ заимствованіемъ матеріальныхъ благъ шло само собою заимствованіе и духовныхъ, притомъ какъ съ отдаленнаго латино-германскаго Запада, такъ, можетъ быть, и по Волгѣ еще въ очень раннюю пору,—съ арабскаго Востока [1]) Кто знаетъ навѣрное—изъ южной ли Болгаріи, или съ Востока, прямо отъ арабовъ,—разумѣется въ словесной передачѣ, а не письменно,—попали къ намъ и знаменитые Стефанитъ и Ихнилатъ, изданные въ 1877—1878 г. Булгаковымъ по рукописи кн. Вяземскаго, а въ 1881 г. Викторовымъ? Какимъ путемъ совершился переходъ къ намъ такихъ книгъ изъ замѣчательнаго сборника

[1]) Торговля съ арабами и хозарами началась у Руси по Волгѣ еще въ VIII в., наиболѣе оживленныя торговыя сношенія между Русью и азіатскимъ востокомъ были въ IX—X в.в. Но уже въ XI в., съ паденіемъ хозарскаго царства и торжествомъ половцевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, торговля съ арабами слабѣетъ.

арабскихъ басенъ Бидпая или Бильпая? А отреченныя книги какимъ путемъ проникли въ Новгородъ? Калила и Димна, или другія ея названія: Паньчатантра, Басни Бидпая, Стефанитъ и Ихнилатъ,—это такія книги, которыя, за исключеніемъ одной Библіи, во всѣ вѣка у всевозможныхъ народовъ пользовались самою громадною популярностью. Стефанита и Ихнилата нѣтъ въ библіотекѣ рукописей Тверскаго Музея, но одинъ отрывокъ сказокъ изъ «Тысячи и одной ночи» («Слово о премудромъ Акирѣ), или Басенъ Бильпая имѣется и здѣсь (Описаніе рукописей Тверскаго Музея, М. Н. Сперанскаго, М. 1891 г. 116).

Первое мѣсто по вопросу о распространеніи образованія въ древней Руси принадлежитъ, разумѣется, Кіеву. Новгородъ же не только политическаго, но и литературнаго первенства въ древней Руси никогда не имѣлъ. А Тверь, въ эпоху независимости своего княжества, совпадающаго съ концомъ самостоятельности Кіева, могла воспользоваться для развитія своихъ культурныхъ зачатковъ ближе всего отъ Новгорода [1]). Очень жаль, что этотъ вопросъ остается въ Тверской Ученой Архивной Комиссіи вовсе не разработаннымъ.

VI.

Все, что мы знаемъ объ исторіи Твери и объ ея культурѣ, знаемъ болѣе по московской редакціи. Оцѣнка московскаго вліянія на культуру и образованность Твери, такимъ образомъ, можетъ быть и односторонней. Вліяніе это началось въ концѣ самостоятельнаго существованія Тверскаго княжества, а окончательно сложилось позднѣе, лишь въ XVI и въ слѣдующихъ вѣкахъ. Въ общемъ оно началось въ религіозной сферѣ; его начала стоятъ въ связи съ монастыремъ. Монастырь въ то время имѣлъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, не только религіозное, общественное, но и политическое значеніе; въ немъ собирались знающіе и

---

[1]) Особенно воспользовалась Тверь въ области апокрифической литературы. Позволяю себѣ обратить вниманіе читателей на двѣ иконы въ Тверскомъ соборѣ: Воскресеніе Христово и Тихвинской Божіей Матери, которыя я считаю иконами новгородскаго происхожденія. Первую икону въ этомъ происхожденіи объяснятъ намъ «Слово въ великую пятницу Евсевія Александрійскаго» (находящееся и въ рукописи Тверского Музея, описанное г. Сперанскимъ на стр. 45 и 259 его книги о Музеѣ). Вторая икона могла появиться только въ XVI в. и стоитъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о явленіи ея въ новгородской области и потомъ въ Тихвинѣ.

испытанные старцы, онъ былъ въ извѣстной степени и центромъ учености, и учительства,—однимъ словомъ, своего рода культурною школою. И образованность, и культура его, вышедшія изъ-за монастырской ограды, далеко простирались за предѣлы религіозной жизни и дѣлали также свое дѣло и въ политическомъ смыслѣ. Укрѣпленіе русскаго государства, исполненіе завѣта, даннаго русской церковной іерархіи еще митрополитомъ Петромъ, по преданію, пророчески благословившимъ городъ Москву, какъ будущую столицу Русской земли; приложеніе къ этому завѣту могущественныхъ духовныхъ силъ—вотъ что мы видимъ, во первыхъ. Дружественное и добровольное содѣйствіе духовныхъ силъ помогло и сбросить варварское иго, и построить крѣпкое государство, и даже самому обществу—приподнять и укрѣпить свой духъ, чтобы стать въ уровень съ задачей, намѣченной временемъ. Такая образованность и такая культура, въ настоящемъ и лучшемъ смыслѣ слова, повела къ нравственному воспитанію народа, къ его возвеличенію, къ прекращенію того уныніе, которое навѣяно было вѣковымъ порабощеніемъ. Собственный примѣръ въ лицѣ святителей и иноковъ, какимъ былъ, напр., преподобный Сергій, глубокое назидательное впечатлѣніе на мірянъ отъ ихъ святой жизни, чувство нравственной бодрости и духовной крѣпости—созидало тогдашнюю образованность и культуру. Какъ около Кіева въ древности, въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, воспитались Ѳеодосій, Несторъ, Поликарпъ и Серапіонъ, такъ, въ XIV и слѣдующихъ вѣкахъ, около молодой Москвы, особенно въ Троицкомъ монастырѣ,—важнѣйшемъ изъ всѣхъ московскихъ монастырей по своему культурному и общественному значенію,—жили св. Сергій, пр. Никонъ, пр. Савва Сторожевскій, пр. Сильвестръ Обнорскій, пр. Сергій Нуромскій, пр. Авраамій Галичскій, пр. Павелъ Комельскій, пр. Никита Серпуховскій и Боровскій, Меѳодій Песношскій и другіе сподвижники и ученики св. Сергія. Здѣсь же собесѣдниками св. Сергія были: св. Стефанъ, просвѣтитель Перми, пр. Кириллъ Бѣлозерскій, пр. Евѳимій Суздальскій, пр. Діонисій Суздальскій, св. Димитрій Прилуцкій и др. Никогда на Руси не было основано столько монастырей, какъ въ эпоху татарскаго владычества,—замѣтилъ еще Карамзинъ,—а св. Сергій былъ главнымъ разсадникомъ ихъ. Въ первый вѣкъ татарскаго ига, въ сто лѣтъ, съ 1240—1340, возникло не болѣе 30 монастырей въ сѣверной Руси; за то въ слѣдующее столѣтіе, 1340—1440 г., когда Русь начала отдыхать отъ внѣшнихъ бѣдствій и приходить въ себя, основано до 150 новыхъ монастырей. Такимъ образомъ, древне-русское мо-

нашество,—говоритъ проф. Ключевскій,—было точнымъ показателемъ нравственнаго состоянія своего мірскаго общества: стремленіе покидать міръ усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ возвышались нравственныя силы; стремленіе было отреченіемъ отъ міра во имя идеала, а не отреченіемъ во имя враждебныхъ началъ въ мірѣ. До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникли въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого же времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникшіе влади отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустыни, ждавшей топора и сохи. Культура, исходившая изъ такихъ монастырей, сказалась въ борьбѣ съ неудобствами внѣшней природы прежде всего. Такія колоніи Сергіевой обители появились и въ Тверскомъ краѣ.

Тверское княжество получило культурное вліяніе Москвы прежде всего отъ основанныхъ въ то время въ немъ монастырей. Число ихъ въ разное время доходило здѣсь до 32. Столько ихъ было ко времени монастырскихъ штатовъ въ 1764 г. и столько же было, если не больше, упразднено ранѣе 1764 г.

Что именно въ *Тверскомъ краѣ*, какъ и въ цѣлой сѣверной Руси, основывались монастыри по типу монастыря св. Сергія,—это признаетъ такой знатокъ исторіи русской церкви, какъ проф. Голубинскій. Только Новгородская и Псковская области составляютъ какъ бы исключеніе. Прежде чѣмъ строить монастырь въ пустынѣ, пр. Сергій и его ученики подвизались нѣкоторое время уединенными пустынниками, а монастыри, ими основанные, были всегда общежительными.

Къ сожалѣнію, исторія тверскихъ монастырей почти не разработана, и главный дѣятель на этомъ поприщѣ, нашъ незабвенный и еще мало оцѣненный сочленъ А. А. Митропольскій, отъ котораго можно было ожидать многаго, скончался. Мы ограничиваемся, потому, однѣми краткими замѣтками объ этой исторіи.

Св. епископъ Арсеній, прибывшій на тверскую каѳедру изъ Москвы, въ 1391 году, хиротонисанный московскимъ митрополитомъ Кипріаномъ,—при посвященіи его присутствовалъ также св. Стефанъ Пермскій,—основываетъ, въ 1394 году, Желтиковъ монастырь близъ Твери, а главное, содѣйствуетъ основанію другихъ монастырей, по типу московскихъ.

Таковы были напр : Срѣтенская пустынь, или Саввинскій монастырь, и Савватьевская пустынь на р. Оршѣ, близъ впаденія въ Волгу. Внихъ подвизались Савва Бороздинъ и братъ его Варсонофій, и Савватій, подвиж-

никъ тверской и оршинскій. Савва Бороздинъ, ученикъ св. Сергія [1]), извѣстенъ болѣе подъ именемъ Саввы Вишерскаго, по основанному имъ, въ 1417 или 1418 г.г, Вишерскому монастырю. Изъ собесѣдниковъ Савватія, основавшихъ впослѣдствіи тоже тверскіе монастыри, извѣстны: преп. Нектарій тверской, основаватель Нектаріевой пустыни; Зосима, основатель Зосимовой пустыни (около Клина); Ксенофонтъ Тутанскій, основатель Тутанскаго монастыря, находившагося на р. Тьмѣ въ Тверской области,—въ 35 верстахъ отъ Твери,—всѣ они приходили къ подвижнику Савватію за руководствомъ и за наставленіями, всѣ они слушали его, поучались и получали его благословеніе на свои новые подвиги. Основаніе монастырей въ духѣ любителей уединенной подвижнической жизни было слѣдствіемъ вліянія преп. Сергія. Хотя многое измѣнилось потомъ въ этомъ направленіи, и въ самыхъ московскихъ монастыряхъ не удержался долго этотъ характеръ аскетизма, тѣмъ не менѣе явилось нѣсколько такихъ монастырей въ Тверскомъ княжествѣ. Мы не знаемъ мѣстныя воззрѣнія на монастырскую жизнь,—были ли здѣсь послѣднія такія же, какъ въ Москвѣ, но должны предположить нѣкоторую разницу, принявши во вниманіе, напр., тотъ фактъ, что преданія Іосифова Волоколамскаго монастыря, въ лицѣ праведнаго Акакія, бывшаго епископомъ тверскимъ съ 1522 по 1567 г., не привились къ Твери. Праведный Акакій, подъ вліяніемъ мѣстныхъ взглядовъ, не остался, какъ кажется, вѣренъ во всемъ, чему учили его, какъ послушника Іосифова монастыря, иначе онъ долженъ было бы относиться къ Максиму Греку, присланному подъ его надзоръ въ Отрочь монастырь въ Тверь, сурово и грознѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ относился, т. е. кротко и милостиво.

Религіозный элементъ, которымъ характеризуется первый ясный слѣдъ московскаго вліянія на Тверь, стоитъ въ тѣсной связи съ политическимъ элементомъ. Онъ велъ прямо къ торжеству послѣдняго. Первенство Москвы въ политическомъ отношеніи положили, разумѣется, братья Даниловичи и ихъ потомки, но имъ помогали въ этомъ дѣлѣ и митрополиты св. Петръ, и особенно св. Алексѣй; первенство это под-

---

[1]) Какъ мало разработана исторія тверскихъ монастырей, можно судить по слѣдующему факту. Одни считаютъ пр. Савву и Ксенофонта Тутанскаго учениками св. Сергія, другіе—нѣтъ. Въ спискѣ учениковъ св. Сергія въ рукописи Академической фундаментальной библіотеки у Троицы (Рукопись № 201 и 332) «Сава иже въ Твери, въ Савинскомъ монастырѣ», причисленъ къ ученикамъ преподобнаго. Также и Ксенофонтъ Тутанскій проф. Горскимъ относится къ ученикамъ пр. Сергія (Описаніе Лавры, изд. арх. Леонидомъ, стр. 51), съ чѣмъ, впрочемъ, не согласенъ Ключевскій.

держивалось условіями географическими, экономическими и преимущественно этнографическими. Тверь была сама противъ этого первенства; по ея мнѣнію, оно должно было принадлежать не младшей московской отрасли Александра Невскаго, а старшей—тверской. Но въ борьбѣ за него, какъ извѣстно, Тверь проиграла. Это зависѣло, во первыхъ, отъ того, что митрополитъ былъ на сторонѣ Москвы. Митрополитъ въ Москвѣ былъ представителемъ *всея Руси*, и гораздо раньше, чѣмъ московскій князь сдѣлался ея политическимъ представителемъ. Онъ былъ по самому своему положенію представителемъ *всей* русской народности, пока вся Русь оставалась единственной восточно-славянской епархіей въ вѣдомствѣ константинопольскаго патріарха. Какой же именно народности? Въ это время сложилась уже ясно великорусская народность, въ центрѣ которой очутилась Москва. Самъ митрополитъ, являясь представителемъ *всея Руси*, перенесъ это положеніе на того князя, возлѣ котораго избиралъ свою резиденцію, а московскій князь, самъ не вѣдая того, являлся тоже представителемъ великорусской народности. Ни Тверь, ни какое другое княжество не сознавали значенія совершавшихся на ихъ глазахъ событій. Оно разъяснено только въ наше время новыми историками. Тверской князь Михаилъ Ярославичъ заручился было содѣйствіемъ митрополита Петра и, въ подраженіе титула митрополита, первый изъ князей сталъ называть себя «великимъ княземъ всея Руси», такъ что московскій соперникъ тверскихъ князей, Иванъ Калита, не вводилъ у себя ничего новаго, а просто копировалъ своихъ враговъ, когда, перетянувъ митрополита Петра на свою сторону, перенялъ и титулъ «великаго князя всея Руси» [1]). И на сторонѣ послѣдняго было то новое и важное условіе, что не Тверь, которая была на границѣ, а Москва дѣйствительно являлась центромъ для великорусскаго племени.

Во вторыхъ, Тверь проиграла свое первенство въ борьбѣ съ Москвою отъ того, что надѣлала много ошибокъ, и еще болѣе—по стеченію неблагопріятныхъ и совершенно неожиданныхъ обстоятельствъ. Къ числу ошибокъ принадлежали, напр.: размолвка тверскаго князя съ митрополитомъ Петромъ, дѣло тверскаго епископа Андрея, до сихъ поръ мало разъясненное нашими историками, Переяславскій соборъ

---

[1]) О принятіи Михаиломъ Ярославичемъ титула в. к. всея Руси см. (Библіографъ 1889, № 1), замѣтку: «Кто былъ первый великій князь всея Руси». Мы не достали въ Твери этой замѣтки и дѣлаемъ на нее ссылку по указанію «Очерковъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова (1901, ч. III, вып. 1, стр. 45).

1211 г., личные счеты на соборѣ тверскаго епископа Андрея съ св. Петромъ, въ которыхъ первый былъ неправъ; въ числѣ случайностей отмѣтимъ: смерть Кончаки съ ея печальными послѣдствіями, несвоевременное,—именно слишкомъ раннее,—возстаніе тверскаго князя противъ татаръ, когда они были еще такъ сильны, и т. п. Но если-бы и не было сдѣлано ошибокъ, если-бы не встрѣтились и такія обстоятельства, какъ неожиданная смерть Кончаки, все равно Тверь не могла бы первенствовать, какъ не могъ бы занять такую руководящую роль въ Русской исторіи самъ Новгородъ, если-бы въ свое время и воспользовался, какъ слѣдуетъ, пораженіемъ Андрея Боголюбскаго, или Липецкой битвой. Такъ говоритъ о промахахъ Новгорода М. П. Погодинъ. Условія современной политической русской жизни вовсе не зависѣли отъ личностей, игравшихъ въ ней видную роль. Жизнь опредѣлялась не ими, а другими, болѣе важными историческими факторами. И Тверь, и Новгородъ, въ силу однихъ отъ нихъ независящихъ обстоятельствъ, если-бы находились и въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ во время своей борьбы съ Москвою, все же должны были-бы въ концѣ концовъ уступить первенство Москвѣ,—и политическое, а потомъ и культурное. Не смотря на то, что Москва была болѣе отсталой по образованности въ татарскій періодъ Русской исторіи, чѣмъ Тверь и Новгородъ, послѣдніе никогда не могли съиграть въ русской исторіи ту роль, какая выпала на ея долю. Центромъ исторіи великорусскаго племени могла сдѣлаться одна только Москва. Именно этнографія опредѣлила и роль Москвы въ Русской исторіи. Быстрый ростъ Московскаго княжества объясняется именно тѣмъ, что одновременно съ Москвой складывалась великорусская народность, для которой необходимой являлась одна только и политическая форма. Москва и дала эту послѣднюю.

VII.

На какой ступени культурнаго развитія находилась Тверь, когда началось московское вліяніе? На этотъ вопросъ нѣтъ у насъ положительнаго отвѣта. Есть, впрочемъ, неясные факты позднѣйшаго времени, которые даютъ намекъ на то, что Тверь стояла высоко. Тѣмъ болѣе важны эти факты, что болѣе раннихъ нѣтъ никакихъ, и что относятся

они уже къ XVI и XVII вѣкамъ; они даютъ нѣкоторую возможность сдѣлать заключеніе и о далекомъ прошломъ. Познакомимся же съ ними. Іоаннъ Грозный, покоривъ Казань, призываетъ, въ 1554 г., для просвѣщенія ея, для новаго завоеванія ея въ культурномъ отношеніи, какъ бы на новый духовный походъ, окончивши военный, игумена Троицкаго Селижарова монастыря тверской епархіи, св. Гурія. Преемникомъ въ этомъ дѣлѣ избирается, по смерти св. Гурія (въ 1564 г.), св. Варсонофій († 1576) и св. Германъ († 1568). Св. Варсонофій былъ сначала домовымъ іеродіакономъ у тверскаго епископа, а потомъ тверскимъ епископомъ; св. Германъ—родомъ изъ Старицы, и впослѣдствіи архимандритъ Богородицкаго монастыря въ Старицѣ же. Первый всероссійскій патріархъ Іовъ былъ тоже изъ Старицы († 1607). Архимандритъ Троице-Сергіева монастыря св. Діонисій Зобниновскій, прославившійся своею патріотическою дѣятельностью послѣ осады этого монастыря поляками, въ послѣдующее смутное время, и какъ сотрудникъ исправленія требника и богослужебныхъ книгъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, былъ раньше тоже монахомъ Старицкаго монастыря († 1633). Разбирая эти факты, свидѣтельствующіе, во всякомъ случаѣ, до нѣкоторой степени о высокомъ культурномъ положеніи Твери въ позднѣйшее время, въ XVI в., признанномъ даже и самой Москвой, которая оцѣнила и сама должнымъ образомъ видныхъ представителей тверскаго духовенства, способныхъ справиться съ возлагаемою на нихъ трудною задачею, стоявшихъ на высотѣ своего призванія, мы должны сказать, что прежде всего слѣдовало бы доказать, что всѣ эти дѣятели обязаны были своимъ развитіемъ преимущественно мѣстнымъ благопріятнымъ для нихъ условіямъ. Этого мы вполнѣ доказать не беремся. Напримѣръ, возникаетъ сомнѣніе въ томъ, какъ скоро узнаемъ, что св. Гурій родился въ Воронежѣ, а потомъ былъ инокомъ въ обители Іосифа Волоколамскаго, и только послѣ того назначенъ былъ игуменомъ Селижарова монастыря; св. Варсонофій былъ сынъ серпуховскаго священника, потомъ игуменомъ Пѣсношской обители, потомъ сотрудникомъ св. Гурія и основателемъ въ Казани Преображенскаго монастыря, и только въ 1567 г. былъ назначенъ епископомъ въ Тверь. Онъ пробылъ на этомъ мѣстѣ до 1571 г. Чувствуя себя не въ силахъ управлять епархіей, онъ просилъ позволенія удалиться въ Казань на покой въ основанный имъ здѣсь Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался, въ 1576 г. Такія подробности, какъ приведенныя нами выше о двухъ названныхъ дѣятеляхъ, значительно уже

ослабляютъ заключеніе о высокомъ культурномъ значеніи Твери въ XVI в. Затѣмъ, принимая даже указанные факты безъ всякихъ оговорокъ, можно также заключить изъ нихъ и совершенно другое, что Тверь, послѣ своего присоединенія къ Москвѣ въ 1485 г., болѣе выиграла въ культурномъ отношеніи, воспользовавшись вліяніемъ Москвы.

Отвѣтъ на предложенный выше вопросъ, на какой ступени культурнаго развитія находилась Тверь въ эпоху присоединенія ея къ Москвѣ, въ настоящее время можетъ быть данъ только гадательный, если не сказать проще: отвѣта пока не найдено [1]). Кажется, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Тверь и возвышалась надъ Москвой, въ другихъ—нѣтъ.

Можно думать и такъ, что культура и образованность Новгорода, Твери и Москвы въ XV в. мало чѣмъ различались. Разбирая наприм. записки новгородскихъ, тверскихъ и московскихъ путешественниковъ XV в., мы не можемъ никакъ отдать преимущество первымъ двумъ передъ московскими: всѣ онѣ стояли, кажется намъ, на одной и той же ступени развитія.

Приведемъ въ поясненіе нашихъ словъ самыя общеизвѣстныя характеристическія подробности объ этихъ путешественникахъ. Стефанъ новгородецъ наприм., путешественникъ XV в, разсказываетъ такъ о колодцѣ въ алтарѣ Софійскаго храма въ Цареградѣ: колодецъ имѣетъ сообщеніе съ Іорданомъ, въ немъ стражи царскіе однажды нашли русскіе сапоги. Греки не знали, откуда взялись эти сапоги, но русскіе объяснили, что обронили ихъ наши же паломники, купаясь въ Іорданѣ. Другой путешественникъ, Аѳанасій Никитинъ, Тверской купецъ, отправившійся въ 1468 г. искать счастья въ Индіи, прожившій въ ней до четырехъ лѣтъ, такъ описываетъ индусовъ: «А князь ихъ—фата на головѣ, а другая на задъ; слуги княжіе и боярскіе—тоже сзаду обтянуты фатою, да щитъ, да мечъ въ рукахъ, а иные съ копьями, или съ саблями, или съ ножами, а иные съ луками и стрѣлами; а всѣ наги, да босы, а волосъ не бреютъ». «Будда ихъ,—по замѣчанію Никитина,—вырѣзанъ изъ чернаго камня, весьма великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко и простеръ ее какъ

[1]) Ранѣе того времени, Тверь была по образованію выше Москвы. Но Москва, вытѣсняя прежнюю старину русской жизни и открывая въ политическомъ смыслѣ новый порядокъ вещей, догнала Тверь и въ культурномъ отношеніи. Она сумѣла связать себя и легендарной генеологіей, черезъ Владиміръ и Суздаль, съ Кіевомъ. Что Москва въ началѣ въ культурномъ отношеніи стояла ниже Твери, это доказывается тѣмъ, что Москва не доросла еще до сознанія жертвовать своими практическими интересами въ пользу нравственныхъ убѣжденій.

Юстиніанъ, царь цареградскій, а въ лѣвой у него копье; на немъ нѣтъ ничего, лишь задъ у него обвязанъ ширинкою, а видѣнье обезъянино».

Все это вполнѣ такой же цѣнности, нисколько ни лучше—ни хуже того, что сообщаетъ намъ и московскій путешественникъ Симеонъ Суздальскій, сопровождавшій въ Италію на Флорентійскій соборъ митрополита Исидора, въ 1439 г. Симонъ Суздальскій подмѣчаетъ тоже одно внѣшнее, дивится какой-нибудь большой каменной палатѣ, или какимъ-нибудь необычайнымъ фонтанамъ, «этимъ мѣднымъ столбамъ съ придѣланными къ нимъ мѣдными же людьми,—какъ изъ тѣхъ людей истекаютъ воды сладки и студены, у иного изъ устъ, у иного изъ уха, а у иного изъ ока, а у иного изъ локтя, а у иного изъ ноздрія».

Приведемъ сравненіе далѣе въ отдѣлѣ лѣтописей. Въ отдѣлѣ лѣтописей московскія стоятъ ниже тверскихъ и новгородскихъ. Послѣднія относятся къ Москвѣ съ перасположеніемъ: и Новгородъ и Тверь не любятъ Москвы. Эта нелюбовь высказывается въ жалобахъ на разныя притѣсненія со стороны Москвы. Въ свою очередь и Москва недружелюбно тоже смотритъ въ своихъ лѣтописяхъ на Новгородъ и на Тверь, называя новгородцевъ и тверитянъ крамольниками, мужиками вѣчниками, даже отступниками отъ вѣры [1]).—Кто тутъ правъ, и кто виноватъ?—Отзывъ Герберштейна, что новгородцы гуманны и честны, а москвичи съ извращенными нравами,—не разрѣшитъ такой вопросъ.

Чѣмъ же особеннымъ еще отличаются московскія лѣтописи? Чѣмъ они перещеголяли и новгородскія и тверскія лѣтописи? Мы можемъ сказать одно—тенденціозностью. Разумѣется, признакъ такой приложимъ не ко всѣмъ московскимъ лѣтописямъ. Тѣ изъ нихъ, которыя составлялись частными лицами, не таковы [2]), но оффиціальныя, дѣйствительно,

---

[1]) Въ Москвѣ не было народной давности, не было преданія, которое поддерживало бы прежній порядокъ вещей; здѣсь всего скорѣе могло бросить корень новое общественное и политическое начало. Потому старыя области и не любили Москвы: они встрѣчали въ ней нѣчто съ ними не вполнѣ однородное, не сочувствовали ея образу дѣйствій, потомъ должны были увидѣть, что она грозитъ ихъ существованію, наконецъ, боялись ея. Мученическая смерть Михаила Тверскаго и сына его Александра возбудила непримиримую ненависть къ Москвѣ и въ Твери, и въ другихъ городахъ.

[2]) Московская неоффиціальная лѣтопись сохранилась въ такъ называемой Симеоновской лѣтописи (1390) и въ извлеченіяхъ у Карамзина изъ такъ названной имъ Троицкой лѣтописи, сгорѣвшей въ 1812 году. Послѣдняя представляетъ литературную обработку княжеской лѣтописи, сдѣланную въ 1409 году. Академикъ А. А. Шахматовъ предполагаетъ существованіе общерусскихъ митрополичьихъ московскихъ сводовъ, смѣнявшихъ другъ друга и завершившихся составленіемъ полихрона въ 1423 г. Но имъ предшествовали лѣтописные своды новгородскіе и тверскіе. Авторы Владимірскаго полихрона принадлежали къ московскому митрополичьему двору и вышли изъ литературной школы митрополита Кипріана. Онъ пользовался тверской и львовской лѣтописями. Мы говорили въ текстѣ только о содержаніи позднѣйшихъ

проводятъ очень замѣтно одну и ту же тенденцію—желаніе возвысить и оправдать власть московскаго государя во что бы то ни стало. Особенно ясно можно видѣть это въ Царственной книгѣ, относящейся ко временамъ Іоанна Грознаго. Въ другомъ московскомъ лѣтописномъ сборникѣ того же времени, въ Степенной книгѣ, еще болѣе такихъ тенденціозныхъ вымысловъ и прикрасъ, придуманныхъ книжниками, этихъ разнаго рода сказаній, переданныхъ здѣсь выспренней и разукрашенной рѣчью, и съ единственной цѣлью—возвеличить Москву. Простой, незатѣйливой рѣчи первыхъ нашихъ лѣтописцевъ, даже новгородскихъ и тверскихъ, здѣсь нѣтъ. Степенная книга всѣхъ князей русскихъ, начиная съ самого Рюрика, называетъ самодержцами, восхваляя ихъ благочестіе и любовь къ духовенству, ихъ могущество и силу. Младшему сыну Александра Невскаго Даніилу, отъ котораго пошли московскіе князья, по Степенной книгѣ, поручено было «богоснабдимое державство преименитаго града Москвы»; но сыну Калитѣ митрополитъ Петръ уже пророчествуетъ о будущей силѣ; при «достохвальномъ» великомъ князѣ Димитріи «солнце налилось кровью, возвѣщая погибель поганыхъ Агарянъ»; Иванъ Васильевичъ III «побѣдилъ всѣхъ супостатовъ и никѣмъ не былъ побѣжденъ, разорилъ всякое нечестіе, истребилъ всякую ересь, уничтожилъ многоначаліе и самовластіе». Также восхваляетъ Степенная книга и сына Ивана III Василія, и самого Іоанна Грознаго, даже рожденіе ихъ представлено въ ней и чудеснымъ, и богоявленнымъ [1]).

московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XV и XVI в.в., потому что они, выдѣляясь изъ ряда мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей, заключаютъ въ себѣ уже общерусскій характеръ московскихъ сводовъ, объясняемый и политическимъ ростомъ Москвы, и ея объединительнымъ государственнымъ дѣломъ. Эти позднѣйшіе своды XV и XVI в. появились уже тогда, когда Москва пріобрѣла общерусское политическое значеніе, а ранніе своды XIII и XIV в. характеризуютъ ее еще, какъ соперницу въ перемѣнѣ счастія съ Тверью, Нижнимъ и Рязанью. Въ позднѣйшихъ именно сводахъ московское лѣтописаніе пріобрѣтаетъ свой особенный характеръ отъ сопоставленія его съ идеями и интересами современной эпохи.

[1]) Изъ всѣхъ обширныхъ лѣтописныхъ московскихъ сводовъ—Софійскій Временникъ, Царственная книга, Патріаршая лѣтопись, особенной полнотой и обобщеніями, сравнительно съ другими, отличается Степенная книга. Въ ней историческому изложенію придана оффиціальность, пышность стиля приказовъ и книжническая реторика. Другіе московскіе своды представляютъ иной интересъ, менѣе характерный для Москвы: составители ихъ пользовались такими старыми лѣтописями, которыя не сохранились до нашего времени.

VIII.

Мы будемъ говорить о культурномъ вліяніи Москвы на Тверь и о томъ, какъ оно выразилось во всемъ строѣ жизни послѣдней. Легче опредѣлить внѣшнее, матеріальное, культурное вліяніе, если оно было. Напр. новгородское такое вліяніе выражалось въ постройкахъ. Оно видимо даже простымъ глазомъ.—Что это такое?—Ряды закругленныхъ арочекъ, въ видѣ «закомаръ» или «кокошниковъ», окружающихъ шейку купола у церквей, рѣзьба по дереву разныхъ украшеній на иконостасахъ, у оконъ въ избахъ,—все это сохранилось во всѣхъ старинныхъ деревянныхъ тверскихъ церквахъ и другихъ постройкахъ, и такой новгородскій стиль проникалъ даже и въ Москву, гдѣ памятникомъ его считаютъ Благовѣщенскій соборъ въ Кремлѣ, построенный псковскими мастерами. Но внутренняя, духовная сторона культурнаго вліянія, наприм. Москвы на Тверь, о которой мы теперь говоримъ, не легко поддается опредѣленію, потому что обыкновенно мы сливаемъ понятія культура и образованіе, или рядомъ съ такими отвлеченными понятіями, какъ внутренняя культура, ставимъ такое реальное, какъ государство. А государство развѣ не есть тоже факторъ культуры? Потому мы и говоримъ, что та или другая сторона внутренней культуры повела къ измѣненію государственнаго строя жизни, и наоборотъ: государство выразилось въ той или другой культурной формѣ. Гдѣ здѣсь граница? По тому же, особенно при отсутствіи разработки самыхъ вопросовъ, очень возможно, что мы не съумѣемъ вовсе передать, въ чемъ же главнымъ образомъ мы видѣли культурное вліяніе Москвы на Тверь и на всю Россію. Попытаемся, однако, это сдѣлать.—Что такое московское вліяніе? Что такое московская культура? Московскій духъ?—Вотъ что, по нашему разумѣнію. Культура Москвы положила, намъ кажется, краеугольный камень всей нашей государственной жизни,—безъ этой культуры, безъ этого духа, не было бы ни единаго русскаго государства, ни единаго русскаго народа. Здѣсь и культура, и государство одно и то же. Такъ крѣпко сложилось и такъ крѣпко централизовалось московское государство и московская культура еще въ XVI столѣтіи, что даже до сихъ поръ нашъ государственный строй сохраняется тотъ же *въ своихъ основныхъ началахъ* и не былъ поколебленъ ни гигантскими дѣяніями Петра, ни всѣми позднѣйшими нашими реформами. И почему такъ?

Потому, что въ московской культурѣ, въ этомъ духѣ, выразился чистѣйшій великороссійскій типъ, съ чистѣйшимъ великороссійскимъ говоромъ, государственный духъ, разсудительность, трудолюбіе, всѣ тѣ качества, которыя дали ей первенствующее положеніе въ исторіи не только русскаго народа, но и всѣхъ славянскихъ народовъ. Что же такое этотъ духъ? Самодержавіе? Культура? Государство? Ни то, ни другое, ни третье. Это—такъ мы понимаемъ—чувство мѣры, практическій разсчетъ, самообладаніе посреди разнородныхъ и противоположныхъ потребностей жизни и стремленій къ ихъ удовлетворенію, трезвость характера народнаго,—этимъ именно и отличается великорусское племя, это и отличаетъ особенно выразителя его—Москву.

Такъ говорятъ сторонники культурнато вліянія Москвы. Выслушаемъ, что же говорятъ его противники?

Во 1-хъ, они ставятъ выше такого московскаго культурнаго вліянія новгородское, съ его свободой и вѣчемъ, съ его полемъ и народоправствомъ. «Москва уничтожила вѣче, говоритъ напр.. гр. А. Толстой въ своихъ письмахъ, вѣчный стыдъ Москвѣ!» И въ другомъ мѣстѣ, въ стихотвореніи «Змѣй Тугаринъ» гр. А. Толстого, пѣвецъ чудовищнаго вида пророчитъ на пиру кіевскому князю Владиміру монгольское иго и царскій періодъ въ Москвѣ, именно то время, когда русскіе, «наглотавшись татарщины всласть, перейматъ татарскіе обычаи, будутъ класть поруху на честь и лицомъ повернутся къ Обдорамъ» [1]).

Новгородъ, говорятъ, страна свободы, поля, вѣча: спросимъ же мы, что же такое новгородская свобода? Исторія отвѣчаетъ, что свобода у новгородцевъ всегда стояла на заднемъ планѣ, уступая первое мѣсто интересамъ торговыхъ домовъ. Вѣче и поле были не въ одномъ Новгородѣ и въ Твери, были и въ Москвѣ, и ихъ уничтожила не Москва, а сама жизнь, какъ уничтожила послѣдняя и новгородскихъ ушкуйниковъ, грабившихъ низовыхъ купцовъ и привыкшихъ «багрить на морѣ кораблики мурмальскіе, да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе». Не Москва выдумала самодержавіе, оно стало складываться ранѣе Москвы, еще въ Суздальскій періодъ нашей исторіи, и раньше татаръ [2]). Исторія

---

[1]) Какимъ образомъ возможно здѣсь говорить о гр. А. Толстомъ, не принадлежавшимъ къ числу ученыхъ? Возможно потому, что онъ въ двухъ—трехъ словахъ передалъ лучше многихъ ученыхъ сущность того, что возбуждаетъ у насъ гнѣвъ противъ Москвы. А наши ученые разсказывали бы то же самое на цѣлыхъ страницахъ и все же не съумѣли передать такъ рельефно эту суть.

[2]) Побѣда Москвы надъ отдѣльными княжествами и, наконецъ, надъ Новгородомъ—была необходимостью объединенія и противъ нея можно сказать одно невыгодное—побѣда была достигнута мрачными средствами (Исторія русск. лит., А. Н. Пыпина, 1898, т. I, 319).

намъ свидѣтельствуетъ также, что въ Москвѣ не было ни «затменія нравственнаго сознанія, ни рѣшительнаго искаженія человѣческаго образа», того, въ чемъ обвиняютъ ее противники. Ибо,—скажемъ мы,—святители Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, святые Сергій, Гермогенъ и другіе «далеко не отдавались всецѣло грубому дѣланію внѣшней исторіи, а возносились духомъ горѣ». Защищать Москву еще не значитъ ей симпатизировать, также не значитъ то и «увѣковѣчивать московскій духъ», или идеализировать московскій періодъ русской исторіи, какъ объявляютъ ея враги.

Вотъ и все, что мы скажемъ сами о московскомъ вліяніи. Объ этомъ уже много сказано было до насъ.

Обращаясь къ исторіи Твери послѣ присоединенія тверскаго княжества къ московскому, сдѣлаемъ еще одно послѣднее заключеніе: въ первое время, когда вводились московскіе порядки и когда произошла перепись по сохѣ, Твери пришлось, видимо, туго, и даже матеріальное ея благосостояніе, кажется, пошатнулось. Немудрено, что между Тверью и Москвой, какъ между Москвой и Новгородомъ, не скоро угасъ и антагонизмъ и долго не сгладились разныя затрудненія въ рѣшеніи спорнаго вопроса. Оказывается, напр., что антагонизмъ высказался—гдѣ же?—въ религіозной сферѣ! Новгородъ и Тверь не признали напр. московскихъ чудотворцевъ, а Москва въ свою очередь—новгородскихъ и тверскихъ.

Въ Новгородѣ напр. не было чествованія преп. Сергія; оно явилось только при Василіи Темномъ, въ послѣдніе дни новгородской свободы. Ростовскіе святые признаны Москвой только въ половинѣ XV в. И это почему? Святые были патронами своей земли. Посмертная дѣятельность святаго—такъ думали—простиралась не на весь русскій народъ, а только на жителей опредѣленнаго края. И такъ велось во всей Руси.

Когда уничтожена была самобытность Новгорода, вновь поставленный новгородскимъ владыкою, московскій протопопъ Спмеонъ, переименованный въ монашествѣ Сергіемъ, завернулъ въ монастырь Сковородку, гдѣ покоились мощи новгородскаго владыки Моисея.—«Вотъ гробъ основателя обители—владыки Моисея»—сказали ему. «Отворите гробъ»,—сказалъ Сергій священнику,—«посмотримъ». «Мы не дерзаемъ»—сказалъ священникъ «открывать мощей святителя: это твое

святительское дѣло»! «Что»? съ гордостью сказалъ Сергій,—«стоитъ ли и смотрѣть этого смердовича»? [1]).

И другой однородный по отношенію къ Твери фактъ: въ дѣлѣ Вассіана Патрикѣева митрополитъ Даніилъ упрекалъ Вассіана за то, что тотъ говорилъ про Макарія Калязинскаго: «что это за чудотворцы? Макаръ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельскій» [3]). И такіе факты встрѣчаются не разъ въ исторіи.

И только на московскомъ соборѣ при Іоаннѣ Грозномъ тверскіе и новгородскіе святые признаны были всероссійскими. Канонизація святыхъ при митрополитѣ Макаріи, на соборѣ 1547 года, ограничилась опредѣленіемъ праздновать 12 святыхъ по всей Россіи и 9—мѣстно, гдѣ они дѣйствовали и покоились, такъ какъ не успѣли еще собрать необходимыя біографическія данныя о другихъ. Въ 1549 г. она продолжалась, и на соборѣ въ этомъ году опредѣлено почитаніе еще 23-хъ новыхъ святыхъ, въ томъ числѣ 6 новгородскихъ, 2 сербскихъ и 3 литовско-русскихъ. (Исторія Русской Литературы А. Н. Пыпина, СПБ. 1898. II. 193). Это и положило конецъ антагонизму между Новгородомъ, Москвою и Тверью въ религіозной сферѣ.

Николай Овсянниковъ.

---

[1]) Сѣверноруссвія народоправства, Н. И. Костомарова, СПб., 1863 г., т. I, стр. 237.

[2]) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей. СПб., 1879, I, стр. 383.

Земельныя владѣнія Нагихъ въ Ярославской, Владимірской и Тверской губерніяхъ и духовная память Ивана Григорьевича Нагова.

Въ Ростовскій музей церковныхъ древностей коммерціи совѣтникомъ И. А. Вахрамѣевымъ было пожертвовано нѣсколько свитковъ и грамотъ XVI и XVII стол., въ числѣ которыхъ оказалась подлинная духовная память Ивана Григорьевича Нагова отъ 26 августа 1598 г. за его своеручной надписью.

Общій интересъ, представляемый даже и отрывочными свѣдѣніями о бывшихъ владѣніяхъ Нагихъ, далъ мнѣ поводъ составить настоящій докладъ въ надеждѣ, что онъ, хотя отчасти, поможетъ «детальной разработкѣ» вопроса, затронутаго гр. С. Д. Шереметевымъ въ его замѣткѣ: «По поводу родословія Нагихъ», помѣщенной въ 1-мъ выпускѣ Извѣстій Русскаго Генеалогическаго Общества.

Самая же духовная память Нагова, составляющая одинъ изъ лучшихъ документовъ XVI вѣка, хранящихся въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей, воспроизводится мной вполнѣ точно.

Угодья Нагихъ находились въ Ярославской губерніи въ Ростовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ сравнительно въ не очень далекомъ разстояніи отъ Благовѣщенскаго погоста, гдѣ была ихъ родовая вотчина. Теперь въ этихъ уѣздахъ только одна деревня «Нагая слобода» сохранила память о прежнихъ владѣльцахъ.

Нагая слобода—деревня Ростовскаго уѣзда, Новоселко-Пеньковской волости, находится на границѣ Владимірской губерніи и близъ Угличскаго уѣзда, въ 35 вер. отъ Ростова. Это названіе деревня получила, какъ значилось въ выписи изъ писцовыхъ книгъ XVI в., находившихся у П. В. Хлѣбникова, отъ выселка, образовавшагося въ концѣ XVI в. изъ вотчины Благовѣщенскаго погоста. Земли Нагихъ въ этой мѣстности располагались главнымъ образомъ около Рославльскаго Городца и Тархова холма (нынѣ отчисленнаго къ Угличскому уѣзду). Большая часть земель Нагихъ въ этомъ участкѣ граничила съ землями кн. Пѣнкова. Нагая слобода и теперь состоитъ въ Рославльскомъ при-

ходѣ. Самый же Рославльскій городокъ, смежный съ Нагой слободой и с. Рославлевымъ, есть довольно большой конусообразный холмъ, около версты въ окружности. Городецъ этотъ на югъ покатъ и отлогъ. Съ юга у подошвы городца остатки бывшаго въ старину пруда, обратившагося нынѣ въ болото, на сѣверо-западѣ заросшее и поросшее ельникомъ озеро, а на сѣверо-востокѣ заросшій довольно большой прудъ. Всѣ эти озерки или пруды, повидимому, составляли искусственную защиту городца. Со всѣхъ сторонъ городецъ покрытъ еловымъ лѣсомъ, большею частію сильно вырубленнымъ. Почва площади городца состоитъ изъ мелкаго песка и глины, тутъ же видны слѣды вырытыхъ въ давнее время ямъ для добыванія матеріала для выдѣлки кирпичей. На западной и сѣверо-восточной сторонахъ по скату холма, близъ его вершины видны еще слѣды пашни, существовавшей въ отдаленныя времена, что служитъ доказательствомъ бывшей когда-то населенности холма. Въ виду этого можно пожалуй считать вѣроятнымъ слухъ въ народѣ, переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе, что на этомъ холмѣ стояла въ древности церковь. Рославльскій городокъ, какъ и Нагая слобода, лежатъ напротивъ Тархова холма.

Тарховъ холмъ находится въ южной окраинѣ Угличскаго уѣзда близъ границъ Переславскаго и Ростовскаго [1]). Тарховымъ холмомъ заканчивается непрерывная гряда холмовъ, идущихъ черезъ Ростовскій и Угличскій уѣзды. Окруженный повсюду горами холмъ рѣзко выдѣляется изъ ихъ среды и высится надъ окрестностями. На полдень за Тарховымъ холмомъ лежитъ котловина къ Переславскому озеру и далѣе къ Сергіевской лаврѣ, отъ которой холмъ виденъ за 90 верстъ. На самой вершинѣ холма до 1610 г. находился Никольскій Тарховъ монастырь, основанный въ XV—XVI в. Монастырь этотъ, какъ и другіе, былъ сожженъ поляками въ 1610 г., а равно также были разорены и селенія, находящіяся около монастыря и принадлежащія Нагимъ и кн. Пѣнковымъ. Послѣ разоренія монастыря это мѣсто и монастырскія угодья, какъ и въ другихъ мѣстахъ, завладѣлись самовольно разными лицами, потомки которыхъ опять-таки жертвовали ихъ уцѣлѣвшимъ обителямъ. Одной изъ такихъ обителей оказался Угличскій Покровскій монастырь. Этотъ монастырь, основанный въ XV вѣкѣ преп. Паисіемъ, хотя также много пострадалъ отъ поляковъ, но, благодаря щедрымъ жертвамъ царей Михаила и Алексѣя, быстро поправился, особенно въ концѣ XVII вѣка, когда патріархомъ Адріаномъ (въ 1691 г.) былъ поставленъ

[1]) Путеводитель къ Яросл. губ. Яр. 1859 г.

архимандритомъ Макарій. Происходя изъ стариннаго богатаго купеческаго рода угличанъ Выжиловыхъ, Макарій много заботился о монастырѣ и имъ было не забыто мѣсто и Тарховской обители, гдѣ онъ основалъ Вознесенскую пустыню съ двумя церквами во имя Вознесенія и св Николая. И послѣ смерти Макарія эта пустынь существовала до 1765 г., о чемъ свидѣтельствуетъ опись Покровскаго монастыря, составленная въ февралѣ 1764 г. по указу о церковныхъ имѣніяхъ. Опись эта хранится въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Въ этой описи значится, что Покровскому монастырю приписана «Вознесенская пустыня», состоящая въ Ростовскомъ уѣздѣ въ Филимоновскомъ стану, разстояніемъ отъ г. Углича въ 50, а отъ Ростова въ 53 верстахъ; построена съ давнихъ лѣтъ бывшимъ въ ономъ монастырѣ архимандритомъ Макаріемъ на крѣпостныхъ онаго монастыря пустошахъ, а въ которомъ подлинно году [1]) и по какому позволенію архимандритъ строилъ, о томъ въ монастырѣ извѣстія не имѣется. При оной пустынѣ въ самомъ ближайшемъ разстояніи подмонастырская слободка стоитъ на суходолѣ; въ ней по послѣдней ревизіи 1744 г. крестьянскихъ 24 души. Точно также и Д. М. Преображенскій, писавшій о Тарховѣ холмѣ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ [2]) на основаніи записей, имѣющихся въ Покровскомъ монастырѣ, говоритъ, что половина пустоши Тархова холма въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ Филимоновскомъ стану пожертвована въ Покровскій монастырь Авдотьею Кузминой Артемьевой, женою Тита Непоставова, съ дѣтьми Иваномъ большимъ и меньшимъ 18 февраля 1697 года. Затѣмъ на одномъ изъ Евангелій есть запись: «1699 г. мая дн далъ сію книгу св. Евангеліе во св. обитель Покрова Пресв. Богородицы въ новоустроенную его пустыню в филимоновскомъ стану Вознесенія и чудотворца Николая, что на Тарховомъ холму, по обѣщанію своему и для вѣчнаго поминовенія родителей своихъ Артемій Константиновъ сынъ Теляшевъ». Эту упраздненную пустынь мѣстное преданіе называетъ Никольскимъ монастыремъ. На площадкѣ холма указываютъ мѣсто, которое занималъ деревянный храмъ и монастырскія кельи. Теперь тутъ стоитъ ветхая деревянная часовня съ образомъ св. Мурликійскаго Николая, а вблизи оной лежатъ двѣ поросшія мхомъ плиты, вытесанныя изъ известняковаго камня длиною въ $1^1/_4$ арш., а шириною въ $^3/_4$ арш. каждая. На одной изъ нихъ вырѣзаны славянскими буквами слова: «Іеромонахъ Мина», а на другой—«Іеромонахъ Амфилохій». То были, по всей вѣ-

[1]) Макарій былъ архимандритомъ съ 1697 по 1727 г.

[2]) № 29. 1869 г.

роятности, такъ называемые посельскіе старцы, принадлежавшіе къ братству Покровскаго монастыря и управлявшіе пустыней въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. На самый верхъ холма входитъ дорога, проведенная по отвѣсу, въ коемъ между прочимъ замѣтны рытвины послѣ бывшихъ, какъ говорятъ, погребовъ. Какъ на остатокъ экономическаго быта бывшей пустыни указываютъ на прудъ, выкопанный при подошвѣ холма съ лѣвой стороны, обсаженный ивою и обильный рыбою, а на отлогостяхъ холма, особенно на скатѣ восточной его стороны, видны воздѣланныя нѣкогда, въ настоящее время почти повсемѣстно поросшія молодымъ лѣсомъ, довольно обширныя поля, принадлежащія монастырю.

По упраздненіи Вознесенской пустыни, св. иконы и вся церковная утварь были перенесены въ церковь с. Новопавловскаго (Ростовскаго уѣзда), въ древнюю деревянную церковь, сгорѣвшую къ сожалѣнію въ 1812 г. до тла отъ молніи. Этимъ же крестьянамъ по упраздненіи пустыни была предоставлена и вся находившаяся тутъ земля, принадлежащая этой обители. При подошвѣ холма на сѣверо-востокъ находится деревня «Тарховъ холмъ», образовавшаяся изъ подмонастырской слободки служилыхъ людей, отбывавшихъ монастырскія работы. Теперь въ надѣлѣ крестьянъ деревни Тархова холма при 20 дворахъ [1]) земли числится 86 десятинъ, часть которыхъ принадлежала Нагимъ; и что замѣчательно, что всѣ почти крестьяне этой деревни (Дмитріанскаго на Кистмѣ прихода) состоятъ между собой въ родствѣ [2]).

Сосѣднія селенія, находящіяся около Тархова холма, принадлежащія Нагимъ, Пѣнковымъ и другимъ владѣльцамъ, были нѣкоторыми изъ нихъ пожертвованы въ Спасо-Ярославскій и Переяславскій Горицкій монастыри и состояли въ ихъ владѣніи до 1764 года. Да и теперь крестьяне этой мѣстности одни зовутъ себя бывшими Спасскими, а другіе Горицкими [3]).

---

[1]) Менѣе чѣмъ было въ 1764 г.

[2]) Въ уцѣлѣвшей описи церковнымъ землямъ въ Ростовскомъ уѣздѣ 1629—1631 г.г., напечатанной мной въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1896 г. т. 177), тутъ же числилась за ростовцемъ за Владиміромъ Максимовымъ, сыномъ Ярцовымъ, пустошь, что было село Тарховъ. Холмъ на прудѣ и въ немъ мѣсто церковное, что былъ храмъ Николы чудотворца, запустѣло изъ древнихъ лѣтъ. Такъ какъ по этой писцовой книгѣ Тархово и с. Зачатье находятся въ Березниковской волости въ бывшемъ Песьемъ стану, то это селеніе совершенно различное отъ Тархова холма, хотя Березниковская волость тоже вблизи границы Угличскаго уѣзда.

[3]) Это подтверждается и вкладной книгой Переславскаго Горицкаго монастыря, которая находится въ собраніи Н. П. Лихачева. Въ ней упоминается родъ Нагихъ, какъ жертвователей этой обители.— «Андреева жена Ѳедоровича Нагова (Ѳеодосія Александровна) и Анна Борисовна Нагова (урожденная Жулебина).

Въ писцовыхъ книгахъ 1562 г. записано: «да Спасъ же Ярославскаго монастыря вотчины села Сигори да с. Рахманова съ деревнями, въ Переславлѣ на посадѣ монастырскій дворъ, [1]) что данъ съ селомъ Сигоремъ да селомъ Рахмановымъ въ домъ Всемилостивому Спасу по князѣ Василіи Ивановичѣ Пѣнковѣ». Въ кормовой книгѣ Ярославскаго Спасскаго монастыря записано: *іюня 19 по Трофимѣ Нагомъ*, а имя его Іюда [2]), калачи, рыба и квасъ сыченъ.

Іюля 30 кормъ кормити по князѣ Иванѣ Васильевичѣ Пѣнковѣ калачи, рыба и квасъ сыченъ.

Деревня Нагая слобода съ угодьями также числилась до 1764 г. за Ярославскимъ Спасскимъ монастыремъ; ее приложилъ на поминъ души Богданъ Михаиловичъ Нагой, [3]) за что и родъ его былъ записанъ въ монастырскій сунодикъ для вѣчнаго поминовенія [4]).

Этотъ монастырскій синодикъ рукопись in folio на 615 л. полууставомъ XVII в. съ дальнѣйшими вставками XVII и XVIII в. ведетъ начало съ 1650 г. Часть его была мной напечатана въ 1895 году. На основаніи этого сунодика и кормовой книги можно добавить родословную кн. Пѣнковыхъ, напечатанную въ русской родословной Лобанова (ч. II, стр. 156). У князя Василія Даниловича (№ 3) были двѣ дочери княгиня Марія и княжна Анна, память о которыхъ иноки Спасской обители творили 22-го мая, кормъ былъ калачи, рыба и квасъ сыченъ. По женѣ кн. Ивана Васильевича (№ 5) княгинѣ Аннѣ, въ иноцѣхъ Александрѣ, за пожертвованныя ею 9 декабря по мужѣ село Рахманово и Сигорь трижды служить въ годъ архимандриту; кормъ калачи, рыба и квасъ медвяный [5]).

Въ недалекомъ разстояніи отъ Тархова холма расположено село Николо-Царевно, тоже окруженное высочайшими въ губерніи холмами. У самаго села на болѣе значительной возвышенности въ древности находился небольшой Георгіевскій монастырь, разрушенный поляками [6]). Народъ и теперь сопровождаетъ воспоминаніе объ этомъ монастырѣ обычными легендами о колокольномъ звонѣ, ночномъ пѣніи священныхъ

---

[1]) Яросл. Епарх. Вѣдом. № 29, 1869 г.

[2]) Трофимъ (Іюда) Ѳедоровичъ сынъ Ѳедора Ѳедоровича, по прозванію Ѳедца.

[3]) † 1633.

[4]) Л. 445.

[5]) Въ сунодикѣ кромѣ Пѣнковыхъ и Нагихъ записано не мало именитыхъ родовъ, щедро жертвовавшихъ на Спасо-Ярославскую обитель. Кромѣ вел. князей и царей упоминаются роды Ростовскихъ и другихъ князей и бояръ, митрополитовъ, архимандритовъ и разныхъ духовныхъ лицъ.

[6]) Путевод. Никольскаго, стр. 341.

пѣсенъ, а на Свѣтлое Воскресенье, Егорьевъ день показываются души многогрѣшныхъ иноковъ въ видѣ блуждающихъ огней. У села съ сѣверной стороны находится «князь прудъ» съ признаками бывшаго тутъ дворца Ростовскихъ удѣльныхъ князей, скрывавшихся здѣсь отъ непріятельскихъ набѣговъ [1]). Но во всѣхъ земельныхъ владѣніяхъ Нагихъ въ этихъ мѣстностяхъ, повидимому, не было какой-либо усадьбы, въ которыхъ проживалъ кто-либо изъ Нагихъ. Ихъ родовая вотчина была, какъ выше сказано, въ Благовѣщенскомъ погостѣ. На Благовѣщенскій погостъ и его древности было обращено вниманіе еще въ 1850 г. П. И. Сахаровымъ въ одномъ изъ засѣданій Русскаго Археологическаго Общества, а затѣмъ впослѣдствіи мѣстными Владимірскими археологами были доставлены нѣкоторыя свѣдѣнія о церкви и кладбищѣ.

Храмъ Благовѣщенскій каменный конца XVI в., но сильно искаженный передѣлками за послѣднее время. Особенно церковь пострадала около 1832 г., когда невѣжественными ревнителями церковнаго благолѣпія были разрушены окна, разбиты перемычки и вообще сдѣланы капитальныя передѣлки. Во время этихъ работъ, по словамъ священника с. Жерехова, о. Ключарева, «оказывалась такая твердость кладки стѣнъ, что скорѣе ломались желѣзныя орудія, чѣмъ пробивались стѣны, связи же между стѣнами оказались дубовыми». Впрочемъ, и кромѣ передѣлокъ древняя архитектура церкви много пострадала еще въ 1797 г., когда былъ къ ней пристроенъ придѣлъ во имя пр. Сергія Радонежскаго.

Иконостасъ въ храмѣ уже новый, но отъ стараго остался крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Распятаго. Снаружи храма съ сѣверной стороны замѣтно по карнизу, что надъ фронтономъ была дверь и ходъ въ склепъ, гдѣ гробы Нагихъ ставились подъ поломъ въ палаткѣ. Церковь была выстроена Нагими, остался и антиминсъ, освященный почти черезъ сто лѣтъ послѣ построенія храма патріархомъ Филаретомъ въ 1632 г. Въ самомъ храмѣ около клироса на правой сторонѣ находятся въ уровень съ поломъ надгробныя плиты съ вырѣзанными въ глубь надписями. На многихъ плитахъ буквы до того сгладились, что прочитать не возможно; уцѣлѣли только на двухъ: а) Лѣта 7047 (1539), мѣсяца апрѣля 10 дня преставился Иванъ Ивановичъ Нагой б) Лѣта 7095 (1586) декабря 2 дня преставися въ Сибири Еѳросинія дѣвица на память пророка Аввакума [2]). Всѣ селенія вокругъ Благо-

[1]) Ibid 341.

[2]) Очевидно, она была въ Сибири вмѣстѣ съ отцомъ, гдѣ и умерла. Иванъ Григор. Нагой, бывши воеводой, строилъ городокъ при р. Лизвѣ, вскорѣ потомъ упраздненный и замѣненный Пелымомъ.

вѣщенскаго погоста Макарово, Кожино, Тимошкино, Каблуково принадлежали Нагимъ. Ихъ же вотчиной было и смежное съ Благовѣщенскимъ село Шимохтино, которое отъ нихъ перешло къ Собакинымъ, а отъ этихъ къ Шаховскимъ и, наконецъ, къ Муратовымъ [1]).

По сообщенію, сдѣланному намъ настоятелемъ сельской Шимохтинской церкви о. Ѳеодоромъ Левкоевымъ, вотчина Нагихъ была въ этихъ мѣстностяхъ совершенно отдѣльно отъ Собакиныхъ. Когда у Нагихъ въ Каблуковѣ (нынѣ деревня Шимохтинскаго прихода) порушился храмъ, то нѣкоторыя вещи были переданы въ Шимохтинскую церковь, какъ напримѣръ серебряное кадило хорошей работы вѣсомъ 1 ф. 48 зол., сохранившееся до сего времени, но большая часть церковныхъ вещей перешла въ церковь Благовѣщенскаго погоста, гдѣ погребены Нагіе. Живописная мѣстность, сообщаетъ мнѣ мой корреспондентъ, которую въ свое время населяли Нагіе, съ богатыми прудами, безмолвствуетъ, и мѣстный народъ дер. Каблуковой не сохранилъ никакихъ преданій о тѣхъ или другихъ дѣяніяхъ г.г. Нагихъ. Время и изнурительная барщина стерли всякую память въ народѣ о быломъ прошломъ, касающемся ихъ края. Каменная церковь села Шимохтина построена въ 1726 г.; она въ два этажа, но къ сожалѣнію первоначальный фасадъ испорченъ прикладками и т. п. перестройками. Документовъ XVII в. въ ризницѣ уже никакихъ не существуетъ.

Село Каблуково, что нынѣ деревня, принадлежащее Нагимъ, было ими пожертвовано вмѣстѣ съ пустошами въ домъ Живоначальныя Троицы по Василіи Ивановичѣ Нагомъ [2]). Въ Лаврской библіотекѣ сохранились записи, что въ 148 (1640) іюня 11 погребенъ въ лаврѣ Кондратъ, прозвищемъ Василій Ивановичъ Нагой, и дала по немъ вкладъ жена вдова Прасковья Ѳедорова сосуды церковные серебряные, рѣзные, лжица и копейцо серебряныя жъ, вѣсомъ четыре фунта безъ четырехъ золотниковъ, да кадило серебряное чеканное ложчато вѣсомъ два фунта двѣнадцать золотниковъ, по цѣнѣ за шестьдесятъ рублей, да ризы атласъ золотной парчи по червчатой землѣ, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, да на прикладъ опричь атласу пятьдесятъ рублевъ. Да по томъ жъ Василіи Ивановичѣ Нагомъ по его при-

---

Въ наказѣ, который былъ посланъ воеводѣ кн. Петру Ивановичу Горчакову для постройки Пелыма, упоминался и воевода Иванъ Григорьевичъ Нагой. Спасскій. Зап. Русск. Арх. Общ. т. IV, стр. 135. Объ этой Евфросиніи Нагой упоминаетъ въ своей духовной памяти.

[1]) Г. Бѣляевъ. Влад. Губ. Вѣд. 1855 г. № 38.

[2]) Владим. Губ. Вѣд. 185[illegible] г., № 44.

казу даны и земельные вклады, что видно изъ тѣхъ же лаврскихъ документовъ: «Лѣта 7148 г. августа 23 день по приказу и по духовной умершаго Кондрата, прозвищемъ Василія Ивановича Нагова, приказчикъ боярин кн. Алексѣй Михайловичъ Львовъ да Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ, да ловчей московскій Иванъ Ѳедоровичъ Леонтьевъ, да Васильева жена Ивановича Нагова вдова Прасковья, да Васильевы дочери Ивановича Анна да Настасья, доложа Государя Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи, дали въ домъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчину въ Юрьевскомъ уѣздѣ Польскова въ Техотнемъ стану село Каблуково да пустошь Пирогова, полпустоши Слотинцово съ пашнею и со крестьянцы со всѣми угодьи и четвертные триста четвертей по душѣ Кондрата прозвища Василія Ивановича Нагова и по братѣ его Алексѣе, по безъ выкупу».

Покойный А. В. Горскій въ своемъ описаніи Троицкой Сергіевой лавры [1]), на основаніи рукописи о новоявленныхъ чудесахъ пр. Сергія гл. 15, писалъ: «Въ 1633 г. вельможа Богданъ Михайловичъ Нагой передъ своею смертью завѣщалъ брату своему Василію и женѣ отдать въ Троицкій монастырь село его Каблуково съ нѣкоторыми другими вотчинами, а дворъ продать и деньги употребить «на расписаніе стѣнъ» въ церквахъ Святой Троицы и пр. Никона. Завѣщаніе не исполнено. Власти монастырскія произвели работу своею казною, издержавъ болѣе 1000 руб.». Вскорѣ случилось, что братъ покойнаго былъ жестоко ушибленъ на пожарѣ; видя близкую смерть, онъ послалъ за келаремъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ, который въ то же время, какъ бы во снѣ, видѣлъ сего Василія на судѣ съ покойнымъ Богданомъ передъ преподобнымъ Сергіемъ. Умирая, Василій отдалъ въ монастырь Каблуково, а за другія, также отказанныя покойнымъ братомъ вотчины, заплатилъ деньги. «Но жена Богданова», пишетъ келарь Симонъ, который свидѣтельствуетъ о семъ происшествіи какъ современникъ, «и донынѣ за церковную подписку не давала въ монастырскую казну», и заключаетъ: «Да не поставитъ имъ Господь Богъ во грѣхъ!».

Въ Троицкой лаврѣ также погребались Нагіе. Уцѣлѣли надписи на двухъ гробницахъ противъ алтаря Троицкаго собора, теперь засыпанныя землей [2]). «Лѣта 7141 (1633) іюля 21 на память пр. от. Семена и Ивана представися рабъ Божій Стефанъ, а прозвище его Богданъ Михайловичъ Нагово, да въ томъ же году августа въ 9 день на

[1]) Описаніе Троиц. Серг. лавры. М. 1843 г., стр. 157.

[2]) Надписи Троиц. Серг. Лавры, собран. архимандр. Леонидомъ. М. 1881 г.

память св. Апостола Матѳея представися рабъ, младенецъ его Семенъ Степановичъ». Кромѣ этихъ двухъ Нагихъ по лаврскому списку половины XVII в. [1]) были погребены Алексѣй Ивановичъ († 1618), Михайло Михайловичъ († 1616), Михаилъ Ивановичъ, въ схимонашествѣ Мисаилъ († 1617), Василій Михайловичъ († 1607), Евлампія Михайловна Нагова—жена кн. Александра Михайловича Львова († 1622), Кирилло Михайловичъ († 1626), Марія Григорьевна—жена Александра Михайловича († 1628), Алексѣй Александровичъ († 1628), Ульяна Ѳедоровна—жена Богдана Михайловича († 1630) [2]).

Духовную память Иванъ Григорьевичъ Нагой, очевидно, составлялъ незадолго до своей кончины, 26 августа 1598 г. въ своей Тверской вотчинѣ въ Перхуровѣ [3]), пришедши со службы изъ Сибири, куда онъ былъ отправленъ въ 1585 году. Здѣсь онъ вспоминаетъ, что при отъѣздѣ въ Сибирь имъ было дано въ ссуду Грязному-Ивашеву 4 лошади и дьяку Сапуну Аврамову рыжаго верхового мерина [4]), при его Аврамовѣ отъѣздѣ въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Годуновымъ «противу литовскихъ пословъ». Объ этомъ далѣе Нагой проситъ имъ напомнить, чтобы они, Сапунъ и Грязной, лошадей отдали его женѣ и дѣтямъ, или бы заплатили ихъ стоимость. Далѣе Нагой пишетъ, что его отецъ Григорій Ивановичъ передъ своей смертію велѣлъ отдать въ Московскій Чудовъ монастырь по Аграфенѣ Андреевнѣ Товарковой жемчужное ожерелье, но такъ какъ онъ этого при жизни не исполнилъ, то проситъ, чтобы эта отцовская воля была бы исполнена послѣ его смерти.

Благословляя сыновей Никифора и Гавріила образами, двумя крестами и двумя перстнями, онъ отказываетъ имъ с. Перхурово съ деревнями и сельцами Семеновскимъ и Богатыревымъ съ пустошами, присовокупляя, что больше де ему наградить ихъ нечѣмъ, ибо что у него было изъ имущества, то все во время царской опалы 1594 г. взято

---

[1]) Описаніе лавры архим. Леонида. М. 1890 г., ч. II, стр. 99.

[2]) Въ этомъ спискѣ пропущены: Александръ Михайловичъ († 1627), Андрей Александровичъ († 1619), Василій-Кондратій-Ивановичъ († 1640), Иванъ Григорьичъ и Григорій Ивановичъ.

[3]) По сообщенію г. И. Виноградова, Захожская волость въ Тверскомъ уѣздѣ существовала въ XVI—XVII в. Въ этой волости находился между прочимъ Оршинъ монастырь. Въ писцовыхъ книгахъ XVI в. (Калачовъ, СПБ. 1877 г.) упоминается въ Захожской волости Воршинскаго монастыря село Семеновское да с. Перхуровское, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ. Изъ этихъ же книгъ видно, что въ Захожской волости Григорій Ивановичъ Нагой имѣлъ сельцо да деревню. Въ Тверскомъ уѣздѣ существуетъ с. Семеновское, въ приходѣ коего находится дер. Перхурово, и по преданію, до литовскаго разоренія въ Перхуровѣ была Никольская церковь, а с. Семеновское принадлежало Оршину монастырю.

[4]) Василій Тихоновичъ Аврамовъ. Н. П. Лихачевъ, разряди. дьяки XVI в.

въ Москвѣ съ Пафнутьевскаго подворья въ царскую казну. Кромѣ этого, пишетъ онъ далѣе, когда онъ въ 1598 г. ѣхалъ съ царской службы изъ Сибири, то въ Казани его вновь постигла царская опала, и тогда кн. Яковъ Борятинскій обобралъ въ казну и остальное имущество.

Впослѣдствіи, хотя царь и велѣлъ посольскому дьяку Василію Щелкалову возвратить это имущество, но ему были возвращены только образа, женино платье и разныя мелкія вещи. Жену свою Анну Нагой благословилъ рѣзной изъ слоновой кости панагіей и завѣщалъ ей тверскую вотчину, состоящую изъ трехъ деревень и двухъ пустошей, а также и возвращенныя царемъ ея платья въ числѣ шести штукъ, двѣ шапки, да еще не бывшій арестованнымъ опашень и пять крѣпостныхъ душъ обоего пола. Сыну Никифору отдалъ тринадцать душъ съ дѣтьми, а второму Гаврилу семь душъ. Своему человѣку Богдану Сидорову за его службу и терпѣніе отказалъ старинную вотчину, пожалованную царемъ Грознымъ его отцу Григорію Ивановичу сельцо Онуфрево. Далѣе Нагой завѣщаетъ, чтобы тѣло его было погребено въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, куда онъ уже далъ вкладомъ свою старинную вотчину въ Юрьевскомъ уѣздѣ село Скоморохово съ деревнями и пустошами, со всѣмъ скотомъ и хлѣбными запасами, три пустоши, сельцо Кожино, деревню Сляднево со всѣми лѣсами и угодьями. При этомъ Нагой проситъ, чтобы его и умершую дочь его Афросинью и всѣхъ родителей поминали и записали въ синодикъ какъ у Благовѣщенія Пречистыя на Киржачѣ, такъ равно и въ Троицкомъ монастырѣ, за что имъ, кромѣ выше указанныхъ пожертвованій, было отдано при жизни архимандриту, келарю и казначею, старцу Варсонофію, и всей братіи 30 руб. для разверстки по чину каждаго. Вѣрному слугѣ своему Богдану Сидорову Нагой поручаетъ жену и дѣтей, чтобы онъ берегъ ихъ до возраста и научилъ бы ихъ грамотѣ. Если же жена его Анна захочетъ выйти замужъ, то онъ ей этого не запрещаетъ, но только больше она ничего не можетъ уже получить кромѣ того, что онъ ей отказалъ. Остальныхъ же всѣхъ своихъ крѣпостныхъ людей, которые у него до его смерти служили, и непоименованныхъ въ этомъ завѣщаніи, онъ приказываетъ отпустить на волю и выдать имъ крѣпости, при чемъ присовокупляетъ, что надѣлить ихъ ему не чѣмъ, такъ какъ что у него было, то все взято государемъ. Отпускаетъ же ихъ съ тѣмъ имуществомъ, какое у нихъ останется послѣ его смерти.

Духовную память писалъ Тверской площадной дьячекъ Кондрашко Ларивоновъ Ивановъ, сидѣли у этой духовной 4 попа и 2 свидѣтеля.

Прилагая списокъ всѣхъ Нагихъ, погребенныхъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ, я долженъ обратить вниманіе на указаніе въ немъ года духовной памяти Ивана Григорьевича Нагова, которая значится по этому списку отъ 26 августа 1596 года, но память была имъ подписана *27 августа 1598 года*, какъ это видно изъ оригинала, хранящагося въ музеѣ церковныхъ древностей въ Ростовѣ.

Духовная память Ивана Григорьевича Нагова.

Во имя Отца і Сына і Святаго Духа. Се язъ, рабъ Божій, Иванъ Григорьевичъ Нагой, пишу сию духовную память своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ в своей во тверской вотчинѣ въ селѣ в Перхуровѣ, пришетчи з государевы службы из сибири, на комъ мнѣ что взять и кому что дать. Далъ яз на ссуду Грязному Ивашеву в девяносто третьемъ году, пошетчи на государеву службу в сибирь, жеребецъ немецкой чалъ, да санникъ, меринъ сѳъ, да иноходецъ гнѣдъ. Да у меня жъ взялъ на ссуду Государевъ дьякъ Сапунъ Аврамовъ подсѣделной меринъ рыжъ, въ тѣ поры какъ Государь посылалъ в Смоленскъ противу литовскихъ пословъ Ивана Васильевича Годунова да с нимъ того Сапуна Аврамова, и о тѣхъ конехъ Сапуну и Грязному поговорити, чтобы пожаловали, велѣли отдать женѣ моей и дѣтемъ. И будет же у нихъ тѣ лошади мои поизвелись, и имъ пожаловати заплатити за тѣ мои лошади цена чего они судили; а жеребец и санникъ и иноходец яз сам дал тридцать пять рублев, а меринъ четырнадцать рублев. Да приказал мнѣ отецъ мой, Григорій Ивановичъ Нагой, и в духовную свою память написалъ, а велѣлъ дать на Москвѣ в Чюдов монастырь по Огроѳѣне Ондреѣве дочери Товаркова ожерелье жемчюжное, и яз Иванъ тово ожерелья при своемъ животѣ не отдал и то ожерелье отдать послѣ моего живота по отца моего духовной памяти и по моему приказу къ Олексѣю чюдотворцу въ Чюдов монастырь, по Огроѳѣне Ондрѣевѣ дочери Товаркова. Да благословляю послѣ своего живота сына своего Микиѳора образъ в кіоте чюдотворецъ Никола, обложенъ в басму золотомъ, а венец золотой же сканою, да у товож у чюдотворцова образа крестъ золотъ съ каменьемъ, наведен ѳиниѳты, да двѣ гривны золотыж, одна сканная, а другая выбивана въ басму. Да другово сына своего, Гаврила, благославляю образъ в кіотѣ, на одной цкѣ три святителя Василей Великій, Григорей Богословъ, Иванъ Златоустъ, обло-

жены в басму золотом, а вѣнцы золоты жъ сканные. Да дѣтей же своихъ, Микиѳора и Гаврила, обоих вопче благословляю вотчиною своей купли во Тверскомъ уѣзде в волости в Захожах село Перхурово з деревнями и с пустоши; а в селѣ храмъ Успѣние Пречистые Богородицы, да придѣл Парасковѣя нарицаемая Пятница; а что в обѣих храмах Божія милосердія, мѣстных образов, и поставныхъ свѣчь, и у образов прикладу, и книгъ четьихъ и всяких, и тому всему церковному строенью послѣ меня остануца книги за моею, Ивановою, рукою. А что к тому селу Перхурову деревень и пустошей моей купли, и тѣ всѣ дѣтем моим. Да дѣтей же своих благословляю обѣих вопче во тверском же уѣзде селцомъ Семенскимъ, а покупал яз то село Перхурово да сельцо Семенское з деревнямі и с пустошми у Тверичь у розных у дѣтей боярских у вотчинников; и тѣм селомъ Перхуровым да селцом Семенским з деревнями и с пустошми владѣти дѣтем моим, Микиѳору да Гаврилу, по крепости обѣма вопче. Да дѣтей же своих, Микиѳора и Гаврила, благословляю обѣих вопче старинною своею вотчинкою, матери своей Ѳеросининою приданою, во Тверском же уѣздѣ в той же волости в Захожах, селцом Богатыревым, да пустошью Семенским. Да сына своего Микиѳора благословляю крест золот з жемчюги тѣлной, да перстень золот, на печати рѣзь немецкая по золоту. Да сына своего Гаврила благословляю крест серебрян, позолочен, з жемчюги, да перстень золотъ, а въ нем камень жабиз черн. А болши того мнѣ дѣтей своих надѣлить не чим. Что у меня было моего живота, Божія милосердья образов и кузни и платья и саженья и всякіе служивые рухляди, и тотъ мой животъ въ прошломъ во 102 году государь, царь и великій князь Федор Ивановичь всея Русіи, в своей царской опалѣ, велѣл на себя взяти на Москвѣ с Пахнутьевскаго подворья, а яз въ тѣ поры былъ на его государевѣ службѣ в Сибири, а что со мною было моих животишков в Сибири Божія милосердия образов окладных, и платья, и кузни, и саженья и всякіе служивые рухляди, и какъ меня государь пожаловалъ, изъ Сибири велѣл отпустить в Казань, по моему грѣху пришла на меня в Казани государева царева и великаго князя Федора Ивановича всея Русіи опала, и присылалъ государь в Казань в нынѣшнемъ во сто шестомъ году князя Якова Борятинскаго, а велѣл государь весь достальной мой животъ взять на себя ж государя. И ис того моего живота благовѣрный государь царь и великій князь Борисъ Федоровичь всеа Русіи пожаловал, велѣл мнѣ выдать из моего рухлядишка своему государеву печатнику и посольскому дьяку Василью

Яковличу Щелкалову, а что ко мнѣ Василей изъ моего живота прислал Божія милосердія образов и женя платьишка и саженья и денег и с кѣм имянем что прислалъ и тому останетца подлинная память за моею, Ивановою, рукою. Да послѣ своего живота яз, Иванъ, благословляю жену свою Анну понагѣя рѣзь на индрогове кости Воплощенье Пречистые Богородицы, обложена золотом, да жену ж свою Анну благословляю вотчинкою своеѣ купли в Тверском же уѣзде в волости в Суземье на рѣчке на Тмаке деревню Царищево, деревню Мокѣево, деревню Манково да пустошь Трубниково, да пустошь Попово. Да женѣ ж своей дано платья, что мнѣ дано изъ государевы казны, лѣтник отлас золотной по червчатой землѣ, да лѣтник камчат желт, да лѣтник камчат черлен, да лѣтник дорогилен рудожелтъ, да кортел пупчат соболей а на немъ дороги лазоревы, да шупка столовая суконная зелена, да тѣлогрея пупчата соболья, а на ней дороги алы; да здѣлан опашен багрец черлен, а въ государевѣ казнѣ не былъ; да шапка отласъ золотной по червчатой землѣ, да другая шапка, отлас глаткой черлен. Да сына своего Микиѳора благословляю, даю старинных своих крепостных людей: Оѳонась Степанова сына Тучкова, прозвище Дружину, съ его женою, с Ѳеклою, а прозвище с Наугородкою, съ Оѳонасевою дочерю, да съ его сыном с Троѳимком, а прозвище с Северганкомъ. Да вдову Марѳу Романову дочь Кошкина Ивановскую жену Левонова, да сына сѣ Сенку Иванова сына Левонова, да дѣвку Варвару Дмитреву дочь Слотина, да дѣловыхъ людей Ивана Олѳерева сына Рыболова съ его женою с Уляною съ Яковлевою дочерю Чапосова, да Оѳонку Иванова сына Дудоладова съ его женою с Соломанидкою з Гуревою дочерю и съ ихъ дѣтми. Да повареннаго дѣтину Огаѳонка Иванова сына Дудоладова. Да сына ж своего Гаврила благословляю, даю старинных же своих крепостныхъ людей: вдову Варвару Иванову дочь Семеновскую жену Бунакова да съ еѣ сыномъ Мартьяномъ, а прозвище съ Пустоселом, с Семеновым сыномъ Бунакова съ его женою съ Марею сыванновою дочерю. Да сыну ж своему Гаврилу даю старинных крепостных людей своихъ: дѣловых Мекѣя Иванова сына Левонова да Ѳедку Данилова сына съ его женою с Оринкою с Володимеровою дочерю. Да женѣ своей Анне даю старинново ж крепостного человѣка своего Якова, а прозвище Селивана, Григорьева сына Чапасова съ его женою с Овдотею с Яковлевою дочерю да с его дѣтми з дочерю съ Крестинкою да с сыномъ с Ларкою, да з дочерю с Марицею. Да яз же, Иванъ, пожаловалъ, дал человѣку своему Богдану Сидорову за его къ себѣ службу и за терпѣне

старинную свою вотчину въ Бѣлскомъ [1]) уѣзде въ Селехове слободѣ селцо Оноѳреево, з деревнями и с починки; а женѣ моей, и дѣтемъ, и роду моему и племени до тоѣ до моей вотчинки дѣла нѣт никому ни в чемъ ни которыми дѣлы; а ту вотчинку селцо Оноѳреево з деревнями, пожаловал государь царь и великій князь Иван Васильевич всеа Русіи отцу моему Григорю Ивановичю въ Костромские и в Суздальские вотчины мѣсто. А было то селцо Оноѳреево з деревнями прежтово в помѣстной даче за отцем же за моимъ за Григоремъ с Селеховою слобоодю вмѣсте. А какъ по мою душу Бог сошлет, судом Божіимъ меня, Ивана въ животѣ не станет и положит меня Ивана, по моему обещаню в дому Живоначалные Троицы в Сергиеве монастырѣ подлѣ отца моего Григоря Ивановича. А вкладу язъ, Иванъ, дал при своем животѣ в дом къ Живоначалные Троицы и к Сергию чюдотворцу по своей душе старинную свою вотчину въ Юревскомъ уѣзде в Тихотине стану село Новое Скоморохово з деревнями и съ пустошьми; а что в томъ селѣ Скомороховѣ было моих, Ивановыхъ, лошадей и всякой животины и всяково хлѣба земляново и стоячево и в житницах молоченово, и то яз все отдал в селѣ Скоморохове к Троицы ж Живоначальной. Да яз же, Иванъ, при своемъ животѣ дал вкладу к Живоначальной ж Троице в Сергіев монастырь в Юревском же уѣзде в том же Тихотине стану свои старинные вотчинные три пустоши Селище Макарово, селцо Кожино, деревня Сляднево спашнею и с луги и с лѣсы и со всѣми угоди. И после моего живота велѣти меня, Ивана, да дочер мою Оѳросиню у Живоначалные Троицы и у Сергия чюдотворца и у Благовѣщеня Пречистые на Киржаче за мои вклад написати в вѣчные сенаники и в селники и поминати мою многогрѣшную душу и дочери моей Оѳросини по монастырскому уложеню, какъ прочихъ наших родителей поминают. А на погребенье и за столовые кормы и по рукам братѣ на милостыню яз, Иван, приготовил при своемъ животѣ тритцать рублев. Архимандриту Живоначалные Троицы и келарю и казначью старцу Варсуноѳью и всему собору еже о Христѣ з братею тѣ денги тритцат рублев пожаловати розверстати потолику, сколко на которой чинъ по монастырскому уложеню и по их приговору доведетца. А приказываю яз по сей своей духовной памяти после своего живота тѣло свое отвести к Живоначалной Троице и к Сергию чюдотворцу и погрести, и душу свою поминати, и жену и дѣти беречи до их возрасту, покамѣста сами собою учнут владѣти, и

[1]) Бѣжскомъ?

грамоте их научить человѣку своему Богдану Сидорову. А будет онъ, Богдан, свое обѣщане и мое к себѣ жаловане позабудет и души моей по сей духовной памяти не устроит и жену мою и дѣтей по моему приказу беречи не станет и грамоте их не научит, и его, Богдана, со мною Бог судит на страшном судѣ. А будет же моя жена похочетъ послѣ моего живота итти за мужъ, а дѣтей своих возраста во вдовах дожидатися не захочет, и яз еѣ отъ ее воли не запрещаю, только ей до тово моего жалованя дѣла нѣт, чѣм яз пожаловал, послѣ своего живота благословил детей своих Микиѳора да Гаврила; владѣй себѣ она тѣм моим жалованем своим платем и вотчинными деревнями и людми, которые яз ей в сей своей духовной написал. А которые мои крепостные люди у меня по мой живот служили, а в отдаче яз которыхъ людей женѣ своей и дѣтем не написал и тѣх всѣх моихъ людей послѣ моего живота Богдану отпустити на волю и крѣпости имъ повыдат; а женѣ моей и дѣтем силно ихъ мимо сю мою духовную память не поработит; а надѣляти мнѣ после своего живота людей своих не чим; что у меня было моего живота, то все взято на государя и их отпустити с тѣм с моимъ жалованем, что у них по мой живот осталося. А у сей моей духовной памяти сидѣли: отецъ мой духовной, Тверского уѣзда, Троецкие вотчины Сергиева монастыря Рожества Ивана Предтечи села Ѳедосова свещенникъ Захарей; да отъ Николы чюдотворца с погосту свещенники Григореи Ѳролов да Сидор; да Успеня Пречистые Богородицы села Перхурова свещенникъ Максимъ. А на то послуси: Лиховид Ѳѳонасев сынъ Щербининцов да Василій Костянтинов сын Лобков. А духовную памят писал Тверской площадной дъячек Кондрашко Ларивонов сын Иванова лѣта ҂з сто шестаго августа въ кз день.

На оборотѣ свитка: К сей своей духовной памети яз Иванъ Григорьевичь Нагой руку приложилъ. У сей изусной памети Ивана Григорьевича отец духовной Рожества Ивана Предотечи свещенник Захария руку приложилъ. У сей духовной памяти от Николы чудотворца с погоста попъ Григорей сидѣл и руку приложилъ. У се духовно памяти от Нколи чудотворца съ погоста поп Сидоръ сидел и руку приложилъ. У сей духовной памяти Успеня Пречистыя Богородица поп Максим сидел и руку приложил. Послух Лиховид руку приложилъ. Послухъ Василей руку приложилъ.

(Подписи идутъ по длинѣ всего свитка).

Въ Троице-Сергіевой лаврѣ на площади между Троицкимъ соборомъ и Сошественскою церковью въ первомъ ряду, начиная отъ Никоновской церкви къ проспекту, изъ рода Нагихъ погребены:

I. Стефанъ, прозвище Богданъ, Михайловичъ Нагой, стольникъ, † 1633 іюля 21. Въ 1632 и 1633 былъ воеводою въ Камрѣ.
II. Сынъ его младенецъ Семенъ, † 1633 августа 9.
III. Богдана Михайловича Нагова жена Іуліанія Ѳеодоровна, † 1630.
IV. Алексѣй Ивановичъ Нагой, † 1618 ноября 28.
V. Михаилъ Михайловичъ Нагой, † 1616 февраля 3.
VI. Михаилъ Ивановичъ Нагой, въ иночествѣ схимникъ Мисаилъ, † 1617 іюля 9.
VII. Василій Михайловичъ Нагой, † 1607 мая 6.
VIII. Боярина князя Алексѣя Михайловича Львова супруга Евлампія, дочь Михаила Нагова, † 1621.
IX. Кириллъ Михайловичъ Нагой, † 1626 мая 23.
X. Александра Михайловича Нагова жена Марія Григорьевна, † 1628.
XI. Александръ Михайловичъ Нагой, погребенъ 1627 января 25.
XII. Алексѣй Александровичъ Нагой, † 1628.
XIII. Андрей Александровичъ Нагой, бояринъ † 1619. Въ духовномъ завѣщаніи 19 дек. 1617 между прочимъ пишетъ: «животы ево взяли въ опалѣ на государя, на Углечѣ, какъ царевича Димитрія убили» (Сборн. актовъ № 532, по Торжку, гр. 10).
XIV. Кондратій, прозвище Василій Ивановичъ Нагой, погребенъ 1640, іюня 8.
XV. Иванъ Григорьевичъ Нагой, † .... Въ духовномъ завѣщаніи 1596 августа 26 просилъ по смерти «положить его въ Серг. мон. подлѣ отца своего Григорія Ивановича.... а имѣніе ево взято на государя, какъ онъ былъ въ опалѣ на государской службѣ въ Сибири 1594 и Казани 1596» (Сборн. актовъ № 530, по Юрьеву-Польскому гр. 18). Бояринъ Григорій Ивановичъ Нагой 1555 г. былъ воеводою на Угрѣ и дѣлалъ городъ, 1567 отправленъ былъ посломъ въ Гродно для заключенія мира съ Сигизмундомъ.

А. А. Титовъ.

Деньги великаго княжества Тверского.

Археолого-нумизматическій опытъ изъ исторіи Тверской культуры XIII—XV в.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ближайшими соображеніями, убѣдившими насъ въ необходимости и своевременности этого труда, были слѣдующія:

1) Со времени выхода въ свѣтъ «Описанія Тверского Музея» А. К. Жизневскаго (въ 1888 г.), въ которое, какъ особый отдѣлъ, входитъ и описаніе Тверскихъ денегъ, хранящихся въ Тверскомъ Музеѣ (стр. 206—237), коллекціи его значительно пополнились новыми пріобрѣтеніями монетъ, отчасти и описанными, но безъ системы, неточно, иногда невѣрно, а главное безъ всякаго отношенія или связи съ тѣмъ культурно-историческимъ прошлымъ Тверского княжества, къ которому онѣ имѣютъ несомнѣнное отношеніе.

2) Самое описаніе ихъ, сдѣланное А. К. Жизневскимъ, имѣетъ подобные же недостатки и значительно отстало отъ современнаго состоянія нумизматическихъ знаній.

3) 7-го іюля 1900 г. въ г. Твери, на берегу рѣки Тьмаки, найденъ замѣчательный кладъ серебряныхъ денегъ, состоящій почти исключительно изъ денегъ великаго княжества Тверского, весьма богатый, какъ по количеству типовъ этихъ денегъ, такъ и, въ особенности, по количеству чекановъ, или разновидностей. Часть этого клада чрезъ Московскій Историческій Музей, куда поступила большая его часть, поступила и въ Тверской Музей, и до сихъ поръ научно не описана.

4) Собственная наша, собранная въ теченіе долгаго времени нумизматическая коллекція, хотя и небольшая, но состоящая почти

исключительно изъ денегъ великаго княжества Тверского, заключаетъ въ себѣ разновидности, описаніе которыхъ можетъ оказать пользу наукѣ. Въ этомъ отношеніи для насъ ободряющее и побуждающее значеніе имѣли слова графа Ив. Ив. Толстого о важности спеціальныхъ изслѣдованій по мѣстной нумизматикѣ. Онъ говоритъ: «въ виду единственнаго въ своемъ родѣ богатства древне-русской нумизматики, собиратели (монетъ) должны будутъ рано или поздно специализироваться; это давно произошло уже за границей, гдѣ большинство серьезныхъ собирателей монетъ, принадлежащихъ странамъ, обладающимъ богатой нумизматикой, ограничивается лишь одной какой-нибудь спеціальностію. И дѣйствительно, чтобы собрать *посредственную* общую коллекцію какой-либо одной страны, нужны солидныя затраты, тогда какъ и съ небогатыми средствами можно составить *отличную* спеціальную коллекцію монетъ, наприм. той мѣстности, въ которой живетъ собиратель, или опредѣленнаго періода времени, чаще попадающихся въ мѣстѣ его пребыванія и т. п. Такіе спеціалисты-коллекціонеры за границей приносятъ огромную пользу нумизматической наукѣ и многіе изъ нихъ своими изысканіями и монографіями, посвященными отдѣльнымъ разрядамъ монетъ, стяжали себѣ солидную извѣстность, тогда какъ ихъ болѣе богатые собратья, раскидываясь въ предметахъ своего интереса, остаются совершенно неизвѣстными нумизматическому міру. Особенная ихъ практическая услуга, оказываемая собирателямъ, помимо основательной разработки своей спеціальности, заключается въ томъ, что ихъ трудами опредѣлилась сравнительная рѣдкость, а потому и цѣнность монетъ, установленіе которой въ прежнее время всецѣло зависѣло отъ торговцевъ монетами» (Русская допетров. нумизм., СПБ., 1884 г., вып. 1, стр. V).

5) Со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго капитальнаго труда по русской нумизматикѣ (Русская допетровская нумизматика, вып. 1 и 2, графа Ив. Ив. Толстого), по плану котораго въ третьемъ выпускѣ должно было заключаться описаніе Тверскихъ денегъ (см. в. 1, СПБ., 1884 г., стр. X), прошло уже болѣе 15 лѣтъ, и почти нѣтъ надежды, чтобы почтеннѣйшій авторъ его, занятый другими обязанностями (нынѣ Вице-Президентъ Императорской Академіи Художествъ) въ скоромъ времени выпустилъ въ свѣтъ этотъ томъ. Сомнѣніе это тѣмъ болѣе увеличивается, что названный авторъ въ настоящее время занятъ изданіемъ не менѣе капитальнаго труда: «Русскія древности въ памятникахъ искусства», изъ котораго въ настоящее время уже вышло VI выпусковъ.

Принимая все это въ соображеніе и желая идти навстрѣчу появленію наиболѣе совершенныхъ, чѣмъ нашъ трудъ, изслѣдованій о Тверскихъ деньгахъ, мы поставили себѣ задачею: а) дать по возможности точнѣйшее описаніе всѣхъ извѣстныхъ доселѣ Тверскихъ денегъ, сравнивъ между собою всѣ до сихъ поръ вышедшія ихъ описанія и исправивъ неточности и невѣрности при посредствѣ коллекцій, находящихся въ Тверскомъ Музеѣ и нашей собственной, б) классифицировать ихъ по той системѣ, которая окажется результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія тѣхъ культурно-историческихъ и географическихъ условій, которыя вліяли на образованіе и дальнѣйшія судьбы Тверского княжества.

Трудъ нашъ не вполнѣ законченъ и не имѣетъ того вида, который долженъ бы имѣть, чтобы вполнѣ удовлетворять своему назначенію: нами еще не составленъ полный сводъ лѣтописныхъ свѣдѣній о Тверскихъ деньгахъ, не приведены въ порядокъ свѣдѣнія о составѣ Тверскихъ кладовъ и не окончены V—VIII главы, второй части, объ удѣльныхъ Тверскихъ деньгахъ. Однимъ словомъ, мы не успѣли его окончить къ съѣзду. Извиняясь въ этомъ предъ почтеннѣйшими представителями настоящаго ученаго собранія, считаемъ долгомъ заявить, что единственнымъ побужденіемъ, которое заставило насъ выступить съ нимъ, было желаніе получить отъ просвѣщенныхъ представителей настоящаго съѣзда полезныя и руководственныя указанія, которыя бы помогли намъ исправить сдѣланныя ошибки и облегчили окончаніе начатаго труда.

Наконецъ, авторъ считаетъ своею нравственною обязанностію выразить глубочайшую благодарность Тверской Ученой Архивной Коммиссіи и Императорской Публичной Библіотекѣ, доставившимъ ему возможность пользоваться цѣнными и рѣдкими изданіями, необходимыми для его труда [1]).

Авторъ.

---

[1]) Въ теченіе истекшаго года (до начала печатанія) многочисленныя другія занятія не позволили автору ни пересмотрѣть своего труда, ни окончить его, и онъ теперь является въ томъ самомъ видѣ и объемѣ, въ какомъ былъ представленъ на съѣздъ. Авторъ надѣется, что то и другое ему удастся сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

Списокъ главнѣйшихъ источниковъ и пособій, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго труда.

Акты Археографической Экспедиціи.

— Южной и Западной Россіи.

Антоновичъ. В. Б. Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV ст. Кіевъ. 1878.

Борзаковскій В. С. Исторія Тверского княжества. СПб. 1876.

Брыкинъ А. Нумизматическія замѣтки. Древности. Археологич. Вѣстн. 1867 г. I и II.

Гагаринъ кн. Ѳ. Г. О поддѣлкѣ русскихъ монетъ. Въ зап. СПб. Арх. Нум. Общ. 1849 г., т. I, стр. 146 и сл.

Giel Chr. Quelques remarques sur la collection Schubert. S.-Pétersbourg. 1880.

Dannenberg H. Die Deutschen Münzen der Sächsischen und Fränkischen Kaiserzeit. Berlin. 1876.

Долгоруковъ кн. С. В. Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ собранію кн. С. В. Д. Въ зап. Имп. Арх. Общ. 1851 г. Т. III.

Забѣлинъ И. Е. О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII в. Въ Зап. Имп. Арх. Общ. 1853. Т. V.

Жизневскій А. К. Описаніе Тверского Музея. М. 1888.

Ивановъ И. Снимки древнихъ русскихъ печатей и пр. М. 1882.

Ивановъ П. Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и др. юрид. актамъ и пр. М. 1858.

Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго.

Каченовскій М. Т. О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты. Вѣстн. Евр. 1827. № 14 и сл.

— О кожаныхъ деньгахъ. М. 1849.

Кёне Б. Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI и XII в., найденныхъ въ Россіи. СПб. 1852.

Корзинкинъ А. Матеріалы по русской нумизматикѣ. Вып. 1. М. 1893.

Кругъ. Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. СПб. 1807.

Лакіеръ А. Б. Русская геральдика. СПб. 1855. Т. 2.

— Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до времени Петра Великаго. Въ Зап. Имп. Арх. Общ., т. V, СПб., 1853, стр. 248.

Новицкій А. Исторія русскаго искусства. М. 1899, т. 2.

Орѣшниковъ А. В. Русскія монеты до 1547 г. М. 1896.

— Матеріалы къ русской нумизматикѣ до царскаго періода. М. 1901 г.

— Матеріалы къ русской сфрагистикѣ. М. 1903.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей.

Прозоровскій Д. И. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. Въ Зап. Имп. Арх. Общ. Т. XII. СПб. 1865.

— Сводъ свѣдѣній, относящихся до техники и исторіи медальернаго искусства. СПб. 1884.

Reichel. Die Reichelische Münzsammlung in S.-Pétersbourg. Erster Theil. 1842.

Рейхель Я. Я. Дополненіе къ русской нумизматикѣ средняго вѣка. Въ Зап. СПб. Арх. Нум. Общ. СПб. 1849. Т. I.

Соловьевъ С. М. Исторія Россіи съ др. вр. 2 изд.

Сахаровъ И. Лѣтопись русской нумизматики. СПб. 1851. Изд. 2.

Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ.

Сонцовъ Д. Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя.

— Прибавленіе I. М. 1862.

— Дополненіе II къ нумизматическимъ изслѣдованіямъ. М. 1873.

Толстой гр. И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. I и II. СПб. 1884 и 1886.

Толстой гр. И. и *Кондаковъ* Н. Русскія древности въ памятникахъ искусства. VI выпусковъ. СПб. 1889—1899.

Труды перваго Археол. съѣзда въ Москвѣ. Москва. 1871.

— Мовсков. Нум. Общ. М. 1893.

— Ярослав. Областн. Арх. Съѣзда. М. 1903.

Успенскій Г. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ. 1818.

Чапскій гр. Э. К. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. СПб. 1875.

Чертковъ А. Д. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Москва. 1834.

— Прибавленіе 1. М. 1837.

Чертковъ А. Д. Прибавленіе 2. М. 1838
— Прибавленіе 3. М. 1842.
Шодуаръ б. С. Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ. СПб. 1838—1841. 3 т.
Шубертъ Ѳ. Ѳ. Описаніе русскихъ монетъ и медалей. Собранія г. л. Ѳ. Ѳ. Ш. СПб. 1843.
Schubert. Monnaies et médailles russes. Leipsic. 1858.
Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. СПб. 1891. 2 т.

ВВЕДЕНІЕ.

Тверская нумизматика, во всей необходимой широтѣ ея объема,—вопросъ совершенно не тронутый въ наукѣ.

Въ нумизматическихъ сочиненіяхъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ встрѣчаются описанія отдѣльныхъ монетъ, болѣе или менѣе точныя, дѣлаются ссылки на предшествующихъ нумизматовъ, для оправданія правильности опредѣленія, дѣлаются поправки и дополненія въ описаніи изображеній или чтеніи легендъ, если ранѣе описанный экземпляръ той-же монеты былъ дефектный, а въ новѣйшихъ сочиненіяхъ изрѣдка встрѣчаются и попытки дать объясненіе происхожденія того или другого типа; но все это—въ предѣлахъ простого, порядковаго описанія монетъ, иногда даже какъ-бы мимоходомъ, случайно. Что же касается систематическаго ихъ описанія, построеннаго на нѣкоторыхъ общихъ научныхъ данныхъ, выведенныхъ изъ изученія особенностей культурно-политической исторіи Тверского края и дающихъ основанія для ихъ научной классификаціи,—опредѣленія числа типовъ и подтиповъ или чекановъ и ихъ послѣдовательности, то все это—вопросы, которыхъ до сихъ поръ не касался ни одинъ нумизматъ.

А между тѣмъ, чтобы понять Тверскую нумизматику во всей ея широтѣ и объемѣ—рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ существенно необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, монета не есть только единица цѣнности для извѣстнаго времени, но она есть въ то же время фактъ и элементъ искусства, а еще шире—фактъ и элементъ культуры. Какъ въ произведеніяхъ скульптуры, архитектуры, живописи, въ орнаментѣ, въ заставкахъ, въ виньеткахъ и проч., изучая каждую отдѣльную черту, краску, расположеніе частей, форму одежды, украшенія, надписи, мы приходимъ къ открытію элементовъ духовной жизни народа, его нравовъ, быта, отношеній къ другимъ народамъ и даже его міросозерцанія, такъ точно, изучая деньги той или другой мѣстности, мы можемъ придти къ открытію элементовъ культуры этой мѣстности. Такъ, напримѣръ, на монетахъ можно встрѣтить изображеніе той или иной бытовой сцены, того или другого миѳологическаго сюжета, или просто—изображеніе человѣка, звѣря, птицы, но представленныхъ въ такихъ положеніяхъ,

которыя явно указываютъ на намѣреніе художника выразить опредѣленную мысль. Ни одинъ художникъ не можетъ *выдумать* сюжета или изображенія, не имѣющаго отношенія къ современному для него быту: онъ воспроизводитъ или сцены знакомаго ему быта, или того, о которомъ у него носится представленіе изъ ходячихъ въ его время устныхъ или письменныхъ разсказовъ. Монета, такимъ образомъ, можетъ дать элементы для возстановленія нѣкоторыхъ чертъ бытовой исторіи данной области и степени, или характера культуры ея обитателей.

Затѣмъ, на монетахъ мы можемъ встрѣтить и такіе сюжеты и изображенія, которыя мы встрѣчаемъ на деньгахъ сосѣднихъ княжествъ и даже отдаленныхъ государствъ. Являются сложные вопросы о заимствованіи: когда, какъ, и кѣмъ, и при какихъ условіяхъ совершилось это заимствованіе? Ни одинъ народъ, ни одно княжество не стоятъ особняками отъ вліянія окружающей среды, сосѣднихъ и другихъ государствъ и въ произведеніяхъ своего искусства воплощаютъ цѣлый рядъ идей, обошедшихъ, быть можетъ, многія страны и пережившихъ цѣлый рядъ поколѣній. Кёне, одинъ изъ нашихъ нумизматовъ, поэтому совершенно справедливо замѣтилъ: «народъ, чеканя впервые свою монету, всегда подражаетъ ходячей у него монетѣ своихъ сосѣдей». Въ особенности это должно быть сказано, когда культура народа ниже уровня культуры сосѣднихъ народовъ. Но бываетъ и обратное: и выше культурный подражаетъ ниже культурному, когда этотъ послѣдній, въ силу особенныхъ условій (напр. въ силу завоеванія) имѣетъ возможность оказывать болѣе или менѣе сильное воздѣйствіе, какъ напр. у насъ татары. Такимъ образомъ, монета есть такой культурно-историческій фактъ, происхожденіе, смыслъ и значеніе котораго вполнѣ могутъ быть поняты только въ связи съ культурно-политической исторіей сосѣднихъ княжествъ или государствъ. Затѣмъ, монета—фактъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ правителямъ, какъ факторамъ, регулирующимъ и ея обращеніе и многія изъ ея особенностей. Являются вопросы: была ли тутъ какая строгая регламентація, или многое зависѣло, или предоставлено было вкусу чеканщиковъ? Что было ближайшимъ источникомъ для вдохновенія художниковъ, какія были причины измѣненія типовъ и проч.? Съ другой стороны, политическіе взгляды правителей и ихъ отношенія между собой отразились ли на монетахъ и проч.? Такимъ образомъ, монета можетъ дать матеріалъ для повѣрки политической исторіи края, какъ, въ свою очередь, и историческіе факты могутъ и должны служить ея повѣркою.

Тверскія же деньги въ отношеніи количества и качества находящихся на нихъ изображеній представляютъ такое разнообразіе, причемъ многія изъ нихъ столь художественны, какихъ качествъ и разнообразія, и художественности мы не встрѣчаемъ на деньгахъ ни одного изъ другихъ русскихъ княжествъ. Ближе всѣхъ къ нимъ въ этомъ отношеніи стоятъ деньги Московскаго княжества,—что служитъ до нѣкоторой степени указаніемъ на единство источника ихъ происхожденія, а дальше всѣхъ деньги Рязанскія, отличающіяся замѣчательнымъ однообразіемъ и полнымъ отсутствіемъ всякой художественности. Разнообразіе Тверскихъ денегъ таково, что, если бы мы не знали ничего болѣе, кромѣ этихъ самыхъ денегъ, то по одному только этому признаку имѣли бы право заключить, что онѣ принадлежали области, стоявшей на высокой степени культуры.

Историкъ-нумизматъ обязанъ выяснить себѣ, какими путями, когда, и откуда, и при какихъ условіяхъ эта область получила свою культуру.

Однимъ словомъ, монета—это та же лѣтопись культуры, какъ и обыкновенная лѣтопись, съ тѣмъ только различіемъ, что она—нетлѣнная, и быть можетъ менѣе доступная искаженію или уничтоженію невѣжествомъ, случаемъ или злонамѣренностію. Она также, какъ и обыкновенная лѣтопись, подлежитъ всестороннему изученію, критикѣ, сравненію и можетъ, и должна давать отвѣты на вопросы, которые историкъ ей въ правѣ предложить, и въ свою очередь должна повѣряться исторіей.

Принимая все это въ соображеніе, а также и тотъ фактъ, что Тверское великое княжество, какъ отдѣльная, самостоятельная культурно-политическая единица, выступаетъ на сцену исторіи въ значительно позднее время, сравнительно съ цѣлымъ, къ которому оно принадлежало (къ Новгородско-Ростово-Суздальской землѣ), именно,—въ первой половинѣ XIII вѣка, т. е. когда общія причины, способствовавшія возникновенію и образованію культурныхъ центровъ на сѣверовостокѣ Россіи, уже дѣйствовали въ полномъ своемъ объемѣ, мы находимъ цѣлесообразнымъ раздѣлить матеріалъ, долженствующій войти въ составъ нашего изслѣдованія, на двѣ самостоятельныя части: часть I, историко-археологическую, долженствующую служить введеніемъ въ изслѣдованіе, и часть II, спеціально-нумизматическую, въ которой будутъ описаны самыя деньги.

Часть первая, историко-археологическая, которую мы имѣемъ въ виду предложить просвѣщенному вниманію вашему, м. г., какъ соста-

вляющую основаніе и опредѣляющую характеръ и объемъ нашего изслѣдованія, должна на основаніи всего вышесказаннаго раздѣлиться на слѣдующія главы:

I. Пути, которыми вообще проникала культура въ предѣлы Россіи въ эпоху начала ея исторіи и въ частности въ Новгородско-Ростово-Суздальскую область, часть которой впослѣдствіи превратилась въ самостоятельную политическую единицу—Тверское княжество.

II. Опредѣленіе самой этой культуры и указаніе въ ней тѣхъ элементовъ, которые имѣли отношеніе къ искусству.

III. Произведенія иностраннаго искусства, какъ непосредственные образцы для подражанія художниковъ.

IV. Иностранная монета и Тверскія куны.

V. Черты изъ культурно-политической исторіи Тверского княжества въ отношеніи къ искусству. Появленіе денегъ въ Тверскомъ княжествѣ въ связи съ общей исторіей ихъ появленія въ Ростово-Суздальской области.

VI. Классификація Тверскихъ денегъ и происхожденіе типовъ.

Часть вторая—спеціально-нумизматическая—будетъ раздѣляться на главы:

I. Серебряныя деньги великаго князя Михаила Александровича.
II. — — — — Ивана Михайловича.
III. — — — — Бориса Александровича.
IV. — — — — Михаила Борисовича.
V. Серебряныя деньги удѣльнаго княжества Кашинскаго.
VI. — — — — Городенскаго.
VII. — — — — Микулинскаго.
VIII. Мѣдныя Тверскія и удѣльныя деньги.

I.

Часть историко-археологическая.

Глава I.

Пути, которыми проникала культура въ Новгородско-Ростово-Суздальскую область.

Заброшенныя съ незапамятныхъ временъ въ самый сѣверо-восточный уголъ Европы полудикія, разъединенныя на множество отдѣльныхъ группъ, управлявшихся своими князьками и не имѣвшихъ, повидимому, понятія о племенномъ единствѣ и государственности, Славяно-Финскія племена не проявили замѣтныхъ признаковъ своей способности къ самостоятельному, независимому духовному развитію. Уже съ самыхъ первыхъ страницъ исторіи мы читаемъ, что «Варяги изъ-за моря брали дань на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мери, Веси и на Кривичахъ, а Казары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Родимичахъ и Вятичахъ». Это извѣстіе можно понимать и въ болѣе широкомъ смыслѣ: именно въ смыслѣ той или иной степени культурнаго вліянія, которому не могли не подчиниться эти племена по причинѣ ли своей меньшей культурности или по причинѣ слабости физической. Предпріимчивый и сравнительно высоко-культурный народъ—Норманны,—которыхъ царство можно подозрѣвать еще въ древнемъ Гольмгардѣ и въ не менѣе старой Ладогѣ, былъ, можно сказать, единственнымъ свѣтомъ съ запада, разсѣевавшимъ нѣсколько тьму дебрей славяно-финскихъ племенъ.—До нѣкоторой степени такое-же культурное вліяніе можетъ быть удѣлено и на долю Хозаръ, и вообще племенъ населявшихъ юго-востокъ Россіи, насколько вообще торговыя сношенія признаются цивилизующимъ элементомъ. Несомнѣнно, что культурное вліяніе Норманновъ было сильнѣе и сопровождалось стремленіемъ подчинить и политически племена, платившія дань. Попытка освободиться отъ такой зависимости, какъ сообщаетъ лѣтопись, не повела ни къ чему, и въ концѣ-концовъ Норманское племя—Русь было добровольно призвано нѣкоторыми Славянскими племенами къ господству надъ собою. Итакъ, первыя стра-

ницы нашей исторіи свидѣтельствуютъ намъ, что первые начатки нашей культуры выразились въ сношеніяхъ съ иноземными народами, т. е. говорятъ объ обычномъ и общемъ возбудителѣ и двигателѣ цивилизаціи у всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Прослѣдимъ же главнѣйшіе пути, по которымъ шла культура въ нашу страну, дополняя указанія лѣтописей свѣдѣніями изъ иностранныхъ источниковъ.

Древнѣйшій путь, называемый русскими лѣтописями—это путь изъ Варягъ въ Греки. Но это не точно: еще гораздо ранѣе объединенія Славяно-Финскихъ племенъ Норманнами—Русью, крайній сѣверо-западъ Россіи находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ западомъ Европы. Здѣсь процвѣтало, какъ выше было замѣчено, древнее царство Голмгардское (также называемое Гардарикское—Ulme Rugien) съ главнымъ городомъ Ладогою, основанное, по сказанію, Одиномъ, и впослѣдствіи покоренное королемъ Ингваромъ въ его варяжскій походъ (между 690—700 г.г.). Dalin, Исторія Швеціи. I. 227). Съ этого времени Голмгардское государство зависѣло отъ короля Упсальскаго, пока Рюрикъ не основалъ новое независимое государство, которое однако всегда находилось въ сношеніи съ Швеціей. Съ помощію Шведскаго короля Олафа Скотконунга взошелъ на престолъ своего государства Ярославъ, сынъ Владиміра (ок. 1015 г.); онъ былъ женатъ на дочери своего друга и союзника Индигердѣ, которая умерла въ 1051 году и похоронена въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, гдѣ ей впослѣдствіи воздвигнутъ памятникъ (Geyr, — въ Собр. Геерена и Укерта II, стр. 126) [1]). Это Гардарикское царство—древнее скандинавское названіе Россіи, преимущественно сѣверо-западныхъ ея окраинъ съ главнымъ городомъ Новгородомъ, существованіе котораго нѣкоторые относятъ уже къ V вѣку по Р. Хр. [2]). Этотъ городъ былъ складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ товаровъ, включая сюда и самые дорогіе восточные, напр. золотой штофъ, наволоки и др., которыхъ продажа въ Византіи была подвержена строгому контролю и весьма ограничена [3]). Кромѣ Новгорода были и другіе древнѣйшіе русскіе города, какъ напр. Старая Руса, Старая Ладога, Альдеіоборгъ [4]), Холмоградъ и др., которые чрезъ важнѣйшіе тогдашніе порты на Балтійскомъ морѣ: Юлинъ или Винету, на островѣ

---

[1]) Кёне Б. Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI и XII в., найденныхъ въ Россіи. Спб. 1852, стр. 40.

[2]) Успенскій Г. «Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ». Харьк. 1818, стр. 553.

[3]) Кругъ. «Критическія розысканія о русскихъ монетахъ». Спб. 1807. стр. 155.

[4]) При истокѣ Невы изъ Ладожскаго оз. См. Успенскій цит. соч. стр. 559.

Узедомѣ и по разрушеніи Винеты городъ Визби на Готландѣ, безъ сомнѣнія принимали участіе въ торговлѣ съ Европейскимъ западомъ [1]). Такимъ образомъ западъ Европы и ближайшимъ образомъ Скандинавія были тѣми древнѣйшими странами, откуда посредствомъ торговли проникли въ области нынѣшней сѣверо-западной Россіи первые элементы культуры. Богатство послѣдней (Скандинавіи) «издревле привлекало туда многихъ купцовъ, что доказываютъ многочисленные предметы иностранной промышленности, сохраняемые въ королевскомъ музеумѣ сѣверныхъ древностей въ Капенгагенѣ» [2]). Если прибавить къ этому, что въ торговлѣ съ древней Россіей принимали живое участіе еще города: Друзо (Ельбингъ), Кильмъ и Асагардъ, то для насъ будетъ понятенъ отрывочный и краткій разсказъ лѣтописи, что наша исторія открывается подчиненіемъ славяно-финскихъ племенъ власти Норманновъ.

Утвердившись здѣсь, они начинаютъ распространять свое вліяніе все далѣе и далѣе, двигаясь по направленію къ сѣверо-востоку и къ югу. Издревле извѣстный имъ путь изъ Варягъ въ Греки скоро они дѣлаютъ торною и широкою дорогою не только для торговыхъ сношеній съ Византіей и черезъ нее и со всѣмъ дальнимъ Востокомъ, но и для колонизаціи. Почти на половинѣ этого громаднаго пути (изъ Варягъ въ Греки) они основываютъ Кіевъ, дѣлающійся вскорѣ торговымъ и культурнымъ центромъ всего юго-запада Россіи и сохранившій это значеніе во весь періодъ существованія Кіевской Руси.

Другой путь, не столь древній, но не менѣе важный—это упомянутый и наиболѣе извѣстный лѣтописцу—путь изъ Варягъ въ Греки. Этимъ древнѣйшимъ путемъ пользовались не только Норманны, но и Болгары, и Сербы, и Греки, и Нѣмцы, и сами Русскіе. Чрезъ него проникали къ намъ изъ Византіи и смежныхъ съ нею странъ востока кромѣ вещественныхъ предметовъ, напр. принадлежностей культа, ремеслъ, искусствъ, еще невещественные предметы: произведенія литературы греко-азіатскаго востока, преданія, легенды, составлявшія со времени введенія христіанства весьма распространенную духовную пищу христіанина только по имени, язычника-славянина. Легенды эти приносились къ намъ разными каликами-перехожими, а потомъ паломниками, число которыхъ впослѣдствіи такъ увеличилось, что духовенство вынуждено было даже принимать противъ нихъ особыя

[1]) Тамъ же.

[2]) Кёне, цит. соч. стр. 41.

мѣры [1]). Легенды эти, приходя въ соприкосновеніе съ міросозерцаніемъ иной народности, съ теченіемъ времени, переработывались, искажались, смѣшивались съ собственными языческими воззрѣніями народовъ, пока не выработались, наконецъ, въ ту книжную форму, съ какою въ настоящее время имѣетъ дѣло наука и которая въ свое время составляла духовную пищу русскихъ славянъ почти въ продолженіе всей его средневѣковой жизни. Впослѣдствіи времени, когда значеніе Кіева упало, и центръ русской культуры былъ перенесенъ на сѣверо-востокъ Россіи, въ Ростово-Суздальскую область, т. е. въ самый центръ чисто славянскаго, великорусскаго племени (благодаря сосѣдству Кривичей) означенные элементы культуры нашли себѣ новую родину, привились здѣсь и дали тотъ пышный расцвѣтъ культуры, которой не могъ уничтожить татарскій погромъ, которой вліяніе ясно чувствовалось въ XIV и XV в.в. и которой слѣды сохранились даже до настоящаго времени.

Третій путь, которымъ проникала культура въ русскую землю, не менѣе важный какъ и первые два, такъ какъ велъ въ самый центръ Ростово-Суздальской области, упоминается также лѣтописью: это—путь, который велъ вверхъ по Западной Двинѣ, по направленію къ верховьямъ Волги, и который имѣлъ развѣтвленіе по направленію къ Днѣпру. Рѣки Двина и Днѣпръ, говоритъ лѣтопись, выходятъ изъ Волоковскаго лѣса и первая изъ нихъ течетъ на полдень, послѣдняя же къ полуночью и впадаетъ въ море Варяжское. Но этотъ Волоковскій (иначе Оковскій) лѣсъ—то самое мѣсто, гдѣ съ незапамятныхъ временъ существовалъ волокъ, которому, безъ сомнѣнія, онъ и обязанъ своимъ названіемъ, и который соединялъ бассейнъ Двины съ верховьями рѣки Волги, гдѣ пролегала древняя торная дорога къ Булгарамъ и далѣе къ Каспійскому морю. Путь этотъ не такъ извѣстенъ, но безъ сомнѣнія существовалъ въ самое древнее время. Доказательствомъ этого могутъ служить нѣкоторые факты, занесенные въ лѣтопись. Такъ, князь Глѣбъ Владиміровичъ ѣхалъ съ Волги въ Кіевъ по направленію именно этого пути: разсказывается, что онъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Тьмѣ, правому притоку рѣки Волги, и повредилъ себѣ здѣсь ногу; затѣмъ поѣхалъ по Вазузѣ, перешелъ чрезъ волокъ въ Днѣпръ, по которому поѣхалъ далѣе до Смоленска, гдѣ и встрѣтился со своими убійцами [2]). Въ началѣ XIII

[1]) Какъ показываетъ извѣстное «Вопрошанье» Кирика, Саввы и Ильи къ новгородскому архіепископу Нифонту 1130—1156.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древ. вр., 2 изд., т. I, стр. 195, ср. 784.

вѣка Мстиславъ Удалой шелъ на зятя своего Ярослава чрезъ Торопецъ, къ озеру Селигеру, затѣмъ Вазузой и Волгой, тогда какъ Ярославъ ждалъ его со стороны новгородской дороги и рѣки Тверцы, гдѣ онъ, готовясь къ защитѣ, велѣлъ подѣлать засѣки. Батый шелъ на Новгородъ Селигерскимъ путемъ и, дошедши до мѣстности, носившей названіе Игначь крестъ, повернулъ назадъ [1]). Когда по теченію рѣки Западной Двины усилилась культурная жизнь въ княжествахъ Литовскомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ, а на сѣверо-востокѣ Руси образовался Ростово-Суздальско-Владимірскій культурный центръ, —то возникли и развились торговыя сношенія съ нѣмцами, которыхъ присутствіе въ Ростово-Суздальской землѣ несомнѣнно уже въ эпоху князя Андрея Боголюбскаго [2]). Вообще это—путь, который велъ изъ Литовскаго княжества чрезъ тѣ мѣстности, которыя впослѣдствіи стали территоріей Тверского княжества и который приблизительно долженъ былъ быть слѣдующій: «верховья Днѣпра,—З. Двины, Волги съ р. Селижаровкою и озеромъ Селигеромъ, Осуга, впадающая въ Вазузу, и Вазуза, впадающая въ Волгу (при сліяніи Осуги и Вазузы—Городище Ѳоминское, а при устьѣ Вазузы—Зубцовъ, городъ Ярославовъ) [3]). О торговлѣ Твери съ Смоленскомъ и со всѣми вообще городами литовско-русскаго княжества упоминается въ договорѣ Тверского великаго князя Бориса Александровича съ Витовтомъ, гдѣ относительно этихъ сношеній употреблено выраженіе *по давнему*. А Смоленскъ въ свою очередь велъ торговлю съ Ригою и Готскимъ берегомъ, какъ на то указываютъ его торговые договоры 1229 и 1230 г.г. На этотъ Волго-Двинскій или по позднѣйшему выраженію—Литовскій путь—вѣроятно указываютъ древніе каменные кресты Стерженскій и Лопастинскій, относящіеся къ XII вѣку и могущіе означать, по мнѣнію Н. Н. Овсянникова, дорожныя вѣхи, указывающія направленіе пути [4]). Подобные же кресты найдены въ другихъ мѣстахъ по теченію рѣки З. Двины и поставлены на бродахъ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ [5]). На этомъ же пути, именно въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губ., недалеко отъ рѣки Жукопы, впадающей въ Волгу, найденъ кладъ XIV вѣка, заключающій

---

[1]) Ibid, ст. 586—7.

[2]) Ѳ. Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861, т. II, стр. 73. Макарій. Ист. р. ц. т. III, стр. 67—68.

[3]) Борзаковскій. Ист. Твер. княж. Спб. 1876 г., стр. 60. Соловьева. Цит. сочин. стр. 587.

[4]) О Новгородско-Тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей. Тверь. 1903, стр. 5.

[5]) Акт. Юж. и Зап. Россіи. Т. I, стр. 132.

въ себѣ около 700 монетъ Богемскаго короля Венцеслава III, убитаго въ 1306 году, и нѣсколько монетъ Карла IV, вступившаго на Богемскій престолъ въ 1345 году [1]). Сохранилось еще до насъ замѣчательное иностранное свидѣтельство отъ XIV вѣка относительно провоза этимъ путемъ восточныхъ товаровъ Пальмскіольда, почерпнутое имъ изъ архивовъ города Визби. По этому свидѣтельству «еще въ XIV вѣкѣ индійскіе, персидскіе и аравійскіе товары изъ Дербентской гавани перевозимы были чрезъ Каспійское море въ Волгу, по сей рѣкѣ, по Окѣ и Мсквѣ въ г. Москву, откуда частію сухимъ путемъ, а частію водою, *разными озерами и рѣками* доставлялись въ г. Визби» [2]).

Этотъ Волго-Двинскій путь, затѣмъ, имѣлъ отвѣтвленіе на сѣверъ и шелъ по Тверцѣ и Мстѣ на Новгородъ. Этимъ путемъ перевозился самый необходимый товаръ для новгородцевъ—хлѣбъ, въ которомъ у нихъ всегда чувствовался недостатокъ. И несомнѣнно путь этотъ былъ болѣе выгодный и удобный, чѣмъ чрезъ Бѣло-озеро и Шексну, иначе необъяснимо, какъ самое существованіе Торжка, построеннаго на крайнемъ юго-востокѣ новгородскихъ владѣній, безъ сомнѣнія, не только въ военныхъ, но и въ торговыхъ интересахъ, такъ и то обстоятельство, что Новгородъ оказывался въ крайне бѣдственномъ положеніи, когда Тверскіе князья запрещали подвозъ къ нему хлѣба чрезъ свои владѣнія. Этимъ развѣтвленіемъ пути Новгородъ велъ самую оживленную торговлю съ Ростово-Суздальской областью, гдѣ всегда было много новгородскихъ купцовъ [3]), а также и съ крайнимъ востокомъ, гдѣ, напр. въ Орнасѣ стекались купцы русскіе, аланскіе и хозарскіе [4]). Впослѣдствіи, когда на исторической сценѣ появилось московское княжество, этимъ путемъ, чрезъ Торжокъ, направлялись торговые караваны и совершались воинскія экспедиціи, а еще позднѣе ходили почти всѣ путешественники (Олеарій, Гваньини, Герберштейнъ, Пальмквистъ и др.), направляясь чрезъ Новгородъ, Торжокъ и Тверь въ Москву.

Четвертый путь культурнаго вліянія имѣлъ общее среднее направленіе съ крайняго юго-востока на крайній сѣверо-западъ Россіи: онъ шелъ изъ отдаленныхъ странъ Азіи, Индіи и Китая въ Каспійское море,—чрезъ Волгу, Каму, въ Біармію, въ Ледовитый океанъ или на западъ въ Новгородъ. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ онъ раздѣлялся:

---

[1]) А. Жизневскій. Описаніе Твер. Музея. М. 1888 г., стр. 37.
[2]) Г. Успенскій. Цитов. соч. стр. 571.
[3]) Соловьевъ, стр. 711.
[4]) Ibid—712.

на югѣ, съ того мѣста Волги, гдѣ она ближе всего подходитъ къ Дону, онъ велъ чрезъ Тану (древній Танаисъ, Азовъ) и Черное море въ Западную Европу, а на сѣверѣ чрезъ рѣки Оку, Москву и, можетъ быть, Держу или Вазузу, въ Западную Двину и опять, слѣдовательно, въ Европу. Начало этого пути въ предѣлахъ европейской Россіи, нужно видѣть въ краткомъ вышеупомянутомъ указаніи лѣтописи на Хозаръ. Указаніе лѣтописца можно понимать и въ болѣе широкомъ смыслѣ, именно, въ смыслѣ указанія не только на этотъ народъ неизвѣстнаго племени и происхожденія, а и на ту страну горизонта, откуда шло культурное вліяніе на Русь. Хозары,—это различные народы, которые въ тогдашнее время вели торговлю съ отдаленнымъ востокомъ: подъ ними можно разумѣть и Армянъ, и Грековъ, и Персовъ, и Аланъ, и Печенѣговъ, и Арабовъ, и даже Болгаръ. Уже въ III в. по Рожд. Христ. на южномъ берегу Крымскаго полуострова существовалъ греческій городъ Судгея; въ VII вѣкѣ онъ уже имѣлъ значительную торговлю, а позднѣе сталъ извѣстенъ подъ именемъ Сурожа. Торговое значеніе его въ древности было такъ велико, что самое Черное море арабы звали Сурдацкимъ, а русскіе Сурожскимъ. Въ XIV в. этимъ городомъ овладѣли Итальянцы и завели обширную торговлю съ сѣверными странами, такъ что у насъ и до сихъ поръ за извѣстнымъ родомъ товаровъ (шелковыми матеріями) сохранилось названіе сурожскихъ или суровскихъ (есть даже «суровскіе» ряды въ Москвѣ). Сурожъ и Корсунь (Херсонъ), Кафа (Ѳеодосія) издавна были складочнымъ мѣстомъ товаровъ, идущихъ съ сѣвера Россіи и съ юга, изъ Константинополя. Затѣмъ, неизвѣстно съ точностью, но никакъ не позже начала XIII в. (Mar. Stor. T. IV., p. 100. Hist. de la républ. de Ven. par l' abbé Langer. T. II., L. 8. Villehard. Conq. de Const., n. 136. Nicet. Chroniat. de reb. post. expugn. urb. n. 6. Formal. c. XXI. См. слѣд. прим.) Венеціанцы завели новую колонію на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, городъ Тану, древній греческій Танаисъ, нынѣшній Азовъ, при устьѣ Дона. Въ то время, когда центръ Русской жизни перемѣстился изъ Кіева въ Ростово-Суздальскую область, Донъ, берущій свое начало не вдалекѣ отъ княжества Владимірскаго, сдѣлался главнымъ средствомъ сообщенія сѣвера Россіи съ отдаленнымъ востокомъ, а городъ Тана—эта маленькая Венеція въ предѣлахъ Россіи—сталъ складочнымъ мѣстомъ сѣверной и восточной торговли. «Многочисленные караваны, нагруженные драгоцѣнными восточными товарами, говоритъ неизвѣстный намъ авторъ весьма ученой статьи «О происхо-

жденіи, существованіи и паденіи итальянскихъ торговыхъ поселеній въ Тавридѣ» [1]), продолжали постоянно свои неутомимыя странствованія въ нѣдрахъ Азіи—отъ устій Гангеса, чрезъ Самаркандъ, Балки, Бухару и Кабулъ до береговъ Окса; ввѣряемые потомъ теченію сей рѣки и волнамъ Каспійскаго моря, оные товары выгружались наконецъ въ Гаджи—Терханѣ или нынѣшней Астрахани. (См. Viaggio di Iosephi. Barbaro. Martin. Storia. T. IV, p. 133. Daru, Hist. de la republ. de Ven. T. III, c. XIX), и оттоль, поднимаясь вверхъ по Волгѣ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣка сія, изгибаясь въ своемъ теченіи, приближается на весьма недалекое разстояніе къ Дону, переносились въ сію послѣднюю рѣку сухимъ путемъ и достигали такимъ образомъ Таны. Соединеніе Сѣвера и Востока въ одну безмѣрную монархію при преемникахъ Чангисъ-Хана способствовало еще болѣе утвержденію и расширенію торговыхъ связей сей колоніи. Венеціане умѣли пріобрѣсть и сохранить благосклонность побѣдоносныхъ Монголовъ; и различные договоры (Мартинъ, въ своей Storia. T. IV, p. 139, приводитъ многіе изъ нихъ съ оригинальныхъ актовъ), заключенные ими въ различныя времена съ государями монгольскими, доставляли имъ возможность распространить вѣтви своей торговли до самой внутренности великой имперіи... Они успѣли проложить себѣ путь въ центральныя страны Азіи и завести съ ними торговыя сношенія... Стоитъ только взглянуть на дорожный журналъ знаменитаго ихъ купца Марко Поло [2]), чтобы видѣть и изумляться обширности ихъ предпріятій. Отецъ и дядя сего славнаго негоціанта посѣщали еще до его рожденія, въ 1250 г., Константинополь, Тавриду и дворъ великаго хана Кублая» [3]). Другая часть этихъ товаровъ поднималась вверхъ по Волгѣ, по среднему теченію которой и по Камѣ лежала еще цѣлая страна Булгаръ, съ главнымъ городомъ Булгаръ на лѣвомъ берегу Волги, при устьѣ Камы, ближайшая сосѣдка Ростово-Суздальской области со стороны юго-востока. Булгары принимали весьма дѣятельное участіе въ торговлѣ съ сѣверной Россіей и странами востока, преимущественно съ Арменіей, Персіей и Бухарой. Отъ русскихъ

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1828 г. № 15 и 16. Тутъ же сказано, что Тана—это Азовъ (Азовская крѣпость). То же самое доказываетъ, Г. В. Бутковъ въ Древн. Моск. Арх. Общ., т. III. Ср. Успенскій. Вышеуп. соч., стр. 570.

[2]) Этотъ журналъ напечатанъ во II томѣ собранія Ramusio. Онъ написанъ въ плѣну у Генуэзцевъ, коимъ попался авторъ при возвращеніи своемъ въ Италію. Heer. Essai sur l'infl. des Croiss., p. 432. В. Е. 1828, № 16, стр. 266.

[3]) Ibid.

они получали шкуры черныхъ куницъ или скиѳскихъ соболей [1]) и эти товары отправляли съ одной стороны на сѣверъ, въ землю Біарміи, гдѣ ихъ городъ Чердынь, на рѣкѣ Колвѣ, впадающей въ Каму, былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, а съ другой на югъ и юго-востокъ вплоть до Бухары и Тюрковъ, у которыхъ привозимая ими юфть даже носила имя «болгаръ», что указываетъ на происхожденіе этого товара изъ Булгаріи [2]). Кромѣ выдѣланныхъ кожъ Булгарія была богата хлѣбомъ, которымъ въ случаяхъ неурожая снабжала Суздальское княжество: она же доставляла сюда и нѣкоторыя ремесленныя произведенія востока [3]). Богатство Булгаріи привлекало къ себѣ нерѣдко вниманіе Суздальскихъ князей. Такъ, въ 1152 г. Мстиславъ, сынъ Андрея Суздальскаго, опустошилъ значительную часть Булгаріи, а въ 1164 году самъ Андрей разбилъ многочисленное войско Булгаръ. Въ 1183 году великій князь Всеволодъ III, смотря съ завистью на цвѣтущую художествами и торговлею Булгарію, вознамѣрился овладѣть ею. Князья Муромскіе, Рязанскіе, сыновья Давида Смоленскаго и Святослава Кіевскаго соединились съ нимъ. Союзники осадили Великій городъ въ землѣ серебряныхъ Булгаровъ; но внезапная кончина племянника Всеволодова, Изяслава Глѣбовича, заставила великаго князя заключить съ ними миръ. Въ 1237 году Булгарія стала въ зависимость отъ монгольскихъ хановъ, и жители ея мало-по-малу смѣшались съ татарами и заодно съ ними предпринимали опустошительные набѣги на сѣверныя области. Такъ, во времена Александра Невскаго они проникали въ глубь Біарміи и заставили многихъ жителей отсюда бѣжать въ Норвегію (Tor. Hist. Norveg. IV. 303) [4]). Подчиненіе монголамъ не уничтожило у Булгаръ торговаго духа и предпріимчивости; напротивъ, монголы даже покровительствовали торговлѣ и вскорѣ даже сами завели торговыя сношенія съ Крымомъ и на Каспійскомъ морѣ; стали принимать на свою службу нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ оружейныхъ мастеровъ, рудокоповъ; извѣстно, что ордынскіе купцы жили въ Ростовѣ, Твери, Москвѣ и другихъ городахъ [5]). Въ 60 верстахъ отъ устья рѣки Мологи, въ такъ называемомъ Холопьемъ городкѣ, бывала знаменитая ярмарка, на которую съѣзжались для торга нѣмцы, греки, литовцы,

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамз. I, 243.

[2]) Гастевъ М. «О Булгарахъ Волжскихъ и Камскихъ». В. Е. 1827. Т. 157, стр. 103.

[3]) Карамз. Ист. Г. Р. III. 206.

[4]) Статья Гастева, ibid., стр. 110.

[5]) Успенскій. Цит. ст. стр. 567—570 и Исторія Государства Россійскаго V, 385

персы, армяне, итальянцы и русскіе. Торгъ былъ преимущественно мѣновой: промѣнивали шитыя одежды, ткани, кожи, топоры и проч. на сырьё, преимущественно на мѣха. Въ виду столь обширной и развитой торговой жизни не могъ быть неизвѣстнымъ и путь съ Волги къ западу, именно къ Западной Двинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить вышеприведенное свидѣтельство Пальмскіольда.

Если теперь мы соединимъ мысленно прямыми линіями тѣ географическія точки, откуда въ территорію нынѣшней Россіи шла культура съ различныхъ сторонъ, то увидимъ, что всѣ онѣ пересѣкутся приблизительно въ одной области, на которой по-необходимости долженъ былъ возникнуть центръ культурной жизни. Область эта: верховья Волги, устье Тверцы, Тверь, какъ средоточіе сначала торговой, а затѣмъ и политической жизни. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, сходились лучи самыхъ разнообразныхъ вліяній и со всѣхъ странъ свѣта; съ сѣверо-востока—богатыя и обширныя Новгородская и Псковская республики, съ ихъ оживленными торговыми связями съ Европейскимъ Западомъ, съ сѣверо-востока и востока—богатая и культурная Ростово-Суздальская земля съ ея обширною восточною торговлею, съ юго-востока—непосредственныя связи съ ближнимъ и дальнимъ востокомъ и, наконецъ, съ запада и юго-запада—обширное и сильное Литовское княжество, Полоцкое и Смоленское княжества, находившіяся въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ культурными народами Запада Европы. Если заглянуть въ Тверской Музей и повнимательнѣе присмотрѣться къ отдѣльнымъ, хотя и маловиднымъ предметамъ, то можно поразиться пестротою національностей, отъ которыхъ они могли сюда попасть. Укажемъ хоть нѣкоторые изъ нихъ, найденные именно въ Твери, или ея окрестностяхъ. Такъ, здѣсь мы видимъ и привѣски XII в., Скандинавскаго происхожденія (№ 683), и мечи татарскіе (960), и желѣзные перстни и гирьки Булгарскія (713 и 885), и серьги Намджоги (650), и косы литовки (37—38), и ларцы нѣмецкіе (899), и чарки urbis Auspurgae (843), и монеты Богемскія Венцеслава III и Карла IV (1345), и диргемы арабскіе 1026—36, Сассанидскія, Аббассидскія, Булгарскія, Золотоордынскія монеты, и бронзовый орнаментъ въ видѣ дракона (696), схожій съ звѣрьками Дмитровскаго собора во Владимірѣ (689 и 693), и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ предметовъ, описанныхъ А. К. Жизневскимъ. Чрезвычайно выгодное географическое положеніе при верховьяхъ такой громадной рѣки, какъ Волга и при устьѣ Тверцы, какъ дорогѣ къ богатому Новгороду—должно было создать здѣсь центръ культуры, въ которой всѣ окружаю-

ція культуры преломились, какъ-бы въ фокусѣ, и дали ту среднюю, которая можетъ быть названа культурой Литовско-Новгородско-Ростово-Суздальской земли. Такъ дѣйствительно и было: уже въ первой половинѣ XII в. Тверь существовала, какъ торговый центръ, а въ половинѣ XIII в. она дѣлается и значительнымъ политическимъ центромъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи Тверского княжества, намъ необходимо поближе взглянуть на тѣ элементы культуры, которые образовались въ Новгородско-Ростово-Суздальской землѣ (конечно—элементы, главнымъ образомъ относящіеся къ области искусства) и которые перешли затѣмъ въ Тверское княжество.

Глава II.

Древне-русская культура въ отношеніи къ искусству.

Къ области искусства относятся: архитектура, скульптура, зодчество, ваяніе и нѣкоторыя ремесленныя ихъ приложенія: рисованіе, литье, рѣзьба по дереву, металлу и камнямъ, чеканка и др. Каждая изъ этихъ отраслей искусства даетъ обширный просторъ для духа заставлять бездушную матерію выражать тѣ или другія свои идеи. Но, само собою разумѣется, мы не имѣемъ никакой возможности входить въ подробный разборъ всѣхъ этихъ искусствъ, да это было бы и излишне, такъ какъ для нашей цѣли они имѣютъ значеніе не въ полномъ своемъ объемѣ, а только нѣкоторыми частичными своими сторонами. Поэтому мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія, именно: архитектурѣ, орнаментѣ и рѣзьбѣ-гравировкѣ.

Самый знаменитый памятникъ архитектурнаго древняго русскаго искусства представляетъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, построенный во второй половинѣ XII в. Кромѣ него могутъ быть упомянуты церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, церковь Покрова на Нерли, близъ Боголюбова, церковь Всемилостиваго Спаса въ Суздалѣ, Успенскій соборъ во Владимірѣ и др. Но всѣхъ ихъ важнѣе первый изъ нихъ—Дмитріевскій соборъ, потому что въ немъ русское искусство XII вѣка представило наиболѣе характерную сторону своего развитія.

Еще на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ 1871 году, гр. А. С. Уваровъ обратилъ вниманіе членовъ съѣзда на замѣчательныя особенности этого храма и предложилъ на его обсужденіе вопросы, которые вызываются подробнымъ ихъ изученіемъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ гр. Строганова (издавшаго въ 1849 году прекрасную монографію о Дмитріевскомъ Владимірскомъ соборѣ), что строители этого храма были послѣдователи ломбардской или романской школы и что «ни одинъ, вышедшій въ XII вѣкѣ изъ Греціи, архитекторъ не могъ вымыслить подобнаго строенія»,—что вполнѣ согласно и съ указаніемъ лѣтописи, что зодчіе, строившіе этотъ храмъ, были вызваны въ Россію съ Запада,—указываетъ, въ чемъ состоятъ главнѣйшія архитектурныя формы, составляющія отличительные признаки романскихъ построекъ. Не указывая здѣсь всего, въ чемъ гр. Уваровъ видитъ выраженіе сходства этого собора съ подобными же зданіями романской архитектуры, находящимися напр. въ Казалѣ, Верчелли, Наваррѣ, Асти, Бергамо, Альмено, Пьяченцѣ, Моденѣ, обратимъ вниманіе только на обронныя изображенія, составляющія украшенія отдѣльныхъ частей этого собора. Украшенія эти состоятъ изъ узоровъ, составленныхъ изъ травъ, человѣческихъ фигуръ, фантастическихъ звѣрей, птицъ, арабесокъ и подоб. Всѣ подобныя украшенія составляютъ обычныя украшенія западныхъ храмовъ того же времени, романской архитектуры. «Итакъ мы видимъ, говоритъ графъ, что обронныя украшенія изъ человѣческихъ фигуръ, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, растеній и прочихъ предметовъ перешли къ намъ изъ романской архитектуры. Но надо при этомъ замѣтить, что у насъ не довольствовались подражаніемъ западнымъ образцамъ въ одной ихъ внѣшней формѣ, но вмѣстѣ съ ними мы приняли отъ Запада и тѣ преданія, которыя передавались посредствомъ этихъ обронныхъ украшеній, такъ что, перенимая съ Запада, наши предки, съ полнымъ пониманіемъ внутренняго смысла этихъ изображеній, помѣщали ихъ на церквахъ и другихъ зданіяхъ. Любопытные примѣры такого къ намъ перехода западныхъ преданій встрѣчаются на Дмитріевскомъ соборѣ».

«Доселѣ настоящее значеніе этихъ обронныхъ изображеній, покрывающихъ наружныя стѣны этого храма, мало еще изслѣдовано, хотя мы встрѣчаемъ догадки объ ихъ значеніи сперва въ монографіи Дмитріевскаго собора (стр. 8—9), потомъ повтореніе тѣхъ же догадокъ въ текстѣ къ памятникамъ древняго русскаго зодчества Рихтера. И въ томъ, и въ другомъ сочиненіи объясняютъ ихъ событіями изъ жизни великомученика Димитрія Солунскаго».

«Между всѣми изображеніями, помѣщенными на Дмитріевскомъ соборѣ, одно изъ самыхъ любопытныхъ занимаетъ среднее и главное мѣсто надъ правымъ окномъ на южной сторонѣ храма... На немъ представленъ мужчина съ длинными волосами, въ четыреугольной шапкѣ и въ кафтанѣ съ оплечьемъ. До пояса онъ сидитъ въ корзинкѣ, къ которой привиты хвосты двухъ грифовъ. Въ рукахъ онъ держитъ высоко надъ главою двухъ четвероногихъ животныхъ, какъ бы показывая ихъ грифамъ, запряженнымъ въ корзинку. Значеніе этого барельефа хорошо разъясняется сравненіемъ съ подобнымъ же изображіемъ, вдѣланнымъ въ сѣверную стѣну церкви св. Марка въ Венеціи (Didron. Annales arch. XXV, p. 141); на обоихъ памятникахъ изображено одно и то же происшествіе: восхожденіе Александра Великаго на небеса. Хотя венеціанскій барельефъ признается за работу византійскую, но сдѣланъ неоспоримо подъ вліяніемъ западныхъ писателей, измѣнившихъ въ подробностяхъ первоначальный разсказъ Псевдо-Калисѳена».

Подвиги Александра Великаго, воспѣтые сперва на Востокѣ со всѣми прикрасами живого воображенія, послужили образцами для восточныхъ тканей; потомъ, перешедши на Западъ, они сдѣлались любимѣйшимъ предметомъ романскихъ стихотворцевъ XII вѣка и по этой причинѣ въ то же время отразились также на романскомъ искусствѣ. Но между всѣми похожденіями Александра Великаго первое мѣсто, неоспоримо, занимало восхожденіе его на небеса; по простотѣ сцены и по удобству изображенія, ее часто повторяли въ изваяніяхъ и по-преимуществу на капителяхъ романскихъ зданій Такимъ образомъ средняя полоса Франціи и берега Рейна въ особенности изобилуютъ подобными изображеніями романскаго искусства, между тѣмъ какъ изъ изображеній византійскаго искусства извѣстно всего только два памятника съ этимъ сюжетомъ: венеціанскій барельефъ и костяной ящичекъ во франкфуртскомъ городскомъ музеумѣ [1]). Только два византійскихъ памятника на такое количество романскихъ ясно указываютъ, что эти преданія по преимуществу распространились на Западѣ и сдѣлались исключительною особенностію западнаго искусства, хотя первоначальный разсказъ заимствованъ изъ греческаго источника. Несмотря на всѣ измѣненія, введенныя западными писателями въ разсказъ Псевдо-Калисѳена, они все-таки удержали число запряженныхъ грифовъ и вездѣ представляли два

[1]) Можно указать еще на третій: это—плафонъ Палатинской капеллы въ Палермо. См. Русскія древности Толстого и Кондакова, V, 17.

грифа; но упоминаемые Псевдо-Калисѳеномъ куски говядины, которые Александръ держалъ на двухъ копьяхъ надъ главами грифовъ, почти вездѣ замѣняются двумя четвероногими животными, какъ это видно на Дмитріевскомъ соборѣ, между тѣмъ какъ на венеціанскомъ барельефѣ самыя копья въ рукахъ Александра заканчиваются въ видѣ зайцевъ. Зато на Фрейбургскомъ соборѣ, близъ Базеля, Александръ показываетъ грифамъ маленькое животное, также похожее на зайца, откуда видно, что даже подробности нашего Дмитріевскаго барельефа вполнѣ соотвѣтствуютъ рисунку такихъ-же романскихъ памятниковъ. Итакъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, зодчіе, пришедшіе для постройки Дмитріевскаго собора, принесли съ собою не только мотивъ такого барельефа, но даже и наставленіе, какъ его изображать по правиламъ, принятымъ на Западѣ. Къ этому можно еще добавить, что на изображеніи Дмитріевскаго собора ни шапка, ни кафтанъ Александра Великаго не имѣютъ ничего общаго съ извѣстною формою византійской одежды. Затѣмъ, отыскивая на другихъ памятникахъ слѣды вліянія того же самаго разсказа, мы въ правѣ заключить, что преданіе это сохранялось у насъ весьма долго, потому что находимъ такое же изображеніе на монетѣ XV вѣка тверского князя Бориса Александровича (1426—1461) [1]). Въ Зарайскомъ соборѣ находится каменная рѣзная панагія, на которой Александръ Великій представленъ совершенно въ такомъ же видѣ, какъ на Дмитріевскомъ соборѣ. Эта панагія принадлежитъ вѣроятно къ произведеніямъ искусства XIV вѣка» [2]). Существуетъ еще перстень князя Константина Ивановича Оболенскаго 1368 года, повидимому, съ тѣмъ же самымъ сюжетомъ [3]). Такимъ образомъ мы видимъ, что гр. Уваровъ первый указалъ значеніе и смыслъ изображенія, находящагося на одной изъ монетъ принадлежащихъ *исключительно* только великому княжеству Тверскому. Оказывается, что художникъ тверской, въ XV вѣкѣ, воспроизводилъ на своей монетѣ сюжетъ одной изъ легендъ, которая еще въ XII вѣкѣ была общеизвѣстною въ Ростово-Суздальской области. Толкованіе гр. Уварова до сихъ поръ никѣмъ не оспорено и имѣетъ за собою все значеніе полной вѣроятности [4]). Фактъ чрезвычайно важный для будущаго историка Тверской

[1]) Reichel. Münzsamm. № 3853—3862. Чертк. Опис. русск. монетъ. Табл. IX. 4.

[2]) Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871. Т. I. Стр. 255—256.

[3]) Ивановъ Н. Снимки съ древнихъ русскихъ печатей и пр. М. 1882. Табл. 112.

[4]) Правда, на первомъ археологическомъ съѣздѣ, взглядъ гр. А. С. Уварова на архитектуру Суздальскаго княжества подвергся нѣкоторымъ возраженіямъ и дополненіямъ со стороны П. А. Лошкарева, И. Д. Мансвѣтова, И. И. Васильева и Н. А. Артлебена. Но всѣ эти возраженія и дополненія не касаются той части его мнѣній, которая имѣетъ отношеніе къ Тверскому искусству и о которой мы только что говорили.

культуры: онъ теперь имѣетъ полное право занести въ эту исторію, что духовною пищею тверитянъ половины XV вѣка было чтеніе такихъ сборниковъ, какъ «Александрія». Изъ другихъ изображеній, находящихся на Дмитріевскомъ соборѣ, встрѣчаются: грифъ съ головою орла, крыльями и тѣломъ льва; типъ грифа, по мнѣнію гр. И. Толстого и Н. Кондакова,—греческій [1]); «левъ, обращающій на себя вниманіе прежде всего неизмѣнностію позы идущаго звѣря, съ головою впрямь, взмахнувшаго хвостомъ черезъ заднюю ногу; хвостъ имѣетъ кончикъ въ видѣ копейной линіи, какъ въ грековосточныхъ оригиналахъ (поливная посуда Херсонеса), но самая голова придаетъ льву, благодаря неимовѣрно расширенной пасти, характеръ того «рыкающаго скимна», о которомъ говоритъ «бесѣда Трехъ Святителей»; далѣе—кентавръ и василискъ, въ видѣ женской крылатой фигуры, съ драконьимъ завивающимся хвостомъ; на головѣ василиска (благодаря имени) коронка, въ рукахъ звѣрь держитъ мечъ и бьется съ хищнымъ звѣремъ, какъ-бы барсомъ; нѣсколько фигуръ павлина. Великолѣпные своимъ горделивымъ видомъ орлы—наиболѣе характерныя фигуры въ этомъ циклѣ (изображеній). Особенно любопытенъ типъ, напоминающій рысь, фигура животнаго, близкаго къ волку, звѣрь съ тѣломъ барса и головою волка и далѣе голова медвѣдя. Изъ сюжетовъ можно различить Самсона, убивающаго льва; другія фигуры относятся къ общему разряду сценъ охоты, какъ наприм., «охотникъ съ лукомъ, изъ-за дерева, т. е. въ лѣсу, стрѣляющій въ птицу и под.» [2]).

Вопросъ о значеніи этого рода архитектурныхъ украшеній на церковныхъ памятникахъ, равнымъ образомъ какъ и о происхожденіи ихъ, для насъ имѣетъ интересъ лишь настолько, насколько онъ въ состояніи точнѣе опредѣлить характеръ Ростово-Суздальскаго искусства, имѣвшаго, какъ увидимъ, сильное вліяніе и на Тверское искусство. Авторы новѣйшаго и, можно сказать, самаго полнаго и совершеннаго изъ трудовъ по древнему русскому искусству гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ слѣдующимъ образомъ объясняютъ значеніе этого звѣринаго стиля въ церковной архитектурѣ. «Связующая (всѣ эти изображенія) мысль—слава великаго, непостижимаго въ своихъ «дивахъ», неизвѣстнаго въ своихъ тайнахъ Божьяго міра: здѣсь украшеніе соотвѣтствуетъ и общему религіозному настроенію.

Согласно съ этимъ царственный юноша пророкъ—(центральная фигура всѣхъ этихъ изображеній), на котораго сходитъ Духъ Святый, есть

[1]) Русскія древности. СПБ. 1899. Вып. VI. Стр. 31.

[2]) Ibidem.

ветхозавѣтный прообразъ новозавѣтнаго Учителя. Дѣйствительно, въ этой центральной фигурѣ юнаго Пророка.... мы должны видѣть царя Соломона, своимъ присутствіемъ среди этого животнаго и растительнаго царства какъ бы связующаго міръ въ одно цѣлое своимъ мудрымъ пониманіемъ этого міра. О писаніяхъ Соломона говорятъ апокрифы: «изглагола (Соломонъ) три тысуща притча и бяху пѣсни его пять тысущъ; и глагола о древесехъ, о скотѣхъ, о гадѣхъ, и о птицахъ, и о рыбахъ» и пр. [1]). Что дѣйствительно эти разнообразныя фантастическія изображенія не представляли изъ себя механическаго соединенія разрозненныхъ изображеній и безсмысленнаго набора самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ (такъ какъ дѣйствительно есть много церквей въ Италіи, на Востокѣ, на Кавказѣ и въ Греціи, украшенныхъ случайно попавшимися камнями съ разными древними скульптурами),— доказательствомъ этого служитъ орнаментація другихъ Суздальскихъ церквей и прилѣпы церкви Покрова на Нерли, въ которыхъ на трехъ сторонахъ мы находимъ: пророка (по надписи: Давидъ) и приступившихъ къ нему орловъ, львовъ, грифовъ, терзающихъ животное, и пр. Стало быть мы должны видѣть въ нашемъ пророкѣ то юнаго царя Соломона, то новозавѣтнаго Эммануила, Творца и Мессію и раскрытый предъ нимъ образъ міра естествъ и міра чудесъ, согласно съ воззрѣніями старины. Словомъ, скульптурная декорація этого собора представляетъ явную параллель «Голубиной Книгѣ», и была въ общихъ чертахъ понятна молящемуся, не смотря на свое книжное «глубинное» происхожденіе [2]).

Въ другомъ, тоже самомъ новѣйшемъ сочиненіи по «Исторіи русскаго искусства» г. Новицкаго мы читаемъ строки, въ которыхъ какъ-будто заключается иной взглядъ на значеніе разсматриваемыхъ изображеній. Именно: «въ VIII и IX вѣкахъ византійское искусство служило образцомъ для всей Европы и особенно для части Италіи, лежащей близъ Адріатическаго моря. Но, мало-по-малу, надъ этимъ вліяніемъ беретъ значительный перевѣсъ варварское вліяніе. Неумѣренное употребленіе, при украшеніи церквей, живописныхъ и скульптурныхъ изображеній не только святыхъ, но даже и предметовъ изъ царства животнаго на Востокѣ возбудило гоненіе, и всякія подобныя изображенія стали истребляться. Но въ Италіи, въ то время менѣе просвѣщенной, и въ то же время огражденной отъ иконоборцевъ властію папъ, самыя грубыя изваянія не переставали испещрять храмовъ. Отчужденіе отъ Вос-

[1]) Русскія древности. Вып. VI. Стр. 30—31.

[2]) Ibid.

точной церкви и желаніе отличаться отъ нея во всемъ поддержали это направленіе, и въ X—XI вѣкахъ установилось такое мнѣніе, что будто бы священныя мѣста присутствіемъ чудовищныхъ изображеній ограждаются отъ злыхъ духовъ. Это продержалось въ остальной Италіи не долго, но въ Ломбардіи упрочилось, а ея художники, разошедшіеся по южной Франціи, Швейцаріи, по Рейну и. т. д., перенесли туда и свои пріемы» [1]). Такое пониманіе дѣла, быть можетъ, приложимо по отношенію къ западнымъ церковнымъ зданіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Что же касается С.-В. Руси, то оно, безъ сомнѣнія,—крайность. Мы съ своей стороны предложили-бы къ нему нѣкоторую поправку. Намъ кажется, что, комментируя факты искусства, никакъ нельзя опускать изъ вниманія общеисторическихъ фактовъ, а таковые говорятъ, что въ XI и даже XII вѣкѣ христіанство плохо понимали даже князья и бояре, а что касается остального населенія, то оно жило въ глубокомъ язычествѣ и едва ли могло, глядя на эти изображенія, мыслить такъ, какъ соображаемъ мы теперь, семь сотъ лѣтъ спустя послѣ того времени [2]).

Что же касается вопроса о происхожденіи этого рода архитектурнаго стиля, то выше упомянутые авторы, гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, считаютъ его спорнымъ. Имѣя въ виду лѣтописное извѣстіе, что Андрею Боголюбскому, начавшему усиленную строительную дѣятельность въ Суздальской области, «приведе Богъ мастеры отъ многихъ земель», прямое извѣстіе, что камень возили на судахъ изъ Булгаріи, а также и то, что уже Всеволодъ не нуждался болѣе въ мастерахъ отъ всѣхъ земель, (по лѣтописи: «налѣзе мастеры о клевретъ святое Богородицы (соборной мастерской) и отъ своихъ»), а также и тотъ фактъ, что любимый Андреемъ Владиміръ былъ наполненъ, по лѣтописи, хитрыми купцами, рукодѣльниками (художниками) и разными ремесленниками, авторы говорятъ, что это—постройки русскихъ мастеровъ, сдѣланныя по несомнѣнно византійскому плану, но съ первоначальною помощію западныхъ мастеровъ. И —: если этотъ приходъ западныхъ мастеровъ «можетъ быть названъ западнымъ вліяніемъ, то конечно не ломбардскимъ и германскимъ въ частности; можно назвать его романскимъ впредь до пріисканія новаго термина» [3]). Затѣмъ, по ихъ мнѣнію, шли

---

[1]) Исторія русскаго искусства. А. П. Новицкаго. М. 1899. Т. I. Стр. 167.

[2]) Относящіеся сюда факты можно найти въ Исторіи русск. церкви пр. Макарія. Т. II. Стр. 211—351, Голубинскаго, Ист. русск. церкви. Т. I, у Буслаева, Истор. очерки русск. народн. словесн. М. 1861. Т. II. Стр. 123, 68, 70 и др.

[3]) Русск. Древности. Ibid.

эти мастера въ Суздальскую землю не изъ враждебнаго Новгорода, а изъ Кіева и родственнаго Галича, по Днѣпру, Москвѣ и Клязьмѣ. Для нашей цѣли, какъ мы сказали, имѣетъ второстепенное значеніе разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи этого рода архитектурнаго стиля, потому что для насъ главнымъ образомъ важны самыя изображенія, имѣющія ближайшее отношеніе къ тѣмъ эмблемамъ, которыя мы встрѣтимъ впослѣдствіи на Тверскихъ деньгахъ. Однако, на основаніи сравненія всѣхъ высказанныхъ взглядовъ, мы вынесли впечатлѣніе, что правильнѣе и точнѣе было бы отвѣтить на разсматриваемый вопросъ въ томъ смыслѣ, что вообще всѣ эти эмблемы несомнѣно восточнаго происхожденія, что корень ихъ—въ преданіяхъ далекаго востока: Индіи, Китая, Персіи, Сиріи и Египта. Но занесены онѣ въ Суздаль и разработаны здѣсь западно-европейскими мастерами, и притомъ не нѣмцами въ собственномъ смыслѣ, потому что извѣстно, что лѣтописное «нѣмцы» нерѣдко означаетъ разныя вообще не-славянскія народности. Это скорѣе Венеціанцы, или вообще Итальянцы, которые, какъ мы уже видѣли, имѣли самый широкій доступъ на С.-В. Россіи чрезъ Донъ, Волгу и Балтійское море. Преобладаніе Ломбардскаго элемента въ этомъ стилѣ, также фактъ, что и въ послѣдующее время у насъ (напр. въ Москвѣ) имѣютъ большое значеніе Итальянцы (Сурожане), явное свидѣтельство лѣтописи, что работали «мастеры отъ многихъ земель», и что самое слово «мастеры»,—не русское, и съ равнымъ удобствомъ можетъ быть произведено какъ отъ германскаго meister, такъ и отъ итальянскаго maestro,—все это заставляетъ думать, что разсматриваемый стиль—итальянскій. Аристотель Фіоравенти, когда ему впослѣдствіи времени показали эти постройки, съ цѣлію, чтобы онъ подобныя-же и въ Москвѣ построилъ, воскликнулъ: «это работа нашихъ мастеровъ!» [1]). Само собою разумѣется, что мы не исключаемъ и нѣмцевъ въ собственномъ смыслѣ изъ строителей суздальскихъ храмовъ, равно какъ и Булгаръ, ибо сказано, что приведе Богъ мастеры изъ многихъ земель...

Параллельные описаннымъ факты мы замѣчаемъ въ исторіи русскаго орнамента, подъ которымъ мы разумѣемъ всевозможнаго рода украшенія или узоры на предметахъ домашняго обихода: головныхъ уборахъ, полотенцахъ, посудѣ, оружіи или ремесленныхъ инструментахъ и пр., а главнымъ образомъ—украшенія рукописей заставками, виньет-

[1]) С. Соловьевъ. Исторія Росс. съ др. вр. Изд. 2. Т. I, стр. 1540.

ками и крупными, такъ называемыми, заглавными буквами. Въ этой повидимому простой вещи — нарядить или украсить предметъ, букву, возможно пріятнѣе для глаза, сказывается то же стремленіе человѣческаго духа къ эстетическимъ формамъ, какое мы видѣли въ архитектурѣ и какое проявляется во всѣхъ искусствахъ, придавая имъ особенности, по коимъ мы часто безошибочно можемъ указать даже народъ, которому принадлежитъ тотъ или иной предметъ искусства. Авторъ вышеупомянутаго сочиненія по исторіи русскаго искусства, г. Новицкій, прекрасно изложилъ всѣ относящіеся сюда факты, которыми мы и воспользуемся въ настоящемъ изложеніи. По его мнѣнію, «эта отрасль искусства представляетъ интересъ даже большій, чѣмъ произведенія болѣе важныхъ отраслей искусства. Эти послѣднія со введеніемъ христіанства сразу попали подъ строгую цензуру церкви, тогда какъ орнаментъ, не исключая даже того, который украшалъ священныя рукописи, такъ сказать, ускользнулъ отъ ея зоркаго взгляда и все время развивался болѣе свободно. Всякій, кто хоть сколько-нибудь занимался изученіемъ нашихъ древнихъ рукописей, можетъ подтвердить, какъ мало въ ихъ орнаментѣ христіанскаго религіознаго элемента, который соотвѣтствовалъ бы религіозному содержанію самыхъ книгъ, и что, напротивъ, главный ихъ элементъ — чисто языческій.

Мало того, въ Академіи хранится одно Евангеліе, заглавныя буквы котораго представляютъ цѣлую языческую сцену. «Мы имѣемъ въ этихъ инициалахъ, пишетъ подробно изслѣдовавшій эту рукопись В. В. Стасовъ, разбросанные члены одной какой-то общей, теперь уже неизвѣстной композиціи, нѣчто въ родѣ какой-то картины, фриза, барельефа, гдѣ центръ ясно обозначенъ, такъ что къ нему справа и слѣва направляются разныя фигуры, по пяти съ каждой стороны. Въ центрѣ настоящей нашей картины изображены скоморохи, пляшущіе при какой-то священной церемоніи. Самая же церемонія, происходящая на чистомъ воздухѣ, на полянѣ, осѣненной деревьями, состоитъ въ принесеніи жертвы (закалываемый заяцъ) жрецомъ, имѣющимъ, въ видѣ особаго отличительнаго признака, такую шляпу на головѣ, какой нѣтъ ни у одного другого персонажа сцены. Другой жрецъ стоитъ на колѣняхъ у дерева и съ религіознымъ обожаніемъ обнимаетъ его стволъ; позади него еще третій жрецъ смотритъ сквозь вѣтви дерева; четвертый жрецъ, главный, стоитъ впереди ихъ всѣхъ, простирая руки кверху съ тѣмъ, изъ древности идущимъ, жестомъ обожанія и почитанія, который и до сихъ поръ существуетъ у христіанскаго священника, когда онъ воздѣ-

ваетъ руки горѣ въ извѣстныя минуты литургіи; позади всѣхъ стоитъ церемоніймейстеръ, или распорядитель и наблюдатель за порядкомъ священнодѣйствія. Такимъ образомъ правая сторона картины содержитъ жрецовъ и распорядителей. Въ лѣвой сторонѣ картины является прислужникъ, трубящій въ рогъ. Позади него идутъ четыре человѣка съ жертвоприносительными дарами».

Не останавливаясь долѣе на этой рукописи, мы видимъ ясно и изъ этого сообщенія, насколько свободенъ былъ художникъ въ этомъ случаѣ, если даже въ Евангеліи могъ помѣстить цѣлую сцену языческаго жертвоприношенія. Нечего уже и говорить объ орнаментахъ, украшающихъ несвященныя рукописи, а простые предметы домашняго употребленія.

Разсматривая наши древнія рукописи, мы находимъ, что древнѣйшій нашъ орнаментъ состоитъ въ наслѣдственномъ родствѣ съ болгарскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ русскія рукописи XI вѣка, переписанныя съ болгарскихъ оригиналовъ, каковы: «Григорій Богословъ», въ Императорской Публичной Библіотекѣ, «Остромирово Евангеліе» и «Изборникъ Святослава» 1073 года» [1]).

По опредѣленію академика Ѳ. И. Буслаева характеръ стиля этого орнамента, цвѣтущая эпоха котораго относится къ послѣдующимъ XIII и XIV столѣтіямъ, составляетъ «затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и змѣями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги которыхъ вплетены въ эти переводы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ... Въ этомъ хаосѣ сплетеній всякая естественная форма принимаетъ видъ *чудовища*, которое однако разсчитано не на то, чтобы пугать воображеніе, а на то, чтобы затѣйливостію группы произвести игривое впечатлѣніе».

«Разсматривая этотъ орнаментъ, мы находимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: изъ ременныхъ и преимущественно змѣиныхъ сплетеній и изъ чудовищъ, куда можно причислить и всѣ фигуры животныхъ и людей, потерявшихъ натуральность подъ печатью условнаго стиля.

---

[1]) Ист. русск. искусст. Т. I, стр. 129 и сл.

Оба эти элемента, какъ въ византійскихъ и южно-славянскихъ, такъ и въ русскихъ рукописяхъ сначала идутъ отдѣльно, особнякомъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Сліяніе это произошло сперва въ буквахъ, а потомъ уже перешло въ заставки. Въ рукописяхъ византійскихъ оно такъ и ограничилось буквами, а въ южно-славянскихъ и русскихъ развилось одинаково и въ буквахъ, и въ заставкахъ.

Въ византійскихъ рукописяхъ, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, благодаря натурализму и изяществу въ живописной раскраскѣ съ золотомъ, фигура животнаго, обыкновенно, птички, или фигура человѣка отдѣляется отъ корпуса буквы, стоя при ней, какъ изящная раскрашенная статуя при архитектурномъ зданіи. Затѣмъ, суставы буквъ, колонки и овалы, выступы и перекладины изъ членовъ архитектурныхъ превращаются въ животныхъ, сливая такимъ образомъ орнаментъ геометрическій съ орнаментомъ изъ царства животныхъ. Блистательный образецъ такихъ буквъ представляетъ византійская рукопись Акаѳиста Пресвятой Богородицы въ Синодальной Библіотекѣ. Драконъ или змій съ головою чудовища и съ птичьимъ клювомъ, украшеннымъ листвою, составляетъ, обыкновенно, всю букву, или же два такихъ же змія,—если это нужно для начертанія такихъ буквъ, какъ Т и Н. Сверхъ того въ буквѣ Т врисованы человѣческія лица. Ближе къ перевитіямъ русскаго орнамента стоитъ буква Y. Каждая изъ частей рогульки состоитъ изъ змія съ головою: головы эти увѣнчаны коронами. Завиткомъ одного изъ зміевъ скрѣпляется уголъ рогульки. Подъ завиткомъ получеловѣческое, полузвѣриное рыло, изъ пасти котораго внизъ спускается ремень, захватывающій, какъ подпруга, подъ животъ какое-то четвероногое животное, которое, ступая на своихъ лапахъ, составляетъ пьедесталъ всей буквы.

Въ ближайшей связи съ буквами этого византійскаго Акаѳиста стоятъ буквы Остромирова Евангелія (1056—1057), въ которомъ изъ листьевъ геометрически, архитектурно построенной буквы тамъ и сямъ выступаетъ то человѣческое лицо, то звѣриная морда. Замѣчателенъ между прочимъ грифонъ,—полуптица, полузвѣрь, крылатое животное съ лапами, составляющее нижній овалъ буквы В. Такой же грифонъ изображенъ на фрескѣ лѣстницы въ Кіево-Софійскомъ соборѣ съ головою, обращенною къ чудовищному рылу извивающагося подъ его ногами змія; затѣмъ онъ весьма часто встрѣчается между прилѣпами Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, является одною изъ самыхъ распространенныхъ фигуръ въ орнаментѣ русскихъ рукописей XIII и XIV

вѣка [1]), и, наконецъ, какъ красивая и весьма употребительная фигура на деньгахъ Тверского князя Михаила Борисовича и только, какъ исключеніе, на одной изъ Московскихъ денегъ Василія Васильевича Темнаго [2]).

«Фигура эта, ведущая свое происхожденіе съ *иранскаго востока*, чрезвычайно распространена и въ стилѣ романскомъ, на Западѣ. Она, можно сказать, коренная въ самой почвѣ, по которой совершилось переселеніе народовъ съ Востока на Западъ, чему свидѣтельствомъ можетъ служить скиѳскій грифонъ изъ Луговой могилы».

«Въ русскихъ рукописяхъ XII вѣка этотъ, такъ называемый чудовищный или тератологическій орнаментъ продолжаетъ развиваться въ заглавныхъ буквахъ, но отсутствуетъ въ заставкахъ, которыя все еще носятъ на себѣ традиціонный византійскій характеръ—и если допускаютъ птицъ и животныхъ, то эти послѣднія помѣщаются отдѣльно на выступахъ или наверху заставокъ, по византійскому обычаю».

«Прекрасное доказательство, до очевидности убѣдительное, перехода этого византійскаго орнамента къ сплетеніямъ и чудовищамъ варварскаго или романскаго стиля представляютъ намъ заглавныя буквы Юрьевскаго Евангелія (1120—1128). Изъ 65 заглавныхъ буквъ Юрьевскаго Евангелія около 20 буквъ безспорно принадлежатъ къ чудовищному орнаменту, остальныя же представляютъ болѣе или менѣе искусныя копіи съ византійскихъ оригиналовъ, въ видѣ геометрическаго орнамента въ архитектурной формѣ» [3]).

Пользуясь формами иноземнаго происхожденія для выраженія своихъ художественныхъ идей, русскіе, преимущественно новгородцы, такъ какъ въ ихъ краѣ, не подвергнувшемся разоренію отъ Татаръ, преимущественно сохранились древніе письменные памятники, старались вносить въ нихъ и нѣкоторыя измѣненія, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ зародыши собственно русскаго стиля, но они были чрезвычайно робки, несмѣлы и никогда не достигали того смѣлаго пошиба, какимъ они отличались въ Западной Европѣ. Эти прибавки или измѣненія состоятъ, напр., въ томъ, что «заглавная буква стоитъ на хребтѣ чудовища, ухватившись руками за змѣиные хвосты; то ступаетъ одною ногою на ходулѣ, а другой—на змѣиныхъ сплетеніяхъ, въ одной рукѣ

---

[1]) У автора приведены и рисунки описанныхъ имъ буквъ. Стр. 134 и сл.

[2]) См. Чертковъ. Опис. русск. монетъ. М. 1832, № 43. Табл. XX. Ф. 1. Деньга Мих. Борисов. будетъ описана ниже.

[3]) Новицкій. Тамъ же, стр. 137 и сл.

держитъ рогъ, а въ другой нѣчто въ родѣ гуслей, то забавляется охотой съ соколомъ въ рукѣ (мотивъ, также встрѣчайщійся на деньгахъ Тверского великаго князя Бориса Александровича), то сидитъ верхомъ на животномъ, держа въ рукѣ щитъ», и пр.

Что касается узоровъ на разныхъ предметахъ домашняго обихода, то «изслѣдователь ихъ В. В. Стасовъ приходитъ къ заключенію, что въ нихъ ничего нѣтъ самостоятельнаго, потому что всѣ главныя составныя части ихъ существуютъ у извѣстныхъ народностей азіатскаго происхожденія, которыя обладаютъ ими въ теченіе долгихъ столѣтій и, конечно, никоимъ образомъ не могли заимствовать ихъ отъ русскихъ» [1]).

Узоры, съ которыми наши имѣютъ всего болѣе родства, онъ дѣлитъ на двѣ группы: на узоры *финскіе* и узоры *персидскіе*.

Общими съ финскими у насъ являются тѣ, которые состоятъ изъ однѣхъ геометрическихъ фигуръ, какъ напримѣръ фигуры изъ нѣсколькихъ пересѣкающихся линій, съ бо́льшимъ или меньшимъ крестомъ внутри или безъ него, фигуры изъ двухъ или четырехъ пересѣкающихся прямыхъ съ загнутыми въ видѣ крючковъ концами и пр. [2]). Общія съ персидскими тѣ, которые изображаютъ фигуры геометрическія, фигуры деревьевъ и фигуры животныхъ. Между первыми главное мѣсто занимаютъ *восьмиугольныя звѣзды*, въ большомъ количествѣ разсѣянныя по всѣмъ персидскимъ издѣліямъ: коврамъ, платкамъ, матеріямъ и даже по архитектурнымъ украшеніямъ. Объяснять ли заимствованіемъ отсюда, или нѣтъ, мы не рѣшаемся утверждать; однако одинъ изъ типовъ денегъ, чеканенныхъ при Тверскомъ великомъ князѣ Михаилѣ Борисовичѣ, имѣетъ на себѣ восьмиугольную звѣзду въ качествѣ лицеваго изображенія.

Фигуры деревьевъ изображены на многихъ *сассанидскихъ* барельефахъ и капителяхъ. Всѣ детали этихъ деревьевъ здѣсь являются въ полномъ и легко объяснимомъ видѣ, тогда какъ въ русскихъ узорахъ многія изъ деталей этихъ изображеній утрачены или превратились въ мертвую букву. Деревья, звѣри и птицы составляютъ обыкновенный сюжетъ изображеній, встрѣчающихся не только на деньгахъ Тверскихъ, но и многихъ другихъ княжествъ. Объяснять же ихъ происхожденіе столь издалека, какъ это дѣлаетъ г-нъ Стасовъ, повторяемъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для сужденія. Можетъ быть все это и такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Намъ только кажется, что при подобнаго рода

[1]) Тамъ же, стр. 144.

[2]) У автора приведены рисунки, №№ 81, 82 и 83.

сближеніяхъ не слѣдовало бы забывать, что разсматриваемые сюжеты столь просты и общепонятны, и идеи о нихъ столь общечеловѣчны, что повидимому нѣтъ особой надобности выводить ихъ изъ столь далекихъ странъ и временъ.

Изображенія живыхъ существъ на нашихъ вышивкахъ имѣютъ сходство съ подобными же въ персидскихъ памятникахъ. Здѣсь, какъ и у насъ, вездѣ является дерево, по сторонамъ котораго стоятъ птицы. То же самое нужно сказать и о львахъ, и о грифонахъ. Все это, говоритъ В. В. Стасовъ, въ ново-персидской орнаментикѣ прямое наслѣдіе древне-иранскихъ эпохъ и древне-иранскаго искусства, такъ что птицы, кони, львы, люди, являющіеся въ нашей орнаментикѣ парами, по большей части стоящими по сторонамъ дерева, не что иное, какъ отблески тоже такихъ же фигуръ парами, находящихся на цилиндрахъ, капителяхъ, барельефахъ, мебели, посудѣ, сосудахъ, эмаляхъ, матеріи, оружіи, стеклѣ и пр. *ассирійскаго* и древне-персидскаго искусства,-- отблески, перешедшіе къ намъ всего скорѣе чрезъ посредство образцовъ, существовавшихъ въ Персіи во времена послѣ Рождества Христова...

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ объ искусствѣ рѣзьбы на деревѣ, металлѣ и камняхъ, о гравировкѣ и стоящемъ съ ней въ неразрывной связи чеканномъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, наши источники предлагаютъ намъ слишкомъ скудный матеріалъ для рѣшенія вышеозначенныхъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что мы знаемъ только кое-что объ искусствѣ рѣзьбы на деревѣ и не столько на основаніи прямыхъ лѣтописныхъ указаній, сколько на основаніи окольныхъ выводовъ, построенныхъ на нихъ, относительно же рѣзьбы на металлѣ и камняхъ почти что ничего не знаемъ, и можемъ дѣлать только тѣ или другія догадки.

«Рѣзьба и даже ваяніе изъ дерева издавна были знакомы Русскимъ. Еще задолго до принятія христіанства, изъ дерева рѣзались кумиры, выражавшіе, конечно, своимъ типомъ характеръ даннаго божества. При этомъ, рядомъ съ грознымъ типомъ громовержца Перуна, являлись и кроткіе образы воплощенной любви—Лады, и олицетвореніе идей достатка и покровительства труду, въ видѣ Волоса и Дажбога. Все это даетъ намъ право заключить о значительномъ развитіи у нашихъ предковъ этой стороны искусства, конечно своеобразнаго, но уже отмѣченнаго со стороны исполнителя печатью сознанія того, что онъ дѣлаетъ. Съ тѣхъ поръ рѣзьба изъ дерева много разъ мѣняла свои виды, примѣнялась къ предметамъ различнаго назначенія, возникала

съ большимъ успѣхомъ то въ той, то въ другой мѣстности, но никогда не прекращалась и до сихъ поръ составляетъ одно изъ самыхъ излюбленныхъ занятій нашихъ кустарей.

Съ принятіемъ христіанства, понятно, и эта отрасль должна была служить потребностямъ религіи. Рѣзчики должны были приготовлять священные предметы и украшать церкви. И тутъ дѣло не могло обойтись безъ вліянія Византіи,—первыми образцами должны были явиться кресты, иконы и другіе подобные предметы, доставлявшіеся изъ Византіи; но тутъ вліяніе это, повидимому, сказалось гораздо слабѣе, чѣмъ въ иконописи. Тамъ въ ученики къ византійскимъ мастерамъ поступали люди, не имѣвшіе никакихъ собственныхъ художественныхъ традицій; поневолѣ первое время они только рабски копировали своихъ учителей и только уже послѣ, достаточно освоившись съ этимъ дѣломъ, стали вносить туда кое-что своего. Здѣсь же брались за дѣло люди, проведшіе всю жизнь на этомъ дѣлѣ и еще унаслѣдовавшіе его отъ отцовъ и дѣдовъ. Они являлись тутъ уже съ твердо установившимися традиціями, которыя, даже при полномъ желаніи съ ихъ стороны, имъ было бы не легко искоренить, и которыя, такимъ образомъ, невольно и неизбѣжно должны были перейти и въ новыя ихъ работы. Съ другой стороны и сама церковь, обращая главное свое вниманіе на монументальныя произведенія иконописи, не слѣдила такъ строго за мелкими рѣзными изображеніями, и такимъ образомъ, въ круглыхъ рѣзныхъ иконахъ не трудно замѣтить такія видоизмѣненія типовъ, которыя могутъ быть легко объяснены только остатками язычества, перенесеніемъ на христіанскихъ святыхъ типовъ древнихъ языческихъ кумировъ. Подтвержденіемъ этого служитъ по большей части грозное выраженіе лика у рѣзныхъ изображеній святыхъ, вовсе не соотвѣтствующее духу и смыслу христіанской религіи, а особенно многіе аттрибуты, съ которыми они представляются, и которые, несомнѣнно, языческаго происхожденія. Таковы иконныя изображенія пророка Иліи со снопомъ, св. Власія съ домашнимъ рогатымъ скотомъ, св. Георгія на конѣ и Николая чудотворца съ мечемъ въ рукѣ».

По поводу этихъ строкъ, заимствованныхъ нами у г. Новицкаго, онъ же приводитъ поясняющее и подтверждающее ихъ мнѣніе г. П. Петрова: «Быстрота перемѣны языческихъ вѣрованій на христіанскія, говоритъ послѣдній, не могла изгладить ихъ изъ народной памяти, а недостаточность знакомства съ догматами новой религіи въ умахъ и представленіяхъ недавнихъ язычниковъ способствовали перенесенію

именъ божествъ и аллегорій міровыхъ явленій, встрѣчающихся въ былинахъ, на сходныя имена святыхъ и на понятія христіанства. Это перенесеніе произошло незамѣтно, такъ какъ прежде русскіе архіереи изъ грековъ, по незнакомству съ нашимъ языкомъ, не могли учительнымъ словомъ своимъ вліять на уничтоженіе суевѣрія, не только въ народѣ, но и въ духовенствѣ. Легко утвердившіяся въ это время суевѣрія уже слились для слѣдующаго поколѣнія съ догматами вѣры, далеко не полно усвоенной и понимаемой. Привязанность народа къ круглымъ, хотя и не особенно рельефнымъ изображеніямъ святыхъ съ сомнительными аттрибутами, объясняется именно этими фактами».

Кромѣ скульптурныхъ изображеній святыхъ, которыя, впрочемъ церковь вообще не одобряла, не допуская круглыхъ статуй по принципу, однимъ изъ главныхъ предметовъ рѣзьбы былъ крестъ. «Кресты эти по своему назначенію подраздѣлялись на тѣльные, наперстные, напрестольные, благословляющіе и пр. Въ числѣ послѣднихъ и напрестольныхъ встрѣчаются иногда оттѣнки особаго типа: къ нижней перекладинѣ креста простираются отъ рукоятки двѣ вѣтви съ изображеніемъ *пророковъ и химеръ*, въ видѣ *змѣй и драконовъ*».

«Такими работами, украшающими сосуды, паникадила, подсвѣчники, обручальные вѣнцы и кіоты, ограничивалось почти все тогдашее рѣзное дѣло» [1]).

Что касается рѣзьбы по металлу и камнямъ, то и здѣсь намъ придется указать лишь немногіе факты, за отсутствіемъ объ этомъ какихъ-либо свѣдѣній въ лѣтописяхъ. Прежде всего трудно и теоретически допустить, чтобы такихъ мастеровъ не было, хотя, несомнѣнно, они были въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе отсутствія спроса на предметы ихъ производства. Изъ лѣтописей намъ извѣстно одно только упоминаніе: это—о мастерѣ Козьмѣ, который въ XIII вѣкѣ вырѣзалъ печать—вѣроятно перстень—для татарскаго хана. Плано-Карпини объ этомъ говоритъ такъ: «Господь послалъ намъ на помощь одного Русса, по имени Козьму, золотыхъ дѣлъ мастера, котораго императоръ очень любилъ и который помогалъ намъ нѣсколько. Онъ показывалъ намъ сдѣланный имъ императорскій престолъ, прежде, нежели поставили его на мѣсто, и императорскую печать, имъ же сдѣланную». Упоминаютъ еще перстень изъ аравійской мѣди съ синимъ стекломъ,

---

[1]) Новицкій. Цит. соч. стр. 151—152.

[2]) Д. Прозоровскій. Сводъ свѣдѣній, относящихся до техники и исторіи медальернаго искусства. Спб. 1884. Стр. 173—174. Плано-Карпини, кн. I, гл. 15.

подаренный ханомъ Джанибекомъ Алексѣю, митрополиту московскому, на которомъ вырѣзанъ драконъ. Высказываютъ даже догадку, не русскій-ли мастеръ его сдѣлалъ и не тотъ же-ли Козьма [2]), о которомъ мы только что упомянули; но дѣло въ томъ, что нынѣ извѣстный намъ перстень съ именемъ св. Алексѣя—поддѣльный: «настоящій изчезъ въ прошедшемъ или нынѣшнемъ столѣтіи» [1]). Въ духовной 1481 г. князь Андрей Васильевичъ упоминаетъ: «икону пречистые на деманидѣ». Но утверждаютъ, что въ XV в. найденъ только способъ граненія алмазовъ, рѣзьба же на алмазѣ изобрѣтена въ XVII в. Въ такомъ случаѣ, что же слѣдуетъ понимать подъ словомъ «деманидъ»? Въ духовной князя Михаила Андреевича 1486 г. упоминается икона праздники Владычни, рѣзана на перелевти (агатъ, оникъ) [2]). Извѣстно также, что князья наши иногда употребляли рѣзные камни (камеи) въ качествѣ печатей. Но печати эти были большею частію иностраннаго происхожденія—дѣло рукъ иностранныхъ мастеровъ—(о чемъ рѣчь ниже), а о чеканкѣ монетъ мы не имѣемъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Вотъ почти и всѣ наши свѣдѣнія по этому предмету.

Къ нимъ, пожалуй, можно присоединить нѣкоторыя курганныя находки, на которыхъ видны слѣды рѣзьбы, но относительно таковыхъ находокъ не всегда легко сказать, къ какой мѣстности онѣ должны быть пріурочены и къ какой эпохѣ принадлежатъ. Такъ, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи найдено серебряное кольцо и аквамаринъ отъ перстня съ изображеніемъ идущаго льва; въ Чердынскомъ уѣздѣ той же губерніи найдены бронзовыя подвѣски и перстень съ печатью въ видѣ пуговицы, усаженной зернью. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи найдены, кромѣ серебряныхъ перстней съ изображеніемъ «птица», лиліи (крина), еще серьга, на которой вырѣзаны двѣ птицы, и под. [3]). Оказывается, однако, что изображенія, которыя мы находимъ здѣсь, однородны съ тѣми, съ которыми мы выше познакомились (съ заимствованными изъ легендъ) и слѣдовательно говорятъ о какомъ-то общемъ источникѣ, откуда черпали наши художники свои идеи.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы, полагаемъ, имѣемъ право резюмировать его такъ: весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, заселенный полудикимъ, но способнымъ къ культурѣ славяно-финскимъ населеніемъ, былъ подчиненъ съ самаго начала самымъ разнообразнымъ

---

[1]) Голубинскій Е. Е. Исторія Русск. церкви. М. 1900. Т. II, стр. 197.

[2]) Д. Прозоровскій. Цит. соч. стр. 173, 175 и 158.

[3]) Русскія древн. Вып. V, стр. 99, 100, 71.

культурнымъ вліяніямъ, изъ которыхъ западно-европейское, проникавшее чрезъ Новгородъ и Западную Двину, и восточно-азіатское, проникавшее главнымъ образомъ чрезъ Донъ и Волгу, занимали первенствующее мѣсто. Въ этомъ обширномъ пространствѣ Ростово-Суздальская область была громадной лабораторіей, въ которой всѣ эти, заимствованныя отъ Норманновъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Итальянцевъ, Булгаръ и чрезъ восточно-азіатскія страны,—отъ Китайцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Сирійцевъ и Египтянъ элементы культуры перерабатывались въ ту своеобразную культуру, которая получила названіе Русской культуры, и которая впослѣдствіи, съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ новыхъ элементовъ (татарскихъ), получила названіе общерусской или, точнѣе, великорусской. Здѣсь именно возникъ и образовался тотъ запасъ художественныхъ идей, изъ котораго щедрою рукою черпали свое вдохновеніе художники и который не остался безъ вліянія и на сосѣднія области—Тверскую, Московскую и Новгородскую. Такъ, напр., указываютъ, что фресковая живопись XII в. въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ, въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, есть работа Суздальскаго иконописца Николая Сафонова, превосходящая по изяществу и рельефности даже работу того-же мастера въ мѣстномъ Софійскомъ соборѣ. Многія Московскія ранніе постройки, какъ напр. Даниловъ монастырь и въ немъ первый храмъ Спаса, Спасъ на Бору въ Московскомъ Кремлѣ, Успенскій соборъ въ Звенигородѣ и др., носятъ ясные признаки своей постройки по образцу Владимірско-Суздальскихъ памятниковъ.

Если бы мы имѣли право расширить нашу точку зрѣнія на эту культуру и взглянуть на нее не только съ художественной стороны, но и съ другихъ (не позволяетъ же намъ узость нашей темы), то увидѣли-бы, что культура Новгородско-Ростово-Суздальской земли была культурою и въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Новгородъ, Ростовъ и Владиміръ были центрами и умственнаго просвѣщенія: тутъ были знаменитые книжники, писцы лѣтописей и книгъ, живописцы, путешественники въ отдаленныя страны и пр. Словомъ, безошибочно будетъ сказать, что Новгородско-Ростово-Суздальская земля въ періодъ до-татарскій можетъ быть разсматриваема какъ совершенно особая, русская культура, значительно отличающаяся отъ предыдущей, Кіевской, носившей на себѣ преимущественно византійскій характеръ, и отъ послѣдующей Московской, въ которой значительное мѣсто занялъ элементъ татарскій. Что касается Тверской области, то она непосредственно унаслѣдовала культуру Ростово-Суздальской земли и сохранила ее до

тѣхъ поръ, пока политическія обстоятельства не вынудили ее примкнуть къ Московской,—и, затѣмъ, слиться съ общерусской. Когда и какъ это произошло—составитъ содержаніе одной изъ послѣдующихъ главъ, (V й), а пока мы остановимъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ произведеніяхъ иностраннаго искусства, относительно которыхъ можно думать, что они служили непосредственными образцами для подражанія нашихъ художниковъ.

Глава III.

Произведенія иностраннаго искусства, какъ непосредственные образцы для подражанія художниковъ.

Обычай прикладывать печати, въ знакъ удостовѣренія подлинности и достовѣрности тѣхъ или другихъ актовъ, столь же древенъ, какъ древенъ родъ человѣческій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ большое количество печатей, оставленныхъ намъ такими народами, какъ халдеи, финикіяне и египтяне.

Печати имѣли не только правители, но и частныя лица и даже города. Такъ, на печати Коринѳа былъ изображенъ пегасъ, Аѳинъ—сова, Пелопонеса—черепаха, Ѳивъ—щитъ, Самоса—павлинъ, Радоса—роза, отъ которой онъ и получилъ свое названіе. На Помпеевой печати былъ изображенъ левъ съ мечемъ, у цезаря—вооруженная Венера, у Плинія Младшаго—колесница и т. д.

При маломъ распространеніи грамотности у древнихъ народовъ, понятно, что печать служила незамѣнимымъ пособіемъ и удостовѣреніемъ того или другого акта, на которомъ она была приложена.

«Къ грекамъ и римлянамъ печати перешли отъ народовъ восточныхъ; отъ грековъ и римлянъ печати перешли къ германскимъ племенамъ среднихъ вѣковъ. Какъ Римскіе законы требовали приложенія печатей къ судебнымъ актамъ и сдѣлкамъ разнаго рода, такъ и племена, поселившіяся на римской почвѣ, вмѣстѣ съ узаконеніями Рима, усвоили себѣ и этотъ обычай..., и къ XII столѣтію обыкновеніе прикладывать печати сдѣлалось всеобщимъ и повсемѣстнымъ».

Матеріаломъ для печатей служили обыкновенно драгоцѣнные металлы, а также иногда свинецъ и олово, и драгоцѣнные камни.

Что касается изображеній на печатяхъ, то они были весьма разнообразны. Въ средніе вѣка за недостаткомъ собственныхъ памятниковъ подражанія, вслѣдствіе элементарности художественнаго вкуса и развитія, прибѣгали къ антикамъ, воспроизводившимъ большею частію миѳологическіе и аллегорическіе сюжеты. Камеи и геммы были такъ прекрасны, что человѣкъ, по естественному влеченію ко всему прекрасному, присущему всѣмъ народамъ, не могъ не сдѣлать ихъ образцами для подражанія.

«Строгаго соотвѣтствія между изображеніемъ на геммѣ и званіемъ избравшаго ее лица не было. Напр. въ 1280 году аббатъ одного монастыря употреблялъ печать съ изображеніемъ воина съ головою, покрытою шлемомъ; на печати другого аббата 1211 года представлена богиня охоты Діана....».

Отъ народовъ Запада и Византіи печати съ многими изъ своихъ особенностей перешли и къ намъ въ Россію и были весьма любимы славянскимъ племенемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ путешественники. Первое упоминаніе объ употребленіи у насъ печатей относится къ X вѣку. Такъ, въ трактатѣ Игоря съ греками, заключенномъ въ 945 году, упоминается, что дипломатическіе агенты Руссовъ носили печати: «послы—золотыя, а гости—серебряныя». Договоръ, заключенный съ греками при Святославѣ, уполномоченные русскіе утвердили своими подписями и печатями.

Печати были у насъ великокняжескія и частныхъ лицъ. Общее между ними было то, что камей, антикъ, случайно попавшійся и понравившійся лицу, вставлялся въ именной ободочекъ или же изображеніе изготовлялось въ Россіи и, также съ круговою надписью, составляло печать, или, наконецъ, одна надпись на печати свидѣтельствовала, чья она и приложеніе ея къ договорамъ и актамъ служило достаточнымъ ручательствомъ ихъ твердости.

Цѣлый рядъ сохранившихся до насъ старинныхъ русскихъ печатей, въ особенности XIV и XV в.в., свидѣтельствуютъ, что большая часть изъ нихъ была иностраннаго происхожденія—прелестныя античныя геммы, и только нѣкоторыя плохія русскія имъ подражанія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, но такія, которыя находятся при дѣлахъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ Тверскому краю. Таковы, напр., печати XIV в. князей: Дмитрія Александровича (античная го-

ловка вправо—подобное изображеніе есть и на деньгахъ Твер. вел. кн. Ивана Михайловича), Андрея Ѳедоровича (воинъ съ мечемъ и копьемъ—самое обыкновенное изъ изображеній на монетахъ Тверскихъ великихъ князей Б. А. и М. Б; XV вѣка: князей Дмитрія Юрьевича (изображеніе рыцаря въ латахъ и доспѣхахъ, находящееся и на деньгахъ Тверского великаго князя Ивана Михайловича), Ивана Андреевича (всадникъ на конѣ съ соколомъ въ рукѣ—также находящееся на деньгахъ М. Б.), Ѳедора Борисовича (два рыцаря съ поднятыми руками, надъ которыми находится изображеніе топора, отчасти напоминающее одинъ изъ типовъ денегъ Тверского вел. князя Бориса Александровича), Димитрія Ивановича (человѣкъ съ птицей въ рукѣ), Ивана Синицы (съ изображеніемъ всадника на конѣ)—одно изъ характерныхъ изображеній на деньгахъ Тверского великаго князя М. Б. и т. д. [1]).

Относительно соотвѣтствія между званіемъ лица, которому принадлежала печать, и изображеніями на ней нужно сказать повидимому то же, что сказано было относительно того же предмета на Западѣ: и у насъ это соотвѣтствіе не всегда можно усмотрѣть. Такъ, напримѣръ, извѣстна печать, принадлежащая игумену Троице-Сергіева монастыря Авраамію XV вѣка, на которой находимъ изящное изображеніе нагой дѣвушки, держащей въ одной рукѣ копье, а въ другой сердце, съ птицею у ногъ. Многія изъ этихъ печатей имѣли форму перстней и носились на пальцахъ, другія въ видѣ привѣсковъ, что доказывается сохранившимися у нѣкоторыхъ экземпляровъ ушками.

Вотъ относительно этихъ-то печатей еще въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка Бельгійскимъ нумизмитомъ Піо было высказано мнѣніе, что въ Англіи, Франціи и Нидерландахъ типъ монетъ постоянно копировался съ печатей,—мнѣніе, съ которымъ необходимо считаться и историку нумизматики любого изъ русскихъ княжествъ, такъ какъ громадное вліяніе иностраннаго элемента во всемъ русскомъ искусствѣ того времени не подлежитъ сомнѣнію. Бельгійскій ученый хорошо знаетъ тѣ случаи, которые представляютъ исключенія изъ его закона, напр. факты, когда правители копировали монетные типы съ монетъ своихъ сосѣдей, съ цѣлію расширить кругъ обращенія своихъ денегъ, но эти случаи онъ и трактуетъ какъ исключенія, нисколько не колеблющія открытаго имъ закона. Въ виду важности наблюденнаго имъ закона

[1]) Изображенія всѣхъ этихъ печатей находятся въ прекрасной книгѣ П. Иванова: Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей и пр. М. 1858.

приведемъ подлинныя его слова по переводу, сдѣланному графомъ Ив. Ив. Толстымъ.

«Имѣвшіе случай сравнивать средневѣковыя печати съ монетами той же эпохи могли убѣдиться, что качество исполненія (l'execution) первыхъ всегда выше качества и исполненія монетныхъ штемпелей. Спрашивается, что является причиной такой разницы? Очень вѣроятно то, что они находятся въ зависимости отъ степени искусства художниковъ, которымъ поручалось гравированіе штемпелей для печатей и для монетъ. Такъ какъ одинъ штемпель печати былъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы прикладывать печать ко всѣмъ актамъ, которые государь или владѣтель скрѣплялъ въ продолженіи всей своей жизни, то и выбирали для его изготовленія выдающагося художника, трудъ котораго могъ быть щедро оплаченъ; совершенно другое приходится сказать относительно монетныхъ штемпелей, которые разбивались ежедневно, вслѣдствіе дурной системы чеканки, бывшей тогда въ ходу. Громадные (поэтому) расходы, сопряженные съ вырѣзкой монетныхъ штемпелей, были вѣроятно причиною того, что для этого дѣла пользовались услугами менѣе искусныхъ мастеровъ, которые и оплачивались дешевле художниковъ, вырѣзавшихъ штемпеля для печатей. Но въ искусствѣ, какъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, люди геніальные или талантливые всегда имѣютъ вліяніе на работу своихъ товарищей по ремеслу въ томъ случаѣ, когда имъ удавалось удачно скопировать типъ печати или же, нѣсколько измѣнивъ, удачно приспособить его. Отсюда произошелъ законъ подражанія типовъ на штемпеляхъ монетъ и печатей. Итакъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что денежники вдохновлялись великолѣпными произведеніями рѣзчиковъ печатей. Другое обстоятельство, побуждавшее ихъ копировать типы печатей, заключается въ томъ, что изображеніе или знакъ, оттиснутые на монетѣ, имѣли цѣлію удостовѣрить ея подлинность, подобно тому, какъ наложеніе печати служило удостовѣреніемъ подлинности актовъ, которые ею скрѣплялись» [1]).

Мнѣніе Піо вѣроятно было извѣстно г. Лакіеру, писавшему свою «Русскую Геральдику» въ 1855 году, потому что и онъ утверждаетъ, что изображенія на монетахъ составляютъ копіи съ княжескихъ печатей, какъ послѣднія—копіи съ камей. При этомъ онъ идетъ нѣсколько далѣе Піо. По нему, даже, «въ древней Россіи рѣзчиковъ и не было и поэтому монеты и печати для князей должны были дѣлаться въ Визан-

[1]) Русская допетровская нумизматика. Т. II. СПБ. 1886. Стр. 16.

тіи (греческая работа видна очень часто) или состоять изъ геммъ» [1]). При болѣе детальномъ развитіи своего взгляда авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, когда, говоря объ изображеніяхъ на монетахъ, замѣчаетъ, что это «были дурныя по большей части копіи съ прелестныхъ иногда оригиналовъ, съ камеевъ». Кто же, спрашивается, дѣлалъ эти дурныя копіи, если у насъ не было рѣзчиковъ и если хорошіе оригиналы привозились изъ Византіи? Кромѣ сего, у г. Лакіера и общая концепція дѣла не совсѣмъ правильна. Ему нужно было прослѣдить исторію возникновенія у насъ гербовъ, и вотъ онъ старается обращать вниманіе на такія изображенія, въ которыхъ можно усмотрѣть идею постепеннаго развитія государственности, простирая ее даже на удѣльный періодъ, и не обращая вниманія на другія изображенія, или символы, которые ему не могли быть неизвѣстны, такъ какъ классическій, можно сказать, трудъ А. Д. Черткова «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ», уже 20 лѣтъ, какъ былъ извѣстенъ въ печати. Укажемъ на тотъ фактъ, что изъ Тверскихъ монетныхъ изображеній онъ находитъ возможнымъ говорить только о «всадникѣ на конѣ» и то въ такомъ ложномъ свѣтѣ, будто это изображеніе на Тверскія деньги перешло съ Московскихъ денегъ Ивана III, который будто-бы «продолжалъ употреблять на монетахъ штемпель своихъ предковъ». Увлекаясь той же идеей развитія государственности, онъ подчасъ нѣкоторымъ изображеніямъ придаетъ смыслъ только потому, что ошибочно относитъ монету не къ тому времени, къ которому она въ дѣйствительности должна быть отнесена. Напр., когда рѣчь идетъ о печати Ивана Ивановича, сына Ивана Даниловича Калиты, онъ говоритъ: «на монетахъ его правленія, до насъ дошедшихъ, въ штемпелѣ уже начинаетъ проявляться убѣжденіе о борьбѣ съ врагами и о побѣдѣ надъ ними (это въ XIV-мъ-то вѣкѣ!); а именно: на нѣкоторыхъ его монетахъ изображенъ воинъ въ остроконечной шапкѣ (нѣтъ сомнѣнія, что это самъ великій князь), который, вынувъ мечъ изъ ноженъ, какъ-бы готовится на бой; на оборотѣ надпись: великаго князя Ивана Ивановича; а другое изображеніе еще замѣчательнѣе: человѣкъ намѣренъ поразить мечемъ гидру, которая, разъярившись, силится броситься на него. Повторяемъ (ибо на этомъ будетъ основанъ нашъ дальнѣйшій выводъ) (это слова Лакіера), во всѣхъ этихъ типахъ слишкомъ много смысла и значенія для того, чтобы приписать измѣненіе рисунка вкусу и произволу денежника; какъ великій князь грозитъ поразить гидру, такъ чрезъ полстолѣтія мы увидимъ его по-

[1]) Русская геральдика. СПБ. 1855. Т. I. Стр. 91.

разившимъ ее тогда, когда врагъ дѣйствительно ослабѣетъ и будетъ побѣжденъ». Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ вовсе не о деньгахъ, принадлежащихъ сыну Калиты (каковыхъ намъ вовсе неизвѣстно), а о монетахъ Ив. Ивановича, сына Ивана III, которому была отдана отцомъ Тверь, по присоединеніи ея къ Москвѣ въ концѣ XV вѣка. На второй изъ этихъ монетъ, «особенно замѣчательной» по словамъ г. Лакіера, по мнѣнію новѣйшихъ нумизматовъ, напр. А. В. Орѣшникова, изображенъ вовсе не великій князь Московскій, а «сидящій чортъ съ бородою; вправо, въ поднятой рукѣ мечъ;—длинный хвостъ чорта, проходя и загибаясь между ногами, оканчивается фантастическимъ животнымъ съ зубчатою спиною и съ лапами, обращенными влѣво» [1]).

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ можетъ имѣть приложеніе къ Тверскимъ деньгамъ мнѣніе Піо. Мнѣніе Піо нуждается въ такихъ ограниченіяхъ и поправкахъ, которыя почти совершенно уничтожаютъ всю его силу въ приложеніи къ Тверскимъ деньгамъ. Во первыхъ, сравнительная оцѣнка качествъ изображеній на монетахъ и на печатяхъ еще не можетъ быть произведена, потому что громадное большинство послѣднихъ еще покоится въ архивахъ и не издано. Единственные извѣстные намъ труды по этой части (именно изъ важнаго для насъ удѣльнаго періода)—это вышеупомянутая книга г. П. Иванова (добросовѣстнѣйшаго изслѣдователя и описателя нашихъ архивовъ во всѣхъ отношеніяхъ и до настоящаго времени еще неоцѣненнаго какъ слѣдуетъ) и только что вышедшая брошюра г. Орѣшникова «Матеріалы къ русской сфрагистикѣ» М. 1903, не считая немногихъ статей въ спеціальныхъ журналахъ. Но этого матеріала, понятно, совершенно недостаточно для какихъ-либо серьезныхъ выводовъ. Во вторыхъ, утвержденіе, что лучше вырѣзалась печать потому, что она лучше оплачивалась, а лучше оплачивалась потому, что владѣлецъ употреблялъ ее въ теченіе всей своей жизни, можетъ быть—справедливо въ приложеніи къ деньгамъ Франціи, Бельгіи и вообще къ тѣмъ государствамъ и мѣстамъ, которыя имѣетъ въ виду г. Піо, въ приложеніи же къ Тверскимъ деньгамъ рѣшительно не можетъ быть провѣрено, такъ какъ на «оплату» печачей нѣтъ никакихъ указаній въ лѣтописяхъ, а что касается употребленія одной и той же печати, то: 1) снимки съ нихъ, воспроизведенные въ Собр. Госуд. Грам. и Догов. гр. Румянцева, наводятъ на мысль объ употребленіи нѣсколькихъ печатей, однако утверждать это съ боль-

1) Русскія монеты до 1547 года. М. 1896. Стр. 55. № 328.

шею или меньшею увѣренностію нѣтъ возможности, такъ снимки этого изданія, вообще очень цѣннаго и важнаго, оказываются, если судить по неоднократнымъ заявленіямъ г. Орѣшникова, до невозможности искаженными [1]), 2) опровергается фактами. Типовъ Тверскихъ монетъ даже одного и того-же князя, какъ выше было замѣчено, такъ много, что если они были воспроизведены съ печатей, то столько же должно было существовать и печатей, что представляется совершенно невѣроятнымъ. Въ приложеніи къ другимъ княжествамъ быть можетъ теорія Піо и имѣетъ значеніе въ этой своей части, напр. къ Рязанскому, гдѣ единственное почти, уродливое изображеніе физіономіи не то человѣческой, не то какого-то животнаго, могло быть первообразомъ монеты этого княжества, —къ Новгородскимъ также деньгамъ, представляющимъ всего только два типа, но въ отношеніи къ Тверскому, равно какъ и многимъ другимъ княжествамъ, она безусловно не приложима. 3) Предположеніе Піо, что денежники вдохновлялись великолѣпными произведеніями рѣзчиковъ печатей, по отношенію къ Тверскимъ деньгамъ не находитъ себѣ подтвержденія въ фактахъ. Извѣстныя печати Тверскихъ великихъ князей Ярослава Ярославича, Михаила Ярославича, приложенныя къ ихъ торговымъ договорамъ съ Новгородомъ [2]) относятся ко времени, въ которое мы можемъ только *предполагать* существованіе у насъ собственной монеты, не имѣя въ настоящее время еще возможности утверждать это научно. Единственная печать, которая до нѣкоторой степени оправдываетъ взглядъ Піо и въ то же время относится ко времени (1326), когда въ Твери *могла* быть монета, есть печать вел. князя Тверского Александра Михайловича, изображеніе на которой воина (св. Александра Солунскаго) позднѣе часто встрѣчается на Тверскихъ деньгахъ. Печатей же Михаила Александровича до насъ не сохранилось, и только на двухъ печатяхъ Бориса Александровича, приложенныхъ къ его договорамъ съ Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и на одной Михаила Борисовича, на его договорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ III, мы видимъ довольно художественно исполненное изображеніе всадника на копѣ [3]), однако и тутъ нужно имѣть въ виду выше приведенное наблюденіе г. Орѣшникова. По этимъ всего на всего тремъ печатямъ, какъ само собой понятно, нѣтъ никакой возможности рѣшить вопросъ

---

[1]) Матеріалы къ русской сфрагистикѣ. Москва. 1903. Стр. 4, 14, 26, 38.

[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов. изд. гр. Румянцева. М. 1813 г. Т. I. Стр. 4, 5, 16.

[3]) Idid. Стр. 139, 176, 215.

о копированіи монетъ съ печатей, хотя теоретически подобная возможность, какъ уже замѣчено, представляется вѣроятною.

Имѣя въ виду вышеприведенное замѣчаніе, что нѣкоторыя изъ княжескихъ печатей носились въ видѣ перстней на пальцахъ, мы дали себѣ трудъ сравнить изображенія на монетахъ съ тѣми перстнями, которые хранятся въ Тверскомъ Музеѣ, и вотъ къ чему мы пришли: въ Тверскомъ Музеѣ есть цѣлая группа перстней (серебряныхъ и мѣдныхъ) неизвѣстно кому принадлежащихъ, на которыхъ мы находимъ тѣ-же самыя изображенія, которыя есть и на Тверскихъ монетахъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Подъ № 712[а] значится серебряный перстень съ изображеніемъ птицы направо (орла ?), съ распростертыми крыльями и съ буквой Н позади головы. Такія изображенія—съ буквами *К* и *Н*—толкуются нумизматами въ смыслѣ указанія на титулъ князя;—если допустить, что на этомъ перстнѣ буква К стерлась,—то будетъ возможно допустить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ перстнемъ какого-либо князя, напр. Михаила Борисовича, котораго монеты съ двуглавымъ орломъ существуютъ и съ которыхъ изображеніе могло быть перенесено на его монету. На серебряномъ перстнѣ подъ № 712[в] находится изображеніе кентавра, встрѣчающееся на монетахъ Тверскихъ князей Ив. Мих., Бор. Алекс. и Мих. Борисовича. На серебряномъ перстнѣ № 712[г]—драконъ со всадникомъ, держащимъ въ одной рукѣ копье, а въ другой стрѣлу. Подъ № 720 значится бронзовый перстень съ изображеніемъ звѣрька влѣво, съ поднятыми хвостомъ и переднею лапою—самый обыкновенный и распространенный изъ типовъ Тверскихъ денегъ. По поводу этого № описатель Музея А. К. Жизневскій, относя его къ XIV—XV в.в., дѣлаетъ замѣчаніе, что въ немъ, въ нижней части кольца, кольцо разъединено, подобно тому, какъ это встрѣчается на древнихъ Болгарскихъ и Мерянскихъ перстняхъ, что давало возможность надѣвать его на пальцы разной толщины. Подъ № 723 значится часть серебрянаго перстня съ изображеніемъ птицы съ трезубцемъ на спинѣ. Перстень также относится къ XIV и XV в.в., а изображеніе на немъ встрѣчается на монетахъ Тверскихъ и Кашинскихъ. Подъ № 724—часть перстня съ изображеніемъ звѣрька направо; подъ № 725—съ изображеніемъ павлина, въ ободкѣ изъ точекъ. Подъ № 694 хранится мѣдный медальонъ, на которомъ находится изображеніе бѣгущаго вправо человѣка съ мечемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой. Подобное же изображеніе встрѣчаемъ и на одной изъ денегъ великаго князя Тверского Ивана Михайловича. Всѣ эти предметы и многіе другіе съ подобными

изображеніями находятъ въ Твери или Старицѣ, по берегамъ рѣки Волги, и, слѣдовательно, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія, и сходство изображеній на нихъ съ тѣми, которыя мы видимъ на Тверскихъ деньгахъ, дѣйствительно замѣчательно. Однако все это еще не можетъ служить для рѣшенія вопроса о заимствованіи изображеній на деньгахъ съ этихъ перстней–печатей, даже допуская, что послѣднія существовали въ такомъ большомъ количествѣ, какое, очевидно, нужно предположить, чтобы объяснить тѣ многіе типы Тверскихъ денегъ, которые извѣстны. Вопросъ можетъ быть поставленъ и обратно: не заимствовали–ли рѣзчики печатей–перстней изображеній съ ходячихъ княжескихъ денегъ? Имѣя въ виду большое разнообразіе типовъ Тверскихъ денегъ, почти исключающее мысль о существованіи такого же числа и печатей, мы думаемъ, что послѣднее несравненно болѣе вѣроятно, чѣмъ первое.

Теперь мы перейдемъ къ ходившей на Руси иностранной монетѣ, безспорно служившей непосредственнымъ источникомъ для подражанія чеканщиковъ монетъ.

Глава IV.

Иностранная монета и Тверскія куны.

При тѣхъ широкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземными народами, которыя имѣла древняя Русь, было бы удивительно, если бы она не имѣла какой бы то ни было металлической монеты, какъ неоспоримо несравненно болѣе удобной, чѣмъ мѣха, кожи, воскъ, шерсть, рыбы, медъ и другія предметы и матеріалы мѣновой торговли, составлявшіе главное богатство страны. И дѣйствительно, найденные въ разныхъ мѣстахъ клады подтверждаютъ, что древняя Русь была наводнена иностранными деньгами, изъ которыхъ нѣмецкія— времени Оттоновъ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ, англійскія временъ Этельреда II и Кнута и арабскіе диргемы халифовъ династіи Омайядовъ и Аббассидовъ составляли древнѣйшую распространенную металлическую монету на Руси [1]). Въ меньшемъ количествѣ встрѣчаются монеты византійскія, скандинавскія и югославянскія. Монеты скандинавскія, англійскія и арабскія встрѣчаются главнымъ образомъ на сѣверѣ Россіи, доходя даже до 67° сѣверной широты, нѣмецкія по пути чрезъ Западную Двину, Смо-

[1]) Б. Кёне. Цит. соч. Стр. 3.

ленскъ, Владиміръ, доходя до Пермской губ., а юго-славянскія и византійскія на югѣ Россіи.

Названія денегъ оставались отчасти иностранныя, разумѣется, съ нѣкоторою передѣлкою ихъ въ славяно-русскомъ языкѣ, отчасти древнія русскія, заимствованныя изъ номенклатуры мѣновой торговли, причемъ одно и то же слово употреблялось въ актахъ то вообще въ смыслѣ денегъ, такъ какъ не существовало русскаго слова для обозначенія этого предмета,—то въ смыслѣ той или другой вѣсовой или численной единицы, причемъ нѣкоторыя названія счета были также и названіями вѣса, и, кромѣ того, съ теченіемъ времени количество или содержаніе численныхъ или вѣсовыхъ единицъ измѣнялись часто вмѣстѣ съ новымъ ихъ названіемъ, такъ что разобраться во всемъ наличномъ матеріалѣ, представляемомъ намъ лѣтописями, актами и иностранными источниками составляетъ дѣло, которое само по себѣ можетъ служить предметомъ цѣлаго изслѣдованія. Такъ какъ для цѣлей нашихъ не требуется подобнаго рода изслѣдованія, то мы будемъ имѣть рѣчь объ этомъ только настолько, насколько это необходимо для указанія распространенія у насъ иностраннаго вліянія и насколько это, въ свою очередь необходимо, чтобы дать понятіе о такъ называемыхъ «Тверскихъ кунахъ», упоминаемыхъ въ нѣкоторыхъ документахъ XV в.

У Русскихъ первоначально не было своихъ рудниковъ, и все количество необходимаго драгоцѣннаго металла пріобрѣталось или путемъ торговаго и дружественнаго обмѣна внутри страны или съ иностранными государствами на свои естественныя произведенія и развѣ только отчасти путемъ военнымъ, и то въ болѣе позднія времена [1]).

Святославъ говоритъ умирающей матери своей, что въ Переяславецъ Дунайскій приходятъ къ нему изъ Руси скора и воскъ, медъ и челядь, изъ Чешской и Угорской земли серебро и комони, а изъ Греціи злато, паволоки. Царь греческій одарилъ Ольгу златомъ и серебромъ, паволоками и сосудами различными. Игорь, предпринявъ другой походъ противъ Грековъ, по совѣту дружины своей, которая желала не бившися имѣти злато и сребро и паволоку, взялъ паволоки и злата много [2]).

---

[1]) Нѣкоторые походы Тверскихъ и Московскихъ князей на Новгородъ можно объяснить почти исключительно необходимостію добычи драгоцѣннаго металла.

[2]) Замѣтимъ, что здѣсь названіе одного металла употреблено вообще вмѣсто денегъ. Серебро какъ болѣе употребительное и обращавшееся въ большемъ количествѣ, очень часто на языкѣ древнихъ употреблялось въ смыслѣ вообще денегъ. А въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напримѣръ во французскомъ, слово серебро и донынѣ означаетъ всякую ходячую монету. (М. Т. Каченовскій. «О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты» .В. Е. 1827 №, 15, стр. 201—2).

Мы сказали выше, что съ помощію Шведскаго короля Олафа Скотнунга взошелъ на престолъ Ярославъ Владиміровичъ.... «Деньги, которыя онъ привезъ изъ Швеціи для достиженія владычества, были естественно большею частію англійскія, отчасти также нѣмецкія, которыя равно привозились на сѣверъ, чрезъ торговые города Винету, Юлинъ, Кольбергъ и Визби на островѣ Готландѣ. И сѣверные князья, пріѣзжавшіе ко двору Ярослава, безъ сомнѣнія, привозили съ собою деньги для удовлетворенія своихъ потребностей. Такъ, Олафъ Норвежскій и сынъ его Магнусъ находились при дворѣ Ярослава послѣ бѣгства своего въ 1093 году; такъ Гаральдъ Гальдрадъ Норвежскій отправился оттуда въ Царьградъ и служилъ тамъ тѣлохранителемъ при Зоѣ и Михаилѣ Пафлагонѣ, но въ 1045 году воротился тѣмъ-же путемъ, чтобы короноваться Норвежскимъ королемъ; онъ царствовалъ до самой смерти своей въ 1066 г. И Инге (Ингемундеръ, Анундеръ) сынъ Шведскаго короля Стенкиля былъ вызванъ изъ Россіи на престолъ въ 1061 г. Здѣсь находился онъ при дѣдѣ своемъ Jarl Регвальдѣ, который нѣкогда сопровождалъ Индигерду (супругу Ярослава Владиміровича) въ Голмгардъ, а при его сынѣ, ему дядѣ, Jarl Эйлифе-Инге сдѣлался въ Россіи христіаниномъ» [1]).

Изъ древнихъ иностранныхъ названій денегъ упоминаются въ разныя времена скоты, шляги, пенязи, лобки, гроши Литовскіе, артуги, гривны, куны, мордки, ногаты и пр.

«Ярославъ Владиміровичъ, послѣ сраженія при Бугѣ, возвратился въ Новгородъ, съ тѣмъ, чтобы искать спасенія или помощи за моремъ, въ землѣ Варяжской. Но посадникъ Снятинъ и Новгородцы разрубили ладьи, не пустили князя «и начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ, и приведоша Варяги и вдаша имъ скотъ и совокупи Ярославъ вои многи». Что такое скотъ? Очевидно, что слово это употреблено здѣсь какъ родъ, что куны и гривны имѣютъ къ нему отношеніе видовъ и что, слѣдовательно, подъ нимъ должно разумѣть вообще *деньги*.—Владиміръ, благополучно избавившись отъ опасности при набѣгѣ Печенѣговъ на Василевъ... повелѣлъ «всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ, и взымати всяку потребу, питье и яденіе и отъ скотницъ кунами».

Въ «Русской Правдѣ», гдѣ упоминается о серебрѣ, какъ о деньгахъ, говорится равнымъ образомъ и о скотѣ въ томъ-же самомъ значеніи.

[1]) Б. Кёне. Цит. соч. стр. 40.

Наконецъ, въ посланіи митрополита Никифора (въ 1-й части—«Русскихъ Достопамятностей», стр. 204) къ великому князю Владиміру Мономаху, можетъ быть, въ послѣдній разъ упоминается о скотницѣ: «ли злато, ли сребро ищьчтено бысть, но вся роздовая и обѣма рукама истощая даже и доселѣ. Но скотница твоя по Божіи благодати не оскудна есть и неистощима» и пр. Скоты употреблялись и въ значеніи опредѣленной денежной единицы, хотя и въ позднѣйшее время. Такъ, въ средніе вѣка scoti (въ польскомъ переводѣ scoysi) упоминаются въ Коперниковомъ трактатѣ «о монетѣ». (Pamięt. Warschawsky. 1816. У Чацк. O lit. i Polsk. praw. I. 159). Здѣсь скотъ составляетъ часть гривны, большую или меньшую, смотря по различному времени и обстоятельствамъ. Въ привиллегіи, данной 1165 года Мочальскому монастырю, что подъ Краковомъ, упоминается о денарахъ (битая монета) и о гривнахъ, а въ другой отъ Болеслава III (Кривоустаго) говорится также и о скотахъ. Въ тѣ времена, даже до 1300 года, охотнѣе принимали серебро на вѣсъ, т. е. на гривны, нежели въ ходячей монетѣ, которая рѣдко дѣлана была изъ серебра чистаго. Гривна раздѣлялась на части, напр. 4-ую, 5-ую, 6-ую и пр. $^1/_{16}$ часть называлась лотомъ, а скотъ содержалъ въ себѣ $^1/_{24}$ часть гривны.

Историки наши: Ломоносовъ, Татищевъ, кн. Щербатовъ, Стриттеръ по смыслу текста догадывались, что подъ скотомъ лѣтописца надлежало разумѣть тогдашнія деньги; Карамзинъ такъ именно и переводитъ (И. Г. Р. т. I. пр. 477; т. II. пр. 16 и 106). Но послѣдній, называя скотницу казною, а скотъ деньгами, не соглашается съ Болтинымъ, который начало скотницы искалъ въ Шведскомъ словѣ skatt (казна, деньги, сокровище) и указываетъ на домашній скотъ, какъ на первое богатство людей, именемъ котораго стали называться деньги, точно такъ-же какъ у древнихъ Римлянъ pecunia произошло отъ слова pecus—скотъ. Раковецкій подтверждаетъ мнѣніе это новыми доказательствами (Prawda Ruska i. t. d. Warsh. 1820. 4. stron. 173): онъ говоритъ, что въ Польшѣ пастухъ донынѣ называется скотаремъ; ссылается на Гомера, по свидѣтельству котораго во время Троянской войны оружіе героевъ оцѣнивали количествомъ быковъ [1]). Профессоръ археологіи Московскаго университета и членъ Академіи Наукъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, аргументаціей котораго мы въ данномъ мѣстѣ поль-

[1]) И людей также, прибавимъ съ своей стороны. См. Odyssea I—429—431. (Εὐρύκλεί, τήν Λαέρτης ε᾽ειχοσάβοια ᾽εδοκεν...).

зуемся, видоизмѣняетъ нѣсколько мнѣнія указанныхъ историковъ. Ссылаясь на словарь Дюканжа, гдѣ англо-саксонское слово: scot, scotte, scotum, scottum (пишется различно) переведено: деньги, подать, часть, поборъ, складчина, онъ говоритъ, что слово скотъ, еще до монголовъ бывшее у насъ въ употребленіи въ смыслѣ побора и вообще вмѣсто денегъ, перешло къ намъ отъ народовъ германскаго происхожденія. Опору этого мнѣнія онъ видитъ въ слѣдующихъ двухъ извѣстіяхъ.

«Оффа, король Мерціи, одинъ изъ государей гептархіи съ 793 года началъ посылать въ Римъ Romescot—денежный даръ папѣ (Einleitung zur Kenntn. d. allgem. Welt und Völkergeschichte v. Beck. 2 T. Leipzig 1788. s. 536.—Fortsetz. d. allg. Welthist. XLVII. T. s. 117). Еще при Каролингахъ, именно во времена Людовика Нѣмецкаго (который, не мѣшаетъ упомянуть, при раздѣлѣ имперіи 843 года, на свою часть получилъ Германію и право требовать ежегодную дань съ Оботритовъ, Сорбовъ, Богемцевъ и другихъ народовъ Славянскихъ), по старинным таможеннымъ законамъ Баваріи для торговли, велѣно брать съ одной вьючной скотины по массіолѣ, которыхъ двѣ считалось въ скотѣ «utraque scoti I valeat» (см. Beschr. der.... Böhm. Münzen v. A. Voigt I. s. 67. Въ предложенномъ здѣсь же другомъ изданіи закона велятъ брать со вьюка unum scutatum—названіе монеты, соотвѣтствующее нынѣшнему «скуди») [1]). Принявъ во вниманіе указаніе Кёне, что въ Англіи монетная система была преобразована Ричардомъ I при содѣйствіи двухъ нѣмецкихъ монетчиковъ, [2]) кажется, не трудно примирить всѣ высказанныя мнѣнія тѣмъ, что «скотъ» въ дотатарской Руси была первоначально скандинавская, а потомъ англо-саксонская серебряная монета, имя которой употреблялось у насъ и вообще въ смыслѣ денегъ, и въ смыслѣ той или другой единицы цѣнности, опредѣляемой стоимостію товаровъ, при чемъ въ количествахъ малыхъ она употреблялась какъ монета, въ большихъ же—шла по вѣсу. Вѣрно-ли мы такъ понимаемъ дѣло, или нѣтъ, только несомнѣнно то, что это была иностранная металлическая монета, употреблявшаяся у насъ въ періодъ дотатарскій, а можетъ быти и въ періодъ удѣльный, концомъ котораго мы считаемъ послѣднюю четверть XV вѣка.

Изъ другихъ названій монетъ, употреблялось слово *шляхъ*, или *шеляхъ*, или *щеляхъ*. Въ лѣтописи Нестора оно употреблено подъ 885

---

[1]) Цит. соч. стр. 207—8.

[2]) Цит. соч. стр. 13.

и 964 годами. Именно, здѣсь говорится, что «Радимичи даша Ольгови по шлягу, якоже и Козаромъ даяху» (по Кенигсбергскому списку: «по *щълоягоу*»), т. е. должны были платить дань русскимъ, какъ прежде хозярамъ, по шлягу отъ плуга (по щелягу отъ рала), а по Архангельскому списку: «по стерлягу отчу отъ плуга». «Бакмейстеръ (Г. Л. Х), одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ академиковъ конца XVIII вѣка, переводилъ слово—*шлягъ* словомъ шиллингъ; по нему старое нѣмецкое слово schilling имѣетъ одинаковое и значеніе и происхожденіе». Такое словопроизводство академику Кругу, у котораго мы заимствуемъ объясненіе, кажется справедливымъ, ибо «окончательный слогъ *ягъ* въ этомъ словѣ очевидно соотвѣтствуетъ нѣмецкому ing, подобно тому, какъ въ словѣ Варягъ—Varing» [1]).

Кругъ, кромѣ того, высказываетъ, что употребленныя въ двухъ мѣстахъ лѣтописи выраженія, въ одной «шлягъ», въ другой «стерлягъ»—названія тожественныя, тогда какъ вообще извѣстно, и онъ самъ упоминаетъ о томъ, что стерлингъ былъ денарій, и что шиллингъ стоилъ 12 такихъ стерлинговъ или денаріевъ (Zur Münzkunde Russlands. S. 174, 197, 198. По мнѣнію Б. Кёне, ошибка вѣроятно произошла изъ-за переписчика, которому можетъ быть дань по 12 пфеннинговъ показалась слишкомъ великою, и онъ подумалъ, что она составляла только одинъ пенязь. Названіе стерлингъ могло быть извѣстно въ Архангельскѣ, который въ XVI столѣтіи находился въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей. Впрочемъ достовѣрно извѣстно, что слово стерлингъ (easterling) встрѣчается уже въ грамотахъ Осбрайта (Osbright) въ началѣ X столѣтія. Кажется, это выраженіе, въ противоположность *скаттамъ* (sceatta), которыя выбивались по Меровингскимъ образцамъ, означало широкіе и тонкіе пфеннинги, битые по образцамъ Карла Великаго и ввезенные въ Англію съ Востока [2]). Какіе же это были шляги у Радимичей? Кёне на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: «если выраженіе шлягъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ относилось къ дѣйстви-

---

[1]) Слово «schilling» древнее: оно встрѣчается уже въ V или VI столѣтіи. (Ср. Bragur; herausgeg. von. F. D. Gräter. Band VII. Abtheilung 2 Leipzig. 1802. s. 76: «skilligans». Также и въ древнемъ Англо-Саксонскомъ переводѣ Библіи Мѳ. 26, 15, the rittig scylinga. См. Критическія розысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1807. Стр. 270.

[2]) Б. Кёне. Цит. соч. стр. 13. У Круга мы находимъ слѣдующее о «стерлингахъ». «Тѣ Саксонцы, которые жили на востокѣ далѣе прочихъ, Остфалы, писателями временъ Карла Великаго именуются Остерлинги, Эстерлинги. Они, какъ извѣстно, владычествовали въ Англіи. Нормандцы, нашедши тамъ монеты королей сего народа, назвали ихъ монетами Эстерлинговъ или Стерлинговъ (Esterlings, Sterlings).

тельнымъ монетамъ, то въ обращеніи у Радимичей могли быть пфенниги Карла Великаго. Но ихъ никогда не находили въ Россіи; и невѣроятно также, чтобы они въ такомъ множествѣ здѣсь находились, чтобы по нимъ опредѣлялись подати. Поэтому, можетъ статься, подати устанавливались хлѣбомъ или другими естественными произведеніями, *которыхъ цѣнность во времена Нестора переводилась на шиллинги* (шляги) [1]).

Названіе пенязь — также иностраннаго происхожденія. Оно упоминается въ договорѣ Мстислава съ Ригой и Готландомъ 1229 года, гдѣ это имя въ своемъ значеніи *прямо уравнено съ русскими кунами.* Такъ, здѣсь сказано: «а за гривну серебра по 4 гривны кунами иль пенязи». Затѣмъ, вплоть до XV вѣка мы не встрѣчаемъ его ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ, ни въ грамотахъ. Но это неупоминаніе не доказываетъ его неупотребленія, а—именно только неупоминаніе, иначе говоря, что до насъ не сохранилось документовъ, въ которыхъ оно было-бы употреблено. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ оно употреблено было въ текстѣ священнаго писанія (Ме. 18, 28) на славянскомъ языкѣ первыми его перелагателями, оно было извѣстно во все продолженіе нашей средне-вѣковой исторіи. Не можетъ быть сомнѣнія, чтобы оно было непонятно. Оно употреблялось у всѣхъ славянскихъ народовъ, съ нѣкоторыми особенностями въ произношеніи, смотря по свойству каждаго изъ нарѣчій, или въ смыслѣ одной извѣстной монеты, или вообще въ смыслѣ денегъ. На польскомъ pieniądz сверхъ того значитъ еще и всякую монету вообще. Въ томъ и другомъ смыслѣ слова *пенезъ* и *пенези* находимъ въ грамотахъ Бѣлорусскаго архива, написанныхъ на Литовско-русскомъ нарѣчіи (Бѣлорусск. Арх. 7. 1. Москва. 1824. Стр. 20 и слѣд.). Откуда взялось слово пенязь? Фойхтъ въ своемъ описаніи монетъ Богемскихъ [2]) слово peniz считаетъ кореннымъ славянскимъ и не велитъ производить его отъ Pfennig. Но Линде (въ своемъ Slownik jesyka Polsk.), указываетъ именно на это нѣмецкое слово, находя близкое родство между ними. Образцомъ и началомъ нынѣшней монетной системы въ Европѣ, читаемъ мы у него, была Римская. Побѣдоносные выходцы изъ лѣсовъ и степей сѣверныхъ заимствовали письмена, языкъ книжный, вѣру и многіе обычаи у прежнихъ властелиновъ міра. Еще Тацитовы Германцы знали цѣну день-

[1]) Ibil. Стр. 14.

[2]) Beschreibung der bisher bekannten Böhmischen Münzen... ausgefertigt v. A. Voigt. Prag. 1771—74. B. I. S. 166.

гамъ: jam et pecuniam accipere docuimus, говоритъ о нихъ знаменитый историкъ. Вестготы, Бургунды и другія племена, менѣе значительныя, нашедши въ Галліи всѣ принадлежности монетнаго дѣла, могли чеканить и дѣйствительно чеканили свою монету. Франки пересилили всѣхъ; они утвердили свою власть въ новомъ отечествѣ, и достовѣрная исторія монетъ ихъ начинается съ короля Клодовея или Кловиса. Золотыя назывались у Римлянъ солидами (solidus aureus, послѣ у французовъ sol d'or), серебряныя—денаріями (denarius, послѣ denier). Обыкновенные же солиды при Каролингахъ были однакоже серебряные: назывались они въ Германіи шиллингами, а денаріи—пфеннигами. И такъ солиду соотвѣтствуетъ шиллингъ, а денарію нѣмецкій—пфеннигъ. Pfennige sollen ihren Namen von Pfannen haben—говорятъ нѣмцы. Какъ пенязь съ небольшою разницею въ произношеніи былъ извѣстенъ всѣмъ славянамъ, такъ пфеннигъ (на шведскомъ яз. penning, на англійскомъ penny, pence) былъ извѣстенъ и имѣлъ существенное значеніе на всемъ пространствѣ сѣвера Европы [1]).

Въ 1-й Новгородской лѣтописи подъ 1410 есть извѣстіе: «тогожъ лѣта начаша (т. е. Новгородцы) торговати промежи себѣ лобцы и гроши литовскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша». Что такое лобцы? Это ничто иное, какъ Любскіе (Любекъ) пфенниги, какъ совершенно справедливо предполагали еще Арцыбашевъ и Карамзинъ [2]). «Общей монеты для всего Ганзейскаго союза городовъ не было; нельзя даже было ввести монетъ одинаковой пробы по разности политическихъ и торговыхъ отношеній. Монетные дворы находились въ значительнѣйшихъ городахъ союза, и Любская проба служила образцомъ для сосѣднихъ городовъ Вендскаго округа, для Голстиніи, Мекленбурга, Помераніи и даже для королевствъ сѣверныхъ».

Грошъ литовскій—монета съ изображеніемъ орла и скачущаго всадника. Происхожденія его слѣдуетъ искать въ Польшѣ. «Грошъ, говоритъ Каченовскій въ вышецитированномъ своемъ изслѣдованіи, былъ въ разныя времена золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ! Grossus, въ испорченной латыни среднихъ вѣковъ, значило: толстый, откуда французское gros. Преемники Карла Великаго допустили... епископамъ, аббатамъ, городамъ, герцогамъ и графамъ присвоить себѣ право чеканить монету, вслѣдствіе чего деньги нечистаго металла, весьма худого ка-

---

[1]) Каченовскій. Цит. соч. стр. 109—110.

[2]) Зап. и Тр. Общ. Ист. и Древ. Ч. II. 120, и Карамз. И. Г. Р. V. 245.

чества и малой величины размножились и произвели очень непріятныя затрудненія въ оборотахъ. Императоръ Фридрихъ II нашелся въ необходимости обязать присягою чиновъ имперіи, чтобы они не искажали монеты. Въ уставѣ его 1232 года упоминается о золотыхъ грошахъ. Людовикъ XI, король Французскій, около 1240 года началъ бить денарій большаго размѣра изъ чистаго серебра, и они стали называться denarii grossi, gros denies d' argent, или gros denier blancs, gros Tournois—отъ города Туръ, мѣста ихъ происхожденія. Эти турнозы извѣстны были даже внѣ Франціи за хорошія свои качества и служили, такъ сказать, образцовою монетою. Въ концѣ XIII вѣка, Венцеславъ II, король Богемскій, призналъ нужнымъ ввести у себя хорошую монету, вмѣсто прежней, худого качества. Въ 1300 году въ первый разъ вышли изъ-подъ чекана grossi denarii Pragenses, или Богемскіе гроши (два s въ языкѣ чешскомъ выговариваются какъ ш: grossi у нихъ—гроши). Они чеканились въ Куттенбергѣ и въ цѣлой Германіи и на всемъ сѣверѣ весьма уважались за чистоту металла и хорошій рисунокъ штемпеля. Венцеславъ II, господствуя въ Богеміи, властвовалъ также и въ Польшѣ, куда посылалъ и свои Богемскіе гроши. Съ тѣхъ поръ въ Польшѣ начали денежный счетъ посредствомъ этой монеты. Сначала грошъ былъ $^1/_{12}$ частью червонца, заступилъ мѣсто шиллинга и дѣлился на 12 денаровъ. Литовскіе гроши [1]) исторически видны съ начала XV вѣка при Владиславѣ Ягеллонѣ. Казиміръ Великій, овладѣвъ Галицкимъ княжествомъ, нашелъ уже тамъ и гроши Русскіе (grossi Ruthenicales): по 24 такихъ грошей велѣлъ онъ взимать отъ земли, пожалованной городу Львову. (Allgem. Welthist. T. 48. Енгеля. Gesch. von Halitsh — und Wladimir, стр. 601). Цѣнность этихъ монетъ измѣнялась въ разныя времена смотря по величинѣ суммы и по качеству металла, т. е. по большей или меньшей примѣси къ чистому серебру.

Серебряные гроши въ Богеміи, въ Польшѣ и Литвѣ были не одинаковой величины и достоинства. Еще при Венцеславѣ II были выбиты и широкіе гроши и малые. Гдѣ упомянуто просто гроши, тамъ разу-

---

[1]) Не надо смѣшивать эти Литовскіе гроши съ собственною Литовскою монетою, которая была чеканена до соединенія Литвы съ Польшею. Тутъ была своя монета, чеканенная еще при Кейстутѣ. Вслѣдствіе близкихъ сношеній Литвы съ западомъ Европы, изображенія, которыя мы встрѣчаемъ на ея монетахъ, западнаго происхожденія, именно: колонны (гербъ Генуи), вооруженный воинъ и всадникъ на конѣ. А вслѣдствіе близкихъ сношеній Литвы съ восточными своими сосѣдями—Тверскимъ княжествомъ, можно думать, что два послѣднихъ изображенія въ качествѣ монетныхъ типовъ перешли и въ Тверское княжество. О древнихъ Литовскихъ деньгахъ есть краткая статья того же Б. Кёне, въ Зап. Имп. Арх. Общ. Т. V. Спб. 1853. Прил., стр. 108—112.

мѣются малыя монеты сего названія. Акты Чешскіе и Польскіе представляютъ множество свидѣтельствъ: мы сошлемся только на грамоту Сигизмунда II Могилевскимъ гражданамъ (Бѣлор. Арх., стр. 20—21). Въ семъ важномъ документѣ говорится о грошахъ просто и о грошахъ *широкихъ*, которые въ Литвѣ считались за рубли. Намъ извѣстно, что широкіе гроши имѣли благосклонный пріемъ даже во дворцѣ государей нашихъ (Вѣст. Евр. 1827. № 16, стр. 275). Въ жалованной грамотѣ Смоленскимъ жителямъ 1514 г. великій князь Василій Ивановичъ повелѣваетъ новымъ подданнымъ своимъ вносить за нѣкоторыя повинности просто грошами, безъ сомнѣнія литовскими. Монета эта, какъ мы видѣли, была ходячею въ Новгородѣ прежде, нежели тамъ начали торговать своими собственными деньгами. И не видно, чтобы новгородцы и впослѣдствіи времени чуждались грошей литовскихъ: подъ 1420 г. сказано только, что они «артуги попродаша нѣмцемъ», а извѣстно, какими узами политика соединяла ихъ вольную землю съ Казиміромъ. Не забудемъ и того, что Литва вела весьма дѣятельную торговлю съ Новгородомъ и другими областями русскаго сѣвера, что Самогиція торговала съ Англіею, что Литва Днѣстромъ посылала свой хлѣбъ въ Константинополь, къ островамъ Архипелага, и что Днѣпръ служилъ путемъ для отправленія товаровъ. Въ Каневѣ была славная таможня Витольдова. При столь обширной дѣятельности Литвы монета ея необходимо долженствовала быть извѣстною даже и внѣ предѣловъ государства. Вотъ почему слово «грошъ» донынѣ остается въ условномъ названіи двухкопѣечника на сѣверѣ и въ значеніи вообще денегъ на югѣ [1]).

Артуги или ортуги едва ли не ошибочно названы лѣтописцемъ нѣмецкими. Это была шведская монета. «Монеты въ разныхъ провинціяхъ Швеціи не имѣли опредѣленнаго качества и вѣса. Только при Эрикѣ VII и Христіанѣ II была выпущена мѣдная монета, которую первый изъ нихъ принуждалъ принимать вмѣсто серебряной. Но зло уничтожила королева Христина, заключившая договоръ съ Любекомъ, съ которымъ она условилась относительно цѣны и качества монеты. Вообще въ Швеціи употребительны были бѣлыя деньги Wittpenning, albus, въ противоположность чернымъ: Swarzenpenning, Swartagustar; послѣднія, бывшія въ ходу на островѣ Готландѣ, обращались только въ Остерготландіи. Итакъ, ясно, что нѣмецкіе, т. е. шведскіе артуги (если только лѣтописецъ не хотѣлъ прикрасить ими своего разсказа) была монета

[1]) Каченовскій. Цит. соч. стр. 112—117.

серебряная, а не мѣдная, какою она является въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина (Т. V. Стр. 237) [1]).

Если къ этимъ деньгамъ мы присоединимъ еще арабскіе диргемы и затѣмъ деньги, чеканившіяся ханами Золотой Орды и Булгарскія IX и X в.в., то этимъ исчерпаемъ всѣ тѣ образцы иностранной монеты, которые находились въ обращеніи въ древней Руси до появленія въ ней собственной монеты.

Относительно способа употребленія этой иностранной монеты нужно замѣтить, что онъ во многомъ былъ аналогиченъ съ тѣмъ, какой господствовалъ за границей. Такъ, нѣмецкіе и англо-саксонскіе пфеннинги (динаріи) считались въ малыхъ суммахъ по 12 на шиллингъ, а въ большихъ суммахъ вѣсились на фунты и марки. Послѣдній образъ счета былъ тѣмъ естественнѣе, что монета по вѣсу весьма разнствовала между собою и находилась часто только въ обломкахъ [2]). Изъ унціи выбивали 20 англійскихъ пфеннинговъ (пенсовъ); поэтому ихъ шло 240 на фунтъ и они совершенно равнялись динаріямъ Карла Великаго, которыхъ также выбивали изъ фунта 20 шиллинговъ, каждый въ 12 пфеннинговъ.

Такъ какъ въ мелочной торговлѣ не всегда удобно было носить вѣсы и гирьки, то вскорѣ ввели счетный фунтъ. «Но уже въ началѣ X вѣка начали уменьшать пфеннинги, мало-по-малу, не по содержанію, а по вѣсу, отъ чего счетный фунтъ упалъ до значительно меньшей цѣнности, нежели вѣсовой фунтъ. Это имѣло слѣдствіемъ то, что для предохраненія отъ путаницы въ торговыхъ сношеніяхъ приняли за единицу вѣса «марку» или $^1/_2$ первичнаго фунта.

То же самое было и въ древней Руси. И здѣсь, какъ это необходимо допустить, деньги въ малыхъ количествахъ принимались, какъ теперешняя размѣнная монета, поштучно, въ большихъ же количествахъ это было неудобно, вслѣдствіе неодинаковаго качества различной монеты, и счетъ велся конечно на вѣсъ. «Взвѣшиваніе въ Россіи большихъ суммъ было тѣмъ необходимѣе, что здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ иныхъ странахъ, какъ показываютъ клады, находились въ обращеніи обломки. Эти обломки замѣняли недостатокъ мелкой монеты, которая за исклю-

---

[1]) Качеповскій—«О кожаныхъ деньгахъ». Москва. 1849. Стр. 57.

[2]) Чтобы устранить недостатокъ въ мелкой монетѣ, въ Англіи на большей части пфеннинговъ изображали на обратной сторонѣ длинный крестъ, раздѣляющій надпись; этотъ крестъ облегчалъ разрубку пфеннинга на 4 равныя части.

ченіемъ немногихъ весьма рѣдкихъ геллеровъ (Heller, половинки, оболы) въ X, XI и XII в.в, вовсе не чеканилась» [1]).

«Фунтъ Карла Великаго и англійскій фунтъ, которые были ничто иное, какъ первоначальный *римскій,* и довольно сходствовалъ съ тогдашнимъ *византійскимъ*, былъ также извѣстенъ и употреблялся въ Россіи, что доказываютъ вѣсовыя гири, найденныя здѣсь, особенно пальферскія».

«Для обозначенія этого вѣса въ русскихъ источникахъ часто встрѣчаемъ византійское выраженіе λίτρα, литръ,—слово итальянскаго происхожденія, которое означало родъ монеты изъ Сициліи уже въ V столѣтіи нашего лѣтосчисленія» [2]). Онъ упомянутъ въ договорѣ Игоря; дѣлился на 72 части, называемыя золотниками, и равнялся большой гривенкѣ или аптекарскому фунту, въ которомъ золотники замѣняли аптекарскія драхмы. Серебро, впрочемъ, преимущественно взвѣшивалось скаловою гривенкою, которая заключала въ себѣ 48 золотниковъ и соотвѣтствовала нѣмецкой маркѣ. «Фунтомъ называлась большая гривенка, а вмѣстѣ съ нею и единицы въ 96 солидовъ, 70 грановыхъ, въ 96 денаровъ и пр.» [3]).

Теперь спрашивается: если на Руси такъ распространена была иностранная монета, то въ какомъ отношеніи къ ней стояла такъ называемая кунная система, или кунныя цѣнности, гдѣ мы слышимъ совершенно иныя наименованія: гривны, рубли, куны, мордки, ногаты, рѣзани, векши, бѣлки и пр.? Мы бы вышли очень далеко изъ предположенныхъ рамокъ, если бы вздумали объяснять происхожденіе каждой изъ упомянутыхъ единицъ и отношеніе ихъ къ иностранной монетѣ; кромѣ сего, мы совершенно согласны съ мнѣніемъ гр. И. И. Толстого, что въ настоящее время, когда еще не изданы всѣ существующіе нумизматическіе памятники и не собраны воедино и критически не обсуждены всѣ мѣста источниковъ, въ которыхъ упоминается о такъ называемыхъ кунныхъ цѣнностяхъ, еще рано подымать и рѣшать этотъ вопросъ [4]). Поэтому мы ограничимся только существенно необходимымъ въ этомъ вопросѣ, чтобы объяснить, что̀ такое «Тверскіе куны», упоминаемые въ одномъ изъ документовъ XV-го вѣка, т. е. въ такое

---

[1]) Кёне. Цит. соч. стр. 7.

[2]) Ibid. стр. 8.

[3]) Д. Прозоровскій. Цит. соч. стр. 94.

[4]) До-петровская нумизматика. Т. 2, стр. 10, прим.

время, когда у насъ чеканились свои собственныя серебряныя и мѣдныя монеты.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего нужно сказать, что у насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существовала широко развитая мѣновая торговля при употребленіи въ то же время и иностранныхъ денегъ, несомнѣнно существовало нѣчто въ родѣ, если можно такъ выразиться, «мѣновыхъ единицъ», т. е. опредѣленнаго рода, качества и количества товаровъ, даже отдѣльныхъ предметовъ, въ родѣ, напримѣръ, шкурокъ того или другого мѣха, употреблявшихся, какъ деньги. Такъ напримѣръ, въ Византіи «паволока» —драгоцѣнная ткань, опредѣленной длины и доброты—употреблялась вмѣсто денегъ. Въ одной статьѣ мирнаго договора 945 года сказано: «ежели рабъ бѣжитъ отъ Руссовъ къ Грекамъ, то платить за него, что установлено прежде, а именно: двѣ паволоки за раба». Или: «аще ускочитъ челядинъ отъ Руси..., то взымати отъ насъ цѣну свою, якоже установлено есть прежде—двѣ паволоци за челядина». Въ Крыму, въ XIII столѣтіи, возъ соли, запряженный двумя лошадьми, равнялся цѣнности двухъ кусковъ бумажной матеріи. У жителей острова Рюгена (на Балтійскомъ морѣ) кусокъ холста служилъ вмѣсто денегъ, а имѣющіе торгъ съ Китаемъ и теперь еще ведутъ счетъ кусками китайки [1]).

Эти-то «мѣновыя единицы» и составляютъ по нашему крайнему разумѣнію то, что нужно разумѣть подъ древней кунной системой, и что объясняетъ ея отношеніе къ иностранной монетѣ. Кунная система, или кунная цѣнность, по нашему мнѣнію, есть оцѣнка по древней мѣховой системѣ стоимости опредѣленнаго количества или вѣса иностранныхъ денегъ, бывшихъ у насъ въ употребленіи, или обратно—оцѣнка этими деньгами стоимости нашихъ сырыхъ произведеній, главнымъ же образомъ мѣховъ, какъ наиболѣе цѣнной вещи. И древнія названія: куны, мордки, ногаты, рѣзани, бѣлки, вѣкши, по-скольку суть названія количества, качества и рода извѣстныхъ товаровъ по мѣновымъ единицамъ, по-стольку же суть русскія названія эквивалентнаго имъ количества иностранныхъ денегъ по счету, или по вѣсу.

---

[1]) Примѣры заимствованы у Круга. Цит. соч. стр. 117. Авторъ опредѣляетъ точно цѣнность паволокъ по отношенію къ золоту: обыкновенная паволока стоила 10 золотыхъ (solidi aurei), или *цѣлыхъ* золотыхъ, откуда кажется и произошло названіе solidus. Къ удивленію, можно констатировать, что эти дорогія ткани продавали даже въ древнѣйшей Руси, какъ то показываетъ свидѣтельство о св. Олавѣ, который послалъ одного знаменитаго купца въ Россію, чтобы накупить тамъ дорогой парчи на торжественное одѣяніе королю. Chopre. I. 449.

Мы такимъ образомъ присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые въ названіяхъ: куны, мордки, ногаты, бѣлки и рѣзани, видятъ металлическую монету [1]). Мы понимаемъ дѣло такъ, что первоначально, при господствѣ мѣновой торговли, употреблялись дѣйствительно мѣха куницъ, соболей, горностаевъ, векшей или бѣлокъ, которыя имѣли извѣстную опредѣленную цѣнность, т. е. равнялись извѣстному, опредѣленному количеству другихъ товаровъ. Съ увеличеніемъ сношеній съ иностранными государствами, особенно въ пограничныхъ пунктахъ, почувствовался недостатокъ или неудобство подобнаго рода обмѣна натурой, отъ того ли, что мѣха отъ употребленія портились и уменьшались въ цѣнности, или отъ того, что непосредственно замѣчали удобство обмѣна ихъ за условное количество серебра опредѣленной формы и опредѣленнаго вѣса, или въ видѣ иностранной монеты, принятой на вѣсъ. За неимѣніемъ названія этимъ предметамъ въ собственномъ языкѣ, имъ были усвоены или на нихъ перенесены названія существовавшихъ уже цѣнностей: куницъ, кунъ, бѣлокъ, векшей и вѣверицъ [2]). Иначе говоря: равноцѣнное вѣсовое количество металла въ слиткахъ или монетѣ получило названіе отъ естественныхъ предметовъ торговли и стало мыслиться и употребляться, какъ терминъ равнозначущій съ именемъ «деньги» или «деньга» той или другой стоимости. Впослѣдствіи времени, когда цѣнность мѣховъ стала упадать, а металла—возрастать (хотя бы вслѣдствіе увеличившагося его употребленія), а также и сама мѣновая торговля болѣе и болѣе уступать мѣсто куплѣ и продажѣ, то прежнія названія остались и стали прилагаться къ тѣмъ или другимъ иностраннымъ металлическимъ цѣнностямъ, при чрезвычайномъ разнообразіи которыхъ собственное ихъ названіе для мало культурной народной массы было весьма трудно для запоминанія. При этомъ позволительно предположить, какъ это и сдѣлалъ въ первый разъ г. Каченовскій, что различіе названій (куна, мордка, нагата) указываетъ только на различіе народностей, давшихъ эти имена металлическимъ

[1]) Что касается кожаныхъ денегъ, то, не входя въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса, намъ кажется, можно сказать, что они не представляли денегъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а были чѣмъ-то въ родѣ квитанцій, или нынѣшнихъ «накладныхъ», имѣвшихъ условную цѣнность и употреблявшихся купцами для облегченія ихъ торговыхъ оборотовъ, и простонародьемъ—взамѣнъ денегъ, при недостаткѣ послѣднихъ. Что этого рода квитанціи существовали, и долгое время, объ этомъ ясно говоритъ указъ Петра Великаго 1700 г., запрещавшій ихъ употребленіе. См. «О кож. деньгахъ», М. Каченовскаго. М. 1849. Стр. 83.

[2]) Это тѣмъ болѣе было удобно, что многія иностранныя названія хорошей серебряной монеты были созвучны: penniz—bily, belizh, gros—blanc, grand—blanc, obole—blanche. Каченовскій, «О кож. деньгахъ». М. 1849. Стр. 46.

цѣнностямъ, между тѣмъ какъ первоначальное значеніе всѣхъ этихъ названій у различныхъ племенъ было одно и то же, именно:—шкура, кожа [1]) и только впослѣдствіи времени, съ возникновеніемъ необходимости условиться въ отношеніи цѣнности единицъ другъ къ другу, возникли разныя величины и получили разныя названія.

Такимъ образомъ произошло, и понятно, то, что въ лѣтописяхъ нашихъ куны употребляются и вообще въ смыслѣ денегъ (напр. выраженіе: «куны имати» значило тоже, что—теперешнее «деньги брать»), и въ смыслѣ опредѣлерной монеты, содержащейся въ другой, какъ часть въ цѣломъ. Такъ, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 980 годомъ говорится, что Варяги требовали у Владиміра, чтобы онъ имъ далъ дань по двѣ гривны съ дыму, за ихъ помощь, на что Владиміръ имъ отвѣчалъ: «подождите, да вы куны соберутъ за мѣсяцъ». Очевидно, гривна здѣсь употреблена какъ величина бо́льшая, которая можетъ составиться изъ того или другого количества меньшихъ единицъ, въ данномъ случаѣ кунъ. Одновременно съ этимъ, внутри страны, и въ частныхъ сдѣлкахъ, могъ удерживаться прежній мѣновой торгъ съ употребленіемъ старинныхъ названій вообще въ смыслѣ денегъ, отчего произошло то, что, тогда какъ въ пограничныхъ округахъ уже усвоили и употребляли гривну серебра, здѣсь еще только употреблялась гривна кунъ. Слово гривна, нужно полагать, иностранное, и усвоена по легкости запоминанія обозначаемаго имъ предмета, именно металла въ кускахъ или отрубкахъ, имѣвшихъ опредѣленный вѣсъ и легко запоминаемый видъ. Именно, была гривна Новгородская и гривна Кіевская, легко различавшіяся даже по виду.

Впослѣдствіи, именно уже въ XIV вѣкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникло и другое, уже чисто русское названіе ея—«рубль». Такимъ образомъ мы хотѣли бы допустить, что съ теченіемъ времени установилось, что русскія древнія названія—кунъ, ногатъ, мордокъ и проч. остались за иностранными деньгами, даже и въ то время, когда мѣновая торговля прекратилась. Есть нѣкоторое подтвержденіе этому пониманію дѣла и въ письменныхъ памятникахъ. Такъ, въ договорѣ 1229 года Мстислава съ Ригой и Готландомъ прямо уравниваются куны съ пенязями: «А за гривну серебра по $\frac{1}{4}$ гривны коунами, *или пенязи*». Тотъ же законъ удержанія и перенесенія старинныхъ названій на предметы новаго происхожденія конечно продолжалъ дѣйствовать и въ по-

[1]) «О кожаныхъ деньгахъ». Стр. 61 и сл.

слѣдующее время. Такъ, когда въ XIV вѣкѣ у насъ достаточно распространились собственныя «деньги», то, не смотря на свое татарское имя, у насъ продолжалъ удерживаться старый счетъ на куны. Тверскія куны упомянуты, какъ извѣстно, въ жалованной грамотѣ Тверского великаго князя Бориса Александровича Тверскому Отрочу монастырю, относящейся къ 1437 году [1]).

Время, къ которому относится это свидѣтельство, столь позднее, что только съ трудомъ допускаетъ возможность употребленія кунъ, т. е. иностранной монеты. Что же это за куны? По сказанному закону это можетъ быть ничто иное, какъ только ходячая въ Твери и Тверской области собственная серебряная монета, а не особая какая-то «монетная система», которую повидимому разумѣютъ нѣкоторые изслѣдователи [2]).

---

[1]) ....архимандритъ съ тѣхъ сиротъ (т. е. крестьянъ) пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку Тверскими кунами; а намъ и тогды не послати ко монастырскимъ людемъ ни по что». Акты Арх. Эксп. I. № 34.

[2]) Такою постановкою дѣла самымъ простымъ образомъ рѣшается вопросъ, смущавшій тѣхъ изслѣдователей, которые считали древнюю кунную систему металлическою: гдѣ же искать теперь этихъ кунъ, мордокъ, ногатъ, если они дѣйствительно были металлическіе? Какъ же они отвѣчали на него? Каченовскій, напр., говоритъ: «Богъ знаетъ: въ минцъ-кабинетахъ дорожатъ монетами извѣстнаго достоинства, хорошо сбереженными, которыя имѣютъ на себѣ признаки мѣста и времени. Прочее—чрезвычайно распространенные шиллинги и пфенниги—изчезло: перелито или растерялось. Въ нумизматическихъ книгахъ однако же можно видѣть изображенія шиллинговъ и пфенинговъ, даже брактеатовъ. Что же касается до нашей мелкой монеты, то не зная, гдѣ найти куны, можемъ указать на мѣдные пулы,—Новгородскіе, Тверскіе, Кашинскіе и др. разной величины, съ разными фигурами на нихъ и надписями. Бытіе сихъ монетъ простирается въ историческую даль до XIV вѣка, и между ними есть пуло Тверское съ изображеніемъ на одной сторонѣ бычьей морды съ рогами. Не они ли назывались у насъ мордками и даже кунами?» Г. Прозоровскій повидимому склоняется къ тому же мнѣнію. Онъ говоритъ: Еще въ XV в. въ Твери была особая монетная система, что видно изъ жалованной грамоты князи Бориса Александровича Отрочу монастырю, въ которой упоминаются Тверскія куны. Отъ Б. А. дошли только серебряныя монеты въ 8—11 гранъ вѣсомъ и мѣдные пулы 27—30 гранъ; неизвѣстно, были ли въ Твери куны особою монетою, подобно кунамъ новгородскимъ, или такъ назывались мѣдныя монеты; послѣднее мнѣ кажется достовѣрнѣе. Мы позволили бы себѣ возразить на послѣднее мнѣніе, что куны не могли быть мѣдными, какъ это видно изъ сличенія всевозможныхъ мѣстъ. Кунолюбіе значитъ сребролюбіе. Въ одномъ прологѣ XIV вѣка, одно слово озаглавлено: «о издоиманіи, о рѣзѣ и о кунолюбіи». Послѣднее слово по гречески стоитъ: φιλάργυρος (Зап. Имп. Рус. Арх. Общ. Т. V. Спб. 1853. Стр. 329). Г. Бѣляевъ въ статьѣ: «Били ли на Руси монету до XIV вѣка», говоритъ: «Вѣроятно встрѣчаются клады и съ древними русскими монетами, но они не попадаютъ въ руки нумизматовъ, переходя изъ рукъ невѣжественныхъ находчиковъ въ тигли плавильщиковъ». Отвѣтъ уклончивый. Такой же уклончивый и неопредѣленный отвѣтъ мы встрѣчаемъ и въ новѣйшемъ нумизматическомъ сочиненіи гр. Ив. Ив. Толстого. Указавъ на то, что его преждевременно могли счесть сторонникомъ теоріи обращенія кожаныхъ или мѣховыхъ денегъ, онъ ссылается на производство нѣкоторыхъ названій кунныхъ цѣнностей отъ иностранныхъ словъ (нагата отъ naĥat—шкура) и говоритъ: «чтобы кусочки кожи обращались въ странѣ, давно вышедшей изъ дикаго состоянія, еще менѣе возможно предположить; воздерживаюсь здѣсь отъ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста и установило бы, какъ мнѣ кажется, пока лишь отрицательные факты, но не могу не указать на одну сторону вопроса,

Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы, повторяемъ, находимъ возможнымъ допустить, что куны, съ того самаго момента, какъ названіе ихъ было отвлечено съ товаровъ на монету, были разнообразной металлической монетой, которая и до сихъ поръ у насъ подъ глазами и которую искать совсѣмъ не зачѣмъ: это—древніе серебряные, хорошаго и худого качества англо-саксонскіе и нѣмецкіе скоты-динаріи,

---

на которую до сихъ поръ было обращено мало вниманія. Защитники теоріи мѣховыхъ и кожаныхъ цѣнностей очень усердно указывали на отсутствіе въ источникахъ прямого свидѣтельства объ обращеніи металлическихъ цѣнностей, забывая, что нигдѣ нѣтъ положительныхъ данныхъ объ обращеніи кожаныхъ цѣнностей, если выдѣлить тѣ мѣста, гдѣ о мѣхахъ говорится наравнѣ или въ томъ же значеніи, какъ о воскѣ, соли и т. п. товарахъ. Единственное, на что могутъ ссылаться съ успѣхомъ защитники кожаныхъ денегъ, это, мнѣ кажется, на названія куннныхъ цѣнностей и между этими названіями главную роль несомнѣнно играетъ слово *куна*—куница». Затѣмъ онъ говоритъ: «если слово куна русское, то можно предположить въ немъ причастіе отъ глагола коути (корень ко,—ку), являющагося въ архаической формѣ глагола, употребляемаго лишь въ повторительной формѣ: ковати (настоящ. вр.—кую), т. е. куна будетъ означать нѣчто отбитое ударомъ молота, или то, что подвергалось удару, т. е. кованную, чеканенную цѣнность, въ противоположность отлитому куску металла, каковымъ была гривна, или отрѣзанному, каковымъ была рѣзана. Такое объясненіе слова куна подтверждается англійскимъ названіемъ монеты вообще —coin отъ латинскаго cuneus (=клинъ, глаголъ cuneo), одного корня съ русскимъ ковать, кую и т. п., а также и съ *коуна* (во множ. числѣ, почти какъ plurale tantum, означавшее точно то же, что и англійское coin). Съ корнемъ «ку», «ко» можно привести въ соотношеніе латышское kaut (бить), латинское cudere; въ старофризскихъ законахъ употребительно выраженіе: skilling cona. Рихтгофенъ, въ своемъ словарѣ къ этимъ законамъ говоритъ (стр. 877), что здѣсь skilling cona противополагается skilling wicht (=gewicht) goldis: «tha setton wilichtera pannig (=leichter pfennig), thet pund is VII skillinga cona». Готеское kunavida означаетъ крѣпкіе оковы (Ефес. 6. 20: in kunavidōm=ἐν ἁλύσει). Древне-германское—khunawitk = catena. По-польски куна—zelazna означаетъ шейное кольцо (для преступниковъ). Всѣ эти примѣры (сообщенные графу, по его словамъ, А. А. Куникомъ), употребленія въ родственныхъ съ русскимъ языкахъ слова cona, kuna, никакъ не въ смыслѣ пушного звѣря или шкуры, даютъ право, косвеннымъ образомъ, допустить, что и по-русски слово куна не означало только куницу, но что оно могло имѣть и совершенно иное значеніе, при полной однозвучности обоихъ словъ, выразившихъ различныя понятія».

«На все сказанное мною могутъ возразить просьбой *указать* на тѣ металлическія цѣнности, которыя носили названіе ногатъ, рѣзанъ, кунъ и т. д.; въ отвѣтъ я могъ бы сослаться на трудъ г-на Прозоровскаго, выводившаго вѣсъ и пробу этихъ единицъ, но, какъ я уже указывалъ въ 1-мъ выпускѣ, я вполнѣ расхожусь въ этомъ случаѣ съ воззрѣніями почтеннаго автора «Монеты и вѣса» и предпочитаю привести нѣсколько строкъ изъ труда Граутофа, которыя примѣнимы, можетъ быть, и къ русскимъ названіямъ цѣнностей: «neque tamen existimet aliquis—tunc temporis unum aliquem nummum cusam fuisse, qui marcam argenti repraesentaret, minime gentium. Supra dinarios tunc nulli nummi cudebantur, caetera nomina nummorum pondus erant, donec tandem civitates Hanseaticae... (Historische Schr. aus d. Nachlasse v. Grautoff III. B. Lüb. 1836, Geschichte d. Lübeck. Münzfusses, p. 84, nota: Zeugniss Otto Sperling's in den Anmerkungen zu deo Erzb. Absalon Testamente)»; тамъ же, въ другомъ мѣстѣ: «ante 1325 nummus non cusus est praeter denarium unius denarii aut duorum». Въ заключеніе приведу еще одно мѣсто изъ этого автора, примѣнимое mutatis mutandis и къ русскимъ цѣнностямъ: Es war allgemeine Gewohnheit, jede Summe unter 100 Pf., die nicht gerade in schillinge aufging, nur nach Pfenningen anzugeben, während auch Schillinge bei Angabe runder Summen bis zu 60 Schill. nicht wieder nach Marken getheilt wurden, wenn sie nicht gerade 1,2 oder 3 Mark ausmachten (назв. соч. стр. 46). Этимъ я и заканчиваю, не находя пока возможнымъ высказаться опредѣленнѣе. (Русская до-петровская нумизматика В. 2. Спб. 1886 г., стр. 11—13—прим.).

пфенниги-пенязи, шиллинги-шляги, арабскіе диргемы и пр., позднѣе—татарскія монеты, и цѣлый рядъ безыменныхъ, безформенныхъ монетъ, фигурирующихъ въ нумизматическихъ кабинетахъ и сочиненіяхъ подъ именемъ «неопредѣленныхъ» даже монеты мелкихъ восточныхъ народцевъ, напр. Булгаръ и сосѣдней съ ними Мордвы, а въ XV вѣкѣ—наша собственная серебряная металлическая монета [1]).

Глава V.

Черты изъ культурно-политической исторіи Тверского княжества въ отношеніи къ искусству. Появленіе денегъ въ Тверскомъ княжествѣ въ связи съ общей исторіей появленія ихъ въ Ростово-Суздальской области.

Выше мы сказали, что Тверской край занималъ географически такое положеніе среди Новгородско-Ростово-Суздальской земли, что въ немъ сходились и пересѣкались всевозможныя культурныя вліянія, и что онъ былъ фокусомъ, въ которомъ не могъ не образоваться, уже въ самое древнее время, центръ культурной и политической жизни. Теперь мы и посмотримъ, когда и какъ это происходило, и какіе тутъ

[1]) Куны въ XV вѣкѣ такъ же были возможны, какъ «мордки» при Петрѣ Великомъ: «въ 1716 г. наряжаемы были на работу въ Мызу Сарскую изъ дворцовыхъ волостей плотники съ покормежными деньгами, которыя сбирались съ дворовъ, не пославшихъ работника, съ каждаго двора по три алтына, по полтретьи деньги съ *морджою*». Яковкинъ П. Ѳ. Исторія Села Царскаго. См. Отеч. Зап. № 99, іюль 1828, стр. 56.

Что же касается мордовскихъ денегъ, то существуетъ мнѣніе, въ первый разъ пущенное въ научный обиходъ, если не ошибаемся кн. Ѳ. Г. Гагаринымъ (въ статьѣ «О поддѣлкѣ Русскихъ денегъ» въ Зап. Спб. Арх. Нум. Общ. Спб. 1842, т. I, стр. 148—159), что «мордовки» не составляли монетъ, а были только украшеніями, носимыми женщинами, почему всѣ они проткнуты или имѣютъ припаянное ушко. То же самое утверждаетъ и Прозоровскій (въ цит. соч. Сводъ свѣдѣній и пр., стр. 148). Но это едва ли справедливо. Въ нашемъ собраніи и въ Твер. Музеѣ есть и непродырявленныя и безъ ушковъ таковыя монеты, а въ подписяхъ можно усмотрѣть подражанія надписямъ удѣльныхъ денегъ. Еще профессоръ Успенскій обратилъ вниманіе на одну таковую деньгу, доставленную ему П. П. Гарденинымъ изъ Воронежа, на которой стояло: *шеліх икочинъ* и пр., слова, въ которыхъ, если они даже и вѣрно прочтены, ясно слышатся искаженныя русскія слова: «великаго князя», обыкновенно читаемыя на многихъ русскихъ удѣльныхъ деньгахъ. А одно то, что онѣ современны удѣльнымъ деньгамъ, достаточно говоритъ объ ихъ древности. Однимъ словомъ, намъ кажется, вопросъ о «мордовкахъ» еще требуетъ пересмотра. (Успенскій. Цит. соч. стр. 651, прим.).

элементы, которые могутъ служить объясненіемъ нѣкоторыхъ особенностей Тверскихъ денегъ.

По обычаю наши лѣтописи весьма скудны на свѣдѣнія изъ культурной исторіи, и мы ничего не знаемъ изъ нихъ о первыхъ насельникахъ Твери. Древнѣйшее упоминаніе о тверскихъ жителяхъ относится къ 1134 году и заключается въ уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, въ которой упоминаются *тверскіе гости*, т. е. купцы [1]). Ясно, что если существовали въ 1134 году тверскіе купцы, то была и Тверь. Правда, подлинность этой грамоты нѣкоторое время оспаривалась и ей противупоставлялся другой списокъ той же грамоты, будтобы болѣе достовѣрный. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи обоихъ списковъ оказалось, что, наоборотъ, второй списокъ есть позднѣйшая поддѣлка и передѣлка перваго. На первомъ областномъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ В. И. Колосовъ доказалъ, что «писецъ второго списка произвольно распоряжался съ имѣвшимся у него подъ руками оригиналомъ; онъ свободно выкидывалъ устарѣвшія распоряженія князя Всеволода, приноравливая содержаніе ея къ современнымъ ему московскимъ порядкамъ, по временамъ даже стремясь создать ложную старину. Первый же списокъ заключаетъ въ себѣ болѣе близкій къ оригиналу грамоты списокъ ея; за это ручается то обстоятельство, что мы здѣсь имѣемъ особенности, которыхъ не понимаетъ или которыя не нравятся московскому писцу» [2]).

Мы вполнѣ согласны съ тѣми основаніями, на которыхъ построенъ такой выводъ, и находимъ, что въ настоящее время съ полною основательностью можно говорить о существованіи Твери въ началѣ XII-го вѣка, хотя, быть можетъ, не въ видѣ города, т. е. болѣе или менѣе значительнаго укрѣпленнаго пункта, а въ видѣ торговаго новгородскаго поселка, основаннаго Новгородцами при устьѣ рѣки Тверцы для защиты своихъ торговыхъ сношеній съ низовьями Волги. Но это—только первое упоминаніе о городѣ, которое, конечно, не говоритъ о его возникновеніи именно въ этомъ году. Обыкновенно бываетъ такъ, что въ лѣтопись упоминаніе о населенномъ мѣстѣ попадаетъ уже тогда, когда это мѣсто пріобрѣтетъ какое-либо значеніе, напр. торговое или военное. Слѣдовательно, можно предположить, что, какъ населенный пунктъ, Тверь су-

[1]) Допол. къ акт. ист. I. № 3. Стр. 2—5.

[2]) Труды Ярославскаго Областного Съѣзда. М. 1902 г. Стр. 155.

ществовала и ранѣе 1134 года. Упоминаніе ея въ этомъ году замѣчательно для насъ въ томъ отношеніи, что она представляется въ это время торговымъ, слѣдовательно культурнымъ пунктомъ, что̀ для насъ, быть можетъ, важнѣе, чѣмъ немного болѣе позднее основаніе Суздальцами именно города Твери на правомъ берегу р. Волги [1]). Въ самомъ дѣлѣ, это—важное обстоятельство: не какія-либо завоевательныя цѣли были причиною основанія города Твери, а дѣловыя соображенія дѣловитыхъ Новгородцевъ. Это только подтверждаетъ высказанную нами выше мысль, что на такомъ бойкомъ перекресткѣ торговыхъ путей, каковымъ была Тверская область, и въ частности Тверь, по своему географическому положенію, и на который, какъ говорится, въ оба глаза смотрѣли, съ одной стороны Новгородцы, съ другой—Суздальцы, не могло не возникнуть культурнаго центра. Совмѣстная культурная дѣятельность съ одной стороны Новгородцевъ, съ другой—Суздальцевъ была причиною быстраго роста города Твери, такъ что уже въ 1206 году лѣтописецъ упоминаетъ существованіе здѣсь Отроча монастыря, вѣроятно перваго храма, построеннаго на новгородской половинѣ города [2]).

Чтобы понять дальнѣйшій историческій ростъ этого пункта, нужно бросить взглядъ на общій политическій строй, который представляла русская земля въ періодъ до-татарскій. Взгляды нашихъ историковъ (Карамзина, Соловьева, Костомарова, Сергѣевича и др.) на этотъ предметъ довольно разнообразны, однако нельзя не замѣтить у нихъ того общаго, что съ нашествія Татаръ въ русской жизни произошелъ замѣтный переломъ.

Русская земля въ періодъ до-татарскій представляла изъ себя рядъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ княжествъ-общинъ, политически совершенно независимыхъ другъ отъ друга, во главѣ съ князем, избиравшимся общиной и имѣвшимъ права наслѣдованія, обусловленныя обычнымъ правомъ. Интересы и пользы общины, поддерживаемые обычнымъ правомъ, были основнымъ объединяющимъ началомъ жизни таковыхъ общинъ, во имя котораго приносились въ жертву всякіе иные интересы, разъ они шли въ разрѣзъ съ пользами общины. Три власти,—князь, дружина и вѣче,—борясь между собою и уравновѣшивая другъ друга, управляли этими общинами. Внутреннимъ, нормирующимъ элементомъ въ отношеніяхъ между этими вла-

[1]) Ibid.

[2]) Лавр. лѣт. 178. Воскр. 112. Ср. Борзаковскій. Ист. Твер. княж. Спб. 1876. Стр. 17.

стями было то же обычное право, въ силу котораго, напримѣръ, князья и мирились, и враждовали, и заключали договоры, и наслѣдовали признавая и уважая освященное обычаемъ право старшаго въ родѣ. Во времена христіанскія въ эти отношенія привзошелъ еще нравственный элементъ, выраженіемъ котораго служило крестоцѣлованіе, не принявъ и не сложивъ котораго князья обыкновенно не предпринимали важныхъ дѣлъ.

Во главѣ таковыхъ княжествъ, конечно, должны быть поставлены государства-общины Новгорода и Пскова, какъ древнѣйшіе культурные центры сѣверозападныхъ окраинъ Россіи. Отсюда, путемъ торговли и колонизаціи, культура распространялась во всѣ стороны по равнинѣ Европейской Россіи, главнымъ же образомъ на югъ и сѣверо-востокъ.

Новгородско-норманскіе піонеры, какъ мы выше видѣли, основываютъ культурный центръ въ Кіевѣ, оказавшійся впрочемъ недолговѣчнымъ: сосѣдство степныхъ кочевниковъ, незащищенность границъ съ запада и юга и другія невыгоды положенія, были причиной того, что Кіевское княжество скоро изчезаетъ съ политическаго горизонта и уступаетъ мѣсто Ростово-Суздальской области, гдѣ на новой почвѣ и при новыхъ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ образовался новый и самобытный культурный центръ. Отдѣльные народцы, входившіе въ составъ этой области, вслѣдствіе родовыхъ счетовъ представителей обширной княжеской семьи, а также и вслѣдствіе случайныхъ столкновеній между собою, хотя и стремились къ самостоятельности, но, сдерживаемые единствомъ происхожденія, языка и взаимныхъ интересовъ, представляли довольно однородное цѣлое, близкое по своему внутреннему устройству къ своему старшему брату, господину великому Новгороду. И попытка одного изъ Суздальскихъ князей выдти изъ колеи вѣками установившихся традицій, какъ извѣстно, окончилась для него неудачею.

Съ нашествіемъ Татаръ наступаетъ новый, поворотный пунктъ въ исторіи русской культуры. Основные принципы жизни этого народа были противоположны тѣмъ, на которыхъ была построена русская жизнь. Не право, не старшинство и не общественные интересы были руководящими началами ихъ общественнаго устройства, а грубая сила, жестокость и произволъ ихъ хановъ.

Татары убиваютъ, уничтожаютъ почти поголовно; неубитые бѣгутъ: начинается, если можно такъ выразиться, какъ-бы вещественное перемѣщеніе Востока на Западъ. Люди бѣгутъ въ ближайшія мѣстно-

сти на западъ, въ Литву, Новгородъ и даже, какъ мы выше видѣли (стр. 101) въ отдаленную Норвегію. Бѣгутъ вмѣстѣ съ другими и культурные Суздальцы. Но куда же они бѣгутъ? Случилось такъ, что ближайшимъ, наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ пунктомъ для ихъ переселенія оказалась Тверь, гдѣ они и находятъ себѣ вторую родину, на земляхъ брата великаго князя Владимірскаго, Тверского князя Ярослава Ярославича. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, которыябы доказывали, что это было именно такъ изъ ближайшаго къ первому натиску Татаръ времени, но возможность указываемаго нами положенія вещей до такой степени вѣроятна, что, кажется, не требуетъ особыхъ спеціальныхъ подтвержденій. Вспомнимъ только всеобщее, великое переселеніе народовъ и способъ, какимъ волна его, начавшаяся на далекомъ Востокѣ, постепенно двигаясь и передаваясь отъ народа къ народу, дошла наконецъ и до крайняго Запада. Тоже самое, только въ миніатюрѣ, происходило и при нашествіи Татаръ на сѣверо-восточную Русь.

Впрочемъ, если и не изъ времени перваго натиска Татаръ, то все-таки изъ ближайшаго къ нему, именно спустя всего только 50 лѣтъ отъ его начала, мы имѣемъ указаніе, что въ 1293 году, когда Михаилъ Ярославичъ былъ въ Ордѣ, и Татары, посланные ханомъ, опустошили не только Переяславль, но и многіе другіе города Ростово-Суздальской земли, то *жители отсюда бѣжали въ Тверь*, гдѣ и нашли себѣ пріютъ и убѣжище отъ татарскихъ неистовствъ; они даже клялись здѣсь биться съ Татарами не на животъ, а на смерть, и дожидались только возвращенія изъ Орды Тверского великаго князя [1]).

Но это нашествіе Суздальцевъ на Тверь, въ противоположность всякимъ другимъ нашествіямъ, было благодѣяніемъ для послѣдней, потому что сюда перешли наслѣдники знанія и умѣнья тѣхъ мастеровъ и художниковъ, которые на своей родинѣ создали тѣ замѣчательные памятники искусства, о которыхъ мы выше говорили.

По смерти Александра Невскаго, въ 1263 году, старшимъ въ родѣ Суздальскихъ князей сталъ братъ его Ярославъ Ярославичъ, князь Тверской, который и сталъ княземъ всей Новгородско-Ростово-Суздальской земли. Съ этихъ поръ онъ сталъ жить то въ Новгородѣ, то во Владимірѣ, а больше всего, говорятъ, въ Твери, въ своемъ родномъ городѣ [2]).

---

[1]) Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1891. Т. II. Стр. 458. Тутъ же и сводъ лѣтописныхъ указаній.

[2]) Чередѣевъ. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. Тверь. 1859. Стр. 5.

Здѣсь уже при немъ существовалъ, и, вѣроятно, имъ же былъ построенъ соборный храмъ во имя свв. Кузьмы и Даміана, въ которомъ онъ, въ 1271 году, и былъ похороненъ Тверскимъ епископомъ Симеономъ, принявши передъ смертію имя Аѳанасія [1]).

Этотъ князь не дружилъ съ Татарами и однимъ изъ послѣднихъ русскихъ князей явился въ Орду для выраженія подданства хану. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ, подъ 1258 (1257) годомъ, въ первый разъ говорится объ этой поѣздкѣ, тогда какъ передъ этимъ годомъ перечислены многія поѣздки другихъ князей къ Татарамъ. Да и это путешествіе есть возможность объяснить необходимостью выручить своихъ дѣтей, находившихся въ плѣну у Татаръ со времени несчастной для него Переяславской битвы съ ними, въ 1252 году. Единственный случай, который можетъ быть поставленъ ему въ упрекъ въ этомъ отношеніи, это тотъ, когда онъ послалъ за Татарами во время своей ссоры съ Новгородцами. Если это извѣстіе вѣрно (оно сообщается позднѣйшей, Никоновской лѣтописью: III, 51), то остается только предположить, что Ярославъ Ярославичъ, грубо оскорбленный Новгородцами (они сказали ему: «князь, поѣзжай прочь, не хотимъ тебя»), сдѣлалъ это въ пылу гнѣва на нихъ. Однако фактъ тотъ, что Татары всетаки не пришли и не сдѣлали никакого зла Новгородцамъ.

Возвращаясь къ перемѣнѣ у насъ строя жизни со времени нашествія Татаръ, мы должны сказать, что сила татарскихъ порядковъ вскорѣ дала себя почувствовать съ разныхъ сторонъ. Князья первые должны были оглядѣться вокругъ, и разсудить, какъ выдти изъ созданнаго Татарами новаго положенія вещей, потому что для всѣхъ стало ясно, что всѣмъ будетъ управлять произволъ хановъ. Возникъ вопросъ о подчиненіи насилію завоевателя и степени его, а вслѣдъ затѣмъ и вопросъ о первенствѣ между князьями. Первый вопросъ всего практичнѣе разрѣшили князья Московскіе, поставившіе безусловное подчиненіе ханской волѣ девизомъ своей политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти предрѣшили и вопросъ о первенствѣ.

Но помимо Москвы были еще двѣ политическія силы, которыя должны были принять участіе въ разрѣшеніи означенныхъ вопросовъ: это Новгородъ и Литва, въ это время представлявшая уже довольно крупную политическую величину. Тверь очутилась въ самомъ центрѣ этихъ противоположныхъ силъ: съ сѣвера Новгородъ, съ востока Та-

[1]) Тамъ же, и Ник. лѣт. Ш. 55. Въ П. С. Л. V, 198, это событіе отнесено къ 1272 г.

тары, съ юга Москва и съ запада Литва. Положеніе ея сдѣлалось критическимъ, потому, что ей предстояло рѣшить вопросъ: куда ей тяготѣть? По своимъ историческимъ традиціямъ и по характеру своей культуры она тяготѣла къ западнымъ своимъ сосѣдямъ, хотя, быть можетъ, и не сознавала этого вполнѣ. И вотъ она бросается въ объятія своей сосѣдки— Литвы, и съ замѣчательнымъ постоянствомъ поддерживаетъ эту связь—впрочемъ, не безпочвенную, какъ увидимъ—до послѣдняго момента своего самостоятельнаго существованія, ставши въ оппозицію съ сильнымъ и богатымъ Новгородомъ, который, въ свою очередь, не съумѣлъ различить между незначительными и временными непріятностями, доставляемыми ему поползновеніями Суздальцевъ и Тверитянъ на его богатый кошелекъ и вопросомъ о необходимости защиты основъ своего стараго быта.

Настала долгая и жестокая борьба между старыми порядками и новыми.—Началось дѣло изъ-за титула великокняжескаго. «По смерти Андрея Александровича,—начинаетъ свою главу объ этой борьбѣ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ,—по прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому, потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича, а Юрій Даниловичъ Московскій—правнукомъ, и отецъ его, Даніилъ, не держалъ старшинства. Но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы» [1]).

Такъ же смотритъ на дѣло и лѣтописецъ. Онъ говоритъ: «наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое досталося князю великому Ивану Даниловичу» [2]). Не будемъ разсказывать общеизвѣстныхъ подробностей этой борьбы, а остановимъ свое вниманіе лишь на тѣхъ ея сторонахъ, которыя могутъ имѣть отношеніе къ Тверскому искусству, а для сего бросимъ взглядъ на отношенія Тверскихъ князей къ Литвѣ, къ Москвѣ, къ Татарамъ и на ихъ собственный, личный характеръ.

Еще Ярославъ Ярославичъ понималъ важность дружбы съ Литовскимъ княжествомъ. Единственный фактъ, повидимому противорѣчащій

---

[1]) Полн. Собр. Русск. лѣт. V, 207: «Ему же по старѣйшиньству дошелъ бяше степень княженія великаго». Ист. Россіи. 2 изд., т. I, стр. 902. Первый случай насилія или пренебреженія къ праву, который разумѣетъ Соловьевъ, это, вѣроятно, поступокъ Михаила Хоробрита, одного изъ Московскихъ князей, отнявшаго у своего дяди Святослава Владиміровича великое княженіе. По поводу этого поступка Соловьевъ такъ говоритъ: «Это явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, полное невниманіе по всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго». Ibid. Стр. 873.

[2]) Ник. IV. 204.

этому (прогналъ толпу Литовцевъ подъ Зубцовомъ въ 1248 г.), произошелъ однако тогда, когда онъ еще не былъ княземъ всей Ростово-Суздальской земли. Все свое княженіе Ярославъ дрался только съ Нѣмцами, которыхъ и разбилъ, наконецъ, въ знаменитой Раковорской битвѣ. Съ Литовцами же онъ дружилъ, какъ показываютъ факты. Такъ, есть извѣстіе, что Литовскій князь Миндовгъ былъ женатъ на Тверской княжнѣ, которая была матерью его сына Войшелга, обращеннаго ею въ христіанство [1]). Затѣмъ, представитель духовной власти въ Твери, первый ея епископъ, былъ Полоцкій князь Симеонъ, бѣжавшій изъ Литвы подъ покровительство Тверского князя, вѣроятно изъ-за смутъ, послѣдовавшихъ въ Литвѣ по смерти князя Миндовга [2]). Затѣмъ, когда, во время этихъ смутъ, изъ Литвы прибѣжала масса Литовцевъ во Псковъ, и Новгородцы намѣревались ихъ перебить, то Ярославъ не дозволилъ имъ этого. Затѣмъ, уже въ концѣ своего княженія, онъ поставилъ во Псковъ Литовскаго князя Айгуста, хотя тамъ былъ уже княземъ Довмонтъ. Послѣдній фактъ показываетъ, что Ярославъ Ярославичъ имѣлъ какіе-то особые политическіе виды на Литву.

Эта связь Твери съ Литвой не была прихотью, или вынужденнымъ обстоятельствами искательствомъ союзника въ предстоящей борьбѣ съ Москвою. Такое поведеніе не подходитъ къ характеру Тверскихъ князей,—наоборотъ, ихъ влекли къ Литвѣ болѣе глубокія и серьезныя причины. Литва была не чужая, а родственная культурная страна. Политическій смыслъ и тактъ Тверскихъ князей въ томъ и состоитъ, что они поняли родственныя черты въ населеніи Литовскаго княжества. Дѣло въ томъ, что Литва съ самаго начала своей исторіи раздѣлялась на двѣ половины: западную часть—чисто литовскую и восточную часть—чисто русскую. Уже съ Войшелга начинается въ послѣдней преобладаніе чисто русскаго элемента. Самое усиленіе Литвы, какъ будущаго государства, какъ оказывается, произошло отъ призыва утвердившимся тамъ новымъ княжескимъ родомъ послѣ Миндовга русскихъ силъ къ участію въ защитѣ Литовско-русскаго государства. Этотъ новый родъ начался съ Литовскаго князя Витеня и преемника его Гедимина.

«Съ самаго начала княженія Витеня польскіе и нѣмецкіе лѣтописцы, разсказывая его походы, называютъ постоянно сопровождающія

[1]) Кто была эта Тверская княжна,—извѣстій нѣтъ, но единственно, что можно предположить—что она была дочь Ярослава Ярославича отъ его первой жены, убитой Татарами въ Переяславлѣ, потому что другихъ Тверскихъ княженъ въ то время не было.

[2]) Борзаковскій. Цит. соч. стр. 30.

его ополченія не «Литовцами», какъ прежде, а «Литовцами и Русскими». Такъ, уже подъ 1293 годомъ Длугошъ упоминаетъ о походѣ Витеня въ Пруссію cum multitudine Lituanorum Ruthenorumque (I. 869). То же говоритъ онъ при разсказѣ о другомъ походѣ Литовскаго князя въ 1308 году (I. 325). Въ лѣтописи Виганда Марбургскаго находятся такія же извѣстія объ участіи Руси въ походѣ великихъ князей Литовскихъ. (1311. Wytan, rex Lithuanorum cum suis et Rutenis venit in Prussiam).

Русскимъ поручались еще посольскія миссіи. Такъ, въ 1326 году, посланникъ Гедимина (по имени Лессе, вѣроятно Лесько, т. е. Александръ) принесъ жалобу Рижскому архіепископу въ томъ, что крестоносцы, не смотря на заключенное перемиріе, задержали, ограбили и посадили въ тюрьму какъ его, такъ и другихъ его сотоварищей *русскихъ*, снаряженныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ посольство отъ лица великаго князя. (Наперскій. Русско-Ливон. акты. № 81, стр. 51).

Среди сподвижниковъ Гедимина и Витеня былъ представитель Руси—Давидъ, староста Гродненскій, за котораго Гедининъ отдалъ свою дочь. Онъ былъ военачальникомъ Литовскаго князя и служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними русскими землями. Въ 1322—1323 г.г. русскія лѣтописи передаютъ обстоятельный разсказъ о помощи, оказанной Давидомъ Псковитянамъ. (Пск. 2 и Соф. 1. П. С. Р. Л. V. II. 216). Наконецъ значеніе, пріобрѣтенное русскою народностію въ великомъ княжествѣ Литовскомъ при Витенѣ и Гедининѣ, обозначилось въ самомъ титулѣ, принятомъ этими князьями. Въ сношеніяхъ съ иноземными государствами Гедининъ принималъ въ грамотахъ титулъ короля Литвы и Руси (rex Litwinorum Ruthenorumque, или rex Lethovinorum et multorum Ruthenorum. (Наперскій. Акты Русско-Лив. 31. 50 [1]).

Такимъ образомъ дружба Твери съ Литвою имѣла самыя серьезныя и самыя благородныя основы. Въ 1319 году Гедининъ выдалъ свою дочь Марію за Тверского великаго князя Димитрія Михайловича и тѣмъ показалъ, что и со своей стороны дорожитъ дружественными связями съ Тверью, въ виду начавшагося усиленія Московскаго княжества. При Гедининѣ Литовское княжество до того усилилось, что стало угрожающимъ факторомъ въ отношеніи къ Москвѣ, и послѣдняя волею-неволею должна была обратить серьезное вниманіе

[1]) В. Б. Антоновичъ. «Очерки исторіи великаго княж. Литовскаго до половины XV столѣтія». Кіевъ. 1878. Стр. 44—47.

на эту опасность съ запада, должна была умѣрить свой натискъ на русскія сосѣднія княжества и даже вынуждена была заискивать у Литвы. Можно сказать даже, что этой дружбѣ съ Литвой Тверь обязана цѣлымъ столѣтіемъ своего самостоятельнаго существованія. Факты, въ которыхъ все это выразилось, довольно ясны. Столкновеніе у Москвы съ Литвой началось изъ-за вліянія на новгородскія и псковскія дѣла. Богатыя государства-общины Новгорода и Пскова столь же часто служили приманкой для Московскихъ князей, сколько и для Тверскихъ, но тѣмъ и другимъ поперекъ дороги стали князья Литовскіе, въ свою очередь стремившіеся упрочить за собою первенствующее вліяніе въ этихъ вольныхъ городахъ. Въ 1333 году Московскій князь Симеонъ вздумалъ было, глядя на успѣхъ союза Твери съ Литвою, улучшить свои дѣла женитьбою на дочери Гедимина Августѣ (въ крещеніи Анастасіи) [1]), но это мало помогло ему. Гединиъ хорошо понималъ характеръ политики Москвы и не хотѣлъ въ угоду ей поступиться своими собственными политическими интересами. Такъ, онъ обнаружилъ желаніе пріобрѣсти вліяніе на дѣла Пскова, желавшаго полной самостоятельности отъ Новгорода. Когда Новгороду стали помогать Московскіе князья, онъ сталъ на сторону Псковитянъ, которымъ онъ и раньше помогъ въ вопросѣ объ отдѣленіи Псковской епархіи отъ зависимости отъ Новгородской.

А еще раньше, въ 1322—1323 г.г., Литовская помощь «спасла Псковитянъ, оставленныхъ въ трудную минуту Новгородцами» безъ защиты отъ нападенія Ливонскихъ рыцарей. Въ 1328—1338 годахъ Гединиъ поддерживаетъ во Псковѣ принятаго на княженіе Псковичами бывшаго Тверского князя Александра Михайловича, бѣжавшаго изъ Твери отъ ханскаго гнѣва послѣ избіенія здѣсь шайки Шевкала. Когда, по приказанію Калиты Псковитяне, не хотѣвшіе выдать Александра, были отлучены отъ церкви московскимъ митрополитомъ, то князь этотъ нашелъ въ Литвѣ пріютъ, и, полтора года спустя, возвратился обратно во Псковъ при помощи Гедимина [2]).

Подобное же столкновеніе случилось между Гединиомъ и Іоанномъ Калитою и въ Новгородѣ, гдѣ оба стремились утвердить свое вліяніе. Въ 1331 году (за 2 года до брака сына Калиты на дочери Гедимина) Гединиъ получилъ отъ Новгорода обѣщаніе дать удѣлъ его сыну На-

[1]) Ист. Г. Р. Кар. IV. 219 пр. 265. Древ. Рос. Вивл. XVI, стр. 168, № XIII.
[2]) 2 Псков. 12; Соф. 1. 218.

римунту; обѣщаніе это было исполнено только въ 1333 году по слѣдующему поводу: Іоаннъ Калита потребовалъ у Новгородцевъ уступки «закамскаго серебра» и, встрѣтивъ отказъ, занялъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ; Новгородцы, пытавшіеся напрасно смягчить его просьбами, вспомнили о Наримунтѣ; они обмѣнялись съ нимъ посольствами и пригласили его на кормленіе, назначивъ ему отчину: Ладогу, Орѣховецъ, Корельскую Землю и половину Копорья (Новг. л. стр. 77). Появленіе Наримунта заставило Іоанна Калиту умѣрить требованія и помириться съ Новгородцами [1]).

Ольгердъ, не менѣе сильный, чѣмъ Гедиминъ, поддерживалъ традиціонную дружбу съ Тверью до самой послѣдней возможности. Въ 1350 году онъ женился на дочери Тверского князя Александра Михайловича Ульянѣ Александровнѣ и неоднократно оказывалъ помощь его преемнику, великому князю Михаилу Александровичу. Особенно замѣчателенъ одинъ случай. Въ 1374 году одинъ изъ зависимыхъ отъ Литовскаго князя удѣльныхъ смоленскихъ князей, Иванъ Васильевичъ, осмѣлился оказать помощь Московскому князю въ его походѣ противъ Михаила Александровича. Тогда Ольгердъ немедленно вступилъ на смоленскую территорію «глаголя: почто есте ходили воевати князя Михаила?» и сильно опустошилъ смоленскую область, разорилъ пригороды и увелъ въ плѣнъ множество жителей [2]).

Исторически преобладаніе новыхъ принциповъ жизни и борьба ихъ съ старыми начались въ предѣлахъ Тверского края съ княженія великаго князя Тверского Михаила Ярославича, мученически убитаго въ Ордѣ, по клеветамъ на него Московскаго князя Юрія. Въ этой исторіи, по словамъ автора повѣсти объ его убіеніи, «Тверской князь выступаетъ величественной фигурой: на его сторонѣ право и великодушіе: онъ готовъ отступиться отъ своего великокняжескаго права въ пользу соперника, лишь бы вражда прекратилась; при всякомъ случаѣ выражаетъ готовность пострадать, лишь бы неповинные христіане избѣгнули бѣды смертью одного; онъ борется одинъ противъ московско-татарскаго союза» [3]). Его мученическая смерть «возбудила къ Москвѣ непримиримую ненависть въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ старыя національныя преданія могли противопоставить татарскому насилію какіе-либо нрав-

[1]) Антоновичъ. Цит. соч. стр. 67.

[2]) Ник. лѣт. IV. 42, 46.

[3]) Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871. Стр. 73

ственные принципы. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими нравами Москвы» [1]).

Затѣмъ, извѣстна исторія сына Михаила—Александра Михайловича, также звѣрски замученнаго въ Ордѣ, также вѣроятно по клеветамъ Калиты [2]). Псковичи, у которыхъ жилъ тогда Александръ, рѣшили не выдавать его, и тогда Калита заставилъ митрополита Ѳеогноста наложить на нихъ проклятіе. Псковичи все-таки защищали Александра, но наконецъ онъ самъ рѣшился идти въ Орду и, какъ надо было ожидать, погибъ тамъ. Карамзинъ въ своемъ сладкорѣчивомъ стилѣ говоритъ объ этомъ: «хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, которыхъ вина состояла въ великодушіи».

На эти слова Буслаевъ замѣчаетъ: «въ этихъ умѣренныхъ выраженіяхъ Карамзина, отзывающихся нѣкоторою сантиментальностію, мы не должны видѣть обвиненія въ жестокихъ нравахъ, столь обычныхъ для того времени; но не можемъ не замѣтить различнаго отношенія къ татарщинѣ раболѣпной Москвы и самостоятельнаго Пскова и, конечно, не вообще добрые Россіяне, по нѣжному выраженію Карамзина, порицали московскаго князя и митрополита, а порицали ихъ только Псковичи. Москва, какъ новый станъ великокняжеской силы, не была еще столько развита, чтобы практическими выгодами умѣла жертвовать въ пользу нравственныхъ убѣжденій, которыя въ то время имѣли единственную основу въ религіозныхъ идеяхъ и въ мѣстной привязанности къ родинѣ» [3]).

Несомнѣнная и неотъемлемая заслуга Москвы—объединеніе Руси, поведшее къ созданію единаго и сильнаго государства на мѣстѣ разнохарактерныхъ и нерѣдко враждовавшихъ между собою племенъ, но несомнѣнно и то, что средства для сего употребленныя ею были слишкомъ жестоки, почему они и вызывали уже въ древнее время сильные протесты. Однако строго обвинять Москву было-бы несправедливо, по-

---

[1]) Слова Буслаева у Пыпина. Ист. русск. литературы, СПб. 1898. Т. I, стр. 356.

[2]) «Никоновская лѣтопись говоритъ, что *много клеветаша нѣцыи* на кн. Александра. Изъ этихъ *нѣцыи* главную роль конечно игралъ самъ Калита». Борзаков. Ист. Тв. Кн. стр. 129.

[3]) Пыпинъ. Т. I. 357.

тому что многое, что она дѣлала, можетъ быть объяснено давленіемъ Татаръ.

При Михаилѣ Александровичѣ эта борьба принциповъ старыхъ съ новыми достигла своего апогея и кончилась тѣмъ, что онъ отказался отъ всякой претензіи на старшинство надъ прочими русскими князьями, и, признавши себя «младшимъ братомъ» Московскаго князя, предоставилъ Москвѣ одной идти по тому пути, который она избрала. Но это признаніе фактически ничего не измѣнило въ общемъ политическомъ положеніи Тверского князя и почти что ни къ чему его не обязывало въ дѣйствительности, потому что обѣ стороны хорошо понимали, «что если онѣ помирились, то только по нуждѣ, съ враждою въ сердцѣ и съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ». Но этого удобнаго случая не представилось, съ одной стороны потому, что сама Москва въ 1382 году подверглась такому разгрому отъ татаръ, отъ котораго она долго не могла оправиться, а съ другой стороны—Литва еще слишкомъ была сильна, чтобы дозволить окончательный разгромъ Тверского княжества. Доказательствомъ, что вынужденный въ 1375 году договоръ имѣлъ значеніе только на бумагѣ, служитъ то, что уже Василій Димитріевичъ въ скоромъ времени замѣнилъ его другимъ, въ которомъ Тверской князь Михаилъ Александровичъ трактуется какъ совершенно равный Московскому, и даже съ нѣкоторыми преимуществами въ свою пользу.

Не будемъ перечислять всѣхъ, и всѣмъ прекрасно извѣстныхъ трагическихъ эпизодовъ этой тяжелой и кровавой борьбы изъ-за великокняжескаго титула. Отмѣтимъ только, что въ увлеченіи борьбы обѣ стороны проявили достаточно излишествъ, жестокости, а главное, непослѣдовательности, ибо обѣ стороны одинаково прибѣгали къ помощи и посредничеству Татаръ, для которыхъ вся эта драка подвластныхъ князей была ничѣмъ инымъ, какъ только доходной статьей.

Новгородцы во время этой борьбы не разъ поставляли на видъ Михаилу Александровичу, что они союзники Москвы потому, что онъ водитъ Татаръ на русскую землю, но въ увлеченіи борьбы онъ не могъ оцѣнить всей силы этого аргумента. За то, какъ только Михаилъ Александровичъ сложилъ оружіе, убѣдившись въ безплодности дальнѣйшей борьбы, онъ тотчасъ же прекратилъ всякія отношенія къ Татарамъ. Онъ не принимаетъ участія въ ссорѣ, затѣянной Москвой съ Татарами въ 1380 году, послѣдствіемъ которой было только то, что

всѣ русскія княжества были обложены небывало тяжелою данью и что сама Москва черезъ два года была страшно разорена Тахтамышемъ [1]). Что касается татаръ, то съ 1375 года они уже не появляются въ Тверской области ни по призыву, ни сами. Тверской князь старается откупиться отъ нихъ, щадя жизнь и имущество своихъ подданныхъ. Населеніе начинаетъ снова стекаться въ его многострадальную область, и благоденствіе ея все болѣе и болѣе увеличивается.

Состояніе искусствъ и вообще культуры въ Твери и Тверской области, за все это время, представляетъ картину постепенно возростающаго прогресса.

Уже первый Тверской епископъ Симеонъ оказался выдающимся дѣятелемъ въ области церковнаго строительства въ Твери. Такъ, извѣстно, что, въ 1285 году, его благословеніемъ «князь великій Тверской Михаилъ Ярославичъ съ матерью своею Оксиньею преложили соборную церковь, что была прежде Козма и Даміанъ и приложиша во имя св. Спаса, что нынѣ Преображеніе, и поставиша *каменну*» [2]). Его преемникъ, епископъ Андрей, по происхожденію сынъ Литовскаго князя Герденя, въ 1292 году украсилъ ее живописью при посредствѣ самыхъ лучшихъ мастеровъ [3]). Обстоятельство или фактъ, что уже въ XIII вѣкѣ въ Твери оказалась нужда въ каменномъ соборномъ храмѣ и что тамъ нашлись мастера, которые съумѣли ее выстроить, тогда какъ въ другихъ городахъ, какъ извѣстно, даже въ позднѣйшее время не умѣли сами строить каменныхъ храмовъ и обращались къ чужимъ мастерамъ,— весьма замѣчательный, и показывающій, какъ высоко уже въ это время стояла Тверь въ культурномъ отношеніи [4]). Спрашивается, кто же

---

[1]) Объ участіи Тверского князя въ Куликовской битвѣ, «въ редакціяхъ сказанія о ней, считающихся болѣе достовѣрными (П. С. Р. Л. IV. 75; VI. 90) не упоминается». Экземплярскій. «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ». Спб. 1891 г. Т. II, стр. 494. Ср. Борзаковскій. Цит. соч. стр. 164 и сл. Солов. IV. 393 и прим. 665.

[2]) Твер. Лѣт. 406. Лавр. 227. Воскр. 119. По Ник. Л. Ш. 85, подъ 1286 г. «мастеры дѣлаху церковь св. Спаса каменную». Это—уже второй храмъ въ Твери въ столь раннюю эпоху. Первый храмъ—Отрочь монастырь, какъ выше сказано—упомянутъ лѣтописью еще въ 1206 году.

[3]) Карамзинъ. IV. прим. 182. Ник. III. 89.

[4]) «Въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія на то, что церкви въ нѣкорыхъ русскихъ городахъ разрушались и обваливались вскорѣ послѣ ихъ поскройки, между тѣмъ нигдѣ не упоминается о подобныхъ случаяхъ въ Твери». Успенскій соборъ въ Москвѣ, построенный Калитою, былъ такъ плохо сдѣланъ, что уже въ 1472 г. вынуждены были его разрушить и построить новый. Но едва московскіе мастера вывели стѣны, какъ онѣ обрушились. Призванные поправить дѣло псковскіе мастера констатировали неумѣлость московскихъ мастеровъ. Имъ вѣроятно не повѣрили: призвали Аристотеля Фіоравенти, который подтвердилъ заключеніе псковскихъ мастеровъ. Борзак. стр. 59. Аристовъ. Промышл. др. Руси. 104. прим. 325. Новицкій. Ист. Р. Искус. Т. I. стр. 192.

были эти мастера? Г. Борзаковскій думаетъ, что «Тверичи сами строили каменныя церкви: ни откуда не видно, чтобы они призывали чужихъ мастеровъ»... Намъ кажется, что правильнѣе было-бы назвать прежде всего суздальскихъ мастеровъ [1]), а потомъ литовскихъ или нѣмецкихъ, пріѣхавшихъ въ Тверь вмѣстѣ съ Симеономъ, и наконецъ уже Тверичей, выучившихся у послѣднихъ.

Въ княженіе великаго князя Димитрія Михайловича была построена въ Твери еще каменная церковь—во имя св. Ѳеодора Стратилата (на островѣ, при впаденіи въ Волгу рѣки Тьмаки), ставшая впослѣдствіи времени Ѳеодоровскимъ монастыремъ, въ которомъ въ 1317 году сиріецъ Ѳома писалъ сохранившійся доселѣ, весьма важный памятникъ древней Тверской письменности — «Греческій-Іерусалимскій уставъ» (Τήφρει τῇ χώρα Ρωσίας) [2]). Первоначальную Ѳеодоровскую церковь украсилъ живописью жившій здѣсь игуменъ, извѣстный подъ именемъ Ивана Цареградца [3]). Въ 1344 году, въ княженіе Тверского великаго князя Константина Михайловича (1339—1345) въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ были устроены золоченыя мѣдныя двери, поставленъ золоченый крестъ, полъ выстланъ мраморомъ и слитъ колоколъ, увезенный потомъ, въ одинъ изъ набѣговъ на Тверь, Иваномъ Калитой [4]). Это—уже очень сложныя работы, требующія искусныхъ мастеровъ и, кромѣ того, предполагаютъ зажиточность или даже богатство Тверского населенія [5]).

Михаилъ Александровичъ построилъ два каменныхъ храма одинъ въ своемъ первоначальномъ удѣльномъ городѣ Микулинѣ въ 1398 году при владыкѣ Арсеніи [6]), а другой въ Старицѣ, во имя Архангела Михаила—при томъ-же епископѣ и въ томъ-же году [7]). Кромѣ этихъ храмовъ Святитель Арсеній уже по своей иниціативѣ построилъ въ 4 верстахъ отъ Твери, на р. Тьмакѣ, существующій и нынѣ, храмъ

---

[1]) Не только въ Твери, но даже въ Холму «въ построеніи храма въ XIII в. принимали участіе мастера, *бѣжавшіе отъ татаръ*». Ѳ. Буслаевъ. Истор. очерки русск. народн. слов. и искусства. СПб. 1861 г. Т. 2. Стр. 71.

[2]) А. Сергій.—Полный Мѣсяцесловъ Востока. М. 1875. Т. I, стр. 135—6.

[3]) Борзаковскій. Цит. соч. стр. 207.

[4]) «Насиліе очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ (Сол. III. 295. Ник. III. 170. Тат. IV. 142). Этотъ колоколъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими Тверскими колоколами, призывалъ народъ къ возстанію на Шевкала». Борзак. Цит. соч. стр. 131.

[5]) О богатствѣ Твери въ XIV вѣкѣ есть и другія указанія. См. Борзак. Цит. соч. стр. 66.

[6]) Микул. Лѣт. стр. 12 прим. 7.

[7]) Борзак. Цит. соч. ст. 32.

въ честь пр. Антонія и Θеодосія, поставилъ кельи, пригласилъ иноковъ и избралъ для нихъ игумена. Этотъ монастырь извѣстенъ подъ именемъ Желтикова монастыря. Въ 1404 г. онъ построилъ въ немъ еще каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы. Въ 1406 г. при немъ украшена живописью церковь св. Архистратига на Горкѣ. Наконецъ, этому-же святителю «русская литература обязана древнѣйшей редакціей Патерика Печерскаго, сдѣланной имъ въ 1406 году и отличающейся простотою въ своемъ составѣ, древностію языка и надлежащимъ размѣщеніемъ статей, безъ всякой перестановки оныхъ, какъ принадлежатъ онѣ своимъ сочинителямъ» [1]).

Борзаковскій говоритъ, что «въ Твери были свои мастера золотыхъ и серебряныхъ издѣлій: Тверскіе князья къ своимъ грамотамъ прикладывали серебряныя, вызолоченныя печати» [2]).

Есть извѣстіе, что при Михаилѣ Александровичѣ въ Твери начали чеканить и свои собственныя деньги. Это будто-бы произошло около 1374 года. Но извѣстіе это не лѣтописное, очень позднее, и происхожденіе его намъ неизвѣстно. Мы его нашли въ журналѣ «St.-Petersburgisches Journal» 1780 г. (въ которомъ, однако, тогда помѣщали свои статьи и академики наши, напр., знаменитый, по тогдашнему времени, нумизматъ Бакмейстеръ), въ статьѣ: «Histor.-geographische Beschreibung der Stadt Twer», гдѣ, говоря о послѣднихъ годахъ княженія Михаила Александровича, дѣлается слѣдующее замѣчаніе: «ohngefähr in Jahre 1374 fing man in Twer zuerst an, Geld zu münzen» [3]). Откуда взята эта хронологическая дата, повторяемъ, намъ неизвѣстно. (Можетъ быть изъ лѣтописей, которыя потомъ, въ 1812 г., погибли въ знаменитомъ собраніи Баузе?). Однако, съ другой стороны, нѣтъ и основаній, по которымъ-бы мы должны вполнѣ ее отвергнуть. Какъ-бы то ни было, но фактъ тотъ, что монеты Михаила Александровича намъ извѣстны, хотя, быть можетъ, онѣ и не первый опытъ чеканнаго дѣла въ Твери (замѣтимъ при этомъ, что въ Твери монета появилась не раньше другихъ княжествъ, а позднѣе; раньше она должна была появиться въ Суздальско-Ростовской землѣ, откуда затѣмъ и перешла въ Тверь, но объ этомъ рѣчь—въ концѣ этой главы). Здѣсь же обратимъ вниманіе на замѣ-

[1]) Кубаревъ. Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго. 1848, стр. 5; Ник. IV. 254; Тат. IV. 375; Ник. IV. 312; Тат. IV. 420; Ник. IV. 317.

[2]) Цит. соч. стр. 60.

[3]) November—S. 310.

чательное соотвѣтствіе денегъ Михаила Александровича съ фактами его политическаго положенія. Пока онъ былъ занятъ борьбою съ Москвой и вынужденъ былъ такъ же раболѣпствовать предъ Ордою, какъ раболѣпствовалъ и Московскій князь, то на его деньгахъ, какъ и на Московскихъ, были татарскія надписи и татарская «тамга»,—знакъ этого униженія, когда же онъ, вѣроятно уже послѣ 1375 г., прекратилъ всякія отношенія къ Ордѣ, то этотъ знакъ безслѣдно изчезаетъ съ Тверскихъ денегъ и со всѣхъ денегъ его преемниковъ, тогда какъ Московскія продолжаютъ его носить еще около ста лѣтъ [1]). Фактъ замѣчательный, констатируемый всѣми нумизматами, но никѣмъ не объясняемый. Мы осмѣливаемся предложить ему объясненіе, которое состоитъ въ томъ, что этимъ княземъ послѣ 1375 г. было сдѣлано запрещеніе ставить тамгу на Тверскихъ деньгахъ, поддержанное въ силѣ и всѣми его преемниками.

Преемникъ великаго князя Михаила Александровича Иванъ Михайловичъ продолжалъ поддерживать политику своего отца. Онъ женился, еще при жизни отца, на Литовской принцессѣ Маріи Кейстутьевнѣ, сестрѣ Витовта [2]). «Этотъ бракъ долженъ былъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Москву и сдерживать ее въ случаѣ новыхъ замысловъ противъ Твери. Насколько любилъ и уважалъ Витовтъ Тверского князя, видно изъ того, какъ Витовтъ принялъ Ивана Михайловича въ 1398 году. Въ этомъ году Иванъ Михайловичъ съ женой былъ отпущенъ своимъ отцемъ въ Литву для свиданія съ своимъ шуриномъ Витовтомъ. Въ Литвѣ, по всѣмъ городамъ, его принимали съ почестями, а не доѣзжая Вильны, онъ былъ встрѣченъ самимъ великимъ княземъ Витовтомъ и его супругою, и панами, и князьями, и боярами, и множествомъ народа. Онъ прогостилъ въ Литвѣ довольно долго и поѣхалъ домой съ честью и дарами» [3]).

Въ 1399 году въ Твери были гости изъ разныхъ странъ: они плакали и говорили другъ другу: «смотрите, какую любовь заслужилъ этотъ князь у народа; счастлива была Тверь, что имѣла такого князя» [4]).—Тверь при Иванѣ Михайловичѣ славилась богатствомъ артил-

---

[1]) Димитрій Шемяка, ослѣпляя Василія Темнаго въ 1446 году, между прочимъ упрекалъ его въ томъ, что онъ паче мѣры возлюбилъ татаръ и *языкъ* ихъ. Карамз. Прим. къ V т. 334.

[2]) Ник. IV. 46. Тат. IV. 237.

[3]) Борзак. 169. Карамз. V. стр. 93.

[4]) Ibid. 174.

леріи (Едигей просилъ Ивана Михайловича выслать ему ее для осады Москвы), которая конечно ни откуда не могла сюда попасть, какъ только отъ нѣмцевъ, чрезъ Литву [1]). Все это дастъ право утверждать, что въ Твери при Иванѣ Михайловичѣ преобладало иностранное вліяніе и, какъ нужно догадываться, литовско-нѣмецкое. Наиболѣе всего это доказываетъ фактъ, что почти всѣ извѣстные типы монетъ этого князя носятъ на себѣ явные признаки западно-европейскаго происхожденія, съ чѣмъ согласны отчасти и гр. Ив. Ив. Толстой и Н. Кондаковъ [2]).

Въ 1402 г. Иванъ Михайловичъ слилъ для каѳедральнаго собора новый колоколъ; въ 1403 году устроилъ на городкѣ каменную церковь во имя св. Николая чудотворца, а въ 1407 г. заложилъ для каѳедральнаго собора каменную колокольню, близъ старой деревянной [3]).

Въ 1411 году въ Твери совершилось посвященіе Антонія въ епископы Тверскіе, на мѣсто почившаго Святителя Арсенія. Это посвященіе совершилъ митрополитъ Фотій, за которымъ Иванъ Михайловичъ посылалъ въ Москву нарочнаго боярина [4]). Этотъ епископъ оставилъ по себѣ память донынѣ уцѣлѣвшимъ и хранящися въ соборной ризницѣ Евангеліемъ, написаннымъ по его повелѣнію въ 1417 году. Оно замѣчательно художественно исполненными заставками и заглавными буквами (стр. 11, 106, 169) нарисованными искусною рукою, красками, и въ своемъ стилѣ обнаруживающими тотъ самый звѣриный орнаментъ (орлы, драконы, змѣи), о которомъ у насъ была рѣчь во второй главѣ [5]).

Въ отношеніи къ другимъ князьямъ и Татарамъ Иванъ Михайловичъ поддерживаетъ политику послѣднихъ годовъ княженія своего отца Михаила Александровича. Онъ такъ же не претендуетъ ни на велико-

---

[1]) Въ лѣтописи Голицынской сказано, что она вывезена изъ «Нѣмцевъ» въ 1389 г. Карамз. V. стр. 93.

[2]) Отчасти потому, что кромѣ указываемыхъ ими есть и другіе типы западно-европейскаго происхожденія, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ, въ спеціальной части. Русск. Древности. Вып. VI. стр. 95, рис. 25, 26.

[3]) Древн. Лѣтоп. Часть II. стр. 339 и 362.

[4]) Біогр. Твер. іер. Чередѣева, стр. 43, со ссылкою на Древн. лѣтоп. Часть II. стр. 399.

[5]) Надпись въ концѣ Евангелія въ полномъ видѣ слѣдующая: «Сіе Евангеліе списано бысть въ богоспасаемѣмъ и преславнѣмъ градѣ Тѳери, въ дому великаго Спаса при благовѣрномъ и благочестивомъ и христолюбивомъ князи Иванѣ Міхайловичѣ, повелѣніемъ гдна преосвященнаго еппа Антонія Тферьскаго; написася роукою многогрѣшнаго раба Божія дьяка Иліи, въ лѣто 6925, индикта 1 мца маия въ 31 ....., на память апостола Андроника». Въ концѣ Евангелія приложенъ еще «сборникъ съ Богомъ 12-ти мѣсяцемъ, сказуя главы коемуждо Евангелію избраннымъ святымъ и праздникомъ». Плотная бумага, въ малый листъ. Тщательный полуустав. Водяной знакъ: шестирогій олень влѣво.

княжеское достоинство, ни на обладаніе Новгородомъ и исподволь усиливаетъ себя на счетъ своихъ удѣльныхъ князей Такъ, онъ приводитъ въ свою волю Кашинскаго князя, пріобрѣтаетъ часть удѣловъ князей Холмскаго и Дорогобужскаго. Въ отношеніи къ Московскому князю онъ держитъ себя съ достоинствомъ. Такъ, когда, въ 1406 г., этотъ князь оскорбилъ его, начавши переговоры съ Витовтомъ безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ, какъ со своимъ союзникомъ, то Иванъ Михайловичъ отказалъ ему на будущее время въ своей помощи, сказавъ: «се отселѣ не помогаю вы»! [1]). Въ отношеніи къ Татарамъ обнаруживаетъ прежнее игнорированіе, соединенное даже съ пренебреженіемъ. Такъ, когда вышеупомянутый Едигей, осаждая въ 1408 году Москву, потребовалъ отъ него помощи, то онъ ловко обманулъ Татаръ, пославши сказать, что пришлетъ помощь, тогда какъ самъ этого не сдѣлалъ, не ставши такимъ образомъ въ антагонизмъ и съ Москвой, какъ съ номинальной своей союзницей [2]). Вообще Иванъ Михайловичъ, быть можетъ наученный печальнымъ опытомъ отца, былъ князь крайне осторожный и сдержанный, и въ то же время—полный сознанія своего достоинства.

36-лѣтнее княженіе преемника Ивана Михайловича—Бориса Александровича (1425—1461) было временемъ наивысшаго развитія Тверской культуры. Борисъ Александровичъ не любилъ ссоръ, былъ миролюбивъ и не менѣе отца своего сдержанъ и остороженъ, но, кромѣ того, еще великодушенъ и незлопамятливъ. Борисъ Александровичъ заключалъ безпрестанные договоры, какъ съ могущественной своей западной сосѣдкой—Литвою, такъ съ обезсилѣвшей отъ внутреннихъ смутъ Москвой. Было даже время, когда Московскій князь Василій Васильевичъ искалъ убѣжища въ Твери и просилъ помощи у Тверского князя противъ Димитрія Шемяки, и Борисъ Александровичъ исполнилъ оба его желанія, не помня, какъ однажды поступили въ Москвѣ съ его славнымъ предкомъ Михаиломъ Александровичемъ, пріѣхавшимъ сюда

---

[1]) Тверская лѣтопись объ этомъ говоритъ такъ: «и не восхотѣша Тверичи помогати Москвичемъ: Московскіе князи *неравны къ себѣ почетше братію свою, Тверскыа князя*, того же ради, но не по съвѣту съ ними сами едини думу и миръ поставляху, и не стрегуще имени Тферскаго въ грамотѣ поставляху, и симъ озлобиша братію свою, Тверскыа князя, и тую вещь не въсхотѣша помагати Москвичемъ, яко же и бысть». 474—477.

[2]) Лѣтописецъ хвалитъ его за это: «и таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Едигея разгнѣва, ни князю великому погруби, обоимъ обоего избѣша; се же створи *уменски*, паче же *истински*». Троиц. лѣт. у Кар. V. пр. 207.

также въ качествѣ гостя [1]). «Борисъ Александровичъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, онъ не захватилъ Василія Васильевича, а далъ ему уѣхать въ Кострому» [2]). Благодаря такой политикѣ Тверского князя, Тверь въ его время достигла такой степени политическаго значенія и въ то же время внутренняго благосостоянія, что Московскій князь считаетъ почетнымъ для себя женить своего сына, будущаго Ивана III-го, на дочери Бориса Александровича [3]), и заключаетъ съ Тверскимъ княземъ договоръ еще болѣе почетный, чѣмъ тотъ, который заключилъ Михаилъ Александровичъ съ Васильемъ Димитріевичемъ. Въ этомъ договорѣ (между 1437—1440) Тверской князь попрежнему сохраняетъ равенство положенія съ Московскимъ княземъ. Сверхъ сего здѣсь говорится, что безъ Тверского князя Московскій не можетъ заключить договора ни съ какимъ княземъ Литовскимъ, и въ соблюденіи этого договора цѣлуетъ крестъ, не только относительно Бориса Александровича, но также и Тверскихъ удѣльныхъ князей Ѳедора Ѳедоровича Микулинскаго, Ивана Юрьевича Зубцовскаго и Андрея Ивановича, вѣроятно, Холмскаго [4]).

Въ княженіе Бориса Александровича Тверь была нѣкоторое время убѣжищемъ для Московскихъ велико-вельможныхъ бѣглецовъ. Такъ, сюда въ одно время (1433) прибѣгалъ бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, дочь котораго была за Юрьемъ Ивановичемъ, дядею Бориса Александровича, думая поправить свои дѣла, возбудивъ въ Тверскомъ князѣ снова соперничество съ Москвою (вѣдь когда-то Ивану Васильевичу да Некомату Сурожанину удалось же встревожить Михаила Александровича?), но Борисъ Александровичъ остался вѣрнымъ договору съ Москвой. Прибѣгалъ еще въ Тверь зачѣмъ-то князь Иванъ Можайскій, державшій сначала сторону Василія, а потомъ перешедшій на сторону его соперника Юрія Дмитріевича...

Въ княженіе Бориса Александровича продолжалась строительная дѣятельность. Въ 1421 году была въ Твери заложена каменная церковь во имя св. Ѳеодора Тирона. Въ 1438 году построена каменная церковь

---

[1]) Въ 1368 г. онъ былъ обманомъ заключенъ подъ стражу, и только боязнь Татаръ заставила Московскаго князя освободить М. А. Борзак. стр. 155.

[2]) Борзаковскій. Цит. соч. стр. 194.

[3]) Извѣстіе Арцыбашева, что Вас. Вас. вынужденъ былъ согласиться на бракъ своего сына съ дочерью Бор. Але-ча, признается незаслуживающимъ довѣрія. См. Экземплярскій. Цит. соч. Т. II. 510. Борзак. Цит. соч. прим. 933.

[4]) А. А. Э. № 33. Ср. Борзак. примѣч. 923. Ср. Кар. V. прим. 332. Въ текстѣ у Карамз. ошибка: на стр. 230 вмѣсто Бориса нужно читать «Василія», какъ это ясно по смыслу.

св. Бориса и Глѣба. Въ 1451 году Тверской князь посылаетъ вмѣстѣ съ Исидоромъ на Флорентійскій соборъ тверского боярина Ѳому, который убѣжалъ изъ Италіи, какъ только узналъ объ измѣнѣ Исидора. Около этого же времени Московскій митрополитъ Іона проситъ Тверского епископа Илію уговорить своего князя подать помощь великому князю Василію противъ Татаръ. Въ 1458 году митрополитъ проситъ Тверского епископа Моисея прибыть къ нему въ Москву по важнымъ церковнымъ дѣламъ, но Моисей почему-то не счелъ возможнымъ исполнить эту просьбу [1]).

Продолжительное княженіе Бориса Александровича и его выгодное политическое положеніе не замедлили отразиться на его внутреннемъ благосостояніи, оживленіи торговыхъ сношеній и необходимаго ихъ условія,—усиленія денежнаго обращенія, которое въ свою очередь отразилось на усовершенствованіи монетной техники. Откуда же, спрашивается, брался для этого необходимый драгоцѣнный металлъ, когда извѣстно, что своихъ рудниковъ въ удѣльный періодъ на Руси не было? Металлъ, серебро, пріобрѣтался попрежнему (въ слиткахъ и въ монетѣ) путемъ купли у иностранныхъ купцовъ, а также и традиціоннымъ путемъ, путемъ захвата у богатыхъ купцовъ все еще вольнаго Новгорода. Такъ поступали Московскіе князья, такъ поступали и Тверскіе. Для нѣкоторыхъ историковъ кажется необъяснимымъ фактъ, почему Борисъ Александровичъ, только что заключившій съ Васильемъ Васильевичемъ вышеупомянутый договоръ, въ которомъ онъ между прочимъ выговаривалъ у Москвы [2]) и кое что въ пользу Новгородцевъ, въ то же время даетъ Василью Васильевичу помощь противъ Новгородцевъ, а черезъ 3 года и самъ дѣлаетъ нападеніе на Новгородъ? Мы думаемъ, что единственною причиною того или другого похода была добыча звонкаго металла, необходимаго для выдѣлки денегъ [3]). Для Московскаго же князя этотъ походъ за деньгами былъ дѣломъ насущной необходимости, такъ какъ политическія и финансовыя затрудненія его княжества были столь велики, что онъ подъ конецъ даже былъ

---

[1]) Означенные факты см. Твер. л. 488, 491, 492, Сол. IV. 385. Твер. 494—96. А. И. № 271. Борзак. 209 и прим. 1029.

[2]) «А съ Новымъ ти городомъ жити по старинѣ»—говоритъ Тверской князь. А. А. Э. № 33.

[3]) Борисъ Александровичъ въ этомъ походѣ былъ счастливъ не менѣе Московскаго князя. Онъ пограбилъ 50 Новгородскихъ и Бѣжецкихъ волостей, взялъ Торжокъ, при чемъ награбленнаго добра привезъ въ Тверь 40 возовъ. Выраженіе Борзаковскаго относительно этого похода, что Борисъ Але-чъ «разлакомился глядя на успѣхъ Московскаго князя»—оригинально и выразительно, и объясняетъ существо дѣла.

вынужденъ уменьшить вѣсъ своихъ денегъ почти на половину сравнительно съ Тверскими и Новгородскими.

При Борисѣ Александровичѣ были выпущены деньги самыхъ разнообразныхъ типовъ и чекановъ. Въ объясненіе этому факту обыкновенно указывается на необходимость возможно чаще мѣнять штемпель во избѣжаніе поддѣлокъ, которыя, говорятъ, существовали и въ древнее время, хотя мы не знаемъ на этотъ счетъ ни одного лѣтописнаго указанія. Но это объясненіе довольно односторонне. Гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе, наиболѣе простое и вѣроятное, по которому эта необходимость вызывалась скорымъ изнашиваніемъ штемпелей, которыми чеканили монету, что въ свою очередь зависѣло отъ неумѣнья изготовленія достаточно хорошей стали. Но возможно дать и болѣе общее объясненіе разсматриваемому явленію. Дѣло заключается въ значительной степени культурности, которой достигло Тверское населеніе при Борисѣ Александровичѣ. Такъ, мы видимъ, что художникъ совершенно свободно воспроизводитъ своимъ рѣзцомъ и образы, заимствованные имъ изъ прочитанныхъ книгъ, какъ напр. эпизодъ изъ исторіи Александра Великаго, и миѳологическіе сюжеты въ родѣ, напр., кентавра и сцены любимыхъ домашнихъ занятій князей, напр. великокняжескую охоту и многіе другіе рисунки, очевидно заимствованные съ иностранныхъ монетъ. Нужна была значительная доля предпріимчивости и самостоятельности, чтобы не ограничиваться только воспроизведеніемъ иностранной монеты, хотя и для сего требуется достаточно умѣнья и техническихъ знаній. Кромѣ сего, нужно замѣтить, что указанные типы рисунковъ, заимствованныхъ Тверскими художниками изъ чтенія историческихъ и миѳологическихъ разсказовъ и еще, пожалуй, типъ «монетчика»,—«двухъ вооруженныхъ по иностранному образцу воиновъ» и «двуглаваго орла» встрѣчаются исключительно на деньгахъ великаго княжества Тверского. Вообще же, нельзя не согласиться, что большинство изображеній, воспроизводимыхъ Тверскими художниками, носятъ на себѣ признаки или западно-европейскаго вліянія, или восточнаго, т. е. Ростово-Суздальской области, гдѣ монета, какъ замѣчено, появилась раньше, чѣмъ въ Тверскомъ княжествѣ.

Къ сказанному о сравнительно высокой степени культурности Тверского населенія въ эпоху Бориса Александровича можно еще добавить, что только Тверская земля, и въ это время, могла выдѣлить изъ себя такого отважнаго, предпріимчиваго и талантливаго путешественника, какимъ былъ купецъ Аѳанасій Тверитинъ, совершившій путешествіе въ

далекую Индію (можно сказать даже—открывшій ее, такъ какъ западно-европейцамъ она стала извѣстной 25 лѣтъ позже), съумѣвшій описать это путешествіе и оставившій намъ тѣ цѣнныя наблюденія, которыя, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, ставятъ этого Тверского купца наряду съ наиболѣе замѣчательными западно-европейскими путешественниками того времени [1]).

Что бы ни говорили о достоинствѣ работъ нашихъ чеканщиковъ монетъ (въ томъ числѣ, конечно, разумѣютъ и Тверскихъ) люди, не дающіе себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло [2]), но нѣкоторые типы, отчеканенные въ Тверскомъ княжествѣ при Борисѣ Александровичѣ—положительно художественны. Таковъ напримѣръ типъ, изображающій князя съ поднятымъ надъ головою обнаженнымъ мечемъ въ правой рукѣ и державой въ лѣвой, вокругъ котораго надпись «Деньга Твериская» (см. ниже. Часть II. Типъ XIII) Типъ всадника на конѣ (Типъ XIV), вооруженнаго человѣка (Типъ XII, чек. 9).

Тверскіе мастера очевидно сознавали достоинство своей работы, потому что они не стыдились выставлять иногда даже свои имена на своихъ произведеніяхъ. Такъ, напр., на монетахъ Бориса Александровича и Михаила Борисовича мы встрѣчаемъ имена: Ѳедотова, Арефьева. Это Тверское искусство конечно далеко не можетъ идти въ сравненіе съ античными произведеніями этого рода, но, повторяемъ, для своего времени и мѣста, оно представляетъ свидѣтельство довольно высокаго состоянія чеканнаго дѣла въ Тверскомъ княжествѣ въ половинѣ XV вѣка.

Вообще княженіе Бориса Александровича въ отношеніи искусства представляетъ время цвѣтущаго его состоянія, котораго оно не достигало ни раньше, ни позже (въ періодъ удѣльный) и которое не могло поэтому не оказать воздѣйствія даже внѣ предѣловъ Тверского княжества. Техника рѣзца и сюжеты нѣкоторыхъ московскихъ денегъ такого рода, что можно бы было говорить о заимствованіи этихъ типовъ и манеры рѣзьбы у Тверскихъ художниковъ, но въ виду фактовъ, что у Москвы были и непосредственныя сношенія съ Литвою и Западомъ, мы не считаемъ возможнымъ на этой мысли настаивать.

---

[1]) Въ спеціальной монографіи объ А. Никитинѣ (отд. изд.) и въ Зап. Акад. Наукъ. 1856 г. Кн. II.

[2]) Такъ напр. говорятъ, что монетное искусство и во всей Европѣ тогда переживало періодъ упадка, который конечно не могъ не отразиться и на чеканкѣ Тверскихъ денегъ, что до нѣкоторой степени и справедливо. Однако, въ общемъ, русскія деньги, а въ особенности Тверскія, далеко выше, по техникѣ выработки, современныхъ имъ западныхъ образцовъ, въ чемъ легко убѣдиться, только взглянувъ на изображенія послѣднихъ въ иностранныхъ атласахъ.

Время Михаила Борисовича, преемника Бориса Александровича, было въ общемъ продолженіемъ политики его отца: Тверь находится, повидимому, въ положеніи равенства въ отношеніи къ Москвѣ. Въ 1462 году между Тверью и Москвою бы заключены два договора, въ которыхъ Михаилъ Борисовичъ называется братомъ московскому князю. Въ нихъ попрежнему обѣ стороны обѣщаютъ оказывать другъ другу взаимныя услуги. Но это равенство было довольно призрачнымъ. Наступило время Ивана Васильевича III, который рѣшилъ уничтожить самостоятельность всѣхъ княжествъ, остававшихся еще не покоренными. Палъ Новгородъ, и Тверь оказалась окруженною московскими владѣніями. Между тѣмъ Тверь ослабѣвала и внутренно, потому что Тверскіе бояре, пользуясь правомъ свободнаго отъѣзда, стали постепенно убѣгать отъ Тверского князя и поступать на службу къ Московскому. Михаилъ Борисовичъ вздумалъ было опереться, по примѣру своихъ предшественниковъ, на Литву, но это ему не удалось: его намѣреніе было открыто, и судьба Твери была рѣшена. Когда въ 1486 году Московскій князь подступилъ къ Твери съ войскомъ, тогда бояре, еще остававшіеся вѣрными Михаилу Борисовичу, измѣнили ему, и Тверь была присоединена къ московскимъ владѣніямъ. Въ общемъ, время Михаила Борисовича можетъ быть названо скорѣе эпохою постепеннаго политическаго умиранія, чѣмъ эпохою равенства. Въ монетномъ дѣлѣ, можетъ быть благодаря тому, что продолжаютъ еще работать мастера отца Михаила Борисовича, Бориса Александровича, незамѣтно особенныхъ перемѣнъ. Работа мастеровъ мало-по-малу дѣлается хуже; появляется цѣлый рядъ новыхъ типовъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые были въ употребленіи въ Московскомъ княжествѣ; усиливается самоволіе мастеровъ, дошедшее наконецъ до того, что одинъ изъ нихъ смастерилъ мѣдный пулъ съ именемъ Михаила Борисовича по-татарски: «Михайла Тевирджи [1]).

---

[1]) Болѣе опредѣленно объ этой монетѣ мы не можемъ высказаться и тѣмъ болѣе придавать ея существованію то значеніе, которое ей придалъ описавшій ее г. Корзинкинъ. Она показалась ему дивомъ, и онъ заявляетъ не разъ: «Это первый и единственный, до сего времени, примѣръ Тверскихъ монетъ съ восточною надписью» или въ другомъ мѣстѣ: «всѣ извѣстныя намъ до сего времени Тверскія монеты имѣютъ надписи русскія». Но это неправда. Еще Шодуаръ описалъ двѣ (даже серебряныя) Тверскія монеты съ арабскими надписями (см. №№ 3156 и 3168), но описалъ такъ кратко и туманно, что по его описанію нѣтъ никакой возможности составить о нихъ какого-либо опредѣленнаго понятія, невидавши ихъ въ дѣйствительности. И мы не слыхали, что бы кто-либо о нихъ высказывалъ какое-либо мнѣніе. Итакъ эти исключительные факты, если только они факты, давно извѣстны и не мѣшаютъ всѣмъ нумизматамъ трактовать Тверскія деньги, какъ не имѣющія татарскихъ надписей. Относительно обнародованныхъ Шодуаромъ нужно замѣтить: 1) что обѣ онѣ находятся на типахъ восточнаго вліянія: «На изображеніи

Въ заключеніе этой главы перейдемъ, какъ обѣщали, къ очерку появленія денегъ въ Тверскомъ княжествѣ въ связи съ общей исторіей появленія ихъ въ Ростово-Суздальской области.

Происхожденіе собственной монеты въ Твери и Тверской области находится вообще въ связи съ появленіемъ монетъ въ Ростово-Суздальской области, какъ это послѣднее—съ появленіемъ Татаръ. Татары, какъ думаютъ, были первыми виновниками появленія монеты въ Ростово-Суздальской области, хотя нельзя опустить изъ вниманія и того, что и внутреннее ея культурно-экономическое состояніе достигло того уровня, при которомъ введеніе собственной монеты являлось дѣломъ неотложной необходимости. Дѣло въ томъ, что при постепенно усложнявшихся условіяхъ торговаго обмѣна Ростово-Суздальской области съ иноземными народами мѣновая торговля, а также и производившаяся при посредствѣ различныхъ иностранныхъ денегъ (приходившихъ кромѣ того къ намъ нерѣдко въ изломанномъ видѣ и всегда въ болѣе или менѣе

Самсона на львѣ» и «кентаврѣ».—Но, по словамъ того же Шодуара, первое изображеніе—«грубое», а кентавръ—«неизвѣстно какого вида». Затѣмъ, въ надписи на первой читаемъ: ПЄЧАТЬ КНѦZѦ ВЄЛИКАГО БОРИСА—надпись въ 25 буквъ, но такого большого числа буквъ на л. с. не находится ни на одной изъ существующихъ надписей на Тверскихъ деньгахъ. Является такимъ образомъ подозрѣніе относительно подлинности денегъ: не принадлежатъ ли онѣ къ тѣмъ монетамъ «московскаго издѣлія», о которыхъ говоритъ въ своей прекрасной статьѣ «О поддѣлкѣ Русскихъ монетъ» (Зап. Собр. Арх. Нум. Общ. Т. I. СПб. 1849) кн. Θ. Г. Гагаринъ (стр. 150)? Во всякомъ случаѣ, по этимъ двумъ экземплярамъ, которыхъ мы не видали, мы никакихъ выводовъ не можемъ сдѣлать. Что же касается мѣднаго пула, описаннаго г. Корзинкинымъ, то пожалуй можно согласиться съ его мнѣніемъ, что онъ относится къ 3-й группѣ монетъ съ татарскими надписями, отбитыми для обращенія между мусульманами для торговыхъ цѣлей, имѣя при этомъ въ виду мнѣніе Шодуара, что наши мастера по своему произволу выбирали для образца восточныя монеты. Согласиться же съ его мнѣніемъ, что этотъ пулъ выбилъ Михаилъ Борисовичъ въ угоду татарамъ, съ которыми, быть можетъ, былъ въ сношеніи, какъ союзникъ Казиміра, совершенно невозможно, потому что это противорѣчило-бы его пособничеству Іоанну противъ новгородцевъ и главнымъ образомъ тому, что онъ былъ со своимъ войскомъ на Угрѣ противъ татаръ. Изъ того, что въ Софійской и Воскресенской лѣтописяхъ нѣтъ послѣдняго извѣстія, находящагося въ Тверской лѣтописи, выводитъ, что Мих. Борисовичъ дружилъ съ Ахматомъ—явно неосновательно; такое заключеніе, кромѣ того, противорѣчило бы и всѣмъ фактамъ его исторіи, и противорѣчитъ собственнымъ словамъ г. Корзинкина, которому извѣстно, что «если вліяніе Орды, въ смыслѣ подчиненія ей Твери, не отразилось на Тверскихъ монетахъ въ XIV вѣкѣ, т. е. во время могущества Орды (что, какъ мы уже знаемъ,—не вѣрно), то тѣмъ менѣе оно могло быть въ концѣ XV вѣка, почти на концѣ полнаго ея паденія». Мы бы съ большимъ удовольствіемъ желали отнести этотъ пулъ къ Тверскому великому князю Михаилу Александровичу, дѣйствительно дружившему нѣкоторое время съ татарами, когда (вопреки автору) могли чеканиться и мѣдныя пулы (см. А. В. Орѣшникова: «О монетахъ великаго княжества Нижегородско-Суздальскаго», стр. 21), однако этому препятствуетъ фактъ значительнаго развитія восточныхъ типовъ при Михаилѣ Борисовичѣ, остающійся для насъ совершенно непонятнымъ. Опять-таки приходится повторить сказанное въ текстѣ, что, быть можетъ, такъ и было, что какому нибудь услужливому татарофилу или, быть можетъ, прямо татарину пришла фантазія вырѣзать по-татарски имя Михаила Борисовича. Только этотъ единственный фактъ не можетъ служить основаніемъ ни для какихъ серьезныхъ выводовъ. («Матеріалы къ русской нумизматикѣ». Вып. I. М. 1893 г. Стр. 15, 18, 25 и др.).

недостаточномъ количествѣ) становилась все болѣе и болѣе затруднительною и неудобною. Когда же появились татары, то она стала и совсѣмъ невозможною, потому что—иное дѣло было вести торговлю съ дружественными народами, въ отношеніи которыхъ стоимость товаровъ легко могла быть съ точностію и къ обоюдному удовольствію опредѣлена, хотя-бы и по мѣновой системѣ, и иное дѣло— съ врагами-порабощителями, всегда старавшимися взять какъ можно болѣе и требовавшими именно металла, какъ уже давно находившагося у нихъ въ обращеніи въ видѣ монеты [1]). Но Татары не только повліяли на возникновеніе у насъ чеканнаго дѣла, но и опредѣлили до нѣкоторой степени его дальнѣйшую судьбу. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, что непосредственнымъ послѣдствіемъ татарскаго нашествія была убыль серебра въ странѣ, которое утекало въ Золотоордынскую казну сначала путемъ грабежей, а потомъ въ формѣ ежегодно платимой дани. Серебро стало металломъ рѣдкимъ и цѣннымъ, и тѣ, кто имъ еще владѣлъ, по преимуществу торговые люди, всячески должны были скрывать его запасы. Между тѣмъ жизнь и потребности торговли настойчиво требовали его обращенія. Откуда же было его достать и какъ выдти изъ затруднительнаго положенія? Пріобрѣтеніе татарской монеты было опасно, такъ какъ обнаруживало у покупщиковъ средства, которыя гораздо удобнѣе было отнять, и въ лучшемъ случаѣ стоило двойныхъ или тройныхъ денегъ. По той же причинѣ и князьямъ также опасно было обнаруживать свои денежные запасы. Естественнымъ выходомъ изъ таковаго положенія явилось появленіе у насъ собственной монеты и притомъ сначала въ княжествахъ ближайшихъ къ татарскимъ становищамъ, какъ-то въ Ростово-Суздальской области, землѣ Рязанской, а затѣмъ уже въ Тверской и Московской. Когда же и въ какой формѣ все это у насъ произошло? Все заставляетъ насъ думать, что уже въ половинѣ XIII вѣка у насъ была и собственная чеканная монета, и что инпціаторомъ этого дѣла были у насъ не лица, руководившія политическою жизнію страны, а простолюдины и купцы. Еще имѣвшееся у нихъ въ запасѣ, тщательно скрываемое серебро, въ иностранной ли монетѣ, или слиткахъ, они переплавляли въ куски, особой формы, именуемые рублями, а также въ проволоку, изъ которой плющили тѣ продолговатыя, неуклюжія пластинки, которыя и сдѣлались первыми образцами нашей собственной монеты. Однимъ словомъ, необходимо ду-

[1]) Карамзинъ. Пр. V. 135.

мать, потому что къ этому вынуждаетъ насъ вся дальнѣйшая исторія нашей монеты—что чеканка монеты не была какимъ-либо прерогативомъ власти, не была подчинена какому-либо строго регламентированному контролю, а была и въ самомъ началѣ, и въ XIV в., и во все продолженіе XV в. дѣломъ частной иниціативы, чѣмъ-то въ родѣ кустарной промышленности, которой воленъ былъ заниматься всякій, кто желалъ. Даже въ значительно позднѣйшее время, послѣ того, какъ у насъ появилась собственная монета, дѣло чеканки обстояло у насъ такъ, что чеканщикъ обязывался только предъ княжеской казною аккуратно и своевременно возвращать ей то количество серебра въ монетѣ, какое онъ получилъ отъ нея въ видѣ слитковъ, съ приплатой конечно извѣстной доли за трудъ выдѣлки. Въ виду всего этого чеканщики вольны были изображать на этихъ деньгахъ все, что имъ хотѣлось или приходило въ голову, не забывая, конечно, главнаго—выставленія имени князя и выполненія тѣхъ или иныхъ самыхъ общихъ указаній власти относительно монетныхъ штемпелей. Весь XIV вѣкъ дѣло выдѣлки монеты обстояло болѣе или менѣе безпорядочно и, видимо, давалось нашимъ мастерамъ болѣе или менѣе съ трудомъ. Они царапали на этой монетѣ самыя разнообразныя фигуры, элементарнаго характера, стараясь копировать то изображеніи татарскихъ монетъ, то иностранныхъ, прибавляя къ нимъ и кое-что своего, да дѣлая самыя неясныя и неопредѣленныя надписи въ родѣ «печать», «печать князя», «печать князя великаго» и пр., изъ коихъ надписей на монетѣ обыкновенно выходили только двѣ–три буквы, и рѣдко цѣлое слово. Въ XV вѣкѣ, хотя монетчики нѣкоторыхъ княжествъ научились болѣе или менѣе искусно выдѣлывать монету (умѣли дѣлать круглую), но вольностей своихъ не лишились. Такъ, мы видимъ, что они считали себя въ правѣ выставлять на монетѣ наряду съ именемъ князя и свое собственное—напр. Ѳедотовъ, Арефьевъ, Аристотель, Онуфріевъ (еще неизвѣстный московскій денежникъ), Заманинъ, Александровъ [1]).

Въ ходѣ появленія у насъ собственной монеты нельзя не замѣтить

[1]) Нѣкоторые нумизматы отрицаютъ существованіе у насъ собственной монеты въ столь раннее время, какъ XIII и XIV вѣка, но они не идутъ далѣе голословнаго отрицанія и не опираются на какія-либо положительныя данныя. Между тѣмъ монета эта у нихъ передъ глазами въ видѣ тѣхъ неправильныхъ и продолговатыхъ денегъ, о которыхъ мы выше говорили и которыя въ изобиліи наполняютъ наши Музеи. Другіе же нумизматы, какъ напримѣръ Сонцовъ («Деньги и пулы», стр. 119), и въ недавнее время Н. П. Черневъ (въ Annuaire de la Société française de Numismatique. 1888. T XII. p. 427) допускаютъ эту возможность. Сонцовъ даже такъ поэтически выражается: «наша нумизматика должна считать ихъ отцами, а можетъ статься и дѣдами денегъ ей извѣстныхъ».

нѣкоторой какъ хронологической, такъ и топографической постепенности, при чемъ общее направленіе этого движенія есть направленіе съ Востока на Западъ.

Древнѣйшими русскими монетами слѣдуетъ считать деньги Ростово-Суздальской области, какъ находившейся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ становищами кочевниковъ монголовъ. Эти деньги отличаются значительнымъ несовершенствомъ чекана, грубостію изображеній и испещрены татарскими надписями. Таковы деньги князей Ростовскихъ: Андрея Ѳедоровича (1331—1409), Александра Константиновича († 1404), Андрея Александровича; Суздальскихъ: Димитрія Константиновича (1365—1387), Бориса Константиновича (1383—1394) и Василія Димитріевича (1366—1387), Дмитровскаго: Петра Димитріевича (1389—1428) и другихъ, по техникѣ, носящія на себѣ всѣ признаки первобытности. На нихъ мы видимъ изображенія, напоминающія скульптуру соборовъ Дмитріевскаго и Юрьевскаго.

Отсюда, т. е. изъ Ростово-Суздальской области, эти самыя изображенія съ татарскими надписями и тамгами распространяются далѣе на западъ, подвергаясь различнымъ видоизмѣненіямъ, въ зависимости какъ отъ этнографическихъ и топографическихъ, такъ и отъ политическихъ условій, и ослабѣвая все болѣе и болѣе по мѣрѣ проникновенія на западъ. Одна и притомъ наиболѣе сильная струя этого потока, если такъ можно выразиться, устремляется прямо на западъ, въ территорію Тверского княжества, сталкивается здѣсь съ встрѣчною волною Литовско-Нѣмецко-Новгородскаго вліянія, вслѣдствіе чего, такъ сказать, конденсируется, и производитъ то богатство и разнообразіе типовъ, какого мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ другихъ княжествъ. Легко прослѣдить самый путь, которымъ шло это вліяніе съ востока на западъ. Сосѣднимъ городомъ къ западу отъ Владиміра былъ Дмитровъ, а затѣмъ Кашинъ и Тверь. На монетахъ удѣльнаго князя Дмитровскаго Петра Димитріевича (сына Димитрія Ивановича Московскаго) встрѣчается изображеніе человѣческой головы вправо; человѣка съ мечемъ и сѣкирою; изображеніе бюста человѣка ниже пояса, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ и съ сѣкирою въ правой; голова человѣка въ шапкѣ; четвероногое—вправо, съ головой обращенной назадъ и хвостомъ загнутымъ кверху; всадникъ съ птицею вправо, кентавръ и Самсонъ—все это изображенія, встрѣчающіяся на Ростово-Суздальскихъ деньгахъ; они же въ нѣсколько измѣненномъ видѣ встрѣчаются и въ Тверскомъ княжествѣ. Нѣкоторыя детали ихъ, такъ сказать, локализировались: такъ, змѣ-

иный орнаментъ, клѣтчатая рамка и загнутый кверху хвостъ у животнаго съ концомъ въ видѣ лиліи—спеціальныя особенности денегъ Кашина, Твери и Ростова. Представителями денегъ съ этими особенностями въ Твери служатъ деньги Михаила Александровича. Основная еще черта Ростовскихъ—грубость и элементарность техники-одинаково удерживается также и въ Дмитровѣ, Кашинѣ и Твери, съ тѣмъ только различіемъ, что позднѣе, подъ вліяніемъ запада, монеты пріобрѣтаютъ болѣе правильную форму и изображенія дѣлаются отчетливѣе. Затѣмъ характерною особенностію Тверскихъ денегъ, однородною съ Ростово-Суздальско-Дмитровскими, служитъ терминъ «печать великаго князя», удержавшійся въ Тверскомъ княжествѣ до конца его существованія [1]).

Другая струя этого потока, болѣе слабая, устремляется на юго-западъ, въ земли московскія и рязанскія. Самую Москву эта струя задѣваетъ только краемъ, вслѣдствіе ея близкаго сосѣдства съ Дмитровомъ; число типовъ здѣсь, сходныхъ съ Ростово-Суздальскими, не такъ значительно (каковы напр. человѣкъ съ сѣкирою, кентавръ и проч.); подъ вліяніемъ политическихъ причинъ здѣсь вскорѣ исчезаетъ характерная особенность Ростово-Суздальскихъ денегъ—терминъ: печать великаго князя—и замѣняется другимъ, чисто московскимъ: «господарь всея Руси». Тамга и татарскія надписи находятся на деньгахъ этого княжества не только въ XIV, но и въ теченіе всего XV вѣка. Соприкосновеніе съ западомъ отразилось здѣсь въ улучшеніи монетной чеканки и въ этомъ отношеніи дѣлаетъ деньги Московскія ближе всѣхъ другихъ подходящими къ деньгамъ Тверскимъ, и въ заимствованіи съ запада нѣкоторыхъ типовъ, напр. всадника. Слабая Рязань, недолго жившая самостоятельною жизнію—(извѣстно, что ея князь Константинъ Романовичъ, будучи схваченъ хитростію (Никон. лѣт. Ш. 104), былъ убитъ въ Москвѣ еще въ 1307 году)—и по своему географическому положенію, загороженная Москвой отъ прямыхъ сношеній съ западомъ, изъ Суздальско-татарскихъ образцовъ выработала какую-то нелѣпую домороценную форму, оставшуюся безъ подражанія и существовавшую недолго.

---

[1]) Терминъ этотъ вѣроятно восточнаго происхожденія и занесенъ къ намъ изъ Византіи черезъ Кіевъ. Отсюда онъ занесенъ въ Литву и во Владиміръ; изъ Владиміра—въ Дмитровъ, а изъ послѣдняго въ Тверь. Въ подтвержденіе сего мы могли бы указать на то, что еще на монетахъ Владиміра и Ярослава, князей Кіевскихъ, были три буквы: М. А. N., которыя, по мнѣнію Карамзина, означаютъ: Μεγάλου ἄρχοντος νόμισμα, что довольно близко соотвѣтствуетъ нашему термину «печать великаго князя». Прим. 56 ко II тому его. И. Г. Р.

Еще болѣе слабая струя того-же потока направляется на сѣверо-западъ, по направленію новгородскихъ земель, но не находитъ для себя здѣсь соотвѣтствующей почвы и исчезаетъ безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Разумѣемъ сѣверо-западныя окраины Ростовскихъ земель, область Бѣлоозера, гдѣ, подъ вліяніемъ Новгорода, долго удерживалась новгородская мѣновая торговля и, затѣмъ, самый Новгородъ съ областью. Въ качествѣ примѣра позволимъ себѣ указать на вновь открытыя «спасскія деньги». А. В. Орѣшниковъ, ихъ описавшій, полагаетъ, что это деньги какого-то изъ неизвѣстныхъ княжествъ Рязанской земли. Мы же позволяемъ себѣ догадку, что Спасское княжество могло быть и въ Ростовской землѣ и основываемъ эту догадку: 1) на значительномъ сходствѣ этихъ денегъ съ Ростовскими и 2) на большомъ различіи съ Рязанскими. Впрочемъ, мѣстечко «Спасское» дѣйствительно существовало въ Ростовской землѣ еще въ XIV вѣкѣ; оно принадлежало роду князей Андомскихъ, изъ которыхъ Андрей Михайловичъ съ матерью своею княгинею Ѳеодорою Михайловной подарили его въ Ростово-Богоявленскій монастырь «какъ дачу искони вѣчную» [1]). Этотъ Андрей Михайловичъ жилъ въ XIV в., которому можетъ быть и принадлежатъ означенныя деньги. Что же касается Новгорода, то, не смотря на чрезвычайно развитую его торговлю, онъ своихъ денегъ не чеканилъ до 1420 года. Это не должно казаться удивительнымъ. Бояре Новгородскіе были въ то-же время и богатые купцы. Имъ, «какъ оптовымъ торговцамъ и посредникамъ между Ганзою и Русью, безполезно было заботиться о размѣнной монетѣ; напротивъ того, какъ и Ганзейскимъ купцамъ, которымъ Ганза постоянно запрещала торговать въ Новгородѣ на деньги, имъ выгоднѣе было скрывать истинную цѣнность товаровъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, предлагавшихся на мѣну, чего легче было достигнуть при отсутствіи твердо-опредѣленныхъ знаковъ цѣнности; выпускъ размѣнной монеты могъ только способствовать развитію мелкой торговли, бороться противъ которой было скорѣе въ ихъ интересахъ. Для своего обихода богачи не особенно нуждались въ монетѣ, будучи, въ добавокъ къ своимъ торговымъ занятіямъ, и крупными землевладѣльцами, получая все нужное натурой изъ своихъ помѣстій. Эти соображенія не противорѣчатъ несомнѣнному факту употребленія новгородцами иноземной монеты (понимая подъ ней какъ западно-европейскую, такъ и русскую внутреннихъ областей), потому что мѣшать такому удовлетворенію существенной потребности въ монетѣ было для богачей невоз-

[1]) Голубинскій, Ист. Русск. церкви. Т. I. 2-я пол. Стр. 648 (Перв. изд.).

можно, но идти на встрѣчу потребности, начавъ чеканить собственную монету, не было нужды» [1]).

Такимъ образомъ мы описали большой полукругъ, представляющій приблизительныя границы, до которыхъ простиралось восточное вліяніе и за которымъ уже была сфера западнаго вліянія.

Указанное, какъ-бы движеніе восточнаго вліянія, оправдывается и хронологически. Нужно предполагать, что начало его относится еще къ XIII в., когда татары дали первый толчекъ, бывшій причиною перемѣщенія населенія и даже бѣгства жителей по направленію къ западу; но первоначально оно было весьма слабо по причинѣ трудности добыванія металла; мы думаемъ, соображая все вышесказанное, что вся та масса клинообразныхъ, едва отмѣченныхъ какимъ-либо знакомъ, серебряныхъ монетъ, заключающихся во всѣхъ каталогахъ подъ рубрикою неопредѣленныхъ, или наши куны, есть ничто иное, какъ первые опыты нашего монетнаго дѣла, начавшагося, безъ сомнѣнія, въ Ростово-Суздальской области. Только будущія находки и разслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи и въ этой области, быть можетъ, помогутъ намъ съ большею точностію дать точное имя этимъ первымъ представителямъ русской собственной серебряной монеты. Въ XIV в. серебряная монета, какъ нужно полагать, стала почти общею размѣнною монетою во всѣхъ русскихъ княжествахъ, хотя, какъ уже было сказано, существовала на-ряду съ нею и мѣновая торговля. Многія княжества, большія и малыя, извѣстныя и неизвѣстныя (Спасскія д.) старались имѣть собственную монету. Позже всѣхъ это движеніе достигло Новгорода и Пскова, въ которыхъ господствовала мѣновая торговля столько-же, сколько и иностранныя деньги. Въ началѣ XV в., наконецъ, и здѣсь почувствовали необходимость болѣе удобной и однообразной единицы и ввели свои деньги, что и отмѣчено лѣтописью, такъ какъ это дѣло совершилось не безъ волненій.

Деньги собственно въ Твери и Тверскомъ княжествѣ появились не позже первой четверти XIV в. и, конечно, тѣмъ же самымъ способомъ и съ тѣмъ же самымъ характеромъ, какъ это было въ Ростово-Суздальской землѣ. Указываются поименно и монеты, и князья, которымъ онѣ могутъ принадлежать, но говорить объ этихъ деньгахъ съ достаточною опредѣленностію и основательностію еще невозможно въ настоящее время, вслѣдствіе почти полной еще неразработанности отно-

[1]) Русск. допетровск. нумизм. гр. И. И. Толстого. СПБ. 1884 г., в. I, стр. 16.

сящагося сюда наличнаго монетнаго матеріала. Впрочемъ, о нѣкоторыхъ деньгахъ, которыя можно отнесить къ первой половинѣ XIV в., мы скажемъ нѣсколько словъ въ началѣ спеціальной части, при описаніи денегъ Михаила Александровича.

Глава VI.

Классификація Тверскихъ денегъ и происхожденіе типовъ.

Классификація монетъ, обоснованная хотя бы сколько-нибудь на научныхъ началахъ—дѣло въ высшей степени сложное и трудное, въ особенности же въ отношеніи денегъ великаго княжества Тверского. Идеальною классификаціей, безъ сомнѣнія, должна быть признана та, которая бы указала каждой монетѣ свое мѣсто въ предѣлахъ хронологической послѣдовательности чекановъ. Но такая классификація въ настоящее время невозможна ни по отношенію къ одному изъ княжествъ удѣльно-вѣчевой эпохи. И потому даже гр. И. И. Толстой, классифицируя деньги новгородскія, не смотря на цѣлыя сотни разновидностей, но представляющія изъ себя всего только два типа, вынужденъ былъ классифицировать ихъ чисто по внѣшнимъ признакамъ: у него «штемпеля распредѣлены не по старшинству ихъ изготовленія, а по случайнымъ, можетъ быть, особенностямъ изображеній и знаковъ, помѣщенныхъ вокругъ ихъ».

«Первый способъ классификаціи, по его мнѣнію, былъ бы болѣе научнымъ и могъ бы считаться окончательнымъ, потому что, если-бы возможно было раскрыть, напр., сравнительное старшинство штемпелей, то классификація ихъ по времени изготовленія была бы естественна и не могла бы возбудить ни единаго возраженія. Къ сожалѣнію, старшинство это въ настоящее время фактически опредѣлено быть не можетъ. При отсутствіи документальныхъ свѣдѣній, въ нумизматикѣ можетъ быть признано три болѣе или менѣе вѣрныхъ способа для опредѣленія сравнительнаго старшинства однородныхъ монетъ: во 1-хъ, посредствомъ выводовъ изъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ состава кладовъ, во 2-хъ, посредствомъ выводовъ на основаніи перечеканокъ (когда одинъ штемпель нанесенъ на другой) и въ 3-хъ, посредствомъ выводовъ изъ

сходства типовъ и работы. Не упоминаю о палеографическихъ данныхъ, такъ какъ, если-бъ даже русская палеографія не была настолько мало развита, что скорѣе нумизматика дастъ ей матеріалъ, а не наоборотъ, палеографическіе признаки едва ли могутъ играть особую роль при разсмотрѣніи произведеній лишь немногихъ десятковъ лѣтъ».

Прилагая указанный методъ къ классификаціи новгородскихъ денегъ, графъ Толстой находитъ, что «выводы перваго и второго рода по отношенію къ новгородкамъ въ настоящее время положительно невозможны. Для того, чтобы опредѣлить абсолютную древность отдѣльныхъ штемпелей на основаніи фактовъ, добытыхъ изъ кладовъ, необходимы точныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ десяткахъ послѣднихъ, въ виду того, что, какъ извѣстно, новгородскія монеты времени самобытности чеканены всѣ въ теченіе лишь какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ; о малочисленности извѣстныхъ кладовъ я упомянулъ выше. Перечеканенныхъ «новгородокъ» мнѣ лично вовсе не попадалось. Сходство или несходство изображеній мною принято въ разсчетъ при раздѣленіи всего матеріала на типы. Но если классификація по типамъ не имѣетъ строго хронологическаго значенія, то тѣмъ меньшее хронологическое значеніе имѣла-бы классификація отдѣльныхъ штемпелей каждаго типа по сходству изображеній и работы. Кромѣ того, если такая классификація и возможна для значительнаго числа штемпелей, то отдѣльные изъ нихъ съ трудомъ найдутъ себѣ мѣсто въ ней по оригинальности работы и по отсутствію переходныхъ разновидностей, которыя могли бы связать ихъ съ другими... Въ виду вышеупомянутаго, заключаетъ графъ, я счелъ наиболѣе практичнымъ классифицировать весь матеріалъ по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ штемпелей» [1]).

Къ такимъ выводамъ относительно классификаціи новгородскихъ денегъ пришелъ гр. И. И. Толстой. Въ отношеніи тверскихъ денегъ дѣло обстоитъ только немногимъ лучше и позволяетъ быть представленнымъ лишь въ незначительной степени болѣе точно. Это происходитъ изъ различія, которое существуетъ между тверскими и новгородскими деньгами. Тверскія деньги извѣстны не въ двухъ типахъ, а въ нѣсколькихъ десяткахъ типовъ (точную цифру всѣхъ типовъ мы въ настоящее время указать не можемъ, потому что нами еще не описаны всѣ удѣльныя тверскія деньги) и во множествѣ разновидностей. Слѣдовательно, уже одно это обстоятельство создаетъ довольно широкую

[1]) Русс. Допетровск. нумизм. Т. I, стр. 25—26.

почву для сравненій и выводовъ. Затѣмъ, что касается примѣненія къ нимъ указываемыхъ трехъ наилучшихъ способовъ для опредѣленія сравнительнаго старшинства однородныхъ монетъ, то въ отношеніи перваго способа, т. е. посредствомъ выводовъ изъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ состава кладовъ, должно быть сказано то же, что и относительно новгородокъ, т. е. что число кладовъ Тверскихъ денегъ, а особенно такихъ, въ которыхъ эти деньги встрѣчались бы въ значительномъ количествѣ, весьма незначительно. Намъ извѣстны только два значительныхъ клада: это—Волоколамскій, открытый въ 1892 году близъ Волоколамска, и Тверской, открытый 7 іюля 1900 года, которые и служатъ главнымъ основаніемъ для нашихъ выводовъ. Что же касается кладовъ, о которыхъ есть указанія въ «Описаніи Тверского Музея» А. К. Жизневскаго (стр. 241—242), то они почти не имѣютъ для насъ никакого значенія, такъ какъ состоятъ изъ позднѣйшихъ монетъ; нѣкоторые, впрочемъ, позволили бы предположить свою древность, но они или описаны поверхностно (напр. такъ: кладъ состоитъ изъ 190 серебряныхъ денежекъ; какихъ?—неизвѣстно, см. № 1745) или же неизвѣстно куда дѣвались (напр. № 1752: «10 серебряныхъ монетъ великаго князя Ивана, царей Ивана Васильевича, Бориса Годунова и Лжедимитрія... вѣсомъ $^1/_2$ ф. 6 зол. Найденъ въ 1881 году въ Твери между дворцомъ и соборомъ». Между тѣмъ намъ извѣстно—по разсказу того самаго лица, которое нашло этотъ кладъ,—что онъ былъ несравненно больше и что въ немъ были псковскія деньги, такъ какъ одну изъ нихъ это лицо намъ подарило. Кромѣ того, таковыхъ большихъ кладовъ потребовались бы не десятки, сколько нужно графу И. И. Толстому для новгородокъ, а для Тверскихъ денегъ сотни, такъ какъ Тверскія деньги чеканились въ теченіе болѣе ста лѣтъ. Что же касается классификаціи на основаніи выводовъ перечеканки, то въ нашемъ распоряженіи находится всего только одинъ экземпляръ таковой монеты (описанный ниже: Мих. Бор. Т. I. чек. 16), почему понятно, что на основаніи его мы не могли сдѣлать никакихъ выводовъ. Наконецъ, что касается выводовъ на основаніи сходства типовъ и работы, то ими мы пользовались при распредѣленіи разновидностей внутри типовъ, а отчасти и типовъ. Итакъ, изъ всѣхъ особенностей Тверскихъ денегъ, сравнительно съ Новгородскими, только одна—количество типовъ—даетъ намъ нѣкоторое преимущество, чтобы классифицировать эти деньги нѣсколько ближе къ идеалу, чѣмъ могъ это сдѣлать гр. И. И. Толстой по отношенію къ новгородскимъ деньгамъ. Во всемъ остальномъ

наше положеніе ничѣмъ не лучше положенія графа. И Тверскія деньги въ настоящее время еще не могутъ быть строго научно классифицированы. Кромѣ того, въ отношеніи Тверскихъ денегъ еще нужно имѣть въ виду слѣдующія основанія, по которымъ онѣ не могутъ быть строго научно классифицированы въ настоящее время. 1) Изученіе типовъ и разновидностей (или чекановъ) въ ихъ отношеніи другъ къ другу по многимъ признакамъ приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ убѣжденію въ отсутствіи связи какъ между отдѣльными типами, такъ и между отдѣльными разновидностями. 2) Открытіе новыхъ типовъ и въ особенности разновидностей, въ новыхъ кладахъ, подтверждаетъ это наблюденіе, давая въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту необходимую связь. 3) То же наблюденіе возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль о сосуществованіи, т. е. одновременномъ существованіи нѣсколькихъ типовъ, что уже само собой идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ хронологической преемственности. 4) Въ Тверскомъ княжествѣ былъ не одинъ монетный дворъ: въ настоящее время можно считать несомнѣнною чеканку монетъ въ городахъ: Твери, Кашинѣ, Старицѣ и Микулинѣ. Деньги, чеканенныя въ каждомъ изъ этихъ городовъ, имѣютъ особенности, не легко согласуемыя между собою въ порядкѣ хронологическомъ.

Принявъ все это во вниманіе, и намъ приходится отыскивать какіе-либо внѣшніе, болѣе замѣтные и болѣе существенные признаки, по которымъ бы можно было расположить монеты, если не строго хронологически то приблизительно хронологически, и, при томъ, такъ, чтобы это расположеніе было оправдываемо фактами исторіи. Съ указанной точки зрѣнія наша система будетъ слѣдующая.

Прежде всего, Тверскія деньги дѣлятся на четыре опредѣленныя группы, изъ которыхъ каждая занимаетъ точно опредѣленное *по времени* мѣсто. Это: 1) группа монетъ, чеканенныхъ при великомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ, обнимающая періодъ времени приблизительно около 37 лѣтъ (1362—1399), 2) группа монетъ, чеканенныхъ при великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ, обнимающая 26-лѣтній періодъ времени (1399—1425), 3) группа монетъ, чеканенныхъ при Борисѣ Александровичѣ, обнимающая 36-лѣтній періодъ времени (1425—1461) и 4) группа монетъ Михаила Борисовича, обнимающая 25-ти-лѣтній періодъ времени (1461—1486).

Эти общія хронологическія группы въ свою очередь дѣлятся на отдѣлы, особенности которыхъ опредѣляются данными, выведенными изъ особенностей исторіи Тверского края.

Тверь, какъ мы выше видѣли, была пунктомъ, гдѣ столкнулись противоположныя вліянія Запада и Востока, конденсировались и произвели въ общемъ нѣкоторую смѣшанную культуру. Эта характерная и важная особенность Тверской культуры весьма рельефно отразилась и на деньгахъ Тверского княжества, и потому должна быть принята во вниманіе и надлежаще оцѣнена при классификаціи Тверскихъ денегъ.

Отдѣляя, по возможности, вліяніе Запада отъ вліянія Востока и то и другое, отъ смѣшеній, мы получаемъ возможность каждую изъ вышеупомянутыхъ четырехъ группъ раздѣлить на 3 части: первую, въ которую должны войти типы денегъ, вычеканенныхъ подъ явно западнымъ вліяніемъ, вторую—типы денегъ, вычеканенныхъ подъ вліяніемъ восточныхъ образцовъ, и третью, въ которую должны войти смѣшанные типы, или такіе, въ которыхъ можно подозрѣвать и самостоятельное творчество Тверскихъ художниковъ.

При описаніи каждой изъ этихъ группъ въ то или другое княженіе по необходимости приходится держаться послѣдовательнаго порядка: сначала описываются деньги, чеканенныя подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, потомъ—чеканенныя подъ вліяніемъ восточныхъ, и наконецъ—смѣшанные или Тверскіе типы, но это отнюдь не означаетъ ихъ хронологической преемственности; наоборотъ, каждый изъ западныхъ типовъ долженъ быть болѣе или менѣе современенъ стоящему противъ него восточному типу, и типу смѣшаннаго происхожденія. У насъ представлена ниже таблица, гдѣ приблизительная современность каждаго изъ типовъ различныхъ вліяній обозначена соотвѣтственнымъ ихъ расположеніемъ [1]).

Болѣе или менѣе подробно связь и послѣдовательность въ распредѣленіи типовъ, или констатированіе отсутствія ея будутъ объяснены, гдѣ это возможно, ниже, въ спеціальной части, при самомъ описаніи типовъ, теперь же объяснимъ нѣкоторыя дальнѣйшія особенности принятой нами классификаціи.

Каждый изъ типовъ мы подраздѣляемъ на чеканы или разновидности (при чемъ оба эти названія вездѣ употребляются какъ синонимы). Подъ чеканомъ или разновидностію мы разумѣемъ всякое болѣе или менѣе существенное видоизмѣненіе рисунка или надписи на монетѣ, которое

[1]) Наибольшее сопротивленіе даже приблизительной хронологизаціи оказали типы 17, 18 и 19, изъ восточныхъ, и 24, 25 и 26 изъ смѣшанныхъ, почему помѣщены нами другъ противъ друга и противъ 7, 8 и 9 западныхъ предположительно: очень вѣроятно, что между ними, а также и между выше и ниже поставленными существовали еще промежуточные типы—намъ неизвѣстные.

можно съ точностію констатировать, руководясь, какъ выше уже сказано, признаками сходства и различія. Иногда, впрочемъ, пользуемся и другими признаками, напр. принципомъ постепеннаго усложненія чекана, что естественно нужно предположить, если типъ существовалъ продолжительное время, о чемъ, въ свою очередь, можно заключить изъ значительнаго числа его разновидностей; иногда, гдѣ возможно, руководимся признаками палеографическими, напр. транскипціей разно изображаемыхъ буквъ, напр. Н и И, изъ которыхъ первая признается наиболѣе древнимъ начертаніемъ звука И [1]), и многими другими признаками, о которыхъ подробнѣе будетъ изъяснено также въ спеціальной части, такъ какъ описаніе наличной монеты много помогаетъ наглядности представленія.

Общая схема распредѣленія Тверскихъ денегъ по княженіямъ, типамъ и чеканамъ будетъ имѣть слѣдующій видъ.

1-я группа.

Деньги в. к. Михаила Александровича.

1 типъ въ 4 чеканахъ.

2-я группа.

Деньги в. к. Ивана Михайловича.

Число типовъ.	Западное вліяніе.	Число чекановъ.	Число типовъ.	Восточное вліяніе.	Число чекановъ.	Число типовъ.	Смѣшанные типы.	Число чекановъ.
1	Голова человѣка въ коронѣ . . .	15	4	Крылатый кентавръ.	1	5	Голова человѣка влѣво; о. с. звѣрекъ влѣво	3
2	Человѣкъ бѣгущій съ оружіемъ . . .	3		—		6	Сцена охоты на медвѣдя; о. с. надпись	13
3	Звѣрекъ вправо; о. с. человѣкъ съ копьемъ и мечемъ. .	4		—			—	

6 типовъ и 39 чекановъ [2]).

---

[1]) Вполнѣ однако соглашаясь съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ графа И. И. Толстого, что «русская палеографія настолько мало развита, что скорѣе нумизматика дастъ ей матеріалъ (для выводовъ), а не наоборотъ.

[2]) У Рейхеля, подъ № 3817, упоминаются еще деньги Александра Ивановича, но эти деньги Александра Ивановича Городенскаго; онѣ и будутъ помѣщены и описаны въ числѣ Городенскихъ.

3-я группа.

Деньги в. к. Бориса Александровича.

Число типовъ.	Западное вліяніе.	Число чеканокъ.	Число типовъ.	Восточное вліяніе.	Число чеканокъ.	Число типовъ.	Смѣшанные типы.	Число чеканокъ.
1	Человѣкъ съ мечемъ и щитомъ; о. с. надпись. . . .	16	15	Восхожденіе Александра В. на небо .	14	22	Охота на медвѣдя .	6
2	Человѣкъ съ лукомъ и копьемъ; о. с. звѣрокъ вправо .	2	16	Кентавръ. . . .	1	23	Птица и надпись .	1
3	Вооруженный человѣкъ; о. с. стрѣлокъ.	12		—			—	
4	Человѣкъ съ мечомъ и копьемъ; о. с. звѣрекъ . . .	5		—			—	
5	Звѣрекъ и человѣкъ съ щит. и копьемъ	1		—			—	
6	Человѣкъ съ щитомъ и копьемъ; о. с. съ мечемъ и щитомъ	8		—			—	
7	Два вооруженныхъ человѣка . . .	6	17	Одноногій крылатый звѣрекъ. . . .	4	24	Стрѣлокъ и надпись.	1
8	Монетчикъ . . .	24	18	Звѣрекъ съ обѣихъ сторонъ. . . .	11	25	Звѣрекъ и стрѣлокъ.	2
9	Вооруженный человѣкъ; о. с. монетчикъ	1	19	Звѣрекъ съ птичьей головой. . . .	1	26	Птица и стрѣлокъ .	6
10	Вооруженный человѣкъ и надпись; о. с. надпись . .	40		—			—	
11	Человѣкъ съ мечемъ и ножнами; о. с. надпись. . . .	9		—			—	
12	Человѣкъ опершись въ бокъ; о. с. надпись	38	20	Крылатый звѣрекъ .	2		—	
13	Человѣкъ съ мечемъ и шаромъ . . .	12	21	Двуногій крылатый звѣрекъ (драконъ).	8		—	
14	Всадникъ; о. с. надпись.	5		—		27	Всадникъ и Самсонъ.	33

27 типовъ и 269 чеканокъ.

4-я группа.

Деньги в. к. Михаила Борисовича.

Число типовъ.	Западное вліяніе.	Число чекановъ.	Число типовъ.	Восточное вліяніе.	Число чекановъ.	Число типовъ.	Смѣшанные типы.	Число чекановъ.
1	Человѣкъ съ мечемъ и на о. с. надпись.	24	5	Драконъ и надпись.	25	13	Всадникъ и Самсонъ.	4
2	Всадникъ и надпись.	8	6	Драконъ и звѣзда .	6		—	
3	Голова человѣка въ коронѣ	1	7	Кентавръ	4		—	
4	Человѣкъ сидящій на стулѣ; надпись .	1	8	Звѣрекъ и надпись .	24		—	
	—		9	Птица и надпись	6		—	
	—		10	Двуглавый орелъ .	5		—	
	—		11	Всадникъ и птица .	5		—	
	—		12	Всадникъ и журавль.	7		—	

13 типовъ и 120 чекановъ.

Всего типовъ серебряныхъ Тверскихъ денегъ всѣхъ четырехъ группъ извѣстно 47 и 432 чекана.

Въ той же системѣ будутъ расположены и деньги удѣльныхъ Тверскихъ князей: Кашинскихъ, Городенскихъ и Микулинскихъ [1]).

Теперь бросимъ взглядъ на особенности, невольно бросающіяся въ глаза при одномъ взглядѣ на эту таблицу, составленную на основаніи данныхъ, выведенныхъ изъ разсмотрѣнія внутреннихъ признаковъ, представляемыхъ типами и ихъ разновидностями.

1) Денегъ великаго князя Михаила Александровича всего менѣе извѣстно—что вполнѣ согласно съ данными исторіи: это деньги близкія къ началу ихъ чеканки въ Тверскомъ княжествѣ, деньги самыя древнія,

[1]) Подробная схема будетъ приведена въ V-й главѣ II-й части.

и, слѣдовательно, самыя рѣдкія. Денегъ Ивана Михаиловича уже больше, что соотвѣтствуетъ 26 лѣтней продолжительности его княженія; денегъ Бориса Александровича всего болѣе, что въ свою очередь тоже находится въ связи съ его 36 лѣтнимъ управленіемъ Тверскимъ княжествомъ и, наконецъ, число типовъ денегъ Михаила Борисовича вдвое болѣе числа денегъ Ивана Михайловича, а въ среднемъ соотвѣтствуетъ 25 лѣтней продолжительности его княженія.

2) При Иванѣ Михайловичѣ обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе западныхъ типовъ (3) и незначительное число восточныхъ (1) и смѣшанныхъ типовъ (2). Время Бориса Александровича—расцвѣтъ Тверской культуры—характеризуется также преобладаніемъ западныхъ типовъ и увеличеніемъ ихъ числа до 14, и соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа восточныхъ (7) и смѣшанныхъ (6). Время Михаила Борисовича—упадокъ Тверской культуры—характеризуется быстрымъ паденіемъ вліянія западнаго и соотвѣтствующимъ увеличеніемъ восточнаго, и уменьшеніемъ смѣшанныхъ типовъ, или быть можетъ Тверскихъ, до одного—фактъ поразительный и еще ждущій для себя объясненія.

3) Типы изображеній даже въ предѣлахъ одного и того же изъ изъ вліяній столь не характерно отличаются другъ отъ друга, что при разсматриваніи ихъ не возникаетъ въ умѣ никакой идеи, чтобы въ ихъ появленіи и уничтоженіи играла роль какая-либо регламентація; напротивъ все приводитъ къ мысли, что въ дѣлѣ чеканки господствовалъ почти полный произволъ со стороны денежниковъ. Напр. какая разница между 2, 4 и 6 типами денегъ великаго князя Бориса Александровича, между изображеніями князя съ копьемъ и щитомъ и между княземъ съ мечемъ и копьемъ?

4) Бросается также въ глаза значительно большое число разновидностей нѣкоторыхъ типовъ и очень малое другихъ, дающее поводъ къ заключенію о рѣдкости, а слѣдовательно и цѣнности послѣднихъ, независимо отъ всѣхъ прочихъ условій...

Возвращаясь снова къ классификаціи, графа Н. И. Толстого, мы замѣчаемъ, что у него «весь матеріалъ разбитъ на типы, типы на отдѣлы, а послѣдніе на разряды; а эти, въ свою очередь раздѣлены на разновидности», и, кромѣ того, есть даже исключенія изъ правилъ; не споримъ, что такая страшная сложность можетъ быть оправды-

вается самыми свойствами новгородскихъ денегъ; у насъ нѣтъ ничего подобнаго: далѣе типовъ «во вліяніяхъ» и чекановъ или разновидностей «внутри типовъ» мы не идемъ; никакихъ исключеній изъ этого правила не допускаемъ и выдерживаемъ его строго до самаго конца, и надѣемся, что при такой элементарной простотѣ классификаціи въ ней быстро любитель отыщетъ свою монету, найдетъ ей полное и точное описаніе и всѣ другія нужныя ему свѣдѣнія, а если которой не найдетъ, то онъ смѣло можетъ записать ее подъ особымъ номеромъ, какъ типъ или чеканъ неизвѣстный.

Чтобы покончить со всѣмъ, что касается еще частностей принятаго нами порядка при классификаціи, сдѣлаемъ послѣднія замѣчанія.

1) Описываемъ мы вездѣ сначала лицевую, потомъ обратную сторону. Лицевою считаемъ ту, на которой есть какое-либо изображеніе или рисунокъ, потому что на этой сторонѣ большею частію стоитъ терминъ: «печать великаго князя». Тамъ, гдѣ изображенія—съ обѣихъ сторонъ (одинаковыя или разныя—все равно), лицевою считаемъ ту, гдѣ вытисненъ тотъ же терминъ. Отступить отъ этого правила считаемъ неудобнымъ, чтобы не впасть въ ту непослѣдовательность, въ которую впадали другіе нумизматы, предварительно не рѣшившіе этого вопроса. Какіе именно, и въ какихъ случаяхъ,—это будетъ указано въ спеціальной части, при описаніи самихъ денегъ.

2) Отмѣчаемъ, гдѣ начало надписи находится не противъ верха изображенія или рисунка; обыкновенно начало надписи совпадаетъ съ верхомъ изображенія и это составляетъ общее правило, отступленіе отъ котораго встрѣчается рѣдко.

3) Изображенія неизвѣстныхъ разновидностей считаемъ необходимымъ передать помощію рисунковъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности схватить всѣхъ отдѣльныхъ, подчасъ неуловимыхъ особенностей той или другой разновидности; иногда, за неимѣніемъ своего изображенія, ссылаемся на фототипическіе снимки, приложенные къ «Русскимъ деньгамъ до 1547 г.» А. В. Орѣшникова, когда рисунокъ у него снятъ съ хорошаго экземпляра.

4) Если при описаніи фигуры человѣка говорится «правая или лѣвая рука изображенія», то это означаетъ въ дѣйствительности правую или лѣвую руку изображаемой фигуры; наоборотъ, если говорится:

«правая или лѣвая сторона фигуры», то это указываетъ на точку зрѣнія наблюдателя.

5) Надпись передаемъ точно посредствомъ славянскихъ буквъ, раздѣляя каждую отдѣльную строку вертикально поставленной чертою и каждую недостающую букву въ словѣ обозначая поставленною вмѣсто нея точкою, кромѣ случаевъ, когда нельзя опредѣлить число недостающихъ буквъ, и когда мы ставимъ многоточіе.

6) Когда говорится: «въ линейномъ и точечномъ ободкѣ», то это значитъ, что первый—внутренній ободокъ, а второй—внѣшній.

7) Если встрѣчается выраженіе: «линейный ободокъ, вокругъ котораго...., это означаетъ, что второй ободокъ, можетъ быть, и существовалъ на монетѣ, но онъ на данномъ экземплярѣ не отчеканился.

8) Чего нельзя различить на монетѣ точно, о томъ говорится съ прибавленіемъ словъ: «повидимому» или «вѣроятно». Буквы, вырѣзанныя слитно, означаемъ знакомъ ^, поставленнымъ надъ ними.

9) Указываемъ гдѣ можно, степень сохранности монеты, которыхъ (степеней) мы различаемъ три: хорошую, среднюю и слабую.—Первую обозначаемъ знакомъ C^{1}, вторую C^{2} и третью C^{3}.

10) Указываемъ вѣсъ монеты въ граммахъ, если монета доступна непосредственному нашему наблюденію.

11) Указываемъ ея два діаметра (если не вполнѣ круглая) въ миллиметрахъ, и одинъ, если круглая [1]).

12) Указываемъ приблизительную рѣдкость или цѣнность монеты; впрочемъ этотъ пунктъ считаемъ наиболѣе слабымъ въ нашей номенклатурѣ, и къ пользованію имъ, поэтому, прибѣгаемъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

13) Описаніе дается, на сколько это въ силахъ автора, полное и вѣрное, и ошибки и неточности другихъ нумизматовъ вездѣ констатируются.

14) Указываемъ, гдѣ это возможно, мѣстонахожденіе и происхожденіе монеты: если монета находится въ Тверскомъ Музеѣ, то ставимъ

---

[1]) Сохранность, вѣсъ и діаметръ монеты указываются только въ тѣхъ случаяхъ, когда монета доступна непосредственному нашему наблюденію; въ противномъ случаѣ монета описывается терминами, употребленными авторомъ, у котораго мы заимствуемъ описаніе.

буквы: Т. М., если въ нашемъ собраніи, то—Н. С.; монеты изъ Тверского клада вездѣ означены буквами: Т. К. Буква «р», стоящая обыкновенно послѣ Т. М., означаетъ «рамку», въ которой находится монета въ Музеѣ [1]).

15) Въ примѣчаніяхъ къ описаніямъ указываемъ, кто первый описалъ монету и затѣмъ всѣхъ послѣдующихъ нумизматовъ ее описывавшихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ дѣлаемъ критическія сравненія ихъ мнѣній.

16) Для удобства отыскиванія нужной монеты, и вообще для тѣхъ или другихъ справокъ, всѣ монеты имѣютъ сверхъ распредѣленія по типамъ и чеканамъ еще одинъ общій, послѣдовательный номеръ.

Въ заключеніе предложимъ объясненіе происхожденія нѣкоторыхъ наиболѣе типичныхъ фигуръ или изображеній, встрѣчающихся на тѣхъ Тверскихъ деньгахъ, о которыхъ не было случая говорить выше.

При одномъ взглядѣ на выше приведенную таблицу ясно, что то, что создаетъ типъ, образуется изъ различныхъ комбинацій одного и того-же основного изображенія, съ какими-либо добавочными чертами или предметами, или числомъ ихъ, или, наконецъ, особою формою самого основного изображенія. Если употребить сравненіе, то различные типы окажутся ничѣмъ инымъ, какъ разными варіаціями одной и той-же основной темы изображенія. Такъ, мы видимъ цѣлый рядъ типовъ, представляющихъ человѣка, вѣроятно князя, различнымъ образомъ вооруженнаго и различнымъ образомъ стоящаго, цѣлый рядъ звѣрьковъ и птицъ, различнымъ образомъ изображенныхъ и пр., такъ что, если все это разнообразіе свести къ одной основной темѣ, то, въ сущности, окажется очень немного изображеній, которыхъ происхожденія мы должны отыскивать у чужеземныхъ народовъ. Таковы, напримѣръ: «всадникъ-князь вооруженный» (во весь ростъ, или только одна его голова), «звѣри», «птицы» (въ томъ числѣ и фантастическія), «восхожденіе Александра», «чеканщикъ монеты», «сцена охоты» и пр. Но дѣло въ

[1]) Въ Тверскомъ Музеѣ коллекціи монетъ хранятся задѣланными въ рамки съ двойными стеклами; чтобы монеты не сбивались въ кучу, пространство, не занятое ими, заполнено тонкою деревянною пластинкою.

томъ, что по этимъ, такъ сказать, скелетамъ изображеній совершенно невозможно открыть источника ни одного изъ нихъ, потому что все это—общечеловѣческія представленія или идеи, и у любого народа онѣ могутъ быть продуктомъ и его собственнаго творчества. Тутъ важенъ стиль, пошибъ, оттѣнки изображенія, манера рѣзца—вотъ что дѣйствительно отличаетъ одно и то же изображеніе у различныхъ народовъ. Возьмемъ примѣръ: почти до самаго окончанія нашего труда, мы считали «монетчика» (изображеніе чеканщика монеты) типомъ чисто мѣстнаго, Тверского происхожденія (ни въ какомъ другомъ княжествѣ нѣтъ такого изображенія на монетѣ), но вотъ, просматривая книгу Данненберга, мы, къ удивленію своему, открываемъ, что точно такое же изображеніе существовало на Минденскомъ динаріи *какого-то* Генриха [1]).

Сходство такъ велико, что невольно убѣждаешься, что художникъ, вырѣзавшій штемпель нашей монеты, имѣлъ предъ глазами эту нѣмецкую монету. Итакъ, стиль, манера рѣзца, а не одно только простое сходство, которое можетъ быть и случайнымъ, какъ совершенно справедливо замѣчаютъ нѣкоторые нумизматы, должны убѣждать насъ, заимствована-ли идея даннаго произведенія, или она самостоятельная. Соглашаемся, что въ оцѣнкѣ этого сходства значительную долю можетъ играть и субъективизмъ наблюдателя, но для того, чтобы исключить этотъ ненужный элементъ, нужны работы многихъ лицъ, и, если многіе признаютъ это сходство не случайнымъ, то, значитъ, возможно будетъ твердо установить заимствованіе.

Разсмотримъ происхожденіе еще нѣкоторыхъ изображеній, о которыхъ имѣемъ свѣдѣнія.

Всадникъ. По общему мнѣнію нумизматовъ изображеніе всадника на печатяхъ и монетахъ—западнаго происхожденія, хотя самая идея подобнаго изображенія общечеловѣчна. Профессоръ Прозоровскій указываетъ, что между Греческими камнями находятся изумруды съ изображеніемъ всадника [2]). Та же идея нечужда и всему сѣверу и повто-

[1]) Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: Minden lässt sich in den Urkunden unten der Form Minteona nicht nachweisen: Foerstemann führt Mimida, Minida, Mimda, Minda, Mindo, Mindum und selbst Mirmidona auf, und es kann sonach wohl die Frage entstehen, ob das MINTEONA auch wirklich unser Minden an der Weser oder nicht viel mehr einen an der Ort ähnlichen Namenslautes bezeichnet.—Auch die Frage, welchen Heinrich unsere Denare gehören, ist nicht ganz leicht zu beantworten.... Die Deutschen Münzen. Berlin. 1876. T. I. S. 281, 282.

[2]) Цит. соч. стр. 174.

ряется, напр., въ сагахъ скандинавскихъ [1]). Но какъ типичное и усвоенное князьями изображеніе на монетахъ или печатяхъ, оно появляется въ Европѣ въ значительно позднѣйшее время. Западные нумизматы сдѣлали общее наблюденіе, что вооруженные всадники на монетахъ нѣмецкихъ появились около 1270 года [2]). Отъ нѣмцевъ они перешли въ Богемію, Венгрію, Литву и чрезъ Датчанъ—на крайній сѣверъ.

Въ Россію это изображеніе перешло чрезъ Литву, гдѣ этотъ типъ былъ усвоенъ еще Витенемъ, а при Ольгердѣ уже сталъ государственнымъ гербомъ: «Витень» видѣль въ немъ, по выраженію одной нашей лѣтописи (см. приб. къ Ипат. Лѣт. П. С. Р. Л., Т. II, стр. 346) «рыцаря збройнаго на конѣ съ мечемъ», но потомъ «погонъ» (pogon) этотъ обратился въ изображеніе самого Литовскаго князя, ѣдущаго, по обыкновенію, на конѣ на защиту своихъ владѣній и для расширенія предѣловъ своего государства» [3]). У Лакіера приведенъ рисунокъ этого литовскаго изображенія (Табл. IV, ф. 11), на которомъ читаемъ надпись: se. aller. andri. als. wetondi. dei. gra. magni. ducis. Lituan. Въ Тверскомъ княжествѣ то же изображеніе встрѣчается на печати великаго князя Бориса Александровича, приложенной къ договорнымъ грамотамъ его съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ 1447 и 1451 годахъ [4]). У Михаила Борисовича, заключившаго въ 1462 г. договоръ съ Иваномъ III о бытіи имъ въ дружбѣ и согласіи—такой же всадникъ; онъ въ бронѣ, епанча развѣвается по вѣтру, голова въ шишакѣ и мечъ поднятъ кверху, а подъ ногами коня изгибается драконъ [5]). Здѣсь мы видимъ важное прибавленіе—дракона, или змія, подъ конемъ всадника, котораго нѣтъ на печати Бориса Александровича. Относительно этого обстоятельства нужно сдѣлать два замѣчанія. Печать Михаила Борисовича мы описали по изданію: Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. М. 1813, изданіе графа Румянцева, между тѣмъ, по словамъ А. В. Орѣшникова, оказывается, что этому изданію въ той части, которая касается рисунковъ, совершенно нельзя довѣрять. Г. Орѣшниковъ не разъ объ нихъ выражается такимъ образомъ: «рисунки не могутъ выдержать самой снисходительной критики», или: «рисунки въ Собраніи Госуд. Грам. и Догов.

---

[1]) Лакіеръ. Цит. соч. стр. 125.
[2]) Каченовскій. В. Е. 1828. № 15, стр. 194.
[3]) Лакіеръ. Цит. соч. стр. 117.
[4]) Соб. Г. Гр. т. I, стр. 139 и 176.
[5]) Ibid. стр. 215.

совершенно искажаютъ типъ оригинала» [1]). Если все-таки не считать, что изображеніе дракона подъ конемъ князя есть грубая прибавка рисовальщика, остается еще другое объясненіе, по которому въ этой перемѣнѣ мы можемъ усматривать постепенный переходъ изображенія, выражающаго просто рыцаря, или князя съ мечемъ, въ изображеніе Георгія Побѣдоносца, бывшаго весьма распространеннымъ на монетахъ Германіи, Англіи и Италіи. Въ прекрасныхъ нумизматическихъ статьяхъ М. Т. Каченовскаго есть даже изображеніе (хотя и болѣе поздняго времени: XVI в.) св. Георгія на конѣ (см. В. Е. 1827, табл. 14, ф. 10) и даже пѣшаго (таб. 14, ф. 9) на двухъ итальянскихъ монетахъ. По его замѣчанію «драконъ всегда изображается именно при Георгіѣ Побѣдоносцѣ [2]), тогда какъ по рѣшительному мнѣнію Рейхеля «на древнихъ нашихъ монетахъ не есть св. великомученикъ Георгій, какъ то полагали весьма долго, но самъ великій князь въ коронѣ и безъ прочихъ принадлежностей святаго; изображеніе это замѣнено образомъ св. Георгія лишь въ концѣ XVII столѣтія» [3]). Послѣднее его замѣчаніе, какъ видимъ, не совсѣмъ вѣрно.

Въ Тверскомъ Музеѣ есть мѣдная печать, происхожденіе которой неизвѣстно (она пріобрѣтена г. Л. Н. Бастамовымъ въ Старицѣ), которая повидимому имѣетъ всѣ признаки древности. Она такъ описана А. К. Жизневскимъ: «мѣдная печать въ видѣ небольшого медальона, съ вогнутымъ на ней изображеніемъ всадника на лошади, въ высокой остроконечной шапкѣ и съ копьемъ въ рукѣ. Печать имѣетъ круговатую форму въ діаметрѣ $^5/_8$ д., съ ушкомъ и нѣсколько заостренною противоположною ушку стороною. Изображеніе всадника напоминаетъ св. Георгія Побѣдоносца, или, скорѣе—князя, такъ какъ на медальонѣ нѣтъ змія или дракона, поражаемаго св. Георгіемъ Изображеніе же головы въ остроконечной шапкѣ напоминаетъ также нѣкоторые пулы Тверского княжества. Подобная же печать приложена къ грамотѣ Тверского великаго князя Бориса Александровича, данной Кашинскому Срѣтенскому монастырю, на которой имѣется круговая надпись: «печать великаго князя Бориса Александровича» [4]). Извѣстно, что не всѣ пе-

---

[1]) Матеріалы къ русской сфрагистикѣ. М. 1903. Стр. 4 и 14, 26, 38.

[2]) В. Е. 1828. № 15, стр. 191.

[3]) Зап. Спб. Арх. Нумизм. Общ. Т. I. Спб. 1849. Стр. 7. По его же мнѣнію, всадникъ, поражающій дракона, заимствованъ съ монетъ Владислава, герцога Богемскаго. Зап. Арх. Общ. Т. I, стр. 25—26.

[4]) Описаніе Тверского Музея. М. 1888. № 939, стр. 187.

когда политическое значеніе и могущество этого княжества достигли наивысшей степени, и когда держава въ его рукахъ дѣйствительно могла служить символомъ этого могущества.

Изъ восточныхъ типовъ наиболѣе распространеннымъ изображеніемъ на Тверскихъ деньгахъ является *звѣрекъ вправо*, рѣже влѣво [1]), въ различныхъ видахъ и положеніяхъ. Его находимъ и въ Новгородской области [2]), и въ Псковѣ, гдѣ онъ почему-то именуется барсомъ [3]), и во многихъ другихъ русскихъ княжествахъ. Лакіеръ объ одномъ изъ такихъ звѣрьковъ говоритъ, что онъ западнаго происхожденія [4]). Но онъ говоритъ о *львообразномъ* звѣркѣ *влѣво*, приложенномъ къ грамотѣ Смоленскаго князя Ивана Александровича съ Ригою и Готландскимъ берегомъ 1229 года [5]). Такой звѣрекъ можетъ быть и западнаго происхожденія (львовъ у насъ нѣтъ), у насъ же изображается вообще звѣрекъ, и трудно сказать, какое ему нужно дать имя. Наше мнѣніе то, что этотъ звѣрекъ по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ быть названъ *куницей*, по имени которой первоначально и самые деньги въ обиходномъ русскомъ языкѣ назывались «кунами». Вотъ почему мы думаемъ, что изображеніе звѣрька есть древнѣйшее изображеніе, которое должно было появиться въ Ростово-Суздальской области на первыхъ русскихъ деньгахъ, хотя идею его мы видимъ и гораздо раньше, и именно, въ украшеніяхъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ, т. е. когда именемъ «кунъ» назывались обращавшіяся у насъ иностранныя деньги.

Въ Тверскомъ Музеѣ есть множество мелкихъ предметовъ, несомнѣнно древняго происхожденія, имѣющихъ на себѣ изображеніе звѣрька

---

[1]) Рѣдкость изображенія на монетѣ звѣрька влѣво мы объясняемъ сравнительною трудностію его вырѣзки вправо. Обыкновенно звѣрьки смотрятъ вправо, но если они смотрятъ влѣво, то называются contournés (Лак. 57). Но дѣло не въ названіи, а отъ чего происходитъ то, что они больш. частію изображаются вправо? Мы не азіаты, пишущіе отъ правой руки къ лѣвой, и для насъ несравненно удобнѣе нарисовать напр. дугу, ведя ее отъ лѣвой руки къ правой, а никакъ не наоборотъ. Чертить коня намъ несравненно легче съ лѣвой стороны къ правой (первая дуга здѣсь—голова, грива, шея, спина), чѣмъ наоборотъ. Между тѣмъ этотъ правильный рисунокъ съ головою животнаго влѣво, при печатаніи выйдетъ вправо. Вотъ чѣмъ, по-нашему, объясняется преобладаніе у насъ рисунковъ звѣрька вправо. Судьи намъ въ этомъ объясненіи—г.г. художники.

[2]) См. напр. снимки съ печатей новгородскихъ посадниковъ у Лакіера. Цит. соч. Табл. XII, ф. 8 и 9.

[3]) Русск. допетров. нумизматика. В. 2. Стр. 31.

[4]) Цит. соч. Стр. 109. Табл. IV, ф. 6.

[5]) Ibid.

того вида, какой мы встрѣчаемъ на деньгахъ Тверского княжества; таковы, наприм., №№ 689, 692, 719, 720, 724 и др., доказывающіе обширную распространенность этого изображенія.

Драконы. Драконами обыкновенно называются миѳологическія существа—олицетворенія добрыхъ и злыхъ силъ природы. Первоначальное ихъ происхожденіе нѣкоторые относятъ къ Египту, гдѣ они изображались въ видѣ крокодила и были олицетвореніемъ бога плодородія. Въ Индіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ они изображались въ видѣ страшныхъ крылатыхъ существъ, олицетворявшихъ бога зла, смерти и всякаго страданія. Идею такихъ изображеній могли подать нѣкоторыя, страшнаго вида, животныя, водящіяся въ этихъ странахъ, напр. обезьяны. Но нашъ крылатый одноногій или двуногій крылатый драконъ не имѣетъ вида ни крокодила, ни обезьяны и слѣдовательно происхожденія его нужно искать въ чемъ-либо иномъ, напр. въ преданіяхъ малоазіатскихъ народовъ, отъ которыхъ собственно говоря и шла къ намъ культура чрезъ Византію. И дѣйствительно, въ повѣсти о китоврасѣ и царѣ Соломонѣ онъ изображается въ видѣ демона съ пѣтушиными ногами, а въ нѣкоторыхъ сродныхъ съ этимъ сказаніяхъ въ видѣ летучаго змѣя, идея котораго взята, можетъ быть, съ летучихъ мышей, а можетъ быть и прямо съ драконовъ (Dracho-змѣй). Демонъ этотъ, олицетвореніе злыхъ силъ природы, въ повѣсти о китоврасѣ, перешедшій въ нашу Палею изъ Талмуда, носилъ названіе Асмодея, бѣса, постоянно витавшаго между небомъ и землей, для чего ему нужны были крылья. Имя его китоврасъ показываетъ, что эта восточная повѣсть пришла къ намъ отъ грековъ. «Ашмедай» Талмуда—царь темнаго, враждебнаго человѣку царства бѣсовъ,—князь, не слушающій небеснаго голоса; онъ Кроносъ, а не Уранъ. Въ талмудическихъ сказаніяхъ уже успѣлъ проявить свое вліяніе парсизмъ. Въ Зендъ-Авестѣ Ашмогъ принадлежитъ къ числу могучихъ и злыхъ девовъ, и представляется въ видѣ нечистаго двуногаго дракона [1]). Почему именно эти существа изображаются на Тверскихъ деньгахъ—мы не умѣемъ объяснить. Укажемъ только на то обстоятельство, что изображенія, походящія на нихъ, встрѣчаются во множествѣ въ скульптурныхъ украшеніяхъ Дмитровскихъ и Юрьевскихъ храмовъ. Изображеніе дракона встрѣчается на монетахъ восточной окраины Тверского княжества—въ княжествѣ Кашинскомъ, и Тверскомъ, преимущественно при Борисѣ Але-

[1]) Соч. Н. С. Тихонравова. М. 1898. Т. I, стр. 175.

ксандровичѣ. Сонцовъ указываетъ, что изображенія дракона находятся на брактеатахъ польскихъ Казиміра II Справедливаго, Сандомірскаго князя въ 1168 г. и Краковскаго съ 1177—1194 г., по изгнаніи Мечеслава (Mieszka), и на монетѣ Болеслава IV [1]). Одна изъ этихъ монетъ (именно фигура № 21) дѣйствительно имѣетъ замѣчательное сходство съ монетою Бориса Александровича, что легко объяснить единствомъ источника обоихъ заимствованій.

Драконъ и звѣзда. Образцомъ для этого типа могъ быть денарій Бернарда II (1011—1059), герцога Саксонскаго [2]). Другія параллели намъ неизвѣстны.

Кентавръ. Весьма рѣдкое изображеніе на Тверскихъ монетахъ. То же замѣчаніе дѣлаетъ гр. И. И. Толстой относительно его нахожденія среди украшеній Дмитровскаго собора [3]). Кентавръ обыкновенно имѣетъ видъ лошади, у которой передняя часть тѣла человѣчья; въ такомъ видѣ встрѣчается на одномъ типѣ монетъ Ивана Мих. и Михаила Борисовича. На монетѣ же Бориса Александровича есть искаженіе этого изображенія, состоящее какъ-бы изъ соединенія вмѣстѣ двухъ заднихъ половинъ туловища лошади, причемъ всадникъ изображается сидящимъ на срединѣ соединенія этихъ двухъ половинъ. Рейхель называетъ это изображеніе Doppel-Centaur [4]). Этого послѣдняго рода кентавръ встрѣчается исключительно на Тверскихъ деньгахъ Бориса Александровича. Относительно происхожденія и значенія этого рода изображенія—мы нигдѣ не могли найти никакихъ свѣдѣній. Въ спеціальной части мы предлагаемъ объясненіе происхожденія искаженія этого типа, какое намъ кажется возможнымъ. Но насколько оно справедливо—судить, конечно, не намъ.

Птицы. Высоконогая птица, клюющая зерно, встрѣчающаяся на деньгахъ Тверского великаго князя Михаила Борисовича есть сюжетъ коптскихъ миніатюръ, по указанію гр. И. И. Толстого [5]). Двухглавый орелъ—греко-азіатская эмблема [6]), и встрѣчается на деньгахъ Тверского князя Ивана Михайловича (что мы можемъ утверждать, въ на-

---

[1]) Сонцовъ. Цит. соч. Стр. 44. Табл. XIV, ф. 21, 17 и 12.

[2]) Dannenberg. Цит. соч. Т. 1. Стр. 231. Тах. XXV. f. 588.

[3]) Русск. Древн. Вып. VI. Стр. 32.

[4]) Münzsammlung. № 3872—3873.

[5]) Цит. соч. Вып. VI. Стр. 94.

[6]) Также по мнѣнію гр. И. И. Толстого. Ibid.

стоящее время, только предположительно) и на деньгахъ Михаила Борисовича. Отсюда эта эмблема перешла на Московскія деньги, но никакъ не обратно, какъ это безъ достаточныхъ основаній утверждаютъ нѣкоторые нумизматы [1]). Эмблема двухглаваго орла конечно весьма древняя и употреблялась, какъ оказывается, еще халдеями [2]) и отсюда, какъ совершенно справедливо даетъ понять гр. Толстой, чрезъ грековъ разнесена по всему міру.

Къ типамъ смѣшаннаго происхожденія мы отнесли тѣ, относительно которыхъ трудно съ точностію сказать, какого они происхожденія. На этихъ типахъ мы встрѣчаемъ особенности, которыя съ одной стороны указываютъ на Востокъ, съ другой на Западъ, или же представляютъ комбинацію чертъ того или другого вліянія, а потому мы думаетъ, что это могутъ быть типы и чисто мѣстнаго происхожденія или составленные мѣстными мастерами, хотя, быть можетъ и на иностранныя темы. Таково напримѣръ весьма распространенное изображеніе Самсона, раздирающаго челюсти льву.

Самсонъ, раздирающій челюсти льву, и всадникъ съ соколомъ. По принятому—это сюжетъ восточнаго происхожденія. Въ томъ же убѣждаетъ насъ употребленіе греческой буквы ω въ надписяхъ на этомъ типѣ. Онъ встрѣчается на прилѣпахъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ [3]). Однако неизвѣстный нумизматъ указываетъ и среди западныхъ монетъ подобный образецъ на одной Богемской монетѣ, рисунокъ которой и прилагаетъ къ своей статьѣ. Ссылаясь на Фойхта, (Beschreibung der bisher bekannten Böhmischen Münzen... I. 343), онъ доказываетъ, что здѣсь изображенъ князь, Владиславъ, а отнюдь не Самсонъ, сидящій на львѣ и раздирающій ему челюсти. Князь сей, прибавляетъ онъ далѣе, отличается различными подвигами на монетахъ своего времени: на одной кинжаломъ поражаетъ онъ льва, который вцѣпился въ заднюю часть коня его; на другой готовится онъ пѣшій напасть на медвѣдя; на третьей онъ же опять, верхомъ на конѣ, сра-

---

[1]) Напр. Сахаровъ (Лѣтоп. русск. нум. Стр. 49), Орѣшниковъ (Древнѣйшее изображеніе русскаго орла). Во II т. Труд. Моск. Нум. Общ. Стр. 3).

[2]) См. прекрасное изображеніе двуглаваго орла, почти современнаго типа, на Эюкскомъ монолитѣ. Халдейскія древности. Энцикл. слов. Брокгауза. Т. 73. Табл. II, р. 5.

[3]) Толстой И. И. Русск. Древн. Вып. VI. Стр. 33 и др.

жается со львомъ и дракономъ и пр. (Табл. 14, ф. 6) [1]). То же самое доказываетъ и Сонцовъ: ссылаясь на Stronczynski Pien. Piast. Табл. IV. Monczeskich, ф. 8, онъ приводитъ рисунокъ (Табл., XIV ф. 25) Чешской монеты Владислава I—1125 г., весьма схожій съ рисункомъ Тверской деньги [2]). На другой сторонѣ монеты, какъ было уже сказано, находится изображеніе всадника съ птицей въ рукѣ, которая по общему мнѣнію есть не что иное, какъ соколъ. Соколъ съ давнихъ поръ считался птицею дорогою: въ Русской Правдѣ опредѣляется пеня за похищеннаго сокола весьма значительная, равно какъ и въ литовскихъ статутахъ (Рус. Пр. М. 1779. 78). Ярославъ Ярославичъ, Тверской князь, какъ извѣстно, былъ страстный охотникъ, такъ что новгородцы вынуждены были заключать съ нимъ особые договоры объ условіяхъ этой охоты въ Новгородскихъ земляхъ [3]). Безъ сомнѣнія таже забава составляла любимое времяпровожденіе и его преемниковъ, хотя мы и не имѣемъ на это прямыхъ указаній. «Соколиная забава на сѣверѣ вообще считалась благороднымъ упражненіемъ, и право имѣть сокола считалось принадлежностію рыцарства или шляхетства, равно какъ право носить шпагу или саблю. Императоръ Фридрихъ написалъ даже книгу de arte venandi cum avibus. Татары тоже знали цѣну соколамъ и кречетамъ и любили преслѣдовать съ ними другихъ пернатыхъ» [4]). Наконецъ типъ всадника, какъ мы выше видѣли, вообще западнаго происхожденія. Рейхель правильно производитъ его съ монеты Венгерскаго короля Ладислава Кумануса (1272—1290), ссылаясь на Rupp'a. Табл. IX. № 239 [5]). Единственнымъ способомъ выдти изъ встрѣчающихся трудностей опредѣленія происхожденія разсматриваемаго типа мы признали отнесеніе его къ числу типовъ смѣшанныхъ. Нужно замѣтить еще, что этотъ типъ принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ и встрѣчается на деньгахъ Ростово-Суздальской области; такъ наприм., на деньгахъ Кашинскихъ, Дмитровскихъ, Ярославскихъ и пр., куда онъ проникъ первоначально, вѣроятно, чрезъ Владиміръ съ Запада.

---

[1]) Авторъ статьи: «о способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ русскихъ монетъ». Вѣст. Евр. 1828. № 15. Стр. 184.

[2]) Деньги и Пулы. II-е приб. Стр. 42.

[3]) Борзаковскій. Ист. Тв. кн. Стр. 76.

[4]) Цит. статья въ В. Евр. 1828. № 15. Стр. 184.

[5]) Запис. СПб. Арх. Нум. Общ., т. 1, стр. 25. Правда, онъ говоритъ по поводу изображенія, встрѣчающагося на одной «коломенской» деньгѣ, но это не измѣняетъ дѣла, потому что источникъ типовъ долженъ быть болѣе или менѣе общій для всѣхъ княжествъ.

Сцена охоты на медвѣдя. Это изображеніе примыкаетъ къ предъидущему. Съ одной стороны намъ извѣстно, что есть и иностранныя монеты со сценой охоты на медвѣдя [1]), съ другой стороны намъ извѣстно, что охота составляла обыденное, общеизвѣстное и любимое занятіе князей, такъ что нѣтъ ничего мудренаго, если самому князю захотѣлось или же монетчику пришло въ голову изобразить ее на монетѣ. На монетѣ представлено: съ лѣвой стороны рисунка стоитъ князь и держитъ рогатину, которую направляетъ въ пасть стоящаго предъ нимъ на заднихъ лапахъ медвѣдя; между ними—собака, которая тоже бросается на звѣря и какъ бы хватаетъ его за лѣвую лапу; на верху изображенія представленъ топоръ, а можетъ быть и молотокъ,— эмблема чекана [2]). На обратной сторонѣ—весьма мелкая характерная надпись: «печать великаго князя Ивана Михайловича» или «печать великаго князя Бориса Александровича», такого же характера,—почему эти деньги и нужно считать чеканенными, съ одной стороны, въ самомъ концѣ княженія перваго и съ другой—въ самомъ началѣ княженія второго. Въ Московской Оружейной Палатѣ хранится «*рогатина великаго князя Бориса Александровича*» съ изображеніемъ охотничьихъ и другихъ сценъ, нѣсколько напоминающихъ изображенныя на монетахъ [3]).

То же бы мы сказали и относительно *Стрѣлка въ птицу на деревѣ*. Правда, это изображеніе въ своемъ древнѣйшемъ первоисточникѣ такъ же древне, какъ и изображеніе двухглаваго орла и встрѣчается, какъ уже выше гдѣ-то замѣчено, на монетахъ Ахеменидовъ и Арсакидовъ [4]), что есть древне-греческіе изумруды съ такимъ же изображеніемъ [5]), но если не восходить такъ далеко и принять во вниманіе, что нѣтъ посредства черезъ западъ, (намъ неизвѣстны иностранныя монеты съ такимъ изображеніемъ), то можно и этотъ типъ считать мѣстнымъ изображеніемъ. То же бы мы хотѣли сказать о сочетаніяхъ этого типа съ другими, напр. стрѣлка съ звѣрькомъ, стрѣлка съ пѣтухомъ. Что же касается изображеній головы князя влѣво (типъ, су-

---

[1]) Ср. вышеупомянутое мнѣніе Фойхта и Сонцова. Табл. XIV, р. 27. Въ примѣчаніи Сонцовъ даже говоритъ, что «человѣкъ, колющій рогатиной звѣря, съ собакою, бросающеюся на онаго— изображеніе на монетѣ Нерона» (Beg. Thes. Brand. p.) Веспасіана (Beg.) и Юліи Мамеи. Samos. Selec. Num Wilde). Прибав. II. стр. 79.

[2]) Сравни то, что въ концѣ говоритъ гр. И. И. Толстой объ одной Суздальской деньгѣ XV в. Русск. Древ. Вып. VI. Стр. 95 (рис. 16).

[3]) А. Орѣшниковъ. Русскія монеты до 1547 г. Стр. 27, № 119.

[4]) Словарь Ефрона. Т. 13. Стр. 213.

[5]) Прозоровскій. Цит. соч. Стр. 174.

ществовавшій при Тверскомъ великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ), то думаемъ, что это есть оригинальное мѣстное видоизмѣненіе нѣмецкаго типа монетъ императора Генриха II, на что указываетъ также и грубость и неумѣлость изображенія.

Въ заключеніе же должно быть сказано, что всѣ эти сближенія «Тверскихъ типовъ денегъ съ иностранными, равнымъ образомъ какъ и предположенія о возможной ихъ самостоятельности, при настоящемъ состояніи нумизматическихъ знаній, не должны выходить изъ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ. Обнародованіе бо́льшихъ матеріаловъ и будущія, болѣе точныя изслѣдованія, укажутъ намъ истинные пути и преемство въ заимствованіяхъ монетныхъ изображеній у различныхъ народовъ.

II.

Часть нумизматическая.

Глава I.

Деньги великаго князя Михаила Александровича.

Описаніе Тверскихъ денегъ мы начинаемъ съ денегъ Тверского великаго князя Михаила Александровича (1367—1399). Этимъ однако мы не хотимъ сказать, что денегъ до Михаила Александровича не чеканили въ Тверскомъ княжествѣ. Напротивъ, какъ это мы видѣли, всѣ данныя приводятъ къ мысли, что деньги должны были чеканиться и раньше, но говорить о нихъ съ достаточною степенью опредѣленности еще нѣтъ возможности въ настоящее время, почему мы и не включаемъ ихъ въ наше обозрѣніе. Объ этихъ деньгахъ можно говорить только предположительно, ожидая времени, когда накопится достаточно нумизматическихъ данныхъ, чтобы включить ихъ въ число вполнѣ несомнѣнныхъ Тверскихъ денегъ до Михаила Александровича.

Къ числу таковыхъ денегъ, напр., относится описанная Чертковымъ среди «монетъ съ надписями стертыми», подъ № 408 (Табл. F. ф. 10), относительно которой возбуждается вопросъ: какому Димитрію она принадлежитъ? Чертковъ описываетъ ее такъ: «на одной сторонѣ голова человѣка впрямь, въ шапкѣ и вокругъ надпись: ...ѵатъ ....итр, на другой сторонѣ: черты или тамга? Вѣсъ 14 гранъ». Надпись по мнѣнію Черткова можетъ значить: печать княжа Дмитреева [1]). Чапскій описываетъ подобную монету среди монетъ неопредѣленныхъ (№ 343). Жизневскій, ссылаясь на № 1 Шуберта, описываетъ серебряную деньгу Тверского великаго князя Димитрія Михаиловича, средней сохранности, вѣсомъ въ 0,95 грамма, діаметромъ 14—16^{mm}, на которой на *лиц. ст.* изображенъ рядъ знаковъ и точекъ, смыслъ и значеніе которыхъ мы не можемъ опредѣлить; и на *обр. ст.* изобра-

[1]) Описаніе древ. русс. монетъ. М. 1834. Стр. 178.

женъ знакъ или фигура, отчасти напоминающая букву д съ двухъ сторонъ которой по 3 точки. Кругомъ линейный ободокъ, за которымъ была надпись, но изъ нея слабо видны только буквы к и, вырѣзанныя въ обратную сторону [1]). (См. рис. № 1). Г. Орѣшниковъ отрицаетъ деньги Димитрія Михаиловича на основаніи теоретическаго предположенія, что «мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ о существованіи собственной монеты на Руси въ началѣ XIV». (Цит. соч. стр. 21). Однако, деньга съ надписью: «печать княжа Дмитреева» существуетъ и спрашивается: какому же Димитрію она принадлежитъ? Въ XIV в. говоритъ г. Орѣшниковъ [2]) княжили два Димитрія: въ Москвѣ Димитрій Ивановичъ и въ Суздальско-Нижегородскомъ княжествѣ Димитрій Константиновичъ, умалчивая на основаніи только что указаннаго теоретическаго предположенія о третьемъ—Димитріи Михайловичѣ Тверскомъ. Мы обязаны восполнить эту неосновательную неполноту и считаемъ троихъ Димитріевъ, къ которымъ можемъ относить нашу деньгу. Къ которому именно? Къ Московскому князю отнести ее нельзя, потому что она не подходитъ къ типу Московскихъ денегъ, съ чѣмъ согласенъ и г. Орѣшниковъ; и онъ находитъ, что она должна быть отнесена къ деньгамъ Суздальско-Нижегородскаго княжества, потому что имѣетъ сходство съ другими деньгами этого княжества. Намъ также кажется, что разсматриваемая деньга имѣетъ сходство съ Суздальскими деньгами, какъ и должно быть, потому что въ этомъ краю первоначально появилась русская монета, но полагаемъ, что по этому признаку приписывать ее Суздальскому князю (Димитрію Ногтю, который кромѣ того, неизвѣстно, былъ-ли еще великимъ княземъ) ничуть не болѣе основательно, чѣмъ приписывать ее великому князю Димитрію Тверскому. Мы разсуждаемъ такъ: если вѣроятно, что въ первой $^1/_4$ XIV вѣка существовали собственныя русскія деньги, то онѣ должны были быть и въ Тверскомъ княжествѣ, гдѣ несомнѣнно былъ Димитрій великимъ княземъ. И деньги эти непремѣнно должны были имѣть всѣ признаки Суздальскихъ, потому что есть основаніе утверждать, что Тверь получила первый культурный толчекъ изъ Суздальской земли. Означенныя признаки есть на той монетѣ, о которой идетъ рѣчь и, слѣдовательно, остается полная возможность, что она принадлежитъ великому князю Димитрію Тверскому.

---

[1]) Описаніе Твер. Муз. стр. 210.

[2]) Въ статьѣ: «О монетахъ великаго княжества Суздальско-Нижегородскаго» во II т. Труд. Моск. Нумиз. Общества.

Къ этому-же Димитрію Михаиловичу мы-бы предположительно отнесли деньгу, опубликованную Рейхелемъ въ его нѣмецкомъ каталогѣ подъ № 4379 (Taf. 7, p. 97) съ изображеніемъ на *лиц. ст.* кентавра, подобнаго тому, котораго мы встрѣчаемъ позднѣе на деньгахъ Тверскихъ великихъ князей Ивана Михайловича, Бориса Александровича и Михаила Борисовича, а на *обр. ст.* съ надписью ⱄєли|...ѧzь|дм|...и [1]). Рейхель объ этой деньгѣ въ нѣмецкомъ каталогѣ (стр. 363) говоритъ: Nach rechts gewendeter Reiter, hinter ihm ein langes Kreuz. Umgeprägte Denga. Vorstellung merkwürdig und muss einem Fürsten Dmitri angehören, а въ русскомъ описаніи относитъ эту монету къ великому князю Димитрію Ивановичу. Но съ Московскими деньгами Димитрія Ивановича она не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, а что касается креста, то это болѣе, чѣмъ вѣроятно, есть недопечатавшійся или дурно отпечатавшійся кентавръ.

Затѣмъ, къ Димитрію Михайловичу мы-бы отнесли деньгу, описанную А. В. Орѣшниковымъ въ Арх. Извѣстіяхъ и Зам. за 1897 г. № 12, и происходящую изъ собранія графа И. И. Толстого, но не по знаку похожему на букву д, а по подписи на обратной ея сторонѣ, которую мы читаемъ: zѧдм....

Наконецъ — деньгу, описанную Чертковымъ подъ № 4. (Табл. I. ф. 3) съ отнесеніемъ надвое: къ Димитрію Іоанновичу (1363—1389) и «быть можетъ» Димитрію Константиновичу (1359—1362) [2]). Повторяемъ, вопроса: рано или нѣтъ было начало XIV вѣка для начала чеканки у насъ монеты мы можемъ и не касаться, предоставивъ будущему разъяснить его на основаніи разбора существующаго монетнаго матеріала, а можетъ быть и находокъ новыхъ монетъ. И такъ, вѣроятность существованія Тверскихъ денегъ при Димитріи Михайловичѣ ни чѣмъ не поколеблена, хотя, съ другой стороны и не можетъ быть доказана.

О деньгахъ Михаила Александровича мы можемъ говорить уже съ достаточною опредѣленностію, хотя и тутъ есть нѣкоторыя неясности и недоумѣнія, которыя необходимо устранить, прежде чѣмъ приступить къ описанію самыхъ денегъ.

---

[1]) Она же описана имъ подъ именемъ деньги Дим. Ив. Донского въ «Допол. къ Р. Нум.» подъ № 97 въ Зап. Спб. Арх. Нум. Общ. за 1849 г. Т. I, стр. 75.

[2]) При этомъ мы уже не упоминаемъ о тѣхъ другихъ, приписываемыхъ Д. М. деньгахъ, напр. Чертковымъ, № 325, табл. XVII, ф. 4 и 503, табл. XXVIII, ф. 2 и под., относительно которыхъ высказаны болѣе или менѣе серьезныя возраженія.

Неясность заключается въ томъ, что существуетъ цѣлый рядъ монетъ съ надписью только: «печать князя великаго», безъ имени князя или только съ обозначеніемъ двухъ-трехъ буквъ изъ этого имени, по которымъ трудно опредѣлить принадлежность монеты опредѣленному князю. Трудность эта дѣлается еще большею, если исторически извѣстно нѣсколько лицъ, носившихъ одно и тоже имя. Изображенія, которыя находятся на таковыхъ монетахъ также весьма неясны, неопредѣленны, а надписи иногда не имѣютъ титула «великій». Есть на нихъ и тамги. Въ числѣ таковыхъ монетъ есть нѣкоторыя, которыя могутъ быть приписаны Тверскому великому князю Михаилу Александровичу.

Что касается неясности и неопредѣленности изображенія, то мы снова повторяемъ, что какъ первые опыты нашего собственнаго чеканнаго дѣла, первые образцы его, необходимо должны были носить на себѣ печать элементарности и имѣть всѣ тѣ качества, которыя даютъ поводъ намъ, не давая себѣ труда повнимательнѣе отнестись къ нимъ, сваливать ихъ въ общую кучу «неопредѣленныхъ» и произвольно относить то къ тому, то къ другому князю, или вовсе ни къ кому не относить. Но намъ кажется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда монета по своему младенчеству, если такъ позволено намъ будетъ выразиться, не хочетъ называться, надо дать ей имя по какимъ-либо окольнымъ признакамъ, принявъ во вниманіе и историческія судьбы того или другого края.

Такъ, по поводу краткости и неполноты въ обозначеніи имени князя, препятствующихъ точному ихъ пріуроченію опредѣленному лицу, Сонцовъ соображаетъ, «что по мѣрѣ освобожденія отъ ига татарскаго къ надписи «печать великаго князя» прибавлялись первоначальныя буквы имени великаго князя, съ упадкомъ же могущества татаръ, появилось и цѣлое имя великаго князя; онъ это мнѣніе подтверждаетъ деньгами великаго князя Дмитрія Донского, на которыхъ читаетъ: печать великаго князя д., потомъ дми, дмитр. и наконецъ Дмитрій. Чапскій на это ему возражаетъ: «но мы видимъ въ эпоху удѣловъ и татарскаго гнета многія монеты съ полнымъ именемъ князя, поэтому мнѣ кажется необходимымъ изложить его иначе, и сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ владычество Татаръ мѣшало великимъ князьямъ выписывать свое имя на деньгахъ ими чеканенныхъ и тогда они прибѣгали къ надписи: печать князя великаго» [1]). На это мы позволили-бы

[1]) Гуттенъ-Чапскій. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Спб. 1875 г. стр. 65.

себѣ возразить и тому и другому: не тѣ или другія отношенія Татаръ къ намъ—причина существованія монетъ безъ имени князя, а нерѣшенность вопроса о первенствѣ между самими великими князьями. XIV вѣкъ былъ весь заполненъ соперничествомъ князей Тверскихъ съ Московскими изъ за велико-княжескаго титула: то Тверской великій князь, то Московскій попеременно носили титулъ великаго князя Владимірскаго, такъ что простое чувство неувѣренности, простое чувство самолюбія заставляли и князей и монетчиковъ до окончательнаго рѣшенія этого вопроса долгое время ограничиваться неопредѣленнымъ терминомъ: «печать великаго князя». Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, причина, что этотъ неопредѣленный терминъ въ теченіи почти всего XIV вѣка былъ общимъ и для Тверскихъ и Московскихъ князей. Опускать имя князя могла ихъ удерживать мысль, что можетъ быть завтра, по приказанію хана, данный князь не будетъ «великій», и что, слѣдовательно, въ видѣ монеты останется знакъ, на который иронически будетъ указывать болѣе счастливый соперникъ.

Всѣ эти соображенія имѣютъ конечно силу только при условіи, чго князья очень слѣдили за тѣмъ, что и какъ печатаютъ монетчики на деньгахъ. Но, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего подобнаго не было, и всѣ эти присутствія или отсутствія титульныхъ и именныхъ обозначеній есть естественное послѣдствіе неустановившейся еще формы монеты, или того, что́ должно стоять на монетѣ. Впослѣдствіи времени, князья конечно обратили вниманіе на неупорядоченность этого дѣла, или денежники сами начали придерживаться нѣкоторыхъ общихъ правилъ, но только и впослѣдствіи, какъ увидимъ, работа ихъ имѣетъ множество и самыхъ крупныхъ дефектовъ, и ни изъ чего не видно, чтобы была подчинена строгому контролю. Самое бо́льшее, что нужно допустить относительно воздѣйствія князей на чеканку монеты, это—отдачу общаго приказанія о чеканкѣ монеты и общаго же распоряженія, чтобы на ней была надпись, свидѣтельствующая о ея принадлежности опредѣленному князю. Всѣ же остальныя детали принадлежали находчивости, вкусу и вообще выбору техника, мастера-рѣзчика штемпеля. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что это именно такъ было, служитъ фактъ существованія монетъ, несомнѣнно принадлежащихъ Тверскому великому князю, Борису Александровичу, на которыхъ титула «великій» не выставлено. Таковы напр. описанные ниже №№ 159, 162, 164, 228—230. Какія причины побуждали денежниковъ пропускать этотъ титулъ, конечно мы не знаемъ—вся вѣроятность, что тутъ ни-

какихъ причинъ не было, и пропускали просто по небрежности, случайно,—но доколѣ предъ нами фактъ дѣйствительнаго его опущенія, и притомъ въ отношеніи князя, у котораго этотъ титулъ выставлялся на большей части его денегъ, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ права отрицать подлинность монеты, только на этомъ основаніи.

Что-же касается историческихъ данныхъ, которыя-бы могли пролить нѣкоторый свѣтъ на употребленіе титула «великій» и то и здѣсь мы находимъ не болѣе опредѣленности. Общее въ этихъ данныхъ то, что многіе князья любили именоваться великими, въ томъ числѣ даже и тѣ, которые на самомъ дѣлѣ великими никогда не были. Всѣ Тверскіе князья назывались великими вплодь до Михаила Борисовича включительно. Также и Московскіе, съ тѣмъ только исключеніемъ, что одинъ изъ нихъ Симеонъ Гордый, въ 1341 году прибавилъ къ своему титулу еще «всея Руси». Въ 1371 г., Димитрій Ивановичъ, однако, снова пишетъ только: «печать князя великаго Димитрія» (Собр. Г. Гр. Т. I, стр. 51). И только уже въ 1389 году, когда онъ побѣдилъ своего соперника Михаила Александровича, онъ прибавилъ къ своему титулу «всея Руси» (См. Карамз. V. 116 и С. Г. Гр. стр. 62). Но извѣстно, что и Галицкіе князья также титуловались «князьями всея Руси» (И. Г. Р. Карамз. IV, стр. 268), а просто «великими» назывались даже такіе, какъ удѣльный князь Андрей Димитріевичъ Можайскій (Акты истор. I. № 32).

Что-же касается присутствія на монетахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, татарской тамги или татарской надписи, то она нисколько непротиворѣчитъ фактамъ княженія Михаила Александровича. Мы выше уже объяснили, что, пока Тверской и Московскій князья спорили между собой о великокняженіи, доколѣ у нихъ шла кровавая борьба изъ за этого, до тѣхъ поръ оба они употребляли всѣ средства, чтобы угодить въ Ордѣ—частныя поѣздки, дары, а также и тамгу, какъ знакъ этого угодничества. Но какъ только стало для Тверскихъ князей ясно, что сила осталась за противной стороной, такъ они рѣшительно порвали всякія отношенія къ Ордѣ и уничтожили на своихъ деньгамъ знаки своего прежняго униженія и раболѣпства. Съ Ивана Михайловича всѣ Тверскія деньги уже не носятъ этого клейма и—вся вѣроятность «что мѣдный пулъ съ надписью «Михайла Тевирджи» относится къ Михаилу Александровичу, а не къ Михаилу Борисовичу, такъ какъ невозможно допустить, чтобы въ то время, когда совсѣмъ нечего было ожидать отъ Татаръ, когда внѣшнее могущество ихъ было равно нулю, и когда

самъ Михаилъ Борисовичъ былъ союзникомъ Москвы, онъ допустилъ даже простую татарскую надпись на своей деньгѣ. Имѣя все это въ виду, мы не находимъ никакихъ основаній для отрицанія денегъ Тверского великаго князя Михаила Александровича и примыкаемъ къ тѣмъ нумизматамъ (большинству), которые признаютъ ихъ и описываютъ въ своихъ каталогахъ. Деньги эти слѣдующія.

Типъ I.

Человѣкъ съ сѣкирою и звѣрекъ.

1. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ, съ лицомъ, обращеннымъ влѣво; въ правой рукѣ держитъ сѣкиру, а въ лѣвой—мечъ; предъ нимъ профиль головы вправо; между мечемъ и сѣкирою замѣтна буква ꙁ, а подъ лѣвой рукой человѣка буква є, поставленная такъ, что похожа и на ѡ. Линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: ...атькм͡нхаил. (Буквы м и н, какъ показываетъ знакъ, написаны слитно).

Обр. ст. Четыреугольная, продолговатая рамка, съ клѣточными украшеніями по сторонамъ; внутри ея—изображеніе звѣрька влѣво, съ хвостомъ, пропущеннымъ между заднихъ ногъ и оканчивающимся въ видѣ трезубца. Во рту звѣрекъ держитъ какой то предметъ. Надъ спиною его тамга (два продолговатыхъ овала, наложенныхъ одинъ на другой подъ прямымъ угломъ).

Описана Чертковымъ подъ № 143. Табл. VIII. ф. 1. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: «надпись должно читать: *(печ)ать к(нязя) Михаила.* Хотя по одному имени нельзя утверждать, чтобы монета была великаго князя Михаила Александровича Тверского, но мы имѣли въ рукахъ другую (совершенно сходную), на которой въ надписи видно было еще: лєк (отъ *Олександровичъ*). Въ большее подтвержденіе укажемъ на вѣсъ (14 гранъ) общій русскимъ монетамъ XIV вѣка. Четвероногое съ хвостомъ вь видѣ трезубца (или французской лиліи) увидимъ на многихъ Тверскихъ монетахъ». Шодуаръ подъ № 3111 описываетъ такую же монету, но буквы онъ читаетъ какъ N и ѡ, при чемъ одна поставлена надъ другой слѣдующимъ образомъ ѯ. На другой монетѣ, совершенно подобной, онъ читаетъ надпись: ...ать.к.михаил..лєк.. Табл. 53. р. 8.

2. 2) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но надпись: пєvатькмiхаилобаж, и нѣтъ буквъ ꙁ и ѡ.

Обр. ст. Тоже, но тамги не видно.

Описана Шубертомъ подъ № 2 и въ его франц. каталогѣ подъ № 168. Эта же монета описана Reichel'емъ подъ № 4375. Надпись у него передается: пєvать....оба≠vоба

(буква Ж имѣетъ особенную форму и скорѣе походитъ на знакъ, чѣмъ на букву). Описывается же монета такъ: Links gewendetes Brustbild, mit Schwert und Streitaxt, vor ihm ein abgehauener Kopf. Rs. Vierecke von Gitterwerk umgeben, in welchem ein nach links gewendetes Thier, mit einem Schweife, der in eine Lilie endigt. Ueber dem Rücken. Знакъ тамги. 21 Doli. Кромѣ того онъ замѣчаетъ: Diese Aufschrift ist nicht zu deuten.

Если принять, что буква Ж, по своей особенной формѣ, не есть буква, а просто знакъ, отдѣляющій одно слово отъ другого, то въ послѣднихъ двухъ слогахъ можно читать окончаніе отчества Михаила Александровича, въ формѣ: Александрович*ова*. Примѣры самыхъ оригинальныхъ сокращеній именъ и отчествъ встрѣтимъ ниже во множествѣ.

3. 3) *Лиц. ст.* Вѣроятно тоже самое, что и чеканъ № 1, но надпись: ПЄУАТЬМНХАНЛОКАЖУОКА, т. е. нѣтъ буквы к и въ слогѣ мн стоитъ н, а не і.

Обр. ст. Вѣроятно тоже, что № 1.

Надпись прочитана Орѣшниковымъ на экземплярѣ, находящемся въ собраніи гр. Толстого. См. его № 833.

4. 4) *Лиц. ст.* «Четыреугольная рамочка съ украшеніями; въ срединѣ четвероногое, идущее направо; хвостъ загнутый; на спинѣ что то въ видѣ трезубца; съ верху и по бокамъ по двѣ точки.

Обр. ст. Арабская надпись. Во французск. изданіи: L'imitation d'une légende arabe».

Описаніе заимствовано у Шуберта, см. № 2а или 470, во франц. изд. № 169. Въ рус. изд. есть еще примѣчаніе: «Арабская надпись—безобразная копія, которую съ точностію опредѣлить невозможно; хотя на этой монетѣ не видятъ имени великаго князя, но по совершенному сходству изображенія животнаго съ № 2 (Шуб.), я ее приписалъ в. к. Михаилу Александровичу. Гиль приравниваетъ къ этой монетѣ № 398 франц. кат. Шуберта. См. Quelques remarques sur la collection Schubert. S. Petersb. 1880). Сонцовъ тоже говоритъ, что и Шубертъ: «надписи русской хотя и нѣтъ, но судя по типу, который встрѣчается на монетахъ Михаила Александровича—можно отнести ее съ достовѣрностію къ этому князю». (Деньги и пулы. М. 1860. стр. 25. Табл. II. р. 13). Г. Чапскій тоже самую монету описываетъ подъ № 348, при чемъ въ его описаніи обратной стороны еще замѣчено: «въ двойномъ четыреугольникѣ изъ черты и бусъ арабская легенда съ тамгою особаго вида. Хотя нѣтъ на этой деньгѣ имени великаго князя, но судя по типу, который только встрѣчается на монетахъ Михаила Александровича вел. к. Тверского (1367—1399) можно съ достовѣрностію отнести ее къ этому князю». Орѣшниковъ отнесъ эту деньгу въ разрядъ безъимянныхъ. Въ Тв. Музеѣ есть такая монета въ р. № 7. C^2. В. 1,00. Д. 14—$15^1/_2$. Она сходна съ изображенною у Сонцова, на Таб. II. подъ № 13. Рис. № 2.

Къ числу денегъ Михаила Александровича мы *предположительно* еще отнесли бы деньгу, описанную г. Орѣшниковымъ подъ № 832. Его описаніе этой деньги слѣдующее: *Лиц. ст.* «Поясное изображеніе человѣка съ топоромъ и мечемъ влѣво; передъ мечемъ въ полѣ монеты предметъ въ видѣ волнистой линіи; круговая надпись между линейными ободками: пє...дрока. *Обр. ст.* Четвероногое животное съ широко раскрытымъ ртомъ и съ высунутымъ раздвоеннымъ языкомъ, на лапахъ по нѣсколько пальцевъ; длинный хвостъ, проходя между задними ногами, возвышается надъ спиною; конецъ его имѣетъ форму трилистника; справа, вверху, украшеніе, въ видѣ завитка; изображеніе въ четыреугольной рамкѣ среди линейнаго круга; пространство между линіями рамки и круга заполнено узловымъ орнаментомъ». Г. Орѣшниковъ относитъ эту деньгу къ неизвѣстному Ростовскому князю Александру. Намъ кажется гораздо справедливѣе отнести ее къ Михаилу Александровичу, считая, что недостающія буквы въ надписи лицевой стороны заключаютъ имя этого князя, а слово дрока означаетъ окончаніе его отчества. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и характеръ изображенія и надпись, которыя весьма сходны съ вышеописанными деньгами Михаила Александровича.

Глава II.

Деньги великаго князя Ивана Михаиловича.

Со времени вступленія на Тверской великокняжескій столъ Ивана Михаиловича, сына Михаила Александровича, чеканка тверскихъ денегъ твердо устанавливается: деньги получаютъ опредѣленную, однообразную форму (почти круглую), однообразный вѣсъ (въ среднемъ до 0.54 гр.) и опредѣленное качество (приблизительно 72 пробы). Затѣмъ, единственный типъ, бывшій въ употребленіи при Михаилѣ Александровичѣ ушестеряется; на происхожденіе новыхъ образцовъ имѣютъ сильное вліяніе съ одной стороны западно-европейскія деньги, съ другой восточно-татарскія. Нужно полагать, что при воспроизведеніи чужестранныхъ образцовъ, Тверскіе чеканщики обнаруживаютъ и нѣкоторую долю

самостоятельности и даютъ нѣкоторые оригинальные образцы. Затѣмъ, замѣчается полное изчезновеніе татарскихъ надписей, продолжающееся потомъ до конца самостоятельнаго существованія Тверского княжества. Вникая въ подробности, замѣчаемъ, что имя князя выставляется на монетѣ болѣе или менѣе полно и въ самыхъ разнообразныхъ транскрипціяхъ. Это разнообразіе транскрипцій болѣе всего свойственное именно этому князю, свидѣтельствуетъ о новизнѣ дѣла въ рукахъ Тверскихъ мастеровъ. На то же указываетъ несмѣлость руки, нетвердость рѣзца, и неустановившіяся формы въ правописаніи (ошибки и лишнія буквы). На самостоятельность же мастеровъ можемъ указывать выставленіе лишнихъ буквъ, которыя могутъ означать иниціалы именъ этихъ мастеровъ. Къ таковымъ буквамъ напр., могли-бы быть отнесены слѣдующія: ря, ѝк и і.

Деньги Ивана Михайловича могутъ быть раздѣлены, какъ выше сказано, на три группы: 1-ую, къ которой принадлежатъ типы, на происхожденіе которыхъ очевидно имѣли вліяніе западно-европейскіе образцы, 2-ю, происхожденіемъ своимъ обязанную преобладающему восточному вліянію и 3-ю къ которой могутъ быть отнесены типы смѣшанные, или оригинальные—Тверскіе. Къ первой группѣ относятся слѣдующіе: *лиц. ст.*—голова человѣка въ коронѣ, *обратная*—поясная фигура человѣка, 2) *лиц. ст.*—человѣкъ бѣгущій съ копьемъ въ рукѣ, *обрат.*—поясная фигура человѣка въ плащѣ, 3) *лиц. ст.*—звѣрекъ вправо, *обратн.*—человѣкъ въ широкополой шляпѣ съ мечемъ и копьемъ въ рукахъ; ко второй: 1) *лиц. ст.*—крылатый кентавръ влѣво, *обрат.*—надпись; къ третьей: 1) *лиц. ст.*—голова человѣка влѣво, *обратная*—звѣрекъ влѣво и 2) *лиц. ст.*—сцена охоты на медвѣдя, *обр. ст.*—надпись.

Которая изъ перечисленныхъ группъ появилась ранѣе, и которая появилась послѣ—вопросъ трудноразрѣшимый при современныхъ средствахъ науки. Но судя по тому, что манера рѣзца въ каждой изъ этихъ группъ довольно различна, есть возможность предположить, что типы, принадлежащіе къ различнымъ группамъ чеканились одновременно, что въ свою очередь предполагаетъ нѣсколько лицъ, которыя были заняты этимъ дѣломъ, въ томъ числѣ одни могли быть мастера учители—вѣроятно иностранцы, другіе—учившіеся у нихъ Тверичи. Существованіе Тверскихъ чеканщиковъ безусловно необходимо допустить на основаніи указанныхъ особенностей рѣзца: нетвердость его, неправильность и элементарность рисунка ясно обличаютъ подражателя ино-

странному образцу, хотя и не рабскаго подражателя буквѣ чужаго рисунка, а желающаго по этому образцу выкроить что-то и свое. Таковъ напр. типъ 1-й 3-й группы. Тверскому мастеру, вѣроятно, непонравилось нѣмецкое обличье князя, (en face) и въ нѣмецкой шляпѣ, и вотъ онъ самостоятельно вырѣзалъ голову князя (допустимъ, что это князь, хотя конечно это допускается только въ видѣ догадки) въ профиль, весьма элементарными и грубыми штрихами, и безъ шапки, а звѣрька—такъ, какъ былъ вырѣзанъ на монетѣ нѣмецкаго издѣлія, почему у него получилось изображеніе въ обратную сторону, т. е. влѣво. Этотъ типъ не пошелъ въ ходъ, потому-ли, что не понравился князю или разонравился самому изобрѣтателю, только монета этого типа встрѣчается очень рѣдко. Другой типъ той же группы—изображеніе охоты—чисто русскій сюжетъ, и техника его выполненія еще болѣе обличаетъ мастера-тверича. Правда, могутъ возразить, что существуютъ Арсакидскія и Ахименидскія монеты или Польскія династіи Пяста съ подобнымъ же сюжетомъ, но стоитъ только сравнить тѣ и другія, чтобы убѣдиться въ значительномъ различіи тѣхъ, другихъ и третьихъ. Въ отношеніи послѣдняго типа еще несомнѣнно, что онъ хронологически долженъ быть послѣднимъ въ княженіе Ивана Михайловича. Доказательствомъ этого, правда не вполнѣ строгимъ, можетъ служить то, что типъ этотъ продолжаетъ чеканиться при преемникѣ этого князя, Борисѣ Александровичѣ, но уже съ именемъ этого князя, и слѣдовательно, онъ долженъ быть однимъ изъ первыхъ въ его княженіе. Фактъ этотъ впервые замѣченъ г. Орѣшниковымъ, который въ соотвѣтствіи съ нимъ и расположилъ деньги обоихъ князей въ своемъ каталогѣ, и мы не имѣемъ никакихъ основаній не присоединиться къ его точкѣ зрѣнія на дѣло.

Послѣдовательность чекановъ внутри типовъ еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ послѣдовательность типовъ, за неимѣніемъ для сего какихъ либо основаній. Впрочемъ въ этомъ кажется и нѣтъ никакого существеннаго ущерба для дѣла, потому что 24 года княженія Ивана Михайловича—слишкомъ малый срокъ, чтобы въ теченіе его могли бы совершиться такія измѣненія въ чеканномъ искусствѣ, которыя-бы могли служить основаніемъ для болѣе или менѣе важныхъ научныхъ выводовъ.

Изъ времени Ивана Михайловича дошло до насъ 6 типовъ серебряныхъ денегъ, дѣлящихся на разновидности или чеканы, къ описанію которыхъ мы и приступимъ.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ I.

Голова человѣка въ коронѣ.

5. 1) *Лиц. ст.* Голова человѣка впрямь (en face), въ коронѣ, или остроконечной шапкѣ; линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: печатькиѧзѧвелик.

Обр. ст. Человѣкъ стоя, съ непокрытой головой, впрямь; въ правой рукѣ держитъ мечъ, тыльной стороной клинка прикасающійся къ правому плечу, а лѣвой опирающійся на копье или трость; линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: иванамихаиловича.

С². В. 0,56. Д. 11½. Т. К.

Описана у Шодуара подъ № 3115; вѣсъ 14 долей. У Шуберта описана подъ № 3 (170 во франц.). Въ описаніи его есть неточности: такъ надпись *лиц. ст.* прочитана имъ не съ того слова, съ котораго слѣдовало бы начать чтеніе (съ верха изображенія), отчего у него получилось: кнѧzѧвеликпечат; *на обр. ст.* человѣкъ *стоящій*, что невѣрно; въ лѣвой рукѣ *кинжалъ*—тоже невѣрно; въ надписи обр. ст. 4-я буква съ начала транскрибируется какъ N; вѣсъ въ 3 экз. рус. кат. 34 доли, въ 4-хъ франц. к. 2,00 (0,50). R. Reichel описываетъ лицевую сторону, какъ Kopf von vorne, in einer kleinen dreieckigen Mütze, а обр.—какъ Brustbild von vorne u. s. w. № 3804—3808. См. рис. 3.

6. 2) Рейхель описываетъ два экземпляра того же типа, но съ варіантами въ надписяхъ съ обѣихъ сторонъ, именно, на *лиц. ст.* одного экземпляра онъ читаетъ: печатькнѧзавелн҃кого, а на *обратной*: іванамихаиловича.

№ 3804—3808.

7. 3) На другомъ экземплярѣ у него же читается съ *лиц. ст.*: печатьквеликого.

См. того же № drittes Exemplar.

8. 4) У Черткова описывается подобный экземпляръ, но съ слѣдующей разницей: на *лиц. ст.* читается: печатьвели҃когокнѧzѧ, т. е. слово «великого» стоитъ раньше «князя», а буквы, ик какъ показы-

ваетъ знакъ, вырѣзаны слитно; на *обр. ст.* въ словѣ «ивана» буква «н» вырѣзана какъ N, а не и.

См. его «Описаніе»... № 144. (Табл. VIII. ф. 2). Сонцовъ, ссылаясь на Черткова и не приводя своего рисунка тѣ же надписи читаетъ почему то иначе, именно: *на лиц. ст.* ПЄVАТЬВЄЛНККNѦZѦ, *на обр.* NВАNАХАН. В. 10 гр. См. № 5. Стр. 26. У Сахарова на рисункѣ деньги этого чекана почему то читается: НВАN....ІИЛОВИVАІ. См. Табл. V. ф. 3. Имъ же, подъ № 6, указывается еще на чеканъ, на которомъ на обѣихъ сторонахъ м. тѣ же самыя изображенія, но надписи около нихъ поставлены «на выворотъ». Не ставимъ редакціи Сонцова и Сахарова, какъ особые чеканы, потому что описанія этихъ нумизматовъ, почти повсюду, неточны и неопредѣленны.

9. 5) У Шодуара описывается та же монета, но на *лиц. ст.* надпись читаемъ: ПЄVАТЬВЄЛ҃ИК҃ОГОКNѦZѦ, на *обр. ст.*: И҃ВАНАМИХАИЛОВИVА.

Шодуаръ. № 3114. (Слитнописаніе К и О рѣдко).

10. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Изъ надписи видно только: ПЄV...ОГОКNѦZѦ. *Обр. ст.* Среди линейныхъ ободковъ надпись, состоящая изъ буквъ, обращенныхъ вершинами то вверхъ, то внизъ: ...ВАNОNОВИVА...

Происходитъ изъ Тверского клада, и описана Орѣшниковымъ въ «Матеріалахъ къ Русс. нумизматикѣ». М. 1901. Стр. 11, подъ № 1 ($10^1/_2$ д.). Авторъ думаетъ, что на этой деньгѣ Иванъ Михайловичъ ошибочно названъ Иваномъ Ивановичемъ. Объясненіе намъ кажется нѣсколько поспѣшнымъ. 1) На приложенномъ фототипич. рисункѣ, можно прочесть и ...АНЬНОВИVА... т. е. получимъ искаженіе чрезъ вставку лишняго Ь и замѣну Λ буквою Н, того же имени: «Михайловича». 2) Если чтеніе «Ивановича» вѣрно, то ошибка ли это? У Ивана Михайловича, извѣстно, были трое сыновей: Александръ, *Иванъ* и Юрій (см. Родослов. № 1 въ прилож. у Борзаковскаго). Ивана Ивановича въ 1406 г. отецъ посылалъ на Плаву (Карамз. V, пр. 198). Деньги Александра Ивановича Городенскаго извѣстны. Не было ли денегъ и Ивана Ивановича Городенскаго? Весь вопросъ въ неизвѣстности, какими путями внукъ Ивана Михайловича Борисъ Александровичъ занялъ Тверское княженіе помимо Ивана Ивановича и Ивана Юрьевича. По мнѣнію Борзаковскаго тутъ дѣло не обошлось безъ борьбы. Цит. соч. стр. 191. Кромѣ того, намъ кажется, необходимо сравнить описываемую деньгу еще съ опубликованною Рейхелемъ въ Доп. къ Р. Н., № 36 въ числѣ неопредѣленныхъ, или подъ № 4376, гдѣ она описывается такъ: In einem Perlkreise Mann, der ein Pfeil abschiesst. Rs...ВАNІВАN (rückwärts zu lesen). In einem Kreise, nach links gewendetes Thier, über welchem drei Punkte. 15 Doli. Объ этой деньгѣ онъ замѣчаетъ: Denga eines Fürsten der, wie es scheint, Iwan Iwanowitsch geheissen hat, nach Form könnte es vielleicht eine Denga des Resanschen Fürsten dieses Namens sein». Ссылки на таблицу нѣтъ, между тѣмъ несомнѣнно именно эта монета изображена на Taf. VII. № 96. Правда, что *типъ* описываемый Рейхелемъ не подходитъ къ тому, по поводу котораго у насъ идетъ рѣчь о деньгахъ Ивана Ивановича, но

несомнѣнно и то, что Рейхелевскій типъ безусловно не подходитъ и къ деньгамъ Рязанскаго княжества. Между тѣмъ типъ стрѣлка—одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ тверскомъ княжествѣ во время самое ближайшее къ Ивану Михайловичу, и слѣдовательно еще болѣе ближайшее къ Ивану Ивановичу, относительно котораго мы думаемъ, не былъ ли онъ Городенскимъ княземъ, и не ему ли принадлежитъ разсматриваемая деньга, хотя она и другого типа? Замѣчаніе Рейхеля, затѣмъ, rückwärts zu lesen, наводитъ на мысль не о Рейхелевской ли монетѣ идетъ рѣчь у Сахарова, когда онъ говоритъ, что надписи поставлены «на выворотъ»? См. выше, чеканъ № 4. Наконецъ, если принять во вниманіе, что Шодуаръ прямо говоритъ о деньгахъ *Ивана Михайловича* съ изображеніемъ стрѣлка (см. № 3113), то должно придти къ заключенію, что въ вопросѣ о разсматриваемой деньгѣ есть неясность, еще ждущая своего разрѣшенія.

11. 7) Если въ «Описаніе» Шуберта не вкралось ошибки, то въ описанной имъ подъ № 4 (фр. № 171) монетѣ можно видѣть новый варіантъ описываемаго типа. Здѣсь на *лиц. ст.* читается: ПЕVАТЬ-КЕЛІКОГОКНѦZѦ, хотя ссылка на Чертк. № 144 и Ch. № 3114.

12. 8) На экземплярѣ деньги того же типа, описанной Рейхелемъ, читаемъ съ *лиц. ст.*: ПЕVАТЬКЕЛИКОГОКНѦZ.

См. его zweites Exemplar, № 3804—3808.

13. 9) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Тоже, но болѣе мелкимъ шрифтомъ надпись: ИКЧІ...-ХАНЛОКИVАЙК. Послѣднія двѣ буквы можетъ быть означаютъ имя денежника.

С². В. 0,62. Д. 11—12. Н. С.

Вѣроятно подобный же экземпляръ находится въ Тверскомъ Музеѣ. Рамка 3, № 342, В. 0,50. Д. 10—11½, но С³ не позволяетъ съ точностію его опредѣлить.

14. 10) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе. Надпись въ двухъ линейныхъ ободкахъ: ПЕV...ѦКЕЛИ̂КОГ.

Обр. ст. Человѣкъ, стоящій впрямь, и опирающійся на *копье*, а въ правой держащій мечъ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ трудно читаемая надпись: ...И...АИДКVА.

С². В. 0,59. Д. 11—11½. Т. М. р. № 7, со ссылкою на 144 № Чертк.

Особенность чекана заключается а) въ томъ, что въ концѣ надписи на *лиц. ст.* есть

лишняя буква Г, б) на *обр. ст.* изображеніе человѣка нѣсколько иного вида и в) есть сокращеніе въ надписи: Михайл(о)в(и)ча. Рис. 4.

15. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ѥелнкогокл...ѧ...

Обр. ст. У человѣка видны ноги вправо; въ лѣвой рукѣ копье. Надпись: нвапомиха...оинуаря.

С². В. 0,62. Д. 12—13. Н. С.

Послѣднія двѣ буквы на обр. ст. можетъ быть означаютъ имя мастера. См. рис. 5.

16. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пе.....ик.....ѧз.

Обр. ст. Различить можно только двѣ буквы: ....мн....

С.*лиц.*² *обр.*³. В. 0,43. Д. 11—12. Т. М. р. № 1 со ссылкою на 144 № Чертк.

На подобномъ экземплярѣ НС. надпись на *лиц. ст.* читается: пеуать....окнѧз (послѣдняя буква вырѣзана на оборотъ); *обр. ст.* человѣкъ впрямь до колѣнъ; въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой копье. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: п....унсана. С². В. 0,60. Д. 12—13. Еще подобный же экземпляръ въ Тверскомъ Музеѣ, Р. 4, № 342, по отчету Музея за 1888 годъ. На немъ на *обр. ст.* видны нижнія половины слова «Ивана и Ми.....» С². В. 0.62. Д. 12—13. См. р. 6.

17. 13) *Лиц. ст.* Тоже. Изъ надписи видно только: ..гокнѧзи...

Обр. ст. Фигура человѣка до колѣнъ; въ правой рукѣ держитъ мечъ на плечѣ, а лѣвой опирается на копье. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ....к н ч н к ч н.... изъ тонкихъ и рѣдко поставленныхъ буквъ. 3-я и 6-я буквы—особеннымъ образомъ вырѣзанное а.

С². В. 0,59. Д. 12—13. Н. С.

Особенность: присутствіе слова «князь» на *обр. ст.*, гдѣ его, судя по вышеперечисленнымъ чеканамъ, не должно быть. Рис. 7.

18. 14) *Лиц. ст.* Тоже. Изъ надписи видно только: ...ьѥели...

Обр. ст. Тоже, что предыдущій №. Надпись: пеу....іа.

С³. В. 0,43. Д. 12. Т. М. р. 1.

Монета пробитая и испорченная. Въ рамкѣ, гдѣ она находится въ Тверскомъ Музеѣ есть ссылка съ одной стороны стекла на 144 № Чертк. съ другой на 146. Особенность монеты въ томъ, что надпись «печать» стоитъ, повидимому, на обѣихъ ея сторонахъ.

19. 15) *Лиц. ст.* Поясное изображеніе человѣка. Изъ надписи видно только: ПЕVА...ѦКЕЛИ...

Обр. ст. Тоже, что чеканъ *лиц. ст.* № 1. Подъ шапкой съ лѣвой стороны головы двѣ точки. Надпись въ двойномъ линейномъ ободкѣ особеннымъ шрифтомъ: ...ИVМИХАНЛОКИ...

С². В. 0,56. Д. 11½—13. Т. К.

Особенность: перенесеніе изображенія съ *лицевой ст.* на *обратную* и съ *обратной* на *лицевую*. Такъ, думаемъ, нужно понимать, потому, что слово ПЕVАЧЬ, судя по предыдущимъ чеканамъ, вездѣ пріурочено къ лицевой сторонѣ. Чанскій № 47 и Орѣшниковъ № 95, наоборотъ, сочли возможнымъ перемѣстить надпись: съ *обратной* стороны на *лицевую* и обратно. Въ Н. С. есть подобный экземпляръ съ рѣзко очерченнымъ изображеніемъ на *лиц. ст.* Надпись: ...ИѦZѦЬЕЛІІ...; на *обр. ст.* надпись въ двухъ линейныхъ ободкахъ: ИЬANAM.. ЬНУ. С². В. 0,56. Д. 11½—13. Рис. 8.

Типъ II.

Человѣкъ, бѣгущій съ оружіемъ.

20. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ въ шляпѣ, бѣгущій вправо, съ мечемъ въ правой рукѣ и съ копьемъ въ лѣвой. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ..ѵкхѦZ... съ правой стороны фигуры.

Обр. ст. Поясное изображеніе человѣка съ покрытой головой, въ плащѣ. Изъ надписи въ двухъ линейныхъ ободкахъ видно только: ИАКХZ, съ задней стороны фигуры. (Судя по другимъ экземплярамъ, впереди фигуры и внутри внутренняго ободка должны быть буквы: АЪ).

С². В. 0,58. Д. 11—12. Т. М. р. 8. № 1092.

Въ «Описаніи Тверского Музея» Жизневскаго, подъ вышеуказаннымъ № сдѣлана ссылка на Черткова, № 427. Табл. Н. ф. 5 и Сонцова Табл. XIII, ф. 135. Первая ссылка вѣрная, вторая—совершенно не вѣрная, потому что тамъ изображена совершенно иная монета. Въ Музеѣ есть еще экземпляръ этой монеты въ р. 12, подъ № 402, но С³; надписи на *лиц. ст.* не видно, на *обр.*—видно только АР, съ лѣвой стороны фигуры. В. 0,50. Д. 11.

Чертковъ описываетъ эту монету, подъ вышеуказаннымъ №, въ числѣ монетъ «неопредѣленныхъ и съ надписями стертыми», что однако не мѣшаетъ ей быть безъ всякаго сомнѣнія деньгою Тверск. князя Ивана Михайловича. На *лиц. ст.* онъ читаетъ: ПЕVАКНѦ...ИХАИЛ; написанное на *обр.*—онъ почему то не прочелъ и сказалъ только: «остатки русской надписи». На рисункѣ же его ясно видно: КИИAZНН... (при чемъ Z вырѣзано въ обратную сторону). У Брыкина находился лучшій экземпляръ и онъ на *лиц. ст.* прочелъ: «печать князя велікаго Ивана», а на *обр.*—«Михаиловича. Деньга Тверская». (См. Древности. Археологич. Вѣстникъ. 1867. I—II, стр. 13). Поправку его можно считать вѣрною, потому что мы испытывали на

дѣлѣ вѣрность его поправокъ на другихъ монетахъ. На монетѣ Черткова, кромѣ того, впереди поднятой руки фигуры ясно видны буквы ΛѢ. Что онѣ означаютъ—трудно сказать. Шубертъ описываетъ подобную же монету, и въ чтеніи надписей согласенъ съ Чертковымъ. На *лиц. ст.* онъ читаетъ: IKOИБΛNΛMИX..., а на *обр.* отмѣчаетъ буквы ΛѢ. См. его № 5. Фр. кат. № 174. В. въ 2 экз. 29 д. (во франц. въ 3 экз. 1,76 (0,59). Орѣшн. № 101.

21. 2) Если довѣрять описанію Сонцова, то въ его экземплярѣ мы должны признать новую разновидность описываемаго типа. На *лиц. ст.* онъ читаетъ: ПEVΛΤЬKZѦБEΛKOXБΛN, на *оборотѣ* ничего не читаетъ, но на рисункѣ (литографическомъ) видны буквы ИПVЬ·I. Стр. 26. № 9. Табл. XI. ф. 90.

22. 3) У Чапскаго монета описана такъ, что позволяетъ подозрѣвать существованіе еще новаго чекана. На *обр. ст.* онъ читаетъ: IΛБH..., что не подходитъ ни къ одному изъ вышеописанныхъ чтеній. Ближе всѣхъ его чтеніе подходитъ къ редакціи монеты Тв. М., но у него стоитъ x, а не н. Кромѣ сего, добавочныя буквы впереди фигуры на *обр. ст.* онъ читаетъ мѣ, а не лѣ. Жаль, что авторъ не приложилъ рисунка своего экземпляра.

Типъ III.

Звѣрекъ вправо.

23. 1) *Лиц. ст.* Звѣрекъ вправо, съ обращенной назадъ головой и поднятымъ кверху хвостомъ. Линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: ПEVΛI....ѦБEΛЙK.

Обр. ст. Человѣкъ во весь ростъ, въ широкополой шляпѣ, опирающійся правой рукой на копье, которое онъ держитъ вертикально, а лѣвой на овальный щитъ. Линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: ...IXIΛHΛOБИV...

C². В. 0,62. Д. 12—13. Т. К.

Подобная монета есть въ Тв. М. въ р. № 3 подъ № 344; на ней надпись, на *лиц. ст.* ПEVΛΤЬKNѦБEΛ.O., на *обр. ст.* ...ΛOKHV. C². В. 0,57. Д. 11—13.

Въ Тв. М. есть еще 5 монетъ этого типа и чекана, именно: р. 3, безъ №, C³. В. 0,43. Д. 11—12; р. 4, № 345. C². В. 0,62. Д. 11—14; р. 1, безъ №, C³. В. 0,43. Д. 10—12; р. 8, № 1086. C². В. 0,56. Д. 12—13 и р. 1, безъ №, съ отломанными краемъ и C³. В. 0,37.

Д. наибольшій 13. Послѣдняя монета сомнительна: на *обр. ст.* повидимому можно прочесть ЛИКИ, чего здѣсь не должно быть. Чертк. № 146. (Табл. VШ. ф. 3). Шод. 3119; Шуб. 6; Сах. 8; Сонц. 7 и 8; Чапскій 49. Послѣдній, вопреки всѣмъ нумизматамъ, и неправильно, считаетъ лицевою стороною обратную и обратно. Орѣшн. № 103.

24. 2) Вторымъ чеканомъ этого типа слѣдуетъ считать экземпляръ, описанный Рейхелемъ, на которомъ съ *лиц. ст.* читается: ПЕVАТЬ-КНѦZАКЕЛІЙКОГО, а на *обр.* НКАІАМИХАИЛОКИVА.

С. № 3809—3812.

25. 3) Третьимъ—описанный у него же, на которомъ стоитъ БЕЛNКГО, вм. БЕЛN̂КОГО.

Ibid.

26. 4) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но фигура звѣрька миніатюрнѣе. Рѣзко выпуклый линейный ободокъ. Надпись: ПЕVАІЬКНѦZМЬ неясными и неправильно стоящими буквами.

Обр. ст. Тоже изображеніе, но тоже, миніатюрное. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись, какъ на чеканѣ № 1.

C^2. В. 0,62. Д. 11—13. Т. К.

ВОСТОЧНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ IV.

Крылатый кентавръ.

27. 1) *Лиц. ст.* Кентавръ влѣво съ высоко поднятыми крыльями; точечный ободокъ.

Обр. ст. Круговая надпись безъ линій: КІ–КЕЛ...ОГОNКАNА, при чемъ послѣднія три буквы помѣщены внутри поля. Здѣсь же 5 или 6 точекъ.

C^2. В. 0,81. Д. 14. Т. М. р. 6. № 1294.

Описана Жизневскимъ въ качествѣ монеты неизвѣстной, хотя онъ склоненъ отнести ее къ числу Городенскихъ монетъ того же князя. Основаніемъ для этого ему служатъ будто бы буквы ГО, составленныя изъ точекъ внутри поля. На самомъ же дѣлѣ это только точки, и при

томъ совершенно неправильно расположенныя. Все обличіе монеты и ясная надпись по нашему мнѣнію ясно указываютъ на ея принадлежность Тверскому князю Ивану Михаиловичу. Эта же самая монета, позволимъ себѣ сказать предположительно, описана Рейхелемъ подъ № 4026 или въ «Дополн. къ рус. нумизм.» подъ № 31, съ вѣроятно ошибочнымъ отнесеніемъ ея къ князю Верейскому Михаилу Андреевичу 1432—1485. То, что онъ читаетъ ѡнд|р, намъ кажется, можно прочесть и ови|v, т. е. окончаніемъ отчества «Михайловича». Значительный вѣсъ монеты, однако, возбуждаетъ сильное недоумѣніе. См. рис. 9.

СМѢШАННЫЕ ТИПЫ.

Типъ V.

Голова человѣка (?) влѣво.

28. 1) *Лиц. ст.* Неясное изображеніе, повидимому, человѣческой головы, влѣво. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ видна часть надписи.....тьвелик..... На другомъ экземплярѣ: п.....диког|

Обр. ст. Грубое изображеніе звѣрька влѣво съ высунутымъ языкомъ и поднятымъ кверху хвостомъ. Надписи невидно. Линейный ободокъ.

С². В. 0,50 Д. 12—13. Т. М. р. 1. безъ №, со ссылкою на 148 № Чертк.

Чертковъ описываетъ эту монету подъ № 148. Надпись на *лиц. ст.* онъ читаетъ: пеvатьвели...., на *обр.* иванамих....вича. 9 гранъ. (Табл. VIII. р. 5). У Шод. этотъ типъ описанъ подъ № 3118. В. 12³/₅ д. Сонцовъ. № 6. Въ Т. М. въ р. 4. подъ № 344 надпись *обр. ст.* читается: ванiами...., въ линейномъ ободкѣ. Рис. 10.

29. 2) *Лиц. ст.* По мнѣнію Рейхеля здѣсь изображенъ Delphin, mit zusammengewundenem Schweif, а не голова человѣка. Надпись: пеvатькнѧзѧвеанкого.

Обр. ст. Звѣрекъ влѣво, съ широко раскрытою пастью и поднятымъ хвостомъ. Надпись: иванiамихаиловича. См. № 3816.

Что это особенный чеканъ доказываетъ а) транскрипція слова «великаго», б) слово это стоитъ послѣ слова князя. Что же касается рода изображенія, на лицевой сторонѣ, то Орѣшниковъ допускаетъ, что Рейхель ошибся въ его опредѣленіи (См. № 102). По его мнѣнію при нѣкоторомъ поворотѣ монеты голову человѣка можно принять за дельфина, «но положеніе монеты, на основаніи начала надписи, почти всегда помѣщаемой надъ изображеніемъ вверху, должно быть именно таково, какое я ей далъ, говоритъ Орѣшниковъ, на таблицѣ, по этому и изображеніе должно представлять неискусно вырѣзанную голову, а не дельфина» (М. къ Р. Н. стр. 13). Нужно однако сознаться, что и при томъ положеніи изображенія какое даетъ ему авторъ,

всетаки чрезвычайно трудно узнать въ немъ человѣческую фигуру. Мы его признаемъ таковымъ только предположительно, почему и въ заглавіи типа поставили знакъ: ?

30. 3) Третьимъ чеканомъ нужно признать монету, найденную въ Т. К. На ней на *лиц. ст.* надпись читается: .....ЬКNѦZѦБЕЛИ.....

Описана Орѣшник. въ М. къ Р. Н. № 2.

Типъ VI.

Сцена охоты на медвѣдя.

31. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, съ копьемъ въ правой рукѣ, которымъ онъ поражаетъ въ пасть стоящаго предъ нимъ на заднихъ лапахъ звѣря (по виду считаемаго медвѣдемъ); на этого же звѣря бросается собака, и какъ будто хочетъ схватить его за лапу. Видны слѣды ободка.

Обр. ст. Пятистрочная, нераздѣленная чертами, надпись: Р-IЕNV | ЛБЕЛНI | ОХNАИ |. IНХЧ V | БРY.

С². В. 0,62. Д. $12^1/_2$—$12^1/_2$. Т. К.

Оригинальная надпись на монетѣ хотя и неправильна, но довольно отчетлива, и допускала бы прочтеніе: ДIЕНГ | АБЕЛИК | ОГОКИ | МИХАИ | ЛYА, если бы сравненіе съ другими подобными экземплярами неубѣждало, что первая буква первой строки, какъ бы наклоненное Р, не есть неправильно вырѣзанное Ь и составляетъ окончаніе слова ПЕVАТЬ, которое должно бы стоять еще выше, но на данномъ экземплярѣ невышло. Тогда нужно бы сказать, что надпись шестистрочная. Съ другой стороны такой чеканъ, какъ № 4 (ниже) убѣждаетъ, что 6-ой строки повидимому и не должно быть. Рѣшеніе вопроса о числѣ строкъ въ этомъ чеканѣ очевидно надо предоставить будущему. Послѣ Ь три буквы есть неправильно вырѣзанныя: КNѦ. Рис. 11.

32. 2) *Лиц. ст.* Повидимому точное изображеніе того же самаго рисунка, какой описанъ въ предыдущемъ чеканѣ (точно отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя, потому что край монеты съ медвѣдемъ отломанъ).

Обр. ст. Пятистрочная безъ линій надпись въ линейномъ ободкѣ неправильно поставленными буквами: ЬIЕ | ..БЕЛ | ЛОN | ПХАП | БПV.

С³. В. 0,41. Д. 7—11. Т. М. р. 8.

Жизневскій, описаншій эту монету подъ № 1090, читаетъ эту надпись нѣсколько неточно, именно, какъ: ПЕѦ | ЬБЕЛ.ОНѦ | НХОН | БИV; нужно же читать, какъ у насъ приведено. Замѣчательна транскрипція буквы И, какъ П. У Жизневскаго ссылка на 525 № Черткова, очевидно не точная.

33. *Лиц. ст.* Подобное же изображеніе, но вверху рисунка виденъ еще топоръ, лезвіемъ внизъ, а рукояткой невидно куда. (Вѣроятно и на предыдущихъ чеканахъ есть это изображеніе, но или оно не отчеканилось, или недостаточная сохранность монеты непозволяетъ его видѣть).

Обр. ст. Пятистрочная безъ линій надпись, такими же неправильно поставленными буквами, какъ предыдущая, но нѣсколько иного содержанія: кnѧ|келпн|оьна|.пха|киv, въ линейномъ ободкѣ.

С². В 0,41. Д. 9—11. Монета съ отломанымъ краемъ. Т. М. р. 8.

Надпись можно прочесть: кня(зя) | велик(о) | (г)о И(ва)на | (М)иха(ило)вич(а) | . У Жизневскаго значится эта монета подъ № 1089 со ссылкою на Черткова № 525, очевидно, также неточною. Въ Т. М. есть еще таковая же монета, но С³. На *обр. ст.* надпись: .....|елпко|іьаxа|ихаи|.ьн. Ободка невидно. См. р. 8. № 1094, между тѣмъ по «Опис.» Жизневскаго подъ этимъ № должна быть совершенно иная монета и не сереб., а мѣдная. Какъ объяснить это обстоятельство—незнаемъ. Рис. 12.

34. 4) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: .....тькнѧ|бели|онбаn|хаил. В. 10 гранъ.

Описана Чертковымъ въ 3-мъ прибавленіи, подъ № 525 (Таб. XXX рис. 4) съ ограниченіемъ чтенія послѣдней строки надписи словомъ «кажется». Сонцовъ неизвѣстно на какихъ основаніяхъ читаетъ надпись на этой деньгѣ, какъ: печать|кнѧзѧ|белнкого|нbаnа|михаn. Стр. 26. № 4.

35. 5) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе.

Обр. ст. Надпись: .....лнкогоіь|аxамиха|лобнva|. В. 10 гр.

Описана Чертковымъ подъ № 147. (Табл. VIII. ф. 4). Перепечатка этой деньги у Сахар. № 3. (Табл. V. ф. 6).

36. 6) *Лиц. ст.* Съ трудомъ различаемое то же изображеніе; видны лучше собака и копье. Работа груба; чеканъ иной.

Обр. ст. Пятистрочная безъ линій надпись: .є...|ькоnѧ..|келпко|ибаnа|.ха...|

С. лиц. ³. обр. ². В. 0,59. Д. 12—14. Т. М. р. № 11.

Значится въ М. въ числѣ неопредѣленныхъ и безъ обозначенія №. Не есть-ли это та самая монета, которая описана Жизневскимъ подъ № 1093, но которой въ рамкахъ М. не-

оказывается на лицо? Описаніе ея у Ж. подходитъ къ нашему: онъ читаетъ на ней: ПЄ....| ТЬКОНѦ|БЄЛІКО|НКАН|ХА|... См. стр. 213. Рис. 13.

37. 7) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе.

Обр. ст. 5-строчная надпись, *раздѣленная линіями:* ПЄVАТЬ| КNѦZА|ВЄЛИКОГО|ИКАNАМІ|ХАИЛОВИЧ|. 14 д.

Монета описана Шодуаромъ подъ № 3112, со ссылкою на Черткова № 147 и другихъ. Но монета у Черткова, какъ мы уже видѣли (чек. 5), иного чекана.

38. 8) *Лиц. ст.* Reichel описываетъ ту же монету, но животное, которое поражается копьемъ, производитъ на него впечатлѣніе волка (Ein Mann mit einer Lanze, welche er einem Wolfe in der Rachen stösst).

Обр. ст. Семи строчная надпись: ПЄVАТЬ|КNѦZѦБЄ|ЛІКОГОІВ|АNАМИ-ХА|ИЛОВИVА|РМ.

Описана авторомъ подъ № 3813—3814. Вѣсъ 14½ д. и R². Послѣднія двѣ буквы надписи на *обр. ст.*, по его мнѣнію, могутъ означать имя монетчика. Ссылка на Чертк. № 147 и 525.

39. 9) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Пятистрочная надпись среди линій: КИѦZА|БЄЛ̂КОГО| ИКАПАМИ|ХАИЛОБ|ИVА.

Описана Рейхелемъ подъ № 3815. 14 д. R³.

40. 10) *Лиц. ст.* Тоже.

*Обр. ст. Шести*строчная надпись: ПЄVА|ТЬКNѦ|ѦБЄЛНК|ОГОНБАN| ..НХАНЛО|КNVА|. «Буквы вырѣзаны небрежно и въ 3-й строкѣ послѣ ѧ стоитъ і».

Описана Орѣшниковымъ подъ № 104, при чемъ онъ прибавляетъ, что надпись «возстановлена по 2 экз.». Возстановленіе надписи по двумъ или нѣсколькимъ экземплярамъ, по нашему мнѣнію, дѣло ошибочное и неполезное въ нумизматикѣ, потому что лишаетъ изслѣдователя возможности опредѣлить имѣетъ-ли онъ дѣло съ одною разновидностію или нѣсколькими, такъ какъ нерѣдко бываетъ, что на мѣстѣ недостающей буквы въ одномъ экземплярѣ, на другомъ является не предполагаемая буква (какая восполняется по другому экземпляру), а совершенно иная, или та же, но иначе вырѣзанная, или замѣненная еще какою-либо третьею и пр. Все это можетъ быть при полномъ совпаденіи многихъ другихъ признаковъ. И вотъ ближайшее доказательство. Въ «Мат. рус. нум.» подъ № 4 онъ же описываетъ происходящую изъ Тверского клада

подобную же монету съ *шести*строчною надписью:..ѵа|.ькѵѧ|.ѧвелнк|.огонван|.мнха|.....|, относительно которой мы не въ состояніи опредѣлить: особый это чеканъ или тотъ же самый, что предыдущій, потому что на послѣднемъ надпись сборная. Остается ограничиться предположеніемъ: *повидимому* разный. Мы нигдѣ недопускаемъ подобнаго возстановленія. Относительно послѣдняго экземпляра (№ 4), Орѣшн. совершенно справедливо замѣчаетъ, что монеты этого типа у Ив. Мих. довольно рѣдки.

41. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Топорище рукояткой вправо.

Обр. ст. Шестистрочная надпись *безъ линій*: |пеѵат|ь·іенѧ|. ѧвелпк|..оннан.|.нхан|.....|.

С². В. 0,60. Д. 12. Н. С. Рис. 14.

42. 12) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Шестистрочная надпись *безъ линій* иного вида: пеѵ|ькоѵѧ|...елпко|..ѵвана|..ихан|.... |.

С². В. 0,57. Д. 11—12. Н. С. Рис. 15.

43. 13) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Пять строкъ надписи *между линій:* кѵѧ..|велн͡ко|..нван.|мнх....|.нѵ|.

Происходитъ изъ Тверского клада и описана Орѣшниковымъ въ М. къ Р. Н. стр. 13. № 3.

Къ числу денегъ Ивана Михайловича мы бы предположительно отнесли еще нѣкоторыя изъ числа такъ называемыхъ неопредѣленныхъ, безымянныхъ или неизвѣстныхъ. Строго научныхъ основаній для этого конечно мы не имѣемъ, но на основаніи нѣкоторыхъ, хотя быть можетъ и не вполнѣ ясныхъ признаковъ, все-таки можно отнести къ этому князю нѣкоторыя деньги, на тотъ конецъ, что будущія изысканія, направленныя въ эту сторону, дадутъ возможность съ бо́льшею основательностію, чѣмъ теперь это возможно, отнести ихъ къ этому князю, или же окончательно отвергнуть эту возможность.

Къ числу таковыхъ монетъ мы бы отнесли описанную Рейхелемъ подъ № 4376, о которой у насъ была рѣчь выше, подъ № 10 (типъ I, чек. 6). Вопросъ ставимъ такъ: Тверского-ли князя Ивана Михай-

ловича эта монета, какъ ее описываютъ Щербатовъ (Акад. Изв. 1781. стр. 827. № 4) и Шодуаръ (подъ № 3113), или же это деньга Городенскаго князя Ивана Ивановича? Такъ или иначе будетъ рѣшенъ вопросъ, только намъ кажется, что деньга эта по всѣмъ своимъ признакамъ должна относиться къ Тверскимъ деньгамъ.

То же бы мы сказали еще относительно описанной Reichel'емъ подъ № 4377. Здѣсь читаемъ печат.....ликого. Links gewendetes Brustbild. Rs..... икан.... Links gewendetes Thier, mit erhobenem Schweif und gebogenem Horn auf dem Kopfe. Taf. 7. № 95.

Наконецъ къ Тверскому князю Ивану Михайловичу мы отнесли бы еще двѣ очень рѣдкія серебряныя деньги, имѣющія всѣ признаки денегъ именно этого князя. Это: 1) *лиц. ст.* Изображеніе двуглаваго орла съ распростертыми крыльями, въ точечномъ ободкѣ; *обр. ст.* Звѣрекъ влѣво, съ обращенной назадъ головой. Вокругъ линейнаго ободка—слѣды надписи. Одна изъ таковыхъ денегъ описана Жизневскимъ въ числѣ неопредѣленныхъ въ его Опис. Твер. Музея подъ № 1314. Эта монета найдена въ Старицѣ, въ землѣ; она не совсѣмъ хорошей собранности, вѣситъ 7 гранъ и имѣетъ діаметръ равный 12mm. Жизн. относитъ ее къ Тверскимъ. Въ Н. С. есть экземпляръ лучшей сохранности. В. 0,50. Д. 10—11; найдена въ Твери, на берегу Волги. Относитъ ее къ Михаилу Борисовичу, при которомъ, какъ извѣстно, чеканились монеты и съ таковымъ изображеніемъ, нельзя, потому видъ описываемой монеты значительно отличается, отъ бывшаго въ употребленіи при Мих. Борисовичѣ. Невозможно отнести ее и къ Борису Александровичу, видъ и форма монетъ котораго также иныя, тогда какъ съ деньгами Ивана Михайловича она вполнѣ сходна. Конечно, только новыя находки этой монеты съ ясно читаемой надписью могутъ могутъ точно опредѣлить ея принадлежность, но пока мы не видимъ никакой возможности отнести ее къ кому-либо иному, какъ только къ Тверскому вел. князю Ивану Михайловичу (см. рис. 16). 2) *Лиц. ст.* Всадникъ вправо поражающій копьемъ въ пасть какое-то животное. Въ надписи, вырѣзанной и читаемой обыкновеннымъ способомъ съ лѣва на право мы читаемъ: ньами..... о.іх.п.. *Обр. ст.* Крылатый кентавръ влѣво, съ мечемъ въ рукѣ. Деньга происходитъ изъ Тверского клада и описана Орѣшниковымъ, въ «Мат. къ русск. нумизм.» подъ № 69 (гдѣ приложенъ и рисунокъ). съ отнесеніемъ съ знакомъ вопроса ?) къ Димитрію Юрьевичу Холмскому. Онъ читаетъ на ней слова: кѫздмнт.....н..., написанныя будто бы въ обратную строку и тоже

съ знакомъ вопроса. Не можемъ сказать чье чтеніе вѣрнѣе, только для насъ совершенно несомнительны тѣ буквы, которыя мы прочли. Что же касается внѣшней формы монеты, характера рисунка и всѣхъ прочихъ признаковъ, то въ отношеніи къ этой монетѣ мы гораздо болѣе увѣрены, что она принадлежитъ Ивану Михайловичу, чѣмъ въ отношеніи трехъ вышеописанныхъ. Кентавръ влѣво—это повтореніе уже извѣстнаго намъ типа (IV) монетъ Ив. Михайловича, а характеръ надписи совершенно тожественъ со всѣми другими надписями на деньгахъ Ив. Михайловича, съ чѣмъ согласенъ и самъ г. Орѣшниковъ (см. стр. 25).—Если наши предположенія оправдаются будущими находками, то мы будемъ имѣть въ числѣ восточныхъ типовъ денегъ Ивана Михайловича еще и только что описанные два.

Глава III.

Деньги великаго князя Бориса Александровича.

Продолжительное и спокойное княженіе Бориса Александровича и всѣ другія обстоятельства, благопріятствовавшія внутреннему, культурному развитію, отразились конечно и на монетномъ дѣлѣ. За время его княженія число типовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и разновидностей денегъ увеличилось до такихъ размѣровъ, до какихъ оно не доходило ни у его предшественниковъ, ни у его преемника. Чѣмъ бы ни объясняли это значительное количество типовъ—для насъ это имѣетъ второстепенное значеніе; для насъ важенъ фактъ, что мастерамъ предлагалась большая работа и они въ состояніи были ее выполнить. При такихъ условіяхъ естественно, что техника изготовленія монетъ широко подвинулась впередъ: изображенія и надписи дѣлаются болѣе твердою рукою, чѣмъ это было прежде, ошибокъ и неправильностей разнаго рода становится сравнительно меньше и среди нѣкоторыхъ типовъ попадаются даже такіе, которые удивляютъ смѣлостію замысла и художественностію выполненія. Примѣры мы уже указывали.

Деньги Бориса Александровича круглыя, имѣютъ средній вѣсъ до 0,55 гр. и сдѣланы изъ высокопробнаго металла.

Деньги Бориса Александровича, какъ и деньги Ивана Михайловича, мы дѣлимъ на три группы: первую, въ которую входятъ типы, возникшіе подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, вторую—подъ вліяніемъ восточныхъ и третью, въ которую входятъ смѣшанные или Тверскіе типы.

Характернымъ изображеніемъ на деньгахъ первой группы является фигура воина, или князя, вооруженнаго копьемъ и мечемъ, щитомъ и копьемъ и мечемъ и щитомъ, въ различныхъ сочетаніяхъ и положеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія можно видѣть на западно-европейскихъ монетахъ того времени. Типы этой группы, однако, такъ же не представляютъ чистаго воспроизведенія западныхъ образцовъ, какъ и типы, возникшіе подъ вліяніемъ восточныхъ образцовъ, потому что въ каждый изъ нихъ мастеръ болѣе или менѣе привносилъ и элементы изъ собственной фантазіи. Такъ напр., мы встрѣчаемъ здѣсь изображенія двухъ вооруженныхъ воиновъ на одной и той же сторонѣ монеты и двухъ—на разныхъ ея сторонахъ. Встрѣчающееся на одномъ типѣ изображеніе стрѣлка, на другомъ—фигуры воина безъ широкополой нѣмецкой шляпы, на третьемъ изображеніе звѣрька съ одной стороны—также могутъ быть объяснены самостоятельностію художниковъ въ пользованіи чужими образцами.

Отличительными признаками типовъ второй группы служатъ изображенія различныхъ фантастическихъ животныхъ, драконовъ, птицъ и нѣкоторыхъ символическихъ изображеній, подобныхъ тѣмъ, которыя дошли до насъ въ барельефахъ Дмитровскаго собора въ Владимірѣ. Эти изображенія—какъ выше сказано—есть ничто иное, какъ воплощеніе, въ видимой и осязательной формѣ рисунка, тѣхъ образовъ или идей, какія мастеръ—Тверской житель—извлекъ изъ воспитавшихъ его преданій и легендъ византійско-восточнаго происхожденія. Восточное вліяніе можно усматривать и въ томъ, что только на типахъ этой группы въ надписяхъ встрѣчается греческое ѡ, и допускаются нѣкоторыя искаженія русскихъ надписей, похожія на подражанія восточнымъ надписямъ, на единичныхъ чеканахъ нѣкоторыхъ типовъ. Затѣмъ, можно замѣтить, что типы этой группы болѣе или менѣе бѣдны разновидностями (за исключеніемъ одного, на которомъ воспроизведенъ Самсонъ), и существовали, вѣроятно, не долго, уступая постепенно мѣсто образцамъ западнымъ, вообще, преобладавшимъ въ Тверскомъ княжествѣ при Бор. Александровичѣ, какъ и при Ив. Михайловичѣ.

Отличительнымъ признакомъ третьей группы служитъ смѣшеніе признаковъ двухъ предыдущихъ группъ съ проявленіемъ еще большей самостоятельности въ комбинированіи изображеній.

Порядокъ, въ которомъ расположены типы въ группахъ, приблизительно долженъ соотвѣтствовать одновременности ихъ существованія. Такъ напримѣръ, изображеніе «вооруженнаго воина» въ западной группѣ, соотвѣтствуетъ изображенію «восхожденія Александра великаго» въ восточной,—и «сценѣ охоты на медвѣдя» въ смѣшанной, и т. д. Конечно, все это допускается нами болѣе или менѣе предположительно, на основаніи сходства и манеры рѣзьбы, т. е. болѣе или менѣе трудно уловимыхъ признаковъ, и только отчасти на нѣкоторыхъ иныхъ соображеніяхъ, напр. подобныхъ тѣмъ, какія мы высказывали выше относительно «сцены охоты».

Внутри типовъ, послѣдовательность чекановъ опредѣляется большею частію постепенностію осложненія рисунка, соотвѣтственно увеличенію навыка мастера, когда типъ чеканился значительное число лѣтъ, и таковою же постепенностію его порчи, когда онъ близился къ исчезновенію, или замѣнялся другимъ. Впрочемъ, намъ невсегда удавалось выдержать такой порядокъ, въ отношеніи же типовъ бѣдныхъ разновидностями онъ былъ даже невозможенъ. Приходится сознаться, что тутъ еще многое—дѣло спорное.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ I.

Человѣкъ съ мечемъ и щитомъ.

44. 1) *Лиц. ст.* Вооруженный человѣкъ, во весь ростъ, съ мечемъ въ правой рукѣ и большимъ *круглымъ* щитомъ въ лѣвой; надъ *непокрытой* головой и по обѣ стороны колѣнъ по *крупной* точкѣ (всего 3); ноги вправо; витой ободокъ.

Обр. ст. Пятистрочная *безъ линій* надпись, крупными неправильными буквами: пе|ткнz|келк|оісо|.лр. (Въ первой строкѣ видны ясно только нижнія половины буквъ, въ послѣдней верхнія). Признаки ободка.

С[1]. В. 0,59. Д. $11^1/_2$—14. Т. К.

У Черткова, вѣроятно, этотъ типъ описанъ подъ № 162. На надписи онъ читаетъ: пеv|кнz|келико|кор, что не сходно ни съ однимъ изъ нижеслѣдующихъ чекановъ. Однако

въ виду неполноты описанія и отсутствія рисунка мы не рѣшаемся его монету выдѣлить въ особый чеканъ. Шодуаръ, вѣроятно, имѣетъ въ виду ту же монету, что и Чертковъ (см. № 3130), такъ какъ его описаніе почти буквально тожественно съ Чертковскимъ. По всей вѣроятности тотъ же самый типъ описываетъ Сонцовъ подъ № 19 и Чапскій подъ № 57; но выяснить это точно невозможно по отношенію къ первому потому, что его описаніе денегъ вообще неточно и неопредѣленно, а по отношенію ко второму потому, что обратная сторона его деньги изгладилась. Рис. 17.

45. 2) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись неправильными буквами: пеѵа|ѧ кнꙁ|велк|..со|..

С². В. 0,53. 11—13. Т. М. р. 1, со ссылкой на Рейхеля. Таб. VII. ф. 37.

Описана Орѣшн. подъ № 149. Можно бы сослаться еще на № 153, если бы надпись на немъ не была сборною, т. е. прочитанною по двумъ экземплярамъ.

46. 3) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пеѵа|ткнꙁ|велнко|.....|.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 148.

47. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но щитъ у воина *четыреугольный* и на головѣ человѣка нѣмецкая *шляпа*. Точекъ видно 2. Слѣды ободка.

Обр. ст. Пятистрочная безъ линій надпись: .....|кнꙁѧве..|икогоб..|саалек|ндр.|. (Послѣднія двѣ строки плохо отчеканились). Ободка нѣтъ.

С². В. 0,56. Д. 13. Т. К.

Монета въ первый разъ описана Рейхелемъ, по прекрасному экземпляру, подъ № 3822. (См. Drittes Exemplar). Здѣсь читаемъ: пеѵать|кнѕѧвел|икогобор|саалекса|нбочап|. Относительно послѣдней строки онъ дѣлаетъ замѣчаніе: was die letzte Zeile bedeuten soll, kann ich nicht errathen. Дѣйствительно, трудно что-либо сказать о ея значеніи, если вѣрно прочитана: нбочап. Орѣшниковъ этотъ чеканъ поставилъ подъ № 150 и 154, какъ разные, тогда какъ они повидимому тожественны. Мы хотѣли бы еще предположить, что и описанная имъ въ «М. къ р. н.» подъ № 11, не составляетъ особаго чекана, такъ какъ весьма вѣроятно, что послѣднія три буквы въ 3-ей строкѣ кѣмъ-либо прочитаны невѣрно (обр или бор?).

48. 5) *Лиц. ст.* Тоже, что ч. № 4.

Обр. ст. Шестистрочная *безъ линій* очень грубыми буквами адпись: пеѵат|ькнꙁѧ|великого|борисаал|ексан|дров|.

См. anderes Exemplar у Reichel'я подъ тѣмъ же №. Замѣчательна транскрипція бориса, какъ бориса. *Шести*строчная надпись—единственный чеканъ изъ *безлинейныхъ*.

49. 6) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Пятистрочная *безъ линій* надпись, *миніатюрными* и рѣзко вырѣзанными буквами: ....ѵт|..ѧв|...обо|....ол|...ѵи|. Послѣднія двѣ буквы на самомъ ободкѣ изъ косыхъ черточекъ вправо.

С². В. 0,56. Д. 12—13. Н. С. Рис. 18.

50. 7) *Лиц. ст.* Тоже, что ч. № 1. (3 точки, круглый щитъ, безъ шляпы).

Обр. ст. Пятистрочная надпись неправильными буквами *между линій:* пеѵ-|атькн|ѧзвелѵ|когов|орис|. Послѣдняя строка слабо отчеканена.

С². В. 0,56. Д. 12—14. Т. К.

Описана Орѣшн. подъ № 147, только въ 3-ей строкѣ нѣтъ точки по срединѣ между ѧз и велн, если только это именно точка, а не обозначеніе опущенной буквы. Рис. 19.

51. 8) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Тоже, но съ пропускомъ буквы ь во 2-й строкѣ.

Опис. Орѣшн. подъ № 152.

52. 9) *Лиц. ст.* Тоже, что предыдущій чеканъ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись между линій: .е...|ькнѧ|всликс|обоьн|.... Ободка не видно.

С². В. 0,56. Д. 11½ 14. Н. С. Рис. 20.

53. 10) *Лиц. ст.* Тоже.

*Обр. ст. Четырех*строчная надпись между линій: пеѵат|кзѧвек|...бори|олеѵа|. Точечный ободокъ.

Опис. Орѣшн. въ «М. къ р. н.», подъ № 12.

54. 11) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. «Тоже; пе..|.....|велн|обо..|».

Орѣшн. въ «М. къ р. н.», подъ № 13.

55. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Ободокъ линейный, пересѣченный косыми черточками.

Обр. ст. Въ такомъ же ободкѣ 4-строчная между линій надпись: п..ь|.нѧзѧ|.лков|.ори|.

С². В. 0,56. Д. 13—14½. Т. К.

Описана Орѣшн. подъ № 146, но неточно: на *лиц. ст.* не по два шарика съ каждой стороны фигуры человѣка, а: съ правой—два, съ лѣвой одинъ. На *обр. ст.* въ 1-ой строкѣ пропущена послѣдняя буква ь, довольно ясно видная на его рисункѣ (№ 68).

56. 13) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvть|кизѧ|велик|бор|.

Чеканъ описанъ Рейхелемъ подъ № 3822—3825. У автора возбуждаетъ недоумѣніе ссылка на XXX таб. ф. 6, каталога Черткова, гдѣ воспроизведена совершенно иная монета, на которой есть надпись и на *лиц. ст.* (Это № 527). Между тѣмъ по описанію Рейхеля надписи не должно быть на ней никакой. Вотъ его описаніе: Обр. ст.: Edenso wie auf den vorigen, т. е. Stehender Mann mit einem Schwerte in der Rechten und einem Schilde in der Linken nur hat der Krieger einen Hut auf und neben ihm sind zwei, der andern drei starke Punkte ohne alle Umschrift. Остается, слѣд., предположить, что Рейхель ошибся ссылкою. Таже ошибка въ ссылкѣ у него относится и къ вышеописаннымъ №№ 4 и 5.

57. 14) *Лиц. ст.* Тоже, что № 4.

Обр. ст. Пятистрочная надпись *между линій:* .еvат|.еликог|.зѧбори|.ле..|.....|. (Въ послѣдней строкѣ буквы видны слабо).

С². В. 0,59. Д. 13. Н. С.

Нашъ экземпляръ восполняетъ въ 1 и 4 строкѣ надпись чекана, опубликованнаго Орѣшн. по плохимъ экземплярамъ подъ № 151, и въ «Матеріалахъ» подъ № 14. И кромѣ того надпись должна быть *пяти*строчная, а не 4—строчная, какъ на № 151.

58. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Изображеніе плохо видно.

Обр. ст. Надпись въ 5 строкъ: кnзѧ|...кого|.сааа|....|.ор..|.

Описана Орѣшн. въ «Мат.» подъ № 15.

59. 16) *Лиц. ст.* Тоже, что предыдущій №.

Обр. ст. Шестистрочная между линій надпись чрезвычайно тон-

кими буквами: ..ак|вел..|бори.|.екса.|.нд..|..а|. (Отъ нѣкоторыхъ буквъ видны только части ихъ).

С². В. 0,59. Д. 12—14. Н. С. Рис. 21.

Типъ II.

Человѣкъ съ лукомъ и копьемъ.

60. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, впрямь; въ правой рукѣ держитъ большой лукъ, а въ лѣвой копье; съ правой стороны копья—елка. Линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: .....тьвелик....ѧзѧ. (У буквъ ть видны только нижнія половины, а буква е похожа на о).

Обр. ст. Звѣрекъ вправо, съ пропущеннымъ между ногъ и поднятымъ кверху хвостомъ. Лин. обод. и надпись: ....сандрок.....

С². В. 0,57. Д. 13—14. Т. К.

Описана Чертковымъ въ отдѣлѣ «монетъ съ надписями стертыми», подъ № 416, (Табл. G. ф. 6), съ замѣчаніемъ: «монета можетъ быть Тверская», что и вѣрно. Таже самая монета описана имъ въ 3-мъ прибавл. подъ № 528 (Табл. XXX. ф. 7). Чанскій эту монету описываетъ подъ № 69, только онъ ошибочно ставитъ лицевую сторону на мѣстѣ обратной и послѣднюю на мѣстѣ первой. Онъ же ссылается на 3145 № Шодуара, между тѣмъ здѣсь описаніе неподходящее къ нашей монетѣ, или же невѣрное. Здѣсь читаемъ: «человѣкъ стоя, съ лица, держитъ въ л. рукѣ длинный мечъ, а въ пр. лукъ, *на сторонѣ малое четвероногое*; все въ кругѣ». Какъ объяснить эту послѣднюю подробность—незнаемъ. На этомъ основаніи не можемъ рѣшить, особый ли это типъ или чеканъ, или ошибка въ описаніи. Рисунка у Ш. неприложено. Чапскій ссылаясь на Шод., почему-то умалчиваетъ объ этой разницѣ. Сах. № 27. Орѣшн. № 230. У него надпись *лиц. ст.* пеѵатьвелнкогокнѧзѧ, на *обр.*: борнсаолександрвѵ.

Въ Т. М. есть еще подобныя же монеты, но С³. См. р. 8. № 1107а. В. 0,48. Д. 14—15 и 1107б. В. 0,48. Д. 12. Ссылка Жизневскаго на № 166 Черткова сомнительна. Рис. 22.

61. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но вмѣсто копья въ лѣвой рукѣ человѣка—палка, внизу имѣющая два крюка («ein Stab, welcher unten zwei Widerhaken hat»). Надпись: пеѵатьвеликогокнzѧ.

Обр. ст. Тоже. Надпись: борсаолександровѵ.

Описана Рейхелемъ подъ № 3864. Хотя Рейхель и ссылается на Черткова (Табл. XXX, № 7), но очевидно его монета иной чеканъ, что видно какъ изъ подробностей его описанія *лиц. ст.*, такъ и изъ пропуска двухъ буквъ въ словахъ кнzѧ и борса. 11½ Doli. R³.

Типъ III.

Вооруженный человѣкъ; стрѣлокъ.

62. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, въ лѣвой рукѣ держащій щитъ, а правой опирающійся на копье. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: печатькиꙁдвлкгоборіса. (Буква ꙁ вырѣзана въ обратную сторону).

Обр. ст. Стрѣлокъ изъ лука въ птицу на деревѣ. Подъ лукомъ и около ногъ стрѣлка на точкѣ. Витой и точечный ободки.

С¹. В. 0,62. Д. 12½—14. Т. К.

Описанъ Шубертомъ подъ № 9 (Фр. кат. 179); только онъ не обратилъ вниманія какъ вырѣзано ꙁ, а вмѣсто ꙗ у него стоитъ ѧ. В. 12½ д. Reichel № 3851, viertes Exemplar; и онъ не оговаривается о неправильно вырѣзанныхъ буквахъ. Орѣш. № 113, съ тою же неточностію, хотя на приложенномъ у него рисункѣ, № 53, ясно видны буквы, вырѣзанныя на оборотъ. Рис. 23.

63. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: печаі....влѵ̑гоборіса :·: (Буквы і и с соединены поперечной чертой и въ концѣ поставлено 5 точекъ указаннымъ способомъ).

Обр. ст. Тоже изображеніе.

С². В. 0,56. Д. 12--12. Т. М. р. 8. № 1106ª.

Вѣроятно, этотъ же чеканъ описанъ Орѣш. подъ № 115; но у него замѣчено, что 5 точекъ расположены квадратомъ.

64. 3) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе. Надпись: печатькиꙁѧвлкгоборса.

Обр. ст. Тоже изображеніе.

Описана Чапскимъ подъ № 56. Рейхель 3852, fünftes Exemplar.

65. 4) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но надпись: пегакꙁѧвеликгобор.

Обр. ст. Тоже изображеніе, но болѣе грубой работы (похожее на то, которое находится на поддѣльной Городенской монетѣ. См. Га-

гаринъ. Табл. X. р. 15). Двойной ободокъ изъ крупныхъ и мелкихъ точекъ.

С². В. 0,53. Д. 12½. Т. М. р. 4. № 346. Рис. 24.

66. 5) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, какъ на № 1 и 2. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: **ПЕVАТЬКZѪКАКГОК.**

Обр. ст. Тоже изображеніе, но точекъ около стрѣлка нѣтъ. Двойной точечный ободокъ.

С². В. 0,56. Д. 13. Н. С. Рис. 25.

67. 6) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе. Надпись: **ПЕV....ZѪКЕЛКОГОК.**
Обр. ст. Тоже изображеніе.

Описана Чертковымъ подъ № 163 (Табл. IX. ф. 3). Шод. 3139. Шубертъ вѣроятно ту же монету описываетъ подъ № 10, только послѣднюю букву надписи читаетъ, какъ |, что вѣроятно произошло отъ недочеканки. Ссылка его на 164 Черткова и 3140 Шод. невѣрны. Фр. кат. 180. В. 0,53.

68. 7) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: **ПЕVАКNZѪКЕЛИКГОКОЕ.**
Обр. ст. Тоже.

Описана Шодуаромъ подъ № 3140.

69. 8) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: **ЕVАКZѪКЕЛИКГОКО.**
Обр. ст. Изгладилась.

Описана Чертк. подъ № 164.

70. 9) *Лиц. ст.* Надпись: **ПЕVАТКZѪКАКОГОКОР.**
Обр. ст. Тоже.

Описана Reichel'емъ подъ № 3848 съ ошибочною ссылкою на Черткова № 163. Орѣшниковъ (№ 117) или ошибочно ссылается на Рейхеля, или неточно описываетъ свой экземпляръ, потому что у него стоитъ ясно **ПЕVАК.....**

71. 10) *Лиц. ст.* Надпись: **ПЕVАКZѪКАИКГОК|.**
Обр. ст. Тоже.

Описана Рейхелемъ подъ № 3849. См. anderes Exemplar. Со ссылкою на Рейхеля описываетъ этотъ чеканъ и Орѣшн. подъ 116, но у него въ словѣ ВЛИКГО пропущено И.

72. 11) *Лиц. ст.* Надпись: ПЕѴАТЬКИZѦВЛКГОБОРІСѴА.
Обр. ст. Тоже.

Описанъ Рейхелемъ подъ № 3850. См. drittes. Exemplar. Ор. № 114.

73. 12) *Лиц. ст.* Надпись: ПЕѴАТ҃ЬВЕЛИКОГОКNѦ....
Обр. ст. Изображеніе стрѣлка вырѣзано въ *лѣвую* сторону, чѣмъ этотъ чеканъ отличается отъ всѣхъ предыдущихъ.

Опис. Орѣшн. подъ № 111 и 6 въ «М. къ р. Н.». Чеканъ рѣдкій.

Типъ IV.

Человѣкъ съ мечемъ и копьемъ.

74. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, съ лицомъ, обращеннымъ влѣво; на головѣ шляпа; въ правой рукѣ держитъ мечъ, а лѣвой уперся въ бокъ; независимо отъ человѣка со стороны лѣвой руки изображено вертикально стоящее копье; въ двухъ тонкихъ линейныхъ ободкахъ надпись: ....АТКZѦВЕЛИ....
Обр. ст. Звѣрекъ вправо, съ приподнятыми передними лапами и головой обращенной назадъ; на головѣ нѣчто въ родѣ большой короны, похожей на цвѣтокъ мака въ профиль; хвостъ поднятъ кверху и оканчивается кружкомъ, къ которому прикрѣплена небольшая дуга своей выпуклой стороной. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: .....АNДРОВИѴ.

С². В. 0,60. Д. 11½—13. Т. К.

По виду, значительному вѣсу и вообще по всѣмъ признакамъ этотъ типъ очень походитъ на монеты Ивана Михайловича, почему мы и ставимъ его среди первыхъ типовъ, чеканенныхъ при Борисѣ Александровичѣ.

75. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: ПЕѴАТЬКNZѦВЕЛИКОГО.
Обр. ст. Тоже. Надпись: БОРИСАОЛЕКСАNДРОВИѴ.

Описана Рейхелемъ подъ № 3865. См. anderes Exsemplar. Особенность въ транскрипціи слова КNZѦ и лишнемъ Ь.

76. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: **пеѵатькѵѯѧвеликого** и *копья нѣтъ.*

Обр. ст. Надпись: **борисаолексаѵдровиѵ.**

Опис. Рейхелемъ подъ № 3865. Ссылка его на Чертк. Taf. XXX. № 5 невѣрна, потому что тамъ изображеніе съ копьемъ.

77. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: **п.....авеликого.**

Обр. ст. Тоже.

Описана Орѣшн. подъ № 24 въ «М. къ Р. Н.». Особ. въ окончаніи слова **кѵѯа**; копья также нѣтъ.

78. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись сюда перенесена съ обратной стороны, именно: **...ѧборисаол.....** съ копьемъ.

Обр. ст. Здѣсь надпись лицевой стороны: **...ѵѧѯавел....**

С². В. 0,54. Д. 11—12. Н. С.

Описана въ первый разъ Чертковымъ подъ № 526. (Табл. XXX ф. 5). Орѣшн. № 228. Въ Т. М. есть ²/₃ подобной монеты, помѣщенной въ р. 8 подъ № 1106в. С³.

Типъ V.

Звѣрекъ и человѣкъ съ копьемъ и щитомъ.

79. 1) *Лиц. ст.* Звѣрекъ вправо, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ на предыдущихъ типахъ, съ поднятымъ кверху хвостомъ и передней лѣвой лапой. Надпись въ двухъ линейныхъ ободкахъ: **пеѵткѵѧѯвлкгобрс-**

Обр. ст. Человѣкъ во весь ростъ, впрямь, опирающійся правой рукой на копье, а въ лѣвой держащій щитъ. Линейный ободокъ, за которымъ надпись: **....ѵѧѯвлкго.....**

С². В. 0,54. Д. 13. Т. К.

Описанъ Чапскимъ подъ № 55 и совершенно правильно относительно опредѣленія сторонъ. Орѣшн. № 229, но у него стороны опредѣлены наоборотъ. Рѣдкій типъ.

Типъ VI.

Человѣкъ съ копьемъ и щитомъ.

80. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, впрямь; правой рукой онъ опирается на копье, а въ лѣвой держитъ щитъ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ПЕVАТКZѦ.....ГОКІ.

Обр. ст. Человѣкъ во весь ростъ, впрямь; въ правой рукѣ держитъ мечъ, а въ лѣвой щитъ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ....КЕЛИ̑КОВОСІ.

С². В. 0,51. Д. 12—15. Т. К. Рис. 26.

81. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЕVАТКZѦКЕЛИКОГОБОРІСА.
Обр. ст. Тоже. Надпись: ПЕVТКНZѦКЛКОГОБРСІ.

Описана Рейхелемъ подъ № 3829. Taf. 6 № 76). На этомъ рисункѣ послѣдняя буква I кажется болѣе похожею на чрезвычайно узкій оваль, отчего въ общемъ и производитъ впечатлѣніе буквы I. (См. также «Дополн. къ русск. нумизм.». Зап. СПб. Арх. Нум. Общ. СПб 1849. Т. I. стр. 70). Здѣсь Рейхель замѣчаетъ: «*лиц. ст.* этой деньги *сходна* (только) съ показанною у Чертк. на Табл. IX. № 3, а обратная на Табл. XXX. № 6».

82. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПVТКZѦКЕЛИКОГОБРСО.
Обр. ст. Неописана.

У Рейхеля, № 3830.

83. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЕVТКНZѦКЕЛКГОК.
Обр. ст. Неописана.

У Рейхеля, № 3831—32.

84. 5) *Лиц. ст.* Надпись: ПVТКZѦКЕЛИ̑КОГОБРСО.
Обр. ст. Тоже. Надпись: ПVТКNZѦКККГОБРС.

Описана Орѣшн. подъ № 226.

85. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЕVА....ОБОРС.
Обр. ст. Неописана.

Описана Орѣшник. въ «М. къ Р. Н.» подъ № 23, съ ошибочною, повидимому, перестановкою сторонъ.

86. 7) *Лиц. ст*, Тоже. Надпись: пеѵатк҃зѧвлнкгобі.
Обр. ст. Тоже. Надпись: пеѵатк҃зѧвелнкгобі.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 227.

87. 8) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: деѵнгатвѣрнскаѧіа.
Обр. ст. Тоже. Надпись въ двухъ линейныхъ ободкахъ: пеѵтькѵѧзвелкгобі.

Описана Орѣшниковымъ въ «М. къ Р. Н.» подъ № 21—22, но съ обратнымъ обозначеніемъ сторонъ. Рѣдкій чеканъ, и замѣчательный по дополнительнымъ буквамъ въ концѣ надписи на *лиц. ст.*

Типъ VII.

Два вооруженныхъ человѣка.

88. 2) *Лиц. ст.* Два человѣка въ шляпахъ, во весь ростъ и впрямь; правый въ лѣвой рукѣ держитъ копье, а въ правой щитъ, лѣвый въ лѣвой рукѣ—щитъ, а въ правой копье; между ними на уровнѣ плечъ буква п, а подъ щитами буква и. Слѣды линейнаго ободка.
Обр. ст. Семистрочная между линій надпись: пеѵа|тькѵѧ|зѧвелнк|огоборса|олекса|ѵд....|....|, очень мелкими буквами.

С². В. 0,57. Д. 12½—13. Т. К.

На принадлежащихъ намъ экземплярахъ этого чекана послѣднія двѣ строки читаются: ѵдро|.нѵа|. Рис. 27.

89. 2) *Лиц. ст.* Тоже.
Обр. ст. Шестистрочная надпись между линій: пеѵа|тькпѧ|ꙁавелк|огобрса|..дрв|нѵа|.

Описана Чертковымъ въ 1-мъ Приб. подъ № 453. (Табл. XXII. ф. 8). Онъ почему-то неупоминаетъ о буквѣ п на *лиц. ст.* Вѣроятно она не отчеканилась на его экземплярѣ. Букву же и онъ такъ объясняетъ: «буква и (числительная) можетъ означать 6938, 6948, 6958, 6968 (т. е. годъ 1430, 1440, 1450, 1460), именно въ правленіе этого великаго князя».

90. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но безъ п.

Обр. ст. Надпись между линій: кѵѧꙁѧвеликагоборисаолександовича.

Описана Шодуаромъ подъ № 3152. Очень жаль, что у него непоказано, какъ раздѣлена надпись.

91. 4) *Лиц. ст* Тоже. Буквы п и и замѣтны.

Обр. ст. Шестистрочная надпись между линій: -пеѵа|тькѵ.|ꙁавеликo|го....са|...дров|-ѵа|.

Описана Орѣшн. подъ № 128, но онъ ошибочно ссылается на вышеприведенный 453 № Черткова. Есть разница въ 3 и 5 стр.

92. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но буква п есть или нѣтъ—неизвѣстно.

Обр. ст. Пятистрочная надпись между линій: пеѵа|тькиѧꙁ|авеѵ̑кого|борисаол|ексанѵдр|.

Описана Рейхелемъ nach einem schlechten Exemplare. 14½ Doli. R³. Ссылка его на 453 № Черткова неточная. См. выше чек. 2. По всей вѣроятности эта же деньга описана Орѣшн. подъ № 127. хотя у него есть буква п на *лиц. ст.*, и въ 4-й стр. *обр. ст.* буква и транскрибируется какъ Н.

93. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но «безъ буквъ».

Обр. ст. Надпись между линій: пеѵа|-тъкѵѧ-|авел̑икого|бориса|.ксаѵ̑др.

Описана Шод. подъ № 3153, со ссылкою на Вѣст. Евр. 1828. н. 44. ч. 1. Здѣсь авторъ статьи: «о способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ русскихъ монетъ», приписывая эту деньгу Александру Михайловичу, убитому въ Ордѣ въ 1339 г., дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: «это не *деньга*, ибо ни въ грамотахъ, ни въ лѣтописяхъ того времени нѣтъ рѣчи о сей монетѣ: тогда говорили о серебрѣ, о гривнахъ, о векшахъ, о бѣлкахъ, о кунахъ, а *денегъ* своихъ еще незнали. И такъ это одна изъ тѣхъ непонятныхъ для насъ печатей, о которыхъ упоминается въ договорѣ в. к. Игоря съ Греками (Несторъ. Russische Annalen. VI. 38). Въ печати вѣсу 10 грановъ». Стр. 110.

Типъ VIII.

Монетчикъ.

94. 1) *Лиц. ст.* Сидящій вправо монетчикъ, имѣющій *человѣческую* голову; передъ нимъ наковальня; надъ нею кусокъ металла,

изъ котораго должна вычеканиться монета Монетчикъ сидитъ на табуретѣ; за спиной его нарисованы два уго́льника и нѣтъ никакихъ точекъ, столь многочисленныхъ на другихъ чеканахъ этого типа. Слабый слѣдъ точечнаго ободка.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ ободкѣ изъ косыхъ черточекъ: пєvат|ькzѧвє|когобор|ѵа|. Съ лѣвой стороны слова ѵа видно 3 точки.

С². В. 0,62. Д. 11—13. Т. К.

Орѣшниковъ описываетъ эту монету подъ № 130, но говоритъ, что у него съ обѣихъ сторонъ ѵа по три точки. Но дѣло въ томъ, что на нашей монетѣ вторыя 3 точки могли не отчеканиться, что нерѣдко бываетъ. Ср. прим. къ № 2. Рис. 28.

95. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Монетчикъ сидитъ на четырехножной скамьѣ; между нимъ и наковальней 3 точки.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: пєvат|ькzѧв|когобоv|∴ а·|.

Описана Чертковымъ подъ № 157. (Табл. IX. ф. 1). Чертковъ неупоминаетъ объ оригинальной транскрипціи послѣдней строки надписи. Шод. № 3127. (Рисунокъ у него повидимому—воспроизведеніе Чертковскаго). Reichel описываетъ несомнѣнно туже самую монету подъ №№ 3844—3845. По крайней мѣрѣ небольшая особенность въ его чсеніи объяснима безъ допущенія особаго чекана. У него читается пєvат|ькzѧвє|когобоv|∴ а ∴|. Лишнее є во второй строкѣ, равнымъ образомъ, какъ и двѣ крайнія точки въ послѣдней, могли не отчеканиться на монетѣ Черткова и быть имъ по этому непрочитанными. Так. обр. Рейхелевское чтеніе восполняетъ недостатки редакціи Чертковской. Сахаровъ (V. 17 и 16) несомнѣнно воспроизводитъ Чертковскіе рисунки. Чапскій подъ № 63 хотя и ссылается на тотъ же № Черткова, но ошибочно, потому что его монета представляетъ несомнѣнно новый чеканъ. См. № 3. Ор. 129, со ссылками на указ. №№ Черткова, Рейхеля и Чапскаго.

96. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Спереди монетчика 6 точекъ, а сзади ⊓ и 5 точекъ.

Обр. ст. Надпись: ·пvт|кнzѧв|лкг.в|.а..

Описана Чапскимъ, подъ № 63, съ ошибочною ссылкою на 157 № Черткова.

97. 4) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но немного иного характера; кругомъ наковальни 5 точекъ; отчетливый ободокъ изъ косыхъ черточекъ; за спиной два уго̀льника.

Обр. ст. Въ такомъ же ободкѣ 4-строчная надпись *безъ линій:* кнꙁѧ|влкго|:рсчо|.... |. (ч есть особымъ образомъ вырѣзанное а).

С². В. 0,62. Д. 12—13. Т. К.

Орѣшн. № 132. Въ послѣдней строкѣ онъ читаетъ лксѧ.

98. 5) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе; за спиной монетчика два угóльника и 3 точки.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись *безъ линій* въ линейномъ ободкѣ, пересѣченномъ косыми черточками вправо: кнꙁ|влкг|брсѧ|.к.|.

С². В. 0,59, Д. 12—13. Т. К.

99. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но ни точекъ, ни ободка не видно; фигура сидитъ на треногомъ стулѣ и надъ верхнимъ угольникомъ видно 3 точки.

Обр. ст. 4-строчная надпись безъ линій: ....|влкгоб|лекс|гоб|.

Происходитъ изъ тверского клада и описана Орѣшн. въ «Матер.» подъ № 8, но не полно и неточно: въ словѣ влкгоб онъ вставилъ другое о, послѣ влк, котораго нѣтъ на рисункѣ (Табл. XI. ф. 11), затѣмъ не прочитана третья строка, гдѣ дов. ясно можно прочесть лекс; относительно третьей строки онъ думаетъ, что она произошла отъ неудачнаго удара штемпелемъ. Мы съ этимъ несогласны, потому что повторенія однихъ и тѣхъ же слоговъ и словъ на Твер. деньгахъ встрѣчаются; встрѣтимъ ниже. Отъ неудачнаго удара штемпелемъ надпись была бы обезображена, а этого не видно.

100. 7) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: кѵѧꙁа|влкг|брс|олкс.

Описана Шодуаромъ подъ № 3124. 12³/₄ дол.

101. 8) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пѵт|кѵꙁ|влкг|бр.|олекс|.

Описана Шод. подъ № 3126. Пятистрочность надписи—нѣчто не обычное во всемъ типѣ. Подобная есть и у Орѣшн. подъ № 131, но читается иначе: .... кѵ... |влкго|брсао|лксѧ|, между линій. Какъ объяснить это обстоятельство—незнаемъ.

102. 9) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: кнз | влкг | брса | олк.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 134.

103. 10) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но вмѣсто *человѣческой головы,* на ея мѣстѣ какая-то безобразная *шестилучевая звѣзда* (несомнѣнно она должна изображать туже голову: 3 верхнихъ луча—это шапка, 2 передніе—носъ и подбородокъ и 1 задній—затылокъ, въ срединѣ звѣзды точка, изображающая глазъ). Фигура сидитъ на треногомъ стулѣ и усѣяна многими точками кругомъ. Повидимому ободка нѣтъ.

Обр. ст. Правильно расположенная четырехстрочная надпись: кнз | влкго | брсол | екнд |.

С¹. В. 0,59. Д. 12½—13. Н. С. Рис. 29.

Орѣшн. № 142.

104. 11) *Лиц. ст.* Тоже, но точекъ меньше и все изображеніе въ ободкѣ изъ крупныхъ точекъ.

Обр. ст. Тоже.

С². В. 0,56. Д. 12½—13. Н. С.

105. 12) *Лиц. ст.* Тоже, но точки въ звѣздѣ, изображающей глазъ, нѣтъ. За спиной 2 уго́льника одинъ надъ другимъ, расположенные такимъ образомъ: ⌉. По тонкому линейному ободку рядъ крупныхъ точекъ.

Обр. ст. Четырехстрочная безъ линій надпись въ такомъ же ободкѣ; кнз | ѧвлк. | брсо. | ек. |

С². В. 0,59. Д. 13. Т. К.

Чеканъ съ ѧ во второй строкѣ встрѣчается рѣдко. Ор. 137?

106. 13) *Лиц. ст.* Тоже, что № 12, но угольниковъ нѣтъ; подъ наковальней 3 точки. Точечный ободокъ.

Обр. ст. Въ точечномъ ободкѣ 4-строчная надпись безъ линій: кзѧ | влкго | брсао | лксн |...

С². В. 0,60. Д. 12—13. Т. К.

Повивидиму тотъ же чеканъ, что у Черткова № 158 (Табл. IX, ф. 5); Шодуар. 3128 (П. 53. ф. 12. Рисунокъ повидимому скопированъ съ 158 № Черткова). Reichel, хотя и ссылается на тотъ же № Черткова, но его монета несомнѣнно представляетъ иной чеканъ. См. ниже № 14. Туже неточность допускаетъ и Чапскій. См. ниже № 15. Орѣшн. № 139—141 и 7 въ «Матер.».

107. 14) *Лиц. ст.* Тоже, но болѣе неуклюжей (plummer) работы.
Обр. ст. Надпись: кнzь | велкго | брсао | лкса.

Описана Рейхелемъ подъ № 3846—3847, съ неточною ссылкою на Черткова № 158 (Табл. IX. ф. 5). Онъ же ссылается на ein zweites Exemplar, который ist noch roher gearbeitet.

108. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Спереди монетчика 6 шариковъ, а сзади ⌐ и 5 шариковъ.
Обр. ст. Надпись кнѧ | влкго | брсао | лкN• |

Описана Чапскимъ подъ № 62, съ ошибочною ссылкою на 158 № Черткова и съ неправильнымъ опредѣленіемъ сторонъ. Ор. № 133.

109. 16) *Лиц. ст.* Тоже, что предыдущій №, но фигура сидитъ на двуногомъ стулѣ; голову представляетъ 4-лучная звѣзда; за спиной монетчика 3 точки.
Обр. ст. Сходна съ № 13.

С². В. 0,60. Д. 12—13. Т. К.

У Орѣшникова подъ № 138.

110. 17) *Лиц. ст.* Тоже, но за спиной фигуры угóльники.
Обр. ст. Надпись въ 4 строки: кN | влкго | брса | олкс |.

Орѣшниковъ № 134 и въ «Матер.» № 9.

111. 18) *Лиц. ст.* Фигура сидитъ *безъ стула.* Звѣзда изъ 6 лучей.
Обр. ст. 4-строчная безъ линій надпись,—въ линейномъ и точечномъ ободкѣ: кNz | влкго | брсол | к..(сад?). Между первою и второю строкою 2 точки.

С². В. 0,59. Д. 12—14. Т. К.

Ор. № 136.

112. 19) *Лиц. ст.* Тоже. Много точекъ въ разныхъ мѣстахъ.
Обр. ст. Надпись съ небольшимъ измѣненіемъ KNZ|БЛКГО|БРСА|ЛКС|.

С². В. 0,59. Д. 14—15. Т. К.

113. 20) *Лиц. ст.* Тоже.
Обр. ст. Надпись въ линейномъ ободкѣ, пересѣченномъ рѣдкими линіями, параллельными радіусамъ: KNZ|БЛКГ.|БРС..|ЛКДС|.

С². В. 0,59. Д. 12—14. Т. К.

114. 21) *Лиц. ст.* Фигура сидитъ на треногомъ стулѣ. Рисунокъ усыпанъ множествомъ точекъ.
Обр. ст. Неправильно расположенная надпись: KNZ|БЛКГО|БРСО|ЛКС.|.

С². В. 0,59. Д. 13—14. Т. К.

115. 22) *Лиц. ст.* Тоже. Ободка не видно. Много точекъ.
Обр. ст. Неправильно расположенная надпись: KNZ|БЛКГО|БРСО|ЛКСД|.

Ор. № 143.

116. 23) *Лиц. ст.* Тоже, точекъ меньше.
Обр. ст. Тоже, но надпись съ небольшимъ измѣненіемъ: KNZ|ЛКГО|БРСОЛ|КСД|, въ точечномъ ободкѣ.

Ор. № 144.

117. 24) *Лиц. ст.* Тоже.
Обр. ст. Надпись неправильными буквами: ЛКИ|БРСЛО|ЧДР. (Подъ ЛКИ 4 точки).

С². Край монеты отломанъ. Д. 12—13. Т. М. р. 7.

Типъ IX.

Вооруженный человѣкъ и монетчикъ.

118. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ и впрямь; держитъ въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой щитъ. Въ двухъ линейныхъ оборкахъ надпись: печатк...велкогоі.

Обр. ст. Изображеніе монетчика, сидящаго на четырехногой скамьѣ и держащаго въ рукахъ молотокъ, которымъ онъ намѣренъ ударить по монетѣ на наковальнѣ.

Монета происходитъ изъ Т. К. и описана Орѣшниковымъ въ «М. къ Р. Н.» подъ № 10. Хотя на ней и нѣтъ имени Бориса Александровича, тѣмъ не менѣе она несомнѣнно ему принадлежитъ, потому что изображеніе вооруженнаго человѣка того самаго типа, какой обыкновенно встрѣчается на монетахъ этого князя, изображеніе монетчика встрѣчается исключительно только на его монетахъ. Г. Орѣшниковъ высказываетъ догадку, что монетчикъ «смѣшалъ парные штемпеля». На сколько это вѣрно—конечно трудно сказать. Но мы, основываясь, на томъ, что монета представляетъ новое сочетаніе изображеній, считаемъ ее особымъ типомъ. Не можемъ согласиться и съ опредѣленіемъ сторонъ г. Орѣшниковымъ, и, по принятому нами принципу, ставилъ лицевою стороною ту, на которой находится терминъ: «печать» и пр. Типъ очень рѣдкій, и впервые дѣлающійся извѣстнымъ изъ Т. К.

Типъ X.

Вооруженный человѣкъ и надпись.

Этотъ типъ представляетъ развитіе и усовершенствованіе перваго типа. Тогда какъ тамъ фигура человѣка занимала всю лицевую сторону деньги, въ рукахъ человѣка были большіе и неуклюжіе мечъ и щитъ и вокругъ еще 2 большія точки, здѣсь все это перемѣняется: фигура человѣка уменьшена на столько, что дала возможность вокругъ нея помѣстить надпись, оружіе красивой формы и нормальныхъ размѣровъ; точки изчезаютъ. Это—самый распространенный типъ изъ чеканившихся при Борисѣ Александровичѣ, насколько объ этомъ позволительно судить по богатству его разновидностей.

119. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, впрямь, съ мечемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой; голова не покрыта. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ....кѵѧзвлкогоб•|.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій и въ ободкѣ изъ мелкихъ точекъ: пєѵь | .ѧѧꙁв | .кгов | .рс. |. (Послѣдняя строка видна слабо).

С². В. 0,48. Д. 12—13. Т. К.

Описана Чертковымъ подъ № 527, Орѣшн. № 173.

120. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пєѵакѵ....огбор |.

Обр. ст. Какъ на предыдущей.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 174.

121. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пєѵатькнѧꙁвлкогов |.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: пє | кнѧꙁв | лкгов | орс.

Описана Чапскимъ подъ № 52, съ неточною ссылкою на 527 № Черткова и 3134 Шодуара.

122. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но мечъ имѣетъ стрѣлообразную оконечность. Надпись въ линейномъ и точечномъ ободкѣ: пєѵаткѵѧꙁвлкгобрсо |.

Обр. ст. Тоже, что чек. № 1.

С². В. 0,51. Д. 12—13½. Н. С.

Есть подобная и въ Т. М. (См. р. 3 № 345), но С³; надписи на *обр. ст.* не видно. Д. 12—14. Орѣш. 175.

123. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но изображеніе человѣка грубѣе и мечъ длиннѣе. Надпись: пєѵаткѵѧ.....кго |.

Обр. ст. Тоже, что чек. № 1.

С². В. 0,48. Д. 11½—13. Т. К.

124. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись въ линейномъ ободкѣ: дєнгатвѣрискаѧ |.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: пєѵа. | кꙁѧвєл | когврса | олєксан | дрѵі |. (Буква ꙁ вырѣзана въ обратную сторону).

Описана Рейхелемъ въ Доп. къ рус. нумизм. Зап. Спб. Арх. Общ. Спб. 1849. Т. I, стр. 71. № 81.

125. *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: денганкнѧзьлкого; подъ щитомъ точка.

Обр. ст. Въ ободкѣ шнуромъ (витомъ) 4-строчная между линій надпись: пуат|кзѧв|кгобо|оріс•|

Описана Чапскимъ подъ № 51, съ невѣрною ссылкою на Шод. № 3132 и Сах. № 31. (6-я буква отъ конца въ надписи *лиц. ст.* вѣроятно дурно отчеканившаяся в).

126. 8) *Лиц. ст.* Тоже, что чек. 2, но фигура человѣка снова лучше вырѣзана и мечъ какъ на чеканѣ № 1. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: пеvаткнз....

Обр. ст. Четырехстрочная надпись, безъ линій, въ двойномъ линейномъ ободкѣ: ....нз|велкі|брсол|кса•|

С². В. 0,54. Д. 12—14. Т. К.

Описана Чертковымъ подъ № 159. На его экземплярѣ окончаніе надписи *лиц. ст.* читается: ...влкого. На *обр. ст.* на его экземплярѣ не отчеканилась буква і и въ концѣ надписи не поставлена точка, хотя она ясно видна на приложенномъ имъ рисункѣ. Табл. IX, ф. 2. Шод. 3131. Сонц. IX. 81?

127. 9) *Лиц. ст.* Тоже, что чек. 8, но надпись: пеуа...влкгоріоі.

Обр. ст. Севершенно тоже, что 8; во второй строкѣ послѣдняя буква г, но въ экземплярѣ Т. К. верхняя часть буквы могла и не отчеканиться вполнѣ.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 183, съ неточною ссылкою на Чапскаго № 50 (сходна только *лиц. ст.*). Ср. чек. 12.

128. 10) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пеуатькнѧзвкгоб::|

Обр. ст. Тоже, что № 8, безъ линій.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 184 съ неточною ссылкою на Черткова № 159. (Ср. чек. 8). Въ Т. М. есть подобная монета съ надписью съ *лиц. ст.*: пеvать...лкогоб::|, на *обр. ст.*: кн.е|веліеі|брсол|кса•|. р. 11, со ссылкою на 159 № Черткова.

129. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ....кнзвлкгбріо|.

Обр. ст. Тоже, что 8.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 185. Всѣ эти 4 послѣднія монеты различаются только надписью на *лиц. ст.*

130. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЄVAТК...ЛКГОРІОІ. Точечный ободокъ.

Обр. ст. Въ ободкѣ изъ точекъ надпись между линій: КNZ|БЛКГО|КРІСОЛ|КСАН|.

Описана Чапскимъ подъ № 50, съ невѣрною ссылкою на 159 № Черткова и Шодуара № 3131. Ср. чек. 8. Кромѣ того, у Чап. стороны опредѣлены невѣрно.

131. 13) *Лиц. ст.* Тоже, что чек. 5. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ПЄVАТКNZБЛКГ....ОІ|.

Обр. ст. 4-строчная безъ линій надпись въ точечномъ ободкѣ: КNZ|БЛКГО|КРІСОЛ|КІД.|

С². В. 0,54. Д. 12—14. Н. С.

У Орѣшникова описана подъ № 194, но въ надписи *лиц. ст.*, въ концѣ слова «печать» у него поставлена буква ь, которой на нашей монетѣ нѣтъ. Рисунокъ (Т. II. № 86) воспроизведенъ по плохому экземпляру, такъ что нѣтъ возможности узнать: имѣемъ-ли въ своемъ экземплярѣ новый чеканъ, или же здѣсь вкралась невѣрность. Рис. 30.

132. 14) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЄVАТКNZБЛКГОРІОІ|.

Обр. ст. 4-строчная надпись въ точечномъ ободкѣ: КNZ|БЛКГІ|КРСОЛ|КИУ|.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 192.

133. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: КNZБЛК...РСОЛК...

Обр. ст. Какъ на предыдущемъ №.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 193.

134. 16) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: КNAZ⊏ ⊱КОГОБОРНО|. Ободки линейный, и линейный, пересѣченный прямыми черточками. Рѣзьба грубоватая.

Обр. ст. 4-строчная надпись безъ линій, въ тонколинейномъ, пересѣченномъ прямыми черточками ободкѣ: ...ЄVА|КNMZК|ЛКОГОІ|КРОК|.

С². В. 0,42. Д. 13—15½. Н. С.

135. 17) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: КNMZБЛКГОБОРНО|.

Обр. ст. Надпись вырѣзана въ обратную сторону, между линій, въ линейномъ ободкѣ: кнꙁ|вел•|кого|....|.

Описана Орѣшниковымъ въ «Мат. къ р. н.» подъ № 20.

136. 18) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пеѵатknѧꙁвлкгоі|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пеѵат|кнѧꙁвл|кгобрс•|.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 178.

137. 19) *Лиц. ст.* Тоже, но иного образца. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: кнѧꙁвлкобрсонѧ•|. (Первая буква к имѣетъ слѣва лишнюю черту, дѣлающую ее похожею на л̂к).

Обр. ст. Въ линейномъ ободкѣ 4-строчная надпись безъ линій: пеѵа|кꙁѧвс|гобосі|олел|.

С¹. В. 0,54. Д. 14—15. Т. К.

Орѣшн. (№ 188) надпись на *обр. ст.* читаетъ: пеѵа|кꙁѧве|лобосі|олел|. Разность чтеній кажется объясняется недочеканомъ нѣкоторыхъ чертъ. Жаль, что г. Орѣшниковъ не приложилъ рис., по которому бы можно было провѣрить надпись. Рис. 31.

138. 20) *Лиц. ст.* Экземпляръ подобный предыдущему, но подъ щитомъ точка. Надпись въ линейномъ и точечномъ ободкѣ таже, но вырѣзана неправильными буквами: ≡ нѧꙁвлкобрсонѧ|.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись въ линейномъ ободкѣ, пересѣченномъ косыми черточками влѣво: пѵаі|кꙁѧв|кгобсі) олк•|. (Послѣдняя буква въ первой строкѣ вѣроятно дурно отчеканившаяся т, а средняя въ послѣдней стоитъ бокомъ).

С¹. В. 0,54. Д. 14—17. Н. С.

Повидимому тоже, что № 187 у Орѣшн., только на *обр. ст.* въ первой строкѣ у него вмѣсто і стоитъ • (точка), а послѣ олк нѣтъ точки. Рис. 32.

139. 21) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: шнлꙁвн̂олрсонд|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пѵаі|кꙁѧв|кгобса|олк|.

Описана Шодуаромъ подъ № 3132. Если бы Шодуаръ послѣ надписи не поставилъ знака, удостовѣряющаго вѣрность чтенія (sic), мы-бы сочли эту монету за тожественную съ нашею. Въ самомъ дѣлѣ, сходство—большое, но и разница не меньшая. Чтобы установить подлинное чтеніе, нужно видѣть монету, такъ какъ опис. Шод.—неопредѣленно.

140. 22) *Лиц. ст.* Подобный экземпляръ, но работа хуже и мечъ походитъ на палку.

Обр. ст. 4-строчная, грубой работы надпись, безъ линій и безъ ободковъ: ПУАІ|КНѦС|·АКОГ|ОБРС·|. (Въ первой строкѣ послѣдняя буква І—вѣроятно дурно отчеканившееся Т, а въ послѣдней О видно плохо).

С². В. 0,54. Д. 13—15. Н. С.

Повидимому таже, что описана у Орѣшн. подъ № 190; надпись на *обр. ст.* у него такая: ПУАІ|КНѦС|БАКО.|БРС|. Небольшая разность можетъ быть объяснена недочеканкою нѣкоторыхъ буквъ.

141. 23) *Лиц. ст.* Тоже; надпись въ линейномъ и точечномъ ободкѣ: КNѦЗ.....НО|.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: ПЄVТ|КНѦZКА|КГОБО.|ОЛ.|.

С². В. 0,57. Д. 12—14. Н. С.

На другомъ экземплярѣ надпись *лиц. ст.*: КНѦЗПЬККСО БОРНО; ниже поставленныя буквы тѣ, которыя мы предполагаемъ должны находиться на мѣстѣ точекъ. Оригинальное и неизвѣстное сочетаніе буквъ въ надписи лицевой стороны. Рис. 33.

142. 24) *Лиц. ст.* Вѣроятно тоже (надпись стерлась).

Обр. ст. 4-строчная надпись: ....V|NZѦК|КОГОК|ОЛ.

Описана Чертковымъ подъ № 161. Шод. 3135 (вѣроятно повторяетъ монету Черткова). Въ Тв. М. есть подобная же монета съ надписью на *лиц. ст.* ПЄVАТКZѦЬЄЛК...ГОБ и на *обр.*: ПЄVА|КZѦКЄ·|КОГОБ.|ОЛЄ|. С¹. В. 0,60. Д. 15—16. р. 11, со ссылкой на 161 № Черткова.

143. 25) *Лиц. ст.* Тоже, но у ногъ человѣка справа фигуры и подъ щитомъ буква Є. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ПЄVАТ-ВZѦКЄЛК....

Обр. ст. 4-строчная безъ линій надпись: ПЄVА|КОГОК|РСАОЛЄ|.....

С². В. 0,54. Д. 13—16. Н. С.

Есть въ Т. М. См. журн. Арх. Комм. № 75, пунктъ 9.

144. 26) *Лиц. ст.* Тоже, но грубой работы. Надпись неразборчива: ПЄVАТКN...КО...

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: пєvа|кnzѧв|лкгоб|рсол•|, въ точечномъ ободкѣ.

Описана Орѣшн. подъ № 180.

145. 27) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: пvат|кnzѧв|лкгоб|рсолє|.

Описана Шодуаромъ подъ № 3134.

146. 28) *Лиц. ст.* Тоже; надпись: пєvаткnѧзві...., въ двухъ линейныхъ ободкахъ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пєvа|кnѧзві|кгобрс|олєс|. Слѣды ободка.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Н. С.

Чапск. № 53, съ неточною ссылкою на Черткова № 161 и Шод № 3135. См. выше, чек. 24. Орѣшн. № 177. Разница съ нашею зависитъ отъ недопечатки буквы ѧ.

147. 29) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: .....влкгобрнс.....

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: пєvа|кзѧвлі|гобрнс|олєк|.

Описана Орѣшн. подъ № 181.

148. 30) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnzѧ....брнсло•|

Обр. ст. Надпись между линій: кnз|.лкго|..осаі|.....

Описана Орѣшн. подъ № 182.

149. 31) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnзѧ....кгобрслкс•|, въ двухъ линейныхъ ободкахъ.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: кnзѧ|влкгоб|рсолкс|.....|. Въ 4-й строкѣ слабо видно: оид.

С². В. 0,54. Д. 12½—14. Н. С.

150. 32) *Лиц. ст.* Тоже. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: KNZMKAKГОБРСОЛЕС.

Обр. ст. 4-строчная надпись безъ линій: ПЕVA|KZMKA|ГОБОС|ОЛЕК|.

Описана Орѣшн. подъ № 186, съ обратнымъ опредѣленіемъ сторонъ.

151. 33) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЕКNZMKAKO....

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: ПЕVA|KZMK|ГОБОР|СО|.

Описана Чертковымъ подъ № 160. Шод. 3133. У послѣдняго, впрочемъ, послѣдняя строка надписи *обр. ст.* имѣетъ такой видъ: С. О. Вѣроятно эта же самая монета описана у Орѣшникова подъ № 179: въ надписи *лиц. ст.*, судя по поставленному многоточію, нужно ожидать продолженія, а лишняя буква І во 2 стр. *обр. ст.* могла быть не замѣченною Чертковымъ, какъ находившаяся на краю монеты и не отчеканившаяся.

152. 34) *Лиц. ст.* Тоже; надпись: ПЕVATKNMZKAKГОБРСО.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: ПЕ..|КІІMZК|.НН7•|....|.

С³. В. 0,54. Д. 13—14½. Н. С. Рис. 34.

153. 35) *Лиц. ст.* Тоже; надпись: KNMZ....АКОБРСОНД въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: ПЕТА|KNMKЕ|ГОБОС|ОЛЕ, въ витомъ ободкѣ.

Описана Орѣшн. подъ № 189.

154. 36) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись какъ на предыдущемъ №.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: KNM|ZKAKO|.КОРN|ОЛЕГ|, въ витомъ ободкѣ.

Описана Орѣшн. подъ № 191 и въ «Мат. къ русск. Нум.» подъ № 17.

155. 37) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись, какъ на предыдущемъ №, но съ точкою послѣ Д.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: ПЕVA|KZMKС|ГОБОСІ|ОЛЕГ|.

Описана Орѣшн. въ «Матеріалахъ» подъ № 19. Ср. № 35.

156. 38) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пєvатknzѧ.....oi, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись безъ линій въ точечномъ ободкѣ: пут | knzѧв | лгобса | олкд | уа· |

Описана Орѣшн. подъ № 195. Надпись *обр. ст.* буквально повторяется на одномъ изъ чекановъ нижеслѣдующаго типа XII чек. 27. Въ «Матер. къ русск. нум.» Орѣшн. неправильно отнесъ къ настоящему типу монету подъ № 18. Это другой типъ: см. ниже XII ч. 27.

157. 39) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись грубымъ шрифтомъ: knѧзвлк...
Обр. ст. Надпись: ик....| ѡвє...| кн....|, въ линейномъ ободкѣ.

Описана Орѣшн. подъ № 196, съ замѣчаніемъ: «хотя имени князя нѣтъ, но по общимъ признакамъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Борису Александровичу».

158. 40) *Лиц. ст.* Тоже. Часть надписи можетъ быть *приблизительно* передана слѣдующими буквами: ...кѧтвзѧ.... (Буква з вырѣзана въ обратную сторону).

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: іѧрт | ...рг | кобр | окі.

Упоминается Орѣшн. подъ № 197. Объ этой монетѣ у него сказано только: «грубое подражаніе вышеописаннымъ монетамъ». Надписи нами прочтены на приложенномъ имъ фототипическомъ рисункѣ. См. Табл. II. № 87.

Типъ XI.

Человѣкъ съ мечемъ и ножнами.

159. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, впрямь, съ мечемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой съ ножнами, (или кинжаломъ, какъ кажется Черткову). Линейный ободокъ, вокругъ котораго слѣды надписи.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: кнzь | борисъ | алексан | ....|

Описана Чертковымъ подъ № 150. (Табл. VIII. ф. 7). Вѣсъ 10 гранъ, не смотря на то, что «край монеты отломанъ». Типъ въ общемъ сходенъ съ предыдущимъ и двумя послѣдующими, въ подробностяхъ же, въ особенности по виду *лиц. ст.*, столь отъ нихъ отличается, что мы вынуждены были выдѣлить его въ особый типъ. Вѣроятно ту же монету описываетъ Шодуаръ подъ № 3138. Его монета «зазубристая». Ссылается на 150 № Черткова.

160. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но лѣвая рука mit einem Schilde.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: ПЕУА|КNѦZКЕ|ЛІКОГОБО|ОРС.

Описана Рейхелемъ подъ № 3818—3821, со ссылкою на Черткова Табл. VIII. ф. 7, т. е. на № 150. Но надпись съ обратной стороны, какъ мы видимъ, совсѣмъ не подходитъ подъ вышеописанный чеканъ. Мы весьма сомнѣваемся въ правильности опредѣленія типа Рейхелемъ, тѣмъ болѣе, что и *лиц. ст.* имъ отмѣчена признакомъ, дозволяющимъ отнести монету къ только-что описанному X типу. Къ сожалѣнію рисунка у Рейхеля нѣтъ и мы не имѣемъ никакихъ средствъ къ болѣе точному опредѣленію монеты. Рейхель указываетъ еще нижеслѣдующія разновидности той же монеты: на *лиц. ст.* одна имѣетъ: ПЕVАТЬКНѦZА; другая: ПЕVА; и на *обр.* ПЕVА|KZА|КЕІ|КОГОКО|ОЛС; третья—неизвѣстно на какой сторонѣ—КНZѦ.

161. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но мечъ въ правой рукѣ походитъ болѣе на молотокъ, а изъ лѣвой сыплятся какіе-то шарики (числомъ 5). Подъ молоткомъ 3 шарика. Неправильный линейный ободокъ, за которымъ надпись: ....ОРНСZА....

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: КNZѦ|.АРНС|.АЛЕК|.... (Во второй строкѣ буква А вырѣзана въ обратную сторону). Ободковъ невидно.

С². В. 0,54. Д. 13—15. Н. С. Рис. 35.

162. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но изображеніе грубое и мечъ опущенъ нѣсколько ниже; круговая надпись неразборчива.

Обр. ст. Надпись между линіями: КNZЬ|КОРНСZ|ААЕКАN. ..

Описана Орѣшн. подъ № 161. Онъ ошибочно отожествляетъ *лиц. ст.* съ типомъ «Человѣка съ шаромъ». См. у него № 155, у насъ ниже, типъ XIII. Изображеніе на описываемомъ типѣ совершенно иное. Ссылка его на 150 № Черткова вѣрна только для обратной стороны монеты. Имъ же описаны нижеслѣдующіе 5 чекановъ этого же типа.

163. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но еще грубѣе; по сторонамъ точки; надпись неразборчива.

Обр. ст. Надпись: ....|КNZ|..ААЕК|...Д|.

Ор. № 162.

164. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но безъ точекъ; круговая надпись: КNZКЕАНКОГОБР.

Обр. ст. Надпись: кnzь|корнс|zале.|....| между линіями.

Ор. № 163.

165. 7) *Лиц. ст.* Тоже, но другого штемпеля.

Обр. ст. Надпись: кnzь|корнс|zалек|.аn.|.

Ор. № 164.

166. 8) *Лиц. ст.* Тоже, круговая надпись крайне грубая, повидимому, «печать великаго князя».

Обр. ст. Подобна предыдущей.

Ор. № 165.

167. 9) *Лиц. ст.* Тоже, грубой работы, круговая надпись неразборчива.

Обр. ст. Надпись: кn...|корн...|алекс.|nро| между линій; линейный ободокъ.

Ор. № 166, съ замѣчаніемъ: «титулъ великій на нѣкоторыхъ изъ опасанныхъ монетъ, повидимому, опущенъ».

Типъ XII.

Человѣкъ, опершись лѣвой рукой въ бокъ.

168. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; въ правой рукѣ держитъ мечъ, а лѣвой уперся въ бокъ, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: пүтк..мвлкгобрсл·|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ ободкѣ изъ косыхъ черточекъ влѣво: кnzм|влкгоі|брісло|.еку|.

С². В. 0,57. Д. $13^1/_2$—15. 2 экз. Т. К.

Орѣшн. № 200.

169. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: пүткnzмвлкгобсл·|.

Обр. ст. Надпись: кnzм|влкгоі|брісло|.еку|.

С². В. 0,54. Д. 14—$15^1/_2$. 2 экз. Т. К.

170. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПУАТКNZКА...РНС•|.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій, какъ на предыдущемъ чеканѣ.

Опис. Орѣшн. подъ № 201.

171. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПУТКNZѪКАКГОКО•|.

Обр. ст. Надпись: ....|KNZѪ.|АКГОК|РСОЛ|.

Ор. № 204.

172. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура человѣка миніатюрнѣе, ноги широко отстоятъ одна отъ другой. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: П...ѪКАКГОК|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ ободкѣ изъ косыхъ черточекъ: ....|КАКГ.|КРСАО|АЄКС|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

173. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Вокругъ линейнаго ободка надпись: KN...ГОКРСОАЄ|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: ПУ..|КЄАК..|КРСО|.КС.|.

С². В. 0,42. Д. 10—13. Т. М. р. 4. № 347.

174. 7) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, что и на чеканѣ № 1. Линейный ободокъ, вокругъ котораго надпись: ПУ....ZѪКАКГОКРС•

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ линейномъ ободкѣ: ПУТ|KNZѪК|АКГОК.|ОАК|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Н. С.

Ор. № 203.

175. 8) Тоже. Надпись въ двухъ линейныхъ ободкахъ: П...КАКГОКРСОЛ|.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій чеканъ, но въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,57. Д. 13—16. Н. С.

Подобная деньга есть и со щитомъ, отдѣльно стоящимъ съ правой стороны фигуры. См. ниже. Чек. 25.

176. 9) *Лиц. ст.* Тоже. Изображеніе художественное. Въ ободкѣ линейномъ, и линейномъ, пересѣченномъ косыми черточками, надпись: пvаткnзѧвлкгобріс|.

Обр. ст. Въ такихъ же ободкахъ между линій четырехстрочная надпись: кнѧ|зьѣкгі|обрсоѣ|кnд|.

С¹. В. 0,55. Д. 13—14. Н. С.

Ор. № 206.

177. 10) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнзѧв-обрсоле•|.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: кzѧ|вѣкг.|брсоле|кса|, въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. М. р. 7, безъ №.

Ссылка здѣсь на 160 № Черткова невѣрная. Ор. № 225.

178. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пеvаткnзѧвлкгоб|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: кnzѧ|влкгоі|брсоле|кснv|.

Описана Орѣшн. подъ № 222.

179. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Вокругъ линейнаго ободка надпись: кn...обрсол|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись какъ на предыдущемъ чеканѣ.

С². В. 0,54. Д. 13—15. Н. С.

180. 13) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnzѧвлкгобрсоле•

Обр. ст. Надпись между линіями: кzѧ|велкго|брсоле|кснv|.

Ор. № 219.

181. 14) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кꙁѧвлкговрісоле|.
Обр. ст. Тоже, что предыдущій №.

Ор. № 220.

182. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пуаткnꙁѧвлкговріс|.
Обр. ст. Надпись: кnꙁѧ|влкгов|рісаоле|кnву|.

Ор. № 221. Ср. чек. 26, ниже.

183. 16) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура человѣка грубѣе сдѣлана. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: кnꙁѧвлкговрисаоле|.
Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: кnꙁѧ|влкгов|р.аол.|и.у|.

С². В. 0,57. Д. 13—14. Т. К. Рис. 36.

184. 17) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнѧꙁѧ...оле|.
Обр. ст. Какъ предыдущій чеканъ.

Ор. № 224.

185. 18) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура человѣка нѣсколько наклонена влѣво и рука опершись выше бока, въ грудь. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: ...аткnѧꙁвлк...
Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: +бор|исаоле|ксаnд|овіv+|.

С². В. 0,54. Д. 14—15. Н. С. Рис. 37.

Ор. № 205.

186. 19) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnꙁѧвлкговрсоле•|.
Обр. ст. Надпись между линій: кnꙁѧ|влкгов|рсолкс|оnд|.

Ор. № 217.

187. 20) *Лиц. ст.* Таже миніатюрная фигура человѣка, но подъ рукой, опершейся въ бокъ, нарисованъ отдѣльно неизвѣстный пред-

метъ, похожій на щитъ. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: кнзѧвлкгобрслкс•|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: кнзѧ|влкгоб|рсолкс|онд|.

С². В. 0,54. Д. 12—13. Н. С.

Ор. № 216.

188. 21) *Лиц. ст.* Тоже, что предыдущій чеканъ. Надпись: пуаткнзіѧвькогоі|, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. Какъ выше, чек. 15.

С¹. В. 0,54. Д. 13—14. Н. С. Рис. 38.

189. 22) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: пуаткнзѧвлкгоі|.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій чеканъ.

Ор. № 202. Отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что ѧ написано обыкновенно и пропушено о между к и г.

190. 23) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнѧ...кгобрсол•|

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: кzѧ|велкго|брсоле|кснv|.

С². В. 0,54. Д. 12—13. Н. С.

Ор. № 218.

191. 24) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнzѧвлкгобрслкс•|.

Обр. ст. Какъ предыдущій №.

Ор. № 223.

192. 25) *Лиц. ст.* Тоже, что чек. 8, только изображеніе съ предметомъ.

Обр. ст. Тоже, что чек. 8.

С². В. 0,54. Д. 13—14½. Н. С.

193. 26) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: путкнзѧвлкгобріс|.

Обр. ст. Тоже, что чек. 21.

Ор. № 199. Подобная же монета есть и *безъ предмета*. См. выше, чек. 15.

194. 27) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пеуакнзѧвлкгобсолен, въ линейномъ ободкѣ.

*Обр. ст. Пяти*строчная *безъ линій* надпись въ точечномъ ободкѣ: пут|кнзѧв|кгобса|олкд|уа•|. Правильная рѣзьба.

С¹. В. 0,54. Д. 13. Н. С.

Монета замѣчательна тѣмъ, что она—единственная безъ линій изъ серіи имѣющихъ отдѣльно изображенный щитъ или неизвѣстный предметъ на лицевой сторонѣ. Кромѣ того и единственная съ пятилинейною надписью изъ всего типа. Описана Орѣшниковымъ въ «Мат. къ руск. нумизм.» подъ № 18, но ошибочно помѣщена здѣсь въ типъ «Человѣка съ мечемъ и щитомъ». Рис. 39.

195. 28) *Лиц. ст.* Фигура человѣка грубой работы; мечъ очень длинный, который фигура держитъ вертикально. Въ ободкѣ линейномъ и изъ косыхъ черточекъ надпись: путкн...гобрсол|.

Обр. ст. 4-строчная надпись *безъ линій* въ точечномъ ободкѣ: ...|кнzѧв|лкгобо|рсоле|.

С². В. 0,57. Д. 13—16. Т. К. Рис. 40.

196. 29) *Лиц. ст.* Надпись: кнzѧвлкгобрсоле•|.

Обр. ст. Надпись безъ линій: пут͡ъ|кнзѧв|лкгобр|солк|.

Ор. № 208.

197. 30) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пут͡ъ|кнзав|лкгобо|рсол•

Ор. № 209.

198. 31) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: путкн....гобрсол|.

Обр. ст. Надпись: пуа:|ткнзѧ|влкго|брсо|.

Ор. № 215.

199. 32) *Лиц. ст.* Какъ чек. № 29.
Обр. ст. Какъ чек. № 33.

Ор. № 211.

200. 33) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнꙁ...гобрнсаоле|.
Обр. ст. 4-строчная надпись безъ линій: пут҃ъ•|кнꙁѧв|лкгобо|рсоле|.

Ор. № 207.

201. 34) *Лиц. ст.* Тоже. Изображеніе небрежное. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: пvат.нꙁѧвлкг...иса|. (Послѣднія три буквы неясно видны).
Обр. ст. Четырехстрочная надпись безъ линій: пvат|кнꙁѧв|лкгов|рсо....|. (Первая и послѣдняя буквы первой строки и послѣдняя строка не совсѣмъ ясно видны).

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

202. 35) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись какъ на чек. № 9.
Обр. ст. Какъ чек. № 37.

Ор. № 213.

203. 36) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пvаткнꙁ....брнс|.
Обр. ст. Надпись, какъ выше, чек. № 9.

204. 37) *Лиц. ст.* Тоже. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: кнꙁѧвлкгобрсоле•|
Обр. ст. 4-строчная безъ линій надпись въ точечномъ ободкѣ: пvат|кнꙁѧв|лкогобо|рсоле|. (Послѣдняя строка видна не отчетливо).

С². В. 0,57. Д. 14—17. Н. С.

Ор. № 212. Онъ во 2-й строкѣ читаетъ: кнꙁав. Вѣроятно эта же самая монета значится въ Т. М. р. 4. № 348, по отчету Муз. за 1889 г., но судить объ этомъ съ точностію трудно, такъ какъ 1/3 монеты отломана. С². Д. наибольшій 13.

205. 38) *Лиц. ст.* Тоже. Линейный ободокъ и надпись: ПЕVАТКNѦЗѦВЕЛN̂КОБР|.

Обр. ст. 4-строчная безъ линій надпись: ПЕVАТ|КНЗѦВ|ДИКГОБО|РСОЛЕ|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3826. (Taf. 6. № 77). Она же въ его «Дополн. къ русск. нумизм.» подъ № 77, съ небольшою однако разницею въ надписи *обратной ст.*: ПЕVАТ|КНАЗѦ|..КГОБО|РСОЛЕ|.

Типъ XIII.

Человѣкъ съ мечемъ и шаромъ.

Этотъ типъ можно считать усовершенствованіемъ двухъ предыдущихъ. Шаръ въ рукахъ фигуры не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ державы [1]), символа власти и могущества, которыхъ достигло Тверское княжество въ эпоху Бориса Александровича. Сознаніе этой же власти и независимости выражаетъ фигура человѣка, стоящаго съ высокоподнятымъ надъ головой мечемъ, надъ которымъ высится надпись съ крестомъ: «деньга Тверискаяя», окончательно утверждающаяся именно на этомъ типѣ.

206. 1) *Лиц. ст.* Фигура человѣка во весь ростъ, впрямь, съ высоко поднятымъ надъ головою мечемъ въ правой рукѣ и шаромъ въ лѣвой. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: +ДЕNИГАТВѢРИСКАѦ|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: ПVТЬ|КНZѦВЛ|КГОБРСО|ЛКСД|.

С¹. В. 0,60. Д. 14—15. 2 экз. Т. К.

Второй экз. С². Есть въ Тв. М. еще ½ под. же монеты, поступившая сюда по жур. Тв. Уч. Арх. Комм. № 75, пунктъ 10, Сах. 41. Чапскій 54. Орѣшн. 158, съ неточною ссылкою на Рейхеля № 3887. См. ниже, чек. 5. Намъ кажется неправильною постановка имъ креста въ концѣ надписи: кресты обыкновенно ставились и ставятся въ началѣ письма. У Чапскаго и Рейхеля они впереди.

207. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но безъ креста впереди надписи.

Обр. ст. Тоже.

Описана Шод. подъ № 3151.

---

[1]) И уже ни въ какомъ случаѣ не Stein, какъ это кажется Reichel-ю (S. № 3887), очевидно плохо понимавшему внутреннія междукняжескія отношенія въ XV вѣкѣ.

208. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но вмѣсто креста, на его мѣстѣ, поставлена точка.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пvт.|кnzѧві|кгобр|соле|.

Описана Орѣшн. подъ № 156.

209. 4) *Лиц. ст.* Тоже, что ч. № 1.

Обр. ст. Надпись, какъ ниже, чек. № 8.

Описана Орѣшн. подъ № 160, въ примѣчаніи.

210. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: деньгатвѣрискаѧ|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvть|кnzѧв|кгобрсо|лксд|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3887. Въ «Дополн. къ русск. нумизм.», № 82, онъ описываетъ еще деньгу слѣдующаго вида: *лиц. ст.*: деnгатвѣрискаѧ; *обр. ст.*: пvть|кnzѧве|кгобрсо|лкса; на приложенномъ же рисункѣ (Taf. VI. № 82) надпись *лиц. ст.* читается, какъ № 1, а на *обр.* какъ только что приведенная, но въ 4-й строкѣ имѣетъ д, а не а. Въ виду невозможности опредѣлить, которое изъ чтеній наиболѣе правильно, мы не рѣшаемся, руководясь только указанными разночтеніями, быть можетъ въ чемъ либо ошибочными, выдѣлить означенную деньгу въ особый чеканъ. Относительно буквъ д и а разночтеніе довольно понятно, такъ какъ онѣ похожи другъ на друга, а что касается буквы е во 2-й строкѣ, то она какъ крайняя въ строкѣ, могла и не отчеканиться на другомъ его экземплярѣ.

211. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: +деnгатверскаѧ|.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnzѧв|кгобрсо|лед|.

Описана Шодуаромъ подъ № 3150.

212. 7) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись нѣсколько иная: +деnигатвѣріскаѧг|. Отчетливый внутренній ободокъ и едва замѣтный внѣшній.

Обр. ст. Тоже, что ч. № 1.

С¹. В. 0,56. Д. 13½—14. 2 экз. Т. К.

Чеканъ художественной работы и рѣдкій. Буква г въ концѣ надписи на *лиц. ст.* можетъ быть означаетъ имя монетчика, а можетъ быть и серію выпущенныхъ денегъ. Орѣшник. № 159. По всей вѣроятности этотъ же самый чеканъ представляетъ деньга, находящаяся въ Тв. Муз. въ р. 4 подъ № 348, по отчету Музея за 1888 г. На ней, въ надписи *лиц. ст.*,

вмѣсто Г видно только І, а на *обр. ст.* во второй строкѣ послѣ К видно еще Л. Но горизонтальная черта у буквы Г могла не отчеканиться, какъ стоящая съ краю строки; тоже самое могло случиться и съ буквою Л на экземпл. изъ Т. К., такъ что музейная монета можетъ служить дополненіемъ экз. изъ Т. К. Монета Музея С². В. 0,43. Д. 12—14.

213. 8) *Лиц. ст.* Тоже, что предыдущій чеканъ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: кнзѧ|влкгоб|орсолеі|кнду|.

Описана Шод. подъ № 3136. 12³/₈ дол. Орѣшн. № 160.

214. 9) *Лиц. ст.* Тоже, но еще болѣе художественно выполненная: поза человѣка чрезвычайно естественно выражаетъ силу и удаль. Надпись: •денигатвѣриска|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пут|кнzѧв|лкогбр|соле|•

С¹. В. 0,57. Д. 13—14. Н. С. Рис. 41.

215. 10) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: +денигатвѣрискаѧ|.

Обр. ст. Надпись безъ ободка: пут|кнзѧвл|кгобр.|.оле|.

Описана Орѣшн. подъ № 157. Рѣдкій чек.

216. 11) *Лиц. ст.* Надпись: денигатвѣріскаѧ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пут•|кгокні|зѧвлго|брсо|.

С². В. 0,56. Д. 12—16. 3 экз. Т. К.

Ор. № 155.

217. 12). *Лиц. ст.* Тоже, но надпись деньгатвѣискаѧ|.

Обр. ст. Пятистрочная надпись между линій: путь|кнzѧвл|кго|брсо|лксд|.

Описана Шодуаромъ подъ № 3137, 18 дол. Подобная же деньга есть въ Тв. М. въ р. № 7, по крайней мѣрѣ здѣсь есть ссылка на указанный № Шодуара. Однако вслѣдствіе дурной сохранности монеты, мы ничего не можемъ сказать относительно правильности ссылки и точности опредѣленія. Монета кромѣ того обломана съ одного края. Д. 11—13. Въ Музеѣ въ р. 8

есть еще монета съ ссылкою на тотъ же № Шодуара. Ссылка эта сдѣлана и у Жизневскаго подъ № 1108а, но это едва-ли вѣрно: находящаяся здѣсь деньга вѣроятно принадлежитъ Твер. в. к. Михаилу Борисовичу. См. Т. VIII. ч. 18, ниже.

Типъ XIV.

Всадникъ.

218. 1) *Лиц. ст.* Всадникъ вправо (конь изображенъ художественно), съ поднятымъ въ правой рукѣ мечемъ. Сзади меча буква і. Линейный ободокъ, пересѣченный частыми черточками, параллельными радіусамъ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: пvт|.гокгі|.ѧвлго|.рсо|.

С². В. 0,56. Д. 13—14. Т. К.

Шодуаръ № 3159. Орѣшн. № 248. Рѣдкій и повидимому недолго существовавшій типъ.

219. 2) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: «кN вел бориса. въ полѣ».—Такъ описываетъ монету Шодуаръ, подъ № 3158, со ссылкою на Мальгина с. 183. н. 62.

220. 3) *Лиц. ст.* «Всадникъ скачетъ вправо, держа наклоненную саблю».

Обр. ст. «пеvать кN. вел бориса. въ полѣ».

Такъ описываетъ эту монету тотъ-же Шод. подъ № 3157, со сылкою на Мальгина с. 186. н. 76.

221. 4) *Лиц. ст.* Всадникъ вправо, крупнаго рисунка. Въ лѣвую сторону отъ поднятаго меча видно изображеніе какого-то неизвѣстнаго предмета. Тонкій линейный ободокъ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvть|кгокн-а|ꙁѧвлго|брсол|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3871 и въ «Доп. къ р. н.» подъ № 78.

222. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Тоже, но надпись: ....кгокні|ꙁѧвлбо|брсо|.

С². В. 0,56. Д. 12—15. Т. К.

Орѣшн. № 249.

ВОСТОЧНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ XV.

Восхожденіе Александра В. на небо.

Типъ этотъ есть воспроизведеніе въ нѣсколько измѣненомъ видѣ, одного эпизода изъ разсказовъ о похожденіяхъ Александра В., очевидно извѣстныхъ или читавшихся Тверичами въ XV вѣкѣ. Типъ этотъ въ XII вѣкѣ воспроизводился художниками Суздальскими въ скульптурахъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ, а въ XV Тверскими художниками воспроизведенъ на металлѣ и составляетъ исключительную принадлежность денегъ только этого княжества.

223. 1) *Лиц. ст.* Изображеніе стоящаго впрямь человѣка, держащаго въ обѣихъ рукахъ по копью съ насаженными на каждомъ по животному (похожему на крысу), которыхъ головы обращены другъ къ другу. У ногъ человѣка съ обѣихъ сторонъ изображенія стоятъ двѣ крылатыхъ птицы, съ головами въ противоположныя стороны. Тонколинейный ободокъ, пересѣченный косыми черточками.

Обр. ст. Въ такомъ же ободкѣ шестистрочная надпись, между линій: .....|атькn|ѧꙁаиел|икорно|борн.|....|.

С². В. 0,54. Д. 11½—15. Т. К.

Описана Рейхелемъ подъ 3853 №. Первая и послѣдняя строки у него читаются: пеv|——|олек|. 14 Doli. R². Орѣшниковъ, подъ № 754 описываетъ лицевую сторону одной Можайской деньги чертами сходными съ тѣми, какими мы описали нашу деньгу и говоритъ, что Можайская деньга одного содержанія съ подобною же деньгою Бориса Александровича. Однако другіе нумизматы, какъ напр. Чертковъ и Шодуаръ описываютъ Можайскую деньгу совершенно иными чертами. Первый, подъ № 227 описываетъ ее такъ: «грубое изображеніе князя на престолѣ съ мечемъ и сѣкирою въ рукахъ», а второй, подъ № 2981,—такъ: «князь сидитъ на престолѣ, держитъ въ правой рукѣ топоръ, а въ лѣвой связку остроконечныхъ оружій, и пр.». Все дѣло въ томъ, что изображеніе на Можайской деньгѣ крайне неясное и только развѣ въ самыхъ общихъ чертахъ можетъ напоминать контуры деньги Б. А. См. фототипич. снимокъ съ у Ор. Т. XIII. № 607.

224. 2) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Шестистрочная надпись слѣдующаго вида: пеѵ|атьки| .ѧвели|ичоа҃оі|. ло.|ѵ.|. (Четвертая, пятая и, вѣроятно, шестая строки вырѣзаны въ обратную сторону).

С². В. 0,54. Д. 11½—13. Т. К. Рис. 42.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 121.

225. 3) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись между линій: ....|..ать|..zѧвел|..гобори| ...аолек|...дро|.

Описана Шубертомъ подъ № 12, съ невѣрною ссылкою на 165 № Черткова и Шод. 3146. См. ниже.

226. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура человѣка очерчена тонкой линіей; птицы крупнѣе.

Обр. ст. Шестистрочная надпись между линій: пеѵ|атьк|ѧлавел| .обор|олек|..а|. Слѣды точечнаго ободка.

С². В. 0,57—0,60. Д. 11—12½. Н. С. Рис. 43.

227. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Видно 3 строки надписи: |....|..вели|..орис|..екс...| ....|....

С³. В. 0,51. Д. 11—12. Т. М. р. 4. № 347, по отчету М. за 1888 г.

228. 6) *Лип. ст.* Тоже, но грубой работы; копья короткія и болѣе походятъ на мечи.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись *безъ линій* въ тонколинейномъ ободкѣ: пѵ.|ѵzѧі|рнѡ.|кѵ.|. Буквы очень крупныя.

С². В. 0,57. Д. 13—14. Т. К.

Чертковъ № 166, Шод. № 3147, Орѣшн. № 124. У него надпись читается полнѣе, именно: пѵть|кzѧво|рнѡ|...|; въ 3-ей строкѣ, говоритъ онъ, повидимому слѣдуетъ читать: рнол. Ср. слѣд. №. Въ Т. М. есть ⅓ этой монеты въ р. 8, подъ № 1106б.

229. 7) *Лиц. ст.* Тоже. Ободка не видно.

Обр. ст. Повидимому 4-строчная надпись безъ линій въ точечномъ ободкѣ: .ꙁѧб|риол|кnд|.v|.

С². В. 0,57. Д. 12—13. Н. С. Рис. 44.

Въ 228 и 229 №№ замѣчательно отсутствіе титула: «великій».

230. 8) *Лиц. ст.* Тоже, но рисунокъ шире; одно изъ копій опирается на дугу. Ободокъ линейный.

Обр. ст. Надпись безъ линій изъ неправильно расположенныхъ буквъ: ....|кnꙁѧбор|саолекса|nдров|.v.|, въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,60. Д. 13—15. Т. К.

Орѣшниковъ № 126. Въ словѣ кnꙁѧ здѣсь пропущена буква N. Отсутствіе титула «великій».

231. 9) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пеvат|кнzѧбор|саолекса|ндров|иvа|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3855. См. anderes Exemplar.

232. 10) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пvат|ьвелк|нꙁѧбор|олексан|дроvа|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3854.

233. 11) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пеvтк|nꙁѧбор|илексан|дроvа|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3856. См. drittes Exempl.

234. 12) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пеvат|нzабор|олекса|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3857. См. viertes Exempl.

235. 13) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пvть|кꙁѧб|риса|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3858. См. fünftes Exempl.

236. 14) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись безъ линій: ПЕVАК | NЗѦБОР: | ЛЕКСАН | ...

Описана Чертковымъ подъ № 165. Вѣроятно на его монетѣ была и четвертая строка, но она не отчеканилась, или стерлась. Шод., подъ № 3146, эту строку восполняетъ по своему экземпляру такъ: ДРОК. Сах. 18. Сонцовъ (№ 17) ссылается на тотъ же № Черткоаа, но надпись у него: ПЕVА | КНЗѦ | БОРН | АЛЕКСАН |. На тотъ же N Черткова ссылается Чапскій подъ № 64, но читаетъ на своемъ экземлярѣ: ПЕVАК | НЗѦБОР: | ИЛЕКСА+ | ДРОVА˙.˙|. Повидимому—это таже самая монета: + могъ быть прочитанъ какъ Ч. въ неудачно отпечатавшейся буквѣ Н, а ДРОVА˙.˙ есть недостающая строка Чертковскаго экземпляра. Ор. подъ № 123 очевидно описываетъ Чертковскую монету, но прибавляетъ къ его чтенію +.

Типъ XVI.

Кентавръ.

237. 1) *Лиц. ст.* Животное вправо, имѣющее туловище лошади, у которой голова и руки человѣческія; въ рукахъ у него копье, которое оно держитъ горизонтально; голова не покрыта; между ногъ лошади большая точка и три надъ ея задомъ. Ободокъ тонколинейный, пересѣченный косыми черточками вправо.

Обр. ст. Въ таковомъ же ободкѣ четырехстрочная между линій надпись: ПЕVАТ | ЬКЗѦВЕ• | КОГОБОV | ˙:˙А˙.˙

С². В. 0,57. Д. 11—12½. Т. К.

Въ Т. М. есть подобная же монета, помѣщенная въ числѣ «неопредѣленныхъ». См. р. 11, безъ №. В. 0,48. Д. 12—13. Reichel № 3872—3873. Животное, изображенное на монетѣ, онъ описываетъ такъ: «Doppel-Centaur, der auf eine besondere Weise susammengesetzt ist, nämlich aus zwei Hinterhälften eines Pferdes, worauf der menschliche halbe Körper, der ein Schwert (развѣ мечъ?) in die Quere hält. Zwischen Füssen eine Perle». Та же монета описана имъ въ «Доп. къ русск. нум.». въ Зап. Спб. Арх. Нум. Общ. Спб. 1849. Т. I, ст. 71. № 79. 14½ Doli. R⁴. Ор. № 120.

Изображеніе есть по всей вѣроятности искаженіе обыкновеннаго вида кентавра, какимъ онъ рисуется на мѣдныхъ деньгахъ Тверского князя Ивана Михайловича (см. выше типъ IV, чек. I) или какимъ онъ изображенъ у Рейхеля, подъ № 4026 (Табл. 2, № 31). Искаженіе состоитъ въ томъ, что художникъ, вмѣсто того, чтобы представить лошадь, у которой грудь, руки и лице человѣчьи, т. е. кентавра, помѣстилъ эти человѣческія части на спинѣ лошади, отчего получилось, что какъ будто сидитъ человѣкъ на лошади, а передняя часть лошади выдалась и получилась какъ будто другая задняя ея часть—zwei Hinterhälften. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, никакой другой задней части нѣтъ, потому, что всѣ 4 ноги лошади идутъ въ одну сто-

рону. Очень можетъ быть, что художникъ къ такому искаженію вынужденъ былъ недостаткомъ мѣста въ той части монеты, гдѣ ему нужно было изобразить человѣческія части лошади, иначе говоря, онъ не разсчиталъ хорошо рисунка, а можетъ быть сдѣлалъ это и ради симметріи, чтобы заполнить пустое мѣсто въ верхней части монеты, какъ это художники очень часто продѣлывали съ изображеніями звѣрьковъ, которыхъ они съ этою цѣлію представляли съ обращенными назадъ головами.

Типъ XVII.

Одноногій крылатый звѣрекъ.

238. 1) *Лиц. ст.* Одноногій крылатый звѣрекъ вправо, съ завернутымъ кольцеобразно хвостомъ. Въ двухъ линейныхъ ободокъ надпись: ...гоподоп...

Обр. ст. Шестистрочная надпись между линій: ....|.ькнз.| .елн͡ко..|бориса..|лекд.|....

С². В. 0,54. Д. 12—13. 3 экз. Т. К.

По характеру буквъ въ надписяхъ эта деньга совершенно тожественна съ тою изъ нижеописанныхъ, гдѣ изображена сцена охоты, почему мы находимъ необходимымъ описываемый типъ помѣстить именно здѣсь. Описана у Шодуара подъ № 3169. Надпись *лиц. ст.* у него: ...атоподопѫѡ... На одномъ экземплярѣ изъ Н. С., такъ же, буква ш болѣе похожа на греческое ѡ, но ѫ предъ ней нѣтъ. Въ Т. М. есть 2 экз. подобной же деньги, но С³: одинъ описанъ Жизневскимъ подъ № 1097 (р. 8) съ невѣрною ссылкою на 153 № Черткова. Монета съ 3-хъ сторонъ обломана. Д. 9—11; и ½ другой (р. 12, подъ № 406). Д. 7—11.

239. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Изъ надписи видно только: .....ѵд..

Обр. ст. Надпись: ..е..|тькнз•|велн͡ко..|борис•.а.|лекдн|..ѵа|. (Въ четвертой строкѣ, послѣ буквы с наискось стоятъ 2 точки).

С². В. 0,57. Д. 11—12. Н. С. Рис. 46.

240. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ахтоподопишевчдоіѵ.

Обр. ст. 5-строчная надпись между линій: пѵѧт|ькнзѧ|велн͡кого|борисао|лекан|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3881—3886. Ту же монету онъ описываетъ и въ «Допол. къ русск. нум.», но надпись *лицевой ст.* транскрибируетъ нѣсколько иначе: ахтоподопишсвцдоіѵ. См. № 16. Очевидно описывается одна и та же монета но по экземплярамъ различной степени сохранности. 14 Doli. R⁴.

252. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЄVАТЬКNѦZѦКЄЛИ|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: ПЄV.....ѦZѦКЄЛИ҃КОГ|.

Описана Чертковымъ подъ № 152. Шод. 3124, но въ концѣ надписи на обратной сторонѣ у него читается еще буква О.

Типъ XIX.

Звѣрекъ съ птичьей головой.

253. 1) *Лиц. ст.* Звѣрекъ вправо, нѣсколько меньшаго формата, чѣмъ въ предыдущемъ типѣ, съ птичьей головой, обращенной назадъ и раскрытымъ клювомъ. Линейный ободокъ и надпись: KNZѦКЄЛИКОБОРИ. (Буква послѣдняя вырѣзана слитно съ первою).

Обр. ст. Такой же звѣрекъ; между ногъ точка. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ѠЛЄКСАНДРОБИVА|, повидимому составляющая продолженіе лицевой.

С². В. 0,54. Д. 12—13. Т. К.

Описана Рейхелемъ подъ № 3880. Въ описаніи *лиц. ст.* онъ отмѣчаетъ еще подробность: животное имѣетъ хвостъ: раздѣляющійся на концѣ на 3 части (der Schweif läuft in drei Enden aus). R³. 14 Doli. Та же монета описана имъ еще въ «Доп. къ Р. Н.», подъ № 80. Ор. № 233. Рѣдкій типъ и чеканъ. Рис. 48.

Типъ XX.

Крылатый звѣрекъ.

254. 1) *Лиц. ст.* Крылатый звѣрекъ вправо съ поднятымъ кверху и кольцеобразно завитымъ хвостомъ. Надпись: ПЄVѦ ...ЛИКО|. Внѣшній линейный ободокъ.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись, между линій, въ точечномъ ободкѣ: •ГОБ|ОРСЛОЛ|ЄКСА.|•РЄ•|.

С². В. 0,54. Д. 12—13. 2 экз. Т. К.

Ор. № 238. На экз. изъ Н. С. недостающая средина надписи *лиц. ст.* читается: КШѦZѦБЄЛ.....; первая строка надписи на *обр. ст.* и справа имѣетъ точку; въ 3-ей строкѣ недостающая буква Д; въ четвертой вмѣсто точки—IV. Рис. 49.

255. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись въ двухъ точечныхъ ободкахъ.

Обр. ст. Надпись изъ четырехъ строкъ между линій: го.|рсаои..|дрбѵатв|.ска͡г|.

Опис. Ор. въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 25 и 26. Надпись нами воспроизведена по приложенному здѣсь рисунку № 28, такъ какъ чтеніе по двумъ экземплярамъ, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, мы считаемъ неправильнымъ. В. 12½ и 13 дол.

Типъ XXI.

Двуногій крылатый звѣрекъ.

256. 1) *Лиц. ст.* Двуногій крылатый звѣрекъ (драконъ) *вправо*, въ точечномъ ободкѣ. Вокругъ надпись: пеѵаткнзѧвлкгок|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: орис|денига|твѣри|скаѧ|. (Послѣдняя строка видна неясно).

С¹. В. 0,66, 2 по 0,54 и 0,51. Д. 13—15. 4 экз. Т. К.

Ор. № 236. Букву и въ *обр. ст.* онъ вездѣ пишетъ какъ н, а нужно, какъ у насъ: и, и какъ у него на рисункѣ. См. Табл. III, рис. 106.

257. 2) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, но надпись: пѵт....лкгок|.

Обр. ст. Тоже. Надпись: ....|денiга|твѣрiс|каѧ|.

С². В. 0,54. Д. 12—14½. Т. К.

Ор. подъ № 237.

258. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но драконъ болѣе крупнаго рисунка. Надъ его спиной буква ѳ, вѣроятно начальная имени денежника «Ѳедотова», какъ онъ пишетъ полнѣе на деньгахъ Михаила Борисовича, ниже. Надпись безъ линій: ....крсолекса....

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ крупно-точечномъ ободкѣ: пеѵа|тькнза|белнког|обор|. (Въ предпослѣдней буквѣ поставлена точка).

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

Ор. № 239. На экземплярѣ изъ Н. С. окончаніе надписи: ндокiѵа|. Послѣдняя буква во 2-й строкѣ *обр. ст.* у Ор. прочитана ѧ; нужно а, какъ и на рис. Т. III, ф. 110.

259. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ı...олексадровиуат|, въ ободкѣ изъ крупныхъ и рѣдкихъ точекъ. (Передняя буква ı, вѣроятно—начало слова пеv).

Обр. ст. Надпись между линій: пеvа|тькnѧ|ꙁѧвели|кгого|, въ ободкѣ изъ крупныхъ точекъ. (Вторая отъ конца буква въ послѣдней строкѣ вѣроятно—плохо отчеканившееся к).

С¹. В. 0,60. Д. 14—15. Н. С. Рис. 50.

260. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. 4-строчная надпись безъ линій въ ободкѣ изъ косыхъ черточекъ влѣво: пvа|кnꙁѧ|лкгоб|рс...

С². В. 0,57. Д. 13—14. Т. К.

Ор. № 242.

261. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: |орісаолекадровнуа|.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: пеvа|тькnѧ|ꙁавдк|гоб|.

Опис. Орѣшн. подъ № 240. Приложенный рисунокъ показываетъ, что штемпель во время удара тронулся съ мѣста, и отъ того буквы: е (въ 1-й стр. *обр. ст.*), к (во 2 стр.) и е (въ 3-ей—пропущена Ор.) отпечатались вдвойнѣ. См. Табл. Ш, рис. 111.

262. 7) *Лиц. ст.* Драконъ того же типа, но лицемъ *влѣво*. Въ линейномъ ободкѣ надпись: олексаnдровиу|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ линейномъ ободкѣ: п...|тькn.|ꙁавели|кгоб.|.

С¹. В. 0,54. Д. 13—15. Т. К.

263 8) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: рисаолекаnдровиv|.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій, въ точечномъ ободкѣ: пеvа|тькnѧ|ꙁѧвели|кгобо|.

С¹. В. 0,54. Д. 15—16. Н. С.

Орѣшн. № 235. Почему-то въ этомъ № г. Ор. поставилъ лицевую сторону на мѣстѣ обратной, тогда какъ на № 236 обратную на мѣстѣ лицевой.

СМѢШАННЫЕ ТИПЫ.

Типъ XXII.

Сцена охоты.

264. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, съ копьемъ въ правой рукѣ, которымъ онъ поражаетъ стоящаго предъ нимъ на заднихъ лапахъ звѣря; на послѣдняго бросается также собака и какъ-бы хочетъ схватить его за лапу. Вверху рисунка изображеніе топора остріемъ и рукояткой не видно куда. Ободковъ не видно. Видъ монеты схожъ съ подобною же, чеканенною при Иванѣ Михайловичѣ.

*Обр. ст. Шести*строчная между линій надпись: ....ΥΑ | ..ΚΝѦΖѦ | ВЕЛИ̑КОГО | .ОРИСАОЛ | .КСА̑НДР | ОКNΥΑ |. Ободка не видно.

C². В. 0,60. Д. 12—14. Т. К.

Вѣроятно этотъ же чеканъ описанъ Рейхелемъ подъ № 3840—3843, потому что разница заключается только въ чтеніи второй строки надписи, какъ ТЬКНѦZА. Сах. № 13. (Таб. V. ф. 19, рукоятка влѣво). Сонцовъ въ первой строкѣ читаетъ ПЕΥѦ, но едва-ли правильно, потому что на его рисункѣ (Табл. IX, ф. 84) вся первая строка едва видна. Онъ же еще дѣлаетъ замѣчаніе: «Этотъ типъ, только безъ собаки, находится на печати одной изъ грамотъ 1504 года. Собр. грам. часть I, стр. 34». Если подъ этимъ «Собр. грам.», онъ разумѣетъ «Собр. Госуд. Грам. и Дог.» гр. Румянцева, то тамъ такой печати нѣтъ. Чапскій № 60, съ неправильнымъ обозначеніемъ сторонъ. Ор. № 105, съ неточною ссылкою на Чертк. № 156. См. ч. № 2. Рис. 51.

265. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Топоръ рукояткой влѣво.

Обр. ст. Надпись: ПЕVА | ТЬКNѦ | ZѦВЕЛИ̑КОГО | БОРИСАОЛ | КСА̑НДР | БИVА |.

Описана Чертковымъ подъ № 156. 10 гранъ (Табл. VШ, ф. 12), Шод. № 3123. Послѣдній впрочемъ читаетъ во 2-й строкѣ ZА; въ 5-й строкѣ еще 2 лишнія буквы ЕКСАNДРО, не отмѣчая слитности А и Н. Приложенный же рисунокъ (Таб. 54, ф. 3) совершенно не отвѣчаетъ описанію. Въ виду такихъ недоумѣній мы не рѣшаемся его чеканъ поставить особымъ.

266. 3) *Лиц. ст.* Тотъ же рисунокъ, но нѣсколько видоизмѣненный. Ободка не видно.

*Обр. ст. Семи*строчная между линій надпись: П.... | ТЬКNѦ | ...ЕЛИ̑КО |

ГОКОРНС|АОЛЕКС.|NДРО|КИУА|. Ободка нѣтъ. Буквы мельче предыдущихъ чекановъ.

С². В. 0,58. Д. 12. Т. К.

Вѣроятно этотъ же самый чеканъ описанъ у Шуберта подъ № 7, потому что незначительная разность въ его надписи объяснима, именно: онъ въ третьей строкѣ надписи читаетъ ZѦKЄЛIKO, а въ пятой АОЛЕКСА; I въ первомъ словѣ могло быть прочитано вслѣдствіе того, что горизонтальная черта, связывавшая ее съ слѣдующею буквою К не отчеканилась, а буква А во второмъ словѣ не отчеканилась, какъ стоящая на краю строки. Такимъ образомъ Шубертовскій экземпляръ дополняетъ надпись 5-й строки монеты изъ Т. К., почему мы и поставили, въ описаніи ея, на мѣстѣ недостающей буквы точку. У Шуберта подъ № 8 значится еще какой то чеканъ съ 7-строчною надписью, но судить о немъ не можемъ, потому что онъ оставленъ безъ описанія. Рис. 52.

267. 4) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій чеканъ, но съ тѣмъ различіемъ, что послѣдняя буква А изъ 5-й строки перенесена въ шестую и здѣсь читается АИДРО, при чемъ 2-я буква измѣняетъ транскрипцію. Послѣдняя строка имѣетъ КИУ, т. е. отсутствуетъ буква А, которая могла и не отчеканиться.

Описана у Чапскаго подъ № 61, съ неточною ссылкою на 7 № Шуберта, невѣрною—на 3123 № Шодуара (см. выше № 2) и таковою же на 3843 № Рейхеля (см. выше чек. 1). Орѣшн. № 106. Въ Твер. Музеѣ есть подобная же монета съ надписью: ...ТЬКN..|ZѦKЄЛИ̂KO|ГОКОРИО|АОЛ.КС|АИДРО|.НУ|. р. 5, № 295.

268. 5) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура человѣка еще особеннаго рисунка, ободка нѣтъ.

Обр. ст. Надпись: ПЄVА|ТЬКИѦ|ZѦKЄЛИ̂KO|ГОКОРНО|АОЛЕКС|А̂NДРО|КИV|.

С¹. В. 0,55. Д. 11—12. Н. С.

Подобная же монета поступила въ Твер. Муз. по Ж. Т. У. Арх. К. за № 75, стр. 33, пунктъ 5. Рис. 53.

269. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но рисунокъ особенный. Безъ ободка.

Обр. ст. Надпись такая же, какъ на чек. 5, но въ шестой строкѣ АN вырѣзаны не слитно, а раздѣльно.

С². В. 0,55. Д. 11—13. Н. С.

Типъ XXIII.

Птица и надпись.

270. 1) *Лиц. ст.* Изображеніе птицы вправо, обыкновенно считаемой пѣтухомъ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ..кzѧвє....

Обр. ст. «Надпись въ 5 или 6 строкъ между линіями: |....|вєлн|....оборн|....лєк|....|; линейный ободокъ».

Описана Орѣш. въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 5. Типъ рѣдкій и впервые ставшій извѣстнымъ изъ Т. К. По характеру, буквы надписи совершенно тожественны съ буквами надписей предыдущаго чекана, почему мы и помѣщаемъ этотъ типъ именно здѣсь.

Типъ XXIV.

Стрѣлокъ и надпись.

271. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ вправо, съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, изъ котораго онъ стрѣляетъ въ птицу, сидящую на деревѣ, похожемъ на ёлку. Подъ лукомъ точка. Линейный и точечный ободки:

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пєѵѧ|кzѧвл|ˈкогоб|оѵл•|. Ободокъ изъ точекъ.

Монета описана кн. Долгоруковымъ въ его «Опис. неизд. рус. монетъ», подъ № 12. Зап. Имп. Арх. Общ. 1851. Т. Ш, стр. 33—50. Ор. № 107.

Типъ XXV.

Звѣрекъ и стрѣлокъ.

272. 1) *Лиц. ст.* Миніатюрный звѣрекъ вправо, съ птичьей головой и поднятымъ вверхъ хвостомъ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: пєѵатьк.ѧвєл....

Обр. ст. Человѣкъ вправо, стрѣляющій изъ лука въ птицу на деревѣ.

С². В. 0,56. Д. 12—14. Т. К.

Чертковъ № 153. У Шодуара № 3161, надпись передается нѣсколько полнѣе: пєѵатькѵѧ..когобо...

273. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись имѣетъ измѣненіе: ПЕVАТЬКZ...КОГОБО|.

Обр. ст. Тоже.

Описана Рейхелемъ подъ № 3863. Сах. № 36. Вѣроятно та же монета описана и у Чапскаго подъ № 66. Надпись у него читается: ПЕ...ЖБЕКОГОБО. Вѣроятность доказывается тѣмъ, что у Ор. подъ № 108 описанъ экземпляръ, на которомъ въ этой же надписи находится и буква Z.

Типъ XXVI.

Птица и стрѣлокъ.

274. 1) *Лиц. ст.* Миніатюрное изображеніе птицы вправо, похожей на ту, которая находится на XXIII типѣ. Хвостъ 5-перый и подъ нимъ поставлена точка. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ПЕVАТЬ•KZЖБЕКОГОБОVА.

Обр. ст. Изображеніе стрѣлка; подъ лукомъ 2 точки. Витой и точечный ободки.

С². В. 0,57—8. Д. 11—13. 4 экз. Т. К.

Въ Т. М. есть еще 2 монеты, этого же самаго чекана: одна въ р. 7, С³ (надписи не видно); другая найдена мною на мѣстѣ земляныхъ работъ при постройкѣ въ Твери электрической станціи. См. Жур. Арх. Комм. № 75, стр. 32, № 4. Чертковъ № 154; Шодуаръ № 3144; Шубертъ № 11; Reichel № 3879; Сах. 37. У него нѣтъ ссылки на рис., между тѣмъ рис. есть, именно таб. V, ф. 14. Сонцовъ № 18; Чапскій № 68; Орѣшниковъ № 109, но онъ неправильно прочелъ надпись, поставивъ начало надписи въ концѣ ея: KZЖБЕКОГОБОVАПЕVАТЬ• Точка обыкновенно на монетахъ не означаетъ знака препинанія; начало же надписи большею частію соотвѣтствуетъ верху изображенія. Рис. 54.

275. 2) *Лиц. ст.* Надпись имѣетъ слѣдующую транскрипцію: :ПЕVАТЬКZЖБЕКОГОБОVА•:, т. е. впереди надписи и сзади по 3 точки, различно расположенныя.

Обр. ст. Тоже въ ободкѣ «шнуромъ» (витомъ).

Описана Чапскимъ подъ № 67, съ неточною ссылкою на вышеупомянутыя №№ Черт., Шод., Шуб. и пр.

276. 3) *Лиц. ст.* Надпись. ·ЕVАТЬКZЖБЕКОГОБОР|.

Обр. ст. Тоже.

С². В. 0,54. Д. 12—13. Т. К.

277. 4) *Лиц. ст.* Надпись: ПЄVАТЬКZѦКЄКОГОКОРИС.
Обр. ст. Тоже.

Описана Рейхелемъ подъ № 3878. Ор. 110, съ невѣрн. обозначеніемъ сторонъ.

278. 5) *Лиц. ст.* Надпись неясная: ....КNѦZѦКЄЛИКОГО...
Обр. ст. Тоже.

Ор. № 112, съ невѣрнымъ обозначеніемъ сторонъ.

279. 6) *Лиц. ст.* Тоже, но есть разница въ надписи: ПЄVАТЬ-КZѦКЄЛИГОКОІ|.

С². В. 0,47. Д. 10—11. Т. М. р. 7, безъ №, со ссылкою на 154 № Черткова.

Подъ этимъ № въ Т. М. двѣ монеты, одна С³, другая—настоящая—С². Рис. 55.

Типъ XXVII.

Всадникъ и Самсонъ.

Это—самый многочисленный по числу чеканов типъ послѣднихъ годовъ княженія Бориса Александровича. Позднѣйшее его происхожденіе доказывается тѣмъ, что первыя монеты его преемника Михаила Борисовича—того же самаго типа, но носятъ уже имя сего послѣдняго. Доселѣ таковыя монеты, т. е. съ именемъ Михаила Борисовича, были мало извѣстны, но въ нашемъ собраніи есть нѣсколько экземпляровъ, на которыхъ отчетливо видно имя Михаила Борисовича, и которыя, безъ сомнѣнія, были первыми деньгами его княженія.

Многочисленность и разнообразіе чеканов этого типа такъ велики, что чрезвычайно трудно (по крайней мѣрѣ въ настоящее время) расположить ихъ въ такой системѣ, которая болѣе или менѣе намекала бы на ихъ преемственность. Почему въ основу нижеслѣдующаго порядка мы положили принципъ постепеннаго искаженія этого типа: отъ совершенно яснаго изображенія борьбы Самсона со львомъ до полной его неузнаваемости въ какой то эмблемѣ, полагая, что такое измѣненіе, происходя постепенно, могло идти въ параллель съ хронологическою постепенностію въ появленіи разновидностей. Дѣйствительно, присматриваясь къ различнымъ формамъ изображенія Самсона, мы не

можемъ не различить трехъ различныхъ видовъ: одинъ представляетъ совершенно ясную и понятную фигуру Самсона, раздирающаго пасть льву, другой—болѣе или менѣе трудно узнаваемую ту же картину; и третій—полную эмблему, состоящую изъ фигурныхъ линій, въ которыхъ совершенно невозможно узнать первоначальнаго изображенія. Объ этомъ послѣднемъ видѣ Рейхель такъ выражается: bei einigen Exemplaren ist der Simson so verunstaltet, so dass man bloss durch Vergleich mit den andern entdecken kann, was es für eine Vorstellung sein soll. Между этими тремя ступенями лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ видоизмѣненій.

Типъ этотъ встрѣчается еще въ Московскомъ и Кашинскомъ княжествахъ; на немъ нерѣдко виденъ восточный орнаментъ въ видѣ змѣиныхъ головокъ.

280 1) *Лиц. ст.* Изображеніе человѣка, раздирающаго пасть льву, стоящему головой влѣво. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: пеvатѧкнѧвели͡кuuuu|. (Послѣднія четыре буквы имѣютъ по точкѣ внутри и изображаютъ змѣиныя головки).

Обр. ст. Всадникъ вправо, съ соколомъ въ правой рукѣ; надъ нимъ буква N и неясная—между ногъ лошади [1]). Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: кнѧ͡зѣвели͡к-оборисаоеvн|.

С². В. 0,60. Д. 12—12. Т. К.

Весьма замѣчательный чеканъ: три буквы въ надписи *обр. ст.*—зѣе изображены въ видѣ монограммы такимъ образомъ: вырѣзана буква з въ обратную сторону, затѣмъ верхній ея лѣвый конецъ соединенъ вертикальной чертой съ серединой продолговатой нижней линіей, а верхняя горизонтальная пересѣчена полукругомъ влѣво и получилось въ одной фигурѣ три буквы зѣе; затѣмъ послѣ связныхъ ик стоитъ большое тире и наконецъ, въ концѣ надписи есть лишняя буква N, можетъ быть начальная буква имени художника. Буква и и н въ этомъ типѣ употребляется безразлично. Рис. 56.

281. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пеvатікнѧвели͡к|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: кнѧвеи͡когоборисассvн|.

---

[1]) На другихъ экземплярахъ эта буква к. Чертковъ полагаетъ (стр. 79), что эти буквы означаютъ «князя»; но съ этимъ трудно согласиться, потому что онѣ въ такомъ случаѣ должны бы стоять рядомъ; они же стоятъ раздѣльно, да еще притомъ такъ, что главная изъ нихъ (к) стоитъ между ногъ лошади, а второстепенная около головы всадника.

Описана Шодуаромъ подъ № 3154. На рисункѣ (Т. 54. 4) надпись *обрат.* стороны: КИѦБЕНКОГОБОРИСАОСУN, съ *лиц. ст.* ПЕVАТЬКNѦБЕЛИК | и 5 змѣекъ. Въ текстѣ Шод. говоритъ только о 4. Непонятная для насъ разница.

282. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: ПVАТЬКNѦБЕЛИ͡К и 4 змѣиныя головки.

Обр. ст. Подъ концемъ не буква к, а змѣиная головка. Надпись: КNѦБЕЛN͡КОГОБОРИСАОСУN |.

Описана Рейхелемъ подъ № 3833, съ неточною ссылкою на Черткова № 155.

283. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: П͡ЕVАТЬОЛЕ.....UUU (змѣиныя головки въ концѣ).

Обр. ст. Надпись: КНѦБЕН͡КОГОБОРИСАО |.

Описана Чертковымъ подъ № 155. Ссылаясь на этотъ же № Черткова, Шодуаръ подъ № 3155 описываетъ повидимому иной чеканъ, именно: О. С. КНѦБЕЛИКОГО и 4 змѣйки и Л. С. БОРОЛЕКСАNДРОБV. Рейхель подъ № 3834. Сах. 24. На тотъ № Чер. ссылается Сонцовъ (№ 14), но у него, по обычаю, надпись передана такъ нетолково, что положительно нѣтъ никакой возможности опредѣлить какой она составляетъ чеканъ. Если довѣрять его рисунку, то его монета составляетъ особый чеканъ, который мы и помѣщаемъ въ концѣ этого типа. Ор. 246.

284. 5) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: КNZѦБЕЛ.....РИС· |

Обр. ст. Тоже и надпись: КNZѦ.....ИКОГО...

С². В. 0,54. Д. 11—13. Т. К.

285. 6) *Лиц. ст.* Голова человѣка изображена тремя точками, звѣрь трехногій, но поза Самсона все еще цѣлесообразная. Надпись: КNZѦБЕНКОГОБОРИСОЛЕZ |.

Обр. ст. Надпись: КNZѦБЕЛИКОГОБОРИСОЛЕZУ |.

С¹. В. 0,54. Д. 12—13. Т. К.

У Рейхеля, № 3833—3839. Drittes Exemplar.

286. 7) *Лиц. ст.* Тоже, но голова звѣря болѣе походитъ на змѣиную. Надпись: КNZѦБЕНКОБОГРИСОЛЕ |.

Обр. ст. Надпись: КNZѦБЕНКОГОБОРИСОЛЕZV |.

С². В. 0,57. Д. 13½. Н. С.

287. 8) *Лиц. ст.* Надпись: кnзѧвелкогобозисолеѕ|.
Обр. ст. Надпись: кnзѧвелнкогоборнсоле|.

Описана Орѣшн. подъ № 247.

288. 9) *Лиц. ст.* Надпись: ѡлек.....ровиуае|.
Обр. ст. Надпись: .....еликоборь...

С². В. 0,54. Д. 12—15. Т. К.

289. 10) *Лиц. ст.* Надпись: ѡлексаnдров....
Обр. ст. Рисунокъ двоится. Буквы n и к. Надпись: кn....ликоборис.|.

С². В. 0,54. Д. 13—17. Т. К.

290. 11) *Лиц. ст.* Тоже, но отъ головы змѣи отдѣляется черта влѣво и пропадаетъ третья нога звѣря: остаются однѣ задпія ноги. Надпись: ѡлекаnдровиуалб|. (Въ точности чтенія двухъ послѣднихъ буквъ мы не увѣрены, потому что онѣ неясны).

Обр. ст. Надпись: кnзѧвеликоборисa|. (Конечное а слитно съ начальнымъ к).

С¹. В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

291. 12) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: .....лекаnсдро...
Обр. ст. Тоже.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

292. 13) *Лиц. ст.* Надпись: алексаидровиуапеуать|.
Обр. ст. Тоже.

Опис. Шуберт. подъ № 13, съ неточною ссылкою на 155 № Черткова и 3155 № Шод. Рейхель № 3837, но онъ первую букву читаетъ о.

293. 14) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись оканчивается: новиулп..
Обр. ст. Тоже. Надпись: кnзѧ.....бориса|.

С². В. 0,45. Д. 11½—12½. Т. К.

294. 15) *Лиц. ст.* Надпись: олекаѵдробнѵапеѵ|.
Обр. ст. Надпись: кѵѧzѧвенкогоборнс....

Описана Орѣшниковымъ подъ № 244. Чтеніе на *лиц. ст.* слова «печать» въ концѣ совершенно правильно, потому что противъ верха рисунка стоитъ ѡ.

295. 16)) *Лиц. ст.* Надпись: ѡлекиⷭ҇ѵѧро..ѵапевл|.
Обр. ст. Надпись: кѵzѧв..когоборисоле|.

С². В. 0,48. (Край монеты отломанъ). Д. 13—15. Т. К.

296. 17) *Лиц. ст.* Надпись: ѡлекса.....виѵапеіл|.
Обр. ст. Надпись: кѵzѧвенкогобрисоле|.

С². В. 0,54. Д. 12—15. Т. К. Рис. 58.

297. 18) *Лиц. ст.* Надпись: .....ѵдровиѵае.|.
Обр. ст. Надпись: к.....икогоборнсѵ|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

298. 19) *Лиц. ст.* Надпись: олекаѵѧровнѵае|.
Обр. ст. Надпись. кѵzѧвенкогоборно|.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 245.

299. 20) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: .....ве...борнс|.
Обр. ст. Надпись: ....велкогоборисолеі|.

С². В. 0,54. Д. 12—13. Т. К.

300. 21) *Лиц. ст.* Надпись: кѵzѧвеликог...солеz|.
Обр. ст. Надпись: ....ѧвсикогоборис....

С². В. 0,54. Д. 13—13½. Т. К.

Подобная же монета значится въ Т. М.; катал. № 1100 (р. 8), но С³, вслѣдствіе чего точно опредѣлена быть не можетъ.

301. 22) *Лиц. ст.* Надпись: .....ксандровичъ..
Обр. ст. Надпись: кнzмвеликог....рис|..
С². В. 0,54. Д. 13—15. Т. К.

302. 23) *Лиц. ст.* Надпись: ...мвеликог....
Обр. ст. Надпись: ..мвеликог....
С². В. 0,54. Д. 12½—14. Т. К.

303. 24) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: wлек....бичлов|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: кnzмвеликобор....
С². В. 0,54. Д. 12—13. Н. С.

304. 25) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: wлек...рок...чапечл•|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: кnzмвеикогоборисо...
С². В. 0,54. Д. 13. Н. С.

Подобная монета значится въ Т. М. въ р. № 5, подъ № 294, но вслѣдствіе неполной сохранности въ надписи *лиц. ст.* тожество или разность не могутъ быть удостовѣрены.

305. 26) *Лиц. ст.* Тоже. Типъ окончательно исказился: рисуется уже какая-то эмблема, въ которой нельзя узнать ни звѣря, ни человѣка. Безпорядочно вырѣзанная надпись: wлекплід ⊳ри....
Обр. ст. Тоже. Надпись: кzмк.....бриолв|.
С². В. 0,54. Д. 12—14. Т. К.

306. 27) *Лиц. ст.* Надпись: wлнекcандрconчл|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: кnzмвелнкого....л..
С². В. 0,48. Д. 13—14½. Т. М. р. 11. безъ № (со ссылкою на 155 № Черткова).

307. 28) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: wлнекс.ндр|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: кnzмвеикого|.
С². В. 0.54. Д. 13—14. Т. К.

308. 29) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ЄѠЛЄКОNДРОКNУА|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: NZѪКЄИКІКОГОКОРИО|, подъ конемъ буква к.

Описана Чапскимъ подъ № 58, съ невѣрными ссылками на 156 № Черткова, Шуберт. 13, Шод. 3135 и Сах. 34.

309. 30) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЄѠЛЄКІNДРОКNУА|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: КNZѪКЄИКОГОРNСОЛ|.

Описана имъ же, № 59.

310. 31) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: .....ЄКСИДРО...ЛПЄ...
Обр. ст. Тоже. Надпись: ....ZѪКЄЛ...ОРНОЄН|.

С². В. 0,54. Д. 12—15. Т. К.

311. 32) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ѠЛЄКСРNДРОК...•Л|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: КNZѪ.....ОГОКОРНОЄН|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

312. 33) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПЄVѪТКNZѪЄЛNКОГО|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: КNZѪККОРИО.

Описана Сонцовымъ подъ № 14, съ невѣрною ссылкою на 155 № Черткова. Ср. выше ч. № 4.

Глава IV.

Деньги великаго князя Михаила Борисовича.

Особенности денегъ Михаила Борисовича болѣе или менѣе извѣстны изъ предшествовавшаго изложенія. Здѣсь намъ приходится только повторить существенное. Особенныхъ перемѣнъ въ характерѣ и стилѣ работы денегъ Мих. Борисовича въ сравненіи съ деньгами его предшественника вообще незамѣтно. Число типовъ меньше, но это умень-

шеніе находится въ соотвѣтствіи съ меньшимъ числомъ лѣтъ княженія Михаила Борисовича. Внѣшняя форма денегъ и ихъ вѣсъ остаются почти тѣже, что были и при Борисѣ Александровичѣ. Словомъ—внѣшніе признаки и общее впечатлѣніе, какое производятъ деньги Михаила Борисовича таково, что какъ будто эти деньги продолжаютъ работать тѣ же самые мастера, которые работали и при его отцѣ Различіе открывается только при болѣе тщательномъ ихъ анализѣ. Первое, что здѣсь обращаетъ на себя вниманіе, это 1) обиліе восточныхъ типовъ: ихъ оказывается вдвое болѣе, чѣмъ западныхъ, и уменьшеніе смѣшанныхъ до одного. Причиною этого могло бы быть усиленіе вліянія Москвы и ослабленіе западнаго вліянія, но какъ и въ какихъ формахъ это выразилось—объ этомъ нѣтъ возможности судить за отсутствіемъ фактовъ; 2) ухудшеніе работы, такъ наприм. типы III и IV вырѣзаны довольно грубо, хотя первый изъ нихъ существовалъ еще при Иванѣ Михайловичѣ и выдѣлывался болѣе совершенно; нѣкоторыя разновидности типовъ VIII и XI также сдѣланы хуже, чѣмъ выдѣлывались подобные же при Борисѣ Алексадровичѣ. 3) Уменьшеніе вѣса. Средній вѣсъ деньги Мих. Борисовича выведенный изъ сложенія экземпляровъ средней сохранности =0,53, т. е. значительно ниже вѣса денегъ не только Бориса Александровича, но и Ивана Михайловича, что находимъ себѣ удовлетворительное объясненіе во вліяніи уменьшенія вѣса московскихъ денегъ того времени.

Послѣдовательность типовъ и разновидностей внутри типовъ опредѣлены на основаніи тѣхъ же данныхъ и соображеній, на основаніи которыхъ распредѣлены выше деньги Ив. Михайловича и Бориса Александровича.

Общее число типовъ денегъ, вычеканенныхъ при Мих. Борисовичѣ 13, изъ которыхъ 4 носятъ признаки западнаго вліянія, 8—восточнаго и 1 смѣшаннаго характера. Общее же число разновидностей или чекановъ равняется 120.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ I.

Человѣкъ съ мечемъ и надпись.

313. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ во весь ростъ, съ высоко поднятымъ надъ головой мечемъ и шаромъ (державой) въ лѣвой. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: ДЕНИГАТВѢРНСКА·|

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ линейномъ ободкѣ: кнꙁѧ|влікгом|.хаіла|корн|.

С¹. (1 экз.) и С². (3 экз.). В. 0,54. Д. 14—15. 4 экз. Т. К.

Описана Рейхелемъ подъ № 3905, только на его экземплярѣ невидно точки въ концѣ надписи *лиц. ст.*, и не видно цѣлой послѣдней строки на *обр. ст.* 14 Doli R⁴. Ссылка на 182 № Черткова—неточная. См. ниже чек. 6. Ор. № 260.

314. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но съ лѣвой стороны человѣка точка, а подъ шаромъ буквы с или є.

Обр. ст. Надпись, какъ на предыдущемъ чеканѣ, въ линейномъ ободкѣ.

С². В. 0,55. Д. 13—14. Н. С.

315. 3) *Лиц. ст.* Тоже, надпись какъ на чек. № 1, но буквъ с и є нѣтъ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пѵт|кнꙁѧ..|.і мх|аіла|, въ течечномъ ободкѣ.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

На нѣкоторыхъ экземплярахъ изъ моего собранія послѣ пѵт стоитъ крупная точка, а на мѣстѣ недостающихъ буквъ во 2-й строкѣ—кі. Рис. 60.

316. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: д.....твѣриска|.

Обр. ст. Надпись: ..т|кнꙁѧв|лкгом|•аіла|.

С². В. 0,53. Д. 12—13. Н. С.

317. 5) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: деѵигатвѣриска|.

Обр. ст. Надпись между линій: пѵт|кнꙁѧв|лкгмі|хаі|.

С². В. 0,50. Д. 11—13. Н. С.

318. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: .....твѣрис.лѧ|.

Обр. ст. Надпись: пѵт.|кнꙁѧв|кгомх|аіла|.

Описана Чертковымъ подъ № 182. Шод. 3174. Сах. 58. Сонц. 30 съ испорченною вѣроятно надписью: пѵт|мхні|ꙁѧвлго|. Орѣшн. № 262.

319. 7) *Лиц. ст* Тоже. Надпись: +ДЄNИГАТЬ....КАѦ|.
Обр. ст. Надпись: ПУТ.|КГОКNІ|ZѦКАГО|..ІА|.

Описана Чапскимъ подъ № 72, съ невѣрнымъ обозначеніемъ сторонъ.

320. 8) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ДЄNИГАТЬЄ.....Ѧ|.
Обр. ст. 4-хстрочная между линій надпись: ПУ.|КNZѦ.|АКГМ|АІА•|.

С². В. 0,51. Д. 11½—14. Н. С.

321. 9) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ДЄNІГАТЬЄРІСКАѦ|.
Обр. ст. Тоже. Надпись: ПУТ|КNZѦК|АКГОМ|ІХАІ|, въ точечномъ ободкѣ.

.С¹. В. 0,54. Д. 13—14. 2 экз. Т. К.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 261.

322. 10) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись какъ на чек. 9.
Обр. ст. 4-строчная надпись: ПУТ|КNZѦК|АКГМІ|ХАІ|.

С². В. 0,54. 13½—15. 5 экз. Т. К.

323. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись, какъ на чек. 9.
Обр. ст. Надпись, какъ на чек. 10.

С². В. 0,53. Д. 11—14. Н. С.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 263.

324. 12) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: ДЄNИГАТЬІСКА••|, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.
Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: ПУТ|КZѦК|АКО⊤⊤И|ХАІА|.

С². В. 0,54. Д. 11—16, 13—14. 2 эк. Т. К. Рис. 61.

325. 13) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ..УДЄNГАТЬІСКА|.
Обр. ст. Надпись: ПУТ|КNZѦК|АГОМИ|ХАІА|.

Описана Чапскимъ подъ № 71, съ невѣрнымъ обозначеніемъ сторонъ и таковыми же ссылками на Чертк. № 182, Шод. 3174 и Сах. 58. (См. выше, ч. 6).

326. 14) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: пvткnʒѧвлкгом, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ линейномъ ободкѣ: дені | гатвѣ | ріскаѧ | ореф |.

С¹. В. 0,54. Д. 13—15. Т. К.

Описана Чертковымъ подъ № 181 (Табл. X. ф. 6). Шод. подъ № 3172, читаетъ въ первой строкѣ день, что, впрочемъ, мало вѣроятно. (Не принялъ-ли онъ какую случайную царапину при буквѣ і за крючекъ, превращающій ее въ ь?) 12 дол. Другая (№ 3173) 8²/₃ доли. С. 57. Сонц. 20, съ искаженною и невѣрною ссылкою на Чертк. № 181. Ор. 265.

327. 15) *Лиц. ст.* Тоже, что ч. 14.

Обр. ст. Тоже, что ч. 14, но ободокъ линейный, пересѣченный косыми черточками влѣво.

С¹. В. 0,54. Д. 12—15. Н. С.

328. 16) *Лиц. ст.* Тоже, что ч. 14 и 15.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: деnи | гатвір | .скаѧо | рефи |, въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,54. Д. 11¹/₂—15. 3 экз. Т. К.

Описана Чапскимъ подъ № 73, съ невѣрнымъ обозначеніемъ сторонъ и невѣрными ссылками на Черткова № 181, Шод. 3172, Сах. 57. (См. ч. 14). Ор. 266, съ невѣрною ссылкою на Черткова № 181. (См. в. ч. 14). Таже самая монета описана имъ въ «М. къ Р. Н.» подъ № 35.

Въ Н. С. есть оригинальный экземпляръ этого чекана и типа, на которомъ поверхъ надписи (на *обр. ст.*) вычеканена (перечеканка?) еще часть типа монетчика, съ звѣздообразной головой вправо. Это обстоятельство мы объясняемъ такимъ образомъ, что рѣзчикъ, чтобы вычеканить обратную сторону монеты употребилъ старый штемпель монетчика (бывшій въ употребленіи при Бор. А-чѣ) и, не изгладивъ его какъ слѣдуетъ, вырѣзалъ новую надпись, отчего на монетѣ Мих. Борисовича вышла и часть изображенія монетчика. Рис. 62.

329. 17) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе. Вокругъ надпись: пvткʒавкгох |.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: пvт | кnʒѧв | лкгом | іхаі |.

C^1 (2 экз.) и C^2 (1 экз.). В. 0,54. Д. 13, 14 и 15. 3 экз. Т. К.

Описана Орѣшников. подъ № 267.

330. 18) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: .....влкгомі|.
Обр. ст. Какъ на предыдущей.

Описана Орѣшников. подъ № 271.

331. 19) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пvткnзѧвлкгм:х|.
Обр. ст. Какъ на предыдущемъ чеканѣ.

Описана Орѣшников. подъ № 272.

332. 20) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: пvткnзѧвлкгом|.
Обр. ст. Тоже, но надпись: пvт|кnзѧв|лкго|т|и|хаіл|. Точечный ободокъ.

C^1 (1 экз.). C^2 (2 экз.). В. 0,54. Д. 12—13. 3 экз. Т. К.

Подобная же монета есть въ Т. М. р. 7 безъ №. C^2. В. 0,48. Д. 11—13. Вѣроятно этотъ же чеканъ описываетъ Шод. подъ № 3171 по экземпляру съ неполными надписями. Ор. № 268.

333. 21) *Лиц. ст.* Тоже, что на предыдущемъ чеканѣ.
Обр. ст. Надпись: пvт|кnѧві|лкгом|нха|.

Описана Орѣшн. подъ № 273.

334. 22) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: ....ткnзѧвлкгомх|, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ. Хорошая работа.
Обр. ст. Надпись, какъ на чеканѣ № 20. Точечный ободокъ.

C^2. В. 0,54. Д. 13—14. 2 экз. Т. К.

Описана Чертковымъ подъ 454. Сах. 42. Сонц. 31 (?). Ор. 269.

335. 23) *Лиц. ст.* Тоже. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: пvткnзѧвлкгомх|.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnзѧв|лкгом|іхаі|.

С¹ (4 экз.). С² (3 экз.). В. 0,54. Д. 13—16. 7 экз. Т. К.

336. 24) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пvткнзѧвлкгомхі|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvт|кнзѧв|лкго|т|| іхаі|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3904. 13 Doli R³; ссылка его на 181 Чертк. невѣрная. (См. в. ч. 14).

Типъ II.

Всадникъ и надпись.

337. 1) *Лиц. ст* Всадникъ вправо, съ шляпой на головѣ; въ правой рукѣ поднятый мечъ. Фигура сходная съ всадникомъ чеканки при Борисѣ Александровичѣ. Линейный и точечный ободокъ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пvт|кnзѧв|лкгом|хіла|.

С¹. В. 0,51. Д. 12½—14. Т. К.

Описана Реихелемъ подъ № 3902—3903. На его экземплярѣ въ концѣ первой строки видна еще буква і. Относительно *лиц. ст.* онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Grossfürst.... auf dem Kopfe hat.... einen Spitzen Hut. Кромѣ сего замѣчаетъ, что ein anderes Exemplar hat den Grossfürsten mit entblösstem Haupte. 12½ Doli. Op. № 252.

338. 2) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: пvт|влкго|мхіла|... .|.

Описана Орѣшн. подъ № 253. Рисунка нѣтъ. Необычное распредѣленіе словъ.

339. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Линейный и точечный ободки.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnзѧв|лкгом|....|, между линій.

С². В. 0,51. Д. 13—14. Н. С.

340. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура всадника мельче. Точечный ободокъ въ двухъ линейныхъ.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: пv.|кnзѧ|лкоѱ|хiлл•|. (Буква м въ 3ей строкѣ образована изъ трехъ равныхъ по величинѣ вертикальныхъ линій, перечеркнутыхъ по серединѣ горизонтальною чертою).

С¹. В. 0,54. Д. 12½—14. Н. С. Рис. 63.

341. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: .vт|.лкго|мхiлкi|•лб•|.

С¹. В. 0,54. Д. 13—14. Н. С.

Вѣроятно этотъ же самый чеканъ описанъ Шод. подъ № 3178. Онъ только въ послѣдней строкѣ читаетъ: ꙁѧ, что можно объяснить и недосмотромъ. Впрочемъ на нашемъ экземплярѣ А такъ неясно, что можно предположить, что это и ѧ. Ор. № 251 читаетъ: ꙁѧб•|

342. 6) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: пvть|кnзѧв|.когм|.....|.

С². В. 0,48. Д. 11½—13. Т. К.

343. 7) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пvтi|кnзѧв|лкгом|.ал|. (Послѣдняя строка видна слабо).

С². 0,54. Д. 13—14. 2 экз. Т. К.

344. 8) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: пvтi|кnзѧве|лкгомi|•аiл|. Слѣды точечнаго ободка.

С¹. В. 0,54. Д. 12—13. Т. К.

Черткова № 178? Ор. 254.

Типъ III.

Голова человѣка въ коронѣ.

345. 1) *Лиц. ст.* Голова человѣка впрямь, съ короной на головѣ, или въ треугольной шапочкѣ, какъ на монетахъ Ивана Михайловича. Работа не художественная. Тонкій линейный ободокъ, пересѣченный черточками влѣво.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись, въ линейномъ ободкѣ, пересѣченномъ черточками: пvт|кнзѧв|.кгомі|.аіл|.

С¹. В. 0,51. Д. 12—14. Н. С.

Полагаемъ, что подобный типъ имѣлъ въ виду Шодуаръ, описывая подъ № 3170 монету съ неявственнымъ изображеніемъ головы. На *обр. ст.* у него однако человѣкъ съ мечемъ и кинжаломъ. Опис. Ор. въ «М. къ Р. Н» подъ № 29 и 30, причемъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «типъ повидимому заимствованъ съ денегъ Ив. Михайловича, т. е. воспроизводитъ голову имп. Конрада II или Генриха II, но работы болѣе грубой. Вообще надобно замѣтить, стиль всѣхъ денегъ Мих. Бор. и большей части Бор. Ал. значительно грубѣе стиля денегъ Ив. Михайловича». Что касается первой половины этого замѣчанія, то и наши наблюденія вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ, что и изложено нами въ послѣдней главѣ I-й части, что же касается второй половины, то она требуетъ исправленія: нужно различать то, что можетъ быть сказано относительно всѣхъ денегъ в. княжества Тверского, отъ того, что можетъ касаться только того или другого типа. Стиль денегъ Тверскихъ князей въ общемъ обнаруживаетъ явленіе постепеннаго совершенствованія, такъ что среди денегъ Ив. Мих. весьма трудно и даже почти невозможно указать типы художественные, что мы объясняемъ тѣмъ, что это были наиболѣе ранніе образцы денежнаго дѣла въ Твер. княжествѣ, тогда какъ при Бор. Александровичѣ мы замѣтили явленіе явно прогрессирующей техники въ дѣлѣ выдѣлки денегъ, что продолжается и въ первую половину княженія Мих. Бор., а затѣмъ начинается ея упадокъ. Что же касается въ частности разсматриваемаго типа, то композиція его грубѣе въ сравненіи съ таковымъ же типомъ Ив. Михайловича, но это только и можно сказать въ отношеніи этого типа, и ни въ какомъ случаѣ не приложимо къ большинству денегъ Бор. Ал. Относительно причины ухудшенія этого типа при М. Б. мы думаемъ, не произошла ли она отъ того, что мастеръ М. Б-ча употребилъ для него старый штемпель Ив. Мих., измѣнивъ его соотвѣтственнымъ образомъ? Типъ очень рѣдкій и впервые встрѣтившійся въ Тверскомъ кладѣ. Рис. 64.

Типъ IV.

Человѣкъ, сидящій на стулѣ.

346. 1) *Лиц. ст.* Человѣкъ вправо, сидящій на стулѣ, но лицо обращено къ наблюдателю. На головѣ нѣчто въ родѣ шапки. Въ под-

нятой лѣвой рукѣ какой-то предметъ, изображенный 3 точками, а правая, повидимому, лежитъ на колѣняхъ. Надъ спинскою стула, съ лѣвой стороны фигуры буква ѵ, а подъ предметомъ въ лѣвой рукѣ буквы і и с, одна подъ другою, первая надъ второю. По тонкому линейному ободку рядъ крупныхъ и рѣдкихъ точекъ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: •кнꙁ•|ьв.ікі||т|іх-хчіл•|•обо|. Ободокъ такой же, какъ и на *лиц. ст.*

Монета изаѣстна только въ одномъ экземплярѣ, и происходитъ изъ Волокол. клада 1892 г., находится въ собр. П. В. Зубова въ Моеквѣ и описана Ор. подъ № 320а. Наше описаніе сдѣлано по приложенному здѣсь фототипическому рисунку и нѣсколько разнится отъ сдѣланнаго г. Орѣшниковымъ- Буквы на лиц. ст.: ІСѴ, намъ кажется, могутъ означать окончаніе отчества Мих. Борисовича. Аналогію подобнаго помѣщенія окончанія надписи на *лиц. ст.* монеты можно указать только на деньгахъ XIѴ в. См. напр. № 4379 (Taf. 7. 97), 4026 (Taf. 2. 31) у Рейхеля, и у Жизневскаго № 1294, изъ которыхъ первую мы считаемъ, какъ уже выше сказано, предположительно, деньгою Тв. в. кн. Димитрія Михайловича, а вторую и третью деньгами Ив. Михайловича. Характеръ надписи, повидимому, не даетъ повода подозрѣвать ея подлинности, хотя съ другой стороны она сильно напоминаетъ такъ называемую деньгу Ивана Безуна, которую мы, какъ уже сказано, относимъ къ московскому в. кн. Ивану Васильевичу III.

ВОСТОЧНОЕ ВЛІЯНІЕ.

Типъ V.

Драконъ и надпись.

347. 1) *Лиц. ст.* Двуногій крылатый драконъ вправо, съ кольцеобразно завернутымъ и поднятымъ кверху хвостомъ. Въ двухъ точечныхъ ободкахъ надпись: пѵтк.....кгоміха|.

Обр. ст. Въ точечномъ ободкѣ четырехстрочная надпись между линій: деѵ|ігатв|лкгок|ꙁмх|.

С². В. 0,54. Д. 12—15. 6 экз. Т. К.

Вѣроятно эта же самая монета описана у Сонцова подъ № 27. У него обратная сторона имѣетъ такую удивительную транскрипцію: птвлкгокꙁмх. Ор. № 297.

348. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Ободокъ изъ точекъ. Надпись: пѵткѵꙁвлкгом|.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій чеканъ.

Ор. № 296. Она же описана у него и подъ № 305. Ошибка исправлена авторомъ въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 40.

349. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись, какъ на предыдущемъ чеканѣ.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись между линій: KNZA|БAKГOI|MXAAE|OPIC|.

Ор. № 299.

350. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Въ точечномъ и линейномъ ободкѣ надпись: ПYT....OMXIA|.

Обр. ст. Подобна предыдущему чекану.

С^{2}. В. 0,57. Д. 12—13$^{1}/_{2}$. 2 экз. Т. К.

351. 5) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись вокругъ точечнаго ободка: ....KГOII....

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: KNZA|БAKГO.|.XAIБ|....|.

С^{2}. В. 0,60. Д. 12—15. Н. С.

Вѣроятно у Ор. № 303. У него надпись: ПYTKNZAБAKГO|; *обр.*: KNZA|БAKГOI|MXAIБI|OPIC|.

352. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПYTKNZAБAKГOMIXA, въ точечномъ ободкѣ. (Послѣднія 2 буквы видны слабо).

Обр. ст. Тоже. Надпись: ПVTI|.NZAБ|ZГOM|.БPC|. (Буква Z въ 3 строкѣ—повидимому испорченная двойнымъ ударомъ молота буква A; въ 4 строкѣ буква M видна неясно).

С^{2}. В. 0,54. Д. 12$^{1}/_{2}$—14. Т. К.

353. 7) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПY......AKГOMXIA|. Внутренній точечный ободокъ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: ....|ДENIГAI|TKЪPIC|KAA|.

С^{2}. В. 0,54. Д. 12—16. 2 экз. Т. К.

354. 8) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись вокругъ точечнаго ободка: п.ткѵ...лкгомх•|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: ıла|.єѵига|.вѣри|ска•|. Точечный ободокъ.

С². В. 0,54. Д. 13—15. Н. С. Рис. 65.

355. 9) *Лиц. ст.* Тоже, но надпись: пєѵатькѵѧзвєлкго|.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій №.

Ор. № 307.

256. 10) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: п̂ѵткѵз..влкго͡м|. Внутренній ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій, въ точечномъ ободкѣ: мха|дєѵıга|твѣрıс|каѧ|.

С². В. 0,54. Д. 12½—14. Т. К.

357. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ..лким....

Обр. ст. Надпись: .єн.|вѣр..|скаѧ|.

Описана Чертковымъ подъ № 180; вѣроятно таже, что у Шод. № 3180. Онъ читаетъ: лкıим.

358. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ....киѧзв...

Обр. ст. Надпись въ точечномъ ободкѣ: ....|влкго|мхаı|бор|.

Описана Орѣшн. въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 40.

359. 13) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пѵткѵзѧвлкгомıха| вокругъ внутренняго ободка изъ точекъ.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: дєнг|атврис|каѧфєı|дото|.

С². В. 0,54 (3 экз.) и 0,57 (2 экз.). Д. 11—15. Т. К.

Есть еще въ Т. М. р. 9. № 1119. Опис. Черковымъ подъ № 172 по менѣе исправному экземпляру. Шод. № 3181. Онъ ошибочно читаетъ на своей монетѣ, на *лиц. ст.* пѵть...: послѣдняя буква к; въ срединѣ надписи нѣтъ слога ли, а лк. Вѣроятно Шуб. № 21, со

ссылкою на тѣже № Черткова и Шод., но съ непонятнымъ измѣненіемъ въ чтеніи на *лиц. ст.* ПУТЬ....ЛИМІХ, а на *обр. ст.* съ непонятнымъ дѣленіемъ надписи такъ: ....|..АТК..| ...КА|ѦФЄ....|. Франц. кат. № 192. Ор. № 310.

360. 14) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: П....КЛКГОМ, вокругъ точечнаго ободка.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: ДЄNІ|ГАКТ.|РІСК.|Ѧ..|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

Шодуаръ, № 3182. У него обратная сторона полнѣе: ДЄNІ|ГАКТѢ|РІСКА|Ѧ..|..ОД|. Не эта-ли монета описана Орѣшн. подъ № 309, по менѣе хорошему экземпляру? Разница только въ чтеніи 2-й строки *обр. ст.*: ГАТКѢ, хотя и очень важная. *Лиц. ст.* у него неизвѣстна. Ор. № 311. У него въ 4-й стр. *обр. ст.* читается: ѦФЄ|; Рис. 66.

361. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПУТКNƵѦКЛКГО|.

Обр. ст. Надпись: ПУТІ|КЛКГО|МХІЛА|КN.|.

Ор. № 304.

362. 16) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ПУТ....ѦКЛКГО|, въ ободкѣ изъ точекъ.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: ПУТІ|КNƵѦК|.ГОМХ|.КРІ|, въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,54. Д. 12—14. Н. С.

Вѣроятно эта монета находится въ Т. М. р. З. № 348; монета повреждена. Д. 8—12. Ор. 300.

363. 17) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись вокругъ точечнаго ободка: ....ЛКГО·І|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: ПУТІ|.ЛКГОІ|..ХІЛА|....|.

С². В. 0,54. Д. 12—15. Н. С.

Вѣроятно также, что у Ор. подъ № 302, описанная по плохому экземпляру.

364. 18) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись вокругъ точечнаго ободка: ПУТ....КГО|.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: ʍх.|.ікро|корісс.|....v|.

С². В. 0,54. Д. 12—14. Н. С.

Вѣроятно Ор. № 306. Также въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 39. Здѣсь надпись *обр. ст.* прочитана такъ: ʍх..|..роі|корісо|кіүа|.

365. 19) *Лиц. ст.* Вокругъ точечнаго ободка надпись: пvткnʒ-.ѫвлкгоʍхіл|.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: деnг|аткѣр|іскаѫ|одт|.

С¹. В. 0,56. Д. 12—14. Н. С.

Ор. 312. 4-я строка у него прочитана: одг; ошибка исправлена въ «Матер.» подъ № 41.

366. 20) Тоже. О надписи не упоминается.

Обр. ст. Надпись: ....|кнѫ..|лк.оʍ|хаіл|.

Опис. Черк. подъ № 179.

367. 21) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись не означена.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnʒѫк|лкгоʍ|хаіл|.

Опис. Шод. подъ № 3179, съ неточною ссылкою на Черткова № 179. Шуб. № 20 (фр. к. 191). Сонц. № 22 съ обыч. неточ. опис. С. 53. У Чапскаго № 78 послѣдняя строка хаіл•|, со ссылкою на вышеуказанные №№ Ч. Ш. Ш., но невѣрною Рейхеля 3891 (см. ниже, ч. 22).

368. 22) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись не означена.

Обр. ст. Надпись: пvт.|кнʒѫк|лкгоʍ|хал|.

Описана Рейхелемъ подъ № 3891, съ невѣрною ссылкою на Черткова. Таб. IX. ф. 10.

369. 23) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись не означена.

Обр. ст. Надпись таже, но послѣдняя строка: ʍхаи|.

Описана имъ же подъ № 3892. См. zweites Exemplar.

370. 24) *Лиц. ст.* Тоже. Точечный ободокъ среди двухъ линейныхъ.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnзѧв|лгомн|ха....

Вѣроятно который либо изъ вышеописанныхъ 4-хъ чекановъ. Ор. № 295, съ неточною ссылкою на Черк. № 179 и Чапскаго № 78. (См. выше ч. 20, 21).

371. 25) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: чѧ|кnзѧв|лк.гом|хли•|, въ линейномъ ободкѣ.

С¹. В. 0,42. Д. 11—14. Т. М. р. 5. № 296.

Типъ VI.

Драконъ и звѣзда.

372. 1) *Лиц. ст.* Подобное предыдущимъ изображеніе дракона вправо, въ линейномъ ободкѣ. Надпись вокругъ: ....влк.омха|.

Обр. ст. Восмилучная звѣзда. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: кnзѧвл....омхі|. (Буква м образована изъ буквы н съ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, раздвинутыми вертикальными чертами, по срединѣ между которыми отъ горизонтальной черты опущена третья вертикальная черта. См. какъ выше № 332).

С². В. 0,54. Д. 12—15. Т. К.

Вѣроятно эта же монета имѣется въ Т. М. р. 3. № 346. Надписи на ней *лиц.*: ікn....кго...., *обр.*: кnзѧвлкномхі|. На одномъ экземплярѣ изъ Н. С. читаемъ: кnзѧвлкчомхі|. Рис. 67.

373. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnѧзѧвлкгоміхаил|.

Обр. ст. «Звѣздочка съ 6 лучами вокругъ».

Опис. Шод. подъ № 3183. Объ изображеніи, находящемся на *лиц. ст.* Шод. говоритъ: «Тоже клеймо (т. е. гарпія), а не драконъ». Признаемся, мы не представляемъ ясно различія между гарпіей и дракономъ. По крайней мѣрѣ въ прежнихъ каталогахъ большею частію употребл. названіе гарпіи, вмѣсто дракона.

374. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись въ точечномъ, среди двухъ линейныхъ, ободкѣ: кнꙁѧвл...міхіла|.

Обр. ст. 6-лучевая звѣзда съ шариками на концахъ лучей. Среди двухъ линейныхъ ободковъ надпись: ....ѧвлкгоміха|.

Опис. Орѣшн. подъ № 313.

375. 4) *Лиц. ст.* Тоже изображеніе и надпись.

Обр. ст. «Звѣздочка особеннаго вида». Надпись: кнѧꙁѧвлкгомхі|.

Опис. Шод. подъ № 3184.

376. 5) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнꙁѧвлкгомхаіл, въ двухъ точечныхъ ободкахъ.

Обр. ст. «Между 2-хъ ободковъ изъ точекъ шестиугольная звѣзда, съ шариками на концахъ лучей». Надпись: кнꙁѧвлкгомхал|.

Описана Чапскимъ подъ № 76, съ неточною ссылкою на Черт. № 171, Шод. 3185 и С. 46. У него же, подъ № 77 описана подобная же монета, но провѣренная ссылка на указанный № Черткова (л. 173. о. 172) не подтверждаетъ его описанія; характеръ надписей тоже не подходитъ ни къ одному изъ чекановъ описываемаго типа: думаемъ, что здѣсь—ошибка у Чапскаго, и произошла она отъ того, что у четвероногаго животнаго на *обр. ст.* его экземпляра не отчеканились заднія двѣ ноги, отчего онъ и принялъ его за дракона.

377. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кн...лкгоміха|.

Обр. ст. «Звѣздочка, на концѣ лучей по шарику; въ кругѣ. Надпись: ...лкгоміх|».

Описана Чертковымъ подъ № 171. Шод. 3185. Ор. 314.

Типъ VII.

Кентавръ.

Этотъ типъ представляетъ продолженіе подобнаго-же типа, бывшаго въ употребленіи при Иванѣ Михайловичѣ и Борисѣ Александровичѣ. Техника настоящаго представляетъ лишь незначительное усовершенствованіе въ сравненіи съ прежними.

378. 1) *Лиц. ст.* Четвероногое вправо, съ головою, грудью и руками человѣческими. Хвостъ животнаго поднятъ кверху и на концѣ раздѣлился на части. Ободковъ не видно.

Обр. ст. Изъ, повидимому, 4-строчной надписи видно: пvт|.хсск|....|....|.

Описана Чертковымъ по плохому экземпляру подъ № 403 и помѣщена имъ въ разрядъ неопредѣленныхъ. Но на экз. изъ собр. Брыкина въ несохранившихся строкахъ экземпляра Чертковскаго заключается имя «Михаила», почему онъ относитъ ее къ Твер. кн. Михаилу Борисовичу (см. Древности Арх. Вѣстн. М. 1867. № 1—2, стр. 13). Монета есть въ Т. М. на *лиц.* ея *ст.* есть линейный и точечный ободки; на *обр. ст.* читается: .пvт|кnnzѧ|лiлкго|ххал|. Замѣчательно повтореніе буквъ N, Л и X, какъ бы отъ двойного удара штемпеля. С². В. 0,42. Д. 12. р. 9. № 1122. Типъ и чеканъ очень рѣдкіе. Рис. 68.

379. 2) *Лиц. ст.* «Кентавръ».

Обр. ст. Надпись между линій: пчѧть|кнzѧ|вдкго|мхала|.

Описана Шод. подъ № 3190.

380. 3) *Лиц. ст.* «Кентавръ направо, держитъ въ правой рукѣ какое-то орудіе; хвостъ въ видѣ трезубца. Вокругъ черта и за оной ободокъ изъ точекъ».

Обр. ст. Надпись между линій: пvт|nzѧв|кгом|хаiд|.

Описана Шуб. подъ № 24. В. 12 дол. (0,53 gr. по франц. к.). С. 54.

381. 4) *Лиц. ст.* «Въ двойномъ ободкѣ изъ черты и бусъ кентавръ вправо.

Обр. ст. Надпись: пvть|кnzѧв|дкгом|».

Описана Чапскимъ подъ № 80, съ неточною ссылкою на вышеприведенные №№ Чертк., Шод., Шуб. и Сах., и невѣрнымъ обозначеніемъ сторонъ.

Типъ VIII.

Звѣрекъ и надпись.

Чеканы этого типа представляютъ три отдѣльныхъ вида: а) звѣрька, съ обращенной назадъ головой, б) съ обращенной впередъ, в) звѣрька съ крыльями.

А.

382. 1) *Лиц. ст.* Звѣрекъ вправо *съ обращенною назадъ головой*, раскрытымъ ртомъ и поднятымъ кверху хвостомъ. Въ двухъ точечныхъ ободкахъ надпись: п....ꙁѧвлкгом|.

Обр. ст. 4-строчная надпись въ точечномъ (повидимому) ободкѣ: пvті|кnꙁѧв|лвгом|хаіл|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

Описана Рейхелемъ подъ № 3899, съ малопонятною ссылкою на Табл. XI. р. 7. Черткова, гдѣ означена мѣдная монета, (можетъ быть затѣмъ, чтобы показать характеръ рисунка?). Кромѣ сего, надпись на *обр. ст.* имѣетъ особенность: вм. пvті онъ читаетъ пvть, что легко можно объяснить недочеканкою на нашемъ экземплярѣ. 12½ Doli. R³. У Сонц. № 29, будтобы въ первой строкѣ читается: пєvт..., но такое чтеніе не подтверждается ни однимъ изъ извѣстныхъ экземпляровъ этого типа. Въ Т. М. есть подобная монета въ р. 7. (безъ №), подтверждающая Рейхелевское чтеніе первой строки надписи *обр.* стороны. С². В. 0,54. Д. 12—14. Ссылка здѣсь на 173 № Черткова—не точная. См. ниже № 19. Рис. 69.

383. 2) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пv....гом|.

Обр. ст. Надпись: ....хіл|..рісоі|...vатр|..кіх|.

Описана въ «Матер.» Ор. подъ № 37, съ замѣчаніемъ, что значеніе послѣднихъ двухъ строкъ для него непонятно. На фототипичискомъ снимкѣ этой монеты мы читаемъ: .ха.| .рісок|.vатк|.рск, при чемъ, допускаемъ, что въ первой строкѣ а вырѣзано дурно и болѣе походитъ на п; спереди и сзади ха по знаку, мсжетъ быть по точкѣ, вѣрнѣе же по буквѣ і, такъ что мы предполагаемъ, что здѣсь должно было стоять іхаі, какъ и встрѣчается на другихъ чеканахъ; во второй строкѣ чтеніе: .орісок ясно, если допустить, что правая сторона послѣдней буквы не отчеканилась; въ третьей строкѣ ясно окончаніе отчества Борисовича: .vа и начало слова «Тверская», при условіи что нижній овалъ буквы к не отчеканился, а въ послѣдней строкѣ неясно видна первая буква, а 2, 3 и 4 дурно исполненныя рск. Съ подобнымъ дополненіемъ встрѣчались и деньги Бориса Александровича. См. выше, типъ XX, ч. 2.

384. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пv....гом|.

Обр. ст. Надпись изъ 4 строкъ между линій: кnꙁ|клг...|хакі|....|, въ точечномъ ободкѣ.

Описана Орѣшник. въ «Мат. къ Р. Н.» подъ № 36.

385. 4) *Лиц. ст.* Такой же звѣрекъ; въ двухъ точечныхъ ободкахъ надпись: пvткnꙁ...лкгомх|.

Обр. ст. 4-строчная надпись въ точечномъ ободкѣ: пvт|кnʒѧв|лкгом|халв|.

С². В. 0,54. Д. 11½—14. Т. К. Рис. 70.

386. 5) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись въ двухъ точечныхъ ободкахъ: кnʒѧвл...хiii|.

*Обр. ст. Пяти*строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: пv.|кnѧ.|.ʒѧв|..гом|лв|.

С². В. 0,54. Д. 12—17. Н. С.

387. 6) *Лиц. ст.* Тоже. Въ линейномъ и точечномъ ободкѣ надпись: кnʒ...лкгомхл|.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: пvг|кnʒѧв|кnʒѧв|хаiл|.

С². В. 0,54, 0,51 и 0,48. Д. 13—15. 3 экз. Т. К.

Такая же монета есть въ Твер. М. въ р. 7 (безъ №). Здѣсь послѣдняя буква надписи *лиц. ст.* какъ будто имѣетъ черту, дѣлающую ее похожею на букву л. Ссылка на Шодуара № 3189—невѣрная. См. ниже, чек. 8.

388. 7) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ....nʒѧвкго...., въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: ....|кnʒ...|лкго.|хаiл|.

С². В. 0,51. Д. 13. Н. С.

389. 8) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кnʒѧвлкгомхл|.

Обр. ст. Надпись: пvт|кnʒѧв|ликом|хаiл|.

Описана Шод. подъ № 3189. С. 45.

390. 9) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ...влкгомiх|.

Обр. ст. Надпись, какъ на предыдущемъ чеканѣ.

Описана Чапскимъ подъ № 75 съ неточными ссылками на Шод. 3189, Рейхеля 3899 и Сах. 45. См. выше, ч. 8 и 1.

391. 10) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ..го..хіл...; работа грубая.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій въ точечномъ ободкѣ: пvт|.nʒѧв|.кгом|хіла|. (Въ точномъ чтеніи послѣдней строки мы неувѣрены).

С². (*обр. ст.*), С³. (*лиц. ст.*). В. 0,54. Д. 12—14. 3 экз. Т. К.

392. 11) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ....кnʒѧв...ом...

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvт|кnʒѧв|лкгом|.ллі|.

С². (*обр. ст.*), С³. (*лиц. ст.*). В. 0,51. Д. 11—16. Т. К.

393. 12) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: пvткn...лкгомх, во внутреннемъ точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: .vт|.nʒѧм|хаілав|рісоv, въ точечномъ ободкѣ.

С². В. 0,54. Д. 12—14. Т. К.

394. 13) *Лиц. ст.* Звѣрекъ другого вида—головой почти касается хвоста. Линейный ободокъ и надпись: кnʒѧвлкгоміхаіл|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пv.|кnʒѧв|лкгом|хлві|. (Буква ʒ вырѣзана въ обратную сторону).

С². В. 0,54. Д. 13. Н. С. Рис. 71.

395. 14) *Лиц. ст.* Звѣрекъ какъ на № 12, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ. Надпись: кnʒѧвлкгомхаі|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ пvт|кnʒѧв|лкгом|хаіл|.

С¹. В. 0,54. Д. 14—16. Н. С.

Вѣроятно эта же монета находится въ Т. М. р. 9, № 1121. Ссылка на 3189 № Шод.—невѣрная. Работа грубая. С². В. 0,48. Д. 12—14. Еще по 75 Жур. Арх. Комм. № 8.

396. 15) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кn.....хаі|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пvт|.nʒѧв|•кгом|хаі|.

С². В. 0,54. Д. 12—14. Н. С.

Б.

397. 16) *Лиц. ст.* Звѣрекъ съ головой, обращенной *впередъ*. Линейный ободокъ и надпись: кнꙁѧ...мілаб|.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пут|кнꙁѧб|•кгом|..іла|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. 2 экз. Т. К.

На другомъ экземплярѣ недостающія буквы на *лиц. ст.* читаются: ...блк... См. Ор. въ «Мат. къ Р. Н.» № 38.

398. 17) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнꙁѧблкогоміхаи|.

Обр. ст. Тоже, что предыдущій чеканъ, съ дополненіемъ вмѣсто точки въ 3-й строкѣ буквою л, а въ 4-й—х.

Описана Рейхелемъ подъ № 3893, съ ошибочною ссылкою на 173 № Чертк., см. ниже, чек. 19. Звѣрекъ на взглядъ Рейхеля есть laufender Wolf.

399. 18) *Лиц. ст.* Тоже. Въ точечномъ ободкѣ надпись: путкнꙁѧ....голе...

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пут|кнꙁ..|кг..|.лб..|.

С³. В. 0,48. Д. 12—15. Т. М. р. 8. № 1108а.

Въ «Описаніи Т. М.» Жизневскаго, монета отнесена къ Борису Александровичу, со ссылкою на 3137 № Шодуара. Однако надпись представляетъ большое затрудненіе по своей обратной сторонѣ, на которой можно читать имя Михаила Борисовича. Кромѣ того, деньга имѣетъ и общее сходство съ деньгами послѣдняго. Затѣмъ, въ надписи *лиц. ст.*, если допустить вѣрность ссылки Жизневск. на 3137 № Шодуара, должны бы читаться совсѣмъ иныя слова (ср. выше, т. XIII, чеканъ 12). На этихъ основаніяхъ мы позволили бы себѣ отнести ее къ Михаилу Борисовичу. Наличность именъ двухъ князей на одной монетѣ можетъ указывать на время чеканки, именно: первые годы княженія Михаила Борисовича, если монета дѣйствительно ему принадлежитъ, или-же на послѣдніе годы Бориса Александровича, если мнѣніе Жизневскаго вѣрнѣе. Рис. 72.

400. 19) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: ....елкгоміхаіл|.

Обр. ст. Надпись: пут|кнꙁѧб|лкгом|хаіл|.

Описана Чертковымъ подъ № 173. Шод. № 3187; ссылаясь на тотъ же № Черткова, Шод. читаетъ надпись *лиц. ст.*: кнꙁѧблкгоміха|. Вѣроятна недочеканка. *Обр. ст.* вполнѣ согласна съ Чертк. У Шуб. по франц. кат. надпись: *л. ст.* кнꙁѧбелкгоміхаіл|

обр. ст.: ПVТ | КНЗѦВ | КГОМІ | ХАІ... № 195. Въ 3-й строкѣ КГОМІ можетъ быть— болѣе полное чтеніе надписи Черткова? (Русск. кат. № 23). Ссылка на вышеуказ. №№ Чертк,, Шод. и Сах. 43. У Сонцова (№ 26) *обр. ст.*: КНЗѦВ | ЛКГОМІ | ХАІЛА | при чемъ во второй строкѣ и послѣднее А въ четвертой плохо видны. Первая же строка вся невидна, но съ др. ст. и не видно, чтобы Сонцовъ о существованіи ея догадывался. У Чапскаго (№ 74) въ концѣ надписи *лиц. ст.* стоитъ точка. 0,58. Ссылка его на 3893 № Рейхеля не вѣрна. См. выше, № 17. Ор. № 278. Впереди надписи *лиц. ст.* онъ читаетъ еще ПVТ, что едва-ли вѣрно, ибо никто изъ другихъ нумизматовъ этихъ словъ не читалъ. Повидимому такая же монета находится въ Твер. Муз. р. 9, № 1113б, но вслѣдствіе С³, точно опредѣлена быть не можетъ. В. 0,33. Д. 12—15.

401. 20) *Лиц. ст.* Звѣрекъ съ хвостомъ, оканчивающимся въ видѣ трезубца.

Обр. ст. Надпись: .VТ | .ЗѦВІ | КГОМ | ....

Описана Чертковымъ подъ № 175. Шод. 3188. С. 50. Ор. 279. Въ Тв. М. въ р. 1 есть подобная же монета съ надписью: ІVТ | ЗѦ.. | .ГОМ | ІЛ.. |. С². В. 0,42. Д. 12—13. Ссылка на 175 № Черткова повидимому вѣрная.

В.

402. 21) *Лиц. ст.* Звѣрекъ вправо, *крылатый.* Надписи нѣтъ. Линейный и точечный ободки.

Обр. ст. Надпись: ПVТ. | КНЗѦВ | ДКГОМ | ХАІЛ |.

Описана Чертковымъ подъ № 174. У Шуб. (№ 22) Послѣдняя строка надписи имѣетъ: ХАІЛА, что можетъ составлять восполненіе надписи Чертковскаго экземпляра. Рейхель (см. № 3894—98) дополняетъ чтеніе надписи тѣмъ, что на его экземплярѣ послѣ слова ХАІЛ стоитъ еще точка. 12 Doli. R². С. 49. Сонц. № 25. Послѣдняя строка надписи у него: МХ, но судя потому, что онъ ссылается на тотъ же 174 № Черткова, едва ли можно признать его чтеніе не ошибочнымъ. У Чапскаго № 79, съ неправильнымъ обозначеніемъ сторонъ и невѣрною ссылкою на 3186 Шодуара (см. чек. ниже). Ор. № 290. У него послѣдняя строка надписи имѣетъ точку съ обѣихъ сторонъ.

403. 22) *Лиц. ст.* Тоже, безъ надписи.

Обр. ст. Надпись: .... | .NЗѦ | ЛКГОМ | ХАІ• |.

С². В. 0,48. Д. 11—15. Т. М., р. 9, № 1114.

404. 23) *Лиц. ст.* Тоже. Безъ надписи.

Обр. ст. Надпись: пvт|кнʒѧв|ѧкгом|хаил|.

Описана Шодуаромъ подъ № 3186, со ссылкою на вышеуказанный № (174) Черткова, однако транскрипція послѣдней строки съ буквою И показываетъ, что его экземпляръ представляетъ особый чеканъ. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что Рейхель подъ № 3894—3898. (См. anderes Exemplar) описываетъ монету съ подобною же транскрипціей.

405. 24) *Лиц. ст.* Тоже. Звѣрекъ вправо, повидимому особаго рисунка. Безъ надписи. Линейный ободокъ.

Обр. ст. Надпись: ....кnʒѧв|ѧгомн|•хаіл|.

Описана Орѣшниковымъ подъ № 291. Въ надписи на приложенномъ рисункѣ мы читаемъ: ....|ıınʒѧı|ѧгомв|.чап|. Во 2-й строкѣ ı—конечно неотчеканившееся в, что касается 4-й и 5-й, то разница довольно значительная, но можетъ быть мы ошибаемся?

Типъ IX.

Птица и надпись.

406. 1) *Лиц. ст.* Птица вправо, съ распростертыми крыльями, въ линейномъ ободкѣ.

Обр. ст. 4-строчная между линій надпись въ точечномъ ободкѣ: .vт|.nʒѧв|....м|.лаг|.

С². В. 0,54. Д. 11—16. 4 экз. Рис. 73.

407. 2) *Лиц. ст.* Тоже, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. Четырехстрочная между линій надпись: .vт|.nʒѧ...|кг.м|.ıла|.

С². В. 0,54. Д. 13—14. Т. К.

Вѣроятно Сонцовъ № 24.

408. 3) *Лиц. ст.* Тоже, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ.

Обр. ст Надпись: пvт|кnѧʒ□|•кгом|халı|.

С¹. В. 0,55. Д. 11—13. Н. С.

Описана Чертковымъ подъ № 170, но у него послѣдняя буква 2 строки к. Ор. 316, съ тою же разницею.

409. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но рисунокъ весьма грубой работы, въ точечномъ ободкѣ.

Обр. ст. Надпись: пvт|кнzѧс|.кгоі|....| между линій.

С². В. 0,55. Д. 11—14. Н. С.

410. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Таже надпись, но въ послѣдней строкѣ: иха.

Описана Рейхелемъ подъ № 3889—90. 14 Doli. R³. Ссылка на 170 № Черткова—неточная, см. № 3.

411. 6) *Лиц. ст.* «Птица съ распущенными крыльями».

Обр. ст. Надпись: пvт|кнzѧ|влкго|мха|.

Описана Шод. подъ № 3192. 12 долей. С. 55.

Типъ X.

Двуглавый орелъ.

Этотъ типъ вѣроятно представляетъ воспроизведеніе бывшаго въ употребленіи при Иванѣ Михаиловичѣ, но техника настоящаго гораздо выше прежняго.

Типъ—замѣчательный, потому что до недавнихъ поръ думали, съ легкой руки Карамзина (см. Т. VI, прим. 98, стр. 33), что онъ заимствованъ Иваномъ Васильевичемъ III изъ Византіи, и имъ же съ 1497 года сдѣланъ русскимъ государственнымъ гербомъ. Между тѣмъ Волоколамскій кладъ 1892 года и въ особенности Тверской 1900 года ясно доказали, что онъ существовалъ въ качествѣ монетнаго знака гораздо ранѣе въ Тверскомъ княжествѣ, откуда и былъ заимствованъ Москвою. Въ Тверь же онъ занесенъ былъ съ Востока, такъ какъ родина его какъ выше сказано, Малая Азія. Типъ рѣдкій.

412. 1) *Лиц. ст.* Двуглавый орелъ крупнаго рисунка. Точечный ободокъ въ двухъ линейныхъ.

Обр. ст. 4-строчная надпись между линій: пѵт|кѵꙁѧв|.кгом|хіл|. (Въ послѣдней строкѣ видны только верхнія половины буквъ).

С². В. 0,54. Д. 12—15½. Т. К.

Ор. «Матер.» № 45, 46 и 50. Подъ № 43 онъ описываетъ чеканъ на которомъ въ послѣдней строкѣ будто бы читается: ХІЛІА, но на приложенномъ рисункѣ (46) эта строка так неясно видна, что мы не рѣшаемся дѣлать изъ этой монеты особый чеканъ. Вѣроятно та же самая монета имѣется въ Т. М. въ р. 7, безъ №. Изъ надписи на ней видно: .V.|.ѵꙁѧ|..гом|.іла|. С². В. 0,51. Д. 13—14.

413. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но рисунокъ нѣсколько мельче.
Обр. ст. Надпись таже, но въ послѣдней строкѣ: іхал|.

Ор. «Матер.» № 48 и 49.

414. 3) *Лиц. ст.* Двуглавый орелъ еще болѣе мелкаго рисунка, въ такомъ же ободкѣ, какъ № 1.
Обр. ст. 4-строчная между линій надпись: пѵт|кѵꙁѧв|лкгом|хіла|, въ точечномъ ободкѣ.

С¹. В. 0,54. Д. 12—15, 13—14. 2 экз. Т. К.

Вѣроятно таже, что опис. Ор. въ «Матер.» подъ № 44 и 45 при чемъ послѣдній № по плохому экземпляру. Онъ же подъ № 42 описываегъ чеканъ, на которомъ въ послѣдней строкѣ читается: ХНЛА, но на приложенномъ рисункѣ (№ 45) этихъ буквъ различить нельзя.

415. 4) *Лиц. ст.* Тоже.
Обр. ст. Надпись: пѵт|кгѵꙁѧ|влкгоі|мхл|.

Ор. «Матер.» № 47.

416. 5) *Лиц. ст.* Тоже, что чеканъ 3.
Обр. ст. Сходна съ чеканомъ 3, но послѣдняя строка оканчивается іха•|.

С¹. В. 0,54. Д. 12—15. Н. С.

Типъ XI.

Всадникъ и птица.

417. 1) *Лиц. ст.* Всадникъ вправо, съ поднятымъ мечемъ въ правой рукѣ. Ободокъ изъ мелкихъ точекъ.

Обр. ст. Птица *вправо*, съ распущенными крыльями; въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: кnʒѧвлкгомiхаiла|. (Буквы кn и iл видны слабо).

С². В. 0,54. Д. 12—14. 2 экз. Т. К.

Описана Чертковымъ подъ № 177 (табл. X. ф. 3), при чемъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «полная надпись (по лучшимъ экземплярамъ): князя великаго Михаила. Это замѣчаніе вполнѣ оправдывается экземплярами, находящимися въ Н. С. относительно имени «Михаила», относительно же остальныхъ двухъ словъ, то они написаны въ обычномъ сокращеніи, именно: кnʒѧвлкгомхаiла|. Шод. № 3176. Reichel № 3901, хотя и ссылается на тотъ же № Черткова, но его монета представляетъ иной чеканъ, см. ниже № 5. Сах. 62. У Сонцова (№ 23), со ссылкою на тотъ же № Черткова читаемъ невозможную надпись: мха, т. е.—въ редакціи, неизвѣстной ни одному нумизмату. Ор. № 255. Эта же самая монета находится въ Т. М., въ р. 4, подъ № 349. Изъ надписей на ней видно только: кnʒѧвлк...|. В. 0.45. Д. 11—14. Рис. 74.

418. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но иного рисунка. Ободокъ изъ крупныхъ точекъ.

Обр. ст. Тоже, но надпись: кnʒѧвлкгомiхаi|.

С². В. средній не много болѣе 0,54. Д. 12—14. 6 экз. Т. К.

Описана Орѣшн. подъ № 257, но съ вѣроятною ошибкою. Онъ читаетъ надпись: кnʒѧвлгомiхаi, пропуская букву к въ словѣ влкго, между тѣмъ какъ на 6 экз. этого чекана изъ Т. К. всѣ имѣютъ букву к. Если же его чтеніе вѣрно, то его монету слѣдуетъ считать особымъ чеканомъ. Ссылка же его на 3901 № Рейхеля—не точная: см. ниже, чек. 5. Въ Т. М. есть $^3/_4$ той же монеты, въ р. 3, подъ № 347. Д. 9—$12^1/_2$.

419. 3) *Лиц. ст.* Тоже, но рисунокъ крупнѣе.

Обр. ст. Надпись также иного рисунка и читается кnʒѧвлкгомхiл•|. (Послѣдняя буква л видна слабо; за нею есть мѣсто для буквы или знака).

С². В. 0,54. Д. 12—16. Т. К.

Вѣроятно точнѣе чтеніе этой надписи будетъ: K....MXIΛΛ, какъ читается на одномъ изъ экземпляровъ Н. С., при чемъ послѣднее Λ написано слитно съ первою буквою K. Чапскій (№ 81), приводя надпись: KN..ΛΛKГOMXIΛ почему-то ни слова не говоритъ, что послѣ Λ есть еще буква, или, по крайней мѣрѣ, мѣсто для нея. Кромѣ того, онъ невѣрно описываетъ птицу, называя ее длинноногою, такъ какъ птица такого рода (журавль), въ сочетаніи съ всадникомъ составляетъ особый типъ, а что онъ не смѣшиваетъ типы, доказываетъ его ссылка на 177 № Черткова, 3176 Шодуара и 62 Сахарова. Въ Т. М. въ р. 9, подъ № 1116 значится монета, въ которой конецъ надписи виденъ только на половину (нижнія части буквъ): невидимому нужно читать MXIΛ, съ точкою послѣ Λ. C². В. 0,42. Д. 13—12. Рис. 75.

420. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Тоже, но надпись: KN.ΛKΛKГOMIXIΛ•|, въ линейномъ и точечномъ ободкѣ. (Послѣ Λ точка не ясно видна).

C². В. 0,54. Д. 13—14. Н. С.

Ор. № 256. Ссылка его на 81 № Чапскаго очевидно ошибочная. См. выше, чек. 3.

421. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Птица съ распущенными крыльями, обращенная *влѣво*. Надпись: KNϽΛKΛKГOMIXΛ|.

Опис. Рейхелемъ, подъ № 3901, съ неправильною ссылкою на Черткова. Таб. X. ф. 3. Что это особый чеканъ доказывается: а) тѣмъ, что птица обращена влѣво (nach links gewendeter Vogel mit ausgebreiteten Flügeln) и б) особенностію надписи. 12½ Doli. R³.

Типъ XII.

Всадникъ и журавль.

422. 1) *Лиц. ст.* Такой же всадникъ, какъ на предыдущемъ типѣ. Передъ грудью коня большая точка. Ободокъ линейный и изъ крупныхъ точекъ.

Обр. ст. Длинноногая птица вправо, принимаемая за аиста или журавля. Она представлена съ наклонной къ землѣ головой, какъ

будто клюющей что-то на землѣ. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: к..ѧвлкгомхіла:•|.

С¹. В. 0,54. Д. 13—15. Т. К.

Описана Чапскимъ подъ № 82, безъ упоминанія о точкахъ въ концѣ надписи, но это потому, что на его экземпл. конецъ надписи не виденъ (у него только: ..NZѧвлкгомх...). То, что клюетъ птица, названо у него шарикомъ (такъ же у Рейхеля). Всѣ указанныя ссылки Чертк. 176, Шуб. 18, Шод. 3175. С. (??—нужно Reichel) 3900 и С. 61—неточныя, такъ какъ подъ этими №№ описаны иные чеканы. См. ниже.

423. 2) *Лиц. ст.* Тоже, но фигура нѣсколько грубѣе. У груди лошади точка.

Обр. ст. Журавль иного рисунка, (голова выше поднята). Изъ надписи видно: кNZѧвл.....а.

С². В. 0,54. Д. 12—16. Т. К.

Описана кратко Чертковымъ подъ № 176. Шуб. № 18 (фр. к. 189). У него вѣроятно вкралась ошибка въ начертаніи надписи: кNZѧвкагомхіла; вка вм. влкго? Сах. 61. Сонцевъ (№ 21) читаетъ надпись своеобразмо: кZѧвелкгоміхаіл. Ор. 258. Ссылка на 82 № Чапскаго—неточная (см. выше, чек. 1). Въ Т. М. есть вѣроятно подобная же монета, но С³. р. 7, безъ №. В. 0,51. Д. 12—15.

424. 3) *Лиц. ст.* Всадникъ подобный предыдущимъ. Точечный ободокъ въ двухъ линейныхъ.

Обр. ст. Надпись: кNZѧвлкгоміхіл|.

Описана Шод. подъ № 3175.

425. 4) *Лиц. ст.* Тоже, но передъ грудью коня нѣтъ точки. Точечный ободокъ въ двухъ линейныхъ.

Обр. ст. Тоже, но у птицы длинный клювъ и надпись: пѵькNZѧві.....хал.

С². В. 0,54. Д. 13—15. 5 экз. Т. К.

На одномъ экземплярѣ изъ Н. С. читается: пѵькNZѧві....хал, при чемъ послѣднія буквы видны слабо, на другомъ: пѵькNZѧвл͡гоміхал, при чемъ первыя 3 буквы видны слабо.

426. 5) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Тоже, но надпись «противъ обыкновенія начинаетея снизу».

Орѣшн. «Матер. къ Р. Н.» № 34.

427. 6) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: ПУ...КГОМХ|.

Орѣшн. «Матер. къ Р. Н.» № 32.

428. 7) *Лиц. ст.* Тоже.

Обр. ст. Надпись: ПУТКNZѦБЛКГОМ|.

Орѣшн. «Матер. къ Р. Н.» № 33.

СМѢШАННЫЕ ТИПЫ.

Типъ XIII.

Всадникъ и Самсонъ.

Это—тотъ же самый типъ, который былъ такъ распространенъ въ послѣдніе годы княженія Бориса Александровича. При Михаилѣ Борисовичѣ, судя по крайней малочисленности находимыхъ экземпляровъ и также по ничтожному количеству разновидностей, онъ былъ, вѣроятно, вскорѣ оставленъ и замѣненъ какимъ либо изъ вышеописанныхъ восточныхъ типовъ.

429. 1) *Лиц. ст.* Извѣстное изображеніе Самсона, раздирающаго пасть льву. Въ двухъ линейныхъ ободкахъ надпись: КNѦZѦБЄЛNКОГОМИХАN. (Послѣдняя буква слитна съ первою К).

Обр. ст. Надпись: КNAZѦБЄЛИКОГОМИХ|.

С[1]. В. 0,54. Д. 13—14. Т. К. Рис. 76.

430. 2) *Лиц. ст.* Надпись: кнѧзѧ..анк.г.миха. (Послѣднее а слитно съ первымъ к).

Обр. ст. Надпись: кнѧ....великогомих, въ двухъ линейныхъ ободкахъ.

С². В. 0,55. Д. 11—15. Н. С.

Вѣроятно эта же самая монета описана во II прибавл. къ нумизм. излѣд. Сонцова, подъ № 27, но съ точностію этого сказать нельзя, потому что неизвѣстно: вѣрно или ошибочно онъ читалъ на *лиц. ст.* КНЯZЯ ВЕЛКОГМИХ и потому, что здѣсь не сказано, какъ читается надпись на обратной сторонѣ.

431. 3) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнѧзѧвелнкогомнхан|. (Буквы а,н и въ началѣ к—слитны).

Обр. ст. Тоже. Надпись: кнѧзѧвелнкогомнха|.

Описана Орѣшн. подъ № 259.

432. 4) *Лиц. ст.* Тоже. Надпись: кнѧзѧвелнкогом.

Обр. ст. Тоже. Надпись: кнзѧвелнкогобрнс.

Ор. «Мат. къ Р. Н.» № 27, 28. Эта двуименная деньга не менѣе замѣчательна, чѣмъ описанная выше, въ типѣ М. Б. VIII, чек. 18.

М. В. Рубцовъ.

О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ.

Исторія удѣльнаго княжества Муромскаго дошла до насъ весьма въ неполномъ видѣ. На основаніи лѣтописей мы не можемъ возстановить даже непрерывнаго ряда князей. На помощь лѣтописямъ являются житія нѣкоторыхъ князей, причтенныхъ къ лику святыхъ, и родословныя книги. Но родословія составлены на основаніи тѣхъ же лѣтописей и потому тоже неполны, а житіями очень трудно пользоваться. Князья, о которыхъ въ нихъ говорится, не упомянуты въ лѣтописяхъ, а изъ житій не видно даже, когда они жили. Одно житіе даетъ хронологію явно невѣрную, другое вовсе лишено хронологіи. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что и эти источники могутъ быть использованы историкомъ. Житій этихъ два: «Житіе князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора» и «Житіе князя Петра и супруги его Февроніи». Оба житія составлены довольно поздно, первое довольно кратко, второе подробно, но составлено подъ вліяніемъ народныхъ преданій и въ этомъ отношеніи сильно отличается отъ большинства житій.

Содержаніе перваго житія заключается въ томъ, что въ 1192 г. князь Константинъ Святославичъ получилъ отъ своего отца Муромъ, до того времени остававшійся въ язычествѣ. Пытался его обратить благовѣрный Глѣбъ, но не имѣлъ успѣха. Нынѣ за дѣло взялся Константинъ и пошелъ въ Муромъ, отправивъ передъ собой сыновей Михаила и Ѳеодора, но язычники возстали противъ нихъ и убили Михаила. Тѣмъ не менѣе Константину удалось принудить городъ къ покорности и обратить Муромцевъ. Послѣ своей кончины всѣ три князя были признаны святыми.

Въ 1192 году Муромъ, конечно, уже былъ давно христіанскимъ, а потому всѣ историки согласны въ томъ, что вещи, описанныя въ житіи,

могли случиться только много ранѣе. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что древнѣйшія преданія указывали 1092 годъ и что князь Константинъ есть одно лицо съ Ярославомъ Святославичемъ, родоначальникомъ Муромскихъ князей. Другіе же находятъ житіе слишкомъ мало достовѣрнымъ, чтобы дѣлать изъ него какія-нибудь заключенія, и указываютъ, что по словамъ Даніила Паломника христіанское имя Ярослава было не Константинъ, а Панкратій. Но, во первыхъ, въ спискахъ Даніила имена князей сильно перепутаны, а во вторыхъ, въ спискѣ, который цитируетъ Карамзинъ, Панкратіемъ былъ названъ не Ярославъ, а Никола Святоша. Но есть другое возраженіе. Если Константина можно отождествить съ Ярославомъ, то съ кѣмъ мы отождествимъ Михаила и Ѳеодора? Михаилъ, положимъ, скончался рано, но куда дѣлся Ѳеодоръ? По лѣтописямъ, Ярославъ оставилъ трехъ сыновей. Старшій изъ нихъ назывался Юрій и потому не можетъ быть однимъ лицомъ съ Ѳеодоромъ. Обстоятельство это наводитъ сильную тѣнь на общепринятое объясненіе, но, съ другой стороны, если бы удалось доказать, что у Ярослава были и другія дѣти кромѣ названныхъ въ лѣтописи, то это послужило бы сильнымъ доказательствомъ въ пользу стараго объясненія. Доказать это вполнѣ возможно. Въ родословныхъ книгахъ (Временникъ, книга десятая) сказано, что у Ярослава Муромскаго были дѣти Ярославъ, Ростиславъ, Святополкъ, Святославъ и Юрій. Старшинство, видимо, спутано, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Ярославичей оказывается не три, а пять. О Святополкѣ говорится и у Татищева. По его словамъ, Ярославъ, изгнанный изъ Чернигова въ 1127 году своимъ племянникомъ, уходя въ Муромъ, оставилъ въ Рязани своего брата Святополка. Братомъ назвалъ этого князя Татищевъ, конечно, по догадкѣ, ибо никакого Святополка Святославича не было; конечно, это Святополкъ Ярославичъ, бывшій въ то время старшимъ сыномъ Ярослава и тождественный съ благовѣрнымъ Ѳеодоромъ. А если такъ, то Ярослава Ярославича мы имѣемъ право отождествлять съ Михаиломъ. Онъ скончался рано, но и Ѳеодоръ, какъ видно, не пережилъ отца, ибо Ярославу Святославичу наслѣдовалъ не онъ, а Юрій.

Переходимъ къ житію Петра. Содержаніе его, если отбросить народныя легенды, которыми оно наполнено, заключается въ томъ, что нѣкогда княжилъ въ Муромѣ князь Павелъ, у котораго былъ меньшой

братъ Петръ. Петръ тяжко заболѣлъ и былъ исцѣленъ мудрой лекаркой Февроніей, крестьянской дѣвушкой. Въ благодарность онъ на ней женился. Когда онъ наслѣдовалъ Павлу, Муромцы не захотѣли кланяться крестьянкѣ и князь долженъ былъ удалиться изъ города, но скоро народъ опомнился и призвалъ обратно князя и княгиню. Они жили счастливо, скончались въ одинъ день, принявъ не задолго до смерти постриженье, и были положены въ одномъ гробѣ.

Трудно понять, почему наши историки старались отождествить непремѣнно князя Петра съ однимъ изъ Муромскихъ князей, названныхъ въ лѣтописи. Всего чаще указывали на Давида Юрьевича, умершаго въ 1228 году. Сходство съ Петромъ въ томъ, что послѣдній былъ названъ въ монашествѣ Давидомъ (это скорѣе противорѣчіе), да еще въ томъ, что и онъ наслѣдовалъ старшему брату Владиміру. Но къ чему же всѣ эти поиски, когда мы знаемъ, что съ 1248 года и по 1344 годъ ни одинъ Муромскій князь не названъ въ лѣтописяхъ. Въ это время могло княжить много Петровъ. Мало этого, въ тѣхъ же родословныхъ, о которыхъ мы говорили (смотри тамъ же), прямо опредѣляется время жизни князя Петра. Тамъ находится родословіе Овцыныхъ и Володимеровыхъ и говорится, что эти роды происходятъ отъ Владимира Даниловича, боярина Дмитрія Донского, отецъ котораго, Данило, былъ сыномъ Василія, меньшого брата благовѣрнаго Петра. Бояринъ Владиміръ Даниловичъ, извѣстный и по лѣтописямъ, былъ, стало быть, современникомъ Донского, отецъ его Данило есть современникъ Семена Гордаго, а дѣдъ Василій, а равнымъ образомъ и братъ его Петръ суть современники Ивана Калиты и относятся къ началу XIV вѣка. Между Ярославомъ Юрьевичемъ, упомянутымъ въ 1248 году, и Петромъ могло быть одно или два поколѣнія. Если бы мы знали, что было только одно, то можно было бы сказать съ большой вѣроятностью, что отецъ Петра звался Юріемъ, такъ какъ имя это встрѣчается между Муромскими князьями черезъ одно поколѣнье. Замѣтимъ еще, что по словамъ родословья у Петра и Василья былъ еще меньшой братъ Иванъ, который почему-то ушелъ со своей княгиней въ Орду. Племя его выѣхало въ Москву при томъ же Донскомъ, и отъ нихъ произошли Злобины и Замятнины. Это странное бѣгство въ Орду не состояло ли въ связи съ тѣмъ Муромскимъ мятежомъ, о которомъ говоритъ житіе. Къ этому при-

бавимъ, что князья Василій и Юрій Ярославичи, о которыхъ говоритъ лѣтопись въ половинѣ XIV вѣка, были, по всему вѣроятію, племянники Петра, братъ котораго могъ носить княжье имя Ярослава, самъ же Петръ, судя по словамъ житія, кажется, не имѣлъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ изъ всего нами сказаннаго достаточно явствуетъ, что время жизни князя Петра Муромскаго вполнѣ опредѣляется существующими источниками и что при помощи его житія можно восполнить хотя отчасти тотъ досадный пробѣлъ, который имѣется въ древней исторіи Мурома.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ.

О могилѣ Шигоны-Поджогиныхъ въ селѣ Иванишахъ, Старицкаго уѣзда.

На лѣвомъ клиросѣ холодной церкви села Иванишъ, Старицкаго уѣзда, надъ кирпичнымъ склепомъ находится гробница, высѣченная изъ старицкаго бѣлаго камня. Въ настоящее время не сохранилось на ней даже и слѣдовъ какой-либо надписи, но иванишскіе старожилы хорошо помнятъ, что на гробницѣ была высѣчена надпись и гласила, что здѣсь погребенъ схимонахъ Іона и схимонахиня Анисія. Вмѣстѣ съ тѣмъ преданіе указываетъ на схимонаха Іону, какъ на строителя мѣстнаго храма. Въ памяти иванишскихъ прихожанъ и до сихъ поръ еще сохранился о строителѣ храма слѣдующій разсказъ: «Однажды въ лѣтнюю пору мимо Иванишскаго монастыря проѣзжалъ неизвѣстный путникъ. Прекрасная мѣстность, средп которой былъ расположенъ монастырь, привлекла его вниманіе, и онъ остановился здѣсь, чтобы полюбоваться чудной картиной природы и отдохнуть подъ тѣнью сосноваго лѣса, въ которомъ тогда росло много малины. Нужно замѣтить, что путникъ страдалъ необычнымъ и страшнымъ недугомъ: однажды во время сна чрезъ открытый ротъ въ его желудокъ вползла змѣя, и послѣ того онъ сталъ чувствовать мучительныя боли, отъ которыхъ не могъ избавиться никакими средствами. Усталый и измученный болѣзнью путникъ уснулъ подъ тѣнью лѣса и видитъ сонъ. Ему снилось, что онъ чувствуетъ невыносимую жажду, но вотъ передъ нимъ является кто-то и въ открытый ротъ льетъ ему воду. Путникъ чувствуетъ, какъ холодная струя проходитъ чрезъ горло: это изъ него выходила змѣя, заслышавъ запахъ малины. Больной проснулся и увидѣлъ, что мучившая его змѣя, шипя и извиваясь, скрылась въ кустахъ росшаго вблизи малинника. Послѣ того путникъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и въ благодарность Господу за исцѣленіе построилъ храмъ, существующій въ селѣ Иванишахъ и до настоящаго времени» [1]). Конечно, данныя преданій такого рода нельзя принимать

[1]) Записано со словъ псаломщика села Иванишъ А. Колоколова, служившаго при Иванишской церкви болѣе 50 лѣтъ.

на вѣру всецѣло, во всемъ ихъ объемѣ, но не слѣдуетъ и пренебрегать преданіемъ, какъ бы оно на первый взглядъ ни казалось не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Въ основѣ всякаго преданія лежитъ дѣйствительный историческій фактъ, который служитъ канвою для народной молвы, переходящей изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Пользуясь вышеизложенными данными преданія о строителѣ Иванишскаго храма, схимонахѣ Іонѣ, мы имѣемъ возможность, не справляясь съ историческими документами, воспроизвести хотя въ главныхъ чертахъ вѣроятную исторію его жизни. Схимонахъ Іона въ мірѣ занималъ, очевидно, важное положеніе и былъ богатъ. Можетъ быть, исцѣленіе отъ какой-либо опасной болѣзни или другой какой-нибудь важный случай въ жизни Іоны послужилъ поводомъ къ построенію имъ храма въ Иванишскомъ монастырѣ. Здѣсь строитель храма провелъ конецъ своей жизни и здѣсь же былъ погребенъ подъ именемъ схимонаха Іоны. Съ нимъ вмѣстѣ была погребена и супруга его, схимонахиня Анисія, которая, очевидно, послѣдовавъ примѣру своего мужа, окончила дни свои тоже въ монастырѣ. Эти краткія свѣдѣнія мѣстнаго преданія о строителѣ Иванишскаго храма вполнѣ совпадаютъ и съ данными исторіи.

Между документами церкви села Юрьевскаго (Стар. у.) случайно сохранилась копія съ описи вотчинъ Иванишскаго монастыря, писанная съ оригинала, относящагося къ 1627—28 г.г. Она начинается такъ: «выпись съ книгъ Тверского уѣзду, письма и мѣры Федора Игнатьева, да подъячего Тимофея Степанова ρλε и ρλѕ году: въ Суземскомъ стану въ монастырскихъ вотчинахъ написано: Монастырь ванишскій на рѣчкѣ на вонишѣ, а въ немъ церковь Успенія Пречистыя Богородицы каменъ о трехъ верхахъ... а церковь и въ церквѣ образы и колокола и всякое строеніе церковное Ивана Поджогина»... Слѣдовательно строителемъ Иванишскаго монастыря былъ нѣкто—Иванъ Поджогинъ.

Но одно-ли и то же лицо Поджогинъ и схимонахъ Іона,—на этотъ вопросъ отвѣчаетъ другой документъ: «данная душеприкащиковъ Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, боярина князя Андрея Димитріевича Ростовскаго и казначея Ивана Ивановича Третьякова на деревни Митино, Благинино и Денево 1542 года, іюня 15 дня». Эта данная гласитъ слѣдующее: «се язъ великаго князя бояринъ, князь Ондрей Дмитревичъ Ростовскій, да язъ казначей Иванъ Ивановичъ Третьяковъ, да съ ними язъ дьякъ Одинецъ Микифоровъ, прикащики Ивана Юрьевича, а въ вноцѣхъ старца Іоны, что былъ Шигона-Поджогинъ, далъ есмя по Шигонину приказу и по

его духовной грамотѣ въ домъ къ Пречистой въ Осифовъ монастырь игумену Нифанту зъ братьею или кто по немъ въ Осифовѣ монастырѣ иной игуменъ будетъ по его Іониной душѣ и по его братѣ по Ѳеодорѣ и по ихъ родителехъ въ Тверскомъ уѣздѣ въ Хорвачѣ въ Воскресенскомъ стану на рѣкѣ на Ржати куплю его деревню Митино-Крянюхино, деревню Благинино, деревню Деденево, въ прокъ имъ въ монастырь безъ выкупа и безъ омѣны» [1]. Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что строитель Иванишскаго храма схимонахъ Іона и Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ одно и то же лицо.

О личности и судьбѣ Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина исторія сохранила слѣдующія подробности [2].

Иванъ Юрьевичъ былъ однимъ изъ ближайшихъ и любимѣйшихъ вельможъ царя Василія Іоанновича (отца Іоанна Грознаго), при дворѣ котораго занималъ должность дворецкаго и носилъ высокое званіе думнаго боярина. Недалеко отъ Волока-Ламскаго находились помѣстья Поджогина, гдѣ онъ проводилъ свободное отъ придворной службы время. Великій князь Василій Іоанновичъ иногда пріѣзжалъ сюда развлечься своею любимою псовою охотой,—и въ честь царскаго пріѣзда Шигона устраивалъ богатые пиры, которые охотно удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ и самъ великій князь.

Неизвѣстно, какое значеніе имѣлъ Поджогинъ во внѣшней политикѣ Василія Іоанновича, но въ домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ своего государя онъ имѣлъ выдающееся значеніе и пользовался особымъ довѣріемъ великаго князя. Поэтому и судьба Ивана Юрьевича была тѣсно связана съ перемѣнами въ великокняжеской придворной жизни. Извѣстно, что Василій Іоанновичъ, въ теченіе двадцатилѣтняго супружества не имѣвшій дѣтей отъ своей первой супруги Соломоніи, рѣшилъ заточить ее въ монастырь и вступить въ новый бракъ. Усерднымъ исполнителемъ этого, кстати сказать, въ высшей степени жестокаго плана является Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ. Сначала онъ предложилъ княгинѣ добровольно отказаться отъ міра и принять постриженіе, но послѣ того какъ получилъ отъ нея рѣшительный отказъ,—употребилъ грубое насиліе. По приказанію Шигоны, несчастную княгиню силою вывели изъ дворца и повезли въ Рождественскій дѣвичій монастырь для постриженія. Соломонія долго и здѣсь противилась совер-

[1] Твер. Акты, № XI $\left(\frac{12506}{13}\right)$.

[2] См. Исторію Карамзина.

шенію обряда, но Шигона, не взирая на ея мольбы и слезы, угрозами и даже побоями заставилъ ее надѣть монашеское платье. Послѣ постриженія Соломонія немедленно была отправлена въ Суздальскій женскій монастырь и тамъ заточена. Казалось-бы, что такое точное и усердное исполненіе великокняжеской воли еще болѣе должно было приблизить Ивана Юрьевича къ великокняжескому престолу, но на дѣлѣ оказалось противное.

Чрезъ два мѣсяца послѣ заточенія Соломоніи Василій Іоанновичъ вступилъ въ новый бракъ съ молодой княжной Еленою Глинской. Этотъ выборъ крайне удивилъ и огорчилъ бояръ, такъ какъ Глинскіе пользовались дурной репутаціей, какъ привычные измѣнники своему отечеству. А потому многіе смотрѣли на молодую княгиню съ скрытымъ недоброжелательствомъ. Это раздражало великаго князя и возбуждало въ немъ подозрительность. Можетъ быть, и Шигона не сочувствовалъ такому выбору Василія Іоанновича и, подозрѣваемый въ недоброжелательствѣ къ молодой княгинѣ, вмѣстѣ съ другими боярами былъ удаленъ отъ двора и нѣсколько лѣтъ находился въ опалѣ. Но слѣдующее радостное событіе въ великокняжеской семьѣ возвратило Шигонѣ прежнюю любовь и довѣріе Василія Іоанновича.

Въ 1530 году 25 августа у Василія Іоанновича родился сынъ Іоаннъ, впослѣдствіи получившій названіе Грознаго. «Не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ лѣтописца, была въ восторгѣ», говоритъ Карамзинъ. «Царь сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей» [1]). Благодаря этому событію и Шигона былъ снова призванъ ко двору и снова занялъ почетное мѣсто у великокняжескаго престола, но ненадолго. Неожиданная кончина великаго князя имѣла роковыя послѣдствія для Ивана Юрьевича.

Осенью 1533 года Василій Іоанновичъ поѣхалъ потѣшиться псовою охотой на Волокъ-Ламскій и тамъ заболѣлъ. Уже больной онъ былъ на пиру у своего любимца, — дворецкаго Шигоны-Поджогина, и затѣмъ скоро слегъ въ постель, съ которой уже и не сходилъ до дня своей кончины. Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ все время находился при князѣ и исполнялъ его послѣднія распоряженія. 3-го декабря 1533 года врачи объявили Василію Іоанновичу, что нѣтъ надежды на выздоровленіе, и великій князь сталъ готовиться къ смерти,

[1]) Карамзинъ, т. VII, изд. Суворина.

между прочимъ, выразивъ желаніе постричься и принять великую схиму. Но Шигона, вѣроятно, все еще надѣясь на выздоровленіе князя, до послѣдней крайности противился совершенію надъ умирающимъ пострижения. Только тогда удалось возложить схиму на Василія Іоанновича, когда онъ уже отходилъ. Шигона первый замѣтилъ кончину князя—и зарыдалъ.

Вѣроятно, Иванъ Юрьевичъ искреннѣе многихъ оплакивалъ кончину великаго князя, потому что со смертію послѣдняго онъ, могущественнѣйшій изъ царедворцевъ, терялъ все свое вліяніе при дворѣ. Мало того, были причины страшиться и за свою безопасность Вдовствующая великая княгиня Елена едва-ли могла бы забыть прежнее къ ней нерасположеніе Шигоны, и месть княгини рано или поздно могла обрушиться на него со всѣми жестокостями, свойственными нравамъ того времени. Такое предположеніе было болѣе чѣмъ вѣроятно. Вскорѣ послѣ кончины Василія Іоанновича обнаружились обстоятельства, не предвѣщавшія Шигонѣ ничего добраго. Не прошло и недѣли послѣ погребенія великаго князя, какъ братъ его Юрій Іоанновичъ, по подозрѣнію будто-бы въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ заточенъ въ темницу (гдѣ впослѣдствіи и умеръ насильственною смертью — отъ голода). Иванъ Юрьевичъ, конечно, понималъ, что жестокое правленіе Елены не можетъ обѣщать ему ничего, кромѣ опасностей, и рѣшилъ покинуть міръ и удалиться отъ всѣхъ житейскихъ треволненій въ какой-нибудь монастырь, только бы подальше отъ Москвы. Вѣроятно, въ слѣдующее же лѣто по смерти Василія Іоанновича (т. е. лѣтомъ 1534 г.) Шигона предпринялъ поѣздку въ г. Старицу съ цѣлью найти себѣ по сердцу тихое пристанище. Поэтическая мѣстность, окружавшая Иванишскій монастырь, несомнѣнно, произвела на Шигону-Поджогина самое выгодное впечатлѣніе, и онъ рѣшилъ избрать ее мѣстомъ своего добровольнаго заточенія. И вотъ именитый царедворецъ, ранѣе не сочувствовавшій монашеству, здѣсь принялъ постриженіе и скромное званіе старца Іоны. Въ новомъ своемъ званіи онъ нашелъ себѣ по сердцу и новую дѣятельность. Онъ со всѣмъ усердіемъ предался заботамъ о церковномъ строительствѣ и такимъ образомъ, усердный слуга царя земного, сдѣлался столь же усернымъ слугою Царя Небеснаго. Иванъ Юрьевичъ построилъ деревянную церковь въ селѣ Юрьевскомъ и довольно обширный каменный храмъ въ Иванишскомъ монастырѣ. Иванишскій храмъ сохранился безъ существенныхъ измѣненій и до настоящаго времени и, конечно, по справедливости долженъ считаться

однимъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Тверской епархіи. Постройка его должна быть отнесена къ періоду времени между кончиной великаго князя Василія Іоанновича и кончиной самого схимонаха Іоны, т. е. къ 1534—1542 годамъ. Несомнѣнно, что и церковь въ селѣ Юрьевскомъ была построена въ теченіе того же періода времени, т. е., при жизни самого Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, и съ тѣхъ поръ село стало называться по имени отца Шигоны—Юрія (Юрьевское) подобно тому, какъ Иванишскій монастырь получилъ свое названіе отъ имени самого строителя.

Заканчивая настоящій докладъ, считаю не лишнимъ упомянуть объ одной находкѣ, имѣющей нѣкоторое отношеніе къ памяти Шигоны-Поджогиныхъ.

8-го мая сего 1903 года на мѣстѣ бывшей деревянной церкви въ селѣ Юрьевскомъ былъ найденъ могильный камень съ слѣдующей надписью: «лѣта 7054 октября 14 (дня). Преставися Евфимей Аннинъ человѣкъ Ивановы жены Юрьевич Шигонины» [1]).

Эта надпись даетъ возможность заключить, что церковь въ селѣ Юрьевскомъ существовала уже и въ 1546 году и, вѣроятно, была построена при жизни самого Поджогина такъ-же, какъ и церковь въ Иванишскомъ монастырѣ.

Кромѣ того изъ той-же надписи узнаемъ, что жена Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина въ мірѣ носила имя Анны. Это вполнѣ согласуется и съ содержаніемъ надписи, бывшей нѣкогда на гробницѣ въ Иванишской церкви. Очевидно,—схимонахиня Анисія, погребенная подъ этой гробницей въ одномъ склепѣ съ Іопой,— не кто другая, какъ жена Шигоны—Анна, по древнему обычаю избравшая монашеское имя, начинающееся съ той-же буквы, съ какой начиналось ея имя мірское.

Свящ. А. Ушаковъ.

---

[1]) Фотографія съ камня находится въ Тверской Архивной Коммиссіи.

Кто виновенъ въ смерти митрополита Филиппа?

Насильственная смерть митрополита Филиппа издавна считается однимъ изъ злодѣяній царя Іоанна Грознаго. Первый установилъ такое воззрѣніе въ наукѣ Карамзинъ, въ исторіи котораго мы читаемъ: «Тиранъ не забылъ сверженнаго имъ митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину посольства, онъ съ кротостію промолвилъ: «я давно ожидаю смерти: да исполнится воля государева»! Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи» [1]). С. М. Соловьевъ разсказываетъ этотъ эпизодъ гораздо осторожнѣе, а именно: «Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе;—опричникъ задушилъ его» [2]). Изъ этого разсказа очевидно, что С. М. Соловьевъ не находилъ достаточныхъ основаній, чтобы обвинить въ смерти митрополита Филиппа самого Іоанна Грознаго.

Такая осторожность С. М. Соловьева вполнѣ понятна,—эпоха опричнины и казней въ царствованіе Іоанна Грознаго и въ частности исторія столкновенія царя съ митрополитомъ Филиппомъ одно изъ темныхъ мѣстъ въ Русской исторіи. Русскія лѣтописи въ лучшихъ случаяхъ содержатъ въ себѣ только краткія и отрывочныя указанія относительно того или другого событія этой эпохи, такъ что весь лѣтописный матеріалъ относительно митрополита Филиппа сводится къ слѣдующей краткой замѣткѣ второй Новгородской лѣтописи: «Лѣта 7076 (1568) мѣсяца марта 22 день, на самое середокрестное недѣли, учалъ митропо-

---

[1]) Карамзинъ въ изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 86.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи въ изд. Общ. Польза, II, 171.

литъ Филиппъ съ государемъ на Москвѣ враждовати о опришнины, и вышелъ изъ двора митрополича, и жилъ въ монастырѣ у Николы Старого» [1]). Очень вѣроятно, что такая скудость извѣстій о всѣхъ этихъ событіяхъ объясняется характеромъ той эпохи, черезъ-чуръ опасной для всякаго критически-сознательнаго отношенія къ ней. Слѣдствіемъ такой скудости русскихъ источниковъ и является то обстоятельство, что единственнымъ русскимъ источникомъ относительно столкновенія Іоанна Грознаго съ митрополитомъ является житіе митрополита Филиппа, первоначально составленное на далекой окраинѣ Руси, въ Соловецкомъ монастырѣ. Правда, есть относительно этой эпохи свидѣтельства иностранцевъ, но къ нимъ, несомнѣнно, нужно относиться съ большою осторожностію, такъ какъ иностранцы часто писали на основаніи слуховъ, недостаточно провѣренныхъ, и всегда были склонны разсматривать событія въ Руси болѣе или менѣе подъ своимъ угломъ зрѣнія.

Житіе митрополита Филиппа дошло до нашего времени въ двухъ редакціяхъ: краткой и болѣе обширной [2]). Одной изъ рукописей обширной редакціи пользовался въ Румянцевскомъ Музеѣ и нашъ исторіографъ. Объ редакціи этого житія описываютъ смерть митрополита Филиппа слѣдующимъ образомъ: «Внезапу пріѣха въ Отрочь монастырь первый во злыхъ совѣтехъ золъ воинъ, свирѣпъ мучитель Малюта Скуратовъ. Сурово вниде въ келію святаго, аки волкъ, и нача сперва, аки змій, лестно глаголати, чтобы государя царя благословилъ ѣхати въ Великій Новградъ. Святитель же Божій рече ему по откровенію Святаго Духа: «глаголи истину, твори повелѣнное тебѣ,—преже бо трехъ дни пришествія твоего яви ми Господь скончаніе мое». Онъ же скоро предастъ ему страстотерпческую смерть. Едина бо бысть горсть крови, и та изліяся за благочестіе» [3]). Предсмертныя слова митрополита Филиппа: «твори повелѣнное тебѣ», и послужили главнымъ образомъ къ обвиненію въ смерти митрополита Филиппа царя Іоанна Грознаго. Но житіе митрополита Филиппа написано не менѣе 20—25 лѣтъ послѣ смерти его, и кромѣ того нельзя представить, чтобы Малюта совершилъ свое злодѣяніе при свидѣтеляхъ. Этого, впрочемъ, не говоритъ и самое житіе, а даже, наоборотъ, оно приводитъ слова Малюты къ игумену и приставу, изъ которыхъ ясно видно, что при удушеніи митрополита никого кромѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. III. 162.

[2]) Востоковъ, Описаніе рукоп. Румянцевскаго Музея, 517 и 518.

[3]) Рукоп. Румянцевскаго Музея, 361, л. 115.

Малюты въ келіи не было. Тутъ мы читаемъ: «Выйде изъ келіи злый предатель, нача лукавно ко игумену и ко мнѣ (приставу) глаголати, яко вашимъ нерадѣніемъ умре Филиппъ митрополитъ съ чаду келейнаго». А если это такъ, то предсмертныхъ словъ митрополита никто не могъ слышать, а они введены въ житіе авторомъ его, очевидно, для усиленія драматизма при описаніи страдальческой кончины митрополита, и изъ нихъ можно заключить только, что, спустя двадцать пять лѣтъ послѣ кончины митрополита Филиппа, Іоанна Грознаго обвиняли уже въ смерти его. Интересно, что покаянная грамота царя Алексѣя Михайловича, составленная имъ подъ вліяніемъ патріарха Никона и всенародно прочитанная предъ ракой митрополита въ Соловецкомъ монастырѣ, не обвиняетъ царя Іоанна въ смерти митрополита, а только въ изгнаніи его. Въ ней говорится: «Молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ.... Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится попошеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ св. владыко!». Очевидно, что въ XVII столѣтіи по тщательномъ разслѣдованіи этого вопроса патріархъ Никонъ не нашелъ твердыхъ данныхъ къ обвиненію Іоанна Грознаго въ смерти митрополита Филиппа, хотя, несомнѣнно, онъ и зналъ его житіе. Тѣмъ страннѣе постепенное наростаніе этого мнѣнія въ XIX столѣтіи.

Говоря о кончинѣ митрополита Филиппа, нельзя не признать несомнѣннымъ одно, что онъ погибъ въ борьбѣ съ опричниной. Еще будучи кандидатомъ въ митрополиты, онъ говорилъ на соборѣ 1566 года «чтобъ царь и великій князь отставилъ опришнину, а не отставитъ царь и великій князь опришнины, и ему въ митрополитехъ быти невозможно; а хоти его и поставятъ въ митрополиты, и ему за тѣмъ митрополья отставити; и соединилъ бы во едино, какъ преже того было». Въ отвѣтъ на это Іоаннъ Грозный «велѣлъ молвити свое слово,... чтобы игуменъ Филиппъ то отложилъ, а въ опришнину и въ царской домовой обиходъ не вступался, а на митрополью бы ставился; а по поставленье бы, что царь и великій князь опришнины не отставилъ и въ

домовой ему царскій обиходъ вступатися не велѣлъ, и за то бы игуменъ Ѳилиппъ митрополіи не отставливалъ, а совѣтовалъ бы съ царемъ и великимъ княземъ, какъ прежніи митрополиты совѣтовали съ отцемъ его великимъ княземъ Васильемъ, и зъ дѣдомъ его великимъ княземъ Иваномъ». Только послѣ долгихъ увѣщаній игуменъ Ѳилиппъ «далъ свое слово архіепископомъ и епископомъ: что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, на волю даетца стати на митрополію, а въ опришнину ему и въ царскій домовой обиходъ не вступатися, а по поставленьи за опришнину и за царской домовой обиходъ митрополіи не отставливати» [1]). Это было только прелюдіей къ дальнѣйшей борьбѣ митрополита Филиппа съ опричниной.

Разсуждая объ опричнинѣ, необходимо различать опричнину, какъ опредѣленный институтъ, учрежденіе, и опричниковъ, какъ людей, проводившихъ въ жизнь начала этого учрежденія, такъ сказать, органовъ ея. Опричнина, какъ учрежденіе, была глубоко задуманнымъ планомъ царя, направленнымъ къ ослабленію боярства, не безъ нѣкоторыхъ основаній заподозрѣннаго имъ въ склонности къ измѣнѣ государству. Опричники, какъ органы опричнины, на дѣлѣ являлись почти самовластными господами на Руси, попиравшими часто всякое право и правду. Митрополитъ Филиппъ, во имя оскорбляемой ими правды, во имя такъ часто попираемаго ими человѣчества возсталъ противъ опричниковъ и опричнины, ихъ породившей. Въ этомъ главный подвигъ всей его жизни.

Онъ, какъ митрополитъ, неоднократно убѣждалъ царя прекратить гибельное раздѣленіе царства на двѣ половины и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы раскрыть царю всю нравственную несостоятельность опричниковъ и всѣ ихъ злодѣянія. Понятно, что опричники стали смотрѣть на него, какъ на своего личнаго врага, понимая, что побѣда его равнозначительна уничтоженію ихъ привиллегированнаго положенія на Руси. Большинство изъ нихъ, естественно, было слѣпыми орудіями въ рукахъ царя, но имъ всѣмъ было такъ выгодно быть хозяевами на Руси, произвольно распоряжаться имуществомъ и жизнію согражданъ. Началась борьба между опричниками и митрополитомъ, видѣвшимъ всеобщій трепетъ предъ ними, борьба тѣмъ болѣе ожесточенная, что она затрогивала матеріальное благосостояніе опричниковъ. Такимъ образомъ не царь, а опричники начали борьбу противъ митрополита Филиппа. Царь долго и сравнительно терпѣливо, если принять во

[1]) П. С. Г. грам. и догов. I, 557 и 558.

вниманіе неудержимую вспыльчивость его характера, выслушивалъ увѣщанія митрополита и не разъ уходилъ отъ него въ глубокой задумчивости. Опричники не могли не видѣть всего этого и понимали, что опасность близка. А что какъ царь послушаетъ митрополита? Что какъ придется разсчитаться предъ грознымъ царемъ за всѣ прежнія злодѣянія?

Они воспользовались первымъ случаемъ, чтобы показать царю неправоту митрополита въ его нападкахъ на опричниковъ. Произошелъ извѣстный эпизодъ во время крестнаго хода. Митрополитъ во время его передъ чтеніемъ Евангелія замѣтилъ, что одинъ изъ опричниковъ стоитъ въ «тафьѣ» на головѣ. Тогда митрополитъ обратился къ царю съ такими словами: «Державный царю! Се ли подобаетъ благочестивому царю агарянскій законъ держати?»—«Какъ это?» Въ свою очередь спросилъ изумленный царь.—«Се отъ ополченія твоего, съ тобою пришедшіи, предстоятъ яко отъ лика сатанинска», сказалъ митрополитъ. «Царь же», читаемъ мы дальше въ житіи, «обратився, хотя видѣти бывшее; повинный же скрывъ зъ главы своей тафію. Царю же накрѣпце истязующу, хотя увѣдѣти отъ сотворшихъ се, никому же отъ предстоящихъ ту смѣюще сказать,—бѣ бо отъ любимыхъ царемъ». Если вѣрить этому разсказу (а ему вѣрятъ), то нельзя изъ него не видѣть, насколько въ это время обострились отношенія между опричниками и митрополитомъ. Одинъ изъ опричниковъ, намѣренно или ненамѣренно, не снялъ шапки во время чтенія Евангелія. При чемъ тутъ царь? А его обвиняютъ въ слѣдованіи магометанскимъ обычаямъ и обвиняютъ всенародно. Онъ «накрѣпце истязуетъ», желая найти виновнаго, и не находитъ. Опричники немедленно воспользовались этимъ эпизодомъ и сказали царю, что митрополитъ «не истину глаголетъ, державѣ твоей царьстей наругается». Царь повѣрилъ этимъ навѣтамъ, «наипаче гнѣва наполнися, поношаше святаго нелѣпыми словесы, яко во всемъ противенъ ему есть». Давно искомый поводъ подорвать довѣріе царя къ митрополиту нашелся, опричники обвинили его во лжи, въ высокой степени оскорбительной для царя. Понятно, что они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы окончательно подорвать его въ глазахъ царя, предъявивъ всѣ обвиненія, какія они могли собрать противъ митрополита. Царь рѣшилъ провѣрить эти обвиненія и послалъ «по извѣщенію лживыхъ свидѣтелей» въ Соловецкій монастырь особыхъ слѣдователей: архіепископа Суздальскаго Пафнутія, архимандрита Ѳеодосія и князя Василія Темкина вмѣстѣ съ многими отъ воинскаго стана. Житіе разсказываетъ, что слѣдователи

«прещаше всякими виды, овыхъ ласкательствомъ и посулы, а иныхъ, обѣщающе розны саны и чести, игумену же владычество.... богоносным же и честнымъ старцемъ, живущимъ во обители, многи раны сотвориша, повелѣша имъ сильно и напрасно на святаго неподобная глаголати». Пусть все это такъ, но слѣдователи добыли необходимый для нихъ матеріалъ и поѣхали въ Москву, захвативъ съ собою необходимыхъ свидѣтелей «игумена Паисею, легкоумнаго, паче же безумнаго со инѣми клеветники и съ ложными словесы». Въ чемъ обвиняли митрополита всѣ эти клеветники, житіе не говоритъ, но когда слѣдователи представили царю «многосмутный свой свитокъ», онъ, повелѣвъ прочитать «обыскные рѣчи» «предъ нимъ и предъ боляры, конечне гнѣва наполнися». Царь повѣрилъ клеветникамъ, но не однимъ опричникамъ, а между прочимъ архіепископу и двумъ архимандритамъ. Убѣдившись изъ слѣдственнаго дѣла въ виновности митрополита, царь приказалъ заключить его въ тюрьму. Исполненіе порученія было возложено на опричниковъ съ Алексѣемъ Басмановымъ во главѣ.

Когда они для исполненія порученія прибыли въ соборную церковь, Алексѣй Басмановъ «изрекъ пастырю царевы глаголы и прирекъ: «недостоинъ еси, Филиппъ митрополитъ, святительскаго сану». И повелѣ предъ нимъ и предъ всѣмъ народомъ чести ложные обыски, поносныя словеса. Пришедшіи же съ нимъ нападоша на святаго, яко суровіи звѣріи, и совлекоша съ него святительскій санъ, и возложиша на него платіе иноческое, зѣло худо и раздрано. И изринуша его изъ церкви вонъ, яко злодѣя, и посадиша его на дровни и повезоша изъ града вонъ. Инии же ко исходу дебри рѣюще его и метлами біюще и тмами злодѣйственныя укоризны приношаху ему». Въ этомъ описаніи мы видимъ полный разгулъ опричническаго своеволія и издѣвательства надъ впавшимъ въ опалу митрополитомъ. Раздраженные постоянной оппозиціей митрополита опричнинѣ, они пользуются случаемъ отомстить своему личному врагу и всячески издѣваются надъ нимъ. Митрополита заключили подъ стражу въ Богоявленскомъ монастырѣ «за ветошнымъ рядомъ».

Дальше въ житіи мы находимъ извѣстіе о судѣ надъ нимъ. «По малѣ времени повелѣ государь святителя Филиппа привести на митрополичь дворъ на ставку предъ ложными его свидѣтели. Онъ же возимъ бяше по прежнему съ поруганіемъ и ста предъ царемъ. И тѣ ложные совѣтницы и его пастыревъ ученикъ, Соловецкаго монастыря именованіемъ токмо игуменъ, дѣлы же Іюда предатель, съ своими подобными

многіе на святителя безлѣпичные наносы изнесе,—посулено бо ему владычество. Святитель же рече ему: «безумне, вскую еси ковъ на меня скова,—игуменства еси отбылъ, а владычества не дошелъ». И многу смятенію бывшу предъ царемъ». Было отъ чего смутиться,—такъ хорошо обставленное опричниками слѣдственное дѣло могло рухнуть, обрати только царь должное вниманіе на этотъ эпизодъ, но царь счелъ эти слова за обычную попытку подсудимаго подорвать въ глазахъ суда одного изъ важнѣйшихъ свидѣтелей. Дѣло кончилось осужденіемъ митрополита.

Опричники съ своей стороны сдѣлали все, чтобы отягчить участь побѣжденнаго ими врага. «Онѣ же», читаемъ мы въ житіи, «рекоша въ себѣ: «искусимъ беззлобство его и смертію безлѣпотною уморимъ его, занеже сопротивится царскому повелѣнію и не будетъ никто сопротивенъ и обличая беззаконія наша, аще сего уморимъ; занеже онъ единъ крѣпокъ царя обличая и укрѣпляя». И посадиша его во злосмрадную храмину и нозе его забиша въ кладе со всякимъ злымъ утвержденіемъ и злѣ поругашеся ему, и возложиша на него уготованную тягость велію желѣзную». Послѣ митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочь монастырь, гдѣ и окончилъ свои дни 23 декабря 1569 года.

Можно ли обвинять царя Іоанна Грознаго за его поведеніе во всемъ этомъ дѣлѣ? Есть ли у насъ основанія сказать, что весь судъ надъ митрополитомъ Филиппомъ былъ пустой комедіей, разыгранной для кого-то царемъ Іоанномъ, ни одному слову которой онъ самъ первый не вѣрилъ? Не правдоподобнѣе ли предположить, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ самъ былъ жертвою обмана со стороны опричниковъ? Руки опричниковъ мы такъ часто видимъ въ этомъ дѣлѣ, и они оставляютъ на немъ такіе замѣтные слѣды. О царѣ же можно сказать только одно, что въ дѣлѣ митрополита Филиппа онъ соблюлъ формальную справедливость, нарушивъ ее по существу, вслѣдствіе интригъ и козней противъ митрополита со стороны опричниковъ.

Но заставлявшіе нѣсколько разъ задумываться царя рѣчи митролита Филиппа сдѣлали свое дѣло, и опричнинѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ, отъ котораго она не могла оправиться. Когда она была уничтожена царемъ? Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ «въ 1572 году къ внезапной радости подданныхъ вдругъ уничтожилъ ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность государства» [1]). С. М. Соловьевъ, отмѣчая, что «въ послѣднія восемь

[1]) Карамзинъ, т. IX, стр. 122.

лѣтъ жизни (Грознаго) мы не встрѣчаемъ извѣстій о казняхъ», при разсказѣ о событіяхъ 1574 года говоритъ: «раздѣленіе на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счелъ за нужное вывести его изъ употребленія: вмѣсто названій «опричнина и земщина» видимъ названія «дворъ» и «земщина», «воеводы дворовые и земскіе». Тоже отмѣчаетъ и С. Ѳ. Платоновъ [1]).

Для рѣшенія поставленнаго нами вопроса важно не опредѣленіе времени уничтоженія опричнины, какъ института, а опредѣленіе времени прекращенія особыхъ полномочій опричниковъ, всегда злоупотреблявшихъ неограниченнымъ довѣріемъ царя. Довѣріе же царя къ опричникамъ впервые пошатнулось едвали не около этого времени, и, весьма возможно, подъ вліяніемъ рѣчей митрополита Филиппа, полнымъ своимъ безстрашіемъ ко всякимъ гоненіямъ доказавшаго свое глубокое убѣжденіе въ правдѣ того, что онъ говорилъ противъ опричниковъ. Царь не вполнѣ согласился съ нимъ,—опричнины, какъ института, онъ не уничтожилъ до конца своего царствованія, но то, что митрополитъ говорилъ о злоупотребленіяхъ опричниковъ, запечатлѣлось въ умѣ царя. Не могли не замѣтить нѣкоторой перемѣны въ царѣ и опричники. Послѣдней попыткой ихъ доказать царю свою необходимость, какъ искоренителей измѣны и карателей измѣнниковъ, и снова возбудить подозрительность начинавшаго успокоиваться царя, и было обвиненіе въ измѣнѣ цѣлой Новгородской области, приведшее къ погрому Новгорода. Поводомъ къ этому погрому послужилъ доносъ какого-то Петра Волынца о томъ, что «Новгородцы хотятъ предаться Польскому королю, что у нихъ уже написана и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Царь Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Волынцемъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ грамоту за образомъ и привезъ къ государю. Подписи архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ гражданъ оказались вѣрными. Говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга, наказанный Новгородцами, изъ желанія отомстить имъ, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ» [2]). Едва ли не нужно признать за несомнѣнное, что вся эта исторія—послѣдняя продѣлка опричниковъ, чувствовавшихъ, что довѣріе царя къ нимъ пошатнулось. Трудно допустить, чтобы какой-то бродяга, уже запримѣченный Новгородцами, могъ

[1]) Соловьевъ, т. II, стр. 181. Платоновъ, Лекціи по Русск. исторіи, 167.

[2]) Соловьевъ, т. II, стр. 173.

устроить такой сложный и такъ искусно обставленный подлогъ. Совсѣмъ другое дѣло опричники,—у нихъ были всѣ средства къ этому.

Проходя мимо Твери, царь послалъ къ митрополиту Филиппу просить его благословенія на предстоящій походъ. Нѣтъ никакихъ основаній считать эту просьбу издѣвательствомъ со стороны царя надъ противникомъ, скорѣе совершенно напротивъ. Нѣсколько разъ во время столкновеній своихъ съ митрополитомъ Филиппомъ пытался онъ убѣдить его въ необходимости опричнины, желая получить въ лицѣ его авторитетное лицо, могущее поддержать царя. Теперь, отправляясь искоренять, какъ думалъ онъ, такую важную измѣну цѣлой области, онъ желаетъ получить отъ митрополита благословеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать ему полную основательность своей предыдущей дѣятельности. Отвѣтъ на эту просьбу долженъ былъ принести Малюта Скуратовъ, самый ожесточенный врагъ митрополита,—можетъ быть, авторъ всей Новгородской исторіи. Что говорилъ онъ съ митрополитомъ, мы не знаемъ,—всего вѣроятнѣе, что митрополитъ не только отказалъ въ своемъ благословеніи, а и обличалъ Малюту и опричниковъ за ихъ клеветническую дѣятельность предъ царемъ. Конецъ этого свиданія извѣстенъ и понятенъ. Съ чѣмъ, съ какимъ отвѣтомъ явиться къ царю? Какъ отнесется ко всему этому царь? Не пожелаетъ ли онъ самъ увидѣться съ опальнымъ митрополитомъ, и что произойдетъ тогда? Былъ, но не засталъ въ живыхъ митрополита: умеръ «отъ зноя келейнаго»,—самый лучшій отвѣтъ и самый безопасный исходъ всего дѣла.

Что та или другая смерть митрополита Филиппа—дѣло рукъ Малюты, самовольно, а не по приказанію царя поступившаго такъ во имя интересовъ опричнической справы, это доказывается всѣмъ послѣдующимъ поведеніемъ царя. Митрополитъ Филиппъ и Новгородцы были едва ли не послѣдними искупительными жертвами опричниковъ. Новгородскій погромъ какимъ-то непонятнымъ образомъ (не вслѣдствіе ли интригъ Малюты?) обрушился на голову самихъ опричниковъ. По прикосновенности къ этому дѣлу были казнены любимцы Грознаго князь Вяземскій, Басмановы и многіе другіе изъ среды опричнины [1]). Скоро постигла кара и виновниковъ осужденія митрополита Филиппа, такъ недобросовѣстно оклеветавшихъ его. Іоаннъ Грозный, «объявивъ непріятелей великодушнаго іерарха Филиппа наглыми клеветниками, заточилъ Соловецкаго игумена, лукаваго Паисія, на дикій островъ Вала-

[1]) Карамзинъ, т. IX, стр. 91.

амъ; безсовѣстнаго Филоѳея, епископа Рязанскаго, лишилъ святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокаго, грубаго пристава Филиппова, сослалъ въ монастырь Каменнаго острова, и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣвомъ удалилъ отъ лица своего» [1]). Карамзинъ, слова котораго мы приводимъ при этомъ, датируетъ это наказаніе клеветниковъ Филиппа 1572 годомъ. Только Малюта, такъ хитро объяснившій смерть митрополита и вообще, очевидно, умѣвшій искусно хоронить концы въ воду, избѣжалъ заслуженнаго наказанія,—онъ погибъ при взятіи крѣпости Виттенштейна въ томъ же 1572 году.

Это наказаніе всѣхъ лицъ, способствовавшихъ осужденію митрополита Филиппа, еще разъ доказываетъ всю непричастность царя въ смерти его, какъ не былъ онъ сознательно виновенъ и во всемъ дѣлѣ его. Единственная вина царя въ этомъ дѣлѣ—излишнее довѣріе къ главнымъ виновникамъ его,—опричникамъ.

В. И. Колосовъ.

---

[1]) Ibid. т. IX, стр. 122.

Къ исторіи Тверского Музея.

Я буду имѣть честь предложить вашему благосклонному вниманію краткій и очень несовершенный набросокъ исторіи Тверского Музея. Исторія эта, при всѣхъ несовершенствахъ этого очерка, можетъ ободрить всѣхъ иниціаторовъ въ дѣлѣ устроенія провинціальныхъ музеевъ, такъ какъ изъ нея ясно видно, какъ по иниціативѣ нѣсколькихъ лицъ, дружно поддержанныхъ обществомъ, выросло такое большое дѣло,— какъ Тверской Музей.

Тверской Музей въ текущемъ году пережилъ 37-лѣтнюю годовщину своего существованія.

Открытіе его падаетъ на 9-е августа 1866 года. На его долю выпало рѣдкое счастіе быть открытымъ въ Августѣйшемъ присутствіи Царя-Миротворца, тогда еще Наслѣдника престола. Прибытіе въ городъ Тверь Наслѣдника Цесаревича съ своимъ Августѣйшимъ братомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ послужило поводомъ и къ самому возникновенію Тверского Музея. Такъ какъ это прибытіе входило въ планъ образовательнаго путешествія въ цѣляхъ ознакомленія съ настоящимъ и прошлымъ Руси будущаго Императора, то тогдашній Тверской губернаторъ князь Багратіонъ озаботился собраніемъ образцовъ промышленности и нѣкоторыхъ памятниковъ славнаго прошлаго Тверского края для осмотра будущаго Императора Россіи. Такъ возникъ Тверской Музей.

Естественно, что, задавшись такою цѣлью, князь Багратіонъ привлекъ къ содѣйствію этому прекрасному дѣлу лучшія силы Тверского края. Особенно большую помощь при этомъ оказали князю проживавшій тогда въ Твери маститый поэтъ Ѳ. Н. Глинка, тогдашній городской голова Головинскій и секретарь статистическаго комитета Рубцовъ.

Въ этомъ зародышѣ Тверского Музея были уже многіе очень цѣнные предметы.

Тутъ были модели корабля «Двѣнадцати Апостоловъ», брига «Ѳемистоклъ» и тендера «Лебедь», которыми командовалъ герой Севастопольской обороны, тверской уроженецъ Корниловъ; шашка, бывшая на немъ въ ту минуту, когда онъ былъ смертельно раненъ, его контръ-адмиральскій и вице-адмиральскій флаги и портретъ. Тутъ же находи-

лись: 1) двѣ пушки, взятыя у Шведовъ въ войну 1808 года дѣдомъ Корнилова и подаренныя ему покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ I; протозанъ, найденный въ Тверской губерніи; астрономическіе часы работы Ржевскаго купца Волоскова. Часы эти изображали весь мѣсяцесловъ: теченіе солнца по горизонту, сжимающемуся и распространяющемуся по мѣрѣ прибавленія и уменьшенія дня; движеніе луны, со всѣми ея видоизмѣненіями; года простые и високосные, мѣсяцы, числа, дни; положенія луны и въ какомъ знакѣ зодіака находится солнце; показывали: эпакту, индикты, вруцѣлѣто и прочія церковныя исчисленія; часы могли быть приноровлены ко всѣмъ точкамъ земной поверхности; механизмъ ихъ такъ устроенъ, что все установляется въ порядкѣ своевременно и само собою, даже високосный годъ и 29 дней февраля мѣсяца, безъ всякихъ переводовъ и поправокъ. Волосковъ посвятилъ на устройство этихъ часовъ 11 лѣтъ.

Кромѣ того, тутъ находились: портреты Волоскова, учредителя Осташковскаго банка Савина, гравера Уткина. Но большинство предметовъ первоначальной коллекціи Тверского Музея обрисовывало тогдашнее промышленное состояніе Тверского края. Тутъ были: модели Вышневолоцкой и Кормовой лодокъ, бороны и сохи, лаптей и корзинокъ; Весьегонскіе, Тверскіе и Новоторжскіе женскіе костюмы, образцы деревьевъ Тверской губерніи, хрустальныя издѣлія Озерецкаго завода Полторацкихъ и Ге, стеклянная посуда завода Мартенъ, фаянсовыя издѣлія фабрики Ауэрбаха, кухонная посуда и кабинетныя вещи фабрики Гужева, стекла и стеклянныя колпаки заводовъ Тверского купца Звѣрькова, Радцига, Львова и Рябинина, бумажная и льняная пряжа и миткаль фабрикъ Каулина, Морозова, Шиловыхъ, Савиныхъ, скатерти, салфетки и полотенца фабрики Лосева, пеньковая пряжа заводовъ Ро и Мыльникова-Глушкова, косы, топоры, ножницы кузнечнаго заведенія Мосягина, гвозди изъ Тверского уѣзда, серьги заведенія Волоскова, гребни и гребенки крестьянъ села Кесовой-Горы Кашинскаго уѣзда, бродникъ изъ г. Осташкова, карминъ и баканъ заводовъ Ивана Ивановича и Василія Ивановича Волосковыхъ, Новоторжскія золотошвейныя издѣлія, канитель и проволока съ завода Соболева, сусальное золото завода братьевъ Шишкиныхъ, опоекъ, кожа, юфть заводовъ Дикова и Щетинина, обувь работы крестьянъ села Кимры и Осташковскихъ ремесленниковъ.

Большинство предметовъ кустарно-промышленнаго отдѣла Тверского Музея, представлявшихъ тогдашнее состояніе промышленности Тверского

края, въ настоящее время пережило уже свое первоначальное назначеніе и начало переходить въ область археологіи и исторіи. Многіе заводы уже прекратили свое существованіе, многія производства видоизмѣнили свой характеръ, такъ что эта коллекція Тверского Музея является теперь, по всей справедливости, любопытной страницей прошлаго состоянія промышленности Тверского края.

Въ такомъ состояніи просуществовалъ Музей до 1872 года. Коллекціи Музея за это время пополнились очень мало. Одинъ мѣдный крестъ и желѣзный поясъ, нѣсколько серебряныхъ монетъ и мѣдныхъ пулъ вмѣстѣ съ глиняной кубышечкой представляли почти всѣ пріобрѣтенія Музея за это время.

Въ 1872 году принялъ на себя завѣдываніе Тверскимъ Музеемъ вновь избранный помощникомъ предсѣдателя статистическаго комитета А. К. Жизневскій, и съ этого времени начинается новая эпоха въ жизни Тверского Музея.

Исходя изъ того положенія, что «для основательнаго изученія настоящаго положенія края необходимо знать его минувшую жизнь», и что «съ минувшею жизнію можно ознакомиться лишь изслѣдованіемъ памятниковъ старины», покойный Августъ Казиміровичъ рѣшилъ заняться розысканіемъ и собираніемъ памятниковъ старины, помѣщая свои пріобрѣтенія въ особомъ археологическомъ отдѣлѣ Тверского Музея. Въ это время покойному было уже 52 года; повидимому, уже поздно было начинать учиться, а особой подготовки къ занятіямъ археологіей онъ не имѣлъ, но Августъ Казиміровичъ всегда отличался чисто юношеской горячностью къ дѣлу и, не смущаясь, началъ это крупное дѣло, ставшее впослѣдствіи главнѣйшимъ дѣломъ его жизни. Узналъ про это доброе начинаніе жившій тогда первый русскій археологъ графъ А. С. Уваровъ и въ мартѣ 1873 года нарочно пріѣхалъ въ Тверь, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ въ Твери дѣломъ.

Высказавъ горячее сочувствіе къ доброму почину, графъ А. С. Уваровъ взялъ Музей подъ свое покровительство и вступилъ въ постоянныя оживленныя сношенія съ устроителемъ археологическаго отдѣла при Тверскомъ Музеѣ, горячо принимая къ сердцу всѣ его успѣхи и оказывая ему полное свое содѣйствіе. Такимъ образомъ въ лицѣ графа А. С. Уварова Тверскому Музею посчастливилось получить знающаго крестнаго отца, много способствовавшаго правильной постановкѣ дѣла коллекціонированія предметовъ старины и ознакомленію самого завѣдующаго съ русской археологіей. Ободренный вниманіемъ графа, во-

одушевленный его любовію къ родной старинѣ, Августъ Казиміровичъ скоро вошелъ во вкусъ этого дѣла, и коллекціи Музея стали быстро возрастать; вмѣстѣ съ возрастаніемъ ихъ возрастала и археологическая опытность завѣдующаго. Всегда обладая большимъ организаторскимъ талантомъ, Августъ Казиміровичъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу Музея сочувствіе многихъ лицъ, интересовавшихся тверской стариной, какъ то: маститаго поэта Ѳ. Н. Глинку, священника В. П. Успенскаго и многихъ другихъ и пробудить къ Музею сочувствіе общества, вслѣдствіе чего многимъ Музей обязанъ частнымъ жертвователямъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ людей всякихъ сословій и состояній, начиная съ высшихъ административныхъ лицъ, кончая крестьянами. Но больше всего Музей при всемъ этомъ былъ обязанъ А. К. Жизневскому, не щадившему своихъ личныхъ средствъ для обогащенія Музея и часто посылавшему на свои средства особыхъ агентовъ, для пріобрѣтенія древностей въ разныхъ мѣстахъ Тверской губерніи. Дѣло Музея, благодаря его трудамъ, постепенно становилось дѣломъ всего Тверского края, постепенно привлекая къ себѣ все большее и большее сочувствіе всѣхъ слоевъ общества.

Со времени перехода Тверского Музея въ завѣдываніе А. К. Жизневскаго, сталъ премущественно развиваться историко-археологическій отдѣлъ Музея. Развитіе этого отдѣла шло строго постепенно вмѣстѣ съ возрастаніемъ историко-археологическихъ познаній и вкуса въ самомъ А. К. Жизневскомъ.

Въ 1872 году въ Тверской Музей поступило всего четыре предмета, среди которыхъ выдается каменный гробъ, вырытый при устьѣ рѣки Тьмаки, на мѣстѣ прежняго Ѳеодоровскаго монастыря. Въ 1873 г. въ Тверской Музей поступило одиннадцать предметовъ, всѣ путемъ пожертвованія отъ частныхъ лицъ и учрежденій. Среди этихъ предметовъ выдаются: кольчуга съ арабскими надписями и надгробная дска съ изображеніемъ Ржевскаго князя Владиміра и княгини Агрипены. Въ слѣдующемъ 1874 году Тверскому Музею были пожертвованы шесть предметовъ, а въ 1875—88 предметовъ, среди которыхъ выдается собраніе крестовъ-тѣльниковъ и образковъ ржевскаго городского головы Е. В. Берсенева. Въ этомъ году въ Тверской Музей поступили, между прочимъ, и нѣсколько орудій каменнаго вѣка, пожертвованныхъ И. С. Поляковымъ. Въ 1876 году въ Тверской Музей поступило 15 предметовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ первую рукопись Тверского Музея. Въ 1877 году поступило 40 предметовъ, среди которыхъ на-

ходится нѣсколько предметовъ и череповъ курганной эпохи. Въ 1878 г. въ Тверской Музей поступило 56 предметовъ. Среди нихъ поступили нѣсколько Тверскихъ монетъ, древнія царскія двери, змѣевикъ и икона св. князя Владиміра и преп. Аркадія и Моисея Угрина, написанная Симономъ Ушаковымъ въ 1677 году. Въ 1879 году поступило 111 предметовъ. Среди нихъ деревянный потиръ съ изображеніемъ семиконечнаго креста и надписью, знаменитый стерженскій крестъ, вислая печать новоторжскаго намѣстника и подголовникъ XVII столѣтія. Въ 1880 году поступило 80 предметовъ, среди которыхъ выдаются царскія врата изъ церкви села Хотошина съ надписью: «Лѣта 7072 (1564) Марта въ 25 день а сіи двери царьскіи поставилъ охотникъ Петрушка Иліинъ сынъ», и чарка изъ китайскаго алебастра, оправленная въ серебро, съ надписью: «Чарка Ѳедора Микитина сына Левонтьева а пити (изъ нея) на здравіе». Въ 1881 году поступило въ Тверской Музей уже 537 предметовъ, среди которыхъ не мало старинныхъ монетъ и курганныхъ предметовъ изъ раскопокъ Д. М. Щеглова. Въ 1882 году поступило 364 предмета. Среди нихъ выдѣляются: два лицевыхъ покрова пр. Ефрема, шитыхъ шелками, икона Ангела Хранителя съ дѣяніями, желѣзная шапка городиваго, старинный рукомойникъ и много крестовъ-тѣльниковъ. Въ 1883 году поступило 433 предмета. Съ 1883 года началось печатаніе отчетовъ о пріобрѣтеніяхъ Музея въ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Интересъ къ мѣстному Музею, обогащавшемуся разнообразными предметами старины, сталъ быстро возрастать среди мѣстнаго общества и представителей науки, посѣщавшихъ Тверь. Въ 1874 году всѣхъ посѣтителей Музея было 12, въ 1875—374, 1876—677, 1877—854, 1878—1051, 1879—2121, 1880—4051, 1881—6633, 1882—8668 и въ 1883 году 9171 человѣкъ.

Воспользовавшись, при описаніи предметовъ, поступавшихъ въ Музей, руководствомъ графа А. С. Уварова и другихъ ученыхъ, А. К. Жизневскій становился все болѣе и болѣе опытнымъ въ дѣлѣ собиранія предметовъ старины и постепенно сталъ переходить отъ болѣе или менѣе пассивнаго собиранія пожертвованій къ активному пріобрѣтенію предметовъ для Тверского Музея при помощи агентовъ, посылаемыхъ имъ въ разныя мѣста Тверской губерніи. Быстро увеличившіяся коллекціи Музея скоро такъ заполнили первоначальное помѣщеніе его въ Тверской гимназіи, что пришлось по необходимости думать о пріисканіи новаго, болѣе обширнаго помѣщенія для коллекцій Тверского Музея. Незамѣнимую услугу при этомъ оказалъ Тверскому Музею быв-

шій тогдашній начальникъ главнаго управленія удѣловъ князь Л. Д. Вяземскій. 25 февраля 1895 года онъ исходатайствовалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на уступку подъ помѣщеніе Тверского Музея западнаго крыла Тверского дворца. Дѣло перемѣщенія Музея во дворецъ больше всего занимало А. К. Жизневскаго въ послѣдній годъ его жизни; онъ видѣлъ, что много предстоитъ еще трудовъ и заботъ, чтобы довершить это дѣло. Во время своей предсмертной болѣзни онъ выражалъ опасенія—не смерти,—онъ боялся того, что, если даже онъ и выздоровѣетъ, то болѣзнь отниметъ у него силы, необходимыя для трудовъ по водворенію Музея въ новомъ помѣщеніи. Утромъ въ самый день своей кончины онъ прислалъ Тверскому губернатору, непремѣнному попечителю Тверской ученой архивной комиссіи, 1000 рублей на нужды дорогого ему Музея.

Смерть А. К. поставила Тверской Музей въ затруднительное положеніе, лишивъ его непрерывныхъ денежныхъ пожертвованій и умѣлаго руководства при перенесеніи коллекцій Музея въ новое помѣщеніе. Перенесеніе коллекцій Музея и окончательное составленіе устава по управленію Музеемъ выпало на долю Тверской архивной комиссіи, которая и приняла Музей въ свое завѣдываніе. Тверская ученая архивная комиссія въ своей дѣятельности на пользу Тверского Музея встрѣтила просвѣщенное содѣйствіе со стороны Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Тверского губернскаго земства и нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управленій. Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова два раза пріѣзжала въ Тверь спеціально по дѣламъ Музея, принимала непосредственное участіе въ обсужденіи проекта новаго устава Музея и дала немало цѣнныхъ указаній относительно размѣщенія коллекцій его въ новомъ помѣщеніи. Кромѣ того Московское Археологическое Общество командировало съ тѣми же цѣлями В. И. Сизова, ученаго секретаря Императорскаго Московскаго историческаго Музея. Тверское губернское земство ассигновало на перенесеніе коллекцій Музея и необходимыя приспособленія для размѣщенія ихъ въ новомъ помѣщеніи 1000 рублей. Тверская городская управа на поддержаніе Музея ассигновала ежегодную субсидію въ 200 рублей.

Въ октябрѣ 1896 года, когда были изготовлены въ новомъ помѣщеніи витрины, необходимыя для размѣщенія коллекцій Музея, было приступлено къ перенесенію коллекцій Музея въ новое помѣщеніе. Громадную услугу при этомъ оказали воспитанники духовной семинаріи. Съ октября

1896 года по февраль 1897 года они не только являлись въ Музей каждый праздникъ и воскресный день и по нѣскольку часовъ занимались перенесеніемъ предметовъ Музея изъ стараго помѣщенія въ новое, но и посвящали каждую недѣлю не менѣе трехъ вечеровъ размѣщенію въ новомъ помѣщеніи коллекцій Музея подъ руководствомъ членовъ избранной для этой цѣли подкомиссіи, занимаясь этимъ дѣломъ по три-четыре часа каждый вечеръ. Они съ полной охотою исполняли при этомъ всевозможныя работы не изъ какихъ-либо корыстныхъ соображеній, а единственно изъ желанія послужить знанію и Тверскому Музею, и только благодаря работѣ этихъ добровольцевъ, многочисленные и разнообразные предметы Тверского Музея можно было перенести и размѣстить въ новомъ помѣщеніи въ такое сравнительно короткое время.

Успѣшно справившись съ перенесеніемъ коллекцій Музея въ новое помѣщеніе—своей первой задачей,—Тверская ученая архивная комиссія должна была приступить къ новой, еще болѣе трудной работѣ—установленію болѣе прочнаго, независящаго отъ одной личности, положенія Музея, при помощи общественныхъ и государственныхъ учрежденій. Для достиженія этой цѣли комиссія прежде всего озаботилась составленіемъ устава Тверского Музея и созданіемъ особаго самостоятельнаго органа по управленію имъ. Новый уставъ Тверского Музея былъ утвержденъ 14 августа 1898 года. По этому уставу Тверской Музей, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и Тверской ученой архивной комиссіи и состоя подъ покровительствомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, управляется особымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ четырехъ членовъ архивной комиссіи, представителей отъ министерства народнаго просвѣщенія, Тверской городской думы и Тверского губернскаго земства, епархіальнаго вѣдомства, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и хранителя Музея. Предсѣдателемъ и непремѣннымъ попечителемъ Музея состоитъ Тверской губернаторъ. Предметы Музея, по уставу, составляютъ его собственность и не могутъ ни подъ какимъ видомъ быть отчуждаемы, продаваемы или переданы изъ одного вѣдомства въ другое. Въ видѣ исключенія изъ этого правила можетъ быть допускаема передача признанныхъ особенно рѣдкими, невнесенныхъ въ описи Музея находокъ въ С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ или Московскій Императорскій Музей, но подобная передача можетъ состояться не иначе, какъ съ согласія совѣта Музея и архивной комиссіи и по уплатѣ цѣнности передаваемыхъ предметовъ. Совѣту Музея уставомъ пре-

доставлено право слѣдить за производимыми раскопками и получать какъ планы раскопокъ и копіи съ отчетовъ о нихъ, такъ и дублеты найденныхъ предметовъ, а также принимать подъ особое покровительство памятники старины, съ цѣлію недопущенія искаженій или уничтоженія таковыхъ памятниковъ.

Въ видахъ упроченія матеріальнаго положенія Музея Тверская ученая архивная комиссія еще до организаціи совѣта Музея исходатайствовала Музею ежегодную субсидію отъ Тверского губернскаго земства въ размѣрѣ 300 рублей и отъ Тверского городского управленія въ 200 рублей и начала ходатайствовать о назначеніи ежегодной субсидіи Тверскому Музею изъ Государственнаго казначейства. Неоднократныя ходатайства со стороны Тверской ученой архивной комиссіи и Совѣта Тверского Музея завершились тѣмъ, что государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на содержаніе Тверского Музея, мнѣніемъ положилъ отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе Тверскому Музею, съ 1-го января 1901 года по одной тысячѣ рублей ежегодно. 21-го декабря 1900 года Государь Императоръ таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Обративъ 1000 рублей, пожертвованныхъ въ пользу Тверского Музея А. К. Жизневскимъ, въ неприкосновенный капиталъ его имени, Совѣтъ Тверского Музея такимъ образомъ обезпечилъ Музею 1538 рублей ежегоднаго дохода. Эта сумма, несомнѣнно, не можетъ удовлетворить постоянно наростающимъ нуждамъ такого большого учрежденія, какъ Тверской Музей въ настоящее время. Совѣту Тверского Музея и въ настоящее время весьма часто приходится останавливаться предъ выполненіемъ необходимыхъ для развитія Музея мѣропріятій изъ-за недостатка средствъ. Такъ, въ настоящее время Совѣтъ Тверского Музея озабоченъ вопросомъ объ обезопашенія Музея отъ несчастныхъ случайностей, потому что пожаръ, возникшій по какому нибудь несчастному случаю, можетъ уничтожить всѣ коллекціи Музея. Многое нужно сдѣлать для обезопашенія Музея отъ такой плачевной участи, а что можетъ сдѣлать Совѣтъ, не имѣя на это никакихъ средствъ? Въ послѣднее время Совѣтъ Музея озабоченъ составленіемъ систематическаго описанія коллекцій Музея, необходимость котораго чувствуется уже давно, такъ какъ описаніе Тверского Музея А. К. Жизневскаго при всѣхъ его выдающихся достоинствахъ недоступно громадному большинству публики по цѣнѣ и не содержитъ въ

себѣ описанія всѣхъ безъ исключенія предметовъ Музея. Совѣтомъ Музея выработанъ и планъ такого описанія Тверского Музея, по которому всѣ коллекціи Музея предположено раздѣлить на слѣдующіе 15 отдѣловъ: I—палеонтологическій, II—каменнаго вѣка и курганной эпохи, III—домашней утвари, IV—нумизматики и сфрагистики, V—оружія, VI—костюмовъ и этнографіи, VII—церковный, VIII—строительный, IX—кустарный и судоходства, X—художественный, XI—естественно-историческій, XII—фабрично-промышленный, XIII—надгробныхъ плитъ и камней, XIV—рукописный и XV—старопечатныхъ и рѣдкихъ книгъ. Планъ выработанъ, работа начата, а когда она закончится, сказать нельзя, такъ какъ эта большая работа, несомнѣнно, требуетъ немалыхъ денежныхъ затратъ.

Кромѣ всего этого Тверской Музей не пересталъ и доселѣ зависѣть отъ случайностей и той или другой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Пополненіе коллекцій Музея становится все затруднительнѣе, количество работы и необходимаго для нея времени все возрастаетъ, а вся она по-прежнему падаетъ на добровольцевъ-тружениковъ. Наблюденіе за порядкомъ и цѣлостію коллекцій Музея во время посѣщенія его публикой и доселѣ приходится возлагать на добровольныхъ тружениковъ—воспитанниковъ Тверской духовной семинаріи. Такой порядокъ дѣлъ не можетъ и не долженъ продолжаться на будущее время. Необходимъ опредѣленный достаточный штатъ удовлетворительно оплачиваемыхъ служащихъ при Музеѣ. Поэтому-то и Тверская ученая архивная комиссія и Совѣтъ Музея ходатайствовали объ ежегодномъ отпускѣ Тверскому Музею изъ Государственнаго Казначейства не одной, а трехъ тысячъ рублей.

На увеличеніе субсидій отъ мѣстныхъ учрежденій на содержаніе Тверского Музея едва ли можно разсчитывать. Недавно получено отношеніе Тверской губернской земской управы, въ которомъ говорится, что «вслѣдствіе стѣсненности средствъ, вызванной предѣльностью земскаго обложенія, Тверское губернское земство, быть можетъ, не смотря на все сочувствіе къ дѣятельности субсидируемыхъ обществъ и учрежденій, будетъ поставлено въ необходимость совершенно прекратить выдачу пособій». Изъ этого «memento mori» ясно видно, что Музей въ непродолжительномъ времени можетъ лишиться трехъ сотъ рублей земской субсидіи, что еще болѣе подорветъ его и безъ того скудныя средства.

Не смотря на очень трудное переходное для Музея время, дѣятельность его по пріобрѣтенію новыхъ предметовъ не прекращалась,

сначала благодаря личнымъ пожертвованіямъ непремѣннаго попечителя Музея П. Д. Ахлестышева, а впослѣдствіи благодаря дѣятельности архивной комиссіи и Совѣта Музея. И въ это время Музей обогатился не малымъ количествомъ очень цѣнныхъ пріобрѣтеній. Къ числу такихъ пріобрѣтеній нельзя не отнести:

I. Многочисленнаго собранія орудій каменнаго вѣка, найденныхъ близъ города Твери, такъ какъ они представляютъ собой несомнѣнные слѣды стоянки (мастерской) каменнаго вѣка.

II. Икона Благовѣщенія, XVII вѣка. Богородица сидитъ на каѳизмѣ и крутитъ на веретенѣ нитки; предъ Нею прислужница съ прялкою. Слѣва архангелъ съ благословляющей рукой. Внизу три лебедя и голубь. Эта икона является очень рѣдкой по своей композиціи.

III. Образъ мучениковъ: «Седми отроковъ иже во Ефесѣ». Изображено семь спящихъ отроковъ, имена ихъ: Максимиліанъ, Амблихъ, Мартіанъ, Діонисій, Антоній.... Сверху Спасъ облачный, по бокамъ мученицы Анна и Евдокія.

IV. Гончарная статуя Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ, очень примитивной работы, издѣлія крестьянина села Ѳедова, Вышневолоцкаго уѣзда, по преданію конца XVIII вѣка.

V. Овальная мѣдная пластинка перегородчатой эмали разныхъ цвѣтовъ съ изображеніемъ Спасителя съ благословляющей рукой и свиткомъ Евангелія въ другой рукѣ. Голова Спасителя рельефная. Около головы Спасителя надпись: αω, т. е. αλφα и ωμεγα. По опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, пластинка эта представляетъ прекрасный образчикъ Лиможской эмали XII столѣтія.

VI. Образъ апостоловъ Петра и Павла съ надписью на верху славянскою вязью: «агіос апостолъ Петръ, агіос апсотолъ Павелъ». Внизу иконы находится слѣдующая надпись: «҂зрод (1666) года писалъ Пименъ зовомый Симонъ Ѳедоровъ сынъ Ушаковъ». Апостолы изображены на полукругломъ возвышеніи, вверху посреди ихъ находится нерукотворенный образъ, у апостола Петра въ рукахъ находится свитокъ и ключъ, у апостола Павла книга. Живопись очень тонкая и хорошо сохранившаяся. На задней сторонѣ иконы на одной изъ шпонокъ находится слѣдующая полуистершаяся, скорописью, надпись: «писалъ образъ Петра и Павла»...

VII. Икона «не рыдай мене мати». Христосъ, приподнятый изъ гроба, поддерживается Божіей Матерію. Съ лѣвой стороны Христа находится Іоаннъ Богословъ, сзади крестъ.

VIII. Икона Божіей Матери «Голубицкія». Младенецъ Христосъ въ бѣлой срачицѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ бѣлаго голубя, къ которому прикрѣплена красная нить; конецъ ея держитъ Христосъ въ правой рукѣ.

IX. Образъ св. Сисинія, архангела Сихаила и преп. Марона. Внизу находится изображеніе 12 трясавицъ; три изъ нихъ краснаго цвѣта, три желтаго и шесть синяго.

X. Икона Спаса Эммануила со святыми Іоанномъ Предтечей, княземъ Борисомъ. Антоніемъ Печерскимъ, Арсеніемъ Новгородскимъ, Ѳеодосіемъ Печерскимъ, стоящими съ правой стороны Спасителя съ молитвенно протянутыми дланями, и св. благовѣрнымъ княземъ Владиміромъ, припадающимъ къ ногамъ Спасителя. Съ лѣвой стороны Спасителя находятся изображенія: св. Иліи пророка, Авраамія Смоленскаго, великомученика Василія, Іоанна Лѣствичника, стоящихъ съ молитвенно протянутыми руками, и благовѣрной княгини Агриппины, припадающей къ ногамъ Спасителя. Въ описаніи Музея объ этой иконѣ говорится: «Въ Ржевскомъ уѣздномъ казначействѣ хранится икона Спасителя XVI столѣтія. Преданіе утверждаетъ, что эта икона, до нашествія Литвы, была надвратною иконою при Спасо-Преображенской церкви, откуда была взята въ воеводскую канцелярію, а послѣ упраздненія оной поступила въ казначейство». Фонъ иконы украшенъ тисненымъ золоченымъ орнаментомъ.

XI. Образъ Максима Грека. Онъ изображенъ въ молитвенной позѣ, на головѣ шапка, отороченная мѣхомъ, въ лѣвой рукѣ свитокъ, на которомъ написано: «милостиве Гди услыши».

XII. Икона «не рыдай мене мати»—обычнаго типа. Изъ рукъ Спасителя и изъ раны въ боку течетъ кровь.

XIII. Дубовая укладка съ красивымъ желѣзнымъ орнаментомъ и слѣдами подложенной подъ него кожи, о двухъ отдѣленіяхъ. Въ нижнемъ отдѣленіи два потайныхъ ящичка. На обратной сторонѣ верхней крышки находится изображеніе птицы сирина.

XIV. Средняя часть мѣднаго перстня, на печаткѣ котораго находится выпуклое изображеніе свастики.

XV. Севастопольская реликвія П. И. Савиной. Бѣлая мраморная доска, посрединѣ которой лежитъ свернувшаяся кольцомъ сѣрая пятнистая змѣя, держащая двѣ круглыхъ пули. Въ центрѣ кольца, образованнаго змѣею, поставлена бѣлая мраморная колонка, высотой $1^1/_4$ вершка, на которой лежитъ ядро картечи до $^3/_4$ вершка въ діаметрѣ; внутри кольца, образуя концентрическій кругъ, расположены 7 продол-

говатыхъ съ нарѣзами пуль. На четырехъ углахъ доски стоятъ 4 бронзовыхъ золоченыхъ колонны, высотой около $^3/_4$ вершка, на вершинахъ которыхъ находится по одной пулѣ. Одна изъ этихъ пуль сохранила свою шарообразную форму, а другія пули совершенно утратили свою первоначальную форму отъ удара о человѣческую кость и имѣютъ безформенный видъ.

XVI. Масонскій фартукъ изъ лайки Адама Лаврентьевича Фонъ-Кронекъ, жившаго въ 30-хъ годахъ XIX ст. въ селѣ Желнинѣ.

XVII. Печатное братское приглашеніе на масонское собраніе, слѣдующаго содержанія: «согласно XVI статьѣ Конкордата, заключеннаго между обѣими вел. ложами с.-петербургскаго востока, вел. ложа Астрея будетъ праздновать въ воскресенье 12 Марта торжественными работами день восшествія на престолъ Всемилостивѣйшаго Государя Нашего. Работы вел. ложи откроются въ половинѣ второго часа пополудни въ ея локалѣ, почему и приглашаетъ Васъ П. и Люб. бр., принять участіе въ столь драгоцѣнномъ для всѣхъ Россіянъ празднествѣ. Послѣ работъ послѣдуетъ братская трапеза, для коей билеты по 10 р. получать можно отъ Бор., служащихъ, до пятницы 10-го Марта вечера. Имѣю честь привѣтствовать Васъ, св. н. ч. По повелѣнію Высок. Вел. Мас. Гр. Мусина-Пушкина, Брюса—Великій Секретарь— 26 Февраля 1820 г.».

XVIII. Верхняя половина вислой свинцовой печати съ надписью: «печать Новоторжскаго намѣстника».

XIX. Вислая свинцовая печать съ изображеніемъ святителя и надписью «Васильи» на одной сторонѣ и со слѣдующею надписью на другой сторонѣ: «печать нов.... оржс.... мѣ».

XX. Шестнадцать цвѣтныхъ картинъ на стеклахъ, соединенныхъ между собой цинкомъ, съ рисунками на библейскіе и средневѣковые сюжеты, XVI и XVII вѣковъ съ надписями на нѣмецкомъ языкѣ. На многихъ изъ этихъ картинъ находятся портреты жертвователей въ костюмахъ XVI и XVII в.в.

Появившееся въ Твери въ 1898 году Общество любителей археологіи, исторіи и естествознанія, имѣющее, между прочимъ, цѣлью содѣйствовать увеличенію коллекцій Тверского Музея, способствовало обогащенію естественно-историческаго и палеонтологическаго отдѣловъ Музея. Изъ пріобрѣтеній Общества особаго вниманія заслуживаетъ черепъ rhinoceros thichorynos—первая находка останковъ носорога въ Тверскомъ краѣ.

В. И. Колосовъ.

Prima est historiae lex, ne quid falsi dicere audeat.

Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ.

Недавно въ Стокгольмѣ впервые напечатано сочиненіе, овладѣвшее вниманіемъ русскаго ученаго міра. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сулитъ издать его переводъ; о немъ написано нѣсколько статей [1]); оно составило одинъ изъ предметовъ засѣданія Отдѣленія Археологіи Русской и Славянской Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, которое постановило избрать особую комиссію для рѣшенія вопроса объ изданіи рисунковъ къ этому сочиненію [2]). Рѣчь идетъ о сочиненіи Пальмквиста.

Если Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ выполнитъ свое намѣреніе, то переводъ, съ которымъ я имѣлъ случай ознакомиться, будетъ носить слѣдующее заглавіе: «Нѣсколько наблюденій надъ Россіею, ея дорогами, проходами, крѣпостями и границами, собранныя во время послѣдняго королевскаго посольства къ царю Московскому Эрикомъ Пальмквистомъ въ 1674 году». О шведскомъ посольствѣ 1674 г. было уже достаточно сказано другими. Припомнимъ себѣ вкратцѣ цѣль посольства; припомнимъ, кто-такой этотъ Пальмквистъ, возбудившій столь живой интересъ своимъ сочиненіемъ. Въ 1673 году шведскій дворъ отправилъ въ Москву графа Г. Оксеншерна съ товарищами для улаженія спорныхъ вопросовъ и заключенія оборонительнаго союза. Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой инженеръ Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведен-

---

[1]) Ю. Готье. Извѣстія Пальмквиста о Россіи (Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ подъ редакціею Д. П. Анучина и А. И. Кирпичникова. Годъ VII. №№ 3, 4 и 5. Москва 1899). Стр. 66—67.

[2]) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ XII. Выпуски первый и второй. Новая серія. Труды Отдѣленія славянской и русской археологіи, издаваемые подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. Книга пятая. С.-Петербургъ. 1901. Стр. 372—373.

ными работами по укрѣпленію г. Риги. По возвращеніи своемъ Эрикъ Пальмквистъ представилъ правительству рукописный отчетъ о своей командировкѣ. Отчетъ болѣе двухъ столѣтій хранился въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ и лишь недавно (въ 1898 г.) увидѣлъ свѣтъ. Трудъ Пальмквиста представляетъ рукопись in folio, содержащую 53 рисунка различнаго формата, исполненныхъ перомъ, 16 географическихъ картъ и плановъ городовъ и пояснительный текстъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, иногда довольно длинныхъ, приложенныхъ къ рисункамъ и географическимъ чертежамъ. Въ предисловіи къ своему труду авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «для снятія той или другой мѣстности я не только отваживался тайно отправляться туда, но пріобрѣталъ нѣкоторыя свѣдѣнія и съ помощью подкуповъ русскихъ подданныхъ».

Тверской край лежалъ на пути слѣдованія посольства, и этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что вниманіе Пальмквиста привлекли два укрѣпленныхъ города этого края—Тверь и Торжокъ, которымъ въ его сочиненіи отведено видное мѣсто. Пальмквистъ даетъ намъ «краткую реляцію о городѣ и крѣпости Тверь», «краткія свѣдѣнія о городѣ Торжкѣ» и снабженные поясненіями планы этихъ городовъ. Планы эти представляютъ огромную цѣнность, такъ какъ оказываются древнѣйшими изъ когда-либо существовавшихъ [1]). Авторъ цитированной нами прекрасной статьи «Извѣстія Пальмквиста о Россіи» приватъ-доцентъ Московскаго Университета Ю. В. Готье справедливо замѣтилъ, что для историко-критической оцѣнки матеріала, заключающагося въ рукописи Пальмквиста, пока еще ничего не сдѣлано [2]). Послѣ этого членъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи М. В. Рубцовъ сдѣлалъ попытку по плану, приложенному къ сочиненію Пальмквиста, возстановить топографію города Твери. Результатомъ попытки явился докладъ, прочитанный въ Тверской Ученой Архивной Комиссіи и напечатанный подъ заглавіемъ «Тверь въ 1674 году по Пальмквисту». — Одно дѣло сдѣлано: свѣдѣнія, сообщаемыя Пальмквистомъ о Твери, подвергнуты разбору; остается сдѣлать другое—войти въ подробный разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ. Пересказывая эти собранныя Пальмквистомъ краткія свѣдѣнія о Торжкѣ и воспроизводя данный Пальмквистомъ планъ этого города, М. В. Рубцовъ ставитъ на очередь вопросъ о возстановленіи древняго вида го-

[1]) Ю. Готье. Извѣстія Пальмквиста о Россіи. Стр. 71.

[2]) Стр. 67.

рода. «Перечисленныя подробности плана города Торжка, говоритъ онъ, имѣютъ для насъ несомнѣнный археологическій интересъ. Описанный планъ—древнѣйшій изъ извѣстныхъ плановъ г. Торжка, составленъ по масштабу, и, слѣдовательно, даетъ возможность съ точностью возстановить древній видъ города при помощи писцовой книги Потапа Нарбекова, доселѣ имѣвшей интересъ развѣ только историко-статистическій, но не топографическій» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи онъ добавляетъ: «Для лицъ, которыя бы пожелали заняться детальною разработкою топографическихъ данныхъ Пальмквиста о Торжкѣ, прилагаемъ въ концѣ планъ этого города (Прилож. № 3). Драгоцѣннымъ пособіемъ для этой работы можетъ служить еще видъ города Торжка, приложенный къ сочиненію Adelung's A. F. Meyerberg und seine Reise nach Russland. S. Petersb. 1827» [2]). Приведенныя строки заохотили меня къ указанной работѣ, и я предпринялъ разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ. Интересъ, возбуждаемый самимъ сочиненіемъ Пальмквиста, интересъ мѣстный, возбуждаемый свѣдѣніями о городѣ Тверской губерніи, интересъ археологическій, возбуждаемый древнѣйшимъ планомъ г. Торжка, раскопки въ Торжкѣ, произведенныя мною въ концѣ іюля сего года, затѣмъ, доселѣ почти неизвѣстный рукописный матеріалъ, который я могу привлечь къ своей работѣ и, наконецъ, предполагаемая членами съѣзда экскурсія въ г. Торжокъ—казались мнѣ достаточными основаніями для того, чтобы выступить передъ Вами съ рефератомъ на указанную тему. Помимо возможности, какую даетъ такой разборъ, добыть вѣрныя свѣдѣнія о Торжкѣ, его обстановкѣ времени второй половины XVII вѣка, онъ можетъ привести къ указанію, какъ надо относиться къ наблюденіямъ Пальмквиста, можно ли полагаться на его сообщенія; разборъ можетъ дать нѣкоторыя *методологическія указанія относительно изученія другихъ городовъ по Пальмквисту.*

Сочиненіе Пальмквиста написано на шведскомъ языкѣ,—и при этомъ на старинномъ шведскомъ языкѣ; переводъ до сихъ поръ еще не напечатанъ; поэтому пониманіе сочиненія доступно было лишь ограниченному числу лицъ, знакомыхъ съ шведскимъ языкомъ второй половины XVII в. М. В. Рубцовъ, переводя отдѣльныя мѣста, прямо оговаривается [3]): «Языкъ подлинника—старинный шведскій; изрѣдка встрѣ-

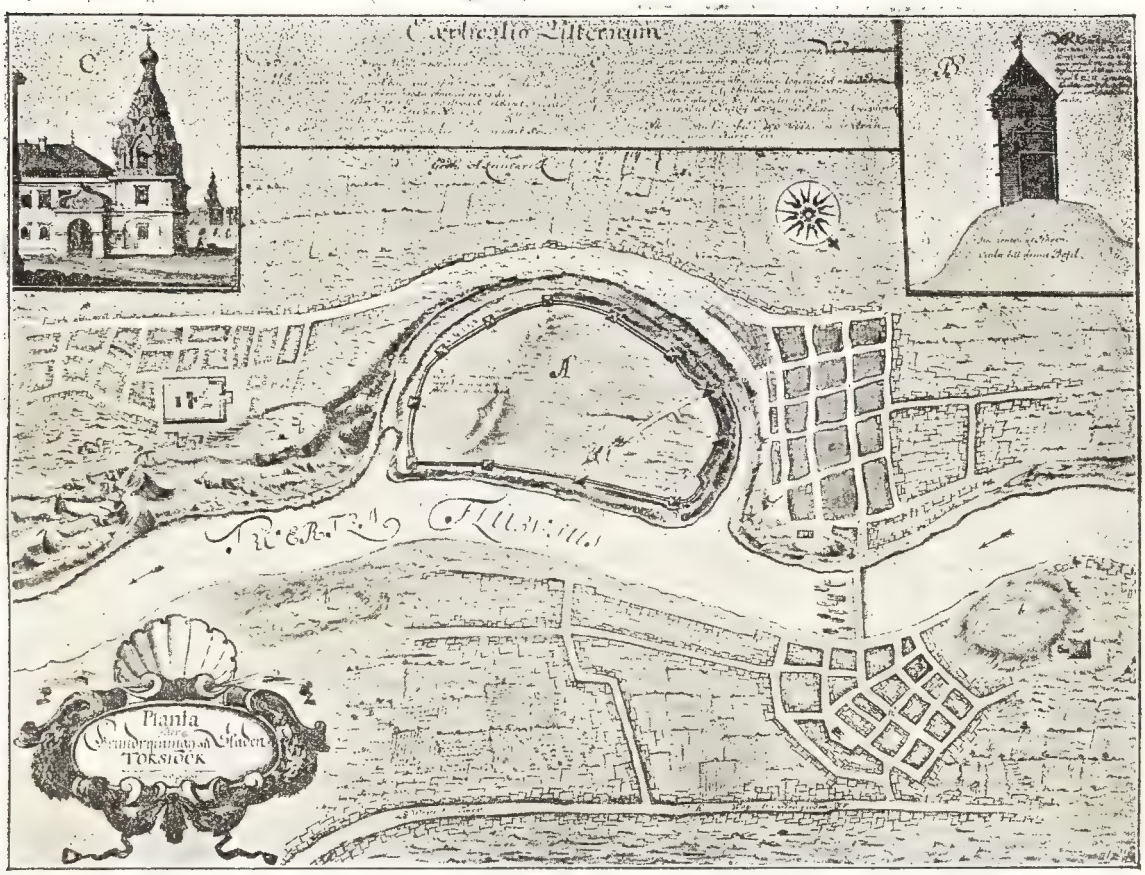
[1]) Стр. 11.
[2]) Стр. 9.
[3]) Стр. 21.

чаются выраженія на голландскомъ. Шведскій языкъ понятенъ намъ настолько, насколько въ его словахъ и фразахъ мы въ состояніи различить нѣмецкіе слова и обороты; поэтому въ помощь себѣ мы пользовались переводомъ другого лица». Отсюда видно, насколько важно имѣть хорошій переводъ. Въ отношеніи шведскаго языка я съ М. В. Рубцовымъ нахожусь въ одинаковомъ положеніи; ибо, къ стыду моему, и я шведскаго языка не знаю; но въ отношеніи Пальмквиста я оказался въ положеніи, гораздо болѣе благопріятномъ. Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (16 февраля 1899 г.) С. О. Долговъ заявилъ, что переводъ текста сдѣланъ и въ непродолжительномъ времени появится въ печати [1]). Опираясь на этотъ глухой слухъ о существованіи перевода, я пустился на поиски. Случайно мнѣ удалось напасть на слѣдъ перевода: отъ приватъ-доцента Московскаго университета Ю. В. Готье я узналъ, что, по заказу Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, переводъ изготовленъ, если не ошибаюсь, Гранстремомъ. При содѣйствіи Ю. В. Готье и благодаря любезности служащихъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мнѣ удалось выписать изъ этого перевода все, относящееся къ Твери и Торжку. Конечно, переводъ этотъ не исключаетъ возможности ошибокъ; но учрежденіе, по заказу котораго онъ сдѣланъ, и имя переводчика гарантируютъ относительную его надежность. Такъ какъ главной задачей я себѣ ставлю разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ, то и начать надо съ внимательнаго прочтенія ихъ.

Краткія свѣдѣнія о городѣ Торжкѣ.

Эта крѣпость, Лит. А, лежитъ при рѣкѣ Тверцѣ, въ 59 миляхъ отъ Новгорода и 46 миляхъ отъ Москвы; она, какъ и почти всѣ русскія крѣпости, обведена деревянными стѣнами и башнями, профиль которыхъ показанъ въ лит. В. Этого рода укрѣпленія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ общимъ правиламъ фортификаціи, по которымъ одна линія должна защищаться другою; тутъ же каждая линія защищаетъ сама себя тѣмъ верхнимъ строеніемъ, которое далеко выдается впередъ надъ подошвою стѣны. Въ мирныя времена нижняя часть этой стѣны служитъ жильемъ и бараками солдатъ; но, когда ожидается нападеніе непріятеля, она засыпается землею, какъ показано въ упомянутой профили

[1]) Стр. 375.



Планъ Торжка.

Съ рисунка Пальмквиста.

пунктирными линіями ооо. Положеніе этого мѣста очень неблагопріятно, потому что имъ могутъ командовать окружающіе высоты и холмы, лит. bbb. Отсюда можно, при помощи барокъ и другихъ судовъ, по рѣкамъ Тверцѣ и Волгѣ доѣхать до Твери, Нижняго Новгорода и Астрахани и т. д. Почти весь городъ обведенъ сухимъ рвомъ, который вырытъ въ самомъ холмѣ, гдѣ находится также нѣсколько источниковъ, держащихъ всегда подъ водою западную и сѣверную части рва. Но, когда вода на прибыли,— весь ровъ наполняется водою. Крѣпость идетъ спускомъ по берегу болѣе, чѣмъ на 4 локтя въ уклонъ. Вся часть e. съ ея улицами теперь снова застроена и состоитъ изъ однѣхъ только торговыхъ лавокъ. F—новый каменный монастырь, три года тому назадъ построенный патріархомъ Никономъ (Nica) и называемый Suda Twertza Monaster, перспектива котораго видна въ лит. C. g—большой редутъ, равно какъ и h, въ которомъ останавливалось посольство. Въ двухъ миляхъ отсюда выжигается прекрасная бѣлая известь, а въ двухъ верстахъ находится прекрасный кирпичный заводъ; здѣсь же изготовляется лучшая кошма, употребляемая для караульныхъ буровъ и санныхъ полостей.

Разсмотримъ теперь прилагаемый Пальмквистомъ планъ Торжка (См. Приложеніе № 1), въ иныхъ случаяхъ говорящій лучше всякихъ его словъ.

Обозначеніе литеръ.

Лит. A.—самая крѣпость съ деревянною стѣною и башнями aaa.

B.—изображаетъ ту же стѣну и башню въ разрѣзѣ, иначе, профиль.

bbb.—горы, командующія крѣпостью и прилегающею мѣстностью.

ccc.—представляетъ большею частью сухой ровъ, высѣченный въ скалѣ.

d—ручьи, всегда наполняющіе западную и сѣверную части водою.

e.—часть города, только что отстроенная и состоящая исключительно изъ купеческихъ лавокъ.

F.—новый каменный монастырь; называется Suda Twertza Monaster, представленъ въ планѣ.

Лит. С.—показываетъ архитектуру названнаго монастыря.

g.—называется ямщицкой слободой, въ ней находится посольство.

i.—устойчивый мостъ изъ дерева, къ нему причаливаютъ суда.

e.—ихъ приказъ, построенъ изъ камня; въ немъ канцелярія (военная и судебная) и коллегія.

Рѣка Тверца, имѣющая здѣсь въ ширину 200 шаговъ; отсюда судоходна.

Въ виду того, что мнѣ придется считаться и съ планомъ Твери (См. Приложеніе № 2), приведу краткій разсказъ Пальмквиста объ этомъ городѣ.

Краткая реляція о городѣ и крѣпости Тверь.

Тверь одно изъ самыхъ главныхъ и замѣчательныхъ мѣстъ во всей Россіи, и лежитъ отъ Новгорода въ 70$^{3}/_{5}$, отъ Торжка въ 12 и отъ Москвы въ 34 миляхъ. Вслѣдствіе стеченія нѣсколькихъ рѣкъ, сливающихся подъ ея стѣнами, городъ этотъ обладаетъ, сравнительно съ другими, большими преимуществами въ отношеніи торговли. Въ особенности пригодна для этой цѣли рѣка Волга: своею судоходностью, протяженіемъ и впаденіемъ въ Каспійское море у Астрахани она даетъ возможность Твери распространить свою торговлю до Персіи, а оттуда еще дальше на Востокъ. Въ самой Твери добывается въ этой рѣкѣ въ большомъ изобиліи икра, составляющая одинъ изъ главныхъ доходовъ царя; ее получаютъ изъ тѣхъ осетровъ и китообразныхъ, которые заходятъ сюда изъ Каспійскаго моря. Рѣка Тьмака (Ттака), образующая своимъ сліяніемъ съ Волгою мысъ, на которомъ построена крѣпость Тверь, главнымъ образомъ, способствуетъ сильному положенію этого мѣста. Вслѣдствіе этого мѣстоположенія здѣсь можно было бы соорудить особенно важное укрѣпленіе, потому что возвышенность, на которой лежитъ Тверь, командуетъ всѣми окружными; къ тому же, помимо упомянутыхъ рѣкъ, это мѣсто окружено глубокимъ сухимъ рвомъ. Въ настоящее время фортификація состоитъ изъ однихъ только деревянныхъ стѣнъ (лит. ооо), большею частью обрушившихся; но, по всей вѣроятности, царь прикажетъ здѣсь возвести каменную стѣну съ башнями, потому что, пока посольство находилось въ Москвѣ,

Планъ Твери.

Съ рисунка Пальмквиста.

одни городскія ворота съ частью стѣнъ (лит. р.) уже были возведены изъ камня, и говорили, что мѣстный архіепископъ будто бы взялся на свой счетъ построить три круглыхъ башни, дабы болѣе расположить царя къ укрѣпленію всей крѣпости. Это мѣсто управлется воеводою; въ настоящее время воеводою состоитъ Conrad Тихоновичъ Зыковъ (Sikof). Гарнизонъ, говорятъ, состоитъ изъ 1000 человѣкъ, хотя при проѣздѣ посольства не было видно и 500. Русскіе считаютъ это мѣсто ключомъ всего государства, потому что здѣсь пролегаетъ для пріѣзжающихъ съ запада единственный проѣзжій путь черезъ рѣку Волгу; здѣсь переправляются черезъ рѣку, которая подъ самымъ городомъ имѣетъ 300 шаговъ въ ширину и глубину въ ростъ двухъ человѣкъ; но нѣсколько ниже она шаговъ на 100 шире вслѣдствіе впаденія въ нее Тверцы. Хотя русскіе, ради безопасности государства, не наводятъ никакого моста черезъ всю Волгу, тѣмъ не менѣе можно найти способъ переправиться черезъ рѣку не только зимою, когда вся рѣка Волга, равно какъ и Тверца, крѣпко замерзаютъ, но и лѣтомъ. Мнѣ разсказывали, что въ полуверстѣ отъ города рѣка Волга становится мелкой и что тамъ есть бродъ; чтобы удостовѣриться въ этомъ, я съ нѣсколькими другими, подъ предлогомъ купанья, 29 мая отправился туда и нашелъ, что человѣкъ средняго роста можетъ перейти всю рѣку, при чемъ вода доходитъ ему только до плечъ. Дно состоитъ изъ бѣлаго песку. Рѣка Тъмака (Tmaka) вслѣдствіе своего сильнаго теченія не замерзаетъ зимою. Между прочимъ, въ городѣ Твери находятся лучшіе во всей Россіи слесаря и мѣдники, а окружающая городъ мѣстность чрезвычайно красива и плодородна.

Представивъ свѣдѣнія, сообщаемыя Пальмквистомъ, постараемся всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, провѣрить разсказъ Пальмквиста, узнать, въ какой степени его разсказъ отвѣчаетъ дѣйствительности, нѣтъ ли какихъ ошибокъ или недочетовъ въ его планѣ, объяснить ихъ причину и выдѣлить то, что не поддается провѣркѣ. Подвергнуть провѣркѣ разсказъ Пальмквиста—одна, *главная* задача, какую я себѣ ставлю; другая—возстановить, если можно, сколпа крѣпость Торжокъ второй половины XVII вѣка, возстановить городъ, каковъ онъ былъ за 227 лѣтъ предъ симъ, оживить планъ

Пальмквиста, довершить картину, возмѣщая недостающее изъ другихъ источниковъ. Для такой работы необходимо, конечно, личное, непосредственное изученіе современнаго Торжка, необходимы справки, разслѣдованіе на мѣстѣ, знакомство съ современнымъ планомъ города. Все это и было мною выполнено. А затѣмъ, у меня подъ руками были слѣдующіе источники: во-первыхъ, рекомендованная М. В. Рубцовымъ «Писцовая книга» Потапа Нарбекова; во-вторыхъ, видъ, помѣщенный у Мейерберга (См. Приложеніе № 3) и являющійся очень подходящею иллюстраціею къ плану Пальмквиста; наконецъ, судьба вложила въ мои руки такую книгу, которой въ ряду моихъ источниковъ надлежитъ отвести едва ли не первое мѣсто. Интересуясь, по преимуществу, крѣпостью, я искалъ «Переписной книги», исходя изъ мысли, что воевода, комендантъ знали городъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи таковой не оказалось. Изъ брошюры «Историко-статистическое описаніе церкви Михаила Архангела въ г. Торжкѣ» [1]) я узналъ, что въ Новоторжской городской управѣ хранится «Переписная книга», составленная въ 1710 году стольникомъ и комендантомъ гор. Торжка Коробьинымъ. По моей просьбѣ и при содѣйствіи священника Посникова, книга была немедленно доставлена въ Тверскую Ученую Архивную Комиссію, и мнѣ поручено приготовить ее къ печати [2]). Она носитъ заглавіе «Списки съ переписныхъ кнгъ ѱі году Торжку посаду переписи коменданта Петра Васильева сна Коробьина». Книга эта даетъ отличные комментаріи почти ко всему, сообщаемому Пальмквистомъ, и поэтому была мною особенно эксплоатирована.

Буду разбирать наблюденія Пальмквиста подрядъ, свѣдѣніе за свѣдѣніемъ, процѣживая каждое сквозь фильтръ самой строгой критики, вопреки поговоркѣ «не всякое лыко въ строку».

Въ виду того, что новоторжская стѣна имѣетъ свою исторію, и, слѣдовательно, приходится различать эпохи, то прежде всего договоримся, о какой крѣпостной стѣнѣ ведетъ Пальмквистъ свою рѣчь. Авторъ «Генеральнаго Соображенія» говоритъ: «Находится въ Торжкѣ старинная крѣпость, обнесенная землянымъ валомъ, которую окружаютъ съ одной стороны рѣка Тверца, съ другой Здоровецъ, впадающій подлѣ самаго вала въ рѣку Тверцу, а съ двухъ сторонъ рвы. На городскомъ валу построена была стѣна съ каменными и деревянными башнями, которыхъ развалины и донынѣ

---

[1]) Перепечатано изъ №№ 11, 12 и 13 Твер. Епарх. Вѣд. 1894 года.

[2]) Книга печатается.

Видъ Торжка.

Съ рисунка Мейерберга.

Новоторжская башня въ разрѣзѣ.

Съ рисунка Пальмквиста.

(1783—1784) еще видны. Оныя именовались: 1) Спасская съ проѣзжими воротами; 2) Петровская; 3) Борисоглѣбская; 4) Михайловская; изъ коихъ деревянныя въ бывшій въ 1618 году пожаръ сгорѣли, а каменныя разрушились». Въ 1808 г. А. Щекатовъ въ своемъ «Географическомъ словарѣ Россійскаго государства» писалъ: «Въ Торжкѣ находится старинная крѣпость обнесенная земляным валомъ, которую окружаютъ съ одной стороны рѣка Тверца, съ другой ручей Здоровецъ, впадающій подлѣ самаго крѣпостного валу въ рѣку Тверцу, а съ двухъ сторонъ рвы. На городскомъ валу построена была стѣна, съ каменными и деревяннымъ башнями, которыхъ развалины и донынѣ еще видны. Оныя именовались: 1) Спасская съ проѣзжими воротами; 2) Петровская; 3) Борисоглѣбская; 4) Михайловская проѣзжая, изъ коихъ деревянныя, въ бывшій 1618 году пожаръ, сгорѣли, а каменныя развалились». Сопоставляя текстъ Щекатова съ текстомъ автора «Генеральнаго Соображенія», мы видимъ, что вся разница между ними заключается въ томъ, что у Щекатова Михайловская башня названа проѣзжей. И авторъ «Генеральнаго Соображенія», и Щекатовъ говорятъ о стѣнѣ, неизвѣстно когда построенной, но сгорѣвшей въ 1618 г. [1]). Этой стѣны Пальмквистъ, разумѣется, видѣть не могъ. *Въ 1674 году Пальмквистъ видѣлъ крѣпостную стѣну, построенную когда-то послѣ 1618 года и сгорѣвшую 17-го апрѣля 1742 года, когда былъ большой городской пожаръ.*

Пальмквистъ говоритъ: «крѣпость Торжокъ, какъ и почти всѣ русскія крѣпости, *обведена* деревянными стѣнами и башнями, профиль которыхъ показана въ лит. B». Была ли крѣпость *обведена* стѣнами? Ставлю этотъ вопросъ въ виду того, что іеромонахъ Иліодоръ, авторъ «Историко-статистическаго описанія города Торжка» представляетъ дѣло иначе. Онъ говоритъ: «укрѣпленія города были съ одной стороны деревянная стѣна съ башнями и воротами, а съ другой природный земляной валъ» [2]). Значитъ, по Иліодору, съ той стороны, гдѣ былъ земляной валъ, стѣны не было, другими словами, съ южной стороны въ стѣнѣ былъ интервалъ. Это невѣрно. У Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи въ 1634, 1636 и 1639 г.г., опредѣленно сказано: «Торжокъ

[1]) По всей вѣроятности, въ башняхъ *этой* стѣны въ декабрѣ 1569 года сидѣли крымскіе и ливонскіе плѣнники, о которыхъ разсказываетъ Карамзинъ (IX т.): «въ одной башнѣ сидѣли крымскіе, а въ другой ливонскіе плѣнники, окованные цѣпями: ихъ умертвили; но крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранивъ и самого Іоанна».

[2]) Историко-статистическое описаніе города Торжка, составленное Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря іеромонахомъ Иліодоромъ. Тверь 1860. Стр. 8.

окруженъ досчатыми и бревенчатыми укрѣпленіями». Мейербергъ, бывшій въ Торжкѣ въ 1661 году, [1]) пишетъ: «Торжокъ *окруженъ* деревянными укрѣпленіями» Torsiock eine mit Höltzern Bollwercken *umgebene* Stadt. Виды города Торжка, находящіеся въ альбомахъ Олеарія и Мейерберга, наглядно показываютъ, что этотъ городъ былъ охваченъ стѣною со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, «Переписная книга 1710 года» даетъ такія точныя свѣдѣнія о той части крѣпостной стѣны, которая шла за земляным валомъ, что сомнѣнія относительно ея существованія быть не можетъ [2]). «а от той наугольной башни от Тверце реки подле рва по осыпи и к ручью Здоровцу до Борисоглѣбской башни по мѣре городовые стены сорокъ два сажени с аршином а около той башни десять саженъ а у той башни верхъ огнилъ и свалился і вся згнила а от той Борисоглѣбской башни по той ж осыпи подле тогож рва к ручьюжъ Здоровцу до Михайловской уголной проѣзжей башни что у ручья Здоровца по мѣре городовые стены пятьдесятъ три сажени с полуаршиномъ а около той башни одиннатцать сажен бес трети а межъ Борисоглѣбской и Михайловской башен к ручью Здоровцу обвалилось городовой стены на двѣ сажени...». Тамъ, гдѣ «Переписная книга» даетъ точное опредѣленіе длины крѣпостной стѣны, [3]) она пользуется выраженіемъ, также опровергающимъ утвержденіе іеромонаха Иліодора. «Всего по городовой осыпи башен и городовой стены мирою *кругом* шестьсотъ семьдесятъ семь саженъ...». Такимъ образомъ, утвержденіе Пальмквиста, что крѣпость была *обведена* стѣною, съ истиною не расходится и вполнѣ вяжется съ другимъ его утвержденіемъ, что земляной валъ нѣсколько превышалъ стѣны и былъ поэтому необитаемъ.

Иду дальше. Пальмквистъ заявляетъ, что башни, какъ и стѣны, были деревянныя. Вѣрно ли это? Ставлю и этотъ вопросъ въ виду предположенія, высказаннаго іеромонахомъ Иліодоромъ, что онѣ были каменныя. Въ его описаніи города Торжка читаемъ: «Городъ Торжокъ въ древнія времена былъ окруженъ сперва каменною стѣною, а по разрушеніи ея, деревянною съ одиннадцатью башнями, *вѣроятно, каменными...*» [4]). Какъ мы видѣли, Адамъ Олеарій и Мейербергъ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ, что укрѣпленія Торжка были деревянныя. Чтобы окончательно порѣшить съ этимъ вопросомъ, призовемъ

[1]) По донесенію изъ Торжка «Θедотки Бурцова», послы пришли въ Торжокъ 2-го мая 1661 г. (Альбомъ Мейерберга. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ. Стр. 34).

[2]) Стр. 6.

[3]) Стр. 7.

[4]) Стр. 5.

къ себѣ на помощь «Переписную книгу»; она дастъ намъ отвѣтъ точный и опредѣленный: «стѣны и башни *деревянные* рубленые въ сосновом лѣсу» [1]). На чемъ же основалъ свое предположеніе іеромонахъ Иліодоръ? Къ ошибочному заключенію ему, вѣроятно, подало поводъ то каменное основаніе одной башни (Петровской), которое было видимо еще въ 1860 году [2]). Могу прибавить, что архитекторомъ В. И. Назаринымъ открыто было каменное основаніе другой башни (Спасской проѣзжей водяной); но это отнюдь не доказываетъ истинности предположенія іеромонаха Иліодора. Это доказываетъ только то, что въ древнія времена городъ былъ, дѣйствительно, окруженъ каменною стѣною, съ каменными башнями, и что воздвигнутыя впослѣдствіи деревянныя башни стали на прежнія каменныя основанія. Раскопка, произведенная мною въ іюлѣ и началѣ августа 1903 года противъ дома купца Масленникова, привела меня также къ убѣжденію, что стѣна имѣла каменное основаніе [3]). Итакъ, по вопросу о матеріалѣ, изъ какого были построены башни, утвержденіе Пальмквиста также отвѣчаетъ дѣйствительности.

---

[1]) Стр. 7.

[2]) Стр. 5.

[3]) До сего времени случайныхъ археологическихъ находокъ въ Торжкѣ было нѣсколько. Подробности о нихъ имѣются въ книгѣ В. А. Плетнева «Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи»; систематическія же раскопки, сколько мнѣ извѣстно, производились раза три. Едва ли не въ первый разъ произведена была такая раскопка въ 1860—70 годахъ проживавшимъ въ Торжкѣ извѣстнымъ гипнотизеромъ кн. А. В. Долгорукимъ. По разсказу дочери его Е. А. Богдановой-Масленниковой, князь, считавшій себя сродникомъ благовѣрной княгини Іуліаніи Вяземской, предпринялъ раскопку на томъ мѣстѣ берега Тверцы, гдѣ, по мѣстному преданію, остановилось плывшее противъ теченія тѣло княгини въ 1406 году т. е. неподалеку отъ собора,—и предпринялъ, очевидно, съ цѣлью найти тайникъ. «Говорили», добавляетъ Е. А. Богданова-Масленникова, «что изъ собора есть ходъ подъ Тверцу, и выходъ на той сторонѣ, и что есть чугунная дверь». Тайника князь, естественно, не нашелъ, потому что онъ былъ не у «Спасской водяной башни», а у «Тайничной»; но выкопалъ два подсвѣчника и кадило. Куда дѣвались эти предметы, неизвѣстно. Во второй разъ раскопку въ Торжкѣ произвели въ 70 годахъ архитекторъ С. И. Гребенщиковъ, исправникъ С. И. Гропеско и Я. П. Грузинцевъ. Копали около угольной Петровской башни и нашли висячее паникадило (хоросъ), хранящееся въ Тверскомъ Музеѣ. Ходитъ молва, что Гребенщиковъ копалъ еще на осыпи противъ дома купца Масленникова и уже дошелъ до каменнаго столба и желѣзной двери, но дальнѣйшее копаніе ему было воспрещено. Въ 1882 году въ Торжкѣ сдѣлана была случайная археологическая находка, имѣющая тѣсную связь съ раскопкою, предпринятою мною 30 іюля 1903 года. Архитекторъ В. И. Назаринъ строилъ купцу Масленникову домъ. Неподалеку отъ дома рабочими усмотрѣнъ былъ каменный гробъ, котораго крышку они нечаянно повредили ломомъ. Гробъ былъ вскорѣ засыпанъ. Этого гроба В. И. Назаринъ самъ не видалъ, но невдалекѣ отъ дома Масленникова обнаружилъ основаніе башни. Покойный А. К. Жизневскій высказалъ предположеніе—по-моему, ошибочное—что это Спасская башня; скорѣе это—башня «Тайничная». А. К. Жизневскій и В. И. Назаринъ намѣревались произвести подлѣ дома Масленникова раскопку, на каковой предметъ давали средства Масленниковъ и Грузинцевъ; но А. К. Жизневскому не удалось осуществить своего намѣренія. Готовя къ предстоящему второму областному археологическому съѣзду данный докладъ, я пришелъ къ мысли произвести эту намѣченную другими раскопку.

Такъ какъ пріемы изображенія башенъ у Пальмквиста общіе, какъ для Твери, Новгорода, Москвы, Пскова, такъ и для Торжка, то, мнѣ кажется, умѣстно будетъ указать на одно апріорное заключеніе М. В. Рубцова, автора вышеупомянутой брошюры «Тверь въ 1674 году по Пальмквисту». Онъ говоритъ: «Крѣпость состояла изъ деревянной стѣны (тына) съ 19 башнями, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ можно заключить изъ неодинаковости изображенія ихъ на рисункѣ (квадраты затемненные и квадраты бѣлые),—каменныя» [1]). Постараюсь доказать, что изъ неодинаковости изображенія башенъ такого заключенія сдѣлать рѣшительно нельзя. Прежде всего, прислушаемся къ Пальмквисту. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, фортификація состоитъ изъ однѣхъ только деревянныхъ стѣнъ (лит. о.о.о.), большею частью обрушившихся; но, по всей вѣроятности, царь прикажетъ здѣсь возвести каменную стѣну съ башнями, потому что, пока посольство находилось въ Москвѣ, одни городскія ворота съ частью стѣнъ (лит. р.) уже были возведены изъ камня, и говорили, что мѣстный архіепископъ будто бы взялся на свой счетъ построить три круглыхъ башни, дабы болѣе расположить царя къ укрѣпленію всей крѣпости». (Кромѣ того, на планѣ Твери къ лит. р. онъ даетъ поясненіе, не оставляющее сомнѣнія относительно матеріала, изъ котораго были построены городскія ворота).

Справившись съ писцовою книгою Ил. Шишкова, составленною въ 1685—1686 г., М. В. Рубцовъ пишетъ: «башня, означенная на этомъ планѣ буквою р., была проѣзжая Володимерская, каменная, вышиною до зубцовъ 9 саженъ, зубцы—сажень безъ чети ширины. А строилъ тое башню Преосвященный Іоасафъ, архіепископъ Тверской и Кашинскій въ 182 году, домовою казною. 7182 годъ—это какъ разъ 1674 годъ, т. е. она построена въ тотъ самый годъ, когда Пальмквистъ былъ въ Твери». Изъ словъ Пальмквиста и «Писцовой книги» И. Шишкова заключаемъ, что на планѣ города Твери буквою р. отмѣченъ квадратъ, обозначающій каменную башню. Этотъ квадратъ на подлинномъ планѣ Пальмквиста бѣлый, не пересѣченный діагоналями; но такихъ же бѣлыхъ квадратовъ на этомъ планѣ еще семь, а на планѣ, воспроизведенномъ М. В. Рубцовымъ, шесть [2]). Говоря, что нѣкоторыя башни были каменныя, М. В. Рубцовъ eo ipso утверждаетъ, что, кромѣ Володимірской еще семь башенъ (Степановская, Богоявленская, Труба, Башня

[1]) Стр. 21.

[2]) На планѣ М. В. Рубцова квадратъ, означающій башню надъ Тьмацкими воротами, пересѣченъ діагоналями и затемненъ, чего нѣтъ на подлинномъ планѣ.

надъ Тьмацкими воротами, Никольская, Спечевская, Башня на быкѣ) были каменныя. Но это не вяжется ни съ положительнымъ утвержденіемъ Пальмквиста, что фортификація состояла изъ однѣхъ только деревянныхъ стѣнъ [1]), что въ Твери была одна каменная башня, ни съ его правдоподобнымъ разсказомъ о намѣреніи архіепископа построить три круглыхъ каменныхъ башни,—разсказомъ, исключающимъ возможность существованія въ 1674 году другихъ каменныхъ башенъ, кромѣ вышеупомянутой Владимірской. Мнѣ кажется. М. В. Рубцовъ и самъ увидѣлъ бы свою ошибку, если бы, не ограничиваясь «Писцовою книгою», обратился къ «Переписной». Такимъ образомъ, критерій, предложенный М. В. Рубцовымъ, въ отношеніи тверскихъ башенъ привелъ къ установленію невѣрнаго заключенія о существованіи нѣсколькихъ каменныхъ башенъ; въ отношеніи новоторжскихъ башенъ онъ не приводитъ къ такому результату; здѣсь онъ случайно оправдывается: какъ мы видѣли, въ Торжкѣ всѣ башни были деревянныя, и *на подлинномъ* планѣ Пальмквиста всѣ квадраты, означающіе башни, пересѣчены діагоналями и затемнены. Я подчеркиваю слова «на подлинномъ», потому что репродукція его, сдѣланная М. В. Рубцовымъ, не совсѣмъ точна: тамъ три квадрата бѣлыхъ, девять затемненныхъ; если примѣнить критерій М. В. Рубцова, то это приведетъ къ ложному утвержденію, что въ Торжкѣ было 3 каменныхъ башни. Повторяю, въ отношеніи новоторжскихъ башенъ критерій, предложенный М. В. Рубцовымъ, если примѣнить его къ подлинному плану, не приводитъ къ установленію невѣрнаго заключенія, но это простая случайность; вообще же, *для башенъ другихъ городовъ онъ непріемлемъ.*

Возвращаясь къ крѣпости Торжка, отмѣчу слѣдующую неточность въ разсказѣ Пальмквиста. Онъ говоритъ: «крѣпость Торжокъ, какъ и почти всѣ русскія крѣпости, обведена деревянными стѣнами и башнями, профиль которыхъ показанъ въ лит. В». По этому описанію выходитъ, будто всѣ башни Торжка были однородны и объединялись типомъ башни, представленной въ лит. В. Не говоря уже о томъ, что это не согласуется съ дѣйствительностью, это противорѣчитъ даже показаніямъ плана самого Пальмквиста. Противъ одной изъ башенъ между двумя параллельными линіями, изображающими мостъ, онъ сдѣлалъ приписку Ingängen; этою припискою, какъ можно судить по такимъ же припискамъ на другихъ планахъ, онъ отмѣтилъ крѣпостныя ворота, другими

[1]) Петрей де-Эрлезунда, бывшій въ Твери въ 1611 году, также говоритъ, что крѣпость была деревянная.

башенъ. Изъ второстепенныхъ новоторжскихъ башенъ Пальмквистъ не отмѣтилъ, не назвалъ ни одной. Это показываетъ, что онъ не успѣлъ съ ними хорошо познакомиться. Что планъ составлялся на скорую руку, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже военно-глазомѣрная съемка. Кромѣ того, по-моему, Пальмквистъ не былъ допущенъ въ крѣпость города Торжка [1]). Это мнѣніе получитъ себѣ не одно подтвержденіе въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи, а пока представлю по этому предмету слѣдующія соображенія. Въ этомъ моемъ мнѣніи меня прежде всего утверждаетъ одинъ прецедентъ. Адамъ Олеарій, бывшій въ Торжкѣ всего лѣтъ сорокъ до Пальмквиста, пишетъ, что Голштинское посольство въ самый городъ не пустили. Не забудемъ и того, что проникнуть въ крѣпость Тверь Пальмквисту удалось только по небрежности сторожей. Онъ не только не былъ допущенъ въ крѣпость города, но и лишенъ былъ возможности обойти ее. Если бы онъ имѣлъ эту возможность, отъ его вниманія не ускользнули бы другія проѣзжія башни, и онъ не упустилъ бы случая такъ или иначе отмѣтить ихъ на планѣ. Мало того. Я склоненъ думать, что на правомъ берегу онъ вовсе и не былъ, что обозрѣвалъ городъ, не покидая лѣваго ея берега, гдѣ посольству было отведено помѣщеніе. Такимъ образомъ, крѣпость онъ изучалъ издали. Какія же проѣзжія башни изъ числа второстепенныхъ могъ онъ видѣть при такихъ условіяхъ? Вполнѣ отчетливо онъ могъ видѣть только двѣ передовыя «Спаскую проѣзжую водяную» и «Тайничную», стоявшія по Тверцѣ. Михайловской проѣзжей башни Пальмквистъ могъ и не разсмотрѣть, во-первыхъ, за дальностью разстоянія ея отъ пункта его наблюденія, а во-вторыхъ, вслѣдствіе положенія ея за валомъ. Вотъ причины, по которымъ Пальмквистъ не отмѣтилъ всѣхъ проѣзжихъ башенъ. Если есть за что упрекнуть Пальмквиста, такъ это лишь за указанную неточность въ разсказѣ. Башни въ Торжкѣ не были однородны: четыре изъ общаго числа ихъ были проѣзжія, остальныя глухія. Но однимъ этимъ не исчерпывается ихъ разнородность. Внѣшній видъ, пожалуй, у всѣхъ башенъ общій. Изъ плана Торжка, даннаго Пальмквистомъ, мы можемъ вывести только одно, что въ этомъ городѣ ни круглыхъ, ни грановитыхъ башенъ не было, ибо первыя Пальмквистъ отмѣчалъ кружка́ми, вторыя маленькими многоугольниками, что всѣ башни были четырехугольныя. «Переписная книга» ничего не говоритъ о внѣшнемъ

[1]) Ю. Готье. Извѣстія Пальмквита о Россіи. Стр. 71. «надо думать, что далѣе путешественниковъ не пустили, и они могли гулять свободно только по окружавшимъ городъ слободамъ; эти послѣднія нанесены на планъ подробно».

видѣ башенъ, но показанія Пальмквиста отлично подтверждаются отчасти видомъ города Торжка, входящимъ въ альбомъ Мейерберга, гдѣ всѣ башни этого города четырехугольныя, отчасти башнею, представленною Пальмквистомъ въ разрѣзѣ (См. Приложеніе № 4). Сличивъ эту башню въ разрѣзѣ съ башнями на рисункѣ Мейерберга, за неимѣніемъ иныхъ провѣрочныхъ данныхъ, мы должны допустить, что внутреннее устройство всѣхъ глухихъ башенъ именно таково, какъ оно представлено въ разрѣзѣ башни. М. В. Рубцовъ далъ точное его описаніе: «Это высокій деревянный срубъ, состоящій изъ двухъ этажей: нижняго съ высокой внутренней лѣстницей и верхняго, болѣе низкаго, въ которомъ противъ прорубленнаго въ одной изъ стѣнъ башни окна, мы видимъ, стоитъ артиллерійское орудіе съ лафетомъ. Верхъ башни имѣетъ, какъ нужно полагать, судя по рисунку, четырехскатную крышу, увѣнчивающуюся флагомъ наверху». Повторяю, весьма возможно, что какъ проѣзжія башни были одной конструкціи, такъ и глухія были построены по одному шаблону, но въ «Переписной книгѣ» имѣются указанія на то, что онѣ не были одинаковой величины. Такъ, окружность глухихъ башенъ была различна—10, 11, $11^1/_2$ и 12 саженъ [1]). Вопросъ о высотѣ башенъ Торжка находится въ тѣсной связи съ высотою крѣпостной стѣны, и я вскорѣ къ нему вернусь.

Въ планѣ Пальмквиста есть еще одно едва примѣтное, но драгоцѣнное указаніе на разнородность новоторжскихъ башенъ. Передъ двумя крайними квадратами, обозначающими башни, выходящія на Тверцу, начерчены такъ-называемые на военно-топографическомъ языкѣ масштабные условные знаки: передъ однимъ треугольникъ съ крестомъ, передъ другимъ кружочекъ съ крестомъ. Этими условными знаками принято обозначать либо церкви, либо часовни. Если треугольникомъ съ крестомъ обозначается церковь, то кружочкомъ съ крестомъ—часовня, и наоборотъ. Въ которой же изъ этихъ двухъ башенъ была церковь? По счастію, отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одно преданіе и подтверждающая его находка. Квадратъ съ условнымъ знакомъ «треугольникъ съ крестомъ» —Петровская башня. Въ ней, по преданію, находилась церковь [2]). Вотъ и объясненіе имени башни. Не во имя ли св. Петра, Московскаго митрополита, построена эта церковь? Въ семидесятыхъ годахъ XIX в., при расконкахъ городской стѣны, въ развалинахъ этой башни найдено висячее

[1]) Утвержденіе іеромонаха Иліодора, «что каждая башня была особенной мѣры»—вѣрно; но самая мѣра показана у него не всегда вѣрно. «Спаскую проѣзжую башню» (иначе, Мостовую) онъ ошибочно принялъ за «Спаскую проѣзжую водяную».

[2]) Впрочемъ, долженъ оговориться: у Пальмквиста на планѣ города Пскова, въ такъ-называемомъ «Завеличьи», этимъ знакомъ, несомнѣнно, обозначена *часовня* во имя св. Ольги.

паникадило (хоросъ), остатки котораго пожертвованы въ Тверской Музей[1]). Если въ Петровской башнѣ была церковь, то въ другой угольной была часовня. Такимъ образомъ, башни были проѣзжія и глухія; въ одной изъ глухихъ была церковь, въ другой часовня. Кромѣ того, какъ мы знаемъ изъ «Переписной книги», двѣ башни были тайничныя—одна глухая, другая проѣзжая.

Въ отношеніи башенъ у Пальмквиста, кромѣ вышеуказанной неточности въ разсказѣ, неполноты въ указаніи проѣзжихъ башенъ, замѣчается еще одна прямая ошибка. На планѣ у него мы насчитываемъ 12 башенъ. Видъ Торжка, развертывающійся предъ нашими глазами въ альбомѣ Мейерберга, представляетъ ихъ всего 11. Въ «Переписной книгѣ», которая, конечно, знаетъ ихъ всѣ на перечетъ, ихъ тоже 11. «И всего въ городѣ Торжку с проѣзжими воротами четыре башни да глухихъ семь башенъ обоево одиннатцать башенъ». У Пальмквиста несомнѣнная ошибка: одной башней у него оказывается больше. Но за эту ошибку мы врядъ ли имѣемъ право слишкомъ строго съ него взыскивать: она обусловливается военно-глазомѣрной съемкой плана, которою онъ пользовался. Главныя башни онъ проставилъ, а объ остальныхъ не особенно заботился, а потому, просто-на-просто, сбился въ счетѣ. Которая же изъ проставленныхъ башенъ оказывается лишней? Да вѣроятно, одна изъ стоящихъ на заднемъ планѣ и глядящихъ на «городскія нивы». Свое предположеніе дѣлаю на томъ основаніи, что впереди лишнихъ нѣтъ, а скучены башни на заднемъ планѣ: тамъ съ сѣверо-западной стороны онѣ тѣсно жмутся другъ къ другу. По-моему, на планѣ Пальмквиста лишняя башня стала гдѣ-то между Михайловской угольной башней и Спасской проѣзжей башней. На этомъ протяженіи изъ четырехъ башенъ для трехъ въ «Переписной книгѣ» есть наименованія, для четвертой наименованія, конечно, нѣтъ. Это еще разъ доказываетъ, что доступъ въ крѣпость Пальмквисту открытъ не былъ.

О высотѣ стѣны Пальмквистъ выражается очень неопредѣленно, о ширинѣ же и вовсе не даетъ никакого представленія. Это опять-таки показываетъ, что крѣпость онъ изучалъ издали. Онъ говоритъ: «Этого рода укрѣпленія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ общимъ правиламъ фортификаціи, по которымъ одна линія должна защищаться другою; тутъ же каждая линія защищаетъ сама себя тѣмъ верхнимъ строеніемъ, которое далеко выдается впередъ надъ подошвою стѣны. Въ мирныя времена нижняя часть этой стѣны служитъ жильемъ и ба-

[1]) А. К. Жизневскій. Описаніе Тверского Музея. 131—132.

раками солдатъ, но, когда ожидается нападеніе непріятеля, она засыпается землею, какъ показано въ упомянутой профили пунктирными линіями». Въ виду полнаго отсутствія провѣрочныхъ свѣдѣній по вопросу о томъ, какое примѣненіе имѣла нижняя часть стѣны въ мирное и осадное время, мы должны вѣрить Пальмквисту на слово. Что же касается высоты и ширины стѣны, то на выручку намъ является все та же «Переписная книга». Въ ней точно указана ея высота: «А въ вышину городовая стена до кровли дви сажени бес трети аршина ширины городовой стены дви сажени и полати погнили ж и обвалились». Такимъ образомъ, по «Переписной книгѣ», стѣна была, какъ говорятъ, впоперекъ себя шире. На рисункѣ Пальмквиста она уже. Верхняя часть стѣны, въ которой у Пальмквиста проведены пунктирныя линіи и стоитъ цѣлящійся солдатъ, соотвѣтствуетъ тѣмъ полатямъ, о которыхъ «Переписная книга» сообщаетъ, что въ 1710 году онѣ «погнили и обвалились».

О высотѣ башенъ Пальмквистъ ничего не говоритъ. Благодаря «Переписной книгѣ» мы располагаемъ необходимыми для рѣшенія этого вопроса свѣдѣніями. Въ «Переписной книгѣ» есть указаніе на высоту одной только башни (Спаской проѣзжей): «Спаская с проѣзжими вороты по мѣрѣ в вышину до шатра три сажени с полуаршиномъ». Высота этой Спасской башни, мнѣ кажется, можетъ служить мѣриломъ для высоты всѣхъ остальныхъ. Онѣ могли быть ниже Спасской башни, но ужъ врядъ ли были выше ея. Вѣроятно, остальныя проѣзжія башни были такой же высоты, какъ и Спасская; глухія башни были ниже, потому что такимъ башнямъ обыкновенно давали меньшія противъ проѣзжихъ размѣры по высотѣ. [1])

Слѣдующее утвержденіе Пальмквиста, что «положеніе этого мѣста очень неблагопріятно, потому что имъ могутъ командовать окружающіе высоты и холмы, лит. *bbb*».—правильно; но изъ окружающихъ высотъ Пальмквистъ не отмѣтилъ еще т. н. Михайловской горы, Филипповой горы. И это показываетъ, что о заднемъ планѣ онъ не имѣлъ яснаго представленія,—не имѣлъ по той простой причинѣ, что въ тѣхъ мѣстахъ не былъ.

«Почти весь городъ, говоритъ Пальмквистъ, обведенъ сухимъ рвомъ, который вырытъ въ самомъ холмѣ, гдѣ находится также нѣсколько источниковъ, держащихъ всегда подъ водою западную и сѣверную части рва. Но, когда вода на прибыли—весь ровъ наполняется

[1]) Ѳ. Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Часть I, 97 стр.

водою». Подъ Торжкомъ, дѣйствительно, нѣсколько ручьевъ (Здоровецъ, впадающій въ Тверцу, Красный, Вороньякъ, Блудиха [1]); но, какъ объ нихъ, такъ и о рвѣ Пальмквистъ имѣетъ смутныя представленія, что и отразилось на его планѣ: ровъ и главный ручей Здоровецъ слились у него въ одно цѣлое, другими словами, значительную часть Здоровца, омывавшаго городъ съ запада и сѣвера и катившаго свои воды мимо семи башенъ, онъ также принялъ за сухой ровъ. Обратимся къ «Переписной книгѣ», отъ которой этотъ вопросъ получаетъ полное освѣщеніе: «Городъ Торжокъ построенъ на осыпи с одну сторону по Тверце рекѣ а з дву сторон по ручью Здоровцу с четвертою от Борисоглѣбского мнстря по сухомъ пути...» [2]). Слѣдовательно, сухой путь былъ только со стороны Борисоглѣбского монастыря; при дальнѣйшемъ чтеніи «Переписной книги» мы получаемъ о немъ болѣе точныя свѣдѣнія: «а тутъ ровъ подъ осыпью словетъ Гребля мирою сто саженъ въ глубину дви сажени и менши поперекъ дви сажени». Отсюда видно, что подъ рвомъ разумѣлась только Гребля [3]). (Замѣчу вскользь, что названіе Гребли, какъ и названія многихъ урочищъ, встрѣчающіяся въ «Писцовой» и «Переписной» книгахъ, оказалось живучимъ: спускъ къ Тверцѣ новоторы и теперь, по старой памяти, называютъ Греблей). Для того, чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній, заглянемъ еще въ «Писцовую книгу» Потапа Нарбекова. Тамъ по этому предмету читаемъ: «Городъ Торжокъ, а подъ нимъ река Тверца, а по другую сторону ручей Здоровецъ» [4]). Такимъ образомъ, Пальмквистъ неправильно показывалъ, что почти весь городъ былъ обведенъ сухимъ рвомъ. Сухой ровъ шелъ только на разстояніи 100 саженей, дальше у подножія крѣпостной стѣны, огибая городъ, протекалъ ручей Здоровецъ. Мѣсто впаденія источниковъ (лит. *д*) также указано Пальмквистомъ невѣрно. У «глухой башни, что противъ приказной избѣ», никакихъ источниковъ не впадаетъ. Ручей Здоровецъ подступалъ къ городу у «Михайловской проѣзжей башни». Ручьи Навнага и Блудиха впадаютъ въ Здоровецъ у мостика, противъ лавки Смолиной. О ручьяхъ Пальмквистъ не имѣлъ яснаго представленія. Это подкрѣпляетъ мою мысль, что Пальмквистъ былъ лишенъ возможности обойти городъ. Съ лѣваго берега Тверцы ручьевъ видѣть было нельзя: они застилались стѣною. Въ настоящее

[1]) Въ «Переписной книгѣ» упоминается еще Коровьякъ. Стр. 62.

[2]) Стр. 7—8.

[3]) «Гребля» или «гробля» значитъ ровъ. (Карамзинъ. Примѣчанія къ I тому. Стр. 195 (448). Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 78, 240, 380. Лѣтопись по Ипатскому списку. Стр. 49, 376).

[4]) Стр. 1.

Новоторжскій Борисоглѣбскій монастырь.

Съ рисунка Пальмквиста.

время, желающій убѣдиться въ существованіи Навнаги и Блудихи долженъ тщательно ихъ разыскивать, подлѣзая подъ мостикъ.

Пальмквистъ продолжаетъ: «Крѣпость идетъ спускомъ по берегу болѣе, чѣмъ на 4 локтя въ уклонѣ». Стѣна, дѣйствительно, была выстроена по спуску, отчего одинъ конецъ лежалъ чуть ли не на самой землѣ, тогда какъ другой поднимался. Спускъ обусловливался тѣмъ холмомъ, который отмѣченъ у Пальмквиста на планѣ слѣдующими словами: «холмъ, нѣсколько превышающій стѣны и поэтому необитаемый». (Bocka som öfwerhöger nagot Wallerne och fördenscutt inhabitabel). Раньше мы показали вышину городовой стѣны. «А въ вышину городовая стена до кровли дви сажени бес трети аршина». Опираясь на это данное и слова Пальмквиста, заключаемъ, что высота земляного вала была нѣсколько болѣе двухъ саженей. На самомъ же дѣлѣ высота его доходитъ до 8 саженъ.

Переходя къ посаду, Пальмквистъ отмѣчаетъ: «Вся часть е. съ ея улицами теперь снова застроена и состоитъ изъ однѣхъ только торговыхъ лавокъ». Мы не можемъ сказать съ точностью, когда была снова застроена эта часть города, но взглядъ, брошенный на рисунокъ Мейерберга, убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ промежутокъ времени между посѣщеніемъ Торжка Мейербергомъ и Пальмквистомъ, здѣсь, дѣйствительно, произошла какая-то перемѣна.

Помѣщая на планѣ подъ литерою F, очевидно, Борисоглѣбскій монастырь, Пальмквистъ пишетъ о немъ «новый каменный монастырь, три года тому назадъ построенный патріархомъ Никономъ и называемый Suda Twertza Monaster, перспектива котораго видна въ лит. C». (См. Приложеніе № 5). Здѣсь въ отношеніи названія монастыря мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ, монастырь *чудотворца* названъ Suda Twertza Monaster. Вторая ошибка Пальмквиста заключается въ томъ, что построеніе монастыря онъ приписываетъ Никону и пріурочиваетъ его приблизительно къ 1671 году. Это, конечно, невѣрно. Въ 1666 году Никонъ былъ уже осужденъ соборомъ. Впрочемъ, извѣстно, что Никонъ благоволилъ къ монастырю. Я думаю, что Пальмквистъ, во-первыхъ смѣшалъ патріарха Никона съ его преемникомъ Іоасафомъ II-ымъ, а во-вторыхъ, приписалъ Іоасафу II-ому построеніе всего монастыря вмѣсто одной каменной Введенской церкви. Патріархъ Іоасафъ II-ой, уроженецъ г. Торжка, дѣйствительно, построилъ Введенскую церковь. Пальмквистъ даже потрудился нарисовать эту церковь,—

нарисовалъ ее именно потому, что она новая (Nytt steen Kloster). Если мы въ настоящее время станемъ смотрѣть на Борисоглѣбскій монастырь съ лѣваго берега Тверцы, то мы не увидимъ того, что представлялось глазамъ Пальмквиста, и что представлено на его рисункѣ. Зубчатая стѣна съ арками, которая такъ отчетливо видна на рисункѣ Пальмквиста, заслонена огромнымъ зданіемъ каменнаго Борисоглѣбскаго монастырскаго собора. Низъ характерной многоугольной колокольни застроенъ. Передъ церковью построены погреба и сараи. Но если мы войдемъ въ монастырскій дворъ, мы убѣдимся, что Пальмквистъ изобразилъ именно Введенскую церковь. Краткое замѣчаніе Пальмквиста о Борисоглѣбскомъ монастырѣ, планъ монастыря и изображеніе одной изъ его церквей (по моему мнѣнію, Введенской) имѣютъ для исторіи монастыря большую цѣнность. Изъ плана явствуетъ, что входъ въ монастырь былъ съ сѣверной стороны, какъ разъ противъ Борисоглѣбской башни. Эти монастырскія ворота задѣланы. Судя по рисунку Мейерберга, всѣ зданія монастыря группировались въ южной части; ко времени Пальмквиста застраивается сѣверная часть. Къ плану монастыря, данному Пальмквистомъ, прекраснымъ дополненіемъ является написанная въ 1720 г. и хранящаяся въ Тверскомъ Музеѣ икона преподобныхъ Ефрема и Аркадія, Новоторжскихъ чудотворцевъ (См. Приложеніе № 6). Святые изображены въ моленіи Спасителю на облакахъ; между ними клеймо съ тропарями, внизу—видъ монастыря, на заднемъ планѣ—пейзажъ съ видомъ Торжка. На иконѣ сохранились надписи, обозначающія изображенныя здѣсь зданія, какъ-то: Духовный приказъ, кельи келарскія, братскія, казенка, житница, архимандричьи кельи, сѣни, трапеза и поварня, что свидѣтельствуетъ объ устройствѣ и расположеніи монастыря въ XVIII столѣтіи.

Поясняя свой планъ, Пальмквистъ продолжаетъ, «g—большой редутъ, равно какъ и h, въ которомъ останавливалось посольство». Въ указанныхъ Пальмквистомъ мѣстахъ никакихъ редутовъ, въ современномъ значеніи слова, нѣтъ; но, разъ Пальмквистъ свидѣтельствуетъ, что въ одномъ изъ нихъ останавливалось посольство, приходится вѣрить тому, что они были. Что же касается мѣста остановки, то это, по всей вѣроятности, та часть ямской слободы, гдѣ находился путевой дворецъ, а нынѣ стоитъ женская гимназія.

Свой разсказъ о Торжкѣ Пальмквистъ заканчиваетъ словами: «Въ двухъ миляхъ отсюда выжигается прекрасная бѣлая известь, а въ двухъ верстахъ находится прекрасный кирпичный заводъ, здѣсь же

Икона преподобныхъ Ефрема и Аркадія, Новоторжскихъ чудотворцевъ.

Съ иконы, хранящейся въ Тверскомъ Музеѣ.

изготовляется лучшая кошма, употребляемая для караульныхъ буровъ и санныхъ полостей». Не знаю, какія мѣста имѣетъ здѣсь Пальмквистъ въ виду; но въ деревнѣ Внуковѣ и доселѣ выжигается камень (бѣлый известнякъ). Что же касается кошмы, то Петрей де-Эрлезунда также пишетъ о Торжкѣ: «Тамъ дѣлаются хорошія войлочныя накидки, также какъ и въ другихъ мѣстахъ этого края».

На планѣ Торжка отмѣчены еще два моста: одинъ деревянный черезъ Тверцу; къ нему причаливали суда. На этомъ мѣстѣ и въ настоящее время мостъ, но уже желѣзный, построенный въ 1882–1883 г.г. при городскомъ головѣ В. А. Цвылевѣ, а при Мейербергѣ здѣсь былъ перевозъ. До постройки желѣзнаго моста существовалъ плашкотный мостъ отъ Водопойнаго переулка къ Спасской башнѣ, къ собору. Другой мостъ черезъ Здоровецъ—какъ разъ противъ Спасской проѣзжей башни. Спеціальнаго названія этотъ мостъ, какъ видно, еще не носилъ. Впослѣдствіи онъ сталъ называться Сбитеннымъ и, наконецъ, Каменнымъ. «Каменный съ лавками по обѣ стороны мостъ, и подъ нимъ съ харчевнями, построенъ въ 1774 году». По этому мосту главная башня Спасская съ проѣзжими воротами названа въ «Писцовой книгѣ» Потапа Нарбекова мостовою. Полагаю, что былъ еще третій мостъ противъ Михайловской проѣзжей башни.

На планѣ Пальмквистъ указалъ мѣсто каменнаго зданія приказа. Если положиться на Пальмквиста, то выйдетъ, что оно стояло какъ разъ за Спасскою водяною башнею. Въ этой приказной избѣ хранился городовой ключъ: «от тѣх ворот городовой ключъ въ приказной избѣ у сторожа Семена Гордѣева» —сказано въ Переписной книгѣ 1710 г. [1]). На планѣ же Пальмквистъ обозначилъ улицу, ведшую отъ Спасской проѣзжей башни къ приказу, а также площадь.

Наконецъ, у подножія Ильинской горы Пальмквистъ отмѣтилъ и Рождественскій монастырь, гдѣ нынѣ домъ губернскаго предводителя дворянства М. В. Всеволожскаго, а раньше былъ тюремный острогъ.

Разобравъ Пальмквиста, мы видимъ, что какъ на его текстѣ, такъ и на планѣ лежитъ отпечатокъ руки инженера. Преобладающимъ интересомъ являются для него предметы военнаго дѣла. Интересъ его сосредоточенъ на крѣпости; посадъ его менѣе интересуетъ. До церквей ему нѣтъ почти никакого дѣла; онъ не помянулъ даже собора, отмѣченнаго Мейербергомъ, хотя Мейербергъ такой же иностранецъ; зато онъ отмѣ-

[1]) Стр. 5.

тилъ два монастыря, такъ какъ съ монастырями въ военное время приходилось считаться: напр., тѣ же шведы еще не такъ давно—въ 1613 году—осаждали Тихвинскій монастырь. Не скажу, чтобы Пальмквистъ выполнилъ свою задачу блистательно. Подборъ свѣдѣній у него случайный. Въ Торжкѣ кругозоръ его тѣсенъ и рѣзко ограниченъ крѣпостною стѣною. Но не забудемъ, что онъ былъ лишенъ физической возможности взглянуть на городъ пошире. Зрѣніе его охватывало только передъ, аванъ-сцену, переднюю часть города, выходящую на Тверцу, и устье Здоровца; задній планъ, уходящая окраина города—для него почти terra incognita. Здѣсь поэтому нечего искать археологической вѣрности. Тѣмъ не менѣе интересъ и заслуга сочиненія Пальмквиста несомнѣнны. Немногочисленныя ошибки не роняютъ цѣны его труда. Если исключить указанныя мною ошибки, то, въ общемъ, Пальмквистъ почти всегда оказывается вѣрнымъ дѣйствительности. Съ основною своею задачею онъ справился хорошо и выказалъ несомнѣнное знаніе дѣла. Если бы не чувствовалась нѣкоторая неловкость выраженія, я сказалъ бы, что Пальмквистъ честно выполнилъ задачу шпіона. Все, что было доступно его глазу и имѣло отношеніе къ военному дѣлу, онъ отмѣтилъ. И на томъ ему спасибо! Обогативъ матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи, онъ сберегъ намъ топографію Торжка XVII вѣка и далъ намъ возможность ориентироваться въ дальнѣйшихъ нашихъ работахъ по исторіи этого города.

Покончивъ съ критикой, перехожу къ выполненію другой поставленной мною задачи—къ возстановленію Торжка второй половины XVII вѣка или, лучше сказать, къ оживленію той канвы, которую далъ намъ Пальмквистъ въ планѣ этого города. Всего лучше сдѣлать это, положивъ въ основу центръ, *нутро города*, какъ его рисуетъ «Переписная книга 1710 г.» «Городъ Торжокъ построенъ на осыни с одну сторону по Тверце рекѣ а з дву сторон по ручью Здоровцу с четвертою от Борисоглѣбского мистря по сухомъ пути а в стѣнѣ города у ручья Здоровца на осыпи башня Спаская с проѣзжими вороты по мѣре в вышину до шатра три сажени с полуаршиномъ около башни десять саженъ с третью ворота не затворяютца от тѣх воротъ городовой ключъ в приказной избѣ у сторожа Семена Гордѣева». Эта главная Спасская башня стояла противъ теперешняго каменнаго моста. По свидѣтельству «Писцовой книги» Потапа Нарбекова, у этой башни стояла изба губная [1]). «А от той Спасской башни вниз по Здоровцу до башни что словетъ

[1]) Стр. 5.

глухая по мѣре городовой стены тритцать саженъ два аршина а около глухой башни десять саженъ с полуаршиномъ». Эта глухая башня стояла, по моимъ измѣреніямъ, тамъ гдѣ въ Здоровецъ впадаетъ ручей Навнага, у мостика, противъ лавки Смолиной. «А от той глухой башни вниз же по Здоровцу до угольной Петровской башни что у реки Тверцы по мѣре городовой стены сорокъ пять сажен а около башни десять саженъ съ полуаршиномъ». Въ Петровской башнѣ была церковь. «А от Петровской башни вниз по Тверцѣ рекѣ до Спаской проѣзждей водяной башни что ходятъ из города на Тверцу мирою городовые стены девяносто саженъ а та проѣзжая башня въ прошломъ ҂ч҃ѳ году в осен вся свалилась до подошвы да меж же Петровской и Спаской проѣзжей башни с одну сторону из городовой стены к Тверцы рекѣ бревенъ вывалилос на шесть сажен а около той проѣзжей Спаской башни по обѣ стороны городовые стѣны обвалилос на пятнатцать саженъ». Спаская башня стояла у храма Всемилостиваго Спаса, какъ разъ насупротивъ Водопойнаго или Воздвиженскаго спуска. «А от той Спаской проѣзжей башни вниз же по Тверцѣ реки до тайничныхъ воротъ что изъ города ходятъ на Тверцу реку для воды городовые стѣны ѕ҃ѳ сажен а около башни ѳ҃ сажен и та башня поклонилась на Тверцу реку и згнила вся и ворота не затворяютца». Эта башня находилась у Кренделева переулка и какъ разъ противъ Дмитріевской улицы, гдѣ теперь перевозъ, недалеко отъ дома купца М. И. Масленникова-Жижина-Каменщикова-Кренделева. (Въ Торжкѣ сплошь и рядомъ носятъ двѣ, три и даже четыре фамиліи). «А от той тайнишной башни вниз же по реки Тверцы до уголной башни что к Борисоглѣбскому мнстрю по мѣре городовой стены сорок семь сажен с аршиномъ а около той башни одиннатцать сажен а от той науголной башни назадъ к тайничной же башни городовой стены обвалилось на сорокъ на семъ сажен с аршином». Въ этой башнѣ, какъ было доказано, находилась часовня. «А от той наугольной башни от Тверце реки подлѣ рва на осыпи и к ручью Здоровцу до Борисоглѣбской башни по мѣре городовые стѣны сорокъ два сажени с аршином а около той башни десять саженъ а у той башни верхъ огнилъ и свалился и вся згнила». Башня эта находилась противъ того мѣста, гдѣ кончается ограда монастыря и начинается садъ Оминина-Цвылева. «А от той Борисоглѣбской башни по той ж осыпи подле тогож рва къ ручьюжъ Здоровцу до Михайловской уголной проѣзжей башни что у ручья Здоровца по мѣре городовые стѣны пятьдесятъ три сажени с полуаршиномъ а около той башни одиннатцать

сажен бес трети а межъ Борисоглѣбской и Михайловской башен к ручью Здоровцу обвалилось городовой стены на дви сажени а в той проѣзжей Михайловской башни ворота не затворяютца для того что башня осела а тутъ ровъ под осыпью словетъ Гребля мирою сто саженъ въ глубину дви сажени и менши поперекъ дви сажени». Мѣсто Михайловской башни противъ мостика черезъ Здоровецъ, противъ дома Уварова, неподалеку отъ часовни въ память чудеснаго спасенія Государя Императора Николая II въ бытность наслѣдникомъ въ Отсу 1891 года апрѣля 29 дня. «А от той Михайловской башни вниз по Здоровцу ж до глухой башни что противъ казенного порохового погреба по мѣре городовые стены восмейдесятъ дви сажени бес полуаршина а меж тѣх башен городовые стены к ручью Здоровцу обвалилось на восмьнатцат саженъ». Эта башня стояла недалеко отъ сарая Кудрявцева, противъ кузницы Соколова. О пороховомъ погребѣ въ «Писцовой книгѣ» Потапа Нарбекова читаемъ [1]): «а на осыпи подле города погребъ в земле сосновой, а покрытъ драньемъ; а въ погребе государева пороховая и свинцовая казна». «А от той глухой башни что противъ порохового погреба вниз же по Здоровцу до тайничной башни по мѣре городовые стены тритцать пять сажен а около той башни десять саженъ а под тою башнею преж сего бывал тайникъ в ручей Здоровецъ и тотъ тайникъ засыпался въ прошлыхъ годехъ а башня сверху згнила а межъ глухой и тайничной башни городовой стены обвалилось на шесть саженъ». Тайничная башня стояла у каменной трубы, противъ дома Теребенина-Галузина. «А от той глухой тайничной башни вниз же по Здоровцу до глухой же башни что противъ приказной избѣ по мѣре городовые стены дватцать три сажени а около башни двенатцать сажен а меж той тайничной і глухой башни городовые стены вывалилось къ ручью Здоровцу на дви сажени». Эта башня находилась противъ дома Е. И. Жукова-Бѣльчихина. «А от той глухой башни внизъ же по Здоровцу до первой починной Спаской проезжей башни по мѣре городовые стены к̄г сажени да меж тѣх глухой и проѣзжихъ Спаскихъ воротъ городовые стены обвалилось на шесть саженъ. А въ вышину городовая стена до кровли дви сажени бес трети аршина ширины городовой стены дви сажени и полати погнили ж и обвалились. И всего в городе Торшку с проѣзжими воротами четыре башни да глухих семь башен обоево одиннатцать башенъ, а около тѣх башен сто четырна-

[1]) Стр. 5.

тцать саженъ без трети а меж ими по мире городовые стены пятьсотъ шестьдесятъ три сажени с третью. Всего по городовой осыпи башен и городовой стены мирою кругом шестьсотъ семьдесятъ семь саженъ а в длину тому городу изнутри города с одну сторону от Спаской башни проѣзжей по Михайловскую проѣзжею рч҃е саженъ с аршиномъ а другую сторону от Петровской башни вниз по реки Тверцы до уголной у рва Борисоглѣбского мнстря п҃ѕ саженъ поперек того города в одномъ переднемъ конце от Спаской же проѣзжей башни да у той же уголной Петровской башни п҃ѳ саженъ а з другую сторону отъ науголноі башни отъ реки Тверцы по осыпи ото рву до Михайловской проѣзжей башни что у Здоровца о҃е саженъ стены и башни деревянные рубленые в сосновомъ лѣсу и тотъ город от многия ветхости згнил и кровля на городовых стенах і на башнях обвалилась тайниковъ к воде и колодезей с водою в городе для осадного времени нѣтъ а в котором году и какими людми тотъ городъ Торжокъ строенъ про то написать не возможно для того что вѣдения взят ни у кого і в приказной избѣ нѣтъ а тому городу без строения и городовой осыпи без починке быть не возможно».

Изъ вещественныхъ слѣдовъ крѣпости, кромѣ вышеуказаннаго паникадила, сохранились еще чугунныя пушки, изъ которыхъ одна пятифунтовая длиною 2 арш. 4 вершка находится въ Тверскомъ музеѣ. Эта пушка находилась въ г. Торжкѣ и служила вмѣсто тумбы въ скверѣ противъ путевого дворца. Послѣднему обстоятельству обязана она своимъ сохраненіемъ. Пушка эта принадлежала къ числу орудій, коими были вооружены крѣпостные валы г. Торжка въ смутное время.

Какія церкви стояли внутри города при Пальмквистѣ? Въ «Писцовой книгѣ» Потапа Нарбекова (1625 г.) находимъ: «въ городѣ храмъ всемилостиваго Спаса, каменъ», «да подле товожъ соборново храму храмъ Аѳонасья и Кирила древенъ», «внутри же городе храмъ Николы чудотворца древенъ клѣтцки». Заглянемъ теперь въ «Переписную книгу» 1710—и мы усмотримъ нѣкоторую перемѣну. Тамъ мы читаемъ: «В том городе црков соборная Преображения Гсда Нашего Иіса Хрста каменная другая деревянная во имя Николая чюдотворца теплая». Здѣсь уже нѣтъ церкви Аѳанасія и Кирилла. Такимъ образомъ, опредѣляется періодъ исчезновенія этого храма (отъ 1625—1710), что́ до сего времени, вслѣдствіе незнакомства съ «Переписною книгою», извѣстно не было. Но существовалъ ли этотъ храмъ при Пальмквистѣ,—этого

сказать нельзя. Изъ зданій, находившихся внутри города, кромѣ приказной избы, порохового погреба и губной избы, въ 1625 г. было еще пять государевыхъ житницъ, изба земская; были дворы и дворовыя пустыя мѣста,—стрѣлецкіе, пушкарскіе, охотничьи дворы.

Очерки къ исторіи медицины въ Россіи.

Тверская губернія въ періодъ врачебныхъ управъ (1797—1864 г.).

Труды мѣстной Ученой Архивной Коммиссіи возбудили во мнѣ желаніе принять въ нихъ свое посильное участіе и заняться историческимъ изслѣдованіемъ предмета своей спеціальности, т. е. медицины, мало до сихъ поръ изученной въ прошломъ.

Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ г. Тверского Губернатора, князя Николая Дмитріевича Голицына, я пересмотрѣлъ дѣла и журналы Тверской врачебной управы въ періодъ ея существованія, т. е. съ 1797 по 1864 г., и составилъ изъ даннаго матеріала очерки къ исторіи медицины въ Россіи. Краткое содержаніе этихъ очерковъ будетъ слѣдующее.

Реформа по введенію врачебныхъ управъ была исполнена въ 1797 г., въ царствованіе Павла I. До этого времени врачи въ городахъ были вольнонаемными—по взаимному добровольному соглашенію городовъ съ врачами. Высшее медицинское управленіе сосредоточивалось въ то время въ Государственной Медицинской Коллегіи, равноправной съ прочими коллегіями, преобразованными впослѣдствіи въ министерства.

Врачебныя управы съ подвѣдомственными имъ врачами составляли почти единственныхъ медиковъ научно-образованныхъ, подававшихъ помощь населенію въ губерніи; число врачей, впрочемъ, было крайне недостаточно: нерѣдко бывали годы, что одинъ врачъ приходился на 2—3 уѣзда.

Открытіе Тверской врачебной управы состоялось 14 мая 1797 г. по слѣдующему протоколу:

«1797 года Мая 14 дня—Четвертокъ, въ день праздника Вознесенія Господня открыта присутствіемъ въ губернскомъ городѣ Твери Врачебная Управа съ согласія Тверскаго Губернатора Господина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера Игнатія Антоновича Тейльса,—въ которую, прибывъ въ Присутствіе Акушеръ Яковъ Риндеръ

Слушалъ:

Указъ Государственной Медицинской Коллегіи, при которомъ прислано Высочайше конфирмованнаго Его Императорскимъ Величествомъ въ 19-й день Генваря сего года доклада оной Коллегіи объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ врачебныхъ управъ на основаніи инструкціи послѣдовавшей купно съ тѣмъ докладомъ и штатомъ десять экземпляровъ и притомъ назначено въ указѣ быть въ Тверской врачебной управѣ доктору Якову Риндеру акушеромъ; того ради:

Приказалъ:

1-е какъ по состоявшемуся нынѣ штату при Врачебной Управѣ назначено присутствовать тремъ медицинскимъ чинамъ, а именно Инспектору, Оператору и Акушеру, по первыхъ двухъ Коллегіей еще не опредѣлено и сюда не явились,—и по новоизданной о должности врачебной управы инструкціи обязана оная Управа по всѣмъ вступаемымъ къ ней отколи слѣдуетъ требованіямъ дѣлати скорое исполненіе, то чтобъ по таковымъ дѣламъ не сдѣлати остановки и за невыполненіе Управою своей должности не понести ей послѣ отъ начальства своего какового либо гнѣва, то во избѣжаніе чего, съ согласія Тверскаго Господина Губернатора,—открывъ нынѣ здѣси въ городѣ Твери Врачебную Управу присутствіемъ и опредѣленнаго во оную доктора Риндера, приведя напередъ къ присягѣ, велѣти ему вступити въ должности; 2-е въ Тверское Губернское Правленіе представити доношеніемъ, при которомъ и присяжной его Господина Риндера листъ препроводити съ испрошеніемъ, дабы оное Правленіе благоволило въ слѣдствіе посланнаго къ нему изъ Государственной Медицинской Коллегіи прошедшаго Генваря отъ 13 числа сего года сообщенія требуемые о медицинскихъ чинахъ списки: и о госпиталяхъ, больницахъ, аптекахъ и прочихъ заведеніяхъ по части медицинской, кои нынѣ находятся здѣси въ губерніи свѣдѣнія, равно и о повивальныхъ бабкахъ, аттестованныхъ Медицинскою Коллегіею, въ какихъ они городахъ находятся и когда опредѣлены,—таковые же списки съ приложеніемъ съ ихъ аттестатовъ и копей доставити въ сію Врачебную Управу безъ замедленія, затѣмъ 3-е по полученіи которыхъ свѣдѣній изъ присланныхъ нынѣ Коллегіей десяти экземпляровъ, къ медицинскимъ чинамъ, въ аптеки для свѣдѣнія и непремѣннаго по онымъ исполненія разослати при ордерахъ по одному экземпляру, о чемъ съ прописаніемъ всего вышеписаннаго и Государственной Медицинской Коллегіи донести рапортомъ. Яковъ Риндеръ».

Прочими членами управы были назначены: инспекторомъ—штабъ-лекарь, коллежскій ассессоръ, находившійся при ревельскомъ полевомъ гошпиталѣ Богданъ Богдановичъ Бранеръ съ производствомъ ему жалованья 700 р. въ годъ, операторомъ—штабъ-лекарь коллежскій ассессоръ Иванъ Даниловичъ Гартманъ съ жалованьемъ въ 500 р., наравнѣ съ акушеромъ. На разъѣзды по губерніи полагалось инспектору 200 руб. въ годъ.

Первымъ дѣлопроизводителемъ врачебной управы былъ губернскій регистраторъ Иванъ Тихоновъ, достигшій этого званія черезъ слѣдующую служебную лѣстницу: въ 1781 г. въ апрѣлѣ 25 числа, назначенъ онъ былъ копіистомъ въ губернское правленіе, въ 1783 году произведенъ въ чинъ подканцеляриста, въ 1784 г. сдѣланъ губернскимъ регистраторомъ, въ 1789 г. откомандированъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, а съ 1 іюля опредѣленъ въ врачебную управу съ жалованьемъ въ 80 р. въ годъ.

Дѣятельность врачебной управы на первыхъ порахъ сосредоточилась въ ревизіи всѣхъ врачебныхъ учрежденій въ губерніи. Данныя ревизіи показали, что къ 1797 г. на всю губернію была одна большая больница или гошпиталь, находившаяся въ г. Твери подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія, затѣмъ больница при водяной коммуникаціи въ г. Вышнемъ-Волочкѣ, нѣсколько лазаретовъ и одна аптека Кетелгейнъ на всю губернію, находившаяся въ г. Твери; за то въ каждомъ городѣ были сиротскіе дома для «нещастнорожденныхъ».

Обстановка и содержаніе питомцевъ въ воспитательныхъ домахъ и больныхъ въ больницахъ были чрезвычайно скудныя. Въ люльки, напримѣръ, для здоровыхъ дѣтей клалась вмѣсто тюфяка солома; пища для дѣтей отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ состояла изъ чернаго хлѣба, щей и каши и только по праздникамъ прибавлялась булка.

Въ военныхъ лазаретахъ больные довольствовались на свой счетъ изъ своихъ артелей; на содержаніе лазаретовъ отпускалось изъ Московскаго коммиссаріатскаго депо въ годъ сначала 11 руб. 24 коп., потомъ 22 р. 52 коп., въ томъ числѣ и на постели и одѣяла; больныхъ между тѣмъ доходило до 100 и болѣе человѣкъ. Болѣе благоустроенныя больницы въ губерніи были: гошпиталь приказа общественнаго призрѣвъ г. Твери и больница при водяной коммуникаціи въ г. Вышнемъ-Волочкѣ. Больница приказа общественнаго призрѣнія страдала отъ своего расположенія въ низьменной части города вблизи Волги,—почему ежегодно заливалась водой, и больныхъ приходилось выводить въ дру-

гое помѣщеніе, пока не былъ устроенъ валъ, приблизительно къ 1810 г. Сравнительно роскошно былъ поставленъ лазаретъ въ дворянскомъ училищѣ. Тутъ для каждой кровати полагался тюфякъ, набитый шерстью, и подушки перьями; на подушки надѣты были тонкія холстиновыя наволочки; одѣяла изъ бѣлой байки; бумажные вязаные колпаки, рубашки изъ тонкой холстины, нитяные чулки, байковые халаты. При 2-хъ кроватяхъ столикъ, на которомъ ставились: бутылка съ лѣкарствомъ, хрустальный стаканъ и колокольчикъ для позыва надзирателя.

Что касается положенія медицинскаго дѣла въ уѣздныхъ городахъ, то для примѣра возьму описаніе г. Кашина, сдѣланное въ 1797 году инспекторомъ Бранеромъ:

«Городъ *Кашинъ* выстроенъ на горахъ и частію низьменныхъ мѣстахъ, тожь-вдоль по рѣкѣ Кашинѣ, коею оный на подобіе полуострова окруженъ; вода въ оной для всякого домашняго употребленія хороша и здорова; строеніе въ городѣ большею частію деревянное, жители въ немъ состоятъ изъ купечества, мѣщанъ и разночинцевъ около 2800. Гошпиталя для бѣдныхъ жителей не имѣется, а содержится обществомъ домикъ для пріему нещастно-новорожденныхъ, въ которомъ также принимаются малое число престарѣлые и бѣдные жители для прокормленія ихъ послѣднихъ дней жизни. Въ первомъ Генварѣ 1797 году состояло въ ономъ домѣ нещастно-рожденныхъ: 1, къ тому прибыло: 15, помре 14, на лицо: 2. Оной городъ, хотя на гористыхъ и низьменныхъ мѣстахъ состроенъ, но окруженъ ровными полями, почему воздухъ въ немъ здоровъ и никакихъ повальныхъ болѣзней, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ не слышно и жители въ бытность мою пользовались совершенно здоровьемъ».

Общая же характеристика Тверской губерніи въ медико-топографическомъ отношеніи была сдѣлана слѣдующая [1]):

«Тверская губернія по географическому положенію своему представляетъ сѣверный климатъ и потому растительность природы вообще весьма бѣдна, такъ что естественныя произведенія края сего ограничиваются только необходимыми для жизни человѣка произведеніями и по большей части съ скуднымъ возвратомъ, и въ прогрессивномъ состояніи съ южными губерніями относятся по крайней мѣрѣ, какъ 1 къ 3. Флора здѣшняя также очень бѣдна, а изъ дико-растущихъ

[1]) Взято изъ нозологическаго описанія Тверской губерніи, составленнаго врачебной управой въ 1846 г.

растеній, кои могутъ быть употреблены только въ медицинскомъ отношеніи,—слѣдующія: полынь, ромашка, чернобыльникъ, тысячелистникъ, трилистникъ, маунъ, дикая цикорія, борноволокъ, донникъ, корень Аира, чистотѣлъ, водяной шильникъ, бѣлена, болиголовикъ, котятникъ, звѣробой, дикая рябина, папоротникъ и нѣкоторыя другія.

Въ отношеніи климатологіи здѣшней губерніи ее вообще характеризуетъ сѣверный климатъ, а преизобиліе водъ во многихъ уѣздахъ губерніи, какъ текучихъ, такъ и стоячихъ, способствуя къ сырости воздуха, располагаетъ нѣкоторымъ образомъ къ особеннымъ климатерическимъ болѣзнямъ, какъ-то: простуднымъ лихорадкамъ и ревматизмамъ. Температура воздуха въ самые жаркіе дни не доходитъ болѣе 25°, а самая холодная—30° восьмидесятидольнаго термометра. Воздухъ вообще здоровъ, какъ для здѣшнихъ жителей, такъ и для новоприбывшихъ. Вѣтры господствующіе: преимущественно сѣверовосточный и сѣверозападный; 1-й сухой, рѣзкій, а 2-й по большей части сыровато-холодный,—сопутствуетъ по большей части раннюю весну и осень и сопровождается обыкновенно дождемъ, прочіе же вѣтры зависятъ отъ случайныхъ атмосферическихъ причинъ. Дожди: періодичность дождей замѣчательна только раннею весною и позднею осенью, обыкновенно при переходѣ временъ года, гдѣ они, по большей части при сѣверозападномъ вѣтрѣ, продолжаются иногда отъ недѣли до 2-хъ и болѣе; особенныхъ же мѣстныхъ причинъ частыхъ дождей не предвидится. Туманы по большей части бываютъ въ осеннее время, гдѣ они иногда случаются такъ густы, что въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно различать предметы; продолжительность оныхъ по большей части ограничивается сутками, а дѣйствіе—сгущеніемъ воздуха, распространеніемъ сырости и зависящими отъ того слѣдствіями. Проявленіе града, какъ зависящее отъ случайнаго измѣненія въ высшихъ слояхъ атмосферы, неопредѣлительно и вліяніе его на губернію ограничено. Снѣга по большей части выпадаютъ въ ноябрѣ или даже декабрѣ мѣсяцѣ,—покрываютъ землю до половины апрѣля, таяніе же снѣговъ и льда обыкновенно начинается съ марта мѣсяца; обиліе снѣговъ въ губерніи зависитъ тоже отъ болѣе или менѣе атмосферическихъ состояній; мѣстныхъ же причинъ не предвидится. Сила же морозовъ можетъ зависѣть какъ особенно отъ географическаго положенія страны, такъ собственно и отъ мѣсторасположенія, представляющаго плоскую возвышенность. Главнѣйшія причины смерти народонаселенія зависятъ болѣе отъ того, что Тверская губернія, будучи расположена между двухъ столицъ, без-

престанно имѣетъ большое скопленіе людей, проходящихъ изъ одной въ другую».

Перехожу затѣмъ къ послѣдовательному изложенію событій по порядку царствованій.

I. Царствованіе Павла I.

Изъ правительственныхъ распоряженій въ царствованіе Павла I, касающихся врачебнаго дѣла въ Россіи, обращаетъ на себя вниманіе циркуляръ о болѣе человѣколюбивомъ обращеніи начальства съ подлѣкарями, а именно, чтобы подлѣкарей не били палками, а наказывали чувствительными выговорами и штрафами. Затѣмъ 10 сентября 1800 г. полученъ былъ указъ изъ государственной медицинской коллегіи съ Высочайшимъ повелѣніемъ, что Государь Императоръ указать соизволилъ: запретить медицинскимъ чинамъ называться врачами, а именовались бы они званіями какое кто изъ нихъ имѣетъ, какъ-то докторами, штабъ-лѣкарями, лѣкарями и тому подобными.

Что касается службы врачебной управы, то засѣданія ея происходили въ зданіи, занимаемомъ губернскими учрежденіями, съ 8 часовъ утра. Вновь учрежденной управѣ пришлось на первыхъ порахъ хлопотать объ обстановкѣ помѣщенія, какъ видно изъ слѣдующаго журнала:

«1797 года іюня 4 дня. Четвертокъ. Прибывъ въ Присутствіе Тверской Врачебной Управы, Акушеръ Яковъ Риндеръ имѣлъ разсужденіе:

Какъ сія Врачебная Управа присутствіемъ своимъ открыта и производство дѣлъ давно уже имѣетъ, то и нужно ей имѣти у себя въ судейской камерѣ зерцало (государственный патретъ), зеркало, въ большомъ футлярѣ стѣнные часы, а для храненія денежной казны сундукъ, равно и для поклажи законныхъ книгъ и прочихъ дѣлъ шкафъ, то по сему самому *Приказалъ:* Представить Его Превосходительству Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Правителю Тверской губерніи и Кавалеру Игнатію Антоновичу Тейльсъ рапортомъ и просить, дабы онъ благоволилъ о снабженіи сію Управу вышеозначенной мебелью кому слѣдуетъ дать свое повелѣніе, а если паче чаянія отъ Его Превосходительства на сіе какой-либо отзывъ послѣдуетъ, что сіи мебели находятся, можетъ быть, не въ его вѣдомствѣ, то тогда представить о томъ въ Тверскую Казенную Палату и требовать отъ оной тѣхъ мебелей сюда въ присылку».

Относительно заболѣваній и употреблявшихся средствъ слѣдуетъ тутъ между прочимъ замѣтить, что болѣзни животныхъ, именно эпизоотіи въ то время обращали гораздо большее на себя вниманіе, чѣмъ эпидеміи, такъ какъ съ экономической стороны лошади и вообще скотъ цѣнились, въ общемъ, значительно дороже, чѣмъ люди.

Чтобы познакомить отчасти съ тогдашними взглядами на лѣченіе и причину болѣзней, приведу рапортъ осташковскаго лѣкаря Каллаша: «Въ деревняхъ, пишетъ онъ, господина надворнаго совѣтника Николая Яковлевича Толстаго находилось больныхъ разнаго пола и возраста 35 человѣкъ, которые по тогдашнему его лѣкаря мнѣнію страдали гнилою желчною горячкою, но послѣ оказалось, что сія болѣзнь точнѣе названа быть можетъ именемъ: «злая мокротная горячка съ пятнами» (febris catarrhalis maligna petechizans), хотя и желчь особливо тутъ же дѣйствуетъ. Число больныхъ до 2-го апрѣля въ той же злой болѣзни умножилось до 58 человѣкъ. Съ 13 апрѣля усиленнымъ его стараніемъ и смотрѣніемъ ученика Кондратія Колачева по его лѣкарскому наставленію число больныхъ уменьшилось до 12-ти человѣкъ; 43 человѣка кромѣ нѣкоторой слабости почти совсѣмъ выздоровѣли, умерли 3 человѣка среднихъ лѣтъ: двѣ женщины и одинъ мужчина; способъ лѣченія его лѣкаря Каллаша былъ простой,—поколику крестьяне къ лѣкарствамъ непривычны; онъ состоялъ въ разбивающей микстурѣ, въ соли сибирской, въ соли нашатырной, въ тартарѣ рвотномъ, въ уксомедѣ (resolventi mixtura, sale sibirico, sale ammoniaco, tartare emetico, oxymelle scillitico et in simplici), которые онъ давалъ по утру и въ вечеру около трехъ или четырехъ дней, потомъ нужно было рвотное, для чего употреблялъ онъ ипекакуану (rad. ipecacuanha), повторяя ее черезъ два или три дня въ питьѣ изъ житнаго подвара, смѣшаннаго нѣсколько съ медомъ, прибавлялъ онъ каплями столько спирту купороснаго (aether vitrioli), сколько надобно было, чтобы произвести пріятную микстуру, такимъ образомъ продолжалъ онъ черезъ восемь или девять дней и до тѣхъ поръ, какъ примѣтилъ, что остроты очистились и горячка примѣтно или и совсѣмъ перестала и какъ больные по словамъ ихъ сами почувствовали съ радостью великое облегченіе и отраду».

II. Царствованіе Александра I. (1801—1825).

Въ царствованіе Александра I было обращено особое вниманіе на распространеніе оспопрививанія въ Имперіи, для чего были образованы губернскіе и уѣздные оспенные комитеты.

Министерство Полиціи объявило указомъ 3 мая 1811 г., чтобы въ теченіе 3-хъ лѣтъ была привита оспа всему дѣтскому населенію въ Россіи.

Императорское вольно-экономическое Общество руководило дѣломъ оспопрививанія въ Имперіи: оно высылало въ комитеты инструменты, оспенную матерію и спеціальныя сочиненія; командировались даже особыя лица: такъ, въ 1802 г. былъ командированъ докторъ Буташъ въ Тверскую губернію для привитія оспы. Во избѣжаніе недоразумѣній, порождаемыхъ предразсудками того времени, будто-бы привитіе коровьей оспы можетъ дурно вліять на нравственность,—рекомендовалось называть оспу не коровьей, а предохранительной; кромѣ того, совѣтовалось приводить дѣтей, по выздоровленіи послѣ привитія оспы,—въ церковь въ праздничные дни и ставить ихъ на видное мѣсто.

Во всѣхъ городахъ въ то же время постепенно образовались городскія больницы. Обращено было большое вниманіе и открыто было въ Тверской губерніи нѣсколько минеральныхъ источниковъ.

Изъ правительственныхъ распоряженій обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій Именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ отъ 17 іюля 1802 г. Сенату объ организаціи медицинской помощи сельскому населенію:

«Желая замѣнить въ селеніяхъ недостатокъ врачебныхъ учрежденій и чрезъ пастырей духовныхъ открыть поселянамъ помощь и въ тѣлесныхъ ихъ немощахъ, каковъ далъ Я указъ Святѣйшему Синоду о заведеніи въ духовныхъ училищахъ нужныхъ къ сему познаній— съ онаго препровождая при семъ списокъ, *Повелѣваю:* Правительствующему Сенату учинить по оному надлежащія Государственной Медицинской Коллегіи предписанія и въ послѣдствіи, въ чемъ будетъ потребно, оказывать зависящее отъ него содѣйствіе».

Въ приложенномъ при ономъ въ копіи Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, повелѣно: «извѣстно, что въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, по невѣжеству, закоренѣлому обычаю и по пріемамъ пользованія болѣзней, противнымъ веществу и здравому разуму—часто самые легкіе припадки дѣлаются смертоносны; желая открыть поселянамъ по сей части нужную и столько же простую, какъ и близкую къ образу жизни ихъ помощь,—Я призналъ за благо возложить сіи обязанности на духовенство, доставивъ ему способы съ познаніями сану его свойственными соединить нѣкоторое понятіе и о врачебной наукѣ; для приведенія сего предположенія въ дѣйствіе

Я нахожу нужнымъ, чтобы Святѣйшій Синодъ, споспѣшествуя сему богоугодному заведенію, сдѣлалъ съ своей стороны слѣдующія распоряженія: 1) въ медико-хирургическій институтъ командировать изъ семинаристовъ большее число для изученія медицины, чтобы изъ нихъ потомъ образовались бы учители-врачи въ семинаріяхъ; 2) временно поручить управѣ заняться преподаваніемъ и 3) составить Коллегіи учебникъ по медицинѣ».

Затѣмъ (16 сентября того же года) Медицинская Коллегія указываетъ, чтобы при преподаваніи медицины въ семинаріяхъ было особенно обращено вниманіе на знакомство слушателей съ дико-растущими въ Россіи лѣкарственными растеніями.

Относительно *службы и бытовыхъ сторонъ жизни* слѣдуетъ отмѣтить, что довольно важной служебной обязанностью врачей было представленіе медико-физическихъ вѣдомостей, въ которыхъ помѣщались медицинскіе отчеты и сообщались нѣкоторыя другія свѣдѣнія. Такъ, въ вѣдомости за 1811 г. упоминается, что съ 25 августа и до 30 ноября «всякій вечеръ, когда ясное небо было, комета примѣчаема была».

Сообщеніе о болѣзняхъ было большею частію на латинскомъ языкѣ,—для примѣра возьмемъ вѣдомость зубцовскаго лѣкаря Гагена за 1812 годъ:

«Болѣзни, лѣчимыя медицинскими чиновниками, какъ частно, такъ равно и въ больницахъ:

Острыя болѣзни. Hiemis tempore inter nostras epidemias apud adultos grossabatur febris nervosa catarrhalis. Apud parvulos autem saepe reperiebatur angina nervosa, pituitosa, quae vere in aliud morbi genus, scarlatinam nervosam, commutata videbatur. Apud adultos verno tempore et ineunte aestate frequentabant febris catarrhalis, rheumaticae et hydropes cujuscunque generis.

Выльченные. Medicamentis sudoriferis et analeptis. Interne remediis sudoriferis nervinis demulientis usu externo epispasticis. Medicamentis expectorantibus epispasticis hydragosis et laxantibus.

Умерли. Inter adultos inprimis febris nervosa catarrhalis, multi moriebantur nec non hydrope; inter parvulos plurimi angina strangulabantur.

Продолжительность болѣзни. Morbus haemorrhoidalis, rheumatismus chronicus hieme frequentes, verne autem et initio aestatis phtisis, hydropes et arthritis.

Вылѣченные. Medicamentis cholangosis sudoriferis et epispasticis balanid., lenit., hydrag. et laxant. nec non cholangosis extemie.

Умершіе. Permulti et phtisis mortem inocererunt et fere omnes senes hydrope adfecti».

Относительно преподаванія врачебныхъ наукъ въ семинаріи имѣются слѣдующія свѣдѣнія изъ журнала управы отъ 14 іюля 1804 г.: «1804 года половину преподавали въ семинаріи: инспекторъ по вторникамъ отъ 2—5 часовъ на русскомъ языкѣ: врачебное веществословіе касательно царства ископаемыхъ; анатомію и физіологію. Операторъ— по субботамъ, на латинскомъ языкѣ, хирургію и ботанику и акушеръ— въ четвергъ, на русскомъ языкѣ—пафологію и ферапію. Слушателей было: студентовъ богословія 53 человѣка и философіи 126 чел.».

Изъ судебно-медицинскихъ актовъ интересно, между прочимъ, дѣло Галактіоновой, представляющее одинъ изъ грустныхъ эпизодовъ крѣпостного права:

25 августа 1808 г. управой получено: «сношеніе изъ Тверскаго уѣзднаго суда отъ 20 августа о смерти крестьянской женки, Акулины Галактіоновой, принадлежавшей Тверской помѣщицѣ Аннѣ Кудаевой сельца Чанова, послѣдовавшей вскорѣ послѣ учиненнаго ей за проступки наказанія. Дворовыя дѣвки: Анна Савельева и Ирина Степанова допросами показали, что сказанную крестьянскую женку Галактіонову по приказанію той госпожи своей, при ней самой, за неповиновеніе и непослушаніе и побѣги, сего мѣсяца 2-го числа по утру, снявъ съ нея, Галактіоновой, все платье, обнаженную били двумя ременными кнутьями стоячую по спинѣ, и потомъ, какъ не могла она, женка, отъ наносимыхъ ей ударовъ стоять, били тѣми же кнутьями сидячую, почему уѣзднымъ судомъ и опредѣлено: что какъ въ учиненномъ штабъ-лѣкаремъ Миловскимъ мертвомъ той женки, Галактіоновой, свидѣтельствѣ написано: что страхъ отъ наказанія съ сильною горячкою жизнь ея прекратили, но можетъ ли де быть страхъ послѣ наказанія, а не прежде онаго, по всѣмъ написаннымъ въ томъ свидѣтельствѣ причинамъ и оказывающимъ видъ удостовѣренія къ приговору дѣла въ законѣ учрежденномъ—слабымъ и непонятнымъ, то съ онаго свидѣтельства копію сопроводить въ сію врачебную управу, дабы она благоволила приказать ему, штабъ-лѣкарю Миловскому, по силѣ воинскаго устава на 154-й артикулъ толкованія—подъ присягой то сдѣлать имъ мертвому тѣлу свидѣтельство экспликовать съ совершеннымъ удостовѣреніемъ о причинѣ смерти и не могъ ли онъ при томъ, кромѣ напи-

саннаго въ свидѣтельствѣ чего-либо другого еще замѣтить и сверхъ того и сама врачебная управа благоволила бъ на то свидѣтельство, учиненное имъ, штабъ-лекаремъ Миловскимъ, сдѣлать свое по медицинскимъ нравамъ заключеніе, чрезъ что бы можно было то свидѣтельство, въ какомъ именно видѣ принимать за основаніе и все оное доставить въ тотъ уѣздный судъ и съ присяжнымъ листомъ». Исполнивъ это, врачебная управа дала такое заключеніе: «изъясненные въ свидѣтельствѣ признаки о смерти, послѣдовавшей вышеупомянутой женкѣ Галактіоновой нѣкоторымъ образомъ, конечно, были для уѣзднаго суда затруднительны отъ неяснаго выраженія имъ, Миловскимъ, оныхъ, какъ то въ свидѣтельствѣ его написано имъ (изъ чего явствуетъ, что страхъ отъ наказанія съ сильною горячкою при беременности ея, Галактіоновой, жизнь ея прекратили),—вмѣсто чего слѣдовало ему писать сіе самое: изъ чего явствуетъ, что страхъ во время наказанія произвелъ сильную горячку, отчего приключился антоновъ огонь, а потомъ и скоропостижная смерть».

Оказывается, такимъ образомъ, по мнѣнію управы, будто страхъ отъ наказанія можетъ вызвать антоновъ огонь.

Какъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія мало церемонились съ знахарями, иллюстраціей можетъ служить слѣдующій случай. Калязинскій уѣздный лѣкарь Фалкъ доноситъ: «сего 1811 года января 9 дня въ городѣ Калязинѣ найдена имъ, Фалкомъ, солдатская жена, прозваніемъ Каролиха—въ пользованіи больныхъ венерику четырехъ человѣкъ разныхъ господъ крестьянъ, за что она въ Калязинскомъ городническомъ правленіи и была наказана розгами и обязана отъ городничаго подпискою, чтобы никого ей не лѣчить, но она обязательства городническаго не уважила и теперь въ уѣздѣ не столько лѣчитъ, сколько разумножаетъ венерическій ядъ, почему и проситъ оную управу запретить ей, Каролихѣ, пользовать, какъ въ городѣ, равно и въ уѣздѣ»,—что и было сдѣлано.

Въ качествѣ особо цѣлебнаго средства былъ иногда употребляемъ человѣческій потъ. Такъ,—корчевская помѣщица, Аграфена Перхурова, представила въ управу «отравительный ядъ»,—который ей дала дворовая дѣвка Ульяна Уварова; по изслѣдованію управы, ядъ этотъ оказался выжатымъ изъ ношеннаго бѣлья потомъ; Уварова показала тоже, что это не ядъ, но «снятый съ нея потъ, коего хотѣла она госпожѣ своей дать выпить и не для чего иного, чтобы она ее любила,—въ чемъ утвердилась и въ ономъ судѣ при увѣщаніи священника».

Относительно засѣданій врачебной управы надо сказать, что они иногда были стѣсняемы отъ совершенно неожиданныхъ обстоятельствъ. Такъ, въ ноябрѣ 1818 г., въ сосѣдней съ управой комнатѣ помѣщалась музыкальная школа и происходили слѣдующія сцены: «27 ноября 1818 г. инспекторъ, проходя въ засѣданіе управы, въ комнатѣ съ управой сосѣдственной, гдѣ обучаются музыкѣ уланы, встрѣтилъ онъ наказываемыхъ на скамейкѣ розгами подъ вліяніемъ какого-то иностранца во фракѣ; наказаніе не было остановлено ни прохожденіемъ г. инспектора, ни засѣданіемъ управы, которое отдѣлялось отъ сего позорища стекляннымъ окошкомъ. Кромѣ того означенный иностранецъ, безъ всякаго приглашенія, взойдя въ присутствіе управы безъ всякаго при томъ и вопроса съ дерзкою важностью дурнымъ русскимъ языкомъ кричалъ что-то непонятное, окончилъ изъясненіе свое тѣмъ, что онъ «Лоди». Управа затѣмъ распорядилась сообщить полиціи о прекращеніи такового позорища.

Относительно заболѣваній и употреблявшихся средствъ. Населеніе наиболѣе страдало отъ разнаго рода эпидемій, какъ-то горячекъ, оспы и отчасти рафаніи.

Осташковскій уѣздный лѣкарь медико-хирургъ Малышевъ доноситъ 25 апрѣля 1824 г., что «появившаяся гнилая горячка происходитъ отъ болотистаго мѣстоположенія, которое въ продолженіе годичнаго имъ тамъ пребыванія ясно усмотрѣлъ, хотя не въ такой силѣ, какъ прошлаго 1823 года, единственно зависитъ отъ нечистоты самихъ жителей: 1-е отъ вымащиванія улицъ навозомъ; 2-е въ возкѣ на рынокъ и на кожевенные заводы мертвыхъ ягнятъ, телятъ, собакъ и кошекъ; 3-е моченія кожъ въ неприлично отведенномъ для того мѣстѣ, подлѣ солодовыхъ заводовъ, гдѣ для питья берется вода; 4-е вывозу кала или помета человѣческаго на озеро,—близъ и кругомъ самого озера; 5-е битья рогатаго скота на дворахъ; 6-е употребленія въ продажу рыбы и мяса лежалыхъ цѣлыя недѣли; 7-е битья скота, хотя бы то было и зараженнаго чумою, безъ осмотра по удаленію отъ того г. городничимъ, изъ чего ясно усмотрѣть можно, что гор. Осташковъ служитъ разсадникомъ гнилыхъ горячекъ, кои сообщаются даже и уѣзду, и проситъ о воззрѣніи на описанныя имъ *плачевныя и жалкія злоупотребленія,* наводящія гибель и смертельность роду человѣческому, и избавленіи невинныхъ жителей отъ вымащиванія улицъ навозомъ, вывозки мертвыхъ животныхъ, валенія труповъ и проч.,—сношеніемъ съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы г. городничій на требованія его

служащихъ ко благу и здоровью человѣчества удостоивалъ своими отзывами». Постановлено сообщить объ этомъ губернатору.

Какъ на особыя болѣзни конца первой четверти прошлаго столѣтія, можно указать на горячки отъ плохого питанія и рафанію. Такъ, 25-го февраля 1824 г. новоторжскій уѣздный лѣкарь Войтъ доноситъ о появленіи въ уѣздѣ на людяхъ безпрерывныхъ горячекъ съ желудочнымъ разстройствомъ, происходящихъ отъ неимѣнія у крестьянъ вовсе хлѣба. 26 апрѣля 1822 г. осташковскій уѣздный лѣкарь Кралицкій доноситъ о появленіи въ уѣздѣ судорожныхъ болѣзней отъ нечистой ржи. Рафанія значительно распространилась впослѣдствіи, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Больничныя учрежденія, аптеки и минеральные источники. Названіе «городскія больницы» стало попадаться въ дѣлахъ съ 1818 г. Ядромъ образованія этихъ больницъ послужили временные лазареты для конвойныхъ командъ и проходящихъ войскъ, находившіеся въ завѣдываніи городовъ. Въ 1819 г. получено увѣдомленіе объ открытіи въ г. Старицѣ частной больницы на иждивеніе генералъ-маіора Тутолмина.

Состояніе городскихъ больницъ въ общемъ было неудовлетворительно вслѣдствіе плохого помѣщенія и недостатка необходимыхъ приспособленій. Такъ, инспекторъ управы Владимірскій въ такихъ выраженіяхъ отзывается о больницахъ (журналъ 1819 г. 11 іюня): «Ни одна больница не имѣетъ потребнаго и приличнаго заведенія со стороны внутреннихъ принадлежностей, какъ-то бѣлья, одежды, посуды, нигдѣ нѣтъ продовольствія больныхъ больничной пищей (а своею или посредствомъ подаянія); больницы (устроенныя большею частію на 6 кроватей) въ Торжкѣ, Кашинѣ и Калязинѣ не имѣютъ и внѣшняго достоинства и требуютъ другихъ зданій; объявляя благодарность прочимъ уѣзднымъ врачамъ, потребовать объясненіе отъ калязинскаго г. доктора Фалка, понимаетъ ли онъ безобразное и непростительное помѣщеніе больницы надъ нужникомъ и псарнею и въ огражденіи со всѣхъ сторонъ лавками; ежели понимаетъ, почему хранитъ онъ равнодушное молчаніе объ оскорбительномъ для человѣчества семъ учрежденіи?» Что касается аптекъ, то онѣ стали распространяться въ губерніи съ 1824 г.; такъ, въ это время открылись аптеки въ г.г. Торжкѣ и Вышнемъ-Волочкѣ.

Минеральныя воды въ Тверской губерніи оффиціально открыты были въ 1806 г., сначала въ Кашинскомъ уѣздѣ—въ имѣніи г. Олсуфьева, потомъ въ Осташковскомъ уѣздѣ въ имѣніи г. Шушелева, затѣмъ въ г. Твери и другихъ мѣстностяхъ;—о нихъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

III. Царствованіе Николая I.

Царствованіе Николая I ознаменовалось дальнѣйшимъ прогрессомъ въ области развитія медицинской помощи населенію и устройства для этого необходимыхъ учрежденій. Въ 1837 г. издано положеніе о городовыхъ врачахъ, которые въ то же время являлись по городамъ завѣдующими городскими больницами; послѣднія постепенно улучшались и расширялись, переходя изъ наемныхъ въ спеціально построенныя помѣщенія. По уѣздамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ появились сельскія больницы, содержавшіяся на счетъ помѣщиковъ; минеральные источники вмѣстѣ съ устроенными при нихъ больничками и аптечками довольно также хорошо поддерживались мѣстными землевладѣльцами. Для душевно-больныхъ отводится особое помѣщеніе при губернской больницѣ; принимаются мѣры противъ любострастной болѣзни. Съ цѣлію борьбы съ эпидеміями учреждаются комитеты общественнаго здравія.

Изъ правительственныхъ распоряженій Тверской врачебной управѣ пришлось въ февралѣ 1826 г. получить печальное сообщеніе, а именно Высочайше утвержденный церемоніалъ шествія чрезъ городъ Тверь кортежа съ тѣломъ въ Бозѣ почивающаго блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича.

Въ 1837 г. врачебной управѣ пришлось позаботиться объ охраненіи здоровья путешествовавшаго Государя Наслѣдника Александра Николаевича. Такъ, Тверской гражданскій губернаторъ, 30 апрѣля, за № 40, предписываетъ управѣ, что «Государь Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ изволитъ проѣзжать изъ С.-Петербурга чрезъ Тверь, Корчеву и Калязинъ на Угличъ, почему онъ предписываетъ сей управѣ, съ полученіемъ сего, командировать одного изъ членовъ ея, который обязанъ будетъ проѣхать отъ г. Твери по тракту слѣдованія Его Императорскаго Высочества и освидѣтельствовать станціи, гдѣ изволитъ проживать Государь Наслѣдникъ, въ медицинскомъ отношеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться, дабы не только въ тѣхъ домахъ, въ коихъ предположено останавливаться Его Высочеству, но даже и въ окрестности оныхъ устранено было все, что можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на здоровье Высокаго Путешественника. *Приказали:* предложить члену ея, г. Акушеру Воронцову, дабы онъ немедленно отправился по тракту слѣдованія Его Императорскаго Высочества до границы Углицкаго уѣзда и выполнилъ бы въ точности волю Начальника губерніи и какія имъ учинены будутъ по сему предмету распоряженія,

управѣ сей со всей подробностью доставить свѣдѣніе для донесенія Его Сіятельству Тверскому Губернатору».

Того же 1-го мая получено еще предписаніе отъ губернатора за № 4759, въ дополненіе предписанія отъ 30 апрѣля, а именно: «вмѣнить въ обязанность врачу, командированному ею для осмотра селеній по тракту путешествія Государя Наслѣдника для вѣрнѣйшаго предохраненія Высокаго Путешественника отъ всякой опасности со стороны прилипчивыхъ или эпидемическихъ болѣзней, между прочимъ и отъ кори, скарлатины и другихъ подобныхъ сыпей, коихъ Государь Наслѣдникъ еще не имѣлъ; освидѣтельствовать за сутки или двое состояніе здоровья во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя Его Высочество изволитъ ѣхать и, удостовѣрясь тщательнымъ осмотромъ и разспросами, нѣтъ ли больныхъ корью, скарлатиною и вообще прилипчивыми или эпидемическими болѣзнями не только въ самыхъ домахъ, назначенныхъ для Его Императорскаго Высочества и свиты Его, но и близъ оныхъ, а и въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, и потомъ оставлять на каждой станціи за своимъ подписаніемъ записки съ означеніемъ, что тамъ нѣтъ никакихъ прилипчивыхъ или эпидемическихъ болѣзней, или же, что есть болѣзнь сего рода, какая именно и въ какомъ домѣ и части города. Сіи записки должны быть оставляемы на станціяхъ и отдаваемы фельдъегерю, сопровождающему экипажъ Его Императорскаго Высочества, для представленія князю Ливену. Государь же Наслѣдникъ прибудетъ 4-го числа сего мая въ г. Волочекъ, 5-го въ Тверь и, переночевавъ въ г. Корчевѣ, изволитъ отправиться въ Угличъ и потомъ далѣе».

14-го мая 1837 г. акушеръ Воронцовъ сообщаетъ въ врачебную управу, что онъ осматривалъ селенія и нигдѣ прилипчивыхъ болѣзней имъ не найдено, кромѣ Корчевы, гдѣ было нѣсколько случаевъ красухи (rubeolae); сколько извѣстно, Его Высочество Государь Наслѣдникъ по лѣвой сторонѣ Волги, не въѣзжая въ г. Корчеву, перемѣнивъ лошадей, отбылъ по тракту слѣдованія въ вожделѣнномъ здравіи.

Относительно службы и бытовыхъ сторонъ жизни. Изъ освидѣтельствованій того времени наиболѣе любопытныя попадались по бракоразводнымъ дѣламъ.

Такъ, предлагались слѣдующіе вопросы (въ 1851 г.) присланному при сообщеніи духовной консисторіи пономарю Арсенію Никольскому въ присутствіи врачебной управы (привожу съ нѣкоторыми выпусками):

Вопросы.	Отвѣты.
1. Не былъ ли ты подверженъ угнетающимъ страстямъ, печали, скорби и не чувствуешь ли въ настоящее время какихъ либо душевныхъ болѣзней?	Ни раньше брака и ни въ настоящее время печали не имѣлъ никогда.
2. Не имѣешь ли ты какой-либо ненависти къ своей женѣ?	Никакой, никогда.
3. Не имѣешь ли виды къ непозволительнымъ страстямъ въ отношеніи блуда къ какой-либо другой женщинѣ?	Не имѣлъ и не имѣю, да съ какой стати, когда я съ женою ничего не дѣлаю.

Затѣмъ изъ дѣла видно, что пономарь Калязинскаго уѣзда, села Опухтина, Никольскій, 23 лѣтъ, испытывался въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ была констатирована его импотенція.

29 октября 1851 г. пономарь Никольскій увѣряетъ управу, что «въ совокупной жизни съ женою онъ не имѣлъ съ нею сообщенія по причинѣ *непрестанныхъ ругательствъ* и что съ воздержаніемъ и при сознаніи въ себѣ силъ тѣлесныхъ онъ не можетъ оставить желанія своего жить въ брачной жизни». Дѣло было прекращено, потому что не исполнилось 3-хъ лѣтъ совмѣстной жизни пономаря съ женой.

Другое лицо, а именно тверской мѣщанинъ Андрей Ивановъ Скобниковъ, приглашенный въ управу для подобнаго же освидѣтельствованія, подалъ прошеніе въ управу съ нѣкоторой укоризной къ ней и просилъ ее пріостановиться испытаніемъ его въ способности къ супружеской жизни, потому что «во дни Великаго поста не должно помышлять о плотскомъ, а возноситься мыслями къ Господу».

Заболѣванія и употреблявшіяся средства. Время царствованія Николая I-го по числу и свойству эпидемій, интенсивности ихъ распространенія и безпомощности общества, населенія и врачей въ дѣлѣ борьбы съ недугами—поистинѣ должно считаться бѣдственнымъ. Разнаго рода тифы, оспа были постояннымъ явленіемъ, повторявшимся изъ года въ годъ; къ нимъ періодически присоединялась азіатская гостья—холера; кромѣ того, на почвѣ плохого питанія, вслѣдствіе голодовокъ, нерѣдко поражала народъ особая болѣзнь, теперь уже

не встрѣчающаяся—это рафанія или злая корча. Холера была три раза: въ 1829—1831 г.г., въ 1848—49 г.г. и въ 1853 г., унося огромныя жертвы. Незадолго передъ первой холерой эпидемически распространился гриппъ или инфлуенца, начиная съ Азіи и кончая почти всѣмъ земнымъ шаромъ. Гриппъ служилъ, какъ и передъ позднѣйшими эпидеміями, точно необходимымъ спутникомъ и предшественникомъ холеры.

Холера надвинулась къ намъ съ востока и имѣла распространеніе, преимущественно, по Волгѣ; занесена была въ Тверскую губернію въ концѣ сентября 1830 г. изъ сосѣдней Ярославской губерніи. 20 сентября того же года прибылъ въ Тверь для принятія по Высочайшему приказанію предохранительныхъ мѣръ противъ холеры флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ, который велѣлъ устроить заставы въ городахъ: Корчевѣ, Калязинѣ и въ Твери противъ вогзала и устроить временные лазареты.

Не смотря, однако, на всѣ принятыя мѣры, холера значительно распространилась по всей губерніи и продолжалась до 1833 года. Въ 1848 году холера была интенсивнѣе тридцатыхъ годовъ; такъ, въ августѣ 1848 г. больныхъ холерой было 1477, прибыло 781, выздоровѣло 650, умерло 800; во время этой холеры умерло нѣсколько врачей; въ 1849 г. эпидемія затихла, а затѣмъ въ 1853 году вновь вспыхнула эпидемія почти по всей губерніи.

Особый интересъ представляетъ болѣзнь *рафанія* или злая корча, теперь уже почти не встрѣчающаяся.

Вотъ ея описаніе (съ нѣкоторыми выпусками), составленное Тверской врачебной управой:

«De morbo cercasi
Raphania
(злая корча).

Бывшая (въ 1837 г.) въ Бѣльской вотчинѣ болѣзнь, злая корча (Raphania), обнаруживалась судорожными страданіями и разстройствомъ умственныхъ способностей; эти страданія являлись въ видѣ пароксизмовъ, которые состояли въ сведеніи верхнихъ и нижнихъ конечностей; преимущественно перстовъ—внутрь; а въ сильной степени въ судорожномъ состояніи внутренностей; пароксизмы у всѣхъ больныхъ отъ нѣсколькихъ минутъ до 24 часовъ продолжались одинаковымъ образомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у иныхъ больныхъ предшествовали головныя боли, тяжесть въ головѣ, какъ бы послѣ опьяненія, а у другихъ открывалась болѣзнь безъ всякихъ предварительныхъ припадковъ,

потомъ у разныхъ больныхъ пароксизмы оказывались въ разной степени, такъ что иногда въ слабѣйшей степени корчи состояли только изъ одного сведенія ручныхъ и ножныхъ перстовъ съ чувствами сильной боли; въ застарѣломъ состояніи болѣзни по большей части терпѣли ужаснѣйшія страданія и нерѣдко принимали видъ падучей болѣзни (Epilepsia). Въ такихъ пароксизмахъ самопознаніе совершенно теряется, животъ болѣзненно втягивался внутрь, дыханіе дѣлается тяжелымъ, больные съ трудомъ издаютъ голосъ; ротъ отъ судорожнаго сведенія нижней челюсти полуоткрытъ или стиснутъ, зрачекъ сжатъ, глаза неподвижны. Подъконецъ пароксизма слѣдуетъ совершенное безчувствіе и холодный клейкій потъ; если таковые пароксизмы повторялись два раза и болѣе, то всегда слѣдовала смерть; предъ пароксизмами и во время оныхъ всѣ больные жалуются на непріятное ощущеніе, какъ бы ползаніе мурашекъ на кожѣ (sensus formicationis).

По изслѣдованію причинъ сей ужаснѣйшей болѣзни открылось, что нынѣшній хлѣбъ при уборкѣ 1836 года нѣкоторыми крестьянами былъ снятъ зеленоватый съ примѣсью постороннихъ сѣмянъ и нынѣ въ тѣхъ семействахъ болѣе обнаруживалась болѣзнь; по осмотрѣ таковой ржи, дѣйствительно, найдена не совершенно зрѣлою, а съ примѣсью рожковъ или спорыньи (secale cornutum), къ чему, вѣроятно, способствовало дождливое, сырое холодное лѣто; у тѣхъ же, кои сняли хлѣбъ безъ спорыньи, болѣзнь не обнаруживалась, почему бѣднѣйшія семейства, имѣвшія нужду въ рановременной уборкѣ, болѣе другихъ пострадали, не имѣя даже иной приварки, кромѣ сего хлѣба.

Лѣченіе. При лѣченіи сей болѣзни первоначальныя показанія требовали удаленія гастрическихъ припадковъ и освобожденія желудка отъ слизи, замѣченной у большей части больныхъ, для чего при тошнотѣ и сильномъ напряженіи подъ ложечкою (sub scrobiculo cordis), имѣя въ виду произвести благотворное сотрясеніе въ тѣлѣ—обыкновенные пріемы рвотной соли (tartari emetici) не дѣйствовали. Для взрослаго потребно было дать на одинъ пріемъ восемь гранъ и болѣе Tartari emetici...» и т. д.

Въ 30-хъ годахъ обратило на себя вниманіе общества одно нервное заболѣваніе, подъ названіемъ «кликушество»; въ первое время оно трактовалось, какъ притворство,—но несомнѣнно, были формы невропатическаго характера.

Далѣе имѣется еще въ дѣлахъ описаніе нѣкоторыхъ особенныхъ пороковъ развитія. Такъ, 14 августа 1836 г., въ присутствіи врачебной управы, вслѣдствіе предписанія губернскаго начальства, была освидѣ-

тельствована четырехлѣтняя дѣвочка Прасковья, дочь крестьянина Аверкія Тимофеева, имѣвшая мѣсячное очищеніе и груди, соотвѣтствующія взрослой.

Какія употреблялись иногда средства для оживленія, можно видѣть изъ слѣдующаго случая; нельзя не назвать эти средства героическими. «Крестьянинъ Матвѣй Феоктистовъ былъ въ своемъ приходскомъ селѣ на ярмаркѣ 9 мая, гдѣ въ пьяномъ видѣ сперва, какъ будто въ помѣшательствѣ ума, началъ толкать народъ и потомъ вскорѣ упалъ на землю, при чемъ показалась у него изо рта пѣна, и онъ, проговоривъ три раза: «Христосъ Воскресе», сдѣлался безчувственнымъ; при таковомъ его состояніи сперва лили на него холодную воду ведрами, потомъ внесли его въ рѣку и по самую грудь опустили въ воду, послѣ сего отвезли его домой въ сельцо Горки,—давали ему парное молоко, мазали во рту масломъ и дегтемъ, катали на бочкѣ и наконецъ повѣсили вверхъ ногами, вертѣли его во все это время, въ коемъ примѣтно было слабое дыханіе, а умеръ онъ уже на другой день на восходѣ солнца». Управа признала смерть отъ горячительныхъ напитковъ, къ чему, пожалуй, можно прибавить и употреблявшіеся оригинальные пріемы врачеванія.

Больничныя учрежденія, аптеки и минеральные источники. Пропуская описаніе больницъ, которое можетъ имѣть только спеціальный интересъ, я лишь замѣчу, что къ концу царствованія Николая I, кромѣ городскихъ больницъ были больницы въ разныхъ уѣздахъ у помѣщиковъ: такъ, была для крестьянъ больница въ Зубцовскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Вахновѣ—малолѣтнихъ г.г. Ладыженскихъ и въ сельцѣ Знаменскомъ—ихъ же, въ сельцѣ Ивановскомъ г.г. Лихачевыхъ и въ сельцѣ Александровскомъ г. Чашникова; больницы завѣдывались врачами и закрылись въ первые годы уничтоженія крѣпостного права; затѣмъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановскомъ—у помѣщика Сназина была больница на 30 кроватей; въ г. Осташковѣ была больница при фабрикѣ Савиныхъ; въ Старицкомъ уѣздѣ—въ сельцѣ Лотошинѣ—больница князей Мещерскихъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ въ селѣ Кою больница статскаго совѣтника Пономарева и затѣмъ больницы при минеральныхъ водахъ.

Что же касается минеральныхъ водъ, то таковыя въ Тверской губерніи были открыты съ начала 19 столѣтія въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ г. Тверй и въ уѣздахъ: Кашинскомъ, Осташковскомъ, Калязинскомъ, Старицкомъ и Корчевскомъ. Въ 50-хъ годахъ всѣ источники были забыты и заброшены, только уже въ 70—80 годахъ вновь по-

лучили интересъ Кашинскія минеральныя воды, которыя существуютъ и въ настоящее время.

Слѣдующее описаніе, составленное тверскимъ докторомъ Ненсбергомъ (въ началѣ 50-хъ годовъ), можетъ дать понятіе о нѣкоторыхъ минеральныхъ источникахъ Тверской губерніи: «Въ городѣ Твери при впаденіи рѣчки Тьмаки въ Волгу находятся 4 источника, которые еще въ началѣ текущаго столѣтія (19-го) обратили на себя вниманіе не только врачей, но даже простого народа пользою, приносимою ими въ разныхъ болѣзняхъ, и потому были изслѣдуемы мѣстною врачебною управою, московскимъ профессоромъ Рейссомъ и докторомъ Гибенталемъ, но по разнымъ обстоятельствамъ преданы забвенію». Приведу для примѣра описаніе 1-го источника:

«Первый, старшій, желѣзный источникъ, находящійся на лѣвомъ берегу Тьмаки между устьемъ и церквью Николы на Звѣринцѣ, былъ обдѣланъ деревяннымъ срубомъ и содержалъ, какъ многіе другіе родники, близъ коихъ въ старину строились храмы, чрезвычайно вкусную студеную воду, которою пользовались не только здоровые, но и больные, получившіе при употребленіи ея облегченіе отъ самыхъ разнородныхъ болѣзней; по излѣченіи они обыкновенно служили въ церкви благодарственный молебенъ, а въ источникъ бросали монеты, коихъ въ этомъ источникѣ, при расчисткѣ его, оказалось бы не мало и при томъ, вѣроятно, очень древнихъ. Но лѣтъ за 15 къ роднику этому пришелъ напиться воды крестьянинъ, и отъ болѣзни ли или неосторожности упалъ въ воду и утонулъ въ немъ, почему былъ засыпанъ землею, такъ что теперь не видно и слѣдовъ его, только на уровнѣ протекающей тутъ Тьмаки пробивается вода холоднѣйшая тьмацкой. Старожилы, съ наслажденіемъ пившіе воду изъ него, не сомнѣваются, что съ небольшими издержами (10 или 20 руб.) легко было отыскать срубъ и что по расчисткѣ его вновь показалась бы цѣлебная вода».

При изслѣдованіи 29 іюня 1815 г. воды оказались богатыми желѣзомъ, содержали углекислоту и углекислыя соли, солено и сѣрнокислыя среднія соли, слѣды магнезіи и сѣроводороднаго газа и присутствіе известковыхъ солей.

Андреяпольскія минеральныя воды наслѣдниковъ генералъ-маіора Кушелева въ сельцѣ Андреяполѣ находятся на лѣвомъ берегу Западной Двины, недалеко отъ истока ея изъ озера Ѳевата Жаденья, на границѣ Тверской губерніи съ Псковской и Смоленской, въ Осташковскомъ уѣздѣ, между г.г. Осташковомъ, Волочкомъ, Торжкомъ, Ржевомъ, Бѣлымъ, Холмомъ, Торопцемъ и Валдаемъ, образующими около Андреяполя непра-

вильный кругъ, радіусы коего простираются отъ 50 до 200 верстъ. Андреяполь лежитъ на сухомъ, возвышенномъ мѣстѣ, въ очаровательной мѣстности, окруженный цвѣтущими нивами, лѣсами и озерами. Обширныя и великолѣпныя постройки при новомъ владѣльцѣ пришли въ упадокъ и разрушены, а садъ заросъ.

Главный источникъ, лежащій на востокъ отъ дачи, къ которому ведетъ великолѣпная аллея болѣе 100 саженъ длиною, окруженъ большимъ зданіемъ, вмѣщающій въ себѣ, кромѣ большой залы—до 18 комнатъ съ ваннами, въ которыя были проведены краны съ горячей и холодной водой.

Въ окрестности Андреяполя находится много минеральныхъ ключей, вода которыхъ имѣетъ сладкій или вяжущій вкусъ, смотря по большему или меньшему преобладанію щелочныхъ земель или желѣзныхъ солей. Всѣ они текутъ на западъ и изливаютъ воды свои въ Двину. Почва состоитъ изъ селитроватаго чернозема, лежащаго на песчаномъ и глинистомъ черноземѣ, изобилующемъ желѣзною охрою, валунами сѣраго колчедана и отломками известняка; мѣстами попадаются окаменѣлости, раковины и другія морскія произведенія, изрѣдка горный хрусталь, халцедонъ, сердоликъ, болотное желѣзо и даже *золото*, но въ чрезвычайно маломъ количествѣ, именно по $^1/_4$ золотника въ 100 пудахъ золото-содержащей земли, почему оно и не разработывается.

Далѣе для краткости упомяну только о главномъ изъ 4 источниковъ.

«Главный источникъ желѣзныхъ водъ находится въ 115 саженяхъ на востокъ отъ берега рѣки Двины; глубиною до $^3/_4$ аршина, длина каждой стороны $2^1/_2$ аршина. Вода въ немъ чистая, запахъ имѣетъ нѣсколько подобенъ пороху, вкусъ вяжущій. Состоитъ изъ углекислаго желѣза, углекислой извести, углекислой и сѣрнокислой магнезіи. По разложенію Севергина оказалось въ ней не менѣе желѣза, какъ въ Пирмонтскихъ. Бывшее около сего источника прекрасное зданіе съ принадлежащими къ сему номерами, для пользованія больныхъ назначенными, совершенно пришло въ ветхость и обрушивается».

Изъ произведеннаго анализа профессоромъ Рейсомъ, по мнѣнію инспектора врачебной управы (Шупарева), «явствуетъ, что по содержанію желѣза и другихъ солей находящіеся въ самомъ городѣ Твери 2 источника превосходятъ всѣ остальные въ Тверской губерніи количествомъ желѣза и, если анализъ Рейса вѣренъ, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, то количество желѣза гораздо болѣе, чѣмъ даже въ прославленныхъ, знаменитыхъ по всей Европѣ водахъ Брюкенаузскихъ, Пирмонтскихъ и Спа и уступаетъ заграничнымъ только Дрибурскимъ и Нардзану, подходя по составу своему ближе всего къ

водамъ Спа, Брюкенау и Швальбахскимъ, но отличаются отъ всѣхъ другихъ источниковъ изобиліемъ поташныхъ солей, отчего онѣ должны имѣть свойство разрѣшающее».

Изъ всей группы минеральныхъ водъ функціонируютъ въ настоящее время только Кашинскія воды; составъ ихъ, приблизительно, соотвѣтствуетъ Андреяпольскимъ или Тверскимъ.

Что касается аптекъ въ губерніи, то послѣдовательное открытіе ихъ началось съ 1828 года, сначала въ г. Осташковѣ, затѣмъ и въ прочихъ городахъ.

Царствованіе Александра II.

Царствованіе Александра II ознаменовалось, какъ и по другимъ отраслямъ государственной жизни, важными реформами въ дѣлѣ подачи медицинской помощи населенію: возникла земская медицина. Но до 1861 года, т. е. до отмѣны крѣпостного права, положеніе дѣлъ въ общихъ чертахъ было то же самое, что и въ предъидущее царствованіе; съ освобожденіемъ же крестьянъ естественно прекратила свое существованіе помѣщичья медицина, закрылись далѣе всѣ окружныя управленія по Министерству Государственныхъ Имуществъ, а въ связи съ ними упразднились должности окружныхъ врачей.

1-го іюля 1864 года Тверская врачебная управа была переименована въ врачебное отдѣленіе Тверского Губернскаго Правленія, каковой строй продолжаетъ существовать и по настоящее время.

17-го февраля 1866 г. въ 11 час. утра Тверской губернаторъ князь П. Р. Багратіонъ открылъ первое Тверское губернское земское собраніе.

Заканчивая затѣмъ свое обозрѣніе къ исторіи медицины по отношенію къ Тверской губерніи,—считаю долгомъ отмѣтить, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій и преобразованіемъ Врачебныхъ Управъ начался новый періодъ времени: возникла народная, земская медицина; дѣло подачи помощи населенію, конечно, улучшилось во многихъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе было бы несправедливо упрекнуть и минувшее время въ совершенной инертности или беззаботности. Наоборотъ, и тогда уже постепенно возникали помимо городовъ,—въ уѣздахъ многія частныя помѣщичьи больницы, кромѣ того, учреждена была медицинская помощь отъ правительства государственнымъ крестьянамъ и т. п.;—всѣ эти, несомнѣнно, цѣлесообразныя по тому времени мѣры и заботы правительства и общества должны считаться необходимой ступенью въ прогрессивномъ ростѣ медицины въ Россіи.

А. И. Струженскій.

Общество землевѣдѣнія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Въ концѣ декабря 1901 года въ Петербургѣ собирался XI-ый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Въ числѣ секцій этого съѣзда была секція географіи, которая имѣла два засѣданія соединеннаго собранія членовъ секціи географіи XI-го съѣзда съ преподавателями географіи учебно-воспитательнаго отдѣла педагогическаго Музея. Въ теченіе этихъ засѣданій было заслушано болѣе десяти докладовъ, но многія сообщенія, за недостаткомъ времени, не могли быть сообщены собранію. Принимая во вниманіе это обстоятельство и признавая важное значеніе неоконченныхъ работъ своихъ, соединенное собраніе членовъ секціи географіи XI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей и преподавателей географіи учебно-воспитательнаго отдѣла педагогическаго Музея выразило пожеланіе, чтобы для разрѣшенія нѣкоторыхъ возбужденныхъ на съѣздѣ, а также и другихъ вопросовъ по географіи была образована особая комиссія изъ преподавателей географіи учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ и разрядовъ школъ (высшей, средней и низшей) и чтобы этой комиссіи было предоставлено право ходатайствовать предъ правительствомъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ преподаванія географіи.

Распорядительное бюро съѣзда, разсмотрѣвъ это ходатайство, постановило: продолжить полномочія временной комиссіи [1]) изъ членовъ распорядительнаго бюро съѣзда и преподавателей географіи отдѣла педагогическаго Музея, составленной для организаціи вышеупомянутаго соединеннаго засѣданія членовъ съѣзда и отдѣла географіи педагогическаго Музея и для устройства «Примѣрнаго географическаго кабинета для средней школы», и возложить на нее обсужденіе способовъ осуществленія желаній соединеннаго собранія.

Въ первомъ же засѣданіи временной комиссіи въ концѣ января 1902 г. подъ предсѣдательствомъ проф. Броунова выяснилась необхо-

[1]) Комиссія состояла изъ проф. П. И. Броунова, Д. А. Карабчевскаго, В. Б. Передольскаго, А. П. Сутугина, И. П. Михайлова, Н. Ѳ. Арепьева, И. П. Поддубнаго, Н. Н. Михайловскаго, Л. Н. Звѣринцева, Г. Г. Шенберга и А. В. Чеботарева.

водамъ Спа, Брюкенау и Швальбахскимъ, но отличаются отъ всѣхъ другихъ источниковъ изобиліемъ поташныхъ солей, отчего онѣ должны имѣть свойство разрѣшающее».

Изъ всей группы минеральныхъ водъ функціонируютъ въ настоящее время только Кашинскія воды; составъ ихъ, приблизительно, соотвѣтствуетъ Андреяпольскимъ или Тверскимъ.

Что касается аптекъ въ губерніи, то послѣдовательное открытіе ихъ началось съ 1828 года, сначала въ г. Осташковѣ, затѣмъ и въ прочихъ городахъ.

Царствованіе Александра II.

Царствованіе Александра II ознаменовалось, какъ и по другимъ отраслямъ государственной жизни, важными реформами въ дѣлѣ подачи медицинской помощи населенію: возникла земская медицина. Но до 1861 года, т. е. до отмѣны крѣпостного права, положеніе дѣлъ въ общихъ чертахъ было то же самое, что и въ предъидущее царствованіе; съ освобожденіемъ же крестьянъ естественно прекратила свое существованіе помѣщичья медицина, закрылись далѣе всѣ окружныя управленія по Министерству Государственныхъ Имуществъ, а въ связи съ ними упразднились должности окружныхъ врачей.

1-го іюля 1864 года Тверская врачебная управа была переименована въ врачебное отдѣленіе Тверского Губернскаго Правленія, каковой строй продолжаетъ существовать и по настоящее время.

17-го февраля 1866 г. въ 11 час. утра Тверской губернаторъ князь П. Р. Багратіонъ открылъ первое Тверское губернское земское собраніе.

Заканчивая затѣмъ свое обозрѣніе къ исторіи медицины по отношенію къ Тверской губерніи,—считаю долгомъ отмѣтить, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій и преобразованіемъ Врачебныхъ Управъ начался новый періодъ времени: возникла народная, земская медицина; дѣло подачи помощи населенію, конечно, улучшилось во многихъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе было бы несправедливо упрекнуть и минувшее время въ совершенной инертности или беззаботности. Наоборотъ, и тогда уже постепенно возникали помимо городовъ,—въ уѣздахъ многія частныя помѣщичьи больницы, кромѣ того, учреждена была медицинская помощь отъ правительства государственнымъ крестьянамъ и т. п.;—всѣ эти, несомнѣнно, цѣлесообразныя по тому времени мѣры и заботы правительства и общества должны считаться необходимой ступенью въ прогрессивномъ ростѣ медицины въ Россіи.

Д. И. Струженскій.

Общество землевѣдѣнія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Въ концѣ декабря 1901 года въ Петербургѣ собирался XI-ый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Въ числѣ секцій этого съѣзда была секція географіи, которая имѣла два засѣданія соединеннаго собранія членовъ секціи географіи XI-го съѣзда съ преподавателями географіи учебно-воспитательнаго отдѣла педагогическаго Музея. Въ теченіе этихъ засѣданій было заслушано болѣе десяти докладовъ, но многія сообщенія, за недостаткомъ времени, не могли быть сообщены собранію. Принимая во вниманіе это обстоятельство и признавая важное значеніе неоконченныхъ работъ своихъ, соединенное собраніе членовъ секціи географіи XI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей и преподавателей географіи учебно-воспитательнаго отдѣла педагогическаго Музея выразило пожеланіе, чтобы для разрѣшенія нѣкоторыхъ возбужденныхъ на съѣздѣ, а также и другихъ вопросовъ по географіи была образована особая комиссія изъ преподавателей географіи учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ и разрядовъ школъ (высшей, средней и низшей) и чтобы этой комиссіи было предоставлено право ходатайствовать предъ правительствомъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ преподаванія географіи.

Распорядительное бюро съѣзда, разсмотрѣвъ это ходатайство, постановило: продолжить полномочія временной комиссіи [1]) изъ членовъ распорядительнаго бюро съѣзда и преподавателей географіи отдѣла педагогическаго Музея, составленной для организаціи вышеупомянутаго соединеннаго засѣданія членовъ съѣзда и отдѣла географіи педагогическаго Музея и для устройства «Примѣрнаго географическаго кабинета для средней школы», и возложить на нее обсужденіе способовъ осуществленія желаній соединеннаго собранія.

Въ первомъ же засѣданіи временной комиссіи въ концѣ января 1902 г. подъ предсѣдательствомъ проф. Броунова выяснилась необхо-

[1]) Комиссія состояла изъ проф. П. И. Броунова, Д. А. Карабчевскаго, В. Б. Передольскаго, А. П. Сутугина, И. П. Михайлова, Н. Ѳ. Арепьева, И. П. Поддубнаго, Н. Н. Михайловскаго, Л. Н. Звѣринцева, Г. Г. Шенберга и А. В. Чеботарева.

димость для комиссіи изъ временнаго учрежденія, созваннаго для опредѣленія задачи—завершить труды секціи географіи XI-го съѣзда, превратиться въ постоянно дѣйствующій органъ, который вѣдалъ бы интересы научной и школьной географіи.

Придя къ такому рѣшенію, комиссія тогда же выработала проектъ устава «Общества землевѣдѣнія», который и былъ утвержденъ въ концѣ ноября 1902 года, а въ февралѣ текущаго года состоялось открытіе дѣйствій новаго общества.

Такъ какъ, съ одной стороны, засѣданія Общества землевѣдѣнія до сихъ поръ были закрытыми и потому о дѣятельности его въ печать проникали свѣдѣнія отрывочныя и неполныя, а съ другой,—задачи и цѣли вновь возникшаго Общества связываютъ его нѣкоторыми центральными однородными учрежденіями и съ такого рода организаціями, какъ ученыя архивныя комиссіи, или, напр., существующее въ Твери Общество любителей исторіи, археологіи и естествознанія, то для новаго общества представляется весьма желательнымъ воспользоваться настоящимъ многолюднымъ съѣздомъ для выясненія своихъ задачъ, цѣлей и организаціи, въ видахъ возможнаго сближенія съ вышеупомянутыми обществами и организаціями и въ интересахъ единенія въ изученіи нашего отечества.

Общество землевѣдѣнія имѣетъ между прочимъ своею цѣлью: а) разработку научныхъ вопросовъ землевѣдѣнія; б) географическія изслѣдованія вообще и, въ особенности, изслѣдованія мѣстнаго края и г) распространеніе географическихъ знаній.

Для достиженія этихъ цѣлей ему предоставлено право: а) устраивать собранія: б) посылать научныя экспедиціи или содѣйствовать организаціи таковыхъ; в) предлагать задачи и за рѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали; г) открывать платныя и безплатныя публичныя чтенія; д) устраивать географическіе съѣзды и выставки; е) устраивать экскурсіи съ учебными цѣлями; ж) устраивать географическіе музеи и библіотеки и содѣйствовать устройству таковыхъ; з) печатать свои труды и, вообще, сочиненія и переводы, имѣющіе отношеніе къ задачамъ Общества, въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, книгъ и брошюръ; і) издавать періодическія изданія; и) вступать въ сношенія съ лицами, обращающимися къ содѣйствію Общества въ предѣлахъ вышеупомянутыхъ задачъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ § 3 устава, на основаніи котораго «въ составѣ Общества могутъ, по мѣрѣ надобности, откры-

ваться особыя отдѣленія и комиссіи. Обществу предоставляется право образовывать отдѣленія и въ другихъ городахъ».

Общество состоитъ изъ почетныхъ членовъ, въ число каковыхъ избираются: а) извѣстные русскіе и иностранные ученые и б) лица, содѣйствовавшія развитію географіи вообще и въ особенности въ Россіи, или оказавшія значительныя услуги Обществу; изъ дѣйствительныхъ членовъ, каковыми могутъ быть лица, занимающіяся ученой и учебной дѣятельностью въ области землевѣдѣнія, и изъ членовъ-сотрудниковъ; въ эту послѣднюю категорію могутъ быть зачислены всѣ тѣ лица, которыя могутъ оказать содѣйствіе Обществу своими сообщеніями и трудами. Члены-сотрудники, какъ и почетные члены, освобождаются отъ членскихъ взносовъ. Наконецъ, Общество выдаетъ всѣмъ своимъ членамъ дипломы.

Такова въ общихъ чертахъ организація Общества землевѣдѣнія. Существуя всего только нѣсколько мѣсяцевъ, Общество, конечно, не могло еще надлежаще проявить свою дѣятельность. Тѣмъ не менѣе за этотъ краткій срокъ существованія оно имѣло уже нѣсколько собраній, на которыхъ были прочитаны интересные доклады, заключающіе описаніе, по личнымъ впечатлѣніямъ, различныхъ мѣстностей Россіи, напр., Олонецкаго края, Абхазіи и др. Общество организовало въ своемъ составѣ такъ называемую «школьную комиссію», которая выработала проектъ плана желательной постановки преподаванія географіи въ будущей средней школѣ, который и препровожденъ въ министерство народнаго просвѣщенія для пріобщенія къ матеріаламъ по реформѣ средней школы; и наконецъ, на каникулярное время нѣкоторые члены Общества командированы на съѣзды въ Россіи: тверской археологическій, бальнеологическій и международный геологическій въ Вѣнѣ.

Наконецъ, Обществу землевѣдѣнія поручено техническимъ Обществомъ составленіе «образцоваго кабинета географіи» при предстоящемъ зимою нынѣшняго года техническомъ съѣздѣ.

Состоя при университетѣ и заключая въ своей средѣ профессоровъ и преподавателей какъ университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей средней школы и спеціалистовъ по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія и имѣя возможность сноситься какъ съ отечественными учеными, такъ и съ иностранными, Общество надѣется, по мѣрѣ силъ и средствъ, выполнить возлагаемыя имъ на себя задачи. Тѣмъ не менѣе въ этой его работѣ оно надѣется получить значительное содѣйствіе и помощь, особенно отъ провинціальныхъ

учрежденій, подобныхъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ и другимъ мѣстнымъ обществамъ, близкимъ по цѣлямъ и задачамъ съ Обществомъ землевѣдѣнія.

Къ этимъ обществамъ и учрежденіямъ оно и обращается съ просьбою за содѣйствіемъ и помощью.

Н. Ѳ. Дрепьевъ.

Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ.

Раскопки произведены И. А. Тихоміровымъ при участіи и по иниціативѣ хранителя Угличскаго музея древностей («Дворца») К. Н. Евреинова на средства музея въ іюлѣ (11—17) 1900 года. Поводомъ къ раскопкамъ послужило то обстоятельство, что на Волжской набережной кремля, на поверхности почвы въ нѣсколькихъ мѣстахъ обозначились слѣды кирпичной кладки, частью выступившей и въ откосѣ. Слѣды эти на щебенной дорожкѣ набережной были настолько неясны, что не обращали на себя ничьего вниманія. Сохранившіяся лѣтописныя извѣстія о нахожденіи древняго собора ближе къ Волгѣ, чѣмъ теперешній, и о погребеніи подъ его сводами нѣкоторыхъ князей и княгинь угличскихъ, устное, упорно держащееся до сихъ поръ, преданіе о древнемъ подземномъ ходѣ, яко-бы, проведенномъ подъ Волгою на ея луговой берегъ, разсказы старожиловъ и «очевидцевъ» о провалахъ и размывахъ почвы съ обнаруженіемъ стѣнъ и, главное, сводовъ, неудовлетворительность раскопокъ, произведенныхъ во время возстановленія «Дворца» въ 1890—1891 г. [1]) и, наконецъ, нѣкоторыя соображенія, высказанныя при обслѣдованіи въ то время дворца, и приводившія къ заключенію, что «Дворецъ», собственно говоря, дѣйствительнымъ дворцомъ быть не могъ и долженъ былъ составлять лишь часть дворцовыхъ сооруженій, —все это съ заманчивой возможностью открытія княжескихъ гробницъ, которыя явились бы однимъ изъ лучшихъ украшеній музея-дворца, зародило и укрѣпило въ К. Н. Евреиновѣ мысль о необходимости произвести въ кремлѣ раскопки. Своими мыслями онъ подѣлился со мною и добился, съ одной стороны, согласія города на раскопки, а съ другой,—назначенія на нихъ музеемъ изъ скудныхъ средствъ послѣдняго отъ 100 до 150 руб.

Такимъ образомъ устранились всѣ главныя затрудненія, и 11-го іюля 1900 г. началась работа. Съ первыхъ же штыковъ ясно обнаружилось, что заключеніе Евреинова о нахожденіи въ указанномъ мѣстѣ остатковъ древнихъ зданій было совершенно вѣрно, а дня черезъ

[1]) Лишь около стѣнъ его.

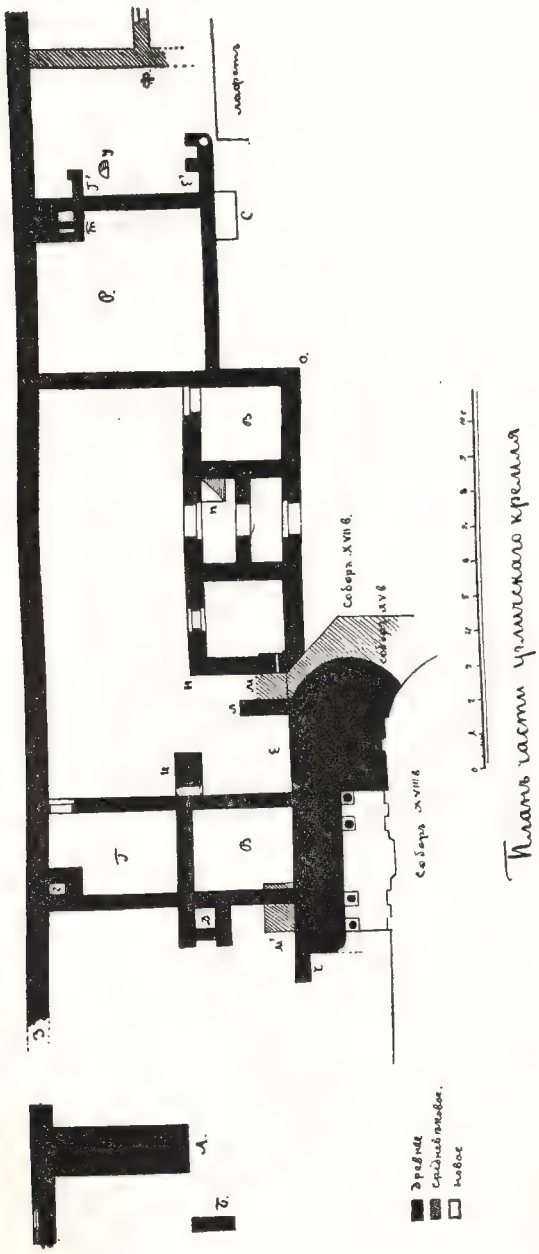
три передъ изумленными угличанами выступилъ на свѣтъ божій цѣлый остовъ зданій, погребенныхъ подъ землею нѣсколько столѣтій [1]). Раскопки постоянно привлекали множество зрителей, остававшихся на мѣстѣ по цѣлымъ часамъ даже при неблагопріятной погодѣ. Всѣ они съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдили за работами, одни, молча прислушиваясь къ нашимъ толкамъ, другіе—увѣряя, что мы «въ книгахъ вычитали» о скрытыхъ богатствахъ и явились отыскать ихъ, наконецъ, третьи просто дѣлились вслухъ своими знаніями или слухами по древней топографіи Углича и дѣлали различныя соображенія и заключенія. Къ сожалѣнію ничего, или почти ничего достовѣрнаго я со своей стороны не могу сказать объ этомъ предметѣ даже и теперь, т. е. спустя много послѣ раскопокъ, при спокойномъ обсужденіи добытаго ими и вычертивъ планъ уцѣлѣвшихъ остатковъ.

Разсматривая этотъ планъ, нужно признать, что нѣкоторыя части бывшихъ въ угличскомъ кремлѣ зданій уничтожены совершенно до основанія и послѣ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, вслѣдствіе чего и значеніе уцѣлѣвшихъ частей остается темнымъ и неопредѣленнымъ. Таковы, напримѣръ, на лѣвой сторонѣ плана стѣнки и примыкающій къ одной изъ нихъ, бывшій потолкомъ, но потомъ рухнувшій на землю и расколовшійся по всей длинѣ, повидимому, коробовый сводъ въ $1^1/_2$ кирпича толщиной (А). Бока или, точнѣе, пяты его разрушены и потому дѣйствительной ширины не опредѣлено, а на планѣ показана ширина лишь наиболѣе уцѣлѣвшей части, которая, несомнѣнно, много меньше дѣйствительно бывшей. Стѣнка Б стоитъ совершенно особнякомъ, тогда какъ прежде она была связана съ нѣсколькими другими. Точно также мало понятно назначеніе столба И, отдѣляющагося отъ сосѣдней стѣны узкимъ и низкимъ (верш. 10), расположеннымъ у самаго пола окошкомъ съ полуциркульной перемычкой (на пятахъ изъ бѣлаго камня), и стѣнки Л съ пространствомъ между ними, вымощеннымъ большими булыгами.

Кромѣ указаннаго обстоятельства, т. е. уничтоженія частей бывшихъ зданій, опредѣленію значенія уцѣлѣвшихъ остатковъ въ большой степени препятствуетъ еще незначительная, въ общемъ, высота ихъ, благодаря которой не сохранилось слѣдовъ не только оконныхъ, но многихъ и изъ дверныхъ пролетовъ. Безъ этого же признака судить о назначеніи помѣщенія, очень часто, довольно трудно. Впрочемъ, не

---

[1]) Въ Яросл. Арх. Комиссіи и въ Угличск. музеѣ хранятся фотографіи съ раскопокъ.


Планъ части Угличскаго кремля
Соборъ XVII в.
Соборъ XVIII в.
Соборъ XVIII в.
лафетъ
древнее
средневѣковое
новое

смотря на большое количество разныхъ пробѣловъ, обнаруженные остатки представляютъ не мало и положительныхъ данныхъ. Таковы:

1) Открытыя зданія были, несомнѣнно, гражданскія.

2) Они помѣщались за одной общей наружной стѣной, расположенной по краю волжскаго набережнаго откоса (нынѣ въ самомъ откосѣ). Вышина стѣны неизвѣстна, толщина равняется $2^1/_4$ арш. (въ 5 кирп.), а протяженіе по длинѣ не выяснено точно [1]), но, вѣроятнѣе всего, она тянулась вдоль всего кремля отъ одного ручья (Каменный) до другого (Шелковка) и даже, можетъ быть, загибалась и шла вдоль ихъ враговъ, ограждая дворцовыя и соборныя зданія, или такъ называемый въ древности «княжій дворъ», въ Угличѣ же спеціально «княжій городъ». Оградный характеръ стѣны не можетъ подлежать сомнѣнію. Почти всѣ находившіяся за нею зданія примыкали къ ней и, строенныя одновременно съ нею, находились съ нею въ перевязи кирпичною кладкою, т. е. она, составляя ограду, въ то же время служила и стѣной зданіямъ. Одно изъ такихъ зданій (ГДБЕ) было расположено какъ-разъ между нею и древнимъ соборомъ, но съ послѣднимъ его стѣны не перевязаны кладкой; значитъ, указанное зданіе было построено послѣ собора, что такъ и должно было быть, ибо вездѣ на Руси первыми каменными сооруженіями являлись церкви.

3) Древній соборъ [2]) находился отъ оградной стѣны въ 7 саж., былъ меньше современнаго, располагался ближе его къ Волгѣ и на восточной сторонѣ оканчивался тремя алтарными полукруглыми выступами (апсидами). По отвѣсному цоколю онъ былъ облицованъ «бѣлымъ» камнемъ (известнякомъ) въ два ряда (вер. 10) Подъ этимъ тѣ соборомъ, построеннымъ, какъ думаютъ многіе, на мѣстѣ деревяннаго, по ихъ мнѣнію, сгорѣвшаго лишь въ 1491 г., и можно было ожидать найти гробницы удѣльныхъ угличскихъ князей и княгинь, погребавшихся въ деревянныхъ соборахъ, бывшихъ до него [3]). Въ этомъ же

---

[1]) Прослѣжено на 33 сажени.

[2]) Заложенный по однѣмъ лѣтописямъ угличскимъ (списокъ археографической Комиссіи) кн. Романомъ Владим. въ XIII ст. (княжилъ съ 1278—1285 г.—Труды Яр. Арх. Ком., вып. 1-й, отдѣлъ 2, стр. 96), по другимъ (Д. И. Серебренникова) кн. Андр. Васил. Горяемъ въ концѣ XV ст., въ 1485 г. (тамъ же, отд. 1, стр. 25); по писцовой книгѣ 1674—76 г.—(тамъ же, вып. 2, стр. 34)—имъ же; тоже по жал. грам. Петра I 1700 г. (тутъ же, стр. 392). Изслѣдователи склоняются къ послѣднимъ указаніямъ (Сѣв. Кр. 1900 г. № 196), но дата XV в. явилась едва ли не слѣдствіемъ того обстоятельства, что въ 1496 г. выгорѣлъ «весь Угличъ»—15 церквей и 500 домовъ (Киссель, стр. 196); очень возможно, что послѣ этого пожара соборъ и перестраивался. Я стою за первую дату.

[3]) О погребеніяхъ этихъ есть прямыя указанія (см. Исторію Углича—Кисселя и «Угличъ» И. Троицкаго, Труды Ком., вып. 1), но, кажется, они совершались очень просто; по крайней мѣрѣ, при

соборѣ, какъ и въ другихъ,—дворцовыхъ и прочихъ зданіяхъ Княжаго города въ 1619 г. было произведено поляками страшное избіеніе духовенства, гражданъ и особенно именитыхъ гражданокъ, искавшихъ въ нихъ и ихъ подвалахъ спасенія [1]). Къ сожалѣнію, основаніе древняго собора не могло подвергнуться изслѣдованію и раскопкѣ по той причинѣ, что какъ-разъ на мѣстѣ его алтаря и главной части собственно храма расположена нынѣ придѣльная соборная «Похвальская» церковь (бездарное произведеніе зодчаго Николаевскаго времени), вслѣдствіе чего работы пришлось бы вести изъ церкви. А онѣ казались мнѣ не столько необходимо-нужными, что бы стоило пробовать преодолѣть тѣ затрудненія, которыя непремѣнно возникли бы при этомъ съ оффиціальной стороны. Не говоря уже о значительности затратъ, потребныхъ для такого дѣла, нужно замѣтить, что и самая цѣль этихъ работъ представляется довольно-таки сомнительной, такъ какъ княжескія гробницы, если даже и существовали, то, во 1-хъ, мѣстонахожденіе ихъ точно не извѣстно, почему, для отысканія ихъ, пришлось бы перерыть всю внутренность собора, а во 2-хъ, при двукратной перестройкѣ всего собора и неоднократныхъ пристройкахъ къ нему, при чемъ воздвигнутые массивы, какъ-то столбы, стѣны и проч., пришлись на наиболѣе существенныхъ для даннаго случая частяхъ древняго собора, въ родѣ алтаря, южной и сѣверной сторонъ и проч., очень многое въ этихъ частяхъ было потревожено, раззорено и вовсе уничтожено, въ томъ числѣ и склепы, о которыхъ говоритъ Серебрениковъ, ссылаясь на лѣтопись [2]).

4) На мѣстѣ древняго собора, обгорѣвшаго и обветшавшаго послѣ польскаго сожженія, съ умиротвореніемъ Россіи въ XVII ст. былъ выстроенъ другой, о которомъ рѣшительно ни чего не было бы извѣстно,

---

описаніи раззоренія Углича въ 1619 г. о соборныхъ подвалахъ говорится, что тамъ лежало сало и другая рухлядь («Сводъ извѣстій о дворцѣ св. царевича Димитрія»—Н. В. Шляковъ, стр. 10),—«а подъ соборомъ въ погребахъ было много сала и др. рухляди»... Конечно, погребовъ могло быть нѣсколько и одинъ изъ нихъ могъ служить склепомъ-усыпальницей, но только это предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ уваженіемъ къ предкамъ, которымъ отличались средневѣковые русскіе люди. Да князья едва ли и допустили бы наличность складовъ, (въ которые постоянно нужно же было ходить), рядомъ съ своей усыпальницей. Развѣ только (если вѣрно приводимое сообщеніе), подвалы эти были обращены въ склады лишь во время осаднаго сидѣнья, что весьма возможно.

[1]) Исторія Углича Кисселя, стр. 326, 328, 333.

[2]) См. въ Музеѣ его рукописную исторію Углича, пожертвованную о. Іоанн. Степ. Розовымъ. Въ благословенной настольной грамотѣ патріарха московскаго Адріана 1691 г.: выписано изъ лѣтописца россійскаго съ листа 393... и по исчисленію сего лѣтописца въ Угличѣ была старая соборная церковь Преображенія Господня каменная, строеніе бл. вел. кн. Андрея Васильевича Большаго, угличскаго.... и на основаніи ея (фундаментѣ) обрѣтены мощи... вел. кн. Романа. И стояла та церковь до... 1600 г. (Труды Яр. Арх. Ком., вып. II, стр. 372).

если бы раскопки не обнаружили частей его цоколя, сложеннаго изъ большихъ (около 10 верш. въ поперечникѣ) кусковъ бѣлаго камня. Когда этотъ второй (каменный) соборъ былъ заложенъ,—не извѣстно. К. Н. Евреиновъ [1]) даетъ 1595 г., но на какомъ основаніи,—не поясняетъ, должно быть, взялъ у А. П. Крылова [2]); лично же я, ни въ упомянутой рукописи Серебреникова, ни въ книгѣ Кисселя, ни въ др. изданіяхъ не нашелъ никакихъ указаній по этому вопросу, хотя почти вездѣ встрѣчаются указанія о сильномъ обветшаніи перваго собора послѣ польскаго сожженія. Принимая во вниманіе, что этотъ второй соборъ расположенъ какъ разъ на мѣстѣ перваго, а равно форму его цоколя--въ 2 уступа, откосомъ, и граненое очертаніе апсидъ, а также два значительные выступа (M^1 и M) на длинныхъ стѣнахъ,—можно думать, что второй соборъ является таковымъ не въ полномъ значеніи, а представляетъ собою лишь болѣе или менѣе значительное измѣненіе перваго, обусловленное укрѣпительными работами его, при которыхъ многія, наиболѣе пострадавшія части стараго собора, а можетъ быть даже и вся надземная часть его были переложены заново. При этой перестройкѣ, на мой взглядъ, сложившійся подъ впечатлѣніемъ характера зданія (насколько послѣдній выясняется уцѣлѣвшими остатками), совершенной въ XVII ст., даже во второй половинѣ его, прежній соборъ былъ нѣсколько удлиненъ въ своей алтарной части. Этотъ второй соборъ въ писцовой книгѣ Углича (1674—76 г. [3]) описывается такъ: «церковь Преображенія Господня каменная, на высокихъ напертяхъ, объ одной главѣ, своды съ перепетивьевъ столбовъ, развершена съ закоморами, покрыта по закоморамъ тесомъ, а глава на деревянныхъ дугахъ, покрыта чешуею деревянною. А въ этой церкви изстари было стѣнное письмо, нынѣ обветшало и подписей не знать». Жалованная грамота Петра I 1700 г., о которой уже упоминалось [4]), прибавляетъ къ этому, что церковь «съ предѣлы», что не только подписей, но и лицъ не знать, что стѣны безъ связей, что внутри церковь была оштукатурена (левкасъ стѣнной обвалился), что въ соборѣ, въ придѣлахъ и напертяхъ мосты (полы) бревенчатые, что на придѣлахъ были кресты и главы, крытые еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ деревянной

---

[1]) № 196 Съв. Края. См. предъидущее примѣчаніе.

[2]) Историко-стат. описаніе Ростовско-Ярославской епархіи, гдѣ это свѣдѣніе приведено едва-ли не какъ догадка, вызванная извѣстіемъ объ открытіи мощей кн. Романа.

[3]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. II, стр. 34.

[4]) Тутъ же, стр. 392.

чешуей; на стр. 39: у паперти стѣны и столбы каменные безъ сводовъ, мосты (полы) деревянные. Да на той же паперти колокольница рубленая шатровая...

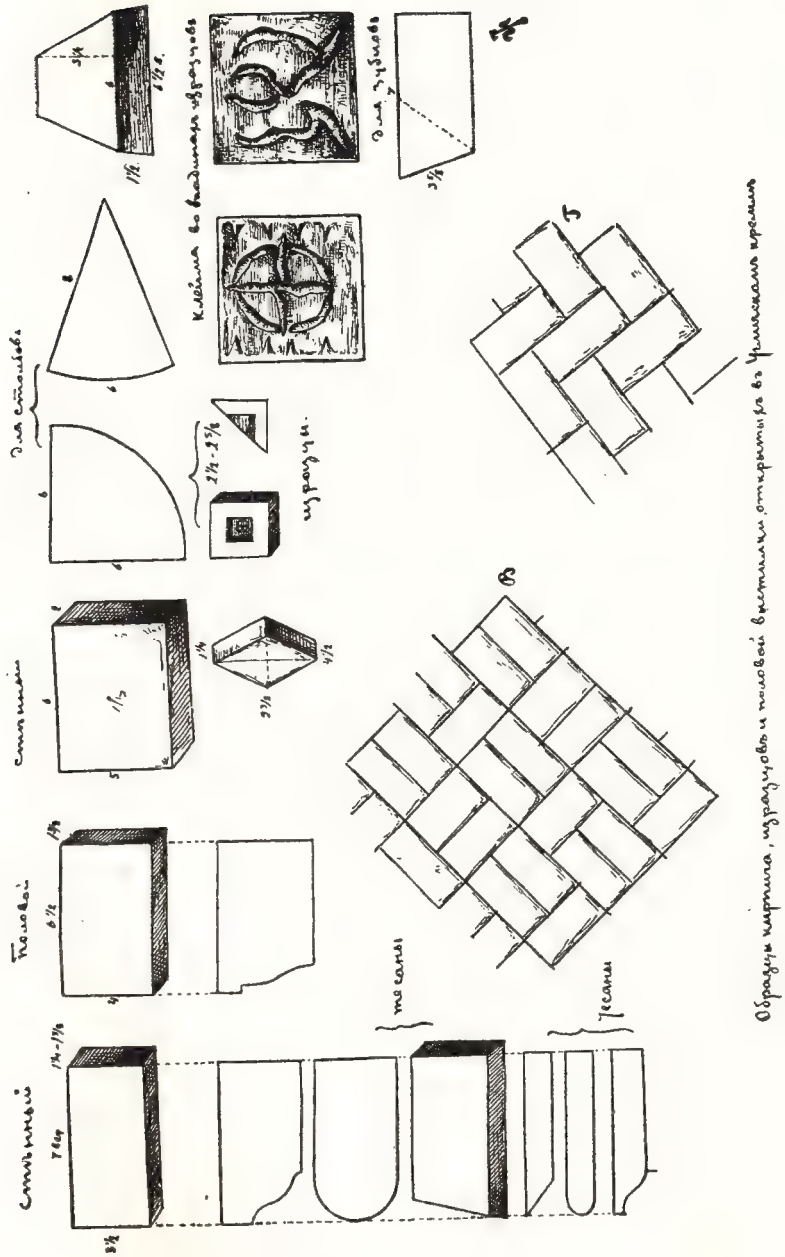
5) Одни изъ обнаруженныхъ зданій были построены одновременно съ «Дворцомъ», другія нѣсколько позже, третьи значительно позже и при томъ изъ матеріала ранѣе бывшихъ зданій. Къ первымъ, несомнѣнно, принадлежитъ корпусъ ГДВ, сложенный изъ большого, но тонкаго, «лещаднаго» кирпича, прекрасной выдѣлки. При обнаруженіи стѣнъ этого зданія, въ окружающемъ ихъ и наполняющемъ все пространство межъ ними щебнѣ найдены обломки красныхъ изразцовъ, точно такихъ же, какіе украшаютъ дворецъ; обломки изразцовъ той же выдѣлки и размѣровъ, но съ инымъ узоромъ, и, наконецъ, обломки гончарныхъ балясинъ, также тождественныхъ съ дворцовыми. Затѣмъ найдено нѣсколько образчиковъ штучнаго кирпича для карнизовъ и частью, можетъ быть, для наличниковъ и т. п. Одни изъ нихъ [1]) формованы фигурными, другіе [2]) превращены въ таковые теской. Особенно интересны небольшіе ромбическіе кирпичики, употреблявшіеся для выстилки штучныхъ половъ и для выпуклыхъ вставокъ въ стѣнную кладку въ качествѣ украшеній. Эти послѣдніе носятъ слѣды извести и сохранили правильность реберъ, тогда какъ бывшіе въ полахъ отъ извести свободны, но за то покрыты, болѣе, чѣмъ замѣтнымъ, слоемъ натопти или грязи, и ребра ихъ обшарканы иногда до закругленности. Не менѣе интересны обломки красной полукруглой черепицы. Насколько мнѣ извѣстно, такая черепица, будучи всецѣло восточнаго происхожденія [3]), очень рѣдко примѣнялась въ русскомъ зодчествѣ (если только примѣнялась), а въ средней Россіи я о ней до сихъ поръ не слыхалъ. Здѣсь же ей было покрыто нѣсколько зданій (3 лѣвыя), а можетъ быть, и самый первый соборъ, равно какъ и «дворецъ». Весьма любопытны также маленькіе квадратные и правильно-трехгранные (полуквадратные) изразцы. Они довольно толсты ($1/_2$ вер.), безъ румъ («рюмокъ»), но со впадинами на задней сторонѣ, на днѣ которыхъ у многихъ встрѣчаются выпуклыя неправильныя изображенія, являющіяся клеймами ма-

---

[1]) Тѣ, которые въ кладкѣ клались на ребро, за исключеніемъ округленныхъ, которые тесаны.

[2]) Тѣ, которые въ кладкѣ клались плашмя.

[3]) Въ Турціи, напр., употребляется до сего-дня. Болѣе поздняя черепица, какъ напр. XIV в. (чердакъ церкви Бѣлая Троица въ Твери) плоская, концы заострены или городчаты. Является подражаніемъ и замѣной «щепы».


Для столбиковъ
Клейма съ владимірскихъ кружевъ
Для зубцовъ
Кирпичи.
Для столбиковъ
Для зубцовъ
Полосовой
Для карнизовъ
Для карнизовъ
Для стѣнъ
Для стѣнъ
Образцы кирпича, изразцовъ и полосовой вычинки открытой въ Успенскомъ храмѣ

стеровъ [1]). Изъ нихъ—косой крестъ въ кругѣ представляетъ клеймо, встрѣчающееся на нижней сторонѣ дна курганныхъ горшковъ X—XI в. изъ Угличскаго уѣзда [2]). Сдѣланы эти изразцы изъ особой бѣло-желтоватой пористой глины, не смотря на что они очень крѣпки, на лицевой плоской сторонѣ не имѣютъ никакихъ украшеній и большею частью нынѣ безъ поливы, обгорѣвшей во время пожаровъ. Но встрѣчаются изрѣдка и политые блѣдной темнозеленой съ пятнами поливой (весьма близкой по виду съ поливою глиняныхъ банокъ, называемыхъ «муравленными», съ которыми эти изразцы близки и по глинѣ [3]). Кромѣ такихъ изразцовъ, найдены обломки печныхъ, но болѣе поздняго времени, съ разноцвѣтной поливой и иныхъ формъ и размѣровъ. Послѣднее свидѣтельствуетъ о томъ, что разсматриваемое зданіе существовало довольно долго и подвергалось неоднократнымъ поправкамъ. За продолжительность его существованія говоритъ также и наросшая кругомъ его (впрочемъ, какъ и около другихъ) почва вершковъ до 10 въ толщину, благодаря чему сохранились и обнаруженныя нынѣ стѣны: ихъ разобрали [4]) только до земли. Судя по толщинѣ стѣнъ, нужно думать, что зданіе ГВД не было высоко, хотя нельзя сказать съ увѣренностью, что оно было и одноэтажно, такъ какъ половой матеріалъ сохранился отъ двухъ половъ. Кирпичные полы нижняго этажа, стланые елкой и плетенкой, уцѣлѣли до настоящаго времени; они сдѣланы изъ того же «лещаднаго» кирпича XV, если не XIII ст., какъ и стѣны,

---

[1]) См. рисунокъ. Подобные, но значительно большіе и ромбическіе изразцы употреблены были для выстилки половъ въ храмѣ, остатки котораго открыты въ 1903 г. И. П. Крыловымъ въ г. Старицѣ. Старицкіе изразцы, судя по выдѣлкѣ, болѣе поздняго времени.

[2]) Наприм., при д. Вороново. На I областномъ археологическомъ съѣздѣ было указано, что описанные изразцы относятся къ времени XII—XIII в. Здѣсь кстати указать, что Д. Тихомировъ, раскапывавшій въ 1836 г. городище Старой Рязани (въ 50 вер. отъ г. Рязани, на правомъ берегѣ Оки, въ 3 вер. отъ г. Спасска) нашелъ часть пола алтаря Борисоглѣбскаго собора, которая была выстлана «плоскими кирпичами» съ зеленою глазурью на верхней поверхности. Стѣны храма были сложены изъ плоскаго кирпича размѣровъ $6\times4\times1^1/_4$ вер. Храмъ сооруженъ въ XII в. Въ другомъ храмѣ первой половины XII в. стѣнной кирпичъ былъ размѣровъ: 6 (и до $6^1/_2$)$\times$4 (и $4^1/_2$)$\times^3/_4$ (и $1^1/_2$) вер. Но были и меньшаго размѣра; полъ былъ выстланъ такимъ же кирпичемъ (Труды Ряз. Арх. Ком. т. XVIII, вып. I. стр. 131, 133, 138). На Тверскомъ съѣздѣ А. В. Селивановъ сообщилъ, что тамъ же были найдены,—такіе же, какъ Угличѣ,—кирпичи для столбовъ въ видѣ вырѣзка (сегмента) круга.

[3]) Указанная посуда, среди которой встрѣчаются замѣчательно архаичныя формы курганныхъ похоронныхъ горшковъ, до сихъ поръ выдѣлывается въ Тверской губерніи, если не ошибаюсь, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, близъ г. Волочка. Въ старицкихъ развалинахъ на стѣнахъ найдены *восточныя* надписи, а на полахъ упомянутые ромбическіе изразцы. Изразцы (кафели) занесены на Русь съ востока. Не тѣ ли мастера, которые строили старицкій храмъ, были и первыми заводчиками тверской бѣлой глиняной посуды съ зеленой поливой? Обращаю вниманіе читателя на признаки востока: черепица, надписи, узоръ на красныхъ изразцахъ, лещадный кирпичъ и проч.

[4]) Должно быть при Петрѣ I, около 1709 г., при перестройкѣ собора.

сильно затоптаны жирноватой липкой грязью и весьма значительно обшарканы, особенно въ проходѣ (двери) и по ребрамъ, а сверхъ всего еще лицованы, т. е. перевернуты, такъ что въ древности ихъ нѣтъ причинъ сомнѣваться. Лицовка свидѣтельствуетъ и о продолжительномъ обитаніи зданій. Рядомъ съ этими полами и на нихъ найденъ обильный, современный имъ, матеріалъ отъ другихъ штучныхъ или шахматныхъ половъ. Конечно, этотъ матеріалъ могъ быть изъ древняго собора, но могъ быть и изъ верхняго этажа разсматриваемаго зданія, такъ какъ тѣ же ромбическіе кирпичи найдены и въ сосѣднемъ зданіи, въ которое попасть имъ изъ собора было значительно труднѣе. О верхнемъ этажѣ, какъ будто-бъ, говоритъ и пристройка (Д), двѣ стѣнки которой (на планѣ лѣвая и верхняя) сложены безъ бута, прямо на материкѣ [1]) и которую я, какъ по этому обстоятельству, такъ и по плану, могу принять только за крыльцо. Гораздо труднѣе объяснить назначеніе помѣщенія (Г), расположеннаго въ томъ же зданіи у наружной стѣны въ углу. На днѣ его, находящемся нѣсколько ниже уровня древней почвы, но ничѣмъ невыстланномъ, ничего не найдено, кромѣ слоя перегноя съ примѣсью отбросовъ и черепковъ (мало), доходящаго вершковъ до 4—5 толщиной, что подало поводъ къ догадкѣ объ отхожемъ мѣстѣ. Однако съ этимъ согласиться нельзя: въ жилыхъ помѣщеніяхъ такія мѣста появляются у насъ вообще съ Петра I-го [2]),—во первыхъ; во вторыхъ,—будь догадка вѣрна, — колодецъ былъ бы гораздо глубже, яма его была бы выложена изъ кирпича и у него непремѣнно былъ бы выгребъ или хотя бы выходъ. А ничего подобнаго нѣтъ. Трудно принять это помѣщеніе и за «каменный мѣшокъ»—тюремную камеру: оно вовсе не напоминаетъ таковыхъ [3]).

Къ сказанному слѣдуетъ добавить еще, что разсматриваемое зданіе было несомнѣнно жилое, хотя слѣдовъ печей въ немъ не обнаружено ни у одной изъ стѣнъ [4]). Съ болѣе яснымъ характеромъ жилья или дома являются остатки сосѣдняго къ разсмотрѣнному зданія Н и В[1]О,

---

[1]) Полъ первой найдены кости животнаго, а около нея, во внутреннемъ пространствѣ (Д) черепъ подростка лѣтъ 12, къ сожалѣнію разбитый рабочими, совсѣмъ не ждавшими встрѣтить что либо подобное. Это показываетъ, что при кладкѣ стѣнки въ землю не углублялись и на 1/4 арш., иначе кости непремѣнно отодвинули бы.

[2]) Правда, «избы столчановыя» (стульчаковыя) упоминаются уже въ XVI в. (Рус. деревянныя жилыя постройки въ XVI в. Н. Д. Чечулинъ, стр. 11), но лишь въ государевыхъ дворцахъ—(Коломенскомъ).

[3]) Сравните, напримѣръ, уцѣлѣвшую въ Бѣлой палатѣ, въ Ростовѣ.

[4]) Середина не очищалась отъ мусора и земли.

уцѣлѣвшаго по первый надцокольный карнизъ. Сложенное изъ такого-же, какъ и первое, «лещаднаго» кирпича и давшее при раскопкахъ такіе же, какъ и въ томъ, ромбическіе кирпичи и желобчатую черепицу, а также блестки слюды, оно, очевидно, также относится, по крайней мѣрѣ, къ XV ст. Планъ его очень простъ: все зданіе разбито на три почти совершенно равныя помѣщенія, изъ которыхъ среднее раздѣлено продольной стѣной еще пополамъ и кромѣ того имѣетъ трое расположенныхъ другъ противъ друга, скорѣй, воротъ ($2^3/_4$ арш. шир.), чѣмъ простыхъ входовъ, изъ которыхъ двое наружныхъ были снабжены деревянными полотнами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ «четверти» въ притолокахъ и еще уцѣлѣвшіе въ нихъ подставы, иначе кулаки или «крюки» отъ петель. Судя по послѣднимъ, нужно признать, что висѣвшія на нихъ полотна (створы) были немассивны, такъ какъ кулаки не велики. Не смотря на проходной характеръ средняго отдѣленія этого зданія, въ одномъ изъ его угловъ обнаружена кладка по глинѣ, представляющая собою низъ (русской) печи, такъ какъ около нея и на ней замѣчена зола, угли, черепки отъ глиняной посуды и обломокъ желѣзнаго ножа, сильно проржавѣвшаго. Другихъ печей здѣсь не обнаружено. Въ сосѣднемъ помѣщеніи (B^1) обнаруженъ кирпичный полъ, стланый, какъ и предъидущій, плашмя, въ елку, но въ другихъ двухъ помѣщеніяхъ не найденный потому-ли, что былъ деревянный и былъ вынутъ, или потому, что его вовсе не было. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе, такъ какъ дерева при раскопкахъ вообще найдено весьма мало, но найденное сохранилось еще настолько хорошо, что просмотрѣть его было бы трудно, если бъ только оно было.

Судя по толщинѣ стѣнъ этого зданія, можно думать съ достаточной вѣроятностью, что оно было 2-этажное, при чемъ верхній этажъ могъ быть и деревянный, хотя данныхъ для этого нѣтъ, а ромбическій кирпичъ говоритъ скорѣй за каменный верхъ. Правый передній уголъ, въ которомъ находится дверь съ обшарканнымъ порогомъ, стланымъ на ребро, сильно осѣлъ, такъ что ряды кирпичной кладки перекрещивающихся въ немъ стѣнъ располагались по сходящимся въ этомъ углу кривымъ. Такое обстоятельство, наталкивавшее на догадку, – нѣтъ ли подъ нимъ пустоты въ видѣ подвала, заставило углубиться здѣсь значительно болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (болѣе 1 саж.). Однако выемка земли кромѣ бута, пройденнаго до его основанія, и материка, также пройденнаго вершковъ на 20, ничего не обнаружила.

Передъ разсматриваемымъ зданіемъ находился, видимо, небольшой

внутренній дворъ, раскопкѣ не подвергавшійся. Говорю «дворъ» потому, что окружавшія его стѣны были несомнѣнно наружными, безъ всякихъ признаковъ отходившихъ отъ нихъ стѣнъ, и такъ какъ на поверхности почвы не замѣчалось никакихъ слѣдовъ кладки.

Назначеніе сосѣдняго къ разсмотрѣнному зданія Р, составляющаго съ нимъ одно общее, (но, кажется, не вполнѣ цѣлое, такъ какъ строено, какъ будто-бы, неодновременно, хотя и относится къ той же порѣ), опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ предъидущаго. Въ немъ не обнаружено ни пролетовъ, ни слѣдовъ внутреннихъ стѣнъ, которыя дѣлили бы его на отдѣльныя помѣщенія, почему все помѣщеніе, занимающее площадь въ 20 кв. саж., приходится принять за одну, для того времени, просторную комнату съ кирпичнымъ поломъ, стланымъ плашмя въ елку. Сложено оно изъ того же, что и предъидущія, лещаднаго кирпича [1]). Въ правомъ углу, у наружной стѣны обнаруженъ выступъ (Т), внутренняя пустота котораго дѣлится нетолстой кирпичной стѣнкой, кладеной по извести, на два неравныя отдѣленія: лѣвое узкое, облицованное внутри кирпичемъ по глинѣ, и правое, въ длинныхъ стѣнахъ котораго наружные ряды кладки сведены сводомъ, что позволяетъ думать, что и все это отдѣленіе было перекрыто сводикомъ. Выстилка лѣваго отдѣленія по глинѣ и присутствіе глины и въ правомъ отдѣленіи, а равно и сводчатое его покрытіе, возвышающееся надъ поломъ всего на 1 арш., говоритъ, какъ будто-бы, о томъ, что на указанномъ выступѣ помѣщалась печь. Печь же, или очагъ, должно быть, помѣщалась и на полукругломъ (въ планѣ) возвышеніи (У), сложенномъ также по глинѣ, близъ разсматриваемаго зданія съ наружной стороны. Пространство (Г) между нимъ и этимъ зданіемъ выстлано кирпичемъ въ елку (плашмя), а все остальное замощено очень крупной булыгой. Кромѣ того, къ правой наружной стѣнѣ зданія примыкаютъ двѣ небольшія стѣнки ($Г^1$) и ($Е^1$). Послѣдняя представляетъ изъ себя, безспорно, часть наружнаго крыльца, ведшаго во второй этажъ [2]), назначеніе же первой, какъ и всего этого зданія—безъ дверей—мало понятно.

Къ задней (на планѣ—нижней) наружной стѣнѣ его для какой то надобности былъ приложенъ сводъ (С), опирающійся своими пятами—съ одной стороны на стѣнной бутъ, а съ другой на насыпную землю.

---

[1]) Такой кирпичъ, но только квадратный, въ родѣ подоваго, до сихъ поръ въ употребленіи на востокѣ (въ Персіи) и даже на Кавказѣ.

[2]) Въ нижній нѣтъ двери.

Значительная попорченность и разрушенность свода не позволили опредѣлить дѣйствительной его длины, ширина же (4 арш.) опредѣлена точно, если только наружный обрѣзъ свода есть дѣйствительная пята, а не обломъ, въ чемъ убѣдиться достовѣрно не пришлось изъ опасенія обвала, болѣе чѣмъ возможнаго по причинѣ ветхости свода толщиною въ $1^1/_2$ кирпича. Подкапываться подъ него было страшно, но все же углубленіе въ землю здѣсь доведено слишкомъ до сажени, причемъ пройдена часть материка. Не смотоя на послѣднее ни стѣнъ, ни бута подъ сводомъ не обнаружено, почему раскопка тутъ и была прекращена: очевидно, что сводъ, опирающійся на бутъ, не могъ служить перекрытіемъ подземнаго помѣщенія и былъ сложенъ по какимъ-то особымъ причинамъ значительно позже самаго зданія, о чемъ говорятъ кромѣ того какъ другіе размѣры, такъ и новая выдѣлка его кирпича.

Ближайшее къ разсмотрѣнному и послѣднее, обнаруженное раскопками, зданіе (Ф. Х. К.) относится, несомнѣнно, къ болѣе поздней порѣ, чѣмъ всѣ ранѣе описанныя. Все оно не было обнажено отчасти потому, что стѣны его уходили подъ существующія сооруженія (лафетъ) и насажденія, а отчасти и по плохой ихъ сохранности, весьма замедлявшей работу, которую я торопился окончить. Матеріаломъ для зданія послужилъ отчасти кирпичъ изъ какого-то древняго сооруженія, можетъ быть, сосѣдняго, разобраннаго по ненадобности или ветхости, причемъ въ кладку (нижніе ряды ея) употребленъ и штучный колонный кирпичъ, представляющій по своей формѣ вырѣзки круга [1]). Старый матеріалъ былъ добавленъ новымъ, по качеству и размѣрамъ рѣзко отличающимся отъ древняго, но близкимъ къ кирпичу XVII—XVIII ст. Вообще же стараго кирпича въ этомъ зданіи немного: 7—8 первыхъ нижнихъ рядовъ, да и то съ примѣсью новаго. Подъ насыпнымъ мусоромъ завала встрѣчено много гари, лежащей слоемъ до $1^1/_2$ верш. толщиной и являющейся слѣдствіемъ пожара, но, конечно, не 1793 г., такъ какъ тогда это зданіе попало бы на конфирмованный Екатериною II планъ Углича. Едва ли то былъ и пожаръ 1726 г. [2]).

Обнаженная раскопками часть зданія представляетъ небольшую комнату съ дверью въ сосѣднее помѣщеніе и выступомъ (Ц) крыльца, ведшаго въ верхній этажъ. Какъ далеко распространялось зданіе отъ Волги во внутрь кремля,—не прослѣжено [3]), но судя по значитель-

[1]) См. рисунокъ.

[2]) См. у Кисселя, стр. 364.

[3]) Помѣшалъ лафетъ и деревья бульвара.

ному протяженію стѣны (Ф), уходящей подъ лафетъ, слѣдуетъ, кажется, думать, что это зданіе располагалось поперекъ набережной (прямоугольно къ Волгѣ), въ нѣкоторомъ разстояніи отъ наружной оградной стѣны, къ которой оно примыкало лишь однимъ своимъ выступомъ, служившимъ чѣмъ-то въ родѣ прихожей [1]). Время постройки зданія и его назначеніе совершенно неизвѣстны; можно только замѣтить, что относительно перваго не подлежитъ сомнѣнію, что зданіе уже было уничтожено до переустройства городовъ при Екатеринѣ II, такъ какъ на конфирмованномъ ею въ 1784 г. планѣ Углича, на которомъ обозначены старые кварталы и всѣ бывшія каменныя строенія, въ кремлѣ на мѣстѣ раскопокъ не отмѣчено ничего. Что же касается назначенія, то К. Н. Евреиновъ дѣластъ догадку [2]), что зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, было воеводскимъ домомъ, существовавшимъ тутъ въ XVII ст. и разобраннымъ по ветхости. Дѣйствительно, въ 1767 году воевода занималъ уже другой домъ, стоявшій на берегу ручья и послѣ принадлежавшій мѣщанамъ Казиміровымъ [3]). (Едва ли не тотъ, который въ 1900 г. былъ занятъ пивнымъ складомъ Адамца и который замѣчателенъ по своей древней стройкѣ, но къ сожалѣнію находится въ забросѣ). Во всякомъ случаѣ высказанное предположеніе не невозможно, такъ какъ данныя упоминавшейся уже писцовой книги Углича не противорѣчатъ ему. Въ ней говорится между прочимъ слѣдующее: [4]) «Дворъ воеводскій—вдоль до царевичевы полаты 14 саж. съ четью, поперегъ 10 саж. съ третью. Да возлѣ воеводскаго двора полата каменная царевича Димитрія, не покрыта, вдоль 5 саж. съ третью, поперегъ 5 саж.; подъ нею два погреба. Каменный дворъ (не домъ, а дворъ, почему «воеводскій дворъ» можно тоже принять за домъ) Александра да Якова Прокофьевыхъ—дѣтей Третьяковыхъ [5]), что прежде сего былъ Богдана Ушакова. А писано то дворовое отца ихъ мѣсто за ними по данной.... 157(1649) года, вдоль 10 саж., поперегъ 6 саж. съ $^1/_2$ саженью». Послѣднее сообщеніе указываетъ, что въ кремлѣ Углича въ XVII ст. были уже и частные каменные дома. Вообще же кремль по этой

---

[1]) Всего этого зданія на планѣ по недостатку мѣста не нанесено.

[2]) Сѣверный Край 1900 года, № 196. Копія (современная плану) съ конфирмованнаго плана хранится въ архивѣ Яр. Арх. Ком.

[3]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. I, стр. 80.

[4]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. II, стр. 50.

[5]) Не потомки ли Годуновскихъ? Въ описаніи чуда св. цар. Димитрія говорится, что угличанинъ Аѳан. Софр. Кустовъ:—идущу на собраніе городское... (прешедъ Каменный ручей), по валу градскому, возрѣ на церковь Царевичу... а тогда домъ воеводы былъ близъ церкви.

книгѣ представляется въ такомъ видѣ (стр. 282): г. Угличъ, а въ немъ церковь соборная каменная, да три церкви деревянныхъ, да мѣсто церковное, гдѣ былъ Богоявленскій дѣвичій монастырь[1]). Да въ городѣ же: изба съѣзжая; погребъ каменный [2]); дворъ воеводскій; да осадныхъ дворянскихъ и дѣтей боярскихъ, и монастырскихъ 15 дворовъ; поповъ 2 двора; пушкарскихъ 3 мѣста дворовыхъ; да лавочныя посадскія же мѣста по обѣ стороны дороги; изба караульная». Подробное описаніе всѣхъ этихъ дворовъ и зданій помѣщено въ началѣ той же книги [3]). Изъ этого описанія между прочимъ видно, что въ крѣпости были и огороды (стр. 50), хотя съ другой стороны былъ: «отъ Спасскихъ воротъ къ соборной церкви мостъ (тротуаръ) на рѣку, въ длину 21 саж., поперекъ 3 саж.» (34).

Таковы главные результаты моихъ раскопокъ. Они не богаты, не блестящи и не обильны находками вещей, но тѣмъ не менѣе думаю, что оправдываютъ сдѣланныя на нихъ затраты [4]) и привлекутъ вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей, такъ какъ предоставляютъ въ распоряженіе и такія данныя, о которыхъ ни въ памятникахъ письменности, извѣстныхъ до сихъ поръ, ни въ преданіяхъ нѣтъ даже намековъ.

Еще относительно дворца высказывались сомнѣнія въ томъ направленіи, что существующія нынѣ палаты не могутъ представлять всего дворца, что къ этимъ палатамъ должны были примыкать другія зданія [5]); относительно же открытыхъ нынѣ зданій и особенно каменной наружной ограды древняго «Княжаго города» Углича въ послѣднее время никто даже и предположеній не дѣлалъ, такъ какъ и самыя писцовыя книги уже съ XVII ст. [6]) знаютъ кругомъ Княжаго города одну деревянную, двурядную, рубленную въ уголъ стѣну съ деревян-

---

[1]) Въ грамотѣ Тишайшаго: въ прошломъ дѣ 168 (1660) г... внутри города было... Богоявленскій дѣвичь монастырь. И того де монастыря нынѣ половина келлій, (и) святые ворота сломаны по городовую стѣну, а на другой половинѣ прилучилась дорога проѣзжая и городовая башня; а нынѣ... отъ той городовой стѣны утѣсненіе большое и въ городѣ мѣсто тѣсное,—келлію поставить не гдѣ... Этотъ монастырь назывался «малымъ» въ отличіе отъ большого, бывшаго за Волгой (на Богоявленской горѣ), находился близъ «дворца»,—гдѣ теперь городской садъ (?), раззоренъ и сожженъ поляками и возстановленъ въ 1620 г.г. (Угл. Богоявлен. жен. монастырь. А. Н. Ушаковъ, стр. 9, 12. Изъ путев. замѣтокъ отъ Ростова-Великаго до Углича, его же, стр. 11. 15).

[2]) Каменный лишь пріямокъ его, см. стр. 34, тамъ же.

[3]) Стр. 30—51. Возстановить ихъ на планѣ по неясности описанія не удалось.

[4]) Менѣе 100 рублей.

[5]) Ф. Киссель. Исторія Углича, стр. 372. Н. Шликовъ. Сводъ извѣстій о дворцѣ св. царевича Димитрія въ Угличѣ., стр. 10 и пр. Съ толкованіемъ Кисселя согласиться нельзя: на стѣнахъ дворца не было никакихъ слѣдовъ прилегавшихъ пристроекъ, а въ верхнемъ этажѣ, кромѣ того, кругомъ окна.

[6]) Напримѣръ 1674 г., приводимая и Ф. Кисселемъ.

ными же башнями. Она начата стройкой въ 1660 г., а въ 1675 г. починена [1]). Существовала же до XVIII ст., когда по «росписному списку» угличской провинціальной канцеляріи 1745 г., хранящемуся въ историческомъ архивѣ Ярославской Архивной Комиссіи, значится ветхою [2]). Но и до этой стѣны еще въ XVI ст. крѣпость Углича была уже деревянная, какъ видно изъ отписки воеводы Петра Гр. Дашкова отъ 5 мая 1617 г. [3]). «...Велѣно мнѣ,... пріѣхавъ на Угличъ, чего не додѣлано около Углецкаго острогу осторожныхъ всякихъ крѣпостей, осмотрѣвъ, отписати о томъ къ тебѣ, къ Государю, къ Москвѣ, въ Разрядъ, да подѣлати посадскими и уѣздными всякими людми. И на Угличѣ, Государь, прежній воевода князь Иванъ Волконскій острогъ съ верхними и съ подошевными бои сдѣлалъ, а башни всѣ не покрыты и мосты въ нихъ во всѣхъ погнили, и около острогу мосты не домощены; и около острогу-жъ противъ приступныхъ мѣстъ рву не копано и чесноку не побито».

То же повторяется и во второй его отпискѣ отъ 19 мая: «...и у острогу мосты не домощены, и въ башняхъ мосты погнили, и у острогу-жъ, съ лица, противъ приступныхъ мѣстъ рву не копано и чесноку не побито...» [4]).

О крѣпости Углича того же времени говорятъ и иностранцы [5]).

Вотъ еще нѣсколько извѣстій объ угличской крѣпости.

Въ дозорной книгѣ Углича (отрывокъ, изд. М. А. Лининскій), 1620 г. стѣна въ Угличѣ показана деревянной.

Генералъ-прокуроръ кн. Ал-дръ Андр. Вяземскій объявилъ сенату планъ г. Углича, присланный къ нему отъ государыни. Сенатъ «приказали»: съ оного плана, также и съ имѣющагося подъ нимъ описанія напечатавъ потребное число экземпляровъ, разослать къ губернаторамъ и во всѣ прочіе города при указахъ для обнародованія въ каждомъ мѣстѣ отъ себя имъ губернаторамъ и воеводамъ съ таковымъ объя-

---

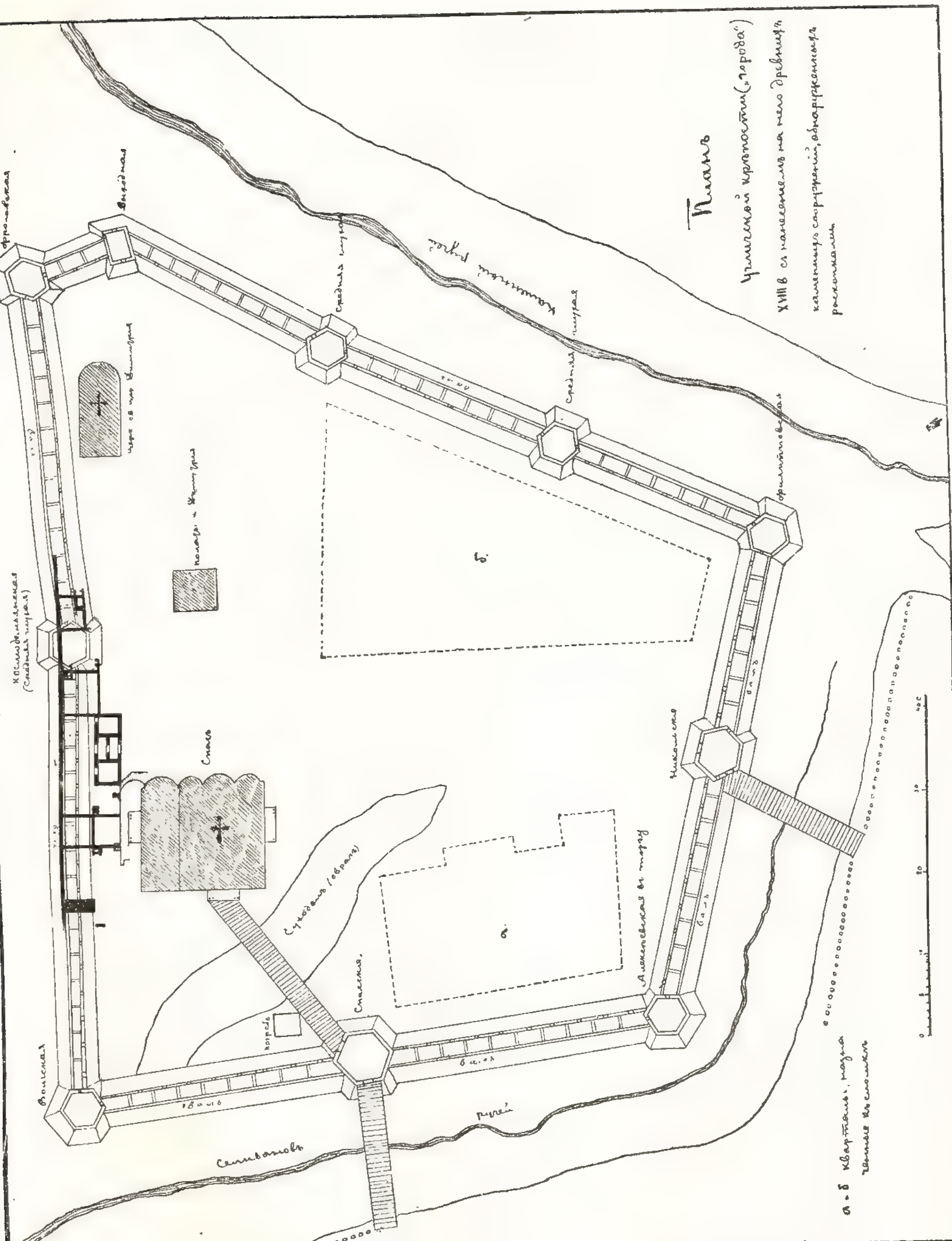
[1]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. I, стр. 72 и 73. Угл. Богоявл. жен. монастырь, А. Н. Ушаковъ, стр. 12.

[2]) «Росписной списокъ» Угличской провинціальной канцеляріи составленъ въ декабрѣ 1745 г. по поводу передачи Углича воеводою Спичинскимъ воеводѣ Богданову: «Городъ Угличъ деревянный съ башнями, весьма ветхій, и валъ, на которомъ построенъ, во многихъ мѣстахъ оплылъ. Въ немъ древняго зданія: полата каменная на погребахъ, обветшалая, безъ свода и безъ крыши, въ которой жительство было благовѣрнаго царевича Димитрія. У оного города 2 замка желѣзныхъ съ ключами». См. также Городъ Угличъ во второй половинѣ XVIII стол. В. В. Шангинъ, стр. 27—28.

[3]) Акты Археографич. экспедиціи, т. 3, стр. 121, № 87.

[4]) Тутъ-же.

[5]) Отечеств. Зап. 1853 г., февр., гл. III, стр. 114.


Планъ
Угличской крѣпости („города")
XVIII в. съ нанесеніемъ на него древнихъ
каменныхъ сооруженій, обнаруженныхъ
раскопками
Фроловская
Выходная
Средняя глухая
Никольская
Алексеевская въ торгу
Спасская
Воинская
Космодемьянская
(Средняя глухая)
Спасъ
Суходолъ (оврагъ)
Селивановъ
ручей
погребъ
валъ

сненіемъ, что если кто, принявъ на себя подобный трудъ, сдѣлаетъ и представитъ сенату таковые же планы другимъ городамъ, то оные отъ сената приняты будутъ съ уваженіемъ и трудившемуся почтены быть имѣютъ въ усердіе его и услугу къ своему отечеству.

Съ плана было прислано въ Угличскую провинціальную канцелярію 50 экземпляровъ печатныхъ снимковъ, изъ которыхъ «пристойное число» опредѣлено было ею хранить у себя «для свѣдѣнія», а остальные разослать въ Кашинскую и Бѣжецкую воеводскія канцеляріи, къ Угличскимъ экономическимъ казначейскимъ дѣламъ (даны 19 сентября 1767 г.), въ Угличское духовное правленіе и провинціальный магистратъ [1]). На планѣ стѣна показана деревянной [2]).

«Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи» [3]), сообщаютъ: Угличъ «огражденъ рвомъ и земляным валомъ, на которомъ находятся деревянныя стѣны съ башнями и которой окружностью въ $272^1/_2$ с. высотою, и со рвомъ, въ 7 с. съ (1) аршиномъ; а ровъ глубиною индѣ въ 2, а индѣ въ 1 с. и менѣе. Но валъ отъ долголѣтства осыпался и рвы мѣстами заплыли. Также стѣны сгнили и немалая часть оныхъ и башенъ 5 развалилися. Въ прочемъ—съ 3 сторонъ оного города обошло жилье, а съ четвертой въ самой близости течетъ р. Волга.

Внутри города 2 церкви каменныя: 1) соборная Преображенія Господня съ придѣломъ св. бл. кн. Романа и при ней теплая церковь Похвалы Пресв. Богородицы; 2) св. бл. цар. кн. Димитрія Іоанновича, которая построена по убіеніи его. Приходскихъ внутри города нѣтъ. Каменная старинная полата, въ коей оной царевичъ жилъ и которой стѣны къ паденію не подвижны, но только мѣстами имѣютъ разсѣлины. Крышки на ней еще по описи 1620 (7128) г. уже не было, а покрыта она въ 1755 г. по указу правительствующаго сената».

(По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Углич. Провинц. Канцеляріи 31 августа 1761 г. за подписью Андр. Жеребцова и Вас. Кастюрина).

Въ рукописномъ «Атласѣ Ярославской губерніи 1817 г. [4])» значится: «Угличъ раздѣляется на 2 части; первая часть его называется

---

[1]) Дѣло 1767 г. сентября 26 дня. Указъ изъ Угл. провинц. канцеляріи и при немъ планъ городу Угличу. № 355 (архивъ Яр. Архивн. Ком.).

[2]) Этотъ планъ изданъ (не совсѣмъ удовлетворительно) В. В. Шангинымъ въ его книжкѣ, указанной въ примѣчаніи 2 на стр. 414.

[3]) Т. I, ч. 3, стр. 268. 1772 г.

[4]) Поднесенъ Ярославскимъ дворянствомъ вел. кн. Мих. Павл.; хранится въ Яросл. Арх. Ком.

земляным городомъ [1]) потому, что она обнесена земляным валомъ со рвомъ; вторая—посадомъ. Валъ земляного города мѣры имѣетъ въ окружности 272 с., въ вышину 5 с., глубина рва простирается на 2 сажени...

Въ Угличѣ замѣчательна каменная двухъэтажная палата, гдѣ жилъ Димитрій царевичъ съ матерью своею; она отъ древности не имѣла крыши и приходила отъ сего въ ветхость, но нынѣ усердіемъ тамошняго купца Ал-дра Кожевникова починена, входъ въ нее и внутренность поновлены; стѣнное письмо старое исправлено и частію умножено родословною россійскихъ государей даже до благополучно нынѣ царствующаго Александра I-го» [2]). На планѣ нанесенъ валъ отъ оврага до церкви царевича Димитрія, каменный погребъ обозначенъ тюрьмой, колокольни при соборѣ не значится.

Въ географ. лексиконѣ Росс. государства (Ф. Полунинъ 1773 г.): «стояла (на валу) прежъ сего стѣна деревянная съ башнями, которая по большей части развалилась» [3]).

Въ всеобщ. геогр.-статист. словарѣ (кн. С. П. Гагаринъ, 1843 г. ч. 3): «сверхъ того видны еще слѣды подземныхъ сходовъ и основаніе кремля, который обнесенъ былъ каменной стѣной и башнями».

Попъ Царевской, что на крови, церкви Алексѣй Аѳанасьевъ писалъ въ 1709 г. въ челобитной Петру I-му:

«Внутри *кремля*... (уже тогда «городъ» назывался кремлемъ), древняя полата каменная. И отъ древности лѣтъ, и отъ раззорѣнія г. Углича отъ литовскихъ людей обветшала и стоитъ безъ кровли и безъ внутренного, и безъ внѣшняго окрестъ ея устроенія. А раченія и попеченія издавна и нынѣ имѣютъ града Углеча жители... и желаютъ, да-бы... та полата въ призреніи была и поновлена; и прежде сего о строеніи начата, а въ совершенство не достроена. И о томъ строеніи нынѣ вкладчики,—что бы построить та полата имъ,—нынѣ желаютъ, но безъ твоего великаго государя указу строить они не смѣютъ». Петръ указомъ 10 февраля 1709 года распорядился: «какъ къ тебѣ сія наша... грамота придетъ, и ты-бъ велѣлъ тое полату поновить и строить вкладчиковымъ поданіемъ,—кто произволомъ своимъ что дать похощетъ.

---

[1]) То же въ Словарѣ географическ. Россійскаго государства. Аѳ. Щекатовъ. 1808 г. ч. 6, стр. 531 и Новомъ полномъ геогр. словарѣ Россійск. государства 1789 г. ч. VI, стр. 2.

[2]) Въ словарѣ Щекатова: палата со сводомъ, о двухъ жильяхъ, въ коей стѣны были расписаны живописными священными изображеніями.

[3]) Стр. 411.

А съ грацкихъ и съ уѣзныхъ людей, буде кто не похощетъ денегъ на то полатное строеніе (дать), съ бою не збирать.»

Ярославскій намѣстникъ А. П. Мельгуновъ 22 мая 1785 г. «представилъ» Ярославской казенной палатѣ «о устроеніи къ помѣщенію въ г. Угличѣ вина въ древняго зданія каменной палатѣ» цар. Димитрія и предложилъ выдать въ распоряженіе угличскаго городничаго «изъ отлагаемой на казенныя строенія суммы» 250 р. для исправленія означенной палаты, а городничему предписалъ, чтобы онъ старался исправить ее «прочною работою съ хорошимъ расположеніемъ», но постарался бы также употребить менѣе отпущенной суммы.

На это городничій донесъ палатѣ 3 іюля, что охотниковъ чинить «по публикамъ» не нашлось.

Мельгуновъ 27 іюля предложилъ палатѣ «подтвердить городничему, что бъ онъ самъ исправилъ ту палату починкою, нанявъ работныхъ людей и закуля потребное число матеріаловъ».

Городничій (Растисловскій) въ отвѣтъ рапортомъ отъ 27 ноября 1785 г. за № 803 доносилъ губернатору, что вслѣдствіе ордера его отъ 13 нояб. за № 473 имъ неоднократно публиковалось, «токмо ни кого къ тому (исправлять палату) самопроизвольно охотниковъ не явилось, а принужденнымъ находился призывать какъ плотниковъ, такъ и каменщиковъ, коихъ со всекрайнѣйшимъ стараніемъ уговаривалъ, что бъ они ко исправленію обязались, токмо ни кто не согласился» изъ опасенія обвала кровли, такъ какъ въ стѣнахъ были, а лѣтомъ «отъ размыва дождями» прибавились еще и въ углахъ разсѣдины, стѣны выкрошились, крыша старая. Все это вело къ тому, что «въ работу взойтить опасаются, дабы немогло послѣдовать во время разобранія старой кровли какого нечаяннаго приключенія».

Мельгуновъ отвѣтилъ ордеромъ: ...«чрезъ сіе предписываю, естли подлинно состоящей въ Угличѣ древняго зданія каменной полаты для помѣщенія во оной вина по прописаннымъ отъ васъ невозможностямъ починкою исправить нельзя, то можно-ль сдѣлать въ берегу рѣки Волги подвалъ для помѣщенія въ ономъ вина.....(?) спирта и не будетъли въ вешнее время отъ разлитія воды оному подтопа, да и во сколько тотъ подвалъ примѣрно стоить можетъ. О чемъ и имѣете вы меня (? мнѣ) рапортовать немедленно. Декабря 2 дня 1785 г.» [1]).

[1]) Дѣло архива Яр. губ. правл. О починкѣ въ Угличѣ древней палаты. 1785 г. № 60, 2408. Тамъ же было дѣло «По сообщенію (Яр.) казенной палаты о истребованіи свѣдѣнія, что устроенія въ городѣ Угличѣ церкви св. благов. царевича Димитрія великаго, дворца и о прочемъ» 1782 г., на 58 л., уничтоженное съ разрѣшенія губернатора въ 1845 г.

Въ вѣдомости, учиненной въ Яр. намѣстн. правленіи изъ присланныхъ отъ городничихъ рапортовъ о состоящемъ по городамъ здѣшней губерніи казенномъ ветхомъ строеніи, назначенномъ казенной полатой къ продажѣ—отмѣчено: «Древняго зданія палата каменная на погребахъ, обветшалая, безъ своду, покрыта деревянною кровлею, въ которой жительство было св. бл. кн. Димитрія. У оной полаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны разсѣлись, кровля огнила и мѣстами своды провалились, потолоку и половъ нѣтъ, а бывшей при ней выходъ совсѣмъ развалился и огнилъ» [1]).

Въ пасхаліи Псалтири слѣдованной 1695 г., хранящейся въ угличской Царевской Церкви, подъ 6970 (1462) г. прописано: жилъ въ Угличѣ князь Андрей Васильевичъ, коимъ построенъ Дворецъ, въ коемъ съ 1584 г. жилъ Царевичъ Димитрій съ своею матеріею Маріею Ѳеодоровною (впослѣдствіи инокиня Марѳа). Сама по себѣ эта приписъ, какъ поздняя, не имѣетъ значенія, но она приводится здѣсь какъ обращикъ смѣшенія князя Андрея Васильевича съ княземъ Андреемъ Владимировичемъ (1233 –1261), причисляемымъ къ блаженнымъ. Онъ вспоминается исторіей какъ добрый и радѣтельный князь, сдѣлавшій для Углича много хорошаго, и онъ же, несомнѣнно, построилъ дворецъ и другія открытыя раскопками зданія. За это говоритъ характеръ самыхъ зданій, отличительные признаки матеріаловъ и сильное восточное вліяніе въ узорѣ, формахъ и выдѣлкѣ. Поводомъ же къ смѣшенію названныхъ князей послужило то обстоятельство, что въ 1491 году «сгорѣ градъ Углечь весь и на посадѣ погорѣ, а за Волгою дворовъ болѣ пяти сотъ, а церквей сгорѣло 15». Такимъ образомъ Андрею Васильевичу пришлось дѣйствительно возобновлять городъ и, среди другихъ зданій, можетъ быть, поправить и дворецъ. Но только поправить, а не строить. Такое глубокое мое убѣжденіе.

Въ книгѣ «Картины Россіи и быта разноплеменныхъ ея народовъ изъ путешествія П. П. Свиньина, 1839 г.» [2]) авторъ пишетъ: «Дворецъ царевича Димитрія стоитъ посреди *кремля, нѣкогда обнесеннаго каменною стѣною и башнями, отъ коихъ осталось одно основаніе.* Нѣсколько проваловъ показываютъ, что подъ всею площадкою существуютъ своды... Археологъ оказалъ бы не малую услугу отечеству и исторіи, если бы рѣшился обозрѣть подземные ходы Угличскаго кремля».

---

[1]) Дѣло тамъ же.—О продажѣ ветхихъ строеній въ городахъ. 1783 г. № 1590.

[2]) Стр. 113—119.

Современникъ Свиньина Ф. Киссель также видѣлъ остатки древнихъ кремлевскихъ сооруженій, но въ «Исторіи г. Углича» 1844 г. (стр. 374, 217) высказываетъ относительно ихъ иныя соображенія: «Объ обширности дворца Угличскихъ князей, говоритъ онъ, можно судить по фундаментамъ, которые прорѣзываютъ всю крѣпость на каждомъ шагу и по всѣмъ направленіямъ.

Современный намъ обозрѣватель угличскихъ древностей Н. В. Шляковъ въ «Сводѣ извѣстій о дворцѣ св. царевича Димитрія» (стр. 19, прим. 34), признаетъ извѣстіе Свиньина о каменной кремлевской стѣнѣ—ошибочнымъ. Но, не говоря уже о томъ, что во времена Свиньина остатки каменныхъ укрѣпленій, конечно, были гораздо замѣтнѣе, чѣмъ нынѣ, и что Свиньинъ былъ все-таки настолько подготовленнымъ лицомъ, что могъ различить остатки укрѣпленій отъ остатковъ гражданскихъ зданій, нужно еще указать, что гораздо ранѣе его о томъ же повѣствуетъ Угличская лѣтопись: «Внутри города, гдѣ нынѣ соборъ и полаты царевича Димитрія, было много строенія и *кругомъ обнесенъ былъ каменною стѣною, которой и нынѣ* (XVIII) *остатки зрятся*» [1]). Мои раскопки показали, что Свиньинъ и Киссель правы, но одинъ изъ нихъ не замѣтилъ фундаментовъ зданій, а другой просмотрѣлъ городскую стѣну [2]). Что же касается подваловъ и подземныхъ ходовъ, а также проваловъ въ нихъ почвы, о которыхъ разсказывали и Свиньину, и Кисселю 60 лѣтъ назадъ такъ же, какъ и мнѣ нынѣ, то ни чего подобнаго раскопки не обнаружили, хотя онѣ захватили и тѣ части кремля, гдѣ разсказчики «сами видѣли своды». Впрочемъ, по личному, много разъ провѣренному опыту я хорошо знаю истинную цѣну подобнымъ самовидѣніямъ и уже привыкъ не придавать имъ значенія (что дѣлалъ, впрочемъ, и Киссель), такъ какъ яма изъподъ выдернутаго столба превращается въ передачѣ очевидца въ провалъ, водосточная труба въ подземный ходъ и т. п. Да и помимо этого, кто знакомъ съ исторіей возникновенія въ средней полосѣ Россіи каменной стройки, тотъ знаетъ, что и наружныя сооруженія русскіе долго не могли научиться дѣлать прочно, такъ гдѣ уже толковать о подземныхъ сооруженіяхъ, особенно же о ходахъ подъ рѣками въ родѣ Волги. Конечно, во всѣхъ древнихъ городахъ, заново перестроенныхъ при Екатеринѣ II, причемъ во многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ,

[1]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. I, стр. 96.

[2]) А можетъ быть, оба лишь не сочли нужнымъ упомянуть о тѣхъ и другой.

въ Ярославлѣ, засыпались наваломъ цѣлыя зданія [1]), всегда возможны и часто будутъ повторяться провалы, но только не въ подземные ходы, разсказы о которыхъ такъ прочно привились ко всѣмъ такимъ городамъ, не исключая и Ярославля.

Что касается замѣчанія Кисселя о дворцѣ и о фундаментахъ, прорѣзывающихъ весь кремль на каждомъ шагу, то хотя я и согласенъ съ мнѣніемъ, что нынѣшній дворецъ не представляетъ изъ себя вполнѣ древняго дворца, да и лѣтопись говоритъ, что горожане, спасаясь отъ поляковъ, кинулись «овы въ городскую крѣпость и соборную церковь, и *дворцы* царскія, тѣ бо зданія крѣпкія быша»... «и сильно ворвавшеся въ соборную церковь и *царскіе дворцы*», а не дворецъ [2]); но тѣмъ не менѣе я не могу, на основаніи раскопокъ, установить непосредственной связи обнаруженныхъ фундаментовъ съ нынѣшнимъ дворцомъ и, кромѣ того, долженъ отмѣтить еще, что фундаменты встрѣчаются далеко не во всей бывшей крѣпости, а сосредоточены преимущественно на набережной Волги; по крайней мѣрѣ, развѣдочныя канавы, проведенныя до материка, по обѣимъ продольнымъ сторонамъ дворцоваго садика, т. е. въ разстояніи отъ дворца около 7 саж., а по длинѣ около 30 саж., и три канавы онъ него къ собору не обнаружили не только ни какихъ слѣдовъ фундаментовъ, но даже и ще бня Здѣсь встрѣчена одна насыпная (очень темная) земля съ небольшимъ количествомъ черепковъ глиняной посуды, разрозненныхъ животныхъ костей, гвоздей и обломковъ желѣза, а подъ нею толстый слой гари, мѣстами съ золой, лежащей на материкѣ и потому являющейся, несомнѣнно, памятникомъ одного изъ большихъ пожаровъ Углича, а можетъ быть, «смуты» и поляковъ, о подвигахъ которыхъ Угличская лѣтопись [3]) разсказываетъ слѣдующее: «И не удоволишася симъ (т. е. убійствомъ) окаянніи, не упишася отъ крови убиваемыхъ», наполнявшей дворцовые погреба и лившейся черезъ соборный порогъ, «отъ нея же вся земля, иже въ крѣпости, обагришася, аки отъ дождя напившеся, а труповъ человѣческихъ толико бысть...., что невозможно и малаго мѣста безъ нихъ обрѣсти...., яко помостъ намостиша»... [4]). И далѣе: «собравше изъ

---

[1]) Подъ Демидовскимъ садомъ старые деревянные ряды, съ которыхъ не сняты даже накаты (черные потолки), которые, прогнивая, влекутъ провалы, иногда довольно значительные.

[2]) Сводъ изв. о дворцѣ св. царевича Димитрія, стр. 9.

[3]) Труды Яр. Арх. Ком., вып. I, стр. 114 и 116.

[4]) По переписи Никиты Панина въ 1620 г. въ Угличѣ осталось посадскихъ людей 47 человѣкъ. (Г. Угличъ во второй половинѣ XVIII ст. В. В. Шангинъ, стр. 28).

церкви тѣла убіенныхъ и великую громаду оныхъ накидавше, тоже изъ *полатъ царевичевыхъ* и всѣхъ (другихъ палатъ и зданій), иже въ крѣпости, собравше и множество сотвориша громадъ, и натаскавше дровъ и хврастія, и запалиша, и тутъ всѣхъ гражданъ сожгоша... А егда уже некого стало въ домѣхъ сѣщи и грабить...., сотвориша во градѣ пожаръ велій.... и въ малое время весь городъ сгоре, осташася только громады костей человѣческихъ». «Костры пылали и жертва обильная приносилась для очищенія грѣховъ нашихъ».

Заканчивая свое сообщеніе, считаю нужнымъ упомянуть, что въ виду незначительности назначенныхъ на раскопки средствъ и требованія думы привести мѣсто раскопокъ послѣ работъ въ прежній видъ за счетъ производившаго ихъ я воздерживался отъ сплошной очистки обнаруженныхъ зданій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ выступалъ полъ, и придерживался преимущественно системы обнаженія стѣнъ и мѣстныхъ расчистокъ тамъ, гдѣ онѣ являлись или казались необходимыми, такъ какъ при такомъ способѣ можно было обходиться безъ отвозки мусора на сторону. Конечно, возможно, что при этомъ способѣ веденія работъ кое-что и осталось не обнаруженнымъ и не выясненнымъ, но вообще сплошная расчистка въ данномъ случаѣ не можетъ быть признана настоятельно необходимой, такъ какъ всѣ откопанныя зданія, какъ уже отмѣчено, не разрушены, а разобраны за ненадобностью и, стало быть, все бывшее въ нихъ вынесено заблаговременно. То-же, что могло бы въ нихъ остаться отъ ранѣе бывшихъ раззореній, въ родѣ польскаго, уничтожалось и исправлялось жильцами, вновь водворявшимися въ покинутыя на время жилища. Будь иначе, находокъ было бы гораздо болѣе, чѣмъ ихъ сдѣлано при настоящихъ раскопкахъ. Ихъ же очень немного и при томъ весьма разнохарактерныхъ: отъ латуннаго украшенія готическаго стиля, найденнаго у самой оградной стѣны почти на материкѣ, до небольшого чугуннаго ядра, выброшеннаго со щебнемъ съ глубины 7 вершковъ близъ древняго собора.

Чтобы изслѣдовать обстоятельно весь кремль Углича, нужно не 100, а по крайней мѣрѣ 1000 рублей, человѣкъ 30 землекоповъ и не менѣе мѣсяца времени, да хотя двухъ помощниковъ.

Если теперь задать вопросъ, когда въ Угличѣ былъ каменный кремль, то на него нужно отвѣтить, что онъ былъ по крайней мѣрѣ уже въ XVI в., такъ какъ цѣлый рядъ письменныхъ свидѣтельствъ, идущихъ отъ конца XVI и за половину XVII в., знаетъ въ Угличѣ

только деревянный «городъ» [1]). Если же принять во вниманіе данныя, добытыя раскопками, то указанное время придется отодвинуть къ XV и даже къ XIII в., какъ указываетъ и Угличская лѣтопись по списку археографической комиссіи.

Въ заключеніе приведу описаніе угличскаго дома по грамотѣ 1684 г. [2]). Домъ состоялъ изъ избы, противъ которой находилась горница, а между ними сѣни. На горницѣ помѣщалась вышетка, подъ избой—подъизбица, а подъ горницею—подклѣть.

И. А. Тихоміровъ.

---

[1]) Въ писцовой книгѣ Углича 1678 г. и во многихъ другихъ документахъ, касающихся города, неоднократно встрѣчаются указанія (Тр. Яр. Арх. Ком. вып. II, стр. 48—49 и выше прим.) на то, что такой-то дворъ или дворовое мѣсто взяты подъ стѣну; слѣдовательно новая стѣна (деревянная) построена на новомъ мѣстѣ и протяженіемъ сдѣлана меньше прежней: встала на мѣстѣ дворовъ, бывшихъ внутри старой стѣны. Однако различіе показаній величины окружности стѣны писцовой книги (366 с. 1¾ ар. Яр. Губ. Вѣд. 1850 г.) и болѣе позднихъ источниковъ (272 с., см. выше), обусловлено не повтореніемъ укороченія стѣны, а различіемъ саженей, употребленныхъ для обмѣриванья въ первомъ («маховая») и во второмъ («печатная») случаяхъ. Приводимый мною планъ Угличской крѣпости («княжій городъ») провѣренъ по многимъ планамъ и описаніямъ и по тому, думаю, ближе другихъ къ истинѣ.

[2]) Старина и Новина, кн. 7, стр. 206.

Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ,

носящія на себѣ слѣды ходячихъ мотивовъ нѣкоторыхъ европейскихъ сказаній.

Милостивые государи! Позвольте мнѣ занять Ваше просвѣщенное вниманіе разсмотрѣніемъ двухъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ, записанныхъ мною фонетически въ д. Усть-Курдюмѣ, Саратовскаго уѣзда, во время моей поѣздки туда съ діалектологической цѣлью. Я отмѣчу при этомъ ихъ варьянты, сообщенные мнѣ другими изслѣдователями, а для общей оцѣнки этихъ легендъ— для выясненія ихъ характера, и отчасти, происхожденія, приведу въ сравненіе нѣкоторыя другія сказанія, сходныя съ ними по своему сюжету и мотивамъ.

Записанныя мною легенды интересны въ слѣдующемъ отношеніи: одна изъ нихъ рисуетъ намъ Стеньку какъ волшебника, а другая является, очевидно, отвѣтомъ на запросы народнаго любопытства, что сталось со Стенькою послѣ его казни. Народъ нашъ сохранилъ память о Стенькѣ, какъ великомъ чародѣѣ или колдунѣ. Существуетъ множество сказаній, разсказывающихъ, какія Стенька дѣлалъ чудеса. Такъ, въ одномъ преданіи, сообщенномъ мнѣ изслѣдователемъ Саратовскаго края Соколовымъ [1]), разсказывается о томъ, какъ Стенька, задумавъ овладѣть Астраханью, которая въ его время принадлежала австрійскому (sic!) императору, отщипнулъ отъ лукошка щепку и, бросивъ ее въ воду, превратилъ ее въ корабль, полный солдатами, и какъ онъ потомъ плылъ на немъ по сухому (?) пути изъ Казани вплоть до Пѣшаго (?) Базара въ Саратовѣ. Разсказовъ о подобнаго рода чудесахъ Стеньки, повторяю, можно слышать во множествѣ. Вотъ мнѣ и пришлось записать одно изъ такихъ преданій. Позвольте мнѣ, милостивые государи, передать его содержаніе, какъ таковое я записалъ. «*Про Стеньку у нас многа росказвали: он вить фсе по воде плавал. Это я слышал про нево, ще малинькый был: росказвали эту сторію нат Стенькый. Стал быть, Стенька Разин идет улицый, а плотник*

[1]) Рук. библіот. Сарат. Уч. Арх. Ком. № XVIII.

хрест уставливат на церькви. Стенька змейим оборотит верефку: верефка ворочитса и шыпит. Возьмет он по верефки тяпнит топором: плотник оттуда и упал. Оно там не знай где было. Хитрый он чиловек был. Ну и пора-жы не хитрый был.». Я сообщу еще варьянтъ, недавно присланный мнѣ крестьяниномъ Заварицковымъ, записанный имъ въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи; онъ очень близокъ къ первому и нѣкоторыя отличія его вы усмотрите изъ его содержанія. «Въ Саратови когда на красной соборъ когда ставили кресты въ это время къ берегу съ волги ѣхалъ на кошмѣ Стенька Разинь дли того чтобы посмотреть. Мастеръ который ставилъ крестъ увидалъ Стеньку съ верьху и видно силой Божей остановилъ Стеньку саженъ на 50-тъ отъ берега, полость подъ Стенькой стала тонуть. Стенька бросилъ кошму и на рукахъ доплылъ до берега. Когда вышелъ на берегъ то онъ волшебной силой узналъ кто это наднемъ пошутилъ и въ отмеску мастеру устроилъ змея и этотъ змей къ ужасу всего народа быстро поползъ прямъ на верхъ по канату а потомъ обвился околой той веревки на которой былъ привязонъ мастеръ. Мастеръ взялъ топоръ и тяпъ по змею, веревку на себѣ и перерубилъ за темъ слѣдомъ за ударомъ топора полѣтелъ винзъ и расшибся вдребезги» [1]). Здѣсь, какъ вы изволили видѣть, разсказывается о томъ, какъ Стенька помощью своихъ заклинаній превратилъ веревку въ змѣю. Змѣй—это олицетвореніе нечистой силы, воплощеніе хитрости и коварства—естественно долженъ былъ въ сознаніи народа сдѣлаться средствомъ для продѣлокъ колдуновъ, знающихся съ нечистою силою и дѣйствующихъ ею, почему и Стенька Разинъ, будучи великимъ чародѣемъ, долженъ былъ возымѣть власть надъ змѣею. И онъ, дѣйствительно, по понятію народа, имѣлъ надъ змѣями власть. Вотъ что передаетъ мнѣ по этому поводу крестьянинъ Заварицковъ. «За Волгой, вотъ хорошо изъ за этого, тамъ ни одна змѣя не кусается. Всѣхъ ихъ тамъ заговорилъ Стенька Разинъ на вѣки вѣчные. Онъ брался заговорить ихъ во всей Россіи, даже не однихъ змѣй, но всяку гадость, какъ то: блохъ, клоповъ, вшей, комаровъ, вообще всяку гадость, которая кусаетъ человѣка. Но прежде чѣмъ заговорить просилъ собрать дань въ размѣрѣ съ каждой души по одной денежкѣ. Намъ это кажется очень дешево. Мы бы теперь не пожалѣли и копейки, а тогда жалко было денежку, такъ говорятъ крестьяне изъ молодыхъ, но стары на-

[1]) Выдержано правописаніе подлинника.

противъ старики говорятъ, что въ то время денежка была дороже рубля, тогда съ тремя денежками отъ насъ можно было съѣздить въ Саратовъ и оттоль, а нонче и на три рубля не съѣздишь. Вотъ по этому тогда и не согласились на условья Стеньки Разина, вотъ чрезъ эти денежки и страдаетъ отъ этой гадости весь міръ православный».

Что касается происхожденія легендъ этого типа, то чудо со змѣемъ принадлежитъ къ ходячимъ мотивамъ давняго преданія. Стоитъ, напримѣръ, только вспомнить библейскій разсказъ о Моисеѣ, превратившемъ предъ Фараономъ свой жезлъ въ змѣя, и о египетскихъ мудрецахъ, продѣлывавшихъ то же. Въ новѣйшее время являются не менѣе интересными и характерными разсказы о факирахъ, превращающихъ, между прочимъ, палки и веревки «въ ползающихъ и шипящихъ змѣй». Легко могло быть, что какой-нибудь изъ подобныхъ разсказовъ, скорѣе всего восточнаго происхожденія, попалъ въ народъ и былъ имъ пріуроченъ къ извѣстной исторической личности, такъ или иначе идеализировавшейся въ народной фантазіи. Для насъ, конечно, въ данномъ случаѣ интересенъ фактъ такого пріуроченія къ «чародѣю Степькѣ Разину». Милостивые государи! Факты заимствованія и пріуроченія—явленіе въ литературѣ довольно обычное, оно происходитъ, конечно, и инымъ путемъ. Однимъ изъ выдающихся примѣровъ является хотя бы исторія европейскаго Фауста. Возникнувъ въ первые вѣка христіанства въ лицѣ двухъ героевъ греческихъ сказаній—Ѳеофила-Икономa и Кипріана Антіохійскаго, онъ, чрезъ посредство всевозможныхъ переработокъ и пріуроченій явился, наконецъ, у многихъ народовъ Европы тѣмъ героемъ, котораго нѣмецкое народное сказаніе пріурочило къ опредѣленной исторической личности—доктору Іоганну Фаусту. Поляки, напримѣръ, олицетворили его въ своемъ знаменитомъ Панѣ Твардовскомъ, а у насъ, на Руси онъ явился въ лицѣ Саввы Грудцына, главнаго героя выдающейся русской повѣсти XVII вѣка. Фактъ такихъ же заимствованій и пріуроченій, безъ сомнѣнія, являетъ на себѣ и вторая изъ записанныхъ мною легендъ.

Но прежде, чѣмъ охарактеризовать ее, позвольте мнѣ передать ея содержаніе, разумѣется, въ томъ видѣ, какъ я ее записалъ. «*Виш ты чиловек был где то на лошади, и шол, стал быть, тропой, и вдруг зимлянка. Ну вишь бутта лежит в зимлянки весь в волосах. Ну этот обробел ево. Ну пора-жы не обробеть? Этот чиловек страшын был. Змей сосет ево груди, этова чиловека. «Я Стенька Разин,—говорит он,—хитер я был: вот у Спловнова* (sic!)

барака прожывалси. Ниодна посуда ни могла пройтить без дани». Там рупь положыт, там полтора... Вот какой был чиловек. Он ему высказал, тот и пошол своей дорогой».

Приведу варьянты, сообщенные мнѣ Кротковымъ, членомъ Саратовской Архивной Комиссіи.

I. Плыли рыбаки по Хвалынскому морю и пристали они къ острову. Увидали они на этомъ островѣ костеръ, еще не потухшій. Около костра не было видно никакого человѣка. Они стали его искать. Наконецъ, увидали одного человѣка и стали его спрашивать, давно ли онъ живетъ на этомъ островѣ, и кто онъ такой? Онъ своего имени имъ не сказалъ, но сказалъ, что на его душѣ лежитъ много грѣха: много онъ пролилъ христіанской крови, и Богъ его за это наказалъ. Богъ его помѣстилъ на этотъ островъ чудеснымъ образомъ и послѣдняго не всякій могъ видѣть. Въ наказаніе за его грѣхи Богъ въ каждый полуденный часъ посылаетъ птицу, которая должна у него клевать печень. Печень эта за ночь выростаетъ.

II. Шли люди молиться къ Троице-Сергію и, когда подходили къ Москвѣ, имъ встрѣтился густой, непроходимый лѣсъ. Долго они шли по этому лѣсу и вышли на поляну, и увидали на этой полянѣ шалашъ. Около этого шалаша былъ посѣянъ огородъ съ лукомъ, рѣдькой и т. д. и т. д.; но человѣка никакого не было. Долго они его искали, и, наконецъ, въ «чищевѣ» (т. е. въ чащѣ) увидали его, и онъ стоялъ и шелъ задомъ. Когда они его спросили, кто онъ такой, онъ тоже своего имени имъ не сказалъ. Только сказалъ имъ, что на его душѣ много пролито христіанской крови. Потомъ онъ объяснилъ, что на него Богомъ положено проклятіе, ему нельзя видѣть человѣческаго лица. Только благодаря особымъ усиліямъ имъ удалось узнать, кто онъ такой. Это былъ Стенька Разинъ. Въ концѣ концовъ онъ имъ сказалъ: «Я приду къ вамъ опять!».

А. Н. Минхъ передаетъ въ своемъ «Словарѣ» [1]) подобный же варьянтъ, слышанный имъ отъ священника Вольскаго уѣзда, о. Лупина, которому разсказывали вольскіе старожилы, «что-де разбойникъ Стенька Разинъ живъ и по настоящее время; живетъ онъ на какомъ-то островѣ, гдѣ его видятъ пристающіе корабли. Днемъ онъ обростаетъ волосами, а ночью волоса всѣ съ него сдираются. Встрѣчающимся ему Стенька разсказываетъ, что всѣ грѣхи его прощены, кромѣ одного,

[1]) «Истор.-Географическ. словарь Саратовской губ.» вып. II (1901), стр. 812, и «Народные обыч... Саратовской губ.» (С.П.Б. 1890), стр. 16.

самаго важнаго: онъ ограбилъ одинъ монастырь, причемъ зарылъ въ землю икону Божіей Матери. Эта икона будетъ томиться въ землѣ до страшнаго суда, а онъ, Стенька, мучиться въ продолженіи этого времени на землѣ.

На Сурѣ разсказывается слѣдующій варьянтъ: «Гдѣ-то за Волгой, въ дремучемъ лѣсу, въ топкомъ болотѣ, лежитъ гигантскій трупъ Стеньки; воронье слетается и клюетъ его; змѣи сосутъ его кровь. Долго-ли лежитъ Стенька—невѣдомо, но будетъ время, оживетъ онъ, и снова пойдетъ онъ по русской землѣ» [1]).

Въ другомъ варьянтѣ разсказывается о томъ, какъ старуха-богомолка, которую застала ночь въ глухомъ лѣсу, случайно попала въ избушку одного дряхлаго старика, который оказался Стенькой Разинымъ. Въ глухую полночь, когда онъ спалъ на печи, съ страшнымъ шумомъ влетѣли въ избу черезъ раскрывшуюся крышу два крылатыхъ змѣя, набросились на старика и стали пить его кровь [2]).

Какъ въ своихъ подробностяхъ ни разнятся всѣ варьянты записанной мной легенды, которые я имѣлъ честь предложить вашему вниманію,—въ общемъ они выражаютъ одно и то же: такъ или иначе, но безбожный Стенька претерпѣваетъ различныя мученія за свои грѣхи уже здѣсь, на землѣ.

Онъ такъ грѣшенъ, что даже сама смерть не властна надъ нимъ, и онъ долженъ мучиться здѣсь до дня Страшнаго суда. Всѣ эти звѣри и птицы, которые терзаютъ тѣло Стеньки, клюютъ его сердце и пьютъ его кровь, въ общемъ служатъ одной цѣли—воздать великому грѣшнику за пролитую имъ христіанскую кровь томительно-длинными истязаніями: кровью Стенька платитъ за безвинно-пролитую кровь. Нечистой силой, олицетворенной въ лицѣ змѣя, онъ творилъ чудеса на землѣ, но за то отъ нея же онъ претерпѣваетъ и мученія.

Что касается происхожденія легендъ этого типа, то очевидно, зерно ихъ лежитъ въ произведеніяхъ, созданныхъ весьма отдаленными отъ насъ эпохами.

Не напоминаетъ-ли намъ «гигантскій трупъ Стеньки», про который существуютъ разсказы въ присурскомъ краѣ, необъятный образъ титана—Прометея, а всѣ птицы, клюющія сердце Стеньки, и змѣи, сосущія его кровь,—мучителя коршуна, терзавшаго печень миѳическаго

---

[1]) См. ст. А. П. Мельникова «Изъ прошлаго присурскаго края» (Дѣйств. Нижегородской Учен. Архивной Комиссіи, 1891 г.).

[2]) А. П. М. id. стр. 812—3.

героя? Очевидно, такъ. Но теперь, является вопросъ, какимъ образомъ отголосокъ этого давняго миѳа могъ попасть въ нашъ народъ? Можно думать, конечно, что онъ книжнаго происхожденія: посредницей въ данномъ случаѣ могла, между прочимъ, явиться лубочная литература. Съ другой стороны, здѣсь, быть можетъ, лежатъ въ основѣ и сказочные мотивы, принявшіе такой видъ путемъ наслоенія позднѣйшихъ элементовъ. Что касается пріуроченія этого миѳическаго отголоска къ Стенькѣ Разину, то это, какъ мы уже указывали выше, слишкомъ обычный фактъ. Но, кромѣ этого мотива, въ нашей легендѣ и ея варьянтахъ является еще и другой. Это—искупленіе Стеньки путемъ тяжкихъ и безконечно долгихъ мученій, имѣющихъ протянуться до скончанія вѣка. Здѣсь также лежитъ мотивъ, слишкомъ извѣстный въ разныхъ сказаніяхъ европейскихъ народовъ. Зародышъ его лежитъ въ кругу тѣхъ сказаній, которыя можно объединить въ общей фабулѣ «о покаявшемся грѣшникѣ». Сюда прежде всего можно отнести извѣстную легенду «О кровосмѣсителѣ», напечатанную въ трехъ варьянтахъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы» гр. Кушелева-Безбородко [1]).

Легенда эта, очевидно, вымыселъ глубокой древности, въ основѣ котораго лежитъ миѳъ объ Эдипѣ. Ея древность подтверждается сохранившимися обломками въ пѣсняхъ и сказаніяхъ различныхъ славянскихъ народовъ.

Подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, языческая древность этого миѳа, очевидно, ослабѣла, но не могла исчезнуть совсѣмъ: она сочеталась, въ концѣ-концовъ, съ высокими нравственными понятіями и благочестивое воображеніе перенесло ее на христіанскій міръ [2]). Эпизодъ «о раскаявшемся грѣшникѣ» мы можемъ, напримѣръ, часто встрѣтить соединеннымъ съ другими сказаніями. Такъ, онъ является, между прочимъ, въ знаменитомъ сказаніи «О Робертѣ-Дьяволѣ», первая часть котораго представляетъ изъ себя легенду «о человѣкѣ, до рожденія проданномъ дьяволу», а вторая—«повѣсть о покаявшемся грѣшникѣ».

Такое же соединеніе мы находимъ также въ одной литовской сказкѣ, напечатанной г.г. Лескинымъ и Бругманомъ въ «Собраніи литовскихъ пѣсенъ и сказокъ» (№ 32) подъ заглавіемъ: «О бѣдномъ человѣкѣ, который продалъ дьяволу своего сына, когда послѣдній еще не родился».

---

[1]) См. вып. I (С.-П.-Б. 1860), стр. 415—21.

[2]) Id. стр. 421: примѣчан.

Въ этой сказкѣ, гдѣ разсказывается о томъ, какъ одинъ отецъ продалъ дьяволу невольно своего ребенка, когда послѣдній еще не родился, вставленъ, между прочимъ, и эпизодъ «о покаявшемся разбойникѣ».

Сказка на столько любопытна, что позвольте мнѣ, хотя-бы вкратцѣ, изложить ея содержаніе.

Былъ одинъ очень бѣдный человѣкъ. Отправился онъ однажды въ лѣсъ за дровами и заблудился тамъ. Въ досадѣ онъ обратился за помощью къ нечистому и со злостью говорилъ: «хоть-бы самъ дьяволъ пришелъ сюда и вывелъ меня изъ этого лѣса»! А дьяволъ уже былъ около него и спрашиваетъ бѣднаго мужичка: «Что тебѣ надо, человѣкъ? Ты, кажется, заблудился»! На утвердительный отвѣтъ бѣднаго человѣка дьяволъ сказалъ: «Обѣщай мнѣ, что дома не оставлялъ, и я тебя выведу изъ этого лѣсу! А теперь разрѣжь немного мизинецъ и распишись своею кровью; тогда я выведу тебя изъ лѣсу». Бѣдный человѣкъ не преминулъ исполнить его приказаніе, и дьяволъ тутъ же показалъ ему, какъ онъ можетъ выбраться изъ лѣсу. Бѣдный человѣкъ возвратился домой, и какъ же онъ былъ пораженъ неожиданной новостью, когда дома узналъ, что у него родился сынъ: несчастный теперь только увидѣлъ, что онъ невольно отдалъ сына своего дьяволу. Мальчикъ подросъ и сталъ учиться. Когда онъ пріѣзжалъ домой, то постоянно замѣчалъ, что отецъ его почему-то всегда бываетъ очень печаленъ. Уже сдѣлавшись священникомъ, онъ однажды спросилъ своего родителя о причинѣ скорби и отчаянія. Несчастный отецъ отвѣтилъ на это: «Какъ мнѣ не скорбѣть, когда я продалъ тебя чорту, еще прежде, чѣмъ ты появился на свѣтъ». И онъ разсказалъ сыну все, что случилось съ нимъ, по порядку. «Не бѣда»,—сказалъ сынъ отцу,—«я добуду назадъ эту грамоту изъ ада!» И священникъ, на скоро собравшись, отправился разыскивать адъ. По дорогѣ туда, онъ зашелъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ невольно попалъ въ гнѣздо разбойниковъ. Атаманъ хотѣлъ было убить несчастнаго путника, но послѣдній просилъ не лишать его жизни. «А куда ты идешь?»—спросилъ его смягчившійся разбойникъ. «Я иду въ адъ, чтобы взять тамъ обратно расписку, которую отецъ мой однажды далъ сатанѣ, преждѣ чѣмъ я появился на свѣтъ!». «Да вѣдь это прекрасно»,—вскричалъ разбойникъ,—«что ты идешь въ адъ; кстати спроси и обо мнѣ, что станется со мной послѣ смерти!» Священникъ пришелъ, наконецъ, въ адъ. Увидѣвъ чертей, онъ сталъ кропить ихъ святой водой. «Не выжигай намъ глазъ!»—кричали черти.

«Отдайте мнѣ расписку и я вамъ не сдѣлаю ничего!»— сказалъ священникъ. Чертенокъ, у котораго была въ рукахъ расписка, не хотѣлъ было отдавать ее священнику; тогда Люциферъ сказалъ: «Такъ бросьте того, у кого находится эта расписка, на *кровать Демьяна*!» [1]). Въ кровати торчали остріями вверхъ ножи, а между нихъ виднѣлись языки адскаго пламени. «Кто это такой Демьянъ (имени Демьяна, по словамъ В. Ѳ. Миллера, у литовцевъ нѣтъ; слѣдовательно, оно попало къ нимъ отъ русскихъ, быть можетъ, вмѣстѣ со сказкой), для котораго приготовлена эта кровать?»— спросилъ между тѣмъ священникъ. Этотъ Демьянъ оказался тотъ самый разбойникъ, который просилъ его узнать объ участи, ожидающей его послѣ смерти. Получивъ расписку, священникъ возвратился назадъ. По дорогѣ онъ зашелъ къ разбойнику и разсказалъ ему обо всемъ по порядку. Разбойникъ испугался тѣхъ мученій, какія его ожидаютъ въ аду; онъ рѣшилъ покаяться и просилъ священника оказать ему помощь при покаяніи. Священникъ велѣлъ разбойнику принести яблоновый колъ, воткнуть его въ землю и носить ртомъ воду, и поливать до тѣхъ поръ, пока вокругъ него не образуется калужина; когда же таковая засохнетъ, то снова ее наполнять. Съ этими словами священникъ удалился. Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, и онъ успѣлъ сдѣлаться епископомъ. Однажды онъ проѣзжалъ зимою какъ разъ черезъ тотъ лѣсъ, гдѣ онъ нѣкогда оставилъ кающагося разбойника. Не смотря на зимнюю пору, здѣсь сильно пахло яблоками. Онъ замѣтилъ это и сталъ искать причины, почему здѣсь въ такое время пахнетъ яблоками. Вскорѣ онъ нашелъ яблоню, подъ которой стоялъ на колѣняхъ старый человѣкъ. На вопросъ епископа, какая причина побудила стоять здѣсь на колѣняхъ, старикъ отвѣчалъ: «Я былъ когда-то разбойникъ; одинъ священникъ заставилъ меня каяться въ моихъ прегрѣшеніяхъ на этомъ самомъ мѣстѣ; но онъ, вѣроятно, уже умеръ, такъ какъ не является сюда снять съ меня покаяніе!» Епископъ вспомнилъ, что этотъ священникъ былъ онъ самъ. Демьянъ еще разъ повторилъ ему о всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ (при чемъ, при упоминаніи каждаго грѣха, съ яблони постепенно спадало по яблоку) и умеръ, какъ только покаялся въ томъ, что убилъ родного отца (?) и одного епископа.

Эпизодъ съ разбойникомъ, встрѣтившемся на пути путнику, шедшему въ адъ,—представляетъ изъ себя, очевидно, ничто иное, какъ

---

[1]) Ср. въ русск. сказ. «*кумова кровать*».

отдѣльное сказаніе, относящееся къ фабулѣ «О покаявшемся грѣшникѣ» и искусственно спаянное съ легендой и о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу. Такъ что литовскій [1]) пересказъ представляетъ изъ себя двѣ соединенныхъ вмѣстѣ фабулы. Доказательствомъ этого можетъ служить, напр., то обстоятельство, что среди бѣлорусскихъ пересказовъ подобныхъ сказокъ мы можемъ отмѣтить и такіе, гдѣ въ сказкѣ о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу, дѣйствительно отсутствуетъ эпизодъ съ разбойникомъ, и, слѣдовательно, сказка подобно одной греческой легендѣ [2]) разсказываетъ только о томъ, какъ человѣкъ былъ проданъ до рожденія своимъ родителемъ дьяволу и какъ ему потомъ удалось освободиться изъ подъ власти этого дьявола. Въ другой бѣлорусской сказкѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «О великомъ грѣшникѣ», независимо отъ только что упомянутой нами фабулы, разсказывается и объ обращеніи къ Богу «раскаявшагося злодѣя». Эта сказка, безъ сомнѣнія, имѣетъ общіе мотивы со сказаніями въ родѣ «Житія св. Варвары» (Четьи-Минеи 6 ноября, 18 авг., 2 окт.) изъ упомянутыхъ нами легендъ о кровосмѣсителѣ.

Въ этой бѣлорусской сказкѣ «О великомъ грѣшникѣ» разсказывается, какъ онъ, много нагрѣшивъ, рѣшилъ затѣмъ покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и отправился съ этой цѣлью по святымъ мѣстамъ. Онъ зашелъ къ одному пустыннику и исповѣдался ему въ своихъ грѣхахъ. «Ты такой грѣшникъ, што тябе смерцъ ня возьмець, земля ня примець, покуль ты не зробишь стольки добра, какъ яно твои грѣхи переважило, а дотуль ты будзишь мучитца на гэтомъ свѣци» [3]). Много трудовъ и всевозможныхъ лишеній долженъ былъ вынесть великій грѣшникъ, прежде чѣмъ онъ получилъ отъ Бога прощеніе своихъ грѣховъ. Долго онъ мучился и никакъ не могъ дождаться смерти. Идетъ онъ однажды въ Свѣтлое Христово Воскресеніе по полю и дивится, видя, какъ народъ въ такой великій день работаетъ, и войтъ ихъ мучитъ. Разсвирѣпѣлъ грѣшникъ на войта и убилъ его, но и самъ тутъ же умеръ. Эпизодъ съ покаявшимся разбойникомъ замѣчательно напоминаетъ намъ въ общихъ чертахъ покаяніе Роберта Дьявола, когда тотъ послѣ множества совершенныхъ имъ злодѣйствъ обратился, наконецъ, на путь истины.

Милостивые государи! Я слишкомъ утомилъ Ваше вниманіе изложеніемъ этихъ сказаній, имѣющихъ, быть можетъ, съ интересующими

---

[1]) Есть малорусскіе и великорусскіе пересказы.

[2]) См. кн. Жданова въ концѣ.

[3]) Шейнъ Бѣлорусскій. Сбр. 372.

насъ легендами лишь отдаленную связь. Я сдѣлалъ это для того, чтобы нагляднѣе представить, изъ какихъ элементовъ слагаются иногда преданія объ историческихъ личностяхъ и какъ устойчиво держатся тѣ или иные мотивы сказаній, какимъ бы они въ частности не подвергались измѣненіямъ, кочуя по пространству и времени.

А. С. Мадуевъ.

Леонтій Филипповичъ Магницкій.

(1669—1739 г.г.)

Среди дѣятелей эпохи Петра Великаго скромное, но весьма почтенное мѣсто занимаетъ извѣстный первый въ Россіи ариѳметикъ и геометръ Л. Ф. Магницкій. Съ именемъ Магницкаго въ исторіи русскаго просвѣщенія соединяется начало и распространеніе математическихъ познаній, благодаря составленной имъ, по порученію Великаго Преобразователя Россіи, ариѳметикѣ, которая долгое время служила единственнымъ источникомъ математическихъ познаній для русскихъ людей и полагалась въ основу всѣхъ послѣдующихъ руководствъ по этому предмету. Но не одною только этою стороною своей дѣятельности извѣстенъ Магницкій. Составленная имъ записка по дѣлу Тверитинова показываетъ, что онъ принималъ дѣятельное и едва ли не главное участіе въ борьбѣ противъ протестантскихъ воззрѣній, проникавшихъ въ русскую жизнь вмѣстѣ съ реформами Петра Великаго.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о жизни и дѣятельности нашего математика, укажемъ тѣ источники и пособія, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго очерка.

На первомъ мѣстѣ мы должны поставить рукопись подъ заглавіемъ: «Книга для записыванія достойныхъ памяти обстоятельствъ, заведенная въ 1836 году сентября въ 1 день Христорождественской гор. Твери церкви священникомъ Я. Л. Морошкинымъ», найденную нами въ библіотекѣ покойнаго протоіерея Тверской Владимірской церкви В. Ѳ. Владиславлева. Въ этой рукописи среди другихъ матеріаловъ находится, между прочимъ, статья: «Совокупное географическое и историческое описаніе города Осташкова», составленное священникомъ Осташковскаго собора Ѳеодоромъ Филипповичемъ Прусаветскимъ, и въ ней—глава, посвященная «краткому описанію жизни мужей, родившихся въ Осташковѣ, но сдѣлавшихся своими способностями, добродѣтелями и

заслугами извѣстными Церкви и отечеству». Среди этихъ мужей мы находимъ и Л. Ф. Магницкаго. Правда, свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь о немъ, весьма кратки и не отличаются точностію и опредѣленностію, но они драгоцѣнны для насъ потому, во-первыхъ, что восполняютъ біографическія о немъ данныя, извѣстныя въ печати, а во-вторыхъ, потому, что свидѣтельствуютъ о происхожденіи его изъ отдаленнаго уголка нашей Тверской губерніи. Это послѣднее обстоятельство и побудило насъ собрать все, что извѣстно въ литературѣ о личности Магницкаго, и добытыя о его жизни и дѣятельности свѣдѣнія изложить въ краткомъ очеркѣ.

Такъ какъ оффиціальная дѣятельность Магницкаго была посвящена педагогическому поприщу, то само собой понятно, что эта сторона его дѣятельности и служила преимущественнымъ предметомъ вниманія изслѣдователей. Самыя подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Магницкаго заключаются въ сочиненіи Берха: «Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ», изданномъ въ 1831 году. Помѣщеніе въ этомъ почтенномъ трудѣ свѣдѣній о Магницкомъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ въ числѣ первыхъ учителей Навигаціонной школы, основанной Петромъ Великимъ. Въ 1857 году въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ статьѣ: «Первая печатная ариѳметика въ Россіи» помѣщено описаніе ариѳметики Магницкаго съ указаніемъ достоинствъ его труда съ точки зрѣнія современнаго состоянія математическихъ наукъ.— Столь же обстоятельныя свѣдѣнія о математическихъ трудахъ Магницкаго мы находимъ въ сочиненіи Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Краткія свѣдѣнія о трудахъ Магницкаго заключаются: 1) въ «Запискахъ Гидрографическаго Департамента», изданныхъ въ 1825 и 1847 годахъ; 2) въ «Описаніи дѣлъ архива Морского Министерства» за время съ половины 17 до начала 19-го столѣтія, изданномъ въ 1877 и 1879 годахъ; 3) въ сочиненіи «Русская морская библіотека» Соколова, изданномъ подъ редакціей Шульца въ 1888 году; 4) въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» 1889 года, въ статьѣ «Исторія книги на Руси» и 5) въ сочиненіи «Жизнь Петра I-го» Лебедева, изданномъ въ 1890 году. Кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о Магницкомъ можно найти: 1) въ Первомъ полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи; 2) въ «Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 18 и 19 столѣтіяхъ, Геннади, и 3) въ «Словарѣ писателей духовнаго чина» митрополита Евгенія.

Всѣ перечисленные источники или указываютъ только нѣкоторыя

черты въ жизни Магницкаго, или характеризуютъ дѣятельность его, какъ перваго въ Россіи ариѳметика и геометра, ни однимъ словомъ не касаясь его происхожденія и дѣятельности противъ распространенія среди русскихъ людей протестантскихъ воззрѣній. При этомъ Берхъ прямо заявляетъ, что «до нашего свѣдѣнія не дошло, гдѣ онъ родился, гдѣ обучался наукамъ, и кто были его предки». Указывая на тотъ фактъ, что фамилія, подъ которою извѣстенъ нашъ математикъ дана ему Великимъ Преобразователемъ, онъ замѣчаетъ, что «даже ближнимъ его неизвѣстно, какое прозваніе имѣлъ онъ до сего времени». Что касается свѣдѣній о дѣятельности Магницкаго противъ увлеченія русскихъ людей протестантскими воззрѣніями, то они заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующихъ двухъ печатныхъ документахъ: 1) въ «Дѣлѣ о московскихъ еретикахъ Димитріи Тверитиновѣ съ его единомышленниками», напечатанномъ въ «Описаніи документовъ и дѣлъ Св. Синода», и 2) въ «Запискѣ Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверитинова», изданной въ 1882 году по рукописи князя П. П. Вяземскаго отдѣльною книгою [1]).

Леонтій Филипповичъ Магницкій родился 9-го іюня 1669 года. Исторія не сохранила свѣдѣній о жизни его отца и матери. Но что онъ происходилъ изъ свѣтскаго званія, это видно изъ слѣдующихъ словъ автора «Совокуннаго описанія г. Осташкова»: «Хотя намѣреніе мое было, говоритъ онъ, показать только о мужахъ духовнаго званія, но были изъ Осташкова люди вышедшіе, достойные замѣчанія, и свѣтскаго званія». На основаніи сообщаемыхъ имъ далѣе свѣдѣній можно заключить, что Магницкій былъ сынъ крестьянина Осташковской Патріаршей слободы, по прозванію Теляшина, и приходился «ближнимъ родственникомъ» второму устроителю Ниловой пустыни, архимандриту

---

[1]) Записка эта послужила главнымъ источникомъ для статьи г. Тихонравова: «Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій», напечатанной въ журналѣ Русскій Вѣстникъ 1870 г. Авторъ упрекаетъ составителя записки «въ крайнемъ пристрастіи къ Яворскому», хотя самъ впадаетъ въ другую крайность, всецѣло становясь на сторону еретиковъ. Его пристрастіе къ вольнодумцамъ выразилось въ томъ, во-первыхъ, что ихъ только показаніямъ онъ придаетъ значеніе и вѣру, въ ихъ дѣйствіяхъ видитъ искренность убѣжденій, тогда какъ въ дѣйствіяхъ защитниковъ православія видитъ одну неискренность, фальшь, подтасовку фактовъ: во-вторыхъ, въ томъ, что защитниковъ чистоты православія онъ надѣляетъ такими эпитетами, которые явно обнаруживаютъ, на чьей сторонѣ его симпатіи. Не говоря уже о Стефанѣ Яворскомъ, даже Ѳеофилакта Лопатинскаго, извѣстнаго мученика и страдальца за идею, отличавшагося искренностью и прямотою, онъ не называетъ иначе, какъ «вѣрнымъ эмисаромъ Яворскаго», а Магницкаго клеймитъ «острожелчнымъ агентомъ» того же Яворскаго.

Нектарію, происходившему изъ рода Тсляшиныхъ и бывшему впослѣдствіи архіепископомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ [1]).

«Въ младыхъ лѣтахъ неславный и недостаточный человѣкъ, говоритъ онъ далѣе, работою своихъ рукъ кормившій себя, онъ прославился здѣсь только тѣмъ, что, самъ научившись чтенію и письму, былъ страстный охотникъ читать въ церкви и разбирать мудреное и трудное». Въ этой характеристикѣ Магницкаго въ его юношескіе годы заключается зерно его послѣдующаго развитія, направленія и дѣятельности. Обнаружившаяся въ немъ съ раннихъ лѣтъ склонность къ разгадкѣ «мудренаго и труднаго» нашла себѣ удовлетвореніе въ занятіяхъ математикой, а его привязанность къ храму Божію, гдѣ онъ любилъ читать при богослуженіи и гдѣ усвоилъ первыя начала истиннаго Православія, сдѣлала его впослѣдствіи мужественнымъ защитникомъ Православной Церкви въ борьбѣ съ протестантскими воззрѣніями. Послѣдующая жизнь Магницкаго чрезвычайно благопріятно сложилась для развитія въ немъ указанныхъ направленій.

---

[1]) Составитель «Описанія Осташкова» не называетъ здѣсь фамиліи отца Леонтія Филипповича. Но встрѣчающееся въ его сообщеніи выраженіе, что Л. Ф. «изъ устъ Его Величества переименованъ изъ Теляшина Магницкимъ» ясно указываетъ на его убѣжденіе о происхожденіи Магницкаго изъ этого рода. Не говоритъ онъ также и о томъ, въ какой изъ трехъ слободъ (Патріаршей, Іосифовой и Пафнутьевской) жили родители Магницкаго. Извѣстный изслѣдователь осташковскихъ древностей, покойный прот. В. П. Успенскій, которому была отправлена эта замѣтка о происхожденіи Магницкаго для провѣрки и дополненія, въ своемъ письмѣ къ почившему предсѣдателю Тв. Уч. Арх. Комиссіи А. К. Жизневскому, между прочимъ, писалъ: «Признаюсь, что во всѣхъ разныхъ бумагахъ мѣстныхъ архивовъ Ниловой пустыни, Могилевской пустыни, Селижарова монастыря, бывшаго Осташковскаго уѣзднаго суда и другихъ видѣнныхъ и читанныхъ мною, нигдѣ не встрѣчалось упоминанія о томъ, чтобы Леонтій Магницкій былъ родомъ изъ Осташкова. Одинъ разъ встрѣтилось мнѣ въ статьѣ о Ниловой пустынѣ, помѣщенной въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1843 г., что преосвященный Нектарій Теляшинъ былъ дядя Леонтію Магницкому, но на чемъ это было основано, не знаю». Изъ позднѣйшаго печатнаго труда о. прот. В. П. Успенскаго: «О прошломъ г. Осташкова» видно, однако, что онъ напалъ на нѣкоторые слѣды происхожденія Магницкаго изъ этого города. «Отъ какихъ то крестьянъ, говоритъ онъ, Пафнутьева монастыря, жившихъ гдѣ то близъ Осташкова, вѣроятно, въ слободкѣ Трестянкѣ, вошедшей въ 1772 г. въ составъ г. Осташкова, происходилъ знаменитый математикъ царствованія Петра I-го—Л. Ф. Магницкій; но отъ какихъ именно и въ какомъ селеніи жившихъ, опредѣленно неизвѣстно. Предполагать происхожденіе его отъ крестьянъ Пафнутьева монастыря вообще заставляетъ встрѣчающаяся въ книгѣ долговъ и товаровъ крестьянъ Іосифовой слободы Демиховыхъ подъ 1719 годомъ запись руки Демихова, заключающаяся въ словахъ: «1719 г. пафнутьевскій крестьянинъ Петръ Никитинъ Магницкій», очевидно, пріурочивающая фамилію Магницкій къ одному изъ пафнутьевскихъ крестьянъ, только неизвѣстно, въ какомъ селеніи жившему. А предполагать происхожденіе его отъ какой нибудь семьи пафнутьевскихъ крестьянъ, именно слободки Трестянки—въ частности, заставляетъ вписанное въ исповѣдной росписи прихожанъ Осташковской Троицкой церкви, слободки Трестянки, 1744 г., имя крестьянина Петра Никитина 53 лѣтъ. могущее предположительно быть признаннымъ за одно съ вышеупомянутымъ пафнутьевскимъ крестьяниномъ Петромъ Никитинымъ Магницкимъ, хотя и нѣтъ при немъ въ росписи фамиліи Магницкій. Опущеніе въ росписи при Петрѣ Никитинѣ фамиліи Магницкій, если только онъ дѣйствительно былъ одно лицо съ вышеупомянутымъ Магницкимъ, ничего не представляетъ удиви-

«Монастырю прежде бывшей (принадлежавшей) здѣсь Іосифовой слободы, читаемъ въ запискѣ объ Осташковѣ, крестьяне послали его нѣкогда въ оный монастырь съ рыбою. Тамъ, узнавъ его способности, оставили для чтенія. Сколько времени въ ономъ монастырѣ находился, неизвѣстно, и какимъ случаемъ перешелъ изъ онаго монастыря въ Симоновъ Московскій монастырь, и какъ почерпнулъ знаніе нѣмецкаго и латинскаго языковъ, ариѳметическихъ и математическихъ (знаній), обстоятельно всего я не знаю».

Я позволю себѣ представить нѣсколько соображеній, которыя могли бы служить къ объясненію указанныхъ авторомъ записки объ

тельнаго: фамилія Магницкій не была родовою родственниковъ Леонтія Филипповича, крестьянскаго происхожденія, а была фамиліею особною, принадлежавшею исключительно одному Л. Ф. и его потомкамъ по прямой нисходящей линіи, какъ данная ему, по преданію, царемъ Петромъ I за личныя его достоинства, а никакъ не родственникамъ его изъ крестьянъ Пафнутьева монастыря, жившимъ близъ Осташкова: этихъ послѣднихъ могли называть по фамиліи Магницкими только по простонародному, т. е., потому, что имѣлъ обыкновеніе называть ихъ такъ простой народъ по родству съ Леонтіемъ Филипповичемъ. Такъ и Демиховъ въ своей книгѣ написалъ Петра Никитина съ фамиліею Магницкій не по оффиціальному усвоенію ему этой фамиліи; но въ исповѣдной росписи, какъ документѣ оффиціальномъ, не могли написать такого родственника Леонтія Филипповича съ фамиліею Магницкій... Въ другихъ документахъ пафнутьевскій крестьянинъ слободки Трестянки Петръ Никитинъ является съ фамиліею Рыжковъ, и если принять, что этотъ самый Рыжковъ названъ у Демиховыхъ по фамиліи Магницкимъ, то можно будетъ утверждать, что фамилія пафнутьевскихъ крестьянъ слободы Трестянки, отъ которыхъ могъ происходить Л. Ф. Магницкій, была Рыжковы». Текстъ сообщаемыхъ авторомъ «Записки объ Осташковѣ» свѣдѣній о происхожденіи Магницкаго не даетъ никакихъ основаній къ принятію высказанныхъ о. прот. В. П. Успенскимъ предположеній. И наименованіе Л. Ф. Теляшинымъ, и указаніе на родство его съ архим. Нектаріемъ ясно свидѣтельствуютъ о происхожденіи Магницкаго изъ рода Теляшиныхъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее извѣстіе—о родствѣ его съ архим. Нектаріемъ оказывается не единственнымъ и идетъ изъ времени сравнительно давняго. Этимъ родствомъ съ архим. Нектаріемъ опредѣляется и происхожденіе Магницкаго изъ Патріаршей слободы, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что родъ Теляшиныхъ принадлежалъ къ этой слободѣ. Родъ этотъ отличался, какъ видно, даровитостью и благочестіемъ. Изъ Теляшиныхъ намъ извѣстны: инокъ Тимонъ (мірское имя его неизвѣстно), сынъ его Павелъ, въ монашествѣ Петръ, отъ котораго произошли сыновья: Николай, Левъ, Еремѣй, Богданъ, Иванъ и неизвѣстнаго имени сынъ, называвшійся въ монашествѣ Сергій. Изъ нихъ Николай, въ монашествѣ Нектарій, былъ въ 1615—1636 и въ 1647—1667 г.г. настоятелемъ Ниловой пустыни, а въ 1636—1640 г.г.—архіепископомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ; Левъ былъ сперва въ 1624 и 1625 г.г. свящ. Осташк. Воскрес. церкви, потомъ въ 1638 г. протопопомъ въ Ржевскомъ Успенск. соборѣ; Сергій въ 1624—1642 г.г. былъ игуменомъ Рожковскаго монастыря (прот. В. П. Успенскій, «О прошломъ г. Осташкова, стр. 14). Вполнѣ возможно, съ другой стороны, что фамилія Рожковыхъ была родственною Л. Ф. Магницкому, но только не по отцу, а по матери. Кромѣ записи Демихова, на это родство указываетъ и то еще обстоятельство, что въ обрывкахъ стариннаго синодика Осташк. Знам. монастыря роды Л. Ф. Магницкаго и П. Н. Рыжкова помѣщены на одной страницѣ. О послѣднемъ прот. В. П. Успенскій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: П. Н. Рыжковъ былъ, какъ видно, человѣкъ зажиточный и вмѣстѣ съ Кузьмою Воронинымъ и Потаповымъ, односельчанами, 1729 года успѣли какъ то, при содѣйствіи управителя Осташковской Синодальной слободы, пріобрѣсти себѣ усадебное мѣсто въ Синодальной слободѣ—поближе къ рынку; но жители Синодальной слободы, не любя сильныхъ конкурентовъ по торговлѣ, чрезъ содѣйствіе Синодальнаго приказа оттѣснили ихъ опять на ихъ насиженныя мѣста—въ слободу Трестянку (изъ письма къ А. К. Жизневскому).

Осташковѣ обстоятельствъ въ жизни Магницкаго. Іосифо-Волоколамскій монастырь, куда, несомнѣнно, Магницкій былъ отправленъ крестьянами Іосифовской слободы съ рыбою, пользовался въ то время глубокимъ уваженіемъ за благочестивый и строго-подвижническій образъ жизни иноковъ. Не только простолюдины, но даже цари и бояре въ 16-мъ и послѣдующіе вѣка любили ѣздить сюда на богомолье. Вполнѣ возможно, что Магницкій, оставленный въ этомъ монастырѣ для церковнаго чтенія, или обратилъ на себя вниманіе кого-либо изъ знатныхъ посѣтителей, который содѣйствовалъ его переходу въ Москву, или даже, проще, слухъ о немъ, какъ объ искусномъ чтецѣ, коими особенно дорожили въ Старой Руси, дошелъ до властей Симонова монастыря, и онъ приглашенъ былъ сюда въ качествѣ церковнаго чтеца.

Что касается недоумѣнія автора Записки объ Осташковѣ относительно того, какъ Магницкій почерпнулъ знаніе нѣмецкаго и латинскаго языковъ, а также ариѳметическихъ и математическихъ познаній, то это обстоятельство разъясняется свѣдѣніями, сообщаемыми въ «Исторіи Славяно-греко-латинской академіи». Въ этой исторіи Магницкій значится въ числѣ воспитанниковъ академіи, при чемъ высказывается вполнѣ вѣроятное предположеніе, что онъ учился въ ней при Лихудахъ, т. е., въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XVII столѣтія [1]). Какимъ образомъ попалъ онъ въ число воспитанниковъ академіи, остается невыясненнымъ, во всякомъ случаѣ, упоминаніе о немъ, какъ о воспитанникѣ Славяно-греко-латинской академіи, даетъ намъ возможность опредѣлить время, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ Петру Великому.

По общему мнѣнію, фамилія, подъ которою извѣстенъ Леонтій Филипповичъ, дана ему Петромъ I. По словамъ Берха, Государь, бесѣдуя съ Магницкимъ многократно о математическихъ наукахъ, былъ такъ восхищенъ глубокими познаніями его въ оныхъ, что назвалъ его магнитомъ и приказалъ писаться Магницкимъ. То же самое передаетъ и авторъ Записки объ Осташковѣ, утверждая, что Леонтій Филипповичъ «изъ устъ Его Величества проименованъ изъ Теляшина Магниц-

[1]) Братья Іоанникій и Софроній Лихуды открыли свои занятія въ существовавшихъ уже «Заиконоспасскихъ школахъ» въ 1686 г. и въ продолженіе 8 лѣтъ преподавали грамматику, піитику, риторику, математику и физику; преподаваніе они вели не только на греческомъ, но и на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того, частнымъ образомъ они обучали желающихъ латинскому и итальянскому языкамъ. 15 мая 1697 года указомъ Петра I имъ поручено было обучать итальянскому языку 55 челов. дѣтей бояръ и иныхъ чиновъ, изъ коихъ учились лишь 10, а остальные отговорились (Энцикл. слов. Брокгауза, подъ словомъ «Лихуды»; Пекарскаго т. I, стр. 190). Что Магницкій учился въ академіи при Лихудахъ, это явствуетъ изъ того, между прочимъ, что онъ зналъ не только греческій и латинскій языки, но и нѣмецкій и итальянскій, изъ коихъ послѣднему онъ могъ научиться только у Лихудовъ.

кимъ, конечно, въ сравненіи того, какъ магнитъ естественною силою своею дѣйствуетъ и привлекаетъ къ себѣ желѣзо: такъ онъ природными и самообразованными способностями своими обратилъ вниманіе и уваженіе на себя» [1]). Принимая во вниманіе, что Леонтій Филипповичъ въ спискѣ учениковъ Славяно-греко-латинской академіи является съ фамилією Магницкій, нужно полагать, что онъ дѣлается извѣстнымъ Петру Великому еще въ то время, когда обучался въ академіи. Обстоятельствомъ, непосредственно способствовавшимъ этому знакомству, было слѣдующее. Живя въ Москвѣ, онъ «явился, говоритъ авторъ Записки, въ знатныхъ господскихъ домахъ такой учитель дѣтей, который обратилъ на себя вниманіе Самодержца Петра I». Понятно, какимъ образомъ Магницкій, единственный, можно сказать, знатокъ въ то время математики, явился учителемъ въ этихъ знатѣйшихъ домахъ. Реформа Петра Великаго прежде всего коснулась окружавшей его среды, той массы недорослей, которыми такъ изобиловала эта среда: дѣти сановниковъ и бояръ должны были волей-неволей взяться за обученіе, чтобы не затеряться среди новыхъ, выдвигаемыхъ реформою людей. Откуда же можно было взять учителей, какъ не изъ единственнаго въ то время разсадника просвѣщенія, Славяно-греко-латинской академіи?.. И вотъ Магницкій, будучи еще ученикомъ академіи, пользовавшійся, вѣроятно, извѣстностью, какъ знатокъ математики, изученію которой Петръ Великій придавалъ особенно важное значеніе, дѣлается учителемъ въ знатѣйшихъ домахъ, и чрезъ это становится извѣстнымъ и самому царю. Въ этихъ то, вѣроятно, домахъ Петръ Великій и узналъ Магницкаго, неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ о математическихъ наукахъ и, быть можетъ, поручилъ ему составленіе той самой ариѳметики, которая «повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича» была издана въ 1703 г. [2]).

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ Записки приводитъ двоякое объясненіе данной Л. Ф. фамиліи: «одни, говоритъ онъ, производятъ фамилію Магницкій отъ латинскаго слова magnes— магнитъ, который силою своею притягиваетъ желѣзо. Петръ I наименовалъ Леонтія Филипповича Магницкимъ потому, что онъ, нигдѣ не учившись, своими природными способностями дошелъ до многаго и удивительнаго просвѣщенія и знанія. Другіе производятъ его фамилію отъ слова magia, magicus, что значитъ волхвованіе или волшебный, волхвователь, приписывая ему званіе и этой науки». Какъ-бы въ подтвержденіе этого Берхъ сообщаетъ, что Магницкій предузналъ кончину Петра I и объявилъ о семъ женѣ своей Маріѣ Гавриловнѣ. (Берхъ, стр. 53).

[2]) Намекн на это порученіе Магницкому со стороны Великаго Преобразователя находимъ въ слѣдующихъ стихахъ на крестъ и гербъ государевъ, составленныхъ Леонтіемъ Филипповичемъ и помѣщенныхъ въ началѣ его ариѳметики:

«Тѣмъ же молимъ, о Самодержче,
Къ чести Богу ревный радѣльче,

Глубокія математическія познанія Магницкаго, обратившія на него вниманіе Петра Великаго, опредѣлили его дальнѣйшую жизнь и дѣятельность. Послѣ возвращенія своего изъ-за границы въ 1698 году, Петръ Великій вмѣстѣ съ приглашеннымъ имъ изъ Англіи профессоромъ Абердинскаго университета Андреемъ Фарварсономъ составилъ планъ Морского училища, которое и учреждено было въ Москвѣ при Сухаревой башнѣ—по однимъ извѣстіямъ 19 августа 1699 года, а по другимъ—въ 1701 году [1]). Въ составъ первыхъ учителей этого училища былъ опредѣленъ и Магницкій, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни [2]).

Кромѣ ариѳметики, Магницкій вмѣстѣ съ Фарварсономъ и Гвиномъ составили и издали «Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ,

---

Дабы сей трудъ въ честь Богу пріялъ,
И въ пользу людямъ въ міръ изліялъ.
О немъ же вѣрный рабъ твой тщился,
Понуждаючи кто трудился,
А имый о семъ дѣлѣ указъ
Упокоевалъ на всякій часъ.
И въ нуждахъ къ сему онъ помогалъ,
Ради всѣхъ пользы ее содѣвалъ».

Подобное же указаніе на повелѣніе царя относительно составленія ариѳметики находится и въ предисловіи къ читателю. Говоря здѣсь о томъ, что «мнози у него, Великаго Государя, преводницы, изрядніи риторы, искуснїи философы, медици и православніи богословы», авторъ продолжаетъ: «Такожде и ко гражданству угодніи мнози обрѣтаются ариѳметици, геометрики, и всякихъ воинскихъ дѣлъ искуснїи человѣцы. Ихъ же кійждо свою должность имѣя, яко лучу нѣкую, повелѣніе, и орошеніе милости его пріемъ, плодоноситъ непрестанно, кійждо по своему его дарованію. Сице и сей потребнѣйшій и многополезнѣйшій свободнаго любомудрія плодъ прозябе»... О достоинствѣ математическихъ трудовъ Л. Ф. Магницкаго существуютъ различные взгляды. Пекарскій въ своемъ сочиненіи: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (стр. 269) смотритъ на его ариѳметику, какъ на компиляцію извѣстнаго въ рукописяхъ XVII в. руководства. Но такой отзывъ едва ли можно считать справедливымъ. Составленіе такой многосложной книги, которая, кромѣ ариѳметики, заключаетъ въ себѣ алгебру и геометрію, съ примѣненіемъ этихъ наукъ къ началамъ навигаціи, стоило Магницкому, вѣроятно, не малыхъ трудовъ. Изъ тѣхъ же стиховъ на крестъ и гербъ государевъ и предисловія къ читателю видно, что для составленія этой книги Магницкому потребовалось ознакомленіе со «многими разноязычными книгами—греческими, латинскими, нѣмецкими, итальянскими и старопреводными словенскими». При этомъ онъ не рабски слѣдовалъ имѣвшимся подъ его руками источникамъ, но бралъ изъ нихъ только то, что считалъ нужнымъ: «елико же въ нихъ обрѣтохомъ, въ достойныхъ мѣстѣхъ приплетохомъ... И мню азъ, яко то имать быть, что самъ себе всякъ можетъ учить. Зане разумъ весь собралъ и чинъ природно русскій, а не нѣмчинъ: склонность бо въ рѣчахъ зналъ есть твердо и объяснилъ весь толкъ уеердно». Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что своимъ трудомъ Магницкій значительно содѣйствовалъ развитію математическихъ знаній въ Россіи, и его ариѳметика была первою, въ которой начали употреблять арабскія цифры (Берхъ).

[1]) Берхъ, принимая во вниманіе—пріѣздъ Фарварсона въ Москву, изданіе ариѳметики Магницкаго и репорты о состояніи училища учителя Протопопова, полагаетъ, что хотя по волѣ Государевой и назначено было открыть немедленно училище, но повелѣніе сіе пришло въ полное дѣйствіе только въ началѣ 1704 года.

[2]) Морской кадетскій корпусъ, стр. 18, 32, 69.

«секансовъ для мудролюбивыхъ тщателей», а въ 1722 году «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты», переведенныя съ голландскаго языка для математико-навигацкихъ учениковъ.

Изъ прошенія въ Св. Синодъ сына частнаго содержателя типографіи В. В. Киприянова о дозволеніи открыть ему при типографіи публичную библіотеку видно, что Магницкій слѣдилъ за выходящими изъ типографіи книгами и занималъ должность цензора. Подъ его надзоромъ въ типографіи печатались ариѳметики, логариѳмы, многія картины, глобусы, ландкарты, календари и другіе разные листы и книги [1]).

Занимая должность учителя Навигаціонной школы, Магницкій въ разное время исполнялъ и другія порученія Монарха, которыя показываютъ, что Петръ Великій имѣлъ высокое понятіе не только о его познаніяхъ, но и о безупречной честности. Такъ, въ 1707 году Петръ Великій, имѣя намѣреніе существовавшую въ Твери крѣпость привести въ хорошее оборонительное состояніе, прислалъ сюда Магницкаго съ планомъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Магницкій, при помощи наряженныхъ изъ Твери и Торжка и изъ уѣздовъ ихъ рабочихъ, коихъ было 4425 человѣкъ, поправилъ валъ и возвелъ фольверки [2]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Берхомъ, въ 1733 году Магницкій управлялъ нѣкоторое время заурядъ Московскою академическою конторою, доставлялъ въ Коллегію отчеты, которые заставляли его передѣлывать, и получалъ въ годъ 260 руб. жалованья [3]).

Въ 1703 году Петръ Великій, желая облегчить доставленіе войску провіанта натурой, тяжелымъ бременемъ лежавшее на низшемъ сословіи, учредилъ особыхъ комиссаровъ, на обязанности которыхъ лежала доставка войску провіанта,—въ числѣ лицъ, приставленныхъ для наблюденія за правильностью расходовъ по покупкѣ провіанта былъ между другими и Магницкій. Но эта обязанность едва не подвергла его великой опасности и гнѣву государя. Дѣло въ томъ, что за поставку провіанта для войска взялись многіе сильные и знатные люди; подъ чужимъ именемъ они скупали хлѣбъ по провинціямъ и, договариваясь съ комиссарами, поставляли его по высокой цѣнѣ. Слухъ объ этихъ злоупотребленіяхъ достигъ до государя, и возникло дѣло. Въ числѣ арестованныхъ по указу Царскаго Величества былъ и Магницкій.

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ Св. Син., Т. 4, № 168—434.

[2]) Истор. извѣстія Тверского княж., Д. И. Карманова.

[3]) Русск. Вѣстн. 1871 г. м. февраль, стр. 705.

«И привезли Магницкаго съ прочими въ Петербургъ въ декабрѣ, по которому дѣлу разсмотрѣлъ самъ Государь, и ничто же либо надъ ними обрѣлъ, токмо имъ великая турбація, и страхъ, и убытки учинилися. А держанъ Магницкій подъ карауломъ точію единъ день, и имяннымъ указомъ освобожденъ» [1]).

По словамъ Берха, Петръ Великій высоко цѣнилъ заслуги Магницкаго. Онъ пожаловалъ его деревнями во Владимірской и Тамбовской губерніяхъ и приказалъ выстроить для него домъ на Лубянкѣ. По семейнымъ преданіямъ, приводимымъ Берхомъ, Петръ I благословилъ Магницкаго мѣстнымъ образомъ Николая чудотворца, который невѣстка его отдала въ церковь Стараго Вознесенія, на Царицынской улицѣ, гдѣ онъ, украшенный драгоцѣнными камнями, находился до 1812 года.

Изложенными нами данными о жизни и дѣятельности Л. Ф. Магницкаго, какъ перваго русскаго ариѳметика и геометра, исчерпываются всѣ наши свѣдѣнія о немъ. Скажемъ въ заключеніе только нѣсколько словъ о его дѣятельности, направленной противъ увлеченія русскихъ людей протестантскими воззрѣніями.

Эта дѣятельность по всей справедливости даетъ ему право стать въ ряды видныхъ защитниковъ православія и заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ его борьбѣ съ извѣстнымъ еретикомъ того времени Тверитиновымъ съ особенною яркостью обнаружились самыя лучшія и благороднѣйшія черты его характера: его любовь къ православію и мужество въ защитѣ «восточныя святыя нашея православныя Церкве догматовъ», простирающееся до готовности пожертвовать собою, его поразительная стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, правдивость и совершенное отсутствіе лести предъ лицами, стоявшими близко къ царю.

Результатомъ борьбы Магницкаго противъ Тверитинова осталась составленная имъ «Записка по дѣлу Тверитинова». Записка эта, до подробнѣйшихъ деталей излагающая все это дѣло, представляетъ намъ одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи русскаго общества временъ Петровской реформы. Изложенная въ драматической формѣ, она, какъ на сценѣ, представляетъ намъ борьбу двухъ партій—старорусской строго-православной, отстаивавшей съ великимъ мужествомъ завѣты старины противъ напора протестантскихъ понятій, колебавшихъ исконныя православныя вѣрованія русскихъ людей, не слишкомъ твердыхъ въ знаніи догматовъ православной Церкви,—и партіи новшествъ,

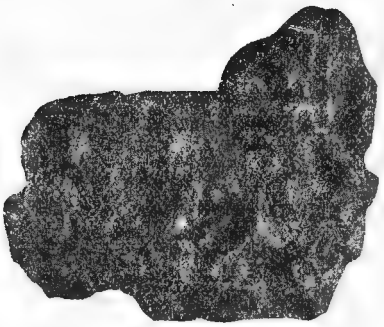
[1]) Записка по дѣлу Тверитинова, стр. 21, Памятники древней письменности, изд. 1882 г.

состоявшей изъ людей, увлеченныхъ новыми вѣяніями и въ своемъ увлеченіи не придававшихъ существеннаго значенія тѣмъ истинамъ Православія, которыя отстаивали его ревнители. Какъ сильна была эта партія, и какъ трудно было защитникамъ православія бороться съ нею, лучше всего показываетъ то упоминаемое въ «Запискѣ» Магницкаго обстоятельство, что «весь Сенатъ, высшія и должностныя лица и вся масса, составлявшая тогда сенатское присутствіе, горячо отстаивала Тверитинова».

Магницкій окончилъ свою полезную жизнь въ октябрѣ мѣсяцѣ 1739 года и погребенъ въ Москвѣ, въ церкви Гребенской Богоматери, что за Никольскими воротами, гдѣ на стѣнѣ изсѣчена ему была и надгробная надпись, къ сожалѣнію, до насъ не сохранившаяся.— Въ заключеніе біографическаго очерка о Магницкомъ приведемъ отзывъ о немъ знавшаго его лично В. К. Третьяковскаго. «Магницкій Леонтій, говоритъ онъ, мужъ свѣдущій славянскаго языка, истинный христіанинъ, добросовѣстный и нельстивый человѣкъ, первый Россійскій ариѳметикъ и геометръ: первый издатель и учитель въ Россіи ариѳметики и геометріи. Онъ сочинилъ стихи на крестъ и гербъ Государевъ и напечаталъ въ ариѳметикѣ своей, въ Москвѣ 1703 года».

Прот. Н. А. Криницкій.

Ржевская желѣзная пластинка съ рельефными изображеніями изъ эпохи Великаго переселенія народовъ.



До реставраціи.

Реставрирована.

Найдена мною совершенно случайно подъ городомъ Ржевомъ на лѣвомъ берегу Волги, ниже Тетерина, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «подъ орѣшникомъ». Это нѣсколько расширенный берегъ Волги, крутой скатъ къ коему поросъ орѣшникомъ. Здѣсь найдена была мною главная масса каменныхъ орудій, среди коихъ, ближе къ водѣ, попадались также первенцы желѣзнаго дѣла, бо́льшею частію въ видѣ неправильныхъ кусковъ, сильно поврежденныхъ временемъ. Тутъ то—не упомню, въ какомъ именно мѣстѣ—была поднята мною описываемая пластинка [1]).

Поднялъ я ее, какъ болѣе плотный кусокъ желѣза, къ тому же довольно плоскій и глубоко изборожденный. Но тогда на свою находку не обратилъ я особеннаго вниманія и положилъ ее вмѣстѣ съ другими кусками желѣза. Такъ пролежала она до тѣхъ поръ, пока не сталъ я отбирать для помѣщенія на картонъ болѣе сохранившіяся желѣзныя орудія—первыя, вышедшія изъ мастерскихъ этого издѣлія.

Тогда старательно приглядываясь къ самой формѣ пластинки, не совсѣмъ обыкновенной, и къ глубокой вырѣзкѣ изображенія, повиди-

[1]) Она вся плотная, не сквозная.

мому, какой то сцены, припомнилъ я, наконецъ, что она имѣетъ нѣчто общее съ золотыми пластинками съ изображеніями, найденными въ Сибири и представленными въ снимкахъ въ Русскихъ Древностяхъ, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Дѣйствительно, развернувъ означенный выпускъ, на стр. 51 и слѣд. легко могъ я замѣтить, что въ самомъ контурѣ пластинки есть большое сходство съ Сибирскими золотыми пластинками, на коихъ изображена борьба фантастичнаго оленя съ хищникомъ изъ кошачьей породы (рис. 59, на стр. 53). Сюжетъ пластинки, послѣ старательнаго сличенія всѣхъ деталей, оказался тогда слѣдующимъ: фантастичный олень съ причудливыми рогами (подобный изображенному на рис. 59) ниспровергъ тигра или другого родственнаго ему звѣря, подобнаго тому, котораго можно видѣть на пластинкѣ подъ № 61, на стр. 54. Побѣжденный звѣрь лежитъ на спинѣ внизу пластинки и защищается лапами отъ насѣдающаго врага.

Время сильно повредило пластинку, которая, несомнѣнно, въ глубокихъ вырѣзкахъ была нѣкогда украшена эмалью. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ я ее нашелъ, она представляетъ немалый интересъ, такъ какъ, повидимому, это первый экземпляръ въ желѣзѣ типа Сибирскихъ золотыхъ пластинъ, найденный притомъ въ Европейской Россіи.

Для меня же лично находка моя имѣетъ еще другой интересъ. Она подтверждаетъ мое предположеніе о движеніи въ отдаленныя времена по Волжскому пути переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ. Что началось въ доисторическія времена—въ эпоху каменнаго вѣка, то продолжалось и въ эпоху историческую, такъ мало намъ еще извѣстную въ древнѣйшихъ своихъ періодахъ.

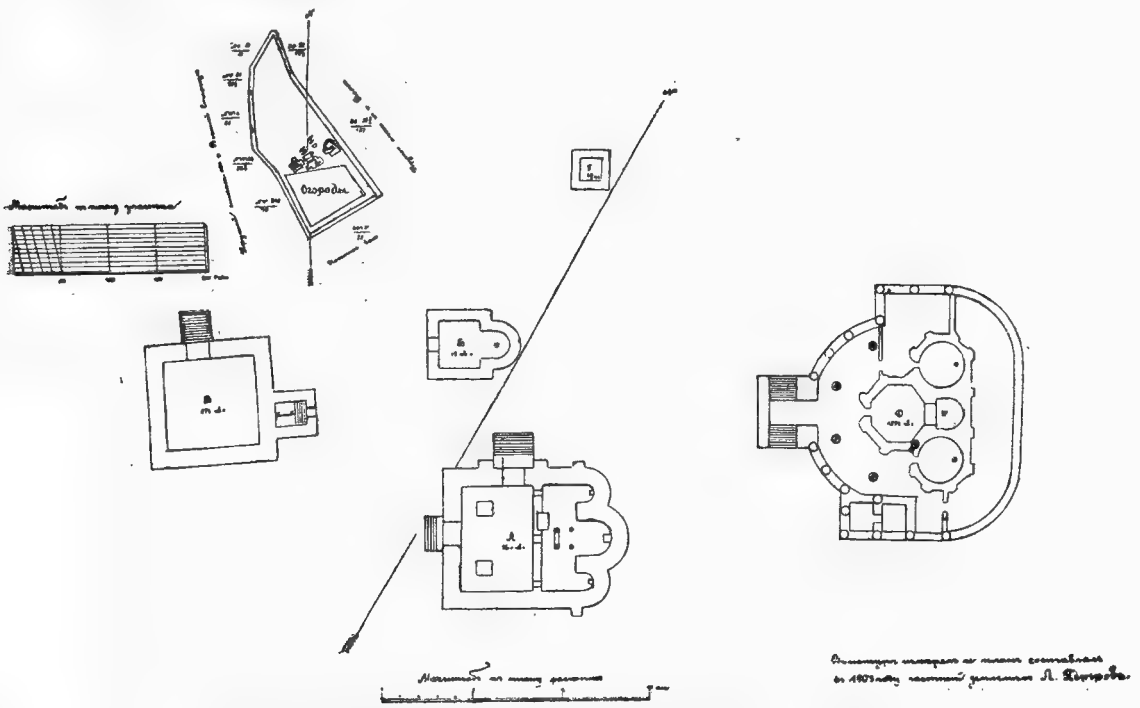
Наконецъ, не могу не обратить вниманія Съѣзда и на то обстоятельство, что находка описанной пластинки прямо на берегу Волги подтверждаетъ всю важность тщательнаго изслѣдованія береговъ этой рѣки. На нихъ, безъ сомнѣнія, не мало лежитъ предметовъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, найти кои еще не пришелъ чередъ.

П. Симсонъ.

Раскопки въ Старицѣ 1903 года.

Доклады членовъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи А. П. Шебякина и И. П. Крылова о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1903 г. въ гор. Старицѣ, въ мѣстности „Старомъ Городищѣ“.

Въ городѣ Старицѣ, въ мѣстности «Старомъ Городищѣ», съ 9-го іюня 1903 года производили раскопки И. П. Крыловъ и А. П. Шебякинъ. Старое Городище представляетъ собою треугольникъ, одна сторона коего омывается рѣкою Волгою, а другая—р. Старицею; въ основаніи этого треугольника находятся огороды, арендуемые у города, а затѣмъ по направленію къ вершинѣ его расположено мѣсто, гдѣ происходили раскопки.



Планъ раскопокъ 1903 года на Старомъ Городищѣ въ г. Старицѣ.

А—дворецъ, Б—церковь св. Николая, В—службы, Г—склепъ и Д—Борисоглѣбскій соборъ.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ открыты слѣдующія зданія:

1) Зданіе А (дворецъ?).
2) Зданіе Б (церковь).
3) Зданіе В (службы?).
4) Зданіе Г (яма или склепъ).
5) Зданіе Д (соборъ?).

О зданіи А было доложено А. П. Шебякинымъ 2-му Тверскому Областному Археологическому Съѣзду при посѣщеніи имъ Старицы 16 августа 1903 года.

---

1. ДОКЛАДЪ

члена Тверской Ученой Архивной Комиссіи А. П. Шебякина о раскопкахъ въ г. Старицѣ на Старомъ Городищѣ въ 1903 г.

9-го іюня нынѣшняго года въ г. Старицѣ, въ мѣстности «Старомъ Городищѣ», въ 70-ти саженяхъ отъ насыпного вала начались раскопки холма, имѣющаго въ длину около 7 саженъ, въ ширину около 6 саженъ и высотою около 4 аршинъ. Прежде всего рѣшено было провести поперечную траншею съ юга на сѣверъ черезъ весь холмъ. На днѣ этой траншеи, на глубинѣ около 6 аршинъ, найдены человѣческіе кости и черепа въ безпорядкѣ. При копаніи траншеи, послѣдовательно выступали изъ-подъ земли: правильная цокольная кладка, какіе-то каналы, и, наконецъ, обнаружилась полукруглая стѣна. На ней по штукатуркѣ были накрашены фестоны чернаго и краснаго цвѣтовъ, ниже шли славянскія буквы, величиною около $^1/_4$ аршина; нѣкоторыя изъ буквъ можно было разобрать, но словъ прочесть нельзя было,—они стерлись; ниже буквъ шелъ орнаментъ. Полукруглая стѣна только отчасти сохранилась: на югъ эта стѣна была разрушена. Направо и налѣво отъ полукруглой стѣны шла также полукруглая кладка, причемъ съ наружной стороны стѣны ея хорошо сохранились и углубились внизъ до 6 аршинъ. Въ лѣвомъ полукружіи внутри замѣчались ступени къ возвышенію, прилегающему къ восточной стѣнѣ. Перейдя отъ центральнаго полукружья черезъ траншею, мы наталкиваемся на узкое помѣщеніе, въ родѣ корридора, при входѣ въ который находятся два базиса колоннъ. Далѣе на западъ мы входимъ въ залу, длиною 15 аршинъ и шириною 11 $^1/_2$ аршинъ; въ этой залѣ замѣчаются четыре каменныя кладки, служившія, вѣроятно, основаніями для сводовъ. При входѣ, на кладкѣ справа, на стѣнной штукатуркѣ нарисованъ коричневой, желтой, черной и зеленой красками орнаментъ съ восточными надписями. Полъ въ этой залѣ состоитъ изъ ромбообразныхъ кирпичей чернаго, краснаго и желтаго цвѣтовъ. Кирпичъ толщиною около вершка, въ $^1/_4$ аршина въ квадратѣ, имѣетъ на своей нижней сторонѣ ромбообразную выемку съ выпуклой звѣздой

внутри. Замѣтно, что кирпичъ ложился на слой глины. На западной и сѣверной стѣнахъ открыты входныя лѣстницы.

Судя по правильной облицовкѣ камня, по узорному кирпичному полу, по разноцвѣтной штукатуркѣ, по орнаменту на стѣнахъ и надписямъ, мы можемъ вывести заключеніе, что это зданіе носило слѣды изящества и было прочно построено. Въ виду нахожденія въ мѣстности Старомъ Городищѣ, мы еще болѣе придаемъ значенія этому зданію и уже утверждаемъ, что это было не простое жилое зданіе, но либо церковь, либо дворецъ.

Разсмотримъ, что можетъ гласить въ пользу того мнѣнія, что это была церковь: 1) зданіе расположено тремя полукружіями на востокъ, какъ и открытый нами старинный соборъ; эти полукружія могли быть алтарями, тѣмъ болѣе, что входъ въ зданіе съ запада; 2) надпись на славянскомъ языкѣ, найденная на полукруглой стѣнѣ, также говоритъ въ пользу того обстоятельства, что это былъ алтарь и 3) старѣйшіе жители старицкіе говорятъ, что здѣсь, на Старомъ Городищѣ, по преданію, былъ нѣкогда соборъ во имя Михаила Архангела. Не было ли это зданіе соборомъ во имя Михаила Архангела? Теперь разсмотримъ тѣ обстоятельства, которыя говорятъ, что это не была церковь.

1) Старое Городище, или прежній «Новый Городокъ», было основано княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ въ 1297 году и затѣмъ было владѣніемъ князей: до 1399 г. Михаила Александровича, съ 1399 по 1426 г.—Ивана Михайловича, съ 1426 по 1461 г.—Бориса Александровича. Въ 1482 г. Старицкій удѣлъ былъ присоединенъ къ Московскимъ владѣніямъ и, по смерти Іоанна III, отданъ былъ младшему его сыну, князю Андрею Ивановичу, который назывался княземъ Старицкимъ. Въ 1537 г. Андрей Ивановичъ, заподозрѣнный въ измѣнѣ, былъ въ Москвѣ въ тюрьму, гдѣ и умеръ насильственной смертью. Та же участь постигла въ 1570 г. его сына Владиміра Андреевича (отравленъ), и послѣ этого Іоаннъ Грозный присоединилъ Старицу къ своимъ владѣніямъ.

Іоаннъ Грозный любилъ Старицу, онъ ее прозвалъ «Любимъ-Городъ». Здѣсь онъ со своими псарями охотился въ окрестностяхъ города; его псари жили здѣсь, что подтверждаетъ названіе одной улицы «Псаревская»; а стрѣльцы и пушкари находились съ своими конями въ Коньковской слободѣ или въ нынѣшней деревнѣ Коньковѣ (въ дер. Коньковѣ въ настоящее время два общества—стрѣлецкое и пушкарское), откуда еще и теперь видна дорога на Старое Городище.

Такимъ образомъ, Старое Городище было мѣстомъ, гдѣ жили князья Старицкіе и даже самъ Іоаннъ Грозный. Это мѣсто было, очевидно, обнесено валомъ и стѣною, за которою находились церкви и княжескія палаты.

Открытое зданіе могло быть дворцомъ великихъ князей. Полукружье съ славянскими надписями не должно противорѣчить нашему мнѣнію, потому что при княжескихъ палатахъ могла быть домовая церковь, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ палатахъ Алексѣя Михайловича въ Москвѣ.

2) Если бы открытое зданіе было церковью, то мы при раскопкахъ обязательно должны бы были найти какіе-либо церковные предметы, напримѣръ, кресты, иконы, подсвѣчники и проч.; но при раскопкахъ ничего этого не было найдено.

Въ одной комнатѣ этого зданія нашли кости разныхъ животныхъ и даже рыбьи кости, вилку, ножи и шпору: все это доказываетъ, что здѣсь было жилое помѣщеніе.

3) Надписи на стѣнахъ сами также говорятъ противъ того обстоятельства, что это была церковь, а именно: орнаментъ носитъ восточный характеръ, и надписи похожи на армянскія буквы.

Быть можетъ, если бы эти надписи были разобраны, тогда бы мы опредѣлили легко загадочное зданіе.

Въ заключеніе, чтобы примирить между собою эти два мнѣнія, можно еще предположить слѣдующее: въ 1606 году Старица подверглась разоренію отъ приверженцевъ Тушинскаго вора; здѣсь они все предали мечу и огню.

Могло быть, что поляки обратили церковь въ жилое помѣщеніе, въ которомъ они и размѣстились болѣе удобно. Найденная при раскопкахъ шпора съ 5-ю остріями въ колесикѣ и кинжалъ краснорѣчиво говорятъ, что здѣсь жили военные и скорѣе всего поляки, такъ какъ шпора такая, какую нѣкогда носили польскіе воины. Когда же иноземные гости отсюда ушли, то они предали разоренію это зданіе до основанія.

Всѣ эти догадки и предположенія, довольно смѣлыя съ моей стороны, но все же возможныя, до тѣхъ поръ будутъ безпокоить и затруднять наши умы, пока яркій научный свѣтъ не обнаружитъ намъ истины и не воскреситъ предъ нами эти мертвые памятники сѣдой старины.

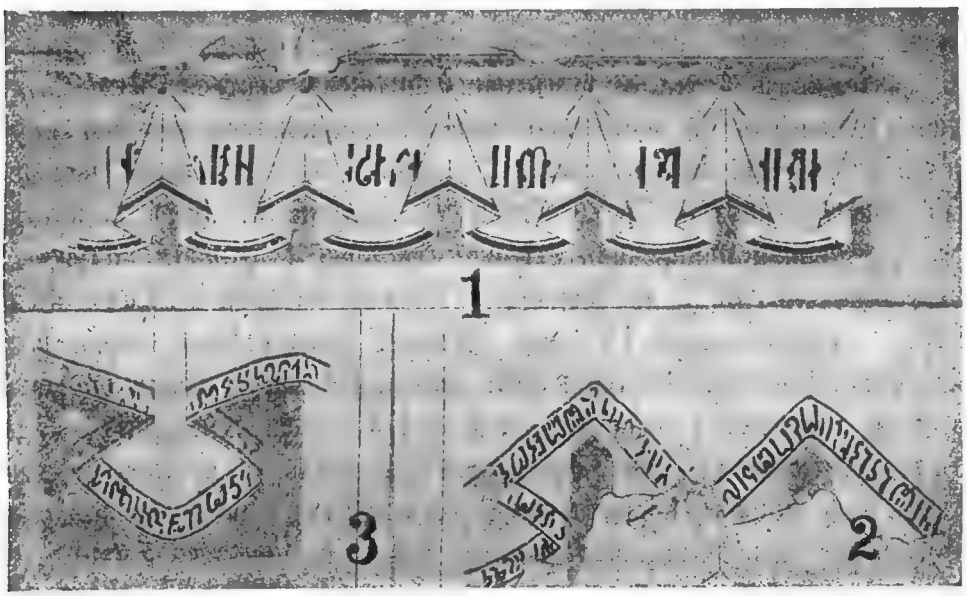
Д. Шебякинъ.

2. ДОКЛАДЪ

члена Тверской Ученой Архивной Комиссіи И. П. Крылова.

Зданіе лит. А (дворецъ).

1903 года іюня 9 были начаты раскопки на Старомъ Городищѣ г. Старицы. Первоначально работы велись любителями, вначалѣ очень интересовавшимися раскопками, но вскорѣ же охладѣвшими къ этому дѣлу, такъ что дальнѣйшую работу пришлось производить исключительно наемными рабочими-крестьянами, а потомъ, съ наступленіемъ полевыхъ работъ, арестантами Старицкой тюрьмы.



ДВОРЕЦЪ.

Надписи внутри зданія: 1) На полукруглой стѣнѣ; 2) на столбѣ съ юга и 3) на столбѣ съ запада.

На южной сторонѣ городища находился удлиненный съ запада на востокъ, съ продолговатою воронкообразною посрединѣ выемкою, холмъ, высотою около $1^1/_2$ сажени. Съ этого холма начаты были раскопки; на днѣ выемки вырыли яму, глубиною около $1^1/_2$ арш., но ничего въ ней особеннаго не нашли.

Затѣмъ перешли на сѣверную сторону холма, откуда и повели траншею, шириною въ 2 аршина, по направленію къ югу и вскорѣ

же натолкнулись на каменную кладку, впослѣдствіи оказавшуюся сѣвѣрною стѣною зданія. За стѣною сейчасъ же былъ открытъ каменный полъ изъ ромбообразныхъ кирпичей. Уклонившись нѣсколько на востокъ, открыли стѣну съ 3-мя полукружіями—съ двумя боковыми малыми и однимъ большимъ посрединѣ. Къ третьему полукружію непосредственно примыкала южная стѣна зданія. Въ полукружіяхъ былъ найденъ орнаментъ съ славянскою надписью [1]). Въ срединѣ и сосѣднихъ съ нимъ налѣво полукружіяхъ у самой стѣны найдены были сложенныя изъ камня возвышенныя мѣста высотою около полуаршина. Подъ поломъ, около средняго полукружія, на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ, была открыта куча человѣческихъ костей и череповъ, сложенныхъ въ безпорядкѣ. Въ такомъ же безпорядкѣ и такая же куча костей и череповъ была найдена около южной стѣны. Можно предполагать, что кости эти были сложены въ кучи при устройствѣ фундамента для возводимаго зданія. Затѣмъ очищена была восточная стѣна снаружи. Покончивъ съ восточною стѣною, направились отъ нея внутрь зданія къ западу. На разстояніи $7^1/_4$ арш. оказался полъ, вымощенный вышеупомянутыми ромбообразными кирпичами. Затѣмъ встрѣтилась внутренняя поперечная стѣна, толщиною $1^1/_2$ арш., идущая съ сѣвера на югъ, съ 3-мя дверьми,—2 двери по бокамъ и одна въ срединѣ,—шириною около $1^1/_2$ арш. каждая. Этою стѣною зданія раздѣлялось на 2 части. Въ только что описанной части зданія (будемъ ее называть восточною) посрединѣ найдено 4 небольшихъ колонны, первыя двѣ на разстояніи $1^1/_2$ арш. отъ поперечной стѣны къ востоку, а вторыя двѣ въ одну линію съ первыми на разстояніи двухъ аршинъ отъ нихъ; при этомъ между колоннами, находящимися ближе къ поперечной стѣнѣ, есть основаніе стѣнки, толщиною въ 9 вершковъ (не служила ли эта стѣна щитомъ для двери, ведущей въ комнату съ полукружіями?). Далѣе, на всемъ протяженіи отъ поперечной внутренней и до западной наружной стѣны (11 арш.) оказался такой же, какъ и въ первой комнатѣ, полъ. Внутри второй (будемъ называть ее западной) комнаты, образующей собою четыреугольникъ, находится основаніе 3-хъ столбовъ, очевидно, поддерживавшихъ сводъ, а можетъ быть, и полъ второго этажа. На западной стѣнѣ найдено мѣсто входной двери и при ней въ нѣсколько ступенекъ лѣстница, шириною около 3-хъ аршинъ. Отъ западной стѣны перешли къ сѣверной и очистили ее снаружи. Въ стѣнѣ оказалось 3 выступа и лѣстница въ 5 ступеней; площадка

[1]) На рисункѣ подъ цифрою 1.

лѣстницы длиною $7^1/_2$ аршинъ и шириною $4^1/_2$ арш. Южная стѣна оказалась почти совершенно разрушенной, особенно ея средина, а въ той части, которая примыкаетъ къ восточной стѣнѣ у полукружія, уцѣлѣлъ только одинъ фундаментъ. Длина всего зданія $31^1/_2$ арш. и и ширина 24 арш. Стѣны во всемъ зданіи, толщиною 3 арш., сложены большею частію изъ квадратныхъ камней Старицкаго известняка; кладка довольно чистая. На стѣнахъ и столбахъ сохранилась мѣстами штукатурка съ различными украшеніями и въ одномъ мѣстѣ надписи на восточномъ языкѣ, которыя А. П. Шебякинъ призналъ армянскими или грузинскими [1]); въ мусорѣ также встрѣчалось много простой и росписанной штукатурки.

При раскопкахъ этого зданія найдено не мало разныхъ вещей домашняго обихода (см. опись зданія А). Кромѣ того, попадались: уголь, жженый известнякъ и обожженныя человѣческія кости. Эти послѣднія находки не могутъ ли указать на то, что зданіе было уничтожено пожаромъ?

Въ своемъ докладѣ, читанномъ 16 августа 1903 г. въ присутствіи членовъ 2-го Областнаго Тверскаго Археологическаго Съѣзда въ гор. Старицѣ, А. П. Шебякинъ высказалъ, что вышеописанное зданіе было церковью. Мы, на основаніи нижеприводимыхъ данныхъ, позволяемъ себѣ предположить, что это—развалины дворца князей Старицкихъ или царя Іоанна Васильевича Грознаго. Основанія эти таковы. Сохранившіеся подъ развалинами предметы домашняго обихода, какъ то: ножи, вилка, затѣмъ шпора и др. вещи скорѣе говорятъ за то, что здѣсь было жилое помѣщеніе, а никакъ не церковь. Для церкви не было надобности поднимать искусственною насыпью полъ на 3 аршина слишкомъ. Принимать полукружія за алтари рѣшительно невозможно въ виду ихъ тѣсноты (ширина боковыхъ 3 арш., а средняго $5^1/_2$ арш.). Точно также поперечную стѣну зданія (съ 3 дверьми) нельзя принимать за иконостасъ: стѣна эта каменная, толщиною $1^1/_2$ аршина. Затѣмъ орнаментъ и надписи не даютъ ни малѣйшаго

[1]) На рисункѣ подъ цифрами 2 и 3. Императорская Археологическая Комиссія на запросъ Тверской Архивной Комиссіи сообщила, что эта надпись, по отзывамъ спеціалистовъ, не грузинская и не армянская, а къ другимъ восточнымъ алфавитамъ она не подходитъ и отдаленно. Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 7 октября 1903 года, по поводу доклада І. К. Линдемана о Старицкихъ раскопкахъ, спеціалистами восточныхъ языковъ высказано мнѣніе, что хотя надпись позволяетъ различить нѣкоторыя армянскія и грузинскія буквы, но изъ нихъ не получается связнаго смысла и нѣкоторыя изъ буквъ извращены, такъ что возможно предположить, что это просто орнаментъ или подражаніе буквамъ.

намека на что нибудь церковное, между тѣмъ едва ли вообще возможно допустить, чтобы въ развалинахъ церкви не сохранилось хотя бы одного какого нибудь предмета церковнаго обихода. Въ виду этихъ данныхъ можно полагать, что раскопанное зданіе было жилое, а не церковь и, всего вѣроятнѣе, дворецъ. Подтвержденіемъ послѣдней мысли могутъ служить грандіозность постройки и орнаментъ, съ обыкновенными жилыми зданіями невяжущійся.

Что дворецъ на старомъ городищѣ существовалъ и тѣсно былъ связанъ съ древнимъ Борисоглѣбскимъ соборомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ писцовая книга 1686 года Василья Сухова-Кобылина: «да вгородежъ Старице внутри соборная церковь благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба каменная, ветха, пятиглавая, да впредѣлѣ Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы, а въ церкви образы мѣсные и дѣисусы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строеніе, и утварь по сказке тое-жъ церкви соборнаго попа Егорья строеніе великихъ государей, а строена та церковь лѣта 7066 году, а при которыхъ великихъ государехъ строено и та подпись вывалилась, да подъ тою-жъ церковью палаты великихъ государей». Является вопросъ: какъ понимать выраженіе: «да подъ тою-жъ церковью палаты великихъ государей»? Въ нижнемъ ли этажѣ соборной церкви были устроены «палаты государей» или же рядомъ съ нею?

Принимая во вниманіе, что 1) каменныя и кирпичныя стѣны нижняго этажа стараго собора совсѣмъ не были оштукатурены, а это для помѣщенія великихъ государей совершенно не мыслимо; что 2) подъ соборомъ нѣтъ даже и слѣдовъ жилья, что показали раскопки, а также показываетъ и сохранившійся рисунокъ собора, и что 3) въ памятникахъ древности нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы палаты государевы расположены были подъ церковью (да еще подъ соборною), т. е. въ нижнемъ этажѣ,—надо признать, что дворецъ, о которомъ упоминаетъ писцовая книга, находился гдѣ нибудь рядомъ съ Борисоглѣбскимъ соборомъ. А такимъ ближайшимъ (26 аршинъ) къ собору зданіемъ и было описанное мною выше и на планѣ раскопокъ помѣченное лит. А.

3. Предметы [1]), найденные при раскопкахъ зданія лит. А. (дворецъ).

1. Вилка желѣзная, съ двумя остріями, безъ черенка, съ дырочкой въ ручкѣ, длиною 12 сантиметровъ.

2. Лезвіе столоваго ножа, безъ черенка, желѣзное, длиною 14 сантиметровъ.

3. Дверной желѣзный крюкъ, длиною 23 сантиметра и толщиною $1^1/_2$ сантиметра.

4. Желѣзный стержень, длиною 10 сантиметровъ, толщиною около сантиметра, похожій на крючокъ или задвижку.

5. Желѣзный ножъ, длиною $21^1/_2$ сантим., ручка деревянная, полусгнившая, длиною 9 сантиметровъ и лезвіе желѣзное, длиною $12^1/_2$ сантим.; широкая часть лезвія около 2 сантим. имѣетъ сходство съ финскимъ ножемъ.

6. Желѣзная польская шпора, колесико съ 5-ю зубцами; одна распорка сломана, а другая имѣетъ двѣ дырочки.

7. Обломки стѣнной штукатурки разныхъ цвѣтовъ.

8. Ромбообразный кирпичъ, каждая грань котораго имѣетъ 19 сантим., толщиною 4 сантим. На нижней сторонѣ каждаго кирпича ромбообразная выемка съ изображеніемъ выпуклой звѣздочки, похожей на букву «ж» трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, чернаго и краснаго.

9. Надпись на полукруглой стѣнѣ на славянскомъ языкѣ.

10. Надписи на восточномъ языкѣ.

11. 4 черепа: одинъ съ пробитой дырой во лбу, одинъ длинноголовый, одинъ луковицеобразный и одинъ дѣтскій разбитый.

12. Нижній позвонокъ крестецъ.

13. Мѣдная застежка отъ книги, найденная въ мусорѣ у зданія А.

14. Клыкъ кабана со сломаннымъ концомъ, длиною 8 сантим.

15. Накладка отъ двери желѣзной, длиною 7 сантим., шириною $2^1/_2$ сантим.

16. Разбитое глиняное блюдечко, длиною 11 сантим. и шириною 7 сантим.

17. Мѣдный трехконечный крестикъ съ четыреугольникомъ по

---

[1]) Предметы хранятся въ Тверскомъ Музеѣ.

срединѣ, въ которомъ изображенъ византійскаго стиля крестъ, длиною $1^1/_2$ сантим., шириною $1^1/_2$ сантим.

18. Два обломка камня съ орнаментами.

19. Камень, выдѣланный въ видѣ боченка.

4. Зданіе Б (церковь [1]).

Рядомъ съ зданіемъ А, параллельно его сѣверной сторонѣ, въ десяти шагахъ, находится зданіе Б. Оно имѣетъ почти квадратную форму; стѣна, идущая на востокъ, имѣетъ полукруглую форму, внутри въ этомъ полукружьи въ центрѣ замѣчается кирпичная кладка $1 \times 1^1/_2$ арш., вѣроятно, здѣсь былъ престолъ. Стѣны зданія, имѣющія 1 арш. 13 вершк. въ толщину, сложены изъ бѣлаго Старицкаго известняка; кладка грубая, камень плохо обтесанъ. Въ полукружіи, внутри на стѣнѣ есть слѣды штукатурки темносиняго цвѣта. Полъ въ этомъ зданіи состоитъ изъ каменныхъ плитъ, около фута въ квадратѣ, мѣстами попорченъ и неровенъ. Входъ въ зданіе съ запада, довольно узкій; недалеко отъ входа, слѣва найдены 4 креста и мѣдная жесть съ вытиснутымъ распятіемъ; по краямъ этой жести имѣются дырочки, очевидно, для прикрѣпленія къ чему либо. Въ центрѣ зданія найдены желѣзные стержни съ подсвѣчниками, а также одинъ мѣдный съ позолотою подсвѣчникъ. Здѣсь же найденъ мѣдный позолоченый круглый дискъ съ загнутыми краями и дырочками. На дискѣ выдавлено изображеніе какого то святого, одна рука котораго благословляетъ, а другая на груди. Слѣва надпись: Ивана и справа: Предтечи. Возлѣ сѣверной стѣны этого зданія найдено много обломковъ желтаго, чернаго и зеленаго кафеля, осколки отъ бутылокъ, кости человѣческія и животныхъ. У сѣверной же стѣны, рядомъ съ алтаремъ, около $1^1/_2$ аршина отъ поверхности земли, найдена лежавшая нѣсколько наклонно плита съ надписью: «Лѣта 7128 г. преставися раба Божія инока-схимница Тапсея Б.». Надъ этой надписью изображенъ крестъ въ кружкѣ. Плита окаймлена сверху и съ боковъ узоромъ.

Такъ какъ внутри этого зданія найдено много священныхъ предметовъ, такъ какъ есть въ немъ несомнѣнные признаки алтаря, обращеннаго на востокъ, а входъ съ запада, то оно, безъ сомнѣнія, мо-

[1]) По писцовой книгѣ Сухово-Кобылина, прочитанной послѣ составленія сего доклада, это была церковь чудотворца Николая, завалилась въ 1677 году.

жетъ быть принято за церковь, что еще болѣе подтверждается погребеніемъ схимницы, которыхъ въ Старицѣ хоронили возлѣ церквей.

Возникаетъ теперь вопросъ, какимъ образомъ сюда попала плита схимницы Таисіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь прежде не было монастыря, а старинный женскій монастырь Вознесенскій отстоялъ отсюда почти въ верстѣ. На это можно отвѣтить слѣдующее: схимница Таисія, судя по красивой плитѣ и по золотому вѣнчику, найденному подъ плитою, была не простая монахиня а, вѣроятно, какая нибудь боярыня, принявшая передъ смертію схиму.

5. Предметы, найденные при раскопкахъ зданія Б (церковь).

1. Каменная плита, длиною 141 сантим., шириною 47 сантим. и толщиною 28 сантим., изъ бѣлаго известняка, съ украшеніемъ по бокамъ и сверху и съ надписью на славянскомъ языкѣ (вязью) «Лѣта 7128 г. преставися раба Божія инока-схимница Таисея Б».

2. Обломки зеленаго и желтаго кафеля съ рисунками, изображающими цвѣты.

3. Серебряная позолоченая фольга (вѣнчикъ) съ узоромъ.

4. Мѣдный подсвѣчникъ съ винтомъ; діаметръ отверстія 26 миллиметровъ и при немъ кусокъ листовой мѣди съ дыркой и позолотой.

5. Круглый мѣдный позолоченый дискъ, діаметромъ 6 сантиметровъ, съ загнутыми краями, имѣющими 4 дырочки. На дискѣ изображеніе святого съ надписью слѣва $\frac{\text{Ив}}{\text{ана}}$ и справа $\frac{\text{Пред}}{\text{течи.}}$

6. Желѣзные стержни съ подсвѣчниками въ срединѣ, одинъ длиною 96 сантим. и шириною 1.2 сантим. и другой длиною 82 сантим. и шириною 1.4 сантим.

7. Мѣдный четырехконечный крестъ длиною 7.4 сантим. и шириною 5.2 сантим., съ полукруглыми оконечностями, съ изображеніемъ распятія въ центрѣ и на четырехъ концахъ съ фигурами святыхъ; надписи и фигуры не разобраны. На верхней оконечности ушко сломано.

8. Тоже длиною 6.1 сантим. и шириною 4.2 сант., съ ушкомъ вверху, съ изображеніемъ распятія въ центрѣ.

9. Тоже—длиною 7.8 сантим. и шириною 4.8 сантим., четырехконечный, прямоугольный съ изображеніемъ въ центрѣ Спасителя (?)

и на 3 концахъ фигуръ (ангеловъ?); вверху и внизу креста по два ушка, на верхней конечности дырочка; на задней сторонѣ креста выемка; можетъ быть, крестъ отъ складня путевого.

10. Желѣзная подставка для свѣчи (?) съ двумя отверстіями.

11. Мѣдный 8-ми конечный крестъ, хорошей работы, длиною 9.8 сантим. и шириною 5.6 сантим., толщиною 4 сантим. съ выемкой на задней сторонѣ, съ отверстіемъ въ верхнемъ концѣ. На лицевой сторонѣ въ центрѣ изображено распятіе, а надъ нимъ шестикрылый серафимъ.

12. Мѣдная дощечка длиною $13^1/_2$ сантим. и шириною 8.1 сант., съ дырочками по краямъ. На ней вытиснуто изображеніе распятія съ предстоящими.

13. Каменное корытце длиною 10 сантим. и шириною 5 сантим.

6. Зданіе В.

На западъ отъ зданія А. и Б. въ разстояніи $27^1/_2$ аршинъ открыто зданіе В, имѣющее форму квадрата, изъ бѣлаго тесанаго камня, стѣны толщиною 3 аршина. Крыльцо и входъ замѣчаются у сѣверной стѣны, а къ восточной стѣнѣ идетъ кирпичный сводъ и три ступени. Въ зданіи В не найдено пола, хотя внутри рыли до $4^1/_2$ аршинъ; грунтъ состоялъ изъ насыпного бѣлаго кирпича и извести (мусора). Здѣсь находилось много черепковъ, кирпичей чернаго и бѣлаго цвѣтовъ съ жолобомъ внутри, длиною 34 сантим. и шириною 15 сант., съ шейкой для вставки другъ въ друга. Быть можетъ, такими кирпичами была покрыта крыша. Трудно рѣшить, что это было за зданіе: кухня, баня, или просто погребъ съ кладовой.

7. Предметы, найденные при раскопкахъ зданія В.

1. Желѣзная подкова отъ сапога съ двумя остріями.

2. Лезвіе желѣзнаго ножа, безъ черенка, съ дырочкой для прикрѣпленія черенка.

3. Глиняная подставка (рыльце) съ воронкообразной выемкой.

4. Глиняное рыльце діаметромъ $6^1/_2$ сантиметровъ съ двумя дырочками.

5. Желѣзный замокъ; скважины для ключа не замѣтно, длиною 8 сантим. и шириною 3.4 сантим.

6. Желѣзный стержень длиною 21 сантим. съ загнутымъ концомъ на одной сторонѣ и съ заостреніемъ на другой сторонѣ, на заостреніи закленка; замѣтно, что заостренный конецъ былъ раздвоенъ, причемъ одна часть была сломана.

7. Винтообразный стержень съ тремя остріями длиною въ 12 сантим.; замѣтно, что было четвертое остріе, но сломано. Быть можетъ, это былъ свѣтецъ для вставки лучины.

8. Клинообразный стержень, длиною 7 сантиметровъ и шириною 2 сантиметра.

9. Желѣзное лезвіе ножа безъ черенка, длиною съ ручкою 22 сантиметра.

10. Тоже—длиною 19.8 сантим. съ 3 дырочками на ручкѣ.

11. Изразцы чернаго и бѣлаго цвѣта, вѣсомъ 6 фунт. 53 зол., жолобообразные съ шейкой для вставки въ другой, длиною 33 сантим. и шириною $15^1/_2$ сантим.

12. Стѣнной желѣзный подсвѣчникъ съ круглымъ дискомъ, діаметромъ въ 7 сантим.

13. Желѣзный стержень, длиною 24 сантим., съ одной стороны оканчивается винтомъ, а съ другой стороны подсвѣчникомъ.

14. Желѣзное лезвіе ножа съ такою же ручкою и съ остатками на ней дерева, длиною 22 сантим.

15. Желѣзный ножъ, на ручкѣ 3 дырочки.

16. Черепки.

17. Петля желѣзная для накладки запора, витая посреднѣ, съ двумя загнутыми остріями, длина 9 сантим. и ширина 1 сантим.

8. Зданіе Г.

Зданіе Г имѣетъ цокольную кладку около 3 аршинъ въ квадратѣ, глубиною около 4 аршинъ съ каменнымъ поломъ, расположено въ 10 саженяхъ отъ зданія Б на сѣверъ. Здѣсь найдены разныя кости, скребница, обломки желтаго кафеля, замокъ, наконечникъ палки, обломки ромбообразнаго кирпича. Кладка грубая, плохо тесаная.

9. Предметы, найденные въ зданіи Г.

1. Желѣзный наконечникъ, съ одной стороны имѣющій воронку для вставки, а съ другой—четырехгранный, заостренный, длиною 14 сантиметровъ.

2. Желѣзная скребница съ ручкой длиною 18 сантиметровъ, безъ ручки 14 сантиметровъ; на ручкѣ есть признаки дерева.

3. Желѣзный замокъ длиною 5.4 сантим. и шириною 3 сантим., имѣющій треугольную форму, со вставленнымъ сломаннымъ ключемъ.

4. Каменный шаръ, 18 сантим. въ окружности.

10. Зданіе Д (соборъ).

16 іюля мы приступили къ раскопкамъ холмовъ на востокъ отъ зданія А почти въ 30 шаговъ.

Начались раскопки съ помѣщенія главнаго алтаря; полъ въ этомъ помѣщеніи былъ составленъ изъ ромбообразныхъ кирпичей, какъ въ зданіи А, но только звѣздочки съ задней стороны были другой формы.

Каменная кладка въ этомъ помѣщеніи высотою до $1^1/_2$ аршина, а затѣмъ идетъ кирпичная. Кирпичъ имѣетъ 18 фунтовъ вѣсу.

Разрывая сосѣднія помѣщенія съ главнымъ алтаремъ, мы находили помѣщенія, подходящія къ старинному плану собора, существовавшаго до 1802 года. Такимъ образомъ, было разрыто направо и налѣво два круглыхъ помѣщенія (алтаря), а на западъ восьмиугольное помѣщеніе. Въ стѣнѣ помѣщенія на югъ отъ главнаго алтаря найдена винтообразная лѣстница высотою до 2 аршинъ. Вокругъ восьмиугольнаго помѣщенія идутъ основанія колоннъ, діаметромъ $2^1/_4$ аршина; на стѣнахъ собора также видны основанія колоннъ; на западѣ отъ восьмиугольника обнаружена церковная паперть съ 2 боковыми лѣстницами. На стѣнѣ паперти найдена высѣченная славянской вязью надпись: «1709 года ноября въ 17 д. въ память святаго отца нашего Григорія Неокесарійскаго представися соборной священно-іерей Алексѣй Васильевъ сынъ».

Надъ этой надписью крестъ съ буквами «Ни-ка». Подъ папертью имѣются слѣды кирпичнаго свода, гдѣ видны погребенія, нами нетронутыя.

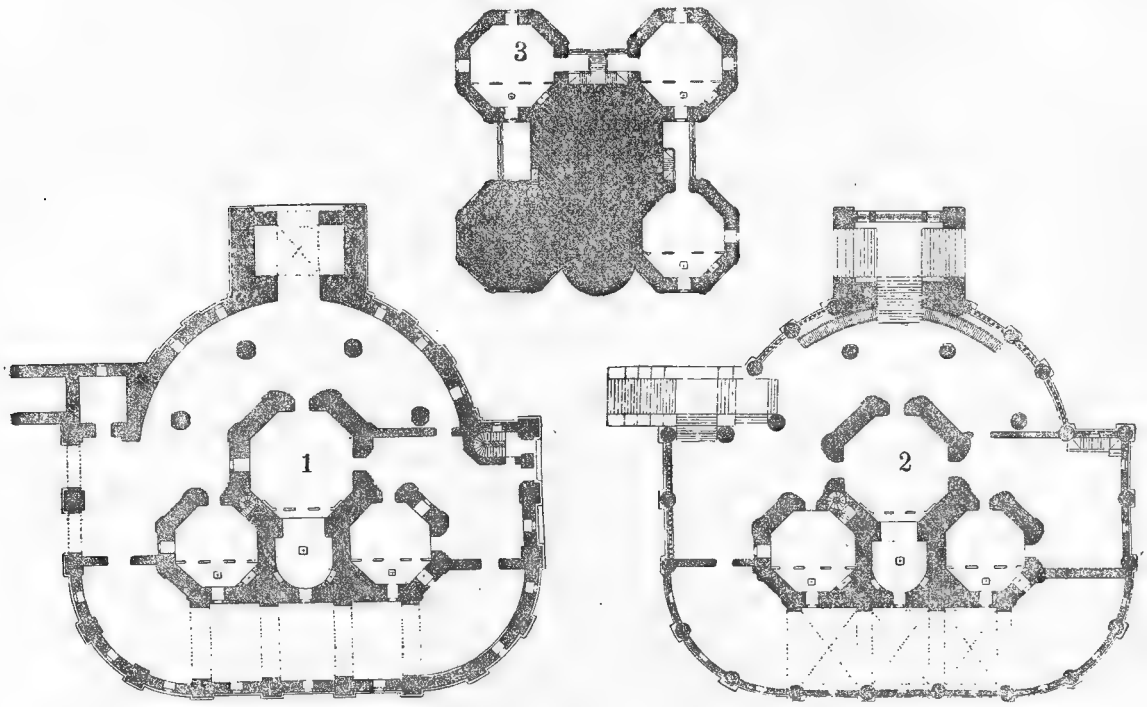
Три алтаря и осми-угольное помѣщеніе обнесены кирпичною стѣною. На южной стѣнѣ имѣются признаки крыльца. Въ главномъ алтарѣ найдена деньга 1737 г., обломки кафеля, зеленый изразецъ съ цвѣтами; найдены въ другихъ помѣщеніяхъ: мѣдная монета XVIII столѣтія, разные желѣзные стержни, лезвіе ножа и разноцвѣтные кафели (обломки), служившіе для украшенія стѣнъ.

Древній соборъ въ г. Старицѣ.

Существовалъ съ 1558 по 1802 г.

По старинному плану, соборъ былъ 2-хъ этажный съ 5-ю призмообразными главами. Какъ по народному преданію, такъ и по

сохранившимся описаніямъ и планамъ, это зданіе «Д» не вызываетъ сомнѣнія въ томъ, что это былъ именно тотъ соборъ, который построилъ царь Іоаннъ Грозный въ 1558 г. (7066) и который существовалъ по 1802 годъ. Изъ кирпича этого собора выстроенъ новый Старицкій соборъ, находящійся въ городѣ Старицѣ, на Новомъ Городищѣ. Въ писцовой книгѣ гор. Старицы Сухово-Кобылина сказано: «да вгороде-жъ Старицѣ внутри соборная церковь благовѣрныхъ князей



План древняго собора въ г. Старицѣ.

Существовалъ съ 1558 по 1802 г.

1) второй этажъ, 2) нижній этажъ и 3) третій этажъ въ куполахъ.

Бориса и Глѣба, каменная, ветхая, пятиглавая, да впредѣле Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, а вцеркви образы мѣсные и дѣисусы, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строеніе, и утварь, по сказке тое-жъ церкви соборнаго попа Егорья строеніе великихъ государей, а строена та церковь лѣта 7066 году, а при которыхъ великихъ государехъ строено и та подпись вывалилась, да подъ тою-жъ церковью палаты великихъ государей».

11) Предметы, найденные при раскопкахъ зданія Д. (Собора).

1. Кирпичъ вѣсомъ 18 фун., длиною 28 сантим., шириною $15^1/_2$ сантим., толщиною 7.2 сантим.

2. Ромбообразный кирпичъ, каждая сторона котораго равна 19 сантим., съ ромбообразной выемкой въ 11 сантим. на каждой сторонѣ, съ выпуклой звѣздочкой, толщиною 4.2 сантим.

3. Кусокъ кафеля, свѣтло-зеленый и темно-зеленый.

4. Деньга 1737 года.

5. Деньга 1735 года.

6. Желѣзный стержень, длиною 60 сантим. съ 2 отверстіями. Вѣроятно, отъ рѣшетки окна.

7. Обломки зеленыхъ, черныхъ и желтыхъ кирпичей съ рисунками.

8. Прогнившее дерево съ зеленой покраской и слѣдами позолоты.

9. Доска длиною 22.8 сантим. и шириною 7 сантим., покрытая зеленою краскою.

10. Лезвіе ножа, длиною 19.7 сантим. и шириною 2 сантим., съ 3 дырочками на желѣзной ручкѣ.

11. Гвоздь кованый съ широкой шляпкой, длиною 5 сантим.

12. Зеленый изразецъ, шириною 13.7 сантим., длиною около 24 сантим., на немъ изображена вѣтка и на ней 3 цвѣтка по 3 листа каждый.

13. Обломокъ желтаго изразца съ изображеніемъ цвѣтовъ.

14. Застежка отъ книги мѣдная.

15. Деньга 1747 года.

16. Обломокъ зеленаго изразца съ изображеніемъ вѣтки съ цвѣткомъ и съ круглымъ отверстіемъ.

17. Желѣзный стержень, съ одной стороны заостренный, а съ другой—раздвоенный и загругленный, длиною около 17 сантим.

18. Деньга 1735 года.

19. Желѣзный дверной крюкъ съ петлею.

20. Желѣзный изогнутый стержень; длиною 46 сантим. и толщиною $5^1/_2$ сантим.

21. Желѣзный стержень, длиною 33 сантим. съ отверстіемъ около 2.3 сантим.

22. Крюкъ изъ широкаго полосоваго желѣза.

23. Гвозди разные.

24. Желѣзная заклепка отъ связей.

25. Крюкъ желѣзный съ широкою шейкою, длиною 25 сантим. и шириною 2 сантим.

26. Дверная защелка желѣзная съ рукояткою и кольцомъ, длиною 18 сантим.

27. Скобка желѣзная со штифтами для укрѣпленія, длиною 13 сантим. и шириною $^1/_2$ сантим.

28. Часть кафельнаго изразца, длиною 13 сантим., шириною 9 сантим.

29. Два камня отъ основанія колоннъ съ украшеніями полукруглой формы

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ОТДѢЛУ

Областная исторія. Памятники гражданской старины.

А.

Абхазія 399.
Августа Гедим. княжна 155.
Авраамій Галич. преп. 53.
Авраамій игуменъ 123.
Аврамовъ В. Т. 75.
Агаряне 61.
Агрипина кн. Ржев. преп. 36, 338.
Аделунгъ Ѳ. П. 349.
Адріанъ патр. 68.
Адріатическое море 68.
Айгустъ кн. Литов. 153.
Айдаръ-мурза 6, 8.
Азовъ г. 99, 100.
Акакій прав. 36, 55.
Акиръ прем'удрый 39, 40, 41, 52.
Алане 99.
Александровское с-цо 393.
Александровъ монет. мастеръ 172.
Александръ I имп. 336, 381, 388.
Александръ II имп. 396.
Александръ Витольдъ 193.
Александръ Иван. кн. Городен. 182, 213.
Александръ игуменъ 36.
Александръ кн. Ростов. 173, 209.
Александръ Македонскій 39—41, 105, 106, 167, 188, 265.
Александръ Мих. кн. Тверской 60, 127, 155, 156, 157, 192, 238.
Александръ Невскій в. кн. 45, 56, 61, 101, 150.
Александръ Никол. наслѣд. цесар. 388.
Александръ Солунскій св. 192.
Алексѣй митроп. 32, 49, 55, 119.
Алексѣй Михайловичъ царь 15, 16, 68, 327, 347, 352, 353, 405, 450.
Алексѣй чуд. 26, 27, 64.
Алипій преп. 32.
Альдеіоборгъ г. 94.
Альмено 104.
Алѣй-мурза 6, 8.
Амфилохій іером. 69.
Англія 123, 133, 134, 138, 139, 191, 440.
Андрей Александр. в. к. 152.
Андрей Александр. кн. Рост. 173.
Андрей Боголюбскій кн. 31, 57, 97, 109.
Андрей Васильевичъ Большой к. Угличскій 404.
Андрей Васильевичъ кн. 119, 418.
Андрей Владим. кн. 418.
Андрей Дмитріевичъ кн. Можайскій 206.
Андрей еп. Тверской 56, 57, 159.
Андрей Иван. кн. Старицкій 449.
Андрей Иван. кн. Холмскій 165.
Андрей Суздальскій кн. 101.
Андрей Ѳедоровичъ кн. 123.
Андреяполь 394, 395.
Андомская Ѳ. М. кн. 175.
Андомскій А. М. кн. 175.
Анисія схим. 319, 320, 324.
Анна Кашинская в. кн. св. 36.

Антоній еп. Тверской 163.
Антоній преп. 31, 161.
Антоній преп. Краснохолмскій 36.
Антоній преп. Леохновскій 37.
Антоній Сійскій 48.
Антоновичъ В. Б. 86, 154, 156.
Анучинъ Д. Н. 347.
Арабы 51, 99.
Арепьевъ Н. Ѳ. 397, 400.
Арефьевъ тв. монет. мастеръ 168, 172.
Аристовъ 159.
Аристотель тв. монетчикъ 172.
Аркадій Новотор. преп. 36, 44, 368.
Арменія 100.
Армяне 99.
Арсеній еп. Тв. св. 36, 160, 163.
Арсеній св. 36, 37, 44, 54.
Арсеній св. Новгород. 37.
Арсеній архіепископъ Суздал. 36.
Артемовъ А. К. 69.
Архангельскъ г. 134.
Археологическая комиссія 50, 453.
Археологическое Русск. Общество 347, 350.
Архивъ М-ва Иностр. Дѣлъ 5, 347, 350.
Архивъ М-ва Юстиціи 69, 354.
Архипелагъ 138.
Арцыбашевъ 136, 165.
Асагардъ г. 95.
Асти 104.
Астрахань г. 100, 351, 352, 423.
Аѳанасій Тверитянинъ куп. 167.
Ахлестышевъ П. Д. Тв. губ. 344.
Ахматъ ханъ 170.
Аѳанасій св 373.
Аѳанасьевъ А. попъ 416.
Аѳины 121.
Аѳонъ гора 42.

Б.

Бабино д. 25
Баварія 133
Багратіонъ И. Р. кн. Тв. губ. 335, 396.
Базель г. 106.
Бай-мурза 8.
Бакмейстеръ 134, 161.
Балки 100.
Балтійское море 3, 46, 94, 110, 141.
Барай-мурза 8.
Барсуковъ Н. 50.
Басмановъ А. оприч. 330, 333.
Бастамовъ Л. Н. 191.
Батый ханъ 32, 33, 43, 45, 97.
Баузе 161.
Бельгія 126.
Бенфей 41.
Бергамо 104.
Березниковская вол. 70.
Бернардъ II саксон. 196.
Берсеневъ Е. В. Ржев. голова 338.
Берхъ 434, 435, 438—442.
Бескедъ (Бескидъ) горы 3.
Бесовецъ р-чка 18.
Бещады горы 3.
Біармія 98, 101.
Благовѣщенскій погостъ 67, 72, 73.
Благовѣщенскій Москов. соборъ 62.
Благовѣщенье Пречистые на Киржаче 76, 80.
Блашнино д. 320, 321.
Блудиха руч. 366, 367.
Боброво д. 23.
Богатырево с-цо 75, 78.
Богдановъ-Масленниковъ Е. А. 357.
Богдановъ воевода 414.
Богемія 137, 190.
Богемцы 133.
Богородицкій м-рь 58.

Богослово (Серебрениково) с 21.
Богоявленская гора 413.
Богоявленскій м-рь 330, 413.
Болгарія 42, 47, 51.
Болгары 41, 95, 99, 100.
Болеславъ III 132.
Болеславъ IV 193, 196.
Болеславъ кн. Калишскій 193.
Болтинъ 132.
Большой дворецъ 27.
Борзаковскій В. С. 35, 38, 39, 86, 97, 148, 153, 157, 159—162, 165, 166, 198, 213.
Борисоглѣбскій м-рь 44.
Борисъ Александровичъ в к. Твер. 92, 97, 106, 115, 123, 127, 128, 144, 164—169, 180, 185, 190—193, 195, 196, 199, 203, 205, 211, 213, 224—226, 234, 244, 252, 265, 270, 279, 286, 289, 291, 293, 300, 302, 313, 449.
Борисъ Годуновъ царь 78, 179.
Борисъ Констант. кн. Суздал 173.
Бранеръ Б. Б. инспекторъ врач. Тв. управы 377, 378.
Броуновъ П. И. пр. 397.
Бругманъ 428.
Брыкинъ 86, 216, 301.
Бугъ р. 131.
Будда 59.
Булгарія 101, 107.
Булгары 96, 100, 110, 120, 146.
Бунакова В. И. 79.
Бунаковъ М. С. 79.
Бургунды 136.
Буслаевъ Ѳ. И. 32, 41, 49, 51, 97, 109, 111, 113, 157, 160.
Бухара 100, 101.
Бычковъ А. Ѳ. 50.
Бѣжецкій Верхъ 156
Бѣжецкій у. 80.
Бѣжецкъ г. 33.
Бѣла IV 193.
Бѣло озеро 98, 175.
Бѣлый г. 394.
Бѣльская вотчина 391.
Бѣльскій у. 80.
Бѣляевъ 73, 144.

В.

Вазуза р. 96, 97, 99.
Валаамъ островъ 333.
Валдай г. 394.
Варвара св. 431.
Варлаамъ 38, 40.
Варсанофій еп. Твер. св. 36.
Варсанофій св. 54, 58.
Варсанофій старецъ 76, 80.
Варсанофій Саввинскій преп. 36.
Варяги 44, 46, 51, 93—95, 143.
Варяжская земля 131.
Варяжское море 96.
Василевъ г. 131.
Василій арх. 39, 48.
Василій Буслаевичъ 49.
Василій Димитріевичъ в к Моск. 38, 158, 165.
Василій Димитріевичъ кн. Суздал. 173.
Василій Ивановичъ в. к. 138, 321—324, 328.
Василій Васильевичъ Темный в к. 31, 64, 114, 127, 162, 164—166, 190.
Василій Ярославичъ кн. Муром. 318.
Васильевъ А. свящ. 460.
Васильевъ И. И. 106.
Василько в к. Ростов. св. 36.

Вахрамѣевъ И. А. 67.
В.-Волоцкій у. 393, 407.
В.-Волочекъ г. 377, 387, 389, 394.
Великій г 101.
Венгрія 190.
Вендскій округъ 136.
Венеціанцы 99, 100, 110.
Венцеславъ II король Богем. 137.
Венцеславъ III король Богем. 98, 102.
Верчелли г. 104.
Веселовскій 48.
Веспасіанъ имп. 199.
Вестготы 136.
Весь 3, 4, 93.
Весьегонскъ г. 3.
Виганд Марбургскій 154.
Византія 94, 95, 117, 122, 124, 125, 141, 174, 195, 308.
Визби г. 95, 98, 131.
Викторовъ 51.
Вильна г. 162.
Винета портъ 94, 95.
Виноградовъ И. 75.
Витень кн. Литов. 153, 154, 190.
Витовтъ кн. 38, 42, 47, 162, 164.
Витольдова таможня 138.
Виттенштейнъ крѣпость 334.
Вишерскій м-рь 55.
Владимірская губ. 67, 442.
Владимірскій инспекторъ врачебной управы 387.
Владимірское княжество 99.
Владиміръ Александр. в. к. 335.
Владиміръ Андреев. кн. Старицкій 449.
Владиміръ г. 59, 113, 120, 150, 173, 174, 197, 198, 226, 265.
Владиміръ Даниловичъ бояр. 317.
Владиміръ Мономахъ кн. 32, 132.
Владиміръ кн. Ржевскій 36, 338.
Владиміръ св. кн. 63, 131, 143.
Владиміръ на Клязьмѣ г. 102, 103, 109, 130.
Владиміръ Юрьевичъ кн. Муром. 317.
Владиславлевъ В. Ѳ. прот. 433.
Владиславъ Богемскій герцогъ 191, 197.
Владиславъ I Чешскій 193, 198.
Владиславъ Ягеллонъ король 137.
Власій св. 117.
Внуково д. 369.
Вознесенская пустынь 69, 70.
Войтъ Новоторж. лѣкарь 387.
Войшелгъ кн. Литов. 153.
Волга р. 1, 20, 23, 26, 51, 54, 63, 96—100, 102, 110, 120, 129, 147, 148, 224, 351—353, 377, 389, 391, 394, 401, 403, 412, 413, 415, 417, 420, 424, 427, 445, 446.
Волго-Двинскій путь 97, 98.
Волконскій И. воевода Углич. 414.
Володимеровъ 317.
Волоковскій лѣсъ 96.
Волоколамскъ г. 179, 321, 322.
Волосковъ Ржев. куп. 336.
Волосъ 116.
Волочекъ г. 407.
Вольно-экономич. общ. 382.
Вольскій у. 426.
Воронежъ г. 58, 146.
Вороново д. 407.
Воронцовъ акушеръ 388, 389.
Вороньякъ руч. 366.
Воскресенскій станъ 321.
Востоковъ 326.
Воята Германъ свящ. 39, 50.
Всеволодъ III кн. 101, 107.
Всеволодъ Мстиславичъ кн. 147.
Всеволожскій И. Д. бояринъ 165.
Всеволожскій М. В. 369.

Выжиловы купцы 69.
Вышетраева д. 18.
Вѣна г. 399.
Вяземскій А. А. кн. 414.
Вяземскій кн. 51.
Вяземскій Л Д. кн. 340.
Вяземскій опричникъ 333.
Вяземскій П. П. кн. 435.

Г.

Гагаринъ С. П. кн. 416.
Гагаринъ Ѳ. Г. кн. 86, 146, 170.
Гаджи Терханъ г. 100.
Галицкое княжество 137.
Галичъ г. 110.
Галлія 136.
Гангесъ р. 100.
Ганза 45.
Ганзейскій союзъ городовъ 136, 175.
Гаральдъ Норвеж. 131.
Гардарикское царство 94.
Гарденинъ П. П. 146.
Гартманъ И. Д. 377.
Гастевъ М. 101.
Гваньини 98.
Гвинъ 440
Гедиминъ кн. Литов. 153—156.
Геннади 434.
Генрихъ 189.
Генрихъ II 193, 200, 293.
Генуэзцы 44, 100.
Георгіевскій м-рь 71.
Георгій Владиміровичъ в. к. св. 36.
Георгій св. 117.
Герберштейнъ 60, 98.
Гердень кн. Литов. 159.
Германія 133, 137, 191.
Германцы 135.
Германъ св. 36, 58.
Гермогенъ св. 64.
Гибенталь д-ръ 394.
Глинка Ѳ. Н. 335, 338.
Глинская Елена княжна 322.
Глѣбъ Владиміровичъ кн. 96.
Годуновъ И. В. 75, 77.
Голмгардъ 131.
Голицынъ Н. Д. Твер. губ. 375.
Головинскій Твер. гор. голова 335.
Голстинія 136.
Голубинскій Е. Е. пр. 54, 109, 119, 175.
Гольмгардское царство 94.
Гольмгардъ 93.
Гомеръ 132.
Горбово сц. 21.
Горбуново с. 21.
Гордѣевъ С. 369, 370.
Горки д. 23.
Городенское княжество 92.
Горскій пр. 55, 74.
Горчаковъ П. И. кн. 73.
Горылинская вол. 20, 27.
Горяй А. В. кн. 403.
Готландскій берегъ 194.
Готландъ остр. 95, 131, 135, 138, 143.
Готскій берегъ 97.
Готье Ю. В. п.-д. 347, 348, 350, 362.
Гранстремъ 350.
Граутофъ 145.
Гребенщиковъ С. И. 357.
Греки 44, 46, 51, 94, 99, 120—122, 141.
Греція 32, 46, 47, 107, 130.
Григорій дьяконъ 47.
Григорьевъ Постникъ попъ 20.
Григорьевъ Семакъ дьячокъ 20.
Гропеско С. И. 357.
Грудцынъ Савва 425.
Грузинцевъ Я. П. 357.
Гурій св. 36, 58.

Гурляндъ И. Я. пр. 16.
Гутково пустошь 23.

Д.

Давидъ староста Гродненскій 154.
Давидъ Юрьевичъ кн. Муромск. 317.
Давыдково д. 25.
Давыдовъ Симонъ подъячій 18—20, 27, 28.
Дажбогъ 116.
Даниловъ м-ръ 120.
Даніилъ Александровичъ кн. 61.
Даніилъ Ивановичъ кн. 32.
Даніилъ митр. 65.
Даніилъ паломникъ 316.
Данненбергъ 189, 192, 193, 196.
Датчане 190.
Дашковъ П. Г. воевода 414.
Деменинъ Ромашко дьячокъ 21.
Демьяново д. 25.
Денево д. 320, 321.
Дербентская гавань 98.
Держа р. 36, 99.
Джанибегъ ханъ 119.
Димитрій архіеп. Твер. 37.
Димитрій Донской кн. 31, 49, 61, 204.
Димитрій Константиновичъ князь Суздал. 173, 202, 203.
Димитрій Красный кн. прав. 36.
Димитрій Прилуцкій св. 53.
Димитрій Солунскій св. 104.
Димитрій царевичъ 416—420.
Димитрій Шемяка 162, 164.
Димитрій Юрьевичъ кн. Холмскій 224.
Діонисій архим. св. 36.
Діонисій Суздал. преп. 53.
Длугошъ 154.
Дмитрій Александровичъ кн. 122.
Дмитрій Ивановичъ вел. кн. 123, 202, 203, 206, 317.
Дмитрій Михайловичъ в. к. Тверск. 154, 160, 201—203, 294.
Дмитрій Юрьевичъ кн. 123.
Дмитровскій Владимірскій соборъ 97, 102—104, 106, 107, 194, 196, 197.
Дмитровъ г. 173, 174.
Днѣпръ р. 44, 96, 97, 110, 138.
Днѣстръ р. 138.
Довмонтъ кн. Литовск. 153.
Долговъ С. О. 350.
Долгорукій кн. 277.
Долгорукій А. В. кн. 357.
Долгоруковъ С. В. кн. 86.
Донъ р. 44, 99, 100, 110, 120.
Дорогона рч. 26.
Дорогоча рч. 21.
Досиѳей инокъ 47.
Друзо г. 95.
Дубково д. 22.
Дубки с. 26, 27.
Дьяконовъ 17.

Е.

Евгеній митр. 434.
Европа 40, 41, 46, 93, 94, 95.
Евреиновъ К. Н. 401, 405, 412.
Евсевій Александрійскій 52.
Евфимій 324.
Евфросиній Савватьевскій преп. 36.
Евѳимій патр. 42.
Евѳимій Суздальскій 53.
Египетъ 110, 195.
Египтяне 120, 121.
Егорій попъ 454, 462.
Едигей 163, 164.
Екатерина II имп. 411, 412, 419.
Елена вел. кн. 323.

Елезова д. 21.
Елизаровъ Ів. Фед. состав. Зубцов. писцов. книгъ 18.
Ельцово д. 21.
Ельбингъ г. 95.
Епифановъ К. И. 19.
Ефремъ Новотор. св. 36, 44, 368.
Ефремъ Перекомскій преп. 36.

Ж.

Ждановъ 431.
Желкино с. 346.
Желтиковъ м-рь 44, 54, 161.
Желутково пустошь 25.
Жеребцовъ А. 415.
Жерехово с. 72.
Жидята Лука еп. 45, 47.
Жизневскій А. К. 40, 83, 86, 98, 102, 128, 179, 191, 201, 216, 218, 220, 221, 224, 231, 264, 269, 294, 305, 337—340, 342, 357, 364, 373, 436, 437.
Жихорево д. 18.
Жуковъ-Бѣльчихинъ Е. И. 372.
Жукопа р. 97.
Жулебина А. Б. 70.

З.

Забѣлинъ И. 44, 86.
Завеличье селеніе 363.
Зайцово д. 22.
Заманинъ монет. мастеръ 172.
Замытцкой Д. О. ловчей 20, 27, 28.
Замятнины 317.
Западная Двина р. 96, 97, 99, 102, 120, 129, 394, 395.
З. Европа 45, 48, 51, 99, 114.
Зарайскій соборъ 106.
Захарей свящ. 81.
Захожская вол. 75, 78.
Зачатье с. 70.
Звѣринцевъ Л. Н. 397.
Звѣрьковъ тв. куп. 336.
Здоровецъ руч. 354—356, 361, 366, 369—373.
Злобины 317.
Знаменское сц. 393.
Зобниновскій Діонисій св. 58.
Зосимовская пустынь 55.
Зубовъ П. В. 193.
Зубцовскій у. 20, 27, 393.
Зубцовъ г. 97, 153.
Зубчане 39.
Зыковъ К. Т. тв. воевода 353.

И.

Ибрагимъ-мурза 6.
Иванишскій м-рь 319, 320, 323, 324.
Иваниши с. 319.
Ивановское сц. 393.
Ивановъ И. 86.
Ивановъ К. Л. тв. площад. дьячекъ 76, 81.
Ивановъ Н. 106.
Ивановъ П. 86, 123, 126.
Иванъ Александровичъ кн. Смоленскій 194.
Иванъ Андреевичъ кн. 123.
Иванъ Васильевичъ кн. Смоленскій 156.
Иванъ III в. к. 165, 179.
Иванъ Даниловичъ в. к. 125, 152.
Иванъ Ивановичъ вел. кн. 125, 126.
Иванъ Ивановичъ Тверской кн. 213, 214, 224.
Иванъ Калита 56, 61, 125, 155—157, 159, 160, 317.
Иванъ Михайловичъ в. кн Тверск. 38, 92, 123, 128, 162—164,

180, 182, 185, 193, 196, 199, 200, 203, 206, 209—211, 213, 214, 216, 219, 223—226, 234. 268, 275, 286, 293, 294, 300, 308, 449.
Иванъ Можайскій кн. 165.
Иванъ Синица кн. 123.
Иванъ Цареградецъ игуменъ 160.
Иванъ Юрьевичъ кн. Зубц. 165.
Иванъ Юрьевичъ кн. Тверск. 213.
Игнатьевъ Ф. 320.
Игначъ крестъ 97.
Игорь кн. 122, 130, 140, 238.
Ижера пл. 3.
Иружа рч. 26.
Иліодоръ іером. 355—357, 360, 363.
Илія дьякъ 163.
Илія еписк. Тверск. 166.
Илія св. 117.
Ильинская гора 369.
Иль-Мурза 6, 8.
Ингваръ король 94.
Инге (Ингемундеръ, Анундеръ) 131.
Индигерда 94, 131.
Индійцы 120.
Индія 38, 59, 98, 110, 168, 195.
Иннокентій архіеп. Херсонск. 50.
Инъ-Мурза 8
Исаія еп. Ростов. св. 32.
Исаково д. 21.
Исидоръ 166.
Исидоръ митроп. 60.
Италія 60, 100, 108, 109, 166, 191.
Итальянцы 99, 110, 120.

І.

Іоаннъ III в. кн. 46, 61, 125—127, 165, 169, 190, 294, 308, 328, 449.
Іоаннъ IV царь 5—7, 10, 15, 16, 58, 61, 65, 79, 179, 322, 325—327, 331—333, 335, 449, 450, 453, 462.
Іоаннъ Дамаскинъ 40.
Іоасафъ II патр. 367.
Іоасафъ царевичъ 40.
Іовъ патр. 36, 58.
Іона митр. Москов. 64, 166.
Іона схимникъ 319—324.
Іорданъ р. 59.
Іосифова слобода 437, 438.
Іосифовъ Волоколамскій м-рь 55, 58, 438.
Іосифъ Волоцкій пр. 37.
Іуліанія Новоторжск. св. 36, 357.

К.

Каблуково с. 73, 74.
Кабулъ 100.
Кавказъ 46, 107, 410.
Казанская дух. акад. 47.
Казань г. 48, 58, 76, 78, 82, 423.
Казарково д. 18.
Казары 93.
Казиміръ кор. пол. 43, 170.
Казиміръ II кор. польскій 196.
Казиміръ Великій 137, 138.
Каллашъ лѣкарь осташковск. 381.
Калужская губ. 119.
Калязинскій у. 390, 393.
Калязинъ г. 385, 387, 388, 391.
Кама р. 98, 100, 101.
Каменскій руч. 403, 412.
Каневъ г. 138.
Капорье 156.
Карабчевскій Д. А. 397.
Карамзинъ 33, 53, 60, 86, 101, 132, 136, 139, 148, 157, 159,

162, 163, 165, 170, 174, 213, 308, 316, 321, 322, 325, 331, 333, 334, 355, 356.
Карлъ IV, богемск. кор. 98, 102.
Карлъ Великій 134—136, 139, 140.
Кармановъ Д. И. 441.
Каролиха калязин. знахарка 385.
Карпатскія горы 3.
Каспійское море 96, 98, 100, 101, 352.
Касимъ ц-вичъ ордын. 7.
Кассіанъ мон. 37.
Касторинъ В. 415.
Касьянъ пр. 32.
Катилово д. 24.
Кафа г. 99.
Каченовскій М. Т. 86, 130, 132, 136, 138, 139, 142, 144, 190, 191.
Кашинка р. 378.
Кашинскій Срѣтенск. м-рь 191.
Кашинскій у. 336, 387, 393.
Кашинское княжество 92, 195, 280.
Кашинъ г. 33, 174, 180, 378, 387.
Кванининъ Самаринъ Н. Д. 318.
Кебердово оз. 4.
Кезадро оз. 4.
Кейстутъ кн. Литов. 137, 193.
Кене Б. 86, 90, 95, 131, 133, 134, 137, 140, 193.
Кесова Гора с. 336.
Кильмъ г. 95.
Кимра с. 336.
Кипріанъ Антіохійскій 425.
Кипріанъ митр. 33, 41, 54, 60.
Кипріяновъ В. В. 441.
Кирикъ 96.
Кириллъ св. 373.
Кириллъ Бѣлозерскій 53.
Кирпичниковъ А. И. 347.
Киссель Ф. 403—405, 411, 413, 419, 420.
Китайцы 120.
Кіево-Печерскій м-рь 31, 44, 53.
Кіевская Русь 95.
Кіевское княжество 149.
Кіевъ г. 31—34, 44—46, 49, 51—53, 59, 95, 99, 110, 149, 174, 192.
Климентъ архіеп. 47.
Климово д. 24.
Клинъ г. 55.
Клодвей король 136.
Ключаревъ свящ. 72.
Ключевскій проф. 33, 35, 37, 49, 54, 55, 156.
Клязьма р. 110.
Кобылинъ Стефанъ 334.
Кожа В. бояринъ 32.
Кожевниковъ А. куп. 416.
Кожино с. 73, 76.
Кожино сц. 80.
Козьма мастеръ рѣзчикъ 118, 119.
Колачевъ К. 381.
Колва р. 101.
Колесниково д. 23.
Колоколовъ А. 319.
Колосовъ В. И. 147, 334, 346.
Колычево д. 25.
Кольбергъ г. 131.
Кондаковъ И. 87, 105, 107, 109, 163, 446.
Конрадъ II 293.
Константинополь г. 42, 99, 100, 138.
Константинъ Всеволод. кн. Ростов. 31.
Константинъ Михайловичъ князь Тверск. 160.
Константинъ Новотор. преп. 37.

Константинъ Романовичъ кн. Рязан. 174.
Константинъ Святославовичъ кн. Муром. 315, 316.
Кончака жена хана 57.
Коньково д. 449.
Коньковская слобода 449.
Копенгагенъ г. 95.
Корельская земля 156.
Корзинкинъ А. 86, 169, 170.
Коринѳъ г. 121.
Корманово д. 23.
Корнилій Комельскій св. 37.
Корниловъ адмиралъ 335, 336.
Коровьинъ П. С. 354.
Коровьякъ руч. 366.
Кормановo д. 23.
Корсунь г. 44, 45, 99.
Корчева г. 389.
Корчевской у. 393.
Ксенія в. кн. Твер. пр. 36.
Костино д. 24.
Костомаровъ И. И. 47, 48, 65, 148.
Кострома г. 165.
Кошкина М. Р. 79.
Кой с. 393.
Краковъ г. 132.
Кралицкій 387.
Красноуфимскій у. 119.
Красный руч. 366.
Кремль Москов. 62, 126.
Кривичи 93, 96.
Криницкій Н. А. прот. 443.
Кронекъ-фонъ А. Л. массонъ 346.
Кротковъ 426.
Кругъ акад. 87, 94, 95, 134, 141
Крыловъ И. П. 447, 451.
Крымцы 355.
Крымъ 99, 101, 141.
Кубаревъ 161.
Кублай ханъ 100.
Кудаева А. твер. помѣщица 384.
Кудрявцевъ 372.
Куломзинъ Салтанъ дьчк. 18.
Кунигъ А. А. 145.
Кнутъ король 129.
Кустовъ А. С. угличанинъ 412.
Куттенбергъ г. 137.
Кутумъ кн. Нагайскій 6.
Кушелевъ-Безбородко гр. 428.
Кушелевъ генералъ-маіоръ 394.

Л.

Лчдиславъ Кумапусъ кор. венгерск. 198.
Ладога (старая) 93, 94, 156.
Ладожское озеро 94.
Ладыженскій Зубц. помѣщикъ 393
Лакіеръ А. Б. 87, 124, 125, 126, 190, 193, 194.
Лаппо-Данилевскій 17, 20.
Ласковскій Ѳ. Ѳ. 365.
Латыши 7.
Лебедевъ 434.
Левкоевъ Ѳ. свящ 73.
Ледовитый океанъ, 98.
Леонидъ арх. 55.
Леонтій св. еписк. Ростов. 31, 32.
Леонтьевъ И. Ѳ. москов. ловчій 74.
Лескинъ 428.
Лессе послан. Гедемина 154.
Лжедимитрій царь 179.
Ливенъ кн. 389.
Лизва р. 72.
Линде 135.
Линдеманъ І. К. 453.
Липинскій М. А. 414.
Литва 38, 42, 43, 137, 138, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 158, 162, 163, 164, 168, 169, 174, 190, 193.
Литовскій путь 97.

Литовское д. 23.
Литовское княж. 43, 97, 102, 152, 153, 154.
Литовцы 153, 154.
Лихачевы помѣщики 393.
Лихачевъ Н. П. 70, 75.
Лихвинскій у. 119.
Лихуды 438.
Лобковъ В. К. 81.
Логоѳетъ Пахомій 42.
Лодыгино д. 24.
Ломбардія 109.
Ломоносовъ 132.
Лопатинскій Ѳеофилактъ 435.
Лотошино с-цо 393.
Лошкаревъ П. А. 106.
Лугова могила 114.
Лупинъ свящ. 426.
Львовъ А. М. 75.
Львовъ Ал-сѣй М. кн. 74, 82.
Львовъ г. 137.
Любекъ г. 136, 138.
Любимъ г. 449.
Людовикъ I кор. венгерск. 193.
Людовикъ XI кор. Франціи 137.

М.

Магницкая М. Г. 439.
Магницкій Л. Ф. 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442.
Мадуевъ А. С. 432.
Макарій арх. 69.
» Калязинскій св. 32, 36, 65.
» митроп. 65.
» пустынникъ 40.
» римскій 41.
Макарово с. 73.
Макарово селище пустошь 80.
Максимъ Грекъ 36, 55, 345.
Максимъ свящ. 81.
Малышевъ осташк. лѣкарь 386.
Мальгинъ 264.
Малюта Скуратовъ 325, 355.
Маметкулъ-Ахтануловъ Сибирскій ц-вичъ 8.
Манково д. 79.
Мансвѣтовъ И. Д. 106.
Марія Гедиминовна княж. 154.
» Констутьевна принц. Литовская 162.
Марія Ѳедоровна (инок. Марѳа) 418.
Марко-Поло путешеств. 100.
Мартинъ 100.
Марѳица проскурница 20.
Масленниковъ М. И. 357, 371.
Мейербергъ А. 349, 354, 356, 363, 364, 367—369.
Мекленбургъ г. 136.
Мельниковъ А. П. 427.
Меря 93.
Мечеславъ 196.
Мещерскіе кн. стариц. помѣщ. 393.
Мещерскій-Городецъ г. 7.
Меѳодій Песношскій преп. 53.
Микулинское княж. 92.
Микулинъ г. 160, 180.
Миллеръ В. Ѳ. 430.
Миловскій штабъ-лѣкарь 384, 385.
Мельгуновъ А. П. Ярослав. намѣстникъ 417.
Мелюковъ 17, 56.
Мина іеромон. 69.
Миндовгъ кн. Литовскій 153.
Минхъ А. Н. 426.
Митино д. 320.
Митино-Крячюхино 321.
Митропольскій А. А. 37, 54.
Михайловская гора 365.
Михайловскій Н. Н. 397.
Михайловъ И. Н. 397.
Михаилъ Алекс. в. кн. Твер. 42,

49, 92, 127, 156, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 170, 174, 177, 180, 182, 184, 201, 203, 204, 206, 207, 208, 209, 449.
Михаилъ Андреевичъ кн. 119.
Михаилъ Андреевичъ кн. Верейскій 219.
Михаилъ Борисовичъ в. кн. Твер. 92, 114, 115, 127, 128, 168, 169, 170, 180, 184, 185, 190, 193, 196, 197, 203, 206, 207, 224, 264, 273, 279, 285, 286, 289, 293, 294, 301, 305, 313.
Михаилъ Константиновичъ князь Муромскій 315, 316.
Михаилъ Пафлагонъ импер. 131.
Михаилъ Хоробритъ кн. 152.
Михаилъ Ярославичъ вел. кн. Твер. 35, 36, 49, 56, 60, 127, 150, 152, 156, 159, 449.
Михаилъ Ѳедоровичъ царь 8, 11, 58, 68, 74.
Могилевская пустынь 436.
Модена г. 104.
Моисей Новгородскій владыка 36, 64.
» Тверской епископъ 166.
Макарово д. 25.
Мокѣево д. 79.
Молога р. 101.
Монголы 100.
Моргъ р. молненн. 48.
Мордва 3, 146.
Морошкинъ Я. Л. 433.
Москва г. 6—8, 10, 12—14, 18, 20, 29, 30, 32—35, 38—44, 46, 47, 49, 53—65, 74, 76—78, 87, 98, 99, 101, 104, 106, 110, 126, 135, 139, 151—159, 162—166, 168, 169, 174, 193, 207, 308, 317, 323, 326, 330, 347, 350, 352, 358, 414, 426, 439, 440, 443, 449, 450.
Москва р. 98, 99.
Московская область 120.
Московскій архивъ М-ва Юстиціи 17.
Московскій Историческій музей 340, 341.
Московскій университетъ 348.
Московское археол. общество 340, 341, 344, 347, 453.
Московское государство 62.
Московское княжество 30, 33, 43, 57, 64, 91, 154, 169, 280.
Мосѣево д. 22.
Мочальскій м-рь 132.
Мста р. 98.
Мстиславъ кн. 143.
» Суздальскій кн. 101.
» Удалой кн. 97.
Мужилово д. 22.
Муратовы 73.
Муромское княж. 315.
Муромъ г. 315, 316, 318.
Мусинъ-Пушкинъ гр. массонъ 346.
Муханово сц. 18.
Мыза Сарская 146.

Н.

Наварра 104.
Навертино с-цо 19.
Наверткино (Опалево) д. 19.
Навнага руч. 367, 371.
Нагая Анна Вас. 74, 76, 79.
» Ефрос. Ив. 72, 73, 76, 80.
» Наст. Вас. 74.
» Праск. Ѳед. 73, 74.
Нагая слобода д. 67, 68, 71.
Нагіе 67, 68, 70, 72, 73, 74, 77.
Нагова Анна Борисовна 70.
» Евлампія Мих. 75, 82.

Нагова Марія Григор. 75, 82.
» Ульяна Ѳедоровна 75, 82.
» Ѳедосья Алек-на 70.
Нагой Григорій Ив. 75, 76, 77, 80, 82.
» Сем. Стеф. 75, 82.
» Александръ Мих. 75, 82.
» Алексѣй Александровичъ 74, 75, 82.
» Алексѣй Ив. 75, 82.
» Андрей Алексан-чъ 75, 82.
» Андрей Ѳедоровичъ 70.
» Богданъ Михайл. (Стефанъ) стольникъ 71, 74, 75, 82.
» Вас. Ив. (Кондратъ) 73, 74, 75, 82.
» Василій Мих. 75, 82.
» Гавріилъ Ив. 75, 76, 78, 79, 81.
» Ив. Григор. 67, 72, 75—82.
» Ив. Ив. 72.
» Кирилло Мих. 75, 82.
» Мих. Ив. (Мисаилъ) 75, 82.
» Мих. Мих. 75, 82.
» Никифоръ Ив. 75—81.
» Трофимъ (Іюда) 71.
» Ѳед. Ѳед. (Ѳедца) 71.
Назаринъ В. И. 357.
Наперскій 154.
Нарбековъ П. Д. воевода 349, 354, 361, 366, 369, 370, 372, 373.
Наримундъ Гедиминовичъ кн. 156.
Нахабно рч. 25.
Нева р. 94.
Некоматъ Сурожанинъ 165.
Нектаріева пустынь 55.
Нектарій архіепископъ 36, 436, 437.
Нектарій Бѣжецкій преп. 36.
Нектарій Тверской св. 55.
Непоставовъ Иванъ большой и меньшой 69.
Непоставовъ Титъ 69.
Нерль р. 103.
Неронъ 199.
Несторъ лѣтописецъ 46, 53, 133, 135, 238.
Немедряево д. 24.
Нидерланды 123.
Нижегородское княж. 30.
Нижній г. 61.
Н.-Новгородъ г. 351.
Никандръ инокъ 44.
Никита еписк. 45.
Никита Серпуховскій преп. 53.
Никитинъ Аѳанасій 38, 59.
Никитинъ П. (Магницкій) кр. 436.
Никифоръ митр. 132.
Никола святоша 316.
Николай чуд. 27, 117.
Николай I императоръ 388, 390, 393.
Николай II императоръ 372.
Николай Мирликійскій св. 69.
Николо-Царевно с. 71.
Никольскій А. пономарь 389, 390.
Никольскій-Тарховъ м-рь 68, 69.
Никонъ 31.
Никонъ патріархъ 327, 351, 367.
Нилова пустынь 435, 436, 437.
Нилъ Столобенскій 37.
Нифонтъ еп. Новгор. 45, 96.
Нифонтъ игуменъ 321.
Новгородская епархія 155.
Новгородская область 29, 48, 54, 120, 194.
Новгородская республика 102.
Новгородское княж. 31, 43.
Новгородско-Ростово-Суздальская земля 91, 92, 93, 103, 120.
Новгородско-Тверской рубежъ 97.
Новгородцы 147, 148, 151, 155, 156.
Новгородъ г. 29, 32, 33, 34, 39, 41—52, 57, 59, 60, 63—65, 94, 97, 98, 102, 110, 120, 127,

130, 131, 138, 149—152, 155, 164, 166, 169, 175, 176, 193, 325, 326, 332, 350, 352, 358, 361.
Новицкій А. 87, 108, 109, 111, 114, 117, 118, 159.
Новоселко-Пеньковская вол. 67.
Новоселово д. 18.
Новосильцева А. Ѳ. 18.
Новоторжскій Борисоглѣбскій м-рь 351, 355, 366—368, 370, 371, 373.
Новоторы 357, 366, 369, 371, 372.
Новое городище 462.
Новый Городокъ 449.
Новый Низовый г. 7.
Ногайская орда 6.
Норвегія 101, 150
Норманы 93, 94, 95, 120, 134.
Нѣмцы 95, 120, 153, 190.

О.

Оботриты народъ 133.
Обдоры 63.
Оболенскій К. И. кн. 106.
Овсянниковъ Н. Н. 65, 97.
Овцыны 317.
Одинецъ Микифоровъ дьякъ 320.
Одинъ 94.
Ока р. 98, 99, 407.
Оковскій лѣсъ 96.
Окса р. 100
Оксеншерна швед. посолъ 347.
Оксинья княг. 159.
Олафъ Норвежскій король 94, 131, 141.
Олеарій путешественникъ 98, 355, 356, 362.
Олонецкій край 399.
Ольга княгиня 130, 134, 363.
Ольгердъ кн. Литовскій 156, 190.
Омининъ-Цвылевъ 371.
Онанинъ Пронка пономарь 21.
Оноѳреево с-цо 76.
Онтоново д. 24.
Онуфріево с-цо 76.
Онуфріевъ монетный мастеръ 172.
Опоки 147.
Опухтино с. 390.
Орда 30, 32, 35, 36, 150, 151, 156, 157, 162, 170, 206, 238, 317.
Орша р. 54.
Оршинъ м-рь 75.
Орѣшниковъ А. В. 87, 126, 127, 170, 175, 186, 190, 192, 199, 202, 203, 208, 209, 211, 213, 219, 220, 222—225, 228—263, 268, 270, 272—278 282, 283, 287, 288, 290, 291, 294—300, 302, 305, 306, 307, 309, 310, 313, 314.
Орѣховецъ г. 156.
Орѣхово д. 22.
Осбрайтъ 134.
Осифовъ м рь 321.
Осоченка рч. 26.
Осташковская Синодальная слобода 437
Осташковскій Знаменскій м-рь 437.
Осташковскій у. 97, 387, 393, 394.
Осташковъ г. 40, 336, 393, 394, 433, 435, 436, 437, 438.
Остерготландія 138.
Остромиръ Новгород. посадникъ 47.
Остфалы (Саксонцы-Остерлинги) 134.
Осуга р. 97.
Отрочъ Тверской м-рь 35, 44, 55, 144, 148, 159, 326, 331.

Отсу г. 372.
Оффа король Мерціи 133.

П.

Павелъ I императоръ 375, 380.
Павелъ Комельскій преп. 53.
Павелъ кн. Муромскій 316, 317.
Павлово (Карпово тожъ) д. 18.
Паисій игуменъ 330, 333.
Паисій Угличскій преп. 32.
Палермо 105.
Пальмквистъ путешественникъ 98, 347—349, 352—370, 373.
Пальмскіольдъ 98, 102.
Пальцово д. 25.
Панинъ Н. 420.
Пантелѣево д. 24.
Патрикѣевъ Вассіанъ 65.
Патріаршая Осташков. слобода 435, 437.
Пафнутій архіеп. Суздал. 329.
Пафнутій архим. 26.
Пафнутьевское подворье 76, 78.
Пафнутьевъ м-рь 436, 437.
Пашково д. 18.
Пекарскій 434, 438, 440.
Пелопонесъ 121.
Пелымъ г. 72, 73.
Передольскій В. Б. 397.
Переславль 71, 150, 153.
Переславскій у 68.
Переславское оз. 68.
Переяславецъ Дунайскій г 130.
Переяславскій Горицкій м рь 70.
Пермская губ, 119, 130.
Пермь г. 53.
Персія 100, 110, 116, 352, 410.
Персы 99, 120.
Перунъ 116.
Перфурова К. И. 19.
Перхурова А. помѣщица 385.
Перхурово с 75, 77, 78, 81.
Песій станъ 70.
Петербургъ г. 37, 47, 347, 349, 388, 397, 442.
Петрей-де-Эрлезунда 359, 369.
Петрово д. 22.
Петровскій у. 424.
Петровъ П. 117.
Петръ Великій 62, 142, 146, 407, 408, 416, 433—442.
Петръ Димитріев. кн. Дмитровскій 173.
Петръ митр. 33, 38, 53, 55—57, 61, 363.
Петръ кн. Муромскій 315—318.
Петръ ордынскій царевичъ 32.
Петръ святитель 64.
Печенѣги 99, 131.
Печерскій м-рь 44.
Пименъ архіеп. 332.
Пирогова пустошь 74.
Пищалино д. 22.
Піо 123, 124 126, 127.
Плава 38, 213.
Плано Карпини 118.
Платоновъ С. Ѳ. 332, 347.
Плетневъ В. А. 357.
Плинѣй Младшій 121.
Погодинъ М. П. 50, 57.
Погорѣльцы д. 25.
Поддубный И. П. 397.
Поджогинъ И. 320.
Покровскій м-рь 69, 70.
Полевъ Ѳ. В. 21.
Поликарпъ 53.
Половцы 51.
Полоцкое княж. 97, 102.
Полтининъ В. 25.
Поляки 32, 68.
Поляковъ И. С. 388.
Поляне 93.

Польша 43, 132, 136, 137.
Померанція 135.
Помпей 121.
Пономаревъ 393.
Попово пустошь 79.
Посольскій приказъ 8.
Потаповъ 437.
Преображенскій м-рь 58, 69.
Прозоровскій Д. И. 87, 118, 119, 140, 144—146, 189, 199.
Прометей 427.
Протопоповъ 440.
Прохоръ еписк. Ростовскій 33.
Прусаветскій Ѳ. Ф. 433.
Псевдо-Калисфенъ 105, 106.
Псковитяне 154, 155, 157.
Псковская губ. 394.
Псковская епархія 155.
Псковская область 53, 149.
Псковская республика 102.
Псковъ г. 154, 155, 157, 176, 194, 358, 361, 363.
Пугвицино д. 23.
Пусторослева 18.
Пусторослевы 18.
Пшемыславъ II Краковскій 193.
Пшемыславъ I польскій 193.
Пыпинъ А. Н. 40—42, 47, 63, 65, 157.
Пьяченца г. 104.
Пѣнкова княг. Анна 71.
» княж. Анна 71.
» княж. Марія 71.
Пѣнковы кн. 67, 68, 70, 71.
Пѣнковъ В. Д. кн. 71.
Пѣнковъ В. И. кн. 71.
Пѣнковъ И. В. кн. 71.
Пѣсношская обитель 58.

Р.

Радимичи 93, 134, 135.
Раковецкій 132.
Растисловскій Ярослав. городничій 417.
Рахманово с. 71.
Регвальдъ 131.
Рейнъ р. 105, 109.
Рейссъ проф. 394.
Рейхель Я. Я. 87, 182, 191, 193, 196, 198, 207, 212—214, 218, 219, 222, 223, 228, 230—236, 238, 239, 242, 245, 253, 261, 262, 264, 265, 267—272, 275, 276, 278, 279, 281, 282, 291, 294, 298, 302, 303, 305, 306—308, 310—312.
Ржать р. 321.
Ржевъ г. 33, 42, 394, 445.
Рига г. 97, 135, 143, 194, 348.
Римляне 121, 136.
Римскій-Корсаковъ флигель-адъют. 391.
Римъ г. 121, 133.
Риндеръ Я. 375, 376, 380.
Рихтгофенъ 145.
Рихтеръ 104.
Ричардъ I король Англіи 133.
Родосъ 121.
Рождественскій дѣвич. м-рь 321.
Рожковскій м-рь 437.
Рожковъ проф, 17.
Розовъ И. С. свящ. 404.
Романовскіе татары 10.
Романовскій у. 5—7, 9, 12—14.
Романовы 9.
Романовъ г. 5—8, 10, 11.
Романъ Владиміровичъ кн. Углич. 32, 403, 404.
Романъ Ростиславичъ кн. Смолен. 31.
Рославлево с. 68.

Рославльскій городецъ 67, 68.
Рославльскій приходъ 67.
Россія 347—349, 352, 355, 362, 365, 435.
Ростовская область 31.
Ростовскій А. Д. бояринъ кн. 320.
Ростовскій музей 67.
Ростовскій соборъ 32.
Ростовскій у. 67—70.
Ростовское княжество 31.
Ростово-Сѣздальская область 16, 29, 31, 92, 98—100, 102 120, 146, 149, 150, 153, 167, 170, 171, 173, 176, 190, 194, 198.
Ростовъ г. 31—33, 36. 43, 50, 67, 69, 77, 101, 120, 174.
Рубцовъ М. В. 314, 348—350, 354, 358, 359, 363.
Рубцовъ секретарь статист. комитета 335.
Румянцевъ гр. 126, 127, 190, 275.
Русская земля 53.
Русь 30, 31, 33, 43, 44, 45, 47, 50—54, 56, 64, 78, 93, 94, 97, 99, 129, 133, 139, 141, 150, 154, 157, 335, 403.
Рыжево д. 23.
Рыжковъ П. Н. 437.
Рыжковы родъ 437.
Рюгенъ остр. 141.
Рюрикъ кн. 61, 94.
Рязанская земля 171, 175.
Рязанское княжество 30, 127.
Рязань г. 43, 61, 174, 346.

С.

Савва 96.
Савва Бороздинъ (Вишерскій) 36, 54, 55
Савва Саввинскій преп. 36.
Савватій Бороздинъ 54, 55,
Савватій Савватьевскій 37.
Савватьевская пустынь 54.
Саввинскій м-рь 64.
Савина П. И. артистка 345.
Савинъ учредитель осташк. банка 336.
Садко 49.
Самыловъ Данило попъ 21.
Самогиція 138.
Сапунъ Аврамовъ 75, 77.
Саратовскій уѣздъ 423.
Саратовъ г. 423, 425.
Сафоновъ И. иконоп. 120.
Сахаровъ И. 87, 197, 213, 214, 218, 221, 239, 246, 261, 270, 277, 288, 289, 301, 310, 311.
Сахаровъ П. И. 72.
Свиньинъ П. П. 418, 419.
Святославъ Владиміровичъ в. кн. 152.
Святославъ кн. 122, 130.
Святославъ Ростиславичъ кн. Смоленскій 31.
Святослявъ Ярославичъ кн. Муромскій 316.
Севергинъ 395.
Сеюшъ-мурза (Юсуповъ) 8.
Селехова слобода 80.
Селивановъ А. В. 407.
Селигерскій путь 97.
Селигеръ оз. 1—3, 97.
Селижарова пустынь 436.
Селижаровка рч. 1, 97.
Селижаровъ Троицкій м-рь 58.
Селижаровъ посадъ 1.
Селижаръ оз. 1, 2, 4.
Селижаръ рч. 1.
Селина д. 24.
Семеновъ Игнашко дьячекъ 21.
Семеновское сц. 75, 78.

Семеновская пустошь 78.
Серапіонъ митр. Сарскій 36, 53.
Сербія 42.
Сербы 41, 95.
Сергій архіепископъ 160.
Сергій Теляшинъ игуменъ 437.
Сергій еп. Новгород. 64, 65.
Сергій Нуромскій преп. 53.
Сергій преп. 53, 54, 55, 64, 74.
Сергѣевичъ 17, 148.
Серебрениковъ Д. И. 403—405.
Серегѣрь оз. 1, 2, 4.
Сибирь 72, 75, 76, 78, 82, 446.
Сигизмундъ II король 82, 138.
Сигорь с. 71.
Сидоръ свящ. 81.
Сизовъ В. И. 340.
Сильвестръ Обнорскій преп. 53.
Симеонъ Гордый в. к. 206, 317.
Симеонъ протопопъ 64.
Симеонъ еп. твер. 33, 36, 151, 153, 159, 160.
Симоновъ м-рь 437, 438.
Симонъ келарь 74.
Симсонъ П. 446.
Синагрипъ царь 39, 41.
Сирійцы 120.
Сирія 110.
Сицилія 110.
Скандинавія 95.
Скобниковъ А. И. 390.
Сковородка м-рь 64.
Скоморохово с. 76.
Скуратовъ Малюта 325, 326, 333, 334.
Славяне 2—4.
Славяне новгородскіе 93.
Слотинцево пустошь 74.
Сляднево д. 76. 80.
Смоленская губ. 394.
Смоленское княжество 42, 97, 102.
Смоленскъ г. 42, 43, 46, 75, 77, 96, 130.
Смолина 366, 371.
Сназинъ помѣщ. 393.
Снятинъ посадникъ 131.
Собакины 73.
Собакинъ Н. С. кн. 74.
Соболевскій А. И. 4.
Соколовъ изслѣд Сарат. края 423.
Соколовъ 434.
Соловецкая библіотека 47.
Соловецкій м-рь 326, 327, 329, 330.
Соловьевъ 31, 86, 96, 97, 98. 110, 148, 159, 325, 331, 332.
Соломонія царица 321, 322.
Сонцовъ Д. 87, 172, 192, 196, 198, 199, 208, 213, 216—219, 221, 228, 268, 271. 275, 285, 287, 289, 390, 294, 298, 306, 307, 310, 314.
Сорбы 133.
Софійскій кіевскій соборъ 113.
Софійскій Новгородскій соборъ 39, 46, 94, 120.
Спасо-Ярославскій м-рь 70, 71.
Спасскій 73.
Спасское княжество 175.
Спасскъ г. 407.
Сперанскій М. Н. проф. 40, 42; 47. 52.
Спичинскій воевода 414.
Средиземное море 46.
Срезневскій 168, 192.
Срѣтенская пустынь 54.
Ставръ бояринъ 49.
Станъ д. 23.
Старая Руса 438.
Старица г. 39, 59, 129, 160, 180, 191, 224, 323, 387, 407, 447—451, 453, 454, 457, 461, 462.

Старица р. 447.
Старицкій м-рь 44, 457.
Старицкій Борисоглѣбскій соборъ 454, 462.
Старицкій Михаила Архангела соборъ 449.
Старицкій новый соборъ 462.
Старицкій удѣлъ 449.
Старицкій у. 26, 319, 320, 393.
Старичане 39.
Старое Городище 447—451.
Стасовъ В. В. 111, 115, 116.
Стенка Разинъ 423—428.
Степановъ Т. подъячій 320.
Стефанъ Новгород. 59.
Стефанъ св. 53, 54.
Стокгольмскій государ. архивъ 348.
Стокгольмъ г. 347.
Стрѣлково д. 21.
Стриттеръ историкъ 132.
Строгановъ гр. 104.
Строевъ П. М. 50.
Струженскій А. И. д-ръ мед. 396.
Судгея (Сурожа) г. 99.
Суздаль г. 33, 59, 103, 110.
Суздальская область 109, 110.
Суздальскій жен. м-рь 322.
Суздальско-Владимірское княж. 31.
Суздальское княж. 101, 106.
Суздальско-Нижегородское княж. 202,
Суздальско-Ростовская земля 161.
Суздальцы 148, 150, 152.
Суземскій станъ 320.
Суземье вол. 79.
Сумгуръ Димитрій 19.
Сура р. 427.
Сурдацкое море 99.
Сутугинъ А. И. 397.
Сухово-Кобылинъ В. 454, 456, 462.
Сухомудрово д. 25.
Сысоево д. 28.
Сѣверяне 93.

Т.

Таврида 100.
Таисія Б. схимница 456, 457.
Тамбовская губ. 442.
Тана г. 44, 99, 100.
Танаисъ г. 99.
Тархово с. 70.
Тарховская обитель 69.
Тарховъ Холмъ д. 67—71.
Татары 5, 43—45, 63, 114, 148—151, 158, 159, 164, 165, 170, 171, 204—206.
Татары ногайскіе 6.
Татищевъ 39, 132, 316.
Тахтамышъ ханъ 159.
Твардовскій панъ 425.
Тверитиновъ 433, 435, 442, 443.
Тверитяне 39, 41, 60, 152, 160, 265.
Тверская архивная ком. 340—343, 348. 375.
Тверская епархія 37, 44, 58, 324.
Тверская область 39, 55, 120, 122, 144, 148, 156, 159, 170, 180, 337, 346.
Тверская губ. 3, 4, 34, 67, 97, 338, 349, 357, 375, 378, 379, 382, 387, 391, 394, 396, 407, 434.
Тверское княжество 29—31, 33—35, 38, 42, 43, 45, 52, 54, 55, 64, 83, 84, 91, 92, 97, 103, 106, 127, 137, 158, 167, 168, 170, 173, 174, 176, 177, 180, 181, 184, 190, 191 195, 201, 202, 210, 226, 293, 308.
Тверской край 57, 89, 338, 348.
Тверской музей 40—42, 83, 84, 128, 146, 187, 188, 191, 194,

208, 214, 215, 249, 262, 263, 269, 306, 310—312, 335—346, 357, 364, 368, 373. 455.
Тверской областной археол. съѣздъ 5, 17, 29, 357.
Тверской соборъ 160.
Тверской у. 75, 78, 79, 81, 320, 321.
Тверца р. 97, 98, 102, 147, 350—353, 355—357, 362, 366—371, 373.
Тверь г. 29, 30, 32—44, 47—52, 54—65, 83, 97, 98, 101—103, 126—129, 144, 146—148, 150, 151, 153—157, 159—166, 169, 170, 173, 174, 176, 179, 180, 202, 224, 308, 333, 337, 346, 348, 350—353, 358—362, 377, 387—389, 391, 393, 394, 433, 441.
Тейльсъ И. А. твер. губер. 375, 380.
Теляшевъ А. К. 69.
Теляшинъ Л. П. свящ. 437.
Теляшинъ Л. Ф. 435, 437.
Теляшины родъ 436, 437.
Темкинъ В. кн. 329.
Теребенинъ-Галузинъ 372.
Терешкова слобода 20, 26, 27.
Тетерино 445.
Тимошкино с. 73.
Тихвинскій м-рь 370.
Тихвинъ г. 52.
Тихоміровъ И. А. 39, 401, 407, 422.
Тихотинъ станъ 80.
Тихоновъ И. 377.
Тихонравовъ Н. С. 195, 435.
Тихонъ св. 36.
Титовъ А. А. 82.
Товаркова А. А. 75, 77.
Толстиково П. 19.
Толстой И. И. гр. 84, 87, 105, 107, 109, 124, 140, 144, 163, 176—179, 182, 185, 193, 196, 197, 199, 203, 208, 446.
Толстой М. В. гр. 37.
Толстой Н. Я. помѣщ. 381.
Томсенъ 3.
Торжокъ г. 44, 82, 98, 156, 166. 348—354, 356—360, 362—364, 366—371, 373, 387, 394, 441.
Торопецъ г. 97, 394.
Торопъ Гурій 19.
Торопъ Кинфій 19.
Трегубово д. 25.
Тренка пономарь 20.
Трестянка слобода 436, 437.
Третьяковскій В. К. 443.
Третьяковъ А. П. 412.
Третьяковъ И. И. 320.
Третьякокъ Я. П. 412.
Трифонъ инокъ 44.
Трифонъ Печенѣгскій св. 36.
Троицкая вотчина 81.
Троицкій И. 403.
Троицко-Сергіевъ м-рь 53—55, 58, 74, 76, 77, 80, 82, 123.
Трубниково пустошь 79.
Туровскій Кириллъ 31.
Турція 406.
Туръ г. 137.
Тутанскій Ксенофонтъ 55.
Тутанскій м-рь 55.
Тутомлинъ ген.-маіоръ 387.
Тучкова Ѳ. О. 79.
Тучковъ Ѳеонась Степ. (Дружина) 79.
Тучковъ (Северганокъ) Т. О. 79.
Тушинскій воръ 450.
Тырыданово д. 24.
Тьма р. 55, 96.
Тьмака р. 79, 83, 160, 352, 353, 394.

Тьхверь г. 4.
Тюрки 101.

У.

Уварова П. С. гр. 340.
Уваровъ А. С. гр. 104, 106, 337, 339.
Угличскій дворецъ 17, 26.
Угличскій кремль 401, 418, 421, 422.
Угличскій Покровскій м-рь 68.
Угличскій у. 67, 68, 70, 388, 407.
Угличъ г. 32, 33, 69, 82, 388, 389. 402—404, 407, 411—422.
Угра р. 82, 170.
Угорская земля 130.
Узбекъ 49.
Уздомъ остр. 95.
Укертъ 94.
Ульяна Александровна княжна 156.
Упсаль 94.
Успенскій Г. 87, 94, 98, 101, 146.
Успенскій В. П. свящ. 338, 346, 437.
Успенскій Владимірскій соборъ 103.
Успенскій Звенигород. соборъ 120.
Успенскій Москов. соборъ 32, 46.
Усть-Курдюмъ д. 423.
Уткинъ граверъ 336.
Ушаковъ А. свящ. 324, 413, 414.
Ушаковъ Богданъ 412.
Ушаковъ Симонъ иконоп. 339, 344.

Ф.

Фалькъ лѣкарь колязин. 385, 387,
Фанъ-Кленкъ гость голланд. 10.
Фарвансонъ А. проф. 440.
Фаустъ 425.
Февронія кн. Муромская 315, 317.
Федоръ Ивановичъ царь 26, 27, 78.
Филаретъ патр-хъ 15, 16, 72.
Филимоновскій станъ 69.
Филипова гора 365.
Филиппъ митр. 325, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 334.
филиппъ свящ. 64.
Филоѳей еп. Рязанскій 334.
Филологъ Левъ 42.
Финикіяне 120.
Финны 3.
Фіоравенти Аристотель 110, 159.
Флорентійскій соборъ 60.
Фоглеръ гость голланд. 10.
Фойхтъ 197, 199.
Фотій митр. 38, 163.
Франки 136.
Франція 105, 109, 123, 124, 137.
Фрейбургскій соборъ 106.
Фридрихъ импер. 198.
Фридрихъ II импер. 137.

Х.

Халдеи 121.
Хахилево д. 19.
Хвалынское море 426.
Херсонъ г. 99.
Хиландарская обитель 42.
Хлѣбниковъ П. В. 67.
Хозарское царство 51.
Хозары (Казары) 51, 93, 99, 134.
Холмоградъ г. 94.
Холмъ г. 160, 394.
Холопій городокъ 101.
Хотошино с. 339.
Христина королева 138.
Христіанъ II король 138.

Ц.

Цамблакъ Григорій 42.
Царицино 17.
Царищево д. 79.
Царское с. 146.
Царьградъ г. 32, 50, 59, 131.

Цвылевъ В. А. 369.

Ч.

Чангисъ ханъ 100.
Чапосова У. Я. 79.
Чапосовы 79.
Чапскій Э.К. гр. 87, 201, 204, 208, 217, 218, 228, 231, 232, 235, 239, 242, 245, 246, 247, 261, 268, 270, 275, 276, 278, 285, 288, 289, 298, 299, 300, 301, 303, 306, 311, 312.
Чашниковъ помѣщ. 393.
Чеботаревъ А. В. 397.
Чердынскій у. 119.
Чердынь г. 101.
Чередѣево 150, 163.
Черемиса 3.
Черная рч. 22.
Черневъ Н. П. 172.
Черниговъ г. 316,
Черное море 46, 90.
Чертковъ 87, 88, 114, 125, 201, 203, 207, 213, 216, 218, 219, 220, 222, 227, 228, 230, 231, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 242, 245, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 256, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 275, 277, 278, 280, 281, 282, 284, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 305, 306, 307, 310, 311, 312.
Чешково д. 23.
Чешская земля 130.
Чечулинъ 408.
Чудовская вотчина 26.
Чудовъ м-рь 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 75, 77.
Чудь 93.

Ш.

Шангинъ В. В. 415, 420.
Шахматовъ А. А. академ. 38, 50, 60.
Шаховскіе 73.
Шведы 336, 370.
Швейцарія 109.
Швеція 94, 131, 138.
Шебякинъ А. П. 447, 448, 450, 453.
Шевкалъ 155, 160.
Шевнино д. 22.
Шексна р. 98.
Шелаева А. Ѳ. 18.
Шелковка руч. 403.
Шенбергъ Г. Г. 397.
Шереметьевъ С. Д. гр. 67.
Шешма рч. 18.
Шеменскій станъ 18.
Шигона Поджогина Анна 324.
Шигона Поджогинъ И. Ю. 320, 321, 322, 323, 324.
Шимохтино с. 73.
Шляковъ Н. В. 404, 419.
Шодуаръ 88, 169, 170, 207, 213, 214, 218, 222, 224, 228, 231, 233, 238, 240, 242, 245, 246, 247, 248, 250, 252, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 276, 277, 278, 281, 282, 285, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 311, 312.
Шубертъ Ѳ. Ѳ. 88, 201, 207, 208, 214, 217, 218, 232, 233, 266, 270, 276, 278, 282, 285, 296, 301, 305, 306, 312.
Шуйская М. Н. 17.
Шульцъ 434.
Шумаковъ С. 17.
Шюденка рч. 26.

Щ.

Щегловъ Д. М. 339.
Щекатовъ Аѳ. 355, 416.
Щелканъ Дудентьевичъ 35.
Щелковъ дьякъ 76, 78.
Щербатовъ кн. 132, 224.
Щербаха рч. 26.
Щербининцовъ Лиховидъ Оѳонасьевъ 81.
Щиловъ м рь 42.
Щилъ 49.

Ѣ.

Ѣмь пл. 3.

Э.

Эйлифе-Инге 131.
Экземплярскій 88, 150, 159, 165.
Эммануилъ царь 46.
Эрикъ VII кор. 138.
Эрмитажъ 341.
Эстерлинги (Саксонцы) 134.
Этельредъ II король 129.

Ю.

Юлинъ г. 94, 131.
Юлія Мамея 199.
Юнусъ кн. Ногайскій 6.
Юрій Даниловичъ кн. 152, 156.
Юрій Димитріевичъ кн. 165.
Юрій Ивановичъ кн. 323.
Юрій Ивановичъ кн. Твер. 213.
Юрій Ярослав. кн. Муром. 316, 318.
Юрьевскій—Польскій у. 74, 76, 80.
Юрьевское с. 320, 323, 324.
Юрьевъ Новгородскій м-рь 120.
Юрьевъ—Польскій г. 82, 103.
Юстиніанъ царь 60.
Юсуфъ кн. Ногайскій 5, 6.

Я.

Яворскій Стефанъ 435.
Яковкинъ П. Ѳ. 146.
Ямь пл. 3.
Ярославль г. 147, 420.
Ярославская губ. 5, 67, 391.
Ярославская епархія 37.
Ярославскій Спасскій м-рь 71.
Ярославскій у. 5.
Ярославское княжество 30, 31.
Ярославъ Владимировичъ в. кн. 47, 94, 97, 131.
Ярославъ Всеволодовичъ в. к. 152.
Ярославъ Святославичъ кн. Муром. 316.
Ярославъ Юрьевичъ кн. Муром. 317.
Ярославъ Ярославичъ кн. Муром. 316.
Ярославъ Ярославичъ в. к. Твер. 127, 150, 151, 152, 153, 192, 198.
Ярцовъ В. М. 70.

Ѳ.

Ѳевата Жаденье оз. 394.
Ѳедово с. 344.
Ѳедоровскій м-рь 160, 338.
Ѳедоръ Борисовичъ кн. 123.
Ѳедоръ еп. Твер. 39, 48.
Ѳедоръ Константиновичъ кн. Муром. 315, 316.
Ѳедоръ Стратилатъ св. 192.
Ѳедоръ царь 7, 9, 10, 26.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ кн. Микулинскій 165.
Ѳедосово с. 81.
Ѳедотовъ Тверской мон. маст. 168, 172, 273.
Ѳедяево д. 25.
Ѳеогностъ еп. 157.
Ѳеодоръ праведный 36.
Ѳеодосій архіеп-пъ 329.
Ѳеодосій преп. 31, 53, 161.
Ѳеодосія г. 99.
Ѳеоктистъ праведный 36, 37.
Ѳеофилъ—Икономъ 425.
Ѳивы 121.
Ѳома бояринъ Твер. 116.
Ѳома Сиріецъ 160.
Ѳоминское Городище 97.
Ѳроловъ Г. свящ. 81.

Отдѣлы III и V.

ЖИВАЯ СТАРИНА. ОБЛАСТНАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ.

Вмѣсто введенія.—Свадебные обычаи въ г. Торжкѣ.—Деревенская свадьба (обряды и пѣсни въ Новоторжскомъ и Старицкомъ уѣздахъ).—Нѣкоторые «заплачки» и обряды, связанные съ похоронами.

Вмѣсто введенія.

Послѣднее время, которымъ принято гордиться какъ эпохой пара, электричества и всякихъ иныхъ техническихъ изобрѣтеній, съ точки зрѣнія историка, этнографа, даже обыкновеннаго наблюдательнаго человѣка, ищущаго вездѣ оригинальныя черты самобытности, имѣетъ одинъ очень важный недостатокъ: наше время усиленно нивеллируетъ жизнь, уничтожая индивидуализмъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ мѣстностей. Тамъ, гдѣ не такъ давно раздавалось оригинальное речитативное выпѣваніе «сказителями» народныхъ былинъ,—тамъ раздаются теперь ужъ пѣсни «фабричнаго» происхожденія; вмѣсто веселыхъ хороводовъ, живой и легкой русской пляски—танцуютъ теперь уже по деревнямъ «кадрель», «польки», «лянсу»; своеобразные народные костюмы съ варіаціями по различнымъ мѣстностямъ смѣнились «пинджаками», калошами, картузами. Та же печальная участь уничтоженія постигла въ большинствѣ случаевъ старинные обычаи и обряды, въ которыхъ внимательное изученіе открываетъ очень часто связь съ глубокою древностью.

Жизнь новая, техническая врывается повсюду; она будитъ иногда уснувшую провинцію, но создаетъ людей «желающихъ бѣжать наравнѣ со временемъ», поэтому большею частію живущихъ настоящимъ, мало будущимъ, еще меньше прошедшимъ.

При такихъ условіяхъ современной жизни встрѣчу съ обломками вещественной или живой старины не въ музеяхъ, не въ архивахъ, не въ воспоминаніяхъ древнихъ старцевъ, а среди современной живой обстановки—можно бы, конечно, почесть чудомъ. Но, къ счастью, народная бытовая старина сохранилась еще кой въ какихъ захолустныхъ уголкахъ въ видѣ какихъ-то «пережитковъ», т. е. фактовъ, которые

уже потеряли свой смыслъ въ отношеніи къ современной жизни и не отвѣчаютъ на запросы настоящаго, а держатся обыкновенно лишь потому, что косность человѣческихъ отношеній оставляетъ ихъ въ силѣ, какъ элементы прошлаго, когда-то важные и значительные.

Нѣтъ нужды указывать передъ настоящимъ ученымъ собраніемъ, какъ цѣнятся современной наукой эти остатки непереваренныхъ, неусвоенныхъ, такъ сказать, застрявшихъ въ позднѣйшемъ быту древнихъ укладовъ жизни. Но если и сохранилась еще въ иныхъ мѣстахъ такая старина, если еще порой не безъ борьбы, а шагъ за шагомъ уступаетъ она свое мѣсто новому строю современной жизни, то во всякомъ случаѣ дни этой «живой старины», безспорно, сочтены. Я былъ бы очень счастливъ, если бы встрѣтилъ со стороны ученыхъ моихъ слушателей одобреніе этой моей мысли. Можетъ быть, это побудило бы собраніе выработать лучшій общій планъ для систематическаго собиранія всѣхъ бытовыхъ пережитковъ по селамъ, городкамъ и всякимъ захолустнымъ медвѣжьимъ угламъ; можетъ быть, здѣсь отыскались бы средства для привлеченія возможно большаго числа союзниковъ въ дѣлѣ собиранія памятниковъ бытовой старины; можетъ быть, благодаря дружнымъ совокупнымъ работамъ отдѣльныхъ архивныхъ коммиссій и частныхъ лицъ, и удастся еще сохранить хоть нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ отъ исчезновенія.

Принимая на себя смѣлость доложить многоуважаемому собранію нѣкоторый бытовой матеріалъ, собранный мною разновременно и помелочамъ на мѣстѣ моей службы въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Тверской губерніи, я долженъ предупредить, что это сырой матеріалъ, который ждетъ еще своей ученой разработки, но, какъ новичекъ въ археологіи и этнографіи, я хотѣлъ бы раньше выслушать Ваши авторитетные совѣты касательно характера такой разработки.

Свадебные обычаи въ г. Торжкѣ.

Случайнаго обывателя г. Торжка, наблюдательнаго проѣзжаго черезъ этотъ городъ, всегда очень поражаетъ та свобода, которая предоставлена здѣсь молодежи обоего пола. Молодежь свободно сходится и на вечерахъ и на бульварахъ, и родители, повидимому, мало обращаютъ вниманія, съ кѣмъ гуляетъ ихъ дочь. Въ сумеркахъ, когда гулянье на бульварахъ прекращается, молодежь, поужинавъ наскоро дома, опять сходится другъ съ другомъ, на этотъ разъ у воротъ домовъ, гдѣ есть «барышни», т. е. дѣвушки въ извѣстномъ возрастѣ. У каждаго дома въ Торжкѣ, будь онъ богатъ или бѣденъ, непремѣнно рядомъ съ воротами поставлена лавочка. Днемъ здѣсь на солнышкѣ любятъ грѣть свои кости старики и старухи, а вечеромъ съ этихъ скамеекъ раздается разговоръ и веселый смѣхъ молодежи. Смѣхъ и разговоръ тѣмъ непринужденнѣе, что старшихъ обыкновенно не видно въ это время около молодежи. По отзывамъ самихъ новоторовъ, эта свобода молодежи не влечетъ за собой нарушенія нравственности; она только знакомитъ и сближаетъ между собой лицъ обоего пола. Молодые люди сначала приглядываются другъ къ другу, затѣмъ останавливаютъ свой выборъ на комъ-нибудь, начинаютъ встрѣчаться чаще и, наконецъ, прежде еще окончательнаго рѣшенія дѣла, молва подругъ и товарищей нарекаетъ парочку женихомъ и невѣстой. Правда, дѣло еще можетъ разстроиться; но въ Торжкѣ почти принято, чтобы у каждой «барышни» былъ свой «дружокъ», по крайней мѣрѣ, одинъ, хотя можетъ быть и нѣсколько. У кого нѣтъ такого «дружка», та «барышня» рискуетъ прослыть на весь городъ или очень гордой, или глупой, или безнадежно некрасивой.—«Дружки», или, какъ называютъ еще—«предметы», пользуются у своихъ «барышень» извѣстными преимуществами и отличіями отъ прочихъ «кавалеровъ». «Барышня» вводитъ своего «дружка» за собой на вечеринки, устраиваемыя ея подругами. Когда какая-нибудь дѣвушка, съ разрѣшенія своихъ родителей, устраиваетъ у себя вечеринку, она можетъ приглашать, по новоторжскимъ обычаямъ, только своихъ подругъ, а отнюдь не знакомыхъ кавалеровъ. Но послѣдніе сами собираются къ освѣщеннымъ окнамъ того домика, гдѣ собрались дѣвушки, и выжидаютъ, когда выйдутъ на улицу ихъ

«барышни» и введутъ каждая своего «дружка» внутрь дома. Когда часть мужской молодежи перешла съ улицы въ домъ, начинаются танцы, обыкновенно подъ гармонику, пѣсни, игры. Приглашенныхъ барышень угощаютъ чаемъ и сластями; кавалерамъ же—этимъ, такъ сказать, «непрошеннымъ гостямъ» никакого угощенія не полагается; поэтому они обыкновенно сами запасаются въ карманахъ водкой и какой-нибудь закуской. Въ антрактахъ между танцами или играми кавалеры исчезаютъ въ сѣни или на улицу и здѣсь подбадриваютъ себя «живительной влагой». Частое пользованіе этой влагой не ведетъ къ добру: между кавалерами, особенно тѣми, которые оказались въ числѣ счастливцевъ, попавшихъ на вечеринку, и тѣми, которые остались еще на улицѣ, возникаютъ ссоры, переходящія очень скоро въ драку; пускаютъ въ ходъ не только кулаки, но и палки и даже кастеты. Мнѣ пришлось слышать отъ опытныхъ людей, что никогда власти полицейскія и судебныя не бываютъ такъ завалены дѣлами, какъ послѣ праздниковъ и послѣ большихъ вечеринокъ.

Хотя сближеніе молодыхъ людей, имѣющихъ намѣреніе повѣнчаться, происходитъ задолго до свадьбы, однако сватанье въ большинствѣ семействъ мѣщанскихъ или среднекупеческихъ дѣлалось и нынѣ дѣлается съ соблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ.—Обыкновенно отъ жениха въ домъ невѣсты является сваха. Это или профессіонально занимающаяся этимъ дѣломъ женщина, или кто-нибудь изъ родни жениха; а такъ какъ появленіе ея не неожиданно въ домѣ невѣсты, то она не застаетъ врасплохъ родныхъ ея. Мать невѣсты обыкновенно сама идетъ на встрѣчу свахѣ и встрѣчаетъ ее въ воротахъ. Тутъ же у воротъ приточными рѣчами, намеками сваха даетъ понять, за какимъ дѣломъ и отъ кого пришла она къ сосѣдямъ. Если родителямъ невѣсты сватуемый женихъ кажется неподходящимъ, то пришедшей свахѣ, не впуская ее даже въ домъ, такой же кудреватой и затемненной рѣчью мать невѣсты даетъ понять, что ея миссія совершенно безуспѣшна. Въ противномъ же случаѣ ее съ ласковыми словами, веселыми шутками приглашаютъ войти въ домъ. Здѣсь за чаемъ, а порой и за закуской, сваха уже болѣе откровенно говоритъ о цѣли своего прихода, изучаетъ манеры, разговоръ невѣсты и проситъ позволеніе притти съ женихомъ и сватами. Разговариваютъ и о приданомъ, но вопросъ этотъ никогда не рѣшается сразу. Нѣсколько дней спустя происходитъ пріемъ и сватовъ. Гостямъ ставится угощеніе, конечно, по средствамъ. На этотъ разъ старшіе окончательно угова-

риваются о приданомъ, назначаютъ со взаимнаго согласія день, когда будутъ «молиться Богу», и день свадьбы. Въ назначенный день приходитъ къ невѣстѣ женихъ и его родня «молиться Богу». Это день сговора. Сговоренныхъ благословляютъ образомъ, который дня 2—3 остается еще въ домѣ невѣсты. Когда помолятся Богу, женихъ беретъ отъ невѣсты «залогъ», обыкновенно какую-нибудь вещь, наприм., платокъ. «Залогъ» этотъ служитъ обезпеченіемъ жениху, что невѣста не возьметъ своего согласія на бракъ назадъ.

На другой же день невѣста приглашаетъ къ себѣ своихъ подругъ шить приданое. Послѣ сговора ходитъ къ невѣстѣ безпрепятственно и женихъ, принося обыкновенно съ собой своей нареченной подарки и разныя сласти. Въ тотъ день, когда назначено давать образъ («давать Бога»—по новоторжскому выраженію), пріѣзжаетъ или одна сваха жениха, или опять собирается вся его родня. Гостей угощаютъ, нареченныхъ жениха и невѣсту еще разъ благословляютъ образомъ, который сваха на извощикѣ тотчасъ же и отвозитъ въ домъ жениха. Тутъ же мать невѣсты подноситъ жениху и его роднѣ подарки.

По отъѣздѣ свахи къ невѣстѣ сходятся опять ея подруги продолжать заготовку приданаго. Гдѣ молодежь,—тамъ и пѣсни; да подъ пѣсни и работа спорѣе. Но пѣсни, которыя поютъ на этотъ разъ дѣвушки, не обычныя, а пріуроченныя или къ невѣстѣ или къ жениху.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, которыя удалось мнѣ записать.

1.

Ворковалъ голубь со голубкою,
Говорилъ Иванъ со Еленою:
—Ты, душа ли моя, Аленушка,
Ты вставай съ утра-то ранешенько,
Вышивай ширинку краснымъ золотомъ,
Выводи кружки чистымъ серебромъ,
Во кружкахъ сади крупнымъ жемчугомъ,
И дари меня со всѣмъ поѣздомъ,
Что съ князьями, со боярами,
Со всѣми гостями пріѣзжими.

2.

Ахъ, не было вѣтровъ,—понавѣяло;
Ахъ, не было гостей,—понаѣхало.

Вотъ полный дворъ коней,
Коней наставили...
Вотъ десять печей хлѣбы спечены;
Вотъ девять варей пива сварено,
А десятое зелена̀ вина...
Ахъ, новыя сѣни поразломились;
Ахъ, золоту чашу поразбили;
Ахъ, соловья птицу выпустили.
Вотъ новыя сѣни плотники сплотятъ;
Вотъ золоту чашу злотари сольютъ;
Вотъ соловья птицу мы опять залучимъ,
Только не будетъ тебя у меня.—
Вотъ сплачется Елена-душа,
Разрыдается Александровна:
Здѣсь тѣшилъ ее родный тятенька,
Еще тѣшила ее родна маменька!
—«Ты не плачь, дитя,—дитя милое, дочь родимая!
Ты не плачь-ко, наша умница,
Наша умница, разумница.
Не одну мы тебя замужъ отдаемъ,—
Отдаемъ мы тебя съ кучерами,
Съ кучерами да еще съ шаферами» (!)—
—Шафера всѣ поразъѣдутся,
И всѣ сватьюшки разойдутся,
Я останусь молоденька
У чужого отца съ матерью.—

3.

Какъ у мѣсяца звѣзды частыя,
У красна солнца лучи ясные,—
У Ивана-свѣтъ кудри русыя,
У Петровича по плечамъ лежатъ,
Золотымъ гребнемъ пріучосаны,
Жемчугомъ кудри пріувиваны.—
—«Вы, подружки, мои голубушки,
Вы сходите во чисто поле,
Вы развѣйте круты горы,—
Распустите быстры рѣки,

Къ моему ли широку двору
Не пройтить бы, не проѣхати
Чтобъ ни конному, ни пѣшему,
Ни моему ли другу вѣрному».

4.

У воротъ сосна всколыбалася,
Дочка къ матери снаряжалася,
Тремя мылами умывалася.
Ужъ какъ первое мыло со бѣлилами,
Второе мыло со румянами,
Ужъ какъ третье мыло — губа грецкая.
Я по сѣнямъ шла—сѣни скрипали,
Я по новымъ шла—новы ломятся.
Не услышалъ бы мой лютой свекоръ,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Ужъ какъ мой-то мужъ,
Что вихорь въ полѣ,
Что за буйная за мятелица:
Ужъ онъ бьетъ жену за бездѣлицу.

Когда приданое готово, оно все устанавливается и укладывается въ отдѣльной комнатѣ. Въ теченіе одного дня оно дѣлается доступнымъ для обозрѣванія всѣхъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ—любопытствующихъ. Это особенно на руку тараторкамъ кумушкамъ, которыхъ такъ много въ Торжкѣ; это «праздникъ на ихъ улицѣ»: во 1-хъ, можно удовлетворить свое любопытство, а во 2-хъ, сколько матеріала во время этого осмотра наберется для дальнѣйшаго пересуживанія. Не упуститъ такая кумушка пересчитать, сколько платьевъ, простынь, одѣялъ дается за невѣстой (всѣ простыни и одѣяла раскладываются на постели одно надъ другимъ), пощупаетъ добротность полотна, перешаритъ всѣ платья, переглядитъ всю чайную или столовую посуду. И никто не посмѣетъ въ это время остановить этихъ внимательныхъ ревизоровъ въ черныхъ наголовникахъ; напротивъ, ихъ сопровождаютъ привѣтливыми улыбками, угощаютъ медомъ. И иначе нельзя: это разносительницы вѣстей; въ ихъ волѣ надолго установить въ городѣ хорошую или дурную славу о семьѣ невѣсты и жениха. Въ прежнее

время, какъ мнѣ приходилось слышать, приданое даже развозили по городу. Нарочно нанимали карету или какой-нибудь крытый возокъ, внутри его развѣшивали или разставляли, если не все приданое, то, по крайней мѣрѣ, самыя видныя его части, и возокъ этотъ медленно разъѣзжалъ по улицамъ, останавливаясь предъ всякимъ любопытствующимъ заглянуть въ содержаніе его. Теперь этотъ обычай оставленъ; но обычай выставлять приданое на публичный осмотръ у себя въ домѣ еще крѣпко держится даже въ среднемъ купечествѣ. Говорятъ, что дѣло не всегда обходится безъ обмановъ. Всякой семьѣ хочется не ударить въ грязь лицомъ своимъ приданымъ, и вотъ на время осмотра (а онъ рѣдко продолжается больше дня) изъ магазиновъ берутъ вещи на прокатъ; послѣ же осмотра эти вещи опять благополучно возвращаются на магазинныя полки.

Когда приданое убираютъ въ сундуки, въ углы послѣднихъ кладутъ деньги, чтобы молодые богато жили. За приданымъ, или, какъ говорятъ, «за периной», женихъ присылаетъ лошадей наканунѣ свадьбы. При отправкѣ приданаго поютъ пѣсни. Кажется, большинство свадебныхъ пѣсенъ начинается словами: «Ворковалъ голубь со голубкою», но продолженіе этихъ пѣсенъ варіируется и можетъ имѣть малую связь съ этими начальными строками. Съ приданымъ къ жениху идетъ тетка, или замужняя сестра невѣсты. Въ тотъ же день невѣсту водятъ подруги въ баню. Въ баню и изъ бани провожаютъ онѣ ее съ пѣснями. По возвращеніи изъ бани происходитъ обрядъ «заплетанія косы». — Невѣсту сажаютъ на стулъ посереди комнаты противъ зеркала и непремѣнно на подушкѣ. Причесываетъ невѣсту и заплетаетъ ей косу какая-нибудь дѣвочка подростокъ изъ ближайшей родни; лицо невѣсты закрываютъ обыкновенно чернымъ платкомъ, и она должна во все время обряда причитывать и плакать. Подруги же невѣсты, ставъ вокругъ нея, поютъ пѣсни:

1 [1]).

Какъ во садикѣ-садикѣ,
Во зеленомъ виноградникѣ
Какъ стояла тамъ грушица
Еще яблонька кудрявая.
Расшаталася грушица,

[1]) Изъ 2-хъ варіантовъ, очень близкихъ, дополняющихъ другъ друга.

Передъ яблонькой стоючи,
Зелены листья роняючи...
Какъ расплакалася дѣвица,
Разрыдалася Елена-душа,
Передъ батюшкой стоючи,
Горючія слезы роняючи.
—«Государь желанный, батюшка,
Государыня, моя матушка!
Для чего же у васъ гости созваны,
И все гости да гостейки,
Все подружки мои голубушки,
Мои бѣлыя лебедушки?
Для чего же у васъ пиръ зашелъ,
Что за пиръ зашелъ, за радости?»
—Ты, дитя ли наше милое,
Ужъ ты, дочь наша любимая!
Мы хотимъ тебя замужъ отдать.
Отдаемъ то мы тебя, наше дитятко,
Не за князя, не за барина,
За твоего ли дружка милаго.
Привыкай-ко ты, наше мило дитятко,
Ко чужому отцу съ матерью,
Ко своему то другу вѣрному.
—«Государь желанный, батюшка,
Государыня матушка!
Ужъ о чемъ я васъ просить хочу,
Я просить хочу и низко кланяться,
Что нельзя ли думу раздумати
Меня въ дѣвушкахъ оставити?»
—Ужъ ты, дочь наша любимая,
У насъ дѣло ужъ все сдѣлано,
По рукамъ у насъ ударено:
Въ воскресенье быть дѣвишнику,
Что дѣвичьему вечеру,
Въ понедѣльникъ подъ вѣнцомъ стоять,
Подъ вѣнцомъ стоять, подъ страшнымъ судомъ.
Быстры ноженьки подкосятся,

Бѣлы рученьки опустятся.
Ретиво сердце ужаснется.

2.

При остатнемъ часу времечка,
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
Какъ Аленушкѣ сонъ грезился,
Свѣтъ Александровнѣ грозенъ былъ сонъ:
Прилеталъ къ ней младъ-ясенъ соколъ,
Ужъ онъ сѣлъ къ ней на окошечко,
Говорилъ съ ней потихонечку,
Потихонечку да полегонечку:
—«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Отвыкай-ко ты, душа дѣвица,
Отъ своихъ отъ отца, отъ матери,
Отъ своего ли рода племени;
Привыкай-ко, душа дѣвица,
Къ чужому отцу къ матери,
Что ко мнѣ ли добру молодцу,
Къ моему ли уму-разуму».

3 [1]).

Ахъ, на что жъ у насъ есть измѣнница,
Что помѣнница,—лицемѣрница,
Что душа ли красна дѣвица,
Свѣтъ Елена Александровна!
Измѣнила слово вѣрное свое:
Говорила, что «я за мужъ не пойду,
Не пойду я замужъ, не подумаю»,
А сама и снарядилася!
Но въ кого жъ она влюбилася?
Что въ такого нехорошаго,
Да рябого, непригожаго.
И на что жъ еще польстилася?
На имѣнье, на богатство его,
На его ли цвѣтно платьице?

[1]) Пѣсня эта носитъ названіе: «Измѣнница».

Цвѣтно платьице нажитое,
Золота казна не считана,
Ума-разума не пытано.
—«Вы подружки, мои голубушки,
Мои бѣлыя лебедушки!
Онъ мнѣ кажется хорошъ, пригожъ.
Онъ бѣлѣе снѣга бѣлаго,
Онъ алѣе цвѣта алаго,
Онъ милѣе свѣта бѣлаго.

4 [1]).

Ужъ вы, гуси, вы, гуси,
Гдѣ вы, гуси, летали?
Ужъ мы были, летали
. . . . . [2])
А что вы видѣли, слышали?
—Ужъ мы слышали, видѣли,
Что невѣста плачетъ,
Къ ларцу припадаетъ
И ларецъ обнимаетъ:
—«Ужъ ты, ларчикъ, мой ларчикъ,
Золотой, окованный!
Я не годъ въ тебя клала,
Я не два соблюдала.
Что пришла тебѣ невзгода,
Что невзгода, година;
Въ одинъ часъ я раздарила:
Ужъ я свекру рубашку,
Свекрови кокошникъ,
А золовкамъ по тесемкѣ,
А деверьямъ по платишку,
Самому свѣту—перину,
Съ круглымъ изголовьемъ,
Съ большими подушкамъ(и),
Съ соболинымъ одѣяломъ».

---

[1]) Этой пѣснѣ даютъ названіе: «Гуси».

[2]) По смыслу строка пропущена; возстановить ее не удалось

Послѣ заплетенія косы невѣста уходитъ съ той дѣвушкой, которая ей заплетала косу, въ спальню, гдѣ продолжаетъ плакать и причитывать; а подруги невѣсты, одна передъ другой, спѣшатъ занять тотъ стулъ, на которомъ она сидѣла. Кто изъ дѣвушекъ первою успѣетъ сѣсть на этотъ стулъ, та прежде всѣхъ и замужъ выйдетъ. Несмотря на горькую участь молодой жены въ чужой семьѣ, участь такъ трогательно только что описанную въ пѣсняхъ, несмотря на слезы и причитанія въ сосѣдней комнатѣ уже сговоренной подруги, остальныя дѣвушки, повидимому, ничуть не боятся мужей, сравниваемыхъ въ пѣснѣ съ «вихремъ и мятелицею», мужей, что̀ «бьютъ свою жену за бездѣлицу». Иногда за обладаніе стуломъ возникаютъ между подругами даже крупныя недоразумѣнія. Есть, впрочемъ, и иные очень вѣрные способы ускорить время своего замужества: слѣдуетъ утащить незамѣтно шпильку изъ прически невѣсты, или отломить кусочекъ хлѣба, которымъ благословляли ее. Можетъ и сама невѣста помочь въ этомъ дѣлѣ своей любимой подругѣ: стоитъ только ей, выходя изъ «княжого стола», о которомъ рѣчь впереди, потянуть немного за край салфетку и подумать въ это время о своей подругѣ; судьба послѣдней тогда обезпечена: не пройдетъ и года, какъ она «перемѣнитъ свою фамилію».

Послѣ обряда заплетанія косы въ домѣ невѣсты бываетъ «княжо́й столъ» и дѣвишникъ. Собираютъ родныхъ и знакомыхъ, прежде всего подругъ. По одну сторону стола сидятъ мужчины, по другую женщины и дѣвушки. Невѣста занимаетъ центральное между ними мѣсто и сидитъ на подушкѣ. Послѣ ужина посылаютъ за женихомъ и начинаютъ танцы. Во время «княжо́го стола» у невѣсты и женихъ пируетъ у себя вмѣстѣ со своими родными и товарищами. Дѣвушки встрѣчаютъ жениха пѣснями, обыкновенно излюбленною: «Ворковалъ голубь со голубкою». Среди танцевъ сговоренные женихъ съ невѣстою угощаютъ подругъ послѣдней пряниками, орѣхами и конфектами, приглашая по очереди въ отдѣльную комнату (спальню). Общаго угощенія не полагается; рѣдко даже чай бываетъ. Танцуютъ до заутрени, и женихъ съ невѣстою прямо съ бала идутъ въ церковь.

Не во всѣхъ домахъ «княжо́й столъ» невѣсты заканчивается танцами. Гдѣ нѣтъ послѣднихъ, тамъ порой имѣетъ мѣсто слѣдующій обрядъ. Ночью, часовъ въ 12, приходятъ отъ жениха въ домъ невѣсты сватъ и сваха замаскированными, точнѣе одѣтыми въ вывороченныя шубы, въ разныя шали, платки и проч. Они приносятъ съ собой овса и, войдя въ комнаты, начинаютъ сыпать этотъ овесъ на полъ и зовутъ:

«цыпъ! цыпъ!», при чемъ дѣлаютъ видъ, что ищутъ курицу подъ столами и стульями. Родители невѣсты уводятъ переряженныхъ сватовъ въ другую комнату, даютъ имъ курицу въ корзинкѣ, повязанной новымъ платкомъ, связку баранокъ и угощаютъ. Сваты принимаютъ и подарки и угощеніе съ плясомъ, смѣшными ужимками, притопываніемъ и затѣмъ уходятъ домой.

Въ день свадьбы подруги невѣсты съ утра уже опять у ней на дому. Приходятъ шаферъ и сватья «выкупать» и просятъ родителей невѣсты продать послѣднюю. Родители соглашаются. Тогда шаферъ жениха подноситъ шаферу невѣсты платокъ и двѣ рюмки вина; послѣдній беретъ платокъ и выпиваетъ одну рюмку вина. Въ это же время стряпуха выноситъ на подносѣ три булки. Шаферъ жениха беретъ двѣ изъ нихъ и кладетъ на подносъ нѣсколько монетъ. Сватьѣ подносятъ только вино да платокъ. Обрядъ этотъ, несомнѣнно, очень древняго происхожденія, но оригинальная физіономія его, очевидно, съ теченіемъ времени сильно измѣнилась.

Послѣ ухода женихова шафера и свахи приступаютъ къ одѣванію невѣсты подъ вѣнецъ. Невѣсту сажаютъ въ передній уголъ. Какъ и наканунѣ, во все время своего туалета она причитаетъ и плачетъ. Платокъ, смоченный ея слезами, беретъ потомъ ея сватья и кидаетъ черезъ голову на первомъ перекресткѣ. Передъ обуваніемъ невѣсты братъ ея или крестникъ кладетъ тайно въ башмаки невѣсты серебряныя монеты, чтобы новая чета жила богато. Серьги невѣстѣ вдѣваетъ та женщина, которая по собственному и общему признанію мирно живетъ со своимъ мужемъ.

Во время обряда одѣванія дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Въ лѣсѣ красномъ,
Во калиновомъ лѣсу
. . . . . [1])
Краше того Иванъ-свѣтъ въ поѣзду.
Ему матушка все наказывала:
—«Какъ поѣдешь, сынъ мой,
На невѣстинъ дворъ,
Встрѣтятъ тебя тамъ два шурина,

[1]) Пропускъ, который не удалось возстановить.

Два шурина и два ласковые;
Вынесутъ, дитя, золоту чару вина;
Ты не пей, дитя, золоту чару вина,
Вылей, дитя, коню на голову,
Чтобы конь твой веселѣй къ вѣнцу шелъ».

2.

За рѣкою огонь горитъ,
За быстрою трубы трубятъ.
Приходила ко трубушкѣ
Свѣтъ Еленина маменька,
Говорила со трубушкой.
—«Не труби ты, труба, радостно,
Затруби ты, труба, жалостно:
Отъ меня ль дитя везутъ;
За дитею дары несутъ—
Все ширинки шитыя,
Все платочки итальянскіе».

3

Какъ по сахару вода текла,
По изюму разливалася,
Берега были хрустальные,
А пески то виноградные.
Какъ во градѣ Торжкѣ было,
Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Что на стулѣ рытомъ бархатомъ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Тамъ сидѣлъ-то добрый молодецъ;
Онь чесалъ свою головушку,
Онъ чесалъ да приговаривалъ:
«Завивайтеся, кудерышки,
На моей буйной головушкѣ».

Поютъ еще: «Какъ во садикѣ, садикѣ» (приведена выше) и другія пѣсни до тѣхъ поръ, пока не окончится одѣваніе невѣсты и не пріѣдутъ отъ жениха его шафера и свахи. Сваха по пріѣздѣ спрашиваетъ: «готова ли невѣста?» Если невѣста уже одѣлась къ вѣнцу, то ее са-

жаютъ за столъ на подушки; по одну сторону ея садятся шафера жениха, по другую свахи. На столѣ лежитъ хлѣбъ-соль. Шафера невѣсты и свахи съ ея стороны угощаютъ поѣзжанъ жениха по два раза, а потомъ выносятъ подарки (платки, матеріи) и хлѣбы, обыкновенно три хлѣба. Шафера завязываютъ 2 хлѣба въ платокъ, чтобы везти ихъ въ церковь, а на столъ кладутъ деньги за хлѣбы и за угощеніе. Деньги эти идутъ родителямъ невѣсты. Потомъ невѣста встаетъ, еще разъ прощается со своими родителями и родственниками, плачетъ и проситъ ихъ благословенія. Родители невѣсты благословляютъ свою дочь образомъ и хлѣбомъ-солью, при чемъ соль иногда разсыпаютъ по хлѣбу, «чтобы молодые не ссорились». Родители жениха и невѣсты не сопровождаютъ ихъ къ вѣнцу въ церковь, но отецъ невѣсты непремѣнно самъ надѣваетъ на послѣднюю пальто, и при томъ не такъ, какъ всегда подаютъ пальто, а особымъ узаконеннымъ обычаемъ образомъ. Именно, отецъ сначала накидываетъ пальто своей дочери верховой стороной на свои плечи и затѣмъ, ставъ къ дочери спина спиною, скидываетъ его на плечи невѣсты.

Невѣсту садятъ въ экипажъ вмѣстѣ со свахами, иногда даже на колѣни къ нимъ. Невѣста всю дорогу внимательно слѣдитъ за всѣми перекрестками и на каждомъ изъ нихъ крестится по нѣскольку разъ.

Въ церкви во время исполненія самаго таинства поѣзжане и посторонняя публика внимательно слѣдятъ за брачующимися, кто изъ нихъ первымъ встанетъ на «подножку» (такъ называется небольшой отрѣзокъ розовой шелковой или другой попроще матеріи, который разстилается во время обряда передъ аналоемъ), кто выше держитъ вѣнчальную свѣчу. По этимъ признакамъ рѣшаютъ, мужъ или жена будутъ верховодить въ новой семьѣ.

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ жениха. При встрѣчѣ молодыхъ въ нѣкоторыхъ мѣщанскихъ семьяхъ посѣрѣе наблюдается слѣдующій обычай. Какъ только молодые войдутъ въ ворота, передъ ними, пятясь задомъ и на четверенькахъ, пойдетъ до самаго дома какая-нибудь старушка изъ родственниковъ. По увѣренію новоторовъ, это должно обезпечить молодымъ согласіе и миръ семейный на всю жизнь.

Родители жениха встрѣчаютъ молодыхъ образомъ и хлѣбомъ съ солью. Затѣмъ начинается обычный свадебный пиръ. По окончаніи его и по разъѣздѣ гостей молодые ѣдутъ въ домъ невѣсты. Здѣсь опять происходитъ торжественная встрѣча молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Побывъ здѣсь немного, молодые возвращаются опять въ домъ

жениха, гдѣ и проводятъ первую свою брачную ночь. Будитъ отъ сна молодыхъ на другой день свадьбы какой-нибудь сосѣдъ, разбивая горшокъ о стѣну спальни молодыхъ. Осколки горшка кладутъ къ порогу дома.

Въ тотъ же день утромъ мать невѣсты присылаетъ молодымъ пирогъ. Сама мать въ этотъ день не ходитъ къ зятю. Зато являются знакомыя молодой и родныя ей женщины. Онѣ приносятъ съ собой пироги и называются «пирожницами». Пироги, приносимые ими, бываютъ и большіе, но чаще это небольшіе, такъ называемые «пряженье», пирожки. «Пирожницъ» угощаютъ, и отъ молодыхъ онѣ идутъ съ плясками и пѣснями по улицѣ въ домъ родителей невѣсты. Чтобы было шумнѣе, «пирожницы» бьютъ въ подносы, ударяютъ въ сковороды.

Изъ пѣсенъ, которыя поются на другой день свадьбы, мнѣ удалось записать слѣдующую небольшую пѣсенку:

Ходитъ голубь, ходитъ голубь по широкому двору;
Онъ воркуетъ, онъ воркуетъ на голубушку свою.
Сизый голубь, сизый голубь, свѣтъ Иванъ господинъ;
Его сизая голубка—свѣтъ Аленушка.
Собиралися купцы братцы товарищи его;
Любовалися, дивовалися на Иванову жену:
«Что за краля! что за краля! молода и хороша,
Молоденька, хорошенька да свѣтъ Аленушка.
Ужъ какъ это-бъ, братцы, моя была жена,
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ во колясочкѣ каталъ,
А зимою, а зимою во каретѣ четверней!»

На третій день свадьбы мать невѣсты и родственницы ея опять присылаютъ и лично сами (кромѣ матери) приносятъ пироги. Опять бываетъ угощеніе «пирожницъ», пѣсни, пляска. На четвертый день посылаетъ пирогъ одна мать невѣсты и, пославъ пирогъ, сама въ первый разъ идетъ навѣстить молодыхъ.

На третій или на четвертый день въ домѣ молодыхъ устраивается такъ называемый «пирожный вечеръ»; этотъ вечеръ устраивается по преимуществу для молодежи. Послѣ игръ, пѣсенъ и танцевъ бываетъ ужинъ, и на немъ видную роль играютъ пирожки «пряженцы», принесенные за эти дни молодымъ въ подарокъ. Отъ этихъ пироговъ получилъ свое имя и самый вечеръ, которымъ и заканчивается весь свадебный ритуалъ, сохранившійся до настоящаго времени въ мѣщанскихъ семьяхъ г. Торжка.

Деревенская свадьба.

(Обряды и пѣсни въ Новоторжскомъ и Старицкомъ уѣздахъ).

Когда приходитъ осень, а за нею зима съ ея долгими вечерами, для деревенской молодежи наступаетъ веселое время вечеринокъ или посидѣлокъ. Здѣсь, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, молодежь приглядывается другъ къ другу, знакомится, сближается, останавливаетъ свой выборъ, а тамъ, не долго думая, «честнымъ пиркомъ да и за свадебку». Но гдѣ крѣпка народная старина, тамъ и сватовство ведутъ и свадьбу справляютъ, соблюдая старый порядокъ и обычай.

Узнавъ о желаніи парня «обзакониться» и одобривъ его выборъ, родители парня или сами ѣдутъ въ семью невѣсты сватать своего сына, или посылаютъ съ этой цѣлью бойкую, разбитную бабу. Сваха (или сами родители), входя въ избу, молится Богу, въ поясъ кланяется хозяевамъ, величая ихъ по имени-отчеству, и не садясь и не заходя за «матицу» (брусъ, переводъ, поддерживающій потолокъ), объявляетъ родителямъ дѣвушки, что пришла сватать ихъ дочь. Если родители послѣдней ничего не имѣютъ противъ сватовства, то они приглашаютъ сваху садиться, угощаютъ ее, но рѣдко сразу даютъ опредѣленный отвѣтъ, а обыкновенно откладываютъ свое рѣшеніе до извѣстнаго дня. А когда сватовство совершенно не желательно, то черезъ сваху приказываютъ благодарить «за любовь, за честь», но выдать дочь отказываются или прямо безъ обиняковъ, или подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Бываетъ и такъ, что несмотря и на отказъ, дѣвушкѣ удается уговорить родителей выдать ее за любимаго парня; тогда родители дѣвушки отъ себя посылаютъ какую-нибудь постороннюю бабу къ жениху съ «залогомъ» (какой-нибудь вещью); баба-сваха улаживаетъ дѣло и сватовство возобновляется.

Когда приходитъ день, назначенный для окончательнаго отвѣта, родители невѣсты черезъ сваху передаютъ о своемъ согласіи родителямъ жениха и сами ѣдутъ осматривать домъ и все будущее хозяйство жениха. Жениху даютъ «залогъ» и назначаютъ съ обоюднаго согласія день «богомолья», «рукобитья», или, какъ еще называютъ его,

«ладóвъ» «Ладить» пріѣзжаетъ обыкновенно только женихъ съ родителями, а иногда съ крестнымъ отцомъ. Невѣста не встрѣчаетъ своего жениха и даже уходитъ въ клѣть, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока за ней кто-нибудь не придетъ Когда рѣшится вопросъ о приданомъ, о днѣ свадьбы, зовутъ невѣсту. За нею обыкновенно ходитъ старшій братъ. Женихъ встрѣчаетъ невѣсту въ дверяхъ, здоровается и вмѣстѣ съ нею подходитъ къ столу. Всѣ молятся. По окончаніи «богомолья» поздравляютъ жениха и невѣсту «съ начатіемъ дѣла», желаютъ благополучно довести его до конца, а затѣмъ садятся за столъ угощаются и пьютъ за здоровье жениха и невѣсты. Въ Новоторжскомъ уѣздѣ происходитъ въ этотъ день и обрядъ «рукобитья», въ Старицкомъ уѣздѣ «рукобитье» совершается наканунѣ свадьбы и въ домѣ жениха. Вотъ какъ происходитъ этотъ обрядъ. Родители невѣсты прежде всего дарятъ каждому члену семьи по утиральнику. Сосѣднія дѣвушки собираются на улицѣ подъ окнами и поютъ пѣсни. Одна изъ этихъ пѣсенъ такова:

Что не павушка по двору ходитъ,
Не павлиныя перья теряетъ;
Что Иванъ съ Еленою по сѣнямъ ходятъ
И своего рóднаго батюшку будятъ:
«Что нѣмецкій замокъ, отоприся;
Родный батюшка, встань, проснися!»

Между тѣмъ родители жениха и невѣсты становятся на одну половницу (чтобы дружнѣе жить); отецъ жениха беретъ полу своего кафтана и кладетъ на руку отца невѣсты, покрытую полой его кафтана (передача «изъ полы въ полу»); мать жениха и мать невѣсты продѣлываютъ то же при помощи своихъ передниковъ; затѣмъ молятся Богу. «Рукобитье» кончается обычнымъ угощеніемъ.

Послѣ этого невѣста покидаетъ своихъ подругъ, не ходитъ уже съ ними ни гулять за околицу, ни на посидѣлки, а сидитъ дома, шьетъ приданое. Но дѣвушки подруги каждый вечеръ сами навѣщаютъ невѣсту; въ избу онѣ обыкновенно не входятъ, а собираются подъ окнами и поютъ пѣсни. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ извѣстная уже намъ пѣсня «Измѣнница», которая поется однако съ нѣкоторыми варіантами; но есть и другія, совершенно оригинальныя пѣсни.

1.

Есть измѣнница-то у дѣвушекъ,
Да у красноихъ—Аленушка;

Измѣнила она подругамъ своимъ,
Измѣнила-то она хорошімъ.
Что сказала млада, что нейду замужъ,
Нейду, нейду, не думаю;
А какъ нынѣшній годъ она задумала.
—«Отдаетъ меня сударь-батюшка,
Приговорщица-родима матушка
Приговорила младу итти замужъ;
Выводить меня будетъ бо́льшій братъ,
Отдавать будетъ боярамъ на́ руки,
Молодому ли князю на́ вѣки.
Ужъ вы, дѣвушки, подруженьки,
Вы скатайте круту гору
Къ моему-то ко окошечку
Что Иванушкѣ разлучничку».

2.

Во бору борочкѣ
Увита дорожка каличка (?);
Но кто жъ дорожку увивалъ?
Увивалъ свѣтъ-Ванюшка,
Къ Аленушкѣ ходючи,
Золоты подарки носючи.
Пошла Аленушка въ боръ гулять,
Что въ боръ гулять, ягоды сбирать.
Брала, брала ягоды—пріуснула,
Рвала, рвала цвѣтики—и вздремнула.
Какъ наѣхалъ свѣтъ-Иванушка,
Говоритъ онъ ко Аленушкѣ:
«На что же ты здѣсь погуливаешь?»
—«Я хожу, хожу, да все васъ гляжу».

3.

Не долго конопелькамъ постояти,
Да не долго Аленушкѣ посидѣти,
Да не долго Александровнѣ погуляти.
Шли дѣвушки толпою,

Несли золото на блюдѣ.
Ну, кому золото откупати?
Откупать золото брату родимому,
Золотить дугу золотую,
Отвозить сестру дорогую
Съ высока терема со слезами,
Съ широка двора съ образами,
Съ большого села со народомъ,
Во чистомъ полѣ со звонками,
Во темномъ лѣсу со гула́ми.

4.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу времечка,
На Аленушкиномъ на дѣвичничкѣ
Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,
Садился онъ на рамочку,
На серебряну причелинку.
Что увидѣла, усмотрѣла ро́дна матушка,
Говорила: «дитя милое,
Обласкай ты ясна сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Петровича!»
—«Родимая моя матушка!
Ужъ я рада обласкать его,
Мое сердце ужаснулося,
Бѣлы ручки опустилися,
Скоры ноги подкосилися».

Наканунѣ свадьбы невѣста ходитъ въ баню, покрытая платкомъ, такъ чтобы лица ея никто изъ встрѣчныхъ не видалъ. Близкія подруги провожаютъ ее съ пѣснями. Если невѣста сирота, то, возвращаясь изъ бани, она начинаетъ причитывать:

Встану-ль я посреди широкой своей улочки,
Посмотрю на востокъ солнца краснаго,
Не воскатится ли красно солнышко,
Не возстанетъ ли родимый батюшка

Встрѣтить меня изъ банюшки,
Встрѣтить съ моими милыми подруженьками? [1]).

Невѣсту изъ бани въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Старицкаго уѣзда встрѣчаютъ выстрѣлами; а родители еще на улицѣ благослосляютъ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ томъ же уѣздѣ, какъ выше было сказано, въ этотъ вечеръ происходитъ и «рукобитье». Совершается оно такъ же, какъ и въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Во все время обряда невѣста сидитъ у печки (въ заднемъ углу) и съ плачемъ причитываетъ:

Родимый ты мой батюшка!
Не раздвигай-ка ты столы дубовые,
Не засвѣчай-ка свѣчу воска яраго,
Не становись-ка ты на одну половничинку,
Не берись-ка рука за руку,
Не ударяй-ка полу объ полу,
Не пропивай-ка ты мою буйну головушку
За чару зелена вина.

Эти причитанья, эти слезныя просьбы не мѣшаютъ однако сватамъ тотчасъ послѣ «рукобитья» садиться за столъ и угощаться водкой и закуской, привезенной отъ жениха. Угощаютъ и родныхъ невѣсты, и гостей, и всѣхъ постороннихъ зрителей, ласково величая каждаго по имени и отчеству. Тревожатъ и самую невѣсту, вызывая ее изъ дальняго угла, гдѣ она продолжаетъ сидѣть, то для того чтобы передать поклонъ отъ жениха, то чтобы подарить деньгами; подъ конецъ дарятъ непремѣнно зеркало. Невѣста отдариваетъ за эти подарки полотенцемъ. Передъ отъѣздомъ сватовъ мать невѣсты выноситъ пирогъ и проситъ передать его сватьѣ. Проводивъ сватовъ, отецъ садится у стола на «долевую» лавку, (т. е. на ту, которая идетъ по боковой стѣнѣ), а мать съ крестнымъ и крестной невѣсты садится у стола же, на переднюю лавку. Невѣста встаетъ со своего мѣста, но, тотчасъ опускаясь, начинаетъ причитать:

Посижу я на своей бѣлой лавочкѣ
Во послѣдочки, во остаточки,
Во своей красѣ дѣвичьей.
Вы, подружки мои милыя,
Встаньте-ка по обѣ сторонушки,

[1]) Поется въ Старицкомъ уѣздѣ.

Возьмите меня за рученьки,
Проведите меня по бѣлой по горенкѣ.

Подруги, которыя уже раньше собрались въ избу и пока были только молчаливыми зрительницами всего происходящаго, входятъ теперь, такъ сказать, въ исполненіе своихъ обязанностей. Онѣ подходятъ къ невѣстѣ, берутъ ее подъ руки и выводятъ на середину избы. Невѣста, обращаясь къ народу, наполняющему избу, продолжаетъ причитывать, прощаясь со всѣми:

Ужъ вы людюшки добрые,
Приближенные сосѣдушки;
Постарше—назову васъ: жаланныя тетушки,
Помоложе:—молоды молодушки,
А еще: красныя дѣвушки, милыя подруженьки,
А еще: мелкіе юноши,
Что вы тутъ постаиваете?
Что вы посматриваете?
Или чего ожидаете?
Словечка ли отъ меня ласкова,
Или поклона отъ меня низкаго?

При этихъ словахъ невѣста кланяется всѣмъ въ ноги и продолжаетъ:

Попрошу я васъ: дайте путь-дороженьку
Ко родимому батюшкѣ.
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Не дошедши до тебя, подсѣклись рѣзвы ноженьки,—

(дѣлаетъ земной поклонъ; подруги поднимаютъ ее; она обнимаетъ отца)—

Родимый ты мой батюшка,
Ты позволь положить мои бѣлы рученьки
На твои плечи могучія;
Позволь поблагодарить и поронить горючи слезы.
Находилась я у тебя по торгамъ, по ярмаркамъ,
Ложилась то я у тебя раннимъ ранешенько,
Вставала то я позднимъ позднешенько;
Просыпала то я у тебя утреннія зорюшки.
Попрошу я у тебя, родный батюшка:
Приду я изъ чужихъ людей,
Не принимай ты ни златомъ, ни серебромъ,
А прими ты меня словомъ ласковымъ.

Такъ же прощается невѣста съ матерью; а потомъ, обратясь къ подругамъ, проситъ посадить ее къ красному окошечку, чтобы въ послѣдній разъ покрасоваться у него въ красѣ дѣвичьей, т. е. съ косою, въ лентѣ и въ бусахъ. Затѣмъ проситъ она одну подругу расплести ей косу, а другую снять ожерелье, а послѣ этого, обращаясь ко всѣмъ подругамъ, проситъ простить ее, если она чѣмъ-нибудь кого обидѣла. У меня нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, какъ происходитъ обрядъ расплетанія косы въ Старицкомъ уѣздѣ, но зато довольно ясную картину этого обряда можно нарисовать себѣ по даннымъ Новоторжскаго уѣзда. Здѣсь расплетаніе косы у невѣсты, такъ же какъ и въ Старицкомъ уѣздѣ, происходитъ наканунѣ свадьбы послѣ того, какъ невѣста вернется изъ бани. Невѣсту сажаютъ на квашенку (такъ называется кадочка, въ которой заквашиваютъ тѣсто); квашенку эту предварительно переворачиваютъ вверхъ дномъ и покрываютъ подушкой. Невѣста сидитъ съ распущенными волосами. Начинаетъ чесать ей голову отецъ; невѣста въ это время причитываетъ:

Причеши, родный батюшка, мнѣ буйну головушку.
Не усыпай ты меня златомъ, серебромъ,
Понасыпь мнѣ уму-разума.
Иду я въ чужіе люди,
Въ чужіе люди, не въ родные,
Не въ родные, не въ сердечные,
Ко чужому роду-племени.

За отцомъ чешутъ голову невѣстѣ мать, свахи, подруги, и всѣхъ невѣста, величая ласково, сама проситъ о томъ, чтобы ее причесали. Послѣ этого обряда невѣста опять со слезами и причитываніями прощается съ родными и подругами. Къ отцу обращается она при этомъ со слѣдующими словами:

Родимый ты батюшка (имя и отчество),
За что жъ ты на меня поразгнѣвался,
Поразгнѣвался, разсе́рдился?
Знать я у тебя не работница;
Была-то у тебя разгульница,
Гуляла-то у тебя во темны ночи.

Обнимая любимую подругу и прощаясь съ ней, невѣста плачетъ:

Лебедушка ты моя бѣлая,
Подружка моя любимая,

Любимая ты задушевная!
Покрасуйся ты дѣвичьей косой.
Дѣвичья краса—воля вольная,
Воля вольная, не взъемная (?).
Ходили мы съ тобой по улицѣ широкой,
Говорили то мы рѣчи тайныя,
Рѣчи тайныя, не явныя.

Послѣ прощанія невѣсты съ родными и подругами начинается «вечерина» [1]), въ которой невѣста не участвуетъ. Усадивъ гостей за столъ, хозяинъ и хозяйка—одинъ со стаканомъ вина, другая со стаканомъ пива—просятъ съ поклонами кого-нибудь изъ молодежи «принять пиво, вино и чинъ дружки». Такъ же выбираютъ «поддружье», «гостей», «конюховъ» и «сватовъ». Во время ужина дѣвушки поютъ пѣсни, величая хозяевъ, крестнаго, почетныхъ гостей и выбранные «свадебные чины» (дружку, поддружье и проч.). Вотъ пѣсня, которую поютъ въ Старицкомъ уѣздѣ крестному невѣсты:

Пріѣхалъ къ намъ батюшка крестный
Пиво пить, меду ѣсть сладкаго.
Мы его станемъ съ супругой величать,
А онъ-то насъ станетъ рублемъ дарить.
Подари (его) Господь Богъ милостію, милостію,
А царь волостію, волостію,
Пойдемте по ряду, по большимъ боярамъ,
Мы найдемте гостя, гостя дорогого,
Гостя дорогого, крестнаго честного.
А мы вечóръ были, чай-вино пили,
Чары золотыя со столъ не сходили,
Со столъ не сходили, до насъ доходили,
Что до насъ дѣвицъ-пѣвицъ,
До красныхъ дѣвушекъ.

Крестный и всѣ гости за пѣсни въ ихъ честь отдариваютъ дѣвушекъ деньгами, опуская ихъ въ стаканъ съ пивомъ, который и передаютъ какой нибудь подневѣстницѣ.

---

[1]) Въ Старицкомъ уѣздѣ.

Такая же «вечерина» происходитъ наканунѣ свадьбы и у жениха. Здѣсь также выбираются «свадебные чины», но съ тою разницей, что назначаетъ ихъ самъ женихъ.

Въ день вѣнчанія [1]) невѣста, вставъ рано утромъ, начинаетъ опять причитывать:

Заря ты моя, зорюшка,
Что же ты скоро, заря, раззаряешься?
Какъ я то молоденька рано поднимаюся,
Въ чужіе люди снаряжаюся,
Въ чужіе люди, не въ родные.

Приходятъ подруги невѣсты; она и ихъ встрѣчаетъ скорбной пѣснью:

Подите ко мнѣ, добро жаловать,
Подружки мои любимыя,
Любимыя, задушевныя,
Снарядилася я васъ позвать, покликати,
Не пустилъ то меня родный батюшка,
Подкосилися скоры ноженьки,
Опустилися бѣлы рученьки,
Ужаснулося ретиво сердце.

Когда отъ жениха пріѣзжаютъ за невѣстой дружки, ихъ не сразу впускаютъ въ домъ, а спросятъ сначала, кто они и откуда пріѣхали. Въ это время за столъ садятся маленькіе братья невѣсты съ кнутами въ рукахъ и закрываютъ собою подушку, которая приготовлена для невѣсты. Дружки эту подушку станутъ требовать у нихъ, а тѣ просятъ за нее выкупъ. Тогда дружки начнутъ стращать малышей кнутами, но ребята храбро показываютъ имъ въ отвѣтъ свои кнуты. Самый маленькій изъ охранителей подушки наливаетъ стаканъ вина и пива, но не даетъ его дружкамъ, пока они не положатъ выкупъ. Дружки сдаются и кладутъ на столъ деньги. Если ребятамъ выкупъ кажется недостаточнымъ, то они сами назначаютъ цѣну: «что вилюшка (на наволочкѣ подушки)—то гривнушка; что цвѣтокъ—то пятачекъ». Дружки прибавляютъ еще немного денегъ и получаютъ и подушку и стаканъ съ виномъ. Но дружкамъ приходится еще разъ браться за кошелекъ, чтобы выкупить невѣсту у ея подругъ. Когда и это покон-

[1]) Въ Новоторжскомъ уѣздѣ.

чено, невѣсту благословляютъ ѣхать подъ вѣнецъ. Невѣста выпрашиваетъ при этомъ благословеніе у всѣхъ такими словами:

Благословите меня въ добры люди,
Къ вѣнцу, къ обрученьицу!
Благословите-ка меня молодешеньку!
Не прошу я у васъ ни злата, ни серебра,
Но прошу у васъ великаго благословеньица.

Когда невѣсту благословятъ, ее усаживаютъ вмѣстѣ со свахами въ сани или телѣгу, непремѣнно на подушку; въ другія повозки садятся дружки, и весь «поѣздъ» отправляется въ церковь. Заѣхавъ за околицу, дружки ворочаются назадъ, подъѣзжаютъ опять къ дому невѣсты и начинаютъ увѣрять, что у нихъ «завертка порвалась»; тогда имъ отъ имени невѣсты вынесутъ по утиральнику.

Послѣ вѣнца молодой чешутъ голову и заплетаютъ волосы на двѣ косы; при этомъ въ косы вплетаютъ ленъ, чтобы у ней въ полѣ всегда былъ хорошій ленъ; затѣмъ надѣваютъ ей на голову «повойникъ». Изъ церкви иногда ѣдутъ прямо въ домъ жениха, а чаще возвращаются къ невѣстинымъ родителямъ. Когда молодые подъѣзжаютъ къ дому послѣднихъ, передъ ними отворяютъ настежь ворота, и всѣ поѣзжане въѣзжаютъ на дворъ. Отецъ и мать молодой встрѣчаютъ новобрачныхъ съ иконами, которыми и благословляютъ ихъ; дѣвушки осыпаютъ въ это время молодыхъ хмелемъ и хлѣбными зернами.

Прежде всѣхъ входитъ въ избу дружко жениха, съ кнутомъ за поясомъ. Для молодыхъ въ красномъ углу приготовлены подушки, но онѣ заняты въ это время ребятишками. Напрасно дружко требуетъ, чтобы они сошли съ подушекъ и грозитъ имъ кнутомъ; ребятишки тогда только соглашаются освободить подушки, когда имъ дадутъ выкупъ. Дружко даетъ имъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, но они требуютъ серебра. — «Наша молодая-то бѣленькая, — говорятъ ребята, — такъ дайте намъ за нее и деньги бѣленькія». Когда выкупъ подушекъ состоялся, въ избу входятъ молодые. Ихъ три раза сажаютъ на подушки и тотчасъ подаютъ имъ маленькій ржаной пирогъ, который молодые и разламываютъ вмѣстѣ. Затѣмъ всѣ гости поздравляютъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ, а тѣ угощаютъ гостей водкой и пивомъ. За поздравленіемъ слѣдуетъ обѣдъ. Послѣ обѣда подруги молодой чествуютъ пѣснями молодыхъ и гостей жениха. По окончаніи пѣсенъ

дружко съ поддружьемъ дарятъ всѣхъ гостей отъ имени жениха пряниками и мыломъ. Ящикъ съ гостинцами стоитъ въ сѣняхъ. Каждому изъ гостей дружки отдѣльно выносятъ подарки, приговаривая: «Во свѣтлой свѣтлицѣ, во чистой горницѣ дорогому сватушкѣ (такому-то) отъ молодого князя. Малое примите, на большомъ не взыщите». Когда всѣ, даже малые ребята, одарены подарками, молодые со всѣми поѣзжанами отправляются къ родителямъ молодого. Здѣсь еще наканунѣ свадьбы по всей избѣ разложатъ какъ можно больше соломы. Въ домѣ жениха бываетъ такая же встрѣча молодымъ; потомъ новыя поздравленія, пѣсни, ужинъ.

На другой день [1]) въ домѣ родителей молодого бываетъ «княжой столъ», къ которому пріѣзжаютъ родители молодой. Столъ накрываетъ молодая своею скатертью. Когда всѣ усядутся, молодая отдаетъ свою тарелку сватьямъ и проситъ распорядиться подарками. Сватья молодой раздаетъ всѣмъ по полотенцу, а молодая изъ своихъ рукъ угощаетъ пивомъ. Чтобы сказать любезность молодой, получившій подарокъ, встряхнувъ его, промолвитъ: «Ну, наша молодая не спала, не дремала, а все узоры вышивала». Когда всѣ получатъ подарки, подаютъ кушанья. Послѣ «княжого стола» всѣ гости въ свою очередь отдариваютъ молодую деньгами. Это отдариваніе имѣетъ характеръ выкупа, или даже аукціона. Прежде всѣхъ отецъ молодой кладетъ на тарелку нѣсколько монетъ, приговаривая: «Наша молодая!»— Отецъ жениха сыплетъ на тарелку свою горсть денегъ и говоритъ: «Нѣтъ, ужъ теперь наша. Мы вамъ не отдадимъ». По ихъ примѣру и всѣ гости откупаютъ невѣсту; послѣ всѣхъ кладетъ на тарелку молодой, обыкновенно какую-нибудь ассигнацію, и молодая, разумѣется, остается за нимъ.

«Княжимъ столомъ» обыкновенно и оканчиваются свадебныя торжества, но они могутъ тянуться и еще нѣсколько дней, если позволяютъ не рабочее время и достатки жениха. Объ окончаніи торжествъ оповѣщаютъ всѣхъ односельчанъ (по крайней мѣрѣ въ Старицкомъ уѣздѣ) особымъ образомъ. Наряжаютъ какого-нибудь мальчугана въ пестрое платье, обвѣшиваютъ сверхъ этого разноцвѣтными тряпками и колокольчиками; лицо ему размалюютъ сажей и румянами; на шею въ видѣ барабана навѣсятъ заслонку, а въ руку дадутъ помело. И ѣдетъ такой разряженный мальчуганъ на разукрашенной лентами и колокольчиками

[1]) Въ Старицкомъ уѣздѣ.

лошади по селу. Кто увидитъ его, тотъ ужъ понимаетъ, что свадьбѣ конецъ, что для молодыхъ начинается уже трудовая жизнь. Еще пока односельчане оповѣщаются объ этомъ, молодая берется за вѣникъ и въ первый разъ подметаетъ избу. Подъ ноги ей на полъ бросаютъ деньги, чтобы молодые богато жили. А когда мальчуганъ вернется назадъ, молодая идетъ за водою. Идетъ она со свахами, а за нею дружки несутъ ведра; не разъѣхавшіеся еще гости также сопровождаютъ молодую. Самъ же молодой, оставаясь у воротъ, угощаетъ всѣхъ проходящихъ виномъ и пивомъ. Когда молодая возвратится съ рѣки или колодца, дружки снимаютъ съ коромысла ведра и окачиваютъ другъ друга водой. А въ Новоторжскомъ уѣздѣ ведро съ водой вносятъ въ избу и ставятъ на столъ. Молодая покрываетъ ведро утиральникомъ. Этотъ утиральникъ беретъ себѣ свекровь; но она, взявъ его, должна спѣшить вонъ изъ избы, иначе дружки обольютъ ее водой изъ ведра.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ, гости молодыхъ уѣзжаютъ домой, а молодые отправляются «на почестье» къ родителямъ молодой, гдѣ и гостятъ нѣсколько дней.

Нѣкоторые «заплачки» и обычаи, связанные съ похоронами.

Любитъ простой народъ нашъ отмѣчать пѣснью, какъ единственно знакомой ему лирической формой изложенія своихъ чувствъ и настроеній, всѣ наиболѣе значительные моменты своей жизни. Пѣсня раздается надъ колыбелію ребенка, пѣсня и хороводы съ пѣснями—обычный видъ развлеченія подростающаго поколѣнія, особыми пѣснями сопровождается свадьба, съ пѣснью работаетъ крестьянинъ, съ пѣснью провожаютъ его и въ могилу. Форма почти одна и та же, но какъ различно содержаніе этихъ пѣсенъ! Здѣсь, по слову поэта, попеременно звучатъ «то разгулье удалое, то сердечная тоска». Особенно много тяжелой тоски, безъисходнаго горя въ прощальныхъ пѣсняхъ съ человѣкомъ, покидающимъ здѣшній «красный свѣтъ» для одинокой темной могилы. Такія пѣсни носятъ названіе «заплачекъ», и многія изъ нихъ имѣютъ очень глубокій возрастъ; но отдѣльныя пѣсни иногда прямо импровизируются въ моментъ исполненія. Не вездѣ еще вывелись по деревнямъ «плакальщицы», которые составили себѣ профессію выра-

женіемъ чувствъ семейныхъ при потерѣ одного изъ членовъ семьи. Но рядомъ съ обычаемъ наемныхъ плакальщицъ существуетъ и болѣе естественный порядокъ непосредственнаго выраженія настроеній и чувствъ ближайшихъ къ покойному лицъ. Мнѣ приходилось слышать заунывное причитаніе провожающихъ покойнаго женщинъ даже въ уѣздномъ городѣ; еще распространнѣе этотъ обычай, конечно, въ деревняхъ и селахъ. Въ настоящемъ сообщеніи я имѣю въ виду изложить то немногое, касающееся даннаго вопроса, что удалось собрать и записать мнѣ отъ моихъ бывшихъ ученицъ—воспитанницъ Новоторжской женской гимназіи.

По давнишнему обычаю человѣку умирающему даютъ въ руки зажженную восковую свѣчу. Конечно, это вліяніе церкви, которая учитъ смотрѣть на смерть, какъ на радостный переходъ къ «Богу свѣтовъ». Тотчасъ послѣ смерти покойника омываютъ, одѣваютъ въ лучшую, по возможности не надѣванную одежду и кладутъ на столъ подъ образами, или, какъ говорятъ, «подъ святыя». Омываетъ покойника большею частію вдова, пожилая женщина. Если шьютъ покойнику новую рубашку, или саванъ, то обрѣзки не бросаютъ, а собираютъ и кладутъ въ гробъ покойному. Тотчасъ, какъ только «снарядятъ» покойника, домашніе, преимущественно женщины, начинаютъ плакать и причитывать. Вотъ причитанье надъ умершей матерью:

Милая ты, наша матушка!
Не думали мы, не чаяли:
Постигла тебя скорая смертушка.
Скрѣпила ты свое ретиво сердце
Крѣпче камушка горючаго.
Какъ горючій-то камушекъ разгорается,
А твое-то сердце не возжелается (?).
Запечатала ты свои сахарныя уста,
Закрыла то ты свои очи ясныя,
Сложила то ты свои бѣлы рученьки,
Протянула то ты свои скоры ноженьки.
Не ходить тебѣ, не хаживать
По лугамъ то по зеленыимъ,
Заростутъ то твои пути дороженьки
Шелковой травушкой,
Занесутся то желтымъ песочкомъ.

Нигдѣ то намъ не видѣться
Ни въ пирахъ то, ни на праздникахъ.

Гробъ покойнику покупаютъ какъ можно меньше, тѣснѣе, потому что предполагаютъ, что умретъ еще кто-нибудь изъ домашнихъ, если гробъ просторенъ. Въ гробъ и въ подушку подъ голову умершему кладутъ листья съ сухихъ вѣниковъ. По положеніи тѣла въ гробъ та же женщина, которая омывала тѣло умершаго, беретъ желѣзный ковшикъ, кладетъ въ него горячихъ угольевъ и ладону и кадитъ, ходя вокругъ гроба при троекратномъ произнесеніи молитвы: «Святый Боже».

Покойникъ стоитъ въ домѣ двѣ ночи: на третью ночь его выносятъ въ церковь; вся деревня обыкновенно провожаетъ его, по крайней мѣрѣ, до околицы селенія. Родные громко причитаютъ:

Красное ты солнышко, родимая матушка!
Раскали-ка ты свое ретиво сердце,
Распечатай-ка ты свои уста сахарныя,
Раскрой-ка ты свои очи ясныя,
Ты скажи-ка намъ слово ласковое.

Другое причитанье:

Родимая моя матушка!
Попрошу то я тебя молодешенька:
Простись ты со своими сосѣдушками,
Попроси-ка у нихъ прощеньица,
Не была ли ты кому согрубница и досадница,
Пройди-ка ты вдоль улицы напослѣдочки.

Какъ только станутъ подходить къ церкви, то опять начинаютъ плакать и причитывать:

Родимая ты наша матушка!
Подходи-ка ты ко матушкѣ Божіей церкви.
Послушай-ка ты звону церковнаго.
Зажигаютъ то для тебя свѣчи вóску яраго.
Пойдешь-ка ты на тотъ то свѣтъ,
На тотъ то свѣтъ, на страшный то судъ.
Пойдешь-ка ты по садамъ по зеленыимъ,
По яблонькамъ по кудрявыимъ,
Не свидишься ли ты, не встрѣтишься ль
Съ моимъ то братцемъ роднымъ,

Передай-ка ему низкой поклонъ,
Ты скажи ему про меня горькую сиротинушку.
Помолись-ка ты за меня грѣшную
Самому Христу Богу Нашему.

При опусканіи тѣла въ могилу причитываютъ:

Встрѣтьте-ка, мои родные,
Нашу дорогую гостью, родимую матушку.
Поставьте-ка вы столы дубовые,
Постелите-ка вы скатерти бранныя.
Идетъ то моя родимая матушка
Въ мать сыру землю.

На кадбище берутъ кутью или пирогъ. По возвращеніи съ кладбища вывѣшиваютъ за воротами полотенце, или холстину. Обычай этотъ объясняется убѣжденіемъ, что умершій до 40 дней ходитъ въ домъ умываться и утираться этимъ полотенцемъ. По истеченіи 40 дней эту холстину отдаютъ въ церковь или бѣднымъ.

Для каждаго члена въ семьѣ существуютъ особыя причитанія, сообразно его возрасту, или положенію въ домѣ.

Вотъ, напримѣръ, причитаніе молодой вдовы по умершемъ мужѣ:

Милый ты другъ, удала головушка!
На кого жъ ты меня покинулъ, бросилъ
Со своимъ то малымъ дѣтушкамъ [1]).
Стоскнется, сгрустится мнѣ горькой сиротинушкѣ,
По тебѣ то, милый другъ, удала головушка.
Какъ пойду то я въ помѣстьице,
На твое то теплое подворьице,
Тебя то позвать, покликати.
Не раступится ли мать сыра земля?
Не откроется ли гробова доска?
Не поднимется ли твой бѣлый саванъ?
Не взмахнешь ли ты своими очами ясными?
Не распечатаешь ли ты уста сахарныя?
Не промолвишь ли мнѣ слово ласковое?
Какъ пришла то я къ тебѣ съ малымъ дѣтушкамъ [1]),

[1]) Обычное въ Новоторжскомъ у. употребленіе дательнаго падежа вмѣсто творительнаго.

Разскажу то я тебѣ про свое горе великое:
На кого ты меня кинулъ, бросилъ?
На кого ты понадѣялся? На кого ты поначаялся?
Какъ мнѣ безъ тебя, милый другъ,
Выростить ихъ, взлелеяти?
Какъ придетъ то весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Пойдутъ то всѣ люди по работушкѣ,
А я то горькая сиротинушка
Со своимъ то малымъ дѣтушкамъ
Куда дѣнуся? Какъ пашню спашу?
Не умываюсь я ключевой водой,
А умываюсь горючьми слезами
Безъ тебя то, мой милый другъ,
Удалая головушка.

А. Г. Первухинъ.

Свадебныя причитанья Костромского края

со стороны содержанія и формы.

Изъ всѣхъ произведеній народной словесности, сохраняющихся путемъ устной передачи отъ поколѣнія въ поколѣніе на всей территоріи Костромской губерніи, особенно распространенными и наиболѣе живучими въ настоящее время являются свадебныя причитанья и пѣсни. Можно смѣло сказать, что нѣтъ почти ни одной деревни въ нашей губерніи, гдѣ бы онѣ не исполнялись сейчасъ или въ самое недавнее еще время. Причина этого вполнѣ понятна: свадьба—явленіе, часто повторяющееся въ народной жизни, имѣющее для крестьянъ громадное нравственное и экономическое значеніе. Если даже среди интеллигенціи еще и до сихъ поръ соблюдаются иногда разные свадебные обряды (стремленіе стать на подножникъ первымъ, по ранѣе потухшей свѣчѣ судить, кто скорѣе умретъ, и проч.), то тѣмъ болѣе распространены эти обряды и связанныя съ ними пѣсни въ деревнѣ, гдѣ въ свадебныхъ причитаньяхъ и пѣсняхъ выливаются чувства, которымъ не чужда бываетъ ни одна невѣста. Въ деревнѣ прочно установился взглядъ, что невѣста непремѣнно должна «выть», т. е. плакать и причитать передъ свадьбой. Той же, которая не «воетъ», пророчатъ дурную жизнь, говоря: «не воетъ за столомъ, навоется за столбомъ», т. е. въ замужествѣ.

Для дѣвицы-невѣсты нѣтъ, разумѣется, ничего дороже и, такъ сказать, священнѣе, чѣмъ честь и воля дѣвичья, «дѣвья красота», какъ говоритъ народъ. Отсюда—множество свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, въ которыхъ символически изображается исчезновеніе «дѣвьей красоты» и сожалѣніе о ней невѣсты. «Дѣвья красота» внѣшнимъ образомъ изображается въ видѣ молодой елочки или куста репейника, увитыхъ разноцвѣтными бумажками, или алой ленты, вплетаемой въ косу невѣсты.

Еще за нѣсколько дней до свадьбы, когда къ невѣстѣ приходятъ подруги, она извиняется передъ ними, что не можетъ ихъ встрѣтить и проводить.

Не хожу я молодешенька
Дальше матушкиной новой горницы,
Дальше братцева калина моста,
Дальше батюшкова широка двора:
Я боюся молодешенька
Вѣтра буйна-вихоря,
Ште бы вѣтры съ поль не дунули,
Дѣвьей красоты не сдунули,
Дѣвичья то украшеньица [1]).

Наканунѣ свадьбы, когда по обыкновенію топятъ для сговоренки баню, невѣста проситъ подругъ выйти на улицу посмотрѣть, «нѣтъ ли вѣтру да вихорю, не снесло бы дѣвью красоту», брата проситъ устлать сукномъ путь, чтобы ей не запнуться, а мать—раскинуть шатры полотенные.

Ты послушай, братецъ батюшка,
Что объ чемъ я буду просити:
Запряги-ко, братецъ батюшка,
Своего-то ты добра коня,
Съѣзди-ко, братецъ батюшка,
На три торга,—на три ярмарки,
Набери-ко, братецъ батюшка,
Ты сукна сѣронѣмецкаго,
Изостели-ко, братецъ батюшка,
Отъ своего крыльца красивова
По пути по дороженькѣ
Вплоть до баньки, вплоть до мыленки.
Мнѣ итти во баньку-мыленку,
Не запнуться бы мнѣ молодѣ
За бѣлую снѣжку-грудочку,
Не сронить бы молодешенькѣ
Мою честную дивью красоту! [2]).

---

[1]) Ветлужск. у., Зарѣчн. вол., село Карпуниха.
[2]) Кологривск. у., Спасск. вол., дер. Подвигалиха.

Ужъ вы свѣты, братцы батюшки!
Попрошу я васъ, красныхъ солнышекъ,
Въ остальныя во послѣднія:
Замостите мостъ калиновой
Отъ крылечка вплоть до банюшки,
Затыните тыны крѣпкіе желѣзные;
Только свѣтъ, моя кормилица,
Не пожалѣй, моя кормилица,
Моего да рукодѣльица:
Накидай, моя кормилица,
Накидай да полотенъ шатеръ.
Какъ пойду я молодешенька
Я во эту баньку парушку
Не подули бы вѣтры буйные,
Не сдунули бы съ молодешеньки
Что мою да дивью красоту,
Что мою ту волю дѣвичью,
Дѣвичье да украшеньице,
Не раздвоился бы у молодешеньки
Мой единый плетень дѣвичій [1]).

Въ другой пѣснѣ невѣста прощается съ своей красотой и высказываетъ пожеланіе, чтобы та летѣла въ монастырь дѣвичій.

Ужъ ты красуйся, красуйся,
Моя честная дивья красота,
Мой батюшка превеликій чинъ!
Тебѣ недолго красоватися
И недолго ликоватися
На моей буйной головѣ
И на моихъ русыхъ волосахъ:
На отлетѣ вѣдь ты сидишь,
Для улики меня красишь.
Полетай, дивья красота,
Высоко по поднебесью,
Широко по святой Руси
Ты во дальніе города

[1]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., село Дороватово.

Ты во дѣвичій монастырь;
Сядь-ко ты, дивья красота,
На красное на окошечко:
Къ тебѣ выйдетъ красна дѣвица,
Она станетъ приговаривать:
Это чья дивья красота
Крашена не докрашена,
Ношена не доношена? [1]).

Подругъ своихъ невѣста проситъ при наступленіи весны пойти въ поле и посмотрѣть, что всѣ цвѣты алехоньки, одинъ цвѣтъ поблекъ, посохъ—это ея «дѣвья красота».

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои бѣлыя лебедушки!
Пройдетъ зима студеная,
Принесетъ весну красную,
Весну красную, лѣто теплое;
Подите, мои подруженьки,
На широкую на улицу,
На веселое гуляньице,
Повопите подъ окошечкомъ,
Попросите дивью красоту
Во поля ти вы во чистыя,
Во луга ти во зеленые,
Во травы ти во шелковыя.
Еще всѣ цвѣты алехоньки,
Что одинъ да цвѣтъ посохъ-поблекъ:
То моя то дивья красота,
То мое да украшеньицо;
То мое да украшеньицо
Я носила наблюдаючи,
Переду себѣ начаючи.
Я началась молодехонька,
Я началась зеленехонька,
Не паслась да не готовилась,
Во невѣстушки не ставилась.

[1]) Кологривск. у., Илешевск. вол., дер. Шаблово.

Во невѣстушки назросшія.
Поставили люди добрые
Во невѣстушки назросшія [1]).

Грустно разставаться невѣстѣ съ дѣвьей красотой.

Прощайся, моя красота,
Золотая моя связочка,
Свѣтъ честная непорочная!
Ничего ты не уношена;
Тебѣ недолго красоватися,
Не годъ не два ликоватися,
Не весна тебѣ гулять красная,
Не зима сидѣть студеная.
Ужъ какъ ты да моя ласточка,
Свѣтъ честная дивья красота,
Я не знаю, какъ тебя назвать,
Какъ назвать, да тебя взвеличать.
Назову я тебя ласточкой,
Взвеличаю тебя касаточкой.

(Снимаетъ связку съ головы и прикладываетъ къ своему лицу).

Ужъ какъ дивью то красоту
Шила дѣвица красная
Середи денька вешняго
Во высокомъ новомъ теремѣ,
Во высокомъ подокошечкѣ,
У косящата окошечка
Со веселыми со пѣснями;
Она шила, веселилася,
На гулянье торопилася,
На гулянье на веселое;
Ужъ какъ дивья то красота
Легота да буйной головѣ,
Красота да лицу бѣлому.
А ужъ какъ бабью то красоту
Шила честная вдовушка
Осередь да ночи темныя

[1]) Варн. у., Богоявленск. вол., село Галкино.

По мѣсяцу по свѣтлому
Со слезами со горючими;
Ужъ какъ бабья то красота
Тягота да буйной головѣ,
Стыдота да лицу бѣлому [1]).
Вы голубушки мое бѣлыя,
Вы подруженьки мое милыя!
Спасибо вамъ, мое голубушки,
Что исполнили мою просьбицу:
Что срядили мнѣ дѣвью красоту [2]).

Ты послушай-ко, радѣльникъ батюшка
Со радѣльницей со матушкой,
Что со всѣмъ гостьми пріѣзжіемъ,
Со подруженькамъ со милыемъ,
Со всѣмъ сосѣдушкамъ приближеныемъ.
Поглядите-тко, мое пріятные,
На мою на дѣвью красоту:
Какъ стоитъ то она изуряжена,
Крупнымъ жемчугомъ изунизана,
Золотымъ перстнямъ изуздѣвана,
Восковымъ свѣчамъ изуставлена.
Не обдумаю я молодешенька,
Не обдумаю я зеленешенька,
Что своимъ то я глупымъ разумомъ,
Что куда мнѣ дѣвать дѣвью красоту.
Во луга пустить—загуляется,
Во лѣса пустить—заплутается,
Я обдумала молодешенька
Что своимъ то я глупымъ разумомъ,
Что куды мнѣ дѣвать дѣвью красоту:
Попросить подругу милую
Александру свѣтъ Васильевну:
«Ты голубушка моя бѣлая,
Ты подруженька моя милая!

---

[1]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., село Дороватово.

[2]) «Дѣвья красота» въ данномъ случаѣ изображается въ видѣ маленькой елочки, убранной лентами и восковыми свѣчами.

Ты послушай, моя голубушка,
Что тебѣ буду говорити,
Во слезахъ я стану просити:
Ты возьми-ко мою дѣвью красоту,
Отнеси-ко, подружка милая,
На большую ее на дороженьку,
Что поставь-ко, моя голубушка,
Подъ бѣлую ты ее подъ березыньку:
Ужъ какъ старъ то пройдетъ—такъ наплачется,
Ужъ какъ младъ то пройдетъ—залюбуется;
Пройдетъ ровнюшка—накрасуется
На мою на дѣвью красоту» [1]).

Вы подруженьки мои милыя,
Вы голубушки мои бѣлыя!
Что придетъ къ вамъ, мои голубушки,
Весна красная—лѣто теплое;
Что растаютъ то снѣжки бѣлые,
Разольются то рѣки быстрыя,
Зацвѣтутъ луга зеленые.
Пойдите вы, мои голубушки,
По полямъ гулять по чистыемъ
По лугамъ то по зеленыемъ,
По лѣсамъ то по дремучіемъ
Что на прежній то на ягодничекъ.
Вы возьмите, мое голубушки,
Что съ собой мою дѣвью красоту,
Вы поставьте ее подъ ракитовъ кустъ,
Подъ ракитовъ кустъ, подъ кленовый листъ,
Чтобъ ее дождичкомъ не обмочило,
Вѣтеркомъ бы ее не сдунуло,
Большимъ морозомъ бы неознобило,
Не померкла бы моя дивья красота,
Не погибнуть бы мнѣ молодешенькѣ,
Не погибнуть бы мнѣ во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ вѣкъ-отъ живучи,

---

[1]) Кинешемск. у., Есиплевск. вол., дер. Аверино.

У чужого то отца съ матерью
У незнамого роду племени [1]).

Едва ли не больше всего вспоминаетъ невѣста о своей «дѣвьей красотѣ» въ послѣдній день своего пребыванія въ родительскомъ домѣ—день самой свадьбы. Рано утромъ до разсвѣта, когда еще всѣ въ домѣ спятъ, невѣста въ причитаніи -пѣснѣ разсказываетъ, какъ проспала она «дѣвью красоту»: приходила къ ней «дѣвья красота», будила, не добудилася и удалилась въ лѣса темные, въ монастырь дѣвичій.

Я встаю да обужаюся,
Не свѣжой водой да умываюся,
Не полотенечкомъ утираюся:
Я встаю да обужаюся,
Горючимъ слезамъ умываюся,
Горемъ-кручиной да утираюся.
Пролетѣли гуси сѣрые
Мимо батюшкова широка двора,
Мимо матушкины новы горницы.
Прокричали гуси сѣрые:
Проспала ты, красна дѣвица,
Двѣ обѣдни, двѣ заутрени,
Два молебна, два съ отпѣвами.
Я сама да знаю-вѣдаю:
Не проспала я, красна дѣвица,
Не обѣдни, не заутрени:
Проспала я, красна дѣвица,
Я свою да дивью красоту [2]).

Я встаю да подымаюся,
Не водою умываюся,
Не полотенечкомъ утираюся:
Умываюсь я млада молода
Что своимъ да горючимъ слезамъ,
Утираюсь млада молода
Что своимъ да горемъ-кручиной.
Вы спите-ль, мои родители,

[1]) Кинешемск. у., Есиплевск. вол., дер. Аверино.
[2]) Вятскаго у., Новоуспенск. вол., починокъ Малая Козляна.

На великіихъ-ль на радостяхъ.
Ужъ какъ мнѣ-ль младѣ молодѣ
Не спалася ночка темная,
Не спалось мнѣ, во снѣ видѣлось:
Я ходила-бъ млада-молода
По лугамъ да по зеленыимъ,
По цвѣтамъ да по лазоревымъ
Коло матушки ли быстры рѣки
Во своей то-ль дивьей красотѣ,
Въ своемъ дѣвичьѣ украшеньицѣ.
Поднялась бы мать погодушка
Со вѣтрами бы со буйными,
Что схватила бы мать погодушка
Что мою-ль да дивью красоту
Со моей да буйной головы;
Унесло бы дивью красоту
Какъ на матушку на быстру рѣку,
А водой да внизъ по рѣченькѣ,
Принесло ее, дивью красоту,
Подъ монастырь ее подъ дѣвичей.
Ужъ какъ вышла тутъ монашенка,
Ужъ какъ вышла она по воду
И взяла она дѣвью красоту,
Что взяла она на бѣлы руки,
А какъ взявши бы любовалася,
Отцу матери дивовалася:
Уже что за родители!
Уже что за безжаланные!
Не жалѣли своего дѣтища,
Не жалѣли чада милаго,
Что какъ отдали во чужи люди,
Во чужи люди во чужу сторону [1]).

Дѣло однако сдѣлано: невѣста просватана, и вотъ въ причитаніипѣснѣ она упрекаетъ родителей, что не оцѣнили ея достоинствъ, польстилися на золоту казну, на зелено вино.

Я при горѣ и при кручинѣ,
При великой при печалюшкѣ,

[1]) Варнав. у., Богородск. вол., дер. Замѣшаиха.

Не могу я слова вымолвить:
Захватило ретиво сердце,
Пріопали бѣлы рученьки
Ште безъ ноци безъ чажолыя,
Подкосило рѣзвы ноженьки
Ште безъ косы то безъ булатныя.
Благословите ко меня, родимой батюшка
Со родимою со матушкой,
Ште повыть то и поплакати,
Горючихъ то слезъ поронити,
Бѣло личико помочити,
Очи ясныя попортити,
Мое лицо не бумажное,
Мои слезы не жемчужныя.
Благослови-ко меня, Господи,
Ште присисть то мнѣ на мистечко
На тесовую на лавоц(ч)ку
Прити печки за навѣстоц(ч)ку,
Прити окошечка косящета,
Прити рамочки вырѣзныя,
Прити стеклышка нѣмецкова,
Подъ икону Спаса образа,
Подъ свѣчу ту воскоярую.
Ты послушай, родимой батюшко,
Я объ чемъ да буду кучиться,
Понизку да буду кланяться:
Не ходи, родимой батюшко,
Съ середы да въ подокошечко
Ште по полику да по тесовому,
Ште ко столику да ко дубовому,
Не садись, родимой батюшко,
На широкую на лавочку
Коло тяблица вырѣзнова,
Коло сватушка пріѣзжева,
Не давай, родимой батюшка,
Ище сватушку пріѣзжему
Ты своей да правой рученьки
Черезъ скатерти да черезъ браныя,

Черезъ питьяца медвяныя,
Черезъ яствица сахарныя.
Не бери, родимой батюшка,
Отъ ево да золоты чары,
Ты не пей, родимой батющка,
Изъ ея да зелена вина:
Зелено вино разгарц(ч)иво,
А золота чара приманчива;
Подъ первымъ краемъ да горюча слеза,
Подъ другимъ краемъ да горе кручина,
Ште поверхъ чары да буйна голова.
Не спасибо, родимой батюшка,
Ты меня да не послушался,
Ты меня да молодешеньки:
Ште не клюц(ч)ики ли брякнули,
Ште не замоц(ч)ики ли щелкнули:
Ищо стукнула и брякнула
Ште у сватушка у пріѣзжева
У ево да золота казна.
Ты скажи, родимой батюшко,
Ште у тя да тутъ за пиръ въ дому,
Ищо ште да за гуляньицо?
Не коня ли ты запродалъ,
Не полтину ли задатку взялъ?
Ште просваталъ ты, родимой батюшко,
Ты меня да молодешеньку.
Ты на ште, родимой батюшко,
На меня да ты огнѣвался?
Ищо не далъ ты, родимой батюшко,
Мнѣ съ подруженькамъ сравнятися.
Ищо ште, родимой батюшко,
Ищо на ште вы огнѣвались?
Худобу ли вы увидѣли,
Худу славушку услышали?
Я жила да молодешенька
Я пониже шелковы травы,
Я потише ключевой воды.
Я жила да не невѣстилась,

Во невѣстушки не ставилась.
Ужъ я такъ же расположуся:
Ужъ каково же мое счастьице,
Ужъ каковъ же мой горькой таланъ [1]).

Удивляется невѣста, что это понравилось ея родителямъ у жениха на чужой сторонѣ.

И изъ дивъ подивуюся я вамъ, мои родимые!
И что вамъ показалося на чужой сторонѣ:
Или волость обширная, или деревня красивая?
Или палаты его каменны, или родство богатое?
Или дородство пріятное?
Или на большой на дороженькѣ
И близко церковь божественна?
Я сама знаю-вѣдаю, знаю я молодешенька:
Чужа дальня сторона стоитъ безъ пути, безъ дороженьки,
Нѣтъ и церкви божественной,
Не слышно и звону колокольнаго,
Она стоитъ во долу, во болотичкѣ
Волкамъ на съѣданьице и воронамъ на слетаньице [2]).

Вы скажите-ко, родимые,
Еще ще вамъ показалося?
Еще ще вамъ да понравилось?
Аль поля ти хлѣбородныя?
Аль лузя ти сѣнокосные?
Аль деревня на краси стоитъ?
Аль сусиди то сусидливы?
Аль ватага то совѣтлива?
Аль дитинушка хорошъ больно? [3]).

Видно потому выдаетъ отецъ замужъ, причитаетъ невѣста, что осердился на нее бѣдную.

Вы подумайте, родители,
Ужъ на что вы осердилися,
Что какъ отдали меня молоду

---

[1]) Ветлужск. у., Новоуспенск. вол., починокъ Малая Козляна.
[2]) Солигал. у., усадьба Притыкино.
[3]) Варнавинск. у., Богоявленск. вол., село Галкино.

На чужую ли дальну сторону?
Ужъ на что же вы осердилися?
Не страмила то я вашъ родъ-племё:
Я жила то млада молода
Тише матушки быстры рѣки,
Ниже травинки муравинки,
Я жила то унижаючи
Противъ всѣхъ то ли подруженекъ [1]).

Очень, какъ видно, обрадовались родители невѣсты, что выдаютъ ее замужъ.

Свѣты вы кормилицы!
Скородумчивы уродилися,
Скоро думушку вздумали,
Молодешеньку продумали
Во чужіе люди добрые.
Кого ждали, мои кормилицы, того дождалися;
Кого глядѣли—доглядѣлися;
Кого смотрѣли—досмотрѣлися,
Вы своихъ то любыхъ гостей,
Моихъ злыхъ лихихъ досадниковъ.
Приходили рѣзвы ноги,
Примахали бѣлыя руки,
Приглядѣли очи ясныя,
Все гостей да дожидаючи.
Ужъ какъ вы, мои кормилицы,
Ходите да на всей радости,
До полу не доступаючи,
Высокихъ пороговъ не хватаючи,
Частыхъ лѣсенокъ не хватаючи,
Меня да избываючи.
Какъ избудите, мои кормилицы,
Меня да молодешеньку,
Вамъ безъ меня не два солнышка въ окно взойдутъ,
Не два красныя обогрѣютъ,
Не два корабля на дворъ всплывутъ
Съ дорогими со товарами,

[1]) Варнавинск. у., Богородск. вол., дер. Замѣшаиха.

Съ дорогими со атласами.
Вы не знаете, мои кормилицы,
Какъ избыть меня да пережить,
Какъ лихого звѣря изъ лѣсу,
Нелюбого коня со двора,
Немилого гостя изъ пиру,
Съ пиру да съ бесѣдушки [1]).

Наступитъ однако страдная пора, когда родители и вспомнятъ о дочери-работницѣ.

Вы мои да родители,
Кормилецъ тятенька и родима маменька!
Что пройдетъ зима холодная,
И придетъ лѣто теплое,
Пойдете, мои батюшки,
На работу напольную.
Пойдете, — вы хватитесь,
Поработавши оглянитесь,
Вы меня, худу работницу, вспомяните.
Вы на что, мои родители,
Вы на что да разсердилися?
Много я говорила вамъ,
Много вамъ надосадила?
Попросите-ка, батюшки,
Вы моихъ то подруженекъ,
Прошли бы подруженьки
Возлѣ высокаго терема,
Пропѣли бы матушки
Онѣ жалобную пѣсенку,
Воспомянули ли бы молоду,
Какъ гуляли навсегда со мной,
Любовались родители! [2]).

Невѣсту естественно заботитъ вопросъ, что за характеръ у жениха. Она обращается съ этимъ вопросомъ къ свахѣ, хотя сама себѣ даетъ отвѣтъ отрицательный.

Ты здорово да матка-свахонька,

---

[1]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., село Дороватово.
[2]) Чухломск. у., Мирохановск. вол., село Мироханово.

Молодая да ты пріѣзжая!
Ты послушай да, матка свахонька,
Молодая да ты пріѣзжая,
Я о чемъ же да буду спрашивать,
Не словами я буду гладкими,
Не поклонами буду низкими:
Я своимъ то да горемъ кручиной,
Своими да горючми слезми.
Помоги-ко да мнѣ все сказывать
Про чужого да чужа чуженца,
Про удалаго добра молодца.
Хоть не скажешь да, матка свахонька,
Про чужого да чужа чуженца,
Про удалаго добра молодца,
Я сама же знаю да вѣдаю
Про чужого да чужа чуженца,
Про удалаго добра молодца,
Мнѣ самой можно да догадатися,
Отъ людей мнѣ понаслыхатися,
Отъ подруженекъ понавѣдаться
Про чужого да чужа чуженца,
Про удалаго добра молодца:
Онъ не ходитъ ли во царевъ кабакъ,
Онъ не пьетъ ли да зелено вино,
Не куритъ ли да папиросочку,
Не торшитъ ли да золотой казной,
Не изъянитъ ли отца съ матерью?
Хоть не скажешь да, матка свахонька,
Про чужого да чужа чуженца,
Про удалаго добра молодца,
Я сама же да знаю-вѣдаю:
Видно, ходитъ онъ во царевъ кабакъ,
Видно, пьетъ же да зелено вино,
Онъ куритъ же да папиросочку,
Онъ торшитъ же да золотой казной,
Изъянитъ онъ отца съ матерью.
Знать, ходить же да молодешенькѣ
Во всѣ ночки да эти темныя,

Знобить же да ноги рѣзвыя,
Ронить же да горючи слезы,
Скорбить же да лице бѣлое [1]).

На вопросъ невѣсты о благосостояніи жениха сваха отвѣчаетъ:

Какъ у нашего то барина,
Какъ у нашего боярина,
Три польца пшенца насѣяно,
Частоколомъ огорожено;
Какъ у нашего у барина
Ище дворъ-отъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ печатныехъ;
Осередь ту двора—горница,
Вокругъ—красныя окошечки,
По конецъ двора—конюшная,
Во конюшной—три лошадушки.

Невѣста ей возражаетъ:

Ужъ не хвастай-ко ты, свахонька,
Не прихвастывай-ко, сватушко!
Какъ у вашего то барина,
Какъ у вашего боярина
Три польца горя насѣяно,
Кручинушкой огорожено;
Какъ у вашего то барина
Ище дворъ-отъ на семи шагахъ,
На семи шагахъ на курчьихъ,
Осередь ту двора—банишка,
Зауголки отвалилися,
По бревешку раскатилися;
По конецъ двора—конюшная,
Во конюшной—лошаденышка,
Что хвостомъ ту подпирается,
Головой ту спотыкается [2]).

Со вступленіемъ въ бракъ невѣста переходитъ къ другому роду-племени, иной мало знакомой семьѣ.

---

[1]) Варнавинск. у., Туранск. вол., село Турань.
[2]) Макаровск. у., село Семеновское.

Ужъ какъ жить да во чужихъ людяхъ
Что за тѣмъ да чужемъ чуженцемъ?

Задаетъ вопросъ невѣста матери, свахѣ, сосѣдкѣ:

Скажи-ка мнѣ, тетенька,
Про чужу-дальню сторону,
Про чужую, незнакомую;
Еще свахонька-сводница
Сватала, хвастала,
Чужу сторону хвалила:
Что чужая сторонушка
Она сахаромъ посѣяна,
Что сытою поливана,
Виноградомъ огорожена!

Сосѣдка отвѣчаетъ:

Сосѣдка ты любезная,
Что Арина свѣтъ Никитишна!
Не живешь ты, не вѣдаешь,
Не живши замужъ хочется:
Поживешь—скоро отхочется,
Поживешь—все сповѣдаешь:
Что чужая сторонушка
Она горемъ посѣяна,
Слезами поливана,
А кручиной огорожена:
Что чужіе родители
Звѣрье въ лѣсу лютое,
А деверья—разбойники,
А золовки—сомущницы [1]).

Мать говоритъ дочери:

Чужой дядюшко безъ вины журитъ.
Не тебя журитъ—ты вздогадывайсь,
Не тебя пошлютъ—такъ ты бѣжи,
Не заживай, дитятко, ты подруженекъ,
Носи платыце—не скидывай;
Терпи горенько—не сказывай.

[1]) Чухломск. у., Мироховск. вол., село Мироховово.

Пойдешь, дитятко, на работушку—
На работушкѣ не застаивайсь,
На добрыхъ людей не заглядывайсь! [1]).
Какъ во этихъ во чужихъ людяхъ
Надо жить то да умѣючи,
Надо жить да унижаючи:
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво;
Ужъ какъ въ этихъ во чужихъ людяхъ
Гладко баютъ—лихо думаютъ,
Сладко кормятъ—послѣ выкорятъ,
Мягко стелютъ—жестко спать даютъ [2]).

Въ другихъ пѣсняхъ невѣста сама рисуетъ мрачными красками свое пребываніе въ чужихъ людяхъ.

Ужъ чужой отецъ—мнѣ не батюшка,
А чужая мать—мнѣ не матушка:
По утру будятъ ранехонько;
На работу все я первая,
А съ работушки все я послѣдняя;
Ужъ какъ лягу спать—
Не спятся темны ноченьки.
У меня-ль у горькія
Есть четыре заботушки:
Ужъ какъ первая заботушка—
Чужая сторонушка,
А другая есть заботушка—
Ужъ какъ свекоръ есть да свекровушка,
Ужъ какъ третья то заботушка—
Есть деверь да золовушка,
Четвертая есть заботушка—
Есть мужъ—удала голова.
Ужъ ты послушай, сударь батюшка
И кормилица моя матушка,
Ты кукушечекъ горькихъ,
Ужъ ты пташечекъ вольныхъ:

[1]) Юрьевецк. у., Якушевск. вол., дер. Смиренино.
[2]) Варнав. у., Богородск. вол., село Беберино-Богородское.

Какъ кукуетъ кукушечка
По утру ранымъ ранехонько
И позднымъ она позднешенько,
Не порой она не временемъ.
Разбери, кормилица-матушка,
Не кокушечка кокуетъ:
Все твое да чадо милое,
Что кокуетъ она во чужихъ людяхъ [1]).

Предчувствіе подсказываетъ невѣстѣ, что трудно ей будетъ жить въ чужихъ людяхъ, и вотъ рано утромъ въ день брака она въ причитаніи-пѣснѣ разсказываетъ о видѣнныхъ снахъ и каждый объясняетъ по своему, говоря, что тотъ предрекаетъ горе.

Ужъ какъ мнѣ да молодешенькѣ
Не спалась да ночка темная,
Да мнѣ много во снѣ видѣлось:
Мимо батюшкова широка двора,
Мимо матушкины бѣлы горницы
Пролетѣли гуси сѣрые,
Что летѣли да прокаркнули,
Меня молоду приразбудили.
Ты вставай, красна дѣвица:
Проспала ты свою заутреньку,
Ты свою то дивью красоту—
Украшеньице хорошее.
Понесло да молодехоньку
Внизъ по матушкѣ быстрой рѣкѣ,
Что прибило молодехоньку
Ко осокѣ то рѣзучей;
Я хваталася, ималася—
Не могла я сухватитися:
Мнѣ обрѣзало да бѣлы рученьки.
Понесло да молодехоньку
Ко шишкѣ ко колючіей;
Я хваталася, ималася,
Не могла я сухватитися:
Искололо бѣлы рученьки.

[1]) Макарове. у., Скоробогатовск. вол., село Скоробогатово.

Понесло да молодехоньку
Внизъ по матушкѣ быстрой рѣкѣ;
Прибивало молодешеньку
Ко осинушкѣ ко горькіей;
Я хваталася, ималася—
Не могла я сухватитися,
Не могла я судержатися.
Что осока то рѣзучая—
Богоданный сударь-батюшко,
А шипика то колючая—
Богоданная то матушка,
А осинушка то горькая—
То чужой то чуженецъ,
Удалой, да добрый молодецъ [1]).

Неизвѣстное будущее страшитъ невѣсту; она предлагаетъ жениху поискать другую дѣвицу умнѣе и красивѣе, а про себя говоритъ, что она не годится еще для брака.

Вы скажите, люди добрые,
Отъ меня отъ молодешеньки
Вы чужому то чужанину,
Чужому сыну отецкому,
Удалому доброму молодцу
Челобитье-рознизкой поклонъ:
Не надѣялся бы добрый молодецъ
На меня на молодешеньку,
На травинку зеленешеньку;
Онъ искалъ бы, добрый молодецъ,
Меня лучше и дороднѣе,
Умомъ-разумомъ довольнѣе,
Могутой-силой заправнѣе,
На бѣло лице красивѣе;
Онъ оставилъ бы, добрый молодецъ,
Меня да молодешеньку
У своихъ да у кормилицевъ.
Я еще бы молодешенька
Пожила-покрасовалася,

[1]) Варнав. у., Богоявленск. вол., село Галкино.

Понаряднѣе понаряжалася,
Во душахъ во красныхъ дѣвушкахъ
Въ матушкѣ волѣ дѣвичьей,
Въ ласточкѣ, да во дивьей красотѣ [1]).

Стараясь хотя на время отдалить свадьбу, невѣста проситъ отца, брата, подругъ оказать противодѣйствіе жениху и его дружинѣ.

Чеши, подруженька милая,
Чеши-ка гладко на гладко;
Ты плети, подружка милая, часто на часто,
Ты вплети, подружка милая,
Два-ти ножичка булатные;
Что пріѣдетъ сваха пріѣзжая,
Расплетать станетъ русу косу—
Мою то дѣвью красоту,
И обрѣжетъ бѣлы рученьки,
Обрызжетъ цвѣтно платьицо [2]).

Вы, голубушки мое бѣлыя,
Вы, подруженьки мое милыя!
Попрошу я васъ, подруженьки,
Что своей то большой просьбицей:
Вы возьмите-тко, мое голубушки,
Во свое то во бѣлы руки
По дубовымъ то по ведерочкамъ,
Вы подите-тко на быстру рѣку,
Почерпните-тко вы свѣжой воды,
Вы улейте-тко да круту гору
У батюшкова-то да широка двора,
У матушкиной новой горницы,
Чтобы кони то поткнулися,
И саночки бы раскатилися,
Назадъ гости бы воротилися [3]).

Встаньте-ка, голубушки,
Вы стѣной бѣлой каменной,

---

[1]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., село Дороватово.
[2]) Костромск. уѣздъ.
[3]) Кинешемск. у., Есиплевск. вол., дер. Аверино.

Не пущайте, голубушки,
Дружку съ полудружьицемъ
Къ батюшку къ широку двору,
Къ матушкѣ къ новой горницѣ
Къ моему высокому терему [1]).
Что сходи-ко, мой любезный братъ,
Что сходи-ко ты во темный лѣсъ,
Наруби-ка часта ельничку,
Завали-ка путь-дороженьку,
Что къ нашему то широку двору
Не пройти то, да не проѣхати
Ужъ какъ нашимъ-то дорогимъ гостямъ [2]).

Подите же, мои голубоньки,
Любыя мои подруженьки,
Гулять то да красоватися
На широкую то на улицу,
Во луга ти, да во зеленыя,
Во травы ти, да во шелковыя,
Во цвѣты ти, да во лазоревы,
Во лѣса ти, да во темные.
Вы найдите, мои голубоньки,
Любыя мои подруженьки,
Изъ звѣрей то да звѣря лютаго,
Приведите да на широкій дворъ,
Чтобы кони то да напугалися,
Люди добрые приразъѣхались,
Я осталась бы молодешенька,
Я одна же да одинешенька.
Я пошла бы молодешенька
Гулять то да красоватися
На широкую то на улицу [3]).

Невѣста желаетъ даже, чтобы сама природа помогла ей: поднялась бы буря и остановила женихову свиту.

Вы подуйте-тко, вѣтры буйные,

---

[1]) Чухломск. у., Мироханов. вол., село Мироханово.
[2]) Кинеш. у., село Пумиково.
[3]) Варнав. у., Туранск. вол., село Турань.

Что со всѣ съ четыре стороны,
Принесите-тко, вѣтры буйные,
Принесите-тко вы погодушку,
Чтобъ погодушка пріударила,
Меня молоду здѣсь оставила,
Чтобъ конямъ то да не выѣхать,
Отъ воротъ то бы да не выступить,
Протянули бы день до вечера,
День до вечера до потемочекъ [1]).

Но вотъ сваты пріѣхали. Время отправляться въ церковь къ вѣнцу. Невѣста благодаритъ родителей за хлѣбъ-соль и проситъ у нихъ благословенія, которое, по ея словамъ, дороже золота и серебра.

Вамъ спасибо, родители,
Что родимой мой тятенька,
Что родильщица матушка,
Вамъ на хлѣбѣ и на соли
И на всемъ сладкомъ кушаньи!
Походили, понѣжили
Вы меня молодешеньку,
Почестили, покланялись
Вы моимъ то подруженькамъ [2]).

Я стою же, корминецъ батюшко,
На своихъ то да на рѣзвыхъ ногахъ,
Во твоихъ то да во ясныхъ очахъ.
Не прошу же, корминецъ батюшко,
Я не злата у тя, не серебра
И не чистаго у тя жемчугу:
Я прошу же, корминецъ батюшко,
Я у тя же благословеньица,
Ужъ ты дай-ко, корминецъ батюшко,
Ужъ ты мнѣ же благословеньице
Во чужіе да люди добрые.
Какъ твое то, корминецъ батюшко,
Что твое то благословеньице

---

[1]) Кинешемск. у., Есиплевск. вол., дер. Аверино.
[2]) Чухломск. у., Вохтомск. вол., село Спасъ Долгій.

Изъ синяго да моря повыкинетъ,
Изъ темнаго да лѣса повыведетъ
Отъ лихихъ людей—оборонушка,
Отъ погодушки—захолустьице.
Да ищо какъ же да молодешенькѣ
Ищо какъ пасть да во рѣзвы ноги?
Али травинкой мнѣ повырости?
Аль цвѣточкомъ да мнѣ повыцвѣсти?
Али рѣченькой мнѣ разлитися?
Али свѣчкой да растопитися?
Полотенечкомъ раскатитися?
Принагнуться бѣлой березонькой?
Знать пришло же да молодешенькѣ
Видно пасть же да во рѣзвы ноги.
Разстилайтесь да, алы ленточки,
По моимъ то да могучимъ плечамъ [1])!

Невѣста, лишившаяся матери, проситъ брата выйти на улицу и посмотрѣть, не идетъ ли ся матушка и не несетъ ли свое благословеньице.

Выйди, братецъ батюшка,
На широкую улицу;
Погляди-ко, братецъ батюшко,
На всѣ четыре стороны,
Погляди ко Свѣтлому Воскресенію [2]),
Не идетъ ли родимая матушка,
Изъ пути она изъ дальныя,
Изъ дороженьки незнакомыя,
Не несетъ ли моя желанная
Во рукахъ Спаса образа,
Во устахъ благословенія;
Что ее то благословеніе
Что великая обогрѣвушка:
Отъ вѣтру—затульицо,
Отъ людей оборонушка,
Изъ синя моря вынесетъ,

[1]) Варнав. у., Туранск. вол., село Турань.
[2]) Приходская церковь.

Изъ огня меня выброситъ,
Изъ темна лѣса выведетъ [1]).

Невѣста, лишившаяся матери (отца), проситъ брата (мать) ударомъ въ колоколъ разбудить ея матушку (родителя) и попросить у нихъ благословенія.

Ты сходи-ко, братецъ батюшко,
На колокольню высокую,
Ударь въ большой звонкій колоколъ:
Что не обудится ли моя желанная,
Не встанетъ ли кормилица
Ко мнѣ молодешенькѣ
На горькій день, на разлучный часъ?
Что не слушаетъ то кормилица
Моихъ глупыхъ рѣчей.
Еще то я въ тоскѣ-горѣ вымолвлю:
Подымитесь, вѣтры буйные,
Тучи грозныя!
Раздуйте вы желты пески
Со могилушки моей матушки,
Жалостливыя кормилицы!
Пролети, калена стрѣла,
Расколи гробову доску,
Скинься, тонко полотенечко,
Встань, моя желанная,
Жалостливая матушка,
Ко мнѣ молодешенькѣ
На горькій день, на разлучный часъ!
Дай, моя желанная,
Благословеніе великое,
На вѣки нерушимое
Итти во чужіе люди;
Твое то благословеніе
Любо дорого:
Изъ синя моря вынесетъ,
Изъ темна лѣсу выведетъ [2]).

---

[1]) Кологрив. у., Никитск. вол., село Кужбалъ.
[2]) Кологрив. у., село Палома.

Ты кормилица маменька,
Я о чемъ да просить буду,
Я о чемъ да молить буду:
Ты поди-ка, кормилица,
На широкую улицу,
На торную дороженьку;
Попроси-ка, кормилица,
У касаточки перышка,
У лебедушки крылышка;
Ты слетай, моя маменька,
Къ Пресвятой Богородицѣ.
Ударь, моя маменька,
Въ заунывный ты колоколъ,
Разуди-ка, кормилица,
Моего родима батюшку:
Не разступится ли мать сыра земля,
Не расколется ли гробова доска,
Не возстанетъ ли родитель мой,
Не принесетъ ли мой тятенька
Во рукахъ Богородицу,
Во устахъ благословеньице.
Мнѣ добре больно надобно
На сегодняшній Божій день,
На теперешній разлучный часъ.
Ужъ я знала бы молода,
Что придетъ то родитель мой,
Пошла бы я горькая
По конецъ поля чистаго,
Я раздолья широкаго,
Я бъ встрѣтила батюшку
Со слезами со горькими
На свои руки бѣлыя,
Всю бы душу съ нимъ придумала,
Всю бы тайность представила [1]).

Получивъ благословеніе у родителей, «сговоренка» выходитъ изъ избы и, проливая горькія слезы, садится въ сани. «Пусть вспомнятъ

[1]) Чухломск. у., Мирохановск. вол., село Мироханово.

обо мнѣ родители и пожалѣютъ»! думаетъ невѣста и мысль эту выражаетъ образно въ причитаніи, которое произноситъ иногда вмѣстѣ съ подругами.

Оставайтесь да, горе-кручина,
У матушки въ бѣлой горницѣ!
Остаетесь, мои родители,
Во избѣ то да ровно въ теремѣ,
На дворѣ то да въ зеленомъ саду!
Вы катитесь да, горючи слезы,
По моему то да лицу бѣлому!
Что ко батюшкѣ на широкій дворъ
Протекай-ко да рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, бережистая,
Выростай-ко да частъ ракитовъ кустъ!
Вы слетайтеся, птицы райскія,
Запѣвайте вы пѣсни царскія,
Разжалобите отца съ матерью,
Прослезпте да всѣхъ добрыхъ людей,
Всѣхъ сусѣдей да всѣхъ сусѣдонекъ,
Всѣхъ сусѣднихъ да малыхъ дѣтонекъ,
Чтобъ меня же да долѣ помнили [1]).

Гдѣ стояли, гдѣ мы плакали,
Гдѣ ронили горючи слезы,
Протекай, рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая бережистая!
На этомъ же крутомъ бережкѣ
Вырастай, кипарисъ древо,
Прилетайте, пташки ласковы,
Распѣвайте пѣсни царскія,
Разжалобите вы кормилицу [2])!

Поѣздъ трогается. Невѣста съ грустью вспоминаетъ о своей улицѣ, поляхъ, лугахъ, огородахъ, садахъ и проч.; все это, по ея словамъ, лучше того, что есть у жениха; прощается она съ подругами и всѣми сосѣдками и сосѣдями.

---

[1]) Варнав. у., Туранск. вол., село Турань.
[2]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., дер. Майтиха.

Посмотри-ко, добрый молодецъ,
На наши то да на улицы:
Ужъ какъ наши то улицы—
Равно скатерти браныя,
Ужъ какъ ваши то улицы
Ровно болота зыбучія,
Что зыбучія—топучія [1]).
Прощайте вы, чисты поля!
Мнѣ по вамъ да не хаживати,
Серпа на плечѣ не нашивати [2])!
Еще наши то чисты поля—
Всѣ широки, всѣ раздолисты,
Ищо ваши то чисты поля—
Не широки, не раздолисты
Да и огородами огорожены [3]).
Вы прощайте, зелены луга,
Мнѣ по вамъ да не хаживати,
Зелены травы не кашивати [4])!
Ты прости, прости, да мой зеленый садъ,
Отгуляла я, откpасовалася
Ищо въ эфтомъ да въ зеленомъ саду [5]).
Ужъ вы простите, простите,
Всѣ родные, всѣ сердечные,
Дядюшки, всѣ тетушки,
Мои братцы—ясны соколы,
Сестрицы—бѣлы лебеди,
Подруженьки—голубушки,
Всѣ сосѣдоньки—люди добрые [6])!

Трудныя минуты переживала невѣста, стоя подъ вѣнцомъ. Вотъ что она разсказываетъ матери, пріѣхавъ изъ церкви послѣ вѣнчанія.

Ужъ болѣзна моя матушка!
Ужъ какъ стояла я подъ златымъ вѣнцомъ

---

[1]) Ветлужск. у., Рождеств. вол., село Дороватово.
[2]) Кологрив. у., Ануфріевск. вол., дер. Никулино.
[3]) Ветлужск. у., Одоевско-Спиринск. вол., дер. Рокитиха.
[4]) Кологрив. у., село Палома.
[5]) Ветлужск. у., Одоевско-Спиринск. вол., дер. Рокитиха.
[6]) Кологрив. у., Ануфріевск. вол., дер. Никулино.

Съ удалымъ то добрымъ молодцемъ,
Какъ казалась то всѣмъ добрымъ людямъ
Снѣгу то противъ бѣлаго,
Противъ маку то противъ алаго,
А ужъ мнѣ то молодехонькой
Показался добрый молодецъ
Противъ ночи то противъ темной,
Противъ грязи то противъ черной [1]).

Таковы главнѣйшіе мотивы свадебныхъ причитаній невѣсты, которая, какъ и естественно ожидать, играетъ главную роль въ свадебномъ ритуалѣ и произноситъ поэтому множество самыхъ разнообразныхъ причитаній. Женихъ не произноситъ почти ни одного причитанія, точно также и братъ или близкій родственникъ невѣсты, который лишь въ риѳмованной рѣчи требуетъ отъ жениха выкупа за нее, какъ, напр.:

«У моей сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ... У моей сестрицы по полтинкѣ спинка, голова четвертакъ, а не дашь четвертакъ, уѣдешь и такъ... У нашего то сватушки изба то кругла о четыре угла, пятая печь, а шестая середа, подай серебра...» [2]).

«У моей то сестрицы сто рублей косица, а бровь—сто рублевъ, а взглядъ—пятьдесятъ... Безъ троицы домъ не строится... Безъ четырехъ угловъ изба не становится... Въ избѣ то у насъ четыре угла, да пятая печка... Моя то сестрица не мѣдная, а серебряная» [3]).

Если однако женихъ не произноситъ никакихъ почти наговоровъ, то его шаферъ (дружка) съ избыткомъ восполняетъ этотъ недостатокъ, хотя надо сказать, что его наговоры не отличаются ни богатствомъ содержанія, ни изяществомъ изложенія; впрочемъ, не лишены нѣкоторой доли юмора, хотя юморъ этотъ, такъ сказать, низшаго разбора. Наговоры ничто иное, какъ риѳмованная проза; главное достоинство дружки, по мнѣнію крестьянъ, это его болтливость, многословіе, при чемъ всегда въ ущербъ содержанію. Пріѣзжая въ домъ жениха, дружка обращается къ его родителямъ съ просьбою благословить сына «ѣхать въ Божію церковь», «злать вѣнецъ пріять и на буйну возложить голову».

Господи Іисусе Христе! Помилуй насъ!
Отецъ дитя засѣялъ,

---

[1]) Нерехтск. у., село Никитское.
[2]) Кинешемск. у., Ильинск. вол.
[3]) Буйск. у., Письменск. вол., село Рябцово.

Мати его спородила,
Воспоили, воскормили,
Въ цвѣтно платье нарядили,
На вольной свѣтъ пустили.
Иванъ Терентьичъ!
Стоитъ ваше чадо милое
Не за горами не за долами—
Передъ вашими ясными очами,
Слезно плачетъ и рыдаетъ,
У Бога милости прошаетъ,
А у васъ благословенія желаетъ.
Дайте вы ему благословеніе великое
По новой горенкѣ пройти,
На калиновъ мостъ взойти,
По частымъ лѣсенкамъ на широкій дворъ,
Подойти къ добру коню,
Сѣсть на добра коня,
Съѣхать съ широка двора
На красивую улицу
Изъ ворота въ ворота
Въ чистое поле, въ широкое раздолье,
Подъ красное солнце,
Подъ свѣтлый мѣсяцъ,
Подъ частыя звѣзды,
Подъ зорю—морю;
Подъ зорей—морей
Стоитъ Божья церковь;
Подъѣхать къ Божьей церкви,
Привязать добра коня къ оградушкѣ,
Взойти въ Божью церковь,
Правой рученькой перекреститься,
На всѣ на три стороны поклониться
Лѣвой ноженькой на бѣлъ подножникъ встать,
На головушку златъ вѣнецъ принять [1]).

Во всѣхъ наговорахъ дружки, произносимыхъ въ домѣ невѣсты (ихъ въ нашемъ распоряженіи 23), можно усмотрѣть лишь 3 главныхъ мотива, заслуживающихъ вниманія.

[1]) Ветлужск. у., Новоуспенск. вол., починокъ Малая Козляна.

1) Дружка, охотясь въ поляхъ и лугахъ, увидалъ куній слѣдъ, который довелъ его до шатра дѣвичья:

Ѣхалъ я, княжецкой дружка (N), чистыми полями, темными лѣсами, зелеными лугами, глубокими грязями, напалъ я, княжецкой дружка, на куній слѣдъ; довелъ меня куній слѣдъ до шатру до дѣвичья, до высокова терему за заборами крѣпкими, за заборами стекольчатыми. Растворяйте вы, новый сватъ со сватушкою, ворота широки, впускайте меня дружку княжова со всѣмъ полкомъ княжимъ во княжечкой дворъ [1]).

2) Проѣзжая мимо терема, дружка замѣтилъ около него садъ, въ саду виноградъ (яблоньку) и рѣшился сорвать ягодку (яблочко).

Ѣхалъ я, добрый друженька, темнымъ лѣсамъ, чистымъ полямъ, шелковымъ травамъ, зеленымъ лугамъ, травки не помялъ, лазоревыхъ цвѣточковъ не поломалъ. Подъѣзжаю я, добрый друженька, къ высокому терему, къ широкому ко двору. У этого терема садъ, въ саду растетъ виноградъ. Какъ бы мнѣ по садику погулять, виноградную ягодку сорвать [2])?

Ѣхалъ я сватушко мимо вашего то дому, высокаго терему. У васъ подъ окошечкомъ стоитъ зеленый садокъ. Въ этомъ садикѣ стоитъ яблонца; на яблонцѣ то цвѣтики разсцвѣли. Цвѣтики то опали, да яблочки стали. Понравилось намъ одно яблочко. Что вы его сами сорвите или намъ прикажите [3])?

3) У молодого князя (жениха) много войска, и все равно роднѣ невѣсты не устоять противъ него.

Нашъ молодой князь
Стоитъ въ чистомъ полѣ
Подъ бѣлымъ шатромъ,
Снотѣшается яснымъ соколомъ,
У нашего у молодого князя пятьсотъ пѣхоты:
Князья, бояре, купцы, дворяне,
Тысячныя головы,
Широкія бороды;
Вы ихъ почитайте,
Въ почетныя мѣста сажайте
За столы дубовы,
За скатерти браныя,

[1]) Ветлужск. у., Пыщужск. вол., село Воздвиженское.
[2]) Кинешем. у., Тарасов. вол., дер. Панарьино-Аннинское.
[3]) Костр. у., дер. Зубина.

За ѣства медвяныя!
Еще, сватушко любезный,
Сколько тебѣ ни воевать—
Супротивъ нашего молодого князя не устоять!
А лучше же покоритесь:
Авось нашъ молодой князь и помилуетъ [1]).

Вотъ для примѣра одинъ изъ наговоровъ дружки.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Помилуй насъ!
Подъѣхалъ я, дружевька,
Подъѣхалъ молоденькой
Къ высокимъ теремамъ,
Къ широкимъ воротамъ;
Выскочилъ я, друженька,
Выскочилъ молоденькой
На бѣлые снѣжки,
На рѣзвыя ножки,
На сафьяновые сапожки,
На высокіе каблучки,
На мѣдные гвоздики,
На самые носки.
Иду я, друженька,
Къ высокимъ теремамъ,
Къ широкимъ воротамъ.
Воротечки, растворитесь,
Вереюшки, распашитесь,
У дружка копеечки раскатитесь!
Иду я, друженька,
Широкимъ дворикомъ,
Ножками попинываю,
Грудки къ стѣнкамъ раскидываю,
Себѣ путь-дороженьку ищу,
Становлю я своего добраго коня
Подъ темныя облачка,
Подъ частыя звѣздочки,
Подъ свѣтлые мѣсяца,
Ударю его по высокимъ степямъ,

[1]) Нерехт. у., село Никитское.

По широкимъ ребрамъ.
Экая сбруя! Сбруя съ кистями,
Узда съ шургунцами,
Узда съ колокольчиками.
Сѣделка съ наборами,
А дружка съ приговорами!
Становлю я его, не привязываю,
А словами наказываю:
Стой мой конь, не шатайся,
Меня, дружку, съ высокаго терема дожидайся!
Вотъ я по двору пошелъ,
Часту лѣстницу нашелъ.
Экая лѣстница частая!
Эта лѣстница въ сыромъ бору рублена,
На добромъ конѣ вожена,
Топорикомъ рублена,
Долотечкомъ долблена;
Ступени еловыя,
Перила сосновыя,
Хорошія ручки дѣлали,
А дружкины ножки по ней бѣгали.
Иду я, друженька, калиновымъ мостикомъ
Къ избенымъ дверямъ.
Вижу—петельки полужоныя,
Скобочки золоченыя,
Безъ имени двери не отворяю;
Безъ молитвы дружку въ избу не пускаютъ;
Молитву сотворю,
Двери на пяту растворю!
Скокъ черезъ порогъ!
На силу ноги переволокъ.
Ноги кривыя,
Лапти большія,
Портянки изорваны.
Выхожу я, друженька,
Изъ-подъ брусьевъ висучихъ,
Изъ-подъ полатей скрипучихъ.
Вотъ, милый сватушка,

Вижу въ домѣ у васъ непорядки:
На полатяхъ лежатъ ребятки—
Кисейныя брюшки,
А на голбцѣ тетушки Ѳедоры—
Оборванные подолы;
На печи старыя старушки—
Берестяныя верхушки.
Вотъ, милый сватушка,
Что-то у васъ балочки гнутся,
Половички скрипятъ,
Вѣрно съ дѣвицами кланяться велятъ.
Положимъ по поклону:
Голова не отвалится,
А честь безчестья лучше.
Здравствуйте, красныя дѣвицы,
Криночныя блудницы,
Горшечныя полунощницы!
Криночки воровали,
Подъ ясли прятали,
Мальчиковъ нашихъ пооткармливали,
Теперича милости просимъ
Къ намъ въ подполье!
У насъ въ подпольѣ
Пироги съ морковью
Пекутъ и мажутъ,
Только вамъ не кажутъ.
Вотъ, милый сватушка,
Ѣхали мы чистыми полями,
Темными лѣсами,
Ѣхали мы волокомъ,
Насчитали семьдесять семь елокъ.
Ѣхалъ я, дружка,
И, переѣхавъ, захотѣлося напиться:
Нѣтъ ли у васъ для насъ винца?
А не винца—пивца,
А не пивца—кваску,
А не кваску—водицы,

А не водицы—позвольте намъ красную дѣвицу,
Вашу ряженую—нашу суженую [1])!

А вотъ еще одно характерное мѣсто изъ наговоровъ дружки:

Любезный нашъ сватушко! Повыйди, повыступи, встань на куньи ножки, подростутъ собольи, а у дружки ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, языкъ съ приговоромъ, чаша съ питьемъ, я къ вашей милости съ низкимъ челобитьемъ: чаша того, кто любитъ кого, чаша тѣхъ, кто любитъ всѣхъ, чаша съ моря Соловецкаго испивать на здравіе молодецкое; кто изъ этой чаши пьетъ, тотъ лишнихъ 300 лѣтъ живетъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по возвращеніи изъ церкви, дружка въ особомъ наговорѣ разсказываетъ, какъ онъ съ товарищами нашелъ красную дѣвицу, обвѣнчалъ ее въ Божьей церкви съ добрымъ молодцомъ и привезъ въ домъ новобрачнаго.

Ѣздили мы за куницами, за лисицами, за коротолапыми зайцами, не нашли мы ни куницъ, ни лисицъ, ни коротолапыхъ зайцевъ, а нашли мы звѣря; шкура на немъ морковая, шерсть бобровая, зубы какъ у льва; хотѣли было подстрѣлить, да Богъ привелъ живьемъ изловить, только не знаемъ, чѣмъ его кормить. Нашли и красную дѣвицу въ деревнѣ Зубинѣ у Ѳедора Петровича, но не привезъ я къ тебѣ, Василій Иванычъ, красной дѣвицы, а свозили въ Божій храмъ и сдѣлали молодицей. Пріѣхали мы къ Божьему храму. Божій храмъ стоитъ на заперти, а попы лежатъ дома на печи. Пошелъ я къ нимъ. «Батюшки, отцы духовные, протоіереи вы богомольные! Отворите вы Божій храмъ, отслужите молебенъ намъ; я васъ казной награжу, только скажите, какой васъ казной награжать». А попы мнѣ и говорятъ: «мы казну всякую беремъ, лишь только бы кто побольше далъ». Попы казнѣ обрадовалися, скоро въ Божій храмъ собиралися, бѣгутъ тропамъ сбиваются, въ своихъ рясахъ заплетаются, дьяконъ упалъ, себѣ лобъ расшибъ, дьячекъ носъ своротилъ, а попа-то Богъ помиловалъ и дѣло наше обдѣлалъ. Слава Богу! Вотъ вамъ, Василій Иванычъ и Марья Никитишна, съ моихъ рукъ молодица [3]).

Большею, чѣмъ наговоры дружекъ, содержательностью отличаются свадебныя пѣсни, которыя поютъ невѣстины подруги, хотя онѣ значительно уступаютъ пѣснямъ—плачамъ самой невѣсты.

---

[1]) Чухлом. у., Мироховск. вол., село Мироханово.

[2]) Ветлуж. у., Рождествен. вол., село Дороватово.

[3]) Варнав. у., Макарьевск. вол., село Михайловское-Сквозники.

Когда уже дѣвица сговорена, подруги въ пѣсняхъ упрекаютъ ее въ измѣнѣ; она оправдывается.

Ты, измѣнъ да измѣнщица,
Измѣнила, голубушка,
Свое слово вѣрное,
Свое безотвѣтное.
Какъ ты кстилась-божилась,
Право-право замужъ не пойду,
Видитъ Богъ—не подумаю
И людей не послушаюсь,
А теперя, голубушка, собралась и поѣхала.

Вы глупыя дѣвушки, неразумныя голубушки!
Не сама я замужъ пошла, не своею охотою,
А большою неволею:
Похотѣлъ меня тятенька; поизволила маменька,
Наряжала мила сестра, выводилъ меня милый братъ,
Онъ сдавалъ меня гостямъ на руки,
Одному гостю на вѣки
Онъ сдавалъ и наказывалъ:
Вы владѣй, владѣй, милый зять,
Моей милой сестрой Анной Ивановной!
Не клади, млада, жалобу
На тятеньку роднаго,
На маменьку родную;
Ты клади, млада, жалобу
На свата, на сводника,
На него-то подговорщика:
Онъ и сваталъ и сводничалъ,
Пріѣзжалъ поздно вечеромъ,
Вызывалъ онъ маменьку
Во тѣ сѣни новыя,
Говорилъ слово тайное,
Выхвалялъ чужу сторону [1]).

Ты, подруженька, подруженька,
Сестрица наша милая!

[1]) Солигалич. у., усадьба Притыкино.

Ты клялася, божилася:
Право замужъ не пойду я.
Теперь замужъ идешь
За удалаго добра молодца.
Вы подруженьки, подруженьки,
Мои лебеди бѣлыя!
Вы не пѣсенку поете,
Мнѣ назолушку даете;
Моему ретиву сердцу
Безъ того тяжеленько
Мнѣ безъ вашея пѣсни новыя,
Мнѣ безъ вашея проголосныя.
За моей за бѣлой грудью,
На моемъ ретивомъ сердцѣ
Много горя-кручины,
Печали великія:
Отдаютъ то родители
За чужую дальнюю сторону
Ко чужимъ ко родителямъ
За чужого сына отецкаго
Подъ грозу молодецкую,
Что грозенъ то грозенъ отецкій сынъ,
Что грозенъ немилостивъ [1]).

Во многихъ мѣстностяхъ нашего края существуетъ обрядъ вынесенія на дѣвичникѣ или сговоркахъ «дѣвьей красоты» (небольшой елочки, разукрашенной лентами, бумажками и восковыми свѣчами); обрядъ этотъ сопровождается различными наговорами дѣвушки, несущей деревцо. Наговоры бываютъ здѣсь двоякаго рода. Въ наговорахъ перваго рода дѣвушка предлагаетъ невѣстѣ въ послѣдній разъ взглянуть на свою дѣвью красоту и говоритъ, что отнесетъ ее въ поле и поставитъ подъ сухую березоньку.

Какъ по полику тесовому
Пропустите меня молоду
Ко столику дубовому,
Ко скамеечкамъ тесовымъ,

[1]) Кологрив. у., Никитск. вол., село Кужбалъ.

Ко скатеречкамъ шелковымъ,
Ко своей то ли подруженькѣ,
Ко своей то ли голубушкѣ.
Мы поставимъ дѣвью красоту.

(При этихъ словахъ «дѣвья красота» ставится на столъ).

Погляди-тко ты, подруженька,
Погляди-тко ты, голубушка,
На свою на дѣвью красоту
Въ достальные и послѣдніе!
Не бывать тебѣ во дѣвушкахъ,
Не бывать тебѣ во красныихъ,
Отнесемъ мы дѣвью красоту
Во поля то мы во чистыя,
Во луга то во зеленые,
За лѣса то мы за темные.
Мы поставимъ дѣвью красоту
Подъ сухую подъ березоньку,
Чтобы вѣтромъ то не вянуло,
Частымъ дождичкомъ не кануло.
Не отмочитъ сухо дерево
И не будетъ двою зелено.
Не бывать тебѣ, подруженька,
Не бывать тебѣ, голубушка,
Не бывать тебѣ во дѣвушкахъ,
Не бывать тебѣ во красныихъ! [1]).

Наговоры второго рода гораздо многословнѣе и больше распространены въ губерніи. Въ нихъ дѣвица главное вниманіе обращаетъ на то, чтобы посредствомъ разныхъ приговоровъ заставить присутствующихъ, когда они будутъ гасить свѣчи на елочкѣ, положить больше денегъ на тарелку, около нея стоящую. Однако и здѣсь мы можемъ отмѣтить нѣсколько интересныхъ мотивовъ.

1) Невѣстѣ высказывается похвала за то, что она «дѣвью честь не потеряла» и все трудилась:

Не по лѣсу ходила,
Не голосомъ вопила,
Не лычко драла,

[1]) Костромск. у., Апраксинск. вол., село Апраксино.

Не лапотки плела:
Въ горенкѣ сидѣла,
Тонко пряла,
Звонко ткала,
На бѣлѣ бѣлила,
Въ каточки катала,
Въ коробочку клала,
Колѣночкомъ зажимала,
Замочки запирала.
Своему жениху въ приданое припасала [1]).

2) Невѣста будто бы, гуляя въ саду виноградномъ, потеряла дѣвью красоту; ее нашли дѣвушки и принесли на показъ всѣмъ добрымъ людямъ.

У нашего то свата подъ окошкомъ садъ, въ саду то виноградъ: по саду дѣвушка гуляла, виноградъ щипала, тропочку тропила, слѣдочки песочкомъ засыпала, горючимъ слезамъ заливала, дѣвью красоту потеряла; а мы, красны дѣвушки, шли въ зеленъ садъ гулять, да дѣвью красоту нашли, сорядили ее, брали, на показъ людьми подали, чтобы всѣ добры люди глядѣли, нашу дѣвью красоту похвалили. Наша то ли дѣвья красота красой изукрашена, алымъ лентамъ изукрашена, воскоярымъ свѣчамъ изуставлена [2]).

3) Гуляя въ саду, невѣста заблудилась и нашла дорогу лишь благодаря подругѣ, которая ее подъ окошечко посадила, дѣвью красоту сорядила.

«Подруженьки милыя по садику гуляли, подружку милую потеряли. Подружка милая отшатилась, въ зеленомъ садикѣ заблудилась, подъ яблонцу становилась, подъ яблонцой стояла, горючи слезы проливала, горючи слезы проливала, моего голосу пытала. Я, подруженьки, возжалѣлась, въ зеленый садъ воротилась; въ зеленый садикъ взоходила, подружку милую находила, изъ зеленова садика выводила, къ новой горницѣ подводила, въ нову горницу вводила, подъ окошечко посадила, подъ окошечко-то посадила, дѣвью красоту то сорядила, собрала, съ дѣвьей красотой пошла» [3]).

4) Дружина молодого по дорогѣ къ дому невѣсты видѣла два стада гусей и лебедей; напрасно ихъ «не имала, по крылышку не пе-

[1]) Нерехт., у., Блазновск. вол., погостъ Флоры.
[2]) Кинешем. у., Георгіевск. вол., село Георгіевское.
[3]) Кинешем. у., село Пуминово.

ревязала, чтобы они не трепехтались, у невѣстушки сердце не подрывалось» [1]).

5) У свата есть четыре сада: «въ первомъ садѣ вишенье, въ другомъ садѣ виноградъ, въ третьемъ садѣ соловей птица, въ четвертомъ садѣ гуляла красная дѣвица. Не стало красной дѣвицы, не кому накормить соловья птицы».

6) «Дѣвья красота» гораздо лучше и дороже «бабьей красоты». «Ужъ какъ бабья-то красота на печи въ углу валяется, въ портянки-то увивается, въ лапти обувается, за водой собирается, идетъ запинается, говоритъ задыхается; а дѣвья-то красота моется, намывается, гулять на улицу собирается, черезъ улицу идетъ, какъ аленькій цвѣточикъ цвѣтетъ [2]).

Вотъ для примѣра одинъ изъ наговоровъ второго рода, достаточно характеризующій остальные.

Бѣлая березынька раскужлявается,
Дѣвья красота подымается
Отъ печи отъ кирпичныя
Отъ дѣвушки горемычныя,
Изъ-за столбика точенаго,
Изъ-за брусика злаченаго,
Изъ-за грядочки сосновыя,
Изъ-за переборочки тесовыя,
Изъ-за навѣсочки шелковыя,
Отъ дѣвушки сговореныя.
Пораздайся, народъ, разступися народъ!
Дѣвья красота идетъ,
Не одна она идетъ, ее дѣвица несетъ,
По полу иду, по тесовому иду,
По полу ступаю, половички считаю,
По полику по тесовому,
Ко столикамъ ко дубовыемъ,
Ко скатертямъ ко браныемъ,
Ко ѣствицамъ ко сахарныемъ,
Ко напиточкамъ медвяныемъ,
Ко ложечкамъ кленовыемъ,

---

[1]) Костром. у., Гридинск. вол., дер. Першутино.
[2]) Костром. у., Чалпановск. вол., дер. Чалпаново.

Ко солоночкамъ точеныемъ,
Ко вилочкамъ злаченыемъ,
Ко ножичкамъ булатныемъ.
Ко всѣмъ гостямъ пріятныемъ.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Вы на меня на дѣвушку
Не очень пристально смотрите—
Меня дѣвушку не пристыдите,
Какъ бы мнѣ дѣвушкѣ не застыдиться—
Къ печкѣ бы не отворотиться,
Ко дверямъ бы не поклониться,
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Вы пріѣхали изъ стороны-то
Не грошевыя, а рублевыя,
Да намъ не дороги рубли,
Кабы дѣвушка жила;
А вотъ пришелъ несчастный случай:
Сѣла дѣвица за столъ—
Дѣвью красоту на столъ.
Дѣвья красота на столъ становится,
Разная рѣчь тутъ говорится.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
У вашего то сватушки
У невѣстинаго то батюшки
Подъ окошечкомъ то есть садъ,
Во саду то цвѣли цвѣтики,
Ваша то невѣстка, а наша то подружка
Въ садочкѣ гуляла, цвѣточки срывала,
Дѣвью красоту соблюдала,
Намъ дѣвушкамъ сорядити ее приказала.
Мы дѣвушки, подруженьки,
На горочку по елочку ходили,
Ручки съ ножкамъ признобили,
По башмачкамъ износили,
По чулочкамъ истоптали,
По перчаткамъ изорвали,
Дѣвью красоту рядили,
Мы недѣльку меледили,

Свѣчи засвѣчали,
Три минуты продолжали;
Дѣвья красота стоитъ красуется;
На нее люди любуются:
Алымъ ленточкамъ изувѣшана,
Крупнымъ жемчугомъ изунизана,
Золотымъ перстнямъ изуздевана,
Восковымъ свѣчамъ изуставлена.
Каждая свѣча гривенникъ дана,
Верхняя свѣча полтинничекъ дана.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Дружка съ полудружьемъ,
Тысяцкій молодой,
Тысяцкій молодой съ раскладистой бородой,
Щечки литыя, куделечки витыя,
Взгляды дорогіе! Дай ко знать,
Какъ новобрачнаго князя назвать.
(Тысяцкій называетъ жениха).
Кланяюсь я сахару бѣлому,
Винограду спѣлому, яблоку наливному,
Гостю дорогому Ивану Петровичу.
На дѣвью красоту ты погляди,
Верхнюю свѣчку присмири,
Насъ дѣвушекъ подари.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Шубы то на васъ долги,
Тулупы то добры,
Карманы то до пятъ—
Накладите намъ рубликовъ пять;
Не съ тѣмъ, чтобы рубликовъ семь,
А по мощи—по силѣ хоть рублика четыре.
Кто положитъ пятачекъ—
Бери его на табачекъ;
Кто положитъ мѣдную копейку—
У того жена злодѣйка,
Кто положитъ мѣдный грошь—
За столомъ то проймета дрожь.
Сахаръ бѣлый, виноградъ спѣлый,

Яблокъ наливной, гость дорогой
Иванъ Петровичъ!
Верхняя то свѣчка неясно горитъ—
Повторить она велитъ.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
У вашего то сватушка,
У невѣстинаго батюшка
Подъ порожкомъ то вѣнички—
Кладите-тко полтиннички;
На избѣ-то землеца—
Кладите чистаго серебреца;
Подъ шкафомъ то стружки—
Кладите полудружья и дружки;
На избѣ то жердочки—
Кладите невѣстины сроднички!
Сахаръ бѣлый, виноградъ спѣлый,
Яблокъ наливной, гость дорогой
Иванъ Петровичъ!
Верхняя то свѣчка неясно горитъ—
Повторить она велитъ.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Дѣвья то красота стоитъ зеленешенька,
Марья то Ивановна молодешенька;
Жила она на чести, жила красовалася;
На нее люди любовалися,
За сто слышали, за тысячу видѣли.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя,
Ѣхали вы чистымъ полямъ,
Темнымъ лѣсамъ, зеленымъ лугамъ,
Подъ чернымъ облакомъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Искали вы селенья, Аверина деревни,
Ивана Ивановича широка двора,
Марьи Ивановны свѣтлой горницы.
Летѣло за вамъ стадо птицъ;
Птичекъ то бы всѣхъ вы переимали,
Крылышки бы у нихъ перевязали,

Чтобы крылышки не трепехтались,
У Марьи Ивановны сердце не надрывалось.
Сватушки пріѣзжіе, свахоньки любезныя!
Какъ бы мнѣ дѣвушкѣ
Стоять да не позастояться,
Глядѣть бы не позаглядѣться,
Не протянуть бы день до вечера.
День до вечера, до сумеречекъ,
До заката красна солнышка,
До восхода свѣтла мѣсяца,
До разсыпу частыхъ звѣздочекъ!
Пора—времячко коротается,
Дѣвья красота со столика снимается;
Графинъ водочки наливается,
Серебряной пробочкой затыкается.
Дѣвья красота со стола—
Наша подруженька со двора.
Со двора она сходила,
Дѣвьей красоты не находила;
Дѣвья красота колебалася,
Объ сыру землю ударялася.
Въ сине морюшко опускалася,
За ковыль траву хваталася:
Ковыль травонька обрывалася—
Дѣвья красота на денышко погружалася[1]).

Горе невѣсты при выходѣ замужъ раздѣляютъ и подруги ея; разсказываютъ онѣ объ испугѣ невѣсты при видѣ многихъ гостей, на дворъ въѣхавшихъ.

Что съ горъ то снѣги таяли,
Что изъ-подъ горъ люди ѣхали;
Они всѣ дворы проѣхали,
Къ крестьянину на дворъ въѣхали.
Вороны кони протопали,
Золотымъ уздамъ пробрякали;
Невѣста испугалася,

[1]) Кинешемск. у., Есиплевск. вол., дер. Аверино.

За подруженекъ хорониласъ:
Вы подружки мои милыя,
Схороните меня горькую,
Схороните горемычную;
Вона идетъ погубитель мой!
Погубитъ мою головушку,
Принарушитъ дѣвью красоту,
Надѣнетъ бабье щегольство [1]).

Въ Океанѣ было въ городѣ
Во палатѣ во каменной
На стулѣ рѣшетчатомъ
Противъ зеркала нѣмецкаго
Тутъ сидѣлъ добрый молодецъ
Митрофанъ Степановичъ;
Чесалъ онъ русы кудри
Частымъ мелкимъ гребешкомъ,
Чесалъ—приговаривалъ:
Прилегайте, кудерцы,
Прилегайте, русые,
Къ моему лицу бѣлому,
Къ бѣлому румяному,
Привыкай-ка дѣвица,
Къ моему уму разуму,
Къ нраву молодецкому!
Нашей милой дѣвицѣ
Не по нраву казалося
И привыкать не хотѣлося.
Расшаталася грушица,
Въ саду передъ яблоней;
Расплакалася дѣвица
Парасковья Антоновна
Передъ роднымъ то тятенькой,
Передъ родною маменькой:
Государь мой, тятенька
И родимая маменька!

---

[1]) Костром. у., Гридинск. вол., дер. Першутино.

Нельзя ли милости сдѣлати
Эту думу отдумати
И мою свадьбу отложити?
Ужъ ты свѣтъ, наше дитятко,
Парасковья Антоновна!
У насъ дѣло ужъ сдѣлано:
По рукамъ у насъ ударено
И перстнями спромѣняно,
Только сѣсть да поѣхати,
Только встать—обвѣнчатися
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ,
Молодцемъ Митрофаномъ Степановичемъ [1]).

Женихъ дорожитъ невѣстой, и вотъ узнавъ, что его «ладушка» уплыла за море, пустился за ней въ догоню.

На лугу, лугу, лугу,
На зеленомъ на лугу.
Ой-ой-ой-ой-охъ ты мнѣ! (припѣвъ)
На травѣ на муравѣ,
На лазоревыхъ цвѣтахъ (припѣвъ)
Испостроена кровать,
Кровать нова тесовая,
Перинушка пуховая. (припѣвъ)
Штё на этой на перинѣ
Милой ладушка лежитъ, (припѣвъ)
Милой ладушка лежитъ,
Что Ондрій осподинъ,
Сынъ Микифоровичъ. (припѣвъ)
Кругомъ кровати люди ходятъ,
Все Ондрія люди будятъ: (припѣвъ)
Ты, Ондреюшко, встань!
Сынъ Микифоровичъ, обудись! (припѣвъ)
На сине море корабль
Съ милой ладушкой ушелъ, (припѣвъ)
Съ Маревьянушкой душой
Съ дочкой Яковлевной. (припѣвъ)

[1]) Солигаличск. у., усадьба Притыкино.

Ищо встати было,
Поглядѣти было? (припѣвъ)
Рѣзвы ноженьки бѣгите,
Бѣлы рученьки гребите,
Милу ладушку берите,
Дочку Яковлевну! (припѣвъ) [1])

Прилеталъ къ невѣстѣ младъ ясенъ соколъ, поютъ дѣвицы на сговоркахъ, но невѣста не хотѣла его приголубить:

Какъ у Аннушки на сговорочкахъ,
Какъ у Ѳедоровны на дѣвичникѣ
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Сизокрылчатый садился на окошечко
На серебряную лавочку.
Увидала его матушка,
Говорила своему дитятку:
Ты родимое мое дитятко!
Ты привѣть ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!
Ужъ я рада бы привѣтила:
Мое сердце напугалося,
Ретивое надорвалося,
Ноженьки подогнулися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Голова съ плечъ покатилася [2]).

Бываетъ, впрочемъ, что невѣста хочетъ поскорѣе ѣхать въ церковь вѣнчаться.

Дорогая въ домѣ гостейка!
Погости въ гостяхъ манехонько
У радушнаго у батюшки,
У радушныя у матушки!
Ужъ я рада бы въ гостяхъ гостить:
Не гостятъ гости пріѣзжіе,
Не стоятъ кони вороные,
Что задумали въ дороженьку

[1]) Ветлужск. у., Новоуспенск. вол., починокъ Малая Козляна.
[2]) Костромск. у., Апраксин. вол., село Апраксино.

Во село то ли во Минское,
Что ко каменной ко паперти
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти,
Златымъ перстнемъ обручатися [1]).

Когда дѣвицы ведутъ невѣсту изъ бани, то въ пѣснѣ высказываютъ сожалѣніе, что отъ стада лебединаго отставала лебедь бѣлая.

Какъ по морю, морю синему
Плыла лебедь съ лебедятами.
Гдѣ ни взялся младъ, ясенъ соколъ,
Взялъ да убилъ лебедь бѣлую.
Воскликали всѣ лебедушки:
Кому у насъ попередъ плыти,
Путемъ правити?
Вдоль улицы, вдоль широкія
Шли гуляли ровно 40 дѣвицъ со дѣвицею.
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ,
Взялъ да увелъ красну дѣвицу.
Восплакали всѣ подруженьки:
Кому у насъ попередъ итти,
Путемъ правити?
Всѣ озера, всѣ глубокія.
Въ тѣхъ озерахъ была рыбица.
Ловили ловцы Зарѣцкіе молодцы,
Ловили, да не изловили:
Видно, они люди глупые,
Вѣрно у нихъ неводъ нитяный.
Ловили ловцы Борщинскіе молодцы,
Они ловили, да изловили:
Видно, они люди умные;
Вѣрно у нихъ неводъ шелковый.
Какъ ко двору ко Степанову [2]),
Ко терему ко Настасьину,
А ко столу къ Акулинину [3]).

---

[1]) Костромск. у., дер. Нажарово.

[2]) Послѣдній куплетъ пѣсни (3 строки) поется у крыльца дома невѣсты; Степанъ—имя отца, Настасья—имя матери, Акулина—имя самой невѣсты.

[3]) Костром. у., Коряковск. вол., село Борщино.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Изъ-за горъ-то, горъ высокіихъ
Тутъ летитъ стадо сѣрыхъ гусей,
А другое лебединое.
Отставала тутъ лебедушка,
Приставала ко сѣрымъ гусямъ.
Сѣры гуси стали щипати,
Лебедка стала кликати:
Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесло меня погодою,
Что погодою—невзгодою [1]).

Жаль невѣстѣ и косы своей—дѣвичья украшенія.

Раструбили трубоньку рано по зарѣ;
Плачетъ дѣвица—жалко по косѣ.
Коса-ль моя, косынька, русая коса!
Коса-ль моя, косынька—дѣвья красота!
По утру то ранешенько матушка плела,
Въ вечеру позднехонько дѣвицы плели,
Алыемъ то ленточкамъ увязали,
Горкимъ то золотомъ увивали,
Чистымъ то серебромъ усыпали.
Васильевы то свахи немилостивы:
Стали эту косыньку рвать порывать,
Раздѣлили косыньку на двѣ косы,
Обвили эту косыньку кругъ головы,
Надѣли на дѣвицу сбойникъ парчевой,
Василій то несетъ кокошникъ золотой,
Надѣли на дѣвицу новойникъ дорогой [2]).

Въ другихъ пѣсняхъ говорится, что гуси слышали, какъ плакала невѣста передъ свадьбой, какъ молодецъ коня поилъ, собираясь въ дальнюю путь—дороженьку.

---

[1]) Костром. у., Пушкинск. вол., дер. Нажарово.

[2]) Варнавин. у,, дер. Большое Ларіоново.

Ужъ вы гуси ли, гуси,
Ужъ вы гдѣ вы, гуси, были?
Ой диво—лелю, ой лада моя!
Ужъ мы были ли, были
У Ондрія на саняхъ,
У Микифоровича на новыхъ.
(припѣвъ).
Ужъ вы штё вы, гуси, чули? (припѣвъ)
Ужъ мы чули ли, чули:
Еленушка плачетъ,
Дочь Ондреевна рыдаетъ, (припѣвъ)
Ко ларчику причитаетъ: (припѣвъ)
Ужъ ты ларчикъ ли, ларчикъ,
Окованная коробка! (припѣвъ)
Ужъ я три года копила,
Все колѣночкомъ давила,
Однимъ часомъ раздарила: (припѣвъ)
Ужъ я свекру ту рубашку,
А свекрови то другую. (припѣвъ)
Жениху то я третьюю, (припѣвъ)
Я деверьямъ по платочку, (припѣвъ)
Я снохамъ то по повязкѣ, (припѣвъ)
А золовонькамъ по связкѣ, (припѣвъ)
Ужъ я теткамъ по покромкѣ (припѣвъ)
А сусѣдкамъ по поклону, (припѣвъ)
Я подружкамъ по спасибу. (припѣвъ) [1])

Мимо батюшкова терему,
Мимо матушкиной горенки
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазуревые.
Невеличка птичка ласточка
Сине море перелетывала,
Что садилаль вольна пташечка
Къ красной дѣвкѣ на окошечко;
Слышала вольна пташечка,

---

[1]) Ветлужск. у., Нсвоуспен. вол., починокъ Малая Козляна.

Что красная дѣвка плакала,
За стараго мужа идучи,
За младымъ то не бываючи,
За холостымъ не живаючи.
Какъ старо-ётъ мужъ погубитель мой:
Погубилъ мою буйну голову,
Перевелъ мою дивью красоту,
Мое дивье украшеньице [1]).

Какъ на винной на рѣченькѣ,
На мѣдяноемъ колодчикѣ
Добрый молодецъ коня поилъ,
Коня поилъ, коню рѣчи говорилъ:
Ужъ ты пей-ко, вороной мой конь!
Заутро же тебѣ ѣхати
Что во три пути—дороженьки:
Во перву путь—дороженьку
Въ Ярославль городъ—за зеркальцемъ;
Во вторую путь—дороженьку
Въ Кострому городъ—за мыльцами,
Что за мыльцами, да за бѣлилами,
А во третью путь—дороженьку
Во село то ли во Минское,
Что ко Марьѣ за дубовый столъ,
Ко Михайловнѣ во высокъ теремъ [2]).

Въ самый день свадьбы до или послѣ вѣнчанія дѣвицы поютъ величальныя пѣсни молодымъ и близкимъ ихъ родственникамъ—мужчинамъ, какъ-то: братьямъ жениха и невѣсты, дядѣ жениха, тысяцкому и т. п. Пѣсни заключаютъ въ себѣ похвалу тому, въ честь кого поются, а иногда пожеланіе дѣвицъ получить и награду за пѣніе. Жениху поютъ:

Ищо кто въ пиру хорошенькой,
Да ищо кто въ пиру пригоженькой?
Что хорошъ дорогой нашъ гость,
Что Сергѣй сынъ Ивановичъ:

---

[1]) Костромск. у., Пушкинск. вол., дер. Пажарово.
[2]) Тамъ же.

Голова его расчесаная,
Русы кудри принапудреныя:
Ищо кто эти куделичка завилъ?
Завила мила его сестра,
Ищо Анна свѣтъ Ивановна
Во высокомъ новомъ теремѣ
Подъ косящатымъ окошечкомъ
Золотыимъ веретенечкомъ:
Какъ на эти на куделичка
Сторублевую бы шапочку
Миткалинову шириночку;
Какъ во эту да шириночку
Завязать бы да полтинушку;
Ужъ какъ эту бы полтинушку
Всю раздать бы краснымъ дѣвушкамъ,
Марьюшкинымъ да подруженькамъ.
Когда рѣчушки разольются,
Русы кудри приразовьются,
Разлилися рѣчки быстры по лугамъ,
Развилися русы кудри по плечамъ [1]).

Невѣстѣ поютъ:

Только кто у насъ хорошъ?
Изъ кампаньицы пригожъ?
У насъ Маша хороша,
Черноброва пригожа:
Лицо—бѣлый снѣгъ,
Щечки—алый цвѣтъ;
Какъ на Машѣ то платочекъ—
Точно аленькій цвѣточекъ,
Какъ на Машѣ то платье
Бѣло шелковое:
Какъ на Машѣ то чулочки—
Шленской шерсти со стрѣламъ;
На рученькахъ то перстенья,
Драгоцѣнные каменья,

[1]) Варнавин. у., Туранск. вол., село Турань.

А въ ушкахъ у ней сережки
Брилліантовыя!
Въ брилліантахъ вся сидитъ,
Со улыбкой говоритъ,
Думаетъ дѣвушекъ дарить.
Поскорѣе дари,
А не думаешь дарить,
Мы будемъ говорить—
Во глаза тебя бранить! [1])

Зятю женихова отца:

Кто у насъ моденъ?
Кто великороденъ?
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленой.

Алексѣюшко моденъ,
Онъ великороденъ: (припѣвъ)

По горницѣ ходитъ,
По доламъ гуляетъ, (припѣвъ)

Саногъ надѣваетъ,
Чулокъ не мараетъ, (припѣвъ)

Въ зеркало глядится,
Самъ себѣ дивится: (припѣвъ)

Экой я хорошій;
Хорошъ уродился, (припѣвъ)

Баско нарядился,
Поѣхалъ жениться. (припѣвъ)

На крылецъ выходитъ—
Конь-ётъ виноходитъ, (припѣвъ)

На коня садится—
Конь-ётъ веселится, (припѣвъ)

[1]) Варнавин. у., Туранск. вол., село Башкино.

Тросточкой то машетъ—
Конь-ётъ подъ нимъ пляшетъ, (припѣвъ)

Улицей то ѣдетъ—
Улица то стонетъ, (припѣвъ)

Къ лужкамъ подъѣзжаетъ—
Лужки зеленѣютъ, (припѣвъ)

Къ саду подъѣзжаетъ—
Дѣвицы гуляютъ. (припѣвъ)

Здравствуйте, дѣвицы!
Поѣхалъ жениться (припѣвъ)

Въ деревню Козляну
Къ мужику Ивану, (припѣвъ)

Къ мужику Ивану
По дочь Огрофену. (припѣвъ) [1])

Обоимъ молодымъ: «Не то ли князь молодой Иванъ Капитоновичъ? Не то ли княгиня то его Евдокія Осиповна? Она сидитъ призадумалась и поджала бѣлы рученьки, подхватила ретиво свое сердце; умнымъ она умнешенька, нарядным наряднешенька, во отласѣ и во всемъ мелкомъ жемчугѣ, по шеюшкѣ дорогіе янтари, во ушахъ серьги жемчужныя, на рукахъ перстни златые.

У селезня головушка сиза-сиза, пресиза, у Иванушки головушка гладка, у Капитоновича причесаная, чесала его, гладила молодая жена—барыня Евдокія-то Осиповна.

Стелется—вьется хмель по рѣкѣ: хвалится, возносится Иванъ своей женой: у меня Евдокіюшка очень хороша, Осиповна высушила своею походочкой басковою, живою рѣчью ласковою.

По горницѣ—горницѣ, по новой свѣтлицѣ ходила гуляла молодая барыня Евдокія Осиповна: въ рукахъ она носила два яблочка модныя, два цвѣточика лазоревые, подходила къ окошечку, глядѣла въ окошечко: что свѣтелъ ли свѣтелъ мѣсяцъ, что веселъ ли мой милый другъ Иванъ Капитоновичъ: онъ сидитъ при честномъ пиру, онъ сидитъ—

[1]) Ветлужск. у., Новоуспен. вол., починокъ Малая Козляна.

прохлаждается, молодой женой похваляется: у меня жена барыня, у меня государыня Евдокія то Осиповна очень хороша [1]).

Не забытъ бываетъ дѣвицами и дружка, распорядитель свадебнаго пира: его хвалятъ или надъ нимъ смѣются.

У насъ дружку то захаяли;
У насъ дружка то хорошенькой,
Расхорошенькой, пригоженькой:
Голова у него кудрявая,
А борода его шелковая,
Борода его шелковая,
Что усочекъ то серебряной [2]).

Сидѣлъ дружка на рябинѣ,
Его черти нарядили:
Дружка воръ, дружка воръ,
Дружка воръ, ненажоръ!

Какъ на дружкѣ то кафтанъ,
Чертъ по мѣсяцу напрялъ; (припѣвъ)

Какъ на дружкѣ то перчатки,
Точно маленьки чертятки; (припѣвъ)

Какъ на дружкѣ то шапченка—
Точно галичье гнѣздо; (припѣвъ)

Какъ на дружкѣ то штаны,
Послѣ дяди сатаны: (припѣвъ)

Какъ на дружкѣ то лаптишки,
Чортъ по мѣсяцу наплелъ; (припѣвъ)

Дружка въ избу то вошелъ
Все по воровски глядитъ: (припѣвъ)

Онъ на полочку взглянулъ—
Пирожокъ себѣ стянулъ; (припѣвъ)

Дружка къ печкѣ то взглянулъ—
Ужъ яишенку стянулъ; (припѣвъ)

---

[1]) Галичск. у., Селитск. вол., погостъ Ильинскій.
[2]) Варнавин. у., дер. Большое Ларіоново.

А на печку то взглянулъ—
Лапоточки ужъ стянулъ. (припѣвъ) [1])

Вскорѣ послѣ свадьбы молодые катаются по сосѣднимъ деревнямъ; на дорогѣ ихъ останавливаютъ парни, иногда дѣвицы и произносятъ наговоры; цѣль подобныхъ наговоровъ—получить какъ можно больше поцѣлуевъ отъ молодой. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Стой, конь вороной! Здравствуй, кучеръ молодой! А ты, кучеръ молодой, не стегай коня своей плеткой шелковой по сизымъ бокамъ, по крутымъ бедрамъ, по сѣделочкѣ златой, по всей сбруечкѣ парадной! Дайте своему коню постояти, а мнѣ, доброму молодцу, рѣчь потолковати. Вы, молодой князь, съ широка двора съѣзжали, своему храброму коню наказывали: лети ты, нашъ конь, быстрой стрѣлой горами, долами, чистыми полями, ракитовыми кустами! На ракитовыхъ то кусточкахъ вольны пташечки сидѣли, пѣли, распѣвали, васъ, молодой князь, съ новобрачной княгиней, съ законнымъ бракомъ поздравляли. Вы отъ тѣхъ пташечекъ отъѣзжали, въ наше селенье кататься пріѣзжали. Вы по нашему селенью катались, на васъ люди любовались. Сидѣлъ я, мальчишка, въ новой горенкѣ; въ свѣтлой свѣтлицѣ; у меня въ горенкѣ три окоченки; сидѣлъ я подъ середнимъ окномъ, за дубовымъ столомъ, чай кушалъ, водкой забавлялся, слезами заливался, платочкомъ утирался, на улицу гулять собирался. Надѣлъ рубашечку красну, жилетку атласну, брюки триковы, сапожки козловы. Не успѣлъ я во весь нарядъ снарядиться, на святыя иконы помолиться, услыхалъ на улицѣ звонъ и пошелъ изъ горенки вонъ. Шелъ я мостикомъ, шелъ я новенькимъ, шелъ я спотыкался, за перильчики держался, до частой лѣсенки добирался; и вотъ на перву ступень ступилъ, молитву сотворилъ, на вторую ступень ступилъ, самъ себя пріободрилъ, на третью ступень ступилъ и среди улицы вашего коня остановилъ. Не самъ вашъ храбрый конь всталъ: я, добрый молодецъ, за шелковый поводъ задержалъ, и если будете стегать, то невозможно мнѣ будетъ его держать. Пущу я вашего коня въ чистыя поля, во зелены луга, и будетъ гулять и шелкову травку мять, и некому его будетъ поймать, и то я васъ безсчастными не оставлю: я вашего коня поймаю, уздечкой обнуздаю, тесьменными возжами обвозжаю, поставлю я его на улицу широку, на дорожку столбову подъ синія облака, подъ красны ковры, подъ моржевы ремни, и будетъ

[1]) Юрьевец. у., Нововоскресен. вол., село Башкино.

стоять до темной ночи, до румяной зари, до свѣтлаго мѣсяца, когда молодая княгиня поднимется съ мѣстечка». (Молодая встаетъ и выходитъ изъ саней). «Молодая княгиня изъ лаковыхъ саночекъ выходила, на рѣзвы ножки вставала, на бѣлый снѣжокъ ступала, на праву сторонку заходила, къ молодому князю подходила, съ него шапочку снимала, въ сахарны уста цѣловала» (молодая цѣлуетъ мужа). «Молодая княгиня отъ молодого князя отходила, ко мнѣ, доброму молодцу, подходила. Здравствуй, краса, русы волоса!» (снимаетъ шапку и кланяется). «Щечки твои—листочки, глаза мотылечки, гдѣ я ни былъ, ни гулялъ, такой красы не видалъ. Молодая княгиня! Позвольте мнѣ платочка изъ праваго рукавочка утереться, поправиться, чтобы вашей милости понравиться, а если нѣтъ платка, то у меня и ладошка гладка» (молодая вынимаетъ платокъ и отдаетъ его). «Молодая княгиня! Я, отъ васъ платокъ принимая, уста свои утираю, а васъ съ законнымъ бракомъ поздравляю» (цѣлуются). «Молодая княгиня! Послушайте, что я буду говорить: нельзя ли повторить?» (цѣлуются). «А ты, молодой кучеръ, не стегай коня своего плетью, дай намъ поцѣловаться въ третьи!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! У вашего платка 4 уголка, всѣ они позатерты, поцѣлуй меня разокъ четвертый!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! У вашего то платочка серединочка поизмята, поцѣлуй меня разокъ пятый!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! Еще долго намъ стоять до ужина, поцѣлуй меня въ полдюжины!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! У вашихъ саночекъ оглобельки кривыя, поцѣлуй меня въ седьмыя!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! Теперь времячко холодно: зима не осень, поцѣлуй меня разокъ въ восемь» (цѣлуются). «Молодая княгиня! У вашихъ саночекъ бока поизмяты, поцѣлуй меня разокъ девятый!» (цѣлуются). «Вотъ молодой князь, полюбуйся на насъ, какъ мы будемъ цѣловаться въ десятый разъ!» (цѣлуются). «Молодая княгиня! Былъ я въ гостяхъ, пилъ я не воду, а квасъ, поцѣлуй меня въ одиннадцатый разъ!» (цѣлуются). «Молодая княгиня отъ меня платокъ принимала, въ двѣнадцатый разъ цѣловала» (цѣлуются). «Молодая княгиня отъ меня, добраго молодца, отходила, къ молодому князю подходила, съ него шапочку снимала, въ сахарны уста цѣловала» (цѣлуются). Молодая княгиня отъ молодого князя отходила, къ своему мѣстечку подходила, хотѣла сѣсть, а на ея мѣстечкѣ молодчики есть; она мѣстечко выкупала, молодчиковъ цѣловала (цѣлуетъ). Въ лаковы саночки садилась, а со мною, съ добрымъ молодцомъ не простилась (сядетъ, а потомъ опять идетъ къ на-

говорщику, цѣлуетъ его, потомъ отходитъ и садится въ сани). Вотъ молодой кучеръ плеткой машетъ, подъ нимъ конь пляшетъ, ножками сѣменитъ, колокольчикомъ звенитъ, въ путь дороженьку бѣжитъ; вотъ вамъ путь дорожка: въ нее вамъ отправляться, а намъ здѣсь оставаться»[1]).

Если вообще форма литературнаго произведенія находится въ тѣсной зависимости отъ его содержанія, то въ свадебныхъ причитаніяхъ это какъ нельзя болѣе замѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ содержательнѣй пѣсня, тѣмъ и форма ея изящнѣе, и наоборотъ: плачи самой невѣсты, а иногда и подругъ ея, отличающіеся богатствомъ содержанія, по размѣру и особенностямъ стиля несравненно выше наговоровъ дружекъ и дѣвицъ-подругъ, выносящихъ «дѣвью красоту». Доказывать эту мысль нѣтъ, я думаю, никакой надобности, такъ какъ это прямо видно изъ приведенныхъ ранѣе многочисленныхъ причитаній и пѣсенъ.

Свадебныя причитанія нашего края помимо своего богатаго содержанія и массы поэтическихъ образовъ, уподобленій и символовъ, отличаются еще одной особенностью. Всѣ они за самыми рѣдкими исключеніями органически связаны другъ съ другомъ. Въ нихъ красною нитью приходитъ одна общая мысль о нежеланіи дѣвушки скоро выходить замужъ, что объясняется почти безправнымъ семейнымъ положеніемъ женщины крестьянки вообще, а молодухи въ частности. Блестящимъ образомъ подтверждаютъ они мнѣніе поэта, сказавшаго:

«Доля ты русская, долюшка женская!
Врядъ ли тяжеле сыскать!»

Да это и неудивительно: свадебныя причитанія это отголоски еще недавняго прошлаго, ближайшій результатъ вѣкового рабства народнаго, когда крѣпостное право налагало свою тяжелую руку на положеніе крестьянина, когда родители помимо воли дѣтей заключали между послѣдними брачные союзы, когда мужъ въ семьѣ крестьянской былъ неограниченнымъ деспотомъ, а жена его безотвѣтной рабыней. Поэтому то про дѣвушку поется въ одной пѣснѣ:

---

[1]) Нерехтск. у., гор. Плесъ

«Молоденьку меня замужъ выдавали,
Да со мной то со младой воли не дали».

Про мужчину въ другой пѣснѣ:

«Безъ меня, меня женили:
Я на мельницѣ былъ;
Пріѣзжаю я домой—
Меня подчуютъ женой.

Это время, какъ видно изъ причитаній, не миновало еще до извѣстной степени и теперь. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе настушилъ тотъ моментъ, когда истинная культура заглянетъ въ захолустья нашего края и вернетъ русской крестьянкѣ то положеніе, которое ей принадлежитъ по праву въ великой семьѣ народной, согласно точному смыслу христіанскаго ученія!

Помѣщенныя въ настоящемъ докладѣ пѣсни и наговоры записывали слѣдующія лица:

Костромской уѣздъ—В. А. Андрониковъ, С. А. Парійская, А. И. Мухинъ, А. Г. Груздева, Е. И. Лундышева, І. Д. Преображенскій.

Кинешемскій уѣздъ—Л. А. Лебедева, Л. А. Анагорская, В. А. Андрониковъ, Н. Н. Вознесенская.

Юрьевецкій уѣздъ—П. Никольскій и Е. Розова.

Макарьевскій уѣздъ—І. Орловскій и Н. Е. Соколовъ.

Кологривскій уѣздъ—Н. И. Новгородскій, А. Н. Румянцева, Н. С. Скобелевъ, О. Н. Покровскій.

Чухломскій уѣздъ—А. Дмитревскій.

Ветлужскій уѣздъ—П. Г. Сироткинъ, О. Ф. Зайцевъ, О. В. Ильинскій, М. Г. Малининъ, А. Троицкій, П. Дароватовскій.

Галичскій уѣздъ—М. Троицкій.

Варнавинскій уѣздъ— Ст. М. Шаровъ, П. А. Шаманшъ, О. Н. Рождественскій, С. А. Коченковъ, В. Н. Малиновскій.

Солигаличскій уѣздъ—Н. Н. Дробышева.

Нерехтскій уѣздъ—О. А. Виноградовъ, В. А. Андрониковъ, С. Ѳ. Касаткинъ, В. И. Пелтинъ.

В. А. Андрониковъ.

Свадебные крестьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 г.

Всѣ почти свадьбы совершаются у крестьянъ этой волости зимой во время мясоѣда, приблизительно между крещеньемъ и масленицей. Браки весной и лѣтомъ крайне рѣдки и вызываются обыкновенно случаями неотложной необходимости, какъ напримѣръ, смерть у многодѣтнаго крестьянина единственной работницы жены, нравственное паденіе дѣвушки и т. п. Такія свадьбы не отличаются излишествомъ въ угощеніяхъ и совершаются очень скромно. Не то бываетъ зимой, когда въ крестьянской семьѣ есть все необходимое, есть деньги и есть свободное относительно время отъ крестьянскихъ работъ. Свадьбы эти празднуются по нѣскольку дней (отъ 3 до 9) и отличаются богатствомъ и изобиліемъ угощеній.

Главные мотивы брака—заботы объ увеличеніи числа рабочихъ рукъ въ крестьянской семьѣ, отчасти боязнь за нравственное паденіе молодежи и въ рѣдкихъ случаяхъ любовь. Замужъ выходятъ начиная съ 16 лѣтъ и преимущественно до 23-хъ. Послѣ этого возраста рѣдко вступаютъ въ бракъ и такихъ очень немного, называютъ ихъ въ деревняхъ «вѣкоушами». Женятся съ 18 лѣтъ, хотя есть случаи вступленія въ бракъ и ранѣе, но это рѣдкое исключеніе. Въ возрастѣ 24-хъ лѣтъ и болѣе въ деревняхъ рѣдкость встрѣтить холостого парня. Старыхъ холостяковъ среди крестьянъ или пожилыхъ незамужнихъ женщинъ почти нѣтъ, такъ какъ женщина въ крестьянствѣ не служитъ обузой, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Главныя заботы и участіе въ организаціи сватовства и свадьбы выпадаютъ на долю родителей. Когда отецъ или мать видятъ, что надо сына женить, то обыкновенно говорятъ ему объ этомъ, при чемъ указываютъ на тѣ причины, кои вызываютъ женитьбу. Въ настоящее время, какъ и въ старину, въ большинствѣ случаевъ сами родители подыскиваютъ невѣсту и рѣдко самъ сынъ заявляетъ, что невѣсту себѣ уже при-

смотрѣлъ. Начинается сватовство. Обычно сватами бываютъ ближайшіе родственники жениха, не исключая и отца. Мать вдова ѣздитъ рѣдко, хотя подобные случаи бываютъ. Сваты одѣваются въ праздничныя одежды, надѣваютъ хорошую сбрую на лошадей и ѣдутъ, помолившись, уже по намѣченному пути свататься. Пріѣхавъ въ желаемую семью, сваты входятъ въ избу, крестятся, здороваются и одинъ изъ нихъ говоритъ: «Пришли къ вамъ не кумиться, не брататься, а пришли посвататься: у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ». Если все сватамъ благопріятствуетъ и женихъ желательный, то ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ чаемъ, виномъ и яичницей. Чай обыкновенно разливаетъ невѣста, при чемъ ее тутъ же спрашиваютъ о согласіи. Если невѣста согласна, то приступаютъ къ рядѣ приданаго, которое бываетъ отъ 3 до 50 руб. и болѣе. Бывали случаи, что сватовство разстраивалось изъ-за жилетки, которую родные невѣсты не соглашались дать жениху. Во многихъ случаяхъ пишутъ рядную приданому, въ которой все приданое перечисляютъ и указываютъ стоимость каждой вещи. Въ этотъ же разъ назначаютъ день рукобитья, когда окончательно должны рѣшить дѣло. При удачномъ выполненіи своей миссіи сваты получаютъ залогъ отъ невѣсты жениху въ видѣ платка, шарфа и т. п. При неудачѣ, послѣ объявленія сватами о цѣли пріѣзда, ихъ не угощаютъ и даже иногда, не слѣзая съ печи, отвѣчаютъ, что такихъ жениховъ не желаютъ или еще не думаютъ отдавать дочь въ замужество. Рукобитье заключаетса въ томъ, что приходятъ снова сваты въ домъ къ невѣстѣ, куда на этотъ разъ собирается много народу, и приходятъ подруги невѣсты. Сваты садятся за накрытые столы, на которые хозяева ставятъ яичницу, блины, вино и хлѣбъ. Когда все это поставлено, сваты поднимаются, заворачиваютъ въ правыя полы своихъ поддевокъ правыя руки и ударяютъ нѣсколько разъ по рукамъ, такъ же завернутымъ въ поддевку, сватамъ со стороны невѣсты, которыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ отецъ или дядя, а иногда и братъ невѣсты. Послѣ этого молятся, цѣлуются и садятся за угощеніе. Начинаютъ раздавать дары: жениху полотенце, кисетъ съ приданными деньгами, свекру полотенце, свекрови посылаютъ рукава и повойникъ или сборникъ (головной уборъ замужнихъ женщинъ) и сватамъ дарятъ тоже по полотенцу. Получивши дары, сваты тутъ же отдариваютъ деньгами невѣсту и даютъ отъ 1 до 10 руб. и болѣе, смотря по достатку жениха, а подаренными полотенцами опоясываются какъ кушаками и черезъ плечо, что

дѣлаютъ и въ дни брачныхъ торжествъ въ доказательство домовитости и рукодѣльности невѣсты. Невѣста въ это время садится около печки и начинаетъ *голосить или вопить:*

«Запоручилъ кормилецъ батюшка
За поруки за крѣпкія,
За крѣпкія—вѣковѣчныя.
Не гніютъ эти поруки не ржавѣютъ,
А живутъ до гробовой доски».

Собравшіяся дѣвушки на рукобитьѣ, послѣ раздачи подарковъ, поютъ слѣдующее:

«Ты измѣнъ наша измѣнница,
Измѣнила краснымъ дѣвушкамъ!
Говорила: замужъ не пойду,
Говорила: не подумаю
Ни за князя, ни за барина,
А сама пошла задумала
За Алексѣя Ивановича (имя жениха).
Не кладу я млада жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку,
А кладу я млада жалобу,
Я на свата приговорщика.
Какъ ходилъ онъ къ намъ частехонько,
Говорилъ рѣчи гладехонько:
Онъ хвалилъ чужую сторону:
Какъ чужая то сторонушка,
Она сахаромъ усѣяна,
Медовой сотой поливана.
Не жила млада—не вѣдала,
Пожила млада, спровѣдала,
Чужая то сторонушка
Она горемъ усѣяна,
Горючими слезами усыпана
И кручиной огорожена».

Послѣ этой пѣсни сваты и народъ расходятся по домамъ.

Начиная съ этого дня, невѣста утромъ и вечеромъ каждый день до свадьбы вопитъ или голоситъ такъ:

«Ахъ, я сяду подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косящато.
Ты заря ли моя зоренька,
Ты заря ли моя утренняя!
Ты зачѣмъ рано загораешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька, повыспаться
У своево родима батюшки,
У своей родимой матушки».

Если у невѣсты нѣтъ отца и матери, то она перечисляетъ тѣхъ родныхъ, у которыхъ живетъ.

Вечеромъ голоситъ такъ:

«Ахъ, какъ сяду я подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косящато.
Ты заря ли моя, зоренька,
Ты заря-ль моя вечерняя!
Зачѣмъ рано занимаешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька,
Посидѣть у родна батюшки,
У родимой своей матушки».

Сирота невѣста добавляетъ:

«Запою я сиротинушка
Звонкимъ голосомъ серебрянымъ:
Ты раздайся, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родимый батюшка,
Ты возстань, родима матушка,
Благословите дитятко,
Дочьку—горьку сиротинушку,
Спасомъ образомъ пресвѣтлымъ,
Богородицею матушкой».

Во время дня невѣста каждую посѣтительницу изъ подругъ встрѣчаетъ, здоровается и, кладя голову ей на плечо, такъ голоситъ:

«Здравствуй, милая подруженька!
А ты знаешь ли про мое горе крѣпкое?
Запоручилъ меня родимый батюшка,
Запоручила родна матушка,

Въ чужу дальнюю сторонушку,
За поруки вѣковѣчныя».

Или такъ:

«Ахъ, скажи, желанна тетушка,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ за порукою
У чужого отца матери?
Каково, моя голубушка,
Угождать имъ да услуживать?».

Посѣтительница отвѣчаетъ такъ и тоже голоситъ:

«Тяжко, тяжко, другъ мой миленькій,
Тяжко жить намъ во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ незнакомыихъ,
У чужого отца съ матерью.
Насидишься во чужихъ людяхъ
На концѣ стола дубоваго,
Понаплачешь ясны оченьки
Горючьми слезами горькими».

Всѣ дни до свадьбы какъ семья невѣсты, такъ и семья жениха усиленно занимаются приготовленіями къ вѣнцу и работой приданаго. Женихъ выправляетъ необходимые письменные документы, на что идетъ не мало времени и денегъ.

Въ зимній свадебный сезонъ, т. е. мясоѣдомъ до масленицы, въ деревняхъ по вечерамъ устраиваются такъ называемыя «посѣдки» или «святки». Нанимается молодежью изба, собираются въ ней дѣвицы и парни и проводятъ время въ пѣсняхъ, пляскахъ, угощеніи; разсказываютъ сказки и прибаутки. Дѣвицы обыкновенно являются на посѣдки съ работой, напр., съ прялкой, шитьемъ и т. п. Угощеніе—наливку, орѣхи, конфеты, пряники и заѣдки—покупаютъ парни. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья и сарафаны, которые еще по сіе время въ деревняхъ сохранились, хотя измѣнили нѣсколько свой старинный покрой. Невѣста почти всегда бываетъ на посѣдкахъ, гдѣ и имѣетъ свиданіе съ женихомъ, который привозитъ обыкновенно угощеніе дѣвицамъ и невѣстѣ. Такъ проходитъ время до дѣвичника, устраиваемаго въ домѣ невѣсты, и парничника—въ домѣ жениха. Дѣвичникъ и парничникъ—это дни прощанія жениха и невѣсты съ

своей холостой и дѣвической жизнью. Невѣста въ день дѣвичника съ своими подругами отправляется въ баню, которую въ этотъ разъ топитъ или самая любимая подруга ея или родная сестра. Невѣсту моютъ или парятъ подруги, за что она ихъ вечеромъ угощаетъ чаемъ, ужиномъ, сусломъ и разными заѣдками. Въ этотъ же день утромъ подруги заплетаютъ невѣстѣ косу, вплетая въ волосы яркія ленты и и тряпки, а вечеромъ въ банѣ расплетаютъ ее и каждая дѣвица получаетъ въ подарокъ по лентѣ или коснику. Невѣста при этомъ причитаетъ такъ:

«Ты поди-ка, поди, Марьюшка,
Ты поди-ка, свѣтъ Захаровна,
Расплети-ка ты мою косу
Во остаточки въ послѣдочки».

Лѣтъ 15—20 тому назадъ дѣвичникъ во многихъ семьяхъ справлялся такъ. Когда баня была готова, то одна изъ подругъ шла къ невѣстѣ въ избу и, отворяя дверь, приговаривала на распѣвъ такъ:

«Отворю я млада двери на пяту,
Положу я млада руку на скобу,
Ты пожалуй-ко, сестрица моя,
Ты пожалуй-ко, желанная,
Во паровую во баенку,
Ко зеленому ко вѣничку,
Смою я твою слезиночку
Съ ретива сердца гориночку».

Невѣста отвѣчала на это:

«Ахъ, спасибо тебѣ, сестринька,
За привѣтливое ласково словцо,
За паровую за баенку».

Послѣ этого пришедшія подруги расплетаютъ невѣстѣ косу, а невѣста должна была плача приговаривать:

«Ахъ, вы душеньки, подруженьки,
Вы голубушки сердечныя!
Не треплите мою русую косу,
Вы не рвите волю дѣвичью!»

Съ расплетенной косой невѣста подходитъ къ отцу и матери или ближайшему родственнику и голоситъ такъ:

«Ты родимый соколъ батюшка,
Голубинька моя матушка,
Поглядите вы на доченьку:
Растрепали косу ейную,
Разорвали волю дѣвичью!»

Послѣ этого невѣста кланяется родителямъ въ ноги и приговариваетъ:

«Благословите меня горькую
Во паровую во баенку,
Ко зеленому ко вѣничку».

Родители благословляли невѣсту, и она шла съ подругами въ баню, при чемъ дорогой пѣлись разныя свадебныя пѣсни. Отдохнувъ послѣ бани, невѣста съ роднымъ братомъ или съ другимъ ближайшимъ родственникомъ шла приглашать къ себѣ на дѣвичникъ гостей; въ каждомъ домѣ кланялась въ ноги и приговаривала:

«Милости прошу на дѣвичникъ мой,
Милости прошу за почестенъ столъ».

А сопровождавшій невѣсту приговаривалъ такъ:

«Милости просимъ къ нашей невѣстѣ
Къ Марьѣ Петровнѣ
Хлѣбъ-соль откушать,
Вечерокъ прокоротать».

Когда гости всѣ собрались, выходитъ невѣста въ праздничномъ нарядѣ, иногда съ цвѣтами на головѣ, кланяется всѣмъ въ поясъ, благодаритъ гостей и усаживается за столъ подъ образа, а на столѣ передъ ней ставятъ чашку деревянную пустую, въ которую кладутъ деньги приходящіе гости (серебряные пятаки и гривенники). Рядомъ съ невѣстой по правую руку садится родная сестра или ближайшая подруга, а по лѣвую остальныя подруги, а потомъ гости. Когда всѣ соберутся, начинаютъ пѣть пѣсни подруги невѣсты:

«При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было времячкѣ:
Какъ у Марьи на дѣвишничкѣ.
Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,

На серебряну причеленку,
На золотую закроинку.
Увидѣла, узрѣла Марьюшкина матушка:
«Ты родимое дитятко,
Привѣчай къ себѣ сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца пріѣзжаго,
Алексѣя, свѣтъ Ивановича».
—Ужъ я рада бы привѣтить сокола,
Языкъ мой не ворочается,
Уста не отверзаются,
Сердце кровью обливается».

Иногда поютъ такой варіантъ той же пѣсни:

«Какъ при вечерѣ, было вечерѣ,
Какъ у Марьи на дѣвишничкѣ,
У Петровны на веселыемъ.
Прилеталъ туда ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На рѣшоточку серебряну.
Что никто то сокола не видалъ,
Что никто то яснаго не высмотрѣлъ.
Высмотрѣла Марьина матушка:
«Мое милое ты дитятко,
Приголубь ты ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
—Ахъ, родимая ты матушка,
Мой языкъ съ нимъ не воротится,
Сердце камнемъ оборотится».

Дальше поютъ пѣсни гостямъ, каждому отдѣльно, и въ пѣсняхъ требуютъ золотой казны. Сначала поютъ невѣстѣ такъ:

«Нареченная княгиня, послушай,
Отецка дочка, догадайся,
За мошоночку принимайся!»

Гостю холостому поютъ такъ:

«Пора тебѣ, Алексѣюшка, жениться,
Твоя то ли сужена повыросла,

Широки платочки повышила,
Скатерти браны повыбрала».

Если долго гости не расплачиваются съ дѣвицами, то, какъ бы задабривая, онѣ поютъ:

«Сергѣй ходитъ по двору,
Захарычъ по широку.
Люди скажутъ, чей такой?
Степанида (жена) скажетъ, мой дворянинъ,
Петровна молвитъ, мой господинъ».

Поютъ и такую пѣсню:

«Ты, Митряшка (или другое имя), кудрява голова,
Не садись-ка ты возлѣ меня.
Что ни возлѣ, ни подлѣ, ни супротивъ меня,
А то всѣ скажутъ, что любишь меня.
Я тебя, Митряшка, не любливала,
Съ тобой въ лѣсъ по малину не хаживала,
Мужа своево малинкой не потчивала.
Какъ пойду я молода,
На широкій дворъ,
Я съ нашести возьму пѣтушка,
Пѣтушка за право крылышко.
Вотъ тебѣ пѣтушокъ
За ночной грѣшокъ;
Ты зачѣмъ рано встаешь
Громкимъ голосомъ поешь
Съ милымъ спать не даешь».

На дѣвичникъ иногда пріѣзжаетъ женихъ, что, впрочемъ, бываетъ рѣдко. Невѣста его встрѣчаетъ молча, низко кланяется, и онъ, въ свою очередь кланяясь низко, садится рядомъ съ ней. Обычно женихъ привозитъ разныя угощенія невѣстѣ и угощаетъ ими ее и подругъ, которыя ему за это поютъ пѣсни:

«Ужъ вы соколы, соколы,
Далеко ли вы летали?
А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.
Чего же вы тамъ видѣли?
Мы видѣли, слышали

Сѣру утицу на заводьѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Сизы-перья разбити,
Горючу кровь пролити.
Ахъ, вы бояре, бояре,
Далеко ли вы ѣздили?
Съ городу на городъ мы ѣздили.
Чего же вы тамъ видѣли?
Красну дѣвицу во теремѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Русу косу расплести,
Горючу слезу пролити».

Поютъ и такую еще пѣсню:

«Ты голубушка, мила сестра Марья Петровна,
Мнѣ сегодняшняя ночь не спалася:
Не спалося, все снилося,
Будто летитъ гусей стадо;
Напередъ то летитъ ясенъ соколъ.
Ты голубушка, мила сестра,
Ты Марія Петровна свѣтъ,
Я твой сонъ разберу разскажу,
Разгадаю его разскажу.
Это не гусей стадо летитъ,
И напередъ то не ясенъ соколъ,
Это Алексѣй то ѣдетъ съ поѣздомъ,
Сергѣевичъ со краснымъ по тебѣ,
По тебѣ-ль, моя голубушка,
По твою ли косу русую;
Ко вѣнчанью поведутъ тебя,
Косу на двѣ расплетутъ тебѣ
И снохою назовутъ тебя,
Какъ женою Алексѣевой».

Послѣ ужина гости и женихъ разъѣзжаются по домамъ, а невѣста, оставшись одна съ своими, начинаетъ голосить такъ:

«Ахъ, ты батюшка родимый мой,
Ахъ, ты матушка родимая,
Благословите вы меня молоду,
Отдать свою дѣвичью красоту!»

Кончая этотъ приговоръ, невѣста кланяется родителямъ въ ноги, а тѣ ее благословляютъ.

Парничникъ или мальчишникъ справляется женихомъ такъ. Въ этотъ день женихъ съ товарищами идетъ въ баню, куда захватываютъ съ собой водки, пива и закусокъ. Пѣсенъ и причитаній никакихъ нѣтъ. Придя въ баню, пьютъ водку и закусываютъ; на каменку льютъ пиво и жениха моетъ одинъ изъ товарищей. Прійдя изъ бани, жениха подстригаютъ немного и женихъ вмѣстѣ съ однимъ изъ дружекъ или шаферовъ отправляется по сосѣдямъ и знакомымъ звать на парничникъ къ себѣ, при чемъ, войдя въ домъ сосѣда, приглашаетъ шаферъ такъ:

«Милости прошу къ нашему жениху,
Алексѣю Ивановичу, хлѣба соли откушать
Вечерокъ посидѣть!»

Пригласивъ сосѣдей и гостей, женихъ одѣваетъ праздничную одежду, въ которой будетъ вѣнчаться, и подходитъ къ отцу и матери подъ благословеніе. Отецъ беретъ хлѣбъ съ солью и образъ и, благословивъ сына, передаетъ матери, которая обыкновенно со слезами тоже благословляетъ и передаетъ крестному отцу жениха; такимъ порядкомъ образъ переходитъ изъ рукъ въ руки всей собравшейся родни, которая и благословляетъ жениха, высказывая ему различныя пожеланія. Послѣ этого жениха усаживаютъ за столъ подъ образа; по правую сторону его садится крестный, а по лѣвую братъ или лучшій товарищъ, а потомъ остальная родня и почетные гости. Передъ женихомъ ставятъ пустую деревянную чашку, въ которую каждый изъ гостей, поздравляя жениха, кладетъ по достатку отъ 10 коп. и болѣе, а женихъ каждому гостю, вставая, кланяется три раза въ поясъ. Подаютъ угощенія (водку, пиво, пироги), и начинается пиръ, во время котораго собравшіяся женщины, а иногда и дѣвицы съ товарищами жениха поютъ пѣсни. Поютъ уже приведенную выше пѣсню «Ужъ вы соколы, соколы», потомъ поютъ:

«Алексѣева то матушка
Въ воскресенье вспородила;
Въ воскресную заутреню снаряжала,

Снаряжала его матушка жениться,
Говорила ему, наказывала:
Ты пойдешь, мое дитятко, жениться,
Ты прійдешь на тестевъ дворъ;
Не пускай-ка коня по двору,
Ты отдай-ка коня конюхамъ,
Чтобы свелъ онъ на конюшенку;
Ты взойдешь во высокъ теремъ,
Ты не долго Богу молися,
Не низко тестю кланяйся;
Примѣчай-ка свою сужену,
Свою сужену-ряжену.
Что твоя то ли сужена,
Сидитъ она невесела,
Буйну голову повѣсила,
Руса косынька расчесана,
По плечамъ ея разбросана».

Поютъ и такую пѣсню:

«Воску ярова свѣчи теплются,
Алексѣй то Богу молится,
Со слезами низко кланяется.
Увидала, узрѣла Алексѣева матушка:
«Ты родимое дитятко,
Ты о чемъ же Богу молишься,
Со слезами низко кланяешься?»
—Ужъ и какъ же мнѣ не плакати:
Мнѣ дорога будетъ дальняя,
Поѣзжане будутъ пьяные,
А кони будутъ игривые,
Игривые, вертливые;
Потеряютъ мою суженую
По ухабамъ по глубокіимъ,
По раскатамъ по широкіимъ».

Если женихъ сирота, то поютъ:

«Ты рѣка ли, наша рѣченька,
Ты рѣка ли наша быстрая,
Ты течешь не колыхнешься,

Со желтымъ пескомъ не возмутишься.
Во тебѣ ли моя рѣченька
Много каменья жемчужнаго,
Одного нѣтъ дорога камня.
У Алексѣя гостей много,
Все бояре со боярынями,
Все князья то со княгинями,
Одного нѣтъ дорога гостя,
Дорога гостя-батюшки.
Погодите люди добрые
Подвигать столы дубовые:
Подъ окошкомъ что то стукнуло,
У калитки кольцо брякнуло:
Не кормилецъ ли батюшка,
Не несетъ ли Спаса образа
Благословеніе великое».

Поютъ и еще пѣсню:

«Среди то было горницы столовой,
Алексѣй играетъ во цимбалы,
Ивановичъ во звончаты.
Подошедши Марьюшка выслушивала,
Подошедши Петровна выдумывала:
Что это цимбалушки возговорили?
Говорили цимбалушки звончатые:
Свекра то велятъ звать батюшкой,
Свекровь то велятъ звать матушкой,
Деверьевъ то велятъ звать милыми братцами,
Золовокъ то велятъ звать милыми сестрицами,
Алексѣя то велятъ звать милымъ дружкомъ,
Онъ мнѣ милѣе роду-племени»!

Кромѣ этихъ пѣсенъ поютъ еще и плясовыя, подъ которыя собравшаяся молодежъ пляшетъ. Чаще можно слышать изъ плясовыхъ такія:

«Я по жерздочкѣ шла,
Я по тоненькой, по еловенькой,
Только жерздочка гнется, не ломится.
Хорошо съ милымъ водиться,

Ночьки темны коротать.
Ахъ ты Ванюшка, мой разлапушка,
Позвала бы тя на ночьку,
Повадишься ходить;
Положила бы на рученьку,
Разоспишься, не проснешься».

Или такую:

«Ахъ, не сырой ли то дубъ разгорается,
Ай люли, ай люли, разгорается;
Ужъ не мой ли то мужъ размогается,
Ай люли, ай люли, размогается.
Я пойду молода ко милу дружку,
Ай люли, ай люли, ко милу дружку.
Ко милу дружку, ко Иванушкѣ,
Ай люли, ай люли, ко Иванушкѣ.
Ты Иванушка дружокъ, чего хочется?
Ай люли, ай люли, чего хочется.
Сладкой водочки ли, чаю, или кофею?
Ай люли, ай люли, или кофею.
Я хочу, я прошу студеной воды,
Ай люли, ай люли, студеной воды.
Студеной воды со Дунай-рѣки,
Ай люли, ай люли, со Дунай-рѣки».

Еще поютъ плясовую пѣсню такую:

«Ахъ во лузяхъ, ахъ во лузяхъ,
Какъ во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ.
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Я во тѣхъ лузяхъ выкормлю коня,
Ужъ я выкормлю, выглажу его.
Я надѣну золотые удила,
Подведу коня я къ батюшкѣ.
Ужъ ты батюшка родимый мой,
Гдѣ вскормить мнѣ своево ворона коня.
Ужъ я выкормлю выглажу его.
Ахъ какъ волузяхъ, зеленыихъ лузяхъ» (и опять начинается съ начала). Подъ пѣсни хотя и пляшутъ, но въ послѣднее время

рѣдко, а чаще подъ гармонію, которая найдется въ каждой деревнѣ. Послѣ ужина, продолжающагося довольно долго и сопровождаемаго довольно значительнымъ угощеніемъ водкой, гости часовъ около 11-ти вечера разъѣзжаются по домамъ.

День свадьбы въ семьяхъ какъ жениха, такъ и невѣсты полонъ приготовленій и хлопотъ, которыя заканчиваются часамъ къ 9-ти или 10-ти утра. Тутъ приготовляются и кушанья и закуски, разливается водка и пиво, прибираются въ избѣ и приготовляются къ поѣзду, т. е. къ поѣздкѣ жениха и невѣсты къ вѣнцу. Въ этотъ день назначаютъ, кому быть дружкой, поддружьемъ и т. д. и кому вообще слѣдуетъ принять участіе въ свадебномъ поѣздѣ. Одинъ изъ дружекъ назначается старшимъ еще наканунѣ (старшій шеферъ). Въ этотъ день старшій дружка, пріѣдя въ домъ жениха, начинаетъ приговаривать такъ: «Иванъ Ивановичъ (имя крестнаго жениха), повыйдите, повыступите, по свѣтлицѣ пройдите, платочкомъ махните. Вашу честь нареченный князь проситъ быть тысяцкимъ честнымъ». На этотъ вызовъ выходитъ крестный, моетъ руки, крестится и садится за столъ. Потомъ дружка почти въ такихъ-же словахъ выкликаетъ большаго боярина, меньшаго боярина, дружекъ и поддружей, и всѣ перечисленные, выходятъ, кланяются, моютъ руки и садятся за столъ закусывать. Женихъ ничего до вѣнца не ѣстъ и не пьетъ. Собравшіяся дѣвицы поютъ пѣсни и одну спеціально для старшаго дружки, который принимаетъ на себя обязанность угощать водкой и пивомъ собравшихся.

«А кто у насъ удалой, а кто у насъ пригожій?
Павелъ (имя дружки) соколъ удалой,
Ивановичъ пригожій,
Онъ и добръ и пригожъ,
Красныхъ дѣвицъ любитъ.
Дружкой звать, величать,
Старшимъ по прозванью.
Ахъ, ты друженька хорошій,
Ахъ, ты друженька пригожій,
Сахарны уста твои.
Вокругъ тебя поютъ дѣвицы,
До пѣсенъ большія мастерицы,
Подарочка ждутъ».

Дружка беретъ кружку съ пивомъ и опускаетъ туда гривенникъ, тоже дѣлаютъ и тѣ изъ гостей, которымъ дѣвицы поютъ пѣсни, а по-

томъ эти деньги идутъ на подарки дѣвицамъ за пѣсни. Закусивъ, гости встаютъ, и дружка обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «Обернемся, оглянемся по новой горницѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ, братцы. Молодые, усатые, бородатые, благословляйте нашего князя нареченнаго, вашего князя сосѣда любезнаго. Ѣхать намъ добрымъ молодцамъ во путь во дорогу мѣрными верстами, точеными столбами, пріѣзжать намъ въ деревню Заручье (гдѣ невѣста живетъ). Стоятъ наши кони въ чистомъ полѣ, коврами пріодѣты, ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду ключевую; брать намъ сужену ряжену у Петра у Ивановича». Въ дорогу укладываютъ свадебные запасы, водку, пироги, пиво и берутъ образъ, свѣчи, скатерть и солонку. Все это забираютъ большой и меньшой бояре. Запрягаютъ лошадей, надѣваютъ самую лучшую сбрую съ бубенчиками и колокольчиками, а въ гривы и въ хвосты вплетаютъ цвѣтныя тряпки и ленты. Когда все готово, дружка зоветъ всѣхъ благословить князя нареченнаго во путь во дорогу, послѣ чего отецъ, мать и вся родня благословляютъ жениха, высказываютъ ему лучшія пожеланія, и поѣздъ отправляется въ такомъ порядкѣ: впереди на одиночкѣ ѣдетъ дружка съ поддружьемъ, за ними на парѣ женихъ съ тысяцкимъ и провожатымъ, потомъ на одиночкѣ бояре большой и меньшой съ свадебными припасами. Пріѣхавъ къ невѣстѣ, выходятъ и стоятъ у сѣней. Дружка кнутомъ ударяетъ по двери со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Изъ дверей, которыя отворяютъ дружки невѣсты, отвѣчаютъ—«аминь», и тогда поѣзжане всѣ входятъ. Дружка, войдя, начинаетъ такъ: «Прислалъ нашъ князь нареченный про ваше здоровье узнать, про свое разсказать, какъ вы живы, здоровы, а мы всѣ слава Богу». Столъ бываетъ занятъ подругами невѣсты, и потому вошедшимъ приходиться стоять нѣсколько времени у дверей. Дѣвицы начинаютъ требовать съ пріѣхавшихъ подорожную. Дружка на это показываетъ полотенце, на что дѣвицы говорятъ, что полотенце знакомое и шито при нихъ. Потомъ требуютъ отъ дружки, что бы онъ показалъ, что бываетъ краснѣе краснаго солнышка и свѣтлѣе яснаго мѣсяца? Дружка подаетъ имъ образъ, который ставятъ на божницу. На вопросъ «Чего у отца съ матерью въ домѣ не осталось»? дружка указываетъ на жениха. На вопросъ показать самую крутую гору и синее море, дружка подаетъ имъ хлѣбъ и пиво. Послѣ этого съ дружки начинаютъ требовать золотой казны; дружка вынимаетъ мелкіе деньги и одѣляетъ каждую дѣвицу, и только послѣ этого дѣвицы выходятъ изъ-за стола. За столомъ остается братъ невѣсты и требуетъ съ дружки за косу

сестры. Когда дружка уплачиваетъ выкупъ, всѣ пріѣхавшіе поѣзжане съ женихомъ садятся за столъ, при чемъ жениха садятъ съ невѣстой рядомъ и дружка начинаетъ угощать присутствующихъ маленикомъ (пирогъ) и водкой съ пивомъ. Угощая подругъ невѣсты, говоритъ: «Дѣвицы-пѣвицы, пирожны мастерицы, горшечны пагубницы, угощайтесь въ честь нашего нареченнаго князя съ княгиней». Обращаясь къ ребятишкамъ, безъ которыхъ ни одно деревенское событіе не обойдется и которые почти всегда забираются на печку, чтобы не мѣшать взрослымъ, дружка говоритъ: «Запечнички, запалатнички, гороховы разбойнички, угощайтесь въ честь нареченнаго князя съ княгиней». Дѣвицы въ это время поютъ пѣсни:

«Отвалилася вѣточка
Отъ сахарна древичка,
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.
Приставала лебедушка,
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси щипати,
А бѣла лебедушка кликати:
«Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла.
Занесли меня вѣтры буйные».

Потомъ поютъ такую:

«Ахъ посадили молодца
Возлѣ нашего золотца.
Ахъ какъ вашъ то молодецъ
Ни однажды не золоченъ,
А наша то дѣвица
Она вдвое, втрое золочена».

Затѣмъ повторяется предыдущая пѣсня съ такими измѣненіями:

«Отвалилася вѣточка
Отъ сахарна древичка,
Отставала Марья, душа-свѣтъ Петровна,
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ.
Приставала ко толпѣ то мужицкой.
Ее стали люди хаяти,
А она стала плакати:

«Вы не хайте, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезъ меня добрый конь и добрый молодецъ,
Алексѣемъ звать свѣтъ Ивановичемъ».

За этой пѣсней слѣдуетъ новая:

«Ахъ не этотъ ли нашъ князь молодой,
Что не этотъ ли нашъ тысяцкой большой,
Онъ сидитъ да во честномъ мѣстѣ,
Во честномъ мѣстѣ на лавочкѣ,
Что вокругъ не соловьи поютъ,
А поютъ вокругъ пѣвицы, души красныя дѣвицы».

Вслѣдъ за этой пѣсней поютъ:

«Нареченный князь, послушай,
Ты, отецкій сынъ, догадайся,
За мошоночку принимайся,
Золота гривна вынимайся,
Насъ пора дѣвицъ подарить,
Намъ на бѣлы на бѣлила,
Намъ на красны на румяна.
Мы дѣвушки новгородски,
Мы живемъ здѣсь при погостѣ;
За водой пойдемъ—набѣлимся,
Со воды прійдемъ—нарумянимся».

Передъ окончаніемъ закуски поютъ такую пѣсню:

«Ахъ родимый батюшка съ родной матушкой,
Умѣли вы дѣтище выростить,
Умѣйте же въ путь дорожку благословить.
Ѣхать намъ путемъ широкіимъ,
Чистымъ полямъ, зеленымъ лугамъ,
Темнымъ лѣсамъ по мѣрнымъ верстамъ,
По темнымъ лѣсамъ по точенымъ столбамъ,
Ко сіянію церковному, что ко звону колокольному.
Благословите златъ вѣнецъ принять
И животворящій крестъ цѣловать».

Послѣ этого всѣ встаютъ. Каждый изъ родныхъ благословляетъ невѣсту по три раза образомъ, всѣ молятся, высказываютъ невѣстѣ и жениху

лучшія пожеланія и ѣдутъ въ церковь. На первой лошади дружка съ поддружьемъ, на вторыхъ саняхъ женихъ съ тысяцкимъ, на третьихъ невѣста со свахой, на четвертыхъ большой и меньшой бояре и на остальныхъ прочяя родня и гости. Мать и отецъ невѣсты и жениха въ церковь не ѣдутъ. Поѣзжанъ въ деревняхъ никто не останавливаетъ, такъ какъ остановить свадьбу считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Женихъ и невѣста кланяются на обѣ стороны встрѣчнымъ и при проѣздѣ по деревнямъ. Невѣста ѣдетъ закрытая платкомъ. Подъѣхавъ къ селу или погосту, поѣзжане всѣ идутъ въ сторожку церковную; здѣсь пишется свадебный обыскъ и производится плата за вѣнчаніе. Когда всѣ формальности окончены, жениха и невѣсту ведутъ въ церковь, куда идутъ и всѣ пріѣхавшіе поѣзжане. Обыкновенно передъ аналоемъ разстилаютъ полотенце или платокъ, на который и становятся женихъ съ невѣстой; женихъ становится съ правой, а невѣста съ лѣвой стороны, при чемъ послѣдняя снимаетъ съ своего лица платокъ. Происходитъ вѣнчаніе, потомъ почти всегда молебенъ. Во время вѣнчанія вѣнцы надѣваютъ жениху и невѣстѣ на голову, а шафера ихъ не держатъ. Изъ церкви всѣ идутъ въ сторожку, гдѣ надѣваютъ молодой повойникъ, т. е. головной уборъ замужней женщины, и молодая кланяется первый разъ своему мужу въ ноги, что означаетъ повиновеніе ему и любовь. Послѣ переодѣванія публика опять немного закусываетъ, выпиваетъ и потомъ всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, при чемъ молодые ѣдутъ вмѣстѣ въ саняхъ жениха. Въ сѣняхъ дома собравшіяся дѣвицы встрѣчаютъ молодыхъ и поютъ:

«Ворота то отворялися,
Вода подливалася,
Три кораблика приплыли,
Первый корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Алексѣю мать говоритъ:
«Ты родимо мое дитятко,
За который корабль приниматися»?
—Мнѣ не надо злата серебра,
А мнѣ надо красна дѣвица».

Дружка первый входитъ въ избу и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ:

«Нашъ князь удалой проситъ встрѣтить его съ княгиней молодой. Чего желали, то и случилось». Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью и осыпаютъ ихъ житомъ, при чемъ отецъ надѣваетъ на себя для встрѣчи овчинную шубу мѣхомъ къ верху. Новобрачныхъ тотчасъ же усаживаютъ за столъ, при чемъ лицо молодой уже не закрываютъ. Дѣвицы начинаютъ пѣть такую пѣсню:

«Не тошно ли тебѣ, Марьюшка,
Не грустно ли тебѣ, Петровна?
По всѣ стороны обсѣла чужая сторона:
По правую сторону князь молодой,
По лѣвую сторону свашенька,
Супротивъ на скамейкѣ бояре.
Сваха съ боярами говорила:
Вы поѣдете, бояре, въ Новый городъ,
Вы купите, бояре, соловейку,
Привяжите соловейку ко краваткѣ,
Чтобы наша соловейка распѣвала,
Чтобы нашихъ молодыхъ разбужала».

Потомъ поютъ такую пѣсню:

«Какъ изъ лѣса, лѣса темнаго,
Вылетало стадо сѣрыхъ гусей,
А изъ за горъ крутыхъ высокiихъ
Вылетало стадо лебедей.
Отставала лебедушка
Какъ отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси обижати,
А лебедушка громко причитати:
Не обижайте меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Занесло дождемъ бурею.
Какъ по улицѣ, улицѣ,
Идетъ веселый табунъ молодушекъ,
А другой то красныхъ дѣвушекъ.
Отставала Марья душа

Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья-душа
Къ молодымъ то молодушкамъ.
Стали надъ ней люди смѣятися.
Вы не смѣйтесь, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня удалы кони,
Что удалы кони Алексѣевы».

Происходитъ обѣдъ, за которымъ принимаютъ участіе всѣ собравшіеся родные и знакомые. Много ѣдятъ, а еще болѣе пьютъ и приговариваютъ, кричатъ горько, послѣ чего молодые должны цѣловаться. При выпиваніи все время бываютъ различные приговоры, какъ напр., дружка, обращаясь къ крестному, говоритъ: «Батюшка тысяцкій, нутетко крякните, въ рюмочку брякните». На это крестный, взявъ рюмку, смотритъ въ нее и говоритъ: «Въ водкѣ то таракапъ съ ушамъ». Послѣ этого молодая беретъ мужа за уши и цѣлуетъ его три раза. Другой кто-нибудь, принимая рюмку, говоритъ: «Что это, въ водкѣ видна плѣшка». Молодая, слыша это должна поцѣловать мужа въ маковку. На замѣчаніе, что въ водкѣ видна рожь, молодая отвѣчаетъ: «мой мужъ хорошъ». На замѣчаніе, что видна дуга, молодая отвѣчаетъ: «я Алексѣя Ивановича слуга». На замѣчаніе, что надо бы въ водку подбавить пшена, молодой отвѣчаетъ: «Марья Петровна моя жена». Послѣ обильнаго обѣда, молодыхъ ведутъ изъ за стола въ особую комнату и, накормивъ ихъ, укладываютъ спать. Гости обыкновенно остаются и продолжаютъ пировать иногда до утра.

На другой день молодыхъ поднимаетъ дружка, а иногда и сваха. Начинается закуска, послѣ которой молодая подаетъ умывать руки свекору и свекрови, кланяясь имъ при этомъ въ ноги. Послѣ этого молодая даритъ родныхъ мужа полотенцами, платками, сборниками, шарфами и т. п. Послѣ раздачи снова садятся за столъ и начинаютъ опять пить и закусывать, при чемъ дружка, наливая рюмку водки, выкликаетъ такъ: (обращается сначала къ отцу и матери, а потомъ и къ остальной роднѣ) «Встаньте на лыжи, подвинтесь поближе, винцо выпивайте, а нашихъ молодыхъ серебромъ надѣляйте». Каждый изъ присутствующихъ, выпивъ рюмку, кладетъ на деревянное блюдо на столѣ деньги, смотря по достатку. Потомъ молодая подметаетъ полъ, заваленный нарочно передъ этимъ соломой. Ей бросаютъ присутствующіе деньги, и она за это каждому кланяется въ ноги. Въ этотъ же день

къ молодой ѣдутъ въ гости на отводины, при чемъ съ молодыми ѣдутъ свекоръ со свекровью и прочіе родственники мужа. Молодые остаются гостить у родныхъ молодой дня 2 или 3. Пріѣхавъ, молодой обращается къ родителямъ жены, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: «Благодарю васъ на всемъ, ваша дочь какъ была въ купели, такъ осталась и теперя». Начинается опять угощеніе—чай, закуска, водка, пиво и сласти. Пируютъ иногда долго за полночь. Послѣ ужина молодыхъ укладываютъ спать отдѣльно въ другой избѣ. На другой день или черезъ два молодые возвращаются домой, и этимъ заканчиваются свадебныя пиршества. Возвращаясь съ отводинъ, обыкновенно молодые захватываютъ съ собой и приданое, которое везетъ дружка. Въ первую субботу молодая топитъ у себя баню и зоветъ въ баню мыться всю родню своего мужа, при чемъ каждому кланяется въ ноги. Этимъ и заканчивается свадьба у крестьянъ Рыбинской волости, и для молодой наступаетъ обыкновенная будничная жизнь.

В. Н. Мальковскій.

Замѣтка о „куричьемъ богѣ“ въ Костромской губерніи.

Наша Костромская Архивная Коммиссія, собирая свѣдѣнія о пережиткахъ сѣдой старины, между прочимъ занялась и коллектированіемъ различныхъ амулетовъ, при чемъ мною было предложено обратить вниманіе и ознакомиться съ такъ называемыми «куриными богами». Сейчасъ вашему благосклонному вниманію представляется небольшая часть «боговъ» изъ обширной коллекціи, находящейся въ музеѣ Коммиссіи, гдѣ число ихъ достигаетъ до 285 экземпляровъ, собранныхъ въ 11 уѣздахъ губерніи (только изъ одного Солигаличскаго уѣзда не имѣется). Начало этому было положено тѣмъ обстоятельствомъ, что находясь по роду своей службы, какъ ветеринарный врачъ, въ постоянныхъ и далекихъ разъѣздахъ по губерніи, нерѣдко слыхалъ, что повальныя болѣзни, опустошающія птичьи дворы, предотвращаются и искореняются «куричьими богами». Понятно, что такое обереганіе домашней птицы отъ гибельнаго мора заставило обратить на сіе особое вниманіе. Конечно, ничего врачебнаго въ этомъ не было констатировано, кромѣ грубаго суевѣрія—пережитка давнопрошедшаго времени. Вотъ объ этомъ-то пережиткѣ я и имѣю честь доложить небольшую замѣтку. Я подчеркиваю слово «небольшую замѣтку» , ибо докладъ по этому предмету потребовалъ бы много больше времени, нежели мы, простые любители-археологи, можемъ удѣлять ей въ силу своей повседневной службы.

Итакъ приступая къ описанію выставленной коллекціи, считаю долгомъ привести нѣкоторыя выдержки изъ имѣвшейся у меня подъ руками литературы.

Первымъ, указавшимъ на существованіе куричьихъ боговъ въ нашей губерніи, является покойный непремѣнный членъ Костромской Архивной Коммиссіи И. В. Миловидовъ. Въ своемъ трудѣ «Слѣды миѳологіи древнихъ обитателей Костромского края» онъ упоминаетъ объ обычаѣ вѣшать въ курятникахъ камни, такъ называемые «куричьи боги» для того, чтобы кикиморы не давили куръ. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (Археологич. Вѣстн. 1867 г., IV, 186), носитъ на себѣ слѣды искусственной отдѣлки,—онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Итакъ куричьи боги, по народному вѣрованію, должны предохранять куръ отъ кикиморы.

Изъ работы Балова, помѣщенной въ «Русскомъ Паломникѣ» за 1902 годъ, мы видимъ, что по народному вѣрованію кикимора—это дитя, зачатое отъ огненнаго змѣя, т. е. нечистое. Первообразомъ этого огненнаго змѣя, является Змѣй Горынычъ нашихъ былинъ и сказокъ. Какъ и огненный змѣй—змѣй это летучій (Гильфердингъ); когда онъ летитъ, отъ него сыплются искры. Очевидно, что огненный змѣй нынѣшнихъ народныхъ разсказовъ или «нечистый» есть ни что иное, какъ древній Змѣй Горынычъ нашихъ древнихъ былинъ и сказокъ. Представленіе объ этомъ языческомъ миѳическомъ существѣ подъ вліяніемъ христіанской религіи видоизмѣнилось въ представленіе объ огненномъ змѣѣ или «нечистомъ» духѣ, но народная фантазія перенесла и на него черты сказочнаго Горыныча.

Жилищемъ Змѣя Горыныча въ древнихъ былинахъ и сказкахъ всегда являются горы. Въ виду вышесказаннаго вполнѣ понятно, что и огненный змѣй, по народному вѣрованію, уноситъ свое родное дѣтище «кикимору» въ горы. Вотъ какъ разсказываетъ И. П. Сахаровъ со словъ народа о судьбѣ этого дѣтища послѣ зачатія. «Уносятъ его окаяннаго нечистые за тридевять земель въ тридесятое царство. А и тамъ-то дѣтище заклятое ровно черезъ 7 недѣль нарекается кикиморой. Живетъ, растетъ кикимора у кудесника въ каменныхъ горахъ, поитъ, холитъ онъ кикимору мѣдвяной росой, паритъ въ банѣ шелковымъ вѣникомъ, чешетъ голову золотымъ гребнемъ. Отъ утра до вечера тѣшитъ кикимору котъ-баюнъ—говоритъ ей сказки заморскія про весь родъ человѣчь. Со вечера до полуночи заводитъ кудесникъ игры молодецкія, веселитъ кикимору то слѣпымъ козломъ, то жмурками. Со полуночи до бѣла свѣта качаютъ кикимору во хрустальчатой колыбелечкѣ. Ровно черезъ семь лѣтъ выростаетъ кикимора. Тонешенька, чернешенька та кикимора, а голова то у ней малымъ малешенька со наперсточекъ, а туловища не спознать съ соломиной. Далеко видитъ кикимора по поднебесью, скорѣй того бѣгаетъ по сырой землѣ. Не старѣетъ кикимора цѣлый вѣкъ, безъ одежи, безъ обуви бродитъ она лѣто и зиму. Никто-то не видитъ кикимору ни середь дня бѣлаго, ни середь темной ночи... Какъ минутъ года уреченные, выбѣгаетъ кикимора изъ-за каменныхъ горъ на бѣлый свѣтъ къ злымъ кудесникамъ во науку. Опосылаютъ они кикимору по добрымъ людямъ на пагубы. Входитъ кикимора въ избу, никѣмъ не знаючи, поселяется она на печку никѣмъ не вѣдаючи. Стучитъ, гремитъ кикимора съ утра до

вечера, со вечера до полуночи свиститъ, шипитъ кикимора по всѣмъ угламъ и подъ лавочкой, со полуночи до бѣла свѣта прядетъ кудель конопельную... Ничто-то ей, кикиморѣ, не по сердцу: а и та печь не на мѣстѣ, а и тотъ столъ не въ томъ углу, а и та скамья не по стѣнѣ. Строитъ кикимора печь по своему, выживаетъ кикимора своего хозяина. Кикимора днемъ сидитъ невидимкою за печкою, а по ночамъ прядетъ, прялкою постукиваетъ».

Изъ вышеприведеннаго народнаго сказанія видно, что кикимора дочь Змѣя Горыныча, обитателя горъ, воспитывается въ каменныхъ горахъ. Неудивительно, что любимымъ мѣстопребываніемъ ея въ избѣ мѣсто за кирпичною или, что тоже, «каменною» печкою.

Уродливый камешекъ съ дырочками, подвѣшиваемый въ хлѣву подъ куриную нашесть, является, очевидно, эмблемою тѣхъ причудливыхъ каменныхъ горъ, въ которыхъ воспитывалась кикимора. Самое подвѣшиваніе этого камня въ языческія времена являлось видимымъ знакомъ того, что куры отдавались кикиморѣ на сохраненіе, посвящались ей. Такихъ куръ кикимора трогать уже не могла: это вполнѣ понятно. Такова, по всей вѣроятности, языческая основа вышеприведеннаго народнаго обычая.

Иначе объясняетъ воззрѣніе народа на курнчьихъ боговъ членъ нашей Коммиссіи М. Н. Комаровъ; онъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромского уѣзда «курнчьихъ боговъ» считаютъ упавшими съ неба. И что такое повѣрье прежде было общераспространеннымъ.

Чтобы уяснить первоначальный смыслъ кирнчьихъ боговъ, говоритъ онъ, нужно заглянуть въ дальную старину эпохи созданія миѳовъ, когда человѣкъ олицетворялъ явленія природы и весь міръ населялъ живыми личными существами. Постоянная смѣна противоположныхъ явленій природы—свѣта и тьмы, тепла и холода, жизни и смерти и т. п., привела человѣка къ идеѣ о борьбѣ двухъ началъ—свѣтлаго, добраго и мрачнаго, злого. Нѣкоторыя необычныя явленія природы ясно указывали на эту борьбу, а при стремленіи къ олицетворенію послѣдняя могла представляться только въ видѣ битвы, въ которой свѣтлое божество поражало своего противника. Въ шумѣ бури, блескѣ молніи и грохотѣ грома усматривались конкретныя формы битвы божествъ. Съ этой-то поры почти у всѣхъ народовъ упрочилось представленіе о молніи, какъ летящей стрѣлѣ, пущенной громовникомъ въ нечистую силу. И въ настоящее время народъ вѣритъ, что летящая стрѣла молніи всегда направлена въ убѣгающаго или прячущагося «чорта». Ударъ молніи потому-то и опасенъ, что она не щадитъ

и того, за чѣмъ спряталась нечистая сила, будетъ ли то дерево, человѣкъ или что другое.

Хорошо всѣмъ извѣстно, что остатки белемнитовъ, находимые по берегамъ, въ оврагахъ, въ толщѣ песчаныхъ наносовъ, извѣстны народу подъ именемъ «чертовыхъ пальцевъ». Имъ оказывается нѣкоторое суевѣрное почитаніе и приписывается особая врачебная сила, которою знахарство нерѣдко и пользуется. Ихъ называютъ также громовыми стрѣлками и объясняютъ ихъ происхожденіе ударами молніи. Но то же самое относится и къ находимымъ въ землѣ каменнымъ орудіямъ, наконечникамъ копій, стрѣламъ, топорамъ, молотамъ. Имъ также придается названіе громовыхъ стрѣлъ, и ихъ происхожденіе объясняется такъ же, какъ и происхожденіе белемнитовъ. Небольшая разница, повидимому, заключается въ томъ, что въ белемнитахъ народъ склоненъ видѣть вліяніе молніи на песокъ, въ который она ударила, а въ каменныхъ орудіяхъ—остатки самыхъ громовыхъ стрѣлъ соотвѣтственно чему белемниты признаются образовавшимися въ землѣ, а каменныя орудія—упавшими съ неба... Но и это различіе въ воззрѣніяхъ нигдѣ не проводится строго. Белемниты и наконечники копій и стрѣлъ своей формой соотвѣтствуютъ представленію о молніи, какъ стрѣлѣ. Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ кремневые наконечники и теперь народной массой признаются за «громовыя» стрѣлки, упавшія съ неба. Что же касается до молотовъ, то связь ихъ съ молніею обусловливается тѣмъ, что въ раскатахъ грома мыслившему миѳически народу слышались удары страшнаго молота, которымъ ударяло гнѣвное божество, того молота, которымъ оно выковало молніеносныя стрѣлы. Но и самъ молотъ, повидимому, былъ метательнымъ орудіемъ въ рукахъ громовника. Древнегреческіе и древнеримскіе миѳы сохраняютъ много указаній на небесное происхожденіе каменныхъ орудій. Такія же указанія можно находить и въ священныхъ преданіяхъ другихъ народовъ. Въ древнеиндійскихъ гимнахъ орудіями боговъ являются каменные топоры и стрѣлы.

Разсматривая хорошіе экземпляры «куричьихъ боговъ», нельзя не замѣтить ихъ сходства съ каменными молотами и топорами, хотя сходство это довольно поверхностно и относится только къ общимъ очертаніямъ и существованію сквознаго отверстія. Внимательный взглядъ легко отличитъ естественнаго «куричьяго бога» отъ искуственнаго каменнаго молота, но въ сознаніи народной массы такого различія повидимому, не существуетъ. Едвали можно сомнѣваться, что «куричій богъ» первоначально имѣлъ значеніе громовой стрѣлы, не будучи

отмѣчаемъ отъ каменнаго молота, несомнѣнно имѣющаго такое значеніе. Потому-то «куричьи боги» и суть настоящіе только тогда, когда они найдены, завѣдомо же сдѣланные не имѣютъ никакой цѣны. Вѣдь и каменные молоты, по народному понятію, не искусственные, а естественные продукты. Потому то «куричьи боги» тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ болѣе они походятъ на каменный молотъ или топоръ.

Остается рѣшить, какимъ же образомъ громовая молніина стрѣла могла превратиться въ куричьяго бога. Что каменныя орудія еще въ древности служили амулетами, это подтверждено различными археологическими находками. Суевѣрное почитаніе ихъ въ качествѣ «молніиныхъ стрѣлъ» было, какъ выше сказано, извѣстно почти всѣмъ народамъ. Приданіе же имъ значенія предохраняющихъ амулетовъ могло произойти подъ вліяніемъ указаннаго повѣрья, что стрѣла молніи всегда поражаетъ убѣгающаго или прячущагося «чорта». Отсюда вполнѣ логиченъ переходъ къ идеѣ, что нечистая сила, часто причиняющая вредъ крестьянской скотинѣ, не осмѣлится показываться и проказить тамъ, гдѣ присутствуетъ страшная для нея, поражающая ее стрѣла. Можно думать, что куричій богъ первоначально былъ не куричьимъ, а вообще скотнымъ богомъ, предохраняющимъ скотный дворъ или хлѣвъ отъ продѣлокъ нечистой силы. Можетъ быть, его значеніе, какъ громовой стрѣлы, было даже и еще шире.

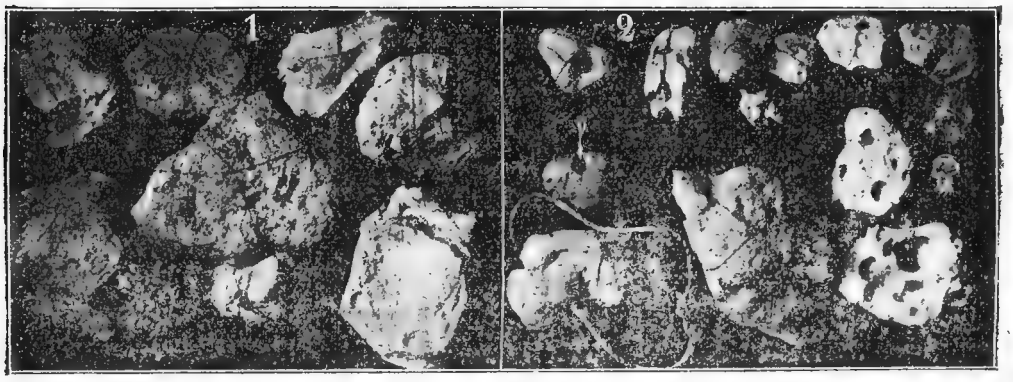
Обращаясь теперь къ изложенію добытаго нами матеріала по нахожденію и почитанію куричьяго бога въ нашей губерніи, считаемъ долгомъ замѣтить, что не всякій камень можетъ быть таковымъ амулетомъ. Преимущественно его находятъ на пашнѣ (при жнитвѣ) или на берегу рѣчки, а то приходится и покупать у другихъ людей, какъ будетъ сказано нами ниже.

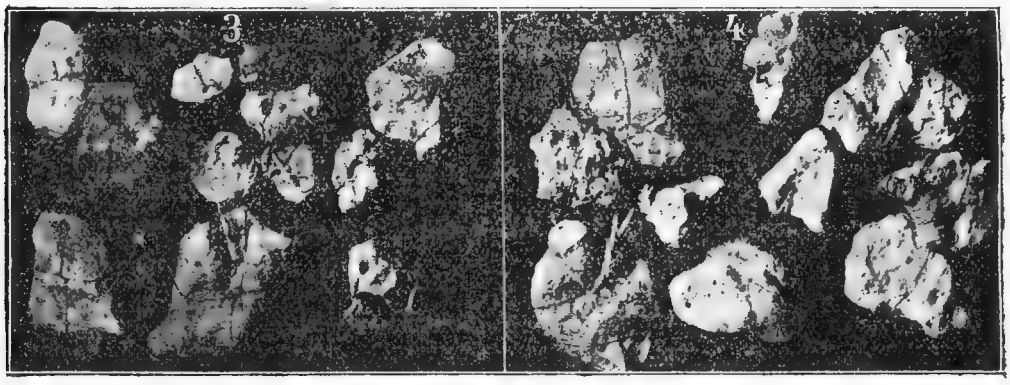
Камень съ виду долженъ быть щедровитый, какъ бы *поклеванный птицами* и непремѣнно со сквознымъ округлой формы отверстіемъ. Величина такихъ камней колеблется отъ величины небольшого яблока до головы человѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдается предпочтеніе богамъ меньшей величины; также значеніе имѣетъ правильность и срединное положеніе сквознаго отверстія. Чрезъ это отверстіе продѣвается гайтанъ изъ первопонавшагося подъ руки матеріала, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предпочитается лыко.

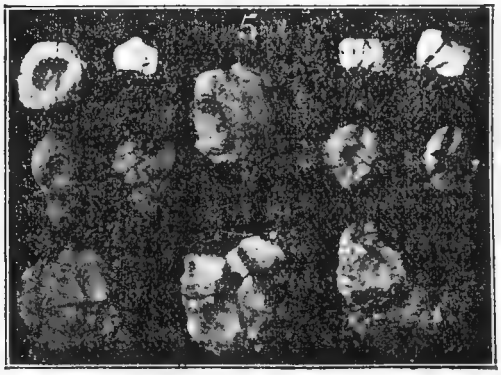
Куричьи боги вѣшаются большею частію подъ насѣстью, хотя въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ мы видѣли ихъ подвѣшанными и надъ насѣстью. Въ числѣ 56 экспонируемыхъ «куричьихъ боговъ» Вы изволите усмотрѣть что одни изъ нихъ такъ сказать «одиночные» (таб. 5),

другіе двойные (т. е. два камня на одномъ гайтанѣ—таб. 2 въ концѣ второго ряда), тройные (таб. 1 въ срединѣ и таб. 4) и одинъ шестерной (таб. 3 въ срединѣ). Это обстоятельство также не безъ значенія, а именно увеличеніе числа амулетовъ усиливаетъ ихъ цѣлебную силу.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ намъ сообщали, что въ прежніе годы «дырявые камни», именуемые куричьими богами, разносились съ разными вещами (пескомъ изъ святыхъ мѣстъ и проч.) по деревнямъ странниками и продавались крестьянамъ по 20—30 и 50 коп. за штуку, сообразно красотѣ и правильности формы камня. Разсказыва-







ютъ, что были и искусственно изсѣченные изъ камня боги, даже росписные красками или съ выбитыми изображеніями.

Здѣсь между прочимъ на таблицѣ 4 (въ срединѣ 2-го ряда) помѣщенъ камень, изображающій какъ бы профиль человѣческой головы, за симъ на таблицѣ 5 (первый по 2-мъ ряду) имѣется также отдѣланный грушевидной формы камень.

Но не всѣ «боги», оказывается, имѣютъ полную силу предохранять куръ отъ болѣзней. Случается такъ: заболѣваютъ куры, а висящій подъ ними «богъ» не исцѣляетъ. Тогда хозяйки идутъ къ своимъ сосѣдкамъ или въ окрестныя деревни, дабы получить «бога», пользующагося особою извѣстностью въ дѣлѣ исцѣленія птицы. И, дѣйствительно, въ Макарьевскомъ уѣздѣ одинъ изъ такихъ могучихъ боговъ пользовался особымъ вниманіемъ, его отпускали «на прокатъ» на нѣсколько дней, подвѣшивали надъ насѣстью и моръ куръ яко бы прекращался (за такого бога просили 10 рублей).

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Марковицкой волости Макарьевскаго уѣзда разсказывали, что во время Химы—повальной болѣзни куръ («Хима» не есть ли сокращенное «кикимора») какой то знахарь-колдунъ читалъ въ курятникахъ надъ носимымъ имъ куричьимъ богомъ по старинной книгѣ въ кожаномъ переплетѣ какую то молитву, которая будто бы оказывала замѣчательную цѣлебную силу. При изложенномъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ съ «куричьимъ богомъ» продѣлываютъ нижеслѣдующее: домовитыя, полныя суевѣрія, хозяйки идутъ въ церковь, ставятъ свѣчку св. Голиндухѣ (или, если нѣтъ отдѣльной ея иконы—то святцамъ). По окончаніи службы огарокъ берутъ съ собою домой и здѣсь этотъ огарокъ зажигаютъ и ставятъ на насѣсть; куричьяго бога купаютъ въ ведрѣ воды съ огаркомъ и тогда амулетъ становится цѣлебнымъ. Иногда въ этой же водѣ купаютъ и больныхъ куръ.

Нынѣ нашему сочлену В. П. Чистякову, также занимавшемуся собираніемъ для Комиссіи коллекціи «куричьихъ боговъ», удалось еще нѣсколько дополнить вышесказанное. Онъ сообщаетъ, что по убѣжденію крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кологривскаго уѣзда камни амулеты, вѣшаемые подъ насѣстями, не суть боги, а куриный богъ есть «матушка Голендуха».

Для того, чтобы извѣстный камень имѣлъ цѣлебное дѣйствіе для куръ, прежде его подвѣшиванія въ курятникъ надо прочитать тропарь матушкѣ Голендухѣ, затѣмъ окатить наиболѣе старый образъ водой и этой же водой окатить камень. Только послѣ этого камень получаетъ

цѣлебную силу не допускать духа Кикиморъ, который воруетъ куръ, отвертываетъ имъ головы, ощипываетъ перья, а если не уворуетъ курицы и не убьетъ ее, то испугаетъ, а отъ испуга у курицы бываютъ всевозможныя болѣзни. Камень, окаченный, какъ сказано, водой послѣ прочтенія тропаря матушкѣ Голендухѣ и подвѣшанный у куриць, не допускаетъ духа Кикиморъ подходить близко къ курамъ, такъ какъ матушка Голендуха толкаетъ его и онъ разбивается объ этотъ камень.

Тропарь матушкѣ Голендухѣ:

«О, матушка Голендуха, ой Голендуха, ой Голендуха. Прійди во дворъ раба божія... (произносится имя хозяина дома), отгони духа злобы, духа нечисти, куринаго вора Кикимора. А какъ во дворѣ раба божія... (снова произносится имя хозяина дома) три терема стоятъ: во первомъ теремѣ самъ господинъ сидитъ, а во второмъ его госпожа, а во третьемъ малы дѣточки какъ часты звѣздочки, а всѣмъ имъ нужны яички.

Матушка Голендуха, отжени, прогони, не допусти духа Кикиморъ похитить куръ. Матушка наша святая Голендуха, намъ не надобно отъ тебя ни пива, ни сладкаго меду, а только дай намъ бѣлыхъ яичекъ и избавь куръ отъ хвори и болѣзни. Аминь».

Почему именно народъ прибѣгаетъ къ покровительству въ вышеназванныхъ случаяхъ къ св. Голендухѣ, отвѣтить мы, къ сожалѣнію, не можемъ. Св. мученица Голендуха, нарѣченная во святомъ крещеніи Маріей, память коей празднуется 12 іюля, была, по словамъ Четьи Минеи, въ Персіи при Хозроѣ Старомъ замужемъ за вельможей. Послѣ видѣнія она приняла христіанство, за что и была подвергаема разнымъ мукамъ, далѣе она была ввержена въ пропасть «къ змію велику и страшну на снѣденіе» на 4 мѣсяца, заключена въ темницу и т. д. Нигдѣ и ничто не указываетъ намъ на тѣ моменты или условія жизни святой, изъ которыхъ можно было бы считать св. Голендуху покровительницей птицъ, какъ напр. считаютъ св. Власія и Георгія покровителями животныхъ.

Здѣсь пользуемся случаемъ выразить признательность за доставленіе свѣдѣній для настоящей замѣтки В. П. Чистякову, А. А. Кудрявцеву, В. Н. Оранскому, А. Г. Мичурину, а равно всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ составленію коллекціи «куричьихъ боговъ» для музея Костромской Архивной Комиссіи.

Н. М. Бекаревичъ.

О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ.

М.м. Государыни и Государи!

Если я и позволю себѣ испытать Ваше терпѣніе, то я дѣлаю это какъ изъ желанія выразить мое удовольствіе и благодарность по поводу всего видѣннаго и испытаннаго здѣсь, такъ и содѣйствовать по мѣрѣ силъ моихъ успѣху настоящаго съѣзда, трудамъ котораго я почту пріятнымъ для себя долгомъ дать огласку въ Финляндіи.

Выставленная мною здѣсь коллекція, заключающая въ себѣ около 200 головныхъ уборовъ, украшенныхъ искусно выполненными узорами, собрана мною, такъ сказать, по пути сюда, или точнѣе, я предпринялъ настоящую поѣздку исключительно съ цѣлью собрать эти остатки культуры тѣхъ кореловъ, которые уже въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій живутъ въ Тверской губерніи. Эта коллекція собрана мною не впервые, а является продолженіемъ прежнихъ, состоящихъ изъ одеждъ и узоровъ преимущественно финскихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи. Часть означенныхъ коллекцій, а именно рисунки мордовскихъ одеждъ и узоровъ изданы иждивеніемъ Финско-угорскаго общества. Въ этомъ трудѣ я подвергнулъ анализу различные узоры и обнаружилъ при этомъ, что они составлены изъ приблизительно 1800 болѣе или менѣе сложныхъ орнаментныхъ формъ. Изъ этихъ формъ можно, однако, образовать нѣсколько десятковъ типичныхъ группъ, какъ то: разнаго рода крестики, звѣзды, четырехугольники и прочія фигуры. Въ настоящее время я готовлюсь издать такимъ же образомъ узоры, найденные мною у черемисовъ, эстовъ и другихъ финскихъ племенъ, а также собранные теперь у здѣшнихъ кореловъ.

По моему мнѣнію, только посредствомъ такого метода можетъ быть положено прочное основаніе къ сравненію финскихъ узоровъ съ узорами другихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи первый примѣръ подалъ намъ Стасовъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Русскій народный орнаментъ».

Конечно, уже теперь можно бы сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, но ихъ нельзя принять за окончательные. Что же касается мотивовъ,

встрѣчающихся въ узорахъ у финскихъ племенъ, то относительно ихъ слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить слѣдующее.

1) Изображеніе дерева съ животными по сторонамъ, въ качествѣ мотива для орнамента, встрѣчается довольно часто у остяковъ, черемисовъ и тверскихъ кореловъ, но чрезвычайно рѣдко у мордвы, и оставило едва замѣтные слѣды у финляндскихъ кореловъ; въ узорахъ же эстовъ оно не наблюдается вовсе. Мотивъ этотъ, какъ извѣстно, восточнаго происхожденія.

2) Такъ называемая свастика ( ), которая также восточнаго происхожденія, употреблялась въ видѣ орнамента уже во времена язычества въ финляндской Карелiи и прибалтійскомъ краѣ, что удостовѣрено находками при раскопкѣ могилъ, и этотъ мотивъ извѣстенъ въ названныхъ мѣстностяхъ и по настоящее время. Онъ распространенъ также среди мокшанскихъ мордвиновъ, но не встрѣчается у финскихъ племенъ, обитающихъ по восточную сторону Волги.

3) Рѣшетчатые или сѣтчатые (и арабеско-образные) орнаменты, равно какъ и «космополитическія звѣзды» весьма распространены среди финскихъ племенъ.

Хотя я и указалъ на то, что эти и нѣкоторые другіе мотивы встрѣчаются у соплеменныхъ финскихъ народовъ, но я этимъ вовсе не хотѣлъ утверждать, что-бы означенные мотивы были исключительнымъ достояніемъ только этихъ народовъ или являлись отличительными составными частями ихъ узоровъ. Мотивы могутъ быть часто и общими для нѣсколькихъ народовъ, но самая комбинація деталей узора, техника воспроизведенія его и цвѣта придаютъ даже геометрическимъ узорамъ особенный, свойственный каждой народности, отпечатокъ. Такъ, напр., я замѣтилъ, что сербско-болгарскіе узоры, по своему общему характеру, походятъ болѣе на мордовскіе и черемисскіе узоры, чѣмъ на узоры другихъ славянскихъ народностей. Отчего это зависитъ—трудно объяснить; можетъ быть, причина этого явленія кроется въ общихъ традиціяхъ древнѣйшихъ временъ, и будущимъ изслѣдователямъ удастся выяснить это. Въ туркестанскихъ узорахъ мы также находимъ много единичныхъ орнаментныхъ фигуръ, встрѣчающихся у финскихъ и другихъ живущихъ въ Россіи племенъ, но тѣмъ не менѣе ни одинъ знатокъ не смѣшаетъ узоровъ или, правильнѣе,

украшенныхъ узорами произведеній одной страны съ таковыми же произведеніями другой.

Что касается техники шитья, то я ограничусь здѣсь лишь замѣчаніемъ о томъ, что мордвѣ извѣстны не только всѣ тѣ способы шитья, которые встрѣчаются у финляндскихъ кореловъ, но и многіе другіе, неизвѣстные послѣднимъ. Среди русскихъ наблюдается скудость въ отношеніи разнообразія швейныхъ методовъ, и то же самое мы видимъ напр. у крымскихъ татаръ. Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что употребляемые въ Россіи способы вышиванія, по крайней мѣрѣ, отчасти, впервые появились на Волгѣ и оттуда распространились до Ладоги и прочихъ частей Сѣверной Россіи.

Я поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать, насколько возможно, то обширное, населенное финскими и другими племенами пространство, гдѣ населеніе украшало свои одежды узорами, составленными по преимуществу изъ геометрическихъ фигуръ. Изслѣдованіями этими можетъ, по всей вѣроятности, быть выяснено, существуютъ ли у финскихъ народовъ, съ древнѣйшихъ временъ, нѣкоторыя, болѣе или менѣе, общія орнаментныя формы, или эти формы заимствованы отдѣльными племенами изъ различныхъ источниковъ и затѣмъ подверглись переработкѣ подъ вліяніемъ извѣстныхъ одинаковыхъ условій техническаго свойства.

Д-ръ А. О. Гейкель.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ОТДѢЛУ

Живая старина. Областная этнографія.

А.

Аверино д. 39, 40, 53, 55, 75, 76.
Анагорская Л. А. 91.
Андроникоръ В. А. 91, 92.
Ануфріевская вол. 60.
Апраксино с. 70, 79.
Апраксинская вол. 70, 79.

Б.

Баловъ 116.
Башкино с. 85, 88.
Беберино-Богородское с. 50.
Бекаревичъ Н. М. 122.
Блазновская вол. 71.
Богородская вол. 41, 45, 50.
Богоявленская вол. 37, 44, 52.
Б. Ларіоново 81, 87.
Борщино д. 80.
Буйскій у. 61.
Бѣжецкій у. 93.

В.

Варнавинскій у. 37, 41, 44, 45, 48, 50, 52, 54, 56, 59, 67, 81, 84, 85, 87, 92.
Ветлужскій у. 34, 35, 38, 40, 44, 46, 53, 59, 60, 62, 63, 67, 79, 82, 86, 91.
Виноградовъ О. А. 92.
Власій св. 122.
Воздвиженское с. 63.
Вознесенская Н. Н. 91.
Волга р. 124, 125.
Вохтомская вол. 55.

Г.

Галичскій у. 87, 92.
Галкино с. 37, 44, 52.
Гейкель А. О. д-ръ 125.
Георгіевская вол. 71.
Георгіевское с. 71.
Георгій св. 122.
Гильфердингъ 116.
Голиндуха св. 121, 122.
Гридинская вол. 72, 77.
Груздева А. Г. 91.

Д.

Дароватовскій П. 91.
Дмитровскій А. 91.
Дороватово с. 35, 38, 46, 53, 60, 67.
Дробышева Н. Н. 92.
Дунай р. 106.

Е.

Есиплевская вол. 39, 40, 53, 55, 76.

З.

Зайцевъ О. Ф. 91.
Замѣшаиха д. 41, 45.
З. Европа 118.
Заручье д. 108.
Зарѣчная вол. 34.
Змѣй Горынычъ 116, 117.
Зубина д. 108.

И.

Илешевская вол. 36.
Ильинская вол. 61.
Ильинскій О. В. 91.
Ильинскій п. 87.

К.

Карелія финл. 124.
Карпуниха с. 34.
Касаткинъ С. Ѳ. 92.
Кинешемскій у. 39, 40, 53, 54, 55, 61, 63. 71, 76, 91.
Козляна д. 86.
Кологривскій у. 36, 57, 60, 69, 91, 121.
Комаровъ М. Н. 117.
Корелы твер. 124.
Корелы финл. 124, 125.
Коряковская вол. 80.
Кострома г. 83.
Костромская архив. ком. 115, 122.
Костромская губ. 33, 115.
Костромской край 33, 115.
Костромской у. 53, 63, 70, 72, 77, 79, 80, 81, 83, 91, 117.
Коченковъ С. А. 92.
Крымскіе татары 125.
Кудрявцевъ А. А. 122.
Кужбалъ с. 57, 69.

Л.

Ладога 125.
Лебедева Л. А. 91.
Лундышева Е. И. 91.

М.

Майтиха д. 59.
Макаровскій у. 48, 51, 91, 120, 121.
Макарьевская вол. 67.
М. Козляна починокъ 40, 44, 62, 79, 82, 86.
Малининъ М. Г. 91.
Малиновскій В. Н. 92.
Мальковскій В. Н. 114.
Марія св. 122.
Марковицкая вол. 121.
Миловидовъ И. В. 115.
Минское с. 80, 83.
Мироханово с. 46, 49, 54, 58, 67.
Мирохановская вол. 46, 49, 54, 58, 67.
Михайловское-Сквозники 67.
Мичуринъ А. Г. 122.
Мордва 124.
Московское археол. общ. 115.
Музей Костромской арх. ком. 122.
Мухинъ А. И. 91.

Н.

Нажарово д. 80, 81, 83.
Нерехтскій у. 61, 64, 71, 90, 92.
Никитская вол. 57, 69.
Никитское с. 61, 64.
Никольскій П. 91.
Никулино д. 60.
Новгородскій Н. И. 91.
Нововоскресенская вол. 88.
Новоторжскій у. 1, 17, 18, 21, 23, 25, 28, 31.
Новоуспенская вол. 40, 44, 62, 79, 82, 86.

О.

Одоевско Спиринская вол. 60.
Океанъ г. 77.
Оранскій В. Н. 122.
Орловскій І. 91.
Остяки 124.

П.

Палома с. 57, 60.
Панарьино-Аннинское 63.

Парійская С. А. 91.
Пелтинъ В. И. 92.
Первухинъ А. Г. 32.
Персія 122.
Першутино д. 72, 77.
Письменная вол. 61.
Плесъ г. 90.
Покровскій О. Н. 91.
Преображенскій І. Д. 91.
Прибалтійскій край 124.
Притыкино ус. 44, 68, 78.
Пуминово с. 71.
Пушкинская вол. 81, 83.
Пыщужская вол. 63.

Р.

Рождественская вол. 35, 38, 46, 53, 59, 60, 67.
Рождественскій О. Н. 92.
Розова Е. 91.
Рокитиха д. 60.
Россія 118, 123, 124, 125.
Румянцевъ А. Н. 91.
Русь 35.
Рыбинская вол. 93, 114.
Рябцово с. 61.

С.

Сахаровъ И. П. 116.
Селитская вол. 87.
Семеновская с. 48.
Сироткинъ П. Г. 91.
Скобелевъ Н. С. 91.
Скоробогатово с. 51.
Скоробогатовская вол. 51.
Смиренино д. 50.
Соколовъ Н. Е. 91.
Солигаличскій у. 44, 68, 78, 92.
Соловецкое море 67.
Спасъ-Долгій с. 55.
Старицкій у. 1, 17, 18, 21, 23, 24, 27.
Стасовъ 123.

Т.

Тарасовская вол. 63.
Тверская губ. 2, 93, 123.
Торжокъ г. 1, 3, 7, 16.
Троицкій М. 92.
Туранская вол. 48, 54, 56, 59, 84, 85.
Турань с. 48, 54, 56, 59, 84.

Ф.

Финляндія 123.
Финно-угорское общ. 123.
Флоры П. 71.

Х.

Хозрой Старый 122.

Ш.

Шаблово д. 36.
Шаманинъ П. А. 92.
Шаровъ Ст. М. 92.

Ю.

Юрьевецкій у. 50, 88, 91.

Я.

Якушевская вол. 50.
Ярославль г. 83.

Отдѣлъ IV.

ОБЛАСТНАЯ ИСТОРІЯ. ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

Тверскіе иконописцы XIX столѣтія и конца XVIII.

Съ развитіемъ живописи въ Россіи древне-русское иконописное искусство, перешедшее къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, стало мало по малу приходить въ упадокъ и терять свое значеніе. Это и понятно. Чтобы сдѣлаться искуснымъ живописцемъ, нужно не три или четыре года, а много лѣтъ ученія; чтобы нарисовать икону иконописнымъ способомъ, необходимо много труда и терпѣнія. Кто знакомъ съ правилами и пріемами древне-русскаго иконописанія, тому извѣстно, сколько времени и труда требовалось отъ иконописца только приготовить окончательно доску для иконы, покрыть ее грунтомъ изъ левкаса и отшлифовать его [1]); затѣмъ, сколько ему требовалось времени и труда, чтобы, сообразно требованіямъ иконописанія, въ нѣсколько пріемовъ, а не сразу написать и окончателько отдѣлать одежды и ликъ изображаемаго святого. Все это, требуя значительнаго времени и усиленнаго труда, возвышало цѣну иконы. Не то мы видимъ при написаніи иконы живописнымъ способомъ, когда при болѣе упрощенныхъ пріемахъ, рисуя икону въ нѣсколько красокъ одновременно, живописецъ могъ работать и скорѣе и дешевле. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ иконопись не могла конкуррировать съ живописью и должна была уступить [2]); тѣмъ болѣе, что большинство заказчиковъ иконъ не задавалось тѣмъ соображеніемъ, что иконописная икона существуетъ сотни и даже тысячи лѣтъ, а живописная портится въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.

Вотъ почему случилось, что въ Твери, какъ и вездѣ, съ половины прошлаго столѣтія не находится желающихъ посвятить себя занятію плохо оплачиваемому и потерявшему значеніе и интересъ въ глазахъ большинства людей. Между тѣмъ мастера, искусные въ иконописи, получившіе въ наслѣдіе отъ своихъ предшественниковъ правила и пріемы древняго русскаго иконописанія, перемерли, унося свои знанія

[1]) См. докладъ въ Тв. Уч. Арх. Комиссіи: «Пріемы и правила древняго иконописанія». Журналъ Комиссіи № 80.

[2]) Говоря о живописи, мы не имѣемъ въ виду работъ чисто художественныхъ, имѣющихъ свое особое назначеніе и достоинство.

и искусство въ могилу. Это оскудѣніе въ настоящее время дошло до того, что нѣтъ возможности въ Твери найти иконописнаго мастера, чтобы реставрировать или заправить осыпавшіяся мѣста старинной иконы [1]). Между тѣмъ не болѣе какъ 60—80 лѣтъ тому назадъ Тверь славилась своими иконописными мастерами, и иконописцы тверскіе хорошо были извѣстны Москвѣ, Петербургу и Новгороду; мы не говоримъ уже о другихъ городахъ, даже отдаленныхъ сибирскихъ, откуда получались многочисленные заказы. Въ настоящее время Тверскія церкви и многія церкви уѣздныхъ городовъ переполнены иконами и цѣлыми иконостасами работы тверскихъ иконописцевъ, но память ихъ почти уже изгладилась. Большею частію въ приходахъ уже нѣтъ возможности получить свѣдѣнія о томъ, какія иконы и какимъ иконописцемъ писаны, а въ церковныхъ описяхъ, кромѣ общихъ замѣчаній, что икона «письма греческаго» или «стариннаго иконописнаго письма», намъ также не приходилось ничего существеннаго встрѣчать.

И чѣмъ болѣе пройдетъ лѣтъ, тѣмъ менѣе будетъ возможности добыть свѣдѣнія о тверскихъ иконописцахъ, писавшихъ эти иконы, а между тѣмъ они могутъ быть интересными для мѣстныхъ любителей старины. Вотъ эти то соображенія и побудили насъ, пока еще есть возможность, собрать, хотя и не совсѣмъ полныя, свѣдѣнія о жизни и работахъ тверскихъ иконописцевъ послѣднихъ полутораста лѣтъ и объединить ихъ въ отдѣльномъ очеркѣ. При составленіи этого очерка мы пользовались устными разсказами, опытностью и свѣдѣніями послѣдняго тверского иконописца, въ настоящее время также умершаго [2]), Ивана Филимоновича Арефьева. Онъ былъ ученикомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, во многихъ мастерскихъ работалъ, ѣздилъ съ ними по разнымъ городамъ и селамъ для работъ, а о болѣе раннѣйшихъ иконописцахъ слышалъ отъ своихъ учителей, которые или работали подъ ихъ руководствомъ, или очень хорошо ихъ знали. Всѣ свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, которыя намъ удалось найти, за немногими исключеніями, повѣрочнаго характера; сюда относятся: надписи на иконахъ, сохранив-

[1]) Къ несчастью, эту задачу въ настоящее время берутъ на себя живописцы. Не имѣя понятія о составѣ древнихъ красокъ и пріемахъ иконописи, они масляными красками записываютъ осыпавшіяся на древнихъ иконахъ мѣста, стараясь подвести только цвѣтъ красокъ. Но такъ какъ это невозможно, потому что мѣста записанныя масляными красками на старинныхъ иконахъ всегда выступаютъ матовыми пятнами (и чѣмъ дольше существуетъ такая поправка, тѣмъ она рельефнѣе выдѣляется), то подобные мастера дерзаютъ прямо перерисовывать цѣликомъ всю икону, чѣмъ окончательно и портятъ ее. Такихъ примѣровъ извѣстно множество.

[2]) Умеръ 1903 года 22 октября.

шіяся въ нѣкоторыхъ церквахъ рядныя записи (контракты) домашняго характера, записи израсходованныхъ матеріаловъ и проч. Эти данныя, не принося ничего существенно новаго, важны для насъ въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ сохранившіяся въ памяти И. Ф. Арефьева свѣдѣнія.

И мы съ своей стороны весьма довольны случаемъ, что намъ удалось за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти этого послѣдняго тверского иконописца не только вызвать въ памяти, но и записать съ его словъ эти свѣдѣнія, а также вмѣстѣ съ нимъ провѣрить ихъ на мѣстѣ по церквамъ г. Твери. Иначе съ его смертію они утратились бы окончательно, а между тѣмъ въ нихъ начинаетъ чувствоваться необходимость уже и въ настоящее время.

Иванъ Ильичъ Пановъ.

Иванъ Ильичъ жилъ близъ С.-Петербургской заставы въ собственномъ домѣ. Учился у отца. При проѣздѣ императрицы Екатерины второй онъ (ему было тогда около 20 лѣтъ) написалъ на кирпичѣ портретъ кучера государыни; какимъ то образомъ семья была знакома съ этимъ кучеромъ и онъ хаживалъ къ нимъ въ домъ; этотъ портретъ былъ кучеромъ показанъ Государынѣ. Государыня просила отца Ивана Ильича отдать сына въ Академію Художествъ, но такъ какъ отецъ былъ безпоповецъ, то и не отпустилъ сына, хотя послѣдній весьма желалъ ѣхать въ Академію. Послѣ этого Иванъ Ильичъ началъ пить, но работалъ исправно, рисовалъ великолѣпно и былъ мастеромъ своего дѣла. Работалъ онъ красками, пунктиромъ и штрихомъ (какъ граверы). Работа его выходила всегда весьма чистою и тщательною. Онъ же могъ работать и живописнымъ пошибомъ масляными красками. Сынъ его—Владиміръ Ивановичъ Пановъ своей мастерской не имѣлъ, а жилъ и работалъ у другихъ мастеровъ. Сынъ Владиміра Ивановича—Александръ Владиміровичъ работалъ по селамъ. Кромѣ сыновей, его учениками нужно считать: Гавріила Логиновича Ножевникова и Семена Николаевича Коршунова.

Ивану Ильичу Панову принадлежитъ вся стѣнная живопись al-secco въ холодной *церкви Екатерины мученицы* въ Твери, доселѣ

прекрасно сохранившаяся. Рисунки взяты съ картинъ Библіи Тавлѣева; интересно, что иконописецъ, снимая копіи съ рисунковъ Библіи, скопировалъ въ одномъ мѣстѣ и латинскую надпись «fiat», т. е. «да будетъ» [1]).

Церковь Екатерины мученицы основана въ 1775 году 21 іюня, освящена 1796 года 27 сентября, «стѣнымъ же благолѣпіемъ этотъ храмъ, какъ значится въ надписи, украшенъ и обновленъ въ царствованіе Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Серафима, Архіепископа Тверского и Кашинскаго, лѣта отъ мірозданія 7327 году, воплощенія же Христова 1819 ноября 24 день». Ему же принадлежатъ иконы въ главномъ придѣлѣ въ иконостасѣ *церкви Іоанна Предтечи въ Твери*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вновь написанныхъ. Въ *церкви св. Женъ Мироносицъ* имѣются также иконы его письма; такъ въ придѣлѣ Саввы Освященнаго икона св. Женъ Мироносицъ, икона Благовѣщенія, икона Саввы Освященнаго, икона Спасителя, икона Скорбящей Божіей Матери — его работы. Въ придѣлѣ св. Женъ Мироносицъ въ иконостасѣ съ правой стороны (1-й ярусъ) икона Женъ Мироносицъ, Николая Чудотворца; съ лѣвой — икона Сошествія Св. Духа, иконы святыхъ: Іоанна Предтечи, царя Константина и мн. др., кажется, также работы Ивана Ильича Панова, но положительно сказать, нѣтъ данныхъ.

Къ сожалѣнію, иконныхъ работъ его пунктиромъ въ Тверскихъ церквахъ не сохранилось.

Адріанъ Фроловъ Курковъ.

Онъ былъ ученикомъ Ивана Ильича Панова, а можетъ быть, и отца его. Онъ жилъ за Волгой на Верховской улицѣ недалеко отъ острога въ собственномъ домѣ. Онъ былъ такимъ спеціалистомъ по древностямъ, что никто не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ древняго иконописанія; никто не могъ писать такъ правильно и такъ стильно по древнему. Поэтому онъ такъ славился между тверскими мастерами, что разные хозяева мастерскихъ посылали учениковъ своихъ къ нему для усовершенствованія въ иконописи; такъ и И. Ф. Арефьевъ

[1]) Первый поясъ послѣ купола.

былъ посланъ къ нему Сухаревымъ для этой цѣли. Работалъ онъ одиночкою и мастеровъ не имѣлъ. Онъ писалъ исключительно для старовѣровъ, и такъ искусно, что сами старовѣры иконы его письма, въ особенности когда онъ покрывалъ ихъ древнею олифою, т. е., олифою, счищенною съ древнихъ иконъ, не всегда могли отличить отъ настоящихъ древнихъ иконъ. Поэтому его тверскіе иконописцы звали «ученикомъ Рублева». Въ виду того, что онъ работалъ, какъ сказано выше, для раскольниковъ, работъ его въ Твери не сохранилось.

Гавріилъ Логиновичъ Кожевниковъ.

Онъ работалъ въ казенныхъ мѣстахъ и между прочимъ въ Тверскомъ Дворцѣ. Онъ жилъ при Губернаторѣ Бакунинѣ и пользовался его расположеніемъ. Мастерская у него была большая; народу онъ держалъ много. Занимался онъ больше живописью, рисовалъ по преимуществу картины и расписывалъ стѣны въ комнатахъ; иконъ почти совсѣмъ не рисовалъ.

Семенъ Николаевичъ Коршуновъ.

С. Н. Коршуновъ жилъ за Тьмакою. Онъ былъ смотрителемъ при Исаакіевскомъ соборѣ въ С. Петербургѣ; потомъ былъ переведенъ въ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Онъ смотрѣлъ за исполненіемъ работъ уборщиками при росписаніи стѣнъ означенныхъ храмовъ живописью [1]). При назначеніи его на послѣднюю должность въ храмъ Христа Спасителя, его разыскивали въ Твери чрезъ Казенную Палату. Изъ учениковъ его извѣстны: а) Петръ Трофимовъ Арефьевъ, б) Степанъ Михайловъ Бобыкинъ и в) Максимъ Петровъ. Всѣ они уборщики стѣнной живописи; они работали на маслѣ и ал-фреско.

Михаилъ Лаврентьевъ Ратакановъ.

Ратакановъ былъ дворовымъ человѣкомъ Вышневолоцкаго помѣщика Я. М. Хвостова. Болѣе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній

[1]) Очевидно, былъ вродѣ казеннаго десятника.

объ немъ не сохранилось. Но помнили о немъ и передавали своимъ ученикамъ старые тверскіе мастера, потому что работа его цѣнилась ими и они ходили смотрѣть ее, а иногда брали и за образецъ. Ему принадлежитъ вся стѣнопись въ холодной *церкви у Трехъ-Исповѣдниковъ* (Воскресенія Христова) за Волгой. «1811 года іюля 16 дня», читаемъ мы въ лѣтописи этой церкви [1]), «Ратакановъ былъ подряженъ расписывать стѣны, за три тысячи рублей. Всего Михайломъ Лаврентьевымъ написано по ал-фреску [2]) до 72 картинъ. Работы начаты были имъ въ 1812 году и продолжались неотлучно въ 1813, 1814 и въ 1815 годахъ. Всѣ живописныя картины въ алтарѣ, куполѣ и церкви написаны одною его рукою, а уборку около картинъ, карнизы и рамки по его же рисунку отдѣлывали его дѣти. Надъ южною дверью и двумя окнами въ четверикѣ церкви картины за смертію его написаны его сыновьями». Композиція этихъ картинъ взята съ Библіи Тавлѣева [3]). Кромѣ своихъ высокихъ достоинствъ, всѣ означенныя картины замѣчательны еще тѣмъ, что воздухъ на нихъ былъ написанъ шмельтью, т. е., на клей насыпалась сухая краска шмельть (голубая краска довольно пріятная). «Лѣтъ тридцать тому назадъ, разсказываетъ И. Ф. Арефьевъ, я промывалъ эту живопись снизу до верхней части оконъ. Мылъ водою, отчего картина совсѣмъ блѣднѣла, тускнѣла и дѣлалась матовой, но когда я схватывалъ ее яйцомъ, то краски снова выходили и дѣлались яркими. Въ послѣднее время эту живопись отчасти испортилъ своею работою-поправкою одинъ изъ тверскихъ живописцевъ: онъ работу насыпною шмельтью закрасилъ масляною краскою». Кромѣ означенныхъ картинъ, тѣмъ же художникомъ сдѣланы тушью по штукатуркѣ изображенія нѣкоторыхъ апостоловъ и пророковъ почти въ ихъ натуральный ростъ. Эти изображенія апостоловъ, или лучше сказать, картины-рисунки весьма замѣчательны по своей работѣ и производятъ на зрителя неизгладимое впечатлѣніе; зрителю кажется, что предъ нимъ находится не изображеніе, а какъ бы вылѣпленная изъ гипса статуя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ апостоловъ нарисованы стоящими на постаментѣ или обрывкѣ скалы. Этихъ картинъ или рисунковъ имѣется восемь; въ главномъ придѣлѣ Воскресенія Христова въ проходныхъ две-

---

[1]) Церковная лѣтопись составлена настоятелемъ свящ. В. И. Троицкимъ.

[2]) Живопись не фресковая, а ал-секко.

[3]) Въ разсказахъ И. Ф. Арефьева эта библія фигурируетъ часто, но что это за Библія—намъ до сихъ поръ узнать не удалось.

ряхъ изображены ап. Андрей, Петръ, Іуда, Павелъ, Симонъ и Іоаннъ; затѣмъ на наружной сѣверной стѣнѣ съ наружной стороны по обоимъ бокамъ входа имѣется два изображенія: справа пророка Іезекіиля, слѣва—пророка Моисея.

Самсонъ Ѳедоровичъ Пѣшехоновъ.

Самсонъ Ѳеодоровичъ учился въ Москвѣ въ знаменской школѣ Сапожникова. По окончаніи годовъ ученія, онъ пріѣхалъ въ Тверь и открылъ свою мастерскую за Тверцою въ приходѣ церкви Екатерины мученицы. Онъ былъ замѣчательный мастеръ и заказовъ всегда имѣлъ множество. Былъ единовѣрецъ и держался строго старинныхъ образцовъ въ иконописи. Его кисти принадлежатъ иконы въ главномъ иконостасѣ (придѣлъ Иліи пророка) *церкви Иліи пророка въ Твери* [1]), по крайней мѣрѣ въ настоящее время это можно сказать про первый и второй ярусъ означеннаго иконостаса [2]); что же касается слѣдующихъ верхнихъ ярусовъ, то за невозможностію ихъ разсмотрѣть вблизи, нельзя сказать съ увѣренностью: остались ли они въ цѣлости отъ прежняго времени или поправлены, передѣланы и замѣнены новыми. Его же письма иконы можно видѣть въ слѣдующихъ церквахъ города Твери: а) *Троицкой, что за Волою, церкви.* Такъ: мѣстная икона Спасителя въ главномъ придѣлѣ; иконы 2, 3 и 4-го ярусовъ иконостаса главнаго придѣла, а также крестъ надъ иконостасомъ—его работы; 5 и 6-й ярусы попорчены; ему же принадлежитъ и икона двѣнадцати праздниковъ въ той же церкви, написанная, какъ значится въ надписи, въ 1824 году. б) *Въ Исаевской Богородицерождественской церкви* въ въ придѣлѣ девяти мучениковъ Кизичскихъ въ алтарѣ надъ жертвенникомъ икона Божіей Матери «Умягченіе злыхъ сердецъ» съ предстоящими: св. бл. велик. кн. Михаиломъ Тверскимъ, святит. Арсеніемъ,

---

[1]) Эти иконы, несомнѣнно, принадлежатъ ему, потому что когда я впослѣдствіи, разсказываетъ И. Ф. Арефьевъ, работалъ въ церкви Иліи Пророка съ своими учителями мастерами, то эти старые мастера тогда еще говорили, что иконы эти работы Самсона Ѳедоровича.

[2]) Интересно, что на нѣкоторыхъ серебряныхъ ризахъ, сдѣланныхъ на иконы нижняго яруса, имѣется годъ ихъ чеканки; такъ на ризѣ, имѣющейся на иконѣ пророка Иліи, годъ чеканки обозначенъ 1792; на ризѣ иконы Трехъ Святителей—1795; на ризѣ Божіей Матери (мѣстная икона) годъ чеканки 1794-й. Можно думать, что эти ризы сдѣланы на иконы вскорѣ послѣ ихъ написанія.

Никитою Новгородскимъ, Варлаамомъ Хутынскимъ – его работы; на этой иконѣ находится слѣдующая надпись: «Написася 1809 года». в) *Въ Вознесенской, что на проспектѣ, церкви* на лѣвой церковной стѣнѣ въ особыхъ кіотахъ иконы Іоанна Богослова съ дѣяніями и Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, а также въ придѣлѣ Антонія и Ѳеодосія икона Николая Чудотворца на особомъ постаментѣ за престоломъ – его же. г) *Во Владимірской церкви* въ главномъ придѣлѣ, Владимірской Божіей Матери, мѣстная икона Спасителя, иконы на южныхъ (Ефрема и Аркадія, Новоторжскихъ чудотворцевъ) и сѣверныхъ дверяхъ (Московскіе святители и чудотворцы), а также икона Николая чудотворца Можайскаго и въ придѣлѣ Димитрія Ростовскаго мѣстныя иконы: Софіи Премудрости Божіей и Скорбящей Божіей Матери—всѣ его работы. Его же кисти, несомнѣнно, принадлежатъ и двѣ иконы, помѣщающіяся на лѣвомъ столбѣ Владимірской церкви: а) икона Божіей Матери «Блаженно чрево носившее тя» и б) икона Тверскихъ святыхъ: благ. вел. князя Михаила Тверского, Арсенія чудотворца, преподобнаго Нила Столобенскаго и Макарія Калязинскаго.

Макаръ Самсоновичъ Пѣшехоновъ.

Славу мастерской Самсона Ѳедоровича поддержалъ сынъ его—Макаръ Самсоновичъ Пѣшехоновъ, который по таланту не только не уступалъ, но даже превосходилъ отца своего. У Самсона Ѳедоровича были еще два сына: Аѳанасій Самсоновичъ и Иванъ Самсоновичъ, но они вслѣдствіе своего пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ по искусству въ иконописныхъ работахъ стояли ниже не только брата своего Макара Самсоновича, но и отца—Самсона Ѳедоровича.

У Макара Самсоновича мастерская была громадная, народу онъ держалъ много. Работъ его мастерской въ Твери сохранилось очень много; самъ же онъ былъ замѣчателенъ какъ рисовальщикъ. Но онъ жилъ не долгое время въ Твери, такъ какъ былъ вызванъ въ Петербургъ Императоромъ и былъ назначенъ мастеромъ при Императорскомъ Дворцѣ. Тамъ въ Петербугѣ на Невскомъ проспектѣ онъ открылъ собственную мастерскую, въ которую мастеровъ вызывалъ всетаки изъ Твери; такъ, у него тамъ работали слѣдующіе тверскіе мастера: Василій Филатовъ Скопинъ, Михаилъ Григорьевичъ Токаревъ, Петръ Михайло-

вичъ Подшиваловъ, Иванъ Филипповичъ Арефьевъ, Василій Григорьевичъ Богомоловъ. Въ Твери же они не имѣли своихъ мастерскихъ, а работали у М. Е. Сухарева.

Въ Петербургской мастерской, какъ придворный мастеръ, онъ работалъ по Высочайшему повелѣнію и его иконы разсылались по разнымъ церквамъ. По Высочайшему повелѣнію, онъ былъ посланъ съ сыномъ Николаемъ Макаровымъ куда то за Черное море (по всей вѣроятности, на Кавказъ) изслѣдовать одинъ древній храмъ, но на Черномъ морѣ оба они утонули. Послѣ смерти его, оставшіеся послѣ него дѣти Ѳедоръ Макаровъ и Василій Макаровъ продолжали дѣло отца и имѣли въ Петербургѣ мастерскую.

Очевидно, изъ ихъ Петербургской мастерской имѣются въ Твери въ церкви при Аваевской больницѣ три большихъ иконы живописной весьма искусной работы, прежде до устройства храма составлявшія иконостасъ въ часовнѣ при той же больницѣ. Иконы эти: Скорбящей Божіей Матери, Трехъ Святителей и Тверскихъ угодниковъ: благ. вел. князя Михаила и Арсенія чудотворца [1]).

Съ отъѣздомъ изъ Твери въ С.-Петербургъ Макара Самсоновича слава пѣшехоновской мастерской въ Твери стала падать. Братья его Аѳанасій Самсоновичъ и Иванъ Самсоновичъ, у которыхъ жилъ и работалъ и нашъ разсказчикъ И. Ф. Арефьевъ, не поддержали славы ея, и многіе ученики Макара Самсоновича перешли къ Сухареву, въ томъ числѣ и И. Ф. Арефьевъ.

Изъ работъ Макара Самсоновича Пѣшехонова въ Твери можно указать на слѣдующія: такъ *въ Единовѣрческой церкви* онъ исправлялъ стѣнную живопись; *въ Троицкой, что за Волою,* церкви мѣстная икона Скорбящей Божіей Матери въ придѣлѣ того же имени—его работы. *Въ церкви Св Женъ Мироносицъ* въ придѣлѣ Іоанна Богослова икона Св. Ев. Іоанна Богослова съ праздниками (послѣдняя въ аркѣ) работы Макара Самсоновича. Эта послѣдняя икона весьма хорошаго письма, въ древнемъ новгородскомъ стилѣ.

---

[1]) На одной изъ этихъ иконъ (Скорбящей Божіей Матери) имѣется слѣдующая надпись: «написанъ въ С.-П.-Бургѣ, тверскимъ иконописцемъ Василіемъ Макаровымъ Пѣшехоновымъ. 1876 года».

Михаилъ Емельяновъ Сухаревъ.

Онъ былъ ученикомъ Самсона Ѳедоровича. Жилъ онъ за Тверцою въ приходѣ Екатерины мученицы и домъ его былъ рядомъ съ домомъ Пѣшехоновыхъ. При устьѣ р. Тверцы была пристань судовъ, которые собирались сюда какъ съ верховья, такъ и съ низовьевъ р. Волги съ разными товарами, чтобы слѣдовать далѣе по р. Тверцѣ и Вышневолоцкому каналу въ Петербургъ. Благодаря этому обстоятельству мастерскія эти имѣли много заказовъ отъ лицъ не только города Твери или Тверской губерніи, но и разныхъ приволжскихъ губерній; даже сибирскіе купцы часто являлись заказчиками означенныхъ мастерскихъ. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что слава Сухарева была извѣстна далеко за предѣлами Тверской губерніи, и онъ вызывался въ другія губерніи для исполненія заказовъ. Такъ купецъ Харичковъ вызвалъ его въ г. Фатежъ, Курской губерніи. Тамъ имъ расписана одна церковь; другую церковь расписывалъ сынъ его Матвѣй Михайловичъ [1]). Вмѣстѣ съ Сухаревымъ ѣздилъ туда и И. Ф. Арефьевъ, тогда еще въ качествѣ мальчика, прослужившаго въ мастерской недѣли двѣ—три.

Къ числу учениковъ М. Е. Сухарева должны быть отнесены: дѣти его Семенъ Михайловъ и Матвѣй Михайловъ; впрочемъ, Семенъ Михайловъ умеръ еще при жизни отца. Изъ постороннихъ лицъ выучениками Михаила Емельяновича Сухарева были: Михаилъ Григорьевичъ Токаревъ, Василій Филатовъ Скотинъ, Петръ Михайловъ Подшиваловъ, Иванъ Филимоновичъ Арефьевъ, Василій Григорьевичъ Богомоловъ, которые, какъ и раньше было упомянуто, не имѣли своихъ мастерскихъ и часто вызывались въ Петербургъ въ мастерскую Макара Самсоновича.

Сынъ М. Е. Сухарева Матвѣй Михайловичъ по смерти отца своего продолжалъ дѣло его.

Работъ сухаревской мастерской сохранилось весьма много и не только въ Твери, но и въ другихъ городахъ. Такъ иконы письма Михаила Емельяновича Сухарева, отца, или иначе, основателя мастерской, можно указать въ слѣдующихъ церквахъ г. Твери. *Въ Троицкой за Волгою* церкви въ главномъ придѣлѣ иконы на царскихъ дверяхъ,

[1]) Въ г. Фатежѣ, кромѣ собора, только и имѣлись въ то время двѣ церкви.

а также на откосахъ у царскихъ дверей его работы; тамъ же икона Тихвинской Божіей Матери въ алтарѣ въ кіотѣ работы его. Но особенною типичностью, свойственною работамъ Михаила Емельяновича, отличается сохранившійся иконостасъ его письма въ придѣлѣ Рождества Богородицы (холодная церковь) *Исаевской Богородицерождественской церкви.* Всѣ иконы въ этомъ иконостасѣ его письма; эти иконы нѣсколько лѣтъ тому назадъ прочищалъ И. Ф. Арефьевъ.

Послѣ сына его *Матвѣя Михайлова Сухарева* работъ сохранилось еще болѣе. Такъ *въ гор. Кашинѣ* (Тверской губ.) на средства храмоздателя купца Мих. Ив. Зазыкина написаны имъ всѣ иконы въ иконостасахъ всѣхъ придѣловъ *въ церкви Іоанна Богослова* [1]). Въ томъ же городѣ *въ Троицкой церкви* въ придѣлѣ св. Митрофана Воронежскаго иконы всего иконостаса (около 15 иконъ) писаны имъ. Интересно, что на иконѣ Троицы, которая помѣщается въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ (изображеніе новозавѣтной Троицы), находится слѣдующая надпись: «написанья сіи святыя иконы въ иконостасъ 1846 году въ Твери иконописцемъ Матвѣемъ Михаиловымъ Сухаревымъ». По свѣдѣніямъ церковнаго старосты означенной церкви І. Я. Кункина, М. М. Сухаревымъ же нѣсколько ранѣе были написаны иконы въ иконостасѣ Преображенскаго придѣла *Успенской церкви* того же города, а также и икона св. Митрофана Воронежскаго, которая помѣщается въ особомъ кіотѣ на стѣнѣ того же храма. Разсказываютъ, что когда Сухарева спросили: почему онъ въ Успенской церкви св. Митрофана написалъ въ святительскихъ ризахъ, а въ Троицкой— въ схимѣ, онъ отвѣтилъ, что по пріѣздѣ въ Тверь, послѣ того какъ въ Кашинѣ икону святителя Митрофана въ святительскихъ ризахъ его письма видѣлъ преосв. Григорій, этотъ послѣдній призывалъ его къ себѣ и сказалъ, чтобы впредь святителя Митрофана писать въ схимѣ, а не въ святительскихъ одеждахъ. Въ *Твери* иконы его работы можно видѣть въ слѣдующихъ церквахъ: а) *въ церкви Екатерины Мученицы* въ придѣлѣ Іоанна Крестителя икона «похвалы Пресвятыя Богородицы [2]);

---

[1]) Къ сожалѣнію, эти иконы въ иконостасахъ, хотя и вполнѣ сохранились, но уже попорчены: онѣ, несомнѣнно, впослѣдствіи кѣмъ то покрыты лакомъ, и этотъ лакъ потрескался, сморщился и попортилъ самую краску. Поэтому, чтобы сохранить иконопись, необходимо этотъ лакъ счистить и иконы проолифить.

[2]) Храмовая икона Іоанна Крестителя, нужно думать, принадлежитъ не ему, а брату его Семену Михайловичу, потому что, по выраженію И. Ф. Арефьева, она гораздо степеннѣе по письму.

въ придѣлѣ св. Николая Чудотворца иконы: «соборъ Арх. Михаила» (крайняя отъ арки), мѣстная икона «Воскресенія Христова» и въ холодной церкви икона великомуч. Екатерины, которая помѣщается рядомъ съ мѣстною иконою Божіей Матери, всѣ его работы. Также нужно думать, его работы икона «Иверской Божіей Матери» съ чудесами на лѣвомъ клиросѣ главнаго придѣла *Вознесенской, что на проспектѣ, церкви.* Въ *церкви Иліи Пророка* его работы святцы, семь лѣтнихъ мѣсяцевъ съ апрѣля по сентябрь, а также икона Іоанна Богослова и Василія пресвитера Анкирскаго. Ему же принадлежатъ и большія иконы, помѣщающіяся на право и налѣво отъ входа въ церковь въ галлереѣ,—икона Новгородскихъ святыхъ съ изображеніемъ на верху Кіевопечерской Божіей Матери съ предстоящими Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими и нѣкоторыя другія иконы, помѣщающіяся въ церковной галлереѣ.

Кромѣ того, Матвѣй Михайловъ много работалъ Кашинскимъ купцамъ Ждановымъ и Терликовымъ, которые иконы его работы разсылали въ качествѣ пожертвованій по разнымъ церквамъ.

Къ внѣшнимъ признакамъ иконъ его работы нужно отнести ту особенность, что онъ любилъ, хотя, нельзя сказать, чтобы всегда, одежды святыхъ и занавѣсы разрисовывать крупными цвѣтами въ видѣ отдѣльныхъ вѣточекъ.

Иванъ Прохоровъ Глазковскій или Гурьевъ.

Онъ былъ ученикомъ также Самсона Ѳедоровича и былъ современникомъ Мих. Ем. Сухарева, хотя умеръ послѣ него. Мастерская его находились въ собственномъ домѣ на правомъ берегу рѣки Тверцы близъ Бобровской дачи. Онъ работалъ въ Твери и сибирякамъ купцамъ. Сынъ его—Александръ Ивановичъ работалъ въ Новгородѣ въ Юрьевѣ монастырѣ; онъ почти всю жизнь провелъ тамъ, имѣлъ тамъ свою собственную мастерскую и умеръ тамъ. Онъ работалъ въ соборѣ Юрьевскаго монастыря; имъ также расписанъ и склепъ, гдѣ погребены арх. Фотій и граф. Орлова. Кромѣ того, онъ писалъ иконы и лично для архимандрита, для графини и даже на тотъ случай, когда подносились иконы царской фамиліи. Онъ писалъ также иконы патріарху

въ Александрію, въ Египетъ [1]). Къ нему приставленъ былъ художникъ, который исправлялъ рисунки и слѣдилъ за работами; но производилъ онъ работы исключительно при помощи иконописцевъ тверяковъ; такъ напр. у него работали тамъ: Мих. Ив. Усовъ, Ив. Никифоровъ Чистяковъ, Вас. Ив. Культепинъ, Максимъ Ив. Культепинъ, Вас. Ив. Нѣмчиновъ и др. Въ Твери эти мастера учились и работали въ мастерской отца Ивана Прохоровича, а когда навыкали, то отправлялись въ Новгородъ, гдѣ подъ руководствомъ Александра Ивановича не только работали, но и совершенствовались.

Насколько высоко цѣнились его работы графиней Орловой-Чесменской, можно видѣть изъ ея письма къ арх. Фотію, въ которомъ она называетъ его «отличнымъ церковнымъ иконописцемъ, какового съ трудомъ можно нынѣ во всей Россіи обрѣсти».

Изъ отвѣтнаго письма арх. Фотія къ граф. Орловой мы узнаемъ объ одномъ печальномъ злоключеніи, которое случилось съ Александромъ Ивановичемъ. Вотъ какъ объ этомъ передаетъ г. Слезкинскій на основаніи письма арх. Фотія. «Онъ, какъ человѣкъ, по словамъ Фотія, впалъ въ искушеніе и сталъ ходить въ Новгородъ къ нѣкоей дѣвицѣ блудницѣ». Узнавъ объ этомъ, Фотій внушалъ ему, чтобы онъ, какъ мастеръ священный, жилъ честно, цѣломудренно и «хранилъ бы свое дѣвство», а если не можетъ удержать въ себѣ страстей, то лучше бы вступилъ въ законный бракъ. Однако иконописецъ по прежнему ходилъ къ своей возлюбленной, смущаемый діаволомъ и сатаной. Наканунѣ Новаго года, вопреки правилъ, изложенныхъ въ требникѣ, иконописецъ устроилъ гаданіе, «нѣчто вродѣ волшебства», лилъ воскъ и призывалъ духовъ, чтобы увидѣть свою суженую, какая ему будетъ дана жена. Время было 8 часовъ вечера. Лилъ онъ часа два и вылилъ изъ воска съ самыми мельчайшими подробностями «скверныя лица, вражьи хари, образы бѣсовскіе». Этому иконописецъ нисколько не удивился. Бросивъ воскъ, онъ предъ сномъ пошепталъ, поколдовалъ на поясъ и легъ спать. Тутъ же спали и его мастера—рабочіе. Вотъ слышитъ онъ, какъ около дома толпа людей кричитъ, дерется и ломится въ дверь. Одинъ изъ толпы спрашиваетъ: «Здѣсь есть кто крещеный? попасть намъ трудно». Затѣмъ всѣ съ шумомъ просили отворить ворота и впустить ихъ въ домъ. Иконописецъ ничуть не струсилъ и спросилъ:

---

[1]) А. Слезкинскій. Русская Старина, 1903 г. Октябрь мѣсяцъ, стр. 162.

«кого вамъ нужно здѣсь»? Толпа отвѣчала: «тебя намъ нужно, пусти насъ поужинать». Послѣдовалъ отказъ, основанный на томъ, что уже 11 часовъ и на ужинъ подать нечего. Люди потолковали и просили иконописца назначить часъ, когда имъ придти, такъ какъ онъ звалъ ихъ къ себѣ. «Приходите завтра въ обѣдню», сказалъ имъ иконописецъ. Сознавая, что такъ имъ не удастся соблазнъ, они стали приглашать его въ городъ и именно къ его знакомой. Ударили ко всенощной службѣ въ монастырѣ. Все смолкло, и на улицѣ не было слышно ни звука. Иконописецъ одѣлся и отправился въ соборъ. Идя дорогой, онъ замѣтилъ, что впереди ему предшествуетъ какой-то отрокъ. Когда иконописецъ останавливался, то останавливался и отрокъ. Иконописецъ гналъ его прочь, но онъ не слушался и послѣ этого шелъ не впереди, а сзади. Проходя ворота въ частоколѣ, онъ увидѣлъ, какъ по послѣднему бѣгутъ люди, и спросилъ ихъ: зачѣмъ они здѣсь? Ему отвѣчали: мы всѣ за тобою и съ тобою, куда и ты идешь? Зачѣмъ ты вздумалъ идти къ службѣ? Пойдемъ лучше въ городъ съ нами. Мы тотчасъ тебя доставимъ къ твоей возлюбленной. Она наша, а мы ея слуги и тебя съ нею познакомили, сдружили, связали. Иконописецъ догадался, что это были за люди, и совершенно убѣдился въ нечистой силѣ, когда подошелъ къ собору —люди эти до единаго скрылись, улетучились, какъ дымъ. У святыхъ вратъ онъ видѣлъ по сторонамъ двухъ исполиновъ, которые звали его съ собой и просили не ходить на молитву, но иконописецъ все-таки пошелъ въ соборъ. Только что онъ выбралъ мѣсто у свѣчной конторы и сталъ оглядываться, вдругъ видитъ, къ нему идетъ знакомая дѣвица, подошла и говоритъ вполголоса: сдѣлай милость, пойдемъ со мной въ городъ; я съ нетерпѣніемъ ждала тебя; тамъ мы въ удовольствіи встрѣтимъ Новый годъ. Иконописецъ понялъ, что эта дѣвица—бѣсъ. Онъ отошелъ и сталъ передъ образомъ Богородицы. Тогда послышались грозные, страшные голоса: вотъ что вздумалъ дѣлать, передъ образомъ молиться, пойдемъ съ нами. Но иконописецъ умиленно возвелъ очи на образъ и услышалъ чей-то мягкій голосъ, чудный голосъ: чадо, молись прилежнѣе, а иначе тебя возьмутъ и утащатъ къ себѣ лукавые. Иконописецъ началъ усердно молиться предъ образомъ Живоносный Источникъ и узрѣлъ чудо: изъ чаши потекла вода, какъ настоящая, живая. Онъ испугался и спросилъ невѣдомо кого: надо ли говорить объ этомъ чудѣ. Былъ отвѣтъ: отцу Фотію все разскажи». Этимъ и заканчивается разсказъ арх. Фотія.

Братъ Александра Ивановича **Семенъ Ивановичъ Гурьевъ** работалъ при отцѣ и послѣ отца хозяйствовалъ въ Твери. По достоинству работъ своихъ онъ ниже брата своего и отца, но въ общемъ работы его всетаки довольно высокаго достоинства. Иконы его работы въ холодной церкви *Бѣлой Троицы* на столбахъ: на лѣвомъ—многоличная икона съ изображеніями св. Михаила Архистратига, св. Петра, митрополита Московскаго, Арсенія и Варсонофія, епископовъ Тверскихъ, и великаго князя Александра Невскаго; вверху—изображеніе Преображенія Господня; на правомъ столбѣ—многоличная икона съ изображеніями Іоанна Крестителя, св. Николая чудотворца, Тихона, еп. Воронежскаго, Константина, князя Смоленскаго, и св. великомученицы Параскевы; вверху иконы изображеніе Успенія Божіей Матери. На первой изъ нихъ имѣется даже надпись, удостовѣряющая, что «писалъ (ее) Семенъ Гурьевъ въ 1861 году». Его письма также святцы, которыя находятся *въ Трехъисповѣдницкой церкви* въ придѣлѣ «Взысканіе погибшихъ».

Иконы письма Ивана Прохоровича Гурьева, **основателя** мастерской, сохранились во многихъ церквахъ г. Твери. Такъ *въ Исаевской Богородицерождественской церкви* въ придѣлѣ св. Петра и Онуфрія иконы во всемъ почти иконостасѣ работы Ивана Прохоровича; исключеніе составляютъ царскія двери, которыя, несомнѣнно, сработаны сыномъ его—Александромъ Ивановичемъ Гурьевымъ, и иконы св. Николая чудотворца и Рождества Пр. Богородицы съ житіемъ, работы неизвѣстнаго мастера. Въ придѣлѣ десяти кизическихъ мучениковъ той же церкви всѣ иконы за немногими исключеніями опять таки письма Ивана Прохоровича Гурьева; исключеніе это составляютъ царскія и сѣверныя двери съ изображеніемъ Арх. Михаила, которыя, несомнѣнно, написаны вторымъ сыномъ его—Семеномъ Ивановичемъ. Этому же послѣднему принадлежитъ и запрестольная икона (въ томъ же придѣлѣ) Божіей Матери Смоленской, а также икона Іоанна Крестителя въ холодной церкви за правымъ клиросомъ и икона того же святого на правой сторонѣ въ аркѣ при проходѣ изъ теплой церкви въ холодную, и на лѣвой сторонѣ той же арки икона свят. Митрофана Воронежскаго. Въ церкви *Екатерины мученицы* Ивану Прохоровичу Гурьеву принадлежитъ икона Воздвиженія Животворящаго Креста Господня, имѣющаяся тамъ въ придѣлѣ Николая чудотворца на столбѣ налѣво отъ входа.

Евграфъ Васильевичъ Садовниковъ.

Евграфъ Васильевичъ Садовниковъ учился у Александра Ивановича Прохорова [1]) и долго работалъ съ нимъ въ Новгородѣ. Его работа рѣзко отличается отъ работъ остальныхъ тверскихъ иконописцевъ. Пошибъ его письма подходитъ болѣе къ живописи; такъ: фигуры полнѣе, жизненнѣе, гвентовъ больше, рисунокъ закругленнѣе, болѣе подробностей, тѣней и полутоновъ; его письмо отличается чистотою работы, тщательностью отдѣлки и колоритностью. Въ особенности онъ любилъ и неподражаемо рисовалъ лики ангеловъ; въ этомъ искусствѣ никто изъ тверскихъ мастеровъ не могъ съ нимъ сравняться. По своей работѣ онъ стоитъ особнякомъ среди тверскихъ иконописцевъ и, къ сожалѣнію, никого не нашлось, кто бы ему подражалъ и могъ сравниться съ нимъ по силѣ таланта. Самъ же онъ мастерскую имѣлъ небольшую, потому что много пилъ и не могъ вести большого дѣла.

Иконы его письма можно видѣть *въ Вознесенской, что на проспектѣ, церкви*. Въ этой церкви иконъ его письма сохранилось болѣе всего. Такъ въ главномъ придѣлѣ (среднемъ) изображеніе архангела Михаила на южныхъ дверяхъ и архангела Гавріила—на сѣверныхъ, его работы; а также ему принадлежатъ въ означенномъ придѣлѣ и иконы Вознесенія Христова и Божіей Матери (мѣстныя). Въ придѣлѣ пр. Антонія и Ѳеодосія той же церкви храмовая икона Печерскія Божіей Матери, а также мѣстныя—Христа Спасителя и Божіей Матери, его письма. Несомнѣнно, имъ же было написано и Благовѣщеніе Божіей Матери на царскихъ дверяхъ въ означенномъ придѣлѣ, но изображеніе это впослѣдствіи сильно попорчено. Изъ другихъ церквей г. Твери можно указать только на *церковь Екатерины мученицы*, въ которой сохранилось нѣсколько иконъ его письма; такъ въ придѣлѣ Іонна Крестителя икона Божіей Матери «Всѣхъ Скорбящихъ Радость» (первая отъ арки, раздѣляющей теплую церковь отъ холодной), икона Покрова Пресвятой Богородицы, а также мѣстная икона Спасителя съ предстоящими, носящая названіе «Предста Царица», его письма. На этихъ иконахъ имѣются его надписи, состоящія изъ иниціаловъ: «Тв. Ж. Е. С.» или «Т. Жи. Евгра. Сад.», что значитъ: Тверской живописецъ Евграфъ Садовниковъ.

---

[1]) Что тоже—Глазковскаго или Гурьева, см. выше.

Чистяковъ Иванъ Никифоровичъ (онъ же Зубчаниновъ).

Иванъ Никифоровичъ былъ хорошій иконописецъ и живописецъ. Онъ учился у Сухарева, А. И. Прохорова и много работалъ у послѣдняго въ Новгородѣ.

Такъ какъ онъ работалъ и на маслѣ, то у него и пошибъ былъ живописный, хотя его работа равняться съ работами Садовникова не можетъ. Онъ умеръ отъ холеры въ 1863 г. или около этого времени.

Его работы иконостасъ въ холодной церкви *села Едрова* близъ Новгорода, гдѣ съ нимъ вмѣстѣ писали Семенъ Ивановъ Гурьевъ и Иванъ Филимоновъ Арефьевъ. Въ Твери *во Владимірской церкви* въ придѣлѣ Георгія Побѣдоносца весь иконостасъ (на правой сторонѣ иконы: Спасителя, входъ Господенъ въ Іерусалимъ, Георгія Побѣдоносца; съ лѣвой—иконы Божіей Матери, Соборъ Арх. Михаила и Рождество Богородицы) его работы, а также его работы и всѣ иконы въ иконостасѣ придѣла Параскевы Пятницы той же церкви. Въ церкви *Екатерины мученицы* въ придѣлѣ Николая чудотворца икона Боголюбской Божіей Матери работы Ивана Никифоровича Чистякова. На этой иконѣ имѣется слѣдующая надпись: «1841 года Маія 16 дня Іванъ Зубчаниновъ». Изъ выучениковъ его извѣстенъ—Аѳанасій Бобриковъ.

Былъ у него ученикъ, котораго онъ опредѣлилъ въ Академію Художествъ и который впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ живописцемъ. Онъ пріѣзжалъ въ Тверь благодарить Ивана Никифоровича и въ знакъ этой своей благодарности нарисовалъ его портретъ.

Горушкинъ Николай Михайловъ.

Жилъ за Тверцою въ приходѣ Мины, Виктора и Викентія. Работалъ въ дѣвичій монастырь въ Твери монашенкамъ. Въ Оршинѣ монастырѣ, близъ Твери, иконы, жертвованныя почтовымъ чиновникомъ Труневымъ, работаны имъ. Его же, и нужно при томъ прибавить, довольно хорошей работы, святцы, писанныя на трехъ доскахъ, по четыре мѣсяца на каждой, находятся *въ Исаевской Богородицерождественской церкви*. Подобныя святцы, писанныя имъ же, находятся и въ Оршинѣ монастырѣ.

Дешевой Степанъ Ермолаевъ.

Жилъ онъ на Садовой улицѣ въ собственномъ домѣ. Работалъ онъ много, но гдѣ иконы его работы, указать трудно. Подъ конецъ жизни онъ былъ отозванъ въ село Губинъ Уголъ, тамъ работалъ въ монастырѣ, тамъ и умеръ. Учениковъ у него не было; жилъ онъ бѣдновато.

Священникъ В. И. Некрасовъ.

Изъ воспоминаній объ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаревѣ (бывшемъ архимандритѣ Ѳеодорѣ).

Въ моей памяти свѣтлой личностью встаетъ Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ тверяковъ, авторъ богословскихъ сочиненій, имѣвшихъ извѣстность въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, «одинъ изъ трехъ истинныхъ христіанъ», которыхъ зналъ Погодинъ, и «младенчески чистая душа», какъ характеризуетъ его проф. Знаменскій. Съ своей стороны я позволяю себѣ представить вашему вниманію нѣсколько моихъ личныхъ воспоминаній объ этомъ замѣчательномъ писателѣ и дѣятелѣ.

Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ родился въ 1822 г. въ с. Ѳедоровскомъ, Корчевского уѣзда. Отецъ его былъ мѣстный діаконъ и вмѣстѣ учитель большой помѣщичьей школы. О. Матвѣй пользовался заслуженной извѣстностью и почтеніемъ у своихъ прихожанъ, въ большинствѣ его учениковъ. Онъ отличался скромной и трезвенной жизнью, и домъ его былъ любимѣйшимъ мѣстомъ духовной молодежи, которая во время каникулъ нерѣдко гащивала у Матвѣя и Маѳы Бухаревыхъ, всегда радушно открывавшихъ двери своего дома знакомымъ семинаристамъ, находившимъ у нихъ самый любезный радушный пріемъ.

Сынъ ихъ Александръ не былъ первенцемъ, а старше его были двѣ сестры, и обѣ онѣ не разъ разсказывали мнѣ о своемъ братѣ, въ дѣтствѣ очень скромномъ и уступчивомъ мальчикѣ. Воспитывался онъ вмѣстѣ съ сестрами подъ руководствомъ отца и матери, души не чаявшихъ въ своемъ сынѣ, который еще съ дѣтства показывалъ большіе задатки ума и нравственности. Улица и тогда не прельщала его. Шалости были ему чужды. Учился онъ также у отца, и ученіе ему далось быстро и легко. 5—6 лѣтъ онъ читалъ уже хорошо и по гражданской и церковной печати и тогда уже любимѣйшимъ его занятіемъ было чтеніе четьи-минеи. «Нельзя было сдѣлать ему бо́льшаго удовольствія», говорила его сестра, «какъ попросить прочесть житіе ка-

кого-либо святого, особенно же Алексія Божія человѣка. Бывало мы съ матерью за лучиною прядемъ, а Саша до того увлекался чтеніемъ, что приходилось его останавливать: пора спать, говоришь»...

Къ школѣ подготовилъ его опять-таки самъ о. Матвѣй, и подготовилъ его такъ, что не смотря на его лѣта (7 лѣтъ), ростъ (малый), худобу, строгій ректоръ училища все-таки принялъ его прямо во 2 классъ. Случай въ то время рѣдкій, но на самомъ дѣлѣ, какъ передавали мнѣ потомъ сверстники его, мальчикъ заслуживалъ такого поощренія, ибо все, что проходилось въ первомъ классѣ, ему было уже хорошо извѣстно. Мальчикъ, принятый прямо во 2 классъ, оправдалъ надежды ректора, онъ сталъ первымъ ученикомъ и продолжалъ быть имъ до поступленія въ семинарію. О событіи послѣднемъ подробно занесено въ исторію Тверской семинаріи, въ кототорой разсказывается о замѣчательныхъ, выступавшихъ изъ ряда дарованіяхъ Бухарева, проявленныхъ имъ на конкурсномъ экзаменѣ. На этомъ экзаменѣ онъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ одержалъ верхъ надъ всѣми, поступавшими тогда и изъ другихъ училищъ Тверской епархіи; такъ что отвѣты его и сочиненія вызвали удивленіе у всего семинарскаго ареопага предъ его способностями, и самъ ректоръ въ восторгѣ сказалъ: «тебѣ не Бухаревъ фамилія, а Орловъ». Тѣмъ не менѣе этотъ Орловъ оказался на столько скромнымъ, что избѣгалъ всякой похвалы и одобренія... Не могу умолчать, что скромность отличала способнаго ученика и въ училищѣ. Самъ Владыко Тверской Григорій [1]) посѣщалъ училище, забиралъ къ себѣ въ карету маленькаго босого Бухарева и привозилъ его въ Трехсвятское, гдѣ и снабжалъ его яблоками. Товарищи его любили за всегдашнюю его готовность помочь имъ и за всякое отсутствіе въ немъ *чванства и гордости*, хотя онъ былъ и сеніоръ или старшій изъ старшихъ.

Мои личныя воспоминанія начинаются съ того времени, когда онъ уже учился въ среднемъ отдѣленіи семинаріи и когда на вакаціяхъ бывалъ у насъ въ домѣ и у нашей сосѣдки, богатой и образованной пожилой вдовы помѣщицы Е. В. Яковлевой. Я началъ учиться подъ его руководствомъ, а Е. В. не уставала заниматься съ нимъ иностранными языками и снабжала его книгами изъ своей обширной библіотеки. Помнятся мнѣ хорошо его разсказы изъ священной исторіи простые, но въ то же время назидательные, поучительные, уроки изъ

[1]) Впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

катихизиса, который онъ требовалъ знать точно и не забывать: ибо это основа всей нашей жизни.

Не понималъ я тогда хорошенько еще многаго изъ его сказаній, но тѣмъ не менѣе привыкалъ вѣрить ему и слушаться его безпрекословно. Онъ былъ тогда юноша небольшого роста, худенькій, тщедушный, но обладалъ большими добродушными ласковыми сѣрыми глазами и выразительнымъ лицомъ съ крутымъ подъемомъ лобной его части. Симпатичная улыбка озаряла нерѣдко его одушевленное лицо. Говорилъ онъ голосомъ пріятнымъ и говорилъ почти всегда серьезно, пустыхъ разсказовъ или анекдотовъ не любилъ, а въ особенности былъ чуждъ и не терпѣлъ непристойностей, грубостей и тѣмъ болѣе разговоровъ фривольнаго свойства. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ посѣщать храмъ Божій и помогать пожилому уже дьячку читать и пѣть, и эта любовь не покидала его и въ юности, когда онъ былъ уже въ классѣ философіи... Его сверстники, покойный В. Ѳ. Владиславлевъ [1]) и заслуженный профессоръ Петербургской дух. академіи Е. И. Ловягинъ—съ уваженіемъ вспоминали своего однокашника, выказывавшаго такія блистательныя способности и вмѣстѣ чрезвычайную скромность и доброту [2]).

Какъ лучшаго ученика, Бухарева послали въ Московскую Академію, гдѣ онъ продолжалъ заниматься прилежно, пользуясь вниманіемъ своихъ учителей и товарищей. Кончилъ курсъ академіи онъ третьимъ магистромъ, до окончанія курса принялъ монашество съ именемъ Ѳеодора и назначенъ былъ баккалавромъ Академіи съ чтеніемъ лекцій по священному писанію. Его родныхъ удивило это поступленіе въ монашество, но онъ писалъ, что «такъ угодно волѣ Господа и что путь спасенія найденъ... Приходится много работать, а въ уединеніи отъ всякихъ мірскихъ искушеній работать будетъ легче»... И на самомъ дѣлѣ, когда мы въ 1848 году увидѣлись съ нимъ въ Академіи, гдѣ онъ жилъ въ помѣщеніи для баккалавровъ-монаховъ, все время его было раздѣлено между профессорскою каѳедрою, письменнымъ столомъ и моленнымъ аналоемъ. И тогда уже онъ былъ уважаемъ товарищами-профессорами и студентами и извѣстенъ былъ митрополиту Филарету, который слѣдилъ съ особымъ расположеніемъ за молодымъ

[1]) Второй магистръ одного выпуска изъ Московской духовной академіи и впослѣдствіи протоіерей Владимірской церкви г. Твери.

[2]) Всѣ они трое учились вмѣстѣ съ первыхъ классовъ училища и также въ семинаріи.

преподавателемъ. Студенты любили о. Ѳеодора за то, что онъ уклонялся отъ схоластицизма и всегда готовъ былъ помочь своимъ слушателямъ и словомъ и дѣломъ. Второй разъ мнѣ пришлось бысь у него въ 1851 году и увидѣть его еще не поправившимся вполнѣ послѣ трудной болѣзни, посѣтившей его вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія физическихъ силъ и многихъ лишеній, связанныхъ съ чиномъ монашества, и тогда онъ говорилъ мнѣ, что ему хочется оставаться только монахомъ и учителемъ, а архимандритство и духовныя должности его не прельщаютъ. Онъ уже и тогда подавалъ просьбы объ увольненіи его отъ административныхъ должностей. Тѣмъ не менѣе на него пало назначеніе быть инспекторомъ Казанской Духовной Академіи съ производствомъ въ архимандрита.

Съ этого времени мнѣ уже не приходилось видѣться съ нимъ лично до 1858 года, когда онъ былъ переведенъ въ Петербургъ членомъ духовнаго цензурнаго комитета, и когда часто удавалось бывать у него и видѣться съ нимъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ съ легкимъ багажемъ: книгами и малымъ количествомъ носильнаго платья, такъ что и дѣйствительно могъ сказать: omnia mecum porto... Поселился онъ въ Лаврскомъ старомъ домѣ, который находился на Александро-Невскомъ кладбищѣ и назначенъ былъ для помѣщенія духовнаго цензурнаго комитета. Членовъ комитета было четыре, и всѣ они были лично извѣстны митрополиту Григорію. Помѣщеніе каждаго изъ нихъ состояло изъ двухъ комнатъ, пріемной и кабинета и общей прихожей; меблировка ихъ была очень и очень скромной. Я былъ тогда студентомъ Медицинской Академіи въ послѣднихъ курсахъ, и очень обрадовался переводу его на службу въ Петербургъ. Мать моя возлагала на него все свое упованіе, что онъ защититъ ея дѣло правое предъ новымъ тогда Тверскимъ архіереемъ Филоѳеемъ, но о. Ѳеодоръ тогда же прямо сказалъ, что едва ли хлопоты увѣнчаются успѣхомъ и что архіепископъ Филоѳей строгій исполнитель велѣній Синода и не рѣшится преступать его распоряженій. Такъ и вышло. Побывали мы оба у владыки Филоѳея и оказалось невозможнымъ удовлетворить просьбы; въ то время уже состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ обычая духовенства отдавать мѣста дочерямъ, принимать въ домъ и проч.

О. Ѳеодоръ и здѣсь въ Петербургѣ повелъ аскетическую жизнь, хотя въ столицѣ были и товарищи, и ученики его, жаждавшіе общенія съ нимъ. Онъ рѣдко выходилъ за стѣны лавры, но еже-

дневныя его путешествія были по кладбищу, окружавшему домъ комитета. Его единственный прислужникъ былъ старый отставной солдатъ, большой любитель выпивки и въ то же время страшный резонеръ. Бритва рѣдко касалась его бороды. Служилъ онъ вѣрно, но иногда уходилъ и пропадалъ по цѣлымъ суткамъ, такъ что его преподобіе оставлялъ и безъ чаю и безъ обѣда. Возвращался всегда съ всклокоченными вихрами и съ потупленными долу очами, на что его преподобіе только качалъ головой и сожалительно произносилъ: эхъ, Матвѣй, Матвѣй... Но тотъ упорно молчалъ и сопѣлъ. Матвѣй не очень долюбливалъ «шлющую братію» какъ онъ называлъ странниковъ, расчитывавшихъ на подаяніе.—«Не усмотришь за ними, говорилъ онъ, отвернешься на минуту, глядь и прошмыгнутъ и сопрутъ изъ стола. Его преподобіе-то не доходитъ до этого».

Несмотря на свое отшельничество, о. Ѳеодоръ пользовался извѣстностью, какъ строгій подвижникъ и мужъ большихъ дарованій. Своей цензорской обязанностью началъ онъ тяготиться скоро же послѣ того, какъ только вступилъ въ отправленіе своей должности. Дѣло это не согласовалось съ его утонченной христіанской совѣстью. Помнится одинъ случай, какъ одна барыня-писательница надоѣдала ему лично, прося пропустить написанную ею какую-то галиматейную книжицу, и обвиняла въ неправославіи даже строителей Исакіевскаго собора за то, что они выставили ангеловъ «черныхъ», а не «свѣтлыхъ».

Сидя рядомъ въ комнатѣ, я былъ возмущенъ требовательностью ханжи, но о. Ѳеодоръ терпѣливо выспросилъ ее и потомъ сказалъ мнѣ: «и такимъ хочется придти въ радость Господа». Но Матвѣй былъ другого мнѣнія, и когда я ему сказалъ: зачѣмъ же пускаешь ее, то онъ съ особой горячностью выразился: да, какъ ты ее не пустишь, когда она вотъ какой *мушкатеръ*. Въ другой разъ Матвѣй безъ церемоніи заперъ дверь подъ самымъ носомъ Аскоченскому: бродитъ тутъ, только безпокоитъ его преподобіе... Извѣстная выжига... Матвѣй цѣнилъ людей по своему, и потому иногда поступалъ даже вопреки желанію и приказанію его преподобія. Не одинъ разъ приходилось видѣть у цензора Аскоченскаго—этого въ то время наѣздника на науку и художество какъ бы во имя православія. Сначала о. Ѳеодоръ расположенъ былъ къ издателю Домашней Бесѣды, явившемуся какъ бы защитникомъ православія противъ вѣяній матеріализма съ Запада, но когда Аскоченскій дошелъ до невозможныхъ ругательствъ на науку и искус-

ство, то о. Ѳеодоръ прекратилъ всякія сношенія съ нимъ. Аскоченскій въ своей Домашней Бесѣдѣ не уставалъ осыпать ругательствами цензора и даже обвинялъ его въ *еретичествѣ*, но о. Ѳеодоръ говаривалъ иногда мнѣ: кажется, и не глупый человѣкъ, а истинъ Христова ученія не можетъ понять и впадаетъ въ изувѣрство и фарисейскую нетерпимость. Жаль очень, что идетъ совсѣмъ по ложному пути и работаетъ только во вредъ православію.

По обязанности цензора, о. Ѳеодору приходилось встрѣчаться и съ другими писателями по поводу статей ихъ, попадавшихъ въ духовную цензуру. Хорошо помнится встрѣча его съ Добролюбовымъ, который тогда велъ отдѣлъ критики и библіографіи въ Современникѣ. Тогда вышла за границей книга «О сельскомъ духовенствѣ», вызвавшая сенсацію. По поводу этой книги Добролюбовъ написалъ въ исключительно обличительномъ тонѣ статью въ Современникѣ, корректура которой была доставлена для просмотра о. Ѳеодору. Дня черезъ два утромъ Матвѣй подалъ карточку Добролюбова, о которомъ цензоръ былъ уже довольно наслышанъ отъ тверяковъ, учившихся съ нимъ въ Педагогическомъ Институтѣ, какъ талантливомъ писателѣ и обширно образованномъ человѣкѣ. Бесѣда цензора и автора была довольно продолжительна относительно *самыхъ основъ* вопроса вообще о духовенствѣ, и впослѣдствіи самъ Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ удивленъ, встрѣтивъ въ цензорѣ не какого-либо отчаяннаго клерикала, а столь правдиво настроеннаго человѣка по вопросу объ улучшеніи быта духовенства. Удивляло его и то, какъ при такихъ воззрѣніяхъ, онъ продолжалъ быть монахомъ... И затѣмъ, когда вышелъ въ свѣтъ трудъ о. Ѳеодора «О православіи въ отношеніи къ современности», въ Современникѣ появился благопріятный библіографическій отзывъ. Цензоръ же по уходѣ Добролюбова, говорилъ мнѣ: вотъ это личность самобытная, талантливая, охватывающая вопросы in toto, а не съ вершковъ и ищущая правды. Дай Богъ намъ поболѣе такихъ людей!.

Трудъ цензорскій болѣе и болѣе утомлялъ его, и онъ нерѣдко говаривалъ мнѣ, что не можетъ болѣе нести обязанности цензора; когда же я, по окончаніи курса, уѣзжалъ изъ Петербурга, то онъ окончательно рѣшилъ просить увольненія отъ службы; онъ расчитывалъ провести остальное время жизни въ одномъ изъ Переяслав-

скихъ монастырей, гдѣ у него были знакомые еще съ того времени, какъ онъ былъ баккалавромъ.

Хотя онъ самъ рѣдко бывалъ и у своихъ товарищей, но его посѣщали нерѣдко люди разныхъ слоевъ общества ради бесѣды съ нимъ и духовныхъ наставленій. Изъ такихъ лицъ особенно помнится Дубовицкій, президентъ Медицинской Академіи, и особенно тотъ непріятный случай, когда о. Ѳеодоръ отказалъ даже ему въ собесѣдованіи, прослышавъ, что онъ началъ очень круто обходиться со студентами и вообще вводить лишнюю тяжелую дисциплину... и находя, что это противно духу Христова ученія. И потомъ оказалось, что это не осталось безъ воздѣйствія на Дубовицкаго, совершившаго очень много полезнаго для Академіи. Помнится и еще одна дама изъ высшаго круга, которая по его совѣту завела даровое училище мозаики для дѣвицъ, и какъ оживленно и радостно встрѣчалъ онъ эту особу и говорилъ мнѣ: вотъ она слѣдуетъ Христу, учившему богатаго: иди, раздай имущество бѣднымъ, а тѣмъ болѣе нуждающимся въ образованіи, въ просвѣщеніи, христіанскомъ трудѣ.

Въ то время нерѣдко бывали у него о.о. Гречулевичъ [1]) и Лебедевъ [2]). Первый въ то время, по соглашенію съ цензоромъ, подалъ заявленіе о разрѣшеніи ему издавать духовный журналъ, названіе коего Странникъ и самый эпиграфъ: «не имамы здѣ пребывающаго града»... даны цензоромъ о. Ѳеодоромъ. Въ 1 № этого журнала была помѣщена статья его о простотѣ вѣры и нравственности. Въ этой статьѣ была очерчена и личность его отца, «животъ свой положившаго» ради любви къ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Въ первый годъ изданія Странника все сочувствіе цензора было къ этому журналу. «По крайней мѣрѣ есть гдѣ высказаться по тому или другому вопросу», говаривалъ онъ, «а теперь время такое (1859 г.), что нельзя молчать, когда все у насъ оживаетъ. Не оставаться же нашему духовенству внѣ всякаго движенія. Съ одной стороны, матеріалистическія воззрѣнія Запада, съ другой—заскорузлый обскурантизмъ; а христіанское просвѣщеніе гибнетъ, а Христосъ снова распинается. Христово ученіе потому и было дѣйственно, что оно не обличало только книжниковъ и фарисеевъ, а касалось самыхъ основъ нравственности, касалось откровенія и пр. И онъ радовался, если встрѣчались въ то время въ печати статьи, требовавшія обновленія

[1]) Впослѣдствіи епископъ Виталій.

[2]) Потомъ протоіерей, настоятель Казанскаго собора въ Петербургѣ.

въ жизни и бытѣ духовенства, и печалился, если все—и наука и искуство отвергались во имя православія. «Какъ будто бы православіе можетъ препятствовать прогрессу и тѣмъ новымъ реформамъ, которыя уже были готовы возсіять въ нашемъ отечествѣ».

Его отношенія къ крѣпостничеству были опредѣленно-отрицательны, и съ какой печалью онъ вспоминалъ, какъ много терпѣли крестьяне отъ довѣреннаго господъ жестокаго бурмистра въ селѣ, гдѣ онъ родился. Все это было испытаніе, говаривалъ онъ, и надо благодарить Господа, что, наконецъ, оно проходитъ.

Въ 1860 году я уѣхалъ изъ Петербурга на службу, онъ же оставался еще тамъ, но уже подавши просьбу объ увольненіи его отъ цензорскихъ обязанностей. Года черезъ два послѣ этого въ городѣ, гдѣ я служилъ, прошолъ слухъ, что онъ сложилъ съ себя санъ архимандрита и монашество, а нѣсколько времени спустя, я получилъ отъ него въ отвѣтъ на мое письмо слѣдующее: «Господь надъ нами! Послѣ послѣднихъ увѣщаній, послѣдовало, наконецъ, распоряженіе Синода о снятіи съ меня, по моему желанію, монашества, и теперь я снова Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ». Какіе поводы, какіе мотивы послужили къ такому шагу,—точно неизвѣстно. Одни писали тогда, что это было недовольство синодскимъ запрещеніемъ его книги толкованія на Апокалипсисъ, другіе сообщали что это былъ шагъ реформаціонный. Но на самомъ дѣлѣ это было только освобожденіе отъ стѣснительныхъ и неудовлетворявшихъ его узъ монашества, явилось лишь результатомъ особенно утонченной во Христѣ его совѣсти. Онъ не могъ жить въ раздвоеніи съ самимъ собою и порѣшилъ лучше вытерпѣть всѣ непріятности и перенесть всѣ тяжести, связанныя съ оставленіемъ монашества, нежели продолжать жизнь въ званіи, несоотвѣтственномъ его взглядамъ, его душѣ. Многіе бывали въ такомъ положеніи, но какъ то успѣвали поладить съ своею совѣстью, его же чистая нравственная христіанская душа не могла выносить бремени, сознавая его тщету. На счетъ же служенія на высокихъ административно-духовныхъ должностяхъ, онъ еще ранѣе высказывался отрицательно, что и доказалъ своими просьбами объ увольненіи его отъ должности инспектора Казанской Академіи. Призваніе ученаго монашества, по его словамъ, было иное, чѣмъ администрація—хотя бы и высшая.

По снятіи сана, Александръ Матвѣевичъ оказался только просто сыномъ діакона, и даже ученая степень магистра не была оставлена

ему. Кромѣ того, онъ не имѣлъ права жительства въ столицахъ. Единственный способъ его содержанія оставался—литературный трудъ. Въ томъ же году онъ написалъ мнѣ уже изъ Твери, что Господь даровалъ ему жену Анну Сергѣевну изъ рода дворянъ Радышевскихъ и что они прибыли въ Тверь, гдѣ и поселились въ домѣ его брата. «Благодареніе Господу за все», такъ оканчивалъ онъ каждое свое письмо.

На слѣдующій годъ мнѣ удалось быть въ Твери и навѣстить Бухаревыхъ. Они тогда уже не жили у брата, а занимали комнату у одного знакомаго. Александръ Матвѣевичъ былъ погруженъ въ работы по исправленію своихъ лекцій священнаго писанія и по разъясненію поднятыхъ имъ вопросовъ объ отношеніи православія къ современности. Оба они чутко и сочувственно отзывались къ новымъ вѣяніямъ и реформамъ, сожалѣли о молодежи (студенческія исторіи и волненія) и радовались, что, настала, наконецъ, заря обновленія нашего отечества. Нельзя было не видѣть, что имъ нелегко жилось, и что обстоятельства ихъ были очень стѣснены. Издатели сочиненій архимандрита Ѳеодора начали отказываться отъ изданія трудовъ Александра Бухарева. И въ самой Твери нашлись люди, которые не могли простить имъ, что они, имѣя всю возможность жить лучше въ матеріальномъ отношеніи и смыслѣ, отказались, такъ сказать, отъ ихъ «карьеръ». Но они сами не произнесли ни единаго слова жалобы или неудовольствія,—работали сообща и во всемъ были «едино сердце и едины усты». Самъ онъ въ то время представлялся по внѣшнему виду довольно истощеннымъ, слабоватымъ, но таже доброта сіяла въ его очахъ и тотъ же умъ и велій духъ горѣли любовію къ Спасителю и всѣмъ людямъ, такъ же сильно было въ немъ стремленіе сказывать и уяснять все величіе тайны воплощенія Господа и спасенія нашего вѣрою въ Христа Искупителя. И мнѣ на прощаньи онъ сказалъ: «помни, Петръ, единый есть цѣлитель душъ и тѣлесъ Самъ Господь Христосъ, и ваша врачебная наука въ своихъ основахъ не можетъ обойтись безъ той благодати, какую приноситъ Христосъ».

Въ тотъ разъ мнѣ недолго пришлось пробыть въ Твери, но я все-таки видѣлъ людей сильныхъ духомъ и любовью, для которыхъ существовала одна цѣль: спасеніе свое и другихъ, единственно возможное во Христѣ. Онъ много трудился и писалъ о нуждахъ мысли и потребностяхъ русскаго человѣка въ то время, и его писанія не были отвлеченны и чужды современной жизни, напротивъ, онъ не могъ не отзываться на существовавшія и нарождавшіяся новыя явленія нашей

общественной жизни. Супруга его являлась для него и хранителемъ и вѣрнымъ помощникомъ во всемъ. Они безропотно переносили и оскорбленія, и недостатки, и только благодарили Господа за все.

Года два спустя пришлось мнѣ еще разъ увидѣться съ ними, но уже въ Ростовѣ, гдѣ они жили въ одной изъ улицъ, ближайшихъ къ монастырю, въ маленькомъ домѣ. И здѣсь Александръ Матвѣевичъ продолжалъ туже трудовую и самую благочестивую жизнь, но здоровье его было уже довольно подломлено. Ежедневно утромъ ходилъ онъ въ храмъ Божій на молитву и затѣмъ садился надолго за письменный столъ, продолжая разъяснять ученіе о Христѣ, какъ объ основѣ всей нашей общественной и личной жизни. Одѣвался онъ тогда въ длинное сакъ-пальто и съ длинными бородою и волосами онъ представлялся скорѣе также инокомъ. На лицѣ его было уже написано хроническое страданіе важныхъ органовъ, но выраженіе его было такъ же добро и привѣтливо, и рѣчь его была также проникновенна истиною Евангельскаго ученія, какъ и въ былыя времена. По обычаю нашему, сходили мы съ нимъ въ монастырь къ обѣднѣ и прошли на кладбище—любимое мѣсто для его прогулокъ.

Здѣсь онъ сказалъ мнѣ, что еще не успѣлъ совершить всего подвига, но вообще онъ не любилъ говорить о себѣ и о своихъ дѣлахъ, а интересовался болѣе событіями изъ жизни своихъ собесѣдниковъ. Такъ и здѣсь онъ обратился ко мнѣ съ вопросами о моихъ занятіяхъ, о моей семьѣ и о моихъ намѣреніяхъ, и бесѣда наша обратилась въ слова поученія съ одной стороны. Хорошую, брате, ты избралъ профессію, но трудную. Много требуется терпѣнія и любви—также иногда самоотреченный подвигъ,—но не забывай, что во всемъ свѣтится благодать Господа Нашего Іисуса Христа. Если Онъ во главѣ всего этого дѣла; то и самое дѣло Божіе. Филантропіи здѣсь даже мало, но требуется Его дѣйственная помощь, и тогда ничего нѣтъ невозможнаго. Ты самъ знаешь, какъ Онъ Самъ врачевалъ больныхъ и тѣломъ и духомъ.

Мы возвратились въ квартиру и послѣ скромнѣйшаго завтрака долго длилась бесѣда наша втроемъ, связанная болѣе съ воспоминаніями о нашихъ родныхъ и о дняхъ молодости. Многихъ уже тогда не было на свѣтѣ, иные же жили отъ насъ далеко; но сочувствіе полное высказано было къ несчастной судьбѣ однихъ и къ перемѣнамъ счастья другихъ. Я видѣлъ, что здоровье его значительно ослабѣло и пускался

было въ совѣты; но на все получалъ отъ него одинъ отвѣтъ: Господу угодно такъ, и я чувствую еще себя въ силахъ работать. Анна Сергѣевна тревожно справлялась о состояніи его здоровья и сейчасъ прибавляла, что физическое его недомоганіе не оказываетъ вліянія на мощь его духа и доброту его сердца. Онъ остается также вѣрнымъ чадомъ православной церкви и широко смотритъ на всѣ событія. Только одно безпокоило его, что тѣ люди, которыхъ онъ почиталъ чистыми зернами на нивѣ Христовой, оказывались между тѣмъ только плевелами, уклоняясь болѣе въ житейское попеченіе о себѣ.

И это было мое послѣднее свиданіе съ ними, пока мы съ женой не получили извѣстія объ его смерти. Мы были очень опечалены, что не могли уже отдать послѣдній долгъ тому, кто былъ отцемъ нашимъ и руководителемъ въ жизни съ самаго дѣтства, но были утѣшены и тѣмъ, что явилось много простого люда проводить въ могилу прахъ учителя и борца за истину воплощенія Бога Слова ради всѣхъ грѣшныхъ. Весьма многіе изъ простого народа сопровождали тѣло его на Переяславское кладбище, гдѣ онъ и погребенъ, и оплакивали его, какъ праведнаго мужа и добраго наставника, жаждавшаго всѣмъ спасенія.

Незадолго, впрочемъ, до кончины его, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ по поводу одного моего воззрѣнія, что противообщественныя прегрѣшенія и здѣсь на этомъ свѣтѣ влекутъ за собою наказанія не только самихъ дѣльцовъ, но и ихъ рода, писалъ: «аще назритъ Господь на прегрѣшенія кого либо отдѣльно или цѣлаго рода, племени, кто постоитъ? Но я вѣрую въ Господа, умершаго за беззаконныхъ и грѣшныхъ, а потому въ жизни надъ человѣкомъ или цѣлымъ родомъ вижу не столько гнѣвъ, сколько милость Божію, вводящую грѣшныхъ въ соучастіе, волею или неволею, въ спасительныхъ страданіяхъ агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра. Вѣра, настроенная такимъ образомъ, будетъ молитвенно привлекать къ себѣ и другимъ милующую благодать Христову».

И это было его credo, которое онъ разъяснялъ словомъ и проводилъ въ жизнь самымъ дѣломъ и примѣромъ. Вся жизнь его съ дѣтства и до самой смерти показывала въ немъ незаурядную умственную и нравственную силу и послѣ него остались труды, изученіе которыхъ также показываетъ чистоту вѣры, глубину мысли и высокія дарованія, не зарытыя подъ спудъ, а развитыя имъ въ полноту мѣры и совершенства. «Да и нельзя было не любить такого человѣка», говорила мнѣ

вдова его, когда мы встрѣтились впослѣдствіи съ нею, «и истаго христіанина» прибавилъ я. Это былъ человѣкъ хотя и слабый тѣломъ, но очень сильный духомъ, и для меня нѣтъ сомнѣнія, что историческія изысканія создадутъ полное изображеніе этой замѣчательной личности, явившейся у насъ во времена переходныя, когда старыя традиціи еще упорно стояли противъ наступавшаго лучезарнаго свѣта, и доблестно выяснявшей необходимость обновленія жизненнаго строя нашего отечества.

П. А. Илинскій.

Протоіерей Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Сидонскій.

(Краткій біографическій очеркъ).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на біографіи одного изъ выдающихся тверитянъ, протоіерея Ѳеодора Ѳеодоровича Сидонскаго. Онъ родился въ 1805 году. Отецъ его, небогатый сельскій священникъ, отдалъ Ѳ. Ѳ. въ духовное училище, а затѣмъ онъ перешелъ въ семинарію. Тверская семинарія въ то время имѣла нѣсколько выдающихся педагоговъ. Особенно сильное вліяніе на Ѳ. Ѳ. Сидонскаго имѣли лекціи Сипягина и Ловягина. Онъ вынесъ изъ семинаріи не только основательное классическое и богословское образованіе, но и философскую пытливость, рано въ немъ развившуюся. Благодаря знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые Ѳ. Ѳ. изучилъ самоучкою, онъ много прочиталъ научныхъ изслѣдованій по разнымъ богословскимъ и философскимъ вопросамъ. Въ 1825 г. Ѳ. Ѳ. поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію и широко пользовался богатою ея библіотекою. Въ Академіи были прекрасные профессора Павскій, Делекторскій и др., проникнутые искреннею преданностью наукѣ; они обратили вниманіе на даровитаго студента Сидонскаго. По его словамъ, благодаря имъ онъ пріобрѣлъ основательныя познанія по философіи. Ѳ. Ѳ. еще въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ обширную энциклопедическую начитанность и выдавался своими знаніями и трудолюбіемъ. По окончаніи Академіи, Ѳ. Ѳ. былъ оставленъ при ней бакалавромъ сначала для преподаванія англійскаго языка, а потомъ и философіи. 24 ноября 1829 года Ѳ. Ѳ. былъ рукоположенъ во священника къ Казанскому собору, съ 21 марта 1849 года былъ ключаремъ, а съ 29 августа 1859 года нештатнымъ протоіереемъ при соборѣ. Служба его въ Духовной Академіи продолжалась недолго. Преподавая философію, Сидонскій, чтобы снабдить своихъ слушателей подходящимъ руководствомъ, занялся тщательной обработкою своихъ лекцій, которыя и напечаталъ въ 1833 году подъ заглавіемъ: «Введеніе въ науку философіи». Для своего времени эта книга составила выдающееся явленіе въ русской философской литературѣ

и была встрѣчена всеобщимъ сочувствіемъ среди лицъ, дорожившихъ успѣхами философіи въ Россіи: руководясь отзывомъ профессора Фишера, Академія Наукъ въ 1836 году присудила за нее Сидонскому полную Демидовскую премію. Однако не смотря на все это и вопреки благонрiятному для поддержанія религіознаго чувства характеру воззрѣній Сидонскаго (по его взглядамъ, надежнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ философскаго мышленія долженъ быть для всѣхъ доступный опытъ; въ зависимости отъ этого онъ считаетъ недостижимымъ для насъ знаніе полной истины и недостатокъ послѣдняго долженъ пополняться вѣрой), обнародованіе этой книги послужило причиною служебныхъ неудачъ автора. За изданіе этой книги Ѳ. Ѳ. былъ перемѣщенъ на каѳедру французскаго языка и такъ какъ считали его направленіе недостаточно строгимъ, то въ 1835 году его совсѣмъ уволили отъ службы въ Академіи. Въ лицѣ Сидонскаго Академія лишилась прекраснаго профессора. Ѳ. Ѳ. былъ прекрасный лекторъ, но обстоятельства заставили его около 30 лѣтъ быть только священникомъ. Его преподавательская дѣятельность возобновилась въ 1865 г. приглашеніемъ его на каѳедру философіи въ С.-Петербургскій Университетъ. Но ученолитературная дѣятельность его не прекращалась до самой его смерти, хотя по внѣшнимъ обстоятельствамъ (напримѣръ, цензурнымъ, по недостатку средствъ для изданія своихъ сочиненій и т. п.) онъ напечаталъ очень мало, именно: въ 1834—1836 г. вышелъ его переводъ «Психической Антропологіи» Шульце, а сверхъ того онъ издалъ сочиненія своего товарища Дроздова—«Опытъ системы нравственной философіи (Спб. 1835 г.) и своего ученика Надеждина—«Очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду (Спб. 1837 г.). Кромѣ того, ему принадлежатъ нѣкоторыя статьи въ «Христіанскомъ чтеніи» и въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Плюшара. Въ этомъ словарѣ ему поручено было завѣдываніе богословскимъ и философскимъ отдѣлами, но онъ скоро отказался отъ участія въ этомъ предпріятіи. Въ 1867 г. въ журналѣ Мин. Нар. Просв. помѣщенъ разборъ Ѳ. Ѳ. Сидонскаго диссертаціи М. М. Троицкаго «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи». Во время своего профессорства въ Петербургскомъ Университетѣ Ѳ. Ѳ. писалъ разборы диссертацій и сочиненія по философіи. Напечатаны отзывы его о сочиненіяхъ П. Д. Лодія, проф. Пальмина и Фишера. Многія изъ работъ Ѳ. Ѳ. напечатаны безъ подписи въ журналахъ или изданы отдѣльно. Лучшая изъ нихъ—«Генетическое введеніе въ богословіе» (университетскія лекціи, изданы въ 1877 г. по записямъ студентовъ). Большинство

сочиненій Ѳ. Ѳ. остались послѣ его смерти въ рукописяхъ и не смотря на тщательные мои розыски и разспросы у родственниковъ, не извѣстно, гдѣ находятся, а можетъ быть, они и пропали. Изъ этихъ сочиненій Ѳ. Ѳ. болѣе всего цѣнилъ слѣдующія: «Жизнь Спасителя», «Исторія временъ апостольскихъ», «Синоптическое обозрѣніе Евангелій», «Собраніе собственныхъ изрѣченій Господа Іисуса Христа», «Разсужденія и переводъ 70-ти толковниковъ» (написанное имъ при окончаніи академическаго курса на степень магистра); «Еврейско-русскій словарь», «Новый Завѣтъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ» (работа Сидонскаго въ этомъ трудѣ состояла въ томъ, что текстъ располагался не по стихамъ, а по статьямъ разсказа, «что, по его словамъ, въ апостольскихъ посланіяхъ очень важно для облегченія разумѣнія»; трудъ этотъ, одобренный Академическимъ Правленіемъ, по недостатку у самого автора средствъ для изданія былъ имъ предоставленъ въ распоряженіе духовно-учебнаго управленія и тамъ остался); «Таблицы для приблизительнаго (до полутора часовъ) вычисленія новолуній, особенно пасхальныхъ», переводъ съ еврейскаго «Притчей» (съ сохраненіемъ сжатости и кадансированной рѣчи подлинника). Изданныя имъ въ 1839 г. три проповѣди свидѣтельствуютъ о его выдающемся ораторскомъ талантѣ. За надгробное слово, сказанное при похоронахъ проф. Неволина, Ѳ. Ѳ. Сидонскій получилъ много непріятностей. До 1854 г. Сидонскій не встрѣчалъ со стороны ученыхъ и правительственныхъ учрежденій никакихъ знаковъ уваженія къ своей учености и преданности наукѣ. Но въ этомъ году онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты и въ 1856 г. въ дѣйствительные члены Императорскаго Археологическаго Общества. Съ этого времени Академія Наукъ стала поручать ему разборъ книгъ, представляемыхъ на соисканіе Демидовской преміи, а духовное начальство возлагало на него разныя почетныя порученія. Такъ онъ былъ назначенъ членомъ-экспертомъ коммиссіи о религіозномъ дѣтоубійствѣ у евреевъ, членомъ коммиссіи объ обезпеченіи сельскаго духовенства западныхъ губерній, членомъ С.-Петербургской академической конференціи, и принималъ участіе въ исправленіи русскаго перевода псалтири. Въ 1860 г. онъ былъ избранъ въ члены германскаго національнаго музея въ Нюрнбергѣ, а въ 1868 г. въ члены Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. С.-Петербургскій Университетъ, какъ только былъ введенъ уставъ 1863 г., по которому возстановлялась каѳедра философіи (упраздненная въ русскихъ университетахъ въ 1850 г.) и Университетамъ предо-

ставлялось право возводить извѣстныхъ ученыхъ въ степень доктора, однимъ изъ первыхъ возвелъ въ это почетное званіе въ январѣ 1864 г. Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, которому Совѣтъ Университета поднесъ дипломъ почетнаго доктора философіи. А вслѣдъ затѣмъ Сидонскій былъ приглашенъ С.-Петербургскимъ Университетомъ для преподаванія философіи (съ окладомъ ординарнаго профессора) на два года. Но этотъ двухлѣтній срокъ возобновлялся трижды и Сидонскій преподавалъ логику, психологію и исторію философіи (сначала одинъ, а съ 1866 г. вмѣстѣ съ М. И. Владиславлевымъ) до 1873 г., когда каѳедра богословія вслѣдствіе выхода въ отставку прот. В. П. Полисадова сдѣлалась вакантной и была предложена Сидонскому, который перешелъ на нее и занималъ ее до своей смерти—всего около года. 6 декабря 1873 г. Ѳ. Ѳ. Сидонскій скончался. Въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ Ѳ. Ѳ. распространялъ въ нашемъ отечествѣ здравыя философскія понятія. Не имѣя возможности въ теченіи 30 лѣтъ читать лекціи, Ѳ. Ѳ. остался въ тиши своего кабинета вѣрнымъ своему призванію, въ теченіи 30 лѣтъ собственная его библіотека пополнялась всѣмъ, что только появлялось новаго и занимательнаго въ философіи и богословской литературѣ, и подъ его перомъ одна ученая работа смѣнялась другою. Очень жаль, что большинство его произведеній не напечатано и многія изъ нихъ имѣли-бы научное значеніе и теперь. Въ высшей степени желательно, чтобы всѣ архивныя комиссіи собирали матеріалы для біографическаго словаря уроженцевъ ихъ губерній, а въ библіотекахъ комиссій былъ учрежденъ мѣстный отдѣлъ, въ которомъ были бы собраны труды (печатные и рукописные) какъ уроженцевъ края, такъ и мѣстныхъ дѣятелей. Этимъ предложеніемъ я и оканчиваю свое сообщеніе.

А. Ѳ. Селивановъ.

Преосвященный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Юрьевскій.

Печальная судьба Стефана, архіепископа Суздальскаго и Юрьевскаго, доселѣ еще неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ и является поэтому во многомъ загадочной.

Первый прослѣдилъ біографію этого многострадальнаго архіепископа архимандритъ Леонидъ [1]). Въ нашихъ рукахъ находится въ настоящее время дѣяніе собора 1678 года, осудившаго этого архіепископа, оставшееся неизвѣстнымъ архимандриту Леониду. Это обстоятельство и побудило насъ изложить этотъ еще неизвѣстный наукѣ эпизодъ изъ жизни архіепископа Стефана.

Архіепископъ Стефанъ, будучи еще іеромонахомъ, былъ однимъ изъ приближенныхъ къ патріарху Никону лицъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю патріархъ писалъ: «а я, богомолецъ Вашъ, и попъ Стефанъ еще живы». Очевидно, что онъ уже въ это время былъ извѣстенъ царю. Начавъ построеніе самаго любимаго и лучшаго изъ своихъ монастырей, патріархъ Никонъ первымъ настоятелемъ его назначилъ Стефана. Въ 1657 году при освященіи соборной церкви въ этомъ монастырѣ Стефанъ въ присутствіи царя былъ произведенъ изъ игуменовъ въ архимандриты. Въ слѣдующемъ году патріархъ Никонъ посвятилъ архимандрита Стефана въ архіепископы Суздальскіе. Поставленіе это имѣло мѣсто почти предъ самымъ оставленіемъ Никономъ патріаршества. Началось дѣло о патріархѣ Никонѣ, самовольно оставившемъ свой престолъ, дѣло очень тяжелое для обоихъ «собинныхъ друзей». Бояре московскіе, игравшіе въ этомъ едва ли не самую видную роль, чтобы облегчить для правительства трудную борьбу съ

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей за 1876 г., кн. 1, стр. 223—235.

энергичнымъ патріархомъ, рѣшились прибѣгнуть къ помощи всѣхъ недовольныхъ церковными реформами патр. Никона. Они думали, что никто лучше ихъ не подорветъ значенія патріарха въ глазахъ народа. Всѣ главнѣйшіе расколоучители вернулись изъ мѣста своихъ ссылокъ съ разныхъ концовъ Россіи и даже отдаленной Сибири. Всѣ приверженцы старины подняли голову и начали громить патріарха и всѣхъ его приверженцевъ. Въ этотъ круговоротъ событій и попалъ преосвященный Стефанъ, какъ близкій человѣкъ и послѣдователь патріарха Никона. Дѣло о немъ началось съ доноса соборнаго попа Никиты, впослѣдствіи прозваннаго пустосвятомъ, и архимандрита Авраамія. Никита въ своемъ доносѣ отъ 1659 года писалъ, что архіепископъ Стефанъ «служитъ божественную литургію не по правиламъ св. отецъ, честнымъ канонамъ, и церквамъ, и всякой святыни ругается, учитъ священный чинъ и всѣхъ христіанъ не отъ божественнаго писанія». Обвиненія, несомнѣнно, очень тяжкія, но мы знаемъ цѣну ихъ въ устахъ расколоучителя. Началось слѣдственное дѣло. Во главѣ слѣдователей былъ поставленъ епископъ Вятскій Александръ, несомнѣнно, сочувствовавшій старинѣ. Архіепископъ Стефанъ на предъявленное къ нему обвиненіе, что онъ «дозволяетъ священникамъ въ одной епитрахили входить въ царскія двери, и стоя на амвонѣ во время Трисвятого, держать крестъ въ лѣвой рукѣ, а свѣщу въ правой», отвѣчалъ: «Борисоглѣбскому игумену Іову, въ началѣ всенощного въ патрахили въ царскіе двери ходить велѣлъ, потому что какъ онъ, архіепископъ, былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ въ архимандритахъ, и, тогда, при патріархѣ Никонѣ, изъ алтаря въ царскіе двери священники въ патрахилѣ ходили... На божественной литургіи въ Трисвятое Животворящій крестъ Господень въ лѣвой рукѣ держу, а въ правой рукѣ свѣщу и осѣняю на Трисвятомъ, и предъ литургіею ко облаченію и ко входу на стулѣ сижу и въ руку цѣловать даю по благословенію святѣйшаго Никона патріарха». Ссылаться на опальнаго патріарха, какъ на непоколебимый авторитетъ, значило въ то время дѣйствительно быть преданнымъ ему безъ лести. Не даромъ пытаются убрать съ дороги этого до неблагоразумія преданнаго патріарху человѣка; какъ архіепископъ, онъ могъ своими рѣчами повліять такъ или иначе на весь ходъ дѣла объ осужденіи патріарха. Неудивительно, поэтому, что

вернувшись въ Суздаль, Никита послалъ царю новый доносъ на архіепископа, что онъ вопреки царскому указу «грамотою отрѣшилъ меня отъ церкви и лишилъ хлѣбнаго жалованья и всякаго дохода». Но и на самого Никиту поступилъ доносъ отъ архіерейскаго приказнаго Дениса Петровыхъ, въ которомъ читаемъ, что попъ Никита «пріѣхавъ съ Москвы въ Суздаль сентября 16-го 1659 года, на другой день учинилъ большое смятеніе, называлъ архіепископа Стефана государевымъ измѣнникомъ и еретикомъ, и проклиналъ, и по отпускѣ на вечерни и на многолѣтіи архіепископа не поминалъ». Нельзя не замѣтить при этомъ, что едва ли бы попъ Никита осмѣлился такъ неистовствовать, если бы не былъ увѣренъ, что положеніе архіепископа непрочно въ высшихъ сферахъ.

Началось новое слѣдствіе. И опять во главѣ слѣдственной коммиссіи былъ поставленъ епископъ Александръ Вятскій. На разслѣдованіи было допрошено множество лицъ, которыя большею частію подтверждали сдѣланные противъ Стефана извѣты. Относительно Никиты соборный протопопъ съ причтомъ показали: «какъ попъ Никита пріѣхалъ съ Москвы въ Суздаль, и архіепископъ прислалъ свою грамоту, и приказной человѣкъ, Діонисій, велѣлъ грамоту подъячему Андрею въ соборной церкви чести, и попъ Никита грамоту у подъячаго изъ рукъ вырвалъ и изодралъ, а что въ грамотѣ написано, того намъ выслушать не далъ, а долю свою онъ, попъ Никита, церковной денежной доходъ и хлѣбный, емлетъ весь сполна, и архіепископа еретикомъ и великаго государя измѣнникомъ назвалъ».

Собранный въ 1660 году для суда надъ архіепископомъ Стефаномъ соборъ, заслушавъ слѣдственное дѣло, приговорилъ было его «къ извержению изъ сана», но, послѣ заслушанія личныхъ объясненій архіепископа, присудилъ «послать его въ монастырь, въ которой Великій Государь укажетъ, и быть подъ началомъ у добраго старца, и ему архіерейское ничтоже дѣйствовати и клирики не владѣти». Но «власти» на этотъ разъ черезъ-чуръ переусердствовали. Ознакомившись съ подробностями этого дѣла, несомнѣнной подкладкой котораго были какія-либо рѣчи въ пользу Никона, царь велѣлъ сказать властямъ: «которыя вины передъ нимъ, великимъ государемъ, архіепискупли, и

въ тѣхъ винахъ великій государь жалуетъ, его прощаетъ; а что свои архіепискупли вины церковные, и въ томъ бы они, власти, судили и прощали по правиламъ, потому что отъ простыхъ рѣчей прозябаютъ ереси, а попа Никиту чтобъ отослали подъ градской судъ». Узнавъ про отношеніе къ этому дѣлу царя, власти немедленно нашли, что во многихъ статьяхъ архіепископъ Стефанъ оклеветанъ Никитой, а въ другихъ винился предъ соборомъ и просилъ прощенія, и постановили простить его, но не оставили его въ Суздалѣ, потому что онъ «возненавидѣнъ этого города людьми, а указали ему быть ради пропитанія у Архангельскаго собора и въ немъ архіерействовати».

Съ 1660 по 1666 годъ архіепископъ Стефанъ и состоялъ при Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ «для поминовенія преставльшихся государей», именуясь Архангельскимъ и Звенигородскимъ. Въ концѣ 1666 или въ началѣ 1667 года ему возвращена была прежняя его епархія, все это время остававшаяся вакантной. Въ это время правительство въ виду прибытія восточныхъ патріарховъ стало принимать мѣры и противъ расколоучителей, бывшихъ, между прочимъ, главными виновниками опалы надъ архіепископомъ Стефаномъ; пораженіе ихъ совпало, поэтому, съ прекращеніемъ опалы надъ преосвященнымъ Стефаномъ.

Слѣдующія затѣмъ десять лѣтъ преосвященный Стефанъ прожилъ сравнительно спокойно и даже получилъ особое и важное по тому времени отличіе. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1671 года архіепископъ Стефанъ «билъ челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, чтобы великій государь пожаловалъ его, повелѣлъ ему, по правиламъ святымъ и по Соборному свитку, въ архіерейской одеждѣ въ саккосѣ служити. И того жъ 1672 года, на праздникъ Христова Рождества, когда великій государь пожаловалъ своихъ государевыхъ богомольцевъ, преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ, дарами, деньгами и ефимками, преосвященнаго архіепископа Стефана, вмѣсто даровъ, пожаловалъ архіерейскою одеждою, повелѣлъ ему въ саккосѣ служити. А по его государскому, указу сказку эту сказывалъ Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ» [1]),

[1]) Акт. Ист. IV. 230.

впослѣдствіи патріархъ Московскій. Въ февралѣ преосвященный Стефанъ повелѣлъ «построить себѣ саккосъ государева жалованья индѣйской цвѣтной камки, а ту камку пожаловалъ ему въ прошломъ 1671 году за поминовеніе государыни»... Марьи Ильиничны. Въ февралѣ того же года патріархъ Іоасафъ «благословилъ и повелѣлъ преосвященному архіепископу въ саккосѣ служити». Вновь поставленный 6 іюля 1673 года патріархъ Питиримъ подтвердилъ ему государево жалованье о саккосѣ, и преосвященный Стефанъ 15 октября этого года «на Москвѣ, на домовомъ своемъ подворьѣ, впервые въ саккосъ облачился и божественную литургію служилъ и иныя службы тако-жъ на подворьѣ служилъ въ ризахъ». Насколько чрезвычайно, очевидно, было въ то время отличіе, полученное преосвященнымъ Стефаномъ, видно изъ того, что, не смотря на жалованье государя, онъ рѣшился впервые воспользоваться имъ только послѣ подтвержденія этого пожалованья двумя патріархами.

Дѣло въ томъ, что саккосъ появился въ русской церкви только въ XV вѣкѣ и былъ сначала отличительною особенностью только митрополитовъ и патріарха, съ тою разницею, что патріархи имѣли на саккосѣ «передникъ» или «приперсникъ», чего не было у митрополитовъ. Вновь назначеннымъ на соборѣ 1667 года митрополитамъ восточные патріархи, Паисій и Макарій, возложили саккосы по особому чину. При патріархѣ Іоакимѣ, очевидно, съ особою ревностію относившемся къ внѣшнимъ отличіямъ высшихъ чиновъ іерархіи, вопросомъ о саккосѣ занимался даже соборъ Русской церкви. На этомъ соборѣ, бывшемъ въ 1674 году, первомъ году его патріаршества, было постановлено, что всѣ митрополиты возлагаютъ на себя во время богослуженія «саккосъ безъ преднашвеннаго приперсника (сіе бо единаго токмо патріарха), звонцы имуща, егда во своей епархіи священнодѣйствуетъ. Въ царствующемъ же градѣ Москвѣ или въ иной епархіи, за изволеніемъ тамо сущаго архіерея, потребѣ случившейся, священнодѣйствовати въ саккосѣ же, звонцовъ неимущемъ» [1]). Ясно, какое громадное значеніе придавалось патріархомъ Іоакимомъ саккосу, какъ отличительной особенности сана митрополита и патріарха, когда

[1]) Руков. для сельскихъ пастырей 1903 г. №, 145—147, статья проф. Дмитріевскаго.

соборъ разсуждаетъ даже о томъ, когда митрополиту служить въ саккосѣ со звонками и когда безъ звонковъ.

Неудивительно, поэтому, что уже одно то обстоятельство, что преосвященный Стефанъ возлагаетъ на себя, не будучи митрополитомъ, во время богослуженія саккосъ, исторію пожалованія котораго патріархъ Іоакимъ несомнѣнно хорошо зналъ, такъ какъ самъ объявлялъ ему о царскомъ жалованьи, будучи еще архимандритомъ, вызывало въ патріархѣ сильное неудовольствіе и даже раздраженіе. Это неудовольствіе сказалось уже въ 1675 году. Въ августѣ этого года «указалъ святѣйшій патріархъ Іоакимъ архіепископу Стефану ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно; а служить ему, архіепископу, безъ своего святительскаго благословенія не указалъ». Больше на этотъ разъ онъ сдѣлать ничего не могъ, не смотря на всю свою прямолинейность,—еще живъ былъ царь, пожаловавшій преосвященному саккосъ, и опала скоро была снята съ него патріархомъ.

Въ дальнѣйшую и окончательную стадію вопросъ этотъ вступилъ уже по смерти царя Алексѣя Михайловича. Въ статьѣ архимандрита Леонида о преосвященномъ Стефанѣ читаемъ: «Въ Исторіи Россійской іерархіи», въ росписи Суздальскихъ архіереевъ, значится, что архіепископъ Стефанъ, въ концѣ своего управленія епархіею, «соборнѣ отлученъ» (лишенъ епархіи) и отправленъ въ заточеніе, сперва въ Новгородскій Лисицкій монастырь, а потомъ перемѣщенъ въ Іосифовъ Волоколамскій, гдѣ и скончался. Но ни причины его осужденія, ни время онаго, не означены, и ни въ какихъ другихъ источникахъ указаній на сіе мы не нашли». Осужденіе Преосвященнаго Стефана, по предположенію архимандрита Леонида, произошло въ 1679 году. У Строева [1]) въ его спискахъ іерарховъ находимъ заимствованную имъ откуда-то даже болѣе точную, хотя тоже невѣрную дату. Онъ пишетъ: «2 іюля 1679 года лишенъ сана и заточенъ въ Новгородскій Лисицкій монастырь; оттуда переведенъ въ Іосифовъ, гдѣ и умеръ» [2]).

Въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки мы нашли еще одно звѣно къ біографіи многострадальнаго архіепископа

[1]) Строевъ, стр. 234.

[2]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, стр. 656.

Суздальскаго Стефана, именно копію съ указа патріарха Іоакима отъ 2 іюля 1678 года. Копію эту сохранилъ для насъ въ своемъ сборникѣ архимандритъ Чудовской Павелъ.

Въ этомъ указѣ патріарха мы читаемъ:

«По соборномъ же семъ, руками нашими архіерейскими подписанномъ на него архіепископа Стефана, въ его непокорствіи изложеніи, мѣрность наша не до конца прогнѣвася ниже весьма враждуя, но яко отецъ чадо крайнимъ своимъ отеческимъ любленіемъ хотя къ прежнему архіерейскому сочетанію и служенію паки его соединити, множицею же со благимъ увѣщаніемъ глаголаше ему на соборѣ, и посылаше къ нему, дабы управлялъ паки свой архіерейскій престолъ, якоже и прежде, и порученную ему своея епархіи паству и да служилъ бы купно намъ *во повелѣнныхъ ему ѳелонѣхъ*, и о всякихъ приличныхъ его архіерейству должное предложи возвещеніе..... Онъ же нимало сему нашему архипастырскому увѣщанію внятъ, ниже подобающимъ повиновеніемъ насъ сыновски послуша, но напыщенъ всезлобною всеупорственнаго своего начинанія гордынею, не токмо выше возвѣщенныхъ нами не послуша, во еже быти паки ему на своемъ архіерейскомъ престолѣ, и сослужити намъ въ опредѣленныхъ ему архіерейскихъ одеждахъ; но предъ нами на соборѣ при многихъ свидѣтелехъ *архіерейскаго служенія* въ фелонѣхъ множицею отрекеся и, ругаяся архіерейству, безъ вданныя ему патерицы и безъ архіерейскія мантіи мимо сущія на его дворѣ церкви, яко юродъ, хождаше самочинно къ приходскимъ церквамъ пѣнія ради, таковымъ своимъ буйственнымъ самочиніемъ всѣмъ бысть посмѣяніе и позорище, яко вданную ему свыше архіерейскую честь ногами попра, и самопроизвольно вданныя ему отъ Бога архіерейскія красоты совлечеся..... Мѣрность же наша, усмотривъ вышеписанныя въ немъ вины, сицевое его во вышепредложеныхъ ему нами увѣщаніихъ злое упорство и явное непокореніе, паче же во должныхъ ему архіерейскихъ чинѣхъ самоличное разгласіе, и по повелѣнныхъ ему нами установленіихъ противное ослушаніе, суди такового непокорника и презирателя вданныя ему архіерейскія чести лишена быти.... и порученныя ему словесныя овцы не паствити, и архіерейскихъ служеніихъ къ тому за расколъ не дѣй-

ствовати, зане пасомымъ и инымъ овцамъ, яже не суть отъ двора его, многъ соблазнъ принесе, а не себе подавая образъ.... И того ради отъ сообщенія архіерейства нашего отлучихомъ, и послахомъ его за предѣлы великаго Новограда во епархію митрополита Новгородскаго во нѣкоторую обитель, именуемую «на Лисьихъ горахъ», яко да въ той обители живый отъ такового высокоумія престанетъ и совершенно смирится.... И въ той обители начальствовати ему надъ всѣми и монастырскими вотчинами препитанія ради имѣти, архіерейскаго же чина весьма не обнажихомъ его, ниже одѣянія архіерейскаго совлекохомъ, но повелѣхомъ ему носити мантію архіерейскую со панагіею и патерицу на Троицкаго Сергіева монастыря подобіе, во церкви «миръ всѣмъ» глаголати. Братію обители тоя и служебниковъ и прочихъ приходящихъ къ нему благословенія ради благословляти и стояти ему на собственномъ игуменскомъ мѣстѣ. Кромѣ же сихъ, повелѣнныхъ нами ему, въ той обители ничесого архіерейскихъ служеній дѣйствовати. Причащати же ся Святыхъ Тайнъ, когда похощетъ, служащему тамо іерею, по чину, точію въ мантіи и въ панагіи, во епитрахили и въ нараквицахъ во алтарѣ самому, а не отъ руку іерейскихъ. Кромѣ же сихъ ни въ какія архіерейскія и іерейскія одежды ему не облачатися. Быти же ему въ той обители со всякимъ смиреніемъ неисходно и управляти братію и служебниковъ, и подданныхъ ему по чину монастырскому, якоже и прежде бывшіе тоя обители игумени и строителіе, и архіепископъ Іосифъ. Аще ли же онъ, сый въ той обители, начнетъ что по своимъ похотемъ творити, кромѣ сего нашего опредѣленія архіерейская служенія совершати, нововводныя чины и уставы въ той обйтели дѣяти, братіи и служебникомъ и подданнымъ преобидѣнія яковая либо творити начнетъ, или тамошнему митрополиту прекословенъ и непослушенъ и противенъ явится, и ему, митрополиту о всемъ, святѣйшему патріарху возвѣщати повелѣхомъ, и о семъ архипастырское наше разсмотрѣніе будетъ».

Заканчивается этотъ указъ патріарха Іоакима слѣдующими словами: «Вѣдѣнія же ради, яко о Стефанѣ, архіепископѣ Суздальскомъ, архипастырское наше сицевое сужденіе изнесеся и того ради повелѣхомъ всѣмъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ Россійскимъ

повсюду писаніемъ извѣстити, яко сіе сужденіе наше всѣхъ архіереевъ россійскихъ съ подтвержденіемъ руками ихъ подписано будетъ. Дѣяся сіе въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто мірозданія 7186 (1678) іуліа во 1 день».

Такимъ образомъ преосвященный Стефанъ не былъ лишенъ сана и заточенъ въ монастырь, какъ то утверждаютъ Строевъ и авторъ Исторіи россійской іерархіи, а только запрещенъ, если такъ можно выразиться, отъ архіерейскаго служенія и посланъ въ монастырь въ качествѣ его начальника, какъ въ настоящее время поступаютъ съ архіереями, отправляемыми на покой. Къ такой участи онъ былъ приговоренъ не «соборне», какъ говоритъ авторъ Исторіи іерархіи, а единоличнымъ распоряженіемъ патріарха, которое, по его приказанію, должны были скрѣпить въ послѣдствіи всѣ русскіе іерархи. Если это и соборъ, то очень оригинальный, вполнѣ необычный и безусловно противоканоничный.

Что касается причинъ осужденія преосвященнаго Стефана, то онѣ ясно видны изъ приведеннаго нами указа патріарха Іоакима. Преосвященный Стефанъ, какъ то видно изъ указа патріарха, «на соборѣ при многихъ свидѣтелехъ архіерейскаго служенія въ фелонѣхъ множицею отрекся». Въ этомъ и состояла его первая и главная вина. Патріархъ Іоакимъ, проведшій на соборѣ 1674 года такія до тонкости точныя правила относительно ношенія митрополитами саккосовъ, очевидно, потребовалъ, чтобы преосвященный Стефанъ, какъ не митрополитъ, не служилъ больше въ саккосѣ. Получивъ саккосъ по указу государя, который былъ впослѣдствіи подтвержденъ двумя патріархами, онъ, естественно, не согласился отказаться отъ этого важнаго въ то время отличія, не смотря на приказаніе патріарха Іоакима. Не знаемъ, насколько преступно для архіерея пройти мимо церкви безъ мантіи и патерицы; но думается, что архіерей, сдѣлавшій это, не будетъ общимъ «посмѣяніемъ и позорищемъ». Ставя и это въ вину преосвященному Стефану, патріархъ очевидно разсуждалъ, что для виновнаго всякая вина виновата. Въ словахъ указа патріарха: «зане пасомымъ и инымъ овцамъ, яже не суть отъ двора его, многъ соблазнъ принесс», «аще начнетъ нововводныя чины и уставы дѣяти» нельзя не видѣть отго-

лоска извѣтовъ Никиты пустосвята, и эти обвиненія введены въ указъ, по нашему мнѣнію, едва ли не для красоты слога и для болѣе сильнаго обрисованія всей виновности архіепископа.

Что касается интимной стороны этого дѣла, какъ то явнаго нерасположенія патріарха Іоакима къ Никону, а слѣдовательно и къ архіепископу Стефану, какъ ближайшему ученику Никона, возможности ссоры между нимъ и родственникомъ патріарха воеводою Суздальскимъ Савеловымъ, какъ то предполаетъ архимандритъ Леонидъ, то все это могло имѣть мѣсто, но едва ли можно установить это вполнѣ точно, при полномъ отсутствіи какихъ-либо документальныхъ указаній.

Что произошло съ архіепископомъ Стефаномъ далѣе, за что онъ переведенъ въ Іосифовъ монастырь и на какихъ условіяхъ жилъ онъ тамъ, точное уясненіе этихъ вопросовъ—дѣло будущаго.

В. И. Колосовъ.

Историко-археологическое изслѣдованіе иконы Св. Николая Чудотворца, именуемой по народному преданію «Никола на Бреневѣ» или «Никола Лаптевъ», найденной въ часовнѣ въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи въ 1902 году.

Среди многочисленныхъ памятниковъ глубокой старины, разсѣянныхъ по нашему обширному отечеству, одно изъ первыхъ мѣстъ по своей численности занимаютъ памятники церковной старины. Еще и по сіе время огромное ихъ число остается неизслѣдованнымъ представителями науки и учеными учрежденіями. Не смотря на солидныя и многочисленныя работы по изслѣдованію византійско-русскаго искусства и иконографіи, многія стороны этого вопроса и по настоящее время еще мало и недостаточно освѣщены, огромное число памятниковъ не приведено въ извѣстность и остается необъясненнымъ. Хотя минувшій XIX вѣкъ и былъ ознаменованъ рядомъ мѣропріятій со стороны правительства и ученыхъ учрежденій по охраненію и описанію ихъ, но, къ сожалѣнію, по недостатку спеціалистовъ и матеріальныхъ средствъ значительное число ихъ находится наканунѣ своего уничтоженія и остается неизвѣстнымъ. Наши древніе монастыри, старинные городскіе и сельскіе храмы и часовни въ своихъ чердачныхъ, подвальныхъ и кладовыхъ помѣщеніяхъ таятъ огромную массу историческихъ памятниковъ, имѣющихъ весьма важное значеніе и для науки и для художественно-практическихъ цѣлей. Изученіе и изслѣдованіе ихъ въ значительной степени освѣщаетъ и разрѣшаетъ спорные вопросы обрядовъ и обычаевъ, удержанныхъ въ церкви и до настоящихъ дней. Напримѣръ, спорный вопросъ о способѣ таинства св. крещенія, положившій вѣковое различіе между церквами, изъ коихъ одна отстаиваетъ погруженіе крещаемаго въ воду, а другая стоитъ за обливаніе, легко разрѣшается при изслѣдованіи памятниковъ древней иконографіи, на которыхъ почти во всѣхъ случаяхъ св. крещеніе изображается чрезъ погруженіе кре-

щаемаго, а не обливаніе. Очень и очень много религіозныхъ споровъ и вопросовъ по обрядовой и обычной сторонамъ церквей, неразрѣшимыхъ при теоретической и символической постановкѣ ихъ, легко бы могли быть разрѣшены и прекращены судомъ этихъ вещественныхъ памятниковъ старины. Значительное число этихъ историческихъ сокровищъ погибло и продолжаетъ исчезать благодаря небрежному храненію, сырости подвальныхъ и кладовыхъ помѣщеній, гдѣ въ большинствѣ случаевъ они свалены въ безпорядкѣ, и благодаря невѣжественному произволу лицъ, кои иногда въ силу закона являются даже ихъ охранителями. При ежегодныхъ многочисленныхъ перестройкахъ, реставраціяхъ и передѣлкахъ храмовъ и часовенъ немало ихъ уничтожается и погибаетъ и иногда даже какъ будто для вящаго благолѣпія. Ежегодно на столбцахъ нашихъ газетъ можно прочесть, какъ то въ одномъ городѣ, то въ другомъ варварски уничтожается эта старина. О нашихъ селахъ и деревняхъ въ этомъ отношеніи нечего и говорить, такъ какъ тутъ все зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ произвола и если что сохранилось и уцѣлѣло, то прямо какимъ то чудомъ. Заботы церковно-археологическихъ музеевъ, ученыхъ архивныхъ комиссій и другихъ ученыхъ историческихъ обществъ, направленныя къ охраненію, изученію, описанію и группировкѣ ихъ, хотя и могли бы принести существенную пользу, но, къ сожалѣнію, пока являются лишь мѣрами паллiативными, такъ какъ матеріальная необезпеченность этихъ обществъ и учрежденій въ значительной степени парализуетъ всѣ предпринимаемыя ими мѣры въ этомъ направленіи и значительное число памятниковъ старины ежегодно безслѣдно исчезаетъ для науки. Современная археологія признала важность изслѣдованія различныхъ проявленій религіозной мысли и чувства въ памятникахъ христіанства, наложившаго свой отпечатокъ на жизнь и нравы народовъ, а если это такъ, то отсюда ясно, насколько важно изученіе этихъ памятниковъ для науки: путемъ изученія и подробнаго изслѣдованія ихъ можно уяснить себѣ народные идеалы и освѣтить одну изъ важнѣйшихъ сторонъ древнерусскаго быта. Вотъ какъ велико значеніе этихъ памятниковъ для науки! Увеличеніе числа спеціалистовъ, средствъ ассигнуемыхъ церковно-археологическимъ музеямъ, ученымъ архивнымъ комиссіямъ и историческимъ обществамъ является вопросомъ крайне жгучимъ, требующимъ безотлагательнаго рѣшенія; пройдетъ лѣтъ 30—40 и тогда уже никакія средства не вернутъ исчезнувшаго безслѣдно! Въ настоящее время среди русскаго общества немало любителей старины и немало лицъ, получив-

шихъ научныя знанія по археологіи и архивовѣдѣнію въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ, дающемъ ежегодно обществу отъ 100 и болѣе спеціалистовъ. Работа такихъ лицъ по описанію, изученію и группировкѣ памятниковъ является весьма цѣнной и желательной, какъ одна изъ мѣръ парализующихъ безслѣдное исчезновеніе ихъ. Конечно, оглашеніе такихъ работъ въ спеціальныхъ журналахъ, въ журналахъ архивныхъ комиссій было бы весьма важно и принесло бы немалую услугу нашей исторической наукѣ. Всего сказаннаго мною вполнѣ достаточно, чтобы очертить хотя въ общихъ и краткихъ словахъ значеніе этихъ историческихъ сокровищъ—неподкупныхъ свидѣтелей жизни народа, его распространенія, его стремленій, страданій и славы. Долгъ каждаго истинно русскаго человѣка щадить старину, охранять насколько возможно, ея памятники, какъ источники исторіи нашего отечества.

Переходя къ описанію и изслѣдованію найденной мною иконы Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ мнѣ случайно пришлось открыть этотъ замѣчательный памятникъ начала XV вѣка. Живя почти безвыѣздно въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда, расположенномъ на правомъ берегу рѣки Мологи, я неоднократно слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ и духовенства разсказы о нѣкоторыхъ мѣстныхъ памятникахъ старины и, между прочимъ, о давно уже исчезнувшей, но еще не забытой въ преданіяхъ народныхъ церкви во имя Св. Сергія Чудотворца, что была на пустошѣ Слѣпнихѣ (или Шелепихѣ) близъ д. Тельцова, отстоящей отъ села Рыбинскаго въ 4—5 верстахъ вверхъ по р. Мологѣ на правомъ ея берегу. Мѣстность эта и до сихъ поръ сохранила названіе пустоши Слѣпниха (или Шелепиха) и та часть ея, на которой, по указанію старожиловъ, была церковь и постройки причта, носитъ названіе «Бренево», вѣроятно, данное по болотистому, низьменному и довольно грязному грунту этой пустоши. Объ этой церкви и объ ея двухъ дорогихъ иконахъ Св. Сергія и Св. Николая, называемаго обывателями «Никола на Броневѣ» или «Никола Лаптевъ», —сохранилось преданіе въ памяти населенія и до настоящихъ дней. День Св. Сергія 5 іюля ежегодно чтится д. Тельцовымъ и въ этотъ день на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, была церковь и кладбище, служится панихида по убитымъ и погребеннымъ здѣсь православнымъ. Разсказываютъ, что оба эти образа были спасены отъ уничтоженія при гибели церкви Св. Сергія и потомъ долгое время сохранялись, какъ особенно чтимые, во

вновь построенной церкви села Рыбинскаго, а затѣмъ какъ то незамѣтно изчезли и о нихъ только сохранилось преданіе. Ходитъ молва среди крестьянъ, что одинъ изъ бывшихъ церковныхъ старостъ села Рыбинскаго, желая подновить икону Св. Сергія, отвезъ ее въ городъ Бѣжецкъ, гдѣ этотъ образъ безслѣдно исчезъ, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ всегда. Ни имя живописца, ни старосты неизвѣстно, такъ какъ было это давно и забыто. Икона Св. Николая болѣе продолжительное время оставалась въ церкви села Рыбинскаго и приблизительно лѣтъ 30—40 тому назадъ тоже куда то исчезла. По мѣстнымъ преданіямъ, церковь Св. Сергія погибла во время нашествія литовцевъ т. е. приблизительно въ 1611 году, когда, по мѣстнымъ сохранившимся лѣтописямъ, дѣйствительно литва была въ этой мѣстности и сожгла почти всѣ деревни и храмы. Въ настоящей работѣ я только вскользь упоминаю о времени уничтоженія этого храма для того, чтобы показать въ послѣдующемъ, что икона Св. Николая, описываемая мною, очень древняя. Болѣе точное опредѣленіе времени уничтоженія церкви Св. Сергія я укажу въ своей послѣдующей роботѣ по изслѣдованію мѣстныхъ памятниковъ старины и собранію матеріала для исторіи села Рыбинскаго, одного изъ древнѣйшихъ селъ бывшаго Бѣжецкаго верха. При самомъ поверхностномъ осмотрѣ пустоши «Бренево» утвердительно можно сказать, что дѣйствительно тутъ очень давно было кладбище и церковь, такъ какъ до сихъ поръ въ этой мѣстности разбросано очень много надгробныхъ плитъ и есть двѣ ямы, при поверхностной раскопкѣ которыхъ мѣстными крестьянами, обнаружены остатки обгорѣвшихъ деревянныхъ срубовъ, одинъ, болѣе длинный, церковный, а другой—сторожки, а можетъ быть, и часовни. Подъ одной изъ плитъ, случайно поднятой, найденъ былъ старинный гробъ-колода, а при распашкѣ поля на этой пустоши находили очень много разныхъ крестиковъ и образковъ металлическихъ. О существованіи этой церкви, между прочимъ, упоминается въ писцовой книгѣ XVI вѣка, копія съ которой сохраняется при церкви села Рыбинскаго. Лѣтомъ 1902 года мнѣ совершенно случайно удалось розыскать икону Св. Николая въ часовнѣ церкви села Рыбинскаго, куда сваленъ былъ разный церковный хламъ въ видѣ ломаныхъ подсвѣчниковъ, иконъ, рѣзьбы и т. п. Въ этой полуразрушенной часовнѣ среди сырости, пыли, извести отъ обвалившейся штукатурки я нашелъ икону, покрытую толстымъ слоемъ пыли и грязи съ известкой. Очистивъ осторожно толстый слой извести и пыли, я открылъ рисунокъ иконы, относительно довольно хорошо

сохранившійся. Что это дѣйствительно та самая икона, о которой сохранилось преданіе, мнѣ легко можно было убѣдиться, показавъ ее старикамъ въ д. Тельцовѣ, которые всѣ единогласно съ большимъ восторгомъ удостовѣрили, что она дѣйствительно та самая, которую они называютъ «Никола на Брепевѣ» или «Никола Лаптевъ» и которую такъ чтутъ съ глубокой старины. Итакъ совершенно простая случайность натолкнула меня на этотъ памятникъ старины, который, конечно, чрезъ годъ, много два, подъ вліяніемъ извести и сырости исчезъ бы безслѣдно. Размѣры иконы таковы: высота 1 аршинъ, ширина $12^1/_2$ вершковъ, а толщина доски $^5/_8$ вершка. (Переводя эти размѣры на листы золота «по Ровинскому», можно назвать эту икону восьмилистовой). Доска иконы ольховая, непревышающая при ея сравнительно значительныхъ размѣрахъ толщины 1 вершка, скрѣплена двумя поперечными шпонками, какъ и всѣ старинныя иконы. На лицевой ея сторонѣ сдѣлана выемка въ срединѣ почти во всю доску и только по краямъ оставлены небольшія выпуклыя поля. Сторона эта проклеена съ цѣлью предохранить доску отъ сырости, что и спасло левкасный грунтъ изображенія отъ порчи, и только нижній край иконы, находившійся видимо очень долгое время подъ дѣйствіемъ сырости, пострадалъ. Доска иконы покрыта паволокой или наклейкой изъ холста, чтобы лучше держался левкасъ, наложенный на нее. Левкасъ иконы при изслѣдованіи оказался состоящимъ изъ толченаго алебастра съ клеемъ. Такой левкасъ греческаго происхожденія и отличается необычайной твердостью и способностью къ сопротивленіямъ вліянію воздуха. Въ новой иконописной практикѣ онъ не употребляется почему то и замѣненъ левкасомъ мѣловымъ. Рисунокъ нанесенъ по левкасу остріемъ или иглой. Икона писана не масляной краской, что тоже говоритъ за ея старину, такъ какъ живопись масляными красками была усовершенствована лишь въ 1420 году братьями Губертомъ и Яномъ Ванъ д'Эйкомъ во Фландріи, поэтому до 1420 года употреблялись краски a tempera т. е. краски, разведенныя на клею или яичномъ желткѣ. Икона эта въ старину, какъ говоритъ сохранившееся преданіе, стоила очень дорого, такъ какъ была отдѣлана золотомъ, слѣды котораго сохранились мѣстами, и была написана искусною рукою. Въ лицѣ главнаго изображенія и въ лицахъ боковыхъ изображеній преобладаетъ вохра, бѣлила и умвра, а доличныя писаны баканомъ, вохрой, киноварью, празеленью и бѣлилами. Общій колоритъ иконы темный отъ изобилія вохры. Фонъ иконы первоначально былъ покрытъ листовымъ

золотомъ и надписи по золоту сдѣланы киноварью, а затѣмъ все изображеніе было покрыто олифой, отчего всѣ яркіе цвѣта и бѣлила на ней пожелтѣли. Краска очень плотно и крѣпко прилегаетъ къ доскѣ, что даетъ возможность видѣть нѣкоторую реставрацію, очень замѣтную въ вязи по сторонамъ главнаго лика и надписяхъ надъ боковыми изображеніями. Письмо иконы очень характерно для отнесенія его къ древнѣйшей эпохѣ, такъ называемой новгородской. Рисунокъ довольно рѣзкій съ преобладающими прямыми и длинными чертами. Фигуры въ $7^1/_2$ головъ длины, лица длинныя, носъ немного опущенъ на губы. Ризы и одежды писаны въ двѣ краски (напр., по ризѣ, крытой баканомъ, складки раздѣланы празеленью или довольно толстыми чертами, бѣлилами и чернилами), въ лицахъ для оживленія ихъ вставлены нѣсколько характерныхъ черточекъ, такъ называемыхъ движекъ, палаты и постройки очень просты, море, воздухъ и облака раздѣланы круглыми черточками. Какъ по очертанію фигуръ, такъ и по украшенію одеждъ крестами и клѣтками можно заключить, что икона писана съ греческаго образца. (Точно такая же отдѣлка одежды на образѣ св. Діонисія Ареопагита, снимокъ съ коего помѣщенъ въ первомъ Сійскомъ подлинникѣ; на этомъ снимкѣ имѣется надпись чернеца Никодима, составителя рисунка—«съ греческаго добраго мастерства»). Самый ликъ Св. Николая также очень похожъ на изображенный въ этомъ сборникѣ рисунокъ Св. Николая вмѣстѣ съ Василіемъ Великимъ и на изображеніе, помѣщенное въ рисовальныхъ этюдахъ этого подлинника. Выраженіе лицъ на иконѣ строгое, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественное и спокойное. Оттѣнки на волосахъ и бородѣ сдѣланы по бѣлиламъ и вохрѣ. Общій колоритъ иконы довольно мрачный. Въ письмѣ незамѣтно той смѣлости, той свободы рисунка, которая встрѣчается во многихъ иконахъ, писанныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ, и видимо, что иконописецъ строго придерживался копировки оригинала и житія Св. Николая, изложеннаго въ писаніяхъ св. отцевъ. Здѣсь все изображенное строго согласуется съ дѣйствительностью, какъ написано въ жизнеописаніи, и вымысла и фантазіи художественныхъ не допущено. «Икона есть представленіе, представляющее вещь истинную, яже имѣетъ бытіе свое въ мірѣ, яко икона Спаса Нашего Христа и Святыя Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ»—говорится въ «Православномъ Исповѣданіи Вѣры» (Кіевъ, 1786 г. № 286).

Композиція рисунка здѣсь строго отвѣчаетъ требованіямъ православной вѣры и дѣйствительности. Рисунокъ исполненъ прекрасно и съ

глубокимъ смысломъ. Въ немъ духъ преобладаетъ надъ тѣломъ, истина и преданіе предпочтены изяществу. Ликъ Святителя, величественный и смиренный, проникнутъ воздержаніемъ, добротою, энергіей, постомъ и молитвой. Все изображеніе, если можно выразиться, дѣтски просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стихійно, величественно. Здѣсь нѣтъ личнаго индивидуальнаго настроенія иконописца, а событія изображены по традиціонному, вѣками сложившемуся народному представленію, преданію и священному писанію. Идея благолѣпія, порядка и чинности здѣсь преобладаетъ надъ энергіей чувства. На иконѣ кромѣ главнаго лика Св. Николая по сторонамъ изображенъ цѣлый рядъ моментовъ изъ жизни Святителя, начиная съ рожденія и кончая перенесеніемъ его мощей. Въ каждомъ изъ изображенныхъ моментовъ Святитель представленъ въ различныхъ позахъ и при различной обстановкѣ. Пользуясь различною орнаментаціею и, между прочимъ, архитектурными типами для соединенія отдѣльныхъ частей изображеній въ одно цѣлое, иконописецъ одновременно изобразилъ наружное зданіе и его внутренность. Напр. на среднихъ двухъ рисункахъ верхняго ряда одновременно видна и наружная сторона построекъ и ихъ внутренности съ утварью и лицами, находящимися въ нихъ. Такое странное сочетаніе противорѣчитъ требованіямъ ландшафтной и, вообще, всякой искусственной живописи, но оно представляетъ тѣ выгоды, благодаря которымъ иконописецъ довольно полно развилъ отдѣльные эпизоды изображенныхъ событій и внутри зданія и снаружи. Рисунокъ большею частью неправленъ и грубъ, но зато твердъ и силенъ, клоритъ сухъ, мало рельефенъ и теменъ, зато рѣзокъ. На иконѣ нигдѣ не обозначено ни имени, ни года написанія ея, что также является однимъ изъ признаковъ ея древности, такъ какъ древній иконописецъ былъ чуждъ славолюбія и для него икона являлась предметомъ священнаго поклоненія и ни въ какомъ случаѣ не должна была имѣть ни живописныхъ, ни словесныхъ добавленій, неимѣющихъ священнаго или историческаго характера.

Въ общемъ икона Св. Николая, несмотря на неблагопріятныя условія ея храненія, очень недурно сохранилась; цвѣтъ красокъ по яркости своей можетъ напомнить мозаику особенно въ правомъ и верхнемъ углу иконы. Всѣ указанные мною и изслѣдованные признаки древности иконы, какъ то: размѣры, качество и способъ изготовленія доски, способъ написанія иконы, алебастровый левкасъ, характеръ иконописи, композиція рисунка, шаровое или вапное письмо (а не масляной краской), киноварныя надписи по золоту, отсутствіе года напи-

санія иконы и имени иконописца, мѣстное преданіе объ этой иконѣ, подтверждающееся и копіей съ выписи изъ писцовой книги церкви села Рыбинскаго, приводятъ къ заключенію, что она должна быть отнесена къ древнѣйшей новгородской эпохѣ, охватывающей собою періодъ отъ начала христіанства на Руси до XV вѣка. Палеографическіе признаки, заключающіеся въ надписяхъ по боковымъ рисункамъ и въ вязи по сторонамъ главнаго лика, выясняютъ слѣдующее.

Вязь по сторонамъ главнаго лика при внимательномъ изслѣдованіи состоитъ изъ двухъ слоевъ, верхній—позднѣйшій и нижній—первоначальный. Верхній слой вязи по характеру буквъ можетъ быть отнесенъ къ XVI в., первой его половинѣ, но это время реставраціи иконы, такъ какъ первоначальный слой вязи, сдѣланный киноварью по золоту (очень характерно для древнихъ иконъ), по всѣмъ палеографическимъ признакамъ долженъ быть отнесенъ къ XV в. Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что икона писана не масляными красками т. е. до 1426 года (время появленія масляной живописи), и всѣ разсмотрѣнные выше признаки, то можно заключить съ большой вѣроятностью, что она написана была въ на чалѣ XV в., а реставрирована въ XVI. Дабы быть увѣреннымъ въ своемъ окончательномъ выводѣ, я рѣшился провѣрить его и въ февралѣ текущаго года отправилъ икону эту къ Директору С.-Петербургскаго Археологическаго Института Николаю Васильевичу Покровскому, который, изслѣдовавши ее, работу отнесъ къ старой Новгородской школѣ и опредѣлилъ время ея написанія въ XV в., а реставрацію въ XVI. Письменный памятникъ, сохранившійся въ церкви села Рыбинскаго въ видѣ копіи съ писцовой книги XVI в., не противорѣчитъ приведенному выводу, такъ какъ тамъ говорится, что на пустоши «Слѣпниха» близъ д. Тельцово церковь во имя Св. Сергія Чудотворца, что, конечно, могло быть до времени ея разрушенія, т. е. до 1611 г.—времени ея разрушенія литовцами, какъ сохранилось объ этомъ преданіе, подтверждаемое письменными памятниками, дошедшими до нашего времени. (Смотр. Исторія Росс. Іер. 4—50. Ратшинъ, 513. Твер. Губ. Вѣд. 1861 г., № 7 (Истор. Опись), Строевъ, Списки 482, № 54, Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи 1881 года, Истор. замѣтки о Бѣжецкомъ верхѣ 5, 31. Описаніе документовъ и дѣлъ Арх. Св. Синода 2-я ч. пр. 24. Звѣринскій, Матеріалы для истр. монастр., вып. 2-й № 953).

Въ указанной мною выше копіи съ писцовой книги церкви села Рыбинскаго, между прочимъ, значится, что рядомъ съ деревней Тель-

цово на берегу р. Мологи была усадьба помѣщика князя Мещерскаго, вѣроятно, бывшаго прихожанина церкви сосѣдней св. Сергія Чудотворца. Если задать себѣ вопросъ, какимъ образомъ въ бѣдную деревянную церковь могли попасть относительно довольно цѣнныя иконы, какъ описываемая мною икона Св. Николая Чудотворца и икона Св. Сергія, то я полагаю отвѣтъ, вѣроятно, долженъ быть таковъ: при помощи сосѣда помѣщика прихожане заказали эти иконы въ одномъ изъ монастырей Великаго Новгорода, куда приписаны были почти всѣ мѣстные храмы Бѣжецкаго Верха, платившіе денежные сборы архіепископамъ Новгородскимъ, о чемъ упоминается въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича въ 1137 году (грамота эта, перечисляя церкви, подчиненныя архіепископу Новгородскому, указываетъ и на село Рыбинское Бѣжецкаго Верха). Конечно, церковь Св. Сергія была тоже приписана къ Новгороду, такъ какъ отстояла отъ Рыбинскаго села въ 3—4 верстахъ. Въ Старой Руси сравнительно не рѣдкость была встрѣтить хорошей работы иконы даже и въ бѣдныхъ церквахъ и жилищахъ, такъ какъ старые люди особенно заботливо относились къ украшенію своихъ храмовъ и жилищъ и на это дѣло не жалѣли тратить послѣднія трудовыя копейки. Естественно, что и небогатые прихожане церкви Св. Сергія не пожалѣли на это дѣло средствъ и заказали свои лучшія иконы въ Новгородѣ, славившемся своими искусными иконописцами, да къ тому же и икона Св. Николая чтилась весьма въ Новгородѣ и его пятинахъ, гдѣ не рѣдкость встрѣтить храмы во имя Св. Николая Чудотворца (замѣчательный памятникъ XII в. первой половины Николо-Дворищенскій соборъ, построенный въ 1113 году).

Названіе описываемой иконы «Никола-Лаптевъ», надо думать, имѣетъ какую то связь съ несуществующимъ уже монастыремъ Николаевскимъ (Никола-Лапоть). Монастырь этотъ былъ въ окрестностяхъ села Никольскаго Тверского уѣзда, въ 30 верстахъ къ юго-западу отъ Твери. По преданію, онъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ монастырей и былъ уничтоженъ около 1612 года литовцами (Звѣринскій отд. III-й № 1839). Въ Тверской епархіи указываютъ еще одну мѣстность, гдѣ будто бы существовалъ мужской монастырь Св. Николая и тоже по народному названію именовавшійся «Николо-Лапотникъ». Это близъ села Посонско-Покровскаго, Вышневолоцкаго уѣзда, въ 25 верстахъ отъ гор. Вышняго-Волочка и въ 45 верстахъ отъ д. Тельцово. Къ сожалѣнію, кажется, ничего не сохранилось изъ памятниковъ этихъ двухъ исчезнувшихъ монастырей, кромѣ легенды о богатыхъ кладахъ,

закопанныхъ около исчезнувшихъ храмовъ. Замѣчательно, что подобная же легенда сохранилась и въ д. Тельцовѣ среди крестьянъ до настоящихъ дней. Говорятъ, что на пустоши «Бренево», гдѣ была старинная церковь Св. Сергія, зарыты богатые клады въ бочкахъ и отъ одной бочки къ другой проложена угольная цѣпь. Вотъ все, что мнѣ удалось узнать объ иконѣ Св. Николая Чудотворца—этомъ замѣчательномъ памятникѣ нашей древней иконографіи. Болѣе подробное изученіе этого памятника съ иконографической стороны и сравненіе его съ другими ему подобными, было бы крайне интересно и желательно; можетъ быть, подобное сравненіе помогло бы освѣтить еще невполнѣ изученную русскую иконографію и болѣе точно опредѣлить ея мѣсто въ общей исторіи христіанскаго искусства.

В. Н. Мальковскій.

Бѣжецкій князь Димитрій Юрьевичъ Красный и его княжеская церковь

по сохранившимся въ Бѣжецкѣ свѣдѣніямъ.

I. Основаніе прихода и его основатель.

Основаніе Іоанно-Богословскаго прихода относится мѣстнымъ преданіемъ къ первой половинѣ XV вѣка.

Въ 1434 году великій князь Василій Темный, по договору съ Галицкими князьями, отдалъ Бѣжецкій верхъ съ его стольнымъ городомъ Бѣжецкомъ во владѣніе князю Димитрію Юрьевичу Красному. Это былъ внукъ Димитрія Донского, сынъ князя Звенигородскаго Юрія Димитріевича отъ брака его со Смоленскою княжною Анастасіею. «И бысть», пишетъ Воиновъ, бѣжецкій лѣтописецъ XVIII вѣка, «у сего князя Димитрія Краснаго въ княженіи Бѣжецкій верхъ седмь лѣтъ. Бяше сей во истину красный, якоже и честная его кончина добре являетъ, аще же и кромѣ сея взыщемъ о доблестехъ того, то обрящутся многая, ибо былъ мужъ преизряденъ благаго сущи нрава, и внѣшнимъ, паче же внутреннимъ благолѣпіемъ добродѣтелей бывъ преудобренъ и яко кринъ во юдолій мирскихъ цѣломудріемъ присноцвѣтяше и благоутробія щедротъ такожде не лишенъ, и не завистливъ на чуждая, ни желателенъ кровопролитія междоусобными браньми квосхищенію чуждыхъ владѣній, но своими законными удовляшеся и по всему бяше бояся Бога и соблюдая душу свою чисту. Надъ симижъ ничтоже бесповолѣнія и совѣта родителя своего творяше» [1]). Прибывъ въ свой стольный городъ, Димитрій избралъ для своего жительства

[1]) Истор. Замѣтки о Бѣжецкомъ верхѣ 17 и 18 вѣковъ. Нила Попова. Изд. 1882 г., стр. 21.

мѣсто самое въ то время живописное на берегу Мологи на крутой горкѣ, откуда открывался прекрасный видъ съ одной стороны на городъ, а съ другой на рѣку и разстилавшіеся за нею непроходимые лѣса. До сихъ поръ горка эта называется «Красною Горкою». Старожилы разсказывали, что на ней былъ теремъ Краснаго Князя. Слѣдовъ этого терема теперь уже нѣтъ, да и самая горка измѣнила свой видъ: въ первой половинѣ текущаго столѣтія она попала во владѣніе мѣстнаго купца Чернова, богатаго человѣка, городского головы. Онъ выровнялъ ее по своему вкусу. По народной молвѣ, горка эта послужила къ бо́льшему обогащенію и безъ того богатаго Чернова. Сложилась легенда, что по ночамъ ее посѣщалъ летающій ужъ, доставлявшій Чернову деньги. Измѣнилась и самая мѣстность. Отъ непроходимыхъ дубовыхъ лѣсовъ осталось одно воспоминаніе, богатыя въ недавнее время залежи дубовыхъ пней по дну рѣки, теперь уже истощенныя рукою промышленника, да сохранившееся за одною изъ городскихъ мѣстностей названіе «Дубинятъ». Когда то судоходная Молога, за вырубкою лѣсовъ, обмелѣла и поросла травой. Но и теперь еще съ Красной Горки видъ живописенъ.

Устроивъ себѣ теремъ, благочестивый князь выстроилъ противъ него за оврагомъ на крутомъ обрывѣ свою княжескую церковь. Это и былъ первый по времени храмъ нынѣшняго Богословскаго прихода. Вблизи этого храма князь поставилъ острогъ, отчего церковь въ послѣдующее время, когда изъ княжеской стала приходскою, и получила названіе церкви «Святаго Апостола Іоанна Богослова востроГѣ». Почему князь посвятилъ храмъ свой имени св. Апостола Іоанна, преданіе не говоритъ. Можетъ быть, рѣзко выдѣляясь своимъ незлобливымъ характеромъ, независтливостью на чуждая, отвращеніемъ къ кровопролитію и добрымъ сердцемъ изъ ряда другихъ князей удѣльнаго періода, тяжелаго періода междоусобицъ, онъ особенно чтилъ великаго Апостола любви. А можетъ быть, и потому еще, что день св. Апостола, 26 сентября, совпадалъ со днемъ назначенія ему въ удѣлъ Бѣжецкаго верха. Устроивъ церковь, князь, безъ сомнѣнія, снабдилъ ее и необходимою утварью. Къ сожалѣнію, отъ того времени до настоящаго сохранилось очень не много: двѣ иконы—великомучениковъ: Димитрія Мироточиваго, тезоименитаго князю, и Георгія Побѣдоносца, тезоименитаго его отцу, и деревянные сосуды для таинства Евхаристіи. Церковь хранила и хранитъ ихъ какъ драгоцѣнную святыню, какъ дорогой памятникъ объ основателѣ прихода, но исключительно на

основаніи преданія, сохраненнаго нѣкоторыми частными рукописями. Документами доказать принадлежность ихъ къ тому именно времени нельзя. Такая скудость памятниковъ объясняется тѣмъ, что Бѣжецкъ не разъ подвергался опустошительнымъ набѣгамъ казаковъ и, особенно, во времена междуцарствія, Поляковъ и Литвы [1]). Въ эти тяжелыя для Бѣжецка годины испытаній общей участи не избѣжали и его храмы: на ряду съ частными зданіями они подвергались разоренію и огню [2]). При такихъ условіяхъ и не удивительно, если въ церкви оставались отъ старины лишь такія малоцѣнныя для разбойника святотатца вещи, какъ деревянный сосудъ или простая икона безъ дорогихъ украшеній. Кромѣ означенныхъ священныхъ предметовъ объ основателѣ прихода напоминаетъ современному поколѣнію изстари и доселѣ существующій въ храмѣ придѣлъ во имя великомученика Димитрія Солунскаго,—св. ангела князя Димитрія Краснаго. Въ обезпеченіе причта своей церкви заботливый князь отвелъ земельный участокъ. Что именно онъ отвелъ, объ этомъ опять таки говоритъ только преданіе. Въ планахъ и межевыхъ книгахъ указаній на это нѣтъ. Въ 1702 году, какъ видно изъ сохранившейся въ церковномъ архивѣ грамоты Императора Петра Великаго, діаконъ Богословской церкви Обросимъ Іевлевъ свидѣтельствовалъ предъ царемъ, что означенныя земли отведены церкви до литовскаго разоренія князьями на поминовеніе по душамъ ихъ.

Въ 1441 году, какъ свидѣтельствуетъ [3]) бѣжецкій лѣтописецъ Вонновъ, а по исторіи Карамзина [4]), въ 1440 году князя Димитрія не стало. Лѣтопись сохранила намъ необычайныя и въ высшей степени странныя обстоятельства его кончины. По ея словамъ, князь, еще юный, вдругъ лишился слуха, вкуса и сна. Хотѣлъ причаститься Святыхъ Христовыхъ Таинъ и долго не могъ приступить къ этому, такъ какъ кровь лила у него изъ носа, не переставая. Ему заткнули ноздри, чтобы дать Св. Причастіе. Послѣ пріобщенія онъ успокоился, потребовалъ пищи и вина, потомъ заснулъ. Сонъ его былъ полнѣйшимъ подобіемъ смерти. Бояре оплакали князя, покрыли его покровомъ и улеглись спать въ той же горницѣ. Вдругъ неожиданно мнимый мертвецъ поднялся со своего ложа, сбросилъ покровъ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Петръ же позна, яко Господь есть». Затѣмъ

---

[1]) Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи, томъ V, стр. 8.
[2]) Истор. Замѣтки Н. Попова, стр. 23.
[3]) Тамъ же стр. 29.
[4]) Истор. Карамзина. Изд. 1830 г., томъ III, стр. 314.

онъ началъ пѣть стихиры. Всѣ присутствующіе оцѣпенѣли отъ ужаса. Быстро разнесся слухъ о чудѣ и дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дня воскресшій князь пѣлъ духовныя пѣсни и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ. Узнавалъ людей, но не слышалъ обращаемой къ нему рѣчи. Наконецъ, онъ дѣйствительно умеръ. Народъ тогда же нарекъ его святымъ. Событіе это имѣло мѣсто въ Галичѣ. Тѣло умершаго князя для погребенія отправили въ Москву. Погребеніе состоялось въ соборѣ Архангела Михаила. Когда при погребеніи черезъ 23 дня послѣ смерти гробъ былъ открытъ, то тѣло князя казалось живымъ, не имѣющимъ на себѣ никакихъ признаковъ тлѣнія и даже синеты. Это еще болѣе укрѣпило за Димитріемъ данное ему народомъ имя святого.

Основанная Краснымъ Богословская церковь со смертію его не опустѣла. Какъ хорошо обезпеченная, она стала приходскою. Прошло съ тѣхъ поръ почти пять уже вѣковъ, но приходъ ни разу за все это время не прекращалъ своего существованія и даже не терялъ своей самостоятельности. Этому способствовала главнымъ образомъ закрѣпленная за церковію земля Краснаго. Не разъ набѣгавшіе на Бѣжецкъ казаки, поляки и литовцы разграбляли церковь, можетъ быть, и сжигали ее. Прихожане ея въ числѣ другихъ горожанъ гибли отъ непріятельскаго меча или разбѣгались. Но проходило тяжелое время, уцѣлѣвшій людъ возвращался на свои пепелища. Спасшіеся прихожане, какъ бы ихъ мало не было, и какъ бы ни были они разорены, не оставляли своей церкви, своими руками они приводили ее въ порядокъ; это не требовало отъ нихъ большихъ матеріальныхъ затратъ. Имъ не по силамъ было бы обезпечить свой причтъ. Но тутъ то и оказывала услугу земля Краснаго. Обрабатывая ее, причтъ пропитывалъ себя, хотя и съ большимъ трудомъ и съ лишеніями. Онъ подкрѣплялъ себя надеждою, что прихожане, оправившись отъ разоренія, рано или поздно помогутъ ему. Церковь, такимъ образомъ, возставала изъ своего запустѣнія и въ ней снова начинались и шли своимъ чередомъ бежественныя службы. И въ позднѣйшее время земля Краснаго на утратила указываемаго значенія. Когда при Петрѣ Великомъ зашло дѣло объ отобраніи ея отъ Богословской церкви, діаконъ Обросимъ Іевлевъ указывалъ царю въ своемъ прошеніи, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ повести это: «Какъ бы», писалъ онъ «отъ тоя церкви за оскудѣніемъ врознь не разбрестись, потому что у той ихъ приходской церкви приходскихъ дворовъ самое малое число». И земля по указу императора

была оставлена за церковію [1]). Въ 1869 году мѣстнымъ благочиннымъ соборнымъ священникомъ Евфиміемъ Томиловымъ въ видахъ лучшаго обезпеченія соборнаго причта возбуждено было дѣло о приписке Іоанно-Богословской церкви къ собору, по близости къ послѣднему, съ лишеніемъ прихода его самостоятельности. Причтъ и прихожане, протестуя противъ этого нежелательнаго дѣянія, въ своемъ прошеніи на имя архіепископа тверского и кашинскаго Филоѳея [2]) опять таки въ числѣ главныхъ доводовъ къ сохраненію за церковію ея вѣковой самостоятельности указывали на имѣющуюся при ней землю. И самостоятельность прихода была сохранена.

II. Храмы.

1. Храмъ Апостола Іоанна Богослова.

Первое по времени извѣстіе объ Іоанно-Богословскомъ храмѣ находимъ въ дозорныхъ книгахъ Бѣжецкаго верха, написанныхъ Григоріемъ Грековымъ до нашествія литовцевъ,—до 1610 г. Въ нихъ, при описаніи церквей, между прочимъ, значится: «Вострогѣ церковь во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Священникъ былъ у тое церкви Филиппъ Федоровичъ. Просфирница Марья» [3]). Этою краткою замѣткою извѣстіе ограничивается.

Болѣе подробно описывается означенный храмъ въ позднѣйшихъ дозорныхъ книгахъ Бѣжецкаго верха, составленныхъ по приказу царя Михаила Ѳеодоровича въ 1616 году воеводою Максимомъ Языковымъ да подъячимъ Яковомъ Гнѣвашевымъ. Составленіе ихъ вызвано предшествовавшимъ ему литовскимъ разореніемъ. Вотъ какъ описывается въ нихъ уцѣлѣвшая отъ погрома Богословская церковь. «Храмъ Ивана Богослова, а внемъ двери царскіе на празелени, да дѣисусъ на празелени, да образъ мѣстный Иванъ Богословъ на золоте, образъ мѣстной Пречистые Богородицы на краске, а переднею свѣча мѣстная, да образъ Пречистыя Богородицы на престоле на краскѣ; да придѣлъ Николая Чудотворца, а въ немъ двери царскіе на празелени, да мѣстной образъ

[1]) Указъ этотъ хранится въ церковномъ архивѣ.

[2]) Прошеніе причта и прихожанъ по сему дѣлу сохранилось при церкви въ подлинникѣ. Къ владыкѣ, очевидно, была отправлена съ него копія.

[3]) Ист. зам. Н. Попова, стр. 24.

Никола Чудотворецъ на золоте, а передпимъ свеча мѣстная, да сосуды церковные деревянные, да книги евангеліе на престоле печатное, да апостолъ печатный, да псалтырь печатная, да уставъ письменной, да два ирмолая, да трефолой, да соборникъ, да златоустъ, да прологъ мѣсяцъ Сентябрь по Мартъ, да нарамейникъ, да стихарь, да два охтоя, да двѣ треоди писаные, а тѣ охтои и треоди положены Григорья Александрова сына Беклемишева, да колоколъ, а поставлена церковь и вцеркве строеніе мирское, да на церковной земле тоѣжь церкви попа Мокѣя да просвирницы, вдоль десять саж., поперегъ полосмы сажени [1])». То же самое описаніе значится и въ сохранившейся до настоящаго времени сотной книгѣ г. Бѣжецка 1627 года [2]).

Чрезвычайная скудость перечисленнаго церковнаго инвентаря и совершенное отсутствіе въ немъ облаченій и даже такого необходимѣйшаго священнаго предмета, какъ напрестольный крестъ, заставляютъ предполагать одно изъ двухъ: или церковь такъ уже сильно пострадала отъ литовскаго погрома, или же приведенное описаніе не полно. Ни въ дозорныхъ, ни въ сотной книгахъ не говорится, какой былъ храмъ — каменный или деревянный. Но съ увѣренностью можно полагать, что онъ былъ деревянный. По свидѣтельству Воинова, первый каменный храмъ появился въ Бѣжецкѣ лишь въ 1680 году въ Введенскомъ монастырѣ. «Мужіе, жены и дѣти стекахуся зрѣти» это новое зданіе и «дивляхуся» [3]). Каковъ былъ храмъ по своему наружному виду, свѣдѣній не сохранилось.

Къ 1690 годамъ пострадавшая отъ литовскаго нашествія церковь обветшала. У прихожанъ возникаетъ мысль объ устройствѣ новой и уже каменной по примѣру Введенскаго монастыря, такъ удивившаго горожанъ новосозданнымъ каменнымъ храмомъ. Въ 1698 году Бѣжецкіе съѣзжіе избы подъячіе Василій Агѣевъ и Иванъ Ивановъ, да посадскіе люди Юрій Лодыгинъ и Иванъ Шишинъ обращаются къ владыкѣ Новгорода и Великихъ Лукъ, митрополиту Іову съ прошеніемъ—«благословить бы на то каменное церковное строеніе каменье и известь и иной церковный къ тому строенію всякой припасъ готовить и построить на прежнемъ церковномъ мѣстѣ каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскіе, да въ придѣле Іоанна Богослова». Что побудило церковныхъ строителей измѣнить старинный порядокъ: посвятить

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) См. Твер. Губ. Вѣд., 1851 г. № 8, статья Бѣлюстина.

[3]) Истор. зам. Н. Попова, стр. 34.

главный престолъ храма не св. апостолу Іоанну, какъ было прежде, а въ честь Казанской Божіей Матери, въ прошеніи не говорится. Не предполагалось въ немъ и устройство бывшаго въ прежнемъ храмѣ придѣла въ честь святителя Николая. Въ томъ же 1698 году въ февралѣ мѣсяцѣ испрашиваемое благословеніе было дано съ условіемъ, чтобы верхъ на той церкви и на придѣлѣ былъ не шатровой и олтарь былъ бы круглый тройной [1]). Къ 1701 году церковь вчернѣ была уже готова. Но строители не вполнѣ ею были доволны. Ихъ стала смущать мысль, что напрасно они не устроили въ новомъ храмѣ престола святителю Николаю, старинному небесному покровителю прихода. Это начало имъ казаться измѣной, нарушеніемъ священнаго обычая предковъ. И вотъ въ 1701 году въ февралѣ мѣсяцѣ прихожане во главѣ съ тѣми же своими представителями подъячимъ Иваномъ Ивановымъ и посадскимъ человѣкомъ Иваномъ Шипинымъ снова обращаются съ прошеніемъ къ новгородскому митрополиту Іову. Указывая на то, что прежде сего у церкви ихъ изстари былъ придѣлъ во имя Николая чудотворца и что отъ постройки новаго храма оказался остаточный каменный припасъ, они просятъ владыку разрѣшить имъ построить по прежнему придѣлъ во имя святителя Николая. Разрѣшеніе было дано митрополитомъ тогда же особою грамотою. Изъ этой грамоты усматривается, между прочимъ, что у церкви для выдѣлки кирпича былъ свой собственный заводъ. Въ 1705 году церковь была окончена и постройкою и внутреннею отдѣлкой [2]). Объ освященіи ея сохранилась слѣдующая замѣтка въ одной имѣющейся въ церковномъ архивѣ копіи съ неизвѣстнаго стариннаго документа: «1705 года освящена бысть въ Бѣжецкомъ верху внутрь острога градскаго каменная св. ап. Іоанна церковь соборнымъ протопопомъ Онисимомъ Михайловымъ: тоя церковь начата созидатися на мѣстѣ прежде бывшія деревянныя церкви при священницѣхъ Василіи Іоакимовичѣ и Феодорѣ Гурьевѣ».

О размѣрѣ этой церкви находимъ указаніе въ одномъ изъ церковныхъ документовъ: по нему она имѣла 10 саж. въ длину и 7 саж. въ ширину. Судя по описи 1810 года, особеннымъ богатствомъ внутренней своей отдѣлки она не отличалась. Стѣнная живопись, напр., состояла лишь изъ двухъ клеймъ въ главномъ придѣлѣ (Успенія

---

[1]) Въ архивѣ Іоанно-Богословской церкви хранится подлинная грамота митрополита Іова, изъ коей и заимствуются настоящія свѣдѣнія.

[2]) Церковная опись 1810 года, стр. 1.

Божіей Матери и апокалипсическаго видѣнія) [1]). Чтобы были священныя изображенія въ куполѣ и на сводахъ, не видно. Но не отличаясь богатствомъ своего убранства, она въ тоже время не страдала и убожествомъ. Не было недостатка ни въ иконахъ, ни въ утвари, ни въ облаченіяхъ. Иконостасы во всѣхъ придѣлахъ были разные: въ придѣлѣ св. апостола Іоанна Богослова пятипоясный, вызолоченный, рѣзной; въ придѣлѣ Казанской Божіей Матери трехпоясный, крашеный, съ позолотою по мѣстамъ; въ придѣлѣ св. Николая пятипоясный, украшенный рѣзьбою. Вызолоченъ лишь въ 1787 году, спустя 82 года по постройкѣ храма [2]). Пятипоясные иконостасы даютъ основаніе думать, что храмъ былъ довольно высокъ. Въ 1821 году онъ попорченъ былъ пожаромъ. Опись указываетъ, что въ придѣлѣ апостола Іоанна Богослова сгорѣли три иконы: Вознесенія Господня, апостола Іоанна Богослова и св. Іоанна Златоустаго и двѣ полотняныя хоругви. Другихъ указаній нѣтъ.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія и этотъ храмъ сталъ уже казаться прихожанамъ ветхимъ и малопомѣстительнымъ. Составленъ былъ планъ новаго двухъ-этажнаго каменнаго же храма. Планъ этотъ удивлялъ богатствомъ своего замысла. Осуществленіе его требовало громадныхъ суммъ. Между тѣмъ церковная казна была почти пуста. Надъ прихожанами и особенно надъ иниціаторомъ этого дѣла тогдашнимъ священникомъ Георгіемъ Даниловичемъ Спировскимъ горожане стали подсмѣиваться, уличали ихъ въ наивности, указывали, что замыселъ ихъ при ихъ средствахъ не осуществимъ. Нужно было имѣть большую энергію, много надежды на помощь Божію, что бы отстаивать и отстоять свою мысль при подобныхъ условіяхъ. Но о. Спировскій обладалъ ими и дѣло было рѣшено. Въ 1837 г. причтъ и прихожане обращаются съ прошеніемъ къ тогдашнему Тверскому архіепископу Григорію о разрѣшеніи на устройство новаго храма, вмѣсто прежде бывшаго, о двухъ этажахъ, верхнемъ во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, а нижнемъ во имя святаго Іоанна Богослова по плану и фасаду, составленному комиссіею проектовъ и смѣтъ и утвержденному Главнымъ Управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Разрѣшеніе послѣдовало отъ 5 іюня 1837 года [3]). Приступлено было къ нарушенію прежняго храма. Подъ него подставили деревянные столбы. Столбы эти зажгли и храмъ рухнулъ.

---

[1]) Тамъ же, листъ 7.

[2]) Листъ 9.

[3]) Актъ этотъ и по сіе время хранится при церкви.

На это зрѣлище, по разсказамъ старпковъ, собрался почти весь городъ. На народъ оно произвело сильное впечатлѣніе, глубоко врѣзалось въ память. Теперь, по прошествіи 60 лѣтъ, когда поговоришь съ немногими оставшимися въ живыхъ очевидцами описываемаго событія, окажется, что они не помнятъ уже, каковъ былъ храмъ внѣ и внутри, но какъ его нарушили, они разскажутъ. Трогателенъ слышанный разсказъ одного престарѣлаго прихожанина, съ какими чувствами вернулся его отецъ послѣ нарушенія храма. «Ну, ребята», — обратился онъ къ дѣтямъ, — «мы сломали нашъ храмъ, а вамъ придется новый строить». Въ этихъ словахъ сказалось и сожалѣніе о старомъ храмѣ, съ которымъ старый человѣкъ сроднился за свой вѣкъ, съ которымъ у него связано было много дорогихъ воспоминаній изъ его личной и семейной жизни, гдѣ онъ привыкъ изливать передъ Богомъ свои святыя чувства. Тутъ сказалось и глубокое сознаніе важности минуты перваго шага къ постройкѣ новаго величественнаго дома Божія. Тутъ сказалась и грусть, что врядъ ли ему, человѣку старому, приведетъ Богъ видѣть этотъ храмъ достроеннымъ. Наконецъ, слова эти выражали увѣренность, что задуманное дѣло очень не легко, что оно затянется на долгіе годы и перейдетъ въ наслѣдіе новому молодому поколѣнію. Такъ дѣйствительно и случилось. Одному изъ его сыновей суждено было потомъ нести должность церковнаго старосты и въ этой должности много поработать надъ достройкою храма.

Постройка дѣйствительно затянулась на долго. Сначала дѣло шло бойко. Но потомъ, когда средства, пожертвованныя прихожанами, истощились, оно замедлилось. Приходилось искать средствъ на сторонѣ. Каждая копейка выпрашивалась, добывалась съ большимъ трудомъ. Нанятъ былъ особый сборщикъ [1]). Въ случаяхъ критическихъ приходилось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Такъ въ 1844 году въ особенно трудную минуту, при расплатѣ съ рабочими и за матеріалы, снятъ былъ во второй церкви прихода, въ Троицкой, старинный чугунный полъ и замѣненъ деревяннымъ. Чугунъ былъ проданъ и вырученная сумма вывела на время изъ затрудненія [2]). Въ другую подобную же трудную минуту пришлось обратиться къ городской Думѣ. Городскимъ головою въ то время былъ прихожанинъ купецъ Викулинъ. Благодаря его стараніямъ, Дума заимообразно ссудила церкви

[1]) См. прих.-расх. книгу за 1841 годъ, стр. 30.

[2]) Прих.-расх. книга за 1844 годъ, стр. 7.

1000 рублей [1]). Къ чему только не приходилось при изысканіи средствъ прибѣгать главному радѣтелю о строющемся храмѣ, блаженной памяти, священнику Спировскому! Существуетъ такой, напримѣръ, разсказъ. Церковь была достроена. Оставалось покрыть желѣзомъ куполъ. Куполъ былъ великъ и желѣза требовалось не мало, а денегъ на него не было. Какія выпадали крохи отъ жертвователей, шли на оплату старыхъ долговъ. Такъ и стоялъ куполъ не покрытымъ. Стоитъ онъ такъ и годъ. и два и дальше, а средствъ покрыть его все нѣтъ и нѣтъ. Былъ въ это время въ приходѣ одинъ богатый человѣкъ, купецъ, нѣкто Василій Ивановичъ Пономаревъ. Разъ приходитъ этотъ Пономаревъ въ свою приходскую церковь къ службѣ, сильно выпивши. Пошелъ діаконъ кадить. Пономаревъ спьяна привязался къ нему, сталъ его бранить и даже, говорятъ, позволилъ себѣ его толкнуть. Діаконъ стерпѣлъ. Пономаревъ, вытрезвился и на другой день пришелъ къ о. Егору Спировскому съ извиненіемъ. О. Егоръ воспользовался этимъ случаемъ. Онъ предложилъ Пономареву одно изъ двухъ: или онъ донесетъ объ его поступкѣ и тогда Пономарева неминуемо ждетъ извѣстная кара или же тотъ покроетъ на свой счетъ желѣзомъ церковную главу и тогда поступокъ его преданъ будетъ забвенію. Пономаревъ выбралъ послѣднее и долго стоявшая не покрытою глава, наконецъ, была покрыта.

Въ 1846 году священникъ Спировскій умеръ, оставивъ начатый имъ храмъ вполнѣ достроеннымъ вчернѣ. Отдѣлка же его выпала на долю его преемника священника Тяжелова. Нужно думать, что и она давалась не легко. Не смотря на то, что въ приходѣ въ то время было не мало богатыхъ людей, каковы, напримѣръ, покойные купцы В. А. Сусленниковъ, И. А. Неворотинъ и др., жертвовавшіе на достройку церкви довольно значительныя суммы, нуждаться въ средствахъ приходилось часто. Работы затягивались и по смерти о. Георгія Спировскаго, только уже чрезъ 22 года церковь была окончательно отдѣлана. Въ 1855 г. 16 октября освященъ былъ нижній этажъ храма, а черезъ тринадцать лѣтъ послѣ того, въ 1868 году октября 20-го, наконецъ, и верхній. И тотъ и другой этажъ освященъ былъ покойнымъ настоятелемъ церкви о. протоіереемъ Тяжеловымъ.

---

[1]) См. хранящійся при церкви документъ по сему дѣлу.

2. Второй храмъ.

О второмъ храмѣ Богословскаго прихода первое свѣдѣніе относится къ половинѣ XVII вѣка. Именно, подъ 1634 годомъ лѣтописецъ Воиновъ отмѣчаетъ, между прочимъ, построеніе «деревянной шатровой крестообразной церкви во имя Святыя Троицы бояриномъ Георгіемъ Яншеевичемъ Сулешевымъ» [1]). Подробнѣе говоритъ объ этой постройкѣ сохранившаяся при церкви копія съ неизвѣстнаго документа. По ней значится: «Въ лѣто 1634 Сентября въ 1-й день при Святѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ Московскомъ и всея Русіи, по благословенію Преосвященнаго Кипріана, Митрополита Великаго Нова-Града и великихъ Лукъ, освящена бысть въ Бѣжецкомъ верху, въ приходѣ Іоанна Богослова, деревянная церковь, шатровая, крестообразная; храмъ во имя Святыя Троицы. Построена тоя церковь вмѣсто бываго прежде тоя церкви храма святаго великомученика Георгія Побѣдоносца, что зовяшеся на пню. Строилъ оную церковь прихожанинъ Бѣжечанинъ Трофимъ Аввакумовъ, въ то время бывшу боляринѣ князю боголюбиву сущу Георгію Яншеевичу Сулешеву, который много отдалъ изъ своего имущества по монастырямъ. Въ оную церковь Деисусово 7 поставлены; вверху куплены изъ села Дрюцкова, что на Мологѣ, изъ запустѣлыя тамо отъ Литвы церкви» [2]).

Сопоставляя это извѣстіе съ замѣткою Воинова, можно думать, что церковь эта устроена всецѣло на средства боголюбиваго князя Сулешева. И если въ извѣстіи и говорится, что строилъ ее Бѣжечанинъ Трофимъ Аввакумовъ, то, кажется, это нужно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Аввакумовъ былъ не болѣе, какъ подрядчикомъ работъ по постройкѣ. Лѣтописецъ Воиновъ, повидимому, заслуживаетъ въ данномъ вопросѣ безусловнаго довѣрія: при написаніи лѣтописи у него подъ руками была, между прочимъ, грамота самого князя Сулешева, заимствованная имъ изъ архива Іоанно-Богословской церкви. У Сулешева могъ быть и поводъ къ постройкѣ этой церкви. Нося имя Георгія, онъ, можетъ быть, имѣлъ своимъ ангеломъ св. Побѣдоносца Георгія. Онъ былъ боголюбивъ и расположенъ къ пожертвованіямъ на храмы, какъ видно изъ приведенной рукописи. Тогда желаніе его построить въ Богословскомъ приходѣ на мѣстѣ древней церкви святого великомученика Георгія

[1]) Истор. зам. о Бѣжецкомъ Верхѣ Н. Попова, стр. 34.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

новый храмъ становится понятнымъ. Кто былъ этотъ князь Сулешевъ и что собственно связывало его съ Богословскою церковію: былъ ли онъ ея прихожаниномъ или человѣкомъ просто къ ней расположеннымъ, въ Бѣжецкѣ никакихъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, не удалось найти. Но несомнѣнно, что въ городѣ онъ былъ человѣкомъ въ то время высокопоставленнымъ и богатымъ. За это говорятъ существованіе его грамотъ и его раздача по монастырямъ своего имущества. Несомнѣнно также и то, что въ исторіи Богословской церкви, былъ ли онъ ея прихожаниномъ или нѣтъ, онъ игралъ роль довольно видную: церковь имѣла его грамоту и хранила ее. Теперь этой грамоты нѣтъ. Куда дѣлась она и каково ея содержаніе, неизвѣстно. Можно предполагать, что она касалась земли. Пустоши церковныя находятся въ разныхъ мѣстахъ. Это наводитъ на мысль, что пожертвованы онѣ не однимъ княземъ Краснымъ, а и еще кѣмъ то. Этимъ кѣмъ то и могъ быть Георгій Яншеевичъ Сулешевъ. Объ обстоятельствахъ пожертвованія въ пользу Іоанно-Богословской церкви княжеской земли существуетъ въ городѣ, между прочимъ, такое преданіе. Самъ князь былъ будто бы соборнаго прихода, а жена его Богословскаго. По поводу какого то важнаго событія въ семьѣ рѣшено было сдѣлать въ церковь пожертвованіе землею. Возникъ вопросъ, въ какую. Князь стоялъ за соборъ, княгиня за Богословскую церковь. Княгиня предложила такъ рѣшить споръ: въ какой изъ названныхъ церквей въ настоящее Свѣтлое Христово Воскресеніе раньше зазвонятъ къ утрени, въ ту и отдать землю. Князь согласился. А княгинѣ только это и нужно было. Она рѣшила пустить въ дѣло хитрость. Наканунѣ праздника позвала къ себѣ своего приходскаго Богословскаго дьячка и подъ секретомъ посовѣтовала ему къ свѣтлой заутрени ударить нѣсколькими минутами раньше собора. Совѣтъ былъ выполненъ въ точности, и земля княжеская поступила въ собственность Богословской церкви. Къ князю Димитрію Юрьевичу Красному относить это преданіе нельзя: онъ женатъ не былъ и, какъ извѣстно, его княжескою церковью была церковь Богословская. Нельзя ли тогда относить его къ князю Сулешеву?

Изъ указанной старинной рукописи видно, что до постройки Троицкой церкви княземъ Сулешевымъ, до 1634 года въ Богословскомъ приходѣ на мѣстѣ ея стояла «церковь святаго великомученика Георгія, что зовяшеся на пню». Между тѣмъ ни въ дозорныхъ книгахъ Бѣжецкаго верха Григорія Грекова 1610 года, ни въ сотной книгѣ Языкова и Гнѣвышева 1616 года никакихъ указаній на существованіе

этой церкви нѣтъ. Отсюда видно, что церковь святаго великомученика Георгія, что зовяшеся на пню, когда то существовала, но въ 1610 г. ея уже не было; можетъ быть, къ этому времени она сгорѣла или же была разрушена нерѣдко вторгавшимся въ то время въ Бѣжецкъ непріятелемъ. То обстоятельство, что послѣ пожара или разрушенія ея, мѣсто, когда то занимавшееся ею, долгое время оставалось пустымъ и нужды, повидимому, въ постройкѣ на немъ новаго храма, за существованіемъ другой церкви Іоанно-Богословской, для прихода собственно не было, а между тѣмъ этотъ новый храмъ въ немъ возводится и возводится по почину и на средства вліятельнаго Бѣжецкаго боярина, заставляетъ думать, что существовавшая когда то церковь великомученика Георгія, что зовяшеся на пню, имѣла какое то особое значеніе. Не была ли она первоначально устроена тѣмъ же основателемъ прихода княземъ Димитріемъ Краснымъ въ одно время съ другою церковію Богословскою, съ тою цѣлію, чтобы одна изъ нихъ была собственно княжескою, а другая для прихода. Или не построили ли ее сами прихожане потомъ въ то время, когда основанная Краснымъ Богословская церковь уже обветшала и служить въ ней было нельзя, но и нарушить ее изъ за воспоминанія объ основателѣ ея, почитавшемся святымъ, не хотѣлось.

Построенная княземъ Сулешевымъ Троицкая церковь существовала до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ 1781 году появляется уже на мѣстѣ ея новый храмъ, каменный, воздвигнутый съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, на средства прихожанъ въ честь и славу Живоначальной Троицы съ придѣломъ во имя святыхъ великомучениковъ Димитрія и Георгія. Приходскими священниками въ то время были Логинъ Онуфріевъ и Андрей Іоанновъ, переведенные потомъ въ соборъ. Кто былъ иниціаторъ въ дѣлѣ постройки новаго храма, кто составлялъ его планъ, кто былъ строителемъ, долго ли онъ строился и т. д, точныхъ свѣдѣній не сохранилось.

Въ маѣ 1773 года Бѣжецкій купецъ Андрей Ивановъ Первухинъ въ городовомъ Магистратѣ, между прочимъ, показывалъ, «что по приказу де предъ послѣднимъ концомъ смерти родительницы ево Анны Максимовой на достроеніе въ приходѣ Іоанна Богослова каменной во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ великомучениковъ Георгія и Димитрія церкви, застроенной еще отцомъ ево Иваномъ Первухинымъ, деньги въ числѣ ста рублевъ онъ употребилъ къ достроенію тоя церкви

на приготовленіе матеріаловъ, то есть: на кирпичъ десять тысячъ двадцать пять рублевъ, на известку сорока четвертей шестнадцать рублевъ, на желѣзо пятнадцать пудовъ десять рублевъ пятьдесятъ копѣекъ, которые матеріалы нынѣ и имѣются въ наличествѣ, да отдано на изготовленіе въ нынѣшнемъ лѣтѣ на достройку тоя церкви кирпича двадцать тысячъ подрядчикамъ пятьдесятъ рублевъ и того по приказу родительницы ево на достройку оной церкви употреблено ихъ сто одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ» (Архивъ Бѣж. Д. Правленія Промеморія отъ 14 мая 1773 года за № 245). Принимая во вниманіе, что пріобрѣтено и сдѣлано было для достройки Троицкой церкви на завѣщанный купеческой женой Анной Максимовой Первухиной капиталъ во 100 рублей, нужно признать жертву эту очень для того времени крупною. Но не легко же обошлась эта жертва и для причта Богословской церкви. Первухина завѣщала свой капиталъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она по смерти погребена была при своей приходской церкви. Въ противномъ случаѣ деньги должны были поступить къ той изъ городскихъ церквей, при которой она погребена будетъ. (Архивъ Бѣж. Д. Правленія дѣло 1772 года № 232). До 1771 года было при каждой церкви свое кладбище. Указомъ отъ 17 ноября 1771 года для погребенія городскихъ обывателей отведено было общее кладбище городское. Отъ причтовъ была отобрана двухкратная подписка, отъ 19 января и отъ 8 іюня 1772 года, при приходскихъ церквахъ, помимо отведеннаго городского кладбища, не хоронить умершихъ (Архивъ Бѣж. Д. Правленія журн. вход. бумагъ 1773 года № 287). Между тѣмъ и самой Первухиной и роднымъ ея желательно было, чтобы похоронена она была при своей приходской церкви въ могилѣ мужа, въ могилѣ дѣдовъ и отцовъ. Интересы церковные и чувство благодарности къ покойной и ея мужу побудили причтъ Богословской церкви снизойти къ просьбѣ родныхъ и похоронить Первухину не на новомъ кладбищѣ, а въ старой родовой могилѣ, при храмѣ. Не будь замѣшаны въ дѣло деньги 100 рублей по завѣщанію Первухиной, оно, вѣроятно, тѣмъ бы и кончилось. Оказалось, за завѣщаніемъ слѣдили и представители кладбищенской церкви. Прихожанинъ этой церкви и, кажется, староста ея Бѣжецкій купецъ Семенъ Леонтьевъ Поповъ о погребеніи купеческой жены Первухиной въ противность указа отъ 17 ноября 1771 года не на новомъ кладбищѣ, а при своей приходской церкви донесъ Новгородской Духовной Консисторіи и особо мѣстному Духовному Правленію, при чемъ особенно выставлялъ на видъ, что сдѣлано это «изъ за ли-

хонмства и похлебствія». (Дѣло Бѣж. Д. Правленія 1772 г. № 232). Началось длинное дѣло, въ которое вступилась и Воеводская Канцелярія. Кончилось это дѣло тѣмъ, что священники Богословской церкви отданы были на полгода подъ начальъ одинъ въ Юрьевъ монастырь, а другой въ Добрынскую пустынь и за тѣмъ перемѣщены отъ Богословской церкви на другіе приходы. Остальные члены причта отбыли наказаніе подъ началомъ: діаконъ въ Столпенскомъ монастырѣ, два дьячка въ Теребенской пустыни и пономари (два) въ Боровицкомъ монастырѣ и затѣмъ вернулись на свои мѣста. (Дѣло Бѣж. Д. Правленія 1773 г. № 203). Такъ не легка была для причта жертва купеческой жены Первухиной, по благодаря ей Троицкая церковь была достроена.

Храмъ этотъ стоитъ и доселѣ. Ничѣмъ особеннымъ ни по наружному своему виду, ни по внутреннему устройству Троицкая церковь не отличается. Размѣромъ она въ длину 11 саженъ и 5 вершковъ, а въ ширину 4 сажени 2 вершка. Надъ главнымъ придѣломъ возвышается куполъ. Надъ папертью колокольня. Алтарь главнаго храма полуциркульный. Теплый придѣлъ шире главнаго, выдаваясь въ правую сторону, въ которой находится и его алтарь. Отъ главнаго онъ отдѣляется стѣной съ продѣланною въ ней аркой. Живописью украшенъ только главный храмъ съ возвышающимся надъ нимъ куполомъ. Въ придѣлѣ стѣны выкрашены. Иконостасъ при алтарѣ Св. Троицы деревянный въ два яруса, выгнутый въ средней части полукругомъ, а царскія двери выдаются полукругомъ же наоборотъ внутрь алтаря. Надъ иконостасомъ распятіе. Весь онъ вызолоченъ. Иконостасъ придѣла въ одинъ ярусъ съ карнизомъ и 10 колоннами также вызолоченный [1]).

Положеніе храмовъ Іоанно-Богословскаго прихода въ настоящее время таково. Съ восточной стороны къ нимъ примыкаетъ городская торговая площадь. А съ трехъ остальныхъ обрывъ. Подъ западнымъ обрывомъ идетъ дорога. За нею небольшой рядъ старенькихъ домиковъ, предположенныхъ къ сносу со временемъ, и рѣка Молога съ лѣсною пристанью. Съ южной стороны обрывъ особенно крутъ. Отъ края его до Троицкой церкви не больше, какъ двѣ сажени.

Когда въ 1837 году рыли рвы подъ фундаментъ новой Іоанно-Богословской церкви, то, по разсказамъ очевидцевъ, вырыто было множество человѣческихъ череповъ и костей. Потомъ эти кости сложены были въ ящики и погребены подъ церковью. Фактъ этотъ, а равно и

[1]) Опись 1849 года, листъ 3.

нахожденіе костей по обрыву при Троицкой церкви свидѣтельствуетъ, что въ приходѣ было свое кладбище и что мѣсто оно занимало довольно большое вокругъ обоихъ храмовъ. Ни надгробныхъ памятниковъ, ни плитъ не сохранилось.

III. Священныя достопримѣчательности храмовъ.

Изъ имѣющихся въ храмѣ священныхъ предметовъ обращаютъ прежде всего на себя вниманіе по своей старинѣ деревянные сосуды для совершенія таинства евхаристіи: два потира и пять блюдцъ. Всѣ они точеные, окрашены красною краской. Одинъ изъ потировъ выпиною въ $4^1/_2$, а въ окружности $7^1/_2$ вершковъ. На немъ изображенія осьмиконечнаго креста, Спасителя, Божіей Матери и Святого Апостола Іоанна Богослова. Другой потиръ ниже перваго (3 вершка) и шире въ окружности (восемь вершковъ съ половиною). Изображенія на немъ тѣ же, но кругомъ идетъ священная надпись: «Пріимите и ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за ви ломимое во оставленіе грѣховъ». Изъ блюдецъ на одномъ изображеніе отъ времени стерлось, на двухъ изображеніе креста, на одномъ Знаменія Божіей Матери и на одномъ Спасителя, лежащаго въ ясляхъ, и по сторонамъ двухъ ангеловъ съ рипидами. Послѣднее, вѣроятно, служило дискосомъ. Изображенія на потирахъ святаго апостола Іоанна Богослова даетъ нѣкоторое основаніе думать, что сдѣланы они были спеціально для Богословской церкви. Повидимому, въ свое время они были въ частомъ употребленіи. Документальныя указанія на эти сосуды находимъ въ дозорныхъ книгахъ Бѣжецкаго верха 1616 года. По нимъ въ перечнѣ имущества храма «Ивана Богослова», между прочимъ, значится: «да сосуды церковные деревянные».

Мѣстное преданіе происхожденіе ихъ относитъ ко временамъ Димитрія Юрьевича Краснаго основателя прихода, т. е. къ первой половинѣ XV вѣка.

Ко времени же Димитрія Краснаго относятся преданіемъ двѣ иконы: 1-я св. великомученика Димитрія Солунскаго и 2-я Георгія Побѣдоносца, обѣ почти одинаковаго размѣра: 1 аршинъ 8 вершковъ въ вышину и 1 аршинъ 2 вершка шириной. Святой великомученикъ Димитрій изображенъ сидящимъ на конѣ и поражающимъ змія, а святой Георгій Побѣдоносецъ во весь ростъ съ крестомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ въ другой. Изображеніе великомученика Георгія помѣщается въ срединѣ

иконы въ квадратѣ 8×12 вершковъ. По краямъ иконы имѣются 14 клеймъ квадратныхъ 4×4 вершка съ изображеніемъ событій изъ жизни св. Георгія, страданій его и чудесъ. Надъ четырьмя верхними клеймами имѣются слѣдующія надписи крупною славянскою вязью: «святый Георгій дает имение свое нищему». «Святого Георгія приведоша прет царя на судище». «Святый Георьи заключенъ бысть во темнице». «Святаго Георьгия положи его на колоде биютъ жилами говяжими». Другихъ надписей нѣтъ. Сохранились иконы довольно хорошо. Въ бумагахъ бывшаго настоятеля Іоанно-Богословской церкви протоіерея В. Г. Тяжелова найдено было послѣ его смерти неоконченное: «Сказаніе о началѣ города Бѣжецка, заимствованное изъ частной рукописи», писанное рукою покойнаго о. протоіерея. Тамъ, между прочимъ, на страницѣ пятой есть указаніе, что, по преданію, это иконы тезоименитыхъ святыхъ, основателя прихода князя Димитрія Краснаго и его отца, сохранившіяся отъ ихъ времени.

Безотносительно къ князю Димитрію Красному обращаютъ на себя вниманіе по своей старинѣ слѣдующія иконы:

Икона св. апостола Іоанна Богослова. Повидимому, это та самая икона, о которой упоминается въ дозорныхъ книгахъ Бѣжецкаго верха 1616 года. Св. апостолъ изображенъ на ней сидящимъ и диктующимъ свое святое Евангеліе расположившемуся противъ него ученику Прохору, изображенъ съ полуоборотомъ головы въ лѣвую сторону къ изображенному въ верхнемъ углу иконы всевидящему оку. Отъ послѣдняго нисходитъ лучъ къ уху св. Іоанна: символъ получаемаго апостоломъ Божественнаго Откровенія; руки апостола простерты къ ученику съ жестомъ, призывающимъ послѣдняго къ особенному вниманію. Св. Прохоръ записываетъ откровеніе Іоанново, начало его Евангелія, въ разогнутую предъ нимъ на колѣняхъ книгу. Предъ св. Прохоромъ столъ и на немъ чернильница съ пробкою на цѣпочкѣ и съ гусинымъ перомъ и песочница.

Надписей на иконѣ нѣтъ. Размѣръ ея 21×24 вершковъ.

Икона св. Николая чудотворца размѣромъ въ 18×24 вершковъ. Св. Николай изображенъ по срединѣ иконы, во весь ростъ съ непокрытою головой, съ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ другою рукой благословляющею. По сторонамъ головы Святителя два поясныя изображенія: Іисуса Христа и Богоматери. По краямъ иконы 16 клеймъ, каждое вершка по 4 въ квадратѣ, съ изображеніемъ событій изъ жизни Святителя и его чудотвореній. Надъ каждымъ клеймомъ есть краткая

въ три слова надпись, поясняющая изображенное на клеймѣ событіе. Можно предполагать, что это тотъ «мѣстный образъ Никола Чудотворецъ», о которомъ, какъ о собственности Богословской церкви, упоминаютъ дозорныя 1616 года книги Бѣжецкаго верха.

Замѣчательны иконы двенадесятыхъ праздниковъ по оригинальности изображеній на нихъ. Положенія святыхъ, обстановка: животныя, растенія, зданія и т. д. поражаютъ своею неестественностью. Но замѣчательно: чѣмъ грубѣе эта неестественность, тѣмъ яснѣе мысль живописца—автора иконы. При взглядѣ, напримѣръ, на икону Преображенія Господня на первый разъ, пожалуй, у иного оскорбится и чувство религіозное, такъ неестественно положеніе трехъ св. апостоловъ, выраженія лицъ и т. д. Но всмотрѣться пристальнѣе, и тѣ чувства, которыя охватывали апостоловъ въ моментъ преображенія Господня, какъ они, эти чувства, представлялись самимъ живописцамъ, становятся ясны и способны навести зрителя на глубокія религіозныя размышленія и вызвать въ немъ чувство благоговѣнія. Отсутствіе указаній на эти иконы въ документахъ временъ великаго литовскаго разоренія заставляетъ думать, что появились онѣ въ Богословской церкви послѣ 1616 года. На видъ дать имъ можно лѣтъ двѣсти и болѣе.

Отъ старинныхъ иконостасовъ уцѣлѣло нѣсколько царскихъ вратъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ рѣзныя по тонкости своей рѣзьбы и по замысловатости рисунка. Документы церковные даютъ основаніе время происхожденія этихъ вратъ относить къ 1705 году.

По дозорнымъ книгамъ Бѣжецкаго Верха 1616 года значится при Богословской церкви уцѣлѣвшимъ отъ литовскаго разоренія, между прочимъ, колоколъ. Этотъ колоколъ существуетъ до настоящаго времени. Въ немъ приблизительно около 20 пудовъ. Кругомъ колокола идетъ надпись на латинскомъ языкѣ: «Ad laudem dei omnivocientis hor none iohannes unnodiu 1541». Изъ надписи видно, что слитъ этотъ колоколъ въ царствованіе Іоанна Грознаго въ 1541 году.

Богослужебныхъ книгъ отъ далекой старины не сохранилось. Нѣкоторый интересъ представляетъ одно изъ св. Евангелій [1]). Оно въ большой листъ александрійской бумаги. Печатано въ Москвѣ въ 1759 году. Переплетено въ деревянныя доски. Верхняя доска обложена сплошь серебромъ съ финифтяными изображеніями: въ срединѣ изображеніе распятія Господня, по сторонамъ одѣяніе Его въ багряницу, на

[1]) Церк. опись 1849 года № 553.

верху евангелисты Матѳей и Іоаннъ и между ними моленіе о чашѣ; внизу евангелисты Маркъ и Лука, между ними несеніе креста Спасителемъ. Нижняя доска обложена матеріею. Размѣромъ евангеліе 17 вер. Вѣсомъ 30 фун. Съ этимъ св. Евангеліемъ связано между прочимъ у стариковъ прихожанъ воспоминаніе о послѣднемъ изъ штатныхъ діаконовъ Богословской церкви С. С. Троицкомъ, скончавшемся 22 года тому назадъ. Будто-бы только онъ одинъ при своей громадной силѣ и могъ его выдерживать передъ священникомъ во время чтенія на срединѣ храма во дни великихъ праздниковъ. При взглядѣ на него доселѣ возстаетъ въ памяти знавшихъ о. діакона Троицкаго, какъ живая, его мощная фигура съ громаднымъ и роскошно обработаннымъ голосомъ, во всей своей красѣ проявлявшимся именно при чтеніи св. Евангелія.

Отъ многихъ приходилось слышать, что въ недавнее время будто-бы хранились при церкви очень старинныя крещенинныя священническія ризы. Теперь ихъ нѣтъ, да и были ли онѣ на самомъ дѣлѣ, провѣрить трудно. По крайней мѣрѣ престарѣлый уже наличный псаломщикъ, единственный свидѣтель сравнительно отдаленной старины родного храма, ничего сказать о нихъ не можетъ.

Да и вообще стараго въ существующихъ при храмѣ священныхъ облаченіяхъ нѣтъ. Объясняется это обычаемъ обветшавшія облаченія или употреблять на починку, или же предавать огню, какъ можно судить о томъ по церковнымъ описямъ.

Съ одною изъ уцѣлѣвшихъ ризъ отъ начала прошлаго столѣтія связано событіе, когда-то сильно взволновавшее приходъ и довольно характерное. Риза сдѣлана была на средства прихожанъ; она бархатная, пунцоваго цвѣта, теперь уже совершенно выцвѣтшая, богато украшенная золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и на оплечьяхъ писанными по холсту священными изображеніями: св. Троицы, Іоанна Богослова и святителя Николая. По тому же времени это была безпримѣрная въ городѣ роскошь. Зависть ли она возбудила, или священными изображеніями, по необычайности ихъ на облаченіяхъ, дѣйствительно могла наводить на серьезныя размышленія, но только, по разсказамъ, она навлекла на себя гоненіе со стороны первоприсутствующаго въ Духовномъ Правленіи, сильнаго въ то время настоятеля собора. На памяти у всѣхъ было дѣло одного изъ выдающихся городскихъ пастырей того времени, Христорождественскаго священника Матвѣя Іоаннова, человѣка образованнаго, отличавшагося особою строгостью жизни. Го-

родъ чтилъ его за святого. Молва народная приписывала ему даръ чудотвореній. Дѣло касалось чтенія молитвъ надъ больными и введенія въ богослуженіе различныхъ новшествъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ священнику Матвѣю Іоаннову ставилось въ важную вину, между прочимъ, и употребленіе на ризахъ финифтяныхъ священныхъ изображеній. Дѣло это для о. Матѳея въ общемъ кончилось печально. Въ частности финифтяныя священныя изображенія предписано было съ облаченій снять [1]). При воспоминаніи объ этомъ дѣлѣ, за участь сшитой Богословскими прихожанами ризы приходилось опасаться. Священника за употребленіе ея при богослуженіяхъ могли ожидать большія непріятности. Кончилось дѣло однако тѣмъ, что право на существованіе за этою ризою было признано. Но все же батюшкѣ и прихожанамъ она стоила не малыхъ волненій, тревогъ и хлопотъ.

Священноцерковнослужители.

Въ одномъ прошеніи причта, относящемся къ 1756 году, значится, что при Іоанно-Богословской церкви «издревле находилось священниковъ по два, діаконовъ, дьячковъ и пономарей по одному» [2]). Затѣмъ, въ позднѣйшихъ документахъ, указѣ Тверского Намѣстническаго Правленія, находимъ отмѣтку, что къ 70-мъ годамъ 18 вѣка составъ причта усилился: въ немъ священниковъ по прежнему два и діаконъ одинъ, но дьячковъ и пономарей числится уже не по одному, какъ было раньше, а по два [3]). Потомъ составъ причта постепенно сокращается. Въ 1796 году, по смерти протоіерея Василія Федорова, священникъ остается на будущее время одинъ [4]). Въ 1811 году, со смертію дьячка Семена Васильева, упраздняется вторая дьяческая вакансія. Около же этого времени упраздняется должность второго пономаря. Въ 1880 году, со смертію пономаря Петра Маслова, пономарская должность при церкви совсѣмъ упраздняется. Въ 1881 году умираетъ діаконъ Симеонъ Троицкій. Преемникъ ему не былъ назначенъ и въ составѣ причта, согласно росписанію Высочайше утвержденному 2-го апрѣля 1877 года, остаются только уже священникъ и псаломщикъ. Изъ священниковъ Богословскаго прихода извѣстны:

Филиппъ Ѳеодоровичъ (конца 16 вѣка).

---

[1]) Дѣло Бѣжецкаго Духовнаго Правленія 1807 года № 165.

[2]) Церк. архивъ. Черн. прошеніе причта 1756 года.

[3]) Архивъ Бѣж. Дух. Правленія. Указъ Правленія отъ 17 мая 1788 г. № 109.

[4]) Церк. архивъ. Метр. кн. 1796 г. III части № 16.

Мокѣй (отчество не извѣстно) 1616 годъ.
Василій Іоакимовичъ, Ѳеодоръ Гурьевъ } 1705 годъ.
Симеонъ Тимоѳеевъ 1705—1744 г.г.
Матѳій Симеоновъ 1733—1774 г.г.
Василій Симеоновъ 1744—1763 г.г.
Ѳеодоръ Ѳеодоровъ 1765—1770 г.г.
Прокопій Леонтьевъ 1771—1775 г.г. 1777—1780 г.г.
Герасимъ Ивановъ 1775—1777 г.г.
Логгинъ Онуфріевъ 1777—1786 г.г.
Василій Ѳеодоровъ 1786—1796 г.г.
Илія Титовъ 1775—1777 г.г.
Андрей Іоанновъ 1781—1786 г.г.
Евдокимъ Алексіевъ 1786—1798 г.г.
Василій Іаковлевъ 1797—1821 г.г.
Георгій Даніиловичъ Спировскій 1822—1846 г.г.
Василій Георгіевичъ Тяжеловъ 1846—1893 г.г.

Изъ нихъ особенныя заслуги по благоустройству приходской церкви оказали:

Священникъ Мокѣй. Ему вмѣстѣ съ своимъ приходомъ пришлось вынести всѣ ужасы великаго литовскаго разоренія. Богословская церковь на столько была опустошена во время этого разоренія, что въ ней не оставалось даже такой необходимой священной принадлежности, какъ напрестольный крестъ. Изъ прихожанъ уцѣлѣла самая незначительная часть. Священникъ Мокѣй долженъ былъ принять на себя тяжелый трудъ по обстановкѣ опустошеннаго храма и по организаціи прихода.

Василій Іоакимовъ и Ѳеодоръ Гурьевъ. Ихъ заботами и трудами «начата созидаться внутрь острога градскаго каменная св. ап. Іоанна церковь на мѣстѣ прежде бывшія деревянныя».

Матѳей Симеоновъ и Прокопій Леонтьевъ. Имъ въ значительной степени обязана своею постройкою нынѣ существующая Троицкая церковь.

Священникъ Георгій Даніиловичъ Спировскій и протоіерей Василій Георгіевичъ Тяжеловъ. Ихъ заботами и трудами созданъ и отдѣланъ новый Богословскій храмъ.

Священникомъ Василіемъ Симеоновымъ не мало положено было труда по благоустройству церковныхъ земель: обмежеванію ихъ и составленію плановъ.

Объ остальныхъ членахъ причта свѣдѣнія имѣются за двѣсти лѣтъ слишкомъ. Изъ нихъ особенно добрую память оставилъ по себѣ діаконъ Амвросій Іовлевъ. Въ 1701 году царскимъ указомъ посланъ былъ въ Бѣжецкій Верхъ стольникъ Василій Андреевичъ Долгово-Сабуровъ для переписки монастырей и монастырскихъ вотчинъ. Описывая монастырскія вотчины, Долгово-Сабуровъ почему-то отписалъ въ казну и земли Богословской церкви. Задачу отстаивать права церкви на эти земли принялъ на себя діаконъ Амвросій Іовлевъ. 7 февраля 1702 г. онъ билъ челомъ Императору Петру Великому. Послѣдствіемъ этого челобитія была царская грамота къ стольнику Долгово-Сабурову, коею повелѣвалось: «Какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ и тыбы Бѣжецкаго Верху городецкаго церкви Іоанно-Богослова и страстотерпца Еоргія попамъ съ причетники тѣми церковными пустошами велѣлъ владѣть по прежнему».

Приходъ.

О составѣ прихода за первое время его существованія свѣдѣній не сохранилось. Но можно думать, что онъ былъ не великъ и устойчивостью въ то время не отличался. Бѣжецкъ часто подвергался опустошительнымъ набѣгамъ татаръ, казаковъ, поляковъ и литвы. Послѣдствіемъ каждаго изъ такихъ набѣговъ было то, что приходъ то и дѣло не досчитывался большинства своихъ членовъ, или погибавшихъ отъ вражескаго меча или разбѣгавшихся. Не успѣвалъ онъ оправиться послѣ одного такого набѣга, происходилъ второй и вновь былъ недочетъ въ приходѣ. Особенно гибельны были слѣды великаго литовскаго разоренія въ началѣ 17 вѣка. Послѣ него въ 1616 году воеводою Максимомъ Языковымъ и подъячимъ Яковомъ Гнѣвашевымъ произведена была опись г. Бѣжецка. По ней послѣ литовскаго разоренія четыре улицы—Курганская, Зайцева, Попова и Коптягина значатся совершенно опустѣвшими, въ остальныхъ двѣнадцати городскихъ улицахъ пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ насчитывается свыше 300 [1]).

А такъ какъ городъ и вообще то былъ не великъ, то съ достовѣрностію можно предполагать, что едвали уцѣлѣло въ немъ отъ разоренія болѣе десятка, другого дворовъ. Много ли же изъ этихъ дворовъ могло падать на Богословскій приходъ—при шести городскихъ приходскихъ церквахъ! Возставалъ городъ изъ развалинъ своихъ очень

[1]) Дозорныя книги Бѣжецкому Верху 1616 г.

медленно. Опись воеводы Языкова произведена была черезъ пять уже лѣтъ по разоренiи, а однако же слѣды этого разоренiя, какъ видно изъ описи, были совсѣмъ еще свѣжи. Многiе изъ посадскихъ людей, разорившись въ эпоху смутъ, совсѣмъ оставляли свои тяглые дворы и стали жить въ крестьянахъ и закладчикахъ за монастырями, дѣтьми боярскими и др. лицами [1]). По разряднымъ книгамъ 7124 года назначавшiеся изъ Бѣжецка въ Ладогу и Тихвинъ въ составъ служилыхъ людей «для обереженья»—Бѣжичане всѣ почти показаны «въ нетѣхъ» [2]). Много нужно было лѣтъ, чтобы Бѣжецкъ оправился отъ такого сильнаго запустѣнiя. Между тѣмъ не прошло послѣ него и полустолѣтiя, а на городъ надвинулась уже новая бѣда—моровая язва. Послѣдствiя этой язвы для населенiя маленькаго городка были довольно значительны. «Въ Бѣжецкомъ Верху, на Городецкѣ, сентября съ 26-го числа по Филиново заговѣйно умерло въ 15-ти дворахъ посадскихъ людей и ихъ женъ и дѣтей 50 человѣкъ и въ томъ числѣ 4 двора вымерли безъ остатка» [3]). Только по минованiи всѣхъ этихъ напастей на Бѣжецкъ къ концу уже 17 столѣтiя Богословскiй приходъ начинаетъ, наконецъ, принимать болѣе или менѣе опредѣленный видъ. Дiаконъ Обросимъ Iовлевъ въ своемъ челобитьѣ Царю отъ 7-го февраля 1702 года, между прочимъ, отмѣчаетъ, что «у ихъ приходской церкви приходскихъ дворовъ самое малое число» [4]). Точнѣе это число опредѣляется посольскаго приказа подъячимъ Степаномъ Ветлицкимъ и бѣжичаниномъ, посадскимъ человѣкомъ» Павломъ Неворотиныхъ въ ихъ прошенiи на Высочайшее имя отъ 13 января того же 1702 года о сдачѣ имъ на оброкъ двухъ пустошей Богословской церкви. «А приходу де у той церкви», пишутъ они въ своемъ прошенiи, «дворовъ съ тридцать» [5]). Чрезъ сорокъ лѣтъ въ 1741 году число приходскихъ дворовъ при Богословской церкви увеличивается до 44, насчитывавшихъ въ себѣ 85 душъ мужскаго пола [6]). Прошло еще 15 лѣтъ и опять число приходскихъ дворовъ все же не велико. «Приходскихъ дворовъ при церкви Божiи», свидѣтельствуетъ причтъ въ 1756 году, «состоитъ малое число, а издревле и по нынѣ находилось и нынѣ находится священниковъ по два, дiаконовъ, дьячковъ и пономарей по

---

[1]) Акты Ист. Т. Ш, № 141, 279, 311.

[2]) Врем. кн. П, Разряд. кн. 7124 с., стр. 61 и 63.

[3]) Дополн. къ Акт. Истор. Т. Ш, № 119, стр. 517.

[4]) Церк. Архивъ Царская грамота отъ 22 февраля 1702 г.

[5]) Церк. Архивъ Царская грамота отъ 12 февраля 1702 г.

[6]) Архивъ Бѣж. Дух. Правленiя 1742 годъ, дѣло № 102.

одному. И кромѣ земли подаяніемъ отъ приходскихъ людей прокормиться толикому числу не возможно, исчего принуждены быть въ убожествѣ крайнемъ» [1]). Но затѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія приходъ увеличивается сразу и почти втрое. Въ 1768 году въ немъ насчитывается уже 113 дворовъ и въ нихъ 216 душъ мужескаго пола и 225 женскаго [2]). Такому быстрому усиленію прихода, несомнѣнно, содѣйствовало какое-то особое обстоятельство. Вѣроятно, въ это именно время возникла при Бѣжецкѣ и приписана была къ Богословской церкви числившаяся потомъ дѣйствительно въ ея приходѣ, такъ называвшаяся, инвалидная слобода. И установившееся въ шестидесятыхъ годахъ общее количество приходскихъ дворовъ держится въ своихъ предѣлахъ съ небольшими измѣненіями до 1785 года. Въ 1785 году, съ выдѣленіемъ изъ Богословскаго прихода въ особый самостоятельный инвалидной слободы, число приходскихъ дворовъ падаетъ до 54 [3]). Въ 19 вѣкѣ постепенно сокращается и это послѣднее число. Сокращенію прихода способствовало обращеніе въ приходскія церкви Бѣжецкихъ монастырей Введенскаго, Воздвиженскаго, въ подгородней Макарьевской слободѣ, состоявшееся въ началѣ 19 столѣтія разселеніе жителей по вновь составленному городскому плану, возникновеніе Благовѣщенскаго женскаго монастыря и учрежденіе самостоятельнаго причта при городской кладбищенской церкви. Въ настоящее время въ приходѣ числится 38 дворовъ и въ нихъ 172 души мужескаго пола и 193 женскаго.

Въ 18 вѣкѣ въ составъ прихода входили горожане, инвалидная слобода и деревня Десятильня.

Имѣются нѣкоторыя основанія думать, что городская часть прихода въ то время болѣе или менѣе сгруппирована была въ ближайшихъ участкахъ къ своему приходскому храму. Разселеніе прихожанъ изъ своего приходскаго участка по разнымъ мѣстамъ города началось съ 19 вѣка, когда составленъ былъ на Бѣжецкъ новый планъ [4]). Съ разселеніемъ горожанъ по новому плану происходило и распаденіе существовавшихъ приходскихъ участковъ. Городской приходъ болѣе не пріурочивается уже къ извѣстной опредѣленной части города, а раскидывается широко по всѣмъ городскимъ улицамъ и закоулкамъ.

---

[1]) Церк. Архивъ, Черн. прош. причта 1756 г.

[2]) Церк. Архивъ, Вѣдом. о причтѣ 1768 г.

[3]) Архивъ Бѣж. Дух. Правленія 1784 г., дѣло № 47.

[4]) Архивъ Бѣжецк. Дух. Правленія. Указъ Твер. Дух. Конс. отъ 3 ноября 1814 г. № 3789.

Входившая въ 18 вѣкѣ въ составъ Іоанно-Богословскаго прихода Инвалидная слобода расположена была въ той части города за рѣкою Мологой, которая извѣстна теперь подъ именемъ «Штаба». Въ 1784 году въ ней насчитывалось до 80 дворовъ. Населяли ее престарѣлые чины инвалидной команды. Отчислена она была отъ Богословской церкви въ 1785 году. Поводъ къ отчисленію былъ слѣдующій. Въ 1783 году штабъ и оберъ-офицеры съ прочими чинами команды обратились съ прошеніемъ къ Арсенію, архіепископу Тверскому, о разрѣшеніи построить для нихъ особую церковь, «ибо они, просители, будучи престарѣлые и дряхлые, имѣются въ приходѣ самаго города при Богословской церкви, куда черезъ рѣку Мологу переправа, по неимѣнію на ней мосту, особливо во время разлитія въ вешнее и осеннее время, бываетъ съ великою трудностію» [1]). Просьба ихъ была уважена.

Деревня Десятильня находилась подъ самымъ городомъ.

Въ послѣднее время своего существованія, не задолго до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, она съ обывателями своими состояла въ собственности помѣщицы Корсаковой. Корсакова, почуявъ скорое освобожденіе крестьянъ и опасаясь, что ея подгородняя земля, кажется, самая цѣнная изъ ея владѣній, отойдетъ въ надѣлъ Десятильницкимъ крестьянамъ, рѣшила выселить послѣднихъ въ другое, менѣе цѣнное свое имѣніе, въ деревню Кончинку, въ 35 верстахъ отъ города. Рѣшеніе это произвело удручающее впечатлѣніе. Приходилось разставаться съ родными могилами, съ насиженнымъ гнѣздомъ, съ политой пóтомъ дѣдовъ и отцовъ, ухоженной землей-кормилицей, съ вѣками установившимся строемъ жизни, съ легкимъ городскимъ заработкомъ и идти въ какую-то незнакомую Кончинку съ ея пустыннымъ, по слухамъ, мѣстоположеніемъ, съ почвою для сельскаго хозяйства совершенно не пригодною. Крестьяне, когда познали про это рѣшеніе, ходили, говорятъ, буквально какъ приговоренные къ смерти. Но не помогли ни мольбы, ни вопль, ни стоны. Деревушка была срыта. Переселившіеся изъ нея въ Кончинку крестьяне влачили тамъ самое жалкое существованіе и, какъ только была объявлена воля, разошлись оттуда, кто въ городъ поближе къ старому пепелищу, а кто въ погонѣ за лучшими мѣстами въ разныя стороны широкой Руси. Но кажется, счастье нигдѣ и никому изъ нихъ не повезло. Разъ выбитые изъ колеи, они, бѣдные, такъ и не могли на нее напасть.

---

[1]) Архивъ Бѣж. Дух. Правленія. Дѣло 1784 г. № 47.

Замѣчательно, умирать рѣдкій изъ нихъ не возвращается, гдѣ бы онъ ни странствовалъ, къ своему родному храму. Между прочимъ и пишущему эти строки не разъ приходилось напутствовать передъ смертію и погребать бывшихъ обывателей злополучной Десятильни. Въ живыхъ изъ бывшихъ Десятильницкихъ обывателей остается уже очень не много и всѣ они коротаютъ свой вѣкъ самымъ жалкимъ образомъ. На мѣстѣ бывшей деревушки Десятильни теперь хлѣбное хорошо обработанное поле обители святой, Благовѣщенскаго женскаго монастыря. И только рытвинки, да какой-нибудь забытый кустикъ, нѣкогда посаженный заботливой рукой былого Десятильницкаго домохозяина, напомнятъ старожилу, что здѣсь жизнь когда-то била ключемъ подъ сѣнію родного храма Великаго Апостола любви.

Съ разоренiемъ деревни Десятильни погибла послѣдняя внѣгородская отрасль Богословскаго прихода. Приходъ становится исключительно городскимъ.

Священникъ І. Постниковъ.

Благовѣрная княгиня Анна Кашинская.

Городъ Кашинъ въ смутное время не разъ подвергался наравнѣ съ другими русскими городами опасностямъ отъ враговъ земли Русской. Такъ въ 1608 году онъ былъ захваченъ отрядами Сапѣги и Лисовскаго [1]), но въ слѣдующемъ году Кашинцы отложились отъ Тушина [2]) и его дружина принимала участіе въ походѣ Ляпунова [3]). Наконецъ въ 1613 году Кашинцы едва отсидѣлись отъ Лисовскаго [4]).

Каждая попытка къ самостоятельному образу дѣйствій для городка съ очень небольшимъ населеніемъ [5]) могла обойтись очень дорого въ то страшное по своему полному безправію время. Не удивительно поэтому, что судьба жителей Кашина часто висѣла на волоскѣ и только крѣпкая позиція города спасала его отъ полнаго погрома [6]).

Въ одну изъ такихъ осадъ, когда силы защитниковъ г. Кашина почти изсякли и они уже отчаявались въ спасеніи города, пономарь соборной Успенской церкви Герасимъ лежалъ въ тяжкой болѣзни, съ часу на часъ ожидая себѣ смерти. Этому то пономарю, бывшему отъ болѣзни почти въ одинаковомъ положеніи съ городомъ, и явилась во снѣ женщина «въ велицемъ иночествѣмъ образѣ одѣяна», которая назвала себя княгиней Анной. Она сказала при этомъ Герасиму: «Зачѣмъ вы не обращаете никакого вниманія на мой гробъ и презираете меня, считая мой гробъ обыкновеннымъ? Развѣ вы не видите, что многіе изъ приходящихъ въ храмъ бросаютъ на него свои шапки и даже садятся на него и вы не запрещаете этого? Неужели нѣтъ среди васъ ни одного разумнаго человѣка и вы доселѣ не знаете, что я молю Всемилостиваго Бога и Его Пречистую Матерь, чтобы вашъ

---

[1]) Платоновъ. Очерки по Исторіи Смуты 371.

[2]) Соловьевъ II, 870.

[3]) Платоновъ 503.

[4]) Соловьевъ II, 1069.

[5]) Соловьевъ II, 1336. По переписнымъ книгамъ 1626 году въ Кашинѣ было жителей всего 61 семья.

[6]) «Городъ Кашинъ здѣланъ на самородной горѣ, и около того города з дву сторонъ обошла рѣка Кашина, а з другихъ з дву сторонъ межъ рѣкою учинены рвы и съ одну сторону отъ посада здѣланъ валъ, а по валѣ и по горѣ городъ рубленъ «въ сосновомъ лѣсу клетски» И. Виноградовъ Археол. Экскурсія Тверь 1901. 32 стр.

городъ не былъ преданъ въ руки враговъ, и сохраняю васъ отъ многихъ другихъ золъ и напастей? Вы дѣлаете такъ доселѣ по невѣдѣнію; но ты не смѣй ослушаться меня и пойди къ священнику и ко всему причту церковному, разскажи имъ все это и скажи, чтобы они не велѣли никому садиться на мой гробъ и класть шапокъ, а держали бы его «честнѣ» и зажигали бы свѣчу на моемъ гробѣ предъ нерукотворнымъ образомъ Спаса Нашего Іисуса Христа». Проснувшись послѣ этого сна, пономарь почуствовалъ себя здоровымъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе княгини.

Гробъ этотъ и раньше обратилъ на себя вниманіе причта. Дѣло въ томъ, что по обветшаніи старой соборной церкви, когда обвалился «до самой земли помостъ церковный» оказался «на верху земли» чей-то каменный гробъ [1]). Никакой надписи на этой гробницѣ не было, но очевидно въ Кашинѣ сохранялось преданіе, что здѣсь именно погребена была княгиня Анна. Обрадованные члены причта тотчасъ же отслужили благодарственный молебенъ объ изцѣленіи пономаря. Поставили надъ гробницей княгини Анны икону Нерукотворнаго Спаса съ неугасимой свѣчей и повѣдали о всемъ происшедшемъ всѣмъ жителямъ Кашина. Кашинцы обрадовались, пріобрѣтя въ новоявленной Святой «крѣпкую во градѣ поборательницу» и «не имѣяху» уже «скорби отъ нашествія безбожныхъ и латинскія ереси воспріемниковъ, сверныхъ и преокаянныхъ литовскихъ людей». Припомнили тогда Кашинцы, что «въ осадное время въ острогѣ» было «утѣсненіе веліе, стояша храмина подлѣ храмины, человѣцы же малыми стезями ради утѣсненія приходиша ко вратомъ градскимъ». Припомнили они, что бывало при этомъ не разъ, что «загорится храмина и та сгоритъ одна, а подлѣ тое ничѣмъ невредима, а большихъ пожаровъ не бывало» и поняли они, что и этимъ и неоднократнымъ отраженіемъ Литовцевъ они обязаны «молитвамъ и заступленію преподобныя княгини Анны». Началось почитаніе небесной заступницы города Кашина, стали пѣть надъ гробницей ея панихиды и литіи, а также молебны Пресвятой Богородицѣ и начали прикладываться къ гробницѣ княгини. Стали совершаться и чудеса. Изцѣлилась разслабленная кашинка кузнечиха Анна, изцѣлѣлъ отъ паралича сынъ дворянина Тютчева, изцѣлилась отъ болѣзни глазъ жена дворянина иноземца Дѣтновскаго, и др. всѣхъ чудесъ до прославленія княгини Анны было записано восемь [2]).

---

[1]) Видѣніе пономаря Герасима, Рукоп. Тв. Музея, № 951.

[2]) Чудеса прежде свидѣтельствѣ бывшая у гроба.... к. Ibid. 99 об.—106.

Явленіе княгини Анны пономарю Герасиму, произошло, когда въ соборной церкви былъ попомъ Василій, родоначальникъ цѣлаго ряда поповъ этого имени. Онъ былъ попомъ при этой церкви «лѣтъ съ тридцать». Послѣ него попомъ при этой церкви цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ былъ сынъ его, тоже попъ Василій. Онъ первый и началъ хлопоты о прославленіи новоявленной святой. Заѣхалъ при немъ въ Кашинъ знатный боярин и родственникъ царскій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ проѣздомъ на поклоненіе «Александу Свирскому чудотворцу». Попъ Василій разсказалъ ему о явленіи княгини Анны и чудесахъ у ея гроба, разсказывалъ онъ объ этомъ и въ Москвѣ думному дворянину Ивану Гавреневу. Оба они «велѣли ему бити челомъ и извѣщать Великому Государю». Попъ Василій такъ и сдѣлалъ: онъ «билъ челомъ» Великому Государю Михаилу Ѳеодоровичу, но вскорѣ по полученіи этой челобитной Царь скончался, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій по этому поводу. Началъ тогда попъ Василій докучать о прославленіи княгини Анны Кашинской новому царю Алексѣю Михайловичу. Молодой богомольный царь очень обрадовался появленію новой святой царскаго происхожденія и немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ освидѣтельствованіи мощей княгини Анны. Для свидѣтельствованія по царскому распоряженію прибыли въ Кашинъ преосвященный Іона, архіепископъ Тверской и Кашинскій, вмѣстѣ съ архимандритомъ Андроньева монастыря Сильвестромъ и игуменомъ Данилова монастыря Іоанномъ. При осмотрѣ мощей архимандритъ Сильвестръ говорилъ преосвященному Іонѣ, «чтобы свидѣтельствовать поподлиннѣе со испытствомъ, было бъ де что объявить великому Государю». «Мощи княгини Анны оказались нетлѣнны, токмо тлѣнію предалась часть малая носа, да у ногъ плеснѣ, у обоихъ или у одной ноги, а рука правая лежитъ на персѣхъ согбенна, яко благословящая». По словамъ двухъ поповъ Василіевъ, отца и сына, архимандритъ Сильвестръ особенно внимательно озязалъ эту руку святой. Первый говорилъ: «Андроньевскій архимандритъ Сильвестръ тое руки персты разгибалъ, а какъ опустилъ и онѣ такожде согбенны учинились по прежнему», а второй показывалъ, что «взялъ де онъ архимандритъ ея благовѣрные княгини руку и распростиралъ персты ея и паки сгибалъ» [1]).

Результатъ свидѣтельствованія мощей былъ несомнѣнно благопріятенъ и когда актъ осмотра ихъ былъ полученъ въ Москвѣ и доложенъ

[1]) Рукопись Импер. Публ. библ. Изъ Собранія Погодина, № 1608, л. 9, 10, 13, 14.

царю и патріарху, несомнѣнно собрали соборъ, дѣянія котораго не дошли до насъ и онъ постановилъ открыть мощи княгини Анны для общаго поклоненія, какъ новой святой Русской церкви. Самъ царь поручилъ составить службу на пренесеніе мощей благовѣрной княгини знаменитому Епифанію Славенецкому. Все это произошло въ 1649 г.

На открытіе мощей благовѣрной княгини въ слѣдующемъ 1650 г. рѣшилъ прибыть самъ государь съ своею супругою Маріей Ильинишной и «благородными» царевнами. Открытіе мощей новой святой дѣлалось такимъ образомъ какъ бы общерусскимъ торжествомъ. «22-го Мая 1650 года царь съ государыней царицей» отправился изъ Москвы «въ Кашинъ молиться великой княгинѣ Аннѣ Кашинской». Прибыла царская семья въ Кашинъ въ десятыхъ числахъ іюня и 12 іюня произошло самое торжество открытія и перенесенія мощей благовѣрной княгини [1]).

Въ этотъ день мощи благовѣрной княгини Анны послѣ новаго осмотра ихъ прибывшимъ по указу государя Варлаамомъ, митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, были перенесены въ каменномъ гробѣ, запечатанномъ царемъ своими печатями «изъ-подъ деревянной соборной церкви въ соборную Воскресенскую каменную церковь». Несли гробъ на особомъ «деревянномъ одрѣ» на своихъ плечахъ самъ царь и прибывшіе съ нимъ бояре. Слово о перенесеніи мощей княгини Анны сообщаетъ при этомъ слѣдующій эпизодъ: «Яко же дойде великій Государь царь и преосвященный митрополитъ съ мощми преподобныя въ паперть соборныя церкви и абіе гробъ блаженныя показася отягченъ и не можаху прочее нести въ церковь и се Богу являющу, яко не въ той церкви положеннымъ быти мощемъ ея, но идѣже изволилъ Господь въ началѣ погребеннымъ быти и обретеннымъ мощемъ ея въ дому Матере своея, тако и пребудутъ во вѣки вѣковъ. Великій же Государь царь, видя сія, помышляше, яко не хощетъ преподобная въ соборной церкви положена быти и моляше Бога въ себѣ, яко да изволитъ ей на время въ той церкви положеннѣй быти, дондѣже воздвигнется храмъ прекрасенъ во имя Пресвятыя Богородицы и Его угодницы Преподобныя и Великія Княгини Анны. И абіе подадеся имъ святая,

---

[1]) «Того же (1650) году Мая въ 22 день пошелъ Государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а отъ Троицы изъ Сергіева монастыря итти Государю съ Государыней царицей въ Кашинъ молиться великой княгинѣ Аннѣ Кашинской.... Мѣсяца Іюня въ 4 день пошелъ Государь отъ Троицы изъ Сергіева монастыря въ Кашинъ, къ великой княгинѣ Аннѣ Кашинской молиться, и съ Государынею царицею.... Того же мѣсяца Іюня въ 12 день въ Кашинѣ былъ у Государя столъ въ шатрахъ». Дворцовые разряды III, 170 и 778.

и.... внесше гробъ блаженныя съ мощми въ соборную церковь Воскресенія Христова и поставиша его на правой странѣ у столпа» [1]).

По окончаніи этого торжества у царя былъ столъ для гостей въ походныхъ шатрахъ Уѣзжая изъ Кашина царь одарилъ причтъ церковный богатой милостыней и «заповѣдалъ церковь строити каменну, идѣже обрѣтено бысть тѣло блаженныя сущему ту священноіерею тоя церкви именемъ Василію» [2]). Такъ началось чествованіе новой святой, и всего вѣроятнѣе общее для всей русской церкви.

Одну службу новой святой привезъ съ собой изъ Москвы Государь Алексѣй Михайловичъ. Составленіемъ другихъ службъ озаботились сами Кашинцы. Такъ «канонъ на обрѣтеніе мощей княгини Анны, тропарь и кондаки сложили и написали Пятницкій попъ Иванъ Наумовъ да кашинецъ посадскій человѣкъ Семенъ Осиповъ сынъ Сухоруково» [3]). Озаботились они и о составленіи житія, но книжныхъ людей, способныхъ къ этому дѣлу, въ самомъ Кашинѣ не нашлось, а между тѣмъ оно было крайне необходимо,—«пріѣзжаютъ ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многіе богомольцы, а житія ея у нихъ нѣтъ и показать нечего». Озабоченный вопросомъ о составленіи житія новоявленной святой попъ Василій отправилъ своего сына Никифора на поиски за авторомъ житія. Тотъ почему то поѣхалъ въ Соловецкій монастырь и обратился тамъ съ просьбою о помощи въ этомъ дѣлѣ къ тамошнему «уставщику старцу Никодиму», а послѣдній приказалъ заняться этимъ дѣломъ старцу Игнатію. Этотъ старецъ Игнатій и является авторомъ житія «святой благовѣрной княгини Анны Кашинской». Самое составленіе житія происходило такимъ образомъ: Никифоръ «сказывалъ имъ житіе ея про што вѣдалъ и слыхалъ, а онѣ сыскали и у себя въ степенной книгѣ, что она благовѣрнаго великаго князя Михаила Тверского супружница великая княгиня Анна, а житіе слагали онѣ и писали по своему разуму и степенной книгѣ и по его Никифоровымъ словамъ, что онъ имъ про житіе ея сказывалъ» [4]). Вынесъ Никифоръ изъ Соловецкаго монастыря это вновь составленное житіе въ Кашинъ «въ то время, какъ переносили мощи Филиппа митрополита въ царствующій градъ Моску», т. е. въ 1652 году. Главу о чудесахъ благовѣрной княгини Анны составилъ при этомъ самъ

[1]) Рукоп. Тв. Музея, № 951, л. 93 об.—94 об.
[2]) л. 95 и об.
[3]) Показаніе Никифора. Рукоп. Публ. библ., л. 15 об. и 16.
[4]) Ibid.

Никифоръ въ Кашинѣ «кто что скажетъ подлинствомъ, а у которыхъ чудесъ есть предисловіе, и то онъ писалъ отъ своего разума для того чтобъ было слагательнѣе» [1]).

Такимъ образомъ послѣ долгихъ хлопотъ появились двѣ службы, тропари и кондаки, а также и житіе новой святой, словомъ все, что требовалось для чтимой церковью святой и что можно было «показать богомольцамъ».

Служба, составленная такимъ мастеромъ слова, какимъ былъ Епифаній Славенецкій, а также и составленная самими кашинцами оказались вполнѣ удовлетворительными и не возбуждали и впослѣдствіи никакихъ недоразумѣній,—русскіе тогда умѣли молиться. Совершенно иная исторія была съ житіемъ. Тутъ уже недостаточно было одного благоговѣйнаго отношенія къ дѣлу, мало было одной глубокой вѣры во вновь прославленную святую, а болѣе или менѣе требовались и научныя свѣдѣнія, и умѣнье разобраться въ историческихъ извѣстіяхъ, а этого то именно и не достало у авторовъ житія, поэтому они и допустили въ немъ многія и грубыя ошибки. Они написали въ житіи: «сія убо преподобная отечество градъ Кашинъ имѣяше, дщи бяше благородныхъ и благочестивыхъ родителей отъ славныхъ боляръ и добре има воспитана во страсе Господни», тогда какъ по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ жена св. Михаила благовѣрнаго Анна была дочерью князя Ростовскаго Дмитрія Борисовича [2]). Въ житіи написано: Князь Михаилъ «отыде во орду, точію поимъ единаго сына своего князя Димитрія, да видитъ страданіе его... послѣди же блаженную кончину пріятъ мечемъ усѣкновенъ и тако мученія вѣнцемъ увязенъ... Тѣло же его пресвятое принесено бысть изъ орды во славный градъ Тверь и положено бысть честно со псалмы... Благовѣрная княгиня Анна пребываше въ дому своемъ съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ княземъ Константиномъ Михайловичемъ, тому бо, юнѣйшему сыну его, той славный градъ Тферь отча достоянія въ наслѣдіе достася»... [3]) Все это безусловно несогласно съ историческими и лѣтописными данными. Фактически извѣстно, что благовѣрный Михаилъ Ярославичъ поѣхалъ въ орду съ однимъ изъ младшихъ своихъ сыновей Константиномъ, умеръ отъ удара ножемъ въ грудь, тѣло его привезено было сначала

[1]) Показаніе Никофора.

[2]) «Того же лѣта ожеинся князь Михаило Ярославичъ, поя дщерь княжу Дмитріеву Борисовича Анну». Академ. Воскр. и Твер. Лѣт.

[3]) л. 47—48.

въ Москву, и уже оттуда, черезъ годъ послѣ кончины его, въ Тверь, и что великимъ княземъ въ Твери послѣ смерти Михаила Ярославича сдѣлался старшій сынъ Димитрій, а вслѣдъ за нимъ Александръ и только послѣ смерти одного, и изгнанія другого изъ старшихъ братьевъ великокняжескій престолъ занялъ Константинъ Михайловичъ.

Самая грубая и даже не совсѣмъ понятная ошибка, сдѣланная составителями житія, заключается въ опредѣленіи года смерти княгини Анны. Объ этомъ въ житіи читаемъ: «предаде честную свою и ангеломъ говѣйную душу въ руцѣ Господеви, его же возлюби отъ юности, въ лѣто 6846 (1338) мѣсяца октября во второй день». Эта ошибка, говоримъ мы, даже не совсѣмъ понятна, потому, что въ повѣсти о видѣніи княгини пономарю Герасиму говорится, что явленіе ея имѣло мѣсто 243 года спустя послѣ ея кончины [1]). Если приложить эти 243 года къ указываемому составителями году смерти княгини, то получимъ 1581 годъ; въ этомъ году, стало быть, по мнѣнію составителей, было междуцарствіе и нашествіе Литовцевъ. Такъ грубо ошибиться они едва ли могли, время это было еще такъ недавно и бѣдствія его такъ сильно запечатлѣлись въ памяти всего народа, даже живы были многіе очевидцы и во всякомъ случаѣ дѣти людей, пережившихъ всѣ эти ужасы [2]). Едва ли мы не имѣемъ здѣсь дѣло не съ ошибкой, а съ опиской. Но какъ бы то ни было дѣло, а въ датированіи года смерти княгини Анны, была допущена грубая ошибка, повлекшая за собою очень много послѣдствій. Не даромъ соборъ 1697 г. въ своемъ постановленіи между прочимъ писалъ: «Въ житіи ея написано, яко, по смерти князя Константина, зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ, во отечество ея. И въ семъ писаніи двѣ лжи явленныя, первая: яко зваше князь Василій по смерти князя Константина. А въ томъ же житіи княгини Анны написано, яко преставися великая княгиня въ лѣто 6846, а по лѣтописнымъ книгамъ князь Константинъ ходилъ въ орду въ лѣто 6854, и того же лѣта тамо и преставися. И по тому списанію житія преставленіе великія княгини бысть прежде смерти князя Константина осмію лѣты. И како можно звати князю Василію по смерти князя Константина за многія лѣта прежде умершую»? [3]). Все, что говорится по данному поводу въ

[1]) Прешедшимъ убо многимъ лѣтомъ по успеніи блаженныя и великія княгини Анны, яко двѣсти и четыредесять и три лѣта. Рукоп. Тв. Музея, № 951, л. 66.

[2]) Показаніе старца Варлаама. Рукоп. Имп. Публ. библ., № 1608, л. 10 об. и 11.

[3]) Чтенія въ Импер. Общ. И. и др. Р. 1871. IV, 60, 55.

дѣяніяхъ собора, безусловно вѣрно, такія именно явно нелѣпыя выводы и вытекаютъ сами собою изъ невѣрной даты года смерти княгини Анны.

Но не смотря на полную очевидность всѣхъ этихъ неправильностей житія, долго ихъ не замѣчали, или, правильнѣе, не находили нужнымъ замѣчать. Проходили годы. Окончилось царствованіе Алексѣя Михайловича и патріаршество Никона, человѣка несомнѣнно очень образованнаго и свѣдущаго въ лѣтописномъ дѣлѣ. Княгиня Анна продолжала чтиться всѣми, и при двухъ преемникахъ патріарха Никона, и во весь этотъ, почти тридцатилѣтній, періодъ времени никто не возбуждалъ вопроса объ этомъ чествованіи, никто не высказывалъ сомнѣнія въ правильности его. Замѣчали ли тогда эту неправильность житія? По всей вѣроятности, да. Не даромъ самое ясное и вѣрное указаніе года кончины княгини Анны (1368) мы находимъ въ Никоновской лѣтописи. Если бы даже православные почему либо и не обратили вниманія на прежде составленное житіе княгини Анны, то обратили бы на него вниманіе только что появившіеся раскольники, которые въ своей полемикѣ съ православными не могли упустить изъ виду правой руки святой, сложенной, «яко благословляющая», что не могло имъ не казаться однимъ изъ доказательствъ древности двуперстія. Но не смотря на все это, патріархъ Никонъ не возбудилъ никакого вопроса о чествованіи княгини Анны, очевидно соображая такъ, что ошибки «списателя житія» не могутъ бросать тѣни на чествуемую святую. Едва ли бы его могло остановить одно только то обстоятельство, что открытіе мощей этой святой произошло при непосредственномъ участіи его собиннаго друга царя Алексѣя Михайловича.

Вопросъ о чествованіи княгини Анны Кашинской, какъ святой, получилъ совершенно новую постановку при патріархѣ Іоакимѣ Савеловѣ (1674--1690). Смѣлый и рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя и не обращавшій иногда надлежащаго вниманія на естественныя послѣдствія своихъ поступковъ, патріархъ Іоакимъ придавалъ очень большое значеніе основнымъ пунктамъ ученія раскольниковъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно большее, чѣмъ самъ иниціаторъ реформы патріархъ Никонъ. На время его патріаршества падаетъ самое сильное гоненіе противъ раскольниковъ и самое сильное обостреніе между православными и раскольниками. Въ настоящее время, когда православная церковь разрѣшила употреблять единовѣрцамъ всѣ тѣ обряды, изъ-за которыхъ въ былое время люди шли на мученическую смерть, мы можемъ спокойно изслѣдовать вопросъ о тѣхъ или иныхъ обрядахъ. Не

то было тогда. Тогда каждый малѣйшій фактъ, могшій служить хотябы тѣнью доказательства противной партіи, уже по этому одному казался опаснымъ для православія и не всякій могъ удержаться отъ попытки уничтожить его, лишить его всякаго значенія. Такое желаніе было такъ естественно при обостренной до страстности борьбѣ двухъ партій.

При такихъ обстоятельствахъ и былъ поставленъ на очередь вопросъ о чествованіи княгини Анны Кашинской. Какой именно фактъ заставилъ поставить на очередь этотъ вопросъ, мы не знаемъ, но въ февралѣ 1677 года патріархъ Іоакимъ отправилъ въ Кашинъ особую комиссію изъ духовныхъ лицъ «ради достовѣрнаго досмотрѣнія мощей благовѣрныя княгини Анны Кашинскія и испытанія ради чудесъ во свидѣтельство извѣстнос». Въ составъ этой комиссіи вошли: «Іосифъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, Симеонъ, архіепископъ Тверской и Кашинскій, Варсонофій, архимандритъ Добраго монастыря изъ города Лихвина, Іоаннъ Лазаревъ, протопопъ церкви Николая чудотворца Гостунскаго». Комиссія приступила къ своему дѣлу 12 февраля и начала съ допроса попа соборной успенской церкви въ городѣ Кашинѣ— Василія. Этотъ попъ Василій, внукъ того попа Василія, при которомъ было видѣніе пономарю Герасиму, «по евангельской заповѣди, еже ей, ей въ правду» въ своемъ показаніи разсказалъ о томъ, когда и кѣмъ составлены были службы княгинѣ Аннѣ, откуда принесено житіе ея и о свидѣтельствованіи мощей княгини Анны въ 1649 году «по указу блаженные памяти великаго государя... Алексѣя Михайловича и великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха Московскаго и всея Руси». Онъ самъ былъ при этомъ свидѣтельствованіи, какъ дьячокъ соборной церкви, и слышалъ слова архимандрита Сильвестра «чтобъ свидѣтельствовать поподлиннѣе со испытствомъ, было бъ что объявить великому государю», видѣлъ, какъ онъ «распростиралъ персты» княгини Анны «и паки сгибалъ». Относительно состоянія мощей онъ показалъ, что «тѣло ея нетлѣнно только тлѣніемъ разрушился носъ да плюсна у ноги, а у которые, того не упомнитъ» [1]).

Вслѣдъ за нимъ подвергнутъ былъ допросу отецъ попа Василья старецъ Варламъ, прежде тоже попъ Василій. Онъ показалъ, что онъ служилъ при соборной церкви священникомъ «лѣта съ тридцать», а отецъ его, «попъ Василій... служилъ прежъ ево лѣта съ пятьдесятъ, а

[1]) Рукоп. Имп. Публ. библ., № 1608, л. 8 и 9.

у тое церкви служитъ сынъ ево Варламовъ попъ Василій же». Показаніе этого старца, старѣйшаго изъ этой поповской династіи, является особенно интереснымъ, онъ больше всѣхъ ихъ видѣлъ, зналъ и помнилъ. Онъ, между прочимъ, разсказалъ: «Въ прошломъ де году, а в которомъ, того не упомнитъ, въ приходъ Литовскихъ людей Кашинъ городъ былъ в осаде и в то осадное время при отце ево Варламове при попе Василье явилась благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская успенского жъ собору пономарю Герасиму во сновидѣніи, а онъ де пономарь в то время лежалъ великою болѣзнію близь смерти, а въ явленіи де ему благовѣрная великая княгиня анна велѣла о себѣ возвестить священнику, чтобъ надъ гробомъ ея предъ образомъ Спасовымъ Нерукотвореннаго свѣчи палили и литіи пѣли и гробъ ея почитали и на гробнице ея не садились и шапокъ не клали, а она де благовѣрная княгиня молитъ всемилостиваго Спаса и пресвятую Богородицу о избавленіи града сего отъ иноплеменныхъ и пономарь де Герасимъ того видѣнія священнику не извѣстилъ, помнѣлъ, что то неистинно, и она де благовѣрная великая княгиня Анна явилася ему жъ пономарю Герасиму послѣ того во сновидѣніи ж второе, и онъ де пономарь Герасимъ, по второмъ явленіи, ево Варламову отцу священнику Василію известилъ и отъ болѣзни своей оздравелъ и отецъ де ево варламовъ священникъ Василей про то видѣніе людямъ возвещалъ и приказывалъ, чтобъ гробъ ея великія княгини почитали, на немъ бы не садились и шапокъ не клали, а онъ де, старецъ Варламъ въ то время былъ дьячкомъ». Точно указавъ потомъ, гдѣ находилась гробница княгини Анны, онъ разсказалъ о своихъ хлопотахъ по прославленію святой и первомъ свидѣтельствованіи мощей ея. При этомъ онъ показалъ, что при свидѣтельствованіи мощей онъ «былъ тутъ же и видѣлъ что мощи благовѣрные великіе княгини Анны нетлѣнны токмо тлѣнію предалась часть малая носа, да у ногъ плеснѣ, а у обоихъ ли или у одной ноги и онъ того не помнитъ, а рука де правая лежитъ на персехъ согбенна яко благословящая и андроньевскій де архимандритъ Селивестръ тое руки персты разгибалъ, а какъ опустилъ, и онѣ такожде согбенны учинились по прежнему». Въ дальнѣйшемъ своемъ показаніи онъ разсказываетъ: «после того свидѣтельства на другой годъ блаженные памяти великій Государь... Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ изволилъ притти в Кашинъ с своею государевою царицею і великою княгинею Марьею Ильичною и своими государскими сестрами з благовѣрными царевнами, а с нимъ, великимъ государемъ, былъ Пре-

освященный Варламъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій и мощи благовѣрные великія княгини Анны досматривалъ и по досмотру ис под соборные Успенія деревянные церкви въ каменномъ гробу перенесли в соборную воскресенскую каменную церковь и обязавъ запечаталъ гробъ своими государскими печатми, а в пренесеніе гроб с мощми великій государь несъ самъ на рамех своихъ з бояры, а несли тотъ каменный гроб с мощми на древяномъ одрѣ и тотъ одръ и ныне въ цѣлости... а по указу великого государя церть исподъ гроба онъ, Варламъ, многимъ людямъ раздавали на исцеление и до ныне даютъ» [1]). Закончилъ старецъ Варламъ свое показаніе разсказомъ о томъ, кто составлялъ службы и житіе.

Никифоръ въ своемъ отвѣтѣ коммиссіи разсказалъ, какъ и кѣмъ составлялись службы и житіе и какъ онъ составлялъ главу о чудесахъ княгини Анны.

13 февраля комиссія приступила къ «испытанію» чудесъ великой княгини. Первымъ допрашивался «человѣкъ князя Данилы Григорьевича Черкасскаго Данило Андреевъ сынъ Татариновъ». Онъ разсказалъ, что «въ прошлыхъ годехъ... у сестры ево родной у дѣвки Анны отнялися очи, сомжилися вѣки, мѣсяца с три не разводилися и ничего не видѣла и отецъ ево Андрей и мать Пелагея з болящею дочерью и онъ Данило пріѣзжали во градъ Кашинъ о исцеленіи очей ея по обѣщанию... і какъ молебное пѣніе совершилъ и по отпуске священникъ оградилъ дѣвку Анну животворящимъ крестомъ и она в то время очима прозрѣла» [2]). Въ главѣ о чудесахъ это событіе разсказано такъ: «Болярина князя Никиты Іоанновича слуги его именемъ Андрея по природѣ Татарина дщерь его именемъ Анна въ то время была пяти лѣтъ, очи у нея сомжилися и не видѣла ничего, ни рукъ своихъ с полгода.... Священнику благословившу ее крестомъ и святою водою окропивъ и ко гробу преподобныя приложиша и отъ того часа та дѣвица прозрѣ и нача видѣти совершенно [3]). Сравненіе этихъ двухъ разсказовъ обнаруживаетъ почти полное тождество ихъ. Различное опредѣленіе времени слѣпоты дѣвицы объясняется всего вѣроятнѣе разницей показаній родственниковъ больной.

16 февраля допрашивалась «Кашинка вдова жена Митрофанова Акилина Назарьева». Она показала: «въ прошломъ году ходила она гулять на Петровъ день со иными женами и гулявъ зашли онѣ на

[1]) Ibid. л. 9—15.
[2]) Ibid. л. 17—18.
[3]) Рукоп. Тв. Музея, № 951, л. 112 и об.

гроб благовѣрные княгини Анны, а гроб ея в то время былъ подъ деревянною церковью и она де Акилина оперлася о гроб с небреженіемъ и отъ того де отерпло полъ ея, рука и нога отнялась, и она де постилась отъ Петрова дни до Ильина дни і какъ былъ для свидѣтельства мощей благовѣрные княгини Анны Преосвященный Иона, архіепископъ Тверскій і Кашинскій, и при немъ, архіепископѣ привели ее в церковь ко гробу благовѣрные... и пѣли молебенъ и святили воду и тою освященною водою она после тово молебна помазалася и пила, и отъ того де ей, спустя дня с два в дому Богъ даровалъ исцеленіе» [1]). Хитя и это показаніе подтверждаетъ фактъ изцѣленія, но во главѣ о чудесахъ эта исторія разсказана нѣсколько по иному. Тутъ говорится; «Кашинцовъ посадскихъ людей многія жены приходили... благовѣрныя княгини Анны поклонитися. Съ ними же приходила Кашинца Богдана Митрофанова жена, именемъ Акилина. И прочія жены, помоляся Богу... и гробу преподобныя... поклонилися съ вѣрою и та Акилина прикоснулася съ небреженіемъ ко гробу преподобныя и съ безстрастіемъ оперлася о гробъ рукою и какъ оперлась и отъ того часа отнялась у нее рука, коею она оперлась, да половина главы почала болѣть, да нога той же страны и всего половина и едва отведоша ю в домъ свой и лежала разслаблена до обрѣтенія мощей... Того дни привезли ту жену Акилину ко гробу преподобныя и ночевала на тотъ день у гроба преподобныя и молилась о исцѣленіи своемъ и какъ начали литургію служити и отъ того часа Богъ далъ отъ разслабленія изцѣленіе молитвами преподобныя... и тако жена та... здрава отыде въ домъ, радуяся и славя и благодаря Бога и преподобную,... каяся о прежнемъ невѣрствіи своемъ» [2]).

«Служка Дмитровскаго монастыря Петрунка Степановъ» показалъ: «братъ де ево родной Ѳедка былъ отъ болѣзни во иступленіи ума и по обѣщанію того брата ево привозилъ ко гробу благовѣрной больного большей братъ Никишка, а отъ того гроба привезъ ево Ѳедку в домъ здрава в цѣломъ умѣ» [3]). Это показаніе нисколько не расходится съ разсказомъ объ этомъ событіи въ главѣ о чудесахъ. Тутъ мы читаемъ: «Дмитровскаго монастыря слуга Ѳедоръ Степановъ, сынъ Маламаховъ, лежалъ боленъ и въ той болѣзни помутился умомъ и не позналъ никого, ни домашнихъ своихъ и бѣсновался многое время. Свои же его едва

[1]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 18 об. и 19.
[2]) Рукоп. Тв. Музея, л. 105—106.
[3]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 19 об. и 20.

привезоша... ко гробу благовѣрныя... и пѣли молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ... и литію у гроба по благовѣрной княгинѣ служили и по окончаніи молебна и литіи приложили его ко гробу... и отъ того часа тотъ Ѳеодоръ людей позналъ и умъ цѣлъ по прежнему и отъ той болѣзни здравъ бысть» [1]).

«Крестьянинъ Срѣтенского дѣвичьяго монастыря Гришка Тихановъ» показалъ: «мать де ево Анна была отъ огневные болѣзни во иступленіи ума недѣль с шесть и імалъ де отецъ его Тихонъ из Воскресенские соборные церкви освященную воду и тою священною водою мать ево Анну кропили и пить ей давали и она де отъ той воды в дому своемъ исцелѣла» [2]). Въ главѣ о чудесахъ читаемъ: «Срѣтенского дѣвичья монастыря крестьянина Тихона Иванова жена ево Евдокія одержима была недугомъ зелнымъ и в той болѣзни ума отступила и не знала никого, лежала въ дому своемъ въ томъ недузѣ многое время и привозили ее... ко гробу преподобныя и молебенъ пресвятѣй Богородицѣ пѣли и воду святили и панихиду по великой княгинѣ служили, и по окончаніи молебна и панихиды приложиша ее ко гробу и даша ей святыя воды пити и отъ того часа та евдокія людей познала и умомъ стала цѣла» [3]). Запись этого чуда неточна,—Анна не Евдокія и обстоятельства изцѣленія въ этихъ двухъ разсказахъ несходны.

«Крестьянинъ села Флоровскаго Андрюшка Давыдовъ» показалъ: «у отца ево Давыда заволокло тускомъ очи и не видѣлъ года с четыре и по обѣщанію своему ходилъ въ городъ Кашинъ молитися благовѣрной... и у гроба ея получилъ исцеление и очима прозрѣлъ» [4]). Въ главѣ о чудесахъ исторія этого изцѣленія разсказана такъ: «Человѣкъ нѣкій именемъ Давыдъ Осиповъ... крестьянинъ села Флоровскаго лежалъ въ болѣзни ослѣпъ и не видѣлъ и рукъ своихъ года два и приведоша его ко гробу преподобные... и молился у гроба день и нощь... Послѣ заутрени начали пѣть священницы у гроба преподобныя молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ оному же Давыду молящуся о прозрѣніи своемъ со слезами и внезапу свѣтъ узре очима своима и вопіяше со слезами ко преподобней: ѡ преподобная мати, подаждь ми совершенное очима моима прозрѣніе и по окончаніи молебна священникъ благосло-

---

[1]) Рукоп. Тв. Музея, л. 102 об. и 103.
[2]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 20 об. и 21.
[3]) Рукоп. Тв. Музея, № 951, л. 103 и об. 104.
[4]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 21 и об.

вивъ крестомъ и окропивъ святою водою и приложися ко гробу и абие совершенно прозрѣ и видѣ все якоже и прежде» [1]).

Срѣтенскаго Кашинскаго монастыря старица Марѳа, въ мірѣ Матрена Мизинцева, показала: «по принесеніи мощей благовѣрные княгини анны... исцеленіе получила она от очные болѣзни, а болѣзнь де ея в мирскомъ житіи была ломота в голове и от тоя ломотныя головныя болѣзни болѣли у неѣ очи, года с три мало видела, а потомъ де от зелныя болѣзни вѣки у нея сожмилися и ничего не видела недѣль с девять и помыслила де она итти ко гробу благовѣрные княгини анны помолитися о исцелении болѣзни своей, і в той де ночи явилась еі благовѣрная княгиня анна таковымъ образомъ: кабы она старица Марѳа, будучи белицею, пришла в церковь в соборную и стала противъ гроба ея и благовѣрная де княгиня анна призывала ея: «подойди ко мнѣ». И она старица Марфа ко гробу приступила и благовѣрная княгиня еі говорила: «давно де было тебѣ прiйти и помолитися». И старица де Марѳа над гроб наклонилась и благовѣрная де... очи еі рукою своею осязала, а рука де у ней тепла и после того явления она старица Марѳа от сна проснулась и ощутила себя от очныя болѣзни здрава» [2]). Въ главѣ о чудесахъ разсказъ объ этомъ чудѣ переданъ такъ: «Кашинца дворянина Лукиана Мизинцова жена ево именемъ Матрона лежала огненною болѣзнию и отнялися у нее очи и невидела ничего многое время и в той болѣзни обѣщалася помолитися в кашине преподобной княгинѣ аннѣ и стало ей отъ болѣзни полегче и съ очей пухота опала и стала очима видеть и после того послала в кашинъ къ пресвятѣй Богородицѣ успенію и преподобной свещи и на молебенъ, сама же забы обѣщание свое, не пойде въ Кашинъ и наиде на нее паки таже скорбь и очима не видѣ и не малое время лежала и явися в тонце снѣ преподобная... и рече ей: «что ты свѣши и на молебенъ присылаешь а сама обѣщание свое забыла, молитца не ходишь?». Она жъ, возбнувъ отъ видѣнія, обрѣте себѣ легче и вскорѣ повеле отвести въ Кашинъ... ко гробу преподобныя... и повелѣ пѣти молебенъ... и по отпѣтіи молебна... приложися ко гробу... и въ томъ часѣ стала видеть чисто и отъ болѣзни бысть здрава». Въ разсказъ объ этомъ чудѣ, очевидно, вошло много такихъ элементовъ, о которыхъ не упоминаетъ въ своемъ показаніи старица Марѳа [3]).

---

[1]) Рукоп. Тв. Музея, л. 110 и 111.

[2]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 21 и 22.

[3]) Рукоп. Тв. Музея, чудо 25, л. 126 об. и 127

Февраля 18 допрашивался «крестьянинъ деревни Борзениновы Калинка Ивановъ». Онъ въ допросѣ своемъ показалъ: «в прошлыхъ де годѣхъ волею Божіею лежалъ в скорби і в той скорби отнялися у него руки и ноги, ногами не ходилъ и руками не владѣлъ года с два и мать де ево анница ево калинку для исцеленія той скорби привозила врачей многихъ и лечила ево многими лекарствы и ему де от тѣхъ лекарей ползы в тои скорби и облегченія никакова не учинилось. И шуринъ де ево Калинковъ, Митрошка Олферовъ, пріѣхавъ к нимъ в домъ, сказалъ матери ево и ему Калинке, что де в кашине объявился гроб, а есть де отъ него болящимъ изцеление. І взяв де он, митрошка, ево, Калинку, привез въ Кашин и молился у гроба благовѣрные во время службы о исцеленіи скорби недѣлю и в тѣх де числех во сновидѣние явися ему благовѣрная княгиня и рекла ему: «возстани де, Калиникъ, —Богъ тебя от скорби избавляетъ; я де о тебѣ всемилостиваго Спаса молила и онъ де Калинка, отъ сна в то время пробудился и после того сновидѣния сталъ здравъ» [1]). Въ главѣ о чудесахъ эта исторія разсказана такъ. «Человѣкъ нѣкій именемъ Калиникъ Ивановъ деревни Борзенева разслабленъ былъ и не владѣлъ ни рукою, ни ногою года съ два и больше, слышавъ о чудесѣхъ преподобныя... и обѣщася помолитися преподобнѣй и по его обѣщанию свои ему едва его на носилкахъ привезоша во градъ Кашинъ ко гробу преподобныя и недѣлю жилъ и молился о исцѣленіи своемъ. И во едину нощь лежаше у гроба преподобныя и во умѣ своемъ моляся, и мало уснувъ, и явися ему преподобная аки бы изъ гроба, близъ пришедшу ему, рече: «Человѣче, возстани». Онъ же отвѣщавъ глаголя: «О преподобная мати, аще и хощу востати, но не могу». Она же, емши его за руку, и воздвиже и постави его на ногахъ и рече ему: «исцѣляетъ тя Господь Богъ и пресвятая Богородица моимъ смиреніемъ». И абие невидима бысть. Онъ же, воспрянувъ отъ видѣния, и обрѣтеся стоя у гроба преподобныя здравъ и не видѣ никого, токмо едину свѣщу вожженую, яже и прежде бѣ» [2]).

«Города Городецка церкви Николая чудотворца дьячокъ Пострушка Ивановъ показалъ: «Тому лѣтъ съ одинадцать лежалъ онъ три недѣли в великой скорби: опухъ весь и глаза опухолью покрылись, не виделъ ничего и лежалъ отъ того обмертвѣвъ трои сутки бес памяти и мать ево вдова Офросинья обещалась благовѣрной о исцелении тое ево

[1]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 23 и 24.

[2]) Рукоп. Тв. Музея, № 951, л. 107 об. и 108, чудо 11.

скорби пѣть молебенъ. І какъ де братъ ево, Николской попъ Іванъ, в дому у нихъ началъ пѣть молебенъ и над нимъ, петрушкою поставили ея благовѣрные княгини анны образъ и ему де, петрушке, стало отъ тоѣ болѣзни легче, а после того молебна спустя с недѣлю времени сталъ здравъ і в городъ Кашинъ з братомъ своимъ, съ попомъ Іваномъ ѣздили и еі благовѣрной княгинѣ анне пѣли молебенъ». Тогда онъ «былъ малъ по пятому году, а сие исцеление онъ слушалъ от матери и от брата своего» [1]). Въ главѣ о чудесахъ объ этомъ исцѣленін читаемъ: «Въ лѣто 7174 (1666) года мѣсяца апреля дня на городецкѣ на посаде Николскаго попа Іоанна сынъ его отрока Петръ лежалъ в болѣзни три недѣли, а замертво лежалъ три дни распухъ весь, налился, что пузырь, не знать было и глаза, и принесоша родители ево преподобныя княгини анны образа и поставиша и начаша пѣти молебенъ преподобной... И какъ отпѣли молебенъ, и въ томъ часѣ тотъ отрокъ Петръ проглянулъ и пухота съ очей опала и увидѣлъ образъ преподобныя и сталъ говорить, что надо мною свѣтло и въ томъ часѣ пухота со всего съ него опала и бысть весь здравъ, яко николи же болѣвъ» [2]).

19 февраля старецъ Дмитровскаго уѣзда, медвѣжей пустыни, что былъ въ мире боярина Черкасскаго крестьянинъ деревни Токарева Филиппъ Григорьевъ, показалъ: «В прошлыхъ годѣхъ лѣтнею порою былъ онъ на боярской работѣ, с поля возили в гумно снопы, стоялъ де онъ на одонье, крестьянинъ де Мишка Микифоровъ подавалъ ему снопы и бросилъ ему снопомъ в глаза и от того де у него учинилась очамъ ломота и не видѣлъ лѣтъ с пять и по обѣщанию своему, до морового повѣтрія за годъ, ходилъ онъ в городъ Кашинъ къ княгинѣ Аннѣ о исцеленіи очей своихъ молитца и на другой день после обѣдни онъ, старецъ, очми прозрѣлъ.... А нынѣ де онъ, старецъ Θнрсъ, очми мало видитъ,—заволокло тускомъ» [3]). Въ главѣ о чудесахъ мы находимъ слѣдующій разсказъ объ объ этомъ событіи: «Человѣкъ нѣкто земледѣлецъ, именемъ Филиппъ Григорьевъ болярина Черкасскаго крестьянинъ деревни Токарева.... слѣпъ былъ, не видѣлъ и рукъ своихъ три года съ половиною, и привезли его въ Кашинъ къ гробу преподобныя и ночевалъ нощь и молился о исцѣленіи своемъ и на заутрени въ день четвертокъ. Послѣ литургіи началъ священникъ паннихиду у гроба преподобныя,оному же молящемуся о прозрѣніи своемъ

[1]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 24 и 25.
[2]) Рукоп. Тв. Музея, № 951, чудо 26, л. 128.
[3]) Рукоп. Имп. Публ. библ., л. 25 и 26.

и внезапу того часа Богъ даровалъ ему Ѳилиппу прозрѣніе. Молитвами преподобныя.... сталъ видѣти, якоже и прежде» [1]).

Этимъ и закончилось «испытаніе чудесъ» княгини Анны Кашинской. Къ какому результату должны бы были придти лица, производившія это испытаніе? Несомнѣнно, что большинство допрошенныхъ подтвердили факты исцѣленій, изложенныхъ въ главѣ о чудесахъ, хотя ихъ показанія и расходятся иногда съ разсказомъ главы о чудесахъ. Нѣкоторая разница между двумя редакціями, иногда даже нѣкоторая прикраса одной редакціи, могли легко быть объяснены неумѣлостію составителя главы о чудесахъ, вполнѣ естественнымъ запамятованіемъ нѣкоторыхъ подробностей и др., но факты остались фактами и въ общемъ нельзя повидимому не придти къ заключенію, что «испытаніе чудесъ» было благопріятно для чествуемой святой. Но въ самомъ актѣ испытанія нельзя не обратить вниманія на одну бьющую въ глаза подробность, что во всемъ этомъ актѣ чтимая церковью святая ни разу не названа святою,—«преподобная», «благовѣрная княгиня»—вотъ единственные эпитеты, прилагаемые здѣсь къ имени княгини Анны. Уже изъ одного этого можно заключить, что слѣдователи, производившіе испытаніе чудесъ, пріѣхали не безъ особыхъ инструкцій. Что это такъ, доказывается ихъ послѣдующими распоряженіями.

20 февраля этого же 1678 года, т. е. на другой день послѣ допроса послѣдняго свидѣтеля, «преосвященный Іосифъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, и преосвященный Симеонъ, архіепископъ Тверскій и Кашинскій, осматривали образъ благовѣрные великіе княгини Анны, что стоитъ въ соборной Воскресенской церкви надъ гробомъ ея благовѣрной княгини, а по сказкѣ старца Варлама и сына ево попа Василья писалъ де тотъ образъ по обѣщанію своему протопопъ Іванъ Наумовъ, что былъ въ Кашинѣ въ Воскресенскомъ соборѣ, а по осмотру тотъ образъ написанъ на штилистовой цкѣ, обложенъ басемнымъ окладомъ, вѣнецъ и гривна резные, да на той же цкѣ на образѣ Богородицынѣ вѣнчикъ чеканной, гривенка басемная, и от того образа прикладъ, паногия и кресты и цаты и сережки и деньги золоченые и незолоченые и блестки преосвященные митрополитъ и архіепископъ велѣли отнять, а чего сколко отнято счетомъ і вѣсомъ, и то написано подъ сею статьею» [2]).

21 февраля митрополитъ и архіепископъ «досматривали мѣста,

[1]) Рукоп. Тв. Музея. Чудо 12. Л. 109.

[2]) Рукоп. Имп. Публ. библ., № 1608, л. 26 и 27.

гдѣ былъ гробъ иноки анны, а по досмотру то мѣсто въ соборной Успенской каменной церкви позади лѣвова крылоса выкладена яма кирпичемъ глубиною въ поясъ, а по сказкѣ тое успенские церкви попа василья, что та яма выкладена кирпичемъ въ то время, какъ строили каменную церковь, а прежъ сего на томъ мѣстѣ бывала древяная церковь а надъ тою ямою стоитъ нынѣ древяное досчатое творило, а на немъ на верху положена каменная плита, что преж сего бывала на каменной гробнице благовѣрные великие княгини иноки анны, а то де творило на томъ мѣсте сдѣлали и поставили онъ, старецъ Варламъ да попъ Василей. И преосвященные митрополитъ и архіепископъ велѣли съ того мѣста древяное дощатое творило и плиту снять и положить въ той же церкви к стенѣ и ту въ каменную яму, надъ которою стояло дощатою творило, насыпать пескомъ и заравнять, а творило разобрать.

И по приказу преосвященнаго Иосифа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, то мѣсто заравнено, яма пескомъ засыпана и сверхъ кирпичемъ выкладено противъ церковнаго мосту такожъ въ равенствѣ» [1]).

Послѣднія два распоряженія, снятіе всѣхъ украшеній съ образа княгини Анны и разборка подобія гробницы (древяннаго творила) на мѣстѣ погребенія ея, а равно и уничтоженіе ямы, изъ которой раздавался песокъ богомольцамъ, ясно говорятъ за то, что слѣдователи закончили свои дѣйствія прекращеніемъ почитанія княгини Анны Кашинской, какъ святой. Кто имъ далъ полномочіе на это? Соборъ 1677 г., собранный въ февралѣ же мѣсяцѣ, въ своемъ постановленіи опирается на данныя этого слѣдствія и испытанія, и стало быть, не могъ дать такого полномочія до окончанія этого слѣдствія. Очевидно, что такое полномочіе было дано патріархомъ Іоакимомъ единолично и послѣдущіе соборы должны были только санкціонировать единоличное распоряженіе патріарха. Очевидно, что и относительно княгини Анны Кашинской патріархъ Іоакимъ поступилъ такъ же, какъ и относительно преп. Евфросина Псковскаго, имя котораго онъ «по внезапному рѣшенію» исключилъ изъ устава и такимъ образомъ «низвелъ его изъ разряда общецерковныхъ святыхъ въ разрядъ святыхъ мѣстныхъ» [2]).

По возвращеніи слѣдственной коммиссіи въ Москву, и по представленіи ею «своего досмотра», патріархъ Іоакимъ собралъ въ своей

[1]) Ibid. л. 29 и 30.

[2]) Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ. М. 1903 г., стр. 168.

«крестовой палатѣ» соборъ. На этомъ соборѣ кромѣ патріарха были три митрополита (Казанскій, Сарскій и Рязанскій), три архіепископа (Суздальскій, Псковскій и Сибирскій) и архимандритъ Павелъ Чудова монастыря.

Соборъ этотъ, заслушавъ «соборнѣ досмотру ихъ и житія благовѣрныя княгини Анны и чудесъ ея, и лѣтописныхъ книгъ», нашелъ что житіе ея «съ лѣтописцами мѣстами несогласно» и указалъ тринадцать пунктовъ такихъ несогласій, а именно: 1)что она родомъ изъ Кашина, 2) что Михаилъ Ярославичъ поѣхалъ въ орду съ старшимъ сыномъ своимъ Димитріемъ, 3) что онъ былъ «усѣченъ мечемъ», 4) что тѣло его привезено изъ орды прямо въ Тверь, 5) что Тверь досталась послѣ смерти отца князю Константину. Мы уже упоминали объ этихъ ошибкахъ житія и поэтому не будетъ останавливаться на нихъ вторично. Въ шестомъ пунктѣ несогласія житія съ лѣтописями говорится, что князь Василій не могъ звать свою мать въ Кашинъ, оставаясь все время, по мнѣнію собора, княземъ въ Твери. Въ седьмомъ говорится о невѣрности года смерти княгини по житію. Въ восьмомъ о невѣрности увѣренія житія, что сначала (2 октяря) умерла княгиня Анна, а потомъ 24 іюля того же года князь Василій Михайловичъ, и устанавливается на основаніи лѣтописцевъ, что сначала умеръ сынъ, а потомъ мать, а когда именно, неизвѣстно. Въ девятомъ пунктѣ читаемъ: «Мощи никако же тлѣнію причастны. А по осмотру и свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архіепископа Тферскаго и Кашинскаго и архимандрита и протопопа, мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася». Дѣйствительно, въ житіи, въ главѣ объ обрѣтеніи мощей читаемъ: «Таже и писаніемъ возвѣщаетъ царю» преосвященный Іона, архіепископъ Тверскій, «и мы видѣвше, яко благодатію Христовою никакоже тлѣнію причастны явишася, ни поне ризамъ ея» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, именно въ главѣ «объ обрѣтенін мощей»: «Толико Божія благодать сохрани цѣло тѣло блаженныя, яко множае двою сотъ лѣтъ сокровенно бысть въ земли святое тѣло ея и никако же тлѣнію причастно явися» [2]). Но въ третьемъ изъ указываемыхъ соборомъ мѣстъ мы находимъ уже нѣсколькое иное, что не вполнѣ согласуется съ увѣреніемъ собора. Тутъ мы читаемъ: «Обрѣтши мощи, его же не надѣявшеся, цѣлы и неразрушимы и ни-

[1]) Рукоп. Тв. Музея, л. 78.
[2]) Ibid. л. 87.

какоже тлѣнію причастны быша, аще нѣкая часть къ сродному сродное отдаде ея». Смыслъ послѣднихъ словъ съ полною ясностію устанавливаетъ, что и житіе отмѣчаетъ неполную нетлѣнность мощей княгини Анны.

Въ десятомъ пунктѣ несогласій соборъ пишетъ: «По сказкѣ попа Василія и отца его, старца Варлама, написано: Рука правая на персѣхъ согбенна, яко благословящая. А по нынѣшнему архіерейскому досмотру правая рука въ завитіи погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящими.»

Въ одиннадцатомъ несогласіи читаемъ: «Въ допросныхъ рѣчахъ попа Василія написано: Андроньевской архимандритъ Силивестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ. А старецъ Варламъ, отецъ его, сказалъ: Архимандритъ де Сильвестръ княгини Анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они такожде согбенны учинилися по прежнему. И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ. А нынѣшняго 185 (1677) году, въ досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ ни у которыя руки невозможно, для того, что засохли на-крѣпко, только кости сухія, да къ нимъ присохла кожа».

Въ двѣнадцатомъ несогласіи читаемъ: «Въ житіи, въ двухъ мѣстахъ, написано: тлѣнію не токмо мощи, но и ризы непричастны быша. А по досмотру нынѣшнему архіерейскому: Ризы, во что скутана, и схима истлѣли. Только въ остаткѣ части креста, что былъ вышитъ на куколѣ шелкомъ, да часть плетей схимническихъ, и то истлѣло же, лежитъ на персѣхъ только знакъ, а прянятися не мощно; а на бедрахъ свивальникъ, какъ поясъ, да нить, лежатъ истлѣли, принятися не мощно; калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла».

Эти три послѣднія несогласія знакомятъ насъ съ состояніемъ мощей княгини Анны въ 1677 году.

Въ тринадцатомъ несогласіи говорится: «Въ явленіи пономарю Герасиму великая княгиня сказа имя свое Анна, и по лѣтописцамъ имя ея иноческое Софія (не бо можаше имя свое монашеское забыти или е отрещи и зватися именемъ мирскимъ, еже самовольно остави съ постриженіемъ власъ головы своея) такожде и въ чудѣсѣхъ обрѣтошася написанна нѣкая несогласія и неприличія».

На соборѣ постановлено: «Житіе великія княгини и о чудѣсѣхъ списаніе оставити за недостовѣрное ихъ, и упразднити я, до времени

великаго собора всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда аще чемъ впредь Богъ объявитъ и утвердитъ. Понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житіи ея съ книгами лѣтописными и степенными. Гробу с мощми благовѣрныя княгини стояти въ той же соборной церкви, гдѣ и нынѣ стоитъ, по прежнему, запечатану архіерейскими печатьми. Празднества ее не творити и молебновъ ей не пѣти до совершеннаго великаго собора разсужденія, а пѣти нынѣ панихиды. Съ гроба шитый покровъ, на немъ же шитъ образъ ея и иныя писанныя ея иконы, взяти къ Москвѣ, для разсмотрѣнія, а впредь до великаго соборнаго разсужденія и до подлиннаго извѣщенія образовъ ея не писати. А какъ будетъ великій соборъ и объ ней достовѣрное свидѣтельство и усужденіе, тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изреченіе. Въ церкви во имя великіе княгини Анны, безъ извѣстнаго испытанія освященной, божественныя службы ни каковы же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго собора и разсужденія: зане аще бы извѣстно было, яко свята есть, и житіе бы ея съ лѣтописцы и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотромъ разноты не имѣло».

Таково соборное постановленіе 1677 года относительно чествованія княгини Анны Кашинской. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на одну особенность этого соборнаго дѣянія. оно имѣется у насъ въ двухъ спискахъ: въ копіи, снятой Ундольскимъ, и въ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ нѣкогда архимандриту Чудова монастыря Павлу, и ни въ томъ, ни другомъ спискѣ не имѣется даты, т. е. числа, мѣсяца и года подписанія этого соборнаго дѣянія [1]). Даже въ началѣ дѣянія, когда говорится о времени посылки въ Кашинъ слѣдователей читаемъ: «Въ лѣто 3185 февраля въ « » день», т. е. и тутъ число не обозначено, хотя и оставлено для него мѣсто. Что это значитъ? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло только съ проектомъ соборнаго рѣшенія, которое такъ и осталось проэктомъ въ силу, можетъ быть, какихъ-либо разногласій между отцами собора?

Кромѣ этого соборнаго дѣянія мы имѣемъ другое отъ 1678 года, еще болѣе обширное. Въ началѣ этого соборнаго дѣянія читаемъ: «186 (1678) генваря въ первый день по указу великаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея великія, и малыя

[1]) Чтенія въ Имп. Общ. истор. и др. 1871. IV. Рукопись Импер. Публ. библ. изъ хранилища Погодина, № 1608, л. 1—5 об.

и бѣлыя Россіи самодержца, и по благословенію великаго господина, святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, собрася въ царствующій градъ Москву вятшее число архіереевъ ради достовѣрнаго свидѣтельства и испытанія о мощехъ великія княгини Анны Кашинскія, и собравшеся въ крестовую палату, мы, пришедшіи архіерее, купно со отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, святѣйшимъ Киръ Іоакимомъ, пархіархомъ Московскимъ и всея Россіи, преосвященные митрополиты и архіепископы, архимантриты и игумены [1]) чтохомъ списаніе о житіи великія княгини Аниы Кашинскія съ опаснымъ испытаніемъ, и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможемъ обрѣсти согласно писанное противу написанныхъ несогласій и ихъ житія и лѣтописцевъ въ первомъ соборѣ, бывшемъ въ прошломъ 185 (1677) году, прилѣжно, по многая времена купно сходящеся, разсмотрѣхомъ, и ничто же ино могохомъ обрѣсти, точію многая несходства въ житіи ея съ лѣтописцами и степенными книгами. Житія же ея въ лѣтописныхъ книгахъ, идѣ же писашеся иныхъ великихъ князей и княгинь, и прехожденія ея изъ Твери въ Кашинъ, и гдѣ преставися, и гдѣ погребена, ничтоже обрѣтохомъ, токмо яко дщи бяше князя Ростовскаго, а не Кашинскихъ боляръ, и супруга великаго князя Михаила Ярославича Тферскаго, и яко постригшися звашеся Софія и живяше въ Тфери въ Софіинѣ монастырѣ. А во градѣ Кашинѣ когда живяше, и тамо ли преставися и погребеся, того ничто же въ лѣтописцахъ обрѣтеся и иная многая несходетва во первомъ соборѣ описанная, и нынѣ обрѣтошася по лѣтописцамъ и съ житіемъ. Списатель житія великія княгини дьячекъ Никифоръ, который велѣлъ житье писать, будучи въ Соловецкомъ монастырѣ, со степенныя книги и съ его, Никифоровыхъ, словъ, нынѣ предъ великимъ священнымъ соборомъ сказалъ, что Степенной книги въ Соловецкомъ монастырѣ самъ онъ, Никифоръ, не видалъ, а писано де съ его Никифоровыхъ словъ, что онъ, въ переговорѣхъ отъ людей слыша, сказывалъ, и въ томъ проситъ прощенія. И тѣмъ его прежнимъ словамъ, мимо лѣтописныхъ, вѣрити не подобаетъ; понеже житія великія княгини Анны извѣстнаго отъ древле писаннаго не обрѣтохомъ, и слагати ей тропари, и кондаки и каноны не по чему. И того ради и ко святымъ, въ церкви поемымъ, вчислити не дерзаемъ». Указавъ далѣе на множество примѣровъ, когда святые не прославлялись, не

[1]) 5 митрополитовъ, 6 архіепископовъ, 7 архимандритовъ, 3 игумена.

смотря на наличность чудесъ и видѣній, соборъ продолжаетъ: «По симъ всѣмъ предписаннымъ, и мы, обще съ священнымъ соборомъ, усудихомъ великую княгиню Анну, преименованную монахиню Софію, помінати съ прочими православными великими князи и великими княгини о вѣчномъ упокоеніи..... имя же повелѣваемъ поминати великія княгини монахини Софіи, понеже великая княгиня Анна въ постризѣ своемъ монашескомъ отложи.... и княжества достоинство и имя. И аще кто о здравіи своемъ и спасеніи восхощетъ пѣти молебное пѣніе, и таковіи да поютъ молебны Господу Богу или Пресвятой Богородицѣ, а по великой княгинѣ монахинѣ Софіи да поютъ панихиды и милостыню да творятъ. Храмъ, созданный во имя великія княгини Анны, отнынѣ именовати и быти ему во имя Всѣхъ Святыхъ, и аще совершенно благоугоди Богу великая княгиня Анна, да будетъ въ ономъ храмѣ и то имя вочтено купно со всѣми святыми.... А мощемъ, нынѣ именуемымъ великія княгини Анны, быти, гдѣ нынѣ пренесены, и стояти имъ простымъ, яко прочимъ великихъ князей и великихъ княгинь. Понеже аще истинно сущіи мощи великія княгини Анны, супружницы великаго князя Михаила Ярославича, или иныя яковыя жены, извѣстити древними писаньми не могохомъ, занеже въ подписи на гробу имени ея не обрѣтеся, яко обычай есть писатися на гробѣхъ великихъ князей. Яко великая княгиня Анна, постригшися, живяше во Тфери, въ Софіинѣ монастырѣ, сіе извѣстно въ лѣтописцѣхъ писано; како же, или когда, въ Кашинъ преселися, и гдѣ живяше, во градѣ, или внѣ града, въ монастыри, или княжескомъ дому, того въ лѣтописцѣхъ не писано, а въ житіи писано, яко прихождаше къ ней сынъ ея Василій, она же учаше его, и наказаше, и отпущаше въ домъ свой; гдѣ же прихождаше князь Василій, въ монастырь или въ домъ яковый, про то не вѣдомо... Еще третія лжа обрѣтеся написанна въ житіи: яко мощи великія княгини никакоже тлѣнію причастны. И паки: тлѣнію не токмо мощи, но и ризы непричастны. Къ сему попъ Василій и отецъ его, старецъ Варлаамъ.... въ сказкахъ своихъ солгаша, глаголюще: яко рука правая велікія княгини лежитъ на персѣхъ согбенна, яко благословящая, и яко архимандритъ Сильвестръ руки персты распростиралъ; Василій попъ сказалъ: и паки сгибалъ, а отецъ его Варлаамъ, сказалъ не согласно ему, Василію, яко персты по разгибеніи сами согнулися по прежнему. И въ семъ третіемъ писаніи подобаетъ всякому, имущему здравоумное чувство, разсудно внимати. Первое по баснѣмъ дьячка Никифора, писаннымъ

въ житіи великія княгини, яко мощи и риза тлѣнію не причастны, обличися же не правое писаніе его отъ свидѣтельствующихъ архіереевъ, яко мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася, ризы же истлѣша, токмо въ останкѣ часть креста, шитаго шелкомъ на куколѣ, да часть аналава схимническаго, да свивальнаго пояса нить, и то все истлѣло, принятися не можно. Второе: яко руцѣ благословящей быти недивно по смерти, но у іерея, паче же и архіереа: тѣхъ бо руки по смерти не сами собою сгибаются благословящими (вѣдаютъ сіе искусніи), но абіе по смерти архіерея, дондеже мягка плоть, сгибаютъ тамо присущіи персты руки благословящія и одерживаютъ долгое время, дондеже остояся, и тако ожесточавъ, въ прочее пребываютъ. Міряннна же человѣка никого же гдѣ обрѣтается по смерти рука согбенна, и нелѣпо быти благословящей, аще и мужестѣй кольми паче женстѣй, руцѣ неприлично быти благословящей; по смерти бо тѣхъ не сгибаютъ перстовъ благословящими, ниже тако одерживаютъ, но просто полагаютъ руки таковыхъ крестовидно простертыми дланми и къ персемъ прямы имущими персты. И по сему явленная ихъ лжа. И жива бо сущи великая княгиня, власти не имяше кого рукою своею знаменовати, како по смерти ей имѣти, или иной коей руку благословящую? Понеже и по досмотру и свидѣтельству архіереевъ рука оная въ завитіи погнулася, и длань и персты прямы, а не благословящими. Третіе: Селивестръ архимандритъ яко бы разгибалъ персты, по баснемъ сына, и сгибалъ, отца же по несогласію яко бы персты сами согнулися: и здѣ познася явленная лжа, и кромѣ достовѣрныхъ рѣчей свидѣтельствовавшихъ архіереевъ и глаголющихъ, яко не можно ни у которыя руки длани и перстовъ разгнути, понеже засохли весьма, токмо кости сухія, да къ нимъ присохла кожа. И удобно познати всякому благоумному, яко сухое не изгибается, ниже разгибается, токмо ломится, и явлено сіе отъ древнихъ отъемлемыхъ частей отъ тѣлесъ святыхъ отломленіемъ или самымъ части отпаденіемъ, яко много о семъ въ писаніи обрѣтаются. Да аще бы и самыя мощи были великія княгини Анны, переименованныя монахини Софіи, нынѣ въ градѣ Кашинѣ обрѣтающися и совершенно нетлѣнны были, подобаетъ имъ просто стояти, яко выше изъявися..... Понеже правило, узаконенное во днехъ благочестивѣйшаго государя... Алексія Михайловича.... на священномъ соборѣ.... повелѣ нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, не дерзати, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святыя почитати. Чудесемъ же, глаголетъ великій Никонъ, монахъ

Черныя Горы, не всякимъ подобаетъ внимати по слову слова Христова..... Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого, аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковыя. Плоды же истиннаго и духовнаго мужа показа апостолъ: любовь, радость, миръ, долготерпѣнье, благость, благостыня, вѣра, кротость, воздержаніе. Великія же княгини Анны житіе и добродѣтели ея, каковы быша, отъ древняго повѣствованія не обрѣтеся..... [1]).

Лгатели на житіе великія княгини монахини Софіи, и о нетлѣнности тѣлесе, и разгибеніи и согбеніи перстовъ, достойна суть наказанія по реченному: свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ.... Но понеже мнози.... въ велицей Россіи, смущающіи церковь, овіи отъ церквѣ отлучени быша; овіи же и анафемѣ подложени, изъ тыхъ овіи крѣпяхуся, овіи же, покаявшеся, удобь получиша прощеніе, паки послѣди злоплевенія своя въ простолюдинехъ сѣяша, таковаго непостоянства и лукавства, и нынѣ намъ стрещися лѣпотствуетъ. И аще Никифоръ вседушно и истинно, безъ всякія льсти и лукавства, кается, яко и на священномъ нашемъ соборѣ предъ всѣми нами изрече, имѣемъ его съ того, его содѣяннаго не по разуму дерзновенія разрѣшенна. Наложихомъ же сму епитимію за таковое его блазненное дерзновеніе, еже во градѣ Кашинѣ не быти, но быти ему въ монастыри до его смерти, и каятися ему о томъ Всемогущу Богу, внимати ему спасенію, лжесловнымъ же писаніемъ, отъ него исшедшимъ, прельщенныя отвратити ему отъ того письменно и словесно, и правду всю о томъ спасеніи и о своемъ бывшемъ дерзновеніи изъявляти, да не токмо въ словесехъ, но и въ дѣлехъ, истинное свое о томъ покаяніе изъявитъ. Аще же Никифоръ каяшеся нынѣ не вседушно, но ухищренно, по нѣкоему лукавству, или страха ради нѣкоего, или инаго ради нѣкоего полученія, да будетъ подъ нашимъ архіерейскимъ запрещеніемъ и отлученіемъ, дондеже истинно и вседушно о томъ покается, и тогда да разрѣшится.

Симъ же судомъ осудихомъ и прочія лгатели на житіе великія княгини монахини Софіи, и о нетлѣнности тѣлесе и о разгибеніи и согбеніи перстовъ, яко и прочіе непокорники, дондеже востребуютъ прощенія и разрѣшенія, не краемъ ушесъ, но дѣломъ и истиною, и тогда прощеніе имъ да подастся..... Мы же попа Василія, глаголющаго, яко рука великія княгини лежитъ на персѣхъ благословящая, и яко Сильвестръ архимандритъ персты руки распростиралъ и паки сгибалъ, за

[1]) Чтенія въ Имп. Общ. Люб. Исторіи. 1871. IV, стр. 57 и сл.

то его лжесловіе соборнѣ отлучихомъ отъ сего числа, егда сіе наше изреченіе совершися, на всецѣлое лѣто прейдетъ, и онъ аще, познавъ свое согрѣшеніе, начнетъ всеусердно просити прощенія и разрѣшенія, и его видя исправленіе и покаяніе, Тферскій архіерей да сотворитъ тогда по подобающему. Отцу же попа Василія, старцу Варламу, за лживыя же его повѣствованія, яко бы рука великія княгини по смерти была яко благословящая, и яко при архимандритѣ Селивестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ: въ немъ же монастыри живетъ, неисходну быти ему оттуду до смерти его, и о грѣсѣхъ своихъ ему каятися, а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдатися и прощенія у архіерея тоя епархіи просити.

Житіе великія княгини писано самосмышленіемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго житія чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго Евангелія Христова: въ малѣ невѣрно, и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи же семъ не мало, но много писано неправды, и того ради, аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно не явствити е повелѣваемъ, но сожещи, яко же и св. шестого Селенскаго синода 63 кантъ опредѣляетъ сице: Лживо смышленная мученикословія не повелѣваемъ въ церкви прочитати, но тая огню предати, пріемлющія же тая, или яко истинымъ тымъ внимающія, анаѳематствуемъ....

Кто имать на себѣ образы великія княгини Анны или житіе и канонъ, всякъ кто либо есть вездѣ, да приноситъ къ святѣйшему патріарху, или къ своему кійждо архіерею, и да не будетъ таковый подъ анаѳемою святыхъ отецъ, но да будетъ прощенъ и благословенъ [1]).

Аще же кто сему нашему соборному изреченію и прежнему собору, бывшему во днехъ благочестивѣйшаго великаго государя.... Алексія Михайловича,.... паче же Селенскому шестому собору непокоривъ отнынѣ явится, и начнетъ упорствомъ своимъ нерозсуднымъ великія княгини Анны житіе, или канонъ, у себе явно, или тайно, имѣти, или прочитати, или внимати, таковый да убоится анаѳемы святыхъ отецъ и нашего архіерейскаго запрещенія и отлученія. Тѣмъ бо съ прежними святыми отцы непокоряющыяся нашему соборному архіерейскому опредѣленію, дондеже покается и отложитъ свое ненокорство и повинется святѣй церкви».

---

[1]) Образы ея писанные собрати преосвященному архіепископу Тферскому и Кашинскому и положити я въ сокровенномъ мѣстѣ (58 стр.).

Заканчивается это соборное дѣяніе слѣдующими словами: «Сіе же наше опредѣленіе и изреченіе, присовокупивше первому соборному изреченію, бывшему въ 185 году, подписахомъ руками нашими, будущимъ по насъ во извѣщеніе, и положихомъ въ велицѣй книгохранительницѣ дому патріарша, въ « » день февруарія мѣсяца « » индиктіона, въ лѣто міротворенія 7186, Бога Слова же плоти пріятія 1678» [1]).

И въ этомъ соборномъ дѣяніи, какъ и въ предыдущемъ, насъ поражаетъ то же обстоятельство, что ни число мѣсяца, ни число «индиктіона» въ немъ не отмѣчено. Когда же и кѣмъ оно было подписано, да и было ли когда-либо подписано? Не представляетъ ли и это соборное дѣяніе только проектъ соборнаго рѣшенія, съ которымъ не согласились отцы собора? Такая судьба соборнаго дѣянія возможна при отмѣченной проф. Голубинскимъ «внезапности» рѣшеній патріарха Іоакима. Суровыя наказанія, къ которымъ присудилъ соборъ всѣхъ лицъ, сколько нибудь соприкосновенныхъ къ этому дѣлу, присужденіе къ сожженію житія княгини Анны, наложеніе анафемы на всѣхъ, кто будетъ имѣть, читать или служить даже канонъ, составленный по личному распоряженію царя Алексѣя Михайловича и лично имъ привезенный въ Кашинъ, такія мѣры не могли не смутить многихъ изъ членовъ собора и даже самого царя. Самыя мѣры наказанія, къ которымъ были присуждены главные дѣятели по этому дѣлу, являются ужъ слишкомъ суровыми и не оправдываются обстоятельствами дѣла. Присужденіе дьячка Никифора, какъ «списателя» житія, къ безысходному, до смерти, пребыванію въ какомъ либо монастырѣ внѣ Кашина ставило его положительно въ безвыходное положеніе, не смотря на то, что никѣмъ не было доказано, что онъ былъ «списатель» житія, а настоящій авторъ житія остался безнаказаннымъ. Такая же участь постигла и старца Варлаама, не смотря на то, что неправильность его показанія не была доказана и самый досмотръ мощей, о которомъ онъ говорилъ, не былъ сысканъ. Всѣ эти обстоятельства въ совокупности и могли привести къ тому, что соборъ не пришелъ къ окончательному рѣшенію по этому вопросу и его дѣяніе не было подписано отцами собора [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Среди грамотъ Калязина монастыря нами найдена одна грамота относительно заключенія старца Варлама, но и эта грамота могла быть результатомъ единоличнаго распоряженія патріарха. Приводимъ ее въ полномъ ея видѣ: Благословеніе преосвященнаго Симеона архіепископа Тверского и Кашинскаго о святѣмъ духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія Колязина монастыря архимандриту Гавріилу да келарю старцу Макарію Злобину збратіею. Въ нынѣшнемъ во 186 году февраля въ день по указу великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха Московскаго и всеа русиі и по изложенію

Такое предположеніе можетъ быть опровергнуто только однимъ обстоятельствомъ, именно, если будетъ найдено подлинное дѣяніе этого собора, подписанное всѣми членами его съ точными указаніями времени его подписи. Доселѣ мы кажется имѣемъ дѣло только съ черновыми проектами и копіями дѣяній этихъ соборовъ. Что это такъ, что такое суровое рѣшеніе собора не состоялось окончательно и не было обнародовано въ Кашинѣ, подтвержденіе этому нельзя не видѣть въ дальнѣйшей судьбѣ вопроса о чествованіи княгини Анны Кашинской. Рака съ мощами и именнымъ изображеніемъ ея и доселѣ находятся въ храмѣ, иконы ея писали и пишутся, на каждомъ отпускѣ поминается «святая благовѣрная княгиня Анна Кашинская» и, кажется, все время продолжали служить и, если вѣрить Голубинскому, и служатъ молебны ей; запись чудесъ, совершаемыхъ у ея гроба, тоже не прерывалась. Трудно допустить, чтобы и сами кашинцы и особенно кашинское духовенство рѣшилось бы такъ смѣло нарушать строгое постановленіе собора, если-бы оно когда либо было прислано и обнародовано въ Кашинѣ. Подпасть клятвѣ собора и отлученію отъ церкви едва ли бы рѣшились и тѣ и другіе, при полномъ отсутствіи въ городѣ раскола.

Въ заключеніе не можемъ не остановиться на рѣшеніи вопроса, жила ли когда супруга св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича въ Кашинѣ, гдѣ она умерла, а равно и на другихъ элементахъ ея біографіи, такъ какъ въ печатаемыхъ доселѣ житіяхъ ея, авторы которыхъ часто пользовались научно-несостоятельными источниками, эти вопросы и доселѣ не разрѣшаются обстоятельно.

Въ древней русской исторіи, вообще очень богатой драматическими событіями, трудно указать такую глубоко-трагическую судьбу, какъ

всѣхъ архіереовъ въ соборномъ изреченіи написано кашина города старца варлама за лживая его повѣствованія великія княгини анны, якобы по смерти ея рука была благословляющая і при архимандритѣ силвестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ быти ему в монастырѣ и не исходити оттуда до смерти его и о грѣсѣхъ своихъ каятися а о лживыхъ своихъ реченіихъ исповѣдатися и прощения просити у насъ преосвященнаго архіепископа и по нашему преосвященного архіепископа указу тотъ старецъ варламъ посланъ к вамъ въ Колязинъ монастырь и какъ к вамъ ся наша преосвященного архіепископа грамота придетъ и вамъ бы того старца Варлама в Колязинъ монастырь принять и велѣть ему жить въ больнице до скончанія живота его, а пища ему давать противъ больничные братіи, а милость божія и пречистые богородицы заступленіе и иже во святыхъ отца нашего арсения епископа и святого благовѣрнаго великого князя михаила ярославича тверскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ молитвы и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ с вашим преподобствомъ нынѣ и во вѣки.

Адресъ: о святѣмъ дусѣ сыну и сослужителю нашего смиренія Колязина монастыря архимандриту Гавриилу да келарю старцу Макарию Злобину.

По скрѣпѣ: дьякъ Герасимъ Парфеньевъ.

судьба супруги св. Михаила Ярославича, княгини Анны. Ея мужъ погибъ, замученный въ ордѣ. Не прошло почти года послѣ его смерти, какъ погибъ тамъ же и ея первенецъ Дмитрій Михайловичъ «Грозныя очи». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого такой же печальной участи подвергся въ татарской ордѣ и ея второй сынъ Александръ Михайловичъ. Сколько тяжкихъ ударовъ сердцу любящей жены и матери! Разочарованная въ мірѣ и во всемъ, что есть въ мірѣ, она постриглась въ монахини въ Тверскомъ Софьинѣ монастырѣ, можетъ быть, ею самой и основанномъ. Но жизнь ея затянулась и на закатѣ дней своихъ ей пришлось пережить немало горечи. Внукъ ея Михаилъ Александровичъ выгналъ ея послѣдняго сына Василія Михайловича изъ его отчаго наслѣдія Твери. Это было около 1365 года [1]). Ея младшій, и всего вѣроятнѣе, самый дорогой и любимый для материнскаго сердца сынъ долженъ былъ оставить Тверь и удалиться въ Кашинъ. Всѣ его самыя законныя права при этомъ были такъ сильно нарушены. Могло ли сердце матери остаться равнодушнымъ къ горю своего любимаго сына? Могъ ли и самъ сынъ спокойно оставить свою старушку мать въ городѣ, отнятомъ у него личнымъ врагомъ? Такимъ образомъ всѣ данныя за то, что княгиня Анна уѣхала изъ Твери въ Кашинъ вслѣдъ за своимъ послѣднимъ сыномъ, и что она тамъ и умерла въ 1368 г., какъ то вполнѣ ясно и точно говоритъ Никоновская лѣтопись. Кто изъ нихъ умеръ раньше, сынъ или мать, это обстоятельство не имѣетъ большой важности и его нельзя установить съ полною точностію, но очень любопытно вновь изданное житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской, представляющей собою выпись изъ царственнаго лѣтописца. Здѣсь подъ 1368 годомъ читаемъ: «Того же 6876 лѣта преставися князь Василій Михайловичъ Тверскій въ Кашинѣ, внукъ Ярославль, правнукъ Ярославль ..... Того же лѣта преставися великая княгиня Софья великаго князя Михаила Ярославича Тверского». На картинѣ, находящейся надъ этими словами, изображены два гроба съ тѣлами матери и сына, какъ будто бы они были погребены въ одинъ день [2]).

---

[1]) См. нашу брошюру «Михаилъ Александровичъ, князь Тверской и Микулинскій». Стр. 11, 12 и слѣд.

[2]) Успенскій и Целепи. Благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская. 1904 г., стр. V и 14.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Считаемъ нелишнимъ въ видѣ приложенія къ нашей статьѣ о княгинѣ Аннѣ Кашинской отпечатать выпись изъ рукописнаго сборника Императорской Публичной библіотеки Погодинскаго собранія за № 1608, хотя дѣяніе собора 1677 года и отпечатано уже въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей въ 1871 году.

Рукопись, копію съ которой представляютъ печатаемыя ниже документы, въ $^1/_4$ листа на 35 листахъ, писана полууставомъ и скорописью XVII в. На первыхъ листахъ находится слѣдующая надпись по листамъ: «Чудова | мнтсря | архіман | дритъ | Павелъ | приписалъ |.»

Дѣяніе собора 1677 года.

Во имя Отца, и Сна и свтаго дха, аминь.

Влѣто 7185 февруаріа въ день, блгочестивѣйшаго великаго гдря цря и великаго кнзя Ѳеодора алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца желаніемъ и блговоленіемъ, мы іоакимъ, млстію Бжіею патріархъ московскій и всеа русіи посылахомъ во градъ Кашинъ преосвященнаго іосифа митрополита рязанскаго і муромскаго. И преосвященнаго Сѵмеона архіеппа тферскаго и кашинскаго. и добраго мнря архимандрита варсонофія. и собора стаго ніколая Гостунскаго протопопа іоанна лазарева, ради достовѣрнаго досмотрѣнія мощей блговѣрныя кнгни Анны кашинскія и испытанія ради чудесъ, во свидѣтельство извѣстное.

Бывшымже имъ в кашинѣ, и оттуду к нам патріарху, возвратившуся митрополиту іосифу со архімандритомъ, и протопопомъ и подавшу намъ досмотръ свой написанъ засвоими руками.

Мы же собрахомъ во стомъ дсѣ сны и сослужители архіерейства нашего, присущія въ цртву (л. 1) ющемъ градѣ Москвѣ, в крестовую ншу патріаршу палату, преосвященныя митрополиты іосифа казанскаго и свіажскаго. варсонофія сарскаго и подонского. и его іосифа рязанскаго и муромскаго. преосвященныя архіеппы стефана суждалскаго и

юріевскаго. арсенія псковскаго и зборского. сумеона бывшаго сибирскаго. да чудова мнтря архімандрита Павла. Слушахомъ же соборнѣ досмотру ихъ, и житія блговѣрныя кнгни анны и чудес ея, и лѣтописных книгъ, и обрѣтохом житіе с лѣтописцами мѣстами несогласно.

1 несогласіе.

Написано в житіи [1]): яко блговѣрная кнгиня анна бяше родомъ града Кашина, дщи славных боляръ.

А влѣтописцахъ дщи кнзя димитріа Борисовича Ростовскаго [2]).

2 несогласіе.

В житіи написано, великій кнзь міхаилъ ярославичъ, шедъ во орду, взя с собою сна кнзя димитріа.

А в лѣтописцах написано, былъ во ордѣ (л. 1 об.) с кнземъ міхайломъ ярославичемъ, снъ его кнзь константинъ.

3 несогласіе.

В житіи [3]): великій кнзь михаилъ кончину прія мечемъ усѣченъ бысть.

А в лѣтописцах: ножемъ в ребра в десную страну ударенъ, и тако дхъ испусти.

4 несогласіе.

В житіи [4]): тѣло кнзя михаила ярославича принесено из орды сномъ его кнземъ димитріемъ во тферь.

А в лѣтописцах: великій кнзь юрьи данилович во ордѣ повелѣ взяти тѣло его, и привезоша к москвѣ, и положиша въ мистрѣ в цкви светаго преображенія. потомъ же по прошенію великія кнгни Анны, и сновъ ея, кнзь великіи юрьи даниловичъ отпусти тѣло его с москвы во тферь.

---

[1]) Л. 4, 43, 48, 49, 29, 60, 69, 84.

[2]) 6802.

[3]) Л. 24.

[4]) Л. 25.

5 несогласіе.

В житіи [1]): пребываше великая кнгня с сномъ своимъ кнземъ константиномъ во тфери. тому бо град тферь оча достоянія в наслѣдіе достася.

А в лѣтописцах [2]): во тфери бяху кнзи александръ (л. 2) константинъ, и димитріи. А не единъ кнзь константинъ, понеже в лѣто 6834 еще живу сущу кнзю константину, пріиде из орды кнзь александръ михайловичъ с пожалованіемъ от цря, и сяде на великомъ кнжніи во тфери. Егда же кнзь александръ от татарскаго насилія отиде во псковъ, тогда царь азбякъ даде великое кнженіе тферское кнзю константину михайловичю. По немъ же царь азбякъ паки даде великое кнженіе александру міхайловичю, и по убіеніи во ордѣ кнзя александра [3]) кнзь константинъ шедъ во орду, тамо и преставися [4]).

6 несогласіе.

В житіи [5]): по смерти кнзя константина зваше кнзь василій мтрь свою из тфери въ кашин. Зане, (рече) аще бы и хотѣлъ оставити град той, и преселитися сѣмо по смерти брата моего, но никакоже оставятъ мя велможи мои, и градъ вес.

А в лѣтописцахъ: по смерти кнзя константина в лѣто 6857 кнзь василій сяде на великом кнженіи во тфери, и в лѣто 6865 кнзь василій міхайловичь ходилъ во орду, и в лѣто (л. 2 об.) 6866 пріиде из орды во тферь.

7 несогласіе.

В житіи: преставися прпдбная великая кнгня анна въ лѣто 6846.

А в лѣтописцахъ: в лѣто 6866 еще жива бяше великая кнгня софіа, и живяше въ Софіинѣ мнтрѣ (А про Софіинъ мнтрь сказываетъ преосвященный іосифъ митрополитъ, что стоитъ во тфери, а не в кашинѣ) а преставися в лѣто 6876. А гдѣ преставися, во тфери или

---

[1]) Л. 25

[2]) 6828.

[3]) 6846.

[4]) 6844.

[5]) Л. 43.

в кашинѣ, и в кое число, того въ лѣтописцахъ не написано: а откуду числа преставленіа в житіи написаны, того не сыскано.

8 несогласіе.

В житіи написано: прежде преставленіе кнгни анны, в лѣто 6846 октовріа 2 день. Потомъ того же лѣта сна ея кнзя василіа, іулія въ 24 день.

А в троицкомъ лѣтописцѣ: писано преставленіе кнзя василія міхайловича в лѣто 6874.

А в прочих лѣтописцахъ: в лѣто 6876. прежде писано преставленіе кнзя василіа міхайловича, потомъ того же лѣта: великія кнгни Софіи мтре его, а в кое число, коего мца, кій ихъ преставися, того в лѣтописцахъ не обрѣтеся. (л. 3).

9 несогласіе.

Въ житіи в трех мѣстах написано. Мощи никакоже тлѣнію причастны.

А по осмотру и свидѣтельству преосвященнаго іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго и преосвященнаго Симеона архіепа тферскаго и кашинскаго, и архимандрита и протопопа мощи в разныхъ мѣстах истлѣша и разрушишася.

10 несогласіе.

По сказкѣ попа Василіа, и отца его старца варлама написано: рука правая лежитъ на персехъ согбенна яко блгословящая.

А по ннѣшнему архіерейскому досмотру, правая рука в завитіи погнулася, а длань і персты прямо а неблгословящими.

11 несогласіе.

В допросныхъ рѣчех попа василіа написано: Андроньевской архимандритъ Сѵлвестръ взявъ блговѣрныя кнгни руку, распростиралъ персты ея: и паки сгибалъ.

А старецъ Варламъ оцъ его сказалъ: архимандритъ де Сѵлвестръ кнгни анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они такожде согбенны учинилися попрежнему. (л. 3 об.).

И то свидѣтельство и досмотръ на москвѣ не сысканъ.

А нынѣшняго 185 году в досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ, или разгнути, ни у которыя руки невозможно, для того, что засохли накрѣпко, только кости сухія, да к нимъ присохла кожа.

12 несогласіе.

В житіи в двохъ мѣстехъ написано[1]): тлѣнію не токмо мощи, но и ризы непричастны быша.

А по досмотру нынѣшнему архіерейскому, ризы во что была скутана и схима істлѣли, толко во остаткѣ части крста, что былъ вышитъ на куколѣ шолкомъ, да часть плетей схимническихъ, и то истлѣло же, лежитъ на персехъ только знакъ и принятися немощно. А на бедрахъ свивальникъ, какъ пояс, да нить, лежатъ істлѣли, принятися немощно. Калиги обѣ пошвамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла.

В сказкѣ Ніикифора варламова сна написано: житіе де блговѣрныя кнгни анны писано в соловецкомъ мнтрѣ, из степенныя кнги, и по ево никифоровым словамъ, в то время, какъ бывшій Никонъ патріархъ ходилъ (л. 4) в соловецкои мнстрь по мощи стаго филиппа митрополита.

А в степенной кнгѣ і в лѣтописныхъ про житіе блговѣрные кнгни тако необрѣтается, а его никифоровымъ баснемъ вѣрити нѣчему.

13 несогласіе.

В явленіи пономарю Герасиму великая кнгня сказа имя свое анна, а по лѣтописцамъ имя ея иноческое Софіа. И аще бы истинна явилася великая кнгня, всячески бы рекла свое имя иноческое софія (не бо можаше имя свое монашеское забыти, или е отврещи, и зватися имянемъ мирскимъ, еже самоволно остави с постриженіемъ власъ глвы своея).

Такожде и в чудесѣхъ обрѣтошася написанна нѣкая несогласія и неприличія.

И мы смиренный іоакимъ млтію Божіею патріархъ Московскій і всеа русіи, съ сны і сослужители архіерейства нашего соборно слышавше, судихомъ житіе келикія кнгни, и о чудесѣх списаніе оставити, за недостовѣрное ихъ, и упразднити я до времени великаго собора

[1]) Л. 98 и 100.

всѣхъ архіереевъ, и до подлиннаго ізвѣщенія егда аще чимъ впред бгъ обявитъ и утвердитъ. Понеже ннѣ обрѣтошася многая (л. 4 об.) несходства в житіи ея с кнгами лѣтописными и степенными.

Гробу смощми блговѣрныя кнгни стояти по прежнему въ той же соборной цркви гдѣ ннѣ стоитъ по прежнему запечатанну архіерейскими печатми.

Празднества ея не творити, и молебновъ ей не пѣти, до совершеннаго великаго собора разсужденія: а пѣти ннѣ по ней точію паннихиды.

С гроба шитый покровъ, на немже шитъ образъ ея, и иныя писанныя ея іконы взяти к москве для разсмотрѣнія: а впред до великаго собора разсужденія, и до подлиннаго ізвѣщенія, образовъ ея не писати. а какъ будетъ великій собор, і об ней достовѣрное свидѣтелство, и усужденіе тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изреченіе.

В цркви во имя великія кгни анны, без извѣстнаго испытанія о свщенной, бжественныя службы никаковыя же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго собора разсужденія. зане аще бы и извѣстно было, яко свята есть, и житіе бы ея с лѣтописцы, и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотромъ разньства (л. 5) не имѣло, обаче безвеликаго собора свидѣтельства, святости сотворити ей намъ невозможно, понеже правило бывшаго великаго собора во днехъ благочестивѣйшаго великаго гдря цря и великаго кнзя алексія міхаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца в лѣто 7175. При стѣйшихъ патріарсѣхъ Паисіи Александрійскомъ, и Макаріи антіохійскомъ, и Іоасафѣ московскомъ и всеа россіи, с преосщенными митрополиты и архіепны и епны россійскими, и с прилучившимися греческими архіереи, и со всѣмъ осщеннымъ соборомъ великороссійскаго гдрства, заповѣдаетъ сице:

Нетлѣнныхъ тѣлес, обрѣтающихся в ннѣшнем времени, да не дерзаете кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, и соборнаго повелѣнія во стыя почитати.

А кого во стыя хощете почитати, и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ, достоитъ всячески испытати, и свидѣтелствовати достовѣрными свидѣтелствы, пред великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ.

Сихъ ради всѣхъ вышеписанныхъ блгословныхъ (л. 5 об.) винъ, се судъ нашъ сотворше, руками нашими подписахомъ. (л. 6).

Свидѣтельствованіе чудесъ Анны Кашинской 1677 года.

Лѣта 7185 февраля въ 12 день по указу великаго государя цря і великаго князя феодора алексіевича всеа великія и малыя і бѣлыя росіи самодержца і по благословенію великаго господина свтѣйшаго іоакима патриарха московскаго и всеа русиі преосвященному Іосифу митрополиту рязанскому и муромскому да преосвященному симиону архіепископу тверскому и кашинскому да лихвина города доброва мнтря архимандриту варсонофію да николая чюдотворца Гостунскаго протопопу іоанну лазареву сказалъ Кашина города соборной церкви Успенской (л. 7) попъ василей по Евангельской заповѣди Гдни, еже еі еі вправду, служба де блговѣрной великой кнгнѣ аннѣ на пренесеніе мощей ея писана по указу блженныя памяти великаго гдря цря і великаго князя алексѣя Михаіловача всеа великія и малыя и бѣлыя россиі самодержца у него великого гдря вверху а на обрѣтеніе мощей ея тропарь и каномъ писалъ в кашинѣ воскресенского собору протопопъ іванъ наумовъ, будучи священникомъ в томже городе Кашине у цркви великомученицы парасковіи, а с ним писалъ кашинецъ (л. 7 об.) посацкой члкъ семенъ осиповъ снъ сухоруково при ево поповѣ васильевѣ отцѣ попѣ василіи жъ и тот де отецъ ево попъ василій какъ тотъ канонъ писали тутъ былъ збратом его васильевым а своим сыном никифором поповым, а по какому и по чьему указу или по челобитью отца ево васильева попа василья протопопъ іванъ тотъ канонъ писалъ, онъ про то не вѣдаетъ, а вѣдаютъ де про то отцъ ево Василей да братъ никифоръ и нне онѣ в живыхъ, а протопопъ іванъ и кашинецъ семенъ умре, а житіе блговѣрные великіе кнгини анны принесъ братъ ево никифоръ (л. 8) ис соловецкого мнтря, а откуду то житіе взято и кто ево написалъ, про то онъ попъ василей не вѣдаетъ а вѣдаетъ братъ ево никифоръ а которому де пономарю великая кнгиня явилась и того де пономаря нинѣ вживе нѣтъ і сродниковъ ево никого не осталось а как де в прошлом во 157 году по указу блжнные памяти великаго гдря цря и великого князя алексѣя михаіловича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержца і великого гдна свтѣйшаго иосифа патриарха московскаго і всеа русиі и (л. 8 об.) свидѣтельствовали мощи блговѣрной великіе кгнини аннѣ преосвященной іона архиепъ тверскій и кашинскій да андрониева мнтря архи-

мандритъ селиверстъ да данилова мнтря, что за москвою рекою, игуменъ иоаннъ и при томъ де свидѣтельствѣ мощей ея осматривали а при осмотре де преосвященному архиепу ионе андроньевской архимандритъ селиверстръ говорилъ, чтобъ свидѣтельствовать поподлиннѣе со испытьствомъ; было бъ де что объявить великому гдрю и взялъ де онъ архимандвитъ (л. 9) селивестръ ея блговѣрные кнгини руку роспростиралъ персты ея и паки сгибалъ а тѣло де ея блговѣрныя кнгини нетлѣнно только де тлѣньемъ разрушился носъ да плюсна у ноги, а у которые того не упомнитъ, а при томъ де свидѣтельствѣ онъ попъ василей былъ самъ будучи дьячкомъ и какъ де блговѣрныя кнгини руку архимандритъ осязалъ, то онъ неподалеку видѣлъ, а про иное про все подлинно слышалъ от отца своего от попа василья.

В Кашинѣ городе старецъ варламъ, что былъ (л. 9 об.) в мирѣ в кашине в соборной цркви успенія прсвтыя бцы попъ василеи, сказалъ по евангельской заповѣди гдни в правду, служилъ де онъ в тоі соборноі цркви лѣтъ с тритцать, а отцъ ево варламовъ попъ василей же у тое жъ цркви служилъ прежъ ево лѣтъ с пятьдесятъ, а ннѣ де у тое цркви служитъ снъ ево Варламовъ попъ василей же. и впрошломъ де году, а в которомъ того не упомнитъ, в приходъ литовскихъ людей Кашинъ городъ былъ в осаде а в то осадное время при отце ево варламове при попе василье явилась блговѣрная великая кнгиня анна Кашинская (л. 10) успенского жъ собору понамарю Герасиму во сновидѣніи а онъ де пономарь в то время лежалъ великою болѣзнію близъ смерти, а в явленіи де ему блговѣрная великая кнгиня анна велѣла о себѣ возвестить священнику чтоб надъ гробомъ ея перед образомъ спсвымъ нерукотворенного свѣчи палили и литіи пѣли и гроб ея почитали и на гробнице ея не садились и шапокъ не клали а она де блговѣрная кгиня молитъ всемилостивого спса и прсвтую Бцу о избавленіи града сего от иноплеменныхъ (л. 10 об.) и пономарь де герасимъ того видѣния священнику не извѣстилъ, помнѣлъ, что то не истинно, и она де блговѣрная великая кнгиня анна явилася ему ж пономарю Герасиму после того вскоре во сновидѣніи ж второе, и онъ де пономарь герасимъ по второмъ явленіи ево варламову отцу священнику василью известилъ и от болѣзни своеі оздравелъ и отцъ де ево варламовъ свщенникъ василей про то видѣніе людемъ возвещалъ и приказывалъ, чтоб гроб ея великія кнгини почитали, на немъ бы не садились и шапокъ не клали, а онъ де старецъ варламъ в то время (л. 11) былъ дьячкомъ да онъ же старецъ варламъ сказалъ, что тотъ ея гроб

былъ под древянною соборною црковью успенія прсвтыя бцы под мостомъ под правымъ крилосомъ, а под тотъ де црковной мостъ входу не было от ветьхости очень ниско и члвку подойти было немощно а спсовъ де нерукотворенной образъ стоялъ надъ гробницею ея в цркви у крилоса а не под црквью, а гроб де каменной благовѣрной великой кнгини анны вышелъ изъ земли самъ собою перво де ево показалась изъ земли треть а потомъ не по многомъ времени старую ветхую (л. 11 об.) древянную соборную црквь разобрали для того что в ней служить было немощно, а на томъ мѣстѣ поетроить бы новую црковь деревянную ж, и гроб де блговѣрные великие кнгини объявился весь наверхъ земли, а под нимъ ямы и никакова знаку не было, и на том мѣсте построили новую соборную деревянную ж црковь и гроб блговѣрные кнгини стал под новою црквью под мостомъ посреді церкви а не под крылосом для того что новая црковь стала пространнее прежние цркви и потомъ у того гроба учели быть чюдеса исцеленія болящимъ а исцелелъ отъ нея великіе княгини анны тверскаго уѣзду дрвни борзениновой (л. 12) крестьянинъ Калинка, а чей сынъ и котораго помѣщика онъ не знаетъ, отъ раслабленой болѣзни и тотъ де крестьянинъ и до днесь живъ и инымъ людемъ болящимъ исцеленіе было многое, а кому имены и онъ старецъ варламъ за старостію не помнитъ, и после де того ходилъ боярин василей ивановичъ стрешневъ молитися ко александру свирскому чюдотворцу и как онъ былъ в кашине и онъ де старецъ варламъ, будучи попомъ, ему василью ивановичю о явленіи и о чюдесахъ блговерные великіе кнгини анны извещалъ и на Москвѣ думному Івану Гавреневу о томъ возвѣщалъ же и они ему велѣли бити челомъ и извещать великому (л. 12 об.) гдрю и онъ де варламъ билъ челомъ блженные памяти великому гдрю црю і великому князю михаилу Ѳедоровичу всеа руси самодержцу и после ево варламова челобитья вскоре волею бжіею ево великого гдря в животѣ не стало и онъ де варламъ билъ челомъ блженные ж памяти великому гдрю црю і великому кнзю Алексѣю Михлиловичу всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу и по ево варламову челобитью и ізвѣту по ево великого гдря указу присылан в кашинъ преосвященный Иона архіепъ Тверскіи и Кашинскіи, а с ним с Москвы (л. 13) андроньева мнстря архимандритъ селивестръ да данилова мнстря игуменъ Іоаннъ для свидѣтельства мощеи великія кнгини анны и преосвященный де Иона архіеппъ с архимандритомъ и с ыгуменомъ гроб открывали и мощеи досматривали, а онъ де старецъ варламъ былъ тут же и виделъ, что

мощи блговѣрные великие кнгини анны нетлѣнны токмо тлѣнію предалась часть малая носа да у ног плеснѣ, а у обоихъ ли или у одной ноги, и онъ того не помнитъ, а рука де правая лежитъ на персехъ согбенна яко блгословящая, и андроньевской де архимандритъ (л. 13 об.) селивестръ тое руки персты разгибалъ а какъ опустилъ и онѣ такожде согбенны учинились по прежнему, а чюдеса при свидѣтельстве были ль или нѣтъ, онъ про то не упомнитъ, и после того свидѣтельства на другой годъ блженные памяти великіи гдрь црь і великій князь алексѣй михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ изволилъ притти в кашинъ с своею гдревою црцею і великою кнгинею марьею ильичною и своими гдрскими сестрами з блгородными црвнами а с нимъ великимъ гдремъ былъ преосвщенныі варламъ митрополитъ ростовскіи (л. 14) и ярославскіи, и мощи блговѣрные великия кнгини анны досматривалъ и по досмотру ис под соборные успения деревянные цркви в каменномъ гробу перенесли в соборную воскресенскую каменную црковь и обязавъ запечал (чатал?) гроб своими гдрскими печатми а в пренесение гроб с мощми великіи гдрь несъ самъ на рамех своихъ з бояры, а несли тотъ каменной гроб с мощми на древяном одрѣ, и тотъ одръ и нне в целости, і во время перенесения было отъ гроба великие кнгини анны исцеленіе кашинского губного старосты петра скобѣева снохѣ ево анне отъ бесноватые болѣзни а была де она в той скорби з годъ (л. 14 об.). и потомъ де отъ блговѣрные кнгини многие чюдеса людемъ ото всяких скорбеи были, а в которое время и кому имены, и онъ того не упомнитъ, а по указу великого гдря персть исподъ гроба онъ варламъ многимъ людямъ раздавали на исцеление и до нне даютъ, а на обретение мощеи великой кнгине анне тропарь и кондакъ и канонъ слогали и писали Кашина города бывшеи воскресенскои протопоп іванъ наумовъ да кашинецъ посацкой члвкъ семенъ сухорукого и протопопъ іванъ да семенъ сухорукова померли, а на принесеніе мощей ея службу стихиры и канонъ (л. 15) привезъ с собою в кашин бляженные памяти великіи гдрь црь і великіи кнзь алексѣй михаиловичъ всеа великия и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ, а житіе де великие кнгини писано в соловецкомъ мнстрѣ, писал старец против речей сына ево никифора, а какъ того старца зовутъ и онъ имени ево не помнитъ, а вѣдаетъ про то сынъ ево никифоръ..

Февраля того ж числа старцовъ варламовъ сынъ никиѳоръ в допросе сказалъ: канонъ на обретение мощеи блговѣрные і великие кнгини

анны и тропарь и кондакъ слагали и писали (л. 15 об.) города Кашина пятницкой попъ іванъ наумовъ, что после того былъ въ кашине жъ протопопомъ в воскресенскомъ соборѣ, да кашинецъ посадской члвкъ семенъ осиповъ снъ сыхорукого, и нне ихъ в живых нѣтъ, а на пришесение мощеи ея полную службу стихѣры и канонъ изволилъ привести с собою блженные памяти великіи гдрь, а житие ея слогалъ и писалъ соловецкаго мнстря старецъ игнатеи по повелѣнію того жъ мнстря уставщика старца никодима по ево никиѳорову челобитью для того что приѣзжаютъ де во град кашинъ ко гробу блговѣрные великие кнгини анны многие бгомолцы, а житія де (л. 16) ея у нихъ в кашине нѣтъ и показать нечего, а сказывалъ имъ житие ея онъ никиѳоръ про што вѣдалъ и слыхалъ, а онѣ де сыскали и у себя в степенной книге, что она блговѣрнаго великого кнзя михаила тверского супружница великая кнгиня анна, а житіе де еѣ слагали онѣ и писали по своему разуму и степенной кнги и по его никиѳоровымъ словамъ, что онъ имъ про житие ея сказывалъ. а вынесъ де онъ никифоръ то житіе с собою ис соловецкаго мнстря в то время какъ переносили мощи ѳилиппа митрополита ис того соловецкого мнтря в царствующіи градъ (л. 16 об.) Москву. а чюдеса де блговѣрные великие кнгини анны писалъ онъ никиѳоръ будучи в кашине, кто что скажетъ подлинствомъ, а у которыхъ чюдесъ есть предисловие и то де онъ никифоръ писалъ отъ своего разума для того чтоб было слагателнее.

И февраля жъ въ 13 день в кашине кнзь даниловъ члвкъ Григорьевича Черкасского Данило андрѣевъ снъ Татариновъ в допросе сказалъ, в прошлыхъ де годехъ служилъ де данило с отцомъ своимъ андрѣемъ в дому боярина кнзя никиты Ивановича Одоевскаго и по указу де боярскому (л. 17) отцъ ево андрѣй былъ на приказе въ ево боярской вотчине в углецкомъ уѣзде в селе красномъ, а онъ де данило приѣзжалъ с москвы к отцу своему в гости в то село красное, а у сестры де ево даниловы родной, у дѣвки анны отнялися очи, сомжилися вѣки мсца с три не разводилися и ничего не видѣла, и отцъ де ево даниловъ андрѣй и мать его пелагѣя и з болящею дочерью своею а съ ево даниловою сестрою анною и онъ данило приѣзжали во градъ Кашинъ о исцеленіи очей ея по обещанию своему к блговѣрной кнгине анне молитися і какъ де (л. 17 об.) молебное пѣние совершили и по отпуске свщенникъ оградилъ ея дѣвку анну животворящимъ крстомъ, и она в то время очима прозрѣла, а гроб де блговѣрные великие кнгини анны с мощми в то время былъ под соборною успен-

скою деревянною црковью стоялъ поверхъ земли. а были де онѣ в кашинѣ до гдрского пришествія года за два и тое де сестры ево анны и отца ево андрѣя нне в живе нѣтъ, а мать ево данилова пелагѣя живетъ на москвѣ в дому кнзя данила григорьевича черкаского. а блговѣрной де кнгини анны по обе (л. 18) щанію у нихъ и образъ написанъ.

К подлинной сказке вмѣсто ево данилы приложилъ руку кнзь даниловъ члвкъ Григорьевича Черкаского Ѳилипъ Черкашенин.

Февраля въ 16 день в кашине в соборной успенской црквн кашинка вдова посадского члвка богданская жена митрофанова акилина назарьева доч сказала по свтей Хрстве евангилской заповеди Гдни, еже ей ей: в прошломъ году ходила она хулять на петровъ день со иными женами и гулявъ зашли онѣ на гроб блговѣрные кнгини анны (л. 18) а гробъ ея в то время былъ под древяною црквью и она де акилина оперлася о гроб с небреженіемъ, и отъ того де отерпло полъ ея, рука и нога правая отнялась, и она де постилась отъ петрова дни до ильина дни, і какъ былъ для свидѣтельства мощей блговѣрные кнгни анны преосвщенный Иона архіепп Тверскиі і Кашинскиі и при немъ архіеппе привели ея в црковь ко гробу блговѣрные великие кнгни анны и пѣли молебенъ и свтли воду и тою освщенною водою она после тово молебна помазалася и пила и отъ того де ей спустя (л. 19) дня с два в дому бгъ даровалъ исцеление а вто де время блговѣрные великие кнгни анны мощи лежали под старою успенскою црковью до свидѣтельства ионы архіеппа тверскаго і кашинскаго; а оздравев она жила лѣт с пятнадцать, а какъ умре и тому лѣтъ с пятнадцать же.

Того жъ числа Кашина города дмитревского мнтря служка петрунка Степановъ сказалъ по свтей Хрстове Евангилской заповеди Гдни еже ей ей: братъ де ево родной Ѳедка (л. 19 об.) былъ отъ болѣзни во иступленіи ума и по обещанию того брата ево привозилъ ко гробу блговѣрной великой кнгин анны больного большей братъ никишка а отъ того ея блговѣрной кнгни гроба привезъ ево Ѳедку в домъ здрава в цѣломъ умѣ; а какъ брату ево исцеление было и тому нне лѣтъ с двадцать; а гробъ де съ мощми ея в то время стоялъ в соборной воскресенской церкви.

Того жъ числа Кашина города посадского члвка іановъ снъ погребова Петрушка сказалъ (л. 20) по свтей Хрстове евангилской не-

порочной заповеди Гдни, еже ей ей, матери де ево евдокѣе рослабления болѣзнь была ль и у гроба блговѣрные кнгни отъ той болѣзни исцеление было ль или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что остался после смерти матери своей на четвертомъ году, а отъ людей про то не слыхалъ.

Того жъ числа в соборной воскресенской цркви стретенского двча мнстря крстьянинъ Гришка Тихановъ сказалъ по свтеи Хрстове (л. 20 об.) евангилской непорочней заповеді Гдни еже ей ей: мать де ево анна в прошломъ году была от огневные болѣзни во иступленіи ума недѣль с шесть, и імалъ де отецъ его тихон из воскресенские соборные цркви освщенную воду и тою свщенною водою мать ево анну кропили и пить ей давали и она де отъ той воды в дому своемъ исцелѣла; а какъ исцеление получила тому лѣтъ с пятнатцать; а какъ умре и тому лѣт с восмь.

Трцы Сергиева мнстря села Ѳлоровского (л. 21) крстьянинъ андрюшка давыдовъ сказалъ по свтей Хрстове евангилской непорочной заповеди Гдни еже ей ей: в прошлом де году у отца его давыда заволокло тускомъ очи и не видѣль года с четыре и по обещанию своему ходилъ в город Кашинъ молитися блговѣрной кнгне анне, а гроб де ея в то время был под древяною црковью, и у гроба ея получилъ исцеление и очима прозрѣлъ, а сколко тому лѣтъ и онъ не упомнитъ; а какъ де отцъ ево давыдъ умре и тому лѣтъ з дватцать (л. 21 об.).

Того же числа в Кашинѣ в соборной воскресенкой цркви Кашина города стретенского двча мнстря старица Марѳа, что была в мире Лукьяновская жена Мизинцева Матрена сказала по свтей Хрстове евангилской непорочной заповеди Гдни еже ей ей: в прошломъ де году по принесеніи мощей блговѣрные кнгни анны в соборную воскресенскую каменную црковь исцеленіе получила она отъ очные болѣзни, а болѣзнь де ея въ мирскомъ житіі была ломота в голове и отъ тоя ломотныя главныя болѣзни болѣли у неѣ очи, года с три мало видела, а потомъ де отъ зелныя болѣзни вѣки у нея (л. 22) сомжилися и ничего не видела недѣль с девять, и помыслила де она итти ко гробу блговѣрные кнгни анны помолитися о исцелениі болѣзни своей і въ той де ночи явилась еі блговѣрная кнгня анна таковымъ образомъ кабы она старица Марѳа будучи белицею пришла в црковь в соборную воскресенскую и стала противъ гроба ея и блговѣрная де кнгня анна призывала ея: подойди ко мнѣ; и она старица марѳа ко гробу присту-

пила и блговѣрная кнгня еі говорила: давно де было тебѣ приітти и помолитися и старица де марѳа над гроб наклонилась и блго (л. 22 об.) вѣрная де кнгня анна очи еі рукою своею осязала, а рука де у ней тепла, и после того явления она старица марѳа от сна проснулась и ощутила себя от очные болѣзни здрава, а опослѣ того исцеления она постриглась тому третей годъ.

Февраля въ 18 день в Кашине в соборной воскресенской цркви тверскаго уѣзду дрвни борзениновы столника алексѣевъ крстьянинъ михаилова сна Блохина Калинка івановъ в допросе сказалъ по свтей Хрстове евангилской непорочной заповеди Гдни еже ей ей: в прошлых де годѣх (л. 23) волею бжиею лежалъ в скорби і въ тои скорби отнялися у него руки и ноги, ногами не ходилъ и руками не владѣлъ года с два, и мать де ево анница ево Калинку для исцеления той скорби привозила врачей многихъ и лечила ево многими лекарствы и ему де от тѣхъ лекарей ползы в тои скорби и облегчения никакова не учинилось, и шуринъ де ево калинковъ тверскаго уѣзду столника Григорья Ѳедорова сна бояшева вотчины ево села харитонова крстьянинъ митрошка олферовъ, приѣхавъ к нимъ в домъ сказалъ матери ево и ему калинке, что де въ кашинѣ объявился гробъ а есть де отъ него (л. 23 об.) болящимъ исцеление, і взяв де онъ митрошка ево калинку привез в кашин и молился у гроба блговѣрные кнгни анны во время службы о исцелениі своеи скорби недѣлю, и в тѣхъ де числехъ во сновидѣниі явися ему блговѣрная кнгиня и рекла ему: востани де калиникъ, бгъ тебя от скорби избавляетъ, я де о тебѣ всемилостиваго Спаса молила, и онъ де Калнпка отъ сна в то время пробудился и после того сновидѣния сталъ здравъ. а в то де время блговѣрные великие кнгни анны гроб с мощми стоялъ под старою успенскою древяною цркковью (л. 24).

Того жъ числа города городецка цркви Николая чюдотворца дьячокъ петрушка ивановъ в допросе сказалъ по свтѣй Хрстове евангилской непорочной заповеди Гдни еже ей ей: в прошломъ де году, тому лѣтъ съ одинатцать, Бжіим изволеимъ лежалъ онъ три недѣли в великой скорби, опухъ весь и глаза опухолью покрылись, не виделъ ничего и лежалъ отъ того обмертвѣвъ трои сутки бес памяти, и мать ево вдова ѳѳросинья обещалась блговѣрной великой кнгине аннѣ о исцелениі тое ево скорби пѣть молебенъ, і какъ де братъ ево николской попъ іванъ в дому у нихъ началъ пѣть молебенъ и над нимъ петрушкою поставили (л. 24 об.) ея блговѣрные кнгни анны образъ, и ему де пе-

трушкѣ стало отъ тоѣ болѣзни легче; а после того молебна спустя с недѣлю времени сталъ здравъ і в городъ Кашинъ з братомъ своимъ с попомъ іваномъ ѣздили и еі блговѣрной кнгне анне пѣли молебен же; і в которой цркви в тѣ поры мощи ея стояли, того онъ не помнитъ, потому что былъ малъ по пятому году; а сие исцеление онъ слушалъ отъ матери и от брата своего.

185 году Θевраля въ 19 день в Кашинѣ в соборной воскресенской цркви дмптровского уѣзду Бжцкого (л. 25) мнтря медвежей пустыни старецъ Θирсъ, что былъ в мире боярина кнзь Григорья Сунчелѣівича Черкасскаго дрвни токарева крестьянинъ Θилипъ Григорьевъ, сказалъ по Свтѣй Хрстовѣ евангелской непорочной заповѣди Гдни еже ей ей: В прошлыхъ годѣхъ лѣтнею порою былъ онъ на боярской работѣ с поля возили в гумно снопы, стоялъ де онъ на одонье і крстьянинъ де Мишка Микиѳоровъ подавалъ (л. 25 об.) ему снопы и бросилъ ему снопомъ в глаза и от того де у него учинилась очамъ ломота и не виделъ лѣтъ с пять и по обѣщанию своему до морового повѣтрия за годъ ходилъ онъ в городъ Кашинъ къ благовѣрной кнгинѣ аннѣ о исцелении очей своихъ молитца и на другой днь после обѣдни онъ старецъ очми прозрѣлъ; а гроб де блговѣрной великой кнгини анны стоялъ в то время под соборною Успенскою древянною цркввю, а ннѣ де онъ старецъ (л. 26) Θирсъ очми мало видитъ, заволокло тускомъ а к подлинной сказкѣ соборной попъ Іванъ вмѣсто старца Θирса руку приложилъ.

185 году Θевраля въ 20 день преосвященный Иосиѳъ митрополитъ Рязанскіи и Муромскіи и преосвщенный Симеонъ архіепископъ Тверскіи и Кашинскіи осматривали образъ блговѣрные великие кнгини анны, что стоитъ в соборной воскресенской цркви над гробомъ ея благовѣрной (л. 26 об.) кнгини, а по сказке старца варлама и сна ево попа василья писалъ де тотъ образъ по обѣщанию своему протопопъ іванъ наумовъ, что былъ в кашинѣ в воскресенскомъ соборѣ, а по осмотру тотъ образъ написанъ на штилистовой цкѣ обложенъ басемнымъ окладомъ вѣнецъ и гривна резные, да на той же цкѣ на образѣ Бгородицынѣ вѣнчикъ чеканной, гривенка басемная и от того образа прикладъ паногия и кресты и цаты и серешки (л. 27) и перстни и днги золоченые и незолоченые и блестки преосвященные митрополитъ и архиепнъ велѣли отнять, а чево сколко отнято счетомъ і вѣсомъ и то написано под сею статьею.

Паногия серебряная позолочена обнизана мелкимъ жемчужкомъ, на ней чепочка маленкая серебряная бѣлая, пять кртовъ панагіиныхъ, одинъ серебряной тощой с камушками, другой (л. 27 об.) яшморовой, обложенъ серебромъ з бирюзами и з жемчюшки, третей деревяной живорѣзной обложенъ серебромъ, два серебреныхъ тощихъ, да крстовъ же серебряныхъ золоченыхъ и незолоченыхъ болшихъ и малыхъ по счоту девяносто шесть, а в нихъ вѣсу ѳунтъ дватцать золотниковъ с полузолотникомъ, цата плетеная в вололоченомъ серебрѣ в вѣнке положена, двои серешки з жемчушками маленькие, десять (л. 28) перстней, три вынизочки, шесть блестокъ, а вѣсу во всемъ дватцать золотниковъ; денешка золотая да золоченыхъ копеекъ четырнадцать алтынъ да незолоченыхъ днгъ восмь рублевъ двадцать пять алтынъ; а тотъ весь прикладъ отданъ соборному воскресенскому протопопу Петру з братіею с росписко́ю.

У подлинной росписки пишетъ соборной воскресенской протопопъ петръ, противъ сей росписи прикладъ весь з братіею принялъ (л. 28 об.) и руку приложилъ, соборной попъ іванъ руку приложилъ, да соборной попъ ияковъ руку приложилъ.

185 году ѳевраля въ 21 день преосвященныи Иосифъ митрополитъ рязанскіи и муромскіи и преосвщеный Симеонъ архіепъ тверскіи и кашинскіи досматривали мѣста, гдѣ былъ гробъ с мощми блговѣрные великие кнгини иноки анны, а по досмотру то мѣсто в соборной успенской (л. 29) каменной цркви позади лѣвова крылоса выкладена яма кирпичемъ глубиною в поясъ, а по скаске тое успенские цркви попа василья что та яма выкладена кирпичемъ въ то время, какъ строили каменную црквь, а прежъ сего на томъ мѣстѣ бывала древяная церковь а над тою ямою стоитъ ннѣ древянное дощатое творило, а на немъ на верху положена каменная плита что преж сего бывала на каменной гробнице блговѣрные (л. 29 об.) великие кнгини иноки анны, а то де творило на томъ мѣсте сдѣлали и поставили онъ старецъ варламъ и попъ василей.

И преосвщенный митрополитъ и архіепъ велѣли с того мѣста древяное дощатое творило и плиту снять и положить в той же цркви к стенѣ и ту бъ каменную яму, надъ которою стояло дощатое творило, насыпать пескомъ и заравнять, а творило разобрать.

И по приказу преосвященного Иосиѳа митрополита рязанскаго и муромскаго и преосвященного симеона архіепіпа тверского и кашинского то мѣсто заравнено, яма пескомъ засыпана и сверхъ кирпичемъ выкладено противъ цркевного мосту тако жъ в равенствѣ (л. 30 об.).

В. И. Колосовъ.

Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля и Борисоглѣбскаго собора.

Вопросъ, предположенный для настоящаго сообщенія, касается нѣкоторыхъ церковныхъ стѣнописей Ярославскаго края. Но такъ какъ этотъ предметъ уже былъ научно изслѣдованъ въ извѣстныхъ трудахъ Директора Археологическаго Института *Н. В. Покровскаго* («Памятники христіанской иконографіи и искусства», «Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ»—Труды VII-го Археологическаго съѣзда), то я позволю себѣ коснуться только тѣхъ сторонъ даннаго вопроса, которыя менѣе затронуты въ названныхъ мною классическихъ изслѣдованіяхъ, отчасти по своей детальности, отчасти по несоотвѣтствію съ задачей изслѣдователя: дать широкую картину развитія *религіознаго* искусства, не касаясь его свѣтскихъ элементовъ.

Всякій, посѣщавшій старинные храмы Ярославля, Ростова, Романова, Костромы или Вологды, помнитъ, конечно, то своеобразное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ подъ ихъ высокими сводами.

Начиная отъ главнаго купола съ громадными очами Вседержителя и до самаго низа стѣны, полузакрытаго молящейся толпой, весь храмъ какъ-бы затканъ сплошнымъ ковромъ, пестро расшитымъ яркими красками, съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ. Со всѣхъ сторонъ богомольца обступаютъ строгіе лики угодниковъ, евангельскія сцены, странные образы животныхъ, полуфантастическіе ландшафты, то раздѣляясь прихотливыми украшеніями оконъ и дверей, то сливаясь въ цѣлыя сложныя поэмы. Но достаточно осмотрѣть двѣ—три такія церкви, чтобы въ кажущейся путаницѣ священныхъ изображеній увидѣть своеобразный порядокъ и глубокій смыслъ, опредѣляемый прежде всего самымъ назначеніемъ стѣнописи, какъ одного изъ видовъ внутренняго убранства храма.

Съ первыхъ вѣковъ своего существованія христіанское искусство вырабатываетъ двѣ формы для живописнаго изображенія религіозныхъ идей: иконопись и стѣнопись. Но церковная практика постепенно кладетъ довольно рѣзкое различіе между этими, повидимому, такими близкими отраслями единаго искусства. Въ православной церкви икона дѣлается необходимой принадлежностью религіознаго культа и пріобрѣтаетъ этимъ настолько важное значеніе, что становится сама предметомъ особаго почитанія: передъ иконой зажигаются свѣчи, совершаются земные поклоны, икону цѣлуютъ; многимъ иконамъ усвояется особо благодатная сила чудотвореній, независимо отъ искусства изображеннаго на ней лика или событія.

Между тѣмъ фреска раздѣляетъ эти, можно сказать, преимущества иконы только отчасти [1]). Далеко не будучи необходимостью въ церковномъ обиходѣ, доступная только каменнымъ и по преимуществу болѣе вмѣстительнымъ храмамъ, стѣнопись является роскошью храма и занимаетъ какъ-бы служебное положеніе по отношенію къ его архитектурѣ: она оживляетъ каменныя массы и подчеркиваетъ своимъ наглядымъ изображеніемъ тѣ идеи, воплотить которыя съ давнихъ поръ стремится православное церковное зодчество. Естественно поэтому, что расцвѣтъ русскаго каменнаго зодчества, выразившійся въ Ярославскомъ краѣ съ особенной силой въ XVII ст., повлекъ за собою и расцвѣтъ русскихъ стѣнописей, которыя придаютъ такой причудливый видъ внутренности старинныхъ церквей Ярославля и сосѣдняго съ нимъ Поволжья.

Такъ какъ русская архитектура XVI—XVII в.в., строго слѣдуя православнымъ традиціямъ, вырабатываетъ формы символическія, придавая опредѣленное значеніе внѣшнему виду храма, его верхнему покрытію, въ особенности главамъ, алтарю, входамъ и т. д., то, конечно, и стѣнопись располагалась въ отдѣльныхъ частяхъ церкви не по произволу мастеровъ, но согласно съ этими символическими идеями. Мы знаемъ, что въ XVII ст. и церковная практика и сложившіяся на основаніи этой долголѣтней практики указанія лицевыхъ подлинниковъ съ достаточной опредѣленностью предписываютъ въ алтарѣ группировать композиціи литургическаго характера, главы украшать изображе-

[1]) Почитаніе нѣкоторыхъ стѣнописныхъ изображеній, наприм., въ Костромской церкви Воскресенія, что на Дебри, является скорѣй *исключеніемъ*, чѣмъ правиломъ. Ср. Ярославль съ его богатствомъ стѣнописи.

ніемъ главы церкви Христа (и ближайшихъ къ Нему Богоматери и Предтечи), а также небесныхъ чиновъ и праотцевъ, а собственно храмъ, сообразно его идеѣ, какъ изображеніе царства Христова на землѣ (или торжествующей церкви) расписывать праздниками, евангельскими событіями или эпизодами, имѣющими отношеніе къ тому святому, во имя котораго освящена церковь.

Но архитектура ярославскихъ церквей знаетъ одну форму, которая развилась внѣ прямой зависимости отъ византійскихъ традицій, скорѣе являясь продуктомъ русскихъ, даже чисто мѣстныхъ сѣверныхъ условій: это тѣ галлереи, которыя низкимъ, но широкимъ поясомъ охватываютъ четыреугольникъ храма со всѣхъ сторонъ кромѣ алтарныхъ полукружій.

Вѣроятно, будучи въ своемъ первоначальномъ видѣ открытыми, какъ и ихъ прототипъ—деревянныя сѣни [1]), эти галлереи обыкновенно давно уже передѣлывались въ глухія помѣщенія, образуя просторный и длинный трехколѣнчатый коридоръ, осложненный высокими крыльцами. Такимъ образомъ, работѣ иконописныхъ мастеровъ открывался новый просторъ, какого не знаютъ ни сравнительно маленькія церкви В.-Новгорода, ни даже знаменитые кремлевскіе соборы.

Въ XVII ст., когда русская иконопись, подъ перекрестнымъ вліяніемъ еще не забытыхъ традицій византійскаго искусства и новаго знакомства съ художественными богатствами запада, находится какъ-бы въ какомъ-то возбужденіи, когда живопись, можно сказать, рвется наружу изъ храма, не оставляя пустымъ ни крутого откоса, ни входной арки, такое расширеніе внутренности церковнаго зданія, конечно, было находкой. И мы имѣемъ въ галлереяхъ церквей Ярославскаго края богатѣйшій иконографическій матеріалъ, крайне разнообразный по содержанію, своеобразный по замыслу.

Этой послѣдней стороны, т. е. замысла или общихъ идей, которыя могли руководить мастерами, расписавшими ярославскія паперти, мы и должны коснуться, прежде чѣмъ распредѣлить матеріалъ и выбрать изъ него нѣсколько наиболѣе яркихъ иллюстрацій, характеризующихъ художественную манеру старинной русской церковной живописи.

Воспитанный на византійскихъ традиціяхъ, требовавшихъ подчиненія личной фантазіи художника указаніямъ богословской мысли, ма-

[1]) Павлиновъ.

стеръ, раньше чѣмъ приступить къ своей работѣ въ церковной галлереѣ, долженъ былъ рѣшить нелегкій вопросъ: какое отношеніе можетъ имѣть эта галлерея къ общей символикѣ храма? Обычный его наставникъ—иконописный подлинникъ не могъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшить его недоумѣнія, такъ какъ самъ не находилъ достаточныхъ разъясненій въ трудахъ древнихъ литургистовъ; и художникъ долженъ былъ довольствоваться общими фразами, что «внѣшнія части храма—самыя низшія части земли» [1]); или же ему рекомендовалась цѣлая серія рисунковъ, которые трудно было подвести подъ какую-нибудь систему: ветхій завѣтъ и евангельскія событія, языческіе философы и христіанскіе пѣснопѣвцы, молитва Господня и «древо Іессея» и т. п. Но сама жизнь зато указывала ему нѣсколько идей, которыя онъ и могъ комбинировать, пользуясь въ этой отдаленной части храма сравнительной свободой отъ навязчивой греческой традиціи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое паперть какъ не *входъ* въ храмъ,—преддверіе церкви Христовой? Художнику, принявшему во вниманіе эту идею, становилось понятно указаніе нѣкоторыхъ руководствъ на ветхій завѣтъ въ притворѣ, какъ на «сѣнь законную писаній»; и онъ набрасывалъ на сводахъ паперти рядъ ветхозавѣтныхъ композицій, изъ которыхъ особенно были удобны сцены книги Исходъ съ ея прообразами креста и пасхи, или кн. Бытія, дающей рядъ пророчествъ о новоблагодатномъ царствѣ. Но, если взглянуть съ другой стороны, паперть есть въ то-же время и *выходъ* изъ храма, какъ бы символизирующій грядущее продолженіе Христова Царствія. Поэтому вмѣстѣ съ ветхозавѣтными событіями здѣсь умѣстно было помѣстить и рядъ картинъ эсхатологическаго характера, наприм., изъ апокалипсиса, преимущественно у самыхъ дверей (церкви Иліи пророка и Іоанна Предтечи въ Толчковѣ).

Далѣе, кромѣ строго церковнаго, галлерея имѣетъ и спеціально житейское назначеніе. И теперь еще, забравшись подъ праздникъ въ старинную церковь до благовѣста, можно видѣть группы богомольцевъ, расположившихся со своими узелочками вдоль длинныхъ скамеекъ галлереи въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. Видимо, они сознаютъ, что здѣсь еще не домъ молитвы, а только сѣни къ нему,—нѣчто среднее между храмомъ и жильемъ.

---

[1]) Патр. Германъ. См. «Очерки» Н. В. Покровскаго, стр. 328.

Иконописецъ поэтому могъ спокойно размѣстить на простѣнкахъ такой паперти рядъ рисунковъ, которые, удовлетворяя любознательности праздныхъ богомольцевъ, были неумѣстны въ центральной части храма по своимъ подробностямъ, такъ сказать, нѣсколько шокирующаго свойства: таковы сцены съ романическимъ элементомъ и нѣкоторые демонологическіе сюжеты.

Наконецъ, широкія стѣны паперти были какъ нельзя болѣе удобны для сложныхъ композицій на темы изъ акаѳиста или церковныхъ пѣснопѣній, которыя не находили себѣ мѣста въ самой церкви, съ верху до низу украшенной предписанными изображеніями праздниковъ, притчъ, соборовъ, мучениковъ и т. д.

Иллюстрируя сказанное нѣсколькими примѣрами, я прежде всего остановлюсь на этой послѣдней группѣ по ея художественному значенію.

Безспорно, эти сложныя символическія композиціи, изображающія небесную славу Господа или Богородицы, есть высшее, что можно найти въ галлереяхъ русскихъ церквей XVI—XVII в.в. Величественное выраженіе ликовъ Божества или Богоматери, стройно симметричные ряды предстоящихъ ангеловъ и праведниковъ, богатство одеждъ и декорацій—все это производитъ на непредубѣжденнаго зрителя неизгладимое впечатлѣніе торжественнаго гимна въ краскахъ.

Самая неподвижность застывшихъ позъ и строгая важность лицъ, эти обыкновенныя черты византизма, которыя такъ мѣшаютъ современному вкусу находить иллюзію въ изображеніи оживленныхъ евангельскихъ сценъ, здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Передъ нами небесная слава, чуждая земныхъ суетливыхъ чувствъ, хотя бы и радости.

Пускай начало этихъ мистическихъ видѣній въ Византіи; они вошли въ религіозное міросозерцаніе русскаго человѣка и этимъ стали народными, такъ что знаменитыя картины Васнецова, возсоздавая эти образы, даютъ намъ нѣчто наше издавне родное.

Я не буду останавливаться на извѣстныхъ по многочисленнымъ описаніямъ композиціяхъ: «О тебѣ радуется», «Достойно есть» и т. п., а позволю себѣ описать менѣе извѣстный сюжетъ на тему: *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ*» (Воскресенскій соборъ въ гор. Борисоглѣбскѣ, паперть).

Въ центрѣ на роскошномъ тронѣ Спаситель моложаваго типа въ царскомъ вѣнцѣ съ двумя служащими ангелами. Одна рука Спасителя

сложена для благословенія, въ другой свитокъ съ пророчествомъ Исаіи: «Духъ Господень на Мнѣ» и проч. По сторонамъ трона въ церемоніальныхъ позахъ Богоматерь и Предтеча, но не въ своей аскетической власяницѣ, а въ обычной одеждѣ преподобныхъ. Оба въ золотыхъ вѣнцахъ, какъ преукрашенные высшей небесной славой между рожденными женами, и оба съ крыльями,—символъ ихъ всегдашняго паренія къ Богу и готовности ходатайствовать за міръ. Позади Предтечи ближайшіе сродники Христовы—Іоакимъ и Анна; за Богородицей дѣвы въ соотвѣтствіе словамъ псалма: «Приведутся Царю дѣвы вслѣдъ ея». Въ верхнихъ углахъ картины отдаленные предки Господа: Давидъ, положившій руки свои на гусли (форма обычная русская; такія есть, напр., въ Тверскомъ Музеѣ), и Соломонъ со свиткомъ: «пойду къ горѣ смиренней и холму ливанскому» (надпись на свиткѣ). Фонъ обставляется кудрявыми зелеными деревцами, обычными для изображеній рая.

Можетъ быть, эта красивая и сложная композиція создалась подъ вліяніемъ картинъ, изображающихъ апоѳеозъ Богоматери, и отчасти извѣстнаго типа св. Софіи Новгородской. Опытный иконописецъ XVII ст. не боялся браться ни за какіе сложные сюжеты, порой, на нашъ взглядъ совершенно отвлеченнаго свойства (ср. на иконахъ того-же собора въ нижнемъ помѣщеніи композиція «Новолѣтія», въ Благовѣщенской церкви «Преполовеніе» и т. п.): онъ бралъ уже знакомыя черты болѣе старыхъ композицій и строилъ изъ нихъ новыя варіаціи, иногда очень изящныя, какъ данная [1]).

Но стѣнописи галлерей гораздо охотнѣе рисуютъ славу Богоматери. Въ томъ же соборѣ отмѣтимъ красивую композицію на слова 11-го икоса изъ Богородичнаго акаѳиста: *Свѣтопріемную свѣщу зримъ св. Дѣву*. Царица Небесная стоитъ въ величавой позѣ; на Ея главѣ корона, въ правой рукѣ высокая горящая свѣча, а въ лѣвой свитокъ со стихомъ изъ собственной пѣсни: «Яко призрѣ на смиреніе рабы своея». И какъ исполненіе дальнѣйшихъ словъ этого пророчества: «се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди», къ ней простираетъ руки сонмъ праведниковъ, выражая своими свитками послѣдующія восклицанія этого икоса: «Радуйся, купели живописующая образъ!» «Радуйся, чаше, черплющая радость».....

[1]) Для подверженія сказаннаго можно, наприм. привести изображеніе благочестивой дѣвушки, лежащей на смертномъ одрѣ. Картина съ перваго взгляда напоминаетъ Успеніе, даже въ подробностяхъ. (Сюжетъ изъ легенды). Церковь I. Предтечи, что въ Толчковѣ. Папертъ.

Въ ряду такихъ композицій съ характеромъ «величанія» выдается своей оригинальностью одно изображеніе въ Ильинской церкви г. Ярославля (паперть). Его смыслъ поясняетъ надпись, обвивающая центръ картины: *Не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю.* Эта и рядъ другихъ надписей, расходясь лентами по композиціи, дѣлятъ ее на нѣсколько частей, расположенныхъ симметрично рядомъ или одна выше другой. Въ самомъ верху небольшой кругъ изъ апокалипсической надписи: «Посли серпъ твой и жни» обводитъ изображеніе херувима; изъ-за крыльевъ у него выходятъ двѣ руки, каждая вооружена обнаженнымъ мечемъ. Ниже, приблизительно въ серединѣ картины, Христосъ въ апокалипсическомъ образѣ царственнаго всадника въ вѣнцѣ, на бѣломъ конѣ; изъ устъ его выходитъ обоюдоострый мечъ и повторяются слова: «Не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ». Рядомъ съ конемъ, какъ иллюстрація Его словъ—вселенная въ видѣ державы и въ нее воткнутъ мечъ. Христа окружаетъ ангельское воинство, конное и вооруженное мечами. Въ нижней части изображена Богоматерь въ стилѣ композиціи «Достойно есть»; лѣвѣй *царь* Владиміръ, царь Соломонъ и царь Давидъ съ книгой и простертымъ мечемъ; подъ ногами Давида свернулся Голіафъ съ отрубленной головой. Въ соотвѣтствіе группѣ царей, справа два неназванныхъ апостола съ Павломъ впереди; этотъ послѣдній мечемъ попираетъ змія. Еще ниже, образуя своеобразный бордюръ, симметрически расположены четыре лежащія обезглавленныя фигуры: Предтечи, прр. Амоса, влмч. Варвары и Екатерины. Отсѣченныя головы лежатъ отдѣльно отъ туловища въ обычныхъ нимбахъ. Надпись поясняетъ, что эти святые «убійствомъ меча умроша».

Съ перваго взгляда композицію можно сблизить съ апокалипсическими иллюстраціями, которыя, будучи занесены къ намъ съ Запада, очень нерѣдки у насъ въ XVII в. Но такое сближеніе едва-ли будетъ вѣрно. Правда, центральный образъ Всадника близокъ къ тому, который описанъ Іоанномъ Богословомъ, хотя и въ немъ есть отличія (Ср. «На головѣ Его *много* діадемъ... Онъ былъ облеченъ въ одежду, *обагренную кровью*»... Апокал. XIX. 12. 13). Но по общему смыслу картина не является эсхатологической, такъ какъ говоритъ не о таинственномъ будущемъ, а о томъ, что уже исторически совершилось (Голіафъ, св. Варвара...). Наконецъ, надпись изъ Евангелія, безспорно, занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ изреченія Апокалипсиса, и кажется главной.

Повидимому, эта композиція является любопытной попыткой дать, такъ сказать, апологію или даже апоѳеозъ *меча*,—символа борьбы, неизбѣжной, по словамъ Христа, въ судьбахъ Его царства. Давидъ, убивающій Голіафа, и кн. Владиміръ доказываютъ спасительность употребленія силы въ законной борьбѣ, такъ какъ эти лица достигли спасенія, хоть и носили мечъ; другіе подвижники, наоборотъ, спаслись, сами потерпѣвши отъ меча, какъ Амосъ или св. Екатерина. Наконецъ, съ мечемъ физическимъ художникъ сближаетъ тотъ мечъ духовный, «еже есть слово Божіе» (Ефес. VI. 17), о которомъ говоритъ ап. Павелъ.

Интересно, что нѣсколько ниже этой композиціи даны два извѣстныя изображенія корабля вѣры и корабля нечестія. Когда-то и эти корабли входили въ составъ разбираемой картины, такъ какъ гребцы обоихъ кораблей были изображены съ мечами, почему-то тщательно закрашенными позднѣйшимъ реставраторомъ.

Слѣдующая затѣмъ по типичности для ярославскихъ стѣнописей группа, которая бросается въ глаза даже поверхностному взгляду туриста, это группа изображеній легендарно-апокриѳическаго характера.

Сплетеніе легендарнаго съ достовѣрнымъ, апокриѳа съ св. Писаніемъ—явленіе обычное для старой русской жизни и письменности. Въ XVI ст. это широкое распространеніе религіозныхъ свѣдѣній сомнительнаго, а иногда прямо фантастическаго свойства, приняло такіе размѣры, что вызвало тревогу въ наиболѣе просвѣщенныхъ представителяхъ русскаго общества, какъ-то Максимѣ Грекѣ, кн. Курбскомъ и др. [1]). Подъемъ русскаго искусства, характеризующій этотъ самый XVI в. и слѣдующій за нимъ, естественно, долженъ былъ совершиться подъ сильнымъ вліяніемъ этой апокрифической письменности. Можно было сказать a priori, что иконопись отнесется къ преданію не менѣе, если не болѣе сочувственно, чѣмъ литература и народная словесность.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое легенда и апокриѳъ, какъ не плодъ *художественной* фантазіи, предпочитающей жизненность священнаго образа сухой провѣркѣ достовѣрности; его цѣль, такимъ образомъ, вполнѣ совпадаетъ съ задачами искусства вообще, а изобразительнаго искусства въ особенности.

---

[1]) Пыпинъ.

И вотъ мы видимъ, какъ легенда вліяетъ на иконографію важнѣйшихъ праздниковъ (Рождество Христово съ бабками, Благовѣщеніе съ «предвозвѣщеніемъ»), заполняетъ западную стѣну церкви апокрифическими подробностями Страшнаго Суда («праведные вѣсы», душа, помилованная за милостыню), проникаетъ даже въ алтарь (сюжеты изъ Лимонаря въ алтарѣ ц. I. Предтечи, что въ Толчковѣ). Но всего свободнѣе апокрифъ могъ развернуться на широкихъ и длинныхъ стѣнахъ церковной паперти. Въ этой полусвѣтской части храма иконописецъ, менѣе руководимый наставленіями подлинниковъ, а, вѣроятно, и менѣе контролируемый духовенствомъ, которому онъ отданъ былъ еще Стоглавомъ «въ ученіе и наказаніе», не боялся изобразить то монаха, рѣшающаго выборъ между лѣствицей совершенства и веселой женщиной въ нѣмецкомъ чепчикѣ (соборная паперть въ Борисоглѣбскѣ), то «сластолюбивую жену» (Ильинская церковь), то оживленный музыкой обѣдъ у царя (Предтеченская церковь).

Среди пестраго разнообразія этихъ апокрифическихъ сюжетовъ можно выдѣлить нѣсколько, имѣющихъ темой искушеніе, завершающееся паденіемъ и гибелью или раскаяніемъ. Типичнымъ образцомъ изображеній такого рода является извѣстное сказаніе о Ѳеофилѣ (въ паперти Ильинской церкви), который, будучи экономомъ въ архіерейскомъ домѣ, испугался однажды, что епископъ отказалъ ему «отъ икономскія службы дому», и, по совѣту волхва евреянина, рѣшилъ продать душу діаволу (разсказъ имѣетъ связь съ знаменитымъ Саввой Грудцынымъ).

И вотъ мы видимъ этого эконома на аудіенціи у бѣсовскаго царя. Послѣдній окруженъ бѣсовскимъ воинствомъ въ богатыхъ боярскихъ кафтанахъ съ факелами въ правой рукѣ и крыльями поверхъ кафтана.

Дальнѣйшія изображенія говорятъ, какъ Ѳеофилъ раскаялся, «нача плакати горцѣ» и Богородица возвратила ему роковое рукописаніе.

Сюжеты, подобные описанному, могли имѣть особенное значеніе въ росписяхъ паперти. Играя роль греческаго притвора, русская галлерея служила мѣстомъ стоянія кающихся грѣшниковъ, не смѣвшихъ по запрещенію духовнаго отца или по собственному сознанію внимать службѣ въ самомъ храмѣ. Такія лица могли вынести немало поучительнаго изъ подобныхъ картинъ.

Быть можетъ, съ тою же назидательной цѣлью иконописцы помѣщали на паперти картины искушенія Іосифа Прекраснаго (Борисоглѣбскій соб.) и добродѣтельной Сусанны (Ильинская церковь).

Интересно, что эти послѣдніе сюжеты иногда рисуются съ большой свободой, уже совершенно по западнымъ образцамъ, не стѣснявшимся помѣщать въ церкви изображенія обнаженныхъ тѣлъ.

Вообще русскій иконописецъ этой переходной эпохи не похожъ на своихъ предковъ, «знаменующихъ» только «съ добрыхъ образцовъ» и то «со всякимъ опаснымъ разсмотрѣніемъ»; его уже влечетъ къ западу съ его «латинскимъ мудрствованіемъ».

Но въ томъ-то и суть этого западнаго мудрствованія, что оно стремилось къ реализму, рисуя порой священныя событія въ самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ условіяхъ. Понятно поэтому, что и въ стѣнопись интересующихъ насъ папертей сквозь традиціонныя формы начинаетъ пробиваться жизнь; въ святомъ и грѣшникѣ проглядываетъ не только отвлеченное начало добра и зла, но и живой человѣкъ съ его разноличностью и разнообразіемъ бытовой обстановки. Такой вполнѣ бытовой картиной является, напр., изображеніе на паперти Ярославской Предтеченской церкви, какъ «въ нѣкій монастырь пріиде Христосъ и не пріяша Его».

За круглымъ столомъ пируютъ монахи съ мірскими гостями; юноша, должно быть, послушникъ подаетъ блюдо; другой юноша въ задней комнатѣ что-то цѣдитъ изъ боченка въ кувшинъ. Въ это время служанка докладываетъ обѣдающимъ о неизвѣстномъ посѣтителѣ. Справа: за бревенчатой стѣной возвышается пятиглавый храмъ и двѣ крыши. У воротъ стоитъ Христосъ; на немъ ременный поясъ, а за плечами плетеная желтоватая кошелка. Далѣе рисуется, какъ поздно раскаявшійся игуменъ кланяется въ ноги удаляющемуся Христу.

Такимъ образомъ, мы видимъ передъ собой не только бытовой жанръ вообще, но и черты, напоминающія именно русскую дѣйствительность (заборъ, форма главъ).

Правда, это явленіе нельзя объяснять непремѣнно сознательнымъ національзированіемъ сюжета со стороны мастера. Можетъ быть, дѣло

въ томъ, что въ XVI и XVII в.в. расширеніе иконографическихъ цикловъ вызвало особенный подъемъ фантазіи въ иконописцахъ. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Забѣлина [1]), «воображеніе, какъ бы оно сильно ни играло, никогда не сможетъ вполнѣ унестись съ той почвы, на которой оно воспитывается». Мастера, такимъ образомъ, могли дать рядъ національныхъ бытовыхъ подробностей, даже независимо отъ сознательной воли.

Какъ-бы то ни было, а черты самобытной русской жизни становятся въ Ярославскихъ стѣнописяхъ XVII ст. явленіемъ очень характернымъ: боярскіе кафтаны на бѣсахъ, части костюма изъ узорчатой набойки на іудейскихъ воинахъ, Каинъ, понукающій кнутомъ бѣлую лошадку, которая тащитъ соху, берестяныя кошелки въ рукахъ израильтянокъ въ моментъ ихъ исхода изъ Египта,—всѣ эти подробности придаютъ многимъ композиціямъ своеобразный, наивный характеръ. Иногда, впрочемъ, эта наивность стяновится даже нѣсколько соблазнительной.

На паперти Ильинской церкви въ Ярославлѣ есть изображеніе извѣстной притчи Христовой о званыхъ и избранныхъ. Въ дверяхъ богатой палаты стоитъ царь въ вѣнцѣ и сіяніи; онъ рукой указываетъ одѣтому въ синюю рубашку слугѣ, который тащитъ за ноги «непотребнаго раба».. Лѣвѣе этотъ рабъ летитъ внизъ головой въ яму, изъ которой вырывается пламя; а за такой геенной огненной мирно пріютилась русская деревенька съ типичными избушками, желтѣющими двускатной крышей, какъ будто дѣло происходитъ въ усадьбѣ богатаго помѣщика. Въ палатахъ, между тѣмъ, идетъ пиръ: за столомъ сидятъ въ торжественныхъ позахъ царица, царевичъ (оба въ сіяніяхъ) и избранные гости. И что же? Передъ ними лежатъ наши калачи (витые, какіе пекутъ, напр., въ Твери) и стоитъ штофъ зеленоватаго стекла.

Но какъ бы ни казались наивны такія житейскія подробности, которыми старые иконописцы надѣляютъ Евангельскія притчи и со-

[1]) Русское искусство.

бытія, онѣ человѣку, внимательно изучающему исторію русскаго искусства, можетъ быть, не менѣе дороги, чѣмъ величественные образы хвалебныхъ композицій, описанныхъ выше. Вѣдь эта наивность—первый лепетъ нашей самобытной русской живописи, которая теперь, послѣ долгихъ лѣтъ развитія, говоритъ намъ такимъ мощнымъ и увѣреннымъ языкомъ.

Н. Г. Первухинъ.

«Книга драгоцѣнный бисеръ о изряднѣйшихъ вещехъ отъ божественнаго писанія въ кратцѣ избрано».

(Рукопись библіотеки Тверской духовной семинаріи).

Среди рукописей, хранящихся въ фундаментальной библіотекѣ Тверской духовной семинаріи, есть нѣсколько относящихся къ наукѣ о русскомъ расколѣ. Особенное вниманіе наше остановила одна изъ нихъ, помѣченная № 1 и носящая выше приведенное (въ заглавіи статьи) названіе. Въ рукописи этой заключается полное и довольно систематически и оригинально изложенное ученіе раскольниковъ-безпоповцевъ, преимущественно объ антихристѣ и послѣднихъ судьбахъ міра, съ присоединеніемъ характеристики (очень также подробной и своеобразной) «никоніанской» (т. е. православной) церкви. Въ раскольнической литературѣ сравнительно очень не много встрѣчается такихъ сочиненій, и по этому не даромъ оно носитъ такое лестное названіе «драгоцѣнный бисеръ». Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ представить вниманію Тверского Археологическаго Съѣзда описаніе этой рукописи съ тѣхъ, конечно, только сторонъ, съ какихъ она наиболѣе заслуживаетъ таковаго вниманія [1]).

Время написанія «Книги драгоцѣнный бисеръ» можно опредѣлить приблизительно 1726—1730 годами, на что̀ есть указаніе на 100 л. рукописи (см. вопросъ третій: «чесо ради время ему, т. е. царствованію антихриста, начавшемуся съ 1666 года, *вящьши шестидесяти* лѣтъ»). Но на автора «Бисера» въ содержаніи его не встрѣчается никакихъ указаній, а также никакихъ другихъ свѣдѣній въ литературѣ по исторіи раскола относительно личности автора нами пока не найдено. Упоминаніе объ этой книгѣ и ссылки на нее встрѣчаются крайне рѣдко, такъ что только въ нѣкоторыхъ раскольническихъ «цвѣтникахъ» намъ удалось встрѣтить подобныя ссылки (какъ напримѣръ, въ «Цвѣтникѣ» библіотеки Тульской духовной семинаріи, л. 2).

---

[1]) Задача наша представить именно только обстоятельное *описаніе* рукописи, безъ особыхъ выводовъ и заключеній.

Начало рукописи таково: «Господи утверди насъ во святыхъ заповѣдѣхъ твоихъ стояти и отъ востока тебе, Христе, къ лести и тьмѣ не отступати» (л. 1).

л. 2. «*Предъмова*» (предисловіе), въ которомъ авторъ проситъ вниманія читателей, а на об. 2 и до 6 л., кромѣ того, есть еще особое «*Предисловіе*»: въ немъ авторъ разсказываетъ о паденіи человѣка, объ искупленіи и связаніи сатаны на 1000 лѣтъ.

л. 6. «*О прочитаніи книжномъ*»: «о немъ же прочитаніи книжномъ здѣ вкратцѣ воспомяну». Здѣсь идетъ длинный рядъ выписокъ изъ Священнаго Писанія и изъ книгъ старопечатныхъ (преимущественно, изъ «Книги о вѣрѣ» и «Маргарита») о необходимости и пользѣ чтенія книгъ и испытанія писаній.

л. 12 об. Между прочимъ, авторъ говоритъ: «въ семь хотя съподвигнутися съболѣзновахъ, яко вещи велицѣй, ума нищетою одержимъ касаюся, ниже риторики навыкъ, ни философіи учився когда̀, но на единаго Бога надежду возложивъ»... И—

л. 13. далѣе: «благоволихъ малѣйшую часть о благочестіи и правовѣріи и о прочихъ вещахъ книжицу сію написати, прегрѣшеній бо ради моихъ, яже на всякъ часъ предъ Творцемъ моимъ, паче всѣхъ человѣкъ согрѣшаю, аще и братіи ради христіанъ ненаучившихся твердо о многокозненной льсти еретической, воспомянувъ св. Іоанна списателя Лѣствицы» (въ словѣ къ пастырю).

л. 17 об. Предполагая нѣкоторыя возраженія со стороны читателя, авторъ говоритъ: «вопросиши второе: *кая разньства имутъ*: научающіи двѣма перстома креститися (изъ нихже блаж. Ѳеодоритъ и прочіи святіи) съ научающими противно сему разумѣти; отвѣщаю: много разньство отъ иже тогда бывшихъ пастырей и отъ сущихъ нынѣ. Они подвижницы, сіи же питающіися, о̀ни книгами красящеся и заповѣдями, сіи же ризами и кощунами и яко на изъяденіе оставляюще овцы избѣгаютъ, и о̀ни душа свои положиша за овцы...

л. 18. Далѣе, изображая качества пастырей ему современныхъ, авторъ говоритъ: «аще кто вопрошаетъ ихъ о книгахъ, то отвѣщаютъ, глаголюще: убоги есмы, не имамы чѣмъ книгъ стяжати, ходятъ же не яко убози, но ризы носяще свѣтлы и блестящася, расширающе воскрилія, шіи же яко у тельцовъ, еже на заколеніе упитанныхъ, ученикъ много, паче же поваровъ и поводящихъ много, а другая студъ

и глаголати, о глубокаго срама, о злаго имѣнія, о горькаго сребролюбія, о ненасыщеннаго брюха»... и т. д. Такъ характеризуютя пастыри великороссійской церкви. Особенно возмущаетъ автора то, что эти пастыри похуляютъ двуперстіе, что они «тяжестная порицанія, арменствомъ и аріанствомъ облыгати дерзаютъ... оле слѣпоты, оле злорѣчія, оле великаго срама» и т. д.

л. 21. Здѣсь авторъ возмущается противъ записи раскольниковъ въ особыя книги по указу Петра въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «кто о семъ не возрыдаетъ, нѣсть ли время плача достойное, яко просятъ христіана (е) у еретиковъ съ даяніемъ имѣнія, *да запишутъ имена ихъ въ книги съ причащающимися* (Іисусова агнца), яко да будутъ и они едино, яко и еретики».

л. 23. Въ доказательство близости кончины міра авторъ говоритъ: «и видимъ, яко уже нѣсть мѣста подъ небесемъ, въ немъ же не проповѣдася евангеліе; прочее же ожидай конца, нечистоты и запустенія, сына погибели».

л. 25. Къ концу предисловія авторъ указываетъ кратко *содержаніе* книжицы, которую онъ намѣренъ написать... «Азъ мній, говоритъ онъ, возмнѣвъ нужнѣйшая (о сотвореніи свѣта, о паденіи прародителя нашего Адама, о царствованіи грѣха и упражненіи его, о связаніи сатаны на тысящу лѣтъ и о тысящи лѣтъ, о проповѣданіи Евангелія, о слугахъ антирхистовыхъ, о церкви православной и о церкви еретической и о разньствіи ихъ; къ симъ же о отступленіи противныхъ, о развязаніи сатаны, о антихристѣ, о второмъ пришествіи Христовѣ, о судѣ страшномъ, о мукахъ же и о царствіи небесномъ) *въ четыредесяти главизнахъ* въ кратцѣ изобразити, не отъ своего умышленія, но отъ божественнаго писанія».

л. 26—27. «*Ино предисловіе* къ читателю», въ концѣ котораго авторъ придаетъ своей книгѣ весьма важное значеніе, когда говоритъ: «сію книгу прочитающіе достигнутъ небеснаго пристанища». «Предмова» и два предисловія занимаютъ въ книгѣ двѣ главы, такъ что самое содержаніе книги начинается прямо съ 3-й.

л. 28. «*О царствованіи грѣха и о упражненіи его*».

л. 29 об. Глава 4. «*Яко сатана связанъ бысть отъ распятія Христова, даже до времени скончанія*».

л. 30 об. Глава 5. «*О тысящи лѣтъ, на нюже связанъ бысть сатана, до времени скончанія*».

л. 31 об. Глава 6. «*О проповѣди Евангелія во вселенный*».

л. 33 об. «*О слугахъ антихристовыхъ*», глава 7-я. Здѣсь о слугахъ антихристовыхъ говорится, между прочимъ, что они «древлеправославнаго церковнаго чиносодержанія отступятъ и свое новосмышленіе по стихіямъ міра, а не по Христѣ начнутъ творити и вмѣсто Божіи правды свою правду станутъ поставляти и законополагати силою и коварствомъ черезъ тщетная и лестная философическая ученія»... что «токмо духовенства чиномъ станутъ величатися и паче всѣхъ прежде бывшихъ ихъ начнутъ возношатися, да имѣньми, а не церковію владѣютъ» (л. 34).

л. 36. Глава 8. «*О отступленіи римлянъ отъ восточныя церкве*». Отступленіе это авторъ называетъ первымъ: «и се бысть первое отступленіе отъ истиннаго православія. По семъ же за помощію Божіею о другомъ отступленіи вкратцѣ показати приступаю (л. 39).

л. 39. Глава 9. «*О отступленіи уніатъ или поляковъ или малороссіанъ отъ восточныя церкве*».

Конецъ л. 42: «сице за помощію Божіею о отступленіи малороссіанъ, отъ божественнаго писанія вкратцѣ показахъ».

л. 42 об. «Подробну же увѣдати хотящаго слышателя въ книгу о вѣрѣ во главу 23-ю предпосылаю. И се бысть второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкве. Но по сихъ о третіемъ отступленіи благодатію Божіею къ показанію прихожю».

Всѣ эти семь главъ (3—9) занимаютъ въ рукописи очень небольшое количество листовъ (15 л.), и о всѣхъ предметахъ, въ нихъ затронутыхъ, говорится очень кратко, и понятно почему: для автора нужно было сказать объ этихъ отступленіяхъ, такъ сказать, только для связи... Самою же важною темою его разсужденій и всей его книги является *третіе отступленіе*, которое есть *и послѣднее отступленіе Россійской церкви*. Не даромъ, поэтому, онъ, приступая къ этому предмету, оставляетъ одинъ пустой листъ и затѣмъ ведетъ *новый счетъ* листовъ, но счетъ главъ продолжаетъ.

л. 1. Повторено заглавіе всей книги: «Книга драгоцѣнный бисеръ» и т. д.

Глава 10. «*О отступленіи россіянъ отъ святыя восточныя церкве*».

Глава эта авторомъ раздѣляется на три части: «сію главизну на три части раздѣляю, и въ *первой* части яже писаніемъ божественнымъ

о отступленіи въ Россіи быти пророчено, сіе предлагаю»; во *второй*: «о яже въ лѣта бытія Никона патріарха московскаго и послѣжде по немъ иными россійскими властьми въ россійской церкви учиненная премѣненія, отложенія и приложенія и тяжестная клятвами и еретичествомъ порицанія на староцерковное содержаніе и за непріятіе тѣхъ новшествъ, еже отъ нихъ на христіанъ содѣваются гоненія, мученія и еретичествомъ тяжчайшимъ порицанія и конечно казни смертной осужденія ихъ, вкратцѣ объявляю; въ *третьей* же о нравѣ мучительства, еже колико не согласенъ священному благовѣстію, отъ божественнаго писанія вкратцѣ по статьямъ полагаю» (л. 2).

Часть первая. «О прореченіи россійскаго отступленія».

л. 4. «*Часть вторая*», въ которой говорится о томъ, что по прошествіи 1666 лѣтъ Никонъ и другіе «въ россійской церкви нововводства учиниша» (об.) и древнее благочестіе измѣнили. Затѣмъ, перечисляется въ хронологическомъ порядкѣ рядъ іерарховъ русскихъ (начиная отъ лѣтъ св. Владиміра), которые держались этого благочестія.

л. 8. И въ заключеніе говорится: «а яже по исполненіи вышеписаннаго пророченнаго 1666 лѣта, егда нововведошася отъ Никона, бывшаго патріарха Московскаго, и послѣдующихъ ему мучителей въ великороссійстѣй церкви новины и отъятія и прежде его бывшія св. цевкви священному содержанію противодогматствованія, сія ихъ вѣра вельми неправославна: сицевыхъ ради винъ, яже здѣ вкратцѣ въ статіяхъ полагаю».

л. 8—10. «*Статья 1-я*». Въ этой статьѣ приводится рядъ доказательствъ въ пользу двуперстія: свидѣтельствъ Максима Грека, старопечатныхъ книгъ, Стоглава и древнихъ служебниковъ; нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ малоизвѣстны (см. л. 9 об.).

л. 10 об. «*Статія 2-я*». Приводятся свидѣтельства въ пользу двуперстія изъ Кирилловой книги (оглаш. 13-е и 4-е), Петра Дамаскина и Кормчей книги глава 47, л. 308.

л. 11 об. «*Статія 3-я*», въ которой разбирается ученіе Никоновской Скрижали о троеперстіи.

л. 13 об. «*Статія 4-я*». Здѣсь разбирается ученіе Скрижали о томъ, что «равными и подобными персты, къ себѣ же и другъ другу святая соприсущная Троица почитается», и говорится, между прочимъ, что и три перста, которыми указано молиться въ Скрижали, «неравен-

ство имѣютъ» (л. 15 об.). «Палецъ бо кратокъ, средній же перстъ длиннѣйшій, указательный же онаго мній и мѣстомъ же разстоятъ, ближьше другъ другу—указательный и великосредній, палецъ же отстоящъ отъ него (л. 15 об.); на поляхъ замѣтка: «въ сѣти своей увязѣ грѣшный».

л. 16. «*Статія 5-я*», въ которой разбирается выраженіе Скрижали, Пращицы и другихъ новопечатныхъ книгъ о двуперстіи, что оно есть «арменскій обычай».

л. 21 об. «*Статія 7-я*». О сугубомъ «аллилуіа».

л. 23. «*Статія 8-я*»: объ извѣстномъ отвѣтѣ св. Димитрія въ противовѣсъ хулѣ раскольниковъ, что на троеперстіи сидитъ «са-та-на», что лучше сказать, что на двуперстіи сидитъ «де-монъ».

л. 23 об. «*Статія 9-я*»: о неправильной разстановкѣ знаковъ въ новопечатномъ потребникѣ 7167 (1659 г.) въ чинѣ погребенія, въ словахъ: «..и власть даде ему, и судъ творити, яко сынъ чл҃вчь есть. Не чудитеся сему, яко грядетъ часъ и пр. (Еванг. Іоанна, зач. 16-е).

л. 24. об. «*Статія 10-я*»: о заклинаніи, положенномъ въ новопечатныхъ требникахъ и ненаходящемся въ старопечатныхъ «на отгнаніе червей, гусеницъ, мышей, мухъ и мушицъ и прочихъ вредящихъ».

л. 25 об. «*Еще о премѣнахъ статія 11-я*». Объ оставленіи въ великій постъ по уставу колѣнопреклонныхъ поклоновъ»...

л. 26. ...«Не токмо древлецерковныя старописменныя и старопечатныя уставы поклоны сія тако повелѣваютъ, но и въ царствованіе Алексія Михайловича при Іосифѣ патріархѣ въ лѣто 7159 (1651) въ преди псалтырей полудестевыхъ съ великимъ подкрѣпленіемъ отъ устава св. соборныя апостольскія церкве и отъ списанія св. отецъ утверждаетъ творити сія великопостныя колѣнопреклоненія».

л. 27. об. «*Статія 12-я*»: «отставленіе предъ староцерковными уставы въ новопечатныхъ во весь годъ, наипаче и въ прочіе три посты, когда поется аллилуіа, колѣнопреклонныхъ земныхъ поклоновъ». Между прочимъ, здѣсь есть ссылка на «Слѣдованную Псалтырь Василія кн. Острожскаго 7107 года (1599) и на «Каноникъ московской печати» 7154 (1646).

л. 29 и об. Въ *статьѣ 13-й* находится, такъ сказать, заключеніе къ рѣчи «о премѣнахъ»: перемѣны эти такъ многочисленны, что

авторъ не находитъ даже возможнымъ всѣ ихъ перечислить: ...«сіе бо толико умножено», что «о той печатниковъ справѣ въ народѣ была такая поговорка: «како ни буди, токмо бы не по старому (л. 30).

л. 31 об. «Мы же опасаемся тѣхъ новотворчествъ пріимати не своемнительнаго ради коего нещеванія, но боязнію содержими» (л. 31 об.),—и далѣе до л. 47 об. идетъ рѣчь «о еже не пріимати новопреданій». Въ концѣ находится увѣщаніе оставаться вѣрными староцерковнымъ преданіямъ: «сице мы за староцерковное содержаніе гоненіе страждемъ; тако за оно страждуще, животъ вѣчный пріяти отъ Христа Бога нашего чаемъ» (л. 48).

л. 48. «*О гоненіи на христіанъ*». Сначала рѣчь идетъ о страданіяхъ еп. Павла Коломенскаго, котораго Никонъ «низложи отъ архіерейскаго сана и изъ мантіи обнаживъ и на лютая біенія предаде его безъ милости и безъ вѣсти сотвори его». Затѣмъ, упоминается, что Никонъ и отца своего духовнаго повелѣ безъ милости бити, даже обезвѣнену ему на ногу быти; «о страданіяхъ и мученіяхъ соловецкихъ старцевъ» (л. 49 об.). Выходя изъ той мысли, что «потреба, яко да правда гоненіе терпитъ» (л. 51), авторъ описываетъ гоненія и страданія, какія вытерпѣлъ Іоаннъ Златоустъ и другіе невинно страдавшіе, и въ заключеніе говоритъ: «таково гоненіе на христіанъ въ Царѣградѣ бяше» (л. 53 об.), сице убо и здѣ въ Россіи по исполненіи вышеписаннаго 1666 года случися».

На л. 54 находится общее *описаніе страданій* «христіанъ за древлее благочестіе»: «начаша ихъ гонити, мучити различно: овіи начаша батогами и кнутомъ бити, иныхъ же въ срубахъ сожгоша, инымъ ноздри вырвавши, въ каторжная мученія посылати и всякими приказными истязаніями утѣсняти, оковы, юзы, темницы, оклеветанія и озлобленія предлагати; инымъ же начаша домы раззоряти и имѣнія ихъ отъимати...».

Вслѣдствіе этого произошло то, что одни изъ древлихъ христіанъ убѣжали, «оставя отечество и домы», «по разнымъ мѣстамъ», другіе добровольно предались мучителямъ ради спасенія; а «иніи за соблюденіе благочестія платятъ новоположенныя на нихъ двойные оброки» (54 л. об.).

л. 55. «*Часть третія* (10-й главы): *о гоненіи за староцерковное содержаніе*».

Эта часть раздѣляется на семь статей, въ которыхъ главнымъ образомъ доказывается, что «нравъ мучительства за вѣру и за преданія церковная есть несогласенъ Христу Спасителю, апостоломъ же и святымъ отцемъ» (л. 55 об.). Въ заключеніе говорится: «сице по скудоумію моему отступленіе россіянъ отъ восточной церкве, еже чрезъ новшества учиниша, отъ святаго писанія показую; тако о новопреданіи ихъ и мучительномъ нравѣ на христіаны, повѣствую; тако за клятвы ихъ на староцерковное содержаніе и на содержателей того православія положенныя, и за презрѣніе отеческихъ клятвъ,— еретиками ихъ быти познаваю; тако отъ новшества ихъ по завѣщанію св. отецъ себе и прочихъ ограждаю; сице въ святосодержаніи древнемъ, святымъ послѣдствующе, въ православной вѣрѣ пребываю» (л. 65).

Покончивъ рѣчь объ отступленіи россіянъ, авторъ переходитъ къ разсужденію—

л. 65. «*О противленіи восточныхъ* (нынѣшнихъ) *патріарховъ* святѣй православнѣй восточнѣй церкви и древнимъ восточнымъ пастыремъ православнымъ».

л. 65 об. «*Глава 11-я. Вопросъ*». На вопросъ о томъ, православны ли были восточные патріархи въ бытность патріарха Іосифа, писатель рукописи отвѣчаетъ, что «за дальнимъ разстояніемъ и за прешедшимъ до меня временемъ, ясно показати неудобно. Обаче съ кіихъ временъ, и кіихъ ради винъ, противность восточныхъ архіереевъ древле-восточной церкви является быти, вкратцѣ по статіямъ объявляю» (л. 66).

л. 66. «*Статія 1-я*»: въ ней разсказывается о посольствѣ Арсенія Суханова на Востокъ и о томъ, что, по свидѣтельству книги «Проскинитарій», Паисій Константинопольскій защищалъ обливательное крещеніе;—«и по свидѣтельству москвитина Григорія Іоакимова съ товарищемъ, бывшихъ въ Іерусалимѣ и самовидѣвшихъ у грековъ въ крещеніи вмѣсто трехъ погруженій обливаніе» (л. 67).

л. 69. «*Статія 2-я: о нечистыхъ бракахъ грековъ съ франками*»

л. 70. «*Статія 3-я: о молитвѣ грековъ съ франками и армянами*».

л. 70 об. «*Статія 4-я: о незаконномъ общеніи грековъ съ армянами и франками въ пищѣ и питіи*».

л. 72. «*Статія 5-я: о неблагочиніи и безпорядкахъ въ греческихъ церквахъ во время причащенія Св. Таинъ*».

л. 72 об. «*Статія 6-я: о иныхъ въ грецѣхъ презрѣніяхъ отеческихъ уставовъ*».

л. 73. «*Статія 7-я*»: На полѣ замѣчаніе: «восточныхъ совершенное отступленіе при Никонѣ учинися». Говорится главнымъ образомъ о неправильныхъ клятвахъ соборовъ за двуперстіе и сугубую аллилуію, и далѣе приводятся основанія въ пользу двуперстія: Ѳеодорита, Петра Дамаскина, Максима Грека и отъ иконы Пресвятыя Богородицы, которою патріархъ Аѳанасій Цареградскій въ 6816 (1308) благословилъ митрополита Петра и писанной рукою самого св. Петра: на этой иконѣ «у превѣчнаго младѣнца яснѣйши три персты сложены и два простерта явствуютъ» (л. 73 об.).

л. 74 об. Въ заключеніи *11-й главы* авторъ относительно неправославія греческой церкви дѣлаетъ такую оговорку: «вси-ли гречестіи архіереи отъ тогда и до нынѣ въ сицевая противства и нехраненія отведошася, или не вси,—сего мнѣ, за толикимъ дальноразстояніемъ и за варварскимъ ими обладаніемъ и за незнаніемъ ихъ языка и за небытностію моею во ихъ странахъ, извѣстно вѣдѣти и извѣстити не возможно» (л. 74 об.).

л. 75. «*Глава 12-я. О святѣй церкви*». Здѣсь идутъ разсужденія о состояніи св. церкви въ послѣднія времена, когда церковь должна скрываться; свои разсужденія авторъ старается подкрѣпить многочисленными выдержками изъ Священнаго Писанія и твореній св. отцевъ.

л. 83 об. «*Глава 13-я. О церкви отступниковъ*». Между прочимъ, въ этой главѣ по поводу той мысли, что «антихристъ въ отступнической и смущенной жидовской церкви на престолѣ сядетъ» (л. 90), на поляхъ замѣчается: «здѣ внимай не о тѣхъ говоритъ жидѣхъ прежнихъ, иже при Христѣ были, но о *нынѣшнихъ* отступникахъ православныя выры. Ибо яко же прежніе жиды Христу Спасителю не повѣровали, но поругалися и распяли Его; тако же и нынѣшніе отступники не вѣруютъ святымъ пророкомъ и апостоломъ и седми вселенскимъ и 9-ти помѣстнымъ соборомъ, но противны во всемъ имъ являются, того ради и жидамъ уподобилися. И первые жиды были преже израильтяне, а не жиды, а за невѣрствіе ихъ Христу святіи ихъ назвали жидами проклятыми» (л. 90 об.).

л. 92 об. На вопросъ 2-й,—истинны-ли и пріятны-ли Богу службы, приносимыя въ отступническихъ церквахъ,—въ отвѣтъ гово-

рится:... «како могутъ совершати дѣйства Божія на *игралищахъ* своихъ»... и на поляхъ замѣчается: «видѣхъ азъ самъ игралища ихъ, именно называемыя карты, и духовнаго званія ими играютъ, а на картахъ есть такіе кресты, какія у нихъ на просвирахъ ✠ и сіе писаніе и пророчество сбылось на нихъ самымъ дѣломъ нынѣ». И тутъ же находится довольно искусное изображеніе печатей на просфорахъ съ осмиконечнымъ и четвероконечнымъ крестомъ.

л. 93. «*Глава 14-я. О разньствіяхъ православной церкви съ церковію еретическою.* Такихъ «разньствій» указано четыре: 1-е—церковь еретическая основана на лясѣ, 2-е—она вмѣсто поста на мяса и рыбы въ святые посты разрѣшаетъ, 3-е—церковь православная страдать поучаетъ, а еретическая «кнутомъ и батогами бити и ноздри рвати научаетъ» (л. 94) и 4-е—въ церкви еретической «антихристовы предотечи жительствуютъ».

л. 94 об. «*Глава 15-я. О разрѣшеніи сатаны,* иже на тысящу лѣтъ связанъ бысть». Нач.: «повѣсть сія, возлюбленніи, зѣло страшна и ужаса многаго исполнена есть».

л. 96 об. По поводу свидѣтельства Андрея Кесарійскаго о томъ, что «егда крестъ святый нигдѣ воображатися у нечестивыхъ учинится..., тогда всеконечно сатана развяжется»,—на поляхъ замѣчается: «и нынѣ у никоніанъ крестъ Христовъ трисоставный откинутъ отъ просвиръ съ поруганіемъ и проклятіемъ, и о семъ писано у нихъ въ соборномъ свиткѣ, бывшемъ въ соборѣ ихъ въ лѣто 7174 и въ книгѣ Пращицѣ, отвѣтъ 212. Тамъ проклинаютъ также и имя Іс̃а Хр̃та, Спасителя нашего хулятъ и ругаются; въ Розыскѣ, книгѣ ихъ, называютъ равноухимъ Его. Окаянные новые жиды,—и посему всеконечно сатану развязали и въ себя его внутрь приняли».

л. 101. «*Отъ главы 16-й*». «Вопросъ: почто убо попуститъ Богъ сему быти (антихристу), и каково сіе есть смотреніе, на пагубу нашу приходящаго. Отвѣщаетъ Златоустъ: не бойся, возлюбленне, но слыши Павла глаголюща,—въ погибающихъ можетъ».

л. 101 об. «*Глава 17-я. О сквернавѣмъ имени антихристовѣмъ*».

Послѣ перечисленія разныхъ мнѣній объ имени антихриста, въ которомъ заключается число звѣрино 666, на л. 103 об. говорится: «сей же щетъ заключаютъ и отступники православныя вѣры, именно:

въ лѣто 7161 и 7162 и 163 и 164 и 165 и 166.	адская троица.	алеѯіа, никонъ, арсеніи 666. жидовинъ звѣрь зміи ложный пророкъ а посредѣ ихъ самъ сатана

Отъ сего года конечное паденіе отъ православныя вѣры устроиша, а соборомъ отступники утвердили новое преданіе въ лѣто 7174 (1666) съ клятвами страшными хранить новое преданіе ихъ».

л. 105. По поводу того, что «нѣціи глаголютъ имя его (антихриста) быти «benediktos, си есть благословенный», дѣлается замѣтка: «и нынѣ видимъ именемъ Христовымъ назвался антихристъ; сице зри: Спаситель нашъ Іс҃ъ Хр҃тосъ тако. Противникъ же сице: іисусъ христо҃ и видомъ писанъ на иконахъ разновиденъ и несогласенъ съ древнимъ новыя».

л. 105 об. Изображеніе древней и новой печатей на просфорахъ.

л. 107 об. «*Глава 21-я. О запечатленіи вѣрныхъ крестомъ Христовымъ и о раздѣленіи христіанъ на трое*».

л. 108. Изображеніе внизу страницы рукъ—благословляющей и молящей по старому и новому.

л. 109. «*О раздѣленіи христіанъ*».

л. 110. «Приставницы бо станутъ немилостивы, на всякомъ мѣстѣ, и аще кто имать на себѣ печать мучителеву на челѣ и на десницѣ, купитъ мало брашна отъ тѣхъ брашенъ отъ обрѣтающихся тогда». На поляхъ замѣтка: «уже и приставилъ по всѣмъ мѣстамъ становыхъ».

По поводу свидѣтельства папы Ипполита, что рука съ печатію антихриста будетъ связана,—на поляхъ находится замѣтка: «и нынѣ у многихъ видимъ связаны руки и креста не возносятъ на главу и на животъ и на рамена, но точію махаютъ сѣмо и овамо и сему маханію бѣси радуются».

Этимъ почти исчерпывается содержаніе «Книги Бисеръ драгоцѣнный». Но въ той рукописи, по которой мы познакомились съ этимъ сочиненіемъ, въ концѣ находятся еще двѣ статьи.

1, л. 112. «*Слово на вопросъ. Сочиненіе Андрея Діонисьича*» (извѣстнаго поморскаго раскольника и организатора Выговской пустыни).

«*Вопросъ*: чего ради нынѣ мнози нарицаютъ время достойно плача и кіихъ ради случаевъ писаніе плакати повелѣваетъ»? «*Отвѣтъ*», въ которомъ говорится, что время нынѣшнее достойно плача потому, что оно—послѣднее, антихристово: «ибо лѣта 1666 г. сотворися паденіе всемірное, а не частное» (л. 112 об.). Это сочиненіе Андрея Денисова весьма витіевато изображаетъ скорбное положеніе вѣрующихъ христіанъ въ послѣднія времена, когда негдѣ получить ни истиннаго священства, ни сподобиться причастія Св. Таинъ и т. п.—Если это сочиненіе Андрея Денисова еще неизвѣстно въ литературѣ о русскомъ расколѣ, то оно заслуживаетъ большого вниманія.

2, л. 119. «Испатерика (т. е. изъ Патерика) азбучнаго». Знаменіе 10-е. Повѣсть отца Іоанна о отроковицѣ погубленной отъ матери ея.

Д. И. Скворцовъ.

Преподобный Аркадій, Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ.

Исторія русской агіографіи, при довольно значительномъ числѣ трудовъ извѣстныхъ ученыхъ, каковы напр. «Полный мѣсяцесловъ Востока» архіепископа Сергія, недавно вышедшій вторымъ изданіемъ (Владиміръ, 1901 г.), и «Мѣсяцесловъ святыхъ всею Русскою церковію или мѣстно чтимыхъ» архіепископа Димитрія (Тверь, 1901 г.) и многіе другіе, однако мало разработана и въ вопросахъ о нѣкоторыхъ святыхъ въ ученыхъ трудахъ такой хаосъ и путаница, что, кажется, трудно въ ней и разобраться.

Такой хаосъ и путаницу представляютъ изслѣдователи о времени и мѣстѣ жительства преподобнаго Аркадія, названнаго нами выше Вяземскимъ и Новоторжскимъ чудотворцемъ. Чтобы показать, какъ много здѣсь запутано, мы обратимся къ Тверской редакціи «Книги глаголемой о россійскихъ святыхъ», напечатанной въ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1899 г. [1]). Здѣсь о св. Аркадіи, ученикѣ и келейникѣ св. Ефрема Новоторжскаго, сдѣлана прибавка: «*обрѣтены мощи его въ лѣто 7185 іюля 11 дня*». Издатель этой книги далѣе говоритъ: «о жизни этого святого ничего неизвѣстно, неизвѣстно и точное время кончины. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Это лицо, по замѣчанію архим. Леонида (Св. Русь, стр. 201), часто смѣшиваютъ съ преп. Аркадіемъ, Вяземскимъ затворникомъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ различныхъ рукописяхъ онъ помѣщается въ числѣ святыхъ то Вязьмы, то Вязниковъ, то Дорогобужа, то сразу въ трехъ мѣстахъ, напр. въ Торжкѣ, Вязьмѣ и Дорогобужѣ. Эта путаница, продолжаетъ далѣе этотъ издатель «Книги глаголемой о россійскихъ святыхъ», вкралась и въ народныя понятія, такъ что стали писать иконы съ изображеніемъ св. Аркадія и съ надписью: «Св. Аркадій Вяземскій

[1]) № 9, стр. 241—242, также №№ 6, 7 и 8.

и Новоторжскій чудотворецъ». Къ удивленію, даже и ученые въ своихъ объясненіяхъ о томъ и другомъ лицѣ сбиваются. Такъ гр. М. Толстой, говоря о преп. Аркадіи, затворникѣ Вяземскомъ или Дорогобужскомъ, и упрекая другихъ въ совершенно незначительной ошибкѣ (архіепископа Сергія и Барсукова за смѣшиваніе названій Вяземскій и Вязниковскій), самъ дѣлаетъ бо́льшую, называя его ученикомъ преп. Ефрема Новоторжскаго и указывая мѣсто нахожденія его мощей въ г. Торжкѣ (Чтен. въ Общ. Истор. Др., 1887 г., IV, стр. 215), между тѣмъ какъ это не вѣрно, потому что въ Торжкѣ почиваютъ мощи св. Аркадія Новоторжскаго, а не Вяземскаго [1]). Кромѣ того, у гр. Толстого выходитъ, что и Вяземскій и Новоторжскій Аркадій жили въ XVI в. (срав. стр. 86 и 215). Даже г. Барсуковъ, какъ будто не увѣренъ въ различіи этихъ лицъ, ибо, говоря о св. Аркадіи Вяземскомъ, замѣчаетъ: «мощи его подъ спудомъ», а гдѣ—умалчиваетъ, вопреки своей обычной точности (Барсуковъ, И. Р. А., стр. 57). Между тѣмъ, тотъ и другой—лица совершенно различныя. Преподобный Аркадій Новоторжскій жилъ въ XI в. и память его 28 января, а преподобный Аркадій, затворникъ Вяземскій, скончался въ 1592 г. и былъ ученикомъ Герасима Болдинскаго; мощи его обрѣтены въ XVII в., при патріархѣ Іоакимѣ 11 іюля и въ настоящее время находятся подъ спудомъ въ Дорогобужскомъ Герасимовомъ Болдинскомъ монастырѣ; въ Вязьмѣ же, на мѣстѣ его подвиговъ, основанъ сперва мужской, а съ 1832 года Аркадіевъ женскій Вяземскій монастырь».

Изъ приведенныхъ словъ видна вся путаница во взглядахъ на личность преподобнаго Аркадія. Къ прежнимъ ошибкамъ и искаженіямъ истины прибавлены новыя ошибки. Прежде преподобнаго Аркадія Новоторжскаго и Вяземскаго чудотворца считали то Вяземскимъ, то Вязниковскимъ, то Новоторжскимъ, здѣсь еще Дорогобужскимъ и Болдинскимъ и скончавшимся въ 1592 году, и вмѣсто ученика преп. Ефрема Новоторжскаго онъ названъ уже ученикомъ преп. Герасима Болдинскаго и затворникомъ Вяземскимъ.

Перейдемъ къ разбору всего этого.

Занимаясь исторіей г. Вязьмы и зная хорошо Смоленскій край, проживъ въ г. Вязьмѣ около 18-ти лѣтъ, я положительно могу утверждать, что ни древнихъ преданій, ни какихъ вещественныхъ или пись-

[1]) Свое ли приводитъ здѣсь издатель книги мнѣніе, или чужое, не указываетъ.

менныхъ памятниковъ въ Дорогобужскомъ Болдинскомъ монастырѣ, основанномъ преп. Герасимомъ, объ Аркадіи нѣтъ. Просмотрите житіе преп. Герасима, составленное архим. Андреемъ, тщательно надъ нимъ потрудившимся и собравшимъ все, что только возможно было о жизни преп. Герасима, основателя Болдинскаго монастыря, и въ немъ никакихъ даже намековъ нѣтъ на то, что у него былъ ученикъ Аркадій. У преп. Герасима были ученики: Антоній въ Болдинѣ, оставившій повѣствованія о жизни и чудесахъ преп. Герасима, знавшій его лично (*Антоній, а не Аркадій*), по жизни преп. Герасима въ г Вязьмѣ извѣстенъ по тому же житію ученикъ его Симеонъ, первый игуменъ основаннаго имъ въ Вязьмѣ монастыря. Былъ у него ученикъ Сергій, первый строитель основаннаго преп. Герасимомъ монастыря за 30 верстъ отъ Дорогобужа, на мѣстѣ называемомъ Скверовы Луки (Скверолуцкій монастырь), былъ у него ученикъ Варсонофій [1]), но нигдѣ не упоминается въ житіи преп. Герасима ученикъ Аркадій. Мало этого, въ Болдинѣ монастырѣ никто не знаетъ могилы Аркадія, о немъ не слышится никакихъ говоровъ ни среди братіи, ни у окружающихъ монастырь крестьянъ, пишетъ ко мнѣ настоятель Болдинскаго монастыря игуменъ Макарій (28 марта 1900 г.), преемникъ архимандрита Андрея, составителя житія преп. Герасима, какъ не находилъ и архим. Андрей никакихъ основаній въ двухъ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ древнихъ житіяхъ преп. Герасима говорить объ Аркадіи, какъ ученикѣ преп. Герасима. Ничего также неизвѣстно и въ г. Вязьмѣ, чтобы у преп. Герасима былъ ученикъ Аркадій, стало быть, ни въ Дорогобужскомъ Болдинскомъ монастырѣ, ни въ Предтечевомъ монастырѣ въ г. Вязьмѣ, основанномъ преп. Герасимомъ, ни въ самомъ г. Вязьмѣ ровно нѣтъ ничего, что бы могло дать поводъ говорить о преп. Аркадіи, какъ ученикѣ преп. Герасима и его современникѣ, хотя бы и умершемъ даже не въ этихъ мѣстахъ. Отсюда очевидно, что нѣтъ и не должно быть и никакого Аркадія Дорогобужскаго чудотворца. Могъ ли быть онъ чудотворцемъ Вяземскимъ, увидимъ ниже, а теперь перейдемъ къ вопросу: можно ли упоминаемаго преп. Аркадія считать и называть Вязниковскимъ чудотворцемъ, какъ сказано у Н. Барсукова въ источникахъ

---

[1]) Житіе преп. Герасима Болдинскаго чудотворца, архим. Андрея, Москва, 1893 г. Архимандритъ Леонидъ въ кн. «Святая Русь», называя Аркадія ученикомъ Герасима, не даетъ указаній, откуда онъ взялъ это, равно не объясняетъ, почему онъ считаетъ Аркадія Вяземскаго умершимъ въ 1592 г. и на какомъ основаніи. См. у него №№ 776 и 497.

русской агіографіи, у котораго въ указанномъ трудѣ на стр. 56, кромѣ преп. Аркадія Новоторжскаго (стр. 57 его труда), упоминается еще и другой «преп. Аркадій, затворникъ Вязниковскій чудотворецъ († въ лѣто 7100) [1]), мощи его подъ спудомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ и похороненъ, воздвигнута церковь, а въ 1832 г. женскій монастырь [2]). Неканонизованъ» (архіеп. Сергій, мѣсяцесловъ Востока, прил. 3, стр. 59, 1-е изданіе)

По тщательно наведеннымъ мною справкамъ чрезъ лицо, живущее нѣсколько лѣтъ въ г. Вязникахъ, оказалось, что ни въ Вязникахъ, ни въ уѣздѣ Вязниковскомъ никакихъ мощей преп. Аркадія нѣтъ [3]), слѣдовательно, и нельзя говорить о преп. Аркадіи Вязниковскомъ чудотворцѣ. Эту странную ошибку мы готовы бы были признать опечаткой, если бы она не встрѣчалась у нѣсколькихъ лицъ, но мы имѣемъ и у архіеп. Филарета ученика Герасима Аркадія, очевидно, названнаго такъ вмѣсто Антонія. Во второмъ изданіи полнаго мѣсяцеслова Востока Владимірскій архіеп. Сергій, во 2 т. стр. 42 говоритъ уже, что Аркадій (у Погодина), конечно, ошибочно названъ Вязниковскимъ.

Если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія слова Н. Барсукова (выше упоминаемыя): «на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ (т. е. преп. Аркадій) жилъ и похороненъ, воздвигнута церковь, а въ 1832 г. женскій монастырь», то изъ сопоставленія ихъ съ тѣмъ мѣстомъ краткой исторіи Аркадіевскаго женскаго монастыря въ г. Вязьмѣ [4]), гдѣ сказано, что этотъ монастырь основанъ въ 1832 г., гдѣ «трудился и подвизался на поприщѣ святости и благочестія, молился и изливалъ свою душу предъ Богомъ преп. Аркадій» (т. е. конечно, Вяземскій), то становится ясно, что Н. Барсуковъ спуталъ здѣсь Аркадія Вяземскаго съ несуществующимъ Аркадіемъ Вязниковскимъ. Отсюда ясно, что преп. Аркадій Вяземскій, несправедливо именуемый Вязниковскимъ (съ чѣмъ уже соглашается во 2-мъ изд. своего труда архіеп. Владимірскій Сергій) и

---

[1]) Книга, глаголемая «Описаніе Россійскихъ Святыхъ» въ древнехр. Погодина.

[2]) Очевидно здѣсь смѣшеніе Вязниковъ съ Вязьмой. См. ниже. Этотъ монастырь Аркадіевскій въ г. Вязьмѣ, а не Вязникахъ.

[3]) См. Владим. Епарх. Вѣдом. 1884 г., № 14, статью Стромилова, который также говоритъ, что въ Вязниковскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ Аркадія нигдѣ не оказалось.

[4]) Аркадіевскій женскій монастырь въ г. Вязьмѣ. Духовные подвиги св. Аркадія, исторія монастыря и нынѣшнее его положеніе. С.-Петербургъ 1859, стр. 5—6. Ср. арх. Леонидъ, стр. 201.

Дорогобужскимъ (Болдинскимъ—тожъ), есть одно и тоже лицо, выдаваемое за двухъ, даже за трехъ различныхъ лицъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о времени жизни преп. Аркадія Вяземскаго, чтобы указать, справедливо ли его называютъ нѣкоторые изслѣдователи затворникомъ Вяземскимъ, скончавшимся въ 1592 г., какъ напр. Погодинъ (см. Архим. Леонидъ, стр. 201), такъ какъ вѣдь уже ясно, что затворникомъ Вязниковскимъ, какъ называетъ его Барсуковъ, онъ не можетъ быть.

Достаточно, кажется, одного того обстоятельства, что Вязьма не знаетъ никакого Аркадія затворника Вяземскаго, а знаетъ только одного преп. Аркадія, ученика Ефрема Новоторжскаго, чтобы считать и это названіе ошибочнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности не существовало Вяземскаго затворника не только Аркадія, но и вообще какого либо другого имени затворника. Далѣе, изъ всей исторіи г. Вязьмы не видно, чтобы въ ней жилъ какой то другой Аркадій, скончавшійся въ 1592 г., мощи котораго обрѣтены въ XVII в., при патріархѣ Іоакимѣ, 11-го іюля. Но вѣдь 11-го іюля празднуется и обрѣтеніе мощей преп. Аркадія Новоторжскаго [1]). Въ писцовыхъ книгахъ [2]) кн. Волынскаго въ 1594 г. упоминается въ г. Вязьмѣ церковь происхожденія Честнаго Креста и при ней церковь преп. Аркадія [3]), очевидно, на томъ мѣстѣ и та самая церковь, что существуетъ и нынѣ въ Вяземскомъ Аркадіевскомъ женскомъ монастырѣ [4]). При сопоставленіи года смерти мнимаго затворника Аркадія Вяземскаго въ 1592 г. съ существованіемъ въ честь преп. Аркадія церкви въ 1594 г. (а она, несомнѣнно, возникла ранѣе этого года, если вѣрить преданію о явленіи преп. Аркадія набожному Авдію въ 1525 г.), становится яснымъ, что среди Вязьмичей жила издревле память о какомъ-то святомъ Аркадіи, не иначе надо полагать, какъ о томъ самомъ Аркадіи, мощи котораго почиваютъ въ

---

[1]) См. Мѣсяцесловъ святыхъ архіеп. Димитрія. Вып. XII, ч. I, стр. 164—166. Вып. XI, стр. 146—149

[2]) Гор. Вязьмы.

[3]) Съ основаніемъ этой церкви связано преданіе о явленіи преп. Аркадія 17 апрѣля 1525 г. нѣкоему Авдію. Исторія г. Вязьмы, И. Виноградовъ, стр. 49, прим. 3.

[4]) См. выше о томъ же.

Борисоглѣбскомъ Новоторжскомъ монастырѣ и обрѣтены были 11 іюля 1677 г. при патріархѣ Іоакимѣ [1]).

Устройство церкви преп. Аркадію до обрѣтенія якобы его мощей не противорѣчитъ, тому, что эта церковь была выстроена именно Аркадію [2]), ученику преп. Ефрема, но, по нашему мнѣнію, она не могла быть посвящена иному какому либо Аркадію, такъ какъ Вязьма таковаго не знаетъ. Устройство церквей и писаніе иконъ мѣстночтимыхъ святыхъ совершалось у вѣрующихъ предковъ нашихъ гораздо проще, чѣмъ теперь. Въ заступничество преп. Аркадія Вязьмичи вѣрили и помощь городу въ тяжелыя годины его жизни приписывали преп. Аркадію. Такъ, когда въ 1661 г. блистательные успѣхи русскаго оружія противъ Польши приняли неблагопріятный для насъ оборотъ и мы потеряли почти всѣ завоеванные въ Литвѣ города, казалось, самому городу Вязьмѣ нѣтъ спасенія. Войско польское было недалеко уже отъ Вязьмы. Вязьма не мало вынесла отъ Польши бѣдъ и вотъ на этотъ разъ Вязьмичи спасеніе города приписываютъ преп. Аркадію. Вотъ что говоритъ объ этомъ преданіе, записанное въ житіи Аркадія [3]): «и видѣша литовскіе вои ѣдуща на сѣромъ конѣ отъ Вязьмы юношу», когда онъ подъѣхалъ къ литовскимъ полкамъ, многихъ литовскихъ людей сѣкъ мечемъ, такъ что никто съ нимъ не могъ сразиться, при чемъ запретилъ имъ идти на градъ Вязьму, говоря, что если вы не послушаете меня, всѣ вы погибнете; «мечъ вы пояста гнѣва Божія». Когда же его литовцы спросили: «кто онъ такой, что такъ смѣлъ сѣчь войска ихъ», онъ отвѣтилъ имъ: «Я Аркадій, градъ этотъ мое отечество».

Едва ли могла быть основана церковь во имя Аркадія, только что два года тому назадъ скончавшагося, если согласиться съ мнѣніемъ о смерти Аркадія Вяземскаго въ 1592 г. (да и откуда архим. Леонидомъ взятъ этотъ годъ?); стало быть, она основана св. Аркадію

---

[1]) Преп. Ефремъ, еще будучи придворнымъ бояриномъ благовѣрнаго князя Бориса, когда шелъ изъ Россіи на рѣку Альту, чтобы взять тѣло брата своего Георгія, убитаго вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ, заходилъ по дорогѣ въ *урочище Вязьму* и имѣлъ здѣсь кратковременный отдыхъ, слѣдов. и видѣлъ преп. Аркадія. Исторія г. Вязьмы, И. Виноградовъ. Аркадіевскій монастырь въ г. Вязьмѣ, стр. 59, С.-Петербургъ 1859.

[2]) Мѣстное празднованіе преп. Ефрему Новоторжскому установлено при митр. Діонисіи въ 1584—1587 г. Исторія канонизаціи святыхъ Русской церкви, Е. Голубинскаго. Богослов. Вѣстникъ 1894 г., августъ, стр. 204.

[3]) См. Истор. гор. Вязьмы, стр. 57 и прим. 5.

раньше жившему, память о которомъ жила среди Вязьмичей и въ заступничество котораго они вѣрили, какъ въ приведенномъ случаѣ,— а это и былъ именно Аркадій, ученикъ преп. Ефрема Новоторжскаго, уроженецъ г. Вязьмы. Такова вѣра Вязьмичей, что Аркадій Вяземскій— ученикъ Ефрема Новоторжскаго, слѣдовательно, онъ Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ.

Приведемъ здѣсь вкратцѣ весьма интересное дѣло объ иконѣ преподобнаго Аркадія, могущее пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ: «На Вознесенье приходилъ къ намъ (такъ доноситъ армамандритъ Вяземскаго Предтечева монастыря Крутицкому митрополиту) въ монастырь Троицкій протопопъ (т. е. соборный г. Вязьмы настоятель) со всѣми градскими священниками со крестами и иконами». Въ числѣ послѣднихъ была икона, принесенная «отъ Спасской церкви Нижняго» (это и есть нынѣшній Аркадіевскій женскій монастырь) со слѣдующей рѣзной на серебрѣ надписью: Святый и Преподобный Аркадій Вяземскій и Новоторжскій. Икону эту въ городѣ носили во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Эту Аркадіеву икону послѣ упомянутаго крестнаго хода архимандритъ Предтечева монастыря Питиримъ оставилъ у себя «для подлиннаго вѣданія». Въ прошломъ же 187 (1679 г.) 28 мая ѣздилъ я, пишетъ архимандритъ, въ соборную церковь на молебенъ по случаю тезоименитства царевны Ѳеодосіи Алексѣевны. Послѣ молебна подошли ко мнѣ подъячіе приказной избы Потапъ Мироновъ и Ѳедоръ Михайловъ, да площадные подъячіе Василій Бубновъ и Семенъ Муха, «прибравъ къ себѣ» драгунъ и стрѣльцовъ и «посадскихъ маломощныхъ людей», и стали требовать, чтобы Аркадіеву икону поставить «по прежнему въ Спасской церкви» и чтобы носить ее во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Въ заключеніе своей отписки архимандритъ пишетъ: «про Аркадія Вяземскаго никакого вѣдѣнія градскіе люди не сказывали». Про ту икону будто бы архимандритъ разспрашивалъ бывшаго строителя Спасской церкви старца Спиридона и его «разспросныя рѣчи» послалъ къ митрополиту для подачи въ архіерейскій казанный приказъ съ казначеемъ старцемъ Евѳиміемъ и дьякомъ Алексѣемъ Земцовымъ, оставивъ икону у себя въ монастырѣ до Митрополичьяго указа.

Не лишенъ интереса и сохранившійся отрывокъ изъ «разспросныхъ рѣчей» старца Спиридона. Отрывокъ этотъ начинается описью Аркадіева образа, на которомъ «подпись» будто бы «слиняла» вся, «ничего не знать было». Далѣе говорится, что икону эту онъ, Спиридонъ, починилъ

и обложилъ и подписалъ: «Св. Аркадій». Эта икона, какъ сказано въ разспросныхъ рѣчахъ, и доселѣ въ Вяземскомъ соборѣ. Икона же Аркадія, находящаяся въ Спасской церкви, совершенно другая, она была написана по просьбѣ гражданъ г. Вязьмы строителемъ Юхновскаго монастыря Іосифомъ и при постройкѣ Спасской церкви, какъ показано тогда было архимандритомъ. Изъ опросовъ старца Спиридона относительно Св. Аркадія «по какому вѣдѣнію икона подписана именемъ Аркадія Вяземскаго и Новоторжскаго чудотворца, какого жительства былъ Аркадій, мірскимъ ли житіемъ жилъ или иноческимъ и котораго града родимецъ и въ которомъ градѣ жилъ и гдѣ тѣло его погребено», ничего точнаго не получилось. На все это старецъ будто бы отвѣтилъ, что ничего онъ «не вѣдаетъ», а знаетъ только, что рѣзную подпись на серебряномъ окладѣ привезъ изъ Москвы посадскій человѣкъ Михаплъ Блудовъ.

Результатомъ этой переписки архимандрита съ митрополитомъ было повелѣніе послѣдняго доставить икону въ митрополичій казенный приказъ. При этомъ велѣно было прислать на Крутцы для свидѣтельства и Аркадіеву икону, которая стоитъ въ алтарѣ соборной церкви («пятилистовая въ окладѣ»), [1]) и икону *Спасскаго Нижняго монастыря* (пятилистовая гладкая), что принесена изъ Торжка и писана инокомъ, да и «канунъ (канонъ) Аркадіевъ, который присланъ изъ Торжка, прислать съ тою же иконою».

Изъ этой непонятной какой то борьбы архимандрита Предтечева монастыря изъ за Аркадіевой иконы мы также одно можемъ заключить, что съ давнихъ временъ у Вязьмичей свято хранилась память и глубокое вѣрованіе, что Аркадій преп. былъ ученикомъ преп. Ефрема Новоторжскаго, потому онъ и писался на иконахъ «Аркадій Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ». Естественно, что дѣло было такъ: когда преп. Ефремъ поселился въ Торжкѣ, Аркадій изъ Вязьмы часто ходилъ туда для духовной бесѣды со старцемъ,—равно и преп. Ефремъ при частыхъ путешествіяхъ изъ Торжка въ Кіевъ и обратно—никогда не

---

[1]) Исторія г. Вязьмы, стр. 65—68. Дѣло объ иконѣ Аркадія Вяземскаго и Новоторжскаго 187—9 г. Румянцевск. музея рук. № 1635; дѣла казен. приказа Сарской и Подонской митрополіи, дѣло № 6. Въ Московс. глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ хранится подъ № 684. 1196 служба Аркадію XVII в. Въ рукоп. Свят. Н. С. Тихонравова также служба Аркадію XVIII в., у него же сказаніе о мощахъ въ рук. XVIII в., стр. 57. Архимандр. Питиримъ впослѣдствіи епископъ Тамбовскій см. «Русское Слово» 1895 г., № 57 по случаю его 250 лѣтія.

оставлялъ своимъ посѣщеніемъ Аркадія, пока онъ не переселился совсѣмъ въ Торжокъ.

Если память о преп. Аркадіи, какъ ученикѣ преп. Ефрема, жила у Вязьмичей издревле, то понятно, что и бывшая въ 1679 году въ Спасской церкви икона была перенесена когда то изъ Торжка, что она была очень древней иконой, «надпись на ней слиняла вся, ничего не видать было», что икона преп. Аркадія въ г. Вязьмѣ была не одна, одна была въ соборной церкви, другая въ монастырской «Спаса Нижняго», одна была принесена изъ Торжка, другую, очевидно, писали въ Юхновѣ,—все это скорѣе говоритъ въ пользу того, что Аркадія Вяземскаго и Новоторжскаго надо считать не за двухъ разныхъ лицъ, а за одно лицо. Неполнота свѣдѣній какъ объ Ефремѣ преподобномъ, такъ и объ ученикѣ его Аркадіи, быть можетъ, и объясняется тѣмъ, какъ говоритъ біографъ преподобнаго Ефрема, что въ началѣ XIV в. Тверской князь Михаилъ, разоривъ Торжокъ и обитель препод. Ефрема, увезъ и древнее житіе Ефрема въ Тверь, гдѣ оно скоро сгорѣло [1]), но то, что погибло въ огнѣ, осталось въ памяти народной, но естественно не въ Торжкѣ, а въ Вязьмѣ, откуда преп. Аркадій былъ родомъ. Мѣстное населеніе только и могло хранить память объ Аркадіи, какъ о лицѣ для него дорогомъ, съ которымъ оно связано кровными и нравственными узами. Къ этому своему заступнику и чудотворцу и до сихъ поръ идутъ Вязьмичи на богомолье въ г. Торжокъ, иначе трудно объяснить, почему Вязьма не знаетъ другой святой, чтимой въ томъ же г. Торжкѣ, Іуліаніи княгини Вяземской. Память о ней не сохранилась въ г. Вязьмѣ, св. Іуліанія здѣсь совсѣмъ не извѣстна.

Нѣтъ, кажется, основанія въ раздѣленіи Аркадія Вяземскаго и Новоторжскаго и въ томъ, что на той иконѣ, изъ за которой была вышеназванная борьба архимандрита Питирима, Аркадій написанъ былъ подобіемъ «мужа млада, на главѣ власы клокаты, на правой рукѣ древо съ вѣтвями—подобіемъ сосны, одежда зелена по колѣни, ноги голы [2])», а въ иконописномъ подлинникѣ подъ 13 дек. сказано, что

---

[1]) Древнерусскія житія святыхъ В. Ключевскаго, Москва 1877 г., стр. 335. Въ предисл. въ книгѣ «Святая Русь» архим. Леонидъ говоритъ «изъ семисотъ девяноста пяти именъ, упоминаемыхъ въ настоящей книгѣ святыхъ и подвижниковъ благочестія (до XVIII в.), имѣются житія не болѣе двухсотъ именъ святыхъ, писанныхъ же до 1550 г. не болѣе семидесяти пяти».

[2]) Если другая икона находилась въ Вяземскомъ соборѣ, то не изъ-за этого ли была и борьба архимандрита Питирима, т. е. изъ-за разницы въ ихъ письмѣ.

Аркадій Новоторжскій пишется: «подобіемъ младъ, аки Галактіонъ, въ схимѣ, ризы преподобническія [1])»; нѣтъ, мы говоримъ, въ этомъ основанія видѣть въ Аркадіи Вяземскомъ и Аркадіи Новоторжскомъ двухъ разныхъ лицъ уже потому, во-первыхъ, что подлинники имѣли вспомогательное значеніе, давая лишь нѣкоторыя указанія, иногда весьма общія и неопредѣленныя, иконописцу [2]), во-вторыхъ, въ томъ и другомъ случаѣ на иконахъ Аркадій написанъ былъ «подобіемъ мужа млада» и «подобіемъ младъ», а это указываетъ опять таки въ пользу того мнѣнія, что Аркадій Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ одно лицо.

И. П. Виноградовъ.

---

[1]) Филимонова, стр. 41.

[2]) Значеніе иконописнаго подлинника въ современн. церковн. живописи. Рефератъ читанный въ засѣд. церков.-археолог. отдѣл. при общ. люб. духов. просв. А. И. Успенскимъ, стр. 3.

Свѣдѣнія о ракѣ для храненія мощей св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича, устроенной архіепископомъ Лаврентіемъ въ 1655 году.

Одною изъ драгоцѣнныхъ древностей Тверского каѳедральнаго собора является рака для храненія св. мощей благовѣрнаго князя Михаила, устроенная архіепископомъ Лаврентіемъ въ 1655 году. Эта рака находится въ настоящее время у южной стѣны собора около иконостаса придѣльнаго соборнаго храма въ честь Введенія Божіей Матери.

Она состоитъ изъ трехъ частей: простого деревяннаго гроба, въ которомъ до послѣдняго времени покоились блаженные останки благовѣрнаго князя, въ собственномъ смыслѣ раки, въ которую былъ вложенъ гробъ, и серебрянаго позлащеннаго оклада. Наше описаніе мы начнемъ съ послѣдняго.

Серебряный окладъ былъ сдѣланъ на раку въ 1747 году архіепископомъ Митрофаномъ Слотвинскимъ на подаянія доброхотныхъ дателей и непосредственно примыкаетъ къ ней. На всѣхъ четырехъ сторонахъ оклада находится 16 клеймъ съ слѣдующими на нихъ надписями и изображеніями чудесъ благовѣрнаго князя: 1) На лѣвой сторонѣ раки въ центральномъ клеймѣ вырѣзана надпись: «Сія рака построена при державѣ благочестивѣйшія великія государыни нашей императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, при наслѣдникѣ ея, внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Петрѣ Феодоровичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, престолоправящу святѣйшаго правительствующаго синода члену, преосвященному Митрофану, архіепископу Тверскому и Кашинскому, подаяніемъ доброхотныхъ дателей отъ сотворенія міра въ 7256 году, а отъ Рождества Христова въ 1748 году. Вѣсомъ въ ней серебра одинъ пудъ двадцать семь фунтовъ».

---

[1]) Надпись эта, какъ видимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: ибо при архіепископѣ Митрофанѣ была устроена не рака, а только окладъ на нее, состоящій изъ листового чеканнаго вызолоченнаго серебра.

На этой же сторонѣ въ шести клеймахъ, расположенныхъ по бокамъ центральнаго клейма, находятся слѣдующія изображенія съ надписями: а) Приведеніе на судъ святаго связанна; б) возложеніе клады на выю его: в) заколеніе св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича; г) надъ тѣломъ благовѣрнаго видѣны два облака свѣтлыя и е) принесеніе мощей изъ Москвы благовѣрнаго Михаила Ярославича, Тверского чудотворца.

На правой сторонѣ въ центральномъ клеймѣ вырѣзаны слова: «Сей святый благовѣрный великій князь Михаилъ Ярославичъ, Тверской чудотворецъ, за вѣру во Христа пострада отъ нечестиваго татарскаго Азбяка царя въ ордѣ, по наважденію проклятаго сыроядца князева Кавгадыя за рѣкою Теркою подъ градомъ Тетяневымъ на рѣкѣ на Сѣвенцѣ, минувше вся грады черкасскія близъ вратъ желѣзныхъ, отъ сотворенія міра въ 6827-мъ, а отъ Рождества Христова 1319-мъ году м-ца ноемврія въ 22 день въ среду въ 7 часу вечера. Понеже тогда, попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши, россійстіи князи были подъ властію ордынскихъ царей. Сего сыроядца Кавгадыя, пришедшаго во градъ Тверь съ великою силою татарскою, благовѣрный князь прежде заколенія своего славно побѣдилъ и въ полонъ ево въ Тверь взялъ и, не сотворя ему никакого зла, но еще чествовавъ и много одаривъ, во свояси отпустилъ».

Въ другихъ шести клеймахъ на правой сторонѣ находятся изображенія: а) погребеніе св. благовѣрнаго князя Михаила, Тверского чудотворца; б) исцѣленіе отъ мощей благовѣрнаго древодѣла Назарія отъ усохшей руки; в) исцѣленіе Даніила Мельницына; г) исцѣленіе болѣзненной жены Акилины; д) по обрѣтеніи мощей благовѣрнаго видѣнъ надъ градомъ столбъ огненный и е) обрѣтеніе мощей благовѣрнаго князя Михаила.

Въ головномъ клеймѣ раки вычеканено изображеніе князя-мученика съ надписью: «Святый благовѣрный князь Михаилъ молится Господу о спасеніи града Твери и о людяхъ», а въ клеймѣ, находящемся въ подножіи раки, изображены: въ центрѣ великокняжеская корона на стулѣ, окруженная снизу барабанами и воинскими доспѣхами, а сверху—браннымъ оружіемъ и знаменами. Сюжетъ для этого послѣдняго изображенія заимствованъ, очевидно, изъ слѣдующихъ словъ тропаря благовѣрному князю Михаилу: «тлѣнную славу земную оставилъ еси, блаженне»...

Самою замѣчательною и драгоцѣнною въ археологическомъ отношеніи является вторая часть гробницы благовѣрнаго князя Михаила Ярославича, въ собственномъ смыслѣ рака. Исторія устройства ея изложена въ «Словѣ о преложеніи честныхъ мощей блаженнаго вел. князя Михаила Ярославича, Тверского чудотворца» въ 1655 году, открытомъ членомъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи В. И. Колосовымъ. Въ 1655 году, какъ извѣстно, Россію посѣтило страшное моровое повѣтріе, извѣстное подъ именемъ «черной смерти». Подъ вліяніемъ народнаго бѣдствія, у святителя Тверского Лаврентія явилась благочестивая мысль, «яко да преложатся мощи великаго князя Михаила изъ древнія каменныя раки въ новоустроенную раку..., зане яко древній гробъ блаженнаго бѣ камененъ, и честныя мощи его въ немъ неоткровенны, и отъ многихъ лѣтъ обветшалъ и неустроенъ». Составивъ соборъ изъ священно-архимандритовъ, игуменовъ, іереевъ, дьяконовъ, святитель объявилъ имъ о своемъ намѣреніи, совершилъ соборнѣ молитву и всѣмъ жителямъ предписалъ строгій семидневный постъ. Въ то же время онъ «повелѣ устроити древяну раку и украсити внутрь и извну велелѣпнѣ, якоже достоитъ». Когда все было приготовлено къ переложенію святыхъ мощей, архіепископъ Лаврентій 30 сентября 1655 года, при многочисленномъ собраніи духовенства и народа, совершилъ вечернее и утреннее славословіе «всесильному въ пребожественныхъ тріехъ Ѵпостасѣхъ славимому Богу и Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святымъ», и затѣмъ, послѣ божественной литургіи, открылъ гробъ святого «со искуснѣйшимъ игуменомъ и икономомъ соборныя церкви». И обрѣтоша въ немъ честныя его мощи нетлѣнны. И тако убо преложиша честныя и многоцѣлебныя тѣ мощи отъ древнія каменныя въ новоустроенную древяну раку, якоже бѣ прежде.... и поставиша святую его раку со многоцѣлебными мощами на прежнемъ его мѣстѣ, на лѣвой сторонѣ въ церкви его.

Выраженіе слова о томъ, что святитель Лаврентій «повелѣ древяну раку украсити внутрь и извну велелѣпнѣ», дало мнѣ мысль, что всѣ украшенія устроенной имъ раки, о которыхъ съ такимъ восторгомъ отзывается составитель «Слова о преложеніи честныхъ мощей», находятся подъ окладомъ. Такъ, дѣйствительно, и оказалось. По произведенному мною осмотру, послѣ переложенія мощей благовѣрнаго князя 23 іюня 1902 года, украшенія эти состояли въ слѣдующемъ: внутри рака обита цвѣтною бархатною по золотому фону парчею, а со внѣ по краямъ высеребрена на левкасѣ; всѣ внѣшнія стороны ея вы-

крашены бѣлою масляною краскою. Мнѣ удалось снять одно только клеймо оклада на лѣвой сторонѣ раки, и подъ нимъ я увидѣлъ живописное символическое изображеніе тлѣнной земной славы, сдѣланное въ формѣ клейма съ тѣми же украшеніями вверху и внизу, но съ пустымъ пространствомъ по срединѣ. Нужно думать, что на этой ракѣ находятся живописныя изображенія и тѣхъ страдальческихъ подвиговъ св. благовѣрнаго князя и чудесъ отъ св. мощей его, которыя впослѣдствіи перенесены были на серебряный окладъ, съ инымъ только расположеніемъ ихъ и нѣкоторыми дополненіями. По крайней мѣрѣ, символическое изображеніе тлѣнной земной славы, помѣщенное архіепископомъ Лаврентіемъ въ центрѣ лѣвой стороны раки, преосвященный Митрофанъ перенесъ въ подножіе и дополнилъ изображеніе постановкою въ центрѣ клейма стула и на немъ великокняжеской короны. Это перемѣщеніе и дополненіе сдѣлано преосвященнымъ Митрофаномъ, чтобы рельефнѣе оттѣнить мысль, выраженную въ этомъ изображеніи.

Третья часть раки—гробъ, въ которомъ лежали останки благовѣрнаго князя Михаила, не представляетъ ничего особеннаго. Это простой досчатый дубовый гробъ, но въ высшей степени хорошо отруганный и какъ бы отполированный. Никакихъ украшеній ни на немъ, ни въ немъ не имѣется.

Въ заключеніе сообщенія скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ каменнаго гроба, изъ котораго въ 1655 году были переложены св. мощи благовѣрнаго князя. Гробъ этотъ до 1689 года, какъ драгоцѣнная святыня, хранился въ соборѣ. На время постройки новаго, донынѣ существующаго собора, при архіепископѣ Сергіи, какъ святыя мощи въ новой ракѣ, такъ и каменный гробъ были перенесены въ ближайшую тогда къ собору церковь Происхожденія честныхъ древъ Креста, гдѣ древній гробъ и остался. Но въ 1736 году, во время пожара, церковь эта сгорѣла, а коменный гробъ отъ сильнаго жара распался, и только обломки его нѣкоторое время сохранялись въ каѳедральномъ соборѣ.

Прот. Н. А. Криницкій.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ОТДѢЛУ

Областная исторія. Памятники церковной старины.

А.

Аввакумовъ Трофимъ 65.
Авдій 155.
Авраамій архим. 36.
Агѣевъ В. подъячій 60.
Азбякъ царь 162.
Академія Наукъ 32, 33.
Академія Художествъ 17.
Акилина 162.
Александрія г. 13.
Александръ I имп. 4.
Александръ, еп. Вятскій 36, 37.
Александръ Мих. кн. Тверской 87, 109, 112.
Александръ Свирскій чуд. 118.
Алексіевъ Евдокимъ свящ. 75.
Алексѣй Мих. царь 38, 40, 83, 85, 88, 89, 90, 104, 106, 107, 115, 116, 118, 119, 144.
Альта р. 156.
Анастасія княжна Смоленская 55.
Андрей архим. 153.
Андрей Кессарійскій 148.
Андрей Боголюбскій кн. 155.
Андрей подъячій 37.
Андроньевъ м-рь 83, 116, 118.
Анна Кашинская кн. 81—92, 96—125, 155.
Анна Кашинская (икона) 124.
Анна кр. 93, 122, 123.
Антоній, ученикъ преп. Герасима 153, 154.
Арефьевъ И. Ф. твер. иконопис. 2—4, 6, 7, 9, 10, 11, 17.
Арефьевъ П. Т. твер. иконопис. 5.
Аркадій Болдинскій 152, 153, 154, 155.
Аркадій Дорогобуж. чуд. 152, 154, 155.
Аркадій Вяземскій и Новотор преп. 151, 152, 154—160.
Аркадій Вязников. чуд. 153, 154.
Аркадій Новоторж. св. 151, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 160.
Арсеній архіеп. твер. 67, 79.
Архангельскій Москов. соб. 38, 58.
Археологическій институтъ 47, 52.
Арцыбашевъ 57.
Аскоченскій 23, 24.
Аѳанасій патр. Царегр. 147.

Б.

Бакунинъ Твер. губ. 5.
Барсуковъ 152, 153, 154, 155.
Беклемишевъ Гр. Ал. 60.
Бѣжецкій м-рь 124.
Благовѣщенскій Бѣжецк. м-рь 78, 80.
Блохинъ А. М. стольникъ 123.
Блудовъ М. посад. чел. 158.
Бобриковъ Аѳ. иконопис. твер. 17.
Бобыкинъ Ст. Мих. тв. иконопис. 5.
Богомоловъ В. Г. тв. иконопис. 9, 10,
Богословскій приходъ 56, 65, 69, 74, 76, 78, 79.
Болдино 163.

Борзенева д. 95, 118, 123.
Борисоглѣбскій соборъ 127, 136.
Борисоглѣбскъ г. 135.
Борисъ кн. 156.
Боровицкій м-рь 69.
Бояшевъ Г. Ѳ. стольникъ 123.
Бренево пустынь 47, 48, 54.
Бубновъ Вас. площадн подъячій 157.
Бухарева А. С. 29.
Бухарева Марѳа 19.
Бухаревъ А. М. 19—21, 26—28.
Бухаревъ М. діаконъ 19, 20
Бѣжецкій Верхъ 48, 52, 53, 55, 56, 59, 61, 65, 66, 71, 72, 76, 77.
Бѣжецкій у. 45, 47.
Бѣжецкъ г. 48, 55. 57, 58, 60, 66, 67. 71, 76, 77, 78.
Бѣлая Троица ц-вь Твери 15.
Бѣлюстинъ 60.

В.

Ванъ д'Эйкъ Губертъ 49.
Ванъ д'Эйкъ Янъ 49.
Варлаамъ митр. ростов. 84, 91, 119.
Варлаамъ старецъ 87, 89—91, 97, 98, 100, 103, 106—108, 113, 117—119. 124, 125.
Варсанофій архим. 89, 110, 116.
Варсанофій митр. Сарскій 110.
Варсанофій учен. пр. Герасима 153.
Василій I. свящ. 61, 75.
Василій Мих. кн. твер. 87, 99, 103, 109, 112, 113.
Василій попъ 83, 85, 89, 90, 97, 98, 100. 103. 106, 113, 116, 117, 124, 125.
Василій С. свящ. 75.
Василій Темный в. к. 55.
Васильевъ С. дьячекъ 74.
Васнецовъ худож. 131.
Введенскій Бѣжецк. м-рь 60, 78.
Великіе Луки г. 60, 65.
Ветлицкій С. подъячій 77.
Византія 1, 131.
Викулинъ куп. 63.
Виноградовъ И. А. 81.
Виноградовъ И. П. 155, 156, 160.
Виталій еп. 25.
Владимірская твер. ц-вь 8, 17.
Владиміръ св. 143.
Владиславлевъ В. Ѳ. прот. 10.
Владиславлевъ М. И. 34.
Воздвиженскій Бѣжецкій м-рь 78.
Вознесенская твер. ц-вь 8, 12, 16.
Воиновъ бѣжец. лѣтопис. 55, 57, 60, 65.
Волга р. 4, 6, 9, 10.
Вологда г. 127.
Волынскій кн. 155.
Воскресенская, чтона Дебри, ц-вь 128.
Воскресенскій кашин. соб. 84, 85, 97, 116, 119—124.
Выговская пустынь 150.
Вышневолоцкій у. 53.
В. Волочекъ г. 53.
Вяземскій Аркадіевъ м-рь 152, 154, 155, 156, 157.
Вяземскій Предтечевъ м-рь 153, 157, 158.
Вяземскій соборъ 158, 159.
Вязники г. 151, 154.
Вязниковскій у. 154.
Вязьма г. 151, 159.
Вязьма урочище 156.

Г.

Гавреневъ И. дум. дворян. 83, 118.
Гаврiилъ архим. калязин. 107, 108.
Галакціонъ св. 160.
Галичъ г. 58.
Георгій кн. 156.
Георгій Побѣдон. бѣжецк. ц-вь 65.

Герасимъ пономарь 81—83, 87, 89, 90, 100, 114, 117.
Герасимъ преп. Болдинскій 152, 153, 154.
Германъ патр. 130.
Глазковскій-Гурьевъ А. И. иконоп. 12, 13, 15.
Глазковскій И. П. иконопис. 12, 15.
Гнѣвашевъ Я. подъячій 59, 66 76.
Голубинскій проф. 98, 107, 108, 156.
Городецъ г. 77, 95.
Горушкинъ Н. М. иконопис. 17.
Грековъ Г. 59, 66.
Гречулевичъ (еп. Виталій) 25.
Григорій еп. твер. 11, 62.
Григорій митр. 20, 22.
Григорьевъ Ф. кр. 96, 97, 124.
Грудцынъ Савва 135.
Губинъ Уголъ с. 18.
Гурьевъ С. И. иконопис. 15, 17.
Гурьевъ Ѳ. свящ. 61, 75.

Д.

Давыдовъ Андрюшка кр. 93, 122.
Давыдъ кр. 122.
Даниловъ м-рь 83, 116, 118.
Делекторскій проф. 31.
Денисовъ Андрей 150.
Десятильня д. 78, 79, 80.
Дешевой С. Е. иконопис. 18.
Димитрій архіеп. 151. 156.
Димитрій Бор. кн. ростов. 86, 111.
Димитрій Донской в. к. 55.
Димитрій Мих. кн. Твер. 86, 87, 99, 109, 111, 112.
Димитрій св. 144.
Димитрій Юрьевичъ Красный кн. Бѣжецк. 55, 57, 58, 66, 67, 70, 71.
Діонисій митр. 156.
Дмитровскій Кашин. м-рь 121.
Дмитровскій проф. 39.
Дмитровскій у. 96, 124.
Добролюбовъ писат. 24.
Добрынская пустынь 69.
Долгово-Сабуровъ В. А. стольн. 76.
Дорогобужскій Болдинскій м-рь 152, 153.
Дорогобужъ г. 151, 153.
Дроздовъ учен. 32.
Дрюцково с. 65.
Дубовицкій, президент. Мед. Акад. 25.
Дѣтновскій иноземецъ 82.

Е.

Евдокія 93.
Евфимій старецъ 157.
Египетъ 13, 137.
Единовѣрческая ц-вь твер. 9.
Едрово с. 17.
Екатерина Алексѣевна в. кн. 161.
Екатерина II имп. 3.
Екатерины муч. м-вь твер. 3, 4, 7, 11, 15, 16, 17.
Ефремъ св. Новоторж. 151, 152, 155, 156, 157, 158, 159.
Ефросимъ Псков. прен. 98.
Елизавета Петровна имп. 164.

Ж.

Ждановъ кашин. куп. 12.
Женъ Мироносицъ ц-вь твер. 4, 9.

З.

Забѣлинъ 137.
Зазыкинъ М. И. куп. 11.
Звѣринскій 53, 53.
Земцовъ А. діак. 157.
Злобинъ Макарій 107, 108.
Знаменскій проф. 19.
Зубчаниновъ Н. И. (Чистяковъ) твер. иконопис. 17.

И.

Ивановъ Герасимъ свящ. 75.
Ивановъ И. подъячій 60, 61.
Ивановъ Калинка кр. 95, 123.
Ивановъ Петрушка дьячокъ 95, 96, 123.
Ивановъ Тихонъ 93.
Игнатій старецъ 85, 120.
Иліи пр. ц-вь твер. 7, 12.
Иліи пр ц-вь ярославск. 130, 133, 135, 136, 137.
Ильинскій П. А. 27, 30.
Импер. Публ. Библ. 40, 83, 89, 92—97, 101, 110.
Импер. Археол. Общ. 33.
Инвалидная слоб. (штабъ) 79.
Исаевская ц-вь твер. 7, 11, 15, 17.
Исакіевскій соб. 5, 23.

І.

Іванъ попъ 96, 123—125.
Іерусалимъ г. 146.
Іоакимовъ Г. 146.
Іоакимъ 132.
Іоакимъ патр. 38—44, 88, 89, 98, 102, 107, 110, 114, 116, 152, 155, 156.
Іоанновъ М. свящ. 73, 74.
Іоанно Богосл. ц-вь кашин. 11.
Іоаннъ Грозный царь 72.
Іоаннъ игум. 83, 117, 118.
Іоанна Предтечи ц-вь твер. 4.
Іоанна Предтечи ц-вь въ Толчковѣ 130, 132, 135.
Іоанновъ Андрей свящ. 67, 75.
Іоасафъ патр. моск. 39, 115, 116, 144.
Іовлевъ А. діак. 76.
Іовъ игум. 36
Іовъ митр. новгор. 60, 61.
Іона архіеп. твер. 83, 92, 99, 118, 121.
Іосифовъ Волоколам. м-рь 40, 44.
Іосифъ архіеп. 42.
Іосифъ митр. казан. 110.
Іосифъ строит. Юхнов. м-ря 158.
Іуліанія кн. Вяземская 159.

К.

Кавгадый 162.
Кавказъ 9.
казаки. 77.
Казан. духов. акад. 22, 26.
Казанскій соб. петерб. 25, 31.
Калинка кр. 118.
Калязинъ м-рь 107, 108.
Карамзинъ 57.
Кашина р. 81.
Кашинъ г. 11, 81—86, 89—91, 93—97, 99, 101—105, 107—113, 116—124.
Кипріанъ еп. 65.
Кіевъ г. 158.
Ключевскій В. 159
Кожевниковъ Г. Л. тв. иковопис. 5.
Колосовъ В. И. 44, 126, 163.
Константинъ Мих. кн. Твер. 86, 87, 99, 111, 112.
Кончинка д. 79.
Корсакова помѣщица 79.
Корчевской у. 19.
Коршуновъ С. Н. иконопис. 3, 5.
Кострома г. 127.
Красная Горка 56.
Красное с. 120.
Криницкій Н. А. прот. 164.
Крутцы 158.
Культепинъ В. И. тв. иконопис. 13.
Кункинъ І. Я. 11.
Курбскій кн. 134.
Курковъ А. Ф. тв. иконопис. 4.
Курская губ. 10.

Л.

Лаврентій архіеп. 161, 163, 164.
Ладога г. 77.
Ладогинъ Ю. посад. 60.
Лазаревскій инст. вост. язык. 33.
Лазаревъ І. свящ. 89, 110, 116.
Лебедевъ прот. 25.
Леонидъ архим. 151, 153, 154, 155, 156, 159.
Леонидъ архіеп. 35, 40, 44.
Леонтьевъ П. свящ. 75.
Лисицкій Новгород. м-рь 40.
Лисовскій 81.
Литва 57, 65, 76, 82, 156.
Литовцы 87.
Лихвинъ г. 89, 116.
Ловягинъ Е. И. 21, 31.
Лодій П. Д. 32.
Ляпуновъ 81.

М.

Макарій игум. Болдин. м-ря 153.
Макарій митр. 39.
Макарій патр. антіох. 115.
Макарьевская слоб. 78.
Максимъ Грекъ 134, 143, 147.
Маламаховъ Ѳ. С. 92, 93.
Мальковскій В. Н. 54.
Марья Ильинична царица 39, 84, 90, 119.
Марья 59.
Масловъ П. поном. 74.
Матвѣй 23, 24.
Медвѣжая пустынь 124.
Медицин. Акад. 22, 25.
Мельницинъ Даніилъ 162.
Мещерскій кн. 53.
Мизинцева Матрена 94, 122, 123.
Мизинцевъ Л. кр. 94.
Микифоровъ Мишка кр. 96, 124.
Мироновъ Потапъ подъячій 157.
Митрофановъ Б. 92, 121.
Митрофанъ(Слотвинскій)еп. 161, 164.
Михайловъ О. свящ. 61.
Михайловъ Ѳедоръ подъячій 157.
Михаилъ Александр. кн. Твер. 109.
Михаилъ Яросл. кн. Твер. 85—87, 102, 103, 108, 109, 111, 120, 159, 161—163.
Михаилъ Ѳедоровичъ царь 59, 83, 118.
Мокѣй свящ. 75.
Молога р. 47, 53, 56, 65, 69, 79.
Москва г. 2, 5, 7, 37—39, 42, 58, 72, 83, 85, 87, 98, 100—102, 110, 111, 113, 115, 118, 120, 162.
Москва р. 117.
Москов. дух. акад. 21.
Муха Семенъ площадн. подъячій 157.

Н.

Надеждинъ 32.
Назарій древодѣлъ 162.
Назарьева Акилина 91, 92, 121.
Наумовъ И. попъ 85, 97, 116, 119, 120, 124.
Неволинъ проф. 33.
Неворотинъ И. А. куп. 64.
Неворотинъ П. 77.
Некрасовъ В. И. свящ. 18.
Никита попъ 36—38, 44.
Никифоръ 85, 86, 91, 102, 103, 105, 107, 114, 116, 119.
Никодимъ 85.
Никодимъ чернецъ 50, 120.
Никола Лапоть м-рь 53.
Николая Гастунскаго ц-вь 89, 116.
Никола Лаптевъ (икона) 15, 47, 49.
Никола на Бреневѣ (икона) 45, 47, 49.
Николая чуд. ц-вь Городецкая 95.

Николая чуд. ц-вь Кашинская 123.
Николо-Дворищенскій соборъ 53.
Никольское с. 53.
Никонъ патріархъ 35—37, 44, 88, 104, 114, 143, 145, 147.
Новгородъ г. 2, 12, 13, 16, 17, 42, 53, 129.
Новоторжскій Борисогл. м-рь 151, 156.
Новъ Градъ 65.
Ножевниковъ Г. Л. иконоп. 3.
Нѣмчиновъ В. И. иконоп. 13.
Нюренбергъ г. 33.

О.

Обросимъ Іевлевъ діак. 57, 58, 77.
Одоевскій Н. И. кн. 120.
Олферовъ Митрошка кр. 95, 123.
Онуфріевъ Л. свящ. 67, 75.
Орда 86, 111.
Орлова Чесменская гр. 12, 13.
Оршинъ монастырь 17.
Осиповъ Давыдъ кр. 93.
Острожскій В. кн. 144.
Офросинья 95, 123.

П.

Павелъ архим. Чудова м-ря 41, 99, 101, 110, 111.
Павелъ еп. Колом. 145.
Павлиновъ 129.
Павскій проф. 31.
Паисій константинопольскій 146.
Паисій митр. 39.
Паисій патр. Александрійскій 115.
Палисадовъ свящ. 34.
Пальминъ проф. 32.
Пановъ А. В. твер. иконоп. 3.
Пановъ В. И. твер. иконоп. 3.
Пановъ И. И. твер. иконоп. 3, 4.
Параскевы вел. ц-вь кашин. 116.
Парфеньевъ Герасимъ дьякъ 108.
Педагогическій институт. 24.
Первухина А. М. 68, 69.
Первухинъ А. И. куп. 67.
Первухинъ И. 67.
Первухинъ Н. Г. 138.
Петербург. дух. акад. 21, 31.
Петербург. универ. 32, 33, 34.
Петербургъ г. 2, 5, 8—10, 22, 24–26.
Петровыхъ Д. приказный 37.
Петровъ М. твер. иконоп. 5.
Петръ I имп. 57, 58, 76, 141.
Петръ Дамаскинъ 147.
Петръ митр. 147.
Петръ протопопъ 125.
Петръ Ѳедоровичъ в. к. 161.
Питиримъ архим. 157, 158, 159.
Питиримъ патр. 39.
Платоновъ С. Ѳ. проф. 81.
Плюшаръ 32.
Поволжье 128.
Погодинъ 19, 83, 101, 154, 155.
Погребова Евдокѣя 122.
Подшиваловъ П. М. 9, 10.
Покровскій Н. В. проф. 52, 127, 130.
поляки 57, 76.
Польша 156.
Пономаревъ В. И. куп. 64.
Поповъ Н. 55, 57, 59, 60, 65.
Поповъ С. Л. куп. 68.
Посонско-Покровское с. 53.
Постниковъ І. свящ. 80.
Прохоровъ А. И. иконоп. 16, 17.
Псковъ г. 112.
Пыпинъ 134.
Пѣшехоновы тверскіе иконописцы: А. С.—8, 9; В. М.—9; И. С.—8, 9; М. С.—8, 9, 10; Н. М.—9; С. Ѳ.—7, 8, 10, 12; Ѳ. М.—9.

Р.

Радышевская А. С. двор. 27.
Ратакановъ М. Л. тв. иконоп. 5, 6.
Ратшинъ 52.
Ровинскій 49.
Романовъ г. 127.
Россія 1, 13, 32, 36, 105, 143, 145, 156.
Ростовъ г. 28, 127.
Русь 52, 53, 79.
Рыбинское с. 45, 47, 48, 52, 53.

С.

Савеловъ воевода суздальскій 44.
Садовниковъ Е. В. тв. иконоп. 16,17.
Сапѣга 81.
Святославъ Ольг. кн. Новгор. 53.
Селивановъ А. Ѳ. 34.
Серафимъ архіеп. тв. 4.
Сергій архіеп. 151, 152, 154, 155, 164.
Сергій ученикъ преп. Герасима 153.
Сибирь 36.
Сидонскій Ѳ. Ѳ. прот. 31—34.
Сильвестръ архіеп. 83, 89, 90, 100. 104, 105, 113, 117, 118, 119.
Сименъ кашинецъ 116.
Симеоновъ М. свящ. 75.
Симеонъ архіеп. тв. 89, 97, 98, 99, 107, 110, 113, 116, 124—126.
Симеонъ игум. ученикъ преп. Герасима 153.
Сипягинъ 31.
Скверовы Луки 153.
Скверолуцкій монастырь 153.
Скворцовъ Д. И. 150.
Скобѣева Анна 119.
Скобѣевъ П. кашин. староста 119.
Скотинъ В. Ф. 8, 10.
Славенецкій Епиф. 84, 86.
Слезкинскій А. 13.
Слѣпниха пустошь 47, 52.
Смоленскій край 152.
Соловецкій м-рь 85, 102, 114, 116, 119, 120.
Соловьевъ 81.
Софіинъ тв. м-рь 102, 103, 109, 112.
Софія св. Новгород. 132.
Спасскій Нижній м-рь 158.
Спиридонъ старецъ 157.
Спировскій Г. Д. свящ. 62, 64, 75.
Срѣтенскій Кашин. м-рь 94, 122.
Степановъ Никитка кр. 121.
Степановъ Петрунка кр. 92, 121.
Степановъ Ѳедка 121.
Стефанъ архіеп. сузд. 33, 36—44, 110.
Столпенскій м-рь 69.
Строевъ 40, 52.
Стромиловъ 154.
Стрѣшневъ В. И. бояр. 83, 118.
Суздаль г. 37, 38.
Сулешевъ Г. Я. бояр. 65, 66, 67.
Сусленковъ В. А. куп. 64.
Сухановъ А. 146.
Сухаревъ М. Е. иконоп. 5, 9—12.
Сухаревъ М. М. иконоп. 10, 11, 12.
Сухаревъ С. М. иконоп. 10.
Сухоруково С. О. посад. 85, 116, 119, 120.
Сѣвенца р. 158.
Сумеонъ архіеп. сибир. 111.

Т.

Тавлеевъ 4, 6.
Татаринова Анна 91, 120, 121.
Татаринова П. 91, 120, 121.
Татариновъ А. 120, 121.
Татариновъ Д. А. 91, 120.

татары 76.
Тверская губ. 10, 11, 45.
Тверская епархія 53.
Тверская семинарія 20, 31, 139.
Тверское княж. 112.
Тверской Археол. Съѣздъ 139.
Тверской дворецъ 5.
Тверской Музей 92—97, 99, 132.
Тверской соборъ 161.
Тверской у. 53, 118, 123.
Тверца р. 7, 10, 12, 17.
Тверь г. 1—3, 5, 7—12, 15—17, 21, 27, 53, 81, 86, 87, 99, 102, 109, 137, 159, 162.
Тельцово д. 47, 49, 52, 53, 54.
Теребенская пустынь 69.
Терка р. 162.
Терликовъ куп. 12.
Тетяневъ г. 162.
Тимофеевъ С. свящ. 75.
Титовъ И. свящ. 75.
Тихановъ Гришка кр. 93, 122.
Тихвинъ г. 77.
Тихонъ кр. 122.
Тихонравовъ Н. С. 158.
Токарева д. 96, 124.
Токаревъ М. Г. иконоп. 8, 10.
Толстой гр. М. 152.
Толчковъ г. 130.
Томиловъ Е. свящ. 59.
Торжокъ г. 152, 158, 159.
Трехсвятское 20.
Три Исповѣдника ц-вь Твер. 6, 15.
Троицкая ц-вь бѣжецк. 65, 68, 69, 70, 75
Троицкая ц-вь кашин. 11.
Троицкая ц-вь твер. 7, 9, 10.
Троицкій В. И. свящ. 6.
Троицкій М. М. 32.
Троицкій С. С. діаконъ 73, 74.
Троицкій Сергіевъ м-рь 42, 84, 122.
Труневъ почт. чин. 17.
Тушинъ 81.
Тферь г. 86, 103, 111, 112.
Тьмака р. 5
Тютчевъ дворян. 82.
Тяжеловъ свящ. 64, 71, 75.

У.

Углицкій у. 120.
Ундольскій 101.
Усовъ М. И. иконоп. 13.
Успенская ц-вь кашин. 11, 116—121, 123—125.
Успенскій 109, 160.

Ф.

Фатежъ Курск. губ. 10.
Федоровъ В. свящ. 74.
Филаретъ митр. 21, 65, 154.
Филимоновъ 160.
Филиппъ митр. 85, 114, 120.
Филиппъ Фед. свящ. 59, 74.
Филоѳей архіеп. тв. 22. 59.
Фишеръ проф. 32.
Фландрія 49.
Флоровское с. 93.
Фотій арх. 12—14.

Х.

Харитоново с. 123.
Харичковъ куп. 10.
Хвостовъ помѣщ. В.-Волоц. 5.
Храмъ Христа Спас. 5.

Ц.

Царьградъ г. 145.
Целепи 109.

Ч.

Черкасскій Г. С. кн. 124.
Черкасскій Д. Г. кн. 91, 96, 120, 121.

Черкашенинъ Ѳ. 121.
Черновъ куп. 56.
Черное море 9.
Чистяковъ И. Н. иконоп. 13, 17.
Чудовъ м-рь 38.

Ш.

Шелепиха пустошь 47.
Шишкинъ И. посад. 60, 61.
Шульце 32.

Ю.

Юрій Даниловичъ кн. 111.
Юрій Дим. кн. Звенигород. 55.
Юрьевъ м-рь Новгород. 12, 69.
Юхново 159.
Юхновскій м-рь 158.

Я.

Языковъ М. воевода 59, 66, 76, 77.
Яковлева Е. В. помѣщ. 20.
Ярославль г 127, 128, 133, 137.
Ярославскій край 127—129.

Ѳ.

Ѳедоровское с. 19.
Ѳедоровъ В. свящ. 75.
Ѳедоровъ Ѳ. свящ. 75.
Ѳеодоритъ блаж. 140, 147.
Ѳеодоръ архіеп. 19, 21—25, 27.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ в. кн. 101, 110, 116.
Ѳеодосія Алексѣевна царевна 157.
Ѳеофилъ 135.
Ѳирасъ старецъ 124.
Ѳлоровское с. 122.

Отдѣлы VI и VII.

АРХИВНЫЯ КОМИССІИ И АРХИВОВѢДѢНІЕ.

Оффиціальное назначеніе и научно-историческія задачи Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Мой докладъ расчитанъ былъ на однородную аудиторію членовъ и непосредственныхъ участниковъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, въ средѣ которыхъ мнѣ казалось необходимымъ поставить и въ товарищеской бесѣдѣ выяснить насущные и краеугольные вопросы желательной организаціи Комиссій. Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ отведеннаго мнѣ на съѣздѣ времени и при столь обширномъ составѣ слушателей осуществить свое намѣреніе я вижу невозможнымъ, а безъ надежды на послѣдующую бесѣду и обмѣнъ мнѣній, что невозможно за позднимъ уже временемъ и переполненіемъ всѣхъ остальныхъ дней докладами и экскурсіями, я долженъ совершенно оставить приготовленный сообразно инымъ планамъ текстъ и ограничиться изложеніемъ (почти экспромптомъ) лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ соображеній [1]).

Законоположеніе о всѣхъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ одно, но объемъ и даже задачи дѣятельности ихъ въ дѣйствительности различны. Въ этомъ нѣтъ бѣды, потому что нельзя не примѣняться къ мѣстнымъ особенностямъ и временнымъ условіямъ существованія; но нельзя не желать, чтобы главное русло и основныя правила—берега дѣйствій всѣхъ Комиссій—были одни и тѣ-же и чтобы за эти берега дѣятельность ихъ выливалась изъ главнаго русла уже по выполненіи его непрерывною струей, а не вслѣдствіе случайныхъ преградъ или инородныхъ барьеровъ. Къ этому въ настоящее время обязываетъ и то обстоятельство, что въ рѣдкой губерніи не открыто уже иныхъ, рядомъ съ Губернскою Архивною Комиссіею, просвѣтительныхъ и научныхъ обществъ, комитетовъ, кружковъ, музеевъ и т. п. Наступила, слѣдовательно, пора спеціализоваться и размежеваться.

Когда намъ скажутъ—что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно.

---

[1]) Вслѣдствіе этого заглавіе реферата моего не вполнѣ будетъ подходить къ изложенію настоящей рѣчи.

По общему смыслу «положенія», по редакціи опубликованныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ основныхъ правилъ и сообразно оффиціальному названію, Губернская Ученая Архивная Комиссія является установленіемъ правительственнымъ sui generis и призвана въ ряду ученыхъ мѣстныхъ органовъ занимать въ губерніи свое самостоятельное мѣсто, неся опредѣленныя обязанности, осуществляя присвоенныя ей права, имѣя «непремѣнное» благожелательное содѣйствіе со стороны Губернатора, ея ex officio непремѣннаго попечителя, состоя подъ руководствомъ и контролемъ единственно директора Петербургскаго Археологическаго Института и получая награды за усердіе своихъ членовъ по усмотрѣнію президента Императорской Академіи Наукъ.

Такое самостоятельное и независимое въ губерніи оффиціальное положеніе обусловливается и гармонируетъ съ тѣми обязанностями и правами, которыя присвоены Губернской Ученой Архивной Комиссіи. «На обязанности ученой Комиссіи—сказано въ правилахъ [1]), изданныхъ Мин. Вн. Дѣлъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 13 апрѣля 1984 г.—лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ Историческій Архивъ; б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей, и в) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій» (§ 5). А «для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные Историческіе Архивы» (§ 1). Впрочемъ, «Ученыя Комиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ включать въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины» (§ 7).

Этими основными положеніями вполнѣ опредѣленно обрисована роль и кругъ дѣйствій Губернской Ученой Архивной Комиссіи, а равно указана и грань соприкосновенія съ прочими правительственными учрежденіями, имѣющими архивы. Каждое правительственное мѣсто и

---

[1]) «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи», изд. Петербургскаго Археологическаго Института, т. I: Оффиціальные документы по учрежденію Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и губернскихъ Историческихъ Архивовъ.

должностное лицо, на основаніи дѣйствующихъ въ его вѣдомствѣ правилъ, ведетъ свой архивъ и періодически отбираетъ въ немъ дѣла и документы, вышедшіе изъ производства и подлежащіе уничтоженію. Эти-то дѣла и документы, по мысли создателей Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, должны подвергаться прежде уничтоженія новому пересмотру со стороны спеціальнаго органа для выдѣленія интересныхъ въ историческомъ отношеніи. Въ результатѣ этой, такъ сказать, экспертизы удаляемыхъ изъ архивовъ дѣлъ и документовъ получается раздѣленіе послѣднихъ на двѣ категоріи,—одни Ученая Архивная Комиссія отбираетъ въ Историческій Архивъ, другіе предаются уничтоженію по архивнымъ правиламъ даннаго вѣдомства. Роль и задачи даннаго архива и Ученой Архивной Комиссіи тутъ расчленены и выяснены вполнѣ. Того, что подлежитъ, по правиламъ вѣдомства, вѣчному храненію, Комиссія не касается, а выдѣленное для уничтоженія должно предъявляться ей. Если этого какой-либо архиваріусъ не исполнитъ, то, значитъ, онъ нарушаетъ волю законодателя и подвергается риску отвѣтственности.

Слѣдовало бы, конечно, объединить и согласовать архивныя правила разныхъ вѣдомствъ, нужно бы обсудить и условиться относительно порядка дѣйствій Ученыхъ Комиссій при отборѣ и подборѣ архивныхъ дѣлъ, при ихъ описаніи и размѣщеніи, дабы «они были доступны для ученыхъ занятій». Но этихъ вопросовъ я, по изложеннымъ вначалѣ причинамъ, здѣсь не коснусь. Бесѣда по этимъ предметамъ, нужно надѣяться, составитъ задачу третьяго областного историческо-археологическаго съѣзда.

Въ связи съ этими вопросами находится едва-ли не самый сложный, имѣющій уже цѣлую литературу, вопросъ объ «Историческихъ Архивахъ», который я не могу пройти молчаніемъ. Въ «положеніи» сказано: «Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы» (§ 1), а «собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніяхъ Ученую Архивную Комиссію» (§ 2). Вотъ и все. Кто же фактически осуществляетъ учрежденіе и непосредственное веденіе «Историческихъ Авхивовъ»?

Такъ какъ архивовѣдѣніе и архивоведѣніе не одно и то же, и такъ какъ Губернскимъ Архивнымъ Комиссіямъ приданъ эпитетъ «ученыя»,

то едва-ли можно сомнѣваться, что въ кругъ ихъ занятій и дѣйствій должно быть отнесено непосредственно только архивовѣдѣніе, а не архивоведѣніе. Не потому ли въ «положеніи» на нихъ возложено лишь собираніе, разборъ, составленіе описей и указателей, сообщеніе о нихъ директору Археологическаго Института, передача разобранныхъ дѣлъ въ Историческій Архивъ и установленіе тамъ порядка, обезпечивающаго удобство ученыхъ занятій, тогда какъ непосредственное веденіе Историческаго Архива, храненіе дѣлъ въ смыслѣ вѣчной цѣлости и ежедневной сохранности, выдача дѣлъ занимающимся постороннимъ лицамъ, наблюденіе за полицейскимъ, такъ сказать, и хозяйственнымъ порядкомъ прямо къ числу обязанностей Ученыхъ Архивныхъ Комиссій не отнесены. Не этимъ ли объясняется умолчаніе въ «положеніи» объ отпускѣ денежныхъ средствъ на веденіе Историческаго Архива въ распоряженіе Ученыхъ Архивныхъ Комиссій? Въ самомъ дѣлѣ въ § 8 «положенія» высказано пожеланіе (къ сожалѣнію, не осуществляемое), «чтобы расходы, необходимые на содержаніе и занятія Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, покрывались изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института», но, очевидно, здѣсь имѣются въ виду средства на матеріалы для ученой работы, а не на приглашеніе архиваріуса, наемъ сторожа и т. д. для Историческаго Архива.

Подобное умолчаніе о средствахъ для архивоведѣнія, въ связи съ отсутствіемъ штатовъ и т. д., хотя бы на подобіе губернскихъ статистическихъ комитетовъ, подсказываетъ тотъ выводъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, изложившій согласно закону 13 апрѣля 1884 года основныя правила для Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и не упомянувшій въ нихъ о средствахъ на содержаніе Историческаго Архива, расчитывалъ, вѣроятно, по представленіямъ губернаторовъ усилить составъ архиваріусовъ Губернскихъ Правленій, гдѣ это окажется необходимымъ, и озаботился обезпечить для Историческаго Архива лишь научное руководство и завѣдываніе со стороны Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Что именно при Губернскихъ Правленіяхъ должны учредиться Историческіе Архивы, по мысли «положенія», приходится вывести и изъ того, что Комиссіи возникаютъ и могутъ возникать лишь тамъ, гдѣ найдутся любители-археографы, потребность же въ созданіи Историческаго Архива назрѣла уже повсюду, потому что вездѣ должны примѣняться правила объ уничтоженіи дѣлъ, и слѣдовательно повсемѣстно существуетъ надобность имѣть центральное мѣсто, гдѣ выбранныя изъ

подлежащихъ уничтоженію дѣла должны бы храниться. Это центральное мѣсто важно имѣть независимо отъ того, будутъ ли отобраны дѣла мѣстною Ученою Архивною Комиссіею, или, за отсутствіемъ таковой, Комиссіей сосѣдней губерніи, вѣдѣнію которой поручена губернія, не имѣющая еще своей Ученой Архивной Комиссіи. Важно, чтобы отобранныя дѣла не уплывали въ другую губернію,—это вѣдь разбиваетъ ихъ, затрудняетъ изученіе, умаляетъ значеніе концентраціи.

Спѣшу оговориться. Къ такому выводу я пришелъ на основаніи анализа дѣйствующаго узаконенія и въ виду горькой дѣйствительности Ученыхъ Архивныхъ Комиссій съ ихъ матеріальной необезпеченностью. Не такое устройство архивоведенія представляется желательнымъ и цѣлесообразнымъ. Нѣтъ, Историческій Архивъ долженъ быть *внѣвѣдомственнымъ* установленіемъ, а архивоизученіе и архивоведѣніе должны быть организованы въ немъ отдѣльно, даже самостоятельно, но при непремѣнномъ условіи полной близости и непосредственнаго взаимодѣйствія между ними. Архивоведѣніе должно быть поставлено въ немъ прочно, безъ упованій на любительскій трудъ и досугъ, должно быть платное, штатное. Оно должно быть, выражаясь языкомъ простонародья, *казеннымъ*, но казеннымъ особаго рода, на автономномъ правѣ. Здѣсь вы усмотрите, конечно, и точки соприкосновенія и корень отличія защищаемыхъ мною взглядовъ съ проектомъ грандіозной архивной реформы проф. Д. Я. Самоквасова, который я нахожу слишкомъ бюрократическимъ. Съ пользою для дѣла и не безъ выгоды для родины, у которой есть насущныя нужды посерьезнѣе архивнаго дѣла, реформу можно осуществить на почвѣ Калачовскихъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, обезпечивъ лишь ихъ ежегодною субсидіею отъ казны, достаточною для оборудованія Историческаго Архива помѣщеніемъ и служебнымъ персоналомъ.

Mutatis mutandis можно было бы воспользоваться узаконеніемъ о губернскихъ статистическихъ комитетахъ, присвоивъ на подобіе имъ Губернской Ученой Архивной Комиссіи нѣкоторые права и оклады, но сохранивъ нынѣшнюю ея организацію и автономность (избраніе должностныхъ ея лицъ; губернаторъ—попечитель; руководство директора Археологическаго Института; внѣвѣдомственное положеніе помощью связи съ Академіей наукъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ устранилась бы двойственная роль Губернскаго Статистическаго Комитета, начертанная въ 607 ст. общ. учр. губ. (св. зак. т. II, ч. I.); Ученая Архивная

Комиссія стала бы вѣдать губернскія древности и мѣстную исторію, а Статистическій Комитетъ спеціализовался бы на текущемъ матеріалѣ.

Съ указаніемъ подобной постановки Губернскаго Статистическаго Комитета и Архивной Комиссіи было бы достигнуто объединеніе и концентрація вообще заботъ о сохраненіи и изученіи источниковъ и памятниковъ областной исторіи и культуры. Разрѣшился бы тогда самъ собою и вопросъ, поставленный еще на VII Всероссійскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, о единствѣ археологическихъ и историческихъ коллекцій. На ряду съ Историческими Архивами субсидируемыя Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи не замедлили бы учредить, какъ то имъ завѣщалъ покойный Н. В. Калачовъ, и Историческіе (спеціальные) Музеи, оставивъ на попеченіе Статистическаго Комитета или иного учрежденія основаніе музеевъ естествознанія, промышленности, кустарныхъ издѣлій... Получилось бы учрежденіе—Историческій Архивъ и Музей—правительственнаго типа, но безъ бюрократическаго отягощенія, куда могли бы притекать всѣ историко-научные матеріалы данной области, куда безбоязненно могли бы передаваться фамильные архивы и собранія, сдаваться дублеты изъ столичныхъ учрежденій, изготовляться копіи изъ имѣющихся въ другихъ мѣстахъ памятниковъ, грамотъ и т. п. мѣстной старины. Сюда можно бы было пріурочить спеціально-историческую библіотеку и подборъ всѣхъ изданій, вышедшихъ въ данной губерніи или касающихся ея. Созданіе подобнаго установленія въ губерніи было бы полезно (особенно при русскихъ разстояніяхъ) для всѣхъ изслѣдователей данной культуры, принужденныхъ теперь, иногда тщетно и напряженно, расходовать время и деньги на разъѣзды, переписку, переговоры для собранія искомыхъ матеріаловъ.

Развивая подобную организацію до конца, нужно желать, чтобы Историческій Архивъ, Музей и Библіотека были узаконены какъ единое и единственное въ губерніи мѣсто, куда исключительно, въ силу закона, поступали бы уники хартій, предметовъ, книгъ соотвѣтственнаго рода и даннаго района. Внѣ такого закона по прежнему будетъ продолжаться случайное распредѣленіе находокъ въ губерніи и внѣ ея, снова будутъ раздробляться впечатлѣнія изслѣдователя, мало будетъ облегченъ и не сдѣлается болѣе продуктивнымъ трудъ исчерпывающаго подбора историческаго матеріала для ученаго историка.

Да не заподозрятъ меня почтенные сочлены и благосклонные слушатели въ посягательствѣ на свободу частной инициативы... Я пред-

лагаю централизацію-монополію лишь *храненія-помѣщенія* памятниковъ-первоисточниковъ, а не дублетовъ ихъ, и отнюдь не монополію изслѣдованія, описанія, изученія, объясненія. По крайнему моему разумѣнію, нѣтъ резона радоваться существованію въ одномъ мѣстѣ двухъ учрежденій одной и той-же спеціальности, конкурирующихъ и повторяющихъ одно другое, какъ нѣтъ резона предпочитать совмѣщеніе въ одномъ и томъ же музеѣ при одномъ и томъ же хранителѣ и безъ подраздѣленія на секціи (какъ это чаще всего бываетъ въ провинціи) коллекцій всякаго рода, отъ чучела воробья и стеклянной бутылки мѣстнаго производства современнаго кустаря до рѣдкой грамоты, доисторическихъ находокъ или старопечатной книги включительно. Спеціализація музеевъ, отдѣленіе отъ историческихъ собраній предметовъ злобы дня желательны и полезны, но дубликація однихъ и тѣхъ же музеевъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Нѣтъ грѣха слить тождественныя организаціи въ одну даже и принудительно, если это подсказывается общественною пользою. Вѣдь нѣтъ же серьезныхъ возраженій противъ извѣстнаго рода монополіи Императорской Публичной библіотеки, Археологической Комиссіи и т. д. Наконецъ, не оправдываетъ-ли меня ссылка на страну общественной свободы? Вотъ что я какъ-то прочелъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (1901 г. № 72): «Въ кантонѣ Бернъ предложенъ на голосованіе народа законопроектъ о запрещеніи общинамъ и частнымъ лицамъ отчуждать предметы искусства и письменности, имѣющіе историческое или археологическое значеніе, безъ разрѣшенія бернскаго государственнаго совѣта, подъ опасеніемъ штрафа въ размѣрѣ отъ 500 до 5000 франковъ».

Не знаю, осуществимо ли будетъ нѣчто подобное у насъ, но нельзя по крайней мѣрѣ не пожелать, чтобы Губернской Ученой Архивной Комиссіи разрѣшено было по закону хотя бы изготовленіе для Историческаго Архива и Музея копій, слѣпковъ и такъ далѣе, которые могли бы замѣнить отсутствующіе оригиналы. На чемъ необходимо настаивать, это разумѣется на публичности (въ правовомъ смыслѣ) и гласности всей дѣятельности Комиссій, на ихъ внѣвѣдомственной зависимости въ научномъ отношеніи лишь отъ директора Петербургскаго Археологическаго Института и особенно на ближайшей связи ихъ съ Академіей Наукъ.

Независимость нужна Губернской Ученой Архивной Комиссіи ради того, чтобы отстаивать интересы исторической науки и родиновѣдѣнія отъ посягательства хищниковъ-коллекціонеровъ, кто подъ шумокъ и

на даровщинку всегда не прочь поживиться архивными и археологическими сокровищами въ личную и частную собственность, а съ другой стороны—отъ назойливости хламоманіаковъ, которые подобно Бобчинскому желаютъ всегда оповѣстить всему міру на выставкахъ и въ музеяхъ о своихъ мнимыхъ драгоцѣнностяхъ, прибѣгая подчасъ къ вліянію разныхъ городничихъ въ цѣляхъ провести свои экспонаты.

Въ строѣ нашихъ губернскихъ установленій сообразно задачамъ каждаго изъ нихъ одни получили большую, другія меньшую, иныя автономную независимость и организацію. Къ послѣдней категоріи ихъ отнесены и Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи. Творецъ ихъ и первый руководитель, сенаторъ Калачовъ справедливо полагалъ ученую объективность, полноту и безпристрастность, даже безстрастіе, лучшимъ залогомъ успѣшной ихъ дѣятельности, а потому и исходатайствовалъ имъ не власть, а именно независимое положеніе, устраняющее силу внушенія извнѣ и посторонняго давленія и въ то же время обезпечивающее возможность серьезной работы при полезномъ руководствѣ съ авторитетнаго мѣста. Такая постановка Комиссій достойна ихъ творца и въ высшей степени удобна. Остается ее продолжать, развивить и упрочить...

Рѣчь затянулась, а не сказано и трети того, что хотѣлось бы и нужно бы сказать. Однако пора кончить. Вѣроятно, многое я изложилъ неудачно и черезчуръ элементарно. Что дѣлать? Если свысока смотрѣть на элементарныя истины, онѣ могутъ стать забытыми словами. Вопросъ же о надлежащей постановкѣ дѣятельности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій не долженъ быть забываемъ. Прекрасное и знаменательное напоминаніе о немъ сдѣлалъ Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи Наукъ въ депешѣ по случаю юбилея Петербургскаго Археологическаго Института 15 января 1903 года: «Глубоко сознавая важность и своевременность содѣйствія, какое Археологическій Институтъ стремится оказать научному описанію мѣстныхъ древностей и такой же разработкѣ историческихъ архивовъ Россіи, Императорская Академія Наукъ привѣтствуетъ его по случаю исполнившагося 25-лѣтія со времени его основанія и желаетъ Институту полнаго успѣха какъ въ его спеціальной научно-педагогической дѣятельности, такъ и въ его посредничествѣ между Губернскими Архивными Комиссіями и первенствующимъ ученымъ учрежденіемъ Имперіи.—Константинъ».

В. С. Малченко.

Къ вопросу о преобразованіи Архивныхъ Комиссій.

Ученыя Архивныя Комиссіи появились въ Россіи съ 1884 года, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія отъ 13-го апрѣля этого года. Вызваны онѣ къ жизни уничтоженіемъ массы дѣлъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, вслѣдствіе ихъ переполненія, при чемъ присутственныя мѣста по необходимости руководились только надобностію или ненадобностію ихъ для текущаго дѣлопроизводства, не обращая вниманія на большій или меньшій научный интересъ тѣхъ или другихъ дѣлъ. При такомъ порядкѣ уничтоженія старыхъ дѣлъ, понятно, погибало очень много дѣлъ, имѣвшихъ иногда высокое научное значеніе. Не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ этой печальной исторіи,—она такъ еще свѣжа и памятна для всѣхъ насъ. Для прекращенія такого порядка, или лучше безпорядка, и учреждены Архивныя Комиссіи. По Высочайшему положенію 13 апрѣля 1884 г. они учреждены а) для разбора дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ Историческій Архивъ; б) для составленія таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей, и в) для расположенія ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій.

Такъ какъ на Архивныя Комиссіи возлагалась важная правительственная работа, то расходы, необходимые на содержаніе и занятія Ученыхъ Губернскихъ Архивныхъ Комиссій, предполагалось покрывать прежде всего изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института. Къ сожалѣнію, этотъ пунктъ положенія объ Архивныхъ Комиссіяхъ и до настоящаго времени остается однимъ только предположеніемъ. На практикѣ содержаніе Архивныхъ Комиссій всецѣло пало на мѣстныя учрежденія и «мѣстныя пожертвованія въ пользу науки», а такихъ средствъ оказалось очень и очень не много, съ одной стороны, вслѣдствіе все возрастающихъ мѣстныхъ общественныхъ нуждъ, а съ другой, вслѣдствіе слабо развитаго еще у насъ сознанія важности научныхъ изслѣдованій для общества. Всѣ указанныя

нами условія, несомнѣнно, очень сильно повліяли на дѣятельность Архивныхъ Комиссій, на количество и качество ихъ работъ.

Такое скудное и случайное матеріальное обезпеченіе Архивныхъ Комиссій, а иногда и полное отсутствіе его, по всей справедливости можетъ и должно вызывать только глубокое сожалѣніе и стремленіе улучшить его. Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе является издѣвательство одного ученаго надъ Архивными Комиссіями, въ родѣ слѣдующаго. «Въ 1894 году дѣлопроизводитель Рязанской Губерской Ученой Архивной Комиссіи въ своей юбилейной рѣчи слѣдующими словами характеризовалъ содержаніе историческаго архива этой комиссіи: архивъ занимаетъ двѣ комнаты, въ которыхъ собраны дѣла и указы воеводской канцеляріи генералъ-губернатора Балашова, дѣла Рязанскихъ гражданскихъ губернаторовъ нынѣшняго столѣтія, уголовныя и гражданскія дѣла уголовной палаты и уѣздныхъ судовъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, дѣла дворянскаго депутатскаго собранія и губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, дѣла Рязанской казенной палаты, губернской почтовой конторы, уѣздныхъ казначействъ, связки фамильныхъ архивовъ Рикмана, Марина, Дашкова, Дивова, Зотова»....
«Такой же разнообразный составъ имѣютъ историческіе архивы и другихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Невольно является вопросъ: какимъ чудомъ комиссіи умудряются помѣщать въ одной-двухъ комнатахъ такую массу архивовъ бывшихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ? Годичные отчеты комиссій объясняютъ это чудо очень просто: дѣлопроизводители и члены комиссій выбираютъ изъ дѣлъ и документовъ правительственныхъ и общественныхъ присутственныхъ мѣстъ единицы, десятки и сотни актовъ и дѣлъ, а тысячи, десятки тысячъ и сотни тысячъ дѣлъ «разрѣшаютъ» уничтожать, согласно представленіямъ канцелярій дѣйствующихъ учрежденій». «Что же это такое? Старѣйшія губернскія ученыя архивныя комиссіи, опустошившія множество архивовъ присутственныхъ мѣстъ не только своихъ, но и сосѣднихъ губерній, образовали конгломераты отрывочнаго архивнаго матеріала, да и этотъ матеріалъ хранится у нихъ въ безобразномъ безпорядкѣ, въ неописанномъ видѣ, въ кулякъ, мѣшкахъ и рогожахъ, и въ помѣщеніяхъ, недоступныхъ для научныхъ занятій, потому что они служатъ и для другихъ надобностей». Если все это—не смѣхъ сквозь слезы, то по поводу подобныхъ разсужденій можно сказать развѣ только одно, что сытый голоднаго не разумѣетъ. Дѣйствительно, не острить, не издѣ-

ваться надъ плачевнымъ матеріальнымъ положеніемъ Комиссій слѣдовало бы, а хлопотать, чтобы у Комиссій были хорошія помѣщенія для архивовъ (а не корридоры), приличные шкафы для дѣлъ (а не кули и мѣшки) и средства, необходимыя для правильной организаціи описанія дѣлъ.

Другое важное неудобство въ дѣятельности Архивныхъ Комиссій—неопредѣленный и часто очень широкій районъ ихъ дѣятельности. Тверская Архивная Комиссія, напримѣръ, должна была отбирать дѣла не только своей губерніи, а и Эстляндской, Лифляндской, Псковской и даже Московской губерній. Вполнѣ понятно, что при разборѣ такого громаднаго количества дѣлъ Комиссія могла оказываться иногда и не вполнѣ компетентной, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ мѣстными интересами. Орловская Комиссія разсматривала дѣла кромѣ своей губерніи—Курской, Полтавской и Черниговской, Костромская—изъ Олонецкой, Саратовская—изъ Астраханской и Пензенской, Таврическая—изъ Екатеринославской, Ставропольской и Бессарабской, Нижегородская—изъ Вятской и Казанской, Оренбургская—изъ Уфимской и областей: Тургайской, Уральской и Сыръ-Дарьинской, Пермская—изъ Вятской, Тобольской и Архангельской.

Такая широкая дѣятельность выпадаетъ на долю Комиссій часто при полномъ отсутствіи средствъ. Въ отзывѣ Орловской Архивной Комиссіи читаемъ: «Средствъ нѣтъ никакихъ. Субсидій нѣтъ. По отчету за 1902 годъ значится долгу 7 руб. 6 коп. Можно сказать одно—въ 1900, 1901 и 1902 годахъ Комиссія объ изданіи трудовъ своихъ могла только мечтать, такъ какъ денегъ не было; въ 1903 г. явился выпускъ на личныя средства секретаря Комиссіи А. К. Юрасовскаго».

Но даже и при такихъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ Архивныя Комиссіи сдѣлали очень крупную культурную работу: онѣ сплотили въ болѣе или менѣе тѣсно организованные кружки людей, интересующихся прошлымъ своей родины, что для провинціальной жизни является очень крупнымъ шагомъ впередъ. Достаточно познакомиться съ количествомъ членовъ въ Архивныхъ Комиссіяхъ (въ Тамбовской—150, въ Орловской—170, въ Костромской—250, въ Таврической—128, въ Нижегородской—244, въ Оренбургской—110, въ Пермской—125, въ Ярославской—177, въ Симбирской—157, самая молодая Комиссія Екатеринославская и та насчитываетъ въ своей средѣ уже 63 члена), чтобы видѣть, какъ много сдѣлали Комиссіи въ смыслѣ привлеченія интеллигентнаго общества къ разумной научной работѣ.

Правда, Архивныя Комиссіи, вслѣдствіе такого широкаго состава своего, нѣсколько отошли отъ своей первой и прямой задачи (архивное дѣло) и включили въ программу своей дѣятельности почти всю совокупность археологической и исторической науки, но въ русской жизни, гдѣ дѣла много, а дѣятелей мало, это явленіе не новое и во всякомъ случаѣ не вредное. Архивное дѣло для правильной своей постановки требуетъ прежде всего платныхъ работниковъ: тутъ каждый работникъ является только чернорабочимъ для будущихъ дѣятелей науки. Онъ самъ едва-ли увидитъ какой-либо результатъ своей работы. Отъ этого такъ туго и подвигаются впередъ описанія всякихъ архивовъ, не Архивныхъ только Комиссій, а и другихъ, поставленныхъ больше чѣмъ въ удовлетворительныя матеріальныя условія. Это дѣло не любительское только, а требующее работниковъ, получающихъ обезпеченіе отъ этой именно работы.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что даже и при многихъ хорошихъ сторонахъ въ дѣятельности Архивныхъ Комиссій, онѣ не могутъ дольше оставаться въ настоящемъ своемъ положеніи безъ явнаго ущерба для ихъ дальнѣйшей дѣятельности, а слѣдовательно и для русской науки. Не рѣшаясь единолично предлагать мѣры, необходимыя для правильной постановки Архивныхъ Комиссій, я предлагалъ бы Съѣзду избрать изъ своей среды комиссію, для выработки проекта Положенія объ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ и исходатайствованія у Правительства необходимыхъ для правильной постановки ихъ дѣятельности средствъ.

По нашему личному мнѣнію, первымъ и краеугольнымъ основаніемъ реформы должно быть учрежденіе Ученыхъ Архивныхъ Комиссій въ каждомъ губернскомъ городѣ. Вторымъ пунктомъ этой реформы нужно поставить ассигнованіе достаточныхъ средствъ, какъ для устройства приличныхъ помѣщеній для губернскихъ архивовъ и вознагражденія необходимыхъ для описи ихъ работниковъ и, пожалуй, выдѣленія изъ современнаго состава Комиссій особаго кружка лицъ, изъявившихъ свое согласіе болѣе или менѣе спеціализироваться на разборѣ архивныхъ дѣлъ.

Въ концѣ концовъ нельзя не выразить пожеланія, чтобы для объединенія дѣятельности Архивныхъ Комиссій не устраивалось какихъ-либо центральныхъ архивовъ, а во главѣ всего дѣла стоялъ по прежнему директоръ Археологическаго Института, организація-же самихъ Комиссій чтобы была нѣсколько улучшена и болѣе строго опредѣлена.

В. И. Колосовъ.

Въ защиту Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго (1902) года управляющій Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи выпустилъ въ свѣтъ 2 книги своего сочиненія «Архивное дѣло въ Россіи».

Имя профессора Д. Я. Самоквасова довольно извѣстно среди людей, интересующихся положеніемъ нашего архивнаго дѣла. Еще на XI археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1899 году, почтенный профессоръ поднялъ вопросъ о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи, при чемъ предложилъ свой проектъ архивной реформы, принятый XI археологическимъ съѣздомъ въ засѣданіи археографической секціи 10 августа 1899 года и вызвавшій особое ходатайство передъ правительствомъ. Ходатайства съѣзда не привели ни къ чему, и вотъ почему г. Самоквасовъ вновь выступилъ съ вопросомъ объ архивной реорганизаціи.

Не касаясь почтенной дѣятельности автора «Архивнаго дѣла въ Россіи», не касаясь также и его проекта, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много времени, я, тѣмъ не менѣе, не могу не коснуться нѣкоторыхъ сторонъ сочиненія проф. Самоквасова. Останавливаясь весьма подробно на архивномъ нестроеніи въ Россіи, проф. Самоквасовъ обвиняетъ въ повальномъ уничтоженіи и въ разрушеніи нашихъ исторически слагавшихся архивныхъ фондовъ всѣ учрежденія Россійской имперіи. Отчасти соглашаясь съ авторомъ въ этомъ, такъ какъ для всѣхъ несомнѣнно, что громадное большинство нашихъ архивовъ погибло вслѣдствіе непониманія лицами, стоящими въ главѣ этихъ учрежденій, всей цѣнности порученнаго имъ рукописнаго матеріала, а также находя, что всѣ эти учрежденія могутъ и сами выступить въ свою защиту, если будутъ имѣть что-либо сказать, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ въ защиту самыхъ скромныхъ учрежденій изъ поименованныхъ проф. Самоквасовымъ, тѣмъ болѣе, что на страницахъ его книги этимъ скромнымъ учрежденіямъ отведено весьма значительное мѣсто и на ихъ головы навалено столько обвиненій, что хватило

бы на многихъ,—я говорю о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ.

Архивныя комиссіи призваны къ жизни въ 1884 году, когда Государемъ Императоромъ было утверждено «Положеніе Комитета Министровъ о губернскихъ историческихъ архивахъ и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ». Проф. Самоквасовъ, разсматривая это положеніе, приходитъ къ весьма неожиданному выводу: «Этотъ непрактичный и неопредѣленный законъ послужилъ основаніемъ общественной архивной службы въ Россіи, подъ главенствомъ Археологическаго Института, нигдѣ въ мірѣ не существующей и имѣвшей своимъ слѣдствіемъ повальное разрушеніе нашихъ исторически слагавшихся архивныхъ фондовъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были открыты архивныя комиссіи» (Книга 1-я, стр. 22).

Благодаримъ—не ожидали! Но, можетъ быть, Дмитрій Яковлевичъ и справедливъ, можетъ быть, дѣйствительно архивныя комиссіи разрушаютъ наши исторически слагавшіеся архивные фонды и, наконецъ, можетъ быть, онѣ даже и призваны для этого? Заглянемъ въ «Положеніе», которое весьма кстати приводитъ въ извлеченіяхъ и самъ г. Самоквасовъ на 21 стр. 1-й книги «Архивное дѣло въ Россіи». Вотъ что говоритъ это «Положеніе»: «На обязанности ученой комиссіи лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, *предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію* (курсивъ нашъ), для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ на храненіе въ историческій архивъ».

Изъ этой справки выходитъ, что или Д. Я. Самоквасовъ не читалъ всего того, что написано въ сочиненіи «Архивное дѣло въ Россіи», или же архивнымъ комиссіямъ неизвѣстно то «Положеніе», которое должно лежать въ основѣ ихъ дѣятельности; но по справкѣ оказывается, что и архивныя комиссіи знаютъ это «Положеніе», такъ какъ на страницахъ «Трудовъ» комиссій мы находимъ эти обязанности (Труды Орловск. Комиссіи, 1892 г., в. 2-й; Труды Ворон. Комиссіи, в. 1-й).

При свиданіи съ проф. Самоквасовымъ въ г. Харьковѣ въ августѣ настоящаго года, во время археологическаго съѣзда, я, между про-

чимъ, указалъ ему на то, что Архивныя Комиссіи просматриваютъ лишь дѣла, предназначенныя къ уничтоженію, и изъ этихъ уже дѣлъ выбираютъ тѣ, которыя будутъ признаны ими интересными въ научномъ отношеніи, т. е. другими словами спасаютъ, а не уничтожаютъ. Дмитрій Яковлевичъ отвѣтилъ, что если бы Архивныя Комиссіи не давали согласія различнымъ учрежденіямъ на уничтоженіе старыхъ дѣлъ, то все бы осталось цѣло. Но такъ ли это? Поищемъ чего-нибудь по этому поводу въ книгѣ самого Дмитрія Яковлевича, не найдемъ-ли мы, на наше счастіе, случаевъ истребленія нашихъ «исторически слагавшихся архивныхъ фондовъ» и помимо злосчастныхъ Архивныхъ Комиссій.

На стр. 123-ей читаемъ: «Вода столько же интенсивно, какъ и огонь, разрушаетъ у насъ государственные архивные матеріалы, хранящіеся въ помѣщеніяхъ, не соотвѣтствующихъ хранилищамъ рукописей». Въ сырыхъ помѣщеніяхъ документы приходятъ въ то состояніе, въ какомъ они недавно были найдены въ двухъ Московскихъ крѣпостныхъ башняхъ: въ одной изъ нихъ «весь полъ по крайней мѣрѣ аршина на полтора отъ земли, былъ покрытъ грудой истлѣвшихъ дѣлъ.... бумага истлѣла до того, что при перевертываніи страницъ въ рукѣ оставался добрый клочекъ ея; листъ къ листу приклеивался цѣлой культурой плесени; по приблизительному расчету вся эта груда дѣлъ должна составить 25–30 возовъ, —единственно возможная мѣрка». Такая же судьба ожидаетъ и всѣ наши архивы, помѣщенные на чердакахъ и въ сырыхъ подвалахъ, сараяхъ и крѣпостныхъ башняхъ, поливаемые дождемъ и покрываемые снѣгомъ, хранящіеся въ зданіяхъ безъ окошекъ и дверей. Но, можетъ быть, этотъ примѣръ не удаченъ, такъ какъ, по выраженію проф. Самоквасова (стр. 123), принадлежитъ къ естественнымъ бѣдствіямъ—пусть такъ, найдемъ и другіе примѣры.

Стр. 124-я. «Недавно графиня П. С. Уварова нашла Смоленскій архивъ, состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, помѣщеннымъ въ крѣпостной башнѣ, безъ окошекъ, съ трещинами, поливаемымъ сверху дождями, а снизу расхищаемымъ чрезъ проломъ въ стѣнѣ башни, ведущій въ ровъ и на огороды. По поводу замѣчанія графини Уваровой о непристойности такого храненія государственнаго авхива, мѣстный администраторъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ

средствъ на сторожей для архива, что наши архивы «вездѣ подлежатъ расхищенію»... [1]).

Стр. 125. «Въ видахъ сбереженія средствъ Государственнаго Казначейства, потребныхъ на содержаніе помѣщеній и хранителей множества нашихъ разрозненныхъ архивовъ, всѣ вѣдомства провели чрезъ Комитетъ Министровъ регламенты храненія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ, на основаніи которыхъ всѣ министры стали подписывать смертные приговоры архивамъ учрежденій своего вѣдомства, виновнымъ въ томъ, что они требовали помѣщеній для своего существованія. Эту практику начало Министерство Финансовъ [2]), упорно отказывавшее и другимъ вѣдомствамъ въ средствахъ на храненіе множества архивовъ въ цѣлости и порядкѣ, требуемыхъ закономъ, и тѣмъ побудившее всѣ вѣдомства слѣдовать своему примѣру: *продавать архивы на бумажныя фабрики* (курсивъ нашъ). Въ половинѣ истекшаго столѣтія дѣло продажи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ было ведено тайно, въ виду общаго закона, требующаго хранить архивы въ цѣлости и порядкѣ; а нынѣ, подъ покровомъ министерскихъ регламентовъ, уничтоженіе архивныхъ дѣлъ стало открытымъ, ведется часто даже не келейно (посредствомъ постоянныхъ покупателей «съ пуда»), а гласно, съ публикаціями въ газетахъ, имѣющими своею цѣлью вызвать конкуренцію въ покупкѣ памятниковъ нашей исторіи».

Стр. 126. «Въ архивѣ Псковской казенной палаты хранилось множество древнихъ актовъ юридическаго содержанія, большею частью XVII вѣка. Это было громадное хранилище, ничинавшееся актами со времени Іоанна Грознаго и состоявшее изъ милліона дѣлъ, столбцовъ, книгъ и вязокъ. Документы этого архива заключали въ себѣ въ высшей степени цѣнныя историческія, экономическія и топографическія данныя. Несмотря на это, Министерство Финансовъ разрѣшило продать этотъ архивъ съ публичныхъ торговъ».

«Недавно изъ Витебскаго губернскаго правленія назначено было въ продажу болѣе тысячи пудовъ старинныхъ дѣлъ, и въ томъ числѣ бумаги двухъ генералъ-губернаторовъ по губерніямъ Витебской, Моги-

---

[1]) Не состоитъ-ли этотъ администраторъ членомъ какой-нибудь архивной комиссіи, тогда его отвѣтъ становится совершенно понятенъ.

[2]) Министерство, являющееся самымъ ученымъ въ Россіи и при томъ ученымъ безъ новичекъ, въ каковыя заключаетъ проф. Самоквасовъ слово «ученыя» при упоминаніи объ архивныхъ комиссіяхъ.

левской, Минской и Виленской. Эти документы были хорошей сохранности и богаты своимъ содержаніемъ»...

«До 1890 года въ зданіи Оренбургской казенной палаты хранился архивъ упраздненнаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, содержавшій въ себѣ болѣе ста тысячъ дѣлъ практическаго и научнаго интереса. Въ 1890 году съ этимъ архивомъ и случилась неожиданная катастрофа: вновь прибывшій управляющій казенною палатою, желая занять все зданіе подъ палату и казначейство, выдворилъ генералъ-губернаторскій архивъ въ сырые подвалы и лавки гостиннаго двора, принадлежавшаго городу; при спѣшной перевозкѣ архива былъ совершенно нарушенъ порядокъ, введенный въ распредѣленіе дѣлъ по отдѣламъ, и многія архивныя описи были утеряны. Въ 1897 году генералъ-губернаторскій архивъ поступилъ въ безконтрольное распоряженіе Оренбургской архивной комиссіи. Въ 1897 году «Комиссія приступила къ разбору своего архива» въ теченіе двухъ лѣтъ разобрала 18430 дѣлъ, назначила къ уничтоженію 13863 дѣла и устроила въ гостинномъ дворѣ свою лавочку для розничной продажи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ».

Дѣйствительно ужасно. Но что бы было съ архивомъ, если бы онъ продолжалъ лежать въ тѣхъ сырыхъ подвалахъ и лавкахъ гостиннаго двора, куда его варварски бросилъ г. управляющій казенною палатою? уцѣлѣли ли бы тѣ 4567 дѣлъ, которыя отобрала Комиссія, не сдѣлались ли бы и они жертвами «естественныхъ бѣдствій» и не слѣдовало ли обратить свои громы въ другую сторону и выставить къ позорному столбу этого управляющаго казенною палатою, принадлежащаго несомнѣнно къ той интеллигентной служебной аристократіи, объ удаленіи которой изъ состава Архивныхъ Комиссій такъ сѣтуетъ на 25 стр. проф. Самоквасовъ?

На стр. 127 читаемъ: «Въ архивъ Виленскаго окружнаго суда перешли книги и дѣла прежнихъ дореформенныхъ судебныхъ установленій. Изъ нихъ по разборкѣ 904 книги и 5100 дѣлъ признаны подлежащими уничтоженію. Назначены на 24 марта торги на продажу книгъ и дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію».

«Въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ числа оставшихся отъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ дѣлъ, заключавшихъ въ себѣ и дѣла о Керженскомъ расколѣ, изъ Ивановской башни, гдѣ еще не разобранныя дѣла лежали

сложенными какъ дрова, продано слишкомъ 30 возовъ архивныхъ бумагъ».

Въ виду того, что въ Нижнемъ-Новгородѣ есть Архивная Комиссія, и читающій это сообщеніе можетъ подумать, что эти 30 возовъ архивныхъ бумагъ были проданы съ ея разрѣшенія, позволю себѣ привести дословно то, что приводитъ проф. Самоквасовъ въ сокращеніи, правда весьма небольшомъ, но существенномъ, ссылаясь при этомъ на стр. 126 № 5 Русскаго Архива за 1899 г.; тамъ мы читаемъ: «Въ бытность мою (пишетъ авторъ, г. П. Юдинъ) въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ мнѣ удалось узнать, что изъ числа оставшихся отъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ дѣлъ, особенно Макарьевскаго и Семеновскаго, заключавшихъ въ себѣ бумаги о Керженскомъ расколѣ, изъ Ивановской башни, гдѣ дѣла, еще не разобранныя, лежали сложенными, какъ дрова, *сторожемъ съ одной интеллигентной личностью, было украдено* и продано слишкомъ 30 возовъ архивныхъ бумагъ», т. е. Архивная Комиссія оказывается не при чемъ.

«Варшава. Въ архивѣ здѣшняго губернскаго правленія находятся старинные книги и акты, въ томъ числѣ много документовъ бывшаго воеводства Варшавскаго... Общій вѣсъ этихъ документовъ доходитъ до 400 пудовъ. Всѣ эти акты, не имѣющіе значенія для губернскаго правленія, назначены въ продажу съ аукціона на 17-ое января (1902 г.). Продажа состоялась 7-го января»...

Стр. 129. «Въ Новгородѣ въ недалекомъ прошломъ очищались архивы подъ метелку, дабы дать мѣсто вновь поступающимъ дѣламъ».

И т. д. и т. д.

Кажется, примѣровъ истребленія архивовъ, безъ участія въ этомъ архивныхъ комиссій, вполнѣ достаточно. Мы видимъ истребленіе народнаго достоянія министерствами, провинціальными правительственными учрежденіями и лицами вродѣ Смоленскаго администратора и ему подобныхъ. При чемъ же тутъ Архивныя Комиссіи съ ихъ безкорыстными членами-тружениками, за что же обливаетъ ихъ помоями г. управляющій Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи? Повидимому, за то, что онѣ спасаютъ архивы отъ очищенія ихъ подъ метелку, какъ это было въ Новгородѣ.

Въ своемъ озлобленіи г. Самоквасовъ обвиняетъ ихъ даже въ бѣдности. Но развѣ это порокъ? Казалось бы наоборотъ—это лишь

поводъ къ снисхожденію. Люди ютятся изъ милости въ самыхъ скверныхъ комнатахъ какого-нибудь губернскаго правленія, роются въ полусгнившихъ кучахъ бумаги, извлекаютъ на свѣтъ божій уцѣлѣвшіе лоскутки, безъ гроша денегъ дѣлаютъ ихъ достояніемъ науки и вмѣсто спасибо слышатъ обвиненіе въ истребленіи «исторически слагавшихся архивныхъ фондовъ». Можетъ быть, г. управляющему хорошо обезпеченнаго теперь архива и смѣшны возгласы членовъ Комиссій «дайте денегъ, иначе мы умремъ»; но было ли ему смѣшно въ сентябрѣ 1897 г., т. е. всего 5 лѣтъ тому назадъ, когда онъ писалъ въ предисловіи къ книгѣ «Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи» (т. I, стр. 1): «*Архивъ не обладаетъ средствами личными и матеріальными для изданія всѣхъ документовъ научнаго значенія*». Что же тутъ смѣшного? Наоборотъ, можетъ быть лишь обидно и грустно, что въ Россіи находятся милліоны для постройки водочныхъ дворцовъ и нѣтъ грошей для охраненій народнаго архивнаго достоянія.

Также строгъ проф. Самоквасовъ и къ личному составу Комиссій (стр. 24—26). На стр. 24 мы читаемъ: «По положенію 1884 года личный составъ ученой архивной комиссіи опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ директора Археологическаго Института и мѣстнаго губернатора, обязанныхъ знать способность назначаемыхъ членовъ быть полезными комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу». Такъ и было при жизни Калачова, а послѣ его смерти «комиссіи стали пополняться самостоятельно многими безполезными членами».

«Рязанская комиссія была открыта Калачовымъ въ составѣ только 15 членовъ: четыре молодыхъ члена университетскаго образованія изъ мѣстной служебной администраціи, богатый купецъ-жертвователь и 10 членовъ изъ мѣстной служебной аристократіи: архіепископъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель окружнаго суда, управляющій казенною палатою, воинскій начальникъ, предводитель дворянства, городской голова, настоятель Троицкаго Рязанскаго монастыря и ректоръ семинаріи. Такой составъ комиссіи давалъ большія надежды».

Да проститъ мнѣ г. Самоквасовъ, но я думаю совершенное обратное: Комиссія, состоящая исключительно изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, какими являются представители мѣстной служебной аристократіи, и пришедшихъ въ Архивную Комиссію по должности, не только не можетъ подавать какихъ бы то ни было надеждъ, а будетъ лишь

мертворожденнымъ учрежденіемъ; сильно сомнѣваюсь, чтобы (архіепископы, губернаторы и другіе лица) эти представители служебной аристократіи, если они не любители старины, пожелали и имѣли время рыться на чердакахъ и въ подвалахъ. При всемъ уваженіи къ этимъ лицамъ, я лично считаю ихъ лишь необходимою декораціей, необходимой для приданія Комиссіи вѣса въ глазахъ общества, а никакъ не дѣятельными членами ея, могущими быть полезными Комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Я не говорю уже о такихъ представителяхъ служебной аристократіи, какъ предсѣдатель Псковской и Оренбургской казенныхъ палатъ, предсѣдатели Варшавскаго губернскаго правленія и др., о дѣйствіяхъ которыхъ говоритъ и самъ г. Самоквасовъ.

Дальше мы читаемъ: «Но по смерти Калачова мѣстный интеллигентный элементъ въ составѣ комиссіи смѣнился элементомъ провинціальной толпы... При такомъ составѣ мѣстнаго общества, по смерти Калачова, архивныя комиссіи растутъ очень быстро: 15-членная Рязанская комиссія 1884 года разрослась къ 1893 году въ общество, состоявшее изъ 209 членовъ. Изъ такого множества провинціальныхъ «ученыхъ» (скобки г. Самоквасова) удалилась интеллигентная служебная аристократія, перестала посѣщать засѣданія комиссіи, предоставивъ ее самостоятельной дѣятельности и собственнымъ средствамъ существованія—матеріальнымъ и умственнымъ».

Но не сгустилъ ли и здѣсь красокъ проф. Самоквасовъ! Неужели же въ Архивныхъ Комиссіяхъ сидятъ только представители толпы, занятые по вечерамъ лишь «картами» (какъ говоритъ г. Самоквасовъ на стр. 25-й)? Мнѣ не извѣстны всѣ лица, стоящія во главѣ архивныхъ комиссій, но приведу тѣхъ немногихъ, которыхъ знаю: Тверская—И. А. Ивановъ, Черниговская—гр. Г. А. Милорадовичъ, въ Воронежской до марта 1903 г.—Евгеній Марковъ, Симбирская—губернскій предводитель дворянства В. Н. Поливановъ, Таврическая—генералъ Ильинъ, Рязанская—предс. губ. земск. управы Буймистровъ. Кромѣ этихъ Комиссій, въ Орловской Комиссіи еще въ 1901 г. предсѣдателемъ былъ губернаторъ г. Трубниковъ, а въ Костромской членъ государственнаго совѣта Н. Н. Селифонтовъ. Всѣ эти лица, я думаю, могутъ удовлетворить самому изысканному вкусу. На страницахъ трудовъ Комиссій мы встрѣчаемъ имена

И. И. Дубасова, Е. Л. Маркова, проф. А. И. Маркевича, проф. Н. И. Веселовскаго, проф. П. Н. Милюкова, А. В. Селиванова, Н. Н. Оглоблина, А. В. Голомбіевскаго, В. И. Холмогорова и другихъ подобныхъ имъ «ученыхъ» мужей—значитъ, еще не совсѣмъ оскудѣли мы. Въ спискахъ членовъ мы находимъ много славныхъ именъ—значитъ, носящіе ихъ не стыдятся быть членами «ученыхъ» Архивныхъ Комиссій; есть между этими именами и имя Дмитрія Яковлевича Самоквасова. Виватъ ему за это.

Конечно, на ряду съ этими именами есть имена, ничего намъ не говорящія—имена скромныхъ преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній, готовыхъ посвятить свой досугъ дѣлу изученія мѣстной старины; намъ кажется, подобныхъ даровыхъ тружениковъ слѣдуетъ поощрять, а не бранить ихъ и не тормозить ихъ работу, какъ это иногда случается, что мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго случая: «Дѣятельность Орловской ученой архивной комиссіи въ 1892 г. была нѣсколько пріостановлена, во-первыхъ, отвлеченіемъ нѣкоторыхъ членовъ комиссіи дѣлами по народному продовольствію и по благотворительности, а во-вторыхъ, лишеніемъ возможности получать для временнаго пользованія хранящіеся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи книги и документы. Орловская архивная комиссія, благодаря благосклонному содѣйствію бывшаго г. управляющаго Московскимъ архивомъ Н. А. Попова, съ разрѣшенія г. Министра Юстиціи, пользовалась документами означеннаго архива, съ переходомъ же архива въ завѣдываніе Д. Я. Самоквасова, въ виду отзыва его, даннаго г. Министру Юстиціи, послѣдній не призналъ возможнымъ удовлетворить ходатайство комиссіи о высылкѣ ей документовъ» (Отчетъ Орловской Арх. Ком. за 1892 г.). Результатомъ этого было то, что членъ комиссіи г. Пясецкій не могъ окончить своей работы по исторіи города Ливенъ и его уѣзда, а между тѣмъ архивомъ съ 1892 г., т. е. за 10 лѣтъ, изданы 4 книги описанія документовъ и бумагъ и 1 томъ документовъ (я не считаю книгъ, посвященныхъ архивному дѣлу и принадлежащихъ перу г. управляющаго архивомъ), т. е. всего 5 книгъ, по одной въ 2 года—не много, что называется ни себѣ, ни людямъ. Конечно, этотъ отказъ г. Самоквасова основанъ на недовѣріи къ дѣятелямъ Архивныхъ Комиссій, недовѣріе же это вытекаетъ изъ полнаго

незнакомства проф. Самоквасова съ дѣятельностью этихъ Комиссій, и остается пожелать, чтобы почетный и дѣйствительный членъ многихъ Архивныхъ Комиссій Д. Я. Самоквасовъ познакомился съ ними и снялъ бы свои несправедливыя обвиненія въ преступленіяхъ, совершаемыхъ не нами, и убѣдился, что и мы, подобно ему, желаемъ только блага своему дорогому отечеству.

Л. М. Савеловъ.

Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей.

Къ числу незамѣнимыхъ пособій при занятіяхъ историка, юриста, филолога первоисточниками—принадлежатъ, какъ извѣстно всякому, описанія рукописей, особенно если эти описанія сдѣланы съ соблюденіемъ болѣе или менѣе установившихся въ наукѣ пріемовъ.

Описанія или даже простые каталоги рукописей съ показаніемъ содержанія послѣднихъ являются ключемъ къ библіотекѣ, безъ котораго каждому отдѣльному изслѣдователю приходится продѣлывать кропотливую предварительную работу ознакомленія со всѣмъ составомъ библіотеки, отъ чего, сберегая его время, избавляетъ насъ таковое описаніе.

Мы, русскіе, можемъ похвалиться изобиліемъ рукописнаго матеріала, оставленнаго намъ многовѣковой исторической жизнью. Помимо колоссальныхъ сокровищъ Импер. Публ. Библ., богатаго драгоцѣнными памятниками собранія Румянц. Музея, Синод. Библіотеки и Архива—почти въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ центрѣ культурной жизни, нечуждомъ научныхъ вкусовъ и стремленій, мы находимъ болѣе или менѣе значительное собраніе рукописей, не говоря уже о монастыряхъ и частныхъ лицахъ, часто сосредоточивающихъ въ своемъ владѣніи такія цѣнныя произведенія книжной старины, которымъ принадлежитъ безспорно мѣсто въ ряду выдающихся среди предметовъ этого рода.

Между тѣмъ мы не можемъ похвалиться ни обиліемъ ученыхъ описаній рукописей, ни качествомъ ихъ. Какъ ни странно—до сихъ поръ такое собраніе, какъ Погодинское древлехранилище, находящееся уже 50 лѣтъ въ вѣдѣніи Императорской Публ. Библіотеки, не удостоено вниманія и имѣетъ лишь полуграмотный инвентарь; въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи имѣется громадный шкафъ также неописанныхъ рукописей. Черепашьимъ шагомъ подвигаются описанія рукописей Петербургской Дух. Академіи (Кирилло-Бѣлоз. и Софійск. Новгор. библіотекъ) и Московской Синодальной типографіи. Въ плачевномъ упадкѣ находится цѣнная и обильная рукописями Московская Епархіальная библіотека.....

Можно привести не мало и еще такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что нива предварительной разработки памятниковъ рукописной старины у насъ богата и обильна, но дѣлателей—очень, очень мало. Отраднымъ явленіемъ въ этой области кажется намъ полезная и плодотворная дѣятельность нѣкоторыхъ Архивныхъ Ученыхъ Комиссій и немногихъ частныхъ лицъ, изъ коихъ назову хотя бы П. И. Щукина—владѣльца цѣннаго собранія въ г. Москвѣ, и проф. Н. И. Петрова, единичными своими усиліями создавшаго почти полное описаніе всѣхъ рукописей, хранящихся въ Кіевскихъ общественныхъ книгохранилищахъ.

Къ стыду нашему мы должны сознаться, что существуетъ не мало рукописныхъ собраній, находящихся въ рукахъ невѣжественныхъ коллекціонеровъ, современныхъ намъ Плюшкиныхъ, не только незаботящихся сдѣлать что-нибудь для науки, но даже порою незнающихъ, что̀ скрывается въ ихъ небрежно сваленныхъ въ кучу коробахъ, предназначенныхъ на пищу крысамъ.

Можно только пожалѣть о томъ, что̀ гибнетъ безъ пользы для науки. Но тамъ, гдѣ мы можемъ дѣйствовать, не нарушая правъ чужой собственности, мы должны какъ-нибудь сговориться и условиться, выработать нѣкоторый планъ работъ надъ описаніемъ рукописей.

До сихъ поръ мы имѣемъ два главныхъ типа описаній: 1) каталогъ, въ родѣ извѣстнаго описанія (стараго) рукописей Московской Спн. Библіотеки, гдѣ показано заглавіе рукописи, число листовъ и приблизительно указана дата написанія; и 2) описанія Востокова, Горскаго и Невоструева и другихъ ихъ послѣдователей. Кромѣ того, средину занимаютъ каталоги Имп. Публичной Библіотеки при отчетахъ, далекіе, конечно, отъ почти исчерпывающей полноты трудовъ названныхъ ученыхъ, но дающіе очень полезное постатейное описаніе рукописей. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописей эта постатейность не выдерживается строго. Существуетъ затѣмъ масса промежуточныхъ посредствующихъ типовъ, но всѣ они заключаются между двумя первыми, по степени полноты и обстоятельности.

Это разнообразіе стоитъ въ тѣсной зависимости отъ степени подготовки составителя описанія къ предпринятой имъ работѣ. Въ послѣдней сверхъ того отражаются личныя симпатіи, личные интересы составителя: одно онъ считаетъ важнымъ и останавливается надолго, другое, кажущееся ему несущественнымъ, опускаетъ, часто совершенно безслѣдно, тогда какъ истиннымъ достоинствомъ описанія

является безспорно—прежде всего полная объективность и вниманіе къ самымъ, порою кажущимся ничтожными, мелочамъ.

Но и тѣ описанія, которыя составлены, какъ казалось бы, лицами свѣдущими и вполнѣ подготовленными, поражаютъ иногда своею неточностью и небрежностью исполненія. Такъ небрежно отмѣчаетъ почтенный составитель «Описанія рукописей Археогр. Комиссіи» составъ рукописей неисторическаго содержанія, иногда ограничиваясь однимъ замѣчаніемъ, какъ напр. «Сборникъ кантовъ на столькихъ-то листахъ, такого-то формата».

Въ описаніи рукописей Виленской Публ. Библіотеки, чрезвычайно трудолюбиво и внимательно составленномъ, есть куріозныя погрѣшности въ родѣ «Радишинъ—вм. Ромшинъ» (владѣлецъ рукоп.), комедія Сумарокова «Трессотиніусъ» причислена къ разряду семинарскихъ интермедій и т. п. Особенно же обильно разнаго рода куріозами юбилейное и въ своемъ родѣ изумительное описаніе рукописей собранія князя П. П. Вяземскаго, на многочисленныхъ промахахъ многичисленныхъ описателей которыхъ останавливаться не буду. Особенно сказывается неточность и небрежность составителей описаній, когда описываются рукописи не древнія, пергаменныя, или по крайней мѣрѣ—допетровскія, а позднія, заключающія однако цѣнный историко-литературный и историческій матеріалъ. Таковы, хотя-бы, рукописные канты, псальмы, разнаго рода стихотворенія и драматическія произведенія конца XVII и всего XVIII ст. Изученіе ихъ открываетъ передъ нами любопытнѣйшія страницы литературной исторіи, но затрудненo удивительно небрежнымъ отношеніемъ къ этому матеріалу гг. описателей.

Для примѣра, чтобы недалеко ходить, возьму хотя бы рукопись № 162 (3195) около 1716 г., принадлежащую Тверскому Музею и содержащую массу стихотвореній различнаго содержанія. Къ тому, что имѣется въ печатномъ описаніи (стр. 248), можно и должно добавить опущенное:

л. 2. Стихи: «Іоаннъ Златоусты сими прошенъ бяше»...

л. 2 об. Къ благочестивому же читателю:

«Благочестивый книги читателю,
Во писанінхъ жизни искателю».

л. 3. Стиси о псалмѣхъ.

А. По всякихъ нуждахъ Ѱалмы царь Давидъ пояше...

За симъ В. Г и Д—всего четыре эпиграммы.

л. 3 об. Таблица, которую можно читать отъ средины куда угодно; получается:

«Ѱалмы пойте Богу нашему».

л. 4. Анаграмма и стихи (8):

«Хотяй спасенно дни своя прожити,
Свободенъ умомъ отъ печалей быти»...

и грубая заставка.

На л. 4 об. изображеніе поющаго царя Давида (перомъ) съ воиномъ на заднемъ планѣ.

Въ передачѣ надписи подъ миніатюрой—въ печатномъ ошибка: опущено слово «Господь».

Я остановилъ Ваше вниманіе, милостивые государи, на этомъ случаѣ, чтобы показать, какъ иногда пустая вещь, занимающая немного мѣста въ описаніи, можетъ быть важной для изслѣдователя. Зная упомянутыя первыя статьи, можно сразу видѣть, что̀ это за сборникъ—это выписки изъ риѳмованной псалтири С. Полоцкаго; если бы первыя статьи были указаны въ описаніи, пожалуй можно бы было обойтись безъ указанія послѣднихъ. Описатель поступилъ какъ разъ наоборотъ.

Я взялъ примѣръ изъ той области, въ которой вращались преимущественно мои занятія въ послѣдніе годы. При желаніи любой спеціалистъ можетъ до безконечности умножить число подобныхъ примѣровъ въ своей спеціальной области.

Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что всѣмъ, кто прикосновененъ къ описанію памятниковъ рукописной старины, помимо неизбѣжной, конечно, тщательности и внимательности, слѣдовало бы условиться относительно нѣкоторыхъ общихъ пріемовъ въ описаніи рукописей. Эти пріемы достаточно извѣстны европейской наукѣ, но у насъ въ этомъ отношеніи господствуетъ полное разногласіе и не столько по нежеланію прійти къ согласію, сколько прямо по недоразумѣнію, вслѣдствіе незнанія составителей одного описанія, что важно для другого, или по естестественной слабости ученыхъ придавать большее значеніе предмету, ихъ лично интересующему, нежели такому, къ которому они болѣе или менѣе равнодушны.

Въ своемъ докладѣ я попытаюсь установить тѣ главнѣйшія требованія, какія мы можемъ предъявлять къ описателю, желающему, чтобы трудъ его соотвѣтствовалъ требованіямъ науки и облегчалъ, а не запутывалъ другихъ ученыхъ.

До сихъ поръ идеальнымъ, классическимъ трудомъ являются описанія рукописей, сдѣланныя Востоковымъ, Горскимъ и Невоструевымъ. Другихъ, подобныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ я не знаю. Эти ученые, особенно двое послѣднихъ, вносили въ описаніе не только внѣшніе признаки рукописи, исчисляли статьи съ указаніемъ началъ и источниковъ, извѣстныхъ или предположительныхъ, но и давали цѣлыя изслѣдованія о языкѣ и достоинствахъ перевода того или другого описываемаго ими сочиненія. Востоковъ особенно любилъ сообщать выписки, что было и понятно при тогдашнемъ положеніи нашей науки, шедшей еще въ сумеркахъ. Но эти выписки теперь излишняя, пожалуй, роскошь, часто лишь расширяющая объемъ книги, которая прежде всего должна быть справочной.

Съ 40—50-хъ годовъ, особенно же съ эпохи, созданной трудами Срезневскаго и Буслаева, мы сдѣлали значительные шаги впередъ въ изученіи литературы, палеографіи, языка съ его исторіей и діалектологіей и, естественно, теперь можетъ описатель рукописи внести съ меньшимъ трудомъ много такого въ свое описаніе, чего не знали или чѣмъ игнорировали названные ученые—образцы трудолюбивыхъ и многосвѣдущихъ піонеровъ на поприщѣ изученія родной старины.

Я изложу ниже тѣ пункты, тѣ вопросы, на которые желательно найти отвѣты въ описаніи рукописей; многое изъ указываемаго мною не ново, и я желаю лишь въ системѣ сгруппировать вмѣстѣ то, что одними принимается, другими отвергается къ немалому иногда урону для достоинства труда и неудобству ученыхъ, справляющихся съ описаніемъ.

1) Прежде всего въ описаніе—инвентарное или обстоятельное, ученое—рукопись заносится подъ извѣстнымъ нумеромъ. Полезно, чтобы эта нумерація шла черезъ всѣ тѣ страницы, которыя заняты описаніемъ каждой рукописи. Рядомъ съ нумеромъ, прежде названія или заглавія рукописи должно ставить въ скобкахъ тѣ №№, подъ которыми данная рукопись была извѣстна ранѣе по рукописнымъ каталогамъ или упоминалась въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

2) Не менѣе важно *наименованіе* рукописи. Съ книгами библейскими, учительными, литургическими, однимъ словомъ, съ сочиненіями опредѣленнаго состава наименованіе не представляетъ затрудненія. Иное дѣло съ сочиненіями историческими, напр. лѣтописями, хронографами разныхъ редакцій. Полезно при описаніи указывать эту послѣднюю, хотя бы и не претендуя на особую точность, съ оговоркой—«по мн.

такого-то», въ данномъ случаѣ хотя бы—Попова. Сборники также по возможности должны быть обозначаемы, сборникъ ли это, или цвѣтникъ неопредѣленнаго состава, или одинъ изъ сборниковъ извѣстнаго типа—измарагдъ, златоустъ и т. п. Очень важно отмѣчать, одновременно ли составленъ сборникъ, или случайно сплетены въ одинъ переплетъ отрывки изъ разныхъ рукописей разнаго времени и содержанія.

3) Вслѣдъ за наименованіемъ долженъ слѣдовать *форматъ* въ *сантиметрахъ* и

4) *Число листовъ* (всѣхъ, съ заглавнымъ и послѣднимъ, если таковые есть) и тетрадей, которыя часто помѣчаются киноварью. При этомъ слѣдуетъ перемѣчивать и вносить въ общій счетъ и чистые бѣлые листы.

5) *Матеріалъ*—пергаментъ или бумага; *знакъ* бумаги полезно указывать и хотя безусловнаго значенія знакъ, независимо отъ другихъ признаковъ, имѣть не можетъ, въ совокупности же съ другими признаками онъ чрезвычайно цѣненъ.

6) Само собою разумѣется—*вѣкъ* или приблизительная дата рукописи, если нѣтъ *точной*, устанавливаемой на основаніи записи или календарныхъ помѣтъ или чего либо-иного. Для опредѣленія вѣка и для обоснованія этого опредѣленія полезно указывать—

7) *Палеографическія особенности почерка* (уставъ, полуустав того или другого типа).

8) *Особенности языка*—діалектологическія, которыя помогутъ ориентироваться въ вопросѣ о мѣстѣ написанія рукописи или ея оригинала, *особенности орѳографіи*, не всегда совпадающія съ особенностями діалектологическими.

9) Безусловно необходимымъ представляется намъ полное *цитированіе записей:* а) о времени написанія, б) передачи книги отъ одного владѣльца другому, в) о цѣнѣ книги. Другія записи не имѣютъ на нашъ взглядъ такого важнаго значенія, если не указываютъ на возможное хронологическое пріуроченіе книги.

10) Вслѣдъ за этими признаками, опредѣляющими цѣнность рукописи независимо отъ ея состава, должно слѣдовать—и на чемъ я особенно настаиваю—*постатейное* описаніе содержанія рукописи, при чемъ не должны опускаться даже мелкія статьи до полустраницы 8° книги; при описаніи стихотворныхъ произведеній должны приводиться также названія каждаго стихотворенія. Важно указывать и *начала* и первый стихъ статей и стихотвореній. Для прозаическихъ произведеній

начало должно заключать въ себѣ не менѣе 10—12 словъ, чтобы справляющійся могъ хотя бы приблизительно имѣть возможность отличить различные списки одного и того же сочиненія.

Не считаю необходимымъ безусловно, но весьма полезнымъ, чтобы при статьяхъ сборниковъ или при трудахъ отеческихъ и иныхъ, наполняющихъ цѣлую рукопись, указывались для переводныхъ—*оригиналы*, для оригинальныхъ—*редакціи* и вообще, что извѣстно въ литературѣ касательно даннаго произведенія.

Всѣ эти данныя, конечно, требуютъ нѣкоторой эрудиціи и кропотливости изысканій, но за то описаніе, удовлетворяющее указаннымъ требованіямъ, должно дать изслѣдователю литературы, церковной и гражданской исторіи, священнаго писанія и т. п. дисциплинъ—вѣрное и надежное руководство.

11) Я до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ чисто художественную сторону рукописей. Авторъ описанія не можетъ, конечно, быть всестороннимъ. По преимуществу занимаясь литературой и исторіей, наши описатели рѣдко бывали знатоками искусства. Но отъ идеальнаго, такъ сказать, описанія хотѣлось бы требовать и вниманія къ искусству. Описатель долженъ обратить вниманіе на *орнаментъ* и *инціалы* въ нашихъ рукописяхъ, столь характерные для ихъ датировки. Основные, такъ сказать, стили орнамента являются едва ли не самымъ бросающимся въ глаза признакомъ при первомъ взглядѣ на рукопись. Древній византійскій, такъ называемый чудовищный, возродившійся геометрическій и, наконецъ, западно-европейскій стиль орнамента, богатый крупными листьями, цвѣтами, яркими красками, иногда позолотой—всѣ эти признаки важны не только для датировки рукописи, но и для исторіи искусства въ Россіи—хотя и написанной, но очень и очень плохо.

12) Къ области чисто художественной относится и *миніатюра*, также нерѣдко украшающая страницы нашихъ древнихъ рукописей. Полезно не только перечисленіе миніатюръ съ указаніемъ на страницы, но и краткая хотя-бы характеристика ихъ, краски, особенности композиціи....

13) Я могу закончить свой планъ описанія рукописей пожеланіемъ, чтобы впредь не оставались безъ вниманія такіе важные памятники древне-русской художественной промышленности какъ ткани, охраняющія миніатюры, и *переплеты*. Этимъ послѣднимъ посвященъ замѣчательный трудъ П. К. Симони, ожидающій выхода въ свѣтъ.

При помощи его станетъ возможнымъ оріентироваться въ типахъ переплетнаго искусства въ древней Руси и изучить самый способъ переплетанія книгъ по издаваемымъ этимъ археологомъ древне-русскимъ и юго-славянскимъ руководствамъ.

14) Въ заключеніе слѣдуетъ пожелать, чтобы описанія и каталоги снабжались именными указателями; иначе чрезвычайно трудно разобраться въ предлагаемомъ ими матеріалѣ. Какъ на примѣръ, не заслуживающій подражанія въ этомъ отношеніи, сошлюсь на издаваемые при годовыхъ отчетахъ Императорской Публичной Библіотеки каталоги рукописей Богданова, Буслаева, Савваитова и др., въ которыхъ найти нужную справку, разъ потерявъ, невозможно иначе, какъ пересмотрѣвъ съизнова весь томъ каталога.

Область, подлежащая изученію русскихъ археологовъ, обширна, нива богата, но не достаточно воздѣлана. И если мы на первое время выработаемъ хотя приблизительно общій типъ подготовительныхъ работъ, я буду считать свое маленькое дѣло сдѣланнымъ.

В. Н. Перетцъ.

Къ исторіи изученія Тверской губерніи.

Въ 1775 году Д. И. Кармановымъ составлено замѣчательное по тому времени изслѣдованіе «Историческія извѣстія Тверского княжества». Это изслѣдованіе вмѣстѣ съ объяснительными примѣчаніями В. И. Колосова издано Архивной Комиссіей. В. А. Преображенскій въ 1854 году напечаталъ изслѣдованіе «Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи» и получилъ за свой трудъ золотую медаль. Въ 1862 г. имъ напечатано «Скотоводство въ Тверской губерніи». Въ 1878 г. В. С. Борзаковскій издалъ «Исторію Тверского княжества». Почтенный авторъ даетъ намъ въ первой главѣ своего труда общую характеристику края, входившаго въ составъ этого княжества, а затѣмъ излагаетъ исторію княжества со времени его самостоятельнаго существованія (съ половины XIII в.) до присоединенія къ Москвѣ въ 1486 году. Черезъ годъ послѣ выхода этого изслѣдованія появился замѣчательный трудъ извѣстнаго статистика В. И. Покровскаго «Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи» (т. I—1879 г. и II т. в. I—1880 г.). Уроженецъ Тверской губерніи, В. И. съ любовью занялся изученіемъ родной губерніи. Свой историческій очеркъ губерніи онъ довелъ до послѣдняго времени и этотъ трудъ долженъ быть настольною книгою для каждаго, кто занимается Тверскимъ краемъ. В. И. для своего труда воспользовался трудами Д. И. Карманова, Тверскою лѣтописью, статьями Европеуса «О раскопкахъ кургановъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ», В. А. Плетнева «О курганахъ и городищахъ Тверской губерніи», сочиненіемъ Штукенберга «Описаніе Тверской губерніи» (1858 г.) и др. Тверское губернское земство второе въ Россіи признало необходимымъ статистическое изслѣдованіе губерніи и въ 1871 году пригласило В. И. Покровскаго для мѣстныхъ изслѣдованій губерніи. Раньше Тверского земства только Вятское въ 1870 г. признало необходимость мѣстныхъ изслѣдованій губерніи и поручило В. Я. Заволжскому произвести обслѣдованіе 15 волостей въ 3-хъ уѣздахъ, а въ 1871 г. имѣло уже своего статистика Н. Н. Романова. В. И. кромѣ того, что былъ статистикомъ земства, принялъ дѣятельное уча-

стіе, какъ гласный, въ трудахъ уѣзднаго и губернскаго земствъ. Особенно много онъ поработалъ по вопросамъ о народномъ образованіи, и его заслуга въ этомъ отношеніи для губерніи громадна. В. И. много лѣтъ былъ секретаремъ Тверского губернскаго статистическаго комитета. Труды В. И. Покровскаго по изученію Тверского края составляютъ болѣе 20 томовъ, изъ которыхъ болѣе половины—его единоличная работа. Онъ одинъ изъ первыхъ принялъ экспедиціонный способъ изслѣдованія, но до 1883 года работы его носили характеръ анкетъ; обслѣдованію подвергались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ какъ самое населеніе, такъ и земля (землевладѣніе, стоимость земельныхъ угодій и проч.), при чемъ въ первомъ случаѣ Покровскій обыкновенно примѣнялъ способъ подворнаго описанія. Къ сплошному описанію губерніи В. И. приступилъ въ 1883 г., и оно было окончено подъ его руководствомъ въ 1889 году. Изслѣдованіе Тверской губерніи (по крайней мѣрѣ большинства уѣздовъ) отличается отъ другихъ земско-статистическихъ работъ подробностью сплошного описанія какъ территоріи, такъ и экономическаго положенія населенія и частновладѣльческихъ хозяйствъ. Укажемъ на нѣкоторые труды В. И. Покровскаго: 1) «О цѣнности и доходности земель Весьегонскаго уѣзда» (2 изд. Т. 1876 г.), 2) «Генеральное соображеніе по Тверской губерніи 1783—84 г.»—рукопись, найденная и изданная В. И. въ 1873 г., при чемъ въ предисловіи онъ далъ интересный очеркъ положенія Тверской губерніи за послѣднія 100 лѣтъ, 3) «Историческіе и статистическіе очерки Тверской губерніи» (1873 г.), 4) «Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Тверской губерніи» (изд. 2, 1894 г.), 5) «Сборникъ матеріаловъ по статистикѣ Тверской губерніи» (в. I—IV, В. И. Покровскаго, 1874—76 г., в. V—Д. И. Рихтера 1882 г.), 6) «Сборники статистическихъ свѣдѣній о Тверской губерніи», т. I—XII (поуѣздные) и XIII (1—2 своднаго сборника 1885—97 г.) и 7) В. И. Покровскій и Д. И. Рихтеръ «О цѣнности и доходности земель Ржевскаго уѣзда» (1884 г.). Во главѣ статистическаго бюро Тверского земства В. И. стоялъ до 1893 г., когда былъ приглашенъ на должность завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ города С.-Петербурга. За свои статистическіе труды В. И. первый изъ земскихъ статистиковъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ. Довольно много интереснаго матеріала для исторіи и статистики губерніи помѣщено въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (издаются съ 1839 г.). Въ 1880-хъ годахъ въ неоффиціальной части помѣщались

статьи, касающіяся экономическаго положенія губерніи (В. И. Покровскій) и археологіи (А. К. Жизневскій, В. А. Плетневъ и др.). Въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (начали выходить съ 1877 г.), въ особенности во время редакторства протоіерея В. Ѳ. Владиславлева, было помѣщено много статей по исторіи монастырей и церквей, біографіи мѣстныхъ дѣятелей и уроженцевъ Тверской губерніи и т. д. Очень бы желательно издать указатель статей по исторіи, археологіи и т. д., помѣщенныхъ въ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Я не могу въ краткомъ сообщеніи помѣстить полный библіографическій указатель трудовъ по Тверской губерніи, и желательно, чтобы такой указатель издала Тверская Ученая Архивная Комиссія. Для археологіи края весьма важно «Описаніе Тверского Музея» А. К. Жизневскаго (М. 1888 г.). Для біографіи Тверскихъ іерарховъ—сочиненіе Чередѣева «Біографіи Тверскихъ іерарховъ отъ начала существованія архіерейской каѳедры въ г. Твери и донынѣ» (Т. 1859 г.). Для исторіи народнаго образованія весьма важное изслѣдованіе В. И. Колосова «Исторія Тверской Духовной Семинаріи».

Тверское дворянство принимало дѣятельное участіе въ крестьянской реформѣ. Въ Твери впервые высказана мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землей (записка А. М. Унковскаго, поданная Императору Александу II въ декабрѣ 1857 г.). Главнѣйшіе дѣятели въ Твери въ освободительную эпоху были: А. М. Унковскій († 1893 г.), А. И. Европеусъ († 1885 г.), Н. А. Бакунинъ († 1901 г.), А. А. Головачевъ († 1902 г.) и П. П. Максимовичъ († 1892 г.) (ср. В. И. Покровскій: «Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи» т. I, стр. 161—237, Г. А. Джаншіевъ: «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ», М. 1894 г., его-же: «Эпоха великихъ реформъ», «Главная роль Тверского дворянства въ крестьянской реформѣ» и А. Ѳ. Селивановъ: «П. П. Максимовичъ—основатель Тверской женской учительской школы», С.-Петерб., 1901 г., стр. 20—29).

Тверское земство, особенно губернское, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Главными дѣятелями по развитію земскаго страхового дѣла были П. А. Корсаковъ и А. С. Юрловъ, по устройству медицинской части А. Б. Врасскій, Н. М. Павловъ, М. И. Петрункевичъ, для народнаго образованія особенно много поработали С. Д. Кваснинъ-Самаринъ, П. А. Корсаковъ, В. Н. Линдъ, П. П. Максимовичъ, В. И. Покровскій и кромѣ нихъ очень дѣятельное участіе въ трудахъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ принимали: А. П. Апостоловъ,

А. А. и П. А. Бакунины, А. А. Головачевъ, И. Н. Ладыженскій, В. Д. Кузминъ-Караваевъ, Ф. И. Родичевъ, Н. А. Чаплинъ, Т. Н. Повало-Швейковскій, К. Н. Невѣдомскій и многіе другіе. Для исторіи Тверского земства весьма цѣнный источникъ—5 томовъ сборника матеріаловъ для исторіи Тверского губернскаго земства (1883—86) и журналы, доклады и др. Тверского губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Земская литература очень большая и въ высшей степени желательно, чтобы ей составленъ былъ указатель и чтобы въ библіотекѣ Архивной Комиссіи она собиралась. Уже теперь многаго изъ нея нельзя достать, такъ какъ это составляетъ библіографическую рѣдкость, наприм., В. И. Покровскій: «Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи». Въ прежніе годы, до открытія Архивной Комиссіи (1884 г.), Тверской Губернскій Статистическій Комитетъ издалъ нѣсколько памятныхъ книжекъ Тверской губерніи, въ которыхъ помѣщены были статьи по исторіи, этнографіи, археологіи и т. д. Тверской губерніи.

Особое оживленіе въ изученіи Тверской старины произошло съ учрежденіемъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Нашъ извѣстный ученый и создатель этихъ ученыхъ разсадниковъ науки Н. В. Калачевъ прежде всего устроилъ Архивную Комиссію въ гор. Твери. Н. В. Калачевъ хорошо сознавалъ, что въ Твери найдутся безкорыстные любители изученія родины и что первая Тверская Комиссія съумѣетъ зарекомендовать себя и докажетъ пользу этихъ учрежденій. Его мнѣніе блестяще оправдалось и Вы, милостивые государыни и государи, увидите далѣе, что за 19 лѣтъ своего существованія Комиссія сдѣлала очень много и что ея дѣятельность была выдающаяся. 13-го апрѣля 1884 г. было учреждено положеніе объ Архивныхъ Комиссіяхъ, а 22 іюня того же года Н. В. Калачевъ открываетъ уже Комиссію въ г. Твери. Первымъ Комиссіямъ приходилось выработать форму описанія дѣлъ и т. д. и вообще начать новое и важное дѣло сохраненія разныхъ памятниковъ древности. Тверская Ученая Архивная Комиссія блестяще выполнила возложенныя на нее обязанности и выработанныя ею формы описей дѣлъ и т. д. могутъ служить образцами и для другихъ Архивныхъ Комиссій. Первымъ предсѣдателемъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи былъ А. К. Жизневскій († 19 марта 1896 г.). Заслуги А. К. Жизневскаго для исторіи и археологіи края громадны, и о нихъ прекрасно на Ярославскомъ областномъ съѣздѣ говорилъ уважаемый преемникъ и сотрудникъ А. К. по Архивной Ко-

миссіи И. А. Ивановъ—теперешній ея предсѣдатель. Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о своемъ знакомствѣ съ А. К. Жизневскимъ. За время болѣе чѣмъ 20-лѣтняго моего знакомства съ нимъ я пользовался его расположеніемъ. А. К. меня просилъ не миновать Твери во время моихъ частыхъ путешествій и очень обижался, если я почему нибудь проѣзжалъ мимо. Останавливался я всегда у него, и А. К. былъ любезный и въ высшей степени предупредительный хозяинъ. Первый визитъ въ Твери былъ, конечно, въ Музей, основанный А. К. О Музеѣ будетъ говорить уважаемый В. И. Колосовъ, и потому я не буду его описывать. Скажу только, что рѣдко можно встрѣтить такой замѣчательный Музей, собранный трудами и энергіею одного человѣка. Человѣкъ рѣдкой души, громадныхъ знаній и неутомимой энергіи, А. К. производилъ на каждаго, кто съ нимъ встрѣчался, самое чарующее впечатлѣніе. Ко всему онъ относился доброжелательно и каждому готовъ былъ помочь. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ г. Твери, но еще больше имъ оказывалась бѣднымъ помощь, о которой никто не зналъ. А. К. имѣлъ рѣдкій талантъ разыскивать древности и уговорить ихъ владѣтелей уступить ихъ Тверскому Музею. У него всегда были агенты, которые сообщали ему о древностяхъ. Тонкій знатокъ человѣческой души, А. К. умѣлъ найти скромныхъ тружениковъ, ободрить ихъ и заставить работать для Комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комиссіи разсказывалъ мнѣ, что онъ взялъ работу у А. К. потому, что не могъ отказать въ просьбѣ этого любезнаго и прекраснаго человѣка, а затѣмъ такъ заинтересовался работою, что онъ теперь одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Комиссіи. Во время своихъ поѣздокъ въ С.-Петербургъ, Москву и другіе города и на археологическій съѣздъ А. К. знакомился съ учеными, привлекая ихъ къ занятіямъ для Комиссіи, и въ средѣ членовъ Комиссіи мы находимъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ. Между мною и А. К. была дѣятельная переписка, и въ каждомъ письмѣ А. К. говорилъ о Комиссіи и просилъ вести справки для нея по разнымъ вопросамъ. Въ рѣчахъ В. И. Колосова, А. В. Владиславлева, Н. Н. Овсянникова, сказанныхъ въ засѣданіи Комиссіи 2 апрѣля 1896 г., посвященномъ памяти А. К. Жизневскаго, прекрасно очерчена личность и дѣятельность незабвеннаго А. К. Намъ, членамъ Тверского областного археологическаго съѣзда, собравшагося въ г. Твери, гдѣ все напоминаетъ о замѣчательной его дѣятельности, слѣдовало почтить память этого рѣдкаго борца за древности края и

выдающагося изслѣдователя помѣщеніемъ его портрета и біографіи въ трудахъ нашего съѣзда. За недостаткомъ времени я не имѣю возможности подробно останавливаться на всѣхъ трудахъ Комиссіи, а потому ограничиваюсь только очень краткимъ обзоромъ дѣятельности Тверской Архивной Комиссіи за 19 лѣтъ ея существованія.

Въ первомъ засѣданіи Комиссіи 22 іюня 1884 г. подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева въ квартирѣ губернатора А. Н. Сомова приняли участіе преосвященный Антонинъ (умершій епископомъ Псковскимъ), А. К. Жизневскій, директоръ гимназіи П. Ѳ. Симсонъ (авторъ нѣсколькихъ интересныхъ трудовъ по археологіи Тверского края), прот. В. Ѳ. Владиславлевъ (редакторъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, знатокъ церковной старины), В. А. Плетневъ (авторъ прекраснаго изслѣдованія о курганахъ и городищахъ Тверской губерніи, выпустившій къ нашему Съѣзду замѣчательное изслѣдованіе: «Археологическая карта Тверской губерніи», снабженное прекрасными и цѣнными примѣчаніями, объясненіями и библіографическими указаніями), В. И. Покровскій (извѣстный статистикъ) и В. И. Плетневъ. Въ члены Комиссіи былъ избранъ Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ, авторъ «Исторіи Ржевскаго и Ѳоминскаго княжества» и другихъ трудовъ по исторіи края. По словамъ нашего извѣстнаго поэта А. Н. Майкова, Н. Д. лучшій знатокъ перваго періода русской исторіи. Къ сожалѣнію, многія замѣчательныя поэтическія произведенія Н. Д. Квашнина-Самарина изъ исторіи края еще не напечатаны. Кромѣ него избраны въ члены и другія лица, и между ними первое мѣсто занималъ, конечно, прот. В. П. Успенскій (умершій 22 декабря 1894 г.), отличный знатокъ мѣстной церковной старины и авторъ многихъ изслѣдованій по исторіи края. Предсѣдателемъ Комиссіи былъ избранъ А. К. Жизневскій, а правителемъ дѣлъ В. И. Покровскій. Въ 1885 г. въ составъ Комиссіи вошелъ И. А. Ивановъ, нынѣшній энергичный ея Предсѣдатель, который нѣсколько лѣтъ былъ Правителемъ Дѣлъ, а въ концѣ 1886 г. В. И. Колосовъ, авторъ «Исторіи Тверской Духовной Семинаріи» и др. многочисленныхъ трудовъ по исторіи Тверского края. Въ 1896 году В. И. Колосовъ былъ избранъ Товарищемъ Предсѣдателя и состоитъ и хранителемъ Тверского Музея. Мы не будемъ по недостатку мѣста называть членовъ Комиссіи, такъ много потрудившихся надъ изученіемъ губерніи во всѣхъ отношеніяхъ. Лучше всего можно судить о ихъ блестящей дѣятельности по многочисленнымъ трудамъ ихъ, изданнымъ

[1]) Предложеніе принято единогласно и при дружныхъ рукоплесканіяхъ собранія.

Комиссіею. По словамъ нашихъ профессоровъ и знатоковъ русской исторіи, труды Тверской Ученой Архивной Комиссіи по своей научной обработкѣ и по важности ихъ не только для мѣстной старины, но и для всей Русской Исторіи занимаютъ почетное мѣсто, и безъ нихъ не можетъ обойтись никто, кто научно занимается прошлымъ нашей родины. Масса драгоцѣнныхъ матеріаловъ разсѣяно въ журналахъ 90 засѣданій Комиссіи и многое напечатано въ мѣстныхъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Изъ доложеннаго Вамъ списка трудовъ Комиссіи Вы, милостивые государи и милостивыя государыни, видите, какъ замѣчательна и плодотворна была дѣятельность Комиссіи за 19 лѣтъ ея существованія. Эта дѣятельность не ограничивалась научными изслѣдованіями и розысками въ архивахъ, Комиссія сохранила массу драгоцѣнныхъ памятниковъ старины отъ уничтоженія, она содѣйствовала образованію замѣчательнаго Тверского Музея и она разобрала нѣсколько сотенъ тысячъ дѣлъ и изъ нихъ десятки тысячъ дѣлъ сохранила въ своемъ историческомъ архивѣ. Въ 1902 году она пересмотрѣла 11782 дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ, предположенныхъ къ уничтоженію. Къ съѣзду Комиссія издала нѣсколько весьма важныхъ Трудовъ, о которыхъ уже Вамъ сообщено въ рѣчи уважаемаго Предсѣдателя Комиссіи И. А. Иванова въ день открытія съѣзда. Честь и слава неутомимымъ членамъ Комиссіи, такъ энергично и блестяще работающимъ надъ разработкою мѣстной старины, и вѣчная память почившимъ дѣятелямъ Комиссіи.

Въ 1898 г. въ г. Твери возникло новое ученое учрежденіе: Общество любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Въ первомъ публичномъ засѣданіи этого Общества 31 марта 1898 г. Предсѣдатель его В. И. Колосовъ сказалъ рѣчь, въ которой выяснилъ задачи Общества. Къ съѣзду вышелъ первый томъ сборника этого Общества и главными сотрудниками въ немъ являются члены Архивной Комиссіи И. А. Ивановъ, В. И. Колосовъ, І. К. Линдеманъ, И. А. Виноградовъ, Ѳ. А. Колодѣй, Е. В. Крыловъ и др. Не изъ членовъ Комиссіи въ сборникѣ помѣстили статьи В. Н. Линдъ, Н. Трубниковъ, Зенгбушъ, Е. Н. Бастамова, и др. Нѣсколько интересныхъ статей принадлежатъ уважаемому Предсѣдателю В. И. Колосову. Очень интересны приведенныя въ сборникѣ извлеченія изъ сказаній иностранцевъ о гор. Твери и Тверскомъ краѣ за время съ 1456—1725 гг. Затѣмъ изложено содержаніе сочиненій о Тверскомъ краѣ В. С. Борзаковскаго, Н. Д. Квашнина-Самарина, Красницкаго, о. В. П. Успенскаго и др.

Сборникъ составленъ очень интересно и изданъ онъ подъ редакціею В. И. Колосова и при дѣятельномъ участіи І. К. Линдемана.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о дѣятельности состоящаго подъ предсѣдательствомъ глубокочтимаго Архипастыря Димитрія Церковнаго Историко-Статистическаго Епархіальнаго Комитета. Онъ открылся годъ тому назадъ, но уже въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ помѣщено его членами нѣсколько интересныхъ трудовъ по мѣстной церковной старинѣ. Комитетъ собралъ интересную коллекцію церковныхъ древностей. Къ съѣзду Предсѣдатель Комитета Высокопреосвященнѣйшій Димитрій издалъ описаніе собора, монастырей и церквей гор. Торжка. Изъ краткаго обозрѣнія трудовъ по изученію Тверскаго края видно, какъ много сдѣлано Архивной Комиссіей и Учеными Обществами. Еще много предстоитъ работы, но можно твердо быть увѣреннымъ, что дѣло изученія старины въ Тверскомъ краѣ, такъ блестяще начатое, будетъ продолжаться съ такимъ-же выдающимся успѣхомъ. Можно пожелать, чтобы всегда были такіе прекрасные работники и замѣчательные дѣятели, которыми такъ богата Тверская земля.

А. Ѳ. Селивановъ.

Къ вопросу о составленіи архивныхъ описей.

М.м. Г.г.! Настоящее сообщеніе касается посильныхъ работъ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Прежде чѣмъ ознакомить васъ съ настоящимъ положеніемъ описанія архивныхъ матеріаловъ въ Костромской губерніи и правилами, коими наша Архивная Комиссія руководится, мы просимъ позволенія выслушать краткую исторію выработки правилъ и пріемовъ Костромской Архивной Комиссіи какъ по пріобрѣтенію въ свой историческій архивъ рукописныхъ матеріаловъ, такъ и по разбору и описанію поступающихъ къ ней памятниковъ.

Костромская Архивная Комиссія въ первые года своего существованія, за неимѣніемъ ни собственнаго помѣщенія, ни денежныхъ средствъ, не могла принимать въ свой историческій архивъ какихъ-либо дѣлъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, а лишь нѣкоторые члены ея просматривали описи старыхъ дѣлъ Костромскихъ—губернскаго правленія, уголовной и гражданской палатъ и заслуживающія интереса дѣла отмѣчали для описанія. При просмотрѣ описей и дѣлъ губернскаго правленія и бывшей уголовной палаты, между прочими дѣлами, подробно разобраны и описаны были дѣла, послужившія темами для драмъ: Писемскому—«Горькая судьбина» и Островскому—«Гроза». Описаніе всѣхъ заслуживающихъ интереса дѣлъ помѣщено въ сборникѣ «Костромская старина».

Съ 1891 года, съ избраніемъ Предсѣдателемъ Комиссіи статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова, съ предоставленіемъ Костромскимъ дворянствомъ дароваго помѣщенія въ домѣ дворянства для Архивной Комиссіи и ассигнованіемъ губернскимъ земствомъ 500 руб. ежегодно и 300 руб. Министерствомъ Юстиціи (потомъ земствомъ увеличено до 1000 р.), Архивная Коммиссія получила возможность расширить свою свою дѣятельность не только по просмотру и пріемкѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ архивовъ правительственныхъ мѣстъ, но и по пріобрѣтенію документовъ изъ старинныхъ частныхъ семейныхъ архивовъ и описанію ихъ.

Получивъ средства, Архивная Комиссія командировала въ сосредоточенный архивъ Костромского окружнаго суда для просмотра описей дѣлъ бывшихъ уголовной и гражданской палатъ лицо съ юриди-

ческимъ образованіемъ, которое, просматривая описи сосредоточеннаго архива, составило для Архивной Комиссіи выборку дѣлъ, кои могутъ быть переданы въ архивъ Комиссіи или временно взяты для описанія.

Поступающія дѣла изъ сенатскаго архива и другихъ присутственныхъ мѣстъ Архивная Комиссія принимаетъ и записываетъ въ свою инвентарную опись, обозначая количество дѣлъ или вязокъ и откуда они поступили; описанія же имъ не дѣлаетъ, за неимѣніемъ времени и средствъ, отдавъ предпочтеніе разсмотрѣнію и описанію болѣе старинныхъ документовъ, переданныхъ въ Комиссію какъ изъ частныхъ семейныхъ архивовъ, такъ и изъ нѣкоторыхъ монастырей Костромской губерніи.

При составленіи подробныхъ описей документовъ извѣстнаго архива Костромская Архивная Комиссія руководствуется слѣдующей программой. Болѣе древнимъ документамъ и въ чемъ-либо отступающимъ отъ общаго типа дѣлаетъ дословную транскрипцію съ удержаніемъ орѳографіи, послѣдующимъ же документамъ дѣлаетъ лишь описаніе. Въ описаніи означается: № документа по порядку, когда написанъ актъ, т. е. годъ отъ Р. Хр. и отъ сотвор. міра, точное его оглавленіе, придерживаясь терминовъ, употребляемыхъ въ документѣ; за оглавленіемъ слѣдуетъ изложеніе акта съ указаніемъ лицъ и предметовъ, къ которымъ онъ относится. За изложеніемъ документа указывается внѣшній признакъ акта, какъ-то: печати, слѣды печатей, прорѣзы, проколы, гербовые знаки, явки, адресы, помѣты и т. п. Акты описываемаго архива размѣщаются въ особые соотвѣтствующіе отдѣлы, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Къ описанію прилагаются азбучные указатели лицамъ и предметамъ, упоминаемымъ въ документахъ, а также географическій указатель и частный списокъ воеводъ, дьяковъ, губныхъ старостъ и т. д.

По вышеуказанной программѣ составлены и напечатаны четыре подробныя описи документовъ четырехъ частныхъ архивовъ: Н. Н. Селифонтовымъ—Шевлягинскаго, Лосевскаго и Шишеловскаго и членомъ-дѣлопроизводителемъ Преображенскимъ—Долматовскаго (Куломзинскаго). Съ содержаніемъ этихъ описей члены съѣзда имѣютъ возможность наглядно здѣсь же ознакомиться [1]).

Такимъ порядкомъ составлена подробная опись документовъ «Аѳонасовскаго» архива [2]), состоящаго изъ свыше 1000 актовъ; но печатаніемъ этой описи Комиссія пріостановилась, за неимѣніемъ пока на то

---

[1]) Описи находились на выставкѣ Съѣзда.

[2]) Названіе архива дается по фамиліи лица или усадьбы, откуда онъ пріобрѣтенъ.

достаточныхъ средствъ, и въ виду того, что имѣющіяся свои небольшія средства должна израсходовать на напечатаніе въ нынѣшнемъ году 5-го выпуска сборника «Костромская старина» (напечатанъ).

Составленіе подробныхъ описей съ классификаціей документовъ на отдѣлы, со строгимъ хронологическимъ порядкомъ и азбучнымъ указателемъ признано Комиссіею возможнымъ лишь тогда, когда дѣло имѣется съ монастырскимъ или частнымъ семейнымъ архивомъ отъ 200 до 1000 документовъ; составленіе же подобной описи архива, заключающаго въ себѣ около 10000 актовъ, обнимающаго періодъ времени болѣе, чѣмъ 300 лѣтъ и притомъ бывшаго правительственнаго учрежденія, какъ напримѣръ, Великосольская посадская изба и ратуша, признано Комиссіею невозможнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, подробное описаніе архива въ 5—10 тысячъ документовъ потребуетъ не малаго капитала и труда, чѣмъ Комиссія не располагаетъ, а, между тѣмъ, лица, которыя могли бы почерпать нужныя для своихъ ученыхъ трудовъ данныя, будутъ этого лишены; во вторыхъ, не мало у насъ примѣровъ тому, что научныя работы, растягивающіяся на много лѣтъ, съ перемѣною работниковъ или руководителей работами, совершенно останавливаются и даже, какъ бы сказать, забрасываются. Въ виду этого Комиссія признала полезнымъ такому архиву составить предварительно нѣсколько хронологическихъ описей безъ подраздѣленія документовъ на отдѣлы. Когда же весь архивъ такимъ образомъ будетъ исчерпанъ чрезъ напечатаніе 15 или 20 частныхъ хронологическихъ описей, тогда уже изъ всѣхъ этихъ описей легче составить одну сводную систематическую опись, съ подраздѣленіемъ актовъ, по ихъ содержанію, на отдѣлы, соблюдая въ каждомъ отдѣлѣ хронологическій порядокъ, съ пріобщеніемъ къ описи азбучнаго указателя собственныхъ именъ географическаго и предметнаго.

Порядокъ, который заведенъ Комиссіею для составленія описей, хотя и не вполнѣ совершенный, но вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ денежнымъ средствамъ и рабочимъ силамъ, коими она располагаетъ. Описанія рукописныхъ сборниковъ духовно-нравственнаго или свѣтскаго содержанія, а также монастырскихъ синодиковъ составляются Комиссіею по образцу такихъ же описаній, издаваемыхъ Императорскою Публичною Библіотекою и другими учеными учрежденіями. Такія описанія печатаются въ сборникахъ «Костромская Старина» въ особомъ отдѣлѣ.

Указанными выше способами Коммиссія составила 6 подробныхъ описей 6-ти собраніямъ документовъ частныхъ архивовъ изъ 4000

актовъ и одну хронологическую предварительную 1000 актамъ изъ огромнаго архива бывшей Великосольской посадской избы и ратуши, а между тѣмъ ей еще предстоитъ просмотрѣть и описать до 40 тысячъ рукописей, начиная съ XVII вѣка, и нѣсколько тысячъ дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій въ ея историческій архивъ. Когда Комиссія справится съ этою работою? Это задача будущаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія ежегодно обременена отвѣтственною и неблагодарною работою—просмотромъ описей дѣлъ, предназначаемыхъ къ уничтоженію присутственными мѣстами разныхъ вѣдомствъ, какъ-то: Министерства Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Государственнаго Контроля. Работу эту она считаетъ отвѣтственною въ виду того, что въ дѣлѣ уничтоженія дѣлъ и нарядовъ даетъ рѣшающій голосъ, судя лишь по описямъ, не имѣя возможности, за тѣснотою помѣщенія, требовать къ себѣ для просмотра самыя дѣла; неблагодарною во 1-хъ, потому, что въ тысячѣ, а иногда въ десяткѣ тысячъ дѣлъ рѣдко встрѣчается бытовой историческій матеріалъ и то лишь въ уголовныхъ процессахъ и слѣдственныхъ производствахъ окружнаго суда и прокурорскаго надзора, прочія же дѣла заключаютъ преимущественно простую формальную переписку, и во 2-хъ, потому, что Комиссія никакихъ денежныхъ субсидій отъ правительства на это дѣло не получаетъ, кромѣ 300 руб. отъ М-ва Юстиціи, и то не каждый годъ. Если бы Комиссія имѣла достаточныя средства и удобное для архива помѣщеніе, тогда она могла бы командировать кого-либо изъ своихъ членовъ для просмотра и описанія не только архивовъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, но и архивовъ волостныхъ правленій и переданныхъ въ нѣкоторыя изъ нихъ архивныхъ документовъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ вотчинныхъ конторъ и тѣмъ могла бы получить богатый матеріалъ для изученія.

Въ заключеніе Костромская Архивная Комиссія не можетъ не высказать своего мнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока Архивнымъ Комисіямъ не будутъ даны отъ правительства постоянныя денежныя средства для существованія и удобныя помѣщенія для ихъ историческихъ архивовъ, онѣ не могутъ съ точностію исполнять возложенныхъ на нихъ обязанностей.

І. Д. Преображенскій.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ОТДѢЛУ

Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

А.

Академія наукъ 2, 5, 7, 8, 32.
Александръ II имп. 33.
Антонинъ архіеп. 36.
Апостоловъ А. П. 33.
Архангельская губ. 11.
Археографическая комиссія 24.
Археологическая комиссія 7.
Археологическій институтъ Петерб. 2, 4, 5, 7, 8, 9, 14, 19.
Археологическій съѣздъ VII 6.
Археологическій съѣздъ XI 13.
Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ 14.
Архивъ виленскаго окр. суда 17.
Архивъ нижегородской Ивановской башни 17, 18.
Архивъ костромск. окр. суда 39.
Архивъ псковской каз. палаты 16.
Архивъ рязанской каз. палаты 10.
Астраханская губ. 11.
Аѳонасовскій архивъ 40.

Б.

Бакунинъ А. А. 34.
Бакунинъ Н. А. 33.
Бакунинъ П. А. 34.
Балашевъ генер. губернаторъ 10.
Бастамова Е. Н. 37.
Бернъ кантонъ 7.
Бессарабская губ. 11.
Богдановъ 30.
Борзаковскій В. С. 31, 37.
Буймистровъ 20.
Буслаевъ 27, 30.
Бѣжецкій у. 31.

В.

Варшава г. 18.
Варшавское воеводство 18.
Великосольская посадская изба 41, 42.
Веселовскій Н. И. проф. 21.
Весьегонскій у. 32.
Виленская губ. 17.
Виленская публич. библіотека 24.
Виноградовъ И. А. 37.
Витебская губ. 16.
Владиславлевъ А. В. 35.
Владиславлевъ В. Ѳ. 33, 36.
Воронежская архивн. комис. 14, 20.
Востоковъ 24, 27.
Врасскій А. Б. 33.
Вяземскій П. П. кн. 25.
Вятская губ. 11.

Г.

Головачевъ А. А. 33, 34.
Голомбіевскій А. В. 21.
Горскій 24, 27.

Д.

Давидъ царь 25, 26.
Дашковъ 10.
Джаншіевъ Г. А. 33.

Дивовъ 10.
Димитрій архіепископъ 38.
Долматовскій (Куломзин.) архивъ 40.
Дубасовъ И. И. 21.

Е.

Европеусъ 31, 33.
Екатеринославская архивная комиссія 11,
Екатеринославская губ. 11.

Ж.

Жизневскій А. К. 33, 34, 35, 36.

З.

Заволжскій В. Я. 31.
Зенгбушъ 37.
Зотовъ 10.

И.

Ивановъ И. А. 20, 35, 36, 37.
Ильинъ генералъ 20.

І.

Іоаннъ Грозный 16.
Іоаннъ Златоустъ 25.

К.

Казанская губ. 11.
Калачевъ Н. В. 5, 6, 8, 19, 20, 34.
Кармановъ Д. И. 31.
Квашнинъ-Самаринъ Н. Д. 36, 37.
Квашнинъ-Самаринъ С. Д. 33.
Кирилло-Бѣлозерская библіот. 23.
Кіевъ г. 13.
Колодѣй Ѳ. А. 37.
Колосовъ В. И. 12, 31, 33, 35, 36, 37, 38.
Константинъ вел. кн. 8.
Корсаковъ П. А. 33.
Костромская архивная комиссія 11, 20, 39, 40, 41, 42.
Красницкій 37.
Крыловъ Е. В. 37.
Кузминъ-Караваевъ В. Д. 34.
Курская губ. 11.

Л.

Ладыженскій И. Н. 34.
Ливны г. 21.
Линдеманъ І. К. 37, 38.
Линдъ В. Н. 33, 37.
Лифляндская губ. 11.
Лосевскій архивъ 40.

М.

Майковъ А. Н. 36
Макарьевскій у. 18.
Максимовичъ П. П. 33.
Малченко В. С. 8.
Маринъ 10.
Маркевичъ А. И. проф. 21.
Марковъ Евгеній 20, 21.
Милорадовичъ Г. А. 20.
Милюковъ П. Н. проф. 21.
Минская губ. 17.
Могилевская губ. 16.
Москва г. 31, 35.
Московская губ. 11.
Московская духовн. академія 23.
Московская епарх. библіотека 23.
Московская синодальная библіотека 23, 24.
Московскій архивъ М. Ю. 13, 18, 19, 21.

Н.

Невоструевъ 24, 27.
Невѣдомскій К. Н. 34.
Нижегородская архивная комиссія 11, 18.

Н.-Новгородъ г. 17, 18.
Новгородъ г. 18.

О.

Овсянниковъ Н. Н. 35.
Оглоблинъ Н. Н. 21.
Олонецкая губ. 11.
Оренбургская архивная комиссія 11, 17.
Орловская архивная комиссія 11, 14, 20, 21.
Островскій 39.

П.

Павловъ Н. М. 33.
Пензенская губ. 11.
Перетцъ В. Н. 30.
Пермская архивная комиссія 11.
Петербургская дух. академія 23.
Петербургъ г. 32, 35.
Петровъ Н. И. проф. 24.
Петрункевичъ М. И. 33.
Писемскій 39.
Плетневъ В. А. 28, 33, 36.
Плетневъ В. И. 36.
Повало-Швейковскій Т. Н. 34.
Погодинъ 23.
Покровскій В. И. 31, 32, 33, 34, 36.
Поливановъ В. Н. 20.
Полоцкій С. 26.
Полтавская губ. 11.
Поповъ Н. А. 21.
Поповъ 28.
Преображенскій В. 31.
Преображенскій І. Д. 40, 42.
Псковская губ. 11.
Публичная библіотека С.-Пб. 7, 23, 24, 30, 41.
Пясецкій 21.

Р.

Радишинъ 25.
Ржевскій у. 32.
Ржевское княжество 36.
Рикманъ 10.
Рихтеръ Д. И. 32.
Родичевъ Ф. И. 34.
Романовъ Н. Н. 31.
Ромшинъ 25.
Россія 8, 9, 13, 19.
Румянцевскій музей 23.
Русь 30.
Рязанская архивная комиссія 10, 19, 20.

С.

Савеловъ Л. М. 22.
Самоквасовъ Д. Я. проф. 5, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22.
Саратовская архивн. комиссія 11.
Селивановъ А. В. 21.
Селивановъ А. Ѳ. 33, 38.
Селифонтовъ Н. Н. 20, 39.
Семеновскій у. 18.
Сенатскій архивъ 40.
Симбирская архивн. комиссія 11, 20.
Симони П. К. 29.
Симсонъ П. Ѳ. 36.
Синодальная библіотека 23.
Синодальный архивъ 23.
Смоленскій архивъ М. В. Д. 15.
Сомовъ А. Н. Тверск. губер. 36.
Софійская Новгород. библіотека 23.
Срезневскій 27.
Ставропольская губ. 11.
Сумароковъ 25.
Сыръ-Дарьинская область 11.

Т.

Таврическая архивная комиссія 11, 20, 31.

Тамбовская архивная комиссія 11.
Тверская архивная комиссія 11, 20, 33, 34, 35, 36, 37.
Тверская губ. 31, 32, 33, 36.
Тверское княжество 31.
Тверское общество любителей исторіи, археологіи и естествознанія 37.
Тверской археол. обл. съѣздъ 35.
Тверской край 32, 36, 37.
Тверской музей 25, 35, 36, 37.
Тверской Церк. Археологическій Комитетъ 38.
Тверь г. 33, 34, 35, 37.
Тобольская губ. 11.
Троицкій-Рязанскій монастырь 19.
Трубниковъ 20.
Трубниковъ Н. 37.
Тургайская область 11.

У.

Уварова П. С. гр. 15.
Унковскій А. М. 33.
Уральская область 11.
Успенскій В. П. прот. 36, 37.
Уфимская губ. 11.

Х.

Харьковъ г. 14.
Холмогоровъ В. И. 21.

Ч.

Чаплинъ Н. А. 34.
Чередѣевъ 33.
Черниговская архив. комиссія 20.
Черниговская губ. 11.

Ш.

Шевлягинскій архивъ 40.
Шишеловскій архивъ 40.

Щ.

Щукинъ П. И. 24.

Э.

Эстляндская губ. 11.

Ю.

Юдинъ П. 18.
Юрасовскій 11.
Юрловъ А. С. 33.

Я.

Ярославская архивн. комиссія 11.

Ѳ.

Ѳоминское княжество 36.

Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкой.